
1150 лет
российской
государственности

В. Л. Васильев

Славянские
топонимические
древности
Новгородской
земли

Рукописные памятники Древней Руси
Москва
2012

УДК 94/47
ББК 63.3(2)4
В 19

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
в рамках целевого конкурса «1150 лет российской государственности», проект № 12-34-08002

Васильев В. Л.

В 19 Славянские топонимические древности Новгородской земли. — М.:
Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 816 с. — (1150 лет рос-
сийской государственности).

ISBN 978-5-9551-0607-6

В книге подробно исследованы географические названия, оставленные насе-
лением центральных районов средневековой Новгородской земли в период с
первых веков славянского освоения окрестностей Ильменя до утраты Великим
Новгородом политической независимости. Преимущественное внимание уделе-
но слою новгородских топонимических древностей славянского происхождения,
появившихся главным образом до XVI века на основе собственных наименова-
ний людей и общеязыковой нарицательной лексики. Топонимы рассмотрены в
историко-лингвистическом плане, преимущественно со стороны происхожде-
ния, эволюции и словообразовательной типологии. Анализ новгородских гео-
графических названий дан на широком сравнительном фоне межславянских па-
раллелей и соответствий, обнаруженных в разных регионах исторической и со-
временной Славии.

Книга адресована не только специалистам-филологам, но и историкам, ар-
хеологам, географам, краеведам и всем тем, кто интересуется древней историей
Российского государства.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использована
картина А. Васнецова «Торг в Древнем Новгороде», 1912*

ISBN 978-5-9551-0607-6

© В. Л. Васильев, 2012
© Рукописные памятники Древней Руси, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	11
Введение	14
Культурно-историческая и диалектологическая характеристика региона	14
Характеристика источников и материала исследования	22
Краткий обзор топонимической историографии региона	26
Приемы оформления и принятая терминология	31
Глава 1. Проблематика изучения славянской топонимической архаики	34
Ранняя славянская топонимия как предмет стратиграфического и этимологического анализа	34
Атрибуция славянской топонимической архаики с учетом культурно-исторической специфики региона	44
Приемы выявления и анализа славянской топонимической архаики Новгородской земли	58
Глава 2. Йотово-посессивная топонимия на базе личных имен	72
Общая характеристика йотово-посессивной модели	72
Топонимия от имен-композигов	78
Вводные замечания	78
Композиты на <i>-слав/-слов-</i>	80
Композиты на <i>-мир/-мер-</i>	89
Композиты на <i>-буж-</i>	95
Композиты на <i>-неж/-ниж-</i>	98
Композиты на <i>-веж/-виж-</i>	102
Композиты на <i>-деж/-теж-</i>	105
Композиты на <i>-чаж/-чиж-</i>	105
Композиты на <i>-люб-</i>	106
Композиты на <i>-вич/-виц-</i>	106
Композиты на <i>-мыш/-мысел-, -реж/-раж-, -жир-, -волож-</i>	107
Композиты с экспрессивно окрашенными компонентами	109

Топонимия от префиксально-корневых имен	114
Вводные замечания	114
Названия с префиксом <i>Не-</i>	115
Названия с префиксом <i>На-</i>	119
Названия с префиксом <i>Пере-</i>	121
Названия с префиксами <i>Без-, Роз-, С-</i>	122
Названия с префиксами <i>По-, При-, Про-, За-, У-, О-</i>	124
Топонимия от древнеславянских гипокористик и деапеллятивных имен	127
Вводные замечания	127
Названия с основой на <i>-н'</i>	128
Названия с основой на <i>-л'</i>	140
Названия с основой на <i>-ч-</i>	142
Названия от деапеллятивных имен-прозвищ <i>Льгость, Бързъ, Мънюхъ</i>	145
Топонимия от христианских личных имен	148
Вводные замечания	148
Анализ отдельных названий	149
Глава 3. Этимологическая и этноисторическая разработка топонимии с элементами <i>-гощ/-гост-</i>	156
Вводные замечания	156
Названия от засвидетельствованных имен	158
Названия от надежно реконструируемых имен	172
Неоднозначно трактуемые названия	181
Новгородский ареал « <i>гостевой</i> » топонимии в связи со спецификой исходных личных имен	188
Глава 4. Деантропонимная топонимия на <i>-ичи/-ицы, -ица, -ец</i>	201
Общая характеристика топонимов на <i>-ичи/-ицы</i>	201
Названия с основами композитных и префиксально-корневых имен	208
Названия с основами древнеславянских имен-гипокористик	214
Названия от древнеславянских деапеллятивных имен	230
Названия от христианских личных имен	237
Деантропонимная топонимия на <i>-ица, -ец</i>	239
Глава 5. Архаическая топонимия с <i>-ов/-ев-, -ин-</i> суффиксацией	244
Общая характеристика модели	244
Названия от композитов и префиксально-корневых имен	247

Названия от гипокористик и суффиксально-корневых имен	253
Названия от деапеллятивных имен	282
Названия от неславянских полных имен	303
 ГЛАВА 6. ТОПОНИМИЯ, РАВНАЯ ЛИЧНЫМ ИМЕНАМ	 310
 ГЛАВА 7. ОЧЕРКИ ДЕАПЕЛЛЯТИВНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ (АНАЛИЗ ТОПООСНОВ)	 327
<i>Бебр-, Бебер-</i>	327
<i>Болог-, Благ-, Сболог-, Бологин-, Весниболог-</i> и др.	330
<i>Боротн-, Бортн-</i>	336
<i>Велеш-, Перын-, Перун-, Волос-</i>	337
<i>Воряж-, Верег-, Вѣрег-, Варяж-, Варег-</i>	343
<i>Вет-, Вит-, Витеб-, Вен-, Вин-, Виглин-</i> и др.	347
<i>Вѣскобол-, Вышебол-, Радобол-, Негобол-, Радбил-, Люболяд-</i>	357
<i>Водос-</i>	359
<i>Волм-, Вереб-</i>	362
<i>Волын-, Вольш-, Волун-</i>	365
<i>Врев-, Врѣв-, Верев-, Урев-</i>	372
<i>Вяжищ-, Вежищ-, Вяж-, Веж-, Белавеж-, Нововеж-</i>	379
<i>Дедн-, Дѣдн-, Дидн-, Дедел-, Отн-</i> и др.	385
<i>Дн-, Дон-, Донц-, Донец-</i>	387
<i>Дрегл-, Дрыхл-, Дряж-, Дрыг-</i>	390
<i>Дретен-, Дрит-, Дрет-, Дертин-</i> и др.	391
<i>Еглин-, Егл-, Иглин-, Игл-, Елгин-</i> и др.	393
<i>Здриног-, Воздрин-</i>	397
<i>Зерем-</i>	399
<i>Кад-, Кадв-, Кадн-, Кан-, Каден-</i>	403
<i>Кам-, Кан-, Камык-, Камыш-, Камен-</i> и др.	405
<i>Клецин-, Клицин-, Лецев-</i>	409
<i>Колм-, Колом-, Коломн-, Коломен-, Коломищ-</i> и др.	413
<i>Конотоп-</i>	422
<i>Кострон-</i>	423
<i>Круп-</i>	425
<i>Лемён-, Ильмен-, Ильмов-, Илем-, Лимен-</i> и др.	427

<i>Лопан-</i>	430
<i>Лук-, Лукат-, Лукав-</i>	431
<i>Льз-, Ольз-, Льзен-, Лезн-, Лъзен-, Нелъзен-</i> и др.	435
<i>Лющик-, Лютчик-, Залюшич-, Залющик-</i> и др.	442
<i>Меглин-, Мегл-, Могл-, Негл-, Недл-, Медл-</i> и др.	444
<i>Накол-, Вокл-, Пирекл-</i>	452
<i>Осн-, Осон-, Зас-, Ос-, Вос-, Сн-, Осој-, Присај-, Соин-</i> и др.	453
<i>Панерет-, Нер-, Неред-, Пащик-, Падол-, Поник-</i> и др.	457
<i>Перегин-</i>	461
<i>Перетн-, Пертеши-, Перет-, Баен-, Клетн-</i> и др.	462
<i>Перетерг-, Перетер-, Бокотерж-, Торган-, Перерев-, Рв-</i>	465
<i>Песн-, Пес-, Писен-, Писков-, Песчив-, Песчин-</i> и др.	468
<i>Плюс-, Плес-, Плос-, Плис-</i> и др.	473
<i>Похон-, Прохон-, Прихон-, Охон-, Хон-, Захон-</i> и др.	477
<i>Прост-</i>	485
<i>Прус-, Прусын-</i>	487
<i>Пишаг-, Пишен-, Мишен-, Вишен-, Пшев-, Пхов-, Вшер-, Вишел-</i> и др.	489
<i>Рагл-, Радл-, Рахл-</i>	495
<i>Сеглин-, Сегл-, Седлин-, Селин-, Согл-</i> и др.	497
<i>Ужин-, Ужен-, Уж-, Уз-, Узмен-</i> и др.	499
<i>Хуб-, Хиб-, Пахуб-</i>	504
<i>Хутын-, Хутон-, Хутан-, Футин-</i>	506
<i>Чавн-, Чаун-</i>	510
<i>Щир-, Шир-, Щер-, Ущир-, Щерч-, Цур-, Шур-, Чур-, Щур-</i> и др.	512
<i>Ясен-, Ясн-, Есен-, Яск-, Яс-, Скрав-</i> и др.	519
ГЛАВА 8. ДЕАПЕЛЛЯТИВНЫЕ ТОПОНИМЫ-АРХАИЗМЫ В РАМКАХ РЕДКИХ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ	523
Модели на <i>-ом(-о, -а), -омля/-емля</i>	523
Модели на <i>-ья, -ея, -ия</i>	538
Модели с суффиксальным элементом <i>-ж-</i>	555
Названия на <i>-ай, -уй</i>	563
Названия на <i>-ова, -ева</i>	572
Названия на <i>-ичи/-ицы</i> от катойконимов	581
Названия на <i>-ичи/-ицы</i> от обозначений социальных категорий	598

Названия на -'ане	602
Архаическая ойконимия с префиксом <i>no-/na-</i>	608
Сращения с местоименными компонентами	613
Глава 9. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ в новгородской топонимии	
Вводные замечания	615
Вероятные древнеславянские кальки с балтийского	617
«Русская» топонимия в Приильменье	623
«Демянская» топонимия	632
«Соминье» названия вод и селений	648
Глава 10. ИТОГИ ЛИГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ	
Ономастические обобщения	656
Этноисторические заключения	670
Источники и литература	684
Принятые сокращения	721
Карты	727
Топонимический индекс	745

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя собственное (предмет ономастики) — визитная карточка, с нее приличествует начинать знакомство, в данном случае — со страной, ее регионами, городами, селениями и, главное, с населяющими и населявшими ее людьми.

О. Н. Трубачев

Топонимика возникла как историческая дисциплина, в которой проблематика историко-лингвистического истолкования географических имен изначально занимала главенствующее место. Вопрос о происхождении в той или иной степени сохраняет свою остроту и актуальность при любых аспектах и методах научного обращения к топонимическому материалу. Постоянный интерес к происхождению названий вполне понятен. При квалифицированной интерпретации они представляют собой ценный источник для познания лингвистической и этнической истории, приоткрывающий завесу над путями сложения местных говоров и процессами заселения отдельных территорий. Топонимы обычно устойчивы во времени, четко локализованы в пространстве, содержат черты, поддающиеся хронологизации и этноязыковой идентификации. Говоря образно, топонимы «консервируют» прошлое языка, а язык, как известно, важнейший признак этноса, наиболее значимый в дописьменные эпохи. Широкое историко-лингвистическое изучение топонимов открывает много новых возможностей для воссоздания мозаичной картины отдаленных эпох.

До настоящего времени древняя славянская топонимия, прикрепленная к области средневековых пятин Великого Новгорода, разрабатывалась в целом недостаточно и разрозненно. По разным причинам на топонимический источник обращалось немного внимания, несмотря на то, что географические имена способны по крайней мере существенно дополнить накопленные знания об особенностях языка средневековой Новгородской республики, равно как о путях и процессах славянского заселения данной культурно-исторической территории. Предлагаемая книга претендует на то, чтобы отчасти восполнить этот пробел. Главной задачей настоящего исследования является разработка принципов выявления и описания топонимической архаики и на этой основе комплексный историко-лингвистический (словообразовательный, этимологический, ареальный, стратиграфический) анализ

славянской архаической топонимии Новгородской земли на широком лингвогеографическом фоне, с привлечением межславянских аналогов и соответствий.

Читатель найдет в книге большое количество этимологических решений для древних «непрозрачных» географических названий, появившихся на новгородской территории до XVI века. Большинство из них никогда не рассматривалось в предшествующей литературе. Кроме того, благодаря привлечению новооткрытых фактов были уточнены и дополнены некоторые существующие топонимические трактовки. Топонимический анализ выявил разнообразие древненовгородских антропонимов и апеллятивных лексем, среди которых немало и таких, которые не попали в письменность, но оказались донесенными структурой названий. В сумме это позволило сформулировать множество закономерностей (фонетических, деривационных, ареальных), наблюдаемых не только в фонде региональной славянской ономастики, но и в общезыковой лексике, понять некоторые аспекты связей древнеславянской топонимии с дославянской топонимией, прежде всего с древнебалтийской, а также уточнить характер славянской колонизации Русского Северо-Запада. Наряду с этим, в книге постоянно решаются различные более частные вопросы соотнесения конкретных названий с конкретными топографическими объектами на новгородской территории. В основном эти вопросы относятся к уточнению хронологии современных селений и урочищ и к локализации средневековых населенных пунктов, что имеет значение для исторической географии и археологии Новгородской земли.

Основная методика исследования задана поиском славянских топонимических древностей, задачами их словообразовательного объяснения, этимологической расшифровки, ареального прочтения и классификации по структурно-деривационным и мотивационно-семантическим признакам. Способы топонимического анализа определяются историко-лингвистической направленностью исследования и свойствами изучаемых многочисленных фактов. Автор, однако, не намеревался осветить в полном объеме всю славянскую топонимическую архаику региона, поскольку решение столь грандиозной задачи потребовало бы десятилетий кропотливого труда и все равно осталось бы незавершенным. Можно сказать, что автор везде старался отдавать предпочтение не количественной, а качественной стороне анализа, понимая, что убедительность интерпретаций, пожалуй, самое главное в изучении столь разнообразного и неоднозначно трактуемого явления, как топонимическая архаика. Для научного анализа всегда существенны детали, безусловно повышающие его надежность. Поэтому в книге так много места отведено рассмотрению подробностей собственной истории отдельных топонимов, с их датировкой и локализацией по средневековым и современным данным, с оценкой фонетических, словообразовательных и народно-этимологических модификаций форм в хронологически различных материалах, с учетом вторичных переносов названий на смежные микротерритории и др. При труднообозримом массиве новгородской топонимии исследовательский приоритет отдается географическим на-

званиям, во-первых, трактуемым сравнительно надежно, во-вторых, отмеченным в ранних письменных новгородских источниках и, в-третьих, соотношенным со значимыми, функциональными объектами региона (территориальные центры, города, крупные села и водоемы).

Привлеченная к анализу архаическая славянская топонимия Новгородской земли, с целью более полной и непротиворечивой ее систематизации, подразделена на две большие категории: названия деантропонимные (отантропонимные), производные от именованій людей, и названия деапеллятивные (отапеллятивные), имеющие в этимологическом исходе апеллятивную лексику, как правило, с неличным значением. За малым исключением, разрабатываемый материал классифицируется в первую очередь по данному признаку. В главе 1 освещается проблематика стратиграфического изучения древнеславянской топонимии, обосновываются понятие славянского топонимического архаизма, критерии и приемы выделения славянской топонимической архаики в связи с языковой и культурно-исторической спецификой региона. В части, связанной с лингвистическим анализом конкретных названий, главы 2—6 посвящены деантропонимной топонимии, главы 7—9 — деапеллятивной топонимии Новгородской земли. В заключительной главе 10 подведены итоги лингвистического анализа топонимической архаики в связи с процессами раннеславянской колонизации Русского Северо-Запада.

* * *

На разных этапах создания этой книги для меня много значили бескорыстная научная помощь и моральная поддержка С. А. Мызникова, А. Е. Аникина, Ж. Ж. Варбот, А. А. Бурыкина, Е. Л. Березович, М. В. Горбаневского, В. Б. Крысько, А. А. Гиппиуса, Л. В. Куркиной, З. В. Рубцовой, В. М. Мокиенко, Ф. Б. Успенского, В. П. Шульгача, И. Ю. Анкудинова, В. Я. Конецкого, С. Торкара, З. Бабика и безвременно ушедших А. Л. Шилова и В. И. Поветкина. В судьбе книги самое деятельное участие принимала Н. Н. Вихрова: начиная от собирания материала новгородских географических названий и заканчивая составлением топонимического индекса. Благодаря всем этим людям содержание книги стало значительно лучше и ускорился ее выход в свет.

ВВЕДЕНИЕ

Уже на заре русской истории мы обязаны новгородцам тем, что мы такие, как есть, — тем, что мы русские.

Д. С. Лихачев

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА

Изучаемое в настоящем исследовании топонимическое пространство, которое в дальнейшем обычно именуется Новгородской землей, ограничено областью бывших новгородских пятин: Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской (в последней только ближайшая к Новгороду юго-западная часть, исключая территорию современной Карелии, см. карту 1). Хотя эта область не охватывала всех древних владений Великого Новгорода, а сам термин «пятина» принадлежит сравнительно поздним источникам уже московского периода, пользоваться терминологией пятинного деления очень удобно при изучении средневековой новгородской истории. Важно то, что пятинны очерчивали наиболее близкие к Новгороду районы, или, по словам К. А. Неволлина [1853: 55], «внутренние земли» Новгорода. Речь, следовательно, идет о центральной (коренной, исконной) новгородской территории, сложившейся как единое целое задолго до покорения Новгорода Москвой. По современному административно-территориальному делению исследуемый регион приблизительно охватывает всю Новгородскую обл., южную половину Ленинградской обл. (примерно до широты Санкт-Петербурга) и небольшую юго-западную часть Вологодской обл., восточные и северо-восточные районы Псковской обл., граничащие с Новгородской и Ленинградской обл., и примыкающие к Новгородской северные и особенно северо-восточные районы Тверской обл. В плане естественной гидрографии это почти вся площадь озерно-речного Ильмень-Волховского бассейна (окрестности оз. Ильмень и течения крупных рек Ловати, Шелони, Пола, Мсты, Волхова) с прилегающими сюда бассейнами Луги, Плюссы и Оредежа на северо-западе, верховьями Мологи и Сяси на востоке и северо-востоке.

Вопросы заселения, формирования границ, средневекового территориально-административного устройства и тенденций развития очерченного региона, весьма значимого в культурно-историческом отношении, уже более полутора сотен

лет интересуют историков и археологов. Среди многих исследований на эти темы имеются основательные труды К. А. Неволина [1853], С. М. Андрияшева [1914], В. Н. Бернадского [1961], А. В. Кузы [1975], Е. Н. Носова [1992], В. Л. Янина [1981; 1998], А. Н. Насонова [1951/2002], А. А. Селина [2003], А. А. Фролова и Н. В. Пиотух [ИАДП], И. И. Еремеева и О. Ф. Дзюбы [2010] и др., их дополняют монографии, освещающие социально-экономическую историю новгородского крестьянства в эпоху московских земельных описаний [Агр. ист. Сев.-Зап.; Степанова 2004], этническую историю населения Новгородской земли по данным антропологии [Санкина 2000], процессы христианизации Новгородской земли [Мусин 2002]. Первые славянские племена появились в окрестностях оз. Ильмень не позднее 3-й четверти I тыс. н. э. Об их появлении сигнализируют главным образом культура новгородских сопок — высоких крутобоких погребальных насыпей с несколько уплощенными вершинами, которая по анализу вещевого инвентаря датируется приблизительно VIII—X вв. Относительно славянской принадлежности этой культуры сомнения у археологов практически отсутствуют. Но славяне, надо полагать, проникли сюда еще ранее VIII в., поскольку культура сопок для того, чтобы оформиться в ее окончательном виде, должна была пройти определенный этап становления. Кроме того, на значительную часть региона Новгородской земли налагается ареал культуры псковско-боровичских (псковско-новгородских) длинных курганов — валообразных погребальных насыпей длиной свыше 10 м при обычной ширине 5—6 м и высоте 0,5—1,5 м, относимых к VI—IX вв. В этих курганах тоже обнаруживают славянские элементы, но наряду с прибалто-финскими и балтийскими¹. Южные и восточные рубежи Новгородской земли в общих чертах соответствуют пределам расселения летописных ильменских словен, как они устанавливаются по распространению сопок. «Сопочный ареал, — пишет Е. Н. Носов [1992: 12], — поразительно совпадает в ряде мест с позднейшими территориальными пределами Новгородской земли». Западный фланг исследуемой области новгородских пятий определяется пограничьем с исторической Псковской землей, а также границами с Пусторжевской землей, принадлежавшей издревле Новгороду, но не вошедшей после присоединения к Москве в пятинное деление. О Псковской земле нужно сказать особо. Традиционно ее считали органическим продолжением Новгородской земли, предполагая позднее выделение Пскова из владений Новгорода — в XIV—XV вв. Однако не так давно было обосновано, что уже начиная с 1137 г. Псков не обнаруживает даже малейших признаков политической зависимости от Новгорода [Янин 1992; 2004: 254—266]. Не углубляясь сейчас в существо вопроса об истоках этнодиалектного своеобразия территории Причудья и бассейна р. Великой, можно согласиться с тем, что Псковская земля стала формироваться как отдельная терри-

¹ Подробно о своеобразии и проблеме этнической атрибуции археологических культур 2-й пол. I тыс. н. э. на Русском Северо-Западе см., например, в обобщающих работах [Седов 1999: 117—128, 158—165; Конечский 1998; Носов 1988; Оч. истор. географии: 32—41, 72—73].

ториально-этнографическая единица уже во 2-й пол. I тыс. н. э. [Седов 1999: 235]. Археологические материалы показывают, что этнокультурная среда последних веков I тыс. н. э., в которой складывались Новгородская и Псковская земли, существенно различалась и была лишь отчасти сnivelирована к XI в. за счет притока населения и культурных влияний из Приильменья [Носов 1992: 27]. Исконно заложенные в бассейне р. Великой тенденции самостоятельного развития привели в конечном счете к обособлению Псковской земли уже в раннедревнерусское время. Хочется добавить, что не только археологические материалы, но и сам характер новгородского топонимического ландшафта по ряду существенных черт отличен от псковского (подр. см. в гл. 10). Более схематично обозначаются исследователями северные пределы центральных районов Новгородской земли, что, пожалуй, связано с непрерывным расширением этих пределов к северу и северо-востоку начиная с первых веков появления славянского этноса на Ильмене.

При известной схематичности границ, маркирующих порой отдаленные периферии, исследуемый регион обладает отчетливо выделяемым центром. Политической и культурной столицей региона стал Новгород, главный город ильменских словен. На заре своей истории Новгород, вероятно, возник не как центр только племенного союза ильменских словен, а как столица большой разноэтничной федерации Северо-Запада, состоящей из племен славян и аборигенных племен финно-угорского происхождения; на это, по мнению В. Л. Янина [2004: 24], намекают древние этнические наименования топографических объектов в Новгороде: *Славенский*, *Неревский* концы, *Пруская ул.*² Исследователи видят определенное типологическое сходство в местоположении северной и южной столиц древней Руси — Новгорода и Киева: оба города возникли на важнейших речных магистралях и на пересечении разных этнокультурных зон [Петрухин, Раевский 2004: 173]. Само название *Новгород*, самоочевидное с лингвистической точки зрения ('новый город'), тесно связано с проблемой возникновения города, хотя объясняют данный топоним по-разному³. Диалектно-этнографическим ядром ко-

² К сожалению, название конца *Славенский* (сюда же *Славенский холм*, *Славно*) не вполне вписывается в предложенную стройную схему, поскольку фонетически и словообразовательно плохо вяжется с этнонимом *славяне*. Во-первых, данный этноним в древнерусской письменности передается с фонемой *о* в корне (ср. летописное *словене ильменские*), тогда как наименования Славенского конца в летописи всегда находим с фонемой *а* (*Слав-*). Во-вторых, гласная в суффиксе этнонима *словене* никогда не пропадает, а в новгородском топониме наблюдается ее исчезновение (*Славен-/Славн-*). Остается допустить незакономерное переименование этнонима (сближение со *слава*, *славьныи*), но трудность в том, что топоним *Славно* рано появляется в летописи, когда память о возникновении Новгорода вроде бы должна была еще сохраняться.

³ Сегодня конкурируют две приемлемые трактовки, выдвинутые археологами. *Новгородом* первоначально называли новгородский кремль, Детинец, но что было исходным, «старым городом»? Либо крепость на левом берегу Волхова была названа *Новым городом* по отношению к более ранней крепости — Городищу у истока Волхова (см. [Носов 1990: 191—193]),

ренной Новгородской земли выступает Приильменье — территория, окружающая оз. Ильмень, включающая нижние течения Ловати, Шелони, Мсты, верховья Волхова. Существенно, что Приильменье является одновременно и географическим центром, поскольку оз. Ильмень собирает воды с большей площади изучаемого региона Новгородской земли. К Ильменю сходятся реки и широтного, и меридионального направлений, которые, как хорошо известно, являлись в древности главными нитями коммуникаций и летом, и зимой. Все крупные реки Ильмень-Волховского бассейна связаны на водораздельных участках системой волоков с реками иных бассейнов. Реки и озера служили путями славянского расселения и, что не менее важно, местами первичного славянского хозяйственного освоения, поскольку берега водоемов были наиболее удобны для пашенного земледелия [Носов 1999: 160]. Благодаря обилию рек Новгородская земля предстает информационно проницаемым пространством, что несомненно явилось естественно-географической предпосылкой к формированию этнодиалектной и политической целостности региона.

Говоря об относительной целостности центральных районов древней Новгородской земли, нельзя не отметить яркого своеобразия древненовгородского диалекта (в широком смысле), наиболее полное систематизированное описание которого сделал А. А. Зализняк [1995; 2004] преимущественно на основе анализа берестяной письменности. Берестяные грамоты открыли специфические факты живой древненовгородской речи со множеством диалектных черт, ранее не знакомых ни палеорусистике, ни славистике в целом. Предполагается даже, что если бы Новгородская земля продолжила существование как самостоятельное государство, мог бы сформироваться особый восточнославянский язык, подобно белорусскому или украинскому: «С историко-лингвистической точки зрения, в XI—XV вв. совокупность местных идиомов Новгородской земли (№ 3—5) образовывала п у ч о к д и а л е к т о в, развитие которого в самостоятельный язык было прервано с концом новгородской независимости и включением Новгородской земли в состав Московского государства (т. е. это своего рода “предъязык”, которому не суждено было развиваться дальше этой фазы)» [Зализняк 2004: 7].

Остаются весьма дискуссионными вопросы о том, какое происхождение имел древненовгородский (новгородско-псковский) диалект и о том, какими путями пришли сюда, в Ильмень-Волховский бассейн, ранние славяне. По поводу решения этих тесно взаимосвязанных вопросов традиционно конкурируют две основные точки зрения. Первая гипотеза — «западнославянская», разделяемая многими историками и языковедами начиная с 1-й пол. XIX в., — подчеркивает западнославянский генезис ранних славян-заселителей земель будущих Новгорода и Пскова и, гесп., первых диалектов Русского Севера-Запада. Этой гипотезе отдали дань раз-

либо же Детинец был *новым* в противопоставлении трем предшествующим поселкам вблизи него, имена которых отразились позднее в наименованиях Людина, Неревского и Славенского концов, см. [Янин 2004: 72].

ные поколения крупных историков, археологов, языковедов, этнографов. Так, языковед А. А. Шахматов [1899: 382] писал о том, что севернорусам, двигавшимся от Среднего Поднепровья, пришлось столкнуться в верховьях Западной Двины, Волги и Днепра с ляхскими (польскими) племенами, их оттеснить и ассимилировать, но от ляхов были унаследованы цоканье, *кл*, *гл* (< **tl*, **dl*), смешение *с* и *ш* и другие черты, отмечаемые в новгородско-псковских землях. Этнограф Д. К. Зеленин [1954] обосновывал мнение о миграции балтийских славян морским и сухопутным путем в Поволховье и Приильменье, к ильменским словенам, которые ассимилировали пришельцев, восприняв от них ряд языковых черт. Особенно часто писал о проблеме появления ранних славян на Русском Северо-Западе археолог В. В. Седов, который отождествляет северную (псковскую) ветвь летописных кривичей с создателями культуры псковских длинных курганов, а летописных словен ильменских — с носителями культуры сопок. Он отстаивает идею, что и кривичи (очень рано, еще в V в.), и словене ильменские (немного позднее) пришли в бассейны озер Чудско-Псковского и Ильмень с запада — из Польши, со среднего течения Вислы, для чего им пришлось напрямую пересечь земли балтов [Седов 1994; 1999: 117—128, 158—165]. В. Л. Янин [2004: 79] тоже полностью солидаризируется с тем, что «искать исходный пункт движения славян, получивших имена “кривичей” и “новгородских словен”, на землях будущих Пскова и Новгорода следует в областях, прилегающих с юга к Балтике».

Современный, лингвистически продвинутый вариант данной гипотезы был предложен А. А. Зализняком. Изучение лингвистических особенностей новгородских берестяных грамот привело исследователя к пониманию того, что ранние славянские говоры на Русском Северо-Западе были разными по своему происхождению. На долготе примерно от Пскова до Новгорода превалировал архаический диалект псковских, или северных, кривичей, который находился в ближайшем родстве с западнославянскими, конкретнее с севернолехитскими и лужицкими, диалектами. К востоку и северо-востоку от Новгорода распространялись говоры общевосточнославянского типа, принадлежавшие ильменским словенам. Со временем происходила консолидация этих двух идиомов уже в рамках единого древненовгородского государства; см. [НГБ 1984—1989: 232; Зализняк 1995: 3—4; 2004: 6—7].

Вторая гипотеза раннеславянского этногенеза на Русском Северо-Западе — «среднеднепровская», или «южная» — трактует первых славян в окрестностях озер Ильмень и Чудско-Псковского как пришельцев из области Киева и Среднего Поднепровья. При таком понимании подчеркивается общевосточнославянский генезис славянских заселителей Новгородской и Псковской земель, а диалекты известных по Начальной летописи племен кривичей и словен ильменских считаются восточнославянскими. Пути прихода славян на север — по Днепру и его притокам, далее на Ловать и в бассейн Великой. Приверженцев «южной» гипотезы было меньше, чем «западников», и им приходилось не раз полемически заостренно отстаивать изначальное единство восточных славян. Так, Ф. П. Филин [1972: 124],

например, пишет, что «фантастическая гипотеза о появлении славян на территории Восточной Европы из прибалтийских земель» по-прежнему продолжает соблазнять историков. Идея изначальной гетерогенности восточнославянской зоны встретила серьезную критику со стороны исследователей, отстаивающих традиционный тезис о гомогенности происхождения восточнославянских языков⁴. О. Н. Трубочев обращает внимание на то, что особо заметные «западнославянские» черты в древненовгородских говорах (неосуществление второй палатализации заднебных, неупрощение праславянских **tl*, **dl*) — это всего лишь праславянские архаизмы, пережитки, а не совместные инновации, поэтому данные явления не могут считаться показательными для констатации особенного западославянско-новгородского родства. Вместе с тем подобного рода черты свидетельствуют о периферийности говоров данного региона: по словам Трубочева, «здесь перед нами как бы периферия периферии, то есть сугубая периферия». Заселение Новгородской земли могло быть только в одном направлении — с днепровского юга на север [Трубочев 1997: 69; 2002а: 22—23; 2002б: 275—278]. Исчерпывающую диахроническую классификацию основных черт древненовгородского диалекта, главным образом фонетико-морфологических, дает В. Б. Крысько [1998: 74—93], доказывая, что древненовгородский — это наиболее периферийный, архаичный и вместе с тем инновативный восточнославянский диалект, восходящий к племенному диалекту ильменских словен, распространенный на всей территории Новгородской земли, а не только в ее западной части.

В целом эволюция мнений относительно лингвоэтногенеза на Русском Северо-Западе претерпела с сер. XIX в. определенные изменения, заключавшиеся в постепенном сдвиге акцентов в пользу второй, «южной», гипотезы. В частности, идея о первоначальной миграции в этот регион славян с берегов Балтийского моря, бывшая некогда наиболее популярной среди историков, так и не нашла достаточных лингвистических аргументов. Концепция В. В. Седова о приходе кривичей и ильменских словен из Средневисленского региона, хорошо известная благодаря авторитету крупного археолога, подвергнута критике в современной археологической литературе; см.: «Система археологической аргументации для обоснования западной гипотезы так и не была создана», при том что «южная версия за последние десятилетия значительно укрепила фактологическую базу» [Конецкий 1998: 236]. Наконец, мы наблюдаем изменение взглядов А. А. Зализняка, который в последних своих трудах избегает упоминаний об особом родстве севернокривичского с севернолехитскими и лужицкими диалектами, ограничиваясь предположением «о ранней изоляции носителей прановгородско-псковского диалекта от остального славянства» [Зализняк 2003: 221].

⁴ В статье [Крысько 1998] изложены довольно подробные сведения об участниках и перипетиях многолетней дискуссии, посвященной проблематике происхождения, межславянских связей и особенностей древних говоров Русского Северо-Запада.

На мой взгляд, анализ конкретных фонетических, грамматических и лексических изоглосс древненовгородского диалекта на широком общеславянском фоне, строгий учет соотношения в них архаизмов и инноваций не подтверждает, главным образом, преждевременного вывода об особом западнославянско-новгородском (западнославянско-севернокривичском) родстве. Забегая вперед, отмечу, что этот вывод не поддерживается также и анализом славянской топонимической архаики Новгородской земли. Более надежно пока констатировать только повышенную степень архаичности древненовгородских говоров. На этой периферии длительное время сохранялась «значительная часть праславянских архаизмов и развивались — как на их основе, так и независимо от них, порой, может быть, под влиянием контактирующих автохтонных языков — собственные инновации» [Крысько 1998: 85]. На основе статистического анализа лексических связей А. Ф. Журавлев [1994: 193] тоже пришел к сходному заключению об особой архаичности севернокривичских говоров, легших в основу древненовгородского диалекта.

Разумеется, эта отдаленная северная окраина славянского мира лучше сохранила не только общезыковые пережитки, но и пережиточные элементы отчуждаемого языкового фонда — ономастические. В частности, предпринимавшееся ранее изучение ономастики Русского Северо-Запада (преимущественно в работах Р. А. Агеевой, А. М. Микляева, А. И. Попова, Н. В. Подольской и др., подр. обзор новгородской библиографии дан ниже) уже обозначило немало славянских топонимических и антропонимических древностей, относящихся к раннеславянскому времени, таких как первичные суффикс-флективные гидронимы славянского происхождения, топонимы на *-ля/-ль*, с элементами *-гост/-гощ-*, многочисленные сложные, усеченные и простые личные имена в материале новгородских берестяных грамот и летописей, зафиксированные в древних антропонимиконах западных и южных славян и др. Польский ономаст Я. Сосновский считает, что ойконимия Новгородского уезда и для эпохи XVI в. сохраняет в некоторой степени архаический характер, выделяющий новгородскую ойконимию на фоне общерусской. Проведенные Сосновским подсчеты показали, что здесь более значительную, чем в других русских областях, роль играют т. н. первичные (по терминологии Ст. Роспонда) географические названия (*Поляна, Холм, Речка, Городок, Хоромина*), категорию которых принято считать наиболее древней. Удельный вес топонимических дериватов в ойконимии Новгородского уезда менее значителен, чем в других районах Московского государства, но набор словообразовательных формантов самый богатый. Часто встречаются древние суффиксы *-н-*, *-ыня*, **-j-*, зато поздний суффикс *-овка* проявляется реже, чем на других русских территориях [Sosnowski 2002: 195—196].

Материалы по современному диалектному членению русского языка свидетельствуют о сложном составе диалектных объединений на территории бывших новгородских пятин. Согласно сводной диалектологической карте русского языка 1965 г. (см. [Захарова, Орлова 1970]), северо-восточная часть изучаемого региона Новгородской земли занята сегодня Ладого-Тихвинской группой говоров северного

наречия, центр (Приильмень) и северо-западная часть (бассейны Луги и Плюссы) относятся к ареалу Новгородских говоров, южные пределы охвачены Псковской группой и Селигеро-Торжковскими говорами. Восточные окраины бывшей Новгородской земли преимущественно совпадают с восточным пограничьем ареала Селигеро-Торжковских и Ладого-Тихвинских говоров (если пренебречь незначительным пересечением восточных окраин Бежецкой пятины с западным пограничьем ареала межзональных Белозерско-Бежецких говоров и одной из подгрупп Владимирско-Поволжской группы). Обрисованный современный лингвогеографический ландшафт, специфика которого в конечном итоге была задана наличием двух древних центров — Новгорода и Пскова, разумеется, существенно преобразован по сравнению с древним состоянием. С исторической точки зрения граница между севернорусскими Ладого-Тихвинскими и среднерусскими Новгородскими говорами не носит принципиального характера (замечу, кстати, что в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» 1915 г. данная граница вовсе не проведена): эти соседние диалектные объединения очень близки и отражают развитие собственно древненовгородских говоров. Главные различия этих диалектных объединений определяются тем, что говоры исторического ядра региона вокруг Новгорода и Ильменя и особенно восточнее Ильменя (ближайшей метрополии) в силу различных перипетий исторической судьбы (среди которых, наверное, не последнюю роль сыграл фактор вывода новгородцев и привоза крестьян с центральных территорий Московского государства в конце XV — нач. XVI в.) к настоящему времени оказались более разрушенными, чем говоры к северо-востоку от Новгорода, продолжением которых явилась современная Ладого-Тихвинская группа, очень однородная в языковом отношении. Территорию этой диалектной группы, соответствующую преимущественно территории Обонежской и северной окраины Бежецкой пятины, в меньшей степени затронули прямые перемещения населения, что, видимо, и обеспечило более полную сохранность здесь древних новгородских черт, практически забытых в современных западных среднерусских говорах [ОСНиСГ: 283—285]. Более выраженная диалектная граница проходит к югу от Приильменя. Она отделяет современные Новгородские говоры от существенно отличной Псковской и Гдовской групп говоров (последняя, впрочем, разделяет ряд общих черт с новгородскими). Можно полагать, многие отличительные особенности Псковской группы сформировались на базе древнепсковского диалекта, соотносимого с ядром древней Псковской земли. Основные черты древнепсковского диалекта, как показывают письменные данные, встречались раньше в Приильменьи и даже восточнее Ильменя, хотя, очевидно, здесь они обнаруживаются более разреженно. В целом формирование северной и восточной границ Псковской и обособление Гдовской группы говоров авторы ОСНиСГ соотносят со сравнительно поздним периодом XV—XVIII вв. (с. 451), в связи с чем любопытно отметить, что эти границы в том виде, как они даны картой диалектного членения 1965 г., в грубом приближении соответствуют западным и юго-западным пределам изучаемой мною области новгородских пятин. Современные Селигеро-Торжковские

говоры, перекрывающие только северной частью своего ареала бывшие южные уезды Деревской и Бежецкой пятин, не выделяются пучками изоглосс как единое образование в пределах западных среднерусских говоров и не характеризуются единством языковой структуры, заключая черты сопредельных диалектных объединений [ОСНиСГ: 414].

Исследование северно-западного лингвогеографического ландшафта не только по фонетико-грамматическим, но в особенности по лексическим данным позволило выявить на территории Новгородской, Псковской и Ленинградской обл. немало новых диалектных зон и микрозон, прочертить новые линии диалектных изоглосс (подр. см. [Герд 1996; 2001а; 2001б; 2001в]). По этим данным выделяют важную для изучаемого региона границу, имеющую, как предполагается, глубокий исторический характер: граница по Волхову — Ильменю — Ловати, которая разделяет два основных массива новгородских говоров — Западноновгородскую и Восточноновгородскую диалектные зоны.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Словообразовательно-этимологический анализ топонимических древностей Новгородской земли на широком славянском фоне требует привлечения большого корпуса разнообразных источников, из которых извлекаются хронологически различные топонимические и антропонимические факты на разных славянских территориях, в первую очередь, разумеется, на новгородской. К категории главных исторических источников отнесены прежде всего «Новгородские писцовые книги» конца XV—XVI в. [НПК]. Их наивысшая источниковедческая ценность для настоящего исследования определяется тем, что они содержат массовый топонимический материал, известный на обследуемой территории новгородского пятинного деления в относительно раннюю эпоху, непосредственно сменившую период древненовгородской независимости, с которым как раз и связан генезис изучаемых архаических названий. В настоящее время материал НПК дополняется регулярно выходящими в свет изданиями под заголовком «Писцовые книги Новгородской земли» [ПКНЗ], которые включают не публиковавшиеся ранее тексты писцовых книг 1496—1500-х гг. по всем новгородским пятинам. Не менее значителен фонд личных наименований, представленный в НПК и ПКНЗ, позволяющий подробно охарактеризовать многие особенности антропонимической системы Новгородской земли конца XV—XVI в. Антропонимия из новгородской писцовой документации (в частности из НПК), помимо опубликованных указателей, систематизирована также в словарях [Вес. Он.; Туп. СДЛСИ]. Немало средневековых имен и названий, привлекаемых к исследованию, фиксируют новгородские памятники письменности древнерусского и старорусского периодов: новгородские летописи XI—XVI вв. (особенно Новгородская 1-я летопись [НПЛ]) и актовые материалы XII—XVI вв. (особенно [ГВНП]). Широко использован материал берестяных грамот из Новгорода и Старой Руссы, поскольку для решения поставленных задач повышенную

значимость имеет обилие содержащейся в берестяных документах древнеславянской антропонимии. Берестяные грамоты собраны и прокомментированы наиболее полно А. А. Зализняком в фундаментальной монографии «Древненовгородский диалект» (первое издание появилось в 1995 г., второе, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг., — в 2004 г.; это, последнее, издание широко используется и цитируется мною при изучении новгородской топонимии).

Из поздних новгородских источников наиболее важны Списки населенных мест Новгородской губ. нач. XX в. [СНМНГ], которые содержат самое полное на сегодняшний день собрание новгородской ойконимии нового времени. Во 2-й пол. XIX в. были опубликованы Списки населенных мест Российской империи [СНМРИ], топонимические материалы которых не менее широко привлекаются прежде всего для межтерриториальных (горизонтальных) сопоставлений. В свою очередь хронологическое (вертикальное) сопоставление топонимического материала СНМНГ и СНМРИ с топонимическим материалом НПК позволяет во многих случаях проследить эволюцию названий, связанных с одним и тем же топообъектом, осуществить идентификацию ряда современных населенных пунктов со средневековыми, оценить общую динамику продуктивности топонимических моделей и типов в регионе Новгородской земли. Встречаются также случаи, когда рассматриваемый топоним с архаическими чертами известен по современным данным, но не обнаруживается по НПК. Учесть огромные и разрозненные материалы СНМРИ в должном объеме, особенно для российских губерний далеко за пределами обследуемого новгородского пространства, было бы практически трудной задачей без опоры на многотомные «Russisches geographisches Namenbuch» [Vasm. RGN] и «Wörterbuch der russischen Gewässernamen» [Vasm. WRG], в которых систематизирована ойконимия и гидронимия (преимущественно из СНМРИ), связанная с территориями Европейской России, Украины и Белоруссии.

Таковы главные источники, но они далеко не исчерпывают фактографическую базу исследования. Новгородская топонимия XVI—XVIII вв. извлекается из опубликованных писцовых описаний новгородских городов, собраний старорусских актов, поздних летописей, таможенных книг, географических описаний [АИ; АИСМ; АИЮС; АСЭИ; АЮ; ГР; Доп. АИ; КБЧ; Майк. КПНВ; НЛ; НТК; и др.]. Привлечены фундаментальные историко-географические труды К. А. Неволлина [1853] по новгородским пятинам и погостам, А. М. Андрияшева [1914] по Шелонской пятине, А. А. Фролова и Н. В. Пиотух по Деревской пятине [ИАДП], А. А. Селина [2003] по Новгородскому и Ладожскому уездам Водской пятины, а также топонимическая картотека Боровичского уезда Новгородской губ., составленная К. В. Гарновским [КГарн], отдельные статьи и материалы В. Л. Янина, И. Ю. Анкудинова, С. З. Чернова, А. А. Фролова, Е. Н. Носова и других авторов, занимающихся новгородской историей. Все эти работы в совокупности дают множество локализованных названий, в основном ойконимов, отождествленных по различной документации XVI—XIX столетий. Новгородские названия селений, вод и иных объектов XIX — 1-й пол. XX в., помимо главных источников [СНМНГ; СНМРИ],

учитываются чаще по крупным статистико-географическим справочникам и описаниям, относящимся к обследуемой территории [ВСОРИ; МОЗУ; Новг. сборник; ОСПбгуб; Судох. дор.; Шан. РЛЮ; Шк. ОПскГ; и др.], и снимаются со старых карт 1-й и 2-й пол. XIX в. — десятиверстных [КШуб; КСтрельб] и трехверстных [ВТКЗверст], наиболее подробных и ценных.

Справочники административно-территориального деления областей за 1990-е — 2000-е гг. [АТДНовг; АТДЛен; АТДПск; АТДТвер] и современные крупномасштабные топографические карты (обычно в масштабе 1:100 000, 1:200 000) привлекаются, как правило, для уточнения локализации населенных пунктов и водоемов в обследуемом регионе. Современные селения сопровождаются указаниями на районы и сельские поселения (или сельские администрации, сельские округа, сельсоветы), современные водоемы даются обычно в гидрографической иерархии с привязками к бассейнам сравнительно крупных водоемов региона (к рр. Волхов, Ловать, Мста, Пола, Шелонь, Луга, Молога, Нева, Паша, Плюсса, Чагода, Сясь и к оз. Ильмень, Ладожское, Селигер). Ссылки на современные справочники и карты, за редкими исключениями, опускаются. Иногда учитываются ономастические материалы собственных полевых диалектологических записей автора (со ссылкой [ЛЗап]).

Источниками апеллятивной лексики являются диалектные, исторические и этимологические словари: [Даль ТСЖВЯ; Мурз. СНГТ; НОС; ПОС; СРГК; СРНГ; СлРЯ XI—XVII; Фасм. ЭСРЯ; ЭССЯ; Черн. ИЭССРЯ; SP; и др.]. Что касается антропонимии, то необходимость в использовании современных диалектных лексических данных появляется при анализе только тех названий, которые обусловлены обозначениями лиц и личными прозвищными именами, перенесенными из апеллятивной лексики. Исследование новгородской региональной топонимии на общеславянском фоне, предполагающее широкий учет межтерриториальных соответствий, требует обращения к ономастическому материалу разных территорий древней и современной Славии. В равной степени важно привлечение сведений как по славянской топонимии, так и по средневековой лексике и антропонимии славян. К настоящему времени создано много крупных словарей и монографий, широко охватывающих и описывающих славянскую ономастику России, Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Болгарии, Сербии, Словении, Германии и других стран.

Разумеется, факт первого, самого раннего, письменного упоминания топонима безусловно и исключительно ценен, поскольку благодаря этому факту сразу же виден масштаб исторической судьбы географического названия. Вместе с тем, вопреки распространенному мнению, не стоит безоглядно доверять средневековому документу, считая, что самые ранние топонимические варианты, содержащиеся в нем, всегда являются исходными и наиболее достоверными для этимологизации. Топонимы в письменных источниках часто подвергаются серьезным искажениям, сведения о них обычно разрозненны и отрывочны, носят случайный характер. Эти обстоятельства полезно учитывать при экскерпции топонимии из письменной документации как поздней, так и ранней. По меньшей мере необходим отсев вариантов, отражающих графико-орфографические погрешности и аномалии, которые порой переходят из

одного источника в другой и способны ввести в заблуждение любого интерпретатора. Похоже, современные составители топографических карт и списков селений и водоемов в целом все же точнее передают географические названия, чем переписчики и составители прошлых эпох. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что современная форма названия, подтверждаемая в речи местных старожилов, нередко оказывается ближе к искомому, этимологизируемому облику названия, нежели древнее написание, сохраненное средневековым источником. Вообще говоря, топоним на письме бывает искажен настолько, что поиски его первоначальной формы могут привести к ложному результату, если опираться на один только источник. Поэтому сведения о названии некоторого топообъекта по мере возможности извлекаются из разных источников, хронологически ранних, средневековых и хронологически поздних. В большинстве случаев это обязательное условие лингвистической интерпретации топонимов. Кроме того, учет средневековых и современных топонимических вариантов с их дальнейшим хронологическим отождествлением во многих случаях позволяет решить разные частные вопросы исторической топографии Новгородской земли, а именно — правильно соотнести конкретный топоним с конкретным топообъектом, уточнить хронологию возникновения современных селений и урочищ, локализовать средневековые селения и урочища.

Главный источник настоящего исследования — новгородская писцовая документация XV—XVI вв. — в подавляющем большинстве содержит ойконимы (названия населенных пунктов), которым, естественно, достается основное внимание. Однако объектом исследования является не ойконимия, а славянская топонимическая архаика в целом, извлекаемая как из ранних, так и из поздних материалов, поэтому на равных правах с ойконимами рассматриваются и все другие классы географических названий, удовлетворяющие разным критериям архаичности. Большинство ойконимов связано в плане словообразования с личными именами. Напротив, изучаемая гидронимия чаще имеет деапеллятивный характер деривации, а те водные названия, которые отсылают к личным именам, немногочисленны и нередко оказываются вторичными, перенесенными из смежной ойконимии. С точки зрения топонимической номинации представляется существенным подчеркнуть, что гидронимы чаще связаны с естественными топообъектами, а ойконимы — с искусственно созданными. Из данного факта проистекают, между прочим, некоторые важные следствия, касающиеся общих принципов естественно-географического, с одной стороны, и социально-культурного (антропологически ориентированного) отражения мира древним сознанием, с другой стороны. Вообще говоря, популярное при изучении топономастических древностей сосредоточение только на гидронимии удобно (гидронимы легко вычленимы из совокупной топонимии региона, как правило, на определенной территории количественно обозримы, многие из них весьма архаичны), но неизбежно создает качественно невосполнимую лакуну в плане содержательных приоритетов, а в собственно лингвистическом ракурсе дает мало возможностей показать регулярное взаимодействие двух основных категорий топонимов — названий вод и названий селений.

Микротопонимы — названия небольших болот, горок, полей, рощ и прочих малоизвестных объектов — не представляют для данной работы большого интереса из-за своего молодого возраста — обычно в пределах одного-двух столетий. В целом это самый массовый слой названий, недавно образованных, динамично сменяемых и, следовательно, в подавляющем большинстве «прозрачных» по смыслу и строению, к тому же собранных неравномерно и недостаточно. Микротопонимы требуют отдельных исследований со своей специфической проблематикой. Поэтому они рассматриваются очень ограниченно, только те из них, которые отмечены чертами значительной древности (нельзя забывать, что отдельные микроназвания могут сохраняться практически без изменений многими столетиями). Значительно шире, однако, может использоваться историческая микротопонимия, древность которой доказывается самим фактом ранней письменной фиксации. Так, микротопонимы, почерпнутые из новгородских писцовых книг XV—XVI вв. (названия пожен, урочищ, дорог, памятных мест и др.), разумеется, сохраняют больше архаических черт, чем современные. К сожалению, лишь единичные памятники письменности фиксируют средневековые микроназвания в достаточно полном объеме.

Краткий обзор топонимической историографии региона

Новгородская топонимия, прикрепленная к обозначенному выше пространству бывшего пятинного деления Великого Новгорода, время от времени являлась объектом интереса отечественных и зарубежных исследователей. Обычно авторы ставили и решали частные топономастические задачи, основываясь на скромной сумме географических названий, локализованных на отдельных небольших частях обширной новгородской территории и Русского Северо-Запада в целом. Из наиболее значимых работ с относительно широким охватом материала и территории стоит назвать интересную книгу исследователя севернорусской и финно-угорской топонимии А. И. Попова [1981], которая раскрывает происхождение и историю названий отдельных крупных селений и водоемов Ленинградской, Псковской и Новгородской обл. (т. н. Озерный край). Написанная просто и увлекательно, эта маленькая книга, изданная большим тиражом в серии научно-популярной литературы, стала общедоступным пособием для всех, интересующихся топонимикой (см. рецензию на нее [Матвеев 1982]), как, впрочем, и более ранняя книга указанного автора — «Географические названия» [Попов 1965], тоже основанная в значительной мере на материалах Русского Северо-Запада. Для исследовательского стиля А. И. Попова характерно привлечение значительных историко-географических сведений о названии и его объекте, широкий учет данных из исторических письменных источников; вместе с тем он порой не очень доверяет собственно лингвистической стороне изучения топонимов.

Не менее весомый вклад в топонимическое изучение Русского Северо-Запада внесла Р. А. Агеева. В 1970—1980-е годы появился ряд трудов этого автора по гидронимии частей Новгородской (преимущественно Шелонская и Деревская пя-

тины) и Псковской земель, см. [Агеева 1974; 1977; 1980а; 1980б] и др. Особенно важна обобщающая монография [Агеева 1989], в которой водные названия новгородско-псковской территории освещаются под углом заключенной в них культурно-исторической информации. Автор умело использует формально-этимологический и словообразовательный методы, учитывает выводы археологии. С ее именем связано открытие на Русском Северо-Западе широкого слоя названий древнебалтийского происхождения.

В беглом обзоре новгородской топонимической историографии нельзя оставить без упоминания содержательные статьи о северо-западных географических названиях с элементами *-гост/-гощ-* [Микляев 1984], о топонимии на *-ля/-ль* [Агеева, Микляев 1979], о топонимии прибалтийско-финского народа *водь* [Ariste 1967], о гидронимических балтизмах в новгородско-псковских землях [Топоров 1995; 1999; 2001]. Часть новгородских гидронимов, предварительно помеченных В. Н. Топоровым в статье 1995 г. как балтизмы, впрочем, лучше объясняются из финно-угорских языков, см. [Шилов 1999: 88—93]. Иногда априорно заданное стремление найти топонимические следы какого-либо дославянского народа на новгородской территории не приводило к успеху. В этой связи оставляют широкое поле для сомнений настойчивые поиски чудско-литовских элементов в новгородских пятинах [Трусман 1898], скифских следов на Северо-Западе России [Соболевский 1923], абсолютизация идей о том, что все реки и озера в Восточной Европе носят финские названия, а все селения, народы и местности поименованы по рекам [Орлов 1907]; к такому же типу предвзятых этимологических разработок следует отнести неправомерное возведение даже очевидных славянских топонимов в районе Новгорода (к примеру, *Людогоща*, *Славно*, *Перынь*) к мерянским, вепским и иным прибалтийско-финским источникам [Яйленко 1989; 1990; 1993]. Встречается и противоположная крайность, связанная с отнесением к числу генетических славизмов той топонимии, которая убедительно и традиционно трактуется как дославянская. Так, на мой взгляд, несостоятельна гипотеза Ю. В. Откупщикова [1961; 2005: 243—261], относящая название *Ильмень*, крупного озера в центре Новгородской земли, к гидронимии древнеславянского происхождения; данный лимноним (др.-рус. *Илмерь*) находит множество очевидных переключек в гидронимии Ленинградской обл., Карелии, Эстонии, Финляндии, имея прибалтийско-финские [Попов 1981: 46—48; Фасм. ЭСРЯ II: 128] или более глубокие финно-угорские (до-прибалтийско-финские) истоки [Муллонен 2000]. Вместе с тем Ю. В. Откупщиков [2006], по-видимому, справедливо «отмел» прибалтийско-финское происхождение названия р. *Ловать*, предложив балтийскую этимологию этого трудного гидронима. Использование топонимов *Межа*, *Межник* при изучении территориально-политических границ Новгородской, Псковской и Смоленско-Полоцкой земель в связи с расселением восточнославянских племен [Алексеев 1968] не кажется мне надежным прежде всего потому, что данные топонимы не относятся к типу архаических, древнеславянских: они возникали в различные эпохи, появляются в том числе и в настоящее время, а следовательно, не показательны для интерпретации

раннедревнерусских процессов. Напротив, интересна предпринятая географом В. С. Жекулиным попытка использовать топонимы в качестве свидетельств изменения природы Новгородской обл. за историческое время [Жекулин 1967], топонимический подход оказался плодотворен при изучении древних водно-волоковых путей верхней Волги [Иванов 1962]. Новгородский диалектолог В. П. Строгова рассмотрела происхождение отдельных названий Новгорода и его ближайших окрестностей [Строгова 1993а; 1993б; 1994]. В 1950—1970-е гг. появилось несколько кандидатских диссертаций, посвященных описанию исторической и современной топонимии Новгородской земли и сопредельных территорий [Лебедева 1952; Подольская 1956; Никитин 1967; Полковникова 1970], новгородской исторической антропонимии [Мирославская 1955; Сельвина 1976]. Из этих работ хочется отметить показавшееся мне наиболее интересным исследование А. В. Никитина о названиях рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской обл., дополненное несколькими крупными статьями в 1960-е гг. [Никитин 1962а; 1962б; 1966]. Лексико-семантический анализ верхневолжской топонимии, локализуемой отчасти на южных окраинах Новгородской земли, проведен в кандидатской диссертации И. Ю. Юрьевой [1991]. Новгородская ономастика, главным образом антропонимия берестяных грамот, изучалась в работах: [Чернева 1971; Подольская 1977; 1979; Роспанд 1972: 55—60; Строгова 1995; Мельникова 1999; Шилов 2002; 2005; Хелимский 2000: 344—348; Baeklund 1956]. Летописные названия некоторых древних городов Новгородской земли рассмотрены в книге В. П. Нерознака [1983]. Были созданы небольшие топонимические словари и серии заметок по отдельным названиям на территории Ленинградской обл. [Кисловской 1974], Псковской обл. [Мельников 1984], Верхнего Поореджья [Рябов 1995], бассейнов Чагоды и Мологи [Кузнецов 1999], которые носят скорее характер любительских и отчасти поверхностных опытов.

Нужно сказать, что в конце XX — нач. XXI в. изучение топонимии Новгородской земли заметно активизировалось. Большое количество славянских названий с чертами древненовгородской фонетики и морфологии, донесенных средневековыми источниками, затрагивалось при исследовании берестяных грамот и древненовгородского диалекта, см. прежде всего работы А. А. Зализняка [НГБ 1977—1983: 114, 116, 120; 1984—1989: 198—200, 203—204; 1990—1996: 106—107, 116; Зализняк 2004: 41, 45, 49, 52, 69, 77 и др.; Зализняк, Янин 2006; 2007] и В. Б. Крысько [2007: 91—92, 115—118, 122, 277—288]. В последнее десятилетие изданы научно-популярные книги об истории названия гор. Старая Русса [Агеева, Васильев, Горбаневский 2002] и о названиях улиц Старой Руссы [Горбаневский, Емельянова 2010], в данных изданиях затронуто немало и «внестарорусских» топонимов Приильменя. Было опубликовано большое количество моих статей, посвященных как славянской, так и дославянской топонимии и, шире, ономастике Новгородской земли, появилась монография о древнеславянской деантропонимной топонимии Новгородской земли [Васильев 2005а], выпущены сборники [ТиДЛНЗ; ЯиТКРСЗ], содержащие работы известных специалистов по ономастике

и диалектной лексикологии Русского Северо-Запада. Отдельные статьи этих сборников, посвященные анализу некоторых архаических славянских названий исторической Новгородской земли [Шилов 2001; 2010; Шульгач 2001б; Илиади 2010], имеют самое близкое отношение к задачам настоящего исследования.

Зарубежные исследователи останавливались обычно на некоторых новгородских названиях, преимущественно на гидронимах, не выделяя их из контекста всей восточнославянской (или славянской) топонимии, или обращались к этимологической интерпретации отдельных топонимов при характеристике Русского Северо-Запада как контактной области индоевропейского и финно-угорского населения. Наиболее существенными в этой связи представляются не потерявшие актуальности исследования М. Фасмера 1930-х — нач. 1940-х годов, который широко привлекает топонимию при разработке этноисторической проблематики севернорусских, в том числе новгородских территорий. Немецкий ученый дал, пожалуй, наиболее надежные и обоснованные для своего времени этимологии многих названий, отражающие характер древнего распространения или присутствия на Русском Севере и Северо-Западе балтов, скандинавов и различных финно-угорских народов [Vasmer 1931; 1933; 1941a; Vasm. VzHVO]. Некоторые новгородские гидронимы и ойконимы (*Волхов, Ловать, Мста, Шелонь, Луга, Оредеж, Веренда, Велегощи, Уницы* и др.) в числе прочих севернорусских этимологически затрагивались в свете русско-финских языковых отношений в трудах финских ученых Микколы [Mikkola 1938] и Я. Калимы [Kalima 1935; 1944]. Отдельные новгородские водные названия (*Волма, Пола, Полометь* и др.) учтены в работах Я. Развадовского, трактующего славянскую гидронимию на широком общеевропейском фоне [Rozwadowski 1948], К. Буги (*Верготь, Вруда, Полисть, Руна, Серемо* и др.) [Būga RR III: 508, 509, 887 и др.]. В свете проблематики «норманнского вопроса» шведским славистом Р. Экбломом рассматривалась топонимия Новгородской губ., производная от этнонимических корней *rus-* и *vareg-* [Ekblom 1915]. Для обоснования древнего скандинавского присутствия новгородские топонимические материалы привлекались немецким историком и лингвистом Г. Шраммом [Schramm 1982; Шрамм 1994], который, на мой взгляд, склонен некоторые названия типично славянского облика неоправданно выводить из северогерманских языков.

Свежих, недавно появившихся работ зарубежных авторов по новгородской топонимии немного. Отмечу несколько небольших статей шведского исследователя П. Амбросиани [2001; 2005a; 2005б; Ambrosiani 2002], в которых рассматриваются в сравнительно-деривационном аспекте, главным образом с использованием данных хранящегося в Швеции Новгородского оккупационного архива (НОА), отдельные топонимы на территории Водской (Никольский Бутковский, Дмитриевский Кипенский, Богородицкий Дягиленский пог.) и Шелонской (Чertiцкий пог.) пятин. Автор отмечает, что НОА — важный новооткрытый источник для изучения, в том числе ономастического, Новгородской земли, который содержит большое количество неопубликованных дозорных, писцовых и иных книг, созданных в период шведской оккупации Новгорода 1611—1617 гг. (хранится в Государственном

архиве Швеции, Стокгольм). В книге польского автора Яна Сосновского [Sosnowski 2002] широко привлечены новгородские данные при описании русской ойконимии XVI в. Этимологическому анализу отдельных названий деантропонимного образования, извлеченных из НПК, посвящены статьи украинских топонимистов [Єфіменко 1995; Шульгач 2000].

Из совокупности работ, так или иначе освещающих географические названия Новгородской земли, вырисовывается пестрая картина региональной топонимии, которая включает языковые напластования различных эпох и народов. В новгородском топонимическом ландшафте прослеживаются географические имена по происхождению: 1) древнефинские, оставленные по преимуществу древними прибалтийскими финнами и реже волжскими финнами; не исключено присутствие также единичных саамских и раннего слоя доприбалтийско-финских названий, имеющих обобщенные финно-угорские (уральские) языковые соответствия на весьма широких территориях; 2) древнебалтийские, как недавно выяснилось, весьма многочисленные в юго-западной половине Новгородской земли, оставленные языковыми предками литовцев, латышей, пруссов; 3) протобалтийские (или, по терминологии Х. Краэ, древнеевропейские, по О. Н. Трубочеву, древнеиндоевропейские), находящие соответствия в разных регионах Европы, но определяемые без конкретизации по отдельным индоевропейским языкам; 4) древнеславянские (позднепраславянские и древнерусские), обладающие своими специфическими чертами, но иногда с трудом дифференцируемые от древнебалтийских; 5) старорусские и русские, наиболее многочисленные, являющиеся фоновыми для региона; многие из них отражают узкорегиональные, сугубо новгородские языковые явления и местные культурные реалии. В более поздние исторические эпохи в регионе возник довольно заметный слой карельских названий, благодаря массовому переселению карел в XVII в., а в XIX в. ряд названий был оставлен переселившимися в Новгородскую губ. эстонцами и латышами.

Весьма сложен вопрос о новгородской топонимии древнескандинавского происхождения, который нуждается в специальном дополнительном изучении. Несмотря на то, что исследователи неоднократно обращались к поиску топонимических следов древнескандинавского присутствия на Русском Севере и Северо-Западе [Ловмянский 1985: 97—106; Рождественская 1994; Рыдзевская 1934; Шилов 1999б; Шрамм 1994; Ekblom 1915; Schramm 1982; Vasmer 1931; и др.], складывается впечатление, что топонимические скандинавизмы в Новгородской земле и за ее пределами, особенно те, которые могли быть оставлены самими русами-варягами, а не их славянскими соседями (применительно к этому, последнему случаю обычно подразумевается этнотопонимия с корнями *rus-* и *vareg-* типа *Русско*, *Вареги* и др.), минимальны либо до неузнаваемости искажены русским нивелирующим влиянием. Таковы, может быть, новг. геогр. *Буреги*, *Колбеги*, *Свинорд* и нек. др. Замечу, что географические названия, производные от др.-сканд. личных имен (скажем, *Иворова* ул. в средневековом Новгороде), в данном случае не показательны: в большинстве из них следует видеть собственно славянское происхождение,

учитывая, что славяне заимствовали ряд имен от скандинавов. Минимум варяжской топонимии плохо согласуется с многочисленными летописными известиями о деятельности варягов на севере Руси, которые подкреплены археологическим материалом, бесспорным варяжским языковым вкладом в древнерусский антропонимикон и даже в диалектную лексику. Скандинавские имена сохранялись не только в среде новгородского боярства, но и в новгородской глубинке вплоть до XIV в., а память о варяжских «находниках» была актуальной еще во времена составления Новг. 1-й летописи и позднее [Петрухин, Раевский 2004: 263]. Противоречивость описанной ситуации явно подразумевает роль скандинавов как значимого, но внешнего, приводящего этнокультурного элемента, связанного временным пребыванием с местными военно-торговыми центрами и не участвовавшего в сельской колонизации региона [Рыдзевская 1978: 135—136].

В целом новгородский топонимический ландшафт отражает разнообразные процессы заселения Ильмень-Волховского озерно-речного бассейна различными этносами в течение 4—5 последних тысячелетий. Наиболее значительные события в регионе начинаются с появлением славянского населения.

ПРИЕМЫ ОФОРМЛЕНИЯ И ПРИНЯТАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Анализируемые топонимы исторической Новгородской земли, сопровождаемые указаниями на тип объекта и местоположение и снабженные ссылками на источники, маркированы полужирным курсивом. При наличии «букета» названий-иррадиатов на узкой микротерритории, закрепленных путем переноса общей топонимической формы на близлежащие объекты (например, дер. *Видогощь* рядом с дер. *Жилая Видогощь* и *Базловская Видогощь* при р. *Видогощь*), полужирным курсивом выделено только одно название из ряда подобных. Диахронные и синхронные варианты одного названия, равно как все топонимические формы за пределами изучаемого региона Новгородской земли даны обычным курсивом.

С помощью определений «древнеписьменный» и «старописьменный» (применительно к источникам, фиксациям, именам, названиям) условно обозначена отнесенность средневековых письменных фактов ко времени соответственно до и после появления первых московских описаний Новгородской земли (конец XV столетия). Определения «новый», «поздний», «современный» применяются по отношению к топонимии и источникам не ранее начала XIX вв. Используемые в книге выражения «архаическая топонимия», «топонимическая архаика», «топонимические древности» употребляются как синонимы. Различия терминов «(поздне) праславянский», «древнеславянский», «древнерусский», «древненовгородский» конкретизированы в разделе 2 главы 1, там же подробно трактуется понятие топонимического архаизма (или, иначе, архаического топонима). Терминологическим выражением «парадигма географического названия» иногда обозначена совокупность всех зафиксированных вариантов одного названия, исторических и современных, фонетико-морфологических и графико-орфографических, связанных

с одним и тем же топообъектом. Словосочетания «межтерриториальные топонимические параллели», «параллельные топонимы» обозначают топонимы разных территорий, совпадающие и по основе, и по средствам деривации (*Радогоща — Радогощи — Радугошь*)⁵; «межтерриториальные топонимические эквиваленты» или «эквивалентные топонимы» подразумевают совпадение разноместных названий только по производящей основе (*Бояня — Бояница — Бояниччи — Боянец — Бояница — Боянская*); более общий термин «межтерриториальные топонимические соответствия» («топосоответствия») замещает указанные словосочетания, если нет нужды в уточнении понятий.

Основная доля исследования приходится на комментарии и более пространные этюды (очерки), раскрывающие в основном происхождение и образование новгородских названий-архаизмов. При зачастую непростою анализе топонимических древностей наиболее оправданы обстоятельные трактовки отдельно взятых топонимов и небольших топонимических групп (которые обычно объединяют тождественные названия и/или тождественные и сходные топоосновы) с достаточно полным привлечением иллюстративно-уточняющего смежного ономастического материала. Это позволяет обеспечить доказательность топонимических этимологий, обосновать отнесение рассматриваемых названий к категории архаизмов, осветить место новгородских названий в контексте топонимических и антропонимических сходжений и размежеваний на широком славянском фоне. В ходе историко-этимологического анализа топонимов отмечаются их локализация и датировка, по возможности учитываются топонимические варианты и названия-иррадиаты, идентифицируются старые и новые топонимические формы, отражаемые материалом источников, исследуются пути фонетико-грамматической и функциональной эволюции исходных форм. Комментарии и этюды, композиционно свободные, хотя и содержащие некоторые элементы формализации, сгруппированы в составе глав по типологии слов-мотиваторов (исходных антропонимов и апеллятивов) и по структурно-деривационным особенностям. Обычно они начинаются с подачи новгородских топонимов, отобранных для анализа (выделенных полужирным курсивом), как правило, отраженных в средневековой новгородской письменности, при которых указаны типы топообъектов, административно-территориальные привязки, даты, источники. Если название некоторого топографического объекта известно по различной документации, то производится идентификация его хронологически различных вариантов, обычно ретроспективно — от поздних, современных вариантов к более ранним, средневековым; в редких случаях (при значительном фонетическом преобразовании, изменении облика) идентификация начинается со средневековых топонимических форм. Рядом с первичными названиями часто даны

⁵ Принятое в данном исследовании понимание «параллельных топонимов» существенно отличается от дефиниции, изложенной в словаре ономастической терминологии Н. В. Подольской [1988: 120]: «Параллельные имена — имена, не связанные между собой, но относящиеся к одному объекту номинации».

смежные вторично обусловленные ими названия на окрестной микротерритории. Далее излагаются антропонимы и апеллятивы, мотивировавшие рассматриваемую топонимию, с приведением материалов по разным источникам и/или с уточнением отдельных моментов смыслового наполнения и образования обнаруженных слов-мотиваторов. При наличии данных излагаются межтерриториальные топонимические параллели и эквиваленты, поясняются некоторые частные особенности ареальной дистрибуции, фонетической эволюции топо- и антропонимических форм и др. Территориальная дистрибуция некоторых часто повторяющихся топонимов проиллюстрирована картами.

Ономастический материал в целом приводится в том виде, в каком он был извлечен из исторической документации или из ономастических словарей и прочих работ по ономастике. Однако в записи онимов, отраженных новгородскими писцовыми книгами и более поздними русскими источниками, приняты современные правила употребления букв «ъ» и «ь»: буква «ъ» на конце слов опускается, а «ь» используется как мягкий знак. Личные имена и апеллятивные лексемы, отраженные в географических названиях и реконструируемые на основе географических названий, записываются с передачей редуцированных гласных во всех возможных позициях. Буквы и буквосочетания маркированы кавычками и курсивом, фонемы — только курсивом. Антропонимы и апеллятивы, мотивировавшие названия, даны кириллицей. Если самостоятельные письменные фиксации слов-мотиваторов и топонимических форм оказались не известны, то при них ставится астериск (*) (кроме тех немногих случаев, когда незафиксированное личное имя с абсолютной надежностью выводится из отмеченного письменностью производного патронима или фамилии). Латинским шрифтом записываются, во-первых, примеры из славянских языков, использующих латиницу, во-вторых, ономастические и лексико-семантические факты, реконструируемые как дописьменные или (поздне)праславянские, в этом, втором случае астериск — обязательный элемент. Личные имена, апеллятивы и топонимы приводятся в кавычках, если: 1) цитируются из письменной документации в неначальной форме; 2) извлечены из неславянской письменности со значительными искажениями. Квадратные скобки, помимо ссылок на литературу и источники, изредка используются: 1) при фонетической записи слогов и лексем; 2) при записи конъектур, т. е. букв, отсутствующих в тексте источника. Знак равенства (=) часто применяется для указания на приравнивание (отождествление) названий и/или топообъектов, знак плюс (+) нередко ставится, чтобы избежать повторения одинаковых топонимических форм при перечислении материала, двоеточие (:) факультативно используется для обозначения соотносительности родственных лексем, с помощью знака слэш (/) нередко подразделяются фонетико-фонематические и графико-орфографические варианты основ и морфем, имен и названий (но иные варианты онимов обычно разделены круглыми скобками или запятыми), двойным слэшем (//) маркируется регулярная мена фонем и букв, символы (>) и (<) обозначают направление морфологической деривации, фонетического и семантического развития.

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ

Но врожденная любовь к своему народу, стремление к отечественной истории и вообще языкоисследованию побудили нас заняться многосторонним изысканием и отчетливым изложением древностей наших...

*П. Й. Шафарик. Славянские древности.
(Пер. О. М. Бодянского)*

РАННЯЯ СЛАВЯНСКАЯ ТОПОНИМИЯ КАК ПРЕДМЕТ СТРАТИГРАФИЧЕСКОГО И ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Нет особой нужды доказывать, что апелляция к древней славянской топонимии существенно расширяет наши знания о ранней языковой и этнической истории славян. Постепенное выявление и научное освоение славянских топонимических древностей на различных территориях приближает к системному изучению праславянского ономастического и диалектно-лексического фондов, углубляет знания о диалектном членении праславянского языка позднего периода, дает материал к уточнению специфики ранних языковых изменений. Учет межтерриториальных соответствий древнеславянской топонимии (архаических топоизоглосс) преимущественно ценен при изучении проблем соотношения славянской прародины и новых областей расселения славян после распада праславянского языка, при определении главных путей племенных миграций. Тщательный учет топонимических данных даже одного региона, богатого славянскими культурно-историческими и языковыми древностями, расширяет возможности славянской апеллятивной этимологии. Зачастую именно топонимия становится главным источником при этимологических разысканиях.

Справедливо указывалось, что «топонимическое этимологизирование по-прежнему остается главнейшей, хотя подчас и весьма отдаленной целью топонимического исследования» [Добродомов 1982: 93]. Однако вряд ли можно утверждать, что историко-лингвистическое рассмотрение древней топонимии, несмотря на всю привлекательность ее в качестве исторического источника, относится к числу по-

пулярных, достаточно апробированных, а главное — теоретически разработанных тем. Такое положение дел обусловлено не в последнюю очередь специфическими сложностями анализа «непрозрачных» топонимов, многие из которых извечно дискуссионны, связано с укоренившимся мнением о недостаточной показательности топонимии в плане хронологии, откуда проистекает известное недоверие к диагностическим возможностям топонимии вообще (которое, надо заметить, «подпитывается» постоянной профанацией топонимического источника в силу часто появляющихся поверхностно-дилетантских опытов истолкования географических имен). Вопросам стратиграфии и этимологии древней славянской (праславянской, древневосточнославянской и древнерусской) топонимии, обычно сопрягаемым с этноисторическими заключениями, посвящен ряд исследований, преимущественно гидронимических. Как правило, эти исследования носят региональный характер (порой узкорегionalный), хотя вместе с тем апеллируют в той или иной мере к межславянским апеллятивно-проприальным связям. К основательным и в определенной мере ориентирующим работам такого рода относятся книги В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева [1962] и О. Н. Трубачева [1968], в которых подразделены и этимологически прокомментированы этноязыковые страты гидронимии бассейнов Днепра, Днестра и Западного Буга, в том числе выделен слой раннеславянских водных названий с чертами нерегулярности структуры и изолированности связей. Безусловно, в плане методики выявления и анализа топонимических древностей славян немаловажны и многие более поздние исследования О. Н. Трубачева [1978; 1982а; 1982б; 1985; 1987; 1988; 1994; 1997; 2002б; 2004; Трубачов 1971], равно как труды С. Роспонда [1965; 1968; 1972; 1979; Rospond 1957; 1958; 1968], Р. А. Агеевой [1980б; 1989], Р. Мароевича [1997а; 1997б], В. А. Никонова [1962; 1968], Ю. П. Чумаковой [1992], Г. П. Смолицкой [1981], А. К. Матвеева [1987], О. А. Купчинского [1980; 1981], И. М. Железняк [1987], В. П. Шульгача [1998], М. Л. Худаша [1986], М. Фасмера [Vasmer 1941а], Я. Розвадовского [Rozwadowski 1948], В. Шмилауера [Šmilauer 1958; 1960], Фр. Безлая [Bezljaj 1958], Х. Поповской-Таборской [Porowska-Taborska 1989], З. Бабика [Babik 2001] и ряда других авторов.

Говоря о топонимической стратиграфии, я исхожу из тезиса, который на настоящем этапе развития науки выглядит, в сущности, уже банальным: «Структура топонимов, будь они первичными, производными или сложными, никогда не бывает случайной. Она детерминирована данными языка, диалекта и эпохи» [Rospond 1957: 57]. Стратиграфический анализ, предполагающий хронологическое разграничение топонимических фактов (моделей, стратов, отдельных топонимов либо их вариантов) не только разного возраста, но и разной языковой и территориальной принадлежности, как отмечалось, порой очень результативен, но часто трудоемок и сложен, особенно с точки зрения хронологии: хронологизирована может быть далеко не каждая топонимическая форма. Для языков, не имеющих старой письменной традиции, стратиграфический анализ еще более усложняется и во многом не может быть применен [ТМОИ: 203—204]. Порой о хронологии, даже относительной, трудно говорить не только применительно к отдельной топонимической

форме, но и на уровне отдельных топонимических моделей. Чем ближе к нашему времени, тем легче хронологизировать топонимические данные, что обусловлено в первую очередь разрастанием корпуса письменных источников, особенно тех, которые содержат значительное количество географических названий (т. н. топонимические тексты). Диагностирующую силу письменного факта в данном случае нельзя недооценивать. Чем дальше в глубь веков, тем труднее становится стратифицировать топонимические факты как хронологически, так и лингвоэтнически. Происходит сужение фактологической базы исследований, которые вынужденно ограничиваются гидронимией как самой устойчивой и консервативной сферой топонимастики. Но «праславянская гидронимия пока не поддается стратиграфическому членению», поэтому разработка стратиграфии славянской гидронимии для изысканий в области славянского этногенеза остается первостепенной задачей [Седов 2002: 31]. В существенной мере это связано с тем, что «непрозрачные» гидронимические названия, прежде всего самые древние из них, далеко не всегда удовлетворительно подразделяются даже на славянские и дославянские. Предлагается различать их по комплексу признаков. Так, Р. А. Агеева [1989: 158—163] дает следующие критерии выявления водных названий раннеславянского происхождения на Русском Северо-Западе (на части территории бывших Новгородской и Псковской земель): 1) наличие параллелей в западнославянских и южнославянских областях; 2) широкое распространение данной гидронимической основы в старых русских областях, ее высокая частотность в гидронимии и равномерная рассеянность; 3) связь данного гидронима с соответствующим названием населенного пункта, имеющим достоверную славянскую этимологию; 4) наличие в местных говорах соответствующих апеллятивов; 5) типично славянский звуковой облик, характерная славянская комбинаторика фонем; 6) характерные славянские морфологические, морфонологические и словообразовательные особенности. Подчеркну: речь в данном случае идет о регионе, освоенном славянами относительно поздно, уже в период активной славянской экспансии. Х. Поповска-Таборска приводит несколько критериев «славяности» названий более общих, безотносительно к какому-либо славянскому региону: 1) семантическая прозрачность, обусловленная наличием соответствующих славянских апеллятивов; 2) продуктивная словообразовательная мотивация; 3) очевидные параллели в других славянских областях [Popowska-Taborska 1989: 28—29]. Перечисленные критерии безусловно важны, но, вместе с тем, как констатирует и сама исследовательница [Ibid.], они относятся в принципе к позднему времени и охватывают период, не слишком отдаленный от времени выхода славян на историческую арену, — период целиком уже исторический. Иначе говоря, названные выше критерии отражают хронологическую глубину реконструкции лишь для эпохи 2-й пол. I тыс. н. э. Следовательно, факты гидронимии, основанные на этих критериях, способны немного прояснить для самой ранней этноязыковой истории славян.

Сказанное подчеркивает ограниченность применения стратиграфического метода при изучении географических названий, относимых к праславянскому языку

ранее 2-й пол. I тыс. н. э. Значительно больше шансов на успех имеет стратиграфическое изучение топонимических явлений позднепраславянского времени, равно как и периодов обособления и развития отдельных славянских языков, прежде всего благодаря появлению письменных свидетельств. Сегодня только широкое и тщательное научное осмысление значительного массива языковых фактов периода распада праславянского языка способно заложить необходимый фундамент для дальнейшего ретроспективного взгляда на начальный лингвоэтногенез славян. Однако выявление и расширение корпуса позднепраславянских (раннеславянских) топонимических древностей тоже составляет большую и сложную проблему. Для ее решения наиболее значимы конкретные лингвистические индикаторы, уточняемые общими сведениями культурно-исторического и историко-географического характера. Неоднократно констатировалось, что выработанные сравнительно-историческим языкознанием принципы и критерии отбора лексических древностей и их этимологизации являются полезными также и для решения задач топонимической стратиграфии [Казлова 1994: 34—35; Карпенко 1996: 11]. Так, при реконструкции праславянской апеллятивной лексики исследователи обращают внимание на архаические особенности структуры слов, апофонию, ударение, семантику, — но все эти факторы находят отражение и в топонимии, которую составители этимологических словарей обычно подают внутри словарных статей в общем ряду с апеллятивной лексикой. При отсутствии соответствующих апеллятивов лексические праформы реконструируются на основе одних лишь ономастических данных, которые, с учетом особенностей структуры и раннеписьменной зафиксированности, расцениваются как генетические праславянизмы (таковы, к примеру, праславянские реконструкты **bezdědъ* ‘не имеющий деда’ в [SP I: 219], **xodynĭ* в [ЭССЯ 8: 52] и др.). При наличии апеллятивов топонимы обычно трактуются как факты ономастической употребительности апеллятивных слов.

Исследователи славянской топонимии по-разному используют возможности стратиграфического анализа в зависимости от тех целей и задач, которые они перед собой ставят. Стратиграфический анализ топонимии обычно начинается с анализа структурных показателей. Топоформанты классифицируются наиболее удобно и очевидно и позволяют дифференцировать многие структурные классы названий. Так, почти у всех славян выделяются «большие типы» ойконимов на *-ичи*, *-ово/-ево*, *-’ане* или названия с суффиксами *-иц-*, *-н-*, *-ск-*, *-j-* и др., которые имеют различные ареально-хронологические характеристики. Зачастую выявление и обобщенная лингвистическая интерпретация слоя равноструктурных топонимов становится конечной целью анализа, порой проводимом в весьма широком территориальном охвате; см., например, работы [Борек 1972; 1979; Купчинский 1981; Никонов 1962; Рубцова 1980; Karaš 1955; Rospond 1969a; 1969b; 1983; Spal 1958]. Вместе с тем представляется, что обобщенный «макротипический» подход сегодня во многом исчерпал свою эффективность. Дело не только в том, что количество крупных структурно-derivационных моделей в славянской топонимии ограничено, а работ по ним появилось довольно много. Несмотря на то, что данный подход обеспечи-

ваает необходимую широту горизонта топонимического исследования, он игнорирует словообразовательно-этимологическую диагностику конкретных названий, порой очень разнородных при пристальном рассмотрении даже с точки зрения самого словообразования, задает слишком обобщенные условия топонимической стратиграфии. Поэтому совершенно оправданным является требование дальнейшей конкретизации топонимической типологии: согласно Э. Эйхлеру [1980б: 77], обращение к историческим данным показывает, что большие славянские топонимические типы (на *-ицы*, *-ов-*, *-j-* и др.) морфематически и/или семантически должны быть разделены на т. н. «малые типы». Методика «малых типов» была разработана В. Шмилауэром и опробована в этноисторическом изучении чешской ойконимии [Šmilauer 1958; 1960]. В отличие от макротипов, учитывающих только топоформанты, методика микротипов принимает в расчет наряду с топоформантами также характер топооснов (или корней), равно как комбинации этих главных компонентов структуры названий. Преимущественное внимание уделяется топоосновам: квалификации их статуса (апеллятивная, антропонимическая, этнонимическая) и способов их дотопонимической деривации (в особенности это касается суффиксов личных имен). Например, в чешской топонимии было выделено около 500 потенциальных «малых типов», из которых В. Шмилауэр отобрал 120, определяющихся наиболее отчетливо. Такие индивидуальные типы характеризуются территориально (картографируются) и в хронологической последовательности (при помощи данных истории и археологии). По словам И. Люттерера, благодаря применению изложенной стратиграфической методики В. Шмилауэр реабилитировал топонимику в плане ее хронологизационных возможностей.

При реконструкции корпуса славянских топонимических древностей (которые обычно анализируют на материале гидронимии) неизбежно встает вопрос об основных, диагностирующих признаках, позволяющих хронологически атрибутировать искомый топонимический слой. В отечественной науке общие признаки раннеславянской гидронимии впервые были схематично и кратко намечены О. Н. Трубачевым в монографии «Названия рек Правобережной Украины» (М., 1968). В частности, к раннеславянской гидронимии автор отнес образования «с приметами нерегулярности, непродуктивности структуры или без четких апеллятивных связей в известной восточнославянской лексике» [Трубачев 1968: 270—271]. Несколько позднее, в статье 1971 г., О. Н. Трубачев охарактеризовал черты ранней топонимии восточных славян, преимущественно на материале названий в бывших вятичских и радимичских землях (отчасти бассейн Оки, Подесенье). В категорию ранней восточнославянской топонимии им были отнесены названия, которые: 1) образованы от антропонимических или апеллятивных основ, неизвестных в свободном употреблении в восточнославянских языках; 2) являют собой, с точки зрения восточнославянского языкового материала, собственно топонимические образования по особым древним словообразовательным моделям; 3) находят преимущественно в западнославянских языках (польский и чешский) полные и точные соответствия с той характерной особенностью, что западнославянские параллели не ограничи-

ваются топонимией, но имеют надежные западнославянские языковые источники как в антропонимии, так и в лексике [Трубачов 1971: 16]. О. Н. Трубачев [1994: 9—10; 2004: 546] также выдвинул понятие праславянской фондовой ономастики (топонимии, гидронимии, антропонимии, этнонимии), которая рассматривается как резерв для реконструкции утерянных на апеллятивном уровне праславянских слов. Можно спорить относительно объема понятия фондовая ономастика, но речь в любом случае должна идти об архаическом, непродуктивном слое дериватов.

Ономатологи, исследующие раннеславянские названия, предпочитают ориентироваться главным образом на структурно-словообразовательные особенности, которые оцениваются как непродуктивные в современной топонимии. Так, С. Роспанд [1972: 85—86], анализируя отдельные извлеченные из летописей древнерусские топонимы, стратифицирует их по различию суффиксального оформления. Наиболее характерными и продуктивными для древней Руси (XII—XIII вв.) он считает топонимические формы на *-jъ*, *-ьskъ*, *-ьnъ*, к непродуктивным относит формы на *-iĉi*, пишет о начале экспансивности посессивов на *-ovъ*, *-evъ*, *-inъ*. Г. П. Смолицкая [1974] при картографировании раннеславянской гидронимии в бассейне Оки опирается на отдельные отмеченные О. Н. Трубачевым топонимические модели (с приставкой *су-*, с исходом на *-ля/-ль*, *-еж/-ижа*, *-гощ/-гост-*) и на т. н. «вятичские» (по Трубачеву) названия. Более полно подошла к анализу топонимии басс. Оки (конкретнее — в регионе Рязанского Поочья) Ю. П. Чумакова [1992: 52—120], выделив группу раннеславянских структурных архаизмов (названия на *-ичи*, на *-ля*, на *-ва*, *-ьинь*, с суф. *-*jъ*, со вторыми компонентами *-городъ* и *-поль* и др.) и ряд раннеславянских топооснов (*Болонье*, *Бохотка*, *Гвоздь*, *Гневна* и др.). При изучении новгородско-псковской гидронимии Р. А. Агеева [1989: 164—181] достаточно подробно останавливается на двух структурных разновидностях раннеславянской топонимии (с эпентетическим *-л-* и с элементами *-гост/-гощ-*), которые в данном регионе наиболее показательны с точки зрения массовости названий и удобства их хронологизации. И. М. Железняк, анализируя архаическую славянскую гидронимию бассейна Роси, считает приметы нерегулярности, непродуктивности структуры топонима основными, хотя обращает внимание также на семантическую архаичность гидрооснов (особенно в связи с отсутствием или ограниченностью функционирования соответствующих апеллятивов в современных славянских языках). Архаические названия, по мнению исследовательницы, не всегда выявляют четко очерченные группы, часто имеют различные лексические и семантические связи с апеллятивной лексикой, иногда эти связи вообще не выделяются или выделяются лишь по отдельным признакам, причем механизм номинации остается скрытым [Железняк 1987: 46—47, 72].

В. В. Лучик, стратифицируя древнюю славянскую гидронимию Среднего Днepro-Бужского междуречья на несколько хронологических слоев (названия протославянские, праславянские, прото- и древнеукраинские и др.), пытается использовать в качестве индикаторов архаичности не одни только структурно-словообразовательные особенности. Автор находит архаические признаки названий, относимых

к перечисленным слоям, на разных языковых уровнях: на лексико-морфологическом (например, видит в гидрониме *Умань* образование от и.-евр. **au-* ‘отдаляться; далекий и т. п.’, которое якобы «на момент номинации реки могло выступать только самостоятельной частью речи с конкретным процессуально-пространственным значением», а позднее превратилось в префикс), на лексико-семантическом (гидроним *Муха* отражает, по его мнению, архаическую семантику праслав. **mux-* ‘мох, болото’), на структурно-морфологическом (*Лининка*: **lin-* < **linoti* < **liti* ‘лечь’), на словообразовательном (геогр. *Сроса*, образованное по архаической деривационной модели), на фонетическом (*Чута*, отражающее **k* > *č*) [Лучик 1996: 174]. На мой взгляд, столь подробная детализация топонимических признаков (равно как и топонимических слоев, выделенных автором) не способствует точности и достоверности объяснения, но скорее придает объяснению излишнюю умозрительность и гипотетичность: нет никакой уверенности в том, что все выявляемые черты, даже если согласиться с их присутствием в архаической тополексе, характеризуют генезис и эволюцию названия, а не качество исходного апеллятива.

В. П. Шульгач [1998: 8—33], поставив перед собой задачу дать фрагмент реконструкции праславянского гидронимического фонда, выдвигает понятие прагидронима, под которым понимает потенциально живое слово, реконструированного «предка» существующих или исторически засвидетельствованных водных названий. К критериям выделения праславянского гидронимического страта он относит фонетическое и структурное строение архетипа, ареал его рефлексов, словообразовательную модель, наличие/отсутствие апеллятивных соответствий, генетическое (деривационное, этимологическое) гнездо. Автор призывает всемерно учитывать способы внутренней реконструкции, отмечая, что исследователи древнеславянской топонимии подчас пренебрегают богатыми ресурсами славянских языков, этимологизируя слово вне системно организованных, иерархически упорядоченных совокупностей языковых образований, «в результате чего та или иная лексическая единица (resp. оним) квалифицируется как заимствование из соответствующего неславянского источника лишь потому, что для нее не находят реальной славянской подосновы» [Там же: 29—30].

Само по себе требование полного учета внутриславянских языковых ресурсов представляется совершенно справедливым. Прежде чем трактовать название из неславянского или дославянского субстрата, следует проверить все возможности объяснения на всем языковом пространстве Славии [Eichler 1997: 64—65]. Многие украинские топонимисты стремятся следовать этому требованию в своих этимологиях. Однако абсолютизация этого принципа ведет к неоправданным попыткам объяснить всё и вся из славянского языкового материала, к пренебрежению значительным субстратным наследием в топонимии славянских территорий. В данной связи хотелось бы подробнее остановиться на возможностях выявления и этимологизации праславянской топонимии с помощью критерия генетических гнезд, применение которого, по мнению В. П. Шульгача [1998: 29], открывает дополнительные перспективы в изучении происхождения ономастической лексики. Скорее это

даже не критерий, а метод — системный анализ праславянского слова (resp. онама) в границах его генетического гнезда с учетом семантико-словообразовательных и фонетических отношений между его производными в диахронической плоскости. В этимологии общей лексики этот метод не нов (об эффективности этимологического исследования, охватывающего целые гнезда слов родственных языков, говорилось уже давно, см. хотя бы [Мельничук 1969]), новым выглядит его применение в ономастической этимологии. На первый взгляд, этот метод для ономастики и, в частности, для топонимии кажется, как будто, весьма перспективным, поскольку предполагает нахождение этимологических решений сразу для большого числа древнейших «непрозрачных» названий, обладающих в той или иной степени формальным подобием. Однако практическая реализация его в топонимической сфере требует максимальной осторожности от исследователя, которому приходится сталкиваться с трудностями более значительными, чем при анализе нарицательных слов. В отличие от нарицательной лексики, семантика которой в большинстве случаев известна, в топонимии семантика, за небольшим исключением, величина искомая [Гиндин 1969: 216]. Поэтому вынужденно приходится опираться в основном на признаки внешней формы и структуры, объединяя в одном ряду некоторые внешне похожие названия. При широком ареальном и «панхроническом» подходе в этом ряду неизбежно оказываются не только разрозненные во времени и пространстве, но и генетически совершенно разнородные омонимичные факты. Коснусь в связи с этим специфики гидронимических этимологий Р. М. Козловой, возлагающей большие надежды на метод генетических гнезд (см., например [Козлова 1991; Козлова 1994]). Предметом изучения в одной из своих статей белорусская исследовательница избрала славянскую гидронимию на базе и.-евр. **(s)kel-* ‘гнуть, сгибать, крутить, вертеть’ [Козлова 1997]. На славянской почве данный корень представлен гидронимическими (и шире — ономастическими) гнездами с *-g*-детерминативом: **Kьlg-* и **Ěьlg-*. Первая из этих основ, по мнению автора, объединяет такие гидронимы и ойконимы, как сев.-рус. *Колга, Колгостров, Калга, Калгалакша, Калгручей, Еколга, Почколга, Кижги, Колжа, Ковжа, Койвуши, Колгуев, Колжма*, отражена в олон. *кивжа* ‘веревка из липового лыка’, арх. *калги* ‘разновидность лыж’ и мн. др.; основу **Ěьlg-* автор прослеживает в сев.-рус. геогр. *Речелга, Чога, Ченгар, Чайгино* и др. Данные топонимические трактовки представляются мне глубоко ошибочными. Очевидно, что метод групповой этимологизации топонимии не выдержал конкуренции с ареальным методом: значительное большинство рассмотренных Р. М. Козловой названий и терминов прикреплены к этноисторическому ареалу финно-угорских языков. Уже одно это обстоятельство должно было бы насторожить автора и навести на законную мысль о неславянском происхождении перечисленных лексем со столь характерно выраженным неславянским обличем, а не создавать конгломерацию из весьма разнородных фактов без учета мнений авторитетных исследователей финно-угорского языкового материала.

Подобного рода синтезирующий подход реализован также в статьях, посвященных отражению в топонимии и.-евр. корня **uer-* (**ver-*), см. [Михайлова 2001]

и, с дальнейшим развитием темы, [Михайлова 2005]. Так, в статье 2001 г. автор считает продолжениями и.-евр. **uer-*, означающего ‘вращение, движение по кривой линии; плетение, витье, кручение’, корневые элементы *-вер-* (с вариантами *вир-*, *вор-*, *вар-*, *вр-*, часто с расширителями в виде согласных), которые присутствуют в структуре многих названий Новгородской земли и за ее пределами. Среди этих названий приведены, например, новг. геогр. *Веронда*, *Уверь*, *Варавинка*, *Врево*, *Оборотно*, *Оборля*, *Веряжа*, *Шкварец*, *Верготь*, *Обретенье*, *Увары*, *Севриково*, *Ковриг*, *Вирки*, *Веретье* и др., *Каврай* р. в басс. Днепра, *Ковер* р. в басс. Днестра, *Куверга* р. в Поочье, *Kovero*, *Vertala*, *Verkkojarvi* и т. п. в Финляндии и Карелии. Полагаю, что в данном перечне смешаны названия не только разного строения и этимологии (что общего, скажем, между геогр. *Увары*, ойконимом на базе христ. личн. *Увар* или фамилии *Уваров*, геогр. *Вирки*, отражающем гидротермины *вир*, *вирок* ‘водоворот’, и гидронимом *Верготь*, вероятным балтизмом), но и разной этноязыковой принадлежности, не сводимые в приемлемо отдаленной ретроспективе к общему корневому реконструкту.

Можно, поэтому, согласиться с оценкой указанной методики как в целом неперспективной, чреватой ошибками и уязвимой, см. [Ан. РЭС 1: 15]. Со своей стороны, мне хочется поддержать тот подход к стратификации и этимологизации топонимии, который учитывает, по мере возможности, детали т. н. собственной истории конкретных географических имен. В этом отношении мне очень импонирует методика топонимического анализа З. Бабика [Babik 2001], который, этимологически рассматривая во всех подробностях взятые по отдельности древнейшие топонимы Польши, предвещает их рассмотрение скрупулезным и исчерпывающим изложением письменных фиксаций данных топонимов. Это часто позволяет Бабикку справедливо критиковать этимологии предшественников, которые тоже обращались к данной топонимии, однако не вполне интересовались ее собственной письменной историей. По большому счету, каждый топоним уникален и неповторим по своему генезису и по своей дальнейшей эволюции. Действительно, географических *nomina propria* в русском языке значительно больше, чем *nomina appellativa*, и уже по этому количественному показателю топонимы, если можно так выразиться, более «индивидуализированны» и не столь регулярны по сравнению с общезыковой лексикой, выступающей источником их спорадического возникновения. Так, интерпретация древнейших субстратных финно-угорских географических названий сравнительно с анализом субстратных финно-угорских географических терминов показывает, что первые этимологизируются труднее и не столь достоверно, трактовка субстратного названия при лингвистической доминанте требует добавления фактов истории и географии, топонимические ареалы бывает труднее дифференцировать, топонимические формы могут отражать результат переосмысления, омонимического притяжения или отталкивания, топонимическая семантика требует реконструкции [Мызников 2004: 302]. Убежден в том, что достоверность топонимических трактовок обеспечивает именно конкретизация анализа, нацеленного на отдельно взятые топонимы и предусматривающего по крайней мере

учет и раскрытие ряда предварительных моментов. По возможности должны быть приняты во внимание: а) различные одновременные формальные модификации топонима, позволяющие судить о его исторической эволюции и находящие выражение в составе синхронных и диахронных топонимических вариантов; б) оценка местоположения и характер вероятной детерминированности топонима со стороны своего топообъекта-денотата или иных близлежащих топообъектов; в) характер микросистемных связей топонима со смежными или сопредельными топонимами сходного, тождественного или, напротив, антонимического облика; г) межтерриториальные топонимические параллели и эквиваленты с оценкой их плотности и территориальной дистрибуции, что позволяет охарактеризовать рассматриваемый топоним в ареальном аспекте. Как правило, пристальный взгляд на онтологию отдельно взятого географического названия сразу же обнаруживает ущербность его чисто внешней, формально-поверхностной квалификации, в угоду которой приходится пренебречь зачастую существенными для топонимической этимологии содержательными деталями и, вообще говоря, достоверностью самой этимологии, которая размывается случайными фактами, подобранными *ad hoc*. Лишь после достаточного осмысления топонима как индивидуально-исторического факта целесообразно начинать поиск общих закономерностей его возникновения, причем опять же не отдаленных и как бы абстрагированных от формы, а ближайших, исходящих от словообразования к непосредственным этимонам.

При обращении к изучению славянской топонимической архаики необходимо обозначить еще один принципиально важный момент. Полагаю, что для признания славянского географического названия действительно архаическим, следует особенно подчеркнуть весомость такого упомянутого выше индикатора архаичности, как отсутствие отчетливых апеллятивных (и добавлю — антропонимических) связей, непосредственно детерминирующих название в пределах прежде всего ближайшего круга диалектов. Чаще всего предпочитают ориентироваться на приметы нерегулярности, непродуктивности топонимических форм, но признак необходимого отсутствия параллельной апеллятивной поддержки, похоже, скорее только декларируется. Вместе с тем учет одних только архаических черт топонимической формы, определяющих ее общую отнесенность к раннему периоду, зачастую не позволяет уверенно утверждать, что эти черты принадлежат собственно названию, а не его мотиватору. Топонимическая форма могла появиться в сравнительно поздние хронологические периоды, например, в результате обыкновенной онимизации длительное время функционировавшего апеллятива с архаической, нерегулярной структурой. Возможность отграничения названия от омонимичных или паронимичных апеллятивов и антропонимов, употребительных в окружающем диалектном континууме в позднее время, уже само по себе предполагает осмысление названия как некой изолированной и, вероятно, древней структуры. Данная ситуация напоминает в некотором роде ситуацию отбора лексических праславянизмов, например в польском Праславянском словаре [SP]. Если слово принадлежит к продуктивному с точки зрения словообразования типу, то

«праславянскость» его проблематична: она может быть доказана только семантическим анализом [Sławski ZSP I: 8]. В свою очередь, если географическое название с архаическими чертами формально не изолировано от четких апеллятивных или антропонимических соответствий, сохраняющих функциональность в континууме окружающих родственных диалектов, то обоснование его древности выглядит недостаточным и нуждается в дополнительных серьезных доказательствах. Так, И. М. Железняк, провозглашая отсутствие соответствующих апеллятивов одним из основных индикаторов архаичности, по-видимому, неправомерно относит к архаической славянской гидронимии названия рек, основы которых связаны с обозначениями растений, особенно водных или влаголюбивых. Исследовательница полагает, что, учитывая лишь «глубокие номинативные традиции и славянскую лексическую основу», такие гидронимы допустимо считать старыми славянскими образованиями, хотя сразу же указывает, что практически все они не могут иметь надежных хронологических характеристик по семантике гидроосновы и, более того, все отражают живую лексическую связь с апеллятивной лексикой. Автор относит к таким старым названиям, к примеру, *Ситна* р. басс. Роси, *Хвоцово*, *Осики* — наименования оврагов и ручьев в Черкасской и Киевской обл., которые находят очевидную апеллятивную поддержку со стороны укр. *хвоц*, *хвоци* ‘*Equisetum limorum* L.’, *сита*, *ситник* ‘*Juncus* L.’, *осік* ‘лес (на горе)’ [Железняк 1987: 70—71]. Эта апеллятивная поддержка, как представляется, свидетельствует о сохраняющемся потенциале возникновения данных названий не только в ранние, но и в сравнительно поздние эпохи.

АТРИБУЦИЯ СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ С УЧЕТОМ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ РЕГИОНА

Применяемая в настоящем исследовании стратиграфическая методика главным образом нацелена на схематичную хронологическую стратификацию генетически славянской топонимии с учетом специфики отдельно взятого региона. Она связана прежде всего с дифференциацией в региональной топонимии элементов архаических и неархаических. При таком подходе следует охарактеризовать общие различия архаической и неархаической славянской топонимии, сформулировать признаки архаической топонимии и критерии ее выявления в пределах региона, определиться с ключевым вопросом хронологизации топонимических фактов применительно к региональной социолингвистической ситуации. Существенное значение приобретает разработка конкретных приемов хронологизации названий, подразделяемых на образования от антропонимов и от апеллятивов.

Массив исконной, первичной топонимии любого региона (за вычетом вторичных названий, созданных в процессе транстопонимизации [Подольская 1983: 5—6]) — это совокупность образований-субстантивов, в разное время обособившихся, вслед за обретением ономастической функции выделения отдельного топонимического объекта в ряду подобных, из нетопонимической, как правило, антропонимической

и апеллятивной, лексики и все более отчуждаемых от нее. В плане своего генезиса топонимы по отношению к породившему их языку-источнику предстают в разной степени отчужденности. Генетические связи-корреляции, находящие выражение в детерминированности топонимов со стороны лексико-словообразовательных фактов языка, непосредственные и очевидные в момент порождения (отчуждения) названий, со временем ослабевают и блекнут. Это обусловлено тем, что названия, становясь идентифицирующими знаками, остаются вне общего потока языкового развития и демонстрируют всегда былой уровень системных пересечений с языком, наиболее актуальный для момента их возникновения. Кроме того, и в собственной эволюции топонимов изначально заложена тенденция к обособлению от омонимичных фактов языка (другими словами, тенденция к усилению «утрированной знаковости», см. [Трубачев 1978: 23]). Но в целом генетические связи не стираются окончательно в языке-источнике, что проявляется в имманентной способности языка мультиплицировать (умножать) названия тождественного или максимально близкого облика. Для многих названий эти порождающие связи остаются достаточно очевидными в течение всего периода существования языка-источника, сохраняясь отчасти и при последовательной, хронологической его смене близкородственным языком-потомком в регионе. Кроме того, хорошо знакома ситуация, когда такие связи укрепляются вновь, но уже на другом лексическом материале (ремотивация названий). При решительной смене языка в регионе, прежде всего отдаленно родственным или неродственным языком, топонимы обычно становятся для нового этноса семантически непрозрачными структурами и либо замещаются топонимией языка-реципиента, либо в готовом виде заимствуются и/или адаптируются этим языком. В результате действия многовековых разнообразных лингвоэтнических процессов на синхронической оси вырисовывается пестрая картина сосуществующих топонимических фактов в регионе: субстратных, адстратных и суперстратных, первичных и вторичных, этимологически «темных» и «прозрачных», хронологически более ранних и более поздних.

На мой взгляд, исследование топонимии региона в аспекте хронологической стратиграфии предполагает введение широкого понятия лингвистической продуктивности/непродуктивности, которое характеризует, с одной стороны, динамику порождения новых слов и форм с передачей некоего старого, наследуемого качества, а с другой стороны, полное отсутствие этой динамики. Следует согласиться с тем, что «понятие продуктивности можно в принципе применять как к целому типу, так и к любой составной части словообразовательной структуры слова» [Dokulil 1962: 205]. Применительно к топонимическому материалу продуктивность может оцениваться главным образом по структурным характеристикам названий (характер топооснов, топоформантов, способы топонимообразования и др.), отражающим отнесенность названий к порождающим их языковым фактам. Говоря о продуктивности, я не ограничиваюсь сферой аффиксального оформления, а распространяю это понятие также на топоосновы, которые репрезентируют некие исходные, мотивационные модели (чеш. *postojový model*, по Р. Шрамку), требующие

наименования объектов посредством определенных лексем [Эйхлер 1980: 76—77]. Вообще говоря, любое новообразованное географическое название в начальный период своего существования является продуктивным, поскольку «возникает на пересечении нескольких топономастических рядов, которые интерпретируются как набор продуктивных (...) моделей (морфологических, словообразовательных, семантических и относящихся к модусу называния)»; этим объясняется высокая степень языковой детерминированности возникающего названия на разных уровнях [Топоров 1964: 19]. Со временем, однако, языковая детерминированность названия идет на спад. Попытки конкретизировать шкалу продуктивности для региональной топонимии (высоко-, средне-, малопродуктивная) выглядят для подавляющего большинства случаев неубедительными, достаточно субъективными, поскольку зиждутся на очень зыбких основаниях. Но при более широком, обобщенном подходе региональная топонимия вполне допускает дифференциацию на продуктивную и непродуктивную, или, иначе говоря, на названия, показывающие в рамках того или иного хронологического периода черты продуктивности или, напротив, непродуктивности (resp. утратившейся продуктивности) своей структуры.

Для обобщенной оценки продуктивности vs. непродуктивности топонимии — класса слов, обладающих устойчивой территориальной закрепленностью, показательны не только структурные характеристики названия, степень его общезыковой детерминированности (resp. отчужденности), но и характер топонимического ареала: его плотность, рассеянность, конфигурация и др. Это обусловлено тем, что продуктивность топонимии, еще сохраняющаяся или уже утратившаяся, часто находит ареальное преломление в наличии повторяющихся тождественных и максимально сходных топонимических форм на разных территориях (по принятой мною терминологии, в межтерриториальных топонимических параллелях, или топоизоглоссах). Повторяемость топонимических форм проистекает в большинстве случаев из способности языка к их спонтанному порождению в течение длительного времени.

Продуктивными будут считаться географические названия, которые сохраняют непосредственную мотивационно-деривационную связь с актуальными для современного языка (диалекта) общезыковыми и антропонимическими элементами и явлениями различных классов и уровней. Благодаря живо ощущаемой внетопонимической языковой сопричастности топонимы, отмеченные продуктивными чертами структуры, как правило, легко квалифицируются и классифицируются на уровне современного языкового сознания. Такие топонимы сохраняют потенциал параллельного и независимого возникновения на всем пространстве породившего их языка (диалекта, континуума диалектов) и, соответственно, могут регулярно репродуцироваться языком на разных сопредельных территориях. Воспроизведение одних и тех же продуктивных форм отражено в межтерриториальных топонимических параллелях, как правило, многочисленных и рассеянных относительно плотно и равномерно. Указанные качества географических названий наиболее ярко и выпукло заметны в современной микротопонимии, которая имеет наибольшую

степень семантической прозрачности среди ономастических классов, репрезентируя множество фактов как бы *in statu nascendi* [ТМОИ: 110]. Вместе с тем наблюдения показывают, что продуктивные названия весьма многочисленны и в т. н. «среднем топонимическом слое» — в ойконимии и, реже, в гидронимии.

Сказанное легко проиллюстрировать множеством примеров. Такие новгородские названия болот, возвышенностей, водоемов, урочищ и деревень, как *Бердуха*, *Болван*, *Волмяг*, *Веретье*, *Гверстянка*, *Горное Веретье*, *Долгая Грязь*, *Жальники*, *Гора*, *Горки*, *Крутыни*, *Мельничные Бугры*, *Понорка*, *Портомойня*, составляют класс продуктивных топонимических образований, поскольку сохраняют живые мотивационно-деривационные отношения с апеллятивным фондом окружающих диалектов. В новгородских говорах последних десятилетий XX в. записаны слова-мотиваторы перечисленных названий — народные ландшафтные термины *бёрдо*, *болван*, *волмяг*, *вёретье*, *грязь*, *жальник*, *гора*, *гórка*, *крутыня*, *бугór*, *понóра*, *портóмойна*, сохраняющие в большей или меньшей степени употребительность в различных взаимосвязанных значениях, кроме того, хорошо известны прилагательные *гверстяный* ‘каменистый; относящийся к гверсте — мелким камешкам, гравию’, *гórный / гóрный* ‘верхний’, *дóлгий / долгóй* ‘длинный’, *мéльничный* (весь материал дан из [Строгова 1991; НОС]). Кроме того, на новгородской территории сохраняют актуальность способы и средства деривации перечисленных названий, а именно: семантическая онимизация ландшафтных терминов, дополняемая в ряде случаев плюрализацией, закреплением дифференцирующих определений, универбацией словосочетаний при помощи функционирующих в говорах суффиксов. Многие из перечисленных топонимических форм (самостоятельно или в сопровождении дифференцирующих определений в составных наименованиях) неоднократно повторяются в пространстве новгородских говоров и за их пределами. Регулярность появления топонимов зависит (в большей или меньшей степени) от раритетности или частотности параллельно функционирующих родственных апеллятивов, но в целом уже само наличие в регионе некоторого живого топографического термина свидетельствует о потенциальной возможности его регионального топонимического преломления. Если коснуться сферы деантропонимной ойконимии, то отчетливую продуктивность структуры показывают, к примеру, такие условно взятые русские ойконимы, как *Иваново*, *Петрово*, *Сидорово*. Личные имена *Иван*, *Петр*, *Сидор* или фамилии *Иванов*, *Петров*, *Сидоров*, лежащие в основе данных названий, хорошо знакомы всем говорящим по-русски, а сами названия прикреплены к сотням селений и урочищ на всем пространстве проживания русского народа.

Мое исследование сосредоточено на архаической славянской топонимии, общим, преобладающим свойством которой является непродуктивность структуры с точки зрения изменившихся особенностей современного языка (диалекта). Речь идет о собственно топонимических образованиях («ортодоксальных» и «законченных» географических *nomina propria*), максимально обособившихся в плане своего генезиса от системно-структурных единиц и порождающих механизмов того языка

(диалекта), в котором эти топонимические образования функционируют. Вообще говоря, черты непродуктивности, нерегулярности любой топонимической формы безусловно ассоциируются с ее архаичностью, хотя, разумеется, можно спорить о хронологической подоплеке таких черт и по-разному оценивать степень архаичности. Непродуктивная топонимия представляет собой совокупность нерегулярных образований, утративших способность спонтанного возникновения на базе новых, изменившихся общеязыковых (лексико-семантических, грамматических, фонетических) и собственно ономастических, прежде всего антропонимических, ресурсов окружающего диалектного массива. Тожественные и максимально сходные топонимические формы на различных территориях, охарактеризованные признаками непродуктивности структуры, отсылают к материи древних языков-источников, предшествовавших современному языку, выступают в качестве реминисценций тех отдаленных хронологических периодов, когда данные названия еще образовывались с относительной регулярностью, умножаясь на новоосвоенных территориях расселяющегося этноса.

Таким образом, комплексный лингвистический анализ непродуктивной, архаической топонимии, помимо словообразовательно-этимологической разработки, требует максимально широкого учета повторяющихся топонимических форм. Наибольшую значимость при этом приобретают межтерриториальные топонимические параллели — цельнолексемные соответствия, отражающие тождество как топооснов, так и деривационных средств. Этиология межтерриториальных параллелей различна. Считается релевантным деление их на спонтанные и перенесенные, см. [Гідронімія України: 153]. Спонтанные параллели представлены равноструктурными топонимами, которые появились на разных территориях независимо один от другого в тождественных лингвистических, культурно-исторических и естественно-географических условиях. Именно спонтанные параллели в наиболее явном виде манифестируют утраченную (относительно архаических названий) либо еще сохраняющуюся (относительно неархаических названий) топонимическую продуктивность в разных зонах бывшей и современной Славии. Перенесенные параллели сложились путем переноса (иначе — миграций) готовых топонимических форм на новые территории. Некоторые хрестоматийные случаи топонимических миграций на отдаленные территории хорошо известны; например, названия гор. *Переяславль-Рязанский* и смежной р. *Трубеж* считаются перенесенными в Поочье из Среднего Поднепровья, где есть гор. *Переяслав-Хмельницкий*, тоже стоящий на р. *Трубеж*, такой же перенос показывают р. *Лыбедь* в Киеве и р. *Лыбедь* у Переяславля-Рязанского [Милонов 1967: 110—112]. Дифференцировать случаи переноса старых и появления новых внешне тождественных названий обычно не представляется возможным на конкретном материале, но, как справедливо подчеркивалось Ю. П. Чумаковой [1992: 7], и те и другие случаи в совокупности позволяют, с опорой на идентичность топонимов, топооснов и топонимических моделей, выделять топонимические ареалы, связывающие старые и новые области расселения.

Некоторые исследователи склонны, на мой взгляд, преувеличивать аспект миграций топонимов. Так, Е. М. Поспелов [1976: 7] пишет о том, что начальный и конечный пункты переселения «зачастую идентифицируются названиями или перенесенными в неизменном виде со старого места жительства, или производными от них. При перенесении названий переселенцы (...) стремятся и на новом месте повторить взаимное расположение названий, бывшее на родине». На самом деле, факты отдаленных топонимических переносов приемлемо доказываются в сравнительно небольшом числе случаев. Эта важная тема нуждается в дальнейшей специальной проработке, сейчас же ограничусь лишь несколькими соображениями общего характера. Есть ситуации, когда топонимические переносы закономерны или достаточно вероятны. Одна из них имеет отношение к т. н. генуинной топонимии, для которой потенциально не обязательна апеллятивная стадия (например, праслав. гидроним **Morica*) [Трубачев 1982б: 160]. Статус подобного рода лексем как изначальных *nomina propria* обосновывает распространение их по территории путем непосредственного переноса расселяющимися этносами. Сложность, однако, заключается в том, что сама «генуинность» названий нуждается в очень серьезных доказательствах. Нередки и бесспорны переносы названий крупных культурно-политических и экономических центров благодаря их высокой социальной значимости и широкой известности; перенесенные названия в таких случаях зачастую оформляются дополнительной суффиксацией или новыми лексическими основами; ср.: гор. *Псков* > рядок *Псковец* на средней Мсте конца XV в., гор. *Полтава* и гор. *Воронеж* > хут. *Полтавский* и станица *Воронежская* в Краснодарском крае, гор. *Галич* на Западной Украине > города *Галич* и *Солигалич* в Костромской обл., гор. *Руса* > рядки *Новая Руса* на рр. Мшаге и Поле в Приильменье. Такие перенесенные названия обособились не только от языковой материи породивших их диалектов, но и от топообъектов, локализуемых в ареале этих диалектов; поэтому их можно обозначить как наддиалектные, а иногда — как надязыковые или интернациональные (ср. села *Берлин*, *Париж* в Челябинской обл. [Шувалов 1989]). Но в целом тезис о массовых отдаленных миграциях названий, особенно гидронимов, недоказуем и, если его абсолютизировать, он превращается в научную фикцию. Скорее следует исходить из того, что обычно переносятся не географические названия, а типовые апеллятивы и антропонимы, лежащие в их основе, известные в значительном континууме родственных языков и диалектов, заимствуемые и неродственными языками. На базе таких перенесенных апеллятивов и антропонимов создаются различные географические *nomina propria*, тождественные или максимально сходные формально и этимологически, но каждый раз новые, первичные, уникальные, отражающие языковое своеобразие породившего их этноса и неповторимую историю собственной эволюции. Типологически эта ситуация хорошо иллюстрируется сферой современной микротопонимии, когда нет никакого смысла предполагать перенос узкофункционального микроназвания в ареале мотивировавшего его хорошо известного, расхожего апеллятива. Кроме того, существенно подчеркнуть, что само по себе противопоставление спонтанных

и перенесенных топонимических параллелей во многом теряет свою значимость именно на материале древнеславянской топонимии. Сложение сетки отдаленных межъязыковых древнеславянских топоизоглосс часто относится к достаточно ранним хронологическим периодам, в том числе к позднепраславянской эпохе, «когда исконнославянская ономастика (топонимия, особенно — антропонимия) еще не образует четкой антитезы, оппозиции, противостояния в отношении к апеллативному лексикону»; это делает понятной практику ЭССЯ — давать имя собственное (личное, местное, водное, племенное) со строчной буквы: **bělъgordъ*, **čamyslъ*, **dorgobodъ* [Трубачев 1988: 3]. Поэтому применительно к такой ситуации и вопрос о том, что переносится: уже готовый древнеславянский топоним или еще апеллатив, не ставший топонимом, — как будто отчасти обесмысливается.

Таким образом, при анализе древних славянских названий учет этиологии отдаленных межтерриториальных топонимических параллелей (спонтанные или перенесенные) не имеет принципиального характера. Более полезно обозначить иную оппозицию — оппозицию межтерриториальных (макротерриториальных) и внутритерриториальных (микротерриториальных) топонимических повторений. Последние появляются либо в силу пространственной смежности топографических объектов разных классов (стандартные варианты: водоем ↔ селение, местность ↔ селение), либо реализуются благодаря локальным перемещениям переселенцев или — иногда — целых населенных пунктов. Такие микромиграции обычно маркированы появлением близлежащих «тезоименных» и «сходноименных» селений и могут служить материалом для реконструкции локальных миграций населения, см., в частности [Поспелов 1999: 115—118]. Применительно к микротерриториальным повторениям названий целесообразнее вести речь не столько о топосоответствиях, сколько о т. н. топонимической иррадиации, которая понимается мною (видимо, несколько шире, чем в [ТМОИ: 47]) как распространение одной топонимической формы в прилегающей местности с закреплением ее за несколькими близлежащими топообъектами и/или за всей местностью. Ср., например, наличие в конце XV в. к западу от Ильменя дер. *Утрогоць* рядом с пог. *Утрогоць* у р. *Утрогоца* в местности *Вутрогоца* или появление в конце XIX в. ойконимов *Нащинский* пос., *Нащи 1-е* и *Нащи 2-е* ж.-д. ст. поблизости от древнего, исконного ойконима *Нащи* дер. к западу от Новгорода. Соседящие названия, закрепленные путем иррадиации, вторичны в аспекте деривации, более поздние по хронологии и в принципе сводимы к общему источнику — первичному названию некоторого топообъекта, определить статус и конкретное местоположение которого среди однотипных названий на микротерритории удастся не всегда. На широком компаративном фоне межтерриториальных связей при анализе древнеславянской топонимии в первую очередь более важно учитывать именно первичные названия, репрезентирующие порой целый «букет» своих смежных топонимических производных.

Межтерриториальные топонимы-эквиваленты (типа *Завидово* — *Завижа* — *Завидичи*), различающиеся формантными частями, при оценке топонимической

продуктивности менее значимы, чем межтерриториальные цельнолексемные топонимы-параллели. Эквивалентные названия репрезентируют только качество исходной (мотивационной) модели, тогда как продуктивность топонимической структуры оценивается при обязательном учете и деривационной модели. Однако приведение таких названий в едином ряду топосоответствий необходимо, поскольку они уточняют ареал потенциальной продуктивности для целой группы исследуемых родственных топонимических образований на базе общего мотиватора.

При обращении к исследованию славянской топонимии с чертами непродуктивности, пережиточности структуры возникает необходимость схематично наметить приблизительную хронологию ее возникновения. С хронологической точки зрения архаическими целесообразно считать только те непродуктивные названия, которые в плане своего генезиса относятся не к современному, существующему, а к исчезнувшему, существовавшему языку-источнику. На восточнославянской территории верхнюю хронологическую границу порождения славянской архаической топонимии следует приурочить к концу существования древнерусского языка, за распадом которого началось становление и развитие современных русского, украинского и белорусского языков. Согласно традиционной схеме восточнославянской этноязыковой периодизации, закатом древнерусского периода обычно считают XIV в., что же касается XV в., то его рассматривают в рамках уже старорусского (великорусского) периода как начальный этап формирования русской народности [Азарх 1984: 5; Филин 1972: 3; Хабургаев 1980: 13—18; ЛЭС: 429]. Считается, что параллельно со сложением русской народности, продолжавшемся в XIV—XV вв. в результате консолидации части восточных славян вокруг Москвы как центра нового государства, формируется русский язык путем объединения вступающих во взаимодействие позднедревнерусских говоров. Вряд ли оправданно вести речь о древнерусском языке как о раннем этапе русского языка, древнерусский скорее трактуется как предшествующее состояние не одного, а трех восточнославянских языков. Само этноязыковое содержание термина «русский» в разные периоды истории восточных славян было различным. Можно поэтому согласиться с Г. А. Хабургаевым [1980: 15] в том, что «русский» до XIV в. и «русский» после XIV в. — это наименование разных народов (и языков), связанных между собой исторической преемственностью, но ни в коем случае не представляющих один народ или язык на разных этапах развития»¹.

¹ Известно, что понятие «русский» применительно к народу или языку часто распространяют на эпохи, значительно предшествующие XIV столетию. Так, вузовские пособия и учебные программы прослеживают развитие русского языка примерно с VI в. — со времени распада праславянского языка. В данном случае, впрочем, наблюдается привычное смещение близких понятий: речь, конечно, должна идти не об истории русского языка, а о его предыстории.

Вместе с тем рассмотрение древностей языка в границах отдельно взятого региона требует обязательного учета региональной социолингвистической ситуации. На мой взгляд, применительно к региону Новгородской земли завершение древнерусского периода и, следовательно, обобщенную верхнюю границу появления новгородской архаической топонимии наиболее целесообразно относить к последней четверти XV в. Это оправдано в первую очередь комплексом важных исторических событий, отчетливо разделивших две принципиально разные эпохи на исходе XV в. Культурная история Новгородской земли в указанное время меняется радикальным образом. Новгород утрачивает политическую самостоятельность, а его земли включаются в состав Московской Руси. Прав Л. Н. Гумилев [1992: 168], который пишет о том, что с падением Новгорода в 1478 г. «закончилась история последнего этнического осколка Древней Руси, включенного в состав нового этноса». По отношению к языковым реалиям Новгородской земли, периферийной и сравнительно поздно подключенной к центральным областям сложения великорусского языка, предпочтительнее, на мой взгляд, говорить о XV в., во всяком случае о первой его половине, как о еще позднерусском этапе развития. Подобным образом квалифицируется XV в. и в связи с хронологизацией новгородских берестяных грамот, см. [Зализняк 2004: 227—228]. Принятие последней четверти XV в. за верхний хронологический рубеж появления новгородской славянской топонимии, которую я считаю архаической, удобно и по собственно источниковедческим соображениям: именно в конце XV в. создаются писцовые книги, которые являются самым ценным, полновесным источником средневековой ойконимии области пятинного деления Великого Новгорода. Новгородские берестяные грамоты, освещающие качественно иную, древнерусскую эпоху новгородской независимости, напротив, исчерпываются приблизительно этим же временем.

Нижнюю хронологическую границу появления славянских топонимических древностей на территории Новгородской земли целесообразно отнести ко времени начального освоения славянами Ильмень-Волховского озерно-речного бассейна. В том, что касается атрибуции возраста славянской языковой архаики вообще (и вслед за этим разработки важной проблематики, связанной как с датированием типов языковых древностей, так и с глубиной их реконструкции), данный регион, как представляется, имеет несомненные преимущества перед более южными и западными областями, например перед Средним Поднепровьем, поскольку окрестности оз. Ильмень и течения впадающих в него рек практически единодушно исключаются исследователями из вероятных областей прародины славян. Соответственно, и наиболее сложные вопросы раннего (до сер. I тыс. н. э.) славянского лингво- и этногенеза не имеют прямого отношения к изучаемому региону. Разумеется, «жесткой» нижней датировки славянских языковых древностей здесь тоже не существует, но вряд ли я особенно погрешу против истины, принимая VII—VIII вв. н. э. за время относительно устойчивого расселения славян и закрепления славянской речи в центральных районах Новгородской земли (опираясь в первую очередь на известные археологические выводы о сложении культур псковско-боровичских

длинных курганов и новгородских сопок)². В сущности, эта же эпоха — приблизительно VII—VIII вв. н. э. — считается наиболее целесообразной нижней границей реконструкции праславянской лексики вообще, принятой такими фундаментальными этимологическими словарями, как ЭССЯ и SP (см. [Перспектив ЭССЯ: 13; SP I: 6]) и разделяемой составителями Общеславянского лингвистического атласа (см.: «Атлас (...) исходит из принятого в науке представления о позднепраславянском состоянии» [ОЛА 1988: 6]).

В пределах обозначенного периода, довольно значительного — от первых веков славянского освоения Северо-Запада до последней четверти XV в., состояние диалектной восточнославянской речи, разумеется, менялось. Столь большой хронологический промежуток трудно принять за бытие одного языка. В зависимости от тех или иных целей и аспектов изучения языковой истории, выделяют стадию обособления и распространения восточнославянских диалектов, ранне- и позднерусские этапы. Вместе с тем полезно учитывать известный тезис о значительной близости славянских языков, которая в ранние эпохи была еще более выразительной, чем сейчас. Различия между молодыми славянскими языками конца I — нач. II тыс. н. э. по сути дела не выходят по своему масштабу за рамки междиалектных различий внутри любого современного языка. Столь высокая мера общеславянского в отдельных славянских языках позволила А. А. Зализняку [2004: 7] обозначить древненовгородский диалект, хотя бы на ранних стадиях его письменной фиксации, просто как диалект позднего праславянского языка, входящий в группу восточнославянских диалектов. Восхождение по оси времени, разумеется, дает все больше оснований рассуждать о древненовгородском как диалекте древнерусского языка, однако с точки зрения внутренней логики языкового развития речь идет лишь о постепенном замещении одного качества другим и четких разделительных линий просматривается немного.

По крайней мере, в том, что касается архаической славянской топонимии Новгородской земли, ее изучение пока не дает достаточно надежных внутриязыковых оснований для хронологического подразделения в ее составе элементов позднепраславянских, более ранних, и древнерусских, более поздних. Достаточно условно под позднепраславянской (праслав.) топонимией я понимаю географические названия, формирование которых предполагается в основном эпохой распада праславянского единства и обособления славянских языковых групп во 2-й пол. I тыс. н. э. Позднепраславянские названия Новгородской земли — это главным образом «наддиалектные» названия, сложившиеся в первые столетия славянского освоения Ильмень-Волховского бассейна. Для их атрибуции наиболее показателен ареальный аспект. Так, с учетом ареального распределения позднепраславянской может считаться прежде всего та архаическая славянская топонимия (равно как и антро-

² Обстоятельный обзор отечественной исторической и археологической литературы, рассматривающей вопросы славянской колонизации Русского Северо-Запада, дан в статье [Колесников 1998].

понимия и апеллятивная лексика) Новгородской земли, которая имеет отдаленные межъязыковые линии связей, уходящие за пределы восточнославянской языковой области. Прочие архаические новгородские названия, особенно те из них, которые находят межтерриториальные топосоответствия только на территории восточных славян, предпочтительнее квалифицировать в качестве древнерусских или восточнославянских, т. е. более поздних, появившихся не ранее IX в., когда складывается восточнославянское государство Киевская Русь. Несколько забегая вперед, отмечу, что исследуемая в монографии новгородская славянская топонимия, охарактеризованная пережиточными чертами, в значительной массе случаев показывает как раз далекие межтерриториальные соответствия: часто на Западе Славии, реже по всей Славии или на территории сразу трех восточнославянских языков. Вместе с тем по ходу топонимического исследования, учитывая трудности хронологического разграничения позднепраславянского и древнерусского, целесообразно использование во многих случаях более общего термина «древнеславянский» (др.-слав.). Данный термин, понимаемый в широком хронологическом значении, я прилагаю к славянскому материалу названий, личных имен и апеллятивов, который прослеживается или восстанавливается по разным славянским языкам от дописьменного состояния приблизительно до конца XV в. Термин «древнеславянский» целесообразно применять и к самому времени бытия славян до конца XV в. При этом, наряду с территориально-хронологическими пометами «др.-рус.», «др.-польск.», «др.-чеш.», «др.-болг.» и т. п., считаю вполне оправданным применение пометы «др.-новг.» («древненовгородский»), указывающей на языковые факты в пределах Новгородской земли до присоединения к Москве.

Конкретизация хронологических рамок топонимического исследования применительно к региону Новгородской земли, прежде всего верхней хронологической границы, позволяет уточнить базовое операциональное понятие славянского архаического топонима, или, иначе, славянского топонимического архаизма, используемое мною в дальнейшем анализе. Под славянским топонимическим архаизмом Новгородской земли понимается тополексема, отмеченная разноуровневыми (мотивационными, деривационными, фонетическими) признаками непродуктивности, пережиточности структуры, исчерпавшая к концу древненовгородского периода (к исходу XV в.) потенциал спонтанного возникновения (мультиплицирования) в диалектном континууме данной обследуемой территории. Выступая реликтами древнеславянского (resp. позднепраславянского и древнерусского) времени, славянские топонимические архаизмы сравнительно немногочисленны на фоне продуктивной, как правило, поздней и собственно русской топонимии региона (хотя, несомненно, с углублением исследований число их доказанных проявлений увеличится). Находясь у истоков формирования современного регионального тополандшафта, такие названия нередко оказываются прикрепленными к издревле известным и порой до сих пор значительным селениям и сравнительно крупным водоемам, а также находят более или менее многочисленные проявления в средневековой письменности. Как правило, славянская топонимическая архаика Новго-

родской земли обнаруживает «кросс-диалектные» и «кросс-языковые» линии связей в виде топонимических параллелей (топоизоглосс) в несмежных, отдаленных диалектных зонах одного языка, но чаще нескольких славянских языков; вместе с тем не исключены единичные, изолированные соответствия в пределах одного лишь диалектного массива. Спорадичность, широкая межславянская территориальная рассеянность архаических топоизоглосс обусловлена разнообразными процессами распространения ближайшородственных славянских диалектов и языков в отдаленном прошлом. Эти названия — осколки ареалов, в прошлом, надо полагать, более плотных и очерченных, а позднее разрушенных и размытых.

Славянская топонимия региона, сохранившая, усилившая или получившая потенциал спонтанного возникновения в постдревнерусское время (для Новгородской земли — в эпоху после присоединения к Москве), не квалифицируется мною как архаическая. Этот второй, неархаический слой составляет, во-первых, топонимия, которая показывает сохраняющуюся продуктивность структуры и в древнерусский, и в (старо)русский периоды без отчетливого их разделения («хронологически не маркированная»), во-вторых, названия уже собственно русского (старорусского и позднерусского) генезиса. Такую топонимию имеет смысл называть «фоновой»: благодаря своей многочисленности она во многом определяет характер современного топонимического, в основном ойконимического и микро-топонимического и в меньшей степени гидронимического, ландшафта региона, его интегральный фон.

В рамках изложенного стратиграфического подхода понятие топонимии древнеславянской, т. е. появившейся, судя по письменным данным, в древнеславянское (resp. позднепраславянское + древнерусское) время, не приравнивается к более узкому понятию архаической топонимии. Древнеславянская топонимия содержит как архаизмы, так и значительный процент тополексем с широкой хронологией возникновения, умножавшихся не только в позднепраславянское и древнерусское время, но и позднее — в периоды становления и развития собственно русского языка.

Понятие топонимического архаизма, разумеется, может быть использовано при изучении топонимии не только Новгородской земли и не только славянского происхождения. Основные принципы выявления славянских топонимических древностей применимы в разных регионах Славии, хотя хронология этих древностей может быть определена различно в зависимости от этноязыковой и культурно-исторической специфики региона. Что касается древнейших дославянских субстратных названий, то они рассматриваются как реликтовые остатки вымерших языков и диалектов на славянской территории и архаичны уже по определению. В частности, в регионе Новгородской земли выделяются топонимические архаизмы древнефинского, древнеевропейского, древнебалтийского и, вероятно, древнескандинавского происхождения (подр. о них см. в разделе 3 Введения). Вместе с древним дославянским субстратом на новгородской территории обнаруживается немало количество фактов т. н. новейшего, неархаического субстрата — преимущественно карельской, эстонской и летто-литовской микро-топонимии XVII—XIX вв.

Приметы непродуктивности, пережиточности топонимической структуры (мотивационные, деривационные, фонетические), равно как специфические особенности ареальной дистрибуции названий служат главными критериями выявления славянской топонимической архаики в регионе Новгородской земли. Охарактеризую эти индикаторы архаичности.

1. Мотивационные признаки пережиточной топонимической структуры отражают отсутствие очевидных мотиваторов среди нетопонимической лексики говоров региона в московский период новгородской истории. К славянским топонимическим архаизмам Новгородской земли относятся те названия, которые возникли на базе антропонимической и апеллятивной лексики, потерявшей, судя по комплексу привлекаемых данных, былую употребительность в диалектном континуме исследуемой новгородской территории к концу XV в. и позднее практически не прослеживаемой. Вместе с тем апеллятивы и антропонимы — мотиваторы соответствующих названий — могли сохранять функционирование и после XV в. не только у западных и южных славян, но и в некоторых зонах восточнославянского ареала: преимущественно в пространстве украинского и белорусского языков, редко — на некоторых русских диалектных территориях, не смежных с Новгородской землей.

2. Деривационные признаки пережиточной топонимической структуры указывают на древнеславянские механизмы и средства топонимообразования. Многие топонимические архаизмы Новгородской земли находятся в рамках общеславянских структурно-деривационных моделей, ставших непродуктивными или малопродуктивными на новгородской территории после XV в.

3. Фонетические признаки пережиточной топонимической структуры являются отражением результатов фонетических процессов, характерных именно для древнеславянского времени. Нередко топонимические архаизмы отмечены печатью особых закономерностей древненовгородской диалектной фонетики, позднее деактуализовавшихся.

4. Ареальные признаки топонимической архаики проявляются в дискретности ее территориального распределения, в наличии отдаленных топосоответствий в различных уголках Славии. Для славянских архаических названий Новгородской земли характерны спорадические межтерриториальные топонимические параллели в различных разрозненных зонах восточно-, западно- и южнославянского языковых пространств, но преимущественно на землях раннего славянского расселения (I — нач. II тыс. н. э.), реже на землях более позднего русского заселения; кроме того, вне пределов Новгородской земли искомым топосоответствиям вообще не оказаться.

Славянские топонимы Новгородской земли могут показывать все или хотя бы один из четырех основных типов признаков — индикаторов архаичности. При этом необходимым условием для решения вопроса о том, относится ли славянское географическое название к архаическому слою, оказывается обязательное наличие мотивационного и/или деривационного, редко — только фонетического,

признаков. В данном случае ареальный критерий, выражающийся в учете межтерриториальных топосоответствий, сам по себе не столь диагностичен, как черты непродуктивности топонимической структуры. Однако в переходных случаях, когда непродуктивность топонимической структуры не очевидна, именно конфигурация и плотность топонимического ареала зачастую становятся решающими при отнесении названия к категории архаических или фоновых. Часть названий при наличии непродуктивных топооснов, мотивированных вымершими апеллятивами и личными именами, показывает сохраняющуюся после XV в. продуктивность топоформантов. Реже в конкретном топонимическом материале наблюдается обратная зависимость мотивационного и деривационного признаков: наличие топоосновы, отражающей черты продуктивности, при архаической модели деривации.

Роль письменных свидетельств при историческом изучении топонимии исключительно важна. Древнерусские памятники письменности документируют факты существования отдельных названий, равно как и лексем, их мотивировавших, в ранние исторические эпохи. Ранние письменные фиксации топонимов, всегда сравнительно редкие, требуют к себе повышенного внимания. Но древнеписьменная топонимия не значит архаическая топонимия. Сам по себе факт ранней, средневековой фиксации хотя и свидетельствует о древности названия, еще не определяет архаичности и непродуктивности этого названия. В новгородской письменности с самого начала ее появления (1-я пол. XI в.) перемежаются топонимы с хронологически разными потенциалами возникновения. Одни древнеписьменные названия, квалифицируемые в настоящем исследовании как архаические, потеряли способность спонтанно новообразовываться к началу московского периода новгородской истории, другие, составляющие фоновый русский топонимический слой, регулярно появлялись и во 2-й пол. II тыс., причем эта, вторая категория названий, допускающих широкую «верхнюю» хронологию возникновения, а priori выглядит количественно преобладающей даже в корпусе самых ранних текстов. Например, к числу продуктивных по сей день топонимов относится древнеписьменное геогр. *Клинь* для селения (или урочища) на средней Ловати, неоднократно упоминаемого Новг. 1-й летописью в XII—XIII вв., но не знакомого более поздним летописям (идентифицируется с ур. *Клин* на окраине гор. Холм Новг. обл., см. [Васильев 2004а]). Тополексема *Клин* сохраняет живую мотивационную связь с повсеместно известным ландшафтным термином *клин* в обобщенном значении ‘клинообразный участок местности; участок земли в виде треугольника’ и многократно повторяется в совокупности своих дериватов практически на всей восточнославянской территории, см. [Мурз. СНГТ 1: 285; СРНГ 13: 296—297]. Противоположную ситуацию иллюстрируют названия с явно пережиточными приметами своей структуры, но не имеющие средневековых свидетельств, отражаемые только поздними или современными данными. В качестве примера можно указать новг. геогр. *Тухомичи* дер. в Холм. р-не, которое появляется в письменности лишь с сер. XIX в., хотя признаки топоосновы и деривации, специфика межтерриториальных топо- и антропосоответствий отсылают по крайней мере к древнерусскому времени (подр.

см. в гл. 4). Подобного рода факты заведомо составляют большинство, поскольку существует немало причин, по которым то или иное древнее название не попало в ранние письменные источники.

Регионально-диалектная составляющая при атрибуции славянских топонимических древностей Новгородской земли приобретает наибольшую очевидность на компаративном фоне в границах собственно русского диалектного континуума. Встречаются ситуации, когда мотиваторы исследуемых названий, судя по показаниям письменных материалов, рано вышли из речевого обихода в области новгородских пятин, но значительно дольше задержались на иных русских территориях. В частности, в рамках общего тезиса о лучшей сохранности языковых архаизмов на языковой периферии [Роповска-Таборска 1986] полезно иметь в виду, что личные имена, потерявшие употребительность в области метрополии, могут получить «вторую жизнь» на новоосвоенных территориях. Например, очень популярное во «внутренних землях» Великого Новгорода в период независимости личн. *Полюдь*, которое новгородские письменные источники после XIII в. уже не фиксируют, еще долго, вплоть до XVIII—XIX вв., держалось на Северо-Востоке Европейской России, особенно в Прикамье, где нередки деревни *Полюдово*, бытует фамилия *Полюдов* [Матвеев 1987: 73], имеется макроороним *Полюдов кряж* — западный отрог Северного Урала в Пермской обл. (более подр. материал дан в этюде *Полюжье*, см. гл. 2). Понятно, что географические названия, мотивированные данным именем, следует считать архаическими для Новгородской земли, но отнюдь не для территории Прикамья.

ПРИЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И АНАЛИЗА СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Выявлению славянской топонимической архаики предшествует предварительное осмысление топонимических фактов со стороны семантико-мотивационной. Вопрос о том, чем непосредственно мотивируется название — антропонимом или апеллятивом, — является одним из главных вопросов топонимической этимологии. К сожалению, ответ далеко не всегда возможен хотя бы потому, что многие антропонимы омонимичны или паронимичны апеллятивам, от которых они произошли. Отсутствие ответа на этот вопрос, разумеется, не означает отказа от этимологизации топонима, но его трактовка вынужденно ограничивается поиском более отдаленных и обобщенных апеллятивных связей и анализом словообразования.

Имеет место различие общих подходов к стратиграфической разработке славянской топонимической архаики в зависимости от апеллятивной или антропонимной мотивации названий. Главным критерием стратификации топонимии, за которой стоит апеллятивная лексика, обычно считают структурно-словообразовательный. Это связано с тем, что деапеллятивные названия, особенно гидронимы,

значительно более разнообразны по характеру своих аффиксальных средств, чем деантропонимные названия. Детализированная классификация по характеру аффиксального оформления создает немало возможностей для описания, в том числе для приблизительной хронологизации топонимических моделей и дальнейшей этимологической интерпретации топонимов (см. успешное применение метода обратного словаря для лингвистического анализа гидронимии в [Топоров, Трубачев 1962; Трубачев 1968]). Новгородские деапеллятивные названия представлены во множестве структурно-derivационных моделей с различной продуктивностью формантов. Например, по моим предварительным подсчетам, массив современной генетически славянской гидронимии Русского Северо-Запада, соотносимой обыкновенно с апеллятивами, располагает более чем сотней суффиксальных, конфиксальных, префиксальных и флексийных формантов (причем даже без учета их вариантов). Одни форманты наблюдаются в сотнях водных названий, среди которых много новообразованных (-ка, -евка/-овка, -анка/-янка, -енка/-онка, -инка, -ица, -ов/-ев, -ея/-оа, -ский/-скоя, -ское, -ская, -ево/-ово, -и/-ы, -но, -ино, -ея, -ая, -ня), другие прослеживаются в количестве от нескольких десятков до сотни раз (-на, -ина, -иха, -уха/-юха, -ница, -ье, преф. + -ье, -овик, -ник, -ин), третьи находят проявления единичные или не более чем в трех-четыре десятках водных названий (это все остальные форманты, среди которых, например, -ова, -ага/-яга, -ея, -ья, -ушка/-юшка, -уша, -ек, -ок, -ик, -емля/-омля, -ля, -ома, -о, -ень, -ико, -еха, -иц, -ца, -цо, -ижа, -жа, -еж, -иж, -енок/-онок, -инок, -ай, -уй, -оль, -от, -ын(-ь, -я), -ынья, па-/по-, су-, *-j- и др.) [Васильев (в печати)].

Как правило, названия, содержащие редкие, изолированные и, соответственно, непродуктивные или малопродуктивные, средства аффиксального оформления оказываются и более ранними, принадлежащими к слою архаических дериватов. Помимо непродуктивности аффиксов, древность таких названий часто удостоверяется еще и древностью апеллятивных коррелятов, особенностями территориальной дистрибуции и другими признаками. На сравнительную древность топонима порой намекает не одна только изолированность или редкость форманта, но и прочие черты аффиксального оформления. Среди них строение самого форманта (названия с простыми формантами в целом более древни, чем со сложными), возможность расширения одного форманта другим (нерасширенные варианты топонимов часто древнее расширенных), сочетаемость формантов с разными типами топооснов (например, в гидронимии дериваты на -ова, -ина от апеллятивов являются обычно более старыми, чем равноструктурные образования от антропонимов), морфонологическое влияние форманта на топооснову (например, гидронимы с исходом на -ька более молодые по сравнению с гидронимами на -ка). Поэтому появление таких гидронимических форм, как *Березна*, *Осьё*, *Свира*, *Меденец*, *Солоница*, *Смердомля*, *Лавынка* в целом можно отнести к более раннему времени, чем появление вариантных для них форм типа *Березенка*, *Осийка*, *Свириянка*, *Меденецкое*, *Солонка*, *Смердомка*, *Лавынька*; деапеллятивные гидронимы *Лякова*, *Волчина* более архаичны, чем деантропонимные *Жукова*, *Сидоркина*.

В сущности, почти все аффиксальные средства, которыми располагает новгородская топонимия славянского происхождения, обнаруживаются в разных рядах общеязыковой лексики. Это во многих случаях препятствует детализации словообразовательного и этимологического анализа топонимии, преимущественно деапеллятивной, поскольку далеко не всегда понятно, является ли аффиксальный элемент действительно топонимическим деривационным формантом или же он входил в основу первоначального слова-мотиватора (т. е. являлся формантом апеллятива или антропонима). В таких случаях остается допускать неединственность словообразовательной мотивации топонима. Например, геогр. *Ольшанка*, *Ольховка* легко считать производными как от сущ. *ольха* при помощи суф. *-анка*, *-овка*, так и от прил. *ольшаный*, *ольховый* при помощи суф. *-ка*; геогр. *Крупнец* образовалось от др.-рус. *крупни* 'мелкий' или же приравнивается к диал. *крупец* (ранее *крупьць*) 'источник'; геогр. *Коломище* связано с термином *коломище* либо является дериватом с суф. *-ище* от др.-рус. основы *колом-*, проявляющейся также в старых названиях *Коломово*, *Коломно* и т. п. Значительно проще в этом отношении обстоит дело с названиями, за которыми стоит антропонимия, располагающая своим достаточно характерным набором суффиксов: геогр. *Волосково*, *Милятино* вполне определенно трактуются как образования от личн. *Волоско* (ранее *Волосько*), *Милята*.

В свою очередь, основы деапеллятивной славянской топонимической архаики отражают семантическое и структурно-словообразовательное разнообразие лексики, функционировавшей в регионе в позднепраславянское и древнерусское время. Однако характер топооснов, отсылающих к апеллятивам, лишь в сравнительно немногочисленных случаях позволяет трактовать то или иное географическое название как очевидный архаизм, реликтовое образование только древнеславянского времени. Помимо общих трудностей этимологизации древней «непрозрачной» топонимии (эти трудности иногда значительны, но все же большинство славянских топонимов получают приемлемые трактовки), это связано с недостаточной разработанностью территориального и особенно хронологического аспектов этимологии региональных лексико-семантических фактов, которые выступают мотиваторами деапеллятивных названий. В исторических и этимологических словарях русского и других славянских языков, в памятниках средневековой письменности обычно можно найти неполные и приблизительные сведения о хронологии и территории функционирования древних лексем, еще меньше содержится в них информации об исторической судьбе слов применительно к тому или иному региону. Лишь в последние десятилетия стали появляться крупные этимологические словари и материалы, отчасти раскрывающие пути и хронологию появления лексики, в том числе диалектной, в определенных регионах. Таковы, в частности, Материалы для этимологического словаря севернорусских, прежде всего ладого-тихвинских, новгородских говоров, опубликованные в сборниках 1995, 1999, 2004 гг. [Герд МЭССГ], этимологические словари и материалы для словарей заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада [Мызников 2003; 2004], Севера [МСФУСЗ] и Сибири [Аникин 2000], основной чертой публикуемых в настоящее время выпусков «Русского

этимологического словаря» А. Е. Аникина тоже является «внимание к диалектной и исторической лексике» [Ан. РЭС 1: 11], в Польше издан этимологический словарь кашубского диалекта (см. рецензию [Варбот 1997]).

Что касается славянской топонимии, образованной от собственных наименований людей, то ее типовые структурно-деривационные модели (-ово/-ево, -овка, -овцы/-евцы, -инцы, -ино, -иха, -щина, -ичи, -и/-ы, -ата/-'ата и нек. др.), по сравнению с деапеллятивной топонимией, немногочисленны, стереотипны и безусловно лучше изучены. В деантропонимной топонимии преимущественное внимание отдается топоосновам, отражающим богатство разнородных личных наименований у славян. Словообразовательные трактовки большинства славянских деантропонимных названий надежны и приемлемы, что, естественно, открывает широкие возможности для реконструкции утраченных личных имен и прозвищ. В сущности, анализ таких названий должен перерастать рамки собственно топонимики и углубляться в область антропонимики (оценка ареала, семантики, статуса, вариантности и закономерностей преобразования личных имен, мотивировавших названия, учет их принадлежности к различным антропомоделям, приведение извлеченных из письменных источников аналогичных личных имен и др.). Это углубление топонимического анализа оправдано хотя бы тем, что название бесспорно трактуется как деантропонимное только в том случае, если аргументированно обосновывается существование его личного имени-мотиватора. К сожалению, лишь сравнительно небольшая доля личных имен, обусловивших топонимию, документирована письменностью, большинство же топонимов зиждутся на именах, реальность которых удостоверяется только антропонимическим контекстом (в самом широком понимании этого слова).

Хронологическая стратификация любой топонимии вообще, а применительно к задачам настоящего исследования — дифференциация названий славянского происхождения в регионе Новгородской земли при помощи изложенных выше критериев на архаические, появившиеся не позднее древнерусского периода, и фоновые, возникавшие также и в (старо)русское время, — сопряжена с немалыми, зачастую непреодолимыми трудностями. Всегда находится много топонимов, не поддающихся, в силу недостаточности сведений, приемлемой хронологизации даже в самом обобщенном, приблизительном плане. Наряду с многочисленными недоказанными случаями, выделяется категория немногих вполне отчетливо хронологизируемых названий. Методологически целесообразно ограничиться как раз анализом доказательных топонимических фактов, отчетливо отсылающих к древнерусскому или к позднеславянскому времени, которые отмечены «узкой» ранней хронологией топооснов и топоформантов, характерной дискретностью ареалов. Например, геогр. *Будогощь* по всем критериям относится к бесспорным топонимическим архаизмам: мотивировавшее его личное имя *Будогость* давно утрачено всеми славянами, деривационная модель, оформившая это название, потеряла продуктивность в древнерусский период, новг. геогр. *Будогощь* находит рассеянные соответствия в топонимии восточных и западных славян. Но значительно

больше обнаруживается топонимов, которые, судя по характеру основ и формантов, сохраняли потенциал возникновения на протяжении всего средневековья. К ним, например, относятся многочисленные названия, производные с *-ов/-ев-*, *-ин-*суффиксацией от личных имен и личных обозначений, функционировавших, как свидетельствуют письменные источники, по сути дела, на протяжении всей древнерусской и русской истории. Такие факты, разумеется, не входят в состав славянской топонимической архаики, поскольку квалификация их с точки зрения разграничения собственно древнерусских и старорусских элементов совершенно неотчетлива. Чтобы обосновать отнесенность такого рода названий к категории архаических («хронологически маркированных») или фоновых («хронологически не маркированных»), необходимо использование различных источников, качественно и хронологически разнородных. Рассмотрю лишь один из примеров. Русское геогр. *Пестово* было указано среди ранних восточнославянских топонимов, находящихся параллели в западнославянской области; ср. чеш. геогр. *Pístov* (с XIV в.), польск. *Piastowo*, *Piastów* при том, что апеллятивная первооснова этих названий издревле известна преимущественно западным и восточным славянам, см. [Трубачов 1971: 16]. Судя по приведенному материалу, факт отнесения геогр. *Пестово* к раннему слою славянских топонимов не вызывает сомнений, однако более подробный обзор материала показывает, что мотивировавшее такую топонимию личное имя (прозвище) не утратило популярности в Новгородской земле и в других русских землях и после XV в. Ср. относительно поздние данные об употреблении этого антропонима: Якуш *Пест*, Мартемьяник *Пест*, Прокош *Пест*, новгородские крестьяне в Дер. пят. 1495 г., Василий Павлов сын *Пест*, чердынский крестьянин в 1605 г., наряду с патронимическими или фамильными прозваниями *Пестов*, *Пестовы*, известными по актовой письменности XV—XVII вв. в районах Твери, Коломны, Каширы, Деделова, Белозерска, Шенкурска и других мест; см. [Туп. СДЛСИ: 302, 690; Вес. Он.: 243; ГР: 293]. Перечисленные свидетельства средневековых источников следует дополнить наличием современной фамилии *Пестовы*, сложившейся, очевидно, в старорусский период (см. также [Унбегаун 1989: 157]), и современным диал. *пест* как обозначением лица: ‘невежда’ (костром.), ‘упрямый человек’ (вят.), ‘глупый, тупой человек’ (костром.), ‘высокий, тонкий парень’ (новг., р. Мста) [СРНГ, 26: 308]. Следовательно, сохранялся потенциал образования тополексема *Пестово* уже в старорусскую эпоху, о чем красноречиво свидетельствует и огромное, до полутора сотен, количество ойконимов на *Пест-* (*Пестово*, *Пестова*, *Пестовка*, *Пестовцы* и др.), которые локализируются по всей европейской территории проживания русского народа, включая регионы сравнительно позднего (после XV в.) русского заселения: Южный Урал, Среднее и Нижнее Поволжье и др., см. материалы, собранные в [Vasm. RGN VI 3: 675—677]. В данном случае речь идет, разумеется, не столько о раннеславянской, сколько о собственно русской топонимии, особенно с учетом наличия поздних структурно-деривационных моделей (типа *Пестовка*) и характерного, почти полного, отсутствия названий *Пестово* в украинских и белорусских землях.

Для атрибуции славянской топонимической архаики Новгородской земли на уровне топооснов мною используются некоторые методические приемы-ограничения. Главный из них — это преимущественная опора на средневековые лексико-семантические и антропонимические материалы славян, относящиеся в основном ко времени не позднее XV в., при исключении собственно русского апеллятивно-проприального материала более поздних эпох, но преимущественно того, который территориально связан с областью бывшего новгородского пятинного деления. Таким образом, существенное значение приобретает факт отсутствия апеллятивов и антропонимов, образовавших географические названия, в старорусской письменной документации, равно как в современных говорах изучаемого региона, при наличии апеллятивной и антропонимной поддержки в письменности древненовгородской и, шире, древнерусской и других славянских языков. С помощью новгородских памятников письменности, словарей общей лексики и антропонимии (исторических, этимологических, диалектных), отдельных специальных исследований историко-лексикологической и историко-антропонимической проблематики (некоторые работы А. А. Зализняка, Ф. П. Филина, А. И. Попова, В. Б. Крысько, В. А. Никонова, Ю. И. Чайкиной, С. Б. Веселовского, В. К. Чичагова, С. И. Зинина, А. В. Суперанской и др.) появляется возможность определить немало древних апеллятивов и личных имен, которые оказались окончательно забытыми или почти забытыми на новгородской территории к концу древнерусского периода (разумеется, с допущением как вероятной неполноты свидетельств письменных источников, так и моей их проверки).

Хронологически различные письменные памятники Новгородской земли содержат массовый разнообразный антропонимический материал. Они дают прекрасную возможность охарактеризовать типологию, состав и динамику развития региональной антропонимической системы на протяжении многих столетий. Летописи, акты и особенно берестяные грамоты содержат богатую антропонимию эпохи древненовгородской независимости, тогда как новгородские писцовые книги конца XV—XVII в. массово отражают уже во многом иной состав именника нового, московского периода новгородской истории.

Вообще говоря, деантропонимная топонимия обладает, как представляется, несомненными преимуществами хронологической стратификации по сравнению с деапеллятивной. Эти преимущества обусловлены лучшими перспективами хронологизации антропонимических фактов, которые ложатся в основу названий. Отмечалось, что исторические изменения апеллятивной лексики протекают в основном по кумулятивному принципу: чаще происходит наслаивание и «уплотнение» лексических элементов в языке, нежели их вытеснение и утрата [Журавлев 1994: 26]. Что же касается личных наименований, то они в целом более подвижны и исторически изменчивы, чем апеллятивы. Антропонимические системы исторически формируются не путем кумуляции, накопления элементов в лексическом составе языка (диалекта) на протяжении многих столетий, а благодаря процессам постоянной динамической смены отдельных личных имен и их фонетико-деривационных

вариантов, различных моделей образования имен, общих формул наречения людей. Функциональность (употребительность, популярность) личных имен зависит не только от внутрисистемных языковых факторов, но и от внешних, социолингвистических условий (регламентация использования имен, тесная связь с религиозными представлениями, табу или мода на отдельные имена, престижность/непрестижность имен и др.), изменявшихся в ту или иную историческую эпоху. Эта особенность открывает дополнительную возможность опереться при историческом изучении антропонимии на хронологию отдельных культурно-исторических событий и установлений (одним из известных случаев такого рода является, например, принятие христианства на Руси, обусловившее с конца X — нач. XI в. массовое распространение христианских имен). Памятники средневековой письменности предоставляют хорошую возможность исследовать динамику отдельных имен и целых антропонимических разрядов. Изучению русской антропонимии сравнительно поздних эпох в хронологическом аспекте особенно благоприятствует обилие материалов старорусской деловой письменности. С конца XV в. сохранилось значительное количество письменных текстов, как правило, «повышенной антропонимичности». Многочисленные антропонимические тексты (писцовые, кабальные, таможенные книги, акты и описи на владение землей или имуществом, синодики, ревизские сказки, реестры и др.) содержат целые россыпи личных имен, прозвищ, патронимических и фамильных прозваний, что позволяет проследить функциональность русской антропонимии в зависимости от эпохи, местности, типа документа, социальной принадлежности носителей имен.

Деантропонимная топонимия, в отличие от деапеллятивной, допускает еще один путь атрибуции архаических топооснов — дистанцирование от материала русских фамилий. Многочисленные русские фамилии имеют, как правило, сравнительно позднее происхождение: в основной своей массе они стандартно возникли от разнообразных форм личных имен (в основном календарных, христианских) и прозвищ, употреблявшихся в XVI—XIX вв. Отмечают при этом, что прозвища в целом раньше легли в основу фамилий, чем календарные имена [Полякова 2005: 68]. Обычно принимается мнение о том, что «княжеские, а за ними боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI в., помещичьи — формировались в XVI—XVII вв.; фамилии же горожан, за исключением именованного купечества, еще не установились окончательно и в начале XIX в., даже фамилии духовенства созданы только в XVIII в. и в первой половине XIX в., а подавляющее большинство крепостных крестьян и до середины XIX в. еще не имело фамилий» [Никонов 1974: 17], см. еще [Бондалетов 1983: 106]. Другие исследователи относят формирование боярских и дворянских фамилий к сер. XVI в. [Унбегаун 1989: 16] или к нач. XVII в. (так С. И. Зинин, см. [Русская ономастика 1994: 191]), но как бы то ни было все связывают закрепление русских фамилий с историей собственно русского языка и народа. Восстановленные по современным русским фамилиям личные имена и прозвища, функционировавшие в сравнительно поздние хронологические периоды, обычно прослеживаются по письменности XVI—XXI вв. и по современ-

ным говорам и/или находят отражение в фоновой русской топонимии. В целом же русские фамилии почти не имеют отношения к фонду антропонимов, утратившихся еще в древнерусское время, а следовательно, и к славянской топонимической архаике Новгородской земли. Почти все антропонимически мотивированные новгородские топонимические архаизмы связаны с именами и прозвищами дофамильного периода.

Сохраненные современными народными говорами диалектные обозначения лиц предсказывают потенциальную употребительность также и омонимичных собственных наименований лиц, ибо эти две категории слов теснейшим образом пересекаются и в качестве мотиваторов географических названий порой неразличимы. Разнообразные диалектные апеллятивы с личным значением, зафиксированные на протяжении XIX—XXI вв., могли некогда выступать в качестве древних прозвищных имен, отложившихся как в архаической, так и в фоновой топонимии. Поэтому факт присутствия некоего обозначения лица в современных говорах региона скорее всего исключает образованное на его основе название из числа региональных топонимических архаизмов. Отсюда следует еще одно ограничение: при выявлении топонимической архаики, локализуемой в границах обследуемого региона, целесообразно дистанцирование также от поздних личных нарицательных обозначений, известных на этой же диалектной территории. Вместе с тем мотиваторами новгородской топонимической архаики могут считаться апеллятивы с личным значением, отмеченные далеко за пределами изучаемого топонимического пространства.

Топонимическая архаика Новгородской земли соотносится со множеством средневековых личных имен и обозначений, разных по структуре и происхождению. Элементы антропонимической классификации применяются мною для классификации анализируемой деантропонимной топонимии в целом. Кратко охарактеризую эти элементы, которые учитываются при исследовании названий. По структуре существенно противопоставление двух основных классов антропонимов: имена полные (неусеченные, несокращенные) и гипокористические, производные от полных и обладающие или обладавшие при своем возникновении оттенками уменьшительности, увеличительности, ласкательности, фамильярности, эмоциональной оценочности. Как правило, гипокористики трактуются как разного рода усечения полных имен, обычно композитов, расширенные простыми или сложными суффиксами (т. н. усеченно-суффиксальные имена: *Милята*, *Милько* < *Милобудь*, *Милославъ* и т. п.), реже гипокористики представляют собой усечения без суффиксации (*Радомя* < *Радомирь*, *Радомысль* и т. п.); имена, состоящие из одного корня, тоже допустимо рассматривать в качестве усеченных, если они отчетливо соотносятся с полными именами (*Хоть* < *Хотьмирь*, *Хотославъ* и т. п.). К гипокористикам можно отнести еще имена, образованные от неусеченных основ при помощи суффиксов, обычно распространяющих усеченные основы (*Волосько* < *Волось*, *Въньжьско* < *Въньзь*, *Петрило* < *Петрь*, *Чьрнята* < *Чьрньи*). Что касается полных имен, то они преимущественно подразделяются на композитные (*Милобудь*, *Хотьмирь*) и префиксально-корневые, образован-

ные с помощью префикса от корня (*Завидъ, Переньгъ, Неугодъ*). Кроме того, считаю возможным выделить (ограниченно) группу суффиксально-корневых личных имен, которые, вероятно, образовались не путем усечения, а с помощью суффикса непосредственно от корня. Такие имена крайне трудно отличать от гипокористик, но есть основания полагать, что они, во-первых, показывают специфическую суффиксацию, необычную для усечений, и, во-вторых, могут содержать основы, не характерные для композитов (*Милость, Смолигъ, Хотыня, Чьрнѣкъ*). Не исключено, что суффиксально-корневые имена — не что иное, как антропонимизированные апеллативы, которые, однако, в самостоятельной лексико-семантической функции не обнаружены. Личные имена перечисленных разрядов формально не приравниваются к удостоверяемой письменностью апеллативной лексике и по данному признаку противопоставлены именам, которые я называю деапеллативными. Последние, часто выступающие как личные прозвища, в целом возникли в результате непосредственной антропонимизации апеллативов и, следовательно, равны или паронимичны (уподоблены) существительным, прилагательным и причастиям в краткой или полной форме и этнонимам (*Бързъ, Вълкъ, Ляхъ, Лютъ, Туръ, Хотънь*). Образования с относительно регулярным суф. *-ък/-ьк-* (типа *Ляшъко, Туръко*), считающиеся деминутивными, рассматриваются мною среди гипокористик, поскольку данный суффикс может придавать имени не только оттенок уменьшительности. Наконец, релевантно деление антропонимии на дохристианские, или древнеславянские (последний термин используется особенно часто), и христианские, или календарные, личные имена в основном греко-латинского происхождения; доля имен прибалтийско-финских, балтийских, скандинавских и др. в рассматриваемом материале невелика. Такова общая классификационная схема, в которую укладывается большинство личных наименований, мотивировавших новгородские архаические топонимы³.

³ Подразделение антропонимии по классам и разрядам не во всех конкретных случаях удается провести достаточно надежно. Максимально отчетливо выделяются композиты и префиксально-корневые личные имена. Что касается остальных типов имен, всегда находятся трудные, переходные случаи их морфологического разграничения, не позволяющие однозначно трактовать деривацию того или иного конкретного имени и его место в антропонимической системе. Во-первых, одна и та же гипокористика зачастую соотносится с полными именами различных моделей и классов. К примеру, личн. *Тишько* допускает тройное качество своей производности: от композита *Тихомиръ*, от деапеллативного имени *Тихъ, Тихьи* или от христианского личн. *Тихонъ*. Во-вторых, не всегда удается провести четкую грань между гипокористиками и полными именами. Так, личн. *Ярышь*, подобно др.-польск. *Jarosъ*, можно считать гипокористикой, соотносимой с полными именами *Ярославъ, Яромиръ* и др. (ср. усеченно-суффиксальное гипокористическое *воробыш*, производное от *воробей*), или же *Ярышь* выступает независимым от композита самостоятельным суффиксально-корневым именем, образованным от адъективного корня *яр-* с помощью суф. *-ышь* (ср. применительно к этой возможности *малыш, глупыш, коротыш* и подобные им образования от прилагательных). В-третьих, при разграничении антропонимов по признакам морфологической и семантической деривации, позволяющим выделить класс деапеллативных имен, не исключены ошибочные трактовки, обусловленные неполным знанием славянского лексического материала. Часть имен, трактуемых как самостоятельные

К исследованию преимущественно привлекаются архаические названия, соотносимые с личными наименованиями, существование которых прямо доказывается древнеславянской письменностью. Вместе с тем не исключаются из рассмотрения и те отчетливо деантропонимные названия, которые трактуются на базе личных имен, памятниками письменности не удостоверяемых, однако реконструируемых для древнеславянского периода достаточно надежно. Надежность реконструкции определяется прежде всего устойчивым повторением в различных комбинациях структурных элементов восстанавливаемых имен в кругу известных древнеславянских имен, подтверждаемых письменностью, «встраиванием» прогнозируемого имени в известные древнеславянские деривационные антропомодели, неоднократным отражением основы прогнозируемого имени в межтерриториальных повторениях архаической топонимии, имеющей, судя по типологии формантов, деантропонимное происхождение.

Проводимый лингвистический анализ хотя и не претендует на исчерпывающую полноту, тем не менее вполне показывает разнообразие славянских топонимических древностей Новгородской земли в плане структуры и этимологии. В монографии отдельной главой описываются редкие, специфические модели деапеллятивной топонимической архаики на *-ом(-о,-а)*, *-омля/-емля*, *-ья/-ия*, *-ея*, *-ова/-ева*, *-ай*, *-уй*, с суффиксальным элементом *-ж-* (на *-ижса*, *-иж*, *-ежа*, *-еж*, *-уж/-юж*, *-яжа* и др.), названия на *-ичи/-ицы*, *-'ане* от катойконимов и обозначений социальных категорий, названия с префиксальным формантом *по-/па-* и топонимы-сращения с первым местоименным компонентом. Вместе с тем ввиду значительного количества аффиксальных средств среди названий, мотивированных апеллятивами, и особенно из-за трудностей, порой непреодолимых, подразделения этих средств на истинные деривационные топоформанты и аффиксы исходных апеллятивов, более целесообразным оказывается анализ архаической деапеллятивной топонимии по группам, объединяющим разноструктурные, но тождественные по корню (основе) названия. Именно такой групповой анализ в полной мере показывает, что разнообразные аффиксы деапеллятивных названий во многих случаях не связаны с процессами их деривации, а принадлежат структурам апеллятивов-мотиваторов (обыкновенно структурам субстантивов и адъективов); такие названия, следовательно, появились неморфологически — путем закрепления апеллятивов в топонимической функции. Судя по составу вариантов и межтерриториальных соответствий, аффиксальное оформление ряда деапеллятивных топонимов лабильно, подвержено быстрым и радикальным изменениям;

(«генуинные») морфологические образования, может оказаться вторичными семантическими образованиями, дублирующими нарицательную лексику, присутствующую в диалектах, но не выявленную (например, личн. *Ярышь* может быть антропонимизированным апел. **ярышь*, который остается не обнаруженным). Ясно, что специальный анализ подобных частных моментов должен производиться на более широком славянском антропонимическом материале и не связан напрямую с задачами настоящей работы, однако по ходу топонимического исследования я иногда останавливаюсь и на таких моментах.

различные причины этих изменений опять же удобно раскрываются при групповом анализе.

Анализируемая в монографии деантропонимная топонимическая архаика Новгородской земли, в плане деривации трактуемая более отчетливо и надежно, структурирована по немногочисленным моделям: названия с суф. **-j-* (т. н. йотово-посессивная топонимия), с формантами *-ичи/-ицы*, *-ица*, *-ец*, *-ово/-ево*, *-ино* и т. н. бесформантные. Модель йотово-посессивных названий характеризуется только древнеславянской хронологией, и все составляющие ее названия, которых в регионе Новгородской земли обнаруживается немало, считаются архаизмами независимо от качества топооснов. Остальные привлекаемые к анализу структурно-деривационные модели деантропонимных названий либо показывают слабую, нисходящую продуктивность на новгородской территории после XV в. (на *-ичи/-ицы*, *-ица*, *-ец*), либо до сих пор актуальны (названия на *-ово/-ево*, *-ино* и бесформантные). Обобщенные заключения о динамике продуктивности этих моделей начиная с XVI в. могут быть сделаны путем широкого сравнения средневековых топонимических данных, прежде всего из НПК, с современной топонимией региона. Для стратификации топонимических архаизмов в рамках моделей, имеющих относительно широкую хронологию, решающее значение, естественно, приобретают топоосновы. Наиболее показательно при такой оценке то, что к этим моделям относятся, в большей или меньшей мере, названия с основами, отсылающими к вымершим в обследуемом регионе к началу старорусского периода личным наименованиям. Например, общеславянская модель деантропонимных названий на *-ичи/-ицы* сохраняла продуктивность в Новгородской земле еще в XVI в., хотя начиная с этого столетия, а возможно, и раньше регулярность появления такого типа названий идет на убыль. Новые деантропонимные названия на *-ичи/-ицы* продолжают возникать на Русском Северо-Западе даже после XVI в., хотя и в сравнительно небольшом количестве (подр. об этом см. в гл. 4, раздел 1). Часть новгородской топонимии в рамках этой модели мотивирована антропонимией, отраженной в сравнительно поздней, (старо)русской документации. Однако более существенно то, что найдется немало названий на *-ичи/-ицы*, которые зиждутся на древних личных именах (включая и производную патронимию), уже не прослеживаемых по письменности к нач. XVI в., — именно такие названия и тракуются как архаизмы.

Отдельные привлеченные к анализу новгородские топонимы явно сохраняли ограниченный потенциал возникновения в обследуемом регионе и после XV в. на фоне еще не утративших редкой употребительности соответствующих наименований лиц и апеллативной лексики местных говоров. Такие названия, за редкими исключениями, приводятся в качестве иллюстративно-уточняющих фактов и описываются «короткой строкой». Чаще всего за рамки исследования выносятся многочисленная ойконимия на *-ово/-ево* и *-ино*, образованная от разнообразных форм христианских, реже — древнеславянских личных имен, прозвищ и апеллативов с личным значением, бывших в обиходе, судя по письменности, в рус-

ских, прежде всего северо-западных, говорах на протяжении XVI—XVIII вв., нашедших прямое отражение в русских диалектных материалах XIX—XX вв. и в современных фамильном и прозвищном антропонимиконах (типа *Андрейцово*, *Волково*, *Гостюхино*, *Грохотово*, *Жданово*, *Истомино*, *Ляхово*, *Олексино*, *Позняково*, *Сергейково*, *Тиханово*, *Тучино*, *Шелгуново*, *Шилово* и др.). Разумеется, не получили подробного освещения топонимические дериваты в рамках тех структурно-деривационных моделей, функциональность которых с наибольшей очевидностью проявилась лишь после XV в. Существенно подчеркнуть, что в их составе на территории Новгородской земли практически не обнаруживается топонимов, мотивированных антропонимией только древнеславянского времени. Данное обстоятельство само по себе является не чем иным, как отражением относительно поздней продуктивности таких моделей в регионе. Это модели преимущественно фоновой русской топонимии, удостоверяемой в массе случаев антропонимическими соответствиями (старо)русского времени. Сюда относятся категории топонимов на *-иха* (*Агафониха*, *Блазниха*, *Брычиха*, *Максатиха*), на *-(ов)щина* (*Голубовщина*, *Родивановщина*, *Санаковщина*, *Семеновщина*, это, последнее, название заместило более раннюю форму *Семеновский* пог. в Удрицах Дер. пят.), на *-'ата* (*Ерошата*, *Кармазята*, *Королята*), на *-ская/-ское* (*Алеховское*, *Нероновская*, *Обоедовская*, *Собакинская*), на *-овка* (*Окуловка*, *Панковка*), на *-и/-ы* (*Бояры*, *Внучки*, *Кулики*, *Ляскуны*, *Орешенки*). Названия с такими формантами весьма многочисленны в областях проживания русского народа, в том числе в регионах позднего заселения, но реже встречаются в украинских и белорусских землях. Основы соответствующих названий обычно находят отчетливые и зачастую многочисленные соответствия в старописьменных и современных русских диалектных наименованиях и обозначениях лиц и в русском фамильном ономастиконе. Конкретным вопросам образования этой русской, реже восточнославянской, топонимии, имеющей в целом поздний характер, распространению и хронологии отдельных ее типов посвящен ряд публикаций: [Азарх 1981; Бірыла, Лемцюгова 1973; Витов 1967; Власова 1971; Карпенко 1966; Кучкин 1973; Лемтюгова 1983; Лопатин 1981; Никонов 1959; Никулина 1966; Селищев 1968; Чайкина 1987; 2005: 93—107; Sosnowski 2002; и др.].

Из перечисленных выше поздних топонимических моделей хочется подробнее остановиться на модели плюральных ойконимов на *-и/-ы*. Категория таких названий, имеющих широкий характер распространения (многочисленны и на западе славянского мира, см. [Miklosich 1927: 123—124]), длительное время не теряет в регионе Новгородской земли сравнительно слабой, но устойчивой продуктивности. Названия на *-и/-ы* отсылают не только к антропонимам — родовым именам первопоселенцев (поэтому их традиционно считают родовыми, что не всегда верно), но и к апеллятивам, которые выступают обозначениями первопоселенцев по роду занятий (ср. летописные геогр. *Кожевники* и *Рыбники* для ремесленных слобод в Новгороде XVI в. [НЛ: 70, 74, 76, 78, 89, 351]); кроме того, такие названия, похоже, могли возникать путем топонимизации прозвищных

обозначений жителей, полученных по прежним вариантам названий тех же самых селений (геогр. *Быки* от прозвища **быки* жителей дер. *Быково*). Такие названия спорадически прослеживаются по писцовой документации XV—XVI вв., но в целом на изучаемой территории, в отличие от соседней Псковской земли, они достаточно редки и преимущественно сосредоточены в юго-западной части Новгородской земли, испытывающей непосредственное влияние псковских говоров. Вывод о постепенном усилении в (старо)русское время продуктивности данной модели на новгородской территории позволяет сделать сравнение хронологически разрозненного материала в средневековой и современной документации. Об этом же свидетельствует и сам факт того, что в новгородской ойконимии на *-и/-ы* практически не отражена антропонимия только древнерусского времени, подавляющее большинство названий основаны на личных именах, употребительных в регионе и в старорусский период. Старописьменная документация свидетельствует о сохранявшейся в эпоху московских земельных описаний динамике появления новгородской ойконимии на *-и/-ы*; ср. хотя бы названия ряда новообразованных селений-починков, поставленных в XVI в.: *Оничины*, *Омельяны*, *Дмитрони* [НПК V: 343; VI: 155, 147], отражающие народные формы христианских имен *Онич* (*Аникей*), *Омельян* (*Емельян*), *Дмитроня* (*Дмитрий*). Но особенно показательными при оценке хронологии этой модели являются регулярные факты закрепления новых плюральных ойконимов на *-и/-ы* вместо старых посессивных и патронимических, что неоднократно наблюдается на протяжении XVI-го и последующих веков. Так, летописное йотово-посессивное название села и вол. *Велиль* / *Велил* в верховьях Пола в поздних материалах окончательно закрепилось как плюратив *Велилы*, средневековый йотовый посессив *Недомышь* для дер. Егорьевского Лусского пог. в истоках р. Луги к нач. XX в. переоформился в *Недомысли*, омонимичный личному имени ойконим *Миронъг*, известный по документации 1551 г., сегодня предстает в варианте *Миронеси*, название дер. *Ожседово* Молвятицкой вол. конца XV в. со временем переоформилось в *Ожседы*, дер. *Мирохново* Деманского пог. 1490-х гг. в последующие столетия стала называться *Мирохны*, название дер. *Креково* Моревской вол. Дер. пят. конца XV — 1-й пол. XVI в. преобразовалось в совр. *Окороки* (подр. анализ всех этих ойконимов см. во 2-й, 5-й и 6-й гл.). Ср. еще средневековую дер. *Манцово* Молвятицкого пог. Дер. пят. 1490-х гг. [НПК I: 664], которая известна как совр. дер. *Манцы* Мар. р-на, дер. *Буткиничи* в Пятницком стане Пусторжевского у. 1582/83 г., обозначенную как *Бутки* на карте 2-й пол. XIX в. (по [Янин 1998: 147, № 437]). Количество фактов подобной плюрализации топонимических форм нетрудно увеличить. В целом сравнение материалов писцовых книг с современными материалами позволяет судить о сохраняющейся активности данной структурно-деривационной модели на новгородской территории не только в XVI в., но и в более поздние периоды.

* * *

Итак, славянская топонимия Новгородской земли по структурным и ареальным характеристикам может быть стратифицирована обобщенно хронологически, с подразделением в ее составе названий архаических, генетически связанных только с древнеславянским временем, и неархаических (фоновых), продолжающих или усиливающих свой генезис в собственно русский период языковой истории. Структурные признаки непродуктивности топонимической архаики Новгородской земли, подразделяемые на мотивационные (уровень лексем-мотиваторов), деривационные (уровень средств и механизмов деривации), фонетические (уровень диалектных звуковых процессов), дополненные ареальными показателями, служат критериями ее выделения в региональном топонимическом ландшафте. Наиболее значимы мотивационные и деривационные признаки. Топонимия деантропонимного образования в целом имеет больше возможностей для обобщенной хронологизации, чем деапеллятивная. Славянские топонимические древности Новгородской земли могут быть выделены по мотивировавшим их личным наименованиям и апелляциям, которые обычно отражены средневековыми памятниками письменности, но едва ли прослеживаются: а) в русском лексико-семантическом и антропонимическом материале, известном по письменности XVI в. и более позднего времени; б) в составе имен и прозвищ, сформировавших русские фамилии (прежде всего фамилии новгородские, северо-западные); в) в русской апеллятивной лексике со значением лица, отмеченной в континууме диалектов Русского Северо-Запада. При этом учитываются динамика функционирования структурно-деривационных топонимических моделей в регионе, характер соотношения топооснов и топоформантов. Если топонимическая модель стала непродуктивной уже в древнеславянское время, то все охваченные ею названия относятся к числу архаизмов. Если топонимическая модель еще продолжала функционировать в старорусский период (после XV в.), то решающее значение для выделения топонимических архаизмов приобретает хронологическая квалификация слов-мотиваторов. Доказательный историко-этимологический анализ топонимических архаизмов — тополексем, часто показывающих междиалектные и межъязыковые связи, требует привлечения сравнительного ономастического материала в пространстве всей Славии.

ГЛАВА 2

ЙОТОВО-ПОСЕССИВНАЯ ТОПОНИМИЯ НА БАЗЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Все пустынно и уныло.
Имя лишь одно
Говорит о том, что было
И прошло давно...

К. С. Аксаков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЙОТОВО-ПОСЕССИВНОЙ МОДЕЛИ

Йотово-посессивная топонимическая модель (*-j-модель), как уже неоднократно отмечалось исследователями, принадлежит к числу классических деривационных моделей, имевших высокую продуктивность в древнеславянское время. Топонимия Новгородской земли и многих других областей славянства показывает значительное число образований по данной модели. При этом хронологически весьма показательным, что в качестве производящих преимущественно выступают основы композитных личных имен, порой уходящих корнями в индоевропейскую древность. Сочетание дохристианского (языческого) антропонима с сугубо архаической йотовой суффиксацией позволяет составить уверенное заключение прежде всего относительно верхней хронологической границы топонимии на *-j-. Замечу, что используемое в работе выражение «йотовая суффиксация» удачно передает суть явления, но включает элемент условности, поскольку для эпохи конца I-го — нач. II-го тыс. н. э. праславянский суф. *-j- являлся лишь выражением закономерной мены согласных на конце производящей основы: $p > p'$, $l > l'$, $n > n'$, $d > ж$, $t > ч$, $st > ш$, $b > бл'$, $v > вл'$, $m > мл'$, $z > жс$, $x > ш$, $k > ч$, $z > жс$, $c > ш$, $sl > шл'$ ¹.

Для оценки продуктивности топонимической *-j-модели в древненовгородских говорах необходимо учесть свидетельства новгородских берестяных грамот, рожденных в стихии народно-разговорной речи. Самыми продуктивными посессивными суффиксами, согласно материалам берестяной письменности, являлись, как и сегодня, суф. -ов-/-ев-, -ин-, суффикс же *-j- был третьим по распростра-

¹ Аналогичным образом исследователи постоянно оперируют, например, понятием праславянских *-a-, *-o-, *-i-именных основ при описании явлений старославянской или древнерусской морфологии, — это принимаемый всеми удобный и привычный анахронизм.

ненности способом образования притяжательных прилагательных [Зализняк 2004: 201—203]. Конечно, грамоты преимущественно фиксируют срезы языка в период угасания продуктивности суф. **-j-*, но топонимия с отражением результата «йотовой» палатализации, несомненно, возникла и в первые века II тыс. н. э., о чем говорит ее ограниченное присутствие даже на отдаленных территориях к северо-востоку от Приильменя, заселенных сравнительно поздно. Почти все встретившиеся в берестяной письменности притяжательные прилагательные с суф. **-j-* относятся к документам, которые датируются XI—XIII вв. [Там же: 203]. На протяжении XI—XIV вв. они постепенно замещались прилагательными с посессивными суф. *-ов/-ев-*, реже *-ин-*. Нет достаточных оснований полагать, что в топонимической сфере языка хронология была существенно иной, поскольку прилагательные с суф. **-j-* формировали и йотово-посессивную топонимию. Из этого следует, что верхняя хронологическая граница топонимической **-j-* модели принадлежит примерно XIII в.; к данной эпохе обычно приурочивают исчезновение этой модели и другие исследователи [Агеева 1989: 175—176; Фролова 1973: 270; Prinz 1969: 40; Rospond 1983: 6]. Прослеживаемые порой по письменным источникам йотово-посессивные географические названия с более поздней вероятной хронологией возникновения могут быть отнесены к разряду случайных пережитков (здесь не имеются в виду нередкие поздние переносы соответствующих названий — они не в счет).

С другой стороны, эволюция топонимической **-j-* модели, естественно, определялась функционированием древнеславянской антропонимии, с которой теснейшим образом данная деривационная модель была связана. Здесь опять же бесценным источником выступают новгородские грамоты на бересте, которые содержат массовый антропонимический материал, позволяющий проследить динамику процессов в сфере новгородских личных имен с XI по XV в. По классификации А. А. Зализняка [2004: 204, 216], среди дохристианских личных имен (неусеченных) выделяется «архаический пласт», который включает: а) имена двусосновные (*Добромысль*, *Милогость* и др.), б) приставочно-корневые (*Нажирь*, *Полюдь* и др.), в) равные или морфологически подобные причастиям (*Боянь*, *Обидьнь* и др.), г) равные нечленным формам прилагательных (*Деснивь*, *Миль* и др.). Неусеченные имена архаического пласта отмирают быстрее других: по показаниям берестяных грамот, они используются только до XIV в., причем в XIV в. они носят уже характер реликтов. Несколько труднее проследить по берестяной письменности судьбу усеченных суффиксальных имен архаического пласта (типа *Нъжата*, *Гостята*, *Нъгочь*, *Будота*), главным образом потому, что одно и то же гипокористическое имя может быть образовано от разных исходных полных имен. Усеченно-суффиксальные имена выходят из употребления вслед за полными, однако вряд ли будет ошибкой полагать, что для них XIV в. — эпоха исчезновения. Личные имена, совпадающие с нарицательными лексемами (типа *Баба*, *Вороньць*, *Лодыга*, *Стукь*, *Щюка*), наиболее многочисленные, не относятся к архаическому пласту: они продолжают существовать в XIV—XV вв. и значительно позже.

Намеченная по данным берестяных грамот типология новгородских личных имен может иметь ориентирующее значение при хронологизации соответствующих посессивных разрядов новгородской деантропонимной топонимии. Но существенно подчеркнуть, что речь идет именно о типологической схеме, причем следует различать уровень типологии и уровень конкретных, отдельно взятых личных имен. Относительно конкретных имен действуют узальные нормы функционирования, приводящие к тому, что некоторые имена далеко переживают типы, к которым принадлежат. Так, в архаическом пласте новгородского «берестяного» антропонимикона отмечены среди прочих др.-рус. двусосновные личн. *Домажирь*, *Сновидь*, однако о первом из этих композитов не только древнерусские, но и старорусские источники свидетельствуют как о широко употребительном имени (личн. *Домажир* / *Доможир* известно даже в XVII в., см. ниже материал в связи с геогр. *Домажирово*); что касается личн. *Сновидь*, то оно в составе фамилии зафиксировано на Русском Северо-Западе в конце XVI в. (*Сновидов* Иван Иванович 1585 г., Псков [Вес. Он.: 99, 294]), следовательно, допускается его использование и в старорусский период. В старорусской письменности встречаются отнесенные к новгородскому архаическому пласту личн. *Хотьнь*, *Невьрь*, *Некрась*; ср. *Хотен* Юрьевич Дубровский, казненный в Новгороде в 1570 г., и многочисленные в XV—XVI вв. фиксации личн. *Невер*, *Некрас*, см. [Там же: 214, 217, 342; Туп. СДЛСИ: 268, 271—272]². Немаловажно учитывать каждый раз и территориальный аспект функционирования конкретных древнеславянских личных имен. Так, некогда популярное у древних новгородцев личн. *Полюдь* рано забылось в области пятинного деления, но долго сохранялось на путях древненовгородской колонизации Северо-Востока, судя по проявлениям этого имени в ономастиконе Вологодской, Ярославской, Пермской, Костромской обл. (см *Полюдово*, *Полюдов*, *Полюжье*). Ясно, что хронологизация и классификация деантропонимной топонимии напрямую зависит от общих процессов в сфере личных имен, определяющих существо топонимической *-j-модели. Но в любом случае при поиске и разработке славянской топонимической архаики методологически необходима оценка узальных норм употребления конкретных антропонимов в более поздние исторические эпохи путем сверки материалов берестяного письма с материалами письменности XVI—XVIII столетий.

Ранее исследователи указывали, что топонимическая функция *-j-модели является первичной по отношению к гидронимической [Топоров, Трубачев 1962: 127; Чумакова 1992: 56]. Об этом свидетельствует большинство географических наименований, но имеются спорные случаи, когда определить, что первично: топо-

² Вообще говоря, личн. *Невьрь*, *Некрась* вкупе с др.-рус. *Незнань*, *Неждань*, *Нехорошь* и подобными именами с отрицанием относятся к особой группе охранительных (апотропеических) имен, в целом сохранявших популярность в старорусский период, см. [Унбегаун 1989: 164—165]. Об этом свидетельствуют нередкие отражения апотропеических имен в составе современных русских фамилий: *Неверов*, *Невежин*, *Некрасов*, *Нелюбин*, *Незnanов*, *Незванов*, *Немиров* и др.

нимическая (resp. ойконимическая) номинация или гидронимическая, — сложно. Относительно протяженных объектов — рек лучше исходить из вторичности потапонимов на *-j-, подразумевая перенесенность их из смежной ойконимии. Однако небольшие озера скорее носят первичные названия по этой модели, поскольку по сравнению с реками они точечные объекты, способные в силу локальной ограниченности иметь владельческую принадлежность.

Названия, образованные по йотово-посессивной модели, обычно оформлены флексиями разных чисел и родов: -а жен. р. (*Пустопержа, Видогоща*), -о, -е ср. р. (*Худогоща, Воиславле*), нулевой флексией -ø (< -ь) муж. р. (*Всевиж, Домославль*) или флексией -и мн. ч. (*Хотовижи, Гонежи*), которые непосредственно сопровождают основы на мягкие или шипящие согласные. К исконным «смягченным» основам иногда присоединялись вторичные форманты, оформлявшие названия в процессе исторической эволюции, к примеру -ское/-ская/-ский (*Видимирское < Видимирь*), -ье (< -ье) (*Теребонижье < *Теребонъжь*), -ина (*Сорогошина < ?*Сурогоща*) и др. Большинство йотово-посессивных названий, впрочем, сохранилось без осложнения своей структуры, т. е. с исконными, изначально адъективными флексиями, характеризовавшимися словоизменительной подвижностью. Разнообразие и вариантность флексий характерны для йотово-посессивных названий населенных пунктов (колебания муж. и жен. р., ед. и мн. ч.), тогда как названия водоемов в большей степени сохраняют грамматическую зависимость от родовых терминов *река* жен. р. и *озеро* ср. р. (*Видогоща* река, *Гостелюбле* озеро). Это связано, пожалуй, с тем, что ойконимы, в отличие от гидронимов, имели меньше шансов найти грамматическую опору в родовых терминах хотя бы потому, что сами денотаты их исторически изменчивы (село может становиться деревней, деревня превращается в пустошь, на которой возникает новая деревня, или погост становится рядком, а далее селом и т. п.), кроме того, ойконимы зачастую перемещаются на смежные социально осваиваемые участки пространства (отсюда характерная иррадиация одних и тех же названий, прикрепленных к комплексу соседних объектов — селу, деревне, погосту, усадьбе, пожне). Допустимо считать, что многие ойконимы переживали стадию «предойконимов», т. е. период становления, когда был эксплицирован или, быть может, только подразумевался опорный родовой термин, при котором ойконим либо выполнял функцию согласованного адъектива, либо уже был субстантивом, но четко ориентированным по грамматической форме на некий термин. Постепенно грамматическое (по роду) согласование йотовых ойконимов посессивной семантики с опорными терминами — обозначениями поселений (земель, владений и т. п.) потеряло всякую актуальность. Обнаруживаются лишь единичные, скорее случайные, примеры грамматического согласования ойконим — родовой термин; ср.: *Воиславле* село, *Быславле* сельцо, но и *Быславле* деревня. Обычно йотово-посессивные ойконимы не охарактеризованы флексиями ср. р., несмотря на то, что исконный поселенческий термин *село* принадлежит к среднему роду. Часть ойконимов позднее оформилась по парадигме мн. ч. (*Хотовижи, Тугощи*).

Хотя отдельные из сохранившихся до сего дня йотово-посессивных топонимов от древнеславянских личных имен-композигов не попали по разным причинам в новгородские писцовые книги, в целом средневековые документы дают значительно большее количество таких топонимов, нежели современные источники. Высокая степень их сохранности в писцовых книгах обусловлена преимущественно тем, что эпоха московских земельных описаний конца XV — сер. XVI в. на новгородской территории была хронологически ближе эпохе живого функционирования **-j-* модели по сравнению с современным периодом. Со временем многие йотово-посессивные топонимы, указанные документами XV—XVI вв., оказались забыты главным образом потому, что многие старые деревни превратились в пустоши (это хорошо показывают, в частности, материалы Ген. меж. конца XVIII в.) и затем исчезли.

В значительном большинстве случаев рассматриваемые ниже топонимы базируются на двусосновных личных именах, компоненты которых в различных комбинациях, в препозиции или постпозиции, повторяются в общеславянском антропонимиконе. Отдельные элементы активно участвуют в славянском имяобразовании, организуя многочисленные модели антропонимических сложений. Например, элементы *-slav-*, *-mbr-* стандартно занимают вторую позицию, сочетаясь с большим кругом иных элементов (*-žir-*, *-vort-*, *-voj-*, *-dom-*, *-l'ub-*, *-gost-*, *-dobr-* и т. п.), редко первую; напротив, *-dobr-*, *-jar-*, будучи частотными в препозиции, почти не знают постпозиции. Разумеется, для оценки как ареала, так и хронологии важен момент повторяемости или, напротив, уникальности антропонимической единицы. По мнению К. Рымута, праславянскими композитными именами следует считать только такие, которые зафиксированы не менее чем в двух славянских языках, или же такие, компоненты которых повторяются в разных именах и в разных языках [Rymut 1993a; 1993b]. Многие из таких имен лишены региональных черт и, будучи принадлежностью общеславянского антропонимического фонда, маркируют этноязыковое единство древних славян. Базирующаяся на них новгородская топонимия находит точные соответствия в различных уголках славянского мира, но обычно чаще, как видно, у западных славян, подчеркивая большую выделенность новгородско-западнославянских сходжений. Немалое количество таких названий в Новгородской земле говорит о значительной доле развитого праславянского наследия в языке того населения, которое заселило некогда побережья Ильменя, Ловати, Мсты, Шелони, Волхова. Но уже к началу I тыс. н. э. доля позднепраславянского наследия резко пошла на убыль, и в собственно новгородской колонизации земель к востоку и северо-востоку от Приильменя участие славянских двусосновных имен в сложении севернорусской топонимии оказалось минимальным, как, впрочем, и само использование праславянской йотово-посессивной модели в географических названиях, например, Присвирья, см. [Муллерен 2002: 72].

Древнеславянские двусосновные антропонимы, восстанавливаемые по новгородской топонимии, порой демонстрируют варианты, разнящиеся отглагольным

или отыменным образованием начальных компонентов. В аспекте хронологии имена с отглагольными компонентами были отнесены к старшему, более архаическому типу, а имена с отыменными компонентами — к младшему типу [Мароевич 2000: 99]. Однако ко времени сложения новгородской композитной деантропонимной топонимии исконная дифференциация личных имен-композигов по отглагольности/отыменности их компонентов, очевидно, нарушилась, судя по тому, что деантропонимные названия показывают взаимозаменяемость или утрату гласных в исходе первого компонента. Ситуация с восстановлением антропонимических вариантов *Ладимѣрь / Ладомѣрь, Видимирь / Видомирь*, наряду с проявлением фонетико-морфологической черты усечения гласной в исходе первого компонента (**Ладмѣрь, Хотславъ, *Любжирь, *Хотнѣзь, *Рядбудь*) подразумевает, между прочим, нерелевантность старшего и младшего типов личных имен для славян, осваивавших бассейн Ильменя. Данная ситуация, надо полагать, вообще характеризует поздненепраславянский период развития языка.

Йотовая суффиксация, исчезнувшая в XIII в. как способ деривации, обусловила закрепление отдельных прилагательных от нарицательных обозначений лиц: *пискупль, черничь, посадничь, сокольничь, ключничь, княжь* и нек. др. Данные possessивы хорошо отражены древней и новой топонимией новгородских земель: *Пискупля*, или *Епископля, Епископская*, ул. в древнем Новгороде, указанная впервые под 1049 г. [НПЛ: 181] (от др.-рус. *пискупь* ‘епископ’), *Черница*, позднее — *Черницына*, ул. в Новгороде: «Всѣ святыи на *Черници* улици», 1418 г. [Там же: 397, 411; НЛ: 45] («цокающий» вариант йотового possessива **Черница*, к *чьрница* ‘монахиня’³), *Посаднича Гора, Посадниче* дер., *Посадниче* оз. [НПК I: 651, 652; V: 94; VI: 553] (ср. с иным possessивным суффиксом *Посадникова Гора* дер. [НПК I: 549], в конце XVIII в. — пуст. *Посадница* в Рядовской вол. Бор. у. [КГарн]), *Сокольнича* пуст. в Паозерье Шел. пят. [НПК V: 298], *Сокольниче* сц. Дер. пят. [НПК II: 454, 468], *Ключнич Двор* дер. в Пречистенском Тихвинском пог. Обон. пят. 1605 г. [АИ II: 74], очень многочисленные по писцовой документации геогр. *Княжьей* руч. близ Новгорода 1-й пол. XVI в. [ПКНЗ 1: 360], *Княжа Гора, Княже, Княжо, Княжий Остров, Княж Стан, Княж Кут* (даны по [НПК. Указ. ГН: 145]), совр. новг. *Княжее Село* в Люб. р-не, *Княжий Бор* Кр. р-на, *Княжево* и *Княжово* Валд. р-на и др. Следует отметить, что перечисленные деапеллятивные названия менее древни, чем деантропонимные: они могут иметь весьма широкую, не только древнерусскую, но и старорусскую хронологию возникновения, поскольку основаны на устоявшихся лексемах, употребительных вне хронологии своего способа деривации.

³ Улица «получила свое название от Варварина девичья монастыря, который упоминается с 1138 г., когда новгородцы стергли жену князя Святослава Ольговича «у святое Варвары в манастыри» [Колчин, Хорошев, Янин 1981: 8].

ТОПОНИМИЯ ОТ ИМЕН-КОМПОЗИТОВ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Топонимическая **-j-* модель в ее классическом виде — это модель с антропонимическим композитом. Среди йотово-посессивной топонимии Новгородской земли именно образования от архаических двуосновных личных имен наиболее многочисленны и достоверны. Такие названия относительно легко опознаваемы, поскольку, как правило, отчетливо заметен сложный характер их структуры с сохранением шипящих или мягких согласных в исходе сложений. Только отдельные названия претерпели глубокие фонетические преобразования, затемнившие исходную этимологизируемую форму. Их внешняя стереотипность параллельна стандартизованности смысловых мотивировок: все они в исходе — посессивные адъективы, выражавшие владельческую принадлежность. Важная составляющая в рассмотрении названий с основами на **-j-* — это изучение стоящей за ними архаической антропонимии. Поэтому ниже путем трактовок географических названий исследуются и моменты собственно антропонимические относительно осмысления внутренней формы имен, их ареала, раритетности или фреквентативности, хронологизации, экспрессивной наполненности и функционального статуса.

Принято считать, что двуосновные имена носили люди с высоким социальным статусом. Б. О. Унбегаун [1989: 12] пишет: «Этот тип имен за редким исключением имел отношение только к князьям, и поэтому часто назывался княжеское имя». Следовательно, можно думать, топонимы, отражающие эти имена, выступали наименованиями центров осваиваемых территорий. Есть предположение, что названия на **-j-* были связаны с центрами родовых общин [Купчинский 1980: 49]. А. И. Попов [1981: 111—112] обратил внимание на то, что двуосновные имена бытовали достаточно долго у местного боярства в Новгороде, которое, как известно, обладало большими земельными богатствами. Видимо, соответствующие топонимы маркировали применительно к ситуации Новгородской земли землевладельческие центры в период первоначальной славянской колонизации этой территории. Строгая посессивность рассматриваемых наименований указывает как бы на «застолбление» впервые осваиваемых участков.

Любопытен сам факт устойчивой, жесткой связи антропонима-композиата именно с йотовой суффиксацией, хотя в конце I тыс. н. э. и особенно в нач. II тыс. суф. *-j-* испытывал усиливавшуюся конкуренцию со стороны изосемантических суф. *-ов/-ев-*, *-ин-*. Топонимических образований типа *Ратмирово* дер. Ясеновичского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 39, 47], *Домажирово* дер. Жабенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [Там же: 614], *Будимерово* дер. Тесовской вол. Вод. пят. 1568 г. [Селин 2003: 431] буквально единицы, и они не ослабляют об-

щей закономерности, так как определяющие их композитные антропонимы явно пережили свой типологический класс⁴.

В жесткости связи композитный антропоним + суф. **-j-*, конечно, сказалась зрелость йотово-посессивной топонимической модели, высокая продуктивность ее в раннеславянское время, вылившаяся в широкий массив соответствующих географических названий по всей Славии, а в плане реализации обусловившая инерционность самой модели, приводящую к ситуации некоторого хронологического несоответствия возникающих топонимических структур изменившимся деривационным процессам в языке. Вместе с тем в этой жесткости можно ощутить момент социально обусловленной знаковости, своеобразное топонимическое выражение высокого социального статуса носителей двуосновных личных имен как владельцев селений, номинация которых отмечена **-j-* моделью. Если взять аналогии из антропонимии — сферы законченной ономастической знаковости, то характер номинации селений названиями на суф. **-j-* напоминает в некотором роде известное в XVI—XVII вв. право ношения патронимов на *-вич*, которым пользовались только высокие социальные классы.

Успешная этимологизация йотово-посессивных названий-композигов зависит от знания базового корпуса древнеславянской композитной антропонимии. Такие названия в цельном виде либо по отдельно взятым элементам обычно находят более или менее точные антропонимические соответствия в разных уголках Славии. Приведу далее историко-этимологические этюды и этимологические комментарии к новгородским названиям этого типа (территориальное размещение их иллюстрирует карта 2). Композитные топонимы с основами на *-гощ/-гост-* не даны: они подробно анализируются в следующей главе.

Важным исследованием, суммирующим теоретические результаты предшественников и объединяющим топонимы, образованные по **-j-* модели от дохристианских личных имен на разных территориях, служит работа польского ономаста С. Роспонда [Rospond 1983]. Материалы этой работы широко привлекаются для сопоставлений, особенно с западно- и южнославянскими фактами. В то же время обнаруживается, что новгородские географические названия с суф. **-j-* были использованы Роспондом в весьма ограниченной, недостаточной мере. В любом

⁴ Так, личн. *Доможирь* (только вост.-слав. [ЭССЯ 5: 69]) имело хождение во всю эпоху средневековья; ср. *Доможир*, новгородский иконописец 1230 г., *Доможир* Иванович Кучецкий (1572 г., Новгород), Анкудин *Доможир* (1638 г., Москва), Константин *Доможиров* (1476 г., Новгород), Гавриил Матвеевич *Доможиров*, волостель (1539 г., Балахна), *Доможировы* (XVI в. и позже, Нижегородский уезд) [Вес. Он.: 93]; данное имя использовалось и в поздней украинской антропонимии [Бучко 1994: 115]. Функциональность композита связана, очевидно, с превращением имени в употребительный диалектный апеллатив, давший немало дериватов: арх., перм. *доможи́р* 'домосед', 'скопидом, скряга', 'запасливый хозяин', олон. *доможи́рка* 'небольшое хозяйство', арх. *доможи́рко* 'домосед', 'домовой', олон. *доможи́рник* 'домовой', *доможи́рный* 'трудолюбивый', сев.-рус. *доможи́рить*, *доможи́рничать*, *доможи́ровать* 'вести свое домашнее хозяйство' и др. [СРНГ 8: 122]. Встречалось и старорусское *Будимерь*, ср. фамилию *Будимеров* Тимофей Кондратов, стрелец 1624 г., Калуга [Там же: 52].

случае нужно признать, что широкая каталогизация йотово-посессивных топонимов, прежде всего в России, на Украине и в Белоруссии, далека от завершения. Для межславянского антропонимического сравнения мною используются фундаментальные материалы многотомного «Словаря древнепольских личных имен» [SSNO], а также богатые собрания древних личных имен из работ Я. Свободы, Г. Шлимперга, О. Кронштейнера, В. Ташицкого, Й. Заимова, М. Морошкина, Н. Тупикова, М. Гркович и др.

Композиты на *-СЛАВ-/-СЛОВ-*

Буславля дер. неподалеку от Вышнего Волочка Твер. губ. во 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43: № 4067], достаточно уверенно идентифицируемая со средневековой дер. *Быславле* Заборовского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 7]; **Быслав** дер. Климентовского Тесовского пог. Вод. пят. 1500 и 1568 гг. [НПК III: 74; Селин 2003: 121]. Ойконимы мотивируются либо личн. *Буславъ* (ср. производное личн. *Буславль* из двинской грамоты XV в. [ГВНП: 261, гр. № 249], имя *Буслав* Ильин сын Панафидина для землевладельца в Полоновском пог. Дер. пят. 1538/39 г. [ПКНЗ 4: 275], имя *Буслав* помещика в Михайловском пог. на р. Узе Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 663], др.-польск. личн. *Bustlaw* [SSNO I: 287; VII: 24] — из *Bud(o)slaw*), либо личн. **Быславъ*, где *Бы-* — вероятная основа глагола **byti*. Впрочем, известные славянским языкам антропонимические композиты связаны первыми компонентами скорее не с **byti*, а с префиксальными глаголами **sъbyti*, **ubyti*, **pribyti* (ср., к примеру, польские имена типа *Zbyslaw*, *Ubyslaw*, *Przybyslaw*), тогда как личн. **Byslavъ*, кажется, не зафиксировано. Новгородская ойконимия дополняется ойконимами *Быславль* дер. в окрестностях Владимира [Vasm. RGN I 3: 595] и, вероятно, *Старобислово* (если из **Старое Быслово*), связанным с современной дер. в Калязинском р-не Твер. обл., сюда же польск. *Byslawskie* и *Male-Byslawskie*, названия озер в басс. Вислы [НВ: 298—299], и сербский гидроним *Бислав* [Павл. ХС]. Чаше, однако, подобные названия встречаются в иной огласовке: *Буславль* дер. Дмитровского у. в Подмосковье, а также без йотовой суффиксации геогр. *Буслава* близ Гжатска, *Буславец* недалеко от Твери, *Буславка* на Смоленщине и в Минской губ., *Буславцево* близ Вельягонска [Vasm. RGN I 3: 595]. В целом целесообразнее возводить новг. геогр. *Быславле*, *Быслав* все же к антропонимическому композиту *Буславъ*, имея в виду возможность фонетической модификации *Бу-* > *Бы-* первого слога; ср., например, геогр. *Быдгоща* (< *Будгоща*, см. *Будгощъ*), диал. *быдто* (< *будто*).

Воиславле сел. Вод. пят. 1500 г. в пог. Богородском Врудском, в Копорском у., принадлежало до XVI в. новгородскому Юрьеву монастырю [НПК III: 847, 856]. Ойконим сохраняется до сих пор, но в несколько переиначенном облике — *Ославье* дер. Терпилицк. Волос. К личн. *Воиславъ*, которое, судя по разным источникам, было известно почти по всей Славии и зафиксировано также новг. бер. гр. № 531 конца XII — 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004: 416]. Из топонимических соответствий

отмечу *Wojslawice* сел. у р. Буг в Галиции + сел. близ гор. Хелм в Восточной Польше [Vasm. RGN II 1: 141], польск. *Wojslawka* р. басс. Вислы [HW: 304, 438], болг. *Воиславци* сел. [Займов 1967: 218].

Всеславле дер. в Бологовском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 896]. Мотивировано личн. *Вьсеславь* с местоименным компонентом. По-видимому, это имя использовалось только у восточных славян: его носили, в частности, полоцкий (1044 г.) и витебский (1175 г.) князья [Туп. СДЛСИ: 98]. См. еще геогр. *Всеславль* (*Сеславль*) сел. Козельского у. Калужской губ. [Vasm. RGN II 1: 216].

Волокославский пог. Анисимовской вол. Тихв. у. на р. Чагоде-Чагодоше [СНМНГ VII: 10—11; ВСОРИ: 10], в XVI в. — село *Волок Хотславлъ*, центр пог. *Никольский Волокохотславлъ* Обон. пят. [ПКНЗ 2: 141, 159], или, иначе, — *Никольской Гослав волок* [ПКОП III: 17—22]. Селение находилось при древнем волоке, соединявшем Воложбу басс. Сяси с Чагодой басс. Волги. Составной ойконим содержит посессив от личн. *Хотславлъ* (< **Хотѣславъ*) и семантизируется как 'волок Хотслава'. Данное имя было популярным на новгородской территории в XII в., судя по тому, что его показывают несколько грамот на бересте: *Хотѣславлъ* в гр. № 35 из Старой Руссы (20—50-е гг. XII в.), *Хотѣславлко* (или *Хотѣславецъ*) в новг. бер. гр. № 654 (сер. 1150-х — нач. 1210-х гг.), *Хотославлъ*, которое выводится из притяжательного прилагательного во фрагменте «*Хото(сла)[в]лю [з]емлюю*» из бер. гр. № 805 (последняя треть XII в.) [Зализняк 2004: 388—389] (там же предполагается, что *Хотославлъ* гр. 805 и *Хотѣславлко* гр. 654, вероятно, одно и то же лицо). Ср. еще др.-польск. личн. *Chocielaw*, *Chocslaw* [SSNO I: 322], др.-чеш. *Chotislav* [ЭССЯ 8: 85]. Село с названием *Хотславлъ*, *Полнышево* тож в окрестностях Вязьмы указывает жалованная грамота московскому Новодевичьему монастырю 1662 г. [АИ IV: 316]. Имеется еще смоленское геогр. *Хотеславичи* (*Хотиславичи*) сел. Духовщинского у., *Хотислав* дер. неподалеку от гор. Брест Гродненской обл., *Chocislaw* ж.-д. ст. в Восточной Польше [Vasm. RGN IX 3: 531]. Максимально подобное новгородскому название есть на сопредельной вологодской территории: *Волокославинское* дер. в Кирилловском у. Новг. губ. при оз. Благовещенском, рядом значились в нач. XX в. Благовещенский и Никольский *Волокославинские* погосты [СНМНГ X: 26, 30]. По-видимому, вологодский ойконим появился вторично, как «отзвук» новг. *Волокославского* пог. к югу от Тихвина.

Гославль дер. Новоскребельск. Дем. к востоку от северного (Полновского) плеса оз. Селигер, по источнику нач. XX в., — дер. *Гослав* Рабежской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 68—69]. Идентифицируется с парой смежных средневековых деревень, именовавшихся *Гославль*, в Полновском пог. в Деманском присуде Дер. пят. конц. XV в. [НПК II: 561]; документация 1539/40 г. застает здесь дер. и пуст. *Гославль* [ПКНЗ 4: 259—261]. Ойконим возник на базе личн. *Гославлъ*, которое было популярным на западе славянства: польск. личн. *Goslaw*, чеш. *Hoslav*, полаб.-помор. *Goslav* [SSNO II: 172—173; Svoboda 1964: 76; Schlimpert 1978: 49]; исследователи считают это имя усеченным и преобразованным из **God(o)slavъ* или **Gost(i)slavъ*; на мой взгляд, не исключена и модификация из личн. **Gojъslavъ*, зафиксирован-

ного у западных и южных славян (см. ниже геогр. *Ганежи*). Из соответствующей топонимии см. геогр. *Гославица* и *Дарево-Гославица* — селения в окрестностях гор. Слуцк и Новогрудок в Белоруссии [Vasm. RGN II 3: 522], полаб. геогр. *Goslav'* (откуда нем. *Gotzlow*) дважды в Германии, геогр. *Goslaw* четырежды в Польше и там же с другим формантом геогр. *Goslawice*, гидроним *Goseljsko Jezero* в Словении, засвидетельствованное как *Goslauuis* под 1050 г. [Rospond 1983: 75; Miklosich 1927: 49].

Даньславля ул. Софийской стороны в Новгороде, впервые упоминается под 1342 г. (под 1394 г. названы *даньславцы* — жители улицы). Разные варианты урбанонима (*Даниславля*, *Даславля*, *Даньсалая*, *Дослава*, *Досланя*, *Дослана*) многократно отмечаются в памятниках письменности XIV—XVI вв. [НПЛ: 355, 370, 384, 386, 460; НЛ: 35, 74, 125, 128, 237, 246, 247, 250, 257, 327, 334; НПК I: 781; II: 7, 28, 328; III: 13, 21, 316, 781; ПКНЗ 5: 115, 235] и позднее. В основе названия улицы лежит популярное в средневековом Новгороде композитное личн. *Даньславъ*, ср. упоминание летописью трех новгородских бояр, носивших это имя [НПЛ: 21, 32, 33, 70, 205, 220, 221, 277]. Из варианта *Даньславля* после падения редуцированных путем перестановок и утраты согласных звуков появились иные варианты, среди которых *Досланя* являлся самым частотным. Личн. *Даньславъ* восточнославянского и скорее всего др.-новг. происхождения и функционирования (хотя был еще *Данслав* Рекполт, свидетель в Червонной Руси, 1393 г. [Туп. СДЛСИ: 125]). Это имя можно понимать в значении 'славный данью', вопреки С. Роспону, который связывает первый компонент личн. *Даньславъ* с христианским именем *Даниил*, считая основу *dan-* не характерной для славянских композитов [Rospond 1983: 64], что маловероятно⁵. На др.-новг. диал. принадлежность личн. *Даньславъ* намекает и то обстоятельство, что межтерриториальных топосоответствий к названию ул. *Даньславля* почти нет; следует указать лишь на лимноним *Данислово* оз. на западе Вожегодского р-на Волог. обл.

Домославль дер. Неболчск. Люб. к северо-востоку от пос. Любытино, р. ц. Новг. обл., в нач. XX в. обозначена как дер. *Долгославля* Жуковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 46—47]. Этот, второй, вариант безусловно вторичен, окказионален. На юго-восточной периферии бывшей Новгородской земли, у границы Беж. и Дер. пят., лежит еще пара дер. *Домославль*: одна в Вышн. р-не, в Холохоленском СО (= дер. *Домославля* Вышн. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43: № 3815]), вторая — в районе Торжка, Клоковский СО. За исходный антропоним, мотивирующий эти названия, следует принять хорошо известное др.-рус. личн. *Домославъ* / *Домаславъ*. Такое имя, в частности, зафиксировано в новг. бер. гр. № 155 (60—90-е гг. XII в.) [Зализняк 2004: 381] и на стене новгородского Софийского собора в надписи 2-й пол. XII в. — 1-й пол. XIII в. [Медынцева 1978: 140, надп. 195].

⁵ Против этого свидетельствует извлекаемое из топонимии архаическое личн. **Daniborъ* (ср. в Чехии геогр. *Daniborov brod* [Svoboda 1964: 94]) с тождественным первым компонентом.

За пределами исследуемой территории полные топонимические соответствия многочисленны. Это геогр. *Домословие* ус. близ Витебска, *Домословье* дер. в бывшей Виленской губ. недалеко от гор. Вилейка к северо-западу от Минска; к более поздним деривационным моделям принадлежат геогр. *Домославка* близ гор. Калязин, *Домославское* в Буйском у. Костромской губ. [Vasm. RGN III 1: 73]. Прочие то-посоответствия-ойконимы уходят на запад славянства: *Domoslav* в Чехии, *Domozlo* дважды в Венгрии (< др.-словац. **Domaslavjъ*), геогр. *Domaslaw* (вар. *Domislaw*) в Польше, *Damszlaff* в Германии (< полаб.) [Rospond 1983: 69], патронимические *Domaslavice*, *Domoslavice*, *Domaslavice Dolní* (и *Domaslavice Horní*, *Domaslavice Prostřední*) в Чехии [Svoboda, Šmilauer 1960: 159—160; Hosák, Šrámek MJMS I: 194] и др. (их подр. территориальная дистрибуция дана на карте 3). Имя *Domaslav*, а также *Domoslav*, *Domislaw* хорошо знакомо разным славянским языкам: чеш., польск., полаб., сербохорв., болг., см.: [Svoboda 1964: 75; SSNO I: 504—505; Kronsteiner 1981: 206; Schlimpert 1978: 43; Заим. БИ: 92]; оно входит в целый ряд др.-слав. имен с компонентом *Dom-* 'дом': **Domamyslъ*, **Domažirъ*, **Domamirъ*, **Domaradъ* и др.

Значительные метаморфозы претерпел ойконим *Добросли*, прикрепленный к деревне на р. Явонь Дем. р-на, Жирковское с/п. Совр. пункт отождествляется с дер. *Доброславль* (или, по другой записи того же источника, — «Дер. в *Доброславле*») Деманского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 526, 527] и 1538/39 г. [ПКНЗ 4: 245], ставшей к концу XVIII в. дер. *Доброселье* Ст-Рус. у. [ИАДП 1: 151]. В XIX в. название дер. *Доброселье*, входившей уже в Дем. у., воспроизводилось на топографических картах сер. и 2-й пол. XIX в. [КШуб; ВТКЗверст]. Однако уже в сер. XIX в. местные жители использовали совр. вариант названия — *Добросли*; см. описание этой деревни в [Новг. сборник III: 5]. По источнику нач. XX в. [СНМНГ II: 38—39], *Добросли* — дер. Луцкой вол. Дем. у. близ Демянска при слиянии рек Явони и Чернорученки.

Ранняя, исконная форма — *Доброславль* — притяжательное прилагательное от личн. *Доброславъ*, праслав. **Dobroslavъ*, очень популярного композитного имени, издревле употребительного до сих пор в чеш., польск., болг., хорв., словен. и других именниках, см. [Rospond 1983: 67; Svoboda 1964: 74; Schlimpert 1978: 43; Kronsteiner 1981: 210; Заим. БИ: 88 90], реже оно встречалось в др.-рус. именнике [Туп. СДЛСИ: 129; Суп. СРЛИ: 170]. С данным антропонимическим композитом связаны такие топонимы, как блр. *Доброславка* дер. и ус., в окрестностях Пинска, укр. *Доброславова* сел. на р. Ворскла в Харьковской губ., *Dobroslava* (венг. *Dobroszló*) сел. в Словакии, округ Стропков [Vasm. RGN III 1: 41], *Dobrosławicy* сел. в Польше [Rospond 1983: 67], *Dobroslavice* в Чехии [Hosák, Šrámek MJMS I: 183], *Доброславици* сел. в Болгарии [Заимов 1967: 220], *Добриславица* р. в Сербии [Павл. ХС]. Новг. геогр. *Доброславль* как указание на участок (поселение) некоего *Доброслава* закрепилось, очевидно, значительно раньше первого упоминания писцовой книгой, сама запись «Дер. в *Доброславле*» предполагает скорее всего, что деревня XV в. появилась на пустоши, т. е. на месте заброшенного, более древ-

него селения. С течением времени притяжательный смысл *Доброславль* утратился, появилась возможность переосмысления ойконима. Была переосмыслена вторая часть композита, которую сблизили со словом *село*, что дало вариант *Доброселье*, воспринимаемый как положительная оценка: ‘доброе’ (т. е. хорошее) село; ср. многочисленные названия населенных пунктов типа *Доброе*, *Доброе Село*.

Современное *Добросли* очевидным образом связано с обоими историческими вариантами — *Доброславль* и *Доброселье*, хотя не является закономерным развитием ни первой, ни второй формы. Для воссоздания полной картины изменений недостает некоторых звеньев, но есть мнение, что *Добросли* — результат скрещивания вариантов *Доброславль* и *Доброселье*, длительное время, очевидно, употреблявшихся в качестве параллельных наименований деревни. По иной допустимой версии, *Добросли* — это незакономерная модификация одного из двух приведенных вариантов, устоявшаяся в речи местных жителей.

Жераславль пожня «Матвеевская Деревяшкина» в устье Ловати в Ст-Рус. у., отмеченная под 1624 г. [ППКСР: 220]. На Плате земель, принадлежащих Старорусскому Городскому Обществу 2-й пол. XIX в. (опубликован в книге [Полянский 1885]), пожня именуется *Жирославль*; позднее она указана под № 40 также на плане Взвядского пог. в приложении к статье [Чернов 1985]. Рядом с пожней книга 1624 г. отмечает озерко («омутница») *Жереслава*: «...Рыбу ловит на омутнице *Жереславе* по вешней воде» [ППКСР: 240], отождествляемое с одним из пары близлежащих совр. озер: *Жирослав*, 11 га, в Парф. р-не или *Жирослов*, 16 га, в Ст-Рус. р-не, оба в пойме оз. Ильмень в устье Ловати [Истомина, Яковлев 1989: 130]. Основа и суффиксация геогр. *Жераславль/Жирославль*, которое первоначально могло относиться не только к сенокосному угодию, но и к водоему, отсылает к раннедревнерусской эпохе. После падения редуцированных произошло упрощение финального сочетания *вл’*, аналогичное диал. *журав, рупь* (< *журавль, рубль*). Двусловное личн. *Жирославль* было популярным среди древненовгородской аристократии, отмечу хотя бы посадника *Жирослава*, бояр новгородских *Жирослава* Дорогомилевича, *Жирослава* Давыдовича, Бориса и Юрия *Жирославичей* в период расцвета Новгородской республики [НПЛ: 570, 577, 594]. Имя имело хождение также на других древнерусских территориях (ср. патроним *Жирославичь* в наименованиях бояр XI—XII вв. по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям [Туп. СДЛСИ: 548]) и на западе славянства: польск. *Zyroslaw*, чеш. *Žiroslav* [SSNO V: 79—80; Svoboda 1964: 313]⁶. Топонимические соответствия уходят на восток и юго-восток от Приильменя: геогр. *Жерославль* дер. на р. Крапивка в Корчевском у. Твер. губ., костромск. *Жирославль* дер. близ Нерехты, *Жирославка* ус., *Жирослево* дер. на р. Ламса в окрестностях Солигалича, *Жирославское* дер. на р. Мурноге в Юрьевском у. Владимирской губ., но отмечены и на северо-востоке Польши: геогр. *Żerosławka* в Сувалкии [Vasm. RGN III 2: 298]. Надо полагать, что на территорию древней Ростово-Суздальской

⁶ Графика западнославянских источников не исключает смешения его с реконструируемыми **Siroslaw*, **Sieroslaw*.

земли личн. *Жирославъ*, обусловившее указанную ойконимию, проникло с новгородской территории. Нахождение в пределах Ловатской дельты двух одноименных озер *Жирослав*, *Жирослов* — вероятное свидетельство того, что в прошлом их номинация была связана с одним и тем же человеком. Название еще одного озера, лежащего в устье Ловати, — *Жирохлицкое* (см.) — тоже включает модификацию полного личн. *Жирославъ*.

Новгородская гидронимия на базе личн. *Жирославъ* дополняется сопредельным ойконимом *Жересло* дер. Мануйловской вол. Ст-Рус. у. в низовьях Ловати нач. XX в. [СНМНГ III: 74—75], = *Жиросло* дер. в Курском присуде в Петровском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 630]. Специфическая концовка данного названия объясняется незакономерным усечением йотово-посессивной формы **Жирославль* (или, возможно, исконной бесформантной топонимической формы **Жирославъ*, см. гл. 6), напоминающим усечение геогр. *Доброславль* > *Добросли* (см.). Колебания *Жиро-/Жере-* обусловлены притяжением к разным этимологическим корням, подр. об этом см. при анализе *Тужирово* и *Тужерино* в гл. 5.

Мирославль ур. на правом берегу Замленки, Кр. р-н (по совр. карте-километровке), = *Мирославье* дер. Красностанской вол. Кр. у. на восточном побережье Ильменя [СНМНГ IV: 54—55]. Отождествляется с дер. *Мирославль* Сытинского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II: 480, 482, 487] и 1530—1540-х гг. [ПКНЗ 4: 215], которая в межевых материалах конца XVIII в. указана как пуст. *Большое Мирославль* Кр. у. [ИАДП I: 270].

Вторая новг. дер. *Мирославль* значилась по писцовой книге Вод. пят. около 1500 г. в пог. Ильинском на Волхове [ПКВод 11: 39, 41]; в более поздней документации этот пункт именуется существенно иначе: *Мересаха* дер. 1568 г., *Мересика* пуст. 1582 г., *Мереслан* дер. 1678 г., *Мереслона* дер. 1709 г. [Селин 2003: 290], что не исключает в данном конкретном случае трактовки вар. *Мирославль* и как результата славянского освоения некой дославянской формы. Ойконим возводится к личн. *Мирославъ*, которое использовалось не только в раннедревнерусский, но и в позднедревнерусский и старорусский периоды [Вес. Он.: 199; Демчук 1988: 63]. Женское имя *Мирослава* выбито на каменном кресте XII в., найденном близ дер. Воймирицы близ пос. Любытино, р. ц. Новг. обл. Данный антропоним издревле хорошо известен по всему славянскому миру. Многочисленна, особенно у восточных славян, топонимия на базе этого имени. Списки населенных мест Российской империи XIX в. дают до двух десятков ойконимов, наиболее архаические из которых (*Мирославль*, *Мирславль*, *Мирослав*) приурочены к территории Псковщины, Белоруссии, украинской Вольны и Курской губ. [Vasm. RGN V 3: 574, 575], Судоходный дорожник 1855 г. [Судох. дор.] указывает еще порог *Мирославль* на Волге между Тверью и Рыбинском. Соответствующая топонимия неоднократно отмечена также в Чехии (геогр. *Miroslav*, трижды, и *Miroslavice*), Польше (*Miroslaw*, дважды) и на Балканах: сербохорв. геогр. *Mirosav*, макед. *Mirosavlje*, греч. *Μοροσλαβον* (из др.-слав.) [Rospond 1983: 94; Hošák, Šrámek MJMS II: 75, 76—77], болг. *Мирославци* [Заимов 1967: 222] (подр. территориальная дистрибуция дана на карте 3).

Радословле дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 451, 452], отмечена межевой документацией конца XVIII в. как дер. *Родослав*, а списками селений 2-й пол. XIX в. — как дер. *Радоселье* на рч. *Радосельке* [Андрияшев 1914: 107]. К личн. *Радославъ*, которое отразили три грамоты на бересте: № 50, 213 и Ст. Р. 35а [Зализняк 2004: 790]. Это имя, наряду с вариантным *Радиславъ*, хорошо засвидетельствовано восточно-, западно- и южнославянскими источниками: рус., польск., чеш., болг., сербохорв., словен. [Svoboda 1964: 83], личн. *Радислав* отмечает и ст.-укр. источник XVII в. [Демчук 1988: 63]. Ср. более поздний вариант данного имени, обусловивший новг. геогр. *Раслово* (см.). Из соответственной топонимии отмечались геогр. *Radostlaw*, или *Raclaw*, в Польше, *Rathsleben* и *Radensleben* в Германии (< полаб. **Radoslav*'), *Радослав*, *Радослав Дол* в Болгарии, *Radoslavlja* в Хорватии [Rospond 1983: 117; Заимов 1973: 149], с иными формантами — повторяющееся пять раз геогр. *Radslavice* и два раза *Radslavičku* в Чехии [Hosák, Štárek MJMS II: 352—353], *Rádoslavci* в Словении [Snoj ESSZI: 344]. Развитие вариантов новг. *Радословле* > *Радоселье* эквивалентно преобразованию геогр. *Доброславль* > *Доброселье*, о котором говорилось выше (см. *Добросли*).

Раслово дер. в верховьях Шелони в бывшем Порх. у. Пск. губ. [СНМРИ 34: № 10667], идентифицируется с дер. *Расловль* Дегожского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 268]. Старописьменная форма ойконима — йотово-посессивное производное от личн. *Раславъ* с усеченным первым компонентом (из *Радславъ* < *Радославъ* либо *Ратьславъ* < *Ратиславъ*) или, что менее вероятно, от личн. *Рославъ* (из *Родславъ* < *Родиславъ* либо *Ростьславъ* < *Ростиславъ*). Ср. личн. *Ратьславъ* или *Радславъ* в новг. бер. гр. № 260 и 262 (XIV в.) [Зализняк 2004: 604—605, 609] наряду с др.-рус. *Радьславъ* («дворъ *Радьславль*» в Киеве 1161 г., Иванъ *Радьслаличь*, посол 1164 г.) [Туп. СДЛСИ: 332, 719], др.-польск. *Raslaw*, *Radslaw* [SSNO IV: 421—422], чеш. *Radslav* [Svoboda 1964: 83]. Личн. *Раславъ* 1404 г. зафиксировано Софийской 1-й летописью [Мор. СИ: 169]. На новгородской территории известно еще отпатронимное геогр. **Расловичи**, прикрепленное к двум близлежащим деревням Красноборской вол. Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII: 66—67], а также к изучаемому ареалу можно отнести еще несколько названий современных деревень, расположенных у юго-восточных окраин бывшей Беж. пят.: **Расловлево** (ранее — *Расловля*, или *Раславлево*), **Расловково** и **Расловка** в Бежецком р-не, **Расловино** в Молоковском р-не, **Расловка** в Калязинском р-не, **Раславлево**, по МАТГ — *Раславль*, в Сандовском р-не Твер. обл. (совр. сведения по [Воробьев 2005: 327, 335]). На сопредельных восточнославянских территориях соответственных географических названий обнаруживается немало: *Раслово* дер. в Борисоглебском у. Ярославской губ. + дер. близ Костромы на р. Межа + дер. в Зубцовском у. Тверской губ. + сел. в Тотемском у. Вологодской губ., *Расловлево* дер. близ Романова-Борисоглебска и Ростова в Ярославской губ., *Расловский* пог. на р. *Расловка* Грязовецкого у. Вологодской губ., укр. *Раславка* сел. на Волыни и нек. др. [Vasm. RGN VII 3: 536]. Не менее хорошо представлена близкая

ойконимия с огласовкой *о* первого слога: *Рословская* дер. под 1540/41 г. в Збудской переваре Торопецкой земли [ПКНЗ 4: 555], *Рославль (Рословль)* гор. к юго-востоку от Смоленска + сел. Болховского у. на Орловщине, *Рысловль* в окрестностях Гомеля, *Рославлево* — пункты в Подмосковье, под Костромой и под Вельегонском, *Рословичи* под Киевом, *Рословка* под Суражем Черниговской губ. и нек. др., см. [Vasm. RGN VII: 536, 651—652; XIII 1: 19]. В целом ойконимия с начальным слогом *Ра-* чаще связана с восточными областями (твер., яросл., волог., костр.), а пересекающиеся с ней названия на *Ро-* в основном тяготеют к югу от Новгородской земли. Перечисленные факты с очевидностью показывают, что личные имена *Раславь*, *Рославь* были употребительны во многих русских землях, причем сохранялись довольно продолжительное время. Позднее они стали смешиваться друг с другом и, вероятно, со ст.-рус. личн. *Росльий*, *Росляк* [Вес. Он.: 271], а также знали метатезу гласных первого и второго слогов.

Чесловле дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 449], позднее, по Ген. меж. конца XVIII в., — пуст. *Чеслова*, *Буслова* тож на р. Рожне при впадении руч. Морозова [Андрияшев 1914: 106]. Ср. оформленное суф. *-ица* геогр. **Чесловица** дер. Жабенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 645], = *Честославец* дер. Ост. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 168]. Ойконимы мотивированы личн. *Чеславь* или максимально сходным с ним личн. *Чаславь* — хорошо известными, употребительными у разных славян антропонимами. По деривации личн. *Чеславь* — это сокращенный вариант праслав. **Čьstьslavь* [Milewski 1969: 201], однако не исключается структурное подобие его и особенно вариантного личн. *Чаславь* с указанными ниже **Чаньгь* / **Ченьгь*, **Чабудь*. Ср. блр. личн. *Часлав* [Бірыла 1982: 126], древние и современные польск. *Czaslaw* и *Czeslaw*, чеш. *Čáslav* и *Čěslav*, аналогичные имена есть в др.-луж., др.-болг., сербохорв. именниках, см. [SSNO I: 393, 407—408; Svoboda 1964: 73; Schlimpert 1978: 28—29; Заим. БИ: 242; Грк. РЛИКС: 209]. Внеовгородские топонимические соответствия нередки: геогр. *Чеслова* дер. Касимовского у. Рязанской губ., *Чеславово* в Минской и Виленской губ., *Чеславин* сел. близ гор. Ровно на Волыни, *Числавль* дер. близ гор. Александров и *Числовские Городищи* близ гор. Юрьев Владимирской губ. [Vasm. RGN X 1: 48, 130, 152], *Часлівці* сел. в Ужгородской обл. Украины [Худаш, Демчук 1991: 210], ойконимы *Čáslav* (трижды), *Čáslavky* (дважды), *Čáslavsko*, *Čáslavice* в Чехии [Prof. MJ I: 265—266; Hošák, Šrámek MJMS I: 151], *Czaslaw* в Польше, *Chászló* дважды в Венгрии (< словац.), *Cislau* в Румынии недалеко от гор. Плоешти (< др.-слав. **Časlavjь*) [Rospond 1983: 59; Заимов 1973: 175].

Йотово-посессивные названия, образованные от имен на *-славь*, часто испытывают колебания формантной части. Нередкая утрата эпендетической *л'* позволяет стабилизировать название в рамках иных деривационных моделей, см. рассмотренные геогр. *Чеслова*, *Жирослов*, *Жиросло*, *Гослав*, *Радослав*, *Мирославье*, *Раслово*, *Добросли* как поздние устоявшиеся варианты ранних йотово-посессивных названий, удостоверяемых письменностью. При отсутствии письменных свидетельств приходится полагаться на аналогии, которые достаточно надежны.

Так, геогр. *Будослово* дер. Бельского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II: 414] выступает явным результатом модификации, состоящей из фонетической утраты *л'*, переразложения и «подгонки» под продуктивную посессивную модель на *-ово/-ево* первоначальной йотово-посессивной топонимической формы **Будославль, -а, -е*, ср. зафиксированные *Расловль* > *Раслово*, *Чесловле* > *Чеслова* (см.). Такая модификация встречается с достаточной регулярностью, причем не только в производной топонимии, но и в производной антропонимии. Ср. белорусскую параллель к новгородскому ойкониму — геогр. *Будислово* дер. на р. Западная Двина Витебской губ., далее геогр. *Мирослово* дер. Костромской губ. близ Нерехты (из притяжательной формы **Мирославль, -а, -е*), *Твердислово* дер. на р. Светица недалеко от Солигалича Костромской губ. (из ранней формы **Твьрдиславль, -я, -е*, к др.-рус. личн. *Твьрдиславь*), *Вячеслово* дер. близ Переславля Владимирской губ., *Вечеслово* дер. близ Кадникова Вологодской губ. [Vasm. RGN I 3: 561; II 2: 281; II 1: 84; IX 1: 33], как и патронимическое наименование *Вячесловы*: Ефантий *Вячеслов* из Суздаля сер. XV в., Илья Иванович *Вечеслов*, губной староста 1608 г. в Вологде [Вес. Он.: 67, 76] (из притяжательного **Вячеславль*). В основе новгородского геогр. *Будослово* лежит личн. *Будославь* / *Будиславь*, которое, как показывают материалы [Svoboda 1964: 72; Schlimpert 1978: 13, 25; Грк. РЛИКС: 47; Заим. БИ: 40], было в ходу практически по всей древней Славии: польск. *Budzislaw* с 1136 г., чеш., хорв. *Budislav*, болг. *Бъдислав*, серб. *Будислав*, полаб.-помор. *Bądislav*, др.-луж. *Budislav*; на периферийной восточнославянской территории личн. *Будиславь* сохранялось продолжительное время, ср. *Будислав* Едигеев в Угличе 1589 г. [Туп. СДЛСИ: 67; Вес. Он.: 52, 107]. Нередки йотово-посессивные топонимы на базе данного антропонима, в котором, как показывают отдельные фиксации, унифицировались два имени — **Bǫdislavь* и **Budislavь*: геогр. *Budislav* дважды в Чехии [Prof. MJ I: 227], *Budzislaw* дважды в Польше и там же (повет Млава) средневековое геогр. *Będzislaw*, сегодня — *Bonislaw*, геогр. *Budislav* в Словакии, *Budiszlo*, *Bogyoszłó*, *Bogyiszłó* на территории Венгрии, *Budisava*, *Budisavlje* в Хорватии недалеко от Мостара [Rospond 1983: 41, 51]. Ср. геогр. *Будогощъ* (см.).

Сеславль, название пути, дороги, идущей из Новгорода в XVI в. [ПKNЗ 1: 314, 330, 346, 348; ПKNЗ 6: 50]. Обосновывается личн. *Сеславь* или (что, на мой взгляд, не столь вероятно) *Съславь*. Ср. др.-польск. личн. *Seslaw*, др.-чеш. *Sěslav* (и геогр. *Seslavky* в Чехии), полаб.-помор. личн. *Seslav*, др.-болг. *Сеслав* [Svoboda 1964: 84; Schlimpert 1978: 124; Заим. БИ: 198; Rospond 1983: 123, 125]. Параллельные названия зарегистрированы к югу от Новгородской земли. Среди них гидроним *Сеславль* (исторические варианты *Селнов*, *Суслов*, *Сусловец*, *Сеслава*, *Сослова*, *Суслава*) л. пр. Свапы, п. пр. Сейма [Топоров, Трубачев 1962: 126; Яценко 1974: 96—97] (трактовка этого водного названия по связи с глаголом **sluti*, **slovu* [Шульгач 1998: 18] не убеждает), ойконимы *Сеславль* (*Всеславль*) дер. на руч. Синеговка Козельского у. Калужской губ. + дер. на рч. *Сеславка* и Островенка Рославльского у. Смоленской губ., *Сеславле* дер. при впадении р. Прянская в Волгу Старицко-го у. Твер. губ. (сегодня — *Сеславье* в Калининском р-не). Вариантность типа *Се-*

славль/Всеславль указывает на возможность сближения и объединения рассматриваемой топонимии с созвучными названиями от личн. *Вьсеславъ* (см. *Всеславле*). К более поздним образованиям, пожалуй, относятся геогр. *Сеславино* — пункты в окрестностях Ярославля, Ржева и подмосковного Можайска, *Сеславино Старое* и *Сеславино Новое*, дер. у гор. Козлов Тамбовской губ., *Сеславка* пункт под Нерехтой Ярославской губ., *Сеславское* дер. на рч. Вздерышка близ Владимира [Vasm. RGN VIII 2: 249]. Относительно трактовки первого компонента исходного личного имени, который повторяется в целом ряде композитов (ср. личн. *Сежирь* из надписи № 18 на штукатурке новгородской Софии [Медынцева 1978: 42], чеш. *Sebor*, *Semil*, *Sechut*, *Sel'ub*), среди исследователей славянской антропонимии нет единства. С. Роспонд предполагает в большинстве случаев исходное *Sě-* < **sě-* ‘сиять, блестеть’, но скорее правы те, кто соотносит с корнем местоимения, возвратного (сравнивая попарно чеш. *Seslav* — *Soběslav*, *Sebor* — *Seběbor*) или указательного **sb*, **sego*; есть и иные мнения, подр. о которых см. [Svoboda 1964: 84; Rospond 1983: 123, 125].

КОМПОЗИТЫ НА *-МИР/-МЕР-*

Видимирь [НОС 2010: 113], иначе *Видимирское*, оз., 492 га, к югу от пос. Хвойная, р. ц. Новг. обл. Первое упоминание Видимирского оз. обнаружено в документе значительной древности — новг. бер. гр. № 579, относящейся к 3-й четверти XIV в.: «...Дайте коницка до *Видомиря* вѣрѣ ци до Мстѣ» (‘Дайте лошадку под клятвенное слово до Видомира или до Мсты’). Уже отмечалось, что «*Видомир*е или *Видомирь* — очевидно, древнее название нынешнего Видимирского озера (в Бежецкой пятине, недалеко от Мсты) или стоявшего на его берегу Видимирского погоста» [Зализняк 2004: 570]. Более поздние источники дают иные варианты этого названия: *Видемер* оз. и смежная вол., согласно писцовой книге дворцовых земель Беж. пят. 1498/99 г. [ПКНЗ 3: 240]; затем, по материалам межевания 1780-х гг., — *Видимирское* («Озеро *Видимирское*, вокруг оногo суходол, а устьем впадает речка Жировка, а вытекает речка Олеховка, в нем рыба разных родов»), по МОЗУ 1914 г., — оз. *Видимерье* [КГарн]; по списку селений нач. XX в. [СНМНГ VI: 64—65], — оз. *Видимир*, или *Видимирь*, близ дер. и пог. *Видимирь* Миголощской вол. Бор. у.

Имея в виду нахождение на берегах озера средневекового погоста, вопрос об исконности названия следует решить в пользу ойконима, а не гидронима, следуя типологии топонимических переносов. Взаимовлиянием смежных названий озера и поселения объяснимо расхождение топоформантов в вариантах *Видимирье*, *Видимирь*, *Видимир*, *Видимирское*; что касается отвердения мягкой *р*, то этот процесс спорадически встречается в новгородских диалектах. Самая ранняя письменная форма названия — *Видомирь* — является йотовым посессивом и прямо выводится из др.-рус. личн. *Видомирь*, которое продолжает ряд *Ладомирь*, *Добромирь*, *Славомирь* и подобных имен, имевших чаще отношение к древнерусской знати.

За пределами древней Руси отмечены полаб.-помор. *Vedemer* 1325 г. [Schlimpert 1978: 152]⁷, серб. *Видомир* [Грк. РЛИКС: 53], болг. *Видимир*, жен. *Видимира* [Заим. БИ: 49]. Обращает на себя внимание вариантность гласных антропоосновы: *Видомир-/Видемер-/Видимир-*. Если колебания второго компонента, хорошо знакомые на материале многих имен на *-миръ/-мѣрь* (ср. хотя бы известное соотношение совр. *Владимир* и др.-рус. *Володимѣрь*, обусловлены взаимной аттракцией фонетически подобных, хотя и гетерогенных основ⁸, то неустойчивость гласных на стыке компонентов зависит отчасти от того, какая исходная основа — именная или глагольная — была использована при создании антропонима. Именную **-ǫ-*основу (к **vidǫ*) показывает личн. *Видомиръ*, глагольную (к **viděti*) — личн. *Видѣмиръ*, *Видимиръ*. Поэтому историческая вариантность топоосновы геогр. *Видимирское* в определенной мере может быть обусловлена притяжением древнего топонима к разным бытовавшим вариантам исходного личного имени. Топоним как бы намекает на функционирование всех указанных разновидностей антропонима в древненовгородских говорах.

Параллельными к названию оз. *Видимирское* являются далее новг. ***Выдомиръ 1-я*** и ***Выдомиръ 2-я*** для деревень на р. Пола Моисеевской вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II: 44—45], сегодня в Мар. р-не, Моисеевское с/п. Указанным близлежащим пунктам соответствует средневековая дер. *На Выдомерѣ* Моревской вол. Устьморевского десятка 1490-х гг. [НПК II: 723], она же в XVI в. называлась еще *Выдомеръ* [ПКНЗ 5: 384]. Еще одна топонимическая параллель находится на юго-восточной периферии бывшей Новгородской земли: твер. геогр. ***Выдумерь*** дер. на р. Мологе у оз. Берестово близ Бежецка, = дер. *Видомир* на карте МАТГ 1853 г. [Воробьев 2005: 84]. Ойконимы «затемнены» отверждением слога *ви-* > *вы-*, но это явление хорошо знакомо ономастике, ср. колебания личн. *Давид/Давыд*, а из топонимии ср. хотя бы вариант *Выдогошь* в парадигме новгородского гидронима *Видогошь* (см.), геогр. *Выдовичи* дер. в Молвятицкой вол. Дер. пят. [ПКНЗ 5: 408, 411] наряду с *Видовичи* дер. близ Пскова (< личн. *Видъ*, *Видовъ*), геогр. *Выдобыч* в Киеве, восходящее, согласно [Rospond 1972: 34], к личн. **Vidobyть*. На Украине отмечались геогр. *Видомир* оз., лес и

⁷ Впрочем, Г. Шлиперт исходит из реконструкции одиночной полабско-поморской фиксации *Vedemer* в виде **Vēdomer*: с компонентом *Vēd-* ‘знать’. Учет новгородской топонимии позволяет восстановить имя с первым компонентом *Vid-* ‘видеть’, тем более что под немецким влиянием был весьма вероятен переход *i* > *e*, о котором пишет и сам автор [Schlimpert 1978: 179].

⁸ Подобное сближение взаимодействующих элементов постепенно привело к окончательному вытеснению элемента *-мѣр-* в употребительных донине отдельных двусосновных именах на *-мир*, выступающих в современном русском именнике как древнеславянское наследие или как новые образования (*Владимир*, *Казимир*, *Ратмир*, *Скоромир*, *Спасимир*, *Славомир*, антропонимы-советизмы *Ревмир*, *Новомир* и т. п.). Аналогичный процесс сближения с *мир*, *мирный* испытали лексемы *смирный*, *смиренный*, преобразованные из др.-рус. *смѣрнии*, *смѣрнены* (к *мѣра*, *мѣриту*).

поле в Ровенской обл., но и ойконим *Выдымирь* на территории Волынской обл. близ гор. Луцк [Шульгач 1998: 309], к ним еще добавляется геогр. *Vidomirić* в Сербии [Imenik mesta: 459].

Ладомири: *Старые Ладомири 1-е дер., Старые Ладомири 2-е дер., Новые Ладомири дер., Ладомиры ус.* — смежные пункты Луцкой вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II: 40—43], до настоящего времени дожила лишь дер. *Старые Ладомири* Тарасовск. Дем., а близлежащая дер. *Новые Ладомири* стала урочищем. Локализуются при рч. *Ладомирка* (по [Шан. РЛЮ: 368] — *Ладомерка*), п. пр. Полы. Данные пункты, судя по определениям *Старые — Новые, 1-е, 2-е*, являются выселками из одного селения. Сам же совр. ойконим *Ладомири (Ладомиры)* имеет вторичный, измененный облик, поскольку селение следует идентифицировать со средневековой дер. *Радомерь*, бывшей около 1495 г. в Молвятицком пог. Дер. пят. [НПК I: 662]. В описаниях Молвятицкого пог. под 1538/39, 1560/61—1561/62 и 1582—1583 гг. деревня именуется *Радомерь (Ермаково)* (ср.: «Филипов крестьянин Таньярыкова из деревни с Ермакова из *Радомери*»), или *Радомер*; здесь же сообщается о рч. *Радомерка*, при которой стояли дд. Сычев Конец, Залесье Подсосное, Ивашково и «селцо Язвово, а Мачна тожь», см. [ПKNЗ 4: 217, 292; 5: 410; Неволин 1853: 277 прил.]. Рч. *Радомерка*, названная по смежной деревне, есть не что иное, как совр. *Ладомирка*, при которой и в XX в. были деревни с названиями Сычево, Залесье (Бели), Ивашково (Бели). Поздние варианты ойконима и гидронима (*Ладомири / Ладомиры, Ладомирка*) появились благодаря межслоговой диссимилиации сонорных: $p-p > l-p$ под вероятным воздействием двуосновного личного имени *Ладомир* (см. геогр. *Ламерье*, ниже). Средневековый вариант ойконима — *Радомерь* — находит межтерриториальную параллель в названии дер. *Радомерь* 1501 г. в Березском пог. на р. Ситне Шел. пят. [НПК V: 307], которая была идентифицирована с позднейшей дер. *Радомелье* на р. Черной в среднем течении Шелони к западу от гор. Сольцы и к северу от гор. Дно [Андрияшев 1914: 46]. Названия обусловлены общеславянским личн. *Радомирь / Радомирь*, которое знакомо многим славянским языкам и диалектам: польск., полаб.-помор., чеш., болг., сербохорв., словен. Соответствующая ойконимия регистрировалась на территории Чехии (два сел. *Radiměř*, сел. *Radmír* и *Radměřice*), Польши (сел. *Radzimierz* в повете Бабимост, рр. *Radomirka, Radomierza* в басс. Вислы), в Восточной Германии (нем. геогр. *Rahmer See* в окрестностях Бранденбурга, наследующее полаб. *Radomer*'), в Болгарии (гор. *Radomir* вблизи Софии по средневековым источникам, сел. *Радомирци*), в Македонии (греч. геогр. *Ардамери* в округе Лангада), в Сербии (гидроним *Радомировац*), в Словении (геогр. *Rádomerje, Rádomerščak*), в Албании; см. материалы: [Schlimpert 1978: 112—113; Rospond 1983: 116; Babik 2001: 526—527; Miklosich 1927: 91—92; Prof. MJ III: 519; Hosák, Šrámek MJMS II: 348; Snoj ESSZI: 342, 343; Фасм. ЭСРЯ III: 429; Заимов 1967: 224; Павл. XC: HW: 393]. Однако у восточных славян фиксации имен и топонимов, кроме новгородской территории, по-видимому, отсутствуют. Преобразование новг. *Радомерь* Березского пог. в *Радомелье* зависело либо от дистантной диссимилиации $p-p > p-l$, либо, что не менее

вероятно, от морфологического колебания на уровне исходных антропонимических баз: полное *Радомѣрь*, осознаваемое в составе названия, могло быть замещено своей гипокористикой *Радомѣ*, -а. Ср. аналогичный случай с названием укр. гор. *Житомир*, которое имеет исторические варианты *Житомиръ* («в граде *Житомири*», 1433 г.) и *Житомель*, который дан летописным списком городов конца XIV в. [Никонов 1966: 141; Нерознак 1983: 73].

Замещение компонента *Рад-* > *Лад-* в составе сложного деантропонимного названия показывает не только геогр. *Ладомири*, продолжающее средневековое *Радомерѣ*, но, похоже, и название дер. *Ламерье* на берегу оз. *Ламерское* (Кр. р-н, Новорахинское с/п). Геогр. *Ламерье*, которое первоначально относилось не к деревне, а к озеру (действительно, деревня здесь свидетельствуется лишь поздними материалами), скорее всего продолжает средневековый лимноним с основой **Радмер-* (< *Радомѣр-*), который легко трактуется как производное от личн. *Рад(о)мѣрь*. Трактовка *Ламерье* (< *Радомѣр-*) подкрепляется фактами того, что оз. *Ламерье* ранее именовалось *Радомье* [Шан. РЛЮ: 364], или *Радомля*, *Радомицко* в конце XV в. [НПК II: 21, 22], *Радомля* в нач. XX в. [СНМНГ IV: 51], кроме того, на западном берегу этого озера стояли сц. «на озерѣ на *Радомлѣ*» и дер. *Радомица* / *Радомицы* Локотского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 22] (= пуст. *Радомица*, иначе *Радовица*, конца XVIII в. [ИАДП I: 186; 2: 33]). Таким образом, если формы *Радомье*, *Радомля*, *Радомица* возводятся к личн. *Радомѣ*, которое считается гипокористическим усечением полного личн. *Радомѣрь* / *Радомиръ* (см. [Никонов 1966: 348—349] о польском гор. *Радом* или [Snoj ESSZI: 343] о словен. сел. *Rádomlje*), то форма *Ламерье* отражает неусеченную основу данного антропонима-композиата. Соотношение этих форм, аналогичное соотношению указанных выше вариантов геогр. *Радомерѣ* и *Радомелье*, *Житомир* и *Житомель*, следует объяснять притяжением формы деантропонимного названия то к краткому (усеченному), то к полному вариантам одного и того же личного имени-мотиватора.

Исчезновение срединного слога в топооснове *Ламер-*, сравниваемой с исходной антропоосновой *Радомѣр-*, связано с регулярными фонетическими явлениями новгородских и других славянских говоров. Материал грамот на бересте показывает во многих случаях отпадение гласного звука на конце первого компонента сложных личных имен — это одна из черт, сближающая древненовгородские говоры преимущественно с древними языками западных славян (ср., например, чеш. *Va slav* = рус. *Вячеслав*). Иллюстрации явления довольно многочисленны: это извлеченные из новгородских источников личн. *Станьмиръ*, *Лудьславъ*, *Сольмиръ*, *Моиславъ*, *Ратьмиръ* и т. п., а фонетически — [*Станмиръ*, *Лудславъ*, *Солмиръ*, *Мојславъ*, *Ратмиръ*], на фоне «наддиалектных» *Станимиръ*, *Лудиславъ*, *Солимиръ*, *Моеславъ*, *Ратимиръ*, имевших фонетический исход на гласные -е-, -и- в первой части сложений (подр. см. [Зализняк 2004: 69]). Что касается ойконима *Ламерье*, его следует возвести к личному имени как раз в таком, диалектно преобразованном виде: *Радмѣрь*. Позднее в консонантном сочетании утратилась

смычная *d*; ср. похожую серию изменений, обусловивших поздние формы *Легоща* или *Люгоща* названия улицы в Великом Новгороде (< *Людгоща* < *Людъгоща*, к **Людъгость*).

Модификация геогр. *Радомерь* > *Ладомири*, *Радомѣр*- > *Ламерье* показывает, что древненовгородское население, очевидно, знало не только личн. *Радомѣрь*/*Радомирь*, но и личн. *Ладомѣрь*/*Ладомирь*, вторичное влияние которого обеспечило устойчивое закрепление современных вариантов ойконимов. Отдельные топонимы прямо удостоверяют существование этого личного имени. Так, у юго-западных границ Новгородской земли локализуется геогр. *Ладомер* оз. в Казаринской вол. Торопецкой земли, известное по материалам писцового описания 1540/41 г. [ПКНЗ 4] (= оз. *Ладымирово* в Неворожской вол. Тор. у. нач. XX в. [Шк. ОПскГ: 120]), далее к юго-западу и югу имеются геогр. *Ладомир* пос. Игуменского у. Минской губ., *Ладомировка* слобода по рч. Вшивая в Воронежской губ. близ гор. Валуйки; сюда же названия двух селений Словакии близ границы с Украиной: *Ladomirova* (укр. диал. *Lademerova*) сел. в округе Стрпков и *Ladomirov* сел. в округе Снина [Vasm. RGN V 1: 39], причем последний пункт обозначен в источнике 1321 г. как *Ladomer* [Ху-даш, Демчук 1991: 76]. Исходный антропоним в древненовгородских источниках самостоятельно, вне ойконимии, не зафиксирован, видимо, став достаточно редким в письменную эпоху, но у древних западных славян имя имело хождение, хотя и ограниченное; ср. моравское личн. *Ладимир* 1197 г. [Мор. СИ: 109], др.-польск. патроним *Ladomirowicz* [SSNO III: 307]. Я. Свобода, впрочем, отказывает данному имени в праве на существование, сводя к чеш. *Vladimir* [Svoboda 1964: 77], так же полагает О. Кронштейнер, рассматривая фиксацию личн. *Ladimar* в древне немецкой грамоте 995 г. как искаженное личн. *Vladimirь* [Kronsteiner 1981: 207]. Однако изложенный топонимический материал скорее свидетельствует о существовании личн. *Ладомирь* в севернославянском ареале. Элемент *Ладо*- в качестве первого члена сложения семантически вполне допустим, ср. активно функционировавшие др.-рус. *ладь* ‘согласие, порядок, мир’, ‘лад, строй’, *ладный* ‘равный, одинаковый’, ‘подобный’, *лада*, *ладо* ‘любимый, возлюбленный’, *ладити* ‘мирить’ и др. [СлРЯ XI—XVII 8: 160—161], ст.-рус. личн. *Лада*, *Ладень*, *Ладной*, *Ладеник* [Туп. СДЛСИ: 223]. Личн. *Ладомирь* выглядит сложением с именной основой (: **lada*, **ladьнь*(*ь*)), поскольку с глагольной основой (: **laditi*) появилось бы вариантное *Ладимирь*.

Ратмер дер. во владыченской вол. Белая в Никольском пог. Беж. пят. 1501 г., под 1564 г. указанная в Никольском Шереховичском пог. [НПК VI: 11, 888]. На месте дер. *Ратмер*, согласно МОЗУ 1914 г., значится пуст. *Ратмень*: «С-цо Подборье с п-ми Глистенцом, *Ратменем* и Чолпигушкой» в Шереховской вол. Бор. у., записанная в 1973 г. К. Гарновским как пуст. *Ратмино* у озера Лягушечник в 2—3 км от села Шереховичи Люб. р-на [КГарн]. Средневековый вариант ойконима предпочтительнее трактовать как отвердевший йотовый посессив **Ратьмѣрь*, соотносимый с личн. *Ратьмѣрь* (< *Ратимѣрь*); ср. проявление личн. *Ратьмирь* в Новгородской 1-й летописи под 1200 г. [НПЛ: 45, 239]), в новг. бер. гр. № 334 и 346,

XIII в. [Зализняк 2004: 791]. Эти ономастические факты дополняются др.-польск. личн. *Racmierz*, *Racimiar*, др.-чеш. *Ratmír*, полаб.-помор. *Ratmer* [Svoboda 1964: 83; Schlimpert 1978: 115—116]; сюда же несколько соответствующих вост.-слав. и зап.-слав. топонимов: др.-рус. геогр. *Ратьмиря Дуброва* — пункт в Посемье в Черниговской земле под 1127, 1128 гг. [Насонов 1951/2002: 207], польск. геогр. *Racimierz* в повете Легница, полаб. *Ratimir*’ (отсюда нем. *Rottmersleben*) в Саксонии [Rospond 1983: 118—119]. См. еще с иной суффиксацией геогр. **Ратмирово** дер. в Вышн. р-не вблизи Ясеновичей (по СНМРИ 43, № 4051 — *Ратмирово*, по [МАТГ] — *Ротмирово*), = дер. *Ратмирово* Ясеновичского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 39, 47]. На восточнославянской территории отмечены также геогр. *Ратмир* / *Ратьмирь* дер. на р. Москве под Коломной, *Ратмирово* дер. Борисоглебского у. Ярославской губ., *Ратмировский* пог. на р. Ивадеж в окрестностях Устюга Вологодской губ., там же рядом *Ратмеровско-Богородский* и *Ратмеровско-Троицко-Ильинский* погосты, *Ратмировичи* дер. под Бобруйском Минской губ., видимо, и *Ратмарово* дер. Кирилловского у. Вологодской губ. + дер. под Владимиром [Vasm. RGN VII 3: 541] (форма *Ратмарово*, вероятно, из-за смешения со ст.-рус. личн. *Ратман*). Отдаленные фиксации в басс. Северной Двины указывают на то, что соответствующий антропонимический композит был употребителен в Северной Руси и после XIII в.

Уномерь дер. Передольск. Бат. на руч. *Уномерка* басс. Шелони, ранее — дер. на рч. *Уномерь* Медведевской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 42—43], = дер. «*В Вунемере*» под 1498 г., позднее, в 1-й пол. XVI в., — дер. *Унемерь* Косицкого пог. Шел. пят. [НПК V: 152, 153, 352]. Производно от др.-слав. личн. *Унѣмѣрь* / *Унѣмирь* (в первой части компаратив со значением ‘лучше’), которое зафиксировано самостоятельно в ранних зап.-слав. источниках (польск. личн. *Uniemir* 1203 г., полаб.-помор. *Unëter* 1260 г. [Rospond 1983: 142—143; Schlimpert 1978: 149]) и в составе йотово-посессивных топонимов на территории России: геогр. *Унемерь* дер. на р. Которость близ Ярославля [Vasm. RGN IX 1: 293], в Чехии: геогр. *Uněmír*, позднее *Umír* [Prof. MJ IV: 1183], а также в Сербии [Miklosich 1927: 183], см. еще материалы о смежных зап.-слав. личн. *Unieslaw*, *Unegost*, *Unewit* и др. в трудах указанных выше исследователей.

К Косицкому погосту относится также геогр. *Нумерье* [НПК V: 353], которое явно следует трактовать в качестве одного из обособившихся вариантов ойконима *Уномерь*. На тождество средневековых *Унемерь* = *Нумерье* указывал ранее А. М. Андрияшев [1914: 169]. Появление последней формы скорее всего обязано давней перестановке начальных звуков.

Роздамирье дер. Сабельского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 161]. Думаю, что ойконим восходит к личн. **Роздамирь*, самостоятельные фиксации которого не известны. В первой части сложения, по-видимому, префиксальная глагольная основа (: др.-рус. *роздати*). Ср., что касается структуры имени, польск. личн. *Niedamir*, отсылающее к глагольной основе с отрицанием: **ne dati*.

КОМПОЗИТЫ НА *-БУЖ-*

Дорогобуж дер. Мойкинск. Бат. в верхнем течении Луги, ранее входила в Черновскую вол. Новг. у. [СНМНГ I: 96]. Указана в писцовой книге Вод. пят. 1500 г.: дер. *Дорогобуж* Успенского Сабельского пог. [НПК III: 183]. Форма *Дорогобуж* возникла путем йотовой суффиксации от дохристианского личного имени *Дорогобудь*, праслав. **Dorgobŏdъ*, семантически — ‘поселение Дорогобуда’. Это сложное имя, составленное из компонентов *Дорог-* (к **dorgъ(jь)* ‘дорогой, любимый’) и *-будь* (< **bŏd-*) и означавшее буквально ‘будь дорогим; будет дорогим’, имело популярность в разных уголках древней Славии. Ср. личн. *Дорогобудь*, отраженное, вероятно, новг. бер. гр. № 398 (XIII в.) [Зализняк 2004: 509], наряду с др.-чеш. личн. *Drahobud* [Svoboda 1964: 75], др.-серб. *Драгобуд* [Грк. РЛИКС: 81]. В старейших новг. бер. гр. № 607/562 и 526 содержатся антропонимы *Жизнобудь*, *Житобудь* подобной структуры. Параллельная топонимия имеет общеславянское распространение (см. карту 4).

Помимо дер. *Дорогобуж* в верховьях Луги, на новгородской территории был отмечен руч. *Драгобуиш*, впадающий в Шарью, п. пр. Оскуи, п. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 62]: этот гидроним передает либо искаженную первичную форму **Дорогобужь* с обычным восточнославянским полногласием, либо **Дрогобужь* с др.-новг. диал. рефлексом типа **TorT* > **TroT*, ср. новг. геогр. *Дорогинино*, но *Дрогини* и т. п., см. [Зализняк 2004: 40—41].

Вне Новгородской земли издревле известны: др.-рус. *Дорогобужь* гор. на Волины, впервые упомянутый Лаврентьевской летописью под 1084 г., и *Дорогобужь Смоленский* гор., отмеченный под 1300 г. Суздальской летописью (сегодня — гор. *Дорогобуж* Смоленской обл.); древнерусские факты дополняются топонимами *Дорогобужа* сел. близ Минска, *Dorohobuszka* в Слонимском у. бывшей Гродненской губ., *Drahobuz* и *Drahobudice*, села в Чехии, *Dargobaz* сел. на северо-западе Польши у Щецинского залива, древнеписьменным нем. геогр. *Dargebende* (из полаб. **Dargobądjь*) на северо-востоке Германии, нем. *Darsband* (из полаб. *Daržbądz*) на острове Рюген, *Dragobužd* в Македонии, р. *Драгобушка* и сел. *Драгобужде*, *Dragobužda* в Сербии; по материалам: [Rospond 1972: 34; 1983: 69; Трубаков 1971: 4; ЭССЯ 5: 75; Vasm. RGN III 1: 80; Prof. MJ I: 401—402; Svoboda 1964: 75; Никонов 1966: 127; Павл. ХС; Заимов 1973: 101; Нерознак 1983: 68—69].

Жидобужи дер. Озерковск. Ок., по источнику 1911 г. [СНМНГ VI: 130—131] — дер. Шегринской вол. Бор. у. на р. Шегринке в 20 верстах от Боровичей. Идентифицируется с дер. *Житобуж* в Шегринском пог. Дер. пят. конца XV и 1-й пол. XVI в. [НПК II: 215; ПKNЗ 4: 75]. В Ген. меж. 1780-х гг. пункт указан как «дер. *Жедобужи* реки Шегринки на левом берегу» [КГарн]. Исходная посессивная форма **Житобужь* отражает древнеславянское имя владельца *Житобудь* (< **žitobŏdъ*) и архаическую модель словообразования, свидетельствующие о появлении селения до XIII в. Данное композитное имя (в нем *Жит-* того же корня и значения, что и слово *жизнь*) содержится в одной из старейших новг. бер. гр. № 526 (2-я треть XI в.),

где говорится о рушанине по имени *Житобудь* [Зализняк 2004: 241]. В отличие от рассмотренного выше личн. *Дорогобудь*, вне новгородского ареала это имя и базирующиеся на нем топонимы мне не известны, однако элемент *-žit-* знаком древнеславянскому антропонимикону как в препозиции, так и в постпозиции, ср. хотя бы древнее рус., хорв., словен. личн. *Žitimirь / Žitimirь* (оно дало, в частности, посессивное название украинского города *Житомир*), а также словен. личн. *Dragožit, Dobrožit*, сербохорв. *Tihožit* [Svoboda 1964: 93]. С течением времени основа *жит-* новгородского топонима *Жидобужжи* претерпела небольшие изменения (предвосхищение звонкости следующих согласных или сближение со словом *жид?*).

Меробужской дер. Еглинского пог. Дер. пят. 1496 г. [ПКНЗ 1: 63]. Вероятно, с поздним формантом *-ской* от первоначального йотово-посессивного ойконима **Меробужь* из личн. *Мъробудь* или *Миробудь*; ср. зап.-слав. (луж.) *Мербуд* [Мор. СИ: 121]. Антропоним включает пожелательный смысл ('пусть будет славным, мирным') и параллелен по образованию личн. *Милобудь*.

Милебуж дер. Еглинского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 822]. К личн. *Милобудь*; ср., по [ЭССЯ 19: 36—37; Svoboda 1964: 79; Rospond 1983: 93], чеш. личн. *Milobud*, польск. *Milobaqđ* и производные от этих имен ойконимы *Milobuz* в Чехии, *Milobaqz* в Польше, *Milobuz* (нем. *Mölbis*) в районе проживания лужицких славян в Восточной Германии. Согласно ободной грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1556 г., на Вологодчине, в Белозерье, некогда значилось сел. *Милобудово*: «Да в *Милобудове* починок новцо Власово» [АСЭИ 2: № 316].

Хотобужжи дер. Самокражской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 70—71], сегодня — дер. Мойкинск. Бат., идентифицируется со средневековыми пунктами Сабельского пог. Шел. пят.: дер. *Хотобужжи* 1571 г., рядом с которой значится в это же время деревня с производным названием *Хотобужжцы-Огурково* [НПК V: 513, 514]; эти пункты, в свою очередь, являются продолжениями более ранних деревень: *Хотубожжи* и *Хотубожжи Другая*, описанных в 1498 г. [Там же: 157]. Не исключено, что производная топонимическая форма *Хотобужжцы* объясняется оттопонимным обозначением людей по месту проживания (**хотобужжцы*), которое относилось к переселенцам из близлежащей дер. *Хотобужжи* (о подобных откатойконимных названиях см. в гл. 8).

Параллельное к *Хотобужжи* название носит урочище, локализуемое близ населенного пункта Копорье Лен. обл., — это **Гатобужжи**, или *Готобужжи*, хранящее указание на бывшие дер. *Гатобужжи* (*Готубужжи Большие*) и *Гатобужжи* (*Готубужжи Малые*) на р. Воронка Петергофского у. сер. XIX в. [Vasm. RGN II 2: 325—326; СНМРИ 37: № 3767, 3765], более ранние сведения о которых мне не известны. В данном топониме фонема *г* преобразована из *х* и фонема *а* — из *о* под иноязычным, прибалтийско-финским влиянием⁹.

⁹ Фонетическое своеобразие ойконима *Гатобужжи* (замена *х* на *г*, *о* на *а*) обусловлено тем, что население этой не существующей сегодня деревни издавна составляли ижорцы и отчасти финны. В местном «чухонском» языке, как и в финских источниках название деревни —

Геогр. *Хотобужу* и *Готобужу* соотносятся с личн. *Хотобудь* / *Хотьбудь* (< праслав. **Хотобудь* / **Хотѣбудь* или **Хотобудь* / **Хотѣбудь*), которое хорошо засвидетельствовано у западных славян: чеш. *Chotěbud*, польск. *Chociebud*, полаб.-помор. *Chotibud* и там же, на западе славянства, присутствует производная от этого имени йотово-посессивная топонимия (см. карту 4). Известны геогр. *Chotěbądz* у полабских славян на территории Северо-Восточной Германии (в окрестностях гор. Варен, Шверин, Ораниенбург и Мальхин), польск. *Chociebądz*, позднее *Cocobądz*, село в Тешинском повете, *Chotěbuz* у лужицких славян (откуда нем. название гор. *Cottbus*), геогр. *Chcebuz* и *Chotěbuz* (диал. *Kocybync*) — сел. в Чехии, сюда же гидроним *Hobovšćica* и ойконим *Hobovše* в Словении, известные по историческим источникам как *Chatbuesch*, *Khodowusch*, *Chotwüsse* и др.; по [Rospond 1983: 54; Schlimpert 1978: 34; Prof. MJ II: 8; Svoboda, Šmilauer 1960: 184; Hosák, Šrámek MJMS I: 323; Bezl. SVI I: 209; Snoj ESSZI: 159—160]. К перечисленным посессивам нужно добавить еще отпатронимное геогр. *Chotěbudice* сел. в Чехии [Prof. MJ II: 36]. Кроме того, к указанному личному имени явно возводится верхнеднепровский гидроним *Ходобужка* (вар. *Худобушка*, *Фудобишка*) п. пр. Вотри, п. пр. Вопи, п. пр. Днепра, который В. Н. Топоров и О. Н. Трубочев [1962: 222], считают темным; на этой речке стоит дер. *Ходобуже* Духовщинского у. Смоленской губ. [Vasm. RGN IX 3: 499]. Озвончение *m > d* в гидрониме вызвано предвосхищением звонкости следующих согласных и находит аналогию в новг. геогр. *Жидобужу* из личн. *Житобудь* (см.). В постпозиции отдельных личных имен на *-будь* (*Хотобудь*, *Радобудь* и др.) этимологически не исключается элемент *-bud-* (а не *-bąd-*), соотносимый с праслав. **buditi*, рус. *будить* и чаще проявляющийся в препозиции.

В связи с рассмотренной топонимией можно трактовать также название горы *Кочебуж* в истоках р. Псковы к западу от р. ц. Струги-Красные Пск. обл., с ним идентифицируется геогр. *Кочебужа* дер. Быстреевского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 476, 482]. Во-первых, если иметь в виду вероятность мены *хоѣ- > коѣ-* в славянских языках (ср. вариантность польск. геогр. *Chotiebądz* / *Kocobędz*, как и новг. геогр. *Хочюта* / *Кочута*, *Хочовицы* / *Кочевицы* и др., подр. дано при анализе геогр. *Котовицы*), то можно возвести *Кочебужа* к личн. **Хочебудь* с основой наст. вр. глагола **хотѣти*. Во-вторых, в качестве антропонима-мотиватора допустимо предполагать и личн. **Кочебудь*, пожелательное имя ('будь твердым, сильным'), первый компонент которого родствен словам *кочка*, *кочан* и др. «с общей семантикой чего-то возвышающегося, торчащего, жесткого, твердого» [ЭССЯ 10: 104]. Элемент *Коч-* известен в антропонимии, так, личн. *Коча*, *Кочев*, *Кочева*, *Кочень*, *Кочур* были популярны в более поздний, великорусский период [Вес. Он.: 161—162]. Ср. еще новг. *Кочегоще* (см.).

Natarpusa, что является приб.-фин. фонетической передачей исконно славянского названия (сообщение А. В. Крюкова).

Велбу́же оз. в Никольском пог. на Вышнем Волочке Беж. пят. сер. XVI в. (рядом упомянуты оз. Щучье, Крачино) [НПК VI: 42, 44, 53, 54, 340]. Из личн. **Вел(е)будь*, антропонимического пожелания быть великим: др.-рус. *велии* ‘большой, великий’. Отмечены еще два йотово-посессивных топонима на основе этого личного имени: геогр. *Velebądz’* (нем. *Villebanse*) у полабских славян и *Velebužd* в Болгарии, а также геогр. *Velebudice* сел. в Чехии [Rospond 1983: 145; Svoboda, Šmilauer 1960: 292].

Любобу́ж дер. Дегожского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 276]. К личн. **Любобудь* (‘будет любимым’), ср. структурно и семантически подобные чеш. *Drahobud*, польск. *Milobąd* и др., см. также геогр. *Милебу́ж*.

Редбу́ж дер. Передольск. Бат., приравняется к средневековому геогр. *Рядбу́ж* дер. Никольского Передольского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 421]; позднее в источниках: дер. *Радбу́ж* 1539/40 г. и 1718 г., пуст. *Редбу́ж* 1582 г., дер. *Редбу́жа* 1791 г. и даже ? *Жеребу́ж* 1748 г. [Селин 2003: 171], в 1-й пол. XIX в. — дер. *Редбу́ш* [ОСПбгуб: 110], во 2-й пол. XIX в. — *Редбу́жи* Луж. у. [СНМРИ: № 1953]. Вторая новг. дер. **Рядбу́ж** локализуется в Среднем Поволжье: она относилась к Рождественскому Солецкому пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 421] и под 1540 г. записана как дер. *Радбу́ж*, под 1582 г. — как пуст. *Радбу́ж* «что была деревня» [Селин 2003: 258], дальнейшие следы этого пункта теряются. Ойконимы мотивированы исходным личн. **Рядьбудь*/**Рядобудь* (< **Rędobądz*). По средневековой документации это имя не фиксируется, но препозитивный компонент *Ряд-* (< *Ręd-*) в антропонимии известен (см. *Рядятина* ул.). Вариант *Радбу́ж* появился благодаря пересечению с созвучной топонимией от личн. *Радобудь* (< **Radobądz* с иным компонентом), получившей широкое распространение у разных групп славян.

Чернобо́жье дер. Искоровской вол. Дн. р-на на р. Полонка, ранее указывалась в Порх. у. [СНМРИ 34: № 11301]. Пункт несколько раз упомянут документацией конца XV—XVI в. при описании Порховского околгородья и пог. Михайловского на Полоной к востоку от Порхова: *Чернобыш* 1498 г., *Чернобу́ж* 1539 и 1576 гг. [НПК IV: 317; V, 264, 576]. Ойконим, вероятно, восходит к личн. **Чьрнобудь*; данное имя самостоятельно, по-видимому, не зафиксировано, но первый компонент хорошо известен в разных антропонимических сложениях, ср. хотя бы ст.-рус. *Черногуз*, *Черногуб*, *Чернобаев*, *Чернобровкин*, *Чернобесов* и др. [Вес. Он.: 352], а из более архаических имен ср. др.-чеш. **Črnhost* (из топонима), сербохорв. *Crnobrat*, *Crnomir*, *Crnomuž* [Svoboda 1964: 73].

Композиты на *-неж-/-ниж-*

Жинорь́жа дер. Фроловского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 47]. А. М. Андрияшев [1914: 32] отождествил средневековый пункт с деревней нач. XX в., которая именовалась *Свинорь́жи* и стояла на рч. *Свинорь́жка* (по [Шан. РЛЛО: 484] — руч. *Свинорожский*) басс. Шелони. По списку селений 1838 г., — дер. *Сви-*

норежа 2-го стана Луж. у. [ОСПбгуб: 113]. Сегодня это дер. *Светлая* Передольск. Бат.¹⁰ Название «затемнено» метатезой слогов: *Жиноръжа* < **Жиронъжа*, первоначальная форма легко возводится к личн. *Жиронъгъ*. Имя свидетельствуется найденной в 2006 г. новг. бер. гр. № 959 (конец XI — рубеж XI/XII в.), в которой указан некто *Жирънъжъко*; подр. см. [Зализняк, Янин 2007: 8]. Была еще дер. *Жеронегово* в Чагодощинском р-не Волог. обл. [ТК ТЭ]. Приведенные факты определяют региональную др.-новг. принадлежность личн. *Жиронъгъ*.

Милонъж дер. Семеновского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 802, 804], = *Миложенъе* селище в Валд. у. в конце XVIII в. [ИАДП I: 262]. Восходит к личн. *Милонъгъ*, которое является, по всей вероятности, только др.-новг. именем: оно фиксируется бер. гр. № 320/337 нач. XIV в. [Зализняк 2004: 527] и указано как имя новгородцев под 1177 и 1185 гг. [Туп. СДЛСИ: 251; Мор. СИ: 124].

Миронез ур. на правом берегу Ловати на северной окраине гор. Холма Новг. обл., рядом течет *Миронезский* руч., впадающий в Ловать. В списке селений 1907 г. по Холм. у. не значится, но отождествляется с дер. *Миронъжская Лука* Холмского пог. Дер. пят. 1495—1496 гг., которая «сѣла на лготѣ на погостьской землѣ» [НПК II: 827]. Данные названия соседящих урочища и ручья обусловлены др.-слав. личн. *Миронъгъ*; ср. такое имя у одного из новгородских посадников XII в. [НПЛ: 70], как и др.-польск. личн. *Mironieg*, популярное в польско-литовском государстве [SSNO III: 522], др.-чеш. *Mironěha* [Svoboda 1964: 81], древнее альпослав. «*Mirengen*» = *Mironěgъ* [Kronsteiner 1981: 208], сербохорв. *Mironieg*, *Mironig* [ЭССЯ 19: 54]. О высокой употребительности данного личного имени у древненовгородского населения свидетельствует, помимо геогр. *Миронез*, еще ряд топонимов. Это эквивалентные, образованные по иным деривационным моделям геогр. **Миронози** дер. в Холмском пог. в Муравьевском десятке 1495—1496 гг. [НПК II: 871], **Миронегово** дер. в Никольском Любонском пог. Беж. пят. 1498 г. [ПКНЗ 3: 243], а также составляющие единую топонимическую микросистему геогр. *Меренеж*, *Миронъг* и т. п. в окрестностях Валдая (подр. о них см. в гл. 6). У южных границ Дер. пят., в окрестностях гор. Торжка Твер. обл., находится дер. *Миронезье* (Мирновский СО), списками селений сер. XIX в. указанная как дер. *Миронези* [СНМРИ 43: № 7525].

Радонез дер. 1) Турского и 2) Мусецкого пог. Шел. пят. 1498 и 1552—1553 гг. [НПК IV: 68, 551]: к личн. **Радонъгъ*, которое, очевидно, встречалось только у восточных славян. Ср. в бер. гр. № 688 2-й пол. XII в. «*Радонезъ воноуке*» — ‘Радонегов внук’ [Зализняк 2004: 384]. Есть еще геогр. *Радонез* в Подмосковье, *Радонезское* дер. Череповецкого у. Новг. губ. [СНМНГ IX: 42—43] + дер. вблизи гор. Невозыбкава и Орла [Vasm. RGN VII 3: 504] (впрочем, ойконимы на *-ское* могли появиться вторично, благодаря известному названию села *Радонез*, с которым связано имя преподобного Сергия Радонежского).

¹⁰ Переименование осуществлено в советскую эпоху ради благозвучия, но старое *Свинорежи* местное население до сих пор еще помнит.

Теребонижъе дер. Усадищенск. Волх. на р. Лынна в среднем течении Волхова, в сер. XIX в. — дер. Н-Ладож. у. [СНМРИ 37: № 3049]. Идентифицируется со средневековой *Теребонежъе* дер. в пог. Михайловском на Волхове XVI в. [ПКНЗ 2: 67]. Ойконим через посессивную йотовую форму **Теребонъжъ* отсылает к исходному личн. *Теребонъгъ*. Последнее засвидетельствовано немецкой документацией у древних альпийских славян на территории совр. Австрии записью «*Trebenge*» 1217 г. (= *Trebiněgъ*) [Kronsteiner 1981: 211]. Вост.-слав. основа *Тереб-*, зап.-слав. *Treb-*, праслав. **Terb-* расшифровывается в данном случае скорее не в земледельческом значении ‘корчевать, расчищать лес’ (ср. чеш. *třibiti* ‘очищать’, польск. *trzebić* ‘корчевать’, др.-рус. *теребиту* ‘то же’), типичном при создании деапеллятивной топонимии, а с семантикой нужности, пользы, необходимости, ср. чеш. *třeba*, польск. *trzeba*, н.-луж. *trjebaja* ‘нужно, необходимо’, чеш. *potřebovati*, польск. *potrzebować* ‘нуждаться в чем-л., в ком-л.’, как и рус. *требовать*, заимствованное из старославянского [Черн. ИЭССРЯ II: 259; Фасм. ЭСРЯ IV: 96]. Второй компонент *-нѣгъ-*, родственный рус. *нега*, *нежить*, обычен в древнеславянской композитной антропонимии. По ряду географических названий, прикрепленных к области расселения западных славян, восстанавливаются архаические личные имена-композиции с препозитивной основой *Trěb-* (<**Terb-*): **Trěbogostъ*, **Trěbovidъ*, **Trěbobadъ*, **Trěboradъ* и др. [Rospond 1983: 139—140]. Из антропонимии ср. еще др.-польск. личн. *Trzebiemir*, *Trzebiemiar*, *Trzebiemysł*, *Trzebiebor*, *Trzebost* [SSNO V: 478—480], др.-чеш. оттопонимные реконструкты **Trěbohost*, **Trěborad*, **Trěbovit* и др. [Svoboda 1964: 89], там же словен. личн. *Trebegoj*, *Trebemer*, *Trebebor*, *Trebibrat*, сюда же древние полаб.-помор. и альпослав. *Trebomirъ*, *Trěbivitъ* [Schlimpert 1978: 147; Kronsteiner 1981: 211]. Ср. старописьменное новг. геогр. *Теребовижа* (см.).

Витенеж дер. Лядского пог. Шел. пят. 1571 г., пожни которой находились «на реки на Плюсе» [НПК V: 553], к концу XVIII в. — пуст. *Виденеж* в даче дер. Дубской, согласно Ген. меж., № 1582 [Андрияшев 1914: 93]. К личн. **Витонъгъ*, которое принадлежит к кругу древних общеславянских имен **Vitoslavъ*, **Vitomirъ*, **Vitogostъ* и др. Геогр. *Witonizъ* (в польской транслитерации) известно еще как село на р. Стоход в Луцком у. Волынской губ. [Vasm. RGN II 1: 108]. На новгородской территории с препозитивным элементом *Vito-*, соотносимым с **vit-* ‘жить, обитать’ или с **vitъ* ‘господин, имеющий власть’ (обзор мнений дан в [Svoboda 1964: 91]), обнаруживаются еще композитные геогр. *Витогаощ* (см.), *Витославлицы* (см.).

Ганежи ур. Сланц. р-на в среднем течении р. Луги, = *Гонеж* (*Гонежи*) дер. Гд. у. бывшей Петерб. губ. [СНМРИ 37: № 1051], = *Гонежи* дер. Сумерского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V: 420, 424]. К личн. **Гоньгъ*, сложенному из *Гои-*, к корню **goj-* ‘быть сильным, здоровым’ (ср. др.-рус. *гоило* ‘половой член’ [СлРЯ XI—XVII 4: 59]), и *-нѣгъ*. Относительно препозитивного компонента ср. др.-новг. личн. *Гоньгъръ* в новг. бер. гр. № 1004 (сер. — 2-я пол. XII в.) [Зализняк, Торопова, Янин 2011: 9—10], сербохорв., словен. *Gojmir*, чеш. *Hojislav*, альпослав. *Gojъslav*, серб. *Gojъsав* [Svoboda 1964: 76; Kronsteiner 1981: 207; Грк. РЛИКС: 65]. См. еще геогр. *Гомысл* (гл. 6).

Гостинеж дер. на р. Медведице к западу от гор. Кашин (Верхнетроицкий СО), ранее, во 2-й пол. XIX в., — *Гостиниж* дер. Твер. губ. [СНМРИ 43: № 6247], = *Гостнѣж* дер. «поставлена на двое» в Спасском Клинецком пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 107]. Название обусловлено вост.-слав. личн. **Гостнѣзь* / **Гостинѣзь*, которое репрезентирует еще пара восточнославянских ойконимов: новг. геогр. **Госнѣж** дер. в Никольском Удомельском пог. Беж. пят. под 1499 и 1545 гг. [Там же: 254; ПКНЗ 1: 165], появившееся по модели геогр. = личн. (см. подр. в гл. 6), и укр. геогр. *Госніжичі* в верхнем течении Западного Буга [Купчинський 1981: 190].

Сенежье дер. в Никольском пог. в Шереховичах на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 907], наряду с геогр. **Сенѣж** дер. Велильской вол. Дер. пят. (см. также гл. 6), где локализуется и селище *На Сенѣзь* [НПК II: 739, 740; ПКНЗ 5: 365, 375] (позднее — дер. *Сеняга* на р. Поле в Велильской вол. Дем. у. [СНМНГ II: 20—21], сегодня — ур. *Сенега* Мар. р-на на границе с Андр. р-ном). Ойконимы обусловлены личн. **Сенѣзь* или **Сѣнѣзь*, которое самостоятельно не отмечалось. Есть, впрочем, фамилия *Сенигов*¹¹, возведение которой к указанным именам нельзя исключать. К обоснованию первого компонента *Се-* или *Сѣ-* данного антропонимического композита см. выше геогр. *Сеславль* путь. Новгородские факты дополняются на иных территориях топонимами *Сенеж* дер. на оз. *Сенежском* недалеко от подмосковного гор. Клин, блр. *Сенеж* сел. у гор. Быхов южнее Могилева, *Сенежцы* сел. у гор. Новогрудок Минской губ., *Сенигов* (польск. *Sieniów*) сел. близ Новоград-Волынского на Украине, возможно, *Сеняж* руч. и дер. близ Саранска Пензенской губ., *Сенек* хутор на одноименной речке в Харьковской губ. близ Купянска [Vasm. RGN VIII 1: 214, 222]. Перечисленные названия, образованные, очевидно, от общего древнеславянского имени, бывают созвучны явно неславянским топонимам, тяготеющим к северо-востоку от Москвы и, надо полагать, по происхождению финно-угорским; ср. *Сеньга-Лазарьково* дер. на Клязьме близ Покрова Владимирской губ., там же *Сеньго-Озеро* дер., там же дер. *Сенег-Покров* на рч. *Сеньга*, *Сеняг-Ручей* у Вытегры, *Синег* дер. на Северной Двине и нек. др., подр. см. [Ibid.: 214, 219; VIII 2: 279, 286]. О. Н. Трубачев считает подмосковное геогр. *Сенеж* архаическим славянским названием, в котором выделяет суф. *-еж* [Трубачев 1971: 10], что не убедительно.

Хотнежа дер. Хотнежск. Волос., ранее это название относилось к двум смежным пунктам на р. Лемовжа при впадении в Лугу: *Хотнежа Большая* и *Хотнежа Малая* — дер. Ямб. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 4891, 4892]. Идентифицируется со средневековой дер. *Хотнѣж* на р. Лемовже в Ястребинском Никольском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 773]. Параллелью является геогр. **Хотенож** дер. в Чайковском пог. Шел. пят. под 1538/39 г. [ПКНЗ 6: 6]. Ойконимы произведены от личн. **Хотнѣзь* / **Хотинѣзь*, компоненты которого хорошо знакомы общеславянскому антропонимикону. Топонимические соответствия есть в Верхнем

¹¹ И. П. Сенигов, русский историк XIX в., автор трудов по новгородскому летописанию.

Поднепровье: геогр. *Хотняжи* — два хутора на руч. *Хотняж*, л. пр. Сожи близ гор. Мстиславля на Могилевщине, *Хотнежицы* дер. в окрестностях Ельни на Смоленщине, см. [Vasm. RGN IX 3: 531; Топоров, Трубачев 1962: 123].

Ченежо дер. в Спасском Орлинском пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКНЗ 1: 103] и **Чанеж** дер. в Которском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 119], а в конце XVIII в. пуст. *Чамежа* по межевой документации [Андрияшев 1914: 151]. Названия обусловлены личн. **Чанѣзь* или **Ченѣзь* с препозитивными *Ча-*, *Че-*; ср. праслав. варианты **čakati* и **čekati* ‘ожидать’, прослеживаемые по разным славянским языкам: болг. *чекам* и *чакам*, сербохорв. *чекати* и устар. *чакати*, чеш. *čekati* и устар. *čakati* ‘ожидать’ [Фасм. ЭСРЯ IV: 325]. Родственным препозитивным элементом охарактеризованы также личн. **Чабудь*, равное геогр. *Чабуд* дер. Петровского Борисоглебского пог. в Боровичах Беж. пят. 1564 г. (подр. анализ данного композита дан в гл. 6), и личн. *Чагость* (см. геогр. *Чагоша* в гл. 3, там же подр. о начальных *Ча-*, *Че-*). Межтерриториальными параллелями к новг. *Ченежо*, *Чанеж* выступают укр. геогр. *Чаниж* село близ гор. Буск северо-восточнее Львова и там же рядом *Чанижска* р. в междуречье Западного Буга и Стыра, а также *Чениж* ур. у сел. Кречив Иваничского р-на Волынской обл. [Шульгач 1998: 57; Худаш, Демчук 1991: 210]. Вероятно, следует учесть еще геогр. *Чунёгово* дер. в Зубцовском р-не Твер. обл., допускающее возведение к **Чанѣгово*/**Ченѣгово*. Вряд ли к перечисленным фактам имеет отношение геогр. *Ченежская* (вар. *Ченижская*) сел. на р. Водле в Пудоожском у. Олонецкой губ. [Vasm. RGN X 1: 69]: оно скорее соотносится с приб.-фин. гидронимией типа *Ченжа*, *Чонжа*, ср. наличие в той же Олонецкой губ. оз. *Ченже-Кескозеро*.

По всей вероятности, с композитом **Чанѣзь* или **Ченѣзь* соотносится **Ченята*, квалифицируемое как усеченно-суффиксальное имя с характерным для гипокористик оформлением. Оно восстанавливается по новг. геогр. **Ченятино** пуст. («пашня въ поле лѣсомъ поросла») в Спасском Клименецком пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 119]. Веселовский дает личн. *Ченей* под 1492 г. [Вес. Он.: 350], тоже, быть может, производное от данного композита, но с иным суффиксом.

Композиты на *-ВЕЖ-/-ВИЖ-*

Любовижа дер. Быстреевского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 481, 486], к концу XVIII в. превратившаяся в одноименную пустошь в Гд. у. [Андрияшев 1914: 75]; **Любовижа** п. пр. Тигоды, л. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 48]. Название мотивировано личн. *Любовидь*, которое удостоверяют др.-польск. личн. *Lubowid* и многочисленные йотово-посессивные топонимы на базе данного имени на территории Польши (*Lubowidz* применительно к трем пунктам), Чехии (*Liboviz*), Македонии, Сербии [Rospond 1983: 88; Rymut 1987: 134; Babik 2001: 433—434], сюда же гидроним *Любовижска* п. пр. Волчасы басс. Сожа в Чериковском у. на Могилевщине [Vasm. WRG III: 160].

Радовеж дер. Косицкой вол. Новг. у. на р. Луге [СНМНГ I: 26—27], сегодня — дер. Передольск. Бат. К личн. *Радовидь* (отмечено у болгар до XII в. [Заим.

БИ: 143]) или, что менее вероятно, — к **Радовѣдь*. Указаны семь йотово-посесивных топонимов, образованных от личн. *Радовидь*: дважды *Radowiz* у лужицких сербов на территории Германии (нем. *Radewiese*), остальные на Балканах: в Македонии, Сербии, Греции [Rospond 1983: 117; Заимов 1973: 148] (подр. о территориальной дистрибуции см. карту 4).

Вховеж дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 671], к концу XVIII в. превратившаяся в пуст. *Вховежи*, показанную межевыми материалами к юго-западу от Дубровны [Андрияшев 1914: 431]. Ойконим возводится к уникальному др.-новг. личн. **Вьховидь*, первый компонент которого представлен диалектным местоимением *вьхо* ‘все’ без эффекта третьей палатализации для **x*, см. [НГБ 1977—1983: 116; Зализняк 2004: 45—46]. Этот же ойконим фигурирует в писцовой документации также в «стандартном» древнерусском облике *Всевиж* 1498 г. [НПК IV: 197]. Семантически личн. **Вьсевидь* — ‘все видящий, все знающий’; ср. по первому компоненту личн. *Вьсеславь*, выше.

Теребовижа дер. Щирского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 115], сохранявшаяся до конца XVIII в.: дер. *Теребовижа* на руч. Панашборовском, по материалам Ген. меж., № 1461 [Андрияшев 1914: 60], более поздних сведений нет. К личн. **Теребовидь*, ср. йотово-посесивные топонимы на базе данного личного имени в Польше (геогр. *Trzebowidz*) и Чехии (геогр. *Třebiz*) [Rospond 1983: 140]. В самостоятельном использовании отмечено сходное имя: др.-польск. *Trzebowit* [SSNO V: 478], альпослав. *Trebwit* XII в. [Kronsteiner 1981: 211]. См. также *Теребонижье*, выше.

Туховежи дер. Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 84], сейчас — деревня Ям-Тесовск. Луж. Ойконим прослежен начиная со 2-й пол. XVI в.: *Туховижа* дер. Тесовской вол., по списку с писцовой книги Вод. пят. 1568 г.; позднее документация по Тесовской и Полянкой волостям дает варианты: *Туховижи* 1573—1578 и 1582 гг., *Туховижа* 1584 г., *Тоховижа* 1620, 1629 гг., *Туховежи* 1612, 1546, 1669, 1674—1678, 1709, 1718, 1748 гг., *Туховежа* дер. 1788 г., см. [Селин 2003: 139, 145, табл. 9, 11]. Восходит к редкому дохристианскому имени **Туховидь*, компоненты которого в различных сочетаниях знакомы общеславянскому антропонимикону¹². Данное имя, с одной стороны, принадлежит к той же модели, по которой образованы др.-чеш. антропонимы-композиции **Tuchomír*, **Tuchomyšl*, **Tuchorad*, прослеживаемые в ойконимии Чехии (геогр. *Tuchoměřice*, *Tuchomyšl*, *Tuchoraz*) [Svoboda, Šmilauer 1960: 557], сюда же полаб. личн. **Tuchobqd*, давшее нем. геогр. *Tucheband* к востоку от Берлина [Rospond 1983: 86, 140]; с другой стороны, личн. **Туховидь* входит в ряд

¹² Совр. форма *Туховежи*, в сущности, не исключает выбора между антропонимическими компонентами *-видь* и *-вѣдь* (к праслав. **věděti* ‘знать’) во второй части сложения. Элемент *-вѣдь* семантически абсолютно допустим (**Туховѣдь* — ‘надежду знающий’), хотя он практически не подтверждается параллелями препозитивного употребления, где всегда только *Вид-* (ср. *Видомирь*, *Видогость*, *Видославь*), и, вероятно, реже, чем *-видь*, известен в постпозиции (таковы др.-польск. *Niegowiad*, *Boguwiad*, *Niewiad* [Malec 1971: 121], др.-чеш. *Zlověd* [Svoboda 1964: 98]). Колебание *Туховижи/Туховежи* (см. выше еще геогр. *Радовеж*: личн. **Радовидь*) следует отнести на счет легкой взаимозаменяемости фонем *ѣ*, *и* в древних новгородских говорах.

польск. личн. *Lubowid*, чеш. *Dobrovid*, *Snovid*, *Závid* [Svoboda 1964: 91], др.-новг. *Сновидь*, *Завидь* в берестяной письменности [Зализняк 2004: 739, 800], сюда же композитная антропонимия на *-видь*, реконструируемая по новг. геогр. *Радовеж*, *Вховеж*, *Любовижа* (см.). В памятниках западно- и южнославянской письменности отмечены: др.-чеш. личн. *Tuchota*, *Tuchoň*, *Tuchom*, *Tušim*, др.-польск. *Tuch*, *Tuchola*, болг. *Тухо*, *Тухол*, др.-луж. *Tuš*, обычно рассматриваемые в качестве гипокористик, производных от композитов [Rospond 1983: 140; SSNO V: 486; Svoboda 1964: 306, 307; Schlimpert 1978: 148; Заим. БИ: 226; Мор. СИ: 195]; см. еще ономастический материал в связи с новг. геогр. *Тухомичи*, *Тушемля* (подр. в гл. 4). Первый компонент имени **Туховидь* имеет четкие ареальные признаки: он соотносится с польск. *otucha* 'надежда, упование, бодрый дух; доброе предзнаменование', др.-чеш. *odtucha* 'то же', польск. *tuszyć* 'вселять надежду', чеш. *tušiti* 'надеяться', — эти лексемы, родственные праслав. **tušiti* 'тушить (огонь); успокаивать', **tixъ(jь)* 'тихий', прус. *tusnan* 'тихий', развили особое значение удовлетворения, надежды, упования и ограничены лишь западнославянским ареалом. Данная семантическая инновация, отметил О. Н. Трубачев [1967: 61—62], объединяет перечисленные славянские лексемы с индоиранскими, ср. авест. *tušni* 'молчаливый', *Tušnā. maitiš* — название божества, букв. 'удовлетворенный ум'. Следовательно, ойконим *Туховежи* «высвечивает» своим препозитивным компонентом отчетливую новгородско-западнославянскую топонимическую изогlossу. Максимально близким межтерриториальным соответствием к нему выглядит геогр. *Тиховиж* р. в Ровенской обл. Украины; этот гидроним рассматривался среди деапеллятивных образований с суф. *-иж* [Гідронімія України: 203], однако, на мой взгляд, его лучше возводить к личн. **Туховидь*, которое коррелирует с др.-новг. личн. **Туховидь*, репрезентируя иной вариант общего корня.

Постпозитивный антропонимический компонент *-видь* (: **vidēti*, рус. *видеть*) в ареальном аспекте представляет определенный интерес тем, что репрезентирующие его топонимы концентрируются обычно к западу от Ильменя и на псковских землях; ср. географию старописьменных новг. геогр. *Хотовижи*, *Вховеж*, *Любовижа*, *Радовеж* (см. анализ данной ойконимии), пск. геогр. *Обижа* дер. на р. *Абижа* близ Пскова (к личн. *Обидь* < ? **Obvidь*; ср. др.-чеш. *Obida*, *Obyd* [Miklosich 1927: 83], ср. еще польск. геогр. *Owidz*, связываемое с личн. **Owid* [Babik 2001: 496—497]), *Литовиж* (< **Лютовижь*, к *Лютовидь*) дер. на южном побережье Псковского оз., *Будовиж* (к личн. **Будовидь*) дер. на острове Псковского оз. в Печорском р-не, *Видовичи* дер. близ Пскова, *Явидово* (к личн. *Явидь*, такое имя носил новгородский воевода 1245 г. [НПЛ: 79, 304]) для дер. к юго-западу от Торжка на территории псковской группы говоров.

Хотовижи дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 107, 119], позднее *Хотовижа* 1568 и 1582 гг. [Селин 2003: 174], далее по источникам не прослеживается. Обусловлено личн. **Хотовидь*, которое не зафиксировано, но восстанавливается по нескольким топонимическим архаизмам. Среди них блр. геогр. *Хотовиж* дер. в Могилевской обл. Белоруссии, стоящая на р. *Хатовижска/Хотовижска*, л. пр. Осетра, л. пр. Сожи. Данный гидроним В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев [1962:

221—222] считают неясным, однако антропонимические композиты с элементами *-хот-* и *-вид-* в различных комбинациях хорошо известны. Сюда же *Фотовиж* р. в басс. Десны на территории Сумской обл. Украины (авторы монографии [Гідронімія України: 203—204] видят в этом гидрониме универбат словосочетания *Хотова вежа*, что, на мой взгляд, неприемлемо) и *Фотивиж* дер. на руч. Смолянка неподалеку от Севска в бывшей Орловской губ., согласно [Vasm. RGN IX: 428]: данные названия, по всей вероятности, территориально смежные, тоже образованы на основе личн. **Хотовидь*/**Хотивидь*. Переход $x > \phi$ в начале слова регулярен; ср. варианты новг. геогр. *Хутынь* / *Футынь* (см.), *Хотина* / *Фотина* сел. в окрестностях гор. Белый (см.), а также геогр. *Фатеж* гор. в Курской обл., явно продолжающее первоначальное др.-рус. **Хотежь* (здесь наложилось южнорусское аканье) и т. п.

Композиты на *-деж-/-теж-*

Милодеж дер. Приозерн. Луж., ранее — *Милодежь* дер. на р. Оредеж Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 82—83]. В средневековье этот пункт, относившийся к Климентовскому Тесовскому пог. (Тесовской вол.) Вод. пят., фиксируется под вариантными названиями: *Молодежи* 1584 г., *Молодеж* 1620 г., позднее *Милодежи*, *Милодеж*, *Милодежь*, см. [Селин 2003: 127, 141]. Название по происхождению йотовый посессив от личн. *Милодѣдь*, ср. др.-польск. *Milodziad* [SSNO III: 512]. Ситуацию, однако, усложняет особая, но созвучная топонимическая форма *Миложад* 1568 г., которую тоже связывают с этой деревней [Селин 2003: 141]. По-видимому, она не имеет самостоятельного деантропонимного образования (хотя бы потому, что больше не повторяется, а личн. **Миложадь* не фиксируется), но переделана из исконной формы *Милодеж*.

Люботеж дер. Середкинской вол. Пск. р-на, относившаяся к Гд. у. бывшей Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 1619]. Скорее всего обосновывается личн. **Люботѣхъ*, которое дало первоначальную топонимическую форму **Люботѣшь*, позднее «подогнанную» под структуру названий на *-еж* типа *Милодеж*. Ср. польск. геогр. *Lubociesz*, возводимое к **Ljubotěch-jь* [Rospond 1983: 88]. Однако в качестве производящего имени допускается и личн. **Любодѣдь*, незафиксированное, но структурно и семантически напоминающее др.-польск. *Milodziad* (см. геогр. *Милодеж*). Ср. еще польск. геогр. *Lubodzierz* оз. и дер. (= *Lubodziesz* 1328 г.), которое возводят к личн. *Lubodziech* как гипокористике от др.-польск. личн. **Lubodziad* [Babik 2001: 432—433].

Композиты на *-чаж-/-чиж-*

Любочажье дер. Осьминск. Луж., ранее — *Любочажа* (*Любочажи*) дер. на рч. Сабе Луж. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 2062]. Отождествляется со средневековой *Любочажа* дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК VЖ 491]. Обосновывается личн. **Любочадъ*, по буквальному смыслу — ‘любимое чадо (= дитя)’,

ср. семантически и структурно подобное имя, реконструируемое по геогр. *Дорогачиж* (см. ниже). Элемент *-čed-* (> *-чад-*) в композитной антропонимии скорее известен в препозиции: сербохорв. личн. *Čedomir*, *Čedomil*, болг. *Чедомир* [Заим. БИ: 242], но ср. тождественную структуру апеллятивных сложений: др.-рус. *любочадый*, *любочадный* ‘чадолюбивый, любящий детей’, *братучады*, *братучадо*, *братучадые* ‘племянник, сын брата’ или ‘двоюродный брат’ [СлРЯ XI—XVII 8: 340; 1: 326], равно как болг. *братучэд*, *братовчэд* ‘сын брата, племянник’, макед., сербохорв. *братучэд* ‘двоюродный брат’.

Мелечажо дер. в Егорьевском Лусском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 44], позднее — дер. *Мелечаж* 1568 г., *Мелечажа* 1582 г. и 1748 г. (в сер. XVIII в. указана как «новопоселенная»), *Мелечажи* пуст. 1788 г. [Селин 2003: 110], дальнейшие сведения отсутствуют. Ойконим, очевидно, произведен от личн. **Милочады*.

Дорогачиж поч. в Спасском Егорьевском пог. во Млеве Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 352]. Название, по-видимому, восходит к др.-новг. личн. **Дорогочады* (‘дорогое чадо’), семантически равному личн. **Любочады*, **Милочады*.

КОМПОЗИТЫ НА *-ЛЮБ-*

Городолюбское оз. в Коломенском пог. Дер. пят. северо-западнее Вышнего Волочка около 1495 и 1538/39 гг. [НПК I: 83; ПКНЗ 4: 106]. Скорее всего перед нами осложненная суф. *-ск-* йотовая форма **Городолюбле* от личн. **Городолюбь* (< праслав. **Gordil’ubь*). В Словении и Австрии имеются ойконимы *Grosuplje*, *Grashupp*, фиксируемые с 860 г. в разных вариантах (*Groshupp*, *Grazlup*, *Crazluppa* и др.), которые С. Роспонд рассматривает как модификации исходной йотово-посессивной формы **Gradiljubь* [Rospond 1983: 73—74] (к праслав. **Gordil’ubь*), однако М. Сной связывает их с личн. **Groslypь* неславянского происхождения [Snoj ESSZI: 155—156].

Гостелюбле дер. в пог. Михайловском в Тростных Беж. пят. сер. XVI в. [ПКНЗ 3: 117; НПК VI: 189]: к личн. **Гостелюбь*/**Гостилюбь*. Ср. польские топонимические параллели *Gościlib* в окрестностях Ленчицы, *Golubie* (упрощенное из **Gostiljubь*) в поветах Тчев и Каргузы, а также геогр. *Гостолуби* в Македонии, греч. *Κωστελοπ* [Rospond 1983: 74; Заимов 1973: 94].

КОМПОЗИТЫ НА *-ВИЧ-/-ВИЦ-*

Нъговичи дер. Никольского Передольского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 172], последний раз отмеченная документом 1539/40 г. [Селин 2003: 170]. Вероятны две интерпретации данного ойконима. Во-первых, допустимо сравнение с личн. *Нъговить*, которое дважды встречено в древненовгородской берестяной письменности: бер. гр. Ст. Р. 19 (1-я пол. XII в.) и новг. гр. № 761 (последняя треть XIII в.) [Зализняк 2004: 336, 500]. Другие славянские источники личн. *Нъговить*, как будто, не знают, хотя композиты на *-вить* известны; ср. по новг. бер. гр. № 526,

246 личн. *Добровитъ*, *Жировитъ* [Зализняк 2004: 733, 739], др.-чеш. *Hostivít*, *Sěmovít*, *Dobrovít*. Ср. топоним *Niegowić* в Польше, который был истолкован на базе др.-польск. личн. *Niegowit*, *Niegowiad* [Lubaś 1967: 203—208]. Во-вторых, не менее предпочтительно считать новг. геогр. *Нъговичи* образованием от патронима на *-овичь*. В пользу второй версии свидетельствуют многочисленные межтерриториальные соответствия: геогр. *Негово* хут. в Могилевской губ. близ гор. Климовичи, *Niechowice/Nihowice* и *Niegowce* — сел. в Галиции, *Нягів (Нягово)* пункт в Прикарпатье, *Ňagov* сел. в Словакии [Vasm. RGN VI: 115, 153; VII: 318], ойконимы *Неговци* в Болгарии [Займов 1967: 251], *Negovac* и *Negoves* в Сербии и Хорватии, *Negova* в Словении — эти данные скорее предполагают исходным личное имя типа др.-серб. *Нег* XI—XVI вв. [Грк. РЛИКС: 144], др.-болг. *Нягой* XV в. [Заим. БИ; Мор. СИ: 140].

Гостивици дер. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 210], обозначенная в источниках 1539/40 и 1585 гг. как дер. *Гостивицы* или *Госттевицы* [Селин 2003: 156], более поздние сведения о пункте отсутствуют. Со значительной степенью вероятности трактуется как йотово-посессивный ойконим от композитного личн. *Гостивитъ*. Такое имя отложилось в др.-чеш. документации: личн. *Hostivít* [Svoboda 1964: 76] (см. в [Мор. СИ: 57] также зап.-слав. *Гастовтъ*), там же, на территории Чехии, наличествует геогр. *Hostivice*, которое было объяснено в связи с указанным антропонимическим композитом [Svoboda, Šmilauer 1960: 556]. Новг. геогр. *Гостивици* несет печать мягкого цоканья: слог *-ци* достоверно отсылает к исходному *-чи* (**Гостивичи*). Квалификация последнего в качестве образования с суф. *-ичи/-ицы* от некоего личн. **Гостивъ*, усеченного, быть может, от композитного *Гостивитъ* (которое реконструируется, в частности, из йотово-посессивного геогр. *Гостивель* дер. Речицкого у. Минской губ. [Vasm. RGN II 3: 523]) тоже допустима, но имеет меньше шансов при наличии зап.-слав. *Hostivít*.

КОМПОЗИТЫ НА *-МЫШ-/МЫСЕЛ-*, *-РЕЖ-/РАЖ-*, *-ЖИР-*, *-ВОЛОЖ-*

Добромыш мыс на западном берегу северного (Полновского) плеса оз. Селигер [Истомина, Яковлев 1989: 103]. Восходит через промежуточную топонимическую форму **Добромышль* к личн. *Добромышль*. Имя встретилось в одной из старейших новг. бер. гр. № 526 (2-я треть XI в.) и имело хождение в древних польск., чеш. [Malec 1971: 80; Svoboda 1964: 74], полаб.-помор., сербохорв. [Schlimpert 1978: 41], словен. [Kos 1886: 116] языках и диалектах. Межтерриториальные топонимические соответствия многочисленны: это локализуемое на юго-западной периферии области новгородских пятин геогр. *Добромысел* дер. на оз. Бросно Холм. у., далее к юго-западу от Новгородской земли геогр. *Добромышль* ус. в Витебской губ. и почти полтора десятка преимущественно йотово-посессивных топонимических образований от данного имени на территориях Белоруссии (в окрестностях гор. Ново-Александровск Каунасской губ., Борисов Минской губ., Бобруйск Слонимской губ., Орша, Режица Витебской губ., Ошмяны Виленской губ.), Западной

Украины (Тернопольская обл.), Польши, отчасти Литвы и Восточной Германии; по материалам: [Vasm. RGN III 1: 40—42; Rospond 1983: 66; Schlimpert 1978: 41; Худаш, Демчук 1991: 65—66; Бучко 1994: 114].

Хотережа дер. («сѣла ново: дохода нѣтъ») в вол. Стерж Дер. пят. 1495—1496 гг. [НПК II: 701], позднее *Селище на Хотереже* пуст. («запустела от поветрея и от дороги»), согласно писцовой книге Торопецкого присуда Дер. пят. 1539/40—1540/41 гг. [ПКНЗ 4: 321], затем пуст. *Котережь* в Ост. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 269]. Скорее всего название продолжило первоначальную топонимическую форму **Хотѣража*, произведенную от др.-слав. личн. **Хотѣрадъ*, неоднократно проявленного топонимией. Ср. наличие плюрального родового ойконима *Chocerady* в Чехии неподалеку от Праги (к др.-чеш. личн. **Chocěrad* [Svoboda 1964: 76]), польск. геогр. *Choradz*, сокращенного из **Chotěradz* [Rospond 1983: 55] и особенно геогр. *Большой Хатраж* ур. к юго-востоку от Гдова. Псковское название отражает регулярную утрату гласной первого компонента явно на дотопонимической стадии, а также аканье. Модификация исходного облика новгородского ойконима *Хотережа* незакономерна, возможно, она продиктована сближением второго компонента с глаголом *резать: режу*.

Доброжирь дер. Коломенского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 81] (= пуст. *Добрежек* Вышн. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 176]); **Доброжирь** дер. Ужинского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 372], = пуст. *Доброжилова* Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 278]. Обе части сложения хорошо знакомы др.-слав. антропонимикону. Ойконим обусловлен архаическим композитным личным именем (думается, только др.-новг.) **Доброжирь*, которое не обнаружено по источникам.

Имоволоже, или *Имоволожь*, село, центр древнего Имоволожского пог., который позднее составил восточную часть Коломенского пог. Дер. пят. В. Л. Янин восстановил правильное чтение этого топонима, данного в Праздничной минее XII в., — *Имо(во)ложи* (ранее А. И. Соболевский читал как «*Имоколожи*») [Янин 1991: 149]. *Имоволожский* пог. несколько раз упоминается в договорах Новгорода с князьями XIII—XV столетий: «на *Имоволозьскомъ* погостѣ» [ГВНП: 13, гр. 3], «на *Имовѣволу-скомъ* погостѣ» [Там же: 36, гр. 19], «на *Имоволожскомъ* погостѣ» [Там же: 40, гр. 22], «на *Имоложскомъ* погостѣ» (в другом списке — «*Имоволожскомъ*») [Там же: 47, гр. 26], отмечен также в новг. бер. гр. № 573 (60—70-е гг. XII в.) как *Имѣвъложѣ*; кроме того, новг. бер. гр. № 885 (сер. XII в.) и № 844 (3-я четв. XII в.) дают катойконим *имоволожане* — жители Имоволожского пог., см. [Зализняк 2004: 316—317, 454, 744]. О местонахождении древнего погоста сигнализирует сегодня оз. *Имоложье* в Вышн. р-не. К этим фактам, ранее уже установленным исследователями, можно лишь добавить, что списки рек и озер по планам Ген. меж. конца XVIII в. отмечают в Валд. у. оз. *Кемоволожье*: «речка Глубочица из озера *Кемоволожья* через озеро Глубокое в речку Медведевку» (цит. по [Агеева 1989: 44]). Кажется, это позднейшая контаминация двух гидронимов *Кема* + *Имоволожье*, обусловленная пространственной смежностью гидрообъектов: в р-не Бологое есть рч. *Кемка*, п. пр. Березайки, л. пр. Мсты, которая протекает неподалеку от оз. *Имо(во)ложье*.

Геогр. *Имоволоже* является достаточно очевидным йотово-посессивным производным от композитного личн. **Имоволодь*, однако дальнейшая трактовка этого реконструируемого антропонима неоднозначна. По мнению А. А. Зализняка [1991: 226—227], **Имоволодь* — исконнославянское имя (**Ъѣт-о-вold-ь* с примерным значением ‘властитель захваченного’), морфологически соотносимое прежде всего с письменно известным *Яволодь* (**Ъѣт-vold-ь*). В. Б. Крысько [2006: 222—233; 2007: 277—288] убедительно и подробно трактует **Имоволодь* (> геогр. *Имоволоже*) как антропоним-композит прибалтийско-финского происхождения — из первоначальной формы **Himavalto, -a* (с общим смыслом композита — ‘властолюбивый’), которая подверглась закономерной фонетической адаптации в славяноязычной среде.

КОМПОЗИТЫ С ЭКСПРЕССИВНО ОКРАШЕННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Йотово-посессивная топонимия Новгородской земли порой отсылает к антропонимическим сложениям, включающим экспрессивно окрашенные постпозитивные компоненты, отсутствующие в базовом фонде позднеславянской композитной антропонимии (-*краж-*, -*страж-*, -*терж-*, -*перж-*, -*мерж-*, -*ѣж-/-еж-*). С учетом таких оценочных компонентов появляются сомнения в наличии у восстанавливаемого антропонима статуса внутрисемейного имени, скорее этот антропоним выглядит прозвищем, «прозванием», вторым именем, присвоенным человеку социумом. Обычно такие прозвищные имена изолированы, т. е. не находят отражений за пределами региона, и образуемые на их основе новгородские топонимы практически не имеют межтерриториальных топосоответствий за пределами Новгородской земли. Поэтому нет оснований считать древние прозвища-композиты позднеславянскими образованиями, лучше исходить из того, что они сложились позднее, на местной, в данном случае на древненовгородской, почве¹³. Будучи творческими новациями диалектных групп населения, они представляют значительный интерес для исследователей. Подчеркивая сохраняющуюся продуктивность праславянской модели композитных антропонимов, такие прозвищные имена заключают узкорегиональные особенности языка и культуры¹⁴.

¹³ Впрочем, на настоящем этапе изученности общеславянской антропонимической архаики говорить о соотношении общеславянское/региональное нужно с большой осторожностью: появляющиеся все новые и новые оттопонимные реконструкции сложных имен увеличивают репертуар составных частей и могут вывести имя из разряда узкоместных на простор более обширного диалектного славянского континуума.

¹⁴ Доказать, истинное личное имя перед нами или все-таки прозвище, — во многих случаях практически невозможно. В средневековой Руси одни антропонимы (как правило, депеллятивной деривации), не различающиеся ни морфологически, ни экспрессивно, предпочитались чаще в качестве личного имени (скажем, *Волк*, *Олук*, *Суморок*, *Томило*), другие — в качестве прозвища (*Баран*, *Зуб*, *Орел*, *Рагоза*), иначе говоря, второго, более позднего имени. Вместе с тем в разных обстоятельствах одни и те же антропонимы могли чередовать статус

Обычно экспрессивно окрашенный компонент находится во второй части антропонимического сложения. Все это, между прочим, означает, что постпозитивный компонент сложного антропонима обладает большей функционально-семантической нагрузкой, нежели препозитивный. Композитный антропоним, имеющий очевидную экспрессивность (оценочность), хронологически плохо привязан к древнеславянскому времени, поскольку создание двусловных имен-экспрессивов продолжает оставаться живым процессом по сей день (ср. относительно новые номинации людей типа *дуболом*, *саморуб*, *самострел*, *короед* и др.). Следовательно, географические названия, построенные на антропонимах, слабо дифференцируемых по статусу внутрисемейного имени или внесемейного прозвища, в плане хронологии маркированы не столько основной, сколько формантной частью — принадлежностью к йотово-посессивной модели.

Ниже анализируются новгородские топонимы обозначенного «экспрессивно-прозвищного» разряда, которые до настоящего времени практически не «дожили» и почти все фиксируются в средневековой письменности. Не в последнюю очередь это связано с тем, что деревни, носившие негативно окрашенные названия, нередко подвергались переименованиям.

Самокража дер. Ракомской вол. Новг. у. на берегу оз. Ильмень в Поозерье [СНМНГ I: 66—67], сегодня — дер. *Ильмень* Новг. р-на. Первая фиксация пункта — в писцовых книгах Шел. пят. конца XV — сер. XVI в. под именем *Самокраж* [НПК V: 290], затем в более точной передаче: *Самокраж* 1573 и 1582—1584 гг., или, с XVII в., — дер. *Самокража* [МАНк], этот же вариант дают записи XIX в., например, описание П. И. Якушкина [1986: 51], путешествовавшего в 1848 г. по Ильменскому Поозерью. В 60-е гг. XX в. дер. *Самокражу* из-за мнимого неблагозвучия переименовали в нейтральное *Ильмень*, но местные поозеры придерживаются исконного названия.

Данный ойконим повторяется еще несколько раз, преимущественно в ближайшей новгородской округе. Известно геогр. **Самокража**, связанное с селом, центром Самокражской вол. Новг. у. при руч. Рыкун басс. Луги (= совр. дер. *Нива* Бат. р-на, переименование советской эпохи); рядом с этим селом находились одноименные поселок, усадьба и старинный погост [СНМНГ I: 70—71]. История названия прослеживается с 1500 г.: *Самокража* дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. [НПК III: 116, 120], позднее многократно упоминается в письменной документации как сельцо или село [Селин 2003: 176]; кроме того, поблизости, в Никольском Передольском пог. Вод. пят., список с писцовой книги письма Григория Валуева 1539/40 г. указывает отдельным пунктом сопредельную дер. *Самокража* [Селин 2003: 172]. Из писцовой книги Шел. пят. узнаем далее о средневековой дер. **Самокражье** в Илеменском пог. 1498 г. (среднее течение Шелони к северо-востоку от

имени / прозвища. Картину могло бы отчасти прояснить широкое обследование всего корпуса древнерусских письменных источников, однако для дописанных эпох возможна только экстраполяция с более позднего времени.

Порхова) [НПК V: 171], = *Самокража* пуст. на р. Ситне, согласно Ген. меж. конца XVIII в. [Андрияшев 1914: 207]; материалы XIX—XX вв. об этой пустоши уже не сообщают. Следующая по счету дер. *Самокража*, иначе *Самокраж*, значилась в Лядском пог. Шел. пят. 1571, 1575/76 гг. [НПК V: 565; ПKNЗ 6: 198], — она отождествляется с позднейшей дер. *Самокражь*/*Самокраш* у оз. *Самокрашское* в Гд. у. [СНМРИ 37: № 1357; Андрияшев 1914: 207] (по совр. данным здесь значителен только оз. *Самокраж* басс. Плюссы, Ляд. р-н). К востоку от Новгорода, в Нижнем Поомстье, находился пог. *Самокража*, иначе *Монкошево*, на р. Мсте, значившийся по спискам 1907 г. в Бронницкой вол. Новг. у. [СНМНГ I: 18—19]. Межевые материалы 1780-х гг. по Новг. у. отмечают в этой местности дер. *Самокража*, которую отождествляют (см. [ИАДП I: 107; 2: 12]) со средневековой дер. *Самостраж* Боженского пог. Дер. пят. 1495—1496 гг. [НПК II: 440]. Трудно решить, какая из вариантных форм — *Самокража* или *Самостраж* — более авторитетна для объяснения данного ойконима. Полагаю все же, что более поздняя, *Самокража*, подкрепленная целым рядом параллелей в новгородской округе, тогда как единичный вар. *Самостраж*, не находящий ни межтерриториальных топонимических соответствий, ни антропонимических коррелятов (личн. **Самострадь* нигде не прослежено¹⁵), нужно считать переделкой экспрессивного геогр. *Самокраж(а)*.

Еще один тезоименный пункт — дер. *Самокража* — указан списком селений нач. XX в. на берегу р. Волмы, л. пр. Мсты, в составе Заручевской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 28—29] (ранние сведения о нем отсутствуют).

Не совсем понятно, связаны ли взаимностью возникновения перечисленные селения, называвшиеся *Самокража* (*Самокражье*, *Самокраж*), имел ли среди них место перенос на ойконимическом уровне либо во всех случаях наблюдаются независимые образования от некогда популярного в узком ареале прозвищного имени. Прикрепленность ойконима к историческим территориям (Поозерье, Верхняя Луга), к традиционным погостам, а главное — очевидное образование по *-j-модели говорят о том, что это посессивный топонимический архаизм, возникший до XIII в. В основе его лежит др.-новг. композит **Самокрадь*, прозвище владельца или первопоселенца, личное или даже коллективное, с вполне ощутимой негативно-иронической экспрессивностью¹⁶. Второй компонент (-*крадь*) данного

¹⁵ Компонент *страд-*, впрочем, можно встретить в славянской антропонимии, но в первой позиции сложенных, ср., например, зап.-слав. личн. *Stradomъ*, сербохорв. *Страдославъ* и др.

¹⁶ Яркая выразительность ойконима *Самокража* обусловила не только советские переименования соответствующих пунктов, но и появление народных переосмыслений. По одной из бытующих топонимических легенд, в Поозерье однажды появилась страшная болезнь, мор, косивший людей. Люди, не дожидаясь смерти, рыли могилы, которые называли *самоклажи*, поскольку сами укладывались в эти ямы; отсюда, якобы деревня стала именоваться *Самоклажей*, а со временем *Самокражей*. Любопытна реминисценция этой поозерской легенды в Новгородском областном словаре, в котором появились фантомные лексемы *самокла́жа* (*самокла́да*) и *самокра́жа* со значением ‘общая могила’: «*Самокража*, а была *самокрада*: вымирал народ, сам

антропонима мог заключать и негативно-оценочное значение воровства, кражи, и значение скрытности или хитрости, если учесть др.-рус. *крадомъ* ‘тайным образом’, *крадьба* не только ‘кража’, но и ‘хитрость, обман’ [СлРЯ XI—XVII 8: 6], рус. *украдкой*, диал. *крадом*, *кра́дом*, *кра́дко* ‘то же’ [СРНГ 15: 160—161]; следовательно, при таком понимании **Самокрадь* скорее характеризует скрытного или хитрого человека. Модель композитных личных имен или прозвищ с местоименным компонентом *Само-* в препозиции хорошо знакома общеславянскому именнику; ср. др.-слав. личн. **Samogostъ*, польск. *Samobor*, чеш. *Samosul*, *Samoděl*, сербохорв. *Samobor* [Rospond 1983: 121] или др.-чеш. геогр. *Samoplesy*, *Samosoly*, восходящие к коллективным прозвищам такой же структуры [Prof. MJ IV: 10—11]¹⁷.

На базе, очевидно, экспрессивно окрашенного др.-новг. имени-прозвища появилось геогр. *Бокотерж* дер. Городенского пог. Дер. пят. 1495—1496 гг. [НПК I: 270], впоследствии — пуст. *Букодерж* Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 141]. Этимологией данного ойконима является личное прозвище **Бокотьргъ* ‘тот, кто терзает, раздирает бок’ (с корнем *търг-*/*търз-* ‘рвать, терзать’, подр. см. в гл. 7, оч. «*Перетерг-...*»).

К прозвищному имени далее следует возвести *Пустотьржа* из новг. бер. гр. № 23 конца XIV в. («...на *Пустотьржи*») [Зализняк 1995: 23; 2004: 647] = ? *Пустотержа* дер. («пуста (...) а в писмѣ была обжа») в Которском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 124]. Кроме того, на карте-трехверстке конца XIX в. [ВТКЗверст] подписано название местности *Пустотерж* между истоками рр. Дребенка и Псковица примерно в 6 км западнее села Новоселье Пск. губ. (на совр. атласе Пск. обл. масштаба 1:140 000 нет) — у бывшего пограничья Щирского или Ручайского пог. Шел. пят. и Псковской земли. Форма топонимов предполагает др.-слав. личн. **Пустотьрдъ*, препозитивная часть которого повторяется во многих др.-рус. и ст.-рус. двусосновных прозвищах: личн. *Пустоцвет*, *Пусторосль*, *Пустовойт*, *Пустодол*, *Пустодом*, *Пустосвят*, патронимы *Пустобояров*, *Пустоселов* [Вес. Он.: 262; Туп. СДЛСИ: 326]; ср. еще новг. геогр. *Пустольсов* поч. Пажеревицкого пог. Шел. пят. 1539 г., *Пусторадово* дер. в Курском присуде в Налочском пог. Дер. пят. 1495—1496 гг. [НПК IV: 405; П: 683] (= *Радово* дер. конца XVIII в. в Ст-Рус. у. [ИАДП I: 223]), производные от личн. **ръrděti*, рус. *пердеть* (см. также [НГБ 1977—1983: 183—184]). Вряд ли данные топонимы предполагают иные истоки происхождения.

клял себя в гроб, раньше ложился в гроб на доску, чтоб потом скатиться в яму. *Самоклада*, *самокража*»; или: «Посередь деревни вырыта яма была, которая называлась *самоклажа*. Холера ходила, и людей кидали в одну яму» (Новг.) [НОС 10: 7].

¹⁷ Компонент *-крадь* во второй части антропонимических сложений более не выявлен. Средневековый ойконим *Окрадово* Деманского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 550] на самом деле пережил метатезу *-рк-* > *-кр-* и отсылает к форме *Аркадово*, которая донесена материалами Ген. меж. конца XVIII в. [ИАДП I: 154] и подтверждена современным словоупотреблением (сегодня это дер. *Аркадово* Жирковск. Дем.).

По фонетическому облику к *Пустопържа* близко геогр. *Пустомержа*, связанное с сопредельными пунктами Вод. пят. 1500 г. к востоку от гор. Яма (совр. Кингисепп) и Ивангорода — с селцом в Кипенском пог., деревней в Григорьевском Лъешском пог. и селом в Егорьевском Радчинском пог. [НПК III: 650, 811, 945] (ср. совр. дер. *Пустомержа Большая* и *Пустомержа Малая* на р. Нейма бывшего Ямб. у., сегодня — в районе гор. Кингисепп Лен. обл.). Не исключено восстановление прозвища **Пустомързь* (: рус. *мерзнуть*) или даже **Пустомерда* (букв. ‘пустая мерда’, ср. др.-рус. *мерда* ‘рыболовная снасть, морда, верша’ [СлРЯ XI—XVII 9: 95]).

Обособленную, не всегда однозначно трактуемую группу составляют древненовгородские ойконимы, образованные при помощи суф. *-j- на базе прозвищных антропонимов на -ѣдѣ. В Приильменье к этой группе относится название дер. *Любоѣжа* Ракомской вол. в Ильменском Поозерье неподалеку от Новгорода [СНМНГ I: 64—65] (по источнику сер. XIX в. [Якушкин 1986: 51] — *Либоежа*), сегодня — *Любоежа* дер. Серговск. Новг. при впадении руч. *Любоежа*, или *Любоежский*, в р. Веряжу. Этот пункт продолжает средневековую дер. *На усть Любоежи* на Веряже (по документации 1573, 1582—1584, 1646 гг. — *Усть-Любоежа*) или смежную с ней дер. *Любоежа* (= *Любыжа* под 1573 г., или *Любоежа* под 1582—1584, 1629, 1646 гг.) в пог. Курецком и Васильевском в Паозерье 1499 г. [НПК V: 292, 296; МАНк]. Территориально близкой параллелью выступает геогр. *Любоежа* дер. на рч. Шилинке Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11471], которая отождествляется с дер. *Любоежина* «на рѣкѣ на Щеленкѣ» в пог. Михайловском на Полоной 1539 г. [НПК IV: 309]. Оформление названия формантом -ина здесь следует признать вторичным. За пределами Новгородской земли отмечают также укр. р. *Любоежа*, п. пр. Илии в басс. Припяти, в Полесском р-не Киевской обл. [Карпенко 2003: 123]. Антропонимической базой перечисленных названий видится композитное прозвище **Любоѣдѣ*, скорее коллективное, вторая часть которого находит соответствия только в прозвищном общеславянском именнике. Хотя первая часть проявляется во многих др.-слав. именах (ср. праслав. личн. **L'ubomirъ*, **L'ubotěxъ* и др. с *l'ub-*: праслав. **l'ubiti*) и регулярна в апеллятивных сложениях, более вероятно омонимичный местоименный компонент *Люб-* ‘любой, всякий’ в прозвище **Любоѣдѣ*, которое, следовательно, семантически сближается с рус. *всеядный* или с др.-рус. *всеядецъ*, *всеядливый*, *всеядный* ‘поедающий, уничтожающий все и всех’ [СлРЯ XI—XVII 3: 135]. Разумеется, нельзя для отдельных случаев отрицать вероятность прозвища *Любоѣдѣ* в качестве мотивирующего антропонима для отмеченной ойконимии (см. выше появление вар. *Любоежа*): именно на такой базе квалифицировалось, в частности, чеш. геогр. *Libojedy*, наименование леса по исчезнувшему селению, а первоначально — ‘люди, едящие луб (кору)’ [Prof. MJ II: 686; ЭССЯ 16: 156]. Авторы ЭССЯ относят к праславянской древности данное слово, которое поддержано еще рус. диал. (смол.) *лубоядный* ‘нечистый (о воде, в которой мочили лыки)’ [СРНГ 17: 173]. Близость фонетических оболочек *Любоѣжа* и *Любоѣжа* способствовала переосмыслению одной формы через другую (ср. в этой

связи ойконим *Любоково* с вар. *Лубоково*, сел. на юге Дер. пят. XV в. [ГВНП: 116, 131] или имена улиц Новгорода *Лубянка/Любяница, Лугоща/Люгоща*, см.), поэтому сказать со стопроцентной уверенностью, какая из них этимологически первична, не представляется возможным.

Остальные композитные новгородские ойконимы со вторыми компонентами *ѣж-*, *-ѣд-* извлекаются преимущественно из материалов XV—XVI вв.: геогр. *Доброежка* Сабельского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 517] (< личн. **Доброѣдъ*); *Мироежа* дер. в пог. Никольский в Шереховичах 1501 г., а под 1564 г. — дер. *Мирожье* в дворцовой вол. Белая Беж. пят. [НПК VI: 8, 885], позднее, по межевому описанию 1785 г., № 1491, — *Мироежи* [КГарн], по списку 1911 г. — *Мироежа* дер. Любытинской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 62—63] (< личн. **Мироѣдъ*, ср. диал. *мироѣд* ‘должностное лицо, живущее на средства общины, мира’, ‘туняец, бездельник, живущий на чужой счет’ [СРНГ 18: 172] и в более продуктивной суффиксации *Мироѣдово* Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 428]); *Сухоежа* Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 167] (< личн. **Сухоѣдъ*). Двусмысленно название дер. *Удовежа* в Спасском Молодиленском пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1054], на месте которой межевые материалы 1780-х гг. указывают «пустоши *Худоежина* и Борисова (...) крестьян дер. *Удовище*» при оз. *Худоежи*, согласно [КГарн]; позднее здесь значилась дер. *Удовище* на оз. *Худоежа* в Никандровской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 80—81] (сегодня — оз. *Ходоежа* басс. Чагоды со стоком в р. Грестянка, Хв. р-н). Приведенные топонимические варианты позволяют видеть исходным прозвище **Худоѣдъ* (ср. вышеуказанное антонимичное **Доброѣдъ*) или, что маловероятно, — **Удоѣдъ*, к др.-рус. *удъ* ‘кусок; часть тела, член’.

К структурной модели на *-ѣдъ* еще с праславянской эпохи относятся, как правило, слова-экспрессивы. Обычно это иронически окрашенные коллективные прозвища типа *гущеѣды* — прозвище новгородцев за их пристрастие к ячменной каше, *ершоѣды* — прозвище жителей северной части оз. Ильмень [НОС 2: 72, 117], ст.-рус. *молокоеды*, *хлебоеды* и т. п. Подобные коллективные прозвища поселенцев или жителей, полученные от населения окрестных деревень, вполне могли обусловить перечисленную йотово-посессивную ойконимию, хотя индивидуально-личные прозвищные имена в этимологическом исходе таких названий тоже вероятны.

ТОПОНИМИЯ ОТ ПРЕФИКСАЛЬНО-КОРНЕВЫХ ИМЕН

Вводные замечания

Йотовой суффиксацией часто отмечены географические названия, производные от древнеславянских префиксально-корневых личных имен. Такие названия ранее, как будто, не выделялись в особую группу, по крайней мере в трудах исследователей они обычно получают трактовки в составе более широкой «классической» группы топонимов от двусосновных имен. Префиксально-корневые личные имена в диахроническом плане не имеют принципиальных отличий от

антропонимических композитов. Они тоже относятся к классу архаических имен общеславянского распространения, находящихся широкое отражение в йотово-посессивной топонимии, а с историко-морфологической точки зрения рассматриваются как унаследованные из индоевропейского праязыка архаические сложения с неизменяемым словом в функции первого компонента [Milewski 1969: 113—120]. Названия, мотивированные префиксально-корневыми именами, на новгородской территории встречаются реже, чем названия от композитных имен, и обнаружение таких топонимов не лишено трудностей. Ниже рассматривается конкретный топонимический материал.

НАЗВАНИЯ С ПРЕФИКСОМ *НЕ-*

Корневые личные имена с отрицанием *не-* образовали целый ряд географических названий в Новгородской земле. Среди них *Несуж* дер. Батецк. Бат., ранее — село, относившееся к Самокражской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 68—69]. Идентифицировано с дер. *Несуши* Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 122], в более поздних документах значится: *Несуши* 1539/40 г., *Несуци* 1568 г., пуст. *Уша* 1582 г., «что была деревня», дер. *Несужо* 1709 г., «что была пустошь», дер. *Несуж* 1718 г., *Несужа* 1748 г., *Несуж* 1788 г. [Селин 2003: 177]. Полагаю, наиболее авторитетна современная форма ойконима и ее следует брать за исконную, тогда как ранее документированные формы *Несуши*, *Несуци*, *Уша*, существенно колеблющиеся, отражают всякого рода переосмысления под влиянием корня *суш-/суц-*. Таким образом, геогр. *Несуж* — посессивное название с йотовой суффиксацией от личн. *Несудь*, раскрывающее первоначальную принадлежность селения некоему *Несуду*. Ср. др.-польск. личн. *Niesąd* [SSNO V: 21]. Перед нами дохристианское славянское имя префиксально-корневой структуры, по буквальному смыслу — ‘не осуждающий’ или ‘не осуждаемый’, безразличное в отношении залога. Ему соответствует ряд древнеславянских имен с частицей *не-*, извлеченных из новгородских грамот на бересте: *Невидь*, *Невъръ*, *Некрась*, *Непробудь*, *Несуль*, *Несьда*, о которых [Зализняк 2004: 204].

В свете изучаемого типа названий проясняется загадочный ойконим *Неболчи* в Люб. р-не. Издревле это название относилось к погосту, территориальному центру: пог. Егорьевский в *Неболчах* Обон. пят. на р. Мде, п. пр. Мсты, впервые отмечен писцовыми книгами Новгородской земли под 1564, 1574 и 1583 гг. [ПКНЗ 2: 143, 144, 160; Неволин 1853: 184]. С XVIII в. до 20-х гг. XX в. погост относился к Тихв. у. На карте 1-й пол. XIX в. обозначен как пог. *Неболоцкой* [КШуб], в списках селений нач. XX в. значится как пог. *Неболчи* Жуковской вол. [СНМНГ VII: 48—49]. С 20-х гг. XX в. в 5 км севернее заброшенного погоста на новопостроенной железной дороге возникла ж.-д. ст. *Неболчи*, ставшая крупным поселком Новг. обл.

Ойконим *Неболчи*, очевидно, находит межтерриториальную параллель в гидрониме *Неболчь* (вар. *Небичь*, *Небычь*, *Неббычь*) п. пр. Нерусы, л. пр. Десны в Сев-

ском у. Орловской губ. [Vasm. WRG III: 380]. На мой взгляд, эти названия предпочтительнее трактовать в качестве йотовых производных от личн. **Небълтъ, -а* (> **Неболтъ, -а*) или, что столь же вероятно, — от личн. **Небълкъ, -о* (> **Неболкъ, -о*). Структура корня, содержавшего редуцированную гласную, позволяет объяснить знакомый местному произношению вариант *Неболочи* новг. ойконима, отражающий второе полногласие. Личные имена с отрицанием *не-*, как выше уже говорилось, составляют неотъемлемую часть общеславянского антропонимикона, а морфемы **bьlt-* и **bьlk-*, родственные, но с разным расширением корня, образуют разветвленную сеть дериватов в славянских языках и диалектах. Среди них рус. *болта́ть*, укр. *бовта́ти*, блр. *бовта́ць* ‘приводить в движение жидкость’, но и ‘пустословить’, польск. *beltać*, словац. диал. *beltac* ‘мешать, мутить’ и др.; к основе **bьlk-* приводят рус. диал. *бо́лкать* ‘говорить, болтать, сказать не попад’, *болка́ть* ‘качать, делать движения из стороны в сторону или взад и вперед’, словац. *blkat* ‘пылать, полыхать’, польск. (редко) *belkać* ‘болтать жидкость’, словац. *blk* ‘огонь, пламя, пожар, вспышка’ и др. [ЭССЯ 3: 117—121]. Семантика дериватов позволяет приписать реконструкциям **Небълтъ, -а* или **Небълкъ, -о*, смыслы ‘невспыльчивый, спокойный’ или ‘неболтливый человек’. Антропонимическая трактовка геогр. *Неболчи* существенно поддерживается присутствием личных имен от **bьlt-*, **bьlk-* в вост.-слав., в частности в новг. материале (имя новгородца *Оболта* Данило до сер. XVI в. [Вес. Он.: 225]), равно как в др.-польск. источниках: личн. *Belt*, *Beltaczka*, *Beltek* [SSNO I: 119—120] или личн. *Belcz*, ст.-блр. *Bolcz* и др. (см. *Болчино*).

По древне- и старорусской письменности известны имена лиц: Ивашко *Болта*, крестьянин Рютинского пог. около 1495 г. [Туп. СДЛСИ: 59], *Болта* Танеев, вотчинник в Ростове XV в., Василий Юрьевич *Болта* Меликов нач. XVI в., *Болтины* в XVI в. и позже в Арзамасе [Вес. Он.: 45]; ср. также антропонимические базы таких новгородских ойконимов, как *Болтино*, *Болтово*, наконец *Болчино* (см.). С основой **bьlk-* отмечены др.-рус. и ст.-рус. патронимические образования *Болковъ*, *Болкошынь*, *Болкуновъ* [Туп. СДЛСИ: 483] (< личн. *Болко*, *Болкоша*, *Болкунъ*). К вероятности обозначенного здесь соотношения антропонимов негативного / позитивного планов при тождестве корня (**Неболта* и *Болта*, **Неболко* и *Болко*) ср. др.-рус. личн. *Непробудъ* и **Пробудъ* (см. геогр. *Пробужа*), *Нежданъ* и *Жданъ*, *Нехорошь* и *Хорошь* и др.

К новг. геогр. *Неболчи* максимально близким по образованию и структуре оказывается название летописного города, отмеченного древнерусским списком городов конца XIV в. на территории Великого Княжества Литовского, — *Оболчи* [НПЛ: 476], по Воскресенской летописи — *Обольче* [ПСРЛ VII: 241]. Оно оптимальным образом трактуется как йотово-посессивное производное от др.-рус. личного имени *Оболта*, ранее — *Обълта*. Это имя, являющееся префиксально-корневым в ряду, например, др.-чеш. личн. *Omysl*, *Ozrak*, *Ostup*, словен. *Oslav* и др., зафиксировано новгородской письменностью (ср. указанное выше *Оболта* Данило) и извлекается из новгородского ойконима на *-ино*; ср. локализуемое на периферии бывшей

Новгородской земли совр. геогр. **Оболтино** Копачёвск. Удом., во 2-й пол. XIX в. бывшее во Вышн. у., сопровождаемое параллелью *Оболтино* дер. на р. Талица Рыбинского у. Ярославской губ. [Vasm. RGN VI 2: 327].

Недомысли ус. Селогорской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 74—75], находящаяся вблизи совр. пос. Тесово-Нетьльский Новг. обл. По писцовым книгам Вод. пят. 1500, 1540, 1568 и 1582 гг. указана как дер. *Недомышль* Егорьевского Лусского пог., но в материалах Ген. меж. 1788 г. фигурирует уже современное название — *Недомысли* пуст. [Селин 2003: 109]. Первоначальная форма *Недомышль* — йотовый посессив от личн. *Недомысль*. Такое имя ранее отмечалось у западных славян, ср. польск. *Niedomyśl*, чеш. *Nedomysl* [Rospond 1983: 98; Svoboda 1964: 101], кроме того, экспрессивно окрашенные антропонимы с начальным *Недо-* хорошо известны по старорусской письменности: *Недомолва*, *Недосека*, *Недоступка*, *Недошив*, *Недошивка*, *Недовесков*, *Недопузин*, *Недорезов*, *Недошибин* [Вес. Он.: 215]. С личн. *Недомысль* коррелирует личн. **Немысль*, извлекаемое из гидронима *Немышля* р. в басс. Дона (указан по [Трубачев 1968: 260]).

Неважи (*Неважа*) дер. Н-Ладож. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 2708]. Этот исчезнувший к настоящему времени ойконим вместе с соседними нижнеповолховскими гидронимами *Неважа* (иначе *Чашенка*, *Чаженка*) л. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 38, 42] и *Неваж* л. пр. Оломны, л. пр. Волхова, возводится к личн. *Невадь*; такое имя содержится в др.-серб. источнике 1330 г. [Грк. РЛИКС: 144]. Соотносимое по корню с др.-рус. *вадити* ‘звать, приглашать’ [СлРЯ XI—XVII 2: 9], это имя имеет буквальный смысл ‘незванный’ и, следовательно, семантически аналогично ст.-рус. личн. *Незван*, давшему совр. фамилию *Незванов*. Межтерриториальные топонимические соответствия преимущественно новгородско-псковские: **Невадино** дер. Шел. пят., отмеченная под 1498 и 1576 гг. [НПК IV: 174, 176, 177; V: 685, 689, 690] (= *Невадино* дер. на рч. Степеринка Порх. у. Пск. губ. 2-й пол. XIX в.) и *Невадицы* дер. на р. Череха в Пск. у. [СНМРИ 34: № 11132 и 68], сегодня — дер. *Большие Невадицы* Карамышевской вол. Пск. р-на. Похоже, по антропооснове к ним примыкает геогр. *Невадьего* пог. на Окуловских озерах недалеко от Мурома [Vasm. RGN VI 1: 110], которое отсылает к личн. **Невадий*: последнее можно квалифицировать как «обработанное» под влиянием христианских имен на *-ий* (*Дмитрий*, *Парфений* и др.) личн. *Невадь*. Ср. еще гидроним *Невадска* в Сербии [Павл. ХС].

Немиля слободка в Никольском пог. в вол. Сорогошино Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 443]. Название обусловлено личн. *Немиль* с апотропеическим смыслом; ср. вариантное жен. личн. *Немилка* в актов. письменности Юго-Западной Руси 1570 г. [Туп. СДЛСИ: 462], др.-чеш. личн. *Nemil*, *Nemilek* [Svoboda 1964: 103, 284], др.-польск. *Niemila* (жен.), производное *Немилов* сер. XVII в., гор. Ржев [Вес. Он.: 217]. Йотово-посессивные топонимические параллели к новг. геогр. *Немиля* уходят к западным славянам: *Nemily*, *Nemile* (ранее — *Nemil*), села в Чехии, *Niemil* — ныне исчезнувшее селение близ Кракова, геогр. *Nemil* (позднее — нем. *Niemehn*) на западе Польши [Rospond 1983: 99]; к ним добавляются в иной суффиксации

геогр. *Niemilów* сел. в Галиции неподалеку от Каменки Струмиловой, вероятно, и *Немилия* (вар. *Rudnia Niemylnia*) слобода недалеко от Ровно и *Немильня* сел. у Новограда-Вольнского Вольнской губ., *Немильна* дер. у гор. Чериков на Могилевщине [Vasm. RGN VI 1: 134]. Перечисленная ойконимия от личн. *Немилъ* дополняется новг. геогр. **Немилково** дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 105, 114], исходный антропоним которого (*Немилько*) особенно близок к чеш. личн. *Nemilek*.

Невижи, вар. *Невежецы*, дер. на рч. *Невиженка* Луж. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 2184], сегодня — дер. *Невежицы* Скребловск. Луж. немного южнее гор. Луга. Была отождествлена [Андрияшев 1914: 146] со средневековой *Непъжи* дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 94]. Исконна скорее все же форма *Невижи*, образованная, очевидно, от др.-рус. личн. *Невидъ*, которое осмысляется безотносительно к залогу как ‘невидящий’ или ‘невидимый’. Антропоним фиксирует новг. бер. гр. № 663 сер. 50-х гг. XII — нач. 1210-х гг. [Зализняк 2004: 399]. Йотово-посессивные топонимические соответствия обнаруживаются в основном в Словакии близ Братиславы и в примыкающих к ней землях Венгрии (геогр. *Neved*, *Nyived*, *Nevegy*, *Niveg*), а также в Болгарии (геогр. *Невиш* и *Невижда* близ Ботевграда) [Rospond 1983: 100—101; Заимов 1973: 131—132]. Что касается фиксации новг. *Непъжи*, то это, вероятно, описка, искаженная запись геогр. *Невѣжи* или *Невижи*. С другой стороны, позволительно думать, что появление *Непъжи* не случайно: его, в свою очередь, можно сопоставить с укр. геогр. *Небиж* (вар. *Nebiža*) в окрестностях Житомира [Vasm. RGN VI 1: 110] и обосновать др.-рус. личн. **Небѣдъ* (букв. ‘небедный’) с последующим оглушением *б*.

К ойкониму *Невижи* близко по антропонимической базе название рч. **Невеж**, л. пр. Каменки, п. пр. Полю (по Ген. меж. конца XVIII в. — руч. *Невешский* [ИАДП I: 213]); при нем стояла дер. *Невеш* Молвятицкой вол., известная по писцовым книгам Дер. пят. 1490-х и 1530-х гг. [НПК I: 679, 682; ПКНЗ 4: 286], по книге 1551 г. — дер. *Невеша* [ПКНЗ 5: 409]. Средневековые формы, вероятно, отражают замещение *ж* на *ш* благодаря окончательному оглушению либо диалектному спорадическому смешению глухих и звонких фонем. Допустимо возводить к личн. *Невидъ* или к **Невѣдъ* ‘неведающий’, хотя вторая версия несколько ослабляется тем, что **Невѣдъ* не знакомо источникам и, кроме того, буква «ѣ» в писцовых книгах редко смешивается с «е». Но ср. геогр. *Невеж*, имеющее вар. *Невяжа*, дер. близ гор. Рославль, *Неведино* (вар. *Невидино*) дер. на рч. Лещинка близ Ельни на Смоленщине [Vasm. RGN VI 1: 111] и особенно показательное для этого случая польск. геогр. *Niewiadowo* (*Niewiadów*), известное с 1283 г. [Nieskuła 1971: 142]: последнее уверенно свидетельствует о существовании зап.-слав. личн. **Nevědъ*, равного новгородскому реконструкту. К перечисленным ойконимам не имеет этимологического отношения верхнеднепровский гидроним *Невежа* р. в басс. Сожа, обнаруживающий полные соответствия с водными названиями *Nevěža*, *Nevěžis* в Литве [Топоров, Трубачев 1962: 197].

Нерож дер. Деманского пог. Дер. пят. 1495—1496 гг. [НПК II: 554]. Может восходить к засвидетельствованным личн. *Неродъ, -а* или *Нерадь*. К первому ср. производный патроним новгородского вотчинника — *Неродов* Борис Собакин, 1539 г. [ПKNЗ 1: 358], ст.-укр. личн. *Нерода* из документа 1665 г. в Юго-Западной России [Туп. СДЛСИ: 275], чеш. личн. *Neróda* [Svoboda 1964: 284]. Второе — *Нерадь* — широко проявляется в древней антропонимии русских, чехов, словаков и южных славян (др.-рус. личн. *Нерадьць* 1086 г., чеш. *Nerad*, польск. *Nierad* и др. [Ibid.: 103; Туп. СДЛСИ: 274; Мор. СИ: 137]) и отложилось в целом ряде западнославянских йотово-посессивных ойконимов: *Neradz* сел. в Словакии, *Nyarád, Nyárág(y)* в Венгрии (из словац.), польск. *Nieradz* и др. [Rospond 1983: 99]; ср. еще геогр. *Nerad* и *Neradice* в Чехии [Hosák, Šrámek MJMS II: 136] и названия рр. *Нерадовска, Нерадовачка* в Сербии [Павл. ХС]. На восточнославянской территории имеются, во-первых, геогр. *Неродино* дер. Духовщинского у. Смоленской губ., *Нероды* близ гор. Орша, во-вторых, — геогр. *Нераж*, связанное с селениями во Владимирской, Киевской, Могилевской, Виленской губ. [Vasm. RGN VI 1: 41, 142], укр. *Нерадовка* р. в басс. Горыни [Трубачев 1968: 258].

НАЗВАНИЯ С ПРЕФИКСОМ *НА-*

Намещи дер. Шишковск. Дем., ранее — дер. Луцкой вол. Дем. у. при оз. Скобовском на руч. Котов [СНМНГ II: 41—42]. Вероятно, следует отождествить с деревней, упоминаемой писцовой книгой 1495—1496 гг. под именем *Меща* Деманского пог. Дер. пят. [НПК II: 545]. По материалам Ген. меж. конца XVIII в. — дер. *Намещи*, указанная на плане Ст-Рус. у. 1780-х гг. [ИАДП 1: 154]. В сер. XIX в. отмечается современная форма названия: *Намещи* [Новг. сборник III: 42]. Ойконим является притяжательным наименованием, возникшим при помощи йотовой суффиксации из др.-рус. личн. *Намѣсть*, семантически — ‘деревня Наместа; Наместово село’. Запись *Меща* писцовой книги конца XV в. неточно передает название деревни (квалификация префикса в качестве предлога). Личн. *Намѣсть* — дохристианское префиксально-корневое имя, идентичное по структуре целому ряду древних имен с начальным *На-*: *Надѣи, Нажирь, Насиль, Наславъ, *Налютъ*; можно предположить, что корень *мѣст-* реализует в нем древнейшее значение проживания, пропитания (ср. лит. *maĩstas* ‘питание’). Следовательно, при таком понимании *Намѣсть*, являясь пожелательным именем, семантически особенно близко сходится с личн. *Нажирь* (у древних полабско-поморских славян отмечено похожее личн. *Bezмест* [Schlimpert 1978: 15], очевидно, негативно-охранное имя). Личн. *Намѣсть* дважды фиксируют новгородские источники XIII—XIV вв.: бер. гр. № 2, датируемая 2-й пол. XIV в. [Зализняк 2004: 69], и летопись, упоминающая новгородца *Наместа*, 1240 г. [НПЛ: 77, 294]. Характер деривационной модели и самого антропонима — яркое свидетельство тому, что дер. *Намещи* появилась очень давно: в XII—XIII вв. либо ранее. В области новгородского пятинного деления среди соответствий новг. *Намещи*, обнаружива-

ется *Намесково* (из **Наместково*: личн. *Намѣстѣко*) для дер. на р. Крупа Беж. у. (в бывшей Беж. пят.), а за пределами пятин — геогр. *Наместово*, прикрепленное к дер. на р. Тиновка Грязовецкого у. Вологодской губ. и к дер. на р. Московка Вязниковского у. Владимирской губ. [Vasm. RGN VI 1: 85]. Имеется еще зап.-слав. параллель — геогр. *Náměšť nad Oslavou* в Чехии, которое возводят к личн. *Námest* [Hosák, Šrámek MJMS II: 117].

Налючи дер. Новодеревенск. Парф. на правом берегу р. Пола. Это селение под именем *Налюч/Налюць* впервые упомянуто под 1200 г. при описании набега литовцев на Южное Приильменье: «Ловоть взяша Литва и до *Налюця*» (так по Син. сп.; по Ком. сп.: «...до *Налюча*») [НПЛ 45: 239]. Далее пункт фигурирует в завещании 60-х гг. XV в. новгородца Федора Остафьевича Своеземцова, в котором сыну Василию отходит среди прочего земля «на Поле в *Начюце*» (искажено, надо: *Налюце*) [ГВНП 169: гр. № 111; Янин 1990: 229]; позднее земля «на Поли рѣкъ в *Начючкомъ* погостѣ» указана в полюбовной раздельной грамоте Василия Федоровича и его «братана» Василия Степановича [ГВНП 277: гр. № 278]. *Налючской/Налюцкой* пог. или село *Налючи* в Курском присуде Дер. пят. многократно отмечают писцовые книги конца XV — сер. XVI вв. [НПК II: 600, 601, 604, 623, 638, 641, 644, 647, 648, 652, 654, 657, 660, 663—667, 669—672, 678—768, 770, 889; ПКНЗ 4: 141, 212, 299, 302, 303, 463, 467, 481—487, 494; 5, 299, 346, 347], упоминание об этом пункте содержится в жалованной грамоте Вологовскому монастырю 1500 г. [АИ I: 165]. Очевидно, данное село, поставленное на древнем Селигерском пути через Полу в Волгу, искони играло значимую роль в системе водных коммуникаций Великого Новгорода. На «Столистовой карте» 1800—1801 гг. оно обозначено как пог. *Налючи* на правом берегу Пола, на более поздней карте 1848 г. указаны уже два смежных пункта: пог. *Большая Корельская Налюча* на правом берегу и дер. *Малая Корельская Налюча* на левобережье Пола; согласно спискам селений Новг. губ. 1-й пол. XIX в., двум этим пунктам соответствуют село *Налюча* и дер. *Малая Налюча* Дем. у. [Неволин 1853: 177; КШуб]. В нач. XX в. *Налючи* (вар. *Налюча*) — крупное село на рр. Пола и Лоринка, центр Налючской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 88—89].

Приильменский ойконим *Налючи* не одинок, есть еще геогр. *Налючи* — местность в Бежецком Верхе (Березовский стан, Городецкий уезд) [ПКНЗ 3: 204], = *Налючи* пог. на р. Лоховиж Весьегонского у. Твер. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 43: № 2651]. Неясно, включать ли в число соответствий ойконим *Налютья Остафьева* дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 468]. Геогр. *Налючи/Налюча/Налюць* достаточно хорошо объясняется как посессивный йотовый адъектив от др.-слав. личн. **Налютъ*. Основа *-l'ut-* (: **l'utъ(jь)* ‘суровый, лютый’) активно использовалась в общеславянском, преимущественно западнославянском, антропонимиконе, не только в препозиции (чеш. *Ljutbor*, *Ljutobor* польск. *Lutobor*, чеш. *Ljutohněv*, польск. *Lutogniew*, чеш. *Ljutohost*, *Ljutomil*, чеш., польск., хорв., словен. *Ljutomir*, *Lutomir*, чеш., луж. *Ljutomysl*, *Ljutorad*, *Ljutslav*, польск. *Lutoslaw*), но и в постпозиции: чеш. *Boljeljut*, *Želiljut*, *Sbyljut*, польск. *Zbylut* и т. п. [Rospond 1983: 90].

По структуре личн. **Налютъ*, отложенное в *Налючи*, принадлежит к разряду префиксально-корневых имен с префиксом *на-* (ср. личн. *Надѣи*, *Нажирь*, *Намѣсть*, *Насиль*, *Наславъ*, извлеченные из новгородской берестяной письменности [Зализняк 2004: 204]). Вместе с тем, с одной стороны, оно весьма напоминает личн. **Улють*, реконструируемое по геогр. *Улюч* сел. в Прикарпатье (*Ulicz* в польском источнике 1373 г.) [Худаш, Демчук 1991: 205], а с другой стороны, — личн. **Налюдъ*, которое допустимо извлечь из геогр. *Naluže* сел. на р. Серет близ Трембовли в Галиции [Vasm. RGN VI 1: 84].

НАЗВАНИЯ С ПРЕФИСОМ ПЕРЕ-

Перенѣжьє дер. в вол. Чайковичи Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 218]. Название соотносится с личн. *Перенѣзь*. Данное имя, только восточнославянское, зафиксировано «Русской Правдой» нач. XI в. [НПЛ: 177, 489] и отмечено в перечне имен должников бер. гр. № 36 из Старой Руссы (1-я пол. XII в.) [Зализняк 2004: 332]. На других территориях обнаруживаются топонимические параллели и эквиваленты: название местности *Перенѣж* в рязанских грамотах XVI в. [Чумакова 1992: 63], *Перенежья* дер. на р. Ужать Мосальского у. Калужской губ., *Pereniža* (вар. *Poreniža*) близ гор. Себеж Витебской губ., *Перенегово* дер. в окрестностях Вилейки Виленской губ. [Vasm. RGN VI 3: 649], *Перениж* село в Львовской обл. Украины [Худаш, Демчук 1991: 173].

Перевизжа дер. на руч. Греметица Волоцкой вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 22—23], отождествляется с дер. *Великая Перевѣжа* 1501 г. [НПК VI: 27], позднее — *Перевѣжа* в пог. Волок Держков Беж. пят. 1564 г. [Там же: 989, 990]. Параллельный ойконим локализован в Нижнем Поволховье: *Перевеж* дер. Порожской вол. Вод. пят. 1582 г., позднее — *Перевеж* пуст на р. Волхов 1620 г., дер. *Перевежа* 1709 г., *Перевежа* 1718 и 1748 гг., *Перевеж* 1791 г. [Селин 2003: 318]. К личн. **Перевидъ* ‘все видящий’ (как и личн. **Вьсевидъ*; префикс *пере-* означает высокую степень состояния) или **Перевѣдъ* ‘все знающий’. Антропонимы с начальным праслав. **Per-* (> вост.-слав. *Пере-*) известны: др.-рус. *Перенѣзь*, польск. *Przemysl*, *Przebor*, чеш. *Přebor*, *Přemyšl*, см. [Taszycki 1925: 36; Svoboda 1964: 102], еще больше имен такой структуры восстанавливается на материале славянской топонимии. Межтерриториальными топосоответствиями являются геогр. *Перевизжьє* дер. на оз. *Перевизжьє* вблизи гор. Городок севернее Витебска, быть может, геогр. *Перевизский* хут. на балке *Перевизская* недалеко от Екатеринослава (совр. Днепропетровск) [Vasm. RGN VI 3: 638]. Польск. *Przywidz* (= *Priuiisa* 1294 г.) оз. возле Гданьска, возможно, восходит к личн. **Przywid(a)* [Babik 2001: 515], максимально сходному с вост.-слав. личн. **Перевидъ*.

Перестражьє дер. в Тухольском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 710], позднее ставшая пуст. *Перестражи* Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 275]. Следует возвести к личн. **Перестрадъ*, которое в источниках не найдено. Ср. новг. геогр. *Самостраж*, которое не исключает возведения к личн. **Самострадъ* (см.), и ряд имен

с компонентом *Strad-* (чеш. *Stradomir*, польск. *Stradoslaw* и др.) из западно- и южнославянских источников. Среди вероятных межтерриториальных топонимических параллелей — геогр. *Перестряж*, связанное с дер. на рч. *Перестряжка* близ гор. Козельска Калужской губ. и с дер. на р. Зуша в Новосильском у. Тульской губ. [Vasm. RGN VI 3: 654].

НАЗВАНИЯ С ПРЕФИКСАМИ *Без-, Роз-, С-*

Бездежа дер. «на реке на *Семушки*» (= совр. р. *Шомушка*, п. пр. Тихвинки, п. пр. Яси) в пог. Пречистенском на Тихвине Обон. пят. 1564 г. [ПКНЗ 2: 104], позднее дер. упоминалась в жалованной грамоте Лжедмитрия Тихвинскому Успенскому монастырю 1605 г. (*Бездѣжа*) [АИ II: 74]; **Бездеж** дер. Беж. у. в сер. XIX в. [СНМРИ 43: № 1756] на юго-восточной периферии бывшей Новгородской земли. Ойконимы соотносятся с личн. *Бездѣдь* ('не имеющий деда'), которое встретилось в новг. бер. гр. № 788 последней четверти XII в. и, кроме того, присутствует в древних антропонимиконах западных славян: чеш. *Bezděd*, жен. *Bezděda*, польск. *Biezdziad*, *Biezdziadko*, словац. *Bezded*, помор. *Bezdzad* [Rospond 1983: 42; SSNO I: 163; Svoboda 1964: 101; Schlimpert 1978: 13], сюда же примыкает ст.-рус. производное — патроним *Бездедов*, 1534 г. [Вес. Он.: 31]. Топонимические соответствия довольно многочисленны: др.-рус. геогр. *Бездѣжь* поселение на Дону, *Бездеж* дер. бывшего Новоржевского у. Пск. губ. + дер. у р. Ясельды Кобринского у. Гродненской губ. (совр. Брестская обл.), *Бездедовичи* (польск. *Bezdziedowicze*) сел. в окрестностях гор. Лепель Витебской губ., *Бездедово* дер. на р. Клязьме Богородского у. Московской губ. + дер. на р. Уводь в окрестностях гор. Шуя бывшей Владимирской губ. + дер. между гор. Себеж и Опочка Псковской губ., *Бездедьков* сел. Роменского у. под Полтавой, *Бездежиский* (польск. *Bezdeżycki*) л. пр. Чечвы, пр. Ломницы в Галиции, *Бездедова* р. в басс. Узолы в Нижегородской губ. [Vasm. RGN I 2: 306; Vasm. WRG I: 100]; у западных славян известны пункты *Biezdzedza*, *Biezdziadowo* в Польше, полаб. *Bisdede* в Германии, *Bezdez*, *Bezdeřice* в Чехии, *Bezdedov* в Словакии, см. материалы: [Фасм. ЭСРЯ I: 144; SP I: 219; Prof. MJ I: 75; Nieckula 1971: 27]. На Псковщине известно название дер. *Задежа* в окрестностях Великих Лук (там же оз. *Задежа*, или *Задежье*, басс. Ловати), образованное от антропонима **Задѣдь* (ср. равноструктурные др.-чеш. *Zabrat*, *Zal'ud*, *Zamsta* [Svoboda 1964: 103]), который скорее всего буквально осмысливается 'за дедом' (или 'имеющий деда'), будучи семантически противоположным личному имени *Бездѣдь*.

Розважа ул. Софийской стороны в Новгороде (вар. *Рожважа*), часто указывается летописями XIV—XV вв. [НПЛ: 93, 334, 351, 389; НЛ: 5, 28, 49, 58, 90, 98, 109, 188, 262, 327, 334, 350] и писцовыми книгами XVI в. [ПКНЗ I: 312, 329, 332, 333, 338, 370; НПК III: 6, 37, 50, 287, 355, 579, 581; V: 5, 6, 38, 65]. Впервые фиксируется под 1311 г.: «Загореся на *Розважи* улицы Глебовъ дворъ» [НПЛ: 93]. Неприемлемо объяснение, согласно которому *Розважа* — улица, по которой «от пристани развозили грузы и товары» [Зайцев, Кушнир 1975: 31]. Единствен-

но правильна антропонимическая версия: урбаноним *Розважа* — йотовая при-тяжательная форма от др.-слав. личного имени *Розвадь* префиксально-корневого типа. Последнее использовалось в древнем Новгороде (ср. патроним *Розвадиць* из новг. бер. гр. № 877 [Зализняк 2004: 315] и из надписи № 217 на стене новгородского Софийского собора [Медынцева 1978: 156]) и имело хождение среди западных славян: чеш. личн. *Rozvad*, польск. *Rozwad* под 1155 г. [SSNO IV: 502; Svoboda 1964: 102]¹⁸. За исключением новгородского урбанонима топонимические производные от личн. *Розвадь* группируются в довольно ограниченной ареале: *Розваж* сел. на р. Буг в Галиции и сел. на р. Горынь на Волыни, *Розвадов* (укр. *Rozvadiv*) сел. на Днестре близ Жидачева в Галиции и сел. на р. Жерев близ Радомысля на Киевщине, *Rozważe*, или *Rozważ*, дер. близ р. *Розважка* в окрестностях гор. Слоним Гродненской губ., *Rozwadów* и *Rozwadówka* на территории Восточной Польши, *Rozvadze* сел. в Словакии, *Rozvadovice* в Чехии (по материалам: [Vasm. RGN VII 3: 628; Neckula 1971: 175; Худаш, Демчук 1991: 190; Rospond 1983: 120; Hosák, Šrámek MJMS II: 389]). Очевидно, личн. *Розвадь* отглагольного образования, ср. словен. *razvaditi (koga)* — ‘разбаловать’, ‘привить кому-нибудь худые привычки’ [Хостник 1901: 257]. В семантико-словообразовательном плане личн. *Розвадь* особенно близко к *Розньгъ*, от *розньжити* ‘разбаловать’; подобным образом семантизируется и др.-рус. личн. *Переньгъ*. По глагольному корню *vad-* с общим смыслом ‘приучать, привычка’ личн. *Розвадь* коррелирует с др.-чеш. *Neprivad* [Svoboda 1964: 90], др.-рус. *Вадимирь*, усечением которого является совр. *Вадим*.

Збуж дер. Васюковск. Беж., этот же вариант ойконима отмечен в списке 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43: № 1374]. Отождествляется со средневековым сц. *Збужа* в Городецком стане в Бежецком Верхе, указанным дозорной книгой церковных приходов сер. 1570-х гг. [ПКНЗ 3: 229]. Ойконим объясняется личн. *Събудъ* (> *Сбуд*, *Збуд*) или *Избудъ*, ср. др.-чеш. *Zbud*, *Izbud*, др.-польск. *Zbąd*, словац. *Zbud* [Svoboda 1964: 101]. Межтерриториальной параллелью выступает геогр. *Збуж* сел. на р. Горынь в окрестностях гор. Ровно Волынской губ. [Vasm. RGN III 3: 481]. О былой употребительности антропонима *Събудъ* на новгородской территории свидетельствуют несколько эквивалентных названий: посессивное геогр. *Збудово* дер. Лукинск. Санд., бывшая в XIX в. в Вельегонском у. Твер. губ. (= *Збудово* дер. в пог. Богородицком Павском в Слезкине Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 516]), геогр. *Збудки* дер. в Илеменском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 171], относящиеся к модели родовых плюральных ойконимов, а также название дер. *Збуд* Луж. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 2379] (сегодня — *Збут* Хрединск. Стр-Кр.), которая отождествляется с дер. *Збуд* Боротенского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V: 312] (подр. об этом типе названий, равных личным именам, см. в гл. 6). За пределами Новгородской земли отмечены: *Збудско* оз. в средневековой Торопецкой земле [ПКНЗ 4: 559—561], *Сбудово* дер. на р. Рыбинка Моложского у.

¹⁸ Фамилия известного польского индоевропеиста Яна Розвадовского тоже указывает своей основой на личн. *Rozwad*.

Ярославской губ., *Збудово* сел. в Галиции недалеко от Львова [Vasm. RGN III 3: 481; XVIII 1: 117], *Збудин*, *Збудів* — села в Львовской обл. Украины [Худаш, Демчук 1991: 124—125], а также в Македонии — *Збажди* село в Прилепско [Станковска 2007: 380].

НАЗВАНИЯ С ПРЕФИКСАМИ *По-, При-, Про-, За-, У-, О-*

Полюжье — две дер. Беж. пят. 1545 г.: в пог. Никольском на Вышнем Волочке у Столпа и в пог. Богородицком в Залазне [НПК VI: 42, 129]. Совр. *Полюжье* в Спиновском р-не Твер. обл. (по карте МАТГ сер. XIX в. — *Палюшка*), очевидно, продолжает первое из этих двух средневековых селений. Название соотносится с личн. *Полюдь*. Это префиксально-корневое имя (по смыслу, видимо, ‘сборщик дани’, ср. др.-рус. *полюдые* ‘сбор дани’) было очень популярным среди древне-новгородского населения XI—XIII вв., судя по многократному проявлению на страницах летописи [НПЛ: 26, 54, 64, 86, 211, 253, 268, 317, 446], в берестяных грамотах № 350, 710, 793, 878 [Зализняк 2004: 782] и в надписи на штукатурке Софийского собора Новгорода [Медынцева 1978: 125]. Многочисленны межтерриториальные топонимические эквиваленты: геогр. *Полюжье* дер. близ гор. Мышкина Ярославской губ., *Полюдова* — два или три пункта в Пермской губ., *Полюдово* дер. на рч. *Полюдовка* Никольского у. Вологодской губ., *Полюдово*, прикрепленное к дер. на рч. Беловке близ гор. Галич Костромской губ., к дер. на р. Кленовице близ Кинешмы, к дер. в Жиздринском у. Калужской губ. и к дер. близ Орши севернее Могилева, *Полюдята* в Оханском у. Пермской губ., *Полюдовичи* дер., ус. и хут. на р. Нача в окрестностях гор. Лепель на Витебщине [Vasm. RGN VII 1: 240]. Новгородская территория является очагом межтерриториальных соответствий на Русском Северо-Востоке, где имя *Полюдь* держалось продолжительное время.

Прибуж дер. Черневск. Гд. на левом берегу р. Плюсы, ранее относившаяся к Петерб. губ. [СНМРИ 37: № 1241], = *Прибуш* сел. по карте 1-й пол. XIX в. [КШУб]; отождествляется со средневековым сел. *Прибуж*, иначе — пог. *Прибужской*, центром одноименного погоста Шел. пят. 1498, 1539, 1550 гг. [НПК IV: 394; V: 14, 15; ПKNЗ 6: 8]. Ойконим восходит к личн. *Прибудь*; ср. сербохорв. личн. *Pribud*, указанное в [Rospond 1983: 112]. Среди топонимических соответствий: блр. *Прибужье Старое*, *Прибужье Новое* — пункты на р. Гольша рядом с гор. Чаусы восточнее Могилева [Vasm. RGN VII 2: 364], луж. геогр. *Prībuz* (= нем. *Priebus*) сел. на востоке Германии у лужицких сербов [Rospond 1983: 112], сербохорв. ойконим *Pribudić* [Svoboda 1964: 102].

Пробужа ур. недалеко от р. ц. Любытино Новг. обл. (местные жители выделяют ударением последний слог). В нач. XX в. *Пробужа* — ус. барона Винке на Лъзичской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 58—59], в конце XVIII в. здесь значились два пункта: сц. *Пробужа* и усадище *Малая Пробужа*, согласно Ген. меж. 1785 г., № 1947 и 2008 [КГарн], по писцовой книге 1564 г. — *Пробужа* дер. в пог. Богоро-

дицком на Белой Беж. пят. [НПК VI: 1072]. Ойконим образован от личн. **Пробудъ* (к **byti: bōdetъ*; семантически — ‘пусть будет?’), которое весьма близко к личн. *Непробудъ* («Ньпробоужа воноука»), извлеченному из новг. бер. гр. № 630 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004: 296]: эти имена коррелируют как «позитивное» и «негативно-охранное», ср. др.-рус. и ст.-рус. *Хорошь* и *Нехорошь*, *Жданъ* и *Нежданъ* и т. п. Др.-рус. личным именам **Пробудъ*, *Непробудъ* соответствуют (правда, с иным, хотя и близким префиксом) др.-польск. личн. *Przebąd*, *Nieprzebąd*, *Przezbąd* [SSNO I: 113], др.-чеш. *Prěbud* [Svoboda 1964: 102], болг. *Пребъд* XII в. [Заим. БИ: 182]. К межтерриториальным соответствиям ср. вологодское геогр. *Пробудово* дер. на р. Шексне при оз. Ивицком Кирилловского у. Новг. губ. [СНМНГ X: 38—39] (= ? ур. *Пробудово*, упоминаемое в Купчей преподобного Кирилла Белозерского 1427 г., а также под 1473 г. [АЮ: 119, гр. № 72; АСЭИ II: 223]), *Пробужска* хут. на р. *Пробужска* Гадячского у. Полтавской губ., быть может, *Probužna* пункт в Галиции [Vasm. RGN VII 2: 395].

Завижа дер. Грузинской вол. Новг. у. нач. XX в. на р. Оскуя, п. пр. Волхова [СНМНГ I: 22—23], ранние исторические сведения о пункте отсутствуют. На новгородских землях обнаруживаются далее: **Завижа** дер. в Щирском пог. в вол. Сковородка Шел. пят. 1498 г. (позднее — *Завезье* пуст. на руч. *Завезском*, известная по материалам Ген. меж. конца XVIII в. под № 1294 [Андрияшев 1914: 59]), **Завижье** дер. в Локоцком пог. Дер. пят. 1495 г. и **Завижье** дер. Обон. пят. 1564 г. [НПК V: 110; II: 53; ПКНЗ 2: 74]; последний пункт — в Обон. пят. — причислялся к Богоявленскому пог. на р. Сяси и, следовательно, не отождествляется с позднейшей дер. *Завижа* на р. Оскуе. Все названия обусловлены личн. *Завидъ*, которое активнейшим образом функционировало на древненовгородской территории. Достаточно отметить, что оно содержится в целой дюжине новгородских грамот на бересте: № 103, 156, 228, 293, 433, 644, 665, 736а (?), 798, 818, 824, Ст. Р. 36 (*Завижая* — ‘жена Завида’), в надп. 25 («*Завижь* гръбнь»), см. [Зализняк 2004: 739—740]; согласно летописи, это имя носили три знатных новгородца: посадники *Завид* Димитриевич и *Завид* Неревинич, боярин *Завид* Негочевич [НПЛ: 577]. Вне новгородской территории отмечались: др.-рус. личн. *Завидъ*, боярин киевский во 2-й пол. XII в. [ПСРЛ XXV: 76], ст.-укр. личн. *Завид* под 1448 г. [ССМ I: 372], др.-серб. *Завид*, жен. *Завида* [Грк. РЛИКС: 95], хорв. *Zavidič*, фамилия [LPSRH: 745], др.-польск. *Zawid*, 1153 г. [SSNO VI: 278], др.-чеш. *Závid* [Svoboda 1964: 98]. Ср. с посессивным суф. -*ов*-также новг. геогр. **Завидово** дер. Никольского Пидебского пог. под Новгородом Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 14], **Завидова** дер. Никольского Будковского пог. Вод. пят., указанная документацией 1582 и 1791 гг. [Селин 2003: 204], и **Завидово** («пожня Точища у *Завидова*») близ р. Веряжи у Новгорода 1539 г. [ПКНЗ I: 362]. Большое количество соответствующих ойконимов (*Завидово*, *Завидовка*, *Завидичи* и др.) обнаруживается также на других обширных территориях раннего русского заселения (не южнее Курска и Тамбова, не восточнее правобережья Средней Волги), много в Карпатах и Прикарпатье, реже в других районах Укра-

ины и в Белоруссии, судя по материалам: [Vasm. RGN III 2: 349—350; Худаш, Демчук 1991: 108—109], — все это несомненно свидетельствует о широкой популярности др.-рус. личн. *Zavidъ* даже после XIII—XIV вв. Отмечу еще йотово-посессивное геогр. *Zawidz* к северо-западу от Варшавы, *Zawidów* гор. к западу от Вроцлава в Польше [Rospond 1984: 448, 449; Rymut 1987: 276].

Утеше дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 201], которая по описанию 1576 г. фигурирует еще раз как дер. *Утуши* «пуста и лѣсомъ поросла» [НПК V: 674]. Ойконим *Утеше*, по-видимому, мотивируется именем, равным чеш. личн. *Utěch*, польск. *Uciech*, *Huciech*, болг. *Утеха*, *Утяхо*, серб. *Утех* [SSNO V: 517; Svoboda 1964: 307; Заим. БИ: 229; Мор. СИ: 198; Грк. РЛИКС: 209], сюда же др.-рус. и ст.-рус. *Утеха*, *Утеши* [Вес. Он.: 334]. Семантику данных личных имен раскрывают праслав. **utěxa*, рус. *утеха*, *утешать*. Эквивалентных топонимов немало, многие из них могут быть сравнительно поздними. Особо отметим геогр. *Утехово* — селения в окрестностях городов Ростов Ярославской губ., Рославль Смоленской губ., Весьегонск Твер. губ., *Утешино* близ Москвы, *Утешиково* близ Мосальска Калужской губ. [Vasm. RGN IX 1: 345], *Утиховичи*, *Утишкiv* на Львовщине [Худаш, Демчук 1991: 206, 207]. Более поздний вариант ойконима — *Утуши* — тоже, вероятно, обосновывается антропонимом, который находит подтверждение в др.-чеш. личн. *Utuch* [Svoboda 1964: 100]. Это имя содержит характерный зап.-слав. корень **tux-* со значением надежды, упования (трактовку его см. в связи с *Туховежи*), а по структуре аналогично, например, чеш. личн. *Utěch*, *Ubor*, *Ul'ub*, *Ustoj*, *Umysl*, *Uhost* и др. В связи с данным именем стоит отметить еще новг. геогр. **Утушкино** дер. Медниковской вол. на р. Полисти под Старой Руссой [СНМНГ III: 84—85]: оно, быть может, восходит к личн. **Утушька*, выступающему в качестве гипокористики от *Утухъ*. Принимая в расчет личн. *Утухъ*, не обязательно объяснять различие топонимических вариантов *Утеше* / *Утуши* случайной фонетической модификацией старописьменного новг. названия: это различие может быть обусловлено еще дотопонимическим смешением на уровне личных имен *Утѣхъ* и *Утухъ*, параллельно мотивировавших один из двух вариантов ойконима.

Оклюжье ур. в Шим. р-не Новг. обл. к югу от оз. Врево и Черемнецкое, ранее, по спискам селений XIX в., — дер. *Оклюжье* близ р. Поляны Луж. у. [ОСПбгуб: 117; СНМРИ 37: № 2223]; отождествляется с одной из двух смежных дер. *Оклиж* во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 38]. Являет собой йотово-посессивное производное от личн. **Оклюдь*, к смысловому обоснованию которого ср. рус. диал. *клюдь* 'порядок, приличие; красота', *оклюживаться* 'одеваться', *уклюжий*, *клюжий* 'хороший, ловкий; видный, статный, красивый' [СРНГ 13: 318; 23, 128; Даль ТСЖВЯ 4: 483], равно как общерус. *неуклюжий* 'неловкий'. Ср. также семантически противоположное личн. *Неклюдь*, давшее фамилию *Неклюдов* и отмеченное в письменности XVI в. [Вес. Он.: 216], но встречавшееся, безусловно, и в более ранние эпохи, судя хотя бы по отражению в древнем названии *Неклюжа* пр. Днепра [Топоров, Трубачев 1962: 219]. Помимо *Оклюжье*, к личн. **Оклюдь*

отсылает название пог. *Оклюдцы* в Деманицкой засаде средневековой Псковской земли [Янин 1998: 123] (позднее — дер. на р. Дубина в Псковском у.) и, быть может, геогр. *Клидово* дер. Ужинского пог. Дер. пят. 1551 г. [ПКНЗ 5: 159], хотя последнее столь же оправданно возводится к личн. **Клюдь*, состоящему из одного корня¹⁹.

ТОПОНИМИЯ ОТ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ГИПОКОРИСТИК И ДЕАПЕЛЛЯТИВНЫХ ИМЕН

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данном разделе анализируется ограниченное количество новгородских географических названий на базе древнеславянских личных имен, которые являются либо усеченно-суффиксальными дериватами от антропонимических композитов, либо прямыми суффиксальными образованиями от корня, либо возникли путем антропонимизации кратких причастий, прилагательных и существительных. Разумеется, приведенные ниже случаи не исчерпывают всей новгородской йотово-посессивной топонимии, базирующейся на таких именах. Вместе с тем существуют объективные предпосылки к определенному ограничению рассматриваемого материала. Во-первых, далеко не всегда такого рода названия интерпретируются с достаточной надежностью в плане своего происхождения, во-вторых, йотовая суффиксация действительно не являлась для соответствующих личных имен, особенно деапеллятивных и гипокористических, преимущественным средством их топонимического освоения и закрепления. Для них была характерна не йотовая, а *-ов/-ев-, -ин-*суффиксация. Новгородская письменность XI—XV вв. засвидетельствовала лишь единичные примеры прилагательных, образованных при помощи суф. **-j-* от древнеславянских антропонимов указанных разрядов (как, впрочем, и от христианских личных имен). Немногочисленные факты легко перечислить: *Твьрьдячь* — от др.-слав. гипокористики *Твьрьдята* из надписи № 212 на штукатурке новгородской Софии 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в. [Медынцева 1978]; *Тъхонь* — от суффиксально-корневого личн. *Тъхонь* (см. фрагмент из новг. бер. гр. № 926 1-й пол. XIII в.: «на Т[ѣ]хони кони» — ‘за Техонова коня’); *Хонь* — от имени *Хонь* неясной этимологии или от христ. *Хома/Фома*, см. в новг. бер. гр. № 112 конца XII — 1-й пол. XIII в.: «*Хоня* жена» (материал дан по [Зализняк 2004: 203, 411—412, 443—444, 842]). Можно предположить, что топонимическая сфера в том, что касается удельного веса йотово-посессивных дериватов от такого рода личных имен, не имеет принципиальных расхождений с показателями письменных источников относительно нетопонимической лексики.

¹⁹ Дер. *Клидово* в писцовой книге 1551 г. следует приравнять к дер. *Олидово*, данной при описании Нерещкого пог. книгой 1495—1496 г. [НПК I: 282]. Среди двух вариантов *Олидово* — явно ошибочная передача ойконима.

Многие топонимы с исходом на *-ань/-аня/-ани*, *-онь/-оня/-они*, *-унь/-уня/-уни*, *-ень/-еня/-ени*, *-инь/-иня/-ини* оптимально, на мой взгляд, трактуются как архаические йотово-посессивные производные от др.-слав. антропонимии на *-ань*, *-онь/-онь*, *-унь*, *-ень/-ень/-ѣнь/-ѣнь*, *-инь*. Общий архаический характер этой топонимии подчеркивается и особенностями территориальной дистрибуции: почти все восточнославянские топонимы с финалью *-нь* сосредоточены в границах русских княжеств XII в., а юго-западная зона восточных славян является центром их распространения в русские области [Рубцова 1980: 139]. В целом в славянских языках данные суффиксы, как показал Ф. Славский [Sławski ZSP I: 120, 128—135], особенно характерны для личных имен и апеллятивов с личным значением. Показательно, что существенная часть такого рода географических названий находит однозначные корреляции среди хорошо известных антропонимов; ср., к примеру, геогр. *Ждани*, *Жданье* — личн. *Ждань*, геогр. *Чудини* — личн. *Чудинь*, геогр. *Хотень* — личн. *Хотѣнь*, геогр. *Ходунь* — личн. *Ходунь*, геогр. *Воинь* — личн. *Воинь*. Несколько труднее обстоит дело с этимологической интерпретацией топонимии, имеющей исход на *-ынь/-ыня/-ыни*. Разные славянские языки знают немало лексем абстрактного значения с суф. *-ын'и*, *-ын'ь*, обычно отадъективных, реже отсубстантивных, часто подверженных конкретизации в названиях мест [Ibid.: 139—141]. Следовательно, весомая доля топонимии на *-ынь/-ыня/-ыни* генетически может быть связана с апеллятивной лексикой. Вместе с тем письменные источники сохранили достаточное количество архаических личных имен, прозвищ и обозначений лиц с суф. *-ыня/-ына*, характерных главным образом для восточнославянской территории; ср. известные из др.-рус. письменности личн. *Благыня*, *Борыня*, *Годыня*, *Бѣлыня*, *Горбыня*, *Добрыня/Добрына*, *Плоскыня/Плоскына*, *Сухыня* и др. или такие лексемы, как новг. диал. *долыня* — ‘высокий худощавый человек’, *простыница* — ‘добрый, не жадный человек’ [НОС 2: 93; 9: 50] (от *простыня* с близким значением лица) и др. На основе такой антропонимии нередко возникали йотово-посессивные топонимические архаизмы, внешне тождественные или максимально сходные с мотивировавшими их именами: личн. *Борыня* — геогр. *Борыни* или *Борыня*, личн. *Годыня* — геогр. *Годыня*.

Ниже дается анализ конкретного материала.

НАЗВАНИЯ С ОСНОВОЙ НА *-н'ь*

Бояня ул. Торговой стороны в Новгороде (иные древнеписьменные варианты: *Буяня*, *Буяня*, *Бояна*, *Боянова*) [НПЛ: 91, 97, 340, 458; НЛ: 84, 97, 127, 327, 335, 381], *Буянка Малая* [Майк. КПНВ: 114]. Старейшая фиксация в письменности — под 1300 г.: «Того же лѣта срубиса 4 церкви: святыя Богородица в монастыри въ Звѣринци, и святого Лазоря, и святого Дмитрия на *Бояни* улкѣ...» [НПЛ: 91]. Раньше название *Бояни* ул. осмыслялось чаще по топографическому признаку. Так, Е. Болховитинов полагал, что *Буяня* ул. указывала на существование пристани (см. рус. диал. *буян* ‘исады, пристань речная, место выгрузки товаров’ [Даль ТСЖВЯ 1: 138]), тогда

как по мнению В. С. Передольского, название улицы отражает место старого церковного кладбища²⁰. Для топографической версии действительно имеются определенные основания. Недалеко от улиц Рогатица и Бояня существовало *Буянское* болото, зафиксированное купчей грамотой сер. XV в. [ГВНП: 175—176, гр. 117]; оно созвучно названию улицы и соотносится с обозначением возвышенности, ср. др.-рус. *буянь* ‘холм’ [СлРЯ XI—XVII 1: 34]. Отмечали также, что улица проходила по всхолмлению, которое в древности называлось *Буевище* [Передольский 1898: 288], от новг. диал. *буй*, *буйевище* — ‘высокое открытое место, холм’ [НОС 1: 96—97]. В свете такого рода фактов вариант годонима, к примеру, *Буяна* ул. позволяет подозревать номинацию по холму, возвышенности. Однако, учитывая всю сумму упоминаний улицы в письменности, целесообразно взять за основу личное имя, о чем еще в нач. XIX в. догадывался Н. Н. Муравьев [1828: 39], справедливо отметивший, что «улочка Бояня любопытно напоминает о имени Бояна» (из «Слова о полку Игореве». — В. В.). Старейшая летописная фиксация «на *Бояни* улкъ», наиболее авторитетная, выступает нормальным йотовым прилагательным от личн. *Боянь* — праславянского мирского имени, которое отмечено в древности у разных славянских народов: польск. личн. *Bojan*, *Bojanek* [SSNO I: 206—207], чеш. *Bojan*, наряду с *Vojata*, *Vojek*, *Vojiša* [Miklosich 1927: 36], серб. *Bojan* (часто встречается, особенно в ранних источниках), наряду с *Boja*, *Bojiца* и др. [Грк. РЛИКС: 40; Miklosich 1927: 36], словен. *Vojan* [Kos 1886: 119]. Данное имя, семантизируемое как ‘тот, кого бояться’, пользовалось в древнем Новгороде большой популярностью. Ср. его фиксации в нескольких новг. бер. гр. XII в. (№ 509, 516, 526) [Зализняк 2004: 713] и в псковской пергаменной грамоте 1266—1291 гг. [ГВНП: 317, гр. № 331], проявление в новгородской ойконимии: *Бояница* Ясенского пог. Шел. пят. 1539 г. (= *Буяница* дер. 1498 г. [НПК IV: 145], позднее — *Буяницы* дер. на р. Паличенке в конце XIX в. [Андрияшев 1914: 371]), *Бояницы* в пог. Григорьевском Льешском Вод. пят. 1500 г., *Бояница* дер. Логовещского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 437; III: 806, 809; V: 100]. Среди восточнославянских топонимических эквивалентов за пределами Новгородской земли известны: йотово-посессивное геогр. *Боянь* местечко при впадении р. Гуков в р. Прут близ гор. Черновцы + хут. в окрестностях Слуцка Минской губ., *Vojańczuk* дер. в Буковине, укр. *Боянець* (польск. *Bojaniec*) сел. в округе Жолкев в Галиции, *Бояниччи* сел. в округе Сокал в Галиции, *Бояниччи* дер. и ус. неподалеку от Бобруйска Минской губ., *Боянская* — почтовая станция в окрестностях Тирасполя, *Бояново* дер. Тарусского у. Калужской губ. и дер. Бобруйского у. Минской губ., по [Vasm. RGN I 3: 521]. За пределами восточнославянской территории см. геогр. *Bojanowo Stare* в

²⁰ «Новгородская улица *Буяна* знаменита издревле потому, что к ней на берег приставали все торговые иностранные суда и на ней сгружали товары. По имени сей улицы в Петербурге, в Астрахани, в Архангельске и в других Российских портах места, где бывает выгрузка товаров, прозваны *Буянами*» [Болховитинов 1808: 30]. В. С. Передольский считал, что на месте улицы некогда находилось кладбище немецкой церкви св. Петра [Передольский 1898: 288], ср. диал. *буйевище* — ‘кладбище, могилки, могильник’ [Даль ТСЖВЯ 1: 138].

Польше, отмеченное с 1278 г. [Nieckula 1971: 31; Rymut 1987: 37], *Bojanov, Bojanovice* в Чехии, болг. *Боян Дол*, серб. *Bojanov, Бојанац, Бојана, Бојани*, словен. *Bojanja vas, Bojanci, Bojanski Potok*; по материалам: [Miklosich 1927: 34; Hosák, Šrámek MJMS I: 89—90; Заимов 1973: 77; Павл. XC; Bezl. SVI I: 74; Snoj ESSZI: 69].

Варианты новгородского урбанонима с буквой «у» (*Буяня, Буяна*) — поздние модификации, находящие, впрочем, свое объяснение. Они вызваны сближением с указанными выше сопредельными названиями местности *Буянское* болото, *Бувещице*, которые неизбежно переплетались с исконным названием улицы. Известное в старорусский период имя *Буян* [Вес. Он.: 58] (родственное слову *буйный*), тоже, разумеется, оказывало ассимилирующее воздействие, особенно в условиях постепенного исчезновения к XV в. архаического др.-рус. личн. *Боянь*. Ср. аналогичные модификации в перечисленной выше новгородской ойконимии от личн. *Боянь*, в частности, геогр. *Бояница* переоформившееся в *Буяницы*, и геогр. *Бояница*, закрепившееся позднее, как выяснил А. М. Андрияшев [1914: 55], в виде *Буяница*.

Велени дер. Хрединской вол. Стр-Кр. р-на на юго-восток от р. ц. Струги-Красные Пск. обл. По спискам селений 2-й пол. XIX и нач. XX в., — дер. *Велени/Вилены/Велены* близ оз. *Вилени (Веленское)* Луж. у. [СНМРИ 37: № 2430]. Отождествляется с селцом *Велъни* Логовещского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 95]. Считаю йотово-посессивным производным от личн. *Велънь*, ср. др.-чеш. личн. *Velen* (из моравского источника) и *Velena* (жен.), болг. *Велен, Велена, Велян* [Заим. БИ: 46; Илчев 1969: 106], сербохорв. *Veljan, Veljana* [Miklosich 1927: 8]. На новгородской территории этот антропоним отразился еще в посессивно-патронимическом названии смежных, стоявших на правом берегу Мсты деревень — **Веленицы Старые** и **Веленицы Новые** вместе с ус. *Веленицы* в Лъзичской вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 54—55, 58—59] (сегодня — дер. *Виленицы* близ р. ц. Любытино Новг. обл.). Данные пункты идентифицируются со средневековой дер. *Веленица (Воленницы)* в пог. Богородицком на Белой Беж. пят. 1528 г. [ПКНЗ 3: 3], она же — *Веленицы (Велиницы)* по писцовой книге Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 855], *Веленицы* в материалах Ген. меж. 1785 г. [КГарн]. Еще один средневековый новг. ойконим от личн. *Велънь* локализуется в Жабенском пог. Дер. пят.: **Велъницы** дер. конца XV в. [НПК I: 645], а в конце XVIII в. — пуст. *Веленицы* Ост. у. [ИАДП I: 168]. За пределами Новгородской земли обнаруживаются: геогр. *Велени Нижние* и *Велени Горние* — близлежащие села в Поречьевском у. Смоленской губ., блр. *Велень* (польск. *Wieleń*) дер. и хут. Игуменского у. Минской губ. [Vasm. RGN II 1: 24], укр. *Велень* село Коростенского р-на Житомирской обл. [Гідронімія України: 101], чеш. *Veleň* сел. и там же, в Чехии, с иными формантами ойконимы *Velenov* и дважды *Velenice* [Prof. MJ IV: 489—490; Hosák, Šrámek MJMS II: 671, 673], *Wieleń* гор. в Польше к северо-западу от Познани и польское же геогр. *Wielenino (Wielenin)* сел., известное с 1290 г. [Neckula 1971: 323; Rospond 1983: 146; 1984: 421], серб. *Velenje*, словен. *Velênje* [Snoj ESSZI: 450—451]. К этим ойконимам близко примыкает название польского гор. *Wieluń* к юго-западу от Лодзи, с XIII в., возводимое к др.-слав. личн. **Velunъ*

[Rymut 1987: 260], которое, похоже, коррелирует с *Velenъ*²¹; ср. соотношение личн. *Хочень/Хотънь* и **Хочюнь*, см. геогр. *Хочюня*.

Др.-чеш. личн. *Velen* сравнивают с праслав. **vel-* (: **velikъ*, **velъь* ‘большой’) [Svoboda, Šmilauer 1960: 594], не отделяя от многочисленных гипокористик типа чеш. *Velek*, *Velik* [Svoboda 1964: 308], польск. *Wiloń*, *Wielec*, *Wielko* [SSNO VI 1: 57—63] и др., соотносимых с композитами **Velimirъ*, **Velislavъ* и т. п. (см. также материал в связи с геогр. *Велилы*, ниже). На мой взгляд, предпочтительнее считать др.-чеш. личн. *Velen*, как и др.-новг. *Велънь*, отпричастными антропонимами, возникшими на базе праслав. **velěti*, др.-рус. *велѣти* ‘велеть, хотеть, желать’; ср. чеш. личн. *Volen*, жен. *Nezvolena* [Miklosich 1927: 8], отражающие апофонию данного глагольного корня.

Видони дер. Вшельск. Сол. на месте одной из смежных дер. *Большие Видони* и *Малые Видони* Луж. у. 1838 г. и 2-й пол. XIX в. [ОСПбгуб: 124; Vasm. RGN II 1: 89]. В конце XV — 1-й пол. XVI в. была дер. *Видони*, или *Видоня*, Боротенского пог. Шел. пят. [НПК V: 74, 78, 312]. Название обусловлено личн. *Видонъ*, ср. др.-чеш. личн. *Vidoň* [Svoboda 1964: 169] (серб. личн. *Видан* [Грк. РЛИКС: 52], по-видимому, иного, отпричастного типа). Чешский ареал дополняют еще йотово-посессивное геогр. *Vidoň* и патронимическое *Vídonice* сел. в Чехии [Prof. MJ IV: 540—541], польск. *Wudoń* оз. в Повисленье [HW: 441]. Об употребительности данного антропонима в Новгородской земле отчетливо свидетельствует также геогр. **Видонково** дер. Спаского Зарецкого пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 748]: к личн. *Видонъко* < *Видонъ*.

Витонь Большая и **Витонь Малая** — близлежащие дер. Коростыньск. Шим. у. юго-западного берега оз. Ильмень, которые в нач. XX в. принадлежали Подгощской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 102—103]. Отождествляются со средневековыми пунктами Коростыньского пог. Шел. пят.: с сц. *Витони* 1524 г., которое книгой 1499 г. письма Матвея Ивановича Валуева обозначено искаженно — *Востони*, на что обращает внимание сам переписчик, и с дер. *Витонце Меньшое* [НПК V: 394, 412]. Ойконимы образованы от личн. *Витонъ*; см. древнее польск. *Witoń* [SSNO VI: 133], чеш. *Vitoň* с конца XII в. [Svoboda 1964: 161; Prof. MJ IV: 563]), полаб.-помор. *Viton* или *Vitoń* [Schlimpert 1978: 156], серб. *Витон*, *Витоня* [Мор. СИ: 40]; из топонимии ср. *Витонева* дер. в окрестностях Торжка, блр. геогр. *Витон* в окрестностях Витебска [Vasm. RGN II 1: 106], ороним *Vitonja* в Хорватии [Furlan 1993: 42], геогр. *Vítonice* сел. в Чехии [Prof. MJ IV: 563; Hosák, Šrámek MJMS II: 716—717], ср. еще геогр. *Witonia* (хотя ранее *Witunia*) в Польше, которое, впрочем, возводят к личн. *Witunъ* [Rospond 1984: 429; Rymut 1987: 265]. Исходной антропонимической базой новг. геогр. *Витони* почти столь же уверенно может считаться также личн. *Витанъ*, известное еще шире в славянском мире. Ср. др.-рус. производное *Витановичъ* нач. XIII в. (патроним боярина в Галицко-Волынском княжестве [Туп. СДЛСИ: 503]), польск. *Witan*, чеш. *Vitan* [Svoboda 1964: 157],

²¹ Иначе С. Роспонд [Rospond 1984: 421, 423], который связывает польск. *Wieluń* с праслав. **vel-* ‘сырой, мокрый’.

н.-луж. *Witan* [Schlimpert 1978: 155], альпослав. *Vitanъ* [Kronsteiner 1981: 21], серб. *Vitan* [Грк. РЛИКС: 53]; из топонимии: геогр. *Witan* (< **Vitanjъ*) в Баварии (XIII в.) наряду с блр. геогр. *Vitany* дер. на р. Орвета Свенчанского у. бывшей Виленской губ., *Vitaniški* (лит. *Viteniškių*) дер. на белорусско-литовском пограничье, польск. *Witanowszczyzna* близ Кобрин [Vasm. RGN II 1: 106], польск. *Witanowice* [Rospond 1983: 148] и *Witaniow* сел. [Nieckula 1971: 223], сел. *Vitanovice* в Чехии, сел. *Witanyjce* в Нижней Лунице [Prof. MJ IV: 558], геогр. *Vitaniца*, *Vitanovitse* *Усойни* в Болгарии [Ковачев 1961: 151]. Топонимические дериваты, обусловленные приведенными близкими именами, в некоторых случаях бывают неразличимы.

Добрыня, иначе *Добрынина*, ул. Софийской стороны в Новгороде, имеющая немало ранних фиксаций по летописям [НПЛ: 37, 227, 361, 375, 507; НЛ: 50, 266]. Первое упоминание в НПЛ с 1181 г., но раньше всего — под 1134 г. — в Жалованной грамоте князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю: «А заводъ той земли {...} по вешнюю воду и *Добрыни* улицы къ Образу святому» [ГВНП: 141, гр. 82]²². Писцовая документация конца XV—XVI вв. дает немало межтерриториальных соответствий: *Добрыни* вол. на р. Топалке в Никольском Добрынском пог. и дер. в вол. Поддубье Беж. пят., обе под 1498 и 1545 гг. [НПК VI: 153, 499, 275, 500; ПKNЗ 1: 160, 238], *Добрыни* дер. во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 46] (= *Добрыня* дер. 2-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 117]), *Добрыня* дер. Деманского пог. Дер. пят. около 1495 г. и дер. Боровицкого пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК II: 500; VI: 948, 961, 963], *Добрынино* дер. Офремовского пог. и оз. *Добрынинское* со смежной рч. *Добрынка* во Взвядском пог. на южном побережье Ильменя [НПК V: 228, 329, 359].

По большей части перечисленные топонимы — йотовые посессивы от личн. *Добрыня*, -я, вариант уличного названия с суф. -ин- (*Добрынина*) возник ради избежания нежелательной омонимии. Согласно летописи, данное имя носили несколько исторических персонажей, связанных с Новгородом: *Добрыня*, дядя князя Владимира, крестивший новгородцев в конце X в., один из новгородских посадников и архиепископ новгородский Антоний (мирское имя *Добрыня* Ядрейкович). Личн. *Добрыня*, *Добрына*, *Дабрыня*, *Добрынка*, *Добрынка* знают ранне- и позднесредневековые русские, украинские и белорусские антропонимиконы [Туп. СДЛСИ: 129; Демчук 1988: 73; Брыла 1969: 123].

Восточнославянская топонимия с основой *Добрын-* достаточно обильна. Это обусловлено длительным, вплоть до XVIII в., использованием антропонима *Добрыня*, -я в восточнославянской речи, равно как наличием омонимичных древнерусских апеллативов: *добрыня* (*добрына*), *добрыни* ‘добро, доброе отношение’, ‘добродетель’ [СлРЯ XI—XVII 4: 271], у этого слова могли быть и иные значения, связанные со смысловым полем ‘добрый’. Разумеется, данные апеллативы не только подвергались антропонимизации, но и конкретизировались в географические имена в значении положительной оценки места (‘доброе, хорошее место’). Поэто-

²² К уточнению хронологии документа см. [Янин 1990: 136—137].

му среди множества топонимов на *Добрын-* предполагаются как деантропонимные (зачастую йотово-посессивные), так и прямые деапеллятивные образования. Дифференциация этих двух семантико-мотивационных типов невозможна для всего топонимического массива данных названий, которых только в регионе Новгородской земли и на ее окраинах найдется не менее десятка. Списки селений и водоемов XIX — нач. XX в. показывают преимущественную территориальную дистрибуцию *Добрын-*названий на Русском Северо-Западе (Новг., Твер. губ.), несколько реже они встречаются в более восточных областях (в Ярославской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Пермской, Вятской губ.), на Смоленщине и в Белоруссии, по видимому, еще реже на Северной Украине (Волинь) [Vasm. RGN III 1: 43; Vasm. WRG I: 596—601; Шульгач 1998: 73]. За пределами восточнославянской территории следы рассматриваемых имен и названий не столь значительны: личн. *Dobrina* 1279 г. у древних альпийских славян [Kronsteiner 1981: 206], георг. *Dobrynje* (нем. *Döbern*) в районе проживания нижних лужичан, георг. *Dobrynia* в Польше [SP III: 317—318], чеш. *Dobrynice* [ЭССЯ 5: 47], хорв. *Dobrinj* [Imenik mesta: 129], возможно, словен. *Dobrina* (= *Dobrynъ*, *Dobring*, *Dobrin* около 1480 г.) [Snoj ESSZI: 112].

Мстонь дер. Коростынск. Шим. на юго-западном берегу оз. Ильмень, ранее — дер. Коростынской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 68—69]. Идентифицируется с сц. *Местоня* Коростынского пог. Шел. пят. 1499 г. (по описанию 1524 г. — сц. *Мстоня*), или, иначе, *Мстон*: «Коростынские-жь волости крестьяня косять (<...> во *Мстону* 2 пожни, да лугъ на усть Шелони реки» [НПК V: 324, 393, 397, 398, 411, 414]. К личн. *Мьстонъ*, сравнимому с др.-чеш. личн. *Mstoň* [Miklosich 1927: 9; Мор. СИ: 131], которое образовано глаголом **mъstiti* и суф. *-онь*. Максимально близким именем является чешское же *Mstěn* [Miklosich 1927: 8], отраженное в чеш. георг. *Mstěnice*, *Mstěnovice* [Hosák, Šrámek MJMS II: 105].

Ходыни дер. на левом берегу Ловати к юго-востоку от Старой Руссы Пинаеговгорск. Ст-Рус., в нач. XX в. самая крупная дер. (83 двора) в Шотовской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 118—119]. Относится к числу тех немногих древних селений Новгородской земли, которые освещены памятниками письменности древнерусского времени. Очевидно, именно этот пункт упомянут Новгородской 1-й летописью под 1210 г. в связи со знаменательным разгромом литовцев: «Новгородьци угонивыше Литву въ *Ходыницихъ*, избиша съ князьмъ Володимиромъ и с посадникомъ Твьрдиславомъ» [НПЛ: 51 (Син. сп.)] (по Ком. сп. НПЛ: «в *Ходыницѣхъ*», с. 249)²³.

²³ В XIII в. Литва совершала неоднократные набеги в новгородские земли южнее Ильменя. Так, к примеру, под 1200 г. летопись сообщает: «Ловоть възьяша Литва и до *Налюця*» [НПЛ: 45], где *Налюць* (= совр. *Налючи*, см.) — село поблизости от Ходыней. Литовцы, продвигаясь вдоль берега Ловати, неизбежно оказывались в Ходынях, откуда пути вели далее к Налючам, к Русе и другим пунктам Южного Приильменя. В районе Ходыней локализуется древнее перекрестье дорог (о чем напоминает даже схема современной дорожной сети), через которое литовцы в нач. XIII столетия прошли с северо-востока (с Налючей) на северо-запад (к селу Доворец), как можно заключить о данном событии из сообщения летописи [Там же: 45, 239]. Кстати, «именно на этой широте наиболее целесообразным представляется маневр резкого поворота набега»

Идентификацию указанного летописью пункта с совр. *Ходынями* на Ловати предполагает также В. Л. Янин [1998: 75]. Сел. *Ходыни* (*Ходыня*, *Ходынь*) неоднократно фигурирует в актовом письменности эпохи новгородской независимости. В Духовной грамоте новгородца Остафия Ананьевича 1398—1410 гг.²⁴ читаем: «...Отцына моя и дѣдина на Ловоти, земля и вода, и пожне, и лѣсы, въ *Ходыни*, и в Дроздинѣ и в Селской лукѣ» [ГВНП: 166, гр. 110] (Дроздино и Сельская Лука — дер. неподалеку от Ходыней, сохранившиеся до наших дней). По грамоте, Остафий Ананьевич завещал половину этих угодий сыну Федору Остафьевичу; тот же в свою очередь «рукописаньем» 60-х гг. XV в. передавал их своему наследнику — сыну Степану: «Животъ свои и села свои: на Ловоти въ *Ходыняхъ* половину, и землю и лѣсъ, по отца моего рукописанью и по моему, и пожни, а то приказываю сыну Степану в отдѣль усто» [Там же: 169, гр. 111]. Связь одного и того же новгородского боярского рода с Ходынями на Ловати прослеживается документально и далее. Так, согласно акту 70-х гг. XV в., Василий Степанович, сын вышеупомянутого Степана Федоровича, совершил вместе со своим дядей Василием Федоровичем, сыном Федора Остафьевича, полюбовный раздел земельных угодий, в результате которого «досташетца Василью Степановичю земля и села, отцына его и дѣдина: на Ловотѣ в *Ходыняхъ* села» и другие владения [Там же: 277, гр. 278].

Смежные пункты на Ловати, объединенные интересующим нас названием, часто упоминаются в писцовых книгах Шел. пят. XVI в. Писцовая документация отмечает на Ловати дворцовую вол. *Ходыня* в Черенчицком пог. 1539 г. [НПК IV: 464, 468, 469] с дер. *Ходыня* [Там же: 340, 362] и сд. *Ходыни*, в котором дворы некогда принадлежали землевладельцам Тимофею Грузову и Мите Бестужеву [НПК V: 221, 222]. Со временем роль данных селений в административном устройстве Южного Приильменя явно уменьшилась. Геогр. *Ходыня* как наименование волости исчезает из позднейшей документации, один из актов Иверского монастыря указывает в 1694 г. лишь вотчинную дер. *Ходыни* на Ловати [АИСМ: 940, № 389], которая с этим же неизменным вариантом названия значится в Ген. меж. конца XVIII в., на старых картах XIX в. [ВТКЗверст; КСтрельб] и в более поздних материалах.

Ранняя летописная фиксация — «въ *Ходыницихъ*» («в *Ходыницѣхъ*») — предполагает в прямых падежах наименование *Ходыници* муж. р. мн. ч., морфологически идентичное многочисленным названиям на *-ичи*, которые возводятся обычно к патронимам на *-ичь*. Поэтому в данном случае за исходную форму наименования точнее будет взять *Ходыничи*, подвергшееся древненовгородскому цоканью. Оно может представлять собой либо ранний вариант геогр. *Ходыни*, либо, что не менее вероятно, выступать катойконимом, производным от ойконима: не исключено, что

литовцев от Налючей к Доворцу, поскольку севернее Налючей начинается обширное и труднопроходимое болотное пространство [Янин 1998: 74—75].

²⁴ Здесь и ниже при ссылках на ГВНП датировки актов № 110, 111 и 278 даны по [Янин 1990: 217, 220, 229].

ходыничи в приведенном летописном контексте — это жители *Ходыней* (о функциональном пересечении ойконимов и катойконимов в подобного рода контекстах см. в гл. 8). По более поздним материалам древнеписьменная форма *Ходыничи* уже не прослеживается.

Новг. геогр. *Ходыни* лаконично интерпретировано в ЭССЯ как архаическое производное с суф. *-уни* от **ходь* [ЭССЯ 8: 52], т. е., надо полагать, в собственно апеллативном осмыслении. Правда, апеллативов, омонимичных новгородскому ойкониму, не обнаружено, что, естественно, снижает качество предложенной версии, обуславливающей появление названия произволом суффиксации. Вместе с тем имеющиеся материалы свидетельствуют, что новгородское название не одиноко. Рядом с ним оказываются геогр. *Ходыни* сел. в бывшей Галиции, *Ходыни Близкие* дер. вблизи Вятки, *Ходынино* дер. на р. Вожа в окрестностях Рязани, *Ходыничи* дер., сел. и ус. близ р. Тростяница Кобринского у. Гродненской губ. и, по всей вероятности, геогр. *Ходынцы* дер. Угличского у. Ярославской губ. [Vasm. RGN IX 3: 499, 501—502]; разумеется, сюда же относится гидроним *Ходынь* (*Ходынка*, *Ходыня*?) рч. в Подмоскowie [Смол. ГБО: 107—108] (по [КБЧ: 56, 121, 182] — р. *Ходынка*), по этой реке названы широко известные *Ходынское* поле (*Ходынский* луг) и *Ходынская* ул. в Москве. Ф. Безлай и М. Сной отмечают *Hudinja* как название водоема и селения в Словении (= *Chodinie* 1025 г., *Chodin* 1303 г. и др.), возводя к личн. **Xodina* или **Xodin* [Bezl. SVI I: 219; Snoj ESSZI: 165—166].

Отмеченные факты говорят об устойчивой древнерусской топооснове *Ходын-*, которая по происхождению является первоначальной антропоосновой. Судя по всему, речь должна идти о личн. *Ходына*, -я, давшем посессивные геогр. *Ходыни*, *Ходынино*, отпатронимное *Ходыничи*. Реальность реконструируемого антропонима удостоверяет, очевидно, фрагмент из древнерусского «Слова о полку Игореве» в прочтении и переводе Д. С. Лихачева. Цитируемый ниже отрывок «Слова...» содержит интересующее нас имя, связанное с одним из легендарных песнотворцев: «Рекъ Боян и *Ходына* Святославля пѣснотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти», перевод: «Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы старого времени Ярослава, Олега-князя любимцы» [Лихачев: 58, 77]²⁵.

Восточнославянскому личн. *Ходына*, -я структурно близки южнославянские антропонимы: др.-болг. *Ходин* (муж.), *Ходина* (жен.) [Заим. БИ: 232], др.-серб. *Ходина* XV в. [Грк. РЛИКС: 203]. Рассматриваемое имя относится к кругу архаиче-

²⁵ Д. С. Лихачев, комментируя текст «Слова о полку Игореве», пишет о неоднозначности предлагаемой им трактовки. «Место это настолько испорчено, что не позволяет сколько-нибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять предложенное И. Е. Забелиным прочтение *Ходы на* (так в издании 1800 года и в Екатерининской копии) как «Ходына» и предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна (...). Это прочтение и принято нами в переводе. Слова Бояна и Ходыны противопоставлены разговору («стрекотанию») Гзы и Кончака» [Лихачев 1984: 204].

ских имен на *-ыня/-ына*, далеко не полно засвидетельствованных письменностью. Отметим, что ст.-блр. документ сохранил производное *Ходынич* (Останко *Ходынич*, крестьянин в Мозыре, из акта 1552 г. [Туп. СДЛСИ: 807]), источником которого служит либо личн. *Ходыня*, либо соответствующее деантропонимное название типа *Ходынь*. Корневой элемент *ход-* в архаической антропонимии нередок, его содержат, например, ранние др-рус. личн. *Ходота* — имя вятичского князя [Skulina II: 153], *Ходько*, *Ходута*, давшее патроним *Ходутиничь* из Свинцовой гр. № 1 конца XI — 1-й трети XII в. [Зализняк 2004: 261] и фамилию *Ходутины* XVII в., Устюг [Вес. Он.: 340], а также более поздние личн. *Ходыка*, *Ходырь*, *Хода* и др., получившие наибольшее распространение в старорусский период; ср. еще чеш. личн. *Chodata*, *Chod*, польск. *Chodko*, серб. *Chodiša* [Miklosich 1927: 109]. К раннему древнерусскому времени относится, очевидно, и личн. *Ходула*, отраженное новгородским геогр. *Ходулино* дер. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 325], дер. *Ходулино* Ост. у. сер. XIX в. [СНМРИ 43: № 8937], а также *Ходулиха* дер. Бельского у. Смоленской губ., блр. *Ходулы*, *Ходулово* на Витебщине [Vasm. RGN IX 3: 501], подтвержденные древнеписьменным антропонимом *Chodula* из польских источников [SSNO I: 326]. Не менее древним, чем *Ходыня*, *Ходула*, оказывается личн. *Ходунь* — имя, оставившее следы почти исключительно в топонимии, в том числе йотово-посессивной. Ср. новг. геогр. *Ходуново* дер. Жабенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК 1: 620] (= *Ходуново* дер. Жабенской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 36—37], сегодня в Фир. р-не) вместе с блр. *Ходуны* дер. на Витебщине в окрестностях Дриссы и *Ходунь* дер. на р. Остер Климовичского у. Могилевской губ., укр. *Ходуня* ус. на р. *Ходуня* Глуховского у. Черниговской губ. [Vasm. RGN IX 3: 501], геогр. *Chodouň*, *Chodouny* сел. в Чехии, отмеченное с 1271 г., производное от др.-чеш. личн. **Chodún* [Prof. MJ II: 28]; сюда же др.-польск. личн. *Chodun*, согласно Роспонду [Rospond 1983: 53]. Современным апеллятивным «отзвуком» этого архаического имени является, быть может, новг. диал. *ходуница* ‘неспокойный ребенок’ [НОС 12: 19].

Хотыня дер. Уторгошск. Шим. на р. *Хотынка* (или *Хотынька*, иначе — *Лютинка*, л. пр. Мшаги, л. пр. Шелони), = *Хотыня* дер. по спискам селений Луж. у. 1838 г. и 2-й пол. XIX в. [ОСПбгуб: 117; СНМРИ 37: № 2229]. Кроме того, при устье р. *Хотынка* писцовою книгой Шел. пят. 1498 г. отмечена дер. *Усть-Хотина* Турского пог. [НПК IV, 57], = *Ускотина* пуст. на рр. Мшаге и Хотынке в материалах Ген. меж. конца XVIII в., = *Ускотыня* дер. 2-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 117], иначе *Ускотины* (*Ускотыня*) 2-й пол. XIX в. [Vasm. RGN IX 1: 316]. Древность перечисленных смежных ойконимов и гидронимов не подвергается сомнению, причем «смягченная» топонимическая форма *Хотина* по отношению к «твердой» *Хотыня* здесь, судя по всему, вторична. Параллельный ойконим зафиксирован документацией XVI—XVII вв. в бывшей Тесовской вол. Вод. пят.: *Хотыни* дер. на р. Оредеже (1573—1578, 1584, 1620 гг.), затем — дер. *Хотыня*, а *Усадище* тож (1629 г.), дер. *Усадица*, *Хотыни* тож (1669 г.), далее только под названием *Усадище* [Селин 2003: 135], сегодня — *Усадици* дер. Приозерн. Луж.

Данные ойконимы принадлежат к числу межславянских архаизмов, содержащих корневой элемент **xot-* (: праслав. **xotěti*, рус. *хотеть*). Географические названия с этим элементом обнаруживаются в большом количестве, причем не только в регионе Новгородской земли, но и на остальных землях раннего славянского расселения. Ойконимы *Хотыня*, *Хотыни* могут быть отнесены к числу йотово-посессивных деантропонимных дериватов хотя бы потому, что они коррелируют с др.-слав. личным именем, подтвержденным др.-польск. письменностью: личн. *Chotyňa*, *Chotyńko* [SSNO I: 336], *Chotyńka* из акта 1442 г. в Речи Посполитой [Демчук 1988: 84], вероятно, сюда же альпослав. «*Chotuna*» из немецкого акта 1043 г. [Kronsteiner 1981: 206] (= личн. *Chotyňa* или *Chotuna*). Этот др.-слав. антропоним, вместе с другими именами с корнем **xot-* заключающий пожелательный смысл ('желанный'), можно, вероятно, соотнести с неким аппеллятивным производным на *-ун* 'i абстрактного значения ('хотение, желание'). Надо полагать, в отдельных случаях, которые очень трудно дифференцировать, названия на *Хотын-*, перечисленные ниже, прямо восходят к данному аппеллятиву, без антропонимического опосредования. К личн. *Хотыня*, *-я* на новгородской территории возводится также эквивалентный ойконим патронимического облика *Хотыницы* для дер. на р. *Хотынка* Ямб. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 4903], сегодня — дер. Каложицк. Волос. у истоков р. Хревица, п. пр. Луги; данный пункт отождествляется со средневековым сд. *Хотыновичи* в Григорьевском Льешском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 796, 801, 804, 807, 812]. Другие топосоответствия сосредоточены вне Новгородской земли на территориях раннего восточнославянского заселения (западнорусские области, Поочье, Белоруссия, Волинь, Галиция): геогр. *Хотынь* (*Хатыни*) дер. в Духовщинском у. Смоленской губ., блр. *Хотынь* (польск. *Chatyń*) дер. в окрестностях Борисова Минской губ. + дер. на на руч. Теревинец близ Орши на Могилевщине и там же р. *Хотынь* басс. Днепра, укр. *Хотынь* (польск. *Chatyń*, *Chatyn*, *Chateń*) дер. на р. Случь в окрестностях Ровно Волынской губ., *Хотыня* хут. неподалеку от гор. Речица Минской губ., *Хотыново* (*Хотеново*) дер. неподалеку от гор. Борисов Минской губ., блр. *Хотыничи* (укр. *Хотеничи*) сел. недалеко от Пинска, *Хотынец*, или *Хотынец Малый*, сел. в Карачевском у. Орловской губ., *Хотынец* (*Хотынской*) п. пр. Жиздры, *Хотынка* п. пр. Угры в Верхнем левобережном Поочье и *Хотынка* среди левых притоков Клязьмы, *Хотынец* дер. в окрестностях пункта Ярослав в Галиции; сюда же относятся фонетически измененные (благодаря переходу *x > ф* и аканью) блр. геогр. *Фатынь*, *Фатынка*, *Фатыновка* — сел. в окрестностях гор. Полоцк и Лепель; по: [Vasm. RGN IX 1: 368; 3: 533; Смол. ГБО: 35, 47, 205; ЭССЯ 8: 85]. Восточнославянские факты дополняют геогр. *Chotyńě* дважды в Чехии, *Chotyń* в Польше, *Hotinja vás* в Словении [Prof. MJ II: 46—47; Svoboda, Šmilauer 1960: 185; Snj ESSZI: 162].

Материал показывает, что топонимические архаизмы с элементом **xot-* подвержены варьированию формантной части, благодаря чему они порой могут быть соотнесены с др.-слав. личн. *Хоть* (см. ниже) или с личн. *Хотънь*. Применительно ко второй возможности весьма показательна вариантность геогр. *Хотыново* / *Хо-*

теново, Хотыниччи / Хотеничи, Хотынь / Chateń, Хотыни / Хотѣнковици (см. еще анализ *Хотѣнковици*, гл. 4).

К *Хотын*-названиям, пожалуй, наиболее близко примыкают *Хотин*-названия. Одним из самых старых является йотово-посессивное название ур. *Хатинь Бор* на западном берегу Осташковского плеса оз. Селигер (из **Хотинь Бор*, благодаря аканью). Однако в основном эти ойконимы оформлены по иным моделям. Таковы новг. геогр. *Хотино* для дер. во Фроловском пог. 1498 г. и дер. в Михайловском пог. на Узе Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 663; IV: 40], *Хотено* дер. Косицкого пог. на р. Луге Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 350] и известное из поздних материалов *Хотино* дер. на р. Оборля Велильской вол. Дем. у. [СНМНГ II: 22—23]; вне новгородской территории таковы: *Хотино Верхнее* и *Хотино Нижнее* для пунктов на руч. *Хотинский* в окрестностях Кириллова на Вологодчине, *Хотино* дер. неподалеку от Торопца + дер. на оз. *Хотино* в Лепельском у. на Витебщине, *Хотина* (вар. *Фотина*) дер. на р. Сотня в Бельском у. Смоленской губ, *Хотин* ус. на р. *Хотинка* в Старобыховском у. на Могилевщине + дер. неподалеку от гор. Дубно на Воыни + дер. на р. Ломница близ гор. Калуж в Галиции, *Хотиново* дер. неподалеку от Торжка Твер. губ, *Хотиничи* сел. на Западной Двине неподалеку от Витебска, *Хотиницина* хут. в окрестностях Дубно Воынской губ. и др. [Vasm. RGN IX 3: 530—531]. Перечисленные названия, подверженные варьированию, могут быть образованы от разных личных имен корня **хот-* (*Хотына, Хотѣнь, Хотимь* и др.), хотя по преимуществу они зиждутся, очевидно, на личн. *Хоть, Хота, Хотинь*. Первое из этих имен легко обосновывается др.-рус. *хоть* ‘возлюбленный, любимец’, ‘желание’ и т. п. (см. [Срезн. МСДРЯ III: 1389]), другие удостоверяются, например, ст.-укр. личн. *Хота* из переписных книг 1666 г. [Демчук 1988: 84], болг. личн. *Хотин* [Илчев 1969: 521], к которому возводят болг. геогр. *Отиня* [Заимов 1973: 138]. Личн. *Хота* является, похоже, морфологическим вариантом к более известному личн. *Хоть* муж. морфологического рода, дававшему топооснову *Хотов-* (см. *Хотовичи*).

Анализируя йотово-посессивную топонимию с начальным элементом *Хот-*, не стоит оставлять без внимания новг. геогр. *Хочени* дер. Бат. р-на в верховьях р. Луги. В нач. XX в. этот ойконим распространялся на несколько близлежащих пунктов Сямокражской вол. Новг. у.: село на руч. Безымянном и два ближайших к нему выселка [СНМНГ I: 70—71]. Пункт известен с 1500 г. как *Хоченя* сц. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. [НПК III: 113], позднее — *Хочени* (1539/40, 1709, 1748, 1788 гг.), *Хоченя* (1568, 1582 гг.), *Хочен* (1612 г.), *Хоченье* (1646, 1678, 1718 гг.), см. [Селин 2003: 175]. За пределами Новгородской земли имеются блр. геогр. *Хочень* для двух хуторов неподалеку от Бобруйска и дер. у р. Ствига в окрестностях Мозыря [Vasm. RGN IX 3: 537]. Перечисленные ойконимы хорошо объяснимы как йотовые производные от вост.-слав. личн. *Хочень* севернославянского ареала. Ср. др.-польск. личн. *Chocian* [Taszycki 1925: 158], др.-чеш. *Chocen* [Svoboda 1964: 158, 269] и там же, в Чехии, топонимические производные: йотово-посессивное геогр. *Chosej* сел. как параллель к новг. *Хочени*, патронимическое *Chocenice* (дважды) [Prof. MJ II: 25]. Антропоним *Хочень* кажется вариантом (йотированным, палатализованным)

более распространенного у славян личн. *Хотѣнь*. Не совсем ясно, относится ли к этому ряду новг. геогр. *Хоченье* дер. Любанской вол. Новг. у. нач. XX в. на р. Тигоде, л. пр. Волхова [СНМНГ I: 36—37], которое приравнивается к первоначальной префиксальной топонимической форме с ориентирующим значением *Нахотченье* дер. 1500 г. в Ильинском Тигодском пог. Вод. пят., позднее — *Хотченье* (1539/40, 1568 гг.), *Хоченье / Хочение / Хоченья* (1585, 1615, 1646, 1678, 1709, 1718, 1748, 1788 гг.), *Хочин* (1669 г.); рядом с *Нахотченье* значилась дер. *Подхоченье* (1539/40, 1568, 1585, 1646, 1678, 1709, 1718, 1748 гг.), см. [Селин 2003: 216] (сегодня остался руч. *Подхоченский*, п. пр. Тигоды немного ниже гор. Любань Лен. обл.).

Хотунь дер. в Сабельском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 155], = *Хотня* дер. «обжа пуста» под 1571 г. [Там же: 516], отмеченная в межевых материалах конца XVIII в. как пуст. *Хотня* к северу от оз. Глухого [Андрияшев 1914: 172]. Параллельное новг. название локализуется в Среднем Помостье: *Хотуни* дер. у р. Мсты Волоцкой вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 24—25], в конце XVIII в. на месте этой деревни была пуст. *Хотуни*, № 647 по Ген. меж. [КГарн]. Ойконимы, обосновываются как йотовые производные от личн. *Хотунь* (по деривации, — *nomen agentis* от праслав. **xotěti*), удостоверяемого фиксацией др.-чеш. личн. *Chotún* в источнике 1436 г. [Prof. MJ II: 44—45; Svoboda 1964: 270], болг. *Хотун* до XIV в. [Заим. БИ: 233]. К данному антропониму возводится далее древнеписьменный новг. ойконим *Хотуничи* неясной локализации, отмеченный договорной грамотой Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1268 г.: «А что еси, княже, отгымъ у Кюрили *Хотуниче*, даль еси попу святаго Михаила, а городискимъ попомъ не пошло дани имати на новгородскомъ погосте, вдаи опять» [ГВНП: 13, гр. 3; Янин 1990: 147—150]. За пределами Новгородской земли топонимические соответствия довольно часты: геогр. *Хотунь* дер. на р. Рядке в окрестностях Дорогобужа и *Хатуни* дер. на р. Воль Духовщинского у. Смоленской губ., *Хатунь* дер. на р. Лопасня неподалеку от Серпухова Московской губ., *Хотуничи* дер. близ Городни Черниговской губ., *Фатуново* дер. при оз. Долгое в Кадниковском у. Вологодской губ. [Vasm. RGN IX 1: 368; 3, 467, 532] (последнее выступает фонетически измененным *Хотуново*), три ойконима *Chotouň* в Чехии, записанные с XIII—XIV вв. [Prof. MJ II: 44—45, 336], полаб. геогр. *Chotouň*, откуда нем. *Gothun* в окрестностях гор. Варен в северо-восточной части Германии [Rospond 1983: 56], болг. геогр. *Отунье* [Заимов 1973: 138], словен. ойконим *Hotúnje* (с 1043 г.) и гидроним *Hotúnjščica* [Snoj ESSZI: 162—163].

Личн. *Хотунь* имело «мягкий» вариант **Хочюнь* (по-видимому, с проявлением презенсной основы др.-рус. *хотѣти*; ср. аналогичную корреляцию личн. *Хотѣнь* и *Хочень*), отраженный в двух соседящих ойконимах Успенского Сабельского пог. Вод. пят.: *Хочюня*, по источнику 1568 г. [Селин 2003: 175], ранее отмеченное писцовой книгой 1500 г. с искажением — *Хочюзя* [НПК III: 114], и *Хочюница* дер. 1500 г. [Там же: 132], позднее — *Хочюнец* дер. 1568 г., *Хочунец* пуст. 1788 г. [Селин 2003: 178], = *Хочуни* дер. и ус. на руч. Безымянном Самокражской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 70—71]. Ср. укр. геогр. *Хоцунь* сел. в Любешевском р-не Волынской обл. [Шульгач 2001а: 144].

НАЗВАНИЯ С ОСНОВОЙ НА -Л'-

Велилы село в Мар. р-не, ранее — крупное волостное село *Велилы* с одноименным погостом на рч. Руна Дем. у. [СНМНГ II: 12—13]. Под этим же названием село обозначено также источником нач. XIX в., см. [Неволин 1853: 178]. Впервые о данном пункте узнаем из летописного обзора древнерусских городов, составленному, по мнению исследователей, в конце XIV в.: *Велиль* в перечне «градов Залесских» по Ком. сп. Новгородской 1-й летописи [НПЛ: 477], или *Велил* по Воскресенской летописи [ПСРЛ VII: 241]. Ясно, однако, что это укрепление на бывшем новгородско-литовском пограничье старше своей письменной фиксации²⁶. В XV в. данный пункт, по-видимому, входил в волость Морева, которая платила налог («черную куну») в литовскую казну [Янин 1998: 12], позднее, в 1495 г., «волость великого князя *Велия*» Дер. пят. описывалась отдельно, см. [НПК II: 736—784]. Деревни «*Велилской* волости» (или «в *Велиль*») указаны далее писцовой книгой Торопецкого присуда 1540/41 г. [Там же: 736—784], платежной книгой 1542/43 г. и обыскной книгой Дер. пят. 1562 г. [ПКНЗ 4: 332, 339, 491—494, 499; ПКНЗ 5: 365—375]. По Ген. меж. конца XVIII в. — пог. *Велилы* Холм. у. [ИАДП 1: 124]. Под 1542/43 г. впервые отмечен *Велильский ям* [ПКНЗ 4: 492] с вероятной датой его учреждения в 1540 г. (ср. в обыскной книге 1562 г.: «...Царь князь велики ямы отставил тому двадцать два года» [ПКНЗ 5: 368]); в настоящее время это дер. *Ям*, фактически представляющая собой часть современных *Велил*.

В парадигме не находящего межтерриториальных параллелей ойконима *Велилы* наиболее авторитетными для этимологического решения следует признать ранние варианты с мягкостью второй л' (*Велиль* из НПЛ, *Велия* везде в НПК), остальные «твердые» варианты (*Велил*, *Велилы*) легко объяснимы спорадическим отвердением л' > л, которое после падения редуцированных прослеживается особенно интенсивно среди псковских и смоленских говоров (прекрасной иллюстрацией процесса являются, к примеру, написания в псковских рукописях XIV—XVI вв. лексем *король* вместо *король*, *того дѣла* вместо *того дѣля* 'для', см. [Колесов 1980: 150]). Современное *Велилы* мн. ч. обусловлено поздней плюрализацией, прослеживаемой по многим ойконимам Новгородской земли. Первичные формы ойконимов — *Велиль*, *Велия* — достоверно трактуются как йотово-посессивные производные от личн. *Велиль*, -о, -а. Фактическая реальность исходной антропонимической базы удостоверяется др.-болг. личн. *Велил*, жен. *Велила* [Заим. БИ: 46]. Исходное имя, в свою очередь, выступает гипокористикой, осложненной суф. -ил- (как др.-рус. *Добрило*, *Жидило*, *Радило*, *Гостиль* и др.), на базе композита с начальным *Вел-* (к **velьbъ* 'большой, многий'); ср. засвидетельствованные польск. личн. *Wielislaw*, полаб.-помор. *Velgost*, болг. *Velegost*, польск. *Wielobor*, *Wielemysl*. Личные имена с элементом *Вел-* были знакомы древненовгородским

²⁶ Косвенно на значительную древность *Велил* намекает большое количество археологических объектов близ села: две сопки, селище, жальник, курганная группа VI—IX вв. [ПИКНО: 123].

говорам, ср. хотя бы новг. геогр. *Велбуже* (см.) или гипокористическое личн. *Велько* из новг. бер. гр. № 475 последней четверти XIV в. [Зализняк 2004: 640].

Йотово-посессивные топонимические дериваты на базе личных имен на *-иль*, *-ило*, *-ила* нельзя признать характерными для изучаемой территории, тем не менее сомневаться в реальности их нет никаких оснований. Необходимый деривационный, равно как фонетический, контексты для *Велиля* (*Велиль*) создает, в частности, такой архаизм, как название дер. *Радиля Гора* во владыченской вол. Белой в Никольском пог. Беж. пят. 1501 г. [НПК VI: 5], позднее обнаруживаемое с отвердением *л'*: дер. *Родила Гора* на суходоле, по Ген. меж. 1785 г., № 1814 [КГарн]. Этот ойконим Беж. пят., вкупе с новгородскими ойконимами иных деривационных моделей: *Радилово*, несколько пунктов в Свинорецком, Хмерском и Дубровенском пог. Шел. пят. конца XV—XVI вв. [НПК V: 119, 122, 158, 671, 678], и *Радило* дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 202] (впоследствии *Радилово* дер. у оз. *Радиловского* Порх. у. [Андрияшев 1914: 435]), — мотивирован др.-рус. личн. *Радиль*, *-о*, *-а*. Разные варианты этого имени засвидетельствованы берестяной письменностью (*Радила* в новг. бер. гр. № 442 и № 924, датированных XIII в. [Зализняк 2004: 520]) и летописями XII в.: *Радила*, боярин киевский, *Радило*, тысяцкий в Вышегороде [Туп. СДЛСИ: 332; Skulina II: 210]; к древнерусским данным добавляются др.-польск. личн. *Radzil* [Taszycki 1925: 58], др.-чеш. *Radil* [Svoboda 1964: 170], др.-болг. *Radil* XIV в. [Заим. БИ: 185], полаб.-помор. *Radela* и там же, в среднем течении Эльбы близ Бранденбурга, геогр. *Rädel* (< полаб. геогр. **Radiljь*), фиксируемое с 1193 г. [Schlimpert 1978: 112]. Соответствующая восточнославянская топонимия, известная по спискам селений XIX—XX вв., показывает свою преимущественную локализованность на Русском Северо-Западе, реже в центральных областях: новг. геогр. *Радилово* дер. Обринской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 100—101] + дер. Холм. у., *Радилово* для дер. Корчевского и Торжковского у. Твер. губ. + дер. на р. Яхреньга Кадниковского у. Вологодской губ. + дер. у гор. Романов-Борисоглебск Ярославской губ., *Радила* дер. неподалеку от гор. Олонец, *Радилова* дер. Судогодского у. Владимирской губ., *Радиловичи* дер. и хут. в окрестностях Мозыря Минской губ., *Радиловка/Родиловка* л. пр. Волги неподалеку от гор. Мышкин Ярославской губ.; материал по [Vasm. RGN VII 3: 501; Vasm. WRG IV: 4]. Городец на Волге неподалеку от Нижнего Новгорода, основанный в сер. XII в., именовался по летописям *Городец Радилов* [Никонов 1966: 107—108; Русская ономастика 1994: 49—51]. Сюда же и гидроним *Radzielówka* на юго-востоке Польши [Rieger 1988: 64] и польск. *Radziłów* гор. [Rospond 1984: 323], геогр. *Радил*, *Радила* (четырежды) в болгарских землях [Заимов 1973: 146—147].

Особым вариантом новг. ойконима *Радилово* в средневековом Свинорецком пог. выступает *Радлово* дер. под 1498 г. [НПК V: 37]. Эта форма возникла благодаря синкопе заударной гласной *и*, которая реализовалась в условиях устойчивого, неподвижного ударения на элементе *Рад-* географического названия (ср. еще геогр. *Братиловичи* > *Братловичи*, см. *Бракловицы*). Подобное изменение пережил ойконим *Rádlje* в Словении, имеющий исторические варианты с гласной перед *l*

(*in villa Radela* 1161 г., *iuxta Redilach* 1193—1220 гг.) [Snoj ESSZI: 342]. Данный фонетический процесс, похоже, был возможен и в структуре антропонима; ср. фамилию *Радлов* наряду с польск. личн. *Radlo*, *Radla*, к которым восходят ойконимы *Radlow*, *Redlowo*, *Radlin* в Польше [Rospond 1984: 89, 320; Rymut 1987: 199]²⁷.

Радуля дер. Свинорецкого пог. Шел. пят. 1552—1553 гг. [НПК IV: 557], ставшая к концу XVIII в. пустошью *Радули* Новг. у., согласно материалам Ген. меж. [Андрияшев 1914: 189]. Ср. личн. *Радул* (дважды) в материалах Юго-Западной Руси 1613 г. [Демчук 1988: 79—80], др.-серб. *Радул*, *Радула*, *Радуле* [Грк. РЛИКС: 168], болг. *Радул* [Мор. СИ: 164]. Интересно, что немногим ранее, в 1539 г., дер. *Радуля* отмечена под названием *Радулово*²⁸, суффиксация которого более отчетливо отсылает к личн. *Радуль*. Колебание в сущности синхронных ойконимических вариантов, пожалуй, намекает на то, что в описываемую эпоху ощущалась еще живая деривационная связь данного ойконима с образовавшим его антропонимом. Кроме того, А. М. Андрияшев [1914: 189] отождествляет дер. *Радулово* 1539 г. с дер. *Радилово* (*Радлово*) конца XV в. в Свинорецком пог. (см. выше); если это отождествление верно, оно отражает притяжение ойконима к разным исходным личным именам, близким фонетически и структурно. Есть еще рч. **Радуля**, л. пр. Отни, п. пр. Мсты, текущая из оз. *Радуля* недалеко от р. ц. Любытино Новг. обл., на ней дер. *Радуля* Шереховичск. Люб. Эквивалентные названия сосредоточены в украинских и белорусских землях: *Радулин* недалеко от гор. Новоград-Волынский, *Радулина* дер. на р. Супрасль в окрестностях Соколки Гродненской губ., *Радуловичева* сел. у Александрии Херсонской губ., *Радуловка* (*Радоловка*) болгарская колония в Таврии недалеко от Бердянска, *Радуль* слобода на Днепре в окрестностях Городни Черниговской губ. [Vasm. RGN VII 3: 505], ср. также гидронимы *Радулова*, *Радуловачка*, *Радуловачки* в Сербии [Павл. XC], *Rádulja* в Словении [Snoj ESSZI: 345].

НАЗВАНИЯ С ОСНОВОЙ НА -ч-

Боручье местность Вод. пят. в Рождественском Солецком пог. на Волхове 1500 г., к которой относилась дер. Медведевское Заречье на рч. Оломне [НПК III: 438, 493]; **Боручье** оз. в басс. Мсты со стоком в оз. Боровно, Ок. р-н. Название является йотово-посессивным дериватом от личн. *Боруть-а*, удостоверяемого памятниками письменности. Ср. несколько раз прослеживаемые по ст.-укр. и ст.-блр. источникам XVI—XVII вв. личн. *Борута*, *Borutha*, *Boruta*

²⁷ Впрочем, К. Рымут сближает польск. личн. *Radla* с апел. *radlo* ‘рало, соха’.

²⁸ О том, что это один и тот же пункт, свидетельствуют данные о его владельцах. Из писцовой книги явствует, что дер. *Радулово*, *Взгляди* и несколько других соседящих пунктов числились в 1539 г. за сытником Игнатом Бужениновым. Согласно же описанию, проведенному через 13 лет, в 1552—1553 гг. «тѣ деревни у Игната взяты и отдѣлены Лукѣ да Злобѣ Ивановымъ дѣтемъ Карпова зъ братьею послѣ писцовъ, лета 7051 (т. е. в 1543 г. — В. В.); и Данило съ сыномъ у Карповыхъ тѣ деревни вымѣнили противъ своихъ обежъ и владѣють по мѣновнымъ записемъ: деревня Веретея, дер. *Злядово*, дер. *Радуля*, дер. *Городокъ*» [НПК IV: 556—557].

[Демчук 1988: 66]; далее у западных славян: полаб.-помор. личн. *Borut(a)* XIII в. [Schlimpert 1978: 21], др.-польск. *Borut, Boruta* [SSNO I: 224]; у южных славян: др.-словен. *Borut* [Kos 1886: 11]. Изложенная антропонимия, в свою очередь, восходит к апеллятивной лексике, а именно к **boruta / *borutъ*, др.-слав. производному с отражением старой основы на **-й* от праслав. **borъ* 'лес'. Среди продолжений праслав. лексемы отмечали др.-польск. *boruta* 'злой дьявол, злой дух, обитающий, по крестьянским поверьям, в болотах и топях', сербохорв. *Borut* как название некоторых населенных пунктов в Герцеговине, Истрии [ЭССЯ 2: 214; Бернштейн 1974: 248].

Стоит отметить, что представленный выше материал далеко не полон. Топонимический ландшафт Русского Северо-Запада, в основном средневековый, включает, по-видимому, наибольшее среди всех регионов Славии количество географических названий на базе этой лексемы, которая преимущественно функционировала в качестве др.-слав. прозвищного имени. О популярности личн. *Боруть* (*Борута*) на новгородской территории в древнерусское время свидетельствует, помимо *Боручье*, целый ряд соответственных топонимов. Среди них название *Борутницы* для местности неподалеку от впадения Волхова в Ладожское оз., которая указана писцовыми книгами 1496 и 1551 гг. [ПКНЗ 1: 97; 2: 19] и жалованной несудимой грамотой Ладожскому Васильевскому монастырю 1624 г. [АИ III: 200]; геогр. *Борутино*, связанное с парой деревень в Дер. пят. конца XV в. (погосты Михайловский и Жабенский) [НПК I: 163, 648] и с двумя деревнями в Беж. пят. 1564 г. (погосты Петровский Борисоглебский и Волок Держков) [НПК VI: 953, 989]; геогр. *Борутино* дер. на р. Пчевже в Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII: 34—35], о которой более ранних сведений нет. В средневековой Пусторжевской земле, входившей в древне-новгородские владения, значилось село *Баруты* близ р. *Борутница* в *Боруцком* стане 1582/83 г. [Янин 1998: 145, рис. 6], позднее известное как пог. *Барута* на р. *Барута* в Новоржевском у. Пск. губ. 1885 г. [СНМРИ 34: № 4575]. Дер. *Борутино* есть в Рамешковском р-не Твер. обл., во 2-й пол. XIX в. она значилась в Беж. у. [СНМРИ 43: № 1199]. За пределами Русского Северо-Запада топонимические соответствия не часты: *Boruta* л. пр. Свислочи в Игуменском у. Минской губ. [Vasm. WRG I: 200], *Борутиха* дер. в Кинешемском уезде Костромской губ., *Баруткины* и *Баруткинской*, близлежащие пункты неподалеку от Котельнича Вятской губ. [Vasm. RGN I 2: 280; 3: 511, 515]; эти, последние, ойконимы, явно позднего происхождения, получены по фамилии *Баруткины* (< уменьш. *Борутка*). В Чехии есть геогр. *Borutov* [Miklosich 1927: 36], в Польше известны гидронимы *Borucza* р., *Borucin* оз. и *Borucińskie* (*Boruckie*) оз. в басс. Вислы у сел. *Borucino* [HW: 549, 587, 807; Górnowicz 1985b: 47], *Boruciński Potok* и *Boruckie* оз. в басс. Одры [НО: 157, 229].

Аналогично *Боручье* трактуется новг. геогр. *Борочь* дер. Карачунского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 599]: на базе личн. *Борота*, удостоверяемого древними, преимущественно южн.-слав., антропонимиконами, ср. болг. личн. *Борота* [Заим. БИ: 30], сербохорв. *Борота, Borota* [Грк. РЛИКС: 43; LPSRH: 60—61], наряду с болг. геогр. *Borošteni* [Заимов 1973: 77], макед. *Боротино* сел. в Прилепско [Стан-

ковска 2007: 376], геогр. *Borotice*, *Borotice Německé*, *Borotín* в Моравии и Силезии [Hosák, Šrámek MJMS I: 95].

Хотуча дер. Прусыногорск. Волж., ранее — дер. *Хотуча/Хетуча* Н-Ладож. у. [СНМРИ 37: № 3051]. Следует возвести к личн. **Хотута*, которое письменностью не зафиксировано, но легко прогнозируемо; ср., с одной стороны, имена на *-ута* (*Борута*, *Славута*, *Ходута* и др.), с другой, — многочисленные др.-слав. имена с начальным *Хот-*. Личн. **Хотута* оставило топонимические следы, среди которых блр. геогр. *Хатуча* дер. Речицкого у. Минской губ., являющееся параллелью к новгородскому ойкониму, геогр. *Хотутичи* сел. в окрестностях Ошмян Виленской губ., сюда же *Хотути* дер. на р. Медведица Беж. у. Твер. губ. на окраине бывшей Беж. пят., наконец явно позднее *Хотутиново* дер. Кинешемского у. Костромской губ. [Vasm. RGN IX 3: 532].

Чернячи дер. Полищенского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II: 242, 267, 283], = совр. дер. *Старое* у пос. Кулотино Ок. р-на. Название является йотово-посессивным производным от личн. *Чьрнята*, которое отражается также в новг. геогр. **Чернятино** дер. Посонского пог. Дер. пят. [Там же: 887; VI: 224, 444, 482] + пуст. в Беж. пят. [НПК VI: 502]. Удостоверяется чеш. личн. *Černata* [Miklosich 1927: 12], ст.-укр. *Чернята*, *Черната* [Демчук 1988: 84], производным *Чернятин* Алешка, крестьянин 1642 г., Тихвин [Вес. Он.: 352]. Судя по изложенным данным, имя имело хождение и в старорусский период, о чем свидетельствует и многочисленная ойконимия *Чернятино*, *Чернятин*, *Черняты*, *Чернятинская* и т. п., которая рассеяна по просторам Европейской России, Украины и Белоруссии, как следует из материалов [Vasm. RGN X 1: 123—124] и встречается на Славянском Юге, ср. названия словенских сел *Črnéče*, *Črnéča vas* и *Črnetina* [Snoj ESSZI: 102; Станковска 2007: 377].

Мышлячье дер. Засыпенской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 40—41], сейчас — дер. Починно-Сопкинск. Бор. Название отражено в Ген. меж. 1780—1785 гг., № 1098 [КГарн], но писцовая документация XVI в. его не знает. Тем не менее, топонимическая форма отсылает к отдаленной древности: по-видимому, это йотово-посессивное производное на базе личн. *Мыслята*. Оно удостоверяется, во-первых, др.-новг. патронимом *Мыслятиниць* в надписи № 210 (2-я пол. XII — 1-я пол. XIII в.) на штукатурке новгородского Софийского собора [Медынцева 1978: 153], во-вторых, др.-чеш. личн. *Myslata*, серб. *Mysleta* [Miklosich 1927: 80—81]. Ойконимические соответствия: *Мыслятина* дер. Корчевского у. Твер. губ., *Мышлятина* дер. в окрестностях Торжка, укр. *Мыслятин* сел. в Тарашинском у. Киевской губ. + дер. на р. Горынь Заславльского у. Волынской губ., *Myślatycze* дер. в Галиции [Vasm. RGN VI 1: 28, 33], *Mysletice* сел. в Моравии [Hosák, Šrámek MJMS II: 110].

Раууча дер. Дубовицкой вол. Ст-Рус. у. на руч. Чернец, впадающем в оз. Ильмень [СНМНГ III: 52—53], сейчас — дер. Наговск. Ст-Рус. Писцовыми книгами данное название, как будто, не зафиксировано, тем не менее оно не является поздним: перед нами йотово-посессивный дериват от личн. **Рауута*. Эквивалентным

ойконимом выступает название дер. **Раиутино** Боровенковск. Ок., ранее — Заозерской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 18—19] (= дер. *Раиутино* Чернышевицкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 130]) при оз. *Раиутино* и рч. *Раиутинка*²⁹, о которых [Шан. РЛЮ: 224]. Личное имя **Раиута* (ср. максимально сходные с ним др.-чеш. личн. *Rachut* [Svoboda 1964: 293], др.-серб. *Рахут, Раиета* [Грк. РЛИКС: 171—172]) легко находит свое место среди дериватов от личн. *Рахъ, Раиша*, хорошо засвидетельствованных др.-слав. письменностью (подр. о них см. в связи с новг. геогр. *Рахово, Раишково*). Прочие межтерриториальные топосоответствия отмечаются у границ средневековой Новгородской земли: *Раиутино (Жилино)* дер. Устюженского у. Новг. губ. + дер. Старицкого у. Твер. губ. 2-й пол. XIX в. [Vasm. RGN VII 3: 550].

НАЗВАНИЯ ОТ ДЕАПЕЛЛЯТИВНЫХ ИМЕН-ПРОЗВИЩ *Льгость, Бързь, Мьнюхъ*

Легоща, или *Легощо*, оз. со стоком в оз. Боровно в среднем течении Мсты, ранее отмеченное в [Шан. РЛЮ: 235] и книгами Дер. пят. конца XV—XVI в. [НПК I: 586; ПКНЗ 4: 92; 5, 20, 21]. Топонимические параллели неоднократно в басс. Оки: трижды *Легоща (Легощъ)* — реки в Рязанской и Орловской обл. и на них одноименные села [Смол. ГБО: 48, 50, 184], кроме них, есть блр. гидроним *Легощ* р. поблизости от Минска и ойконим *Легоща (Легощ)* где-то недалеко от Пскова [Агутаа 1960: 157]. Названия сопоставлялись с личн. *Легоста, Легость* (см. [Агеева 1977: 215; Чумакова 1992: 59]), структуру которого объясняли по-разному: либо из **Льстьгость* путем сокращения первого компонента [Чумакова 1992: 59], либо соединением праслав. преф. **lě-* ‘на роу’ с корнем *gost* [Rospond 1983: 85]. По моему мнению, этот антропоним трактуется как продолжение суффиксально-корневого личн. **Льгость*, образованного с помощью суф. *-ostъ* от корня **льg-*; ср. подобной структуры зап.-слав. (др.-польск.) личн. *Milost, Jarost, Radost, Witost* и др. [Taszycki 1925: 57]. Трактовка данного имени в соотношении с праславянскими адъективами **льgь(jь), *льgькъ(jь)* (в славянских языках их континуанты имеют значения ‘легкий’, ‘скорый, быстрый’, ‘приветливый, приятный’ и т. п. [ЭССЯ 17: 69, 75—79]) позволяет включить в один деривационно-этимологический ряд с геогр. *Легощо, Легоща, Легощ* еще гидроним *Льгоша* р. в Смоленской обл., хотя последнее название авторы этимологического словаря [Там же: 67] считают производным с суф. *-oša* от основы прилагательного **льgь(jь)*. Приведенные топонимы, полагаю, образованы от личн. **Льгость / *Легость* (< **Льгость*), различия огласовок и появление протезы обусловлены ударностью / безударностью редуцированной гласной. Компонент **льgo-* обнаруживается в сложениях праслав. **льgosъrdьjь*, др.-рус. *льгосърдый* ‘незлопамятный’, праслав. **льgostajь*, рус. диал. *легостай* ‘ленивец; озорник; слабый, худой человек’ и др. [Там же: 65, 67], последнее использова-

²⁹ В [СНМНГ IV: 18—19] указано ошибочно: дер. *Раиутино* при оз. *Рамушено*.

лось как прозвище; ср. *Легостаевы* Несвитай и Некрас, 1596 г. [Вес. Он.: 179]. Среди личных прозвищ также известны: новг. *Легота*, *Легкой*, относившиеся к крестьянам конца XV в. в Полоновском пог. Дер. пят. и в Турском пог. Шел. пят. [НПК II: 580; IV: 61], др.-чеш. *Lhán, Lhýš* [Svoboda 1964: 278], характеризовавшие беззаботного, ленивого человека (ср. новг. диал. *лѣга* ‘лентяй’ [НОС 5: 11]). Особенно интересно для рассматриваемого случая личн. *Легость*, извлекаемое из отчества (патронима) *Легостин* Тимофей 1613 г., крестьянин в гор. Соль Вычегодская [Вес. Он.: 179]. Показательны и новг. геогр. *Легошково* (вар. *Леготково*) дер. Н.-Ладож. у. 2-й пол. XIX в., *Легошкино* дер. на р. Тагоща Бельского у. и *Легошевский* (*Легоши*) сел. в Глазовском у. Смоленской губ. [Vasm. RGN V 1: 89], — данные ойконимы обусловлены гипокористиками **Легошько*, **Легошька*, **Легоша*. Учитывая способность отвлеченных существительных порой становиться обозначениями конкретных лиц — носителей соответствующих качеств (ср., к примеру, ст.-рус. *злоба* > прозвище *Злоба*, откуда фамилия *Злобин*), легко допустить, что *Легость* — обыкновенное прозвище, омонимичное апеллятиву-мотиватору, ср. рус. диал. *лѣгость* ‘легкость, облегчение’ [СРНГ 16: 315]. Но равным образом можно предполагать и более хронологические глубокие истоки личн. *Легость*, объединяя его с тем архаическим суффиксально-корневым именем **Льгость* / **Легость*, которое, на мой взгляд, восстанавливается по йотово-посессивным топонимическим архаизмам *Легоща*, *Легощ*³⁰.

Борже дер. в Холмском пог. в Лазоревском стане Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 827]. Ср. личн. *Бързь* в новг. бер. гр. № 850 около XII в. и новгородские прозвища XV в. *Борзук*, *Борзой*, *Борзун* и нек. др. [Вес. Он.: 45; Туп. СДЛСИ: 60] (к др.-рус. *бързыи* — ‘быстрый’); сюда же др.-польск. личн. *Barz*, *Barzy* с XII в. [SP I: 427], др.-чеш. личн. *Bržak*, *Bržoň* [Svoboda 1964: 260], болг. *Бързой*, *Бърза*, *Бързен* [Заим. БИ: 41], др.-серб. *Брз* [Грк. РЛИКС: 46]. Более поздний характер образования показывает новг. геогр. **Борзово** — дер. в Дер. и Беж. пят. [НПК I: 452; VI: 165]. Что касается геогр. **Борзово** дер. Туренского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 387], то оно, по всей видимости, модифицировано из первоначальной формы **Бързѣво* и восходит к архаическому личн. *Бързѣи*, ср. болг. *Бързей*, др.-серб. *Брzej* [Заим. БИ: 41; Грк. РЛИКС: 46].

Менюша сел. на рч. Струпенке Шимской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 110—111] (в списке отдельными пунктами значатся 1-я и 2-я половины этого села), сегодня — дер. *Менюша* Медведск. Шим. По переписи 1710 г. здесь указана *Менюжская пустынь* в дворцовой Медведской вол. в Новг. у. [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8591], более ранние сведения не найдены. Д. Ф. Шанько по-

³⁰ Теоретически имеет право на существование еще одна версия, трактующая личн. **Легость* / **Льгость*, давшее геогр. *Легощо*, как сокращение вероятного композита **Льгogostь*, предсказуемое в силу усечения гласной в исходе первого компонента или гаплогонии. Эта версия существенно ослабляется отсутствием элемента **льg-* в базовом корпусе древнеславянской композитной антропонимии.

мещает в окрестностях села руч. *Мингошский*, п. пр. Струпинки, л. пр. Шелони [Шан. РЛЮ: 484], что является неточной записью гидронима *Менюшский*³¹, образованного от ойконима *Менюша*. Более ранние фиксации имеет дер. *Менюши* Старопольск. Сланц. на рч. *Менюшка*, п. пр. Долгой, л. пр. Луги, северо-западнее оз. Самро. Данный пункт, относившийся в XIX в. к Гд. у. [СНМРИ 37: № 998], отождествляется с одним из селений *Менюша* в Сумерском пог. Шел. пят. Такое название носили в 1498 г. сразу несколько деревень вдоль рч. *Менюша* на территории данного погоста; ср. там же и дер. *Пелеш на Менюше* [НПК V: 139]. Топоним выглядит первоначальным прилагательным, образованным от др.-рус. *мьнюхъ* 'рыба налим'; ср. совр. обозначения налима: *менюх* в северо-западных говорах (смол., пск., твер., калин.), а также близкие *мень*, *менёк*, *мэнтус*, *мёнух*, *мёнуш*, *мёныш*, *мэнтус*, *мэнтюг*, *ментюк*, *ментюх*, *мэнтик* в новг. и других говорах [НОС 5: 81–82; СРНГ 18: 100–112]. Однако вероятно двоякая семантическая трактовка топонима: по отношению к рыбе либо в связи с антропонимом; в зависимости от этого различной следует считать и суффиксацию. Если видеть в *Менюша* производное от обозначения рыбы, то название осмысляется как 'налимья', 'налимье': речь должна идти о старом прилагательном с суф. *-ь/-* относительного значения, указывавшем на речное место, где когда-то хорошо ловились налимы. Данную гипотезу, подразумевающую скорее гидроним, существенно усиливает название рч. *Менюшка* (*Менюша*), которое, кстати говоря, ранее уже осмыслялось в связи с *мень* 'налим' [Попов 1981: 88]. Однако не менее вероятно видеть в *Менюша* (*Менюши*) закономерное посессивное образование с суф. **-j-* от др.-рус. личн. *Мьнюхъ*, раскрывающее былую принадлежность места некоему владельцу или поселенцу. Личное имя (прозвище) *Мьнюхъ* (> *Менюх*) абсолютно прогнозируемо, поскольку в русских диалектах обозначение налима регулярно переносится на сонного, ленивого, малоподвижного человека. Ср. новг. диал. *мень*, *менёк* 'налим', но и 'неповоротливый, ленивый человек' [НОС 5: 81–82]; *мень*: о неповоротливом, неуклюжем человеке (пск., новг., арх.), о ленивом человеке (пск.), о большеголовом человеке (олон.); *ментюх*: о каком-либо неповоротливом, ленивом [СРНГ 18: 110–111], сюда же, на мой взгляд, разговорное *пэнтюх* 'неповоротливый, ленивый человек'³². Подобная ситуация переноса, приводящая к выработке соответствующих прозвищ, имела место и в древности. По актовой письменности сер. XVI в. известен *Менюк* Гаврилов, целовальник [Туп. СДЛСИ: 249], имеется совр. новг. фамилия *Менюхов*, образованная от прозвища *Менюх*. Писцовые книги отмечают новг. ойконимы *Мэнтюхин*, *Менякова Копнино* тож — пункты в Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 361, 366, 484]. Новгородский материал можно дополнить гидронимией *Мнюха* оз. неподалеку от Муром, *Мнино* оз. в Тамбовской губ.

³¹ Появление орфографического фантома *Мингошский* объяснимо ошибочной передачей буквосочетания «ню» буквосочетанием «нго».

³² Есть мнение, что *пэнтюх* преобразовано из христ. личн. *Пантелеймон*, как *олух* — из личн. *Елевферий* [Попов 1957: 34–35].

[Смол. ГБО: 196, 253], ойконимией *Менюхов* — два хутора в окрестностях гор. Новоград-Волынский Волынской губ., *Менухова* дер. Камышловского у. Пермской губ., *Ментихи* дер. под Угличем Ярославской губ., *Мнюхи* сел. в Диснинском у. Виленской губ., возможно, и некоторые другие названия с начальным *Мен-*, см. [Vasm. RGN V 3: 525, 527, 630].

ТОПОНИМИЯ ОТ ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

После христианизации Руси в 988 г. среди восточных славян стали распространяться христианские календарные личные имена. В народно-разговорной среде они подвергались фонематической и фонотактической адаптации, образуя немало вариантов, порой существенно различающихся от древнецерковных оригиналов. Процесс популяризации христианских имен и, следовательно, вытеснения языческих имен происходил длительно, в течение нескольких столетий.

Антропонимический материал новгородских берестяных грамот позволяет проследить на протяжении XI—XV столетий постепенное возрастание удельного веса христианских имен. Широкое обобщение фактического материала показывает рост примерно 20 % за столетие. Если, скажем, взять усредненные показатели доли христианских имен среди разных категорий населения, то выясняется, что в интервале XI — 1-й четверти XII в. христианские имена составляли немногим более четверти «берестяного» антропонимикона, на интервал примерно с 1125 по 1220 гг. приходится более 40 %, с 1220 по 1300 гг. — около 60 %, на XIV в. — более 80 % христианских имен (усредненные цифры получены по данным таблицы 10, приведенной А. А. Зализняком [2004: 213]). Процесс христианизации именника быстрее происходил в группе лиц с высоким социальным статусом (авторы и адресаты берестяных писем); среди этой категории на хронологические интервалы, обозначенные выше, приходится соответственно 41 %, 46 %, 75 % и 89 % носителей христианских имен [Там же]. Произведенную выше статистическую картину допустимо считать отражением в общих чертах реальных процессов в антропонимии центральных (приильменских) древненовгородских земель.

Ранее на основе изучения древнерусских граффити Софийских соборов Киева и Новгорода было констатировано, что процесс вытеснения дохристианских личных имен и усвоения христианских происходил быстрее в Киеве, чем в Новгороде [Вуйтович 1981: 220]. Надо полагать, относительно медленный процесс христианизации именника в Новгороде связан с общей периферийностью новгородской территории, по сравнению с киевской.

Динамика христианизации древненовгородского антропонимикона в данном случае нас интересует применительно к архаической йотово-посессивной топонимии, сложившейся до XIII—XIV вв. на базе христианских имен.

Модель топонимов-дериватов от христианских личных имен при помощи суф. **-j-* представляет собой тот редкий случай, когда хронологические рамки функционирования названий определяются отчетливо — приблизительно три столетия. Нижней хронологической границей, очевидно, нужно признать конец X в., когда была введена практика давать ребенку при крещении официальное календарное христианское имя, первоначально выступавшее дополнением к языческому мирскому имени³³. Верхней границей появления таких названий служит XIII в., когда йотовая притяжательная суффиксация уходит в прошлое.

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ

Игнач Крест (< *Игначь Кръсть*) — древнее ур. в Новгородской земле, место, до которого добрались татары в походе на Новгород весной 1238 г.: «Тогда же гаяшася оканьнии безбожници от Торжку Серегърьскимъ путем оли и до *Игнача креста*, а все люди сѣкуще акы траву, за 100 версть до Новагорода» [НПЛ: 76, 286], но дальше к Новгороду не пошли: «...и они безбожнии въспятишася у *Игнача креста*» (по Новг. 4-й летописи). Местоположение урочища установлено точно: оно находилось в Яжелбицком пог. Дер. пят., о чем свидетельствует озеро с «говорящим» названием *У Игнатцова Кста*, отмеченное под 1495 г. [НПК I: 819] неподалеку от села Яжелбицы. В приправочной книге 1551 г. письма В. И. Калитина озеро обозначено как *Игнатцово во Кстах* [ПКНЗ 5: 98, 99], на совр. карте — это место в Валд. р-не, в 5 км к западу от Яжелбиц у р. Полометь, рядом находятся дер. Поломять, Кувизино, Великий двор³⁴. Исходный смысл топонима понятен: *Игнач Крест* — ‘Игнатов крест’, позднее утвердился более привычный синонимический

³³ Один из ранних примеров двойного имянаречения содержит известная приписка к Остромирову евангелию, написанному в Новгороде в 1056—1057 гг., в которой обозначены имена новгородского посадника: «в крщении Иосифъ, а мирьскы Остромирь». В этом видится проявление древнерусской диглоссии, которая со временем была преодолена применительно к антропонимической формуле тем, что во второй позиции языческое имя функционально переродилось (или — чаще — заменилось) прозвищем; ср. характерные для XIV—XV вв. стандартные антропонимические формулы типа *Иван Постник*, *Степан Зуб*, *Давыд Прибыша* и т. п.

³⁴ Впервые точное местонахождение летописного *Игнач Крест* было определено в 1914 г. Н. Мятлевым [1914: 338—339]. Но были и другие мнения по поводу его локализации: урочище, именуемое *Игнач Крест*, соотносили то с пос. *Крестцы*, уездным центром Новг. губ. (историки Татищев, Карамзин, Соловьев), то с дер. *Игнатицы* Дем. у. на р. Поле, то с дер. *Игнашовка* в верховьях р. Щеберехи, п. пр. Полю в верхнем течении, то наконец с дер. *Татары* Мар. и ур. *Думова Гора* (сейчас пос. *Первомайский*) близ села Молвотицы Мар. р-на (относительно Думовой Горы среди окрестного населения даже укоренилась топонимическая легенда о том, что на ней некогда остановились татары и думали, идти дальше к Новгороду или нет). Все эти мнения сейчас окончательно отвергнуты, поскольку только локализация у Яжелбиц подтверждена письменными материалами. В частности, помимо приведенных выше данных, есть еще упоминание оз. *Игнатцово* в материалах Ген. меж. конца XVIII в., см. [Фролов 2005]. Подр. об Игначе Кресте см. также: [Попов 1981: 154—156; Янин 2004: 205—215].

вариант с притяжательным суф. *-ов-*: *У Игнатцова Кста*. Полагают, что название указывало на каменный крест, поставленный у дороги задолго до татарского нашествия в 1238 г. Это был один из многих крестов, которые стояли в древности или еще стоят в новгородско-псковских землях [Попов 1981: 154]. Сейчас к этому можно добавить только одно: топоним явно указывал на крест, поставленный у развилки важнейших дорог. Здесь, по всей видимости, Селигерский путь от Торжка до Новгорода встречал ответвление отходящей в сторону дороги, вероятно, на юго-запад к городку Демону (причем современное шоссе от Яжелбиц до Демянска главной своей траекторией может проходить как раз по этой древней дороге), а крест служил своего рода дорожным ориентиром или местом поклонения (первое, впрочем, не исключает второго). Превращение топонима *Игнач Крест* в гидроним *Игнатцово во Кстах*, подчеркивающий местоположение озера возле «кстов», тоже намекает на перекресток; ср. в этой связи использование рус. диал. *крест, кресты́, крестá*, др.-рус. *крѣстьци, крѣстьць* для обозначения не только креста, но и дорожного перекрестка [СРНГ 15: 225; НОС 4: 144—145; Мурз. СНГТ 1: 311—312; СлРЯ XI—XVII 8: 41], а также многочисленные топонимы, такие как новг. геогр. *Крестцы* пос., р. ц. Новг. обл. (см.), *Кстечки, Кстищи* и др., которые обозначали селения, возникшие на развилках дорог³⁵.

Скнятинской, иначе *Скнетинской, Шкнятинской, Снятинской, Скнятин*, пог. на Шелони, многократно упоминаемый писцовыми книгами Шел. пят. [НПК IV: 151, 489, 491—502, 508, 536, 538—549, 557; V: 27, 39, 40, 43, 159—162, 165, 188; ПКНЗ 6: 61, 85] и отождествленный с позднейшим пог. *Шнетин* на Шелони [Андрияшев 1914: 199], по «Столистой карте» 1800—1801 гг. — пог. *Шинятин* на правом берегу Шелони в Порх. у. [Неволин 1853: 114]. Сегодня это место известно как старое кладбище, называемое *Шкнятина*, около дер. Замостье под гор. Сольцы Новг. обл.: «В *Шкнятине* уже не хоронят, теперь в Бор возят» [НОС 2010: 1308]. Погост находился у речного порога; ср. упоминание Введенского *Скнятинского* монастыря, «что на *Скнятинѣ порозѣ*» [НПК V: 40]. Следовательно, возникновение данного пункта, надо полагать, было продиктовано необходимостью заложить поселение, контролирующее участок, трудный для судоходства, в те времена, когда благодаря волокам Шелонь была частью водного пути от Пскова к Новгороду.

Наименования *Скнятин* погост, *Скнятин* порог скорее всего преобразованы из йотового посессива **Скнятинѣ/Къснятинѣ*, который выражал принадлежность лицу по имени *Скнятинѣ/Къснятинѣ*; последнее является не чем иным, как устойчивой древнерусской народной формой христианского личн. *Константинѣ*,

³⁵ В древности кресты ставили еще в устьях рек для указания направления, по которому нужно следовать к волоку, или для предупреждения порогов и прочих опасностей. Может быть, в этом ряду номинаций стоит название реки *Панин Крест* опять же в Валд. р-не, т. е. на территории, сопредельной с местоположением древнего *Игнача Креста*. О нем говорится следующее: «Напротив Габы река в озеро впадает, *Панин Крест* называется, на крѣс-то она не похожа, не знаю, почему так называется» [НОС 4: 144].

греч. *Κωνσταντίνος*, лат. *Konstantinus*. Насколько широко популярным являлось это имя в древнерусском языке (популярность его, помимо прочего, может объясняться вероятностью раннего, еще до официальной христианизации Руси, вхождения в древнерусский антропонимикон), настолько значительно оно варьировало и варьирует до сих пор своим фонетическим обликом (так, в [Суп. СРЛИ: 212] собрано до полутора десятков только современных его вариантов). Вариант *Къснятинъ* (*Коснятинъ*) активно использовался среди древнерусской знати. В частности, НПЛ указывает пять знатных новгородцев — носителей данного имени (с. 582); фиксируют его также новг. бер. гр. № 241, 397, 411, 531, причем грамота № 397 конца XII — нач. XIII в. дает особенно интересный в данном случае йотовый посессив «*Къснятиня грамота*» [Зализняк 2004: 453, 751]. Отверждение конечной согласной *н* в названии погоста (**Скнятинъ* > *Скнятинъ*) легко объясняется «подстраиванием» под продуктивную модель ойконимов на *-ин*, таких как *Кошкин Городок* близ верховьев р. Узы в Шел. пят., *Микулин* гор. и т. п. Из топонимических соответствий на иных территориях издревле известны два летописных ойконима: геогр. *Къснятинъ* (вар. *Костянтинъ*, *Константинъ*, *Коснятинъ*, *Скнятинъ*), гор. в Суздальской земле, зафиксированный первый раз летописью под 1134 г. и отождествленный с позднейшим сел. *Скнятин* на Волге при устье Нерли в Калязинском у. Твер. губ. (по [Vasm. RGN VIII 2: 307], — пог. и дер. *Скнятино*, или *Рождественский*, при впадении Нерли в Волгу); геогр. *Кснятинъ* (вар. *Къснятинъ*), гор. на правом берегу р. Сулы в Среднем Поднепровье, упомянутый впервые в 1096 г., позднее ставший селом *Скнятин* в Полтавской губ., см. подр. [Роспонд 1972: 45; Нерознак 1983: 100—101]. Следует добавить к ним еще укр. геогр. *Снятин* сел. на р. Прут на юге Ивано-Франковской обл., впервые упомянутое то ли под 1158, то ли под 1395 г. [Бучко 1986: 53; 1990: 110]. Д. Г. Бучко в более поздней своей работе [1990: 110] склоняется к трактовке последнего ойконима из личн. **Снята* неясной, на его взгляд, этимологии, но скорее всего западноукраинское название должно квалифицироваться по антропонимической базе точно так же, как ойконимы *Скнятин* на берегах Шелони, Волги и Сулы. Как Роспонд, так и Нерознак полагают, что названия древнерусских городов на Суле и на Нерли образованы не от личн. *Къснятинъ*, а от личн. **Къснята* при помощи суф. *-инъ*. Против этого возражает Р. Мароевич, указывая в рецензии на книгу В. П. Нерознака, что вариант **Къснята* в древнерусских источниках нигде не засвидетельствован [Мароевич 1988: 185], см. еще [Мароевич 1997б: 156—157]. Стоит, однако, вспомнить имя киевского воеводы *Коснячько* («и начаша людие говорити на воеводу на *Коснячька*», под 1068 г. [ЛЛ: 166]), которое, похоже, выступает гипокористической модификацией полного личн. *Къснятинъ*, предполагая способность последнего к усечению и суффиксальному оформлению. Вместе с тем нельзя исключить этимологической трактовки вероятного имени **Къснята* на базе адъективной основы *късьн-* (др.-рус. *късьньни* ‘медленный; вялый’, рус. *косный*, см. геогр. *Скново*, гл. 5), расширенной суф. *-ата* (**Късьнята*); ср. аналогичного отадъективного образования личн. *Чьрнята*, давшее ст.-рус. производное *Чернятин*, крестьянин из Тихвина,

XVII в. [Вес. Он.: 352], геогр. *Чернятино* дер. в Твер. обл. Что же касается рассматриваемого названия новгородского средневекового погоста *Скнятин*, для меня все же предпочтительнее этимологическая ориентация на исходное полное личн. *Къснятинъ* как на авторитетный, многократно засвидетельствованный вариант. Оно, в частности, со всей очевидностью извлекается также из геогр. *Скнятиново* дер. на руч. Попов и Телятник в Ростовском у. бывшей Ярославской губ. [Vasm. RGN VIII 2: 307].

Очевидно, рассмотренные др.-рус. антропонимы (*Къснятинъ* либо **Къснята* / **Късьнята*) прослеживаются еще по новг. геогр. *Скнятина* (*Къльщица*) дер. на р. Тверце близ р. Вихленки в Никольском пог. на Вышнем Волочке Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 44], а также по названию дер. *Кошнятино* на рч. Коростовке Астриловской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 10—11], которая отождествляется с одноименной дер. Дретенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 252]. Данные ойконимы скорее должны трактоваться как посессивные образования с суф. *-ино*. К замене *си* на *ин* в геогр. *Кошнятино* ср. варианты названия пог. *Скнятин* / *Шнетин* на Шелони.

Ивань Вымол место в Новгороде, известное по Уставу Ярослава князя «о мостѣхъ» 2-й пол. XIII в. [НПЛ: 507—508]. *Ивань* — посессив от личн. *Ивань*, *Вымол* (*Вымоль*) — употребительный в древнем Новгороде топографический термин (см. по тому же источнику: *Немецкий Вымол*, *Алфердов Вымол*, *Будятин Вымол*, *Матвеев Вымол*) в одном из значений: ‘любое место, возвышающееся над низиной, используемое в качестве межевого знака’ или ‘намытая водой возвышенность у реки’ [СлРЯ XI—XVII 3: 223], новг. ‘исады, пристань’ (устар.), влад. ‘яма, ров, овраг’ [СРНГ 5: 313; Мурз. СНГТ 1: 140]. Имя *Ивань*, одно из самых распространенных, имеет многочисленные йотово-посессивные отражения в топонимии славян. Таково новг. геогр. *Иванье* дер. Нерещкого пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 341] (сегодня здесь оз. *Иванье*, или *Иванское*, басс. Полы, северо-западнее оз. Валдайского). Среди вненовгородских параллелей: *Ивань* гор. Волынской земли, известный по летописному перечню русских городов конца XIV в. [НПЛ: 476] (в более позднем списке, вставленном в текст Воскресенской летописи, дан вариант с отвердением: *Ивань* гор. на Стыри [ПСРЛ VII: 241]); *Ивань* — сел. в Муромском и Суздальском у. Владимирской губ. и дер. на р. Сосне Малоархангельского у. Орловской губ.; *Ивань* — древний погост, бывший в низовьях Северной Двины (по данным [Насонов 1951/2002: 93, 95 и карта]); *Ивань* — дер. и село в районе Слуцка и хут. в окрестностях Мозыря в Белоруссии; *Иванье* — пункты на Волыни неподалеку от гор. Кременец и Дубно и в Галиции [Vasm. RGN III 3: 585]; сюда же гидронимы: *Ивань* — оз. басс. Мологи, впадающее в р. *Ваня* (!) [Шан. РЛЮ: 198] + оз. в верховьях Дона: «Река Дон вытекла из *Иваня* озера» [КБЧ: 77, 118, 120]³⁶. В Чехии

³⁶ На самом деле из *Ивань-озера* (*Иван-озера*) вытекает не Дон, а р. Шаг, п. пр. Упы, п. пр. Оки. Однако в старину представление об этом озере как об истоке Дона было настолько устойчивым, что повлияло на фольклорное именование последнего в казачьих песнях: *Дон Иванович* [Отин 1994: 92—94].

отмечены йотово-посессивные ойконимы *Ivañ* (дважды), *Ivaneš* [Rospond 1983: 77; Nosák, Štárek MJMS I: 332], в Македонии есть *Иване* село близ Скопье, а также с дальнейшим отвердением основы макед. и болг. геогр. *Иван Врв*, *Иван Гроб*, *Иван Дол*, *Иван Тор*, *Ивани Могилы*, в Словении — геогр. *Ivanje selo*, *Ivanja vas*, *Ivanji Grad* [Заимов 1973: 111; Станковска 2007: 381—382].

Почти морфологическим анахронизмом выглядит геогр. **Иваньгород**, или *Иванград* гор. Новгородской земли на устье р. Наровы, = совр. *Ивангород* Лен. обл. Летописи свидетельствуют, что город был заложен весьма поздно — в 1492 г.: «Тое же весны, повелѣнием великого князя Ивана Васильевича, заложиха градъ камень на Нѣмецкомъ рубежи против Ругодива города Нѣмецкого, на рѣцѣ, на Наровѣ, на Дивичьи горѣ, на Слудѣ, четвероуголень; и нарече имя ему *Иваньградъ* въ свое имя» [ПСРЛ 4: 299]. В источниках XVI—XVII вв. город обычно именуется *Иваньгородъ* со склонением обеих частей сложения, ср.: «Ивашка Холопца с *Иваня-города*», «на *Иванегородской* дороге у Вяжищъ» [ПКНЗ 1: 114, 318], «от Великого Новагорода до *Иванягорода* 150 верст», «От *Иваня* ж *города* 10 верст город Яма» и т. п. [КБЧ: 153, 154]. Если город возник в конце XV в., как трактовать архаический облик его названия, содержащего йотовую суффиксацию, которая утратилась еще в XIII столетии? Нельзя, конечно, исключить функционирования посессива *Ивань* и позднее XIII в., но скорее его появление связано с общей спецификой топонимической номинации городов. В данном случае видится использование специализированной древнерусской модели ойконимов-композиатов на *-городъ* (*Новъгородъ*, *Вышьгородъ*)³⁷ с привлечением йотового оформления *Ивань-*, авторитетного уже в силу своей былой продуктивности при именовании крупнейших древнерусских центров по именам князей (*Владимир* — к др.-рус. *Володимѣрь*³⁸, *Ярославль*, *Переяславль* и др., в эту же группу входит и упомянутый *Ивань* на Вольнской земле). Возможно, название города в устье Наровы имело хождение и в более привычной для старорусского периода *-ов-*суффиксации, ср. обозначение его на старинной западноевропейской карте 1695 г. в виде *Iuanogorod* ou ('или'. — В. В.) *Ianovgorod* [Nova Scand. tab.].

Часто обнаруживаются в старописьменной новгородской топонимии йотовые посессивы при христианских именах *Иовъ* и *Яковъ*: **Иевле** — несколько селений в Дер. и Шел. пят. [НПК I: 797, 848, 900; II: 395; IV: 464], **Иевля** дер. Шел. пят. [НПК V: 254], **Яковле** — многие дер. Дер. пят. [НПК I: 44, 274, 446, 463, 541, 570, 788, 882; II: 49, 61, 406, 585, 629], Шел. пят. [IV: 225], Беж. пят. [VI: 148, 183, 190, 255, 275], **Яковльская Нива** Беж. пят. [НПК VI: 368], **Яковльское** [Там же: 183, 416, 462], **Яковля**, или *Яколя*, ул. в Новгороде, отмеченная в XII—XV вв. [НПЛ:

³⁷ В церковнославянском фонетическом «обличье» второго компонента (*-град*) эта модель стала продуктивной в искусственной номинации городов новейшей истории: *Петроград*, *Волгоград*, *Димитровград*, *Зеленоград* и т. п.

³⁸ А. М. Селищев [1968: 72] сообщает, что в народно-диалектной среде гор. *Владимир* до недавнего времени называли *Володимерь*.

23, 208, 364, 374; НЛ: 7, 86, 88, 190, 193, 257, 327, 334, 336] и позднее (получила название по церкви святого Якова). Йотовые посесивы *Иевль*, *Яковль* становились неустойчивыми в позднюю, старорусскую эпоху, и замещались формами с добавлением синонимического суф. *-ев-*. Так, новгородская ул. *Яковля* со временем превратилась в ул. *Яковлева*, дер. **Яковля Гора** в вол. Пирос Дер. пят. 1496 г. в межвековых документах 1780-х гг. предстает пуст. *Яковлева Гора* Рядовской вол. Бор. у., дер. **Яковле** Рютинского пог. Дер. пят. 1495 г. к концу XVIII в. стала сц. *Яковлевское* «дачею при озере Горлановском» в Пиросской вол. Бор. у. [КГарн], сц. **Яковличи** в Поозерье «вопче вел. князю с *Яковом* Захарьичем» 1498 г. появляется в разных источниках XVI—XVII вв. как *Яковлевичи* [МАНк]. Известно, что «дважды посесивная» форма *Яковлев* стабилизировались в качестве одной из самых распространенных русских фамилий.

Аркажь монастырь Успения Богородицы под Новгородом, иначе *Оркажь*, *Аркадиевский*, *Аркажский*, упоминаемый многими средневековыми источниками [НПЛ; НПК; ПКНЗ и др.], в нач. XX в. — дер. *Аркажская Слобода* со смежным пог. *Аркажа* Троицкой вол. [СНМНГ I: 86—87], сегодня — *Аркажи* в черте Новгорода. Название сер. XII в. от христианского имени *Аркадь* (*Аркадии*) основателя монастыря: «Съруби *Аркадь* игумень церковь святыя Богородиця Успение и състави себе манастьрь» под 1153 г. [НПЛ: 29].

Бориша ул. в Русе: «...а половина того двора Васкова Смолкова з *Бориши* улицы» 1497/98 г. [ПКНЗ 1: 122] — старая «йотовая» форма от личного имени *Борисъ*. Не исключено, что *Борисъ* в данном случае имеет отношение скорее не к первопоселенцу, а к церкви в честь русских мучеников *Бориса* и *Глеба*, с которыми связано и устойчивое наименование *Боришь день* — день поминовения этих святых (см. в [НПЛ: 83]: «на канунъ *Бориша* дни»).

Лучье Ржище дер. Ситенского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 587]: здесь посесив *Лучье* (переоформленный из **Луче* по модели топонимов на *-ье*) базируется на христианском личном имени *Лука*.

Романъ Брод дер. (или переправа через реку; ср.: «...С *Романя* Броду платити оброкъ») в Околорусье, по книге Шел. пят. около 1498 г. [НПК V: 43]. К христ. личн. *Романъ* («Романов брод»).

Нащи дер. Ермолинск. Новг., которая в досоветский период входила в Черновскую вол. Новг. у. [СНМНГ I: 98—99], рядом с деревней при железной дороге Новгород — Луга стоял пос. *Нащинский* (*Нащи 2-е*), появившийся со строительством дороги в конце XIX в. В советскую эпоху вырос второй одноименный пос. *Нащи* на 10 км ближе к Новгороду³⁹. Совр. *Нащи* отождествлено [Андрияшев 1914: 6] с дер. «в *Натицахъ*» в пог. Заверяжье в Люболядах Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 1]. Писцовая книга села Паозерья 1572/73 г. указывает здесь дер. *Натца* с именем помещика вблизи дер. Люболят [ПКНЗ 6: 172]. Скорее всего этимологически авторитетным

³⁹ Местные жители для различения этих пунктов именуют ближайший к Новгороду поселок *Нащи 1-е*, а более отдаленный остановочный пункт — *Нащи 2-е*.

в рассматриваемом случае следует признать совр. вариант ойконима (с основой *Наиц-*), поддерживаемый живым произношением, тогда как оба средневековых варианта, нигде более не проявляющиеся, заключают искажения письменного характера: *Наица* ошибочно передает форму **Наица* (смещение похожих букв «иц» и «ти»), запись «*въ Наицахъ*» содержит случайную букву «н» (= **въ Наицахъ*). Сам же ойконим обосновывается как йотово-посессивный дериват на базе личн. *Наста* или *Настъ*; семантически — ‘деревня, принадлежащая Насте (Насту)’. Имя *Наста*, -ъ следует считать одним из усеченных вариантов христ. полного муж. *Анастасиу/Настасиу* в древнерусское время. Усечение до базиса *Наст-* хорошо знакомо в современном женском варианте данного имени — *Настя*. Сходным образом элемент *-ас-* пропадает и в муж. *Афанасий*, давшем, помимо прочих, хорошо известное усеченное (*А*)фоня (< (*А*)фанас). Ср. др.-новг. личн. *Наста* в бер. гр. № 974 конца XII — 1-й четверти XIII в. [Зализняк, Торопова, Янин 2011: 6], др.-польск. личн. *Nastka* [SSNO VII: 162], др.-чеш. *Nasta* [Svoboda 1964: 284], болг. муж. *Насте*, *Насто* XVI в., сокращенные из *Анастас* [Заим. БИ: 164], *Настка* по источнику 1150—1374 гг. («История Венгрии и ее соседей») [Мор. СИ: 134]. С этим антропонимом связаны еще новг. геогр. *Настино* дер. и особенно геогр. *Настовица* поч., известные по книге Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 378, 493], быть может, и волог. *Наст-озеро* оз. на юге Вытегорского р-на [Кузнецов 2010: 144]⁴⁰. Проявление «йотовой» замены *ст* > *иц* в *Наици* свидетельствует о значительной древности названия и связанного с ним поселения.

В целом на фоне топонимов-дериватов от древнеславянских имен, особенно композитных и префиксально-корневых, йотовые географические названия от христианских имен представлены в Новгородской земле сравнительно немногочисленными примерами. Они нередко соотнесены не столько с селениями, сколько с атрибутами селений (монастырь, улица, перекресток дорог, город как укрепление); йотовые посессивы выступают тогда как прилагательные, сохраняющие атрибутивную функцию, не ставшие субстантивами. Во всем этом прослеживается недооформленность подобных наименований, отчасти их случайный характер, объяснимый условиями, когда старая структурно-деривационная модель быстро теряла актуальность, а модель с суффиксацией *-ов/-ев-*, *-ин-* становилась почти всеобъемлющей для христианских имен. Как случайные и исключительные характеризует соответствующие названия и С. Роспонд [Rospond 1983: 415]. Единичность йотово-посессивных топонимов от христианских личных имен разительно расходится с цифровыми показателями последовательного возрастания доли христианских имен на новгородской территории в XI—XIII вв.

⁴⁰ А. В. Кузнецов видит в *Наст-озеро* проявление народного вепсского варианта *Наст* муж. христ. имени *Анастасий*.

ГЛАВА 3

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОИСТОРИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ТОПОНИМИИ С ЭЛЕМЕНТАМИ *-ГОЩ-/-ГОСТ-*

Гость на гость — хозяину в радость.

Пословица

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Повышенный интерес к топонимии с основами *-гощ-/-гост-* проявляли многие исследователи: [Агумаа 1960; Топоров, Трубачев 1962: 127—128 + карта 13; Загоровский 1975; Подольская 1983: 139—141; Микляев 1984; Агеева 1989: 177—181]. Целесообразно в силу значительной специфики данной категории названий, скопление которых в центральных районах исторической Новгородской земли впечатляюще велико и выразительно, рассмотреть отдельно от иных двусосновых топонимов. Ниже предлагается анализ географических названий преимущественно от личных имен-композигов на *-гость*. Знакомая всем славянским языкам топонимия этого типа реализована в подавляющем большинстве случаев в рамках йотовой деривационной модели.

Среди антропонимических сложений личные имена на *-гость* занимают особое место. Они принадлежат к числу наиболее архаических образований в древнеславянском антропонимиконе, отсылая к эпохе индоевропейской древности: известно, что и.-евр. **ghostis* является имяобразующим в германской, греческой и кельтской языковых семьях [Топорова 1996]. Вместе с тем данная основа является типовой, широко используемой в славянской антропонимии и топонимии [Šmilauer 1970: 70; Подольская 1983: 139—141]. Реконструируемые по топонимическим данным имена на *-гость* нередко включает узкоместные, изолированные элементы славянского или даже неславянского происхождения.

До сих пор нет окончательной ясности касательно оформления личных имен с постпозитивным компонентом *-гост-*: они относились к парадигме склонения муж. р. на **-ǫ-* или на **-ĩ-?* В памятниках письменности и в трудах исследователей наблюдается разноречивость в написании второго компонента. Традиционно исходят из морфологического единства всех антропонимических композигов муж. р.: изменяясь по **-ǫ-*склонению, в начальной форме они оканчивались на *-ь*, и в этом плане имена со вторым *-гост-* не составляют исключения. Однако большинство письмен-

ных фактов свидетельствует о конечном *-гость* наряду с *-гость*. Ср. в древнерусских летописях написания *Voigostь* 1115 г. [НПЛ; Син. сп.; Ком. сп.], но и *Voigostь* [НПЛ; Акад. сп.; Толст. сп.], *Доброгость* Галичанин 1211 г., но и *Доброгость* Нарбутович 1497 г. (последние два примера по [Агеева 1989: 178]). Нужно отметить еще три показательных факта из новооткрытых новгородских берестяных грамот, датируемых с конца XI до нач. XIII в.: «Отъ Домагости къ Хотъноу» (№ 902), «отъ Станигости къ Олоучи» (№ 959), «уо Voigosti» [Зализняк 2004: 247; Зализняк, Янин 2007: 6; Зализняк, Торопова, Янин 2011: 6] — в них форма Род. ед. однозначно отсылает к личн. *Домагость*, *Станигость*, *Voigostь* *-ї*-склонения; ср. также новг. геогр. *Вогостино* (подр. см. в *Вогоща*), образованное на базе композита на *-гость*, а не на *-гость*. Учитывая подобного рода свидетельства, Р. Мароевич [1997а: 81; 1997б: 159], например, вообще считает неправильным реконструировать *-гость* и настаивает на *-гость*, полагая, что такие имена изначально относились к основам на **-ї* муж. р. Обращение, в частности, к древнепольским материалам тоже дает несколько противоречивую картину, так, многочисленные фиксации популярного личн. *Dobrogost* показывают обычно исходным **-ō*-склонение (ср. падежные формы *Dobrogost*, *Dobrogosta*, *Dobrogostowi*, дериваты *Dobrogostowa*, *Dobrogostow* и т. п.), но иногда отсылают к **-ї*-основе; ср. *Dobrogoszcz*, *Dobrogostii*, *Dobrogościus* [SSNO I: 487—489]. На мой взгляд, двойственное «обличье» таких имен было связано с процессами их переосмысления. Кажется, этимологически они не были изначально обособлены от остальной массы композитных имен, второй компонент которых, независимо от качества тематической основы, всегда оформлялся по **-ō*-склонению (изначально было **Dobro-gostь*, как и **Dobro-myslь*, несмотря на **gostь*, **myslь* **-ї*-склонения); только таким путем можно трактовать письменные факты типа *Доброгость*. Однако очень рано, еще в праславянский период, личные имена со вторым *-gost-* подверглись влиянию употребительного апел. **gostь*, включившись таким образом в парадигму **-ї*-склонения. О принципиальной вероятности подобного рода «подгонки» (хотя уже не под сущ. *гость*, а под модель христианских личных имен на *-ий* типа *Дмитрий*) свидетельствует, к примеру, личн. *Доброгостий*, имя литовского воеводы 1399 г., или др.-польск. *Dobrogostii*, см. выше. Ко времени появления старейших письменных памятников на древней новгородской территории господствовали композитные имена с «мягким» исходом на *-гость*, ибо только они практически и отражены письменностью. Поэтому, принимая в расчет эти соображения скорее хронологического порядка и преследуя цель единообразия, целесообразно давать оттопонимные реконструкции таких имен с конечным *-гость*. Праславянские же прототипы реконструируемых личных имен будут восстанавливаться с исходом на *-gostь*, в соответствии с этимологией.

Обращусь далее к лингвистическому анализу топонимии с *-гоиц-/гост-* и антропонимии, стоящей за ней. Количество таких названий в изучаемом регионе Новгородской земли и на сопредельных землях Русского Северо-Запада велико, но обозримо (менее сотни), поэтому целесообразно так или иначе вовлечь в краткое рассмотрение по возможности весь массив этих любопытных древних образова-

ний. Вначале анализируются географические названия от личных имен, которые засвидетельствованы в самостоятельном употреблении у славян, затем рассматриваются названия от имен, не зафиксированных письменностью, но восстанавливаемых с достаточной степенью надежности, далее изучается группа топонимов с неоднозначно трактуемыми первыми компонентами.

НАЗВАНИЯ ОТ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННЫХ ИМЕН

Будогощь пос. в Кириш. р-не на р. Пчевжа, п. пр. Волхова; в нач. XX в. на месте совр. поселка значились дер. *Большая Будогоща* и *Малая Будогоща* Васильковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 34—35]. По-видимому, идентифицируется с дер. *Быдовица* в пог. Петровском на Пшогже Обон. пят. сер. XVI в. [ПКНЗ 2: 138]. Кроме того, на р. Пчевжа к востоку от пос. *Будогощь* ранее существовал еще один пункт с близким названием — **Будогоща** ус. Недашецкой вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 86—87].

Представляется, что оба пункта некоторым образом исторически связаны, а их названия сводятся к личн. *Будогость*. Последнее скорее следует считать морфологическим вариантом к праслав. **Budigostь*, показывающему основу глагола **buditi* (> рус. *будить*). Ср. др.-чеш. личн. *Budihost* и с другими апофоническими вариантами этого корня — личн. *Bdihost*, *Bed(i)host*, др.-польск. *Bedgost*, *Bdzigost* (к **bъděti*) из собраний: [Svoboda 1964: 72, 94; SSNO I: 115]¹. Среди межславянских топонимических параллелей отмечаются: геогр. *Будагощ* под Оршей, Белоруссия, *Будагоща* (*Будоговищи*) близ Тулы, *Будогощь* между Орлом и Брянском, геогр. *Budihošt* (нем. *Budigast*) у лужицких сербов, *Bedihošt* в Чехии, *Bydgoszcz* гор. в Польше, известный с 1239 г., *Bietegast* в Германии (< полаб. **Bydъgost-jь*), *Budihošt* в Словении (сравнительный материал по: [Arumaa 1960: 153—154; Rospond 1983: 51—52; Rymut 1987: 45; Vasm. RGN I 3: 563; Жучкевич 1974: 40]). Расхождение финальных гласных первых компонентов, отраженное перечисленными топонимами и антропонимами, имеет, как будто, ареальный характер: на востоке славянства обычно наблюдаем *Будо-*, на западе — *Budi-* (но ср. в Чехии геогр. *Budihostice* с вариантом *Budohostice* [Prof. MJ I: 200—201]). Возможно, *o* — новая гласная, развившаяся после усечения *i*, или здесь проявляется изначальное различие образующих сложение именной и глагольной основ.

¹ Нельзя не обратить внимания также на указанное исследователями полаб. личн. *Bandegast* [Svoboda 1964: 72], наряду с полаб.-помор. *Bqdislav*, польск. *Będomir*, *Bqdzieciech* и др. [Schlimpert 1978: 13; SSNO I: 131]. Эти личные имена заключают основу буд. вр. **bqdetь*, рус. *будет*. Поэтому не исключено, что оттопонимный реконструкт *Будогость* (по геогр. *Будогощь*) генетически связан с разными корнями, которые после утраты носовых формально унифицировались. Исторические топонимические варианты со слогом *Бы-* (*Быдовица*, *Будогоща*, к ним и польск. *Быдогощ*), как кажется, позволяют еще увереннее говорить о корне **bqđ-*, знающем такое колебание, ср. *будто* и диал. *быдто*.

Велегощи дер. Вольногорск. Бат. в истоках Луги, в нач. XX в. — дер. Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 78]. Первое упоминание под 1568 г. — *Велегоща* дер. Климентовского Тесовского пог. и Полянской вол. Вод. пят., по более поздней документации XVI—XVIII вв. прослеживаются также варианты *Велегощ*, *Велигощи*, *Велегощи*, *Велиоща*, *Вегоща* [Селин 2003: 131, 144]. Параллельный топоним в Новгородской земле локализуется в Южном Приильменье, на юге бывшего Ст-Рус. у.: геогр. **Вельгош** [Пылаев 1929: 37], или *Вельгошка* [Шан. РЛЛО: 138], — л. пр. Хобольки, п. пр. Рогатки, п. пр. Ловати. Названия возводятся к личн. *Велегость* (: **velǫjь* ‘большой, великий’). Ср. личн. *Velegost* из документации поморских и полабских славян [Schlimpert 1978: 152] и др.-болг. *Велегост*, *Велигост* [Займ. БИ: 45—46], наряду с однотипными польск. *Wielemysl*, *Wielislaw*, *Wielobor* и т. п. Топонимические параллели на восточнославянской территории представлены геогр. *Вельгоща* р. в притоках Снова басс. Десны, *Вильгоща*/*Вельгощ* сел. близ Луцка на Волини, *Велегоща* р. басс. Оки в Подмосковье, вероятно, *Велеговиши* дер. на Оке близ гор. Алексин Тульской обл. На западе и юге славянского мира известны: полаб. геогр. *Velegošč*, откуда нем. *Vehlgast* — два пункта на северо-востоке Германии, польск. *Wielgoszcz* оз. в басс. Вислы и там же *Wilgoszcza*/*Wilkoszcza* сел., *Velichošt’* (*Velhošt’*), два пункта в Чехии, *Велгошти* сел. в Македонии близ Охрида, геогр. *Velagošti* в Албании, *Βελγώστης* (< слав. **Veligostjь*) в Греции на полуострове Пелопоннес; по материалам: [Rospond 1983: 144—145; Babik 2001: 606; Arutaa 1960: 167; Топоров, Трубачев 1962: 217; НВ: 257; Мор. СИ: 34; Смол. ГБО: 111; Купчинский 1981: 149; Чумакова 1992: 59; Займов 1973: 81; Станковска 2007: 380].

Видогощь дер. Ермолинск. Новг., вар. *Видогощь* (в местном говоре). В нач. XX в. здесь значилось несколько близлежащих пунктов Трясовской вол. Новг. у.: дер. *Базловская Видогощь*, или *Базловка*, дер. *Видогощь*, или *Боровая*, дер. *Жилая Видогощь* и выселок *Видогощь* [СНМНГ I: 92—93]. Все они смежны с рч. *Видогощь*, л. пр. Веряжи, притока оз. Ильмень. Впервые рч. *Видогощь*, или, по [Шан. РЛЛО: 506], — *Видогоща*, отмечена в двух новгородских актах 1389—1391 гг. [Янин 1991: 215]. Так, в акте № 107 сообщается, что земли по р. *Видогоща* и рыбные угодья отданы частично в собственность Спасскому Верендовскому монастырю: «А паозеричанамъ і веряжанам без игумена повелѣнья в *Видогощу* реку не вѣзжати запаса добывати. А что Есифа посадника земля, и лѣсъ, і пожни его участокъ или иныхъ нашей братьи боярь по *Видогоще* реки, а в то ся чернцамъ не вступатца» [ГВНП: 164]. Права монахов Верендовского монастыря на часть угодий по р. *Видогоща* подтверждены и грамотой № 109 [Там же: 165—166]. О церкви «Преображение Господне на *Видогощи*» упоминает Новг. 3-я летопись под 1407 г. [НЛ: 251]; под 1561 г. летопись сообщает: «горѣло на *Вѣдогоши* монастыри» [Там же: 93]. Кроме того, рч. *Видогоща* рядом с *Видогощской* дорогой, известна по книге оброчных пожен Великого Новгорода 1539—1540 гг. («с *Видогощи* реки, против *Видогощской* дороги») [ПКНЗ 1: 353], а также по писцовой книге 1572/73 г., которая содержит и первое упоминание

о прилегающей к речке дер. *Видогоша* Сутоцкого пог. Шел. пят. [ПКНЗ 6: 165, 170, 171]².

Видогоща дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 250] (к юго-западу от гор. Старая Русса). Сегодня в данной местности Южного Приильменья отмечен руч. *Видгося*, л. пр. Полисти [ЛЗап], протекающий у дер. *Виджа* на р. Полисти в Святогоршк. Ст-Рус. (= дер. *Виджи* дер. на руч. Безымянном в Астриловской вол. Ст-Рус. у. 1909 г. [СНМНГ III: 10—11]). Все эти названия связаны общностью происхождения: гидроним *Видгося* через промежуточную форму **Видгоша* (которая демонстрирует обычную утрату гласной первого компонента и изменение *щ > ш*) безусловно продолжает средневековую *Видогоща*, а *Виджа* (*Виджи*) появилось либо путем усечения пары срединных слогов в средневековой форме, либо образовалось от личн. *Вид(о)га* — усеченного гипокористического варианта того же имени, к которому восходит и *Видогоща*.

Ручей, называемый **Видогоща**, отмечен в нач. XX в. на южном побережье оз. Ильмень — в Коростынской вол. Ст-Рус. у. [Там же: 69], более ранних сведений о нем нет. Кроме того, в Деманском пог. Дер. пят. писцовая книга 1495—1496 гг. указывает дер. **Видогоща** [НПК II: 552], ставшую пуст. *Видоговша* Ст-Рус. у. к концу XVIII в. [ИАДП I: 154]; судя по описанию сопредельных пунктов, она находилась поблизости от совр. р. ц. Демянск Новг. обл.

Изложенные топонимы обязаны своим появлением архаическому личн. *Видогость*, зафиксированному самостоятельно у западных славян: польск. *Widogost*, чеш. *Vidhost*, которое находится в ряду антропонимических композитов с начальным элементом *Vid-* (*Vidomirь*, *Vidoslavь* и др.). Топонимические параллели есть на других территориях: геогр. *Видогоща/Видогощи* дер. и оз. в районе Твери, Корчевский у., *Видогощ* р. басс. Свислочи близ Минска [Arumaa 1960: 167], геогр. *Vidhošt'* и *Vidhostice* в Чехии, *Widogoszcz (Wydgoszcz)* сел. в Польше к юго-западу от Лодзи, луж. *Vidogošć* (нем. *Wedegast*) в Германии недалеко от Магдебурга [Rospond 1983: 147; Svoboda 1964: 91; Prof. MJ IV: 538—539] (см. также карту 5).

Витогощи дер. на р. Хотынке, л. пр. Мшаги, л. пр. Шелони, упоминается во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 37]; позднее на месте этого пункта материалы межевания конца XVIII в. под № 1096 показывают деревню со слегка видоизменившимся названием *Видогощи* на р. Хотынке [Андрияшев 1914: 30]. К личн. *Витогость*, такое имя М. Морошкин [Мор. СИ: 41] находит в одном западнославянском (чешском?) источнике. Неподалеку от Киева отмечалось

² Приправочная книга 1551 г. при описании Рютинского пог. Дер. пят. (территория близ оз. Пирос к югу от гор. Боровичи) сообщает о пунктах *Видогощи* («А земля в том поместье в дву деревнях в *Видогощах* добра»), принадлежавших Дербышу и Федку Отяевым [ПКНЗ 5: 207]. Эта же книга страницей ранее указывает, что Дербыш и Федко Отяевы владели поместьями не только в Рютинском, но и в Сутоцком погосте Шел. пят. [Там же: 206]. Следовательно, надо полагать, упоминаемые *Видогощи* имеют отношение не к Рютинскому, а к Сутоцкому погосту возле Ильменя, где локализируются р. *Видогощ* и одноименная деревня, хорошо известные по целому ряду других исторических документов.

геогр. *Vitogoſc* дер., а на бывшей территории полабских славян — геогр. *Vitogoſč*, или нем. *Vietgast*, см. [Агумаа 1960: 167; Rospond 1983: 147].

Вогоща л. пр. Тишинки, л. пр. Шелони, по [СНМРИ 34: № 10710] — *Вагоща* в Порх. у., фиксируется впервые под 1539 г. [НПК IV: 245]. Правы А. И. Попов [1981: 112] и П. Арумаа [Агумаа 1960: 168], выводящие гидроним из личн. *Воегость* / *Воигость*; новгородец с таким именем упоминается летописью под 1115 г. [НПЛ: 20, 204]. Ср. еще личн. *Воигость* из новг. бер. гр. № 974 конца XII — 1-я четверти XIII в. [Зализняк, Торопова, Янин 2011: 6], *Воуго[сть]* из надписи 2-й пол. XI в. — 1-й пол. XII в. на штукатурке в Софийском соборе Новгорода [Медынцева 1978: 91]. Антропонимия с препозитивным компонентом **voj-* (значение 'воин') присутствовала в древненовгородской диалектной области; ср. личн. *Воеславъ* / *Воиславъ* в бер. гр. № 50, 509, 531 [Зализняк 2004: 720], а также *Воинѣзь*, *Воимѣрь*, обусловившее новг. геогр. *Вонѣжица* р., *Вонижицы* дер., *Воимеричи* дер. (подр. анализ этих топонимов дан в гл. 4).

Личн. *Воегость* / *Воигость* далее следует извлечь из ойконима **Вогостицы** дер. Ясенского пог. Шел. пят. под 1498 г. [НПК IV: 156], *Вогостицы* под 1575/76 г. [ПKNЗ 6: 185], = *Вагостицы* дер. и ус. при колодце в Ясенской вол. Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11701, 11702]; слог *Во-* в этом названии (впоследствии *Ва-* благодаря псковскому аканью) иллюстрирует сокращение препозитивного компонента: *Воје-* > *Вој-* > *Во-*, какое наблюдается и в геогр. *Вогоща* (< **Воугоща*). На оз. Селигер, на стыке Кравотынского и Волоховщинского плесов (к северу от Осташкова), лежат остров и рядом полуостров **Вайгош**, или *Войгож* (согласно краеведческому изданию [Иванов 2003: 36]): данный ороним, очевидно, тоже обосновывается на базе личн. *Воигость*. Без всякого сомнения следует соотнести с данной антропонимической базой также геогр. **Вагошка** дер. на оз. Которское в Гд. у. [СНМРИ 37: № 990]. Нужно далее указать название дер. **Вогостино** Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 260] (позднее — поч. *Богоскин* 1539/40 г., пуст. *Погоскина* 1791 г. [Селин 2003: 163]), оформленное не характерным для имен на *-гость* притяжательным *-ин-* более поздней эпохи, — это вероятный показатель длительного употребления личн. *Воегость* на новгородской территории. Характерный для новгородских земель антропоним нашел слабое отражение в топонимии остальных частей славянского мира, где известны лишь р. *Воегощъ* (вар. *Воегоща*, *Воегощенка*), л. пр. Амоньки басс. Сейма, и на ней дер. *Воегоща Верхняя* и *Воегоща Нижняя* Рыльского у. Курской губ., укр. *Воегоще* сел. близ гор. Ковель на Волыни, известное с сер. XVI в., см. [Агумаа 1960: 168; Топоров, Трубачев 1962: 126; Vasm. RGN II 1: 131; Шульгач 2001a: 28; Яценко 1974: 19—20].

Очень приблизительно локализован (среднее течение Мсты) ойконим, извлеченный из новг. бер. гр. № 614 (последняя треть XIII в.) в форме локатива: «во *Доброкостечи*х». Начальный облик его восстанавливается в виде *Доброкостьци*, а скорее все же как **Доброгостьци** (мена *г* на *к* обусловлена, видимо, особенностями произношения автора грамоты; ср. в ней же написание еще одно-

го названия «*Своподь*» вместо «*Свободь*» [Зализняк 2004: 499—500]). Менее вероятно видеть здесь локативную форму геогр. *Доброгостичи*, отпатронимного названия на *-ичи* (при допущении описки «е» вместо «и»). Ойконим обусловлен популярнейшим древнеславянским именем *Доброгость*, распространенным ранее среди всех групп славян: др.-польск. *Dobrogost* и производные, др.-чеш. *Dobrohost*, а также полаб.-помор., словац., сербохорв., см. [Schlimpert 1978: 41; Svoboda 1964: 74]. Древнерусской письменностью, как указывалось исследователями [Агеева 1989: 178], упомянуты: воевода червенский *Доброгость* (1205 г.), *Доброгость* Галичанин (1211 г.), воевода литовский *Доброгостий* (1399 г.), *Доброгост* Нарбутович (1497 г.)³. Йотово-посессивная и иных деривационных моделей топонимия, обусловленная праслав. личн. **Dobrogostь*, рассеяна по всему славянскому миру. Это блр. геогр. *Доброгост* (*Доброгостце*, *Доброгости*, *Доброгостица*) — селения в районе Минска, Пинска, Витебска, Бреста, укр. *Доброгориста* неподалеку от гор. Каменец-Польский, *Доброгостів* (*Dobrohostów*) близ Дрогобыча и *Доброгостце* в Галиции, ойконимы *Dobrohošť* трижды в Чехии, *Dobrogoszcz* сел. в трех поветах Польши + оз. в басс. Вислы, *Dobergáz* в Словакии, *Döbrögös* в Венгрии (< словац.), нем. *Dobergast* в Восточной Германии (< др.-луж.), южн.-слав. *Dobrogošće* в Славонии (Хорватия) и на территории Герцеговины; по материалам: [Жучкевич 1974: 102; Rospond 1983: 65—66; Arumaa 1960: 155; Микляев 1984: 32; Худаш, Демчук 1991: 65; Svoboda, Šmilauer 1960: 158; Hošák, Šrámek MJMS I: 182; Vasm. RGN III 1: 39; HW: 772, 306].

Домагоща водоем в верховьях Лиди, л. пр. Чагоды, при котором стояла дер. «на *Домагоще* на бору» Егорьевского пог. в Койгушах Обон. пят. конца XV — 1-й пол. XVI в. [ПКОП: 51]; под этим же названием указывалось еще озеро в басс. Мологи [Неволин 1853: 256]. К архаическому личн. *Домагость*, которое удостоверяют новг. бер. гр. № 902 конца XI — нач. XII в. [Зализняк 2004: 733] и зап.-слав. письменный источник: др.-чеш. *Domahost* [ЭССЯ 5: 67]. Ср. др.-рус. геогр. *Домагощь* гор., упоминаемый Ипатьевской летописью под 1147 г. [ПСРЛ II: 342] (по мнению некоторых исследователей, это др.-рус. селение следует локализовать неподалеку от Брянска и Карачева, см. [Насонов 1951/2002: 203]). Согласно П. Арумаа, топоним *Домагощь* известен еще в Тульской губ. [Arumaa 1960: 155].

Дорогощи дер. южнее Бокситогорска Лен. обл., которая в нач. XX в. отмечена на руч. Зубакинском в Анисимовской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 10—11]; соотносится со средневековыми *Дорогоща* или *Дорогоща-Вяткино* — деревнями пог. Михайловского на Черной Обон. пят. 1495 г. [ПKNЗ 1: 144] (книга Обон. пят. 1582—1583 гг. указывает на их месте дер. *Дорогощи* и *Дорогоща-Подгорье*).

³ В качестве прозвища, антонимичного популярному др.-рус. имени *Доброгость*, в старорусский период встречалось *Злыгость*, давшее фамилию *Злыгостев* (отмечена вологодским документом 1629 г. [Чайкина 2005: 225]). Данное прозвище (в виде *Злогость*) встречалось и в болгарских землях, отразившись в болг. геогр. *Злогош* (турецк. *Излогоши*) и *Злогощица* [Займов 1973: 110].

Холм, см. [Неволин 1853: 184 прил.]). *Дорогоща* р. в верховьях Мологи; ранее с этой рекой, надо полагать, были смежны сел. *Дорогоща* в Каменском стане в Бежецком Верхе и *Дорогожская (Дорогощинская)* вол. в Бежецком Верхе [ПКНЗ 3: 233, 234]. Названия образованы от личн. *Дорогость*, структура которого, однако, не очевидна. Во-первых, допустимо считать это имя продолжением праслав. формы **Dorgogostь*, испытавшей гапологию (-*gogo-* > -*go-*); эта гапология, разумеется, случилась на дотопонимическом уровне. Ср. рядом с вост.-слав. именем *Дорогость* др.-польск. личн. *Drogost* [SSNO I: 523] и зафиксированное документом 1374—1382 гг. др.-луж. *Drohost* [Schlimpert 1978: 45]. Г. Шлимперт [Ibid.] трактует др.-луж. *Drohost* в ряду одноосновных личных имен с суф. -*ostь* (ср. зап.-слав. *Dobrost, Milost, Radost* и др.), хотя не исключает и исходного **Drohohost*. Напротив, С. Роспонд [Rospond 1983: 70] связывает этот антропоним с именами на -*gostь*, серьезно обосновывая свое мнение наличием топонима *Dargogošč* в Польском Поморье. Продолжения праслав. **dorg-* в качестве препозитивного компонента двусловных антропонимов встречаются часто; ср., например, известные по бер. гр. № 398 и Ст. Р. 16 личн. *Дорогобудь, Дорогоньгь* [Зализняк 2004: 734], вост.-слав. *Дорогомил*, южн.-слав. *Драгомил, Драголюб, Драгомилр, Драгослав* [Суп. СРЛИ: 171—172] и т. п. Во-вторых, личн. *Дорогость* можно отнести к разряду деапеллятивных имен; ср. др.-пск. *дорогость* ‘дороговизна’ в Псковской 1-й летописи под 1314 г. [Срезн. МСДРЯ I: 707], болг., макед. *драгост* ‘радость’, ‘приятность’, сербохорв. *драгѠст* ‘приятность, прелесть’, ‘дороговизна’, словен. *dragôst* ‘драгоценность, дороговизна’, чеш. *drahost* ‘дороговизна’ и др. [ЭССЯ 5: 76].

Новг. геогр. *Дорогощи, Дорогоща* находят параллели в иных славянских регионах: *Дорогощ* дер. на р. Ворсклица неподалеку от Курска [Arutaa 1960: 155], укр. *Дорогоща* (по-польски *Dorohoszcza*) сел. в бывшей Волынской губ. [Vasm. RGN III 1: 81], геогр. *Dargast* или *Dargogošč* в Германии на бывшей территории поморских славян, геогр. *Dragošč*, а также *Dragoš* (раньше *Dargogošč*) в Македонии, слав. *ДрагѠтѣ* в Греции [Rospond 1983: 70]. К числу параллелей можно отнести еще ойконим *Drážgoše* в Словении, который обосновывается личн. **Dražigostь* [Snoj ESSZI: 126]. Вместе с ними к личн. *Дорогость* возводится также название новгородской дер. *Дорогостицы* Горск. Сол. на рч. Леменке, п. пр. Шелони, ранее относившейся к Запольской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 11205]. Дер. *Дорогостицы*, обозначенная и на старых картах XIX в. [ВТКЗверст; КСтрельб], отождествляется со средневековым пунктом *Дорогоспицы*, который фигурирует в новгородской рядной грамоте сер. XV в.: «А потомъ не вступатся ⟨...⟩ ни на Шолони в болшеи дворъ, ⟨...⟩ ни на Подубровьи, ни в *Дорогоспицы*, ни на Короцины, ни на Пшаги» [ГВНП: 181, гр. № 122]. Здесь *Дорогоспицы*, безусловно, искаженная передача ойконима. Писцовая книга Шел. пят. 1498 г. дает еще один вариант ойконима — *Дорогожицы*, связанный с этой деревней, бывшей тогда в составе Илеменского пог. 1498 г. [НПК V: 175, 181]. *Дорогожицы*, похоже, репрезентирует йотированную основу *Дорогощ-*, ср. наименование вол. *Дорогожская (Дорогощинская)* в Бежец-

ком Верхе (см. выше), отсылающее к йотовому посессиву от личн. *Дорогость*. Возможно, в форме *Дорогожицы* контаминированы йотово-посессивный и патронимический дериваты, но в любом случае она вторична относительно вар. *Дорогостицы*.

Желегоща п. пр. Мсты близ Вышнего Волочка [СНМРИ 43: № 3175]. К др.-слав. личн. *Желѣгость / Желегость*, первый компонент которого соотносится с прасл. **želěti* ‘желать, хотеть’, др.-рус. *желѣти* ‘то же’ и ‘скорбеть, оплакивать’, *желя* ‘печаль, скорбь’ [СлРЯ XI—XVII 5: 84, 87]. Имя отражено источниками: др.-польск. *Żelgościc* (патроним), др.-луж. *Żalgost* (в источнике 1381 г. *Salgast*), болг. *Желигост*, см. [SSNO VI: 361; Schlimpert 1978: 162; Заим. БИ: 104]. Не редкость межтерриториальные топосоответствия к новг. геогр. *Желегоща*, к которым относятся: ойконимы *Żeligoszcz* в окрестностях гор. Гостынин и *Żelgoszcz* близ гор. Старогард-Гданьский в Польше, а также польск. гидронимы *Żelgoszcz* оз., *Żelgoszczek* оз. и *Żelgoszczówka* р. в басс. Вислы, нем. *Sallgast* (< луж. *Żeligošt*) сел. близ пункта Луккау в Германии, геогр. *Želigošt* славянского происхождения на территории Греции (давнее греч. *Ζηλεόστη*), см. [Rospond 1984: 154; HW: 445; Vasmer 1941b: 39; Заимов 1973: 108; Górniewicz 1985b: 167—168]. Каталог гидронимов Поочья [Смол. ГБО: 55] дает еще *Залегощь (Залегощенка)* р. близ Орла и на ней села *Верхний Залегощь* и *Нижний Залегощь* (из первоначального геогр. **Жалегощь / *Желегощь*).

Любегощи село в районе Весеьгонска, = *Любегоща* дер. в Бежецком Верхе 1570-х гг. [ПКНЗ 3: 217]. К личн. *Любигость*, ср. др.-польск. личн. *Lubgost* [SSNO II: 238], др.-чеш. *L'ubohost* (а также луж., сербохорв.), см. [Svoboda 1964: 78] (в собрании Морошкина [Мор. СИ: 114] указано личн. *Любгость* по чешским и моравским документам XI—XII вв.). С обратным расположением компонентов ср. новг. геогр. *Гостелюбле* (см.). Приводят два десятка параллельных названий во всех частях древней и современной Славии: *Любегощ*, или *Любогощь*, *Любегоща*, две рч. в басс. Десны, л. пр. Днепра, *Любегоща* сел. неподалеку от Смоленска, *Любегостья* и *Любегостья* — рр. среди притоков Угры, Смоленщина, *Любегоща* р. со смежными сел. *Любегоща* и оврагом *Любегощинской* в басс. Упы в Поочье (Тульская обл.), *Любоц-Любогощ* р. неподалеку от Дмитровска-Орловского и *Любоца* (< *Любогоща*) р. в окрестностях Брянска. Два таких топонима есть в Чехии (геогр. *Libohošt*, *Libhošt*), два в области проживания серболужичан (луж. *Lubhosć* и нем. *Laubegast* из др.-луж. *Lubogošt*), три у древних славян на территории Баварии (геогр. *Leubegast*, *Lubegast* и *Oberlubegast* из др.-нем. письменности), три в Польше (геогр. *Lubogoszcz* в поветах Глогув, Щецинек и Карпузы и *Lübgust* р. среди притоков Балтийского моря), есть еще нем. *Lübgast* в Штирии, Австрия (< др.-словен.) и сербохорв. *Ljubogošta* сел. близ Сараево в Боснии; по: [Vasm. WRG III: 160; Arumaa 1960; Смол. ГБО: 40, 77; Rospond 1983: 87; Hosák, Šrámek MJMS I: 525; Rzetelska-Feleszko 1987: 58; Babik 2001: 433].

Людогоща ул. Софийской стороны в Новгороде, впервые упоминаемая летописью под 1230 г. Данный урбаноним в различных вариантах (*Людѣгоща*, *Людгоща*,

Люгоща, Лугоща, Легоща, Лягоща) часто фиксируется летописными источниками XIII—XVI вв. [НПЛ: 361, 374, 383, 393, 400, 409, 460, 462; НЛ: 18, 38, 43, 58, 106, 116, 120, 128, 243, 248, 259, 273, 320, 460; НПК III: 112, 339, 464, 481; V: 13, 31, 45, 154] и более поздней документацией. Восходит к др.-слав. личн. *Людьгость/Людогость*, которое было в ходу в северной зоне восточного славянства. Ср. содержащий это имя патроним *Людьгостиничь* («Михаль пьсалъ *Людьгости[ничь]*») из надписи № 224 2-й пол. XII в. в новгородском Софийском соборе [Медынцева 1978: 161]), а также геогр. *Людогощ* дер. на р. Сож неподалеку от Мстиславля на Могилевщине [Vasm. RGN V 2: 296]. Соответствующее имя знакомо, кроме славян, также германцам: др.-в.-нем. личн. *Liudigast* [Топорова 1996: 197]. Компонент **L'ud-* ('люди, народ') принадлежит базовому фонду др.-слав. антропонимов-композитивов: чеш. личн. *Ljudislav*, польск. *Ludzislaw*, чеш. *Ljudmir*, польск. *Ludomir*, *Ludomer*, чеш. *Ljudmil*, польск. *Ludmila*, *Ludzimila* и др. [Svoboda 1964: 78; SSNO III: 293—294], рус., болг. *Людмила*, *Людмил*, сербохорв. *Ljudevit* и др. Перечисленные варианты новгородского урбанонима отражают существо преобразований исходной посессивной формы *Людьгоща/Людогоща*, а именно характерную утрату гласной в конце первой части сложения с дальнейшим упрощением образовавшегося консонантного сочетания. Вариант *Легоща* возник, по-видимому, благодаря специфическому сближению с известным в Новгородской земле гидронимом *Легоща* (см.).

Кроме ул. *Людогоща*, элемент *люд-* также отразился в наименовании одного из «районов» средневекового Новгорода — *Людина* конца. Исконное название этого конца *Людинь* (см. сообщения летописи: «а после и *Людинь* конец погорѣ» под 1194 г., «поиде съ *Людинемь* концемъ» 1218 г., «*Людинь* коньць и загородьци» 1220 г. и др. [НПЛ: 58, 60, 234, 415, 416] и новг. бер. гр. № 954 1-й пол. XII в.: «коньць вхъ *Людинь*» [Зализняк, Янин 2006: 4]) выступает йотовым посессивом от др.-рус. *людинь*, семантика которого не очевидна. *Людинь* обычно осмысляют как 'свободный человек', 'простолюдин' (в «Русской Правде») или 'мирянин', см. [СлРЯ XI—XVII 8: 343]; ср. еще геогр. *Людиново* в Калужской обл., которое В. А. Никонов [1966: 245] возводит к некоему личн. *Людинь*. Вместе с тем вряд ли стоит игнорировать возможность этнонимического объяснения, если вспомнить о прибалтийско-финском племени людиков, которые сегодня проживают у Онежского озера и составляют часть карельского народа со своим особым диалектом, подр. об этом [Яйленко 1989: 130—141]. В сближении *Людина* конца с *людиками* особенно подкупает то, что оба данных имени, географическое и этническое, в конечном итоге скорее всего родственны слову *люди* (при помощи этого слова объясняли этноним *людики* известные финноугроведы, например Д. В. Бубрих [1948: 44], см. еще [Попов 1973: 84—85; Агеева 2000: 155]).

Миголощи дер. Миголощинск. Хв., ранее — сел. *Миголоща*, волостной центр Бор. у. [СНМНГ VI: 68—69], с которым были смежны одноименные погост и ручей. В материалах Ген. меж. 1780–х гг. под № 2074 значится как *Миголощская пустынь*, 20 дворов, на левом берегу рч. *Миголоща*, которая вытекает из оз. *Ми-*

голоща, или *Миголощское*, это лимноним повторен и в МОЗУ 1914 г. [КГарн]⁴. Селение явно названо по водоему, в НПК не зафиксированному. Гидронимическое название, затемненное метатезой *-лого-* > *-голо-*, восходит к личн. *Милогость*⁵; последнее обнаружено в новг. бер. гр. № 320/337 нач. XIV в. [Зализняк 2004: 527] и хорошо известно по древним западно- и южнославянским памятникам письменности: польск. *Milogost, Milgost*, чеш. *Milihost*, полаб.-помор. *Milegost*, сербохорв., болг. *Милогост, Милгост*, см. [SSNO III: 512; VII: 154; Svoboda 1964: 79; Schlimpert 1978: 86; Заим. БИ: 152; Грк. РЛИКС: 132; Мор. СИ: 122]. Любопытно, что у северо-восточной окраины бывшей Беж. пят. фиксируется точная параллель — ойконим *Миголощи* дер. на р. Медведице Кашинского у. Твер. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 43: № 6040], согласно МАТГ — дер. *Миглици* (сегодня — дер. *Новые Миглоци* Кимрского р-на Твер. обл.), охарактеризованный идентичной слоговой метатезой. На Русском Северо-Западе личн. *Милогость* топонимически отражено также в названиях руч. *Милогость* (по Ген. меж. конца XVIII в. — *Милогост*), п. пр. Ояти в нижнем течении [СГЮВП: 67; Шан. РЛЮ: 280], и руч. *Мелогощь*, л. пр. Кати, п. пр. Мологи к северо-востоку от гор. Пестово Новг. обл. (по совр. карте масштаба 1 : 100 000). Среди неновгородских топонимических соответствий к новг. *Миглоци, Милогость* имеются: гидроним *Милогощь* пр. Пильни, п. пр. Болвы, л. пр. Десны [Агумаа 1960: 159; Топоров, Трубочев 1962: 124], геогр. *Milhošt'* дважды в Чехии, а также чеш. *Milokošt', Milogoszcz* дважды в Польше, полаб. *Milogošě* (> нем. *Mallies*) в Германии, словац. *Mil(o)gošt'* (> венг. *Miglész*) в Венгрии, *Milogošča* на востоке Балкан; по [Rospond 1983: 93; Hosák, Šrámek MJMS II: 72].

Маслогостицы дер. в Псковском р-не, а ранее погост в бывшем Гд. у. уже на Псковской земле, но у границ Шел. пят., рядом находится *Мыслегостицкая Губа*, залив на восточном побережье Псковского оз. [Vasm. RGN V 2: 453]. Возводится к личн. *Мыслигость*, ср. др.-болг. *Мислигост* [Заим. БИ: 155]. Ср. польск. геогр. *Myśligoszcz* сел. (сегодня — *Mysłowice*), *Мислегоци* в Македонии и *Μεσολογγόστιον* в Греции (< др.-слав. геогр. **Мyslegoščь* через народно-этимологическую замену первого компонента *Mysl-* на греч. *Μεσολόγγ-*) [Rospond 1983: 96; Заимов 1973: 130]. Первый компонент сложения *Маслогостицы* изменен без влияния слова *масло*.

Негоща, или *Негоша*, п. пр. Веряжки, п. пр. Веряжи, р. в оз. Ильмень к юго-западу от Новгорода, по спискам селений нач. XX в. [СНМНГ I: 65, 67], — рч. *Негоща*; рядом с ней тот же источник (с. 65) дает название руч. *Ниговщина*, производ-

⁴ По совр. материалам, данное озеро, однако, именуется *Лидинское* — по стоявшей на его берегу усадьбе *Лидино*, которую выстроил купец Н. И. Катков в 1871 г. и назвал в честь своей дочери [Аничков 1916б: 40].

⁵ Местные жители склонны осмыслять ойконим *Миглоци* как первоначальное *Никольщина*, ориентируясь, очевидно, на некоторое созвучие данных имен (сообщение А. В. Крюкова).

ное от *Негоща*. Гидроним фиксируется писцовой книгой дворцового села Паозерья 1572/73 г. в форме *Ногоща* («по *Ногощи* реки») [ПКНЗ 6: 180], а ранее отписными и оброчными книгами пригородных пожен Новгородского дворца 1535—1540 гг. обычно в виде *Негоща*, реже *Ногоща* и даже *Гоща* [ПКНЗ 1: 322, 325, 340—342, 352, 353, 362]: «пожня за Веряжею на речке на *Негоще*» (с. 322); «пожня за *Негощею*» (с. 326); «пожня за Веряжею жар под *Ногощею* Головинская» (с. 352); «пожня Головинская в жару под *Гощею*» (с. 353), — последний вариант (*Гоща*) обусловлен случайным пропуском на письме легко вычленимой частицы *не*. Кроме того, писцовые документы упоминают смежную с данным водоемом дер. *Ногоща* под 1498 г., *Ногоща/Нагоща* под 1572/73 г. в Паозерье в Васильевском пог. Шел. пят. [НПК IV: 9; V: 292, 296, 319; ПКНЗ 6: 180], с которой идентифицируется *Негоща* (*Воробейка*) ж.-д. ст. Ракомской вол. нач. XX в. [СНМНГ I: 66], = совр. *Воробейка* дер. Борковск. Новг. Перед нами ситуация переноса по смежности, вектор которого не вполне ясен: ойконим > гидроним или наоборот?

Вблизи Новгорода название не единично: известны еще *Негоща* ж.-д. ст. севернее Новгорода, в Подберезской вол. нач. XX в. [Там же: 52—53], и *Негоща* дер. восточнее Новгорода, в Бронницкой вол. Согласно [Там же: 16—17], последняя стояла на руч. *Безымянном*, который в [Шан. РЛЮ: 216] обозначен как руч. *Негоша*, приток Мсты. Кроме того, под Новгородом отмечается руч. *Негоще* возле дер. Ларешниково у р. Веронда [НОС 6: 35], возможно, тот же самый, который указан в статье А. М. Микляева [1984: 35] как рч. *Нугоща*, л. пр. Веренды⁶. На юго-восточной периферии Новгородской земли — в Михайловском пог. в Тросных Беж. пят. — в XVI в. зафиксирована еще одна р. *Негоша* басс. Мологи [ПКНЗ 3: 116, 122].

Колесание исторических вариантов *Негоща/Ногоща/Нагоща* требует поиска исходной формы. Р. А. Агеева [1989:180], учитывая вар. *Ногоща*, рассматривает возможность балтийской основы с преф. *nuo-* и балто-славянским корнем **gost-* (типа *Nuo-gastis*), не исключает и привлечения лит. *Negāščius* р.; последнее, впрочем, считается неясным по происхождению и словообразованию [Vanagas 1981: 226]. На мой взгляд, вар. *Ногоща* вторичен: он отражает лишь орфографическую реакцию на великорусский переход *e > o* и ударение на первом слоге, т. е. *Ногоща* = [*Н'огоща*], что подтверждается современным произношением гидронима. Ср. появление в берестяных грамотах написаний «межу *нобомь* и землею», «к *ному*» (гр. № 10), «от *ного*» (гр. № 370) [Зализняк 2004: 617, 558], где слог [*н'о-*] передан буквосочетанием «*но*». Подобные примеры нестабильности орфографии легко умножить. Что касается единичного вар. *Нагоща*, то он отражает аканье переписчика, не знакомого с народным произношением данного географического

⁶ Однако все совр. крупномасштабные карты и письменные источники по данной местности знают только рч. *Негоща/Ногоща*, л. пр. Веряжи. Поэтому не исключено, что речь идет именно об этой речке, от которой дер. Ларешниково, стоящая на р. Веронда, расположена совсем недалеко — примерно в 6—7 км к западу.

имени. Наиболее авторитетная форма гидронима — *Негоща* — древнеславянская, восходящая к зафиксированному личн. *Негость*, ср. др.-польск. *Niegost* [SSNO I: 174] (дано в словаре со знаком вопроса) и ст.-рус. производное *Негостев*, фамилия или отчество кольского вотчинника в акте 1607 г. [АИ IV: 548]. Имя построено по известной антропонимической модели с отрицательной частицей: чеш. личн. *Nedrah*, *Nelepa*, *Nechval* и др., польск. *Niegrad*, *Niegrad* и др., др.-новг. *Несуль*, *Несьда*, *Невидь*, к ним примыкают геогр. *Несуж*, *Неболчи* от личных имен с началом *Не-*, см. соответствующие этюды.

Из топонимических соответствий к новг. *Негоща* следует еще указать новг. геогр. *Некость* (= личн. *Негость*) для протоки между озерами Малым и Большим Клобутицкими басс. Плюсы к юго-западу от гор. Луга (по карте-километровке Лен. обл.). Ранее приводились также *Негосто* оз. в басс. Шексны, *Негостово* дер. Белозерского у. Новг. губ., геогр. *Negošt'* (= нем. *Negast*) в Польше [Агумаа 1960: 159; Rospond 1983: 98]. Новг. гидроним *Некость*, равно как волог. геогр. *Негосто*, согласованное в ср. р. с термином *озеро*, получены в результате топонимизации личного имени (см. об этом в гл. 6)⁷.

Онегость л. пр. Пинегы, п. пр. Паши в среднем течении. Варианты гидронима — *Онега*, *Онига* (по Ген. меж. конца XVIII в.), а также *Омигость*, см. [СГЮВП: 94]. Геогр. *Онегость* возводится либо к личн. *Оногость* (ср. сербохорв., словен. личн. *Onogost*, равно как чеш. *Onomysl* с местоименным компонентом *онь* 'тот, этот', сюда же геогр. *Onogošt'*, *Onogošta* в Герцеговине и Словении [Rospond 1983: 104; Miklosich 1927: 83]), либо к личн. *Унѣгость*, ср. др.-чеш. *Uněhost* с компаративом *uně* 'лучше' в первой части сложения [Svoboda 1964: 90]. Геогр. *Омигость*, не находящее этимологического обоснования, судя по всему, просто модифицировано из *Онегость*, первичность которого подтверждается старописьменными усеченными вариантами (*Онега*, *Онига*), держащими согласную *н*, а не *м*.

Пирогоща — две соседящие дер. Холмского пог. Дер. пят. под 1496 г. [ПКНЗ 1: 83], сохранявшиеся и в конце XVIII в. [ИАДП 1: 286]. Вкупе с хорошо известным геогр. *Пирогоща* (сейчас *Пирогов*) вблизи Киева, новгородские ойконимы обусловлены антропонимом, реальность которого удостоверяет др.-слав. личн. *Пирогост*, отраженное в сочинении Прокопия Кесарийского VI в. [Мор. СИ: 151]. Первым компонентом личного имени скорее всего выступает основа апел. **pirь* 'пир, застолье; беседа', как и в гипокористике *Пирята* (см. геогр. *Пирятино*, там же подр. об основе). Очевидно, иначе истолковывается антропооснова геогр. *Перегощи* дер. на Смоленщине и *Перегощ* р. в басс. Тетерева, п. пр. Днепра: из личн.

⁷ В русских диалектах встречаются лексемы *негость*, *негостья* 'свой, семьянин, близкий человек в дому' [Даль ТСЖВЯ 2: 510] — вероятные результаты апеллятивизации древнеславянского антропонима. Учитывая данный факт, геогр. *Некость*, *Негосто* можно одновременно квалифицировать и в качестве образований от этих нарицательных диалектных лексем, не обязательно относящихся к раннему времени.

**Перегость*, в котором первый компонент является либо префиксом (ср. подобной префиксально-корневой структуры личн. *Переньгъ* в бер. гр. № 36 из Старой Руссы), либо основой прош. вр. глагола **perti* ‘бить, поражать’, рус. диал. (смол.) *переть* ‘бить, колотить’ [СРНГ 26: 251]⁸.

Радогоша рч. в пог. Коломенском на Волхове Обон. пят. 1564 г.: «Да у Вяжиско деревни угодя за *Радогошею* рекою Сухая нива» [ПКНЗ 2: 66], = совр. р. *Радогож*, л. пр. Осьмы, п. пр. Волхова (в [Шан. РЛЮ: 70] дана сильно искаженная форма *Радоган*). К личн. *Радогость*, встреченному, в частности, в новг. бер. гр. № 571 XII в. [Зализняк 2004: 454] и в надписи на штукатурке новгородского Софийского собора (*Радигошь* из граффити № 197 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в.) [Медынцева 1978: 141]. В древности являлось очень популярным именем среди всех групп славян. Помимо новгородского ареала, самостоятельные фиксации антропонима имеются в др.-чеш. (*Radohost, Radhost*), а также в альпослав., сербохорв., словен., болг. языках [Svoboda 1964: 83; Kronsteiner 1981: 209; Заим. БИ: 186], имя фигурирует в греческом источнике VI в.: *Αρδαγίστος*, один из вождей славян [Мор. СИ: 4; Фасм. ЭСРЯ III: 429] (= праслав. **Ordogostь*).

Среди географических названий от этого имени в древненовгородских землях, в частности, встречены еще: *Радогоще* дер. и оз. в пог. Егорьевском в Колгущах Обон. пят. [ПКОП: 49], = ? *Радогоща* дер. и оз. Боровщинской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 30—31], сегодня — *Радогошь (Радогоща)* сел. Радогощинск. Бокс. в истоках Явосьмы, л. пр. Паши; *Радогостицы* дер. на оз. Черное Городенск. Бат., указанная писцовой книгой Вод. пят. 1500 г. в Дмитриевском Городенском пог. [НПК III: 199] (по более поздней документации прослеживаются иные варианты этого ойконима: *Рагостицы* 1582 г., *Рагостье* 1709 г., *Радогвцы* 1791 г. [Селин 2003: 154], *Радогосцы* сер. XIX в., *Радогостица* нач. XX в. [Vasm. RGN VII 3: 498]). Есть еще геогр. *Радогошь* ур. в истоках р. Луги близ дер. Дубровка Вольногорск. Бат. [ЛЗап]. Не отождествляется ли это последнее с пуст. *Радогощ*, известной по источнику 1791 г. в составе Никольского Будковского пог., которая, в свою очередь, идентифицируется с дер. *Корново-Радоголье* 1500 г. [Селин 2003: 191]?

Указанную новгородскую топонимию дополняет многочисленная (более трех десятков, см. карту 5) йотово-посессивная топонимия на базе личн. **Ordogostь* (> **Radogostь*), сосредоточенная на восточнославянской (Белоруссия, Северная Украина, Орловская, Брянская, Калужская, Тульская обл.) и западнославянской территории, чаще в бывшей области проживания полабских славян. Изложу сначала имеющиеся восточнославянские материалы, почерпнутые в основном из публикаций [Vasm. RGN III 3: 503—504; Arumaa 1960: 162—163; Rospond 1983: 114—115; Топоров, Трубачев 1962: 126; Смол. ГБО: 34; Нерознак 1983: 145—146;

⁸ Косвенной поддержкой в пользу «глагольной» гипотезы является то, что иной вариант корня праслав. **perti* нередко выступает вторым компонентом славянских композитных и префиксально-корневых имен, к примеру, чеш. личн. *Vožepor*, польск. *Bodzepor, Opor, Niepor* и т. п.

Мікратапанімія: 208; Шульгач 1998: 233]: геогр. *Радогоц* дер. на р. Нерусса Севского у. Орловской губ., *Радогоц (Радогоци)* дер. на р. Пина в окрестностях гор. Кобрин Гродненской губ., *Радогоц Большая* и *Радогоц Малая* — близлежащие пункты на притоке р. Вилии вблизи гор. Ровно и Острог Волынской губ., *Радогоца* (вар. *Редогоц*) сел. под гор. Кромы Орловской губ., *Радогоца* дер. на р. Невда неподалеку от гор. Новогрудок Минской губ. + дер. в окрестностях гор. Овруч на Волыни, *Радогоць* дер. в Карачевском у. Орловской губ. на р. *Радогоць* басс. верховой Оки, *Спас-Радогожская* пункт Дмитровского у. Орловской губ., *Радогоцская Буда* (польск. вар. *Radohoszczyńska Buda*) дер. неподалеку от Овруча Волынской губ., *Радугоци (Радугоць)* дер. на р. Малая Колодня Одоевского у. Тульской губ., *Радогоце* р., пр. Брени в Галиции, *Радогоц*, или *Радогост*, *Радоц* — бывшее, еще в XVII в., название города Погар в Стародубском у. Черниговской губ., *Радогоце* р. в окрестностях Пинска, Белоруссия, *Радогоч*, или *Рагодач* (< *Радогоца*), р. неподалеку от Калуги, *Радогоца* л. пр. Ясельды в округе гор. Гродно, *Радогоць* п. пр. Свапы, п. пр. Сейма, л. пр. Десны, л. пр. Днепра и наконец, вероятно, блр. *Радохоч*, название леса в районе гор. Береза между Брестом и Барановичами. В западнославянской языковой области, по данным [Rospond 1983: 114—115; 1984, 319; Prof. MJ III: 517—518; Заимов 1973: 148], присутствуют такие топонимы, как *Radichošť* и *Radhošť* в Чехии, *Radogoszcz* (четырежды) в Польше, слав. *Radogošč* и др. (= нем. *Radegast*, *Rodegast*, *Radias* и др.) на территории Северной и Восточной Германии (из полаб., др.-луж., всего 8 названий), словен. *Radigošť*, откуда нем. *Tradigist*, а также словен. или чеш. **Radogostjъ* (> нем. *Raabs*) на территории Австрии, наконец геогр. *Radogoš* в Албании.

Редогоца дер. Сеглинского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 456; ПКНЗ 5: 198], = *Ригодици* дер. Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 256], = совр. *Ригодици* дер. Чешовск. Болог. Ойконим, созвучный рассмотренным выше, обосновывается личн. *Рядогость* (< *Rędogostь*), находящим подтверждение в др.-чеш. личн. *Řědhost*. Изменение *Редогоца* > *Ригодици* обязано метатезе срединных слогов, с дальнейшим оформлением по модели с суфф. *-ище/-ици*. На разных славянских территориях обнаруживаются несколько параллельных топонимов, некоторые из них показывают пересечение с названиями типа *Радогоца*: геогр. *Редогоц* с вар. *Радогоца* дер. на р. Свапа в окрестностях гор. Кромы Орловской губ., скорее всего *Рядовошь (Редовица)* и *Редовоцинской* — рч. и впадающий в нее овраг в Среднем правобережном Поочье [Смол. ГБО: 144], *Redhoscz* сел. 1203 г. в Чехии [Prof. MJ III: 549—550], *Redgoszcz* (из прежней формы *Radogoszcz*) сел. в Польше [Rospond 1983: 114].

Славгуци дер. в Рамешковском р-не Твер. обл. к северо-востоку от Твери у южного рубежа бывшей Беж. пят. На карте 2-й пол. XIX в. — *Слагуци* [КСтрельб], более ранних известий не найдено. К личн. *Слав(о)гость*, ср. сербохорв. *Slavogost* [Svoboda 1964: 296, 86]. На восточнославянской территории есть еще блр. геогр. *Славогоч* сел. неподалеку от Бобруйска, *Славигоц* р. в Орловской губ. [Агу-маа 1960: 164].

Угощи дер. Доворецкой вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 44—45] на р. Колошке, п. пр. Шелони, сегодня — дер. *Угоща*, сливающаяся с сел. Выбити Выбитск. Сол. Упомянута в писцовой книге 1581—1582 г. как сц. *Угоща* на рч. Колошке Доворецкого пог. Шел. пят. [Неволин 1853: 94 прил.]. От личн. *Угость*, префиксально-корневого имени, ср. чеш. личн. *Uhost* [Svoboda 1964: 103], а также польск. *Uciech*, чеш. *Utěch*, *Umysl* тождественной структуры. Среди межтерриториальных параллелей названия рек *Угоща*, пр. Сожа, и *Угость*, п. пр. Десны [Arutaa 1960: 166; Топоров, Трубачев 1962: 124, 221], ойконимы и гидронимы *Ugoszcz* и *Ugacie* (< **Ugost-jь*) в разных местах Польши [Rospond 1983: 142; НВ: 429], геогр. *Úhošť'any* и *Úhošť'* в Чехии, с последним сравнивают ранне-средневековое *Wogastisburg* в германизированной форме, засвидетельствованное латинской хроникой под 631 г. [Prof. MJ IV: 422—424; Svoboda, Šmilauer 1960: 287].

Чагоша дер. Березского пог. Шел. пят. 1501 г. к северу от Порхова [НПК V: 307], = *Чагищи* пуст. конца XVIII в. на р. Черной, согласно Ген. меж., № 298 [Андрияшев 1914: 46]. А. И. Попов [1981: 114] возводит *Чагоша* к личн. **Чае-гость*, но скорее нужно к *Чагость*, которое сравнивается с др.-болг. личн. *Ча-гост*, известным с VI в. [Займ. БИ: 241—242]. Ср. межтерриториальные параллели в болг. геогр. *Чагоща* для исчезнувшего села [Займов 1973: 174]), в названии *Čágošče* сел. в Словении [Snoj ESSZI: 94], в чеш. геогр. *Čahostice* и *Čihošť'* от личн. *Čiehost* [Prof. MJ I: 307; Hosák, Šrámek MJMS I: 164]. Данное имя соотносится по первому компоненту с др.-чеш. *Čěmysl*, др.-болг. *Чаславъ* и др., которые в [ЭССЯ 4: 10, 16, 27] считаются композитами с корнем глагола **čajati* 'ждать, ожидать'.

В регионе Новгородской земли максимально близким к рассмотренному названию выглядит геогр. **Цехоща** пуст. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 271]. Последнее следует свести к первоначальным формам **Чегоща* или **Чагоща*, испытавшим впоследствии регулярную мену аффрикат (цоканье) и встречающиеся в регионе смешение согласных *г* и *х*.

За пределами новгородской территории имеются: геогр. *Чагоща* дер. в Подмосковье недалеко от Можайска [Arutaa 1960: 154], *Čagošt* у лужицких сербов, *Čágošča* в Албании; сюда же отнесены геогр. *Čihošť'* (дважды) и *Čahostice* в Чехии, отражающие вариантность общего праслав. корня **ča-/čě-* (> чеш. **či-*) в исходном личном имени [Rospond 1983: 58; Prof. MJ I: 260]. Заметим, что колебание корневого элемента *Ча-/Че-* показывает и новгородская топонимия, знающая не только *Чагоща*, но и *Цехоща*/**Чегоща*, не только геогр. *Чанеж*, но и геогр. *Ченежо*, отсылающие к личн. **Чанъгъ*, **Ченъгъ* (см). Видимо, это колебание в определенной мере определяется наличием вариантных праслав. **čakati* и **čekati* 'ждать', несмотря на то, что этимологическое родство этих глаголов с **čajati* отрицается [ЭССЯ 4: 13, 36].

НАЗВАНИЯ ОТ НАДЕЖНО РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ИМЕН

Анализируемая ниже топонимия содержит препозитивные основы базового древнеславянского антропонимического фонда, повторяющиеся в других славянских именах. Повторяемость компонентов создает для реконструируемого антропонима необходимый структурно-типологический контекст, не позволяющий считать антропоним актом произвольного имятворчества.

Братогощ оз. Воскресенского Осеченского пог. 1545 г. в верховьях р. Мологи [НПК VI: 74]. Нет сомнений в возведении гидронима к личн. **Братогость*. Антропонимы-композицы на *Брато-* хорошо известны; ср. др.-новг. личн. *Братонѣзь* и *Братонѣжско* в берестяной письменности XI—XII вв. (гр. № 36 из Старой Руссы и № 745 из Новгорода) [Зализняк 2004: 714], польск. *Bratomir*, *Bratumil*, чеш. *Brat-slav*, сербохорв. *Bratislav*, *Bratoljub*, *Bratorad* и т. п. [Svoboda 1964: 71].

Годогоща дер. Коломенского пог. в районе Вышнего Волочка около 1495 г. [НПК I: 93], сегодня раб. пос. *Куженкино* Болог. р-на. К личн. **Годогость* с мелиоративным компонентом *god-* ‘habilitas; pulchritudo’, активным в др.-слав. антропонимии; ср. хотя бы др.-новг. личн. *Годыга* XII в. [Зализняк 2004: 342] и особенно композитные польск. *Godoslaw*, чеш. *Hodomysl*, сербохорв. *Godebrat*, *Godimir* и др. [Rospond 1983: 72; Svoboda 1964: 75].

Диговоци дер. на р. Ямнице Рахинской вол. Кр. у. нач. XX в. [СНМНГ IV: 88—89]; в настоящее время считается исчезнувшей, однако сохранилось название смежного с бывшей деревней руч. *Диговоца*, п. пр. Ямницы, п. пр. Поломети, п. пр. Полю. Идентифицируется с дер. *Дивогоща* в Локотском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II: 38] и 1538/39 г. [ПKNЗ 4: 147], по Ген. меж 1780-х гг. — дер. *Диговоца* Кр. у. [ИАДП 1: 184]. Название, испытывавшее метатезу срединных слогов, образовано от др.-слав. личн. **Дивогость*. Первая часть антропонима, связанная с корнем **div-* (: *дивный*), находит контекст в др.-польск. личн. *Dzivigor*, *Dziwislav* [SSNO I: 576], чеш. (морав.) *Divislav* [Мор. СИ: 70] (от основы глагола **diviti* ‘удивлять’), др.-рус. *Дивей* [Суп. СРЛИ: 167].

Жигороцо дер. Спасского Орлинского погоста Вод. пят. 1500 г. [ПKNЗ 1: 103], иных сведений нет. Следует исходить из метатезы *Жигороцо* < **Жирогоцо*, далее без сомнения к личн. **Жирогость*. Хотя данный реконструкт, по-видимому, не проявился нигде более ни в топонимии, ни в самостоятельном употреблении, он абсолютно предсказуем; ср. хотя бы известные по новг. бер. гр. № 67, 246, 573, 657 личн. *Жирославъ*, *Жировитъ* [Зализняк 2004: 739] и ряд других др.-слав. личных имен с элементом *žir-* в разных регионах Славии. Этот элемент подвергся сходной метатезе второго и третьего слогов еще в одном новгородском топониме-композице — *Жинорѣжа* (< **Жиронѣжа*).

Иногоща дер. Озерковск. Ок., к юго-востоку от р. ц. Окуловка и к северу от ж.-д. ст. Угловка при оз. *Иногощенском*, ранее — дер. *Иногоща* при оз. *Иногощо* Шегринской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 130—131]. В данной местности в конце XV — 1-й пол. XVI в. указано только оз. *Иногоще* в Шегринском пог. Дер. пят.

[НПК II: 181, 186, 224; ПКНЗ 5: 10, 11, 15], но межевые материалы 1780-х гг. на берегу озера уже обозначают одноименную деревню, № 540 [КГарн]. Еще одно озеро, именовавшееся *Иногоиц*, или *Иногоице*, лежало в границах Спасского Молодиленского пог. Беж. пят.; писцовая книга 1564 г. отмечает дер. Шерапова Гора и дер. Гринева «на озере на Иногоице» [НПК VI: 1058, 1070]⁹. Эти названия выступают йотовыми посессивами от личн. **Иногость*, которое, кроме того, было положено в основу наименования средневековой *Иногостицкой* вол. в Каменском стане в Бежецком Верхе [ПКНЗ 3: 209]. Из территориально отдаленных параллельных топонимов указывалось *Inogošt(a)* (вар. *Vinogošt*) сел. в Сербии [Агумаа 1960: 156; Rospond 1983: 77]. Из антропонимии известны композиты с начальным *Ино-*: др.-серб. *Иносав*, *Инослав* [Грк. РЛИКС: 100; Мор. СИ: 95], ст.-рус. *Инозем* (*Инозем* Ухов, губной староста в 1597 г. в Костроме) [Вес. Он.: 128]; ср. еще оттопонимные реконструкты: личн. **Инобогъ* по геогр. *Инобож* (*Инопаж*) неподалеку от Углича Ярославской губ. и личн. **Inowłódz* по геогр. *Inowłódz* в Польше [Rospond 1983: 141]. Учитывая вариантность приведенного выше серб. геогр. *Inogošt(a)* / *Vinogošt* (сближено с обозначением вина?), следует рассматривать и название оз. *Виногоице* в верхнем течении Западной Двины в качестве производного от **Иногость*. По моему мнению, первый компонент соотносится не с местоимением *иной*, а с праслав. **inъ* — ‘один’; тогда личн. **Иногость* расшифровывается в смысле ‘единственный; единственно рожденный’, ср. близкую семантику др.-рус. *иночадный* ‘единородный’, *инородец* ‘единственно рожденный’ [СлРЯ XI—XVII 6: 242, 244].

Ирогоиц дер. в окрестностях Петергофа 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 3815], сегодня — дер. *Ирогоици* Копорск. Лом.; впервые отмечена под 1500 г.: *Ирогоице* дер. в Копорском у. в Каргальском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 252]. Справедливо возведение к личн. **Ярогость* [Попов 1981: 114]. Элемент **jar-* ‘ярый, сильный, крепкий’ привычен в др.-рус. композитных именах *Ярославъ*, *Яроплькъ*, *Яромиръ*, последнее нашло отражение в новг. бер. гр. № 548 [Зализняк 2004: 822]. Преобразование начального слога в геогр. *Ирогоици* (< **Ярогость*) обусловлено двумя последовательными сев.-рус. переходами *ja > je* и *je > i*; к иллюстрации последнего ср. колебания топонимических вариантов *Егрейка* / *Игрейка*, *Еглино* / *Иглино* (см.).

⁹ Указатель географических имен к НПК вместо лимнонима *Иногоиц* ошибочно дает лимноним *Дногоиц* со ссылкой на т. VI, стлб. 1070, см. [НПК. Указ. ГН: 127]. *Дногоиц* — это название-фантом, рожденное на бумаге. Что касается средневекового оз. *Иногоиц* на территории Спасского Молодиленского пог., то его скорее всего следует отождествить с совр. оз. *Шарапиха* / *Шараниха* басс. Чагоды, поскольку, во-первых, при этом озере писцовая книга 1564 г. указывает дер. *Шерапова Гора* (которая давно исчезла, но название ее отразилось в совр. лимнониме), и, во-вторых, непосредственно перед описанием дер. Гринева, стоявшей «при озере Иногоице», описывает дер. *Софоново* (= совр. *Сафоново* Песск. Хв. лежащей в трех километрах к юго-западу от оз. Шарапиха).

Коегоща дер. Сушанск. Бор. на р. Мсте под Боровичами, в нач. XX в. числилась в Новоселицкой вол. [СНМНГ VI: 90—91]. Идентифицируется с дер. *Коегощ* Петровского Борисоглебского в Боровичах пог. Беж. пят. сер. XVI в. [НПК VI: 930, 944], рядом с деревней, но уже в Дер. пят. (у противоположного берега Мсты) значится оз. *Коегошь* [ПКНЗ 5: 43]¹⁰. Эти названия позволяют реконструировать личн. **Коигость*, к первому компоненту которого ср. личн. *Кои* — имя или прозвище новгородца сер. XIV в. в бер. гр. № 263 (в источнике: «оть Терѣнтея оть *Коя*» [Зализняк 2004: 609]). Среди инославянских соответствий нужно прежде всего указать др.-чеш. антропонимический композит *Kojeslav*, из простых личных имен известны др.-чеш. *Koj*, полаб.-помор. *Kojt*, др.-польск. *Koya*, *Koyan*, *Koyasz*, *Koyek*, южн.-слав. *Kojata*, *Kojan*, серб. *Kojić*, болг. *Kojka*, *Kojko*, *Kojna*, *Kojnak*, чеш. геогр. *Kojetice* и др., см. материалы: [Svoboda 1964: 49; SSNO III: 45; Schlimpert 1978: 63; Илчев 1969: 262; Мор. СИ: 101; Miklosich 1927: 66; Бучко 1994: 117]. Перечисленные имена продолжают основу праслав. глагола-каузатива **kojiti* ‘успокаивать, унимать’, соотносимого с рус. *почить*, *покой* и т. п. словами, см. [SP I: 56—57; II: 329; Славский 2000: 153—157].

Кочегоще дер. Марьинск. Стр-Кр. в басс. р. Плюсы, под 1838 г. — *Качегощи* 3-го стана Луж. у. [ОСПбгуб: 129], во 2-й пол. XIX в. — *Качегоща*, или *Гочегоща*, *Качегащи* [СМНРИ 37: № 2549; Vasm. RGN IV 1: 114]; отождествляется с *Кочегоща* дер. Щирского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 110]. В этимологическом исходе угадывается личн. *Кочегость* или **Хочегость*, следовательно, не исключено родство с *Хотигощи*, *Ходгостицы* и т. п. (см.). Подр. к обоснованию первого компонента в славянской антропонимии см. при анализе новг. геогр. *Кочебуж*.

Кромегоща дер. в Заверяжье в Люболядах Шел. пят. 1498 г., принадлежавшая Николо-Вяжицкому монастырю [НПК IV: 5]. Локализована у истоков р. Веронды к северо-западу от Ильменя путем идентификации с дер. *Кромы* Черновской вол. Новг. у. конца XIX — нач. XX вв. [Андрияшев 1914: 5], сегодня — дер. Вольногорск. Бат. С *Кромегоща* безусловно следует отождествить средневековую запустевшую деревню («пуста, хоромы обвалились»), записанную искаженно — *Арамигоща*, указанную писцовою книгой села Паозерья 1572/73 г. при описании Сутоцкого пог. тоже во владении Вяжицкого монастыря [ПКНЗ 6: 172]. Недалеко к западу от дер. *Кромегоща*, в сопредельном Косицком пог. на Луге Шел. пят., был отмечен еще один равноименный пункт — дер. **Коромегоща** с селищем Теребулцом под 1501 г. [НПК V: 348], иначе — дер. *Вкромегощы* под 1550/51 г. [ПКНЗ 6: 105] (т. е. дер. в *Кромегоще*), позднее известная как пуст. *Пронегоща* в межевых материалах конца XVIII в. [Андрияшев 1914: 168], пуст. *Пронегоша* в материалах земельных угодий конца XIX в. [МОЗУ 1895: XXV].

Ойконимы восходят к др.-слав. личн. **Кромьгость* с наречным элементом *кромь* ‘вне, кроме’ в первой части сложения. Ср. пересекающееся с этим име-

¹⁰ Сегодня это озеро, по-видимому, называется *Селино*, оно расположено у северной окраины Боровичей.

нем др.-чеш. личн. *Kroměžír*, осмысляемое как ‘отдельно, снаружи живущий’ [ЭССЯ 13: 5], наряду с геогр. *Kromežiř* (сегодня — *Kroměříž*) сел. в Чехии, а также оттопонимные реконструкты: личн. **Kroměmirь* (по нем. геогр. *Krümmel*, продолжающему древнее йотово-посессивное **Kroměmirь* полабских славян) и личн. **Kroměžda* [Svoboda 1964: 101; Rospond 1983: 83]. Смысл личн. **Kромьгость* угадывается нечетко, однако сомневаться в былом существовании этого имени нет оснований. Преобразование *Кромегоща* в совр. *Кромы* обусловлено переразложением и усечением ойконима и сближением первой части с диал. *крома* ‘опушка леса’, ‘кромка’.

Мирогоща дер. Взвэдск. Ст-Рус., ранее Дубовицкой вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 50—51]. В 1501 и 1561 гг. на месте деревни писцовые книги упоминают пожню *Мирогоща* на протоке Перемять у южного берега Ильменя [Андряшев 1914: 276]. Параллельное геогр. **Мирогоща** отмечалось в басс. р. Мологи книгой Беж. пят. 1545 г.: «д. Круглое: (...) сѣна на Мологе на *Мирогоще* 50 копень» в вол. *Мирогожская Дуброва* в Петровском пог. [НПК VI: 494]; в XIX в. здесь был указан пог. *Мирогожский-Покровский* (вар. *Покров Коноплюно*) Весьегонского у. Твер. губ. [СНМРИ 43: № 2986].

Ойконимы восходят к личн. **Мирогость*, первый компонент которого со значением ‘мир, мирный’ продолжен в др.-рус. *Мироньгъ*, польск. личн. *Mironieg*, польск. *Mirogněv*, хорв. *Miroslav* и др. Вне новгородской территории известны: геогр. *Мирогощь* сел. на Волыни (дважды) близ гор. Дубно и Кременец, блр. *Мирогощь* вблизи гор. Кричев на Могилевщине, *Мирогостово* дер. Ярославской губ. в Романов-Борисоглебском у. [Vasm. RGN V 3: 571]; сюда же следует отнести геогр. *Μικροούζι* в Греции близ гор. Салоники (греч. *Μικρο-* «народно-этимологически» заменило слав. *Miro-*) [Rospond 1983: 94], см. еще материалы: [Agumaa 1960: 159; Мор. СИ: 126; ЭССЯ 19: 54]. Топонимический ареал раскрывает преимущественно восточнославянскую принадлежность исходного личн. **Мирогость*.

Тожественную или по крайней мере фонетически «пересекающуюся» антропонимическую базу обнаруживает геогр. **Мерогоща** л. пр. Змейки, л. пр. Веронды близ дер. Богданово, Кшентицы, Видогощь Новг. р-на. Название восходит если не к личн. **Мирогость*, то к личн. **Мьрогость*, которое генетически связано с праслав. **měr-* ‘славный’ (: герм. *mar-*) или с **měra* — ‘мера’. Компонент *mьp-*, как уже говорилось, трудно отличить от *мир-*, однако он тоже явным образом присутствует не только в постпозиции, но и в препозиции. Ср. хотя бы польск. личн. *Mieroslaw*, в котором видят **měr-* [Rospond 1983: 92], или новг. геогр. *Меробужской*, *Меренеж*, *Мереножка* дер. Дер. пят., соотносимые с вероятными личн. **Мьробудь*, **Мьроньгъ* и др. (см.).

Нежгостицы, вар. *Нежговицы*, дер. и ус. на р. Быстрице южнее гор. Луга Петерб. губ. [СНМРИ 37: № 2167, 2168], которые отождествляются с дер. *Нежгостицы* в Петровском пог. Шел. пят. 1501 г. [НПК V: 341], по книге Шел. пят. 1581—1582 гг. — *Негостицы* [Неволин 1853: 79 прил.], по материалам Ген. меж. конца XVIII в. — дер. *Нежгостицы* [Андряшев 1914: 164]. К личн. **Ньж(и)гость*

с основной праслав. **něžiti*, др.-рус. *нѣжити* ‘содержать в неге’. Композитные имена с *-нѣж-*/*-нег-* были очень популярны в древненовгородской среде; ср. др.-новг. личн. *Нѣжебудъ* в бер. гр. № 16 из Старой Руссы 1-й пол. XII в. (основа *Нѣже-* в этом имени, вероятно, отражает компаратив [Зализняк 2004: 333]), *Нѣгорадь*, *Нѣговитъ*, *Нѣгосъмъ*, *Нѣгожиръ* (с основной сущ. *нѣга*), не считая многочисленных гипокористик; см. материалы словоуказателя в [Там же: 767—768].

Нудогощо (и искаженное *Нудогорцо*) оз. в Михайловском пог. на Черной Обон. пят. 1495/96 г. [ПКНЗ 1: 245, 247, 249] (к югу от гор. Бокситогорск, Пикалево Лен. обл.). Название идет из личн. **Нудогость*; ср. праслав. **nud-* ‘заставлять, понуждать’ и чеш. личн. *Nudvoj*, серб. *Нудмир* и др. Совр. *Нунгоша* оз. южнее Бокситогорска (и дер. *Нунгоша* Анисимовской вол. Тихв. у. при этом озере, которое в [СНМНГ VII: 10—11] именуется *Нунговским*), — видимо, фонетическая модификация (через стадию **Нудгоша*) средневекового геогр. *Нудогощо*.

Сгоще оз. в верхнем течении Мологи, = *Згоще* оз. в пог. Покровском в Полянах Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 301—302, 304]. К префиксально-корневному личн. **Съгость* или **Изгость*, которые удостоверяются контекстом зафиксированных равноструктурных имен: польск. *Zbor, Zbąd*, чеш. *Sbud, Izvěst, Smil*, словен. *Izbor*, хорв. *Zdrag* [Malec 1971: 129; Svoboda 1964: 103; Rospond 1983: 77—78; Šimundić 1982: 235], может быть, ст.-рус. *Измиръ*, персонаж с таким именем указывается в [Вес. Он.: 127]. Ср. достоверную инославянскую параллель — ойконим *Згошта* в области Чемерница (сегодня на территории Албании), известный с XIV в. в формах *Зъгошта / Изгошт / Згожда / Згожде*, трактуемый на основе праслав. личн. **Zъgostъ / *Sъgostъ* [Станковска 2007: 378—379]; сюда же, по мнению Л. Станковской, относится и геогр. *Zgoša* р. в Словении (< **Zgošča*) [Там же]. Возведение новг. геогр. *Сгоще* к личн. **Изъгость* исходит из допущения утраты анлаутной гласной в префиксе. Эту фонетическую возможность прекрасно иллюстрирует, к примеру, геогр. *Збынѣвля* дер. в Кимрском р-не Твер. обл., у границ средневековой Беж. пят., — оно безусловно йотово-посессивный дериват от личн. *(*И*)*збыгнѣвъ*, ср. праслав. личн. *Izbygněvъ*, но совр. польск. *Zbygniew*, чеш. *Zbyhněv* [Svoboda 1964: 72].

Сологост дер. в окрестностях Белого оз. в Волог. обл. неподалеку от восточных пределов Обон. пят. Возводится к личн. **Сологость*. Первая часть *Соло-* фиксируется не раз в составе восточнославянской композитной деантропонимной топонимии; ср. прежде всего геогр. *Сологощ* оз. в Рязанском Поочье [Смол. ГБО: 165] и *Салогощ* село Солигорского р-на Минской обл. Белоруссии, а также *Соломерово* дер. неподалеку от Бежецка (Лаптихинский СО), *Солославль* дер. в басс. р. Москвы [Агатаа 1960: 164]. Усеченным вариантом полного личн. **Сологость*, похоже, является *Солога*, имя псковского посадника, 1330 г. [Туп. СДЛСИ: 367], ср. еще производное от него геогр. *Сологовское* дер. у гор. Кашин Твер. обл., Пестриковский СО. Компонент *Соло-* пытались связать со словом *сало*, принимая в качестве мотивирующего значение ‘жирный, обильный, гостеприимный’, или с фин. *salu* ‘лес, пуца’ [Жучкевич 1974: 333], или обращали внимание на др.-новг. личн. *Соль-*

миръ в бер. гр. № 7 из Старой Руссы [Чумакова 1992: 58]; последнее рассматривалось как переосмысленное (под воздействием **soliti*) др.-польск. личн. *Sulimir*, *Sulmir* [Зализняк 2004: 329]. Новг. бер. гр. № 1015 (сер. — 3-я четверть XII в.) сохранила еще личн. *Сольмиръць* («с[ол]-мирцу») [Зализняк, Торопова, Янин 2011: 16]. На мой взгляд, первая часть личных имен **Сологость*, **Соломъбрь*, *Солославъ*, образовавших приведенные восточнославянские топонимы, равно как в др.-новг. личн. *Сольмиръ*, *Сольмиръць* из бер. гр., определенно являет собой морфему со значением 'соль', которая проявляется и в др.-рус. аппеллятивных сложениях *соловарь* 'кто варит соль', *солобой* 'занимающийся упаковкой и погрузкой соли', *соловозный* 'предназначенный для перевозки соли', *соловолокъ* 'кто занимается погрузкой и разгрузкой соли', *соломърный* 'предназначенный для отмеривания соли' и т. п. [СлРЯ XI—XVII 26: 131—135].

Середогощ дер. Мойкинск. Бат. в верховьях р. Луги, ранее — *Середогощи* дер. Самокражской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 70]. Нужно отождествить со средневековым пунктом Сабельского пог. Шел. пят. — дер. *Середогоща* 1571 г., ранее отмеченной как *Середогощ над Мхом* 1498 г. [НПК V: 153, 517]. Очевидно, ойконим восходит к личн. **Середогость*, надо полагать, изолированному древнеславянскому имени, первая часть которого связана с **serda*, др.-рус. *sereda*. К антропонимическому использованию основы ср., в частности, популярные ст.-рус. личн. *Sereda*, *Serednej* [Туп. СДЛСИ: 354, 355], *Seredoxa* Василий из Новгорода 1603 г. [Вес. Он.: 285] или даже др.-рус. *сердый* 'душевный, добрый' [СлРЯ XI—XVII: 24, 80].

Стогоща дер. на р. Хотынка, п. пр. Мшаги, п. пр. Шелони, писанная во Фроловском пог. 1498 г. [НПК IV: 38; Андрияшев 1914: 30]. Из личн. **Стоигость* с императивом (к **stojati*) в первой части сложения. Первый компонент со временем испытал сокращение: *Stoju-* > *Stoj-* > *Sto-*, что наблюдается еще в нескольких подобных случаях; ср. севернорусский ойконим *Стонъгова* в документе конца XVI в. [АЮ: 295], восходящий к личн. *Stoinъгъ* новгородской берестяной письменности XII в. (гр. № 384 и Ст. Р. 36) [Зализняк 2004: 802], ср. также модификации личн. *Stojgněv* > *Stogněv* на поморско-полабском материале, то же в др.-польск. [Schlimpert 1978: 132], др.-чеш. *Stojmír* > *Stomír* [Svoboda 1964: 86]. Менее вероятна реконструкция личн. **Stagость*, где первая часть — основа прош. вр. глагола **stati*. В защиту такой версии говорит наличие зап.-слав. композитов: полаб.-помор. личн. *Stamer*, чеш. *Stamír*, польск. *Staslaw* [Ibid.; Schlimpert 1978: 131; Malec 1971: 115] (с основой наст. вр. выступают др.-новг. личн. *Станигость*, зап.-слав. *Stanimer*, *Stanislav*).

Тургошь пос. на юго-востоке Лен. обл. (Бокс. р-н), ранее — ус. *Тургоша / Тургеи* Уст. у. [СНМНГ VIII: 28—29]. Возводится к личн. **Тур(о)гость*; первой частью этого реконструкта скорее всего служит основа общеслав. **turь* 'бык, тур; зубр; буйвол'. Обозначение тура, который являлся символом мощи, силы (ср. хотя бы эпитет *буй турь* применительно к князю Всеволоду в «Слове о полку Игореве»), активно использовалось в древней антропонимии всех славян: это отражают многочисленные по древнерусским и старорусским памятникам письменности

личн. *Тур, Туров, Турик, Турко, Турыга, Туряк* [Вес. Он.: 325—326; Туп. СДЛСИ: 406; Wójtowicz 1986: 93], распространенные также у западных и южных славян. Весьма показательны для данного случая др.-слав. антропонимические композиты: полаб.-помор. личн. *Turomer* [Schlimpert 1978: 148], серб. *Турицав* [Мор. СИ: 195], придающие восстановленному личн. **Тур(о)гость* (> геогр. *Тургоша*) необходимую достоверность.

Уегощ дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 96], = пуст. *Уюгоща* в верхнем течении Плюссы, по Ген. меж. конца XVIII в., № 1014 [Андрияшев 1914: 147]. Соотносится с личн. **Уегость*, в первой части которого основа праслав. **цъ* ‘дядя по матери’. Этот элемент реализован в западнославянской антропонимии, хотя, в отличие от **Уегость*, обычно занимает вторую позицию; ср. польск. *Czawuj, Mściwuj, Zdziewuj*, чеш. *Bezuji, Milouji* и др. [Svoboda 1964: 90]. К антропонимическим сложениям с препозитивными компонентами, обозначающими родственников, ср. еще др.-новг. личн. *Братонъгъ, Братонъжско*, усеченно-суффиксальные *Братята, Братъша*, известные по новг. бер. гр. № 745, 421, 410 и по бер. гр. 36 из Старой Руссы [Зализняк 2004: 714].

Антропонимом **Уегость*/**Уигость* мотивировано, по всей вероятности, также геогр. **Югостицы** — пункт Скребловск. Луж. близ оз. Черемнецкое в верховьях Луги, идентифицируемый с одноименной дер. Городенского пог. Шел. пят. 1524 г. [НПК V: 345]. Форма *Югостицы* модифицирована из первоначальной **Уигостицы* путем метатезы фонем начального слога *yj-* > *ju-*.

Уторгош пос., ж.-д. ст. Шим. на р. Мшаге, к западу от станции расположены дер. *Большая Уторгош* и *Малая Уторгош*¹¹ Городищенск. Шим. на р. Черной, л. пр. Мшаги. Исконными пунктами являются деревни на Черной, тогда как одноименная станция на Мшаге возникла в нач. XX в. в связи с прокладкой железной дороги Петербург-Витебск, кроме того, рядом с дер. *Большая Уторгош* раньше числилась еще почтовая станция *Уторгош*, согласно [ВТКЗверст]. По спискам селений 1838 г. здесь стояли дер. *Большие Уторгощи* и *Малые Уторгощи* Луж. у. [ОСПбгуб: 125, 126], по спискам 2-й пол. XIX и нач. XX в. — дер. *Уторгош Большая (Уторгош Большой)*, *Уторгош Малая (Уторгош Малый)* и пог. *Уторгощи* [СНМРИ 37: № 2351, 2354; Vasm. RGN IX 1: 347—348]. В конце XV — нач. XVI вв. писцовые книги многократно упоминают название в вариантах *Утрогощъ, Утрогоще, Вутрогоща, Вутрогоще*. Эти топонимические варианты именовали то целую местность в пределах Турского пог. Шел. пят., тянущуюся от истока р. Пакости к устью р. Черной (ср.: «въ Турьском же погосте въ *Вутрогоще*» или: «великого князя деревни Юркиньские Захарова сына Финеева въ *Вутрогоще*»), то погост-место («Великого князя погость *Утрогощъ* на Варварской земле»), то деревню («Дер. *Утрогощъ* вопче великому князю своеземцомъ

¹¹ Закрепилось официальное написание ойконима без мягкого знака (*Уторгош Большая* и *Уторгош Малая*), вопреки орфографической норме литературного языка, требующей лексемы жен. р. обязательно маркировать знаком мягкости.

сь Демюю Захаровымъ») [НПК IV: 54, 57, 59, 60, 65, 66, 551; V: 4, 5, 74]. А. М. Андрияшев [1914: 35, 38], конкретизируя идентификацию средневековой дер. *Утрогоиць* из [НПК IV: 57, 66] с позднейшей дер. *Малая Уторгоиш*, а дер. *Утрогоиць* из [Там же: 59; V: 74] с дер. *Большая Уторгоиш*, вместе с тем указывает, ссылаясь на исследование Неволина, что и сама рч. Черная, на которой стояли данные населенные пункты, в древности тоже называлась *Утрогоица*.

Таким образом, материалы показывают, что геогр. *Уторгоиш* следует из раннего варианта *Утрогоиць*, который выступает онимизированным посессивным адъективом от антропонима **Утрогость*. Подобным образом трактует название пос. *Уторгоиш* ('принадлежащее Утрогостю') также А. И. Попов [1981: 113]. К личн. **Утрогость* имеются западнославянские соответствия. Первый компонент этого имени со значением 'утро' содержат др.-польск. личн. *Jutrowoj, Jutrowuj, Utrosz* [SSNO II: 511; V: 533], польск. *Jutrocha, Jutrosz*, др.-чеш. *Jutroň, Jutroš* [Svoboda 1964: 272; Miklosich 1927: 17]; что касается межтерриториальных параллелей к новг. *Утрогоиць*, см. геогр. *Gütergoz* (< др.-слав. **Jutrogošć*) на бывшей территории расселения полабских славян в Германии (рядом с Берлином) и геогр. *Jutrogoszcz*, сейчас — *Witrogoszcz* в Польше [Rospond 1983: 80, 143]. Ойконим отражает непротезированное *у* в начале слова — признак восточнославянского происхождения; ср. рус. *утро*, но польск. *jutro*, чеш. *jitro*, словен. *jútro*, сербохорв. *jutro*. Модификация *Утрогоиць* в *Уторгоиш*, носящая факультативный характер, обусловлена историческим изменением произносительных норм: метатеза *-po- > -op-* реализована после появления редукции заударных гласных, преобразование конечной *иц > иш* является характерной чертой новгородского диалектного консонантизма.

Хотигоици дер. Городецк. Вол. при р. Псиже на южном побережье Ильменя, ранее — *Хотигоица* дер. Городецкой вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 36]. Восходит скорее всего к личн. **Хотѣгость* с основой глагола **xotěti*, активно участвовавшей в образовании др.-слав. антропонимии; ср. чеш. *Chotěbud*, польск. *Chotibądz*, чеш. *Chotěbor*, польск. *Chociebor*, польск. *Chociemir, Chocieslaw*, чеш. *Chotěmir, Chotimir*, чеш. *Chotěmysl, Chocerad* и др. Межтерриториальными параллелями выступают геогр. *Chotohošť* в Чехии, др.-луж. *Chotehošć* (> нем. *Kordigast*) в окрестностях Лихтенфельса к северу от Нюрнберга, полаб. геогр. *Chotegošć* (сегодня — *Kirhsee*) к северу от Гамбурга и *Chotegošć* (сегодня — *Gadegast*) сел. в Северо-Восточной Германии, см. материалы: [Rospond 1983: 54—55; Arumaa 1960: 156; Мор. СИ: 201]. Скорее всего к этому ряду примыкает и геогр. *Котогоиць* (с заменой *х* на *к*) — р. в Среднем Поочье, при которой стоит село *Камагоици* Захаровского р-на Рязанской обл. [Смол. ГБО: 172; Чумакова 1992: 60—61].

Тожественную или максимально близкую антропонимическую базу содержит также геогр. **Ходгостицы** дер. Дягиленского пог. Вод. пят. на Ижорском плато [НПК III: 687; ПКНЗ 1: 102], восходящее к личн. **Хотѣгость* или даже **Хотогость* с именной основой. Здесь проявилось характерное для др.-новг. композитной антропонимии усечение гласной в первом члене сложения. Впоследствии название дер. *Ходгостицы* видоизменилось в *Подгостици* 1612 г., или *Podgostitzi*

1623 г., *Pogostilitza, Podogostilitz*, судя по данным из Новгородского оккупационного архива XVII в.¹²

Чагодоуца л. пр. Мологи, протекает по восточной периферии рассматриваемого региона. По М. Фасмеру [Фасм. ЭСРЯ IV: 310], — темное слово. Однако следует учесть историческую форму данного гидронима — *Чадогоуць*, сохраненную писцовой документацией Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1071, 1072]: она заставляет думать, что совр. *Чагодоуца* получено путем метатезы из раннего *Чадогоуць*, которое, на мой взгляд, приемлемо объясняется на базе архаического композитного имени **Чадогость* (к **čędo* ‘дитя, infans’), см. такую же догадку у А. И. Попова [1981: 114]. Первый компонент находит др.-слав. антропонимические подтверждения: болг. личн. *Чедомир* и усеченное от него *Чедо* XVI в. [Заим. БИ: 242], сербохорв. *Čedomil, Čedomir*, чеш. *Čadek, Čád(a)*, польск. *Czada, Czadera, Czadkowic* [Svoboda 1964: 73; Rospond 1983: 58]; ср. также оттопонимные реконструкции: др.-новг. личн. **Любочадь*, **Милочадь*, **Дорогочадь* (см. выше комментарии к новг. геогр. *Любочажя*, *Мелечажо*, *Дорогачиж*).

Трактовка *Чагодоуца* на базе др.-слав. личн. **Чадогость* отчасти затруднена наличием смежного гидронима *Чагода* л. пр. *Чагодоуци*. В сущности, речь идет о вариантах одного гидронима, прикрепленных к разным участкам течения одной реки: вариант *Чагодоуца* относится к нижнему течению (ниже впадения р. Песь), вариант *Чагода* — к верхнему течению. Скорее всего *Чагода* нужно рассматривать как усечение формы *Чагодоуца*. После стабилизации ударения на первом слоге конечный слог подвергся редукции и исчез, возможно, под влиянием неславянских названий на *-да* сопредельных рек (*Шогда*, *Суда*, *Бруда*, *Сорода* и т. п.). В Среднем Поволховье обнаруживается межтерриториальная параллель — средневековое **Чагодоуца** рч.: «поч. Дружев на рч. *Чагодоуши*» Рождественского Солецкого пог. Вод. пят. 1540 г. [Селин 2003: 264]. По современным данным эта речка называется *Чагода*, она является л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова. Любопытно, что и в этом, втором, случае наблюдается аналогичная метатеза срединных слогов и усечение конечного слога, но здесь оба фонетических процесса явно были вызваны «рифмованной подгонкой» под облик названия смежной р. *Тигода*¹³, в которую впадает *Чагода*.

Щитогоуць дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 250]; предположительно соотнесена с позднейшей дер. *Святогорша* на р. Полисти Ст-Рус. у. [Андрияшев 1914: 258], в настоящее время — населенный пункт Ст-Рус. р-на, южнее Старой Руссы. Название средневековой деревни производно от личн. **Щитогость* (пожелание быть защитником?), которое в самостоятельном использовании не об-

¹² Эти данные извлечены из приложения к докладу П. Амбросиани «Названия деревень и сел в Новгородском оккупационном архиве», прочитанному на научно-практической конференции «Novgorodiana Sveciana» (Великий Новгород, 15—17 октября 2002 г.); см. также публикацию [Амбросиани 2005б].

¹³ *Тигода* — прибалтийско-финский гидроним, коррелирующий с карел. *t'ihüt* ‘мошка, мошкара’ [СКЯ: 297].

наружено, но находит межславянские антропонимические параллели к первому компоненту: *Щит* Семен Брагин, холоп боярина Тучка Морозова 1481 г. [Вес. Он.: 378], др.-чеш. личн. *Ščit, Ščitek* [Svoboda 1964: 303], др.-польск. *Szczycięta* [SSNO V: 296], серб. *Щитко* [Мор. СИ: 210]. Совр. *Святогорша*, при отождествлении его со средневековым *Щитогощъ*, выглядит существенно переименованным названием.

НЕОДНОЗНАЧНО ТРАКТУЕМЫЕ НАЗВАНИЯ

Отдельные топонимические сложения со вторыми частями *-гощ/-гоши/-гож-* содержат первые компоненты, не находящие уверенных подтверждений даже в апеллятивной лексике, или трактуемые излишне гадательно. Некоторые из рассмотренных ниже названий, возможно, и вовсе не имеют отношения к изучаемому типу деантропонимной топонимии, обнаруживая с ней лишь черты случайного сходства. Это своего рода «внесистемный» остаток, всегда неизбежный при этимологических изысканиях. Он сравнительно невелик на фоне общей совокупности названий от имен на *-гость*, которые локализируются на Северо-Западе. Но данное обстоятельство в сущности составляет отличительную черту топонимии на *-гощ/-гост-*, которая в силу этого представляет большой интерес для праславянской этимологии. Но, как кажется, этот топонимический источник мало использовался при этимологических штудиях.

Ильгощи село на р. Медведице к северо-западу от Твери (Рамешковский р-н), по карте 2-й пол. XIX в. — *Ильгоши* [КСтрельб], приравняется к *Вылгощ*, или *Вилгош*, сел. на р. Медведице в Иногостицкой вол. в Каменском стане в Бежецком Верхе сер. 1570-х гг. [ПКНЗ 3: 230]. Название возводили к личн. **Илигость*, первый компонент которого неясен [Микляев 1984: 33]. По С. Роспону [Rospond 1983: 77], исходное для этого ойконима личное имя является сравнительно поздним гибридным антропонимическим сложением, первую часть которого составляет *И-* как основа христианского имени (*ИIASZ, IIANUS*, рус. *Илья*), а во второй части — др.-слав. элемент *-гость*. На мой взгляд, больше оснований соотнести геогр. *Ильгощи / Вилгош* с личн. **Вил(ь)гость*, причем *Вил-* являет собой балтослав. корень **vil-*, объединяющий чеш. *vila* ‘дурак’, польск. *wila* ‘сумасшедший’, лит. *vylius* ‘лживый’, *vylius* ‘обман, хитрость’, *apvilti* ‘обмануть’ и др., сюда же, вероятно, и рус. *вилять*, см. [Фасм. ЭСРЯ I: 315].

Вяргость, или *Вяргось*, л. пр. Шижни, п. пр. Паши в ее нижнем течении [СГЮВП: 98; Шан. РЛЮ: 310] кажется по внешнему облику неславянским. Тем не менее, рискну приравнять его к др.-слав. личн. **Вьрх(ь)гость* (о модели геогр. = личн. см. гл. 6). С элементом *вьрх-* в др.-слав. композитной антропонимии засвидетельствованы польск. личн. *Wierzchosław*, полаб., чеш. *Vrchoslav*, полаб. *Vrchomil* [Rospond 1983: 150], др.-рус. *Верхуслава*, дочь князя Всеволода Мстиславича 1137 г. [Туп. СДЛСИ: 460]. После утраты редуцированных стала возможна модификация гидронима, равного имени **Вьрх(ь)гость*, в виде **Вергость*, позднее *Вяргость*.

Моглогость п. пр. Черемнки, п. пр. Руденки, п. пр. Оредежа, п. пр. Луги, Луж. р-н. Данный гидроним явно указывает на местоположение средневекового ойконима *Моглогость* («въ великого жь князя деревнѣ въ оброчной въ *Моглогости*»), относившегося к дер. Спасского пог. Вод. пят. на р. Оредеж 1500 г. [НПК III: 83, 93, 97], позднее — к пуст. *Моглогостье*, по описанию 1788—1791 гг. [Селин 2003: 147]. Не исключено, за этим названием стоит незасвидетельствованное личн. **Моглогость*, восходящее, в свою очередь, к форме **Modlogostь* через др.-новг. переход *dl > gl*. Первый компонент (: праслав. **modliti*, рус. *молить*) близок к основе **Modli-* др.-чеш. личного имени *Modliboh*, польск. *Modlibog*, др.-рус. *Молибог*, рядом с которыми С. Роспанд помещает и антропоним, реконструируемый по новг. геогр. *Моглогость* [Rospond 1983: 95]. При корневом тождестве начальных частей личн. **Modlibogь* и **Modlogostь*, между ними различие структурное: в первом композите глагольная, императивная основа (отсюда семантически — ‘пусть молит бога’), во втором, надо полагать, именная. Препозитивный компонент личн. **Modlogostь* соотносится с праслав. **modla* термином языческого культа (ст.-чеш. *modla* ‘идол, истукан’, чеш. ‘изваяние, статуя; храм’, словац., в.-луж. *modla* ‘идол, кумир’, ст.-польск. *modla* ‘жертвоприношение’ [ЭССЯ 19: 85]) и прослеживается в многочисленных зап.-слав. простых именах: др.-польск. личн. *Modleta*, *Model*, *Modlo*, *Modlik*, *Modul* [SSNO III: 541—542; VII: 157]; подобные антропонимы есть также в серболужицких и чешском языках. При таком понимании семантики исходного личного имени новг. геогр. *Моглогость* выглядит реминисценцией отдаленных времен язычества.

Новогоши, или *Новагожа*, дер. у оз. Сварец в бывшем Гд. у. 2-й пол. XIX и нач. XX в. [СНМРИ 37: 1356; Vasm. RGN VI 2: 252]. Отождествляется со средневековой дер. *Новогошка* Лядского пог. Шел. пят. 1501 и 1571 гг. [НПК V: 336, 554]. Ср. с этим новг. ойконимом блр. геогр. *Новогоща* в окрестностях Пинска [Arumaa 1960: 160]. Не исключена деривация от имени **Новогость*, однако первый компонент (: **novъjь*, рус. *новый*) для др.-слав. композитной антропонимии не характерен. Вместе с тем он нередок в деапеллятивных именах, например, в личн. *Новик*, много раз повторяющемся в НПК, а также в ст.-рус. *Новак*, *Новаша*, *Новиша*, польск., чеш. *Novak*, равно как в сложениях, обычно считающихся относительно поздними, ср. ст.-рус. личн. *Новожил*, *Новосад*, др.-польск. личн. *Nowosiodl* при рус. апел. *новосел* (материал по [Туп. СДЛСИ: 279—281; Svoboda 1964: 95]). Пожалуй, более приемлемым выглядит мнение, что геогр. *Новогошка* — это сложение с корнем глагола *гъшити* ‘готовить, приготовить’, ‘перебирать что-либо’ (Новг., Пск., Смол., Твер., Яросл.) [СРНГ 7: 101] и с первоначальным значением ‘новодел; новопостроенное селение’ [Мельников 1984: 120].

Подгощи сел. Шим. р-на недалеко от устья Шелони, ранее — волостное село Ст-Рус. у. с одноименным погостом [СНМНГ III: 102—103]. Идентифицируется со смежными средневековыми пунктами Коростынского пог.: *Подгощи* село и *Подгоща*, или *Подгоц*, сц. конца XV — 1-й пол. XVI в. [НПК V: 323, 391, 404,

410; Андрияшев 1914: 20]¹⁴. Сохраняется малая вероятность возведения к некоему **Подъгость* — префиксально-корневому имени, которое, однако, надежных топонимических проявлений не имеет и в славянских именниках отсутствует. Ср. луж. геогр. *Podbrasz* из личн. **Podъbrad-ъ* [Rospond 1983: 109], но последнее тоже сомнительно. Префикс *pod-* обыкновенно прослеживается в прозвищах, образованных от апеллятивов, как, например, в ст.-рус. *Подрез*, *Поджога*, *Подлесов* (к *Подлес*, ср. польск. *Podles*), *Подобедовы* (к *Подобед*) и др. [Вес. Он.: 249—250], в др.-польск. *Podsad*, *Podsadko*, *Podsąd* и др. [SSNO IV: 302]; такие прозвища фиксируются обычно в относительно позднее время.

Значительно более достоверной представляется трактовка геогр. *Подгощи* как раннего, произошедшего до XV в., народно-этимологического переосмысления топонимической формы типа **Ходгощи* (< личн. **Хом(ъ)гость*, **Хом(о)гость*). Переосмысление заключалось в сближении потерявшего мотивированность ойконима со структурой очевидных названий на преф. *Под-*. Данное утверждение не голосовно: тождественное преобразование формы документально свидетельствуется для территории Дягиленского пог., где ойконим *Ходгостицы* 1500 г. к нач. XVII в. был замещен на *Подгостицы* (см.).

Пиногощи дер. в верховьях Волги близ Лихославля, Вышковский СО (на карте МАТГ — *Пиногош*, 1853 г.). Это название, не находящее соответствий, явно соотносится с личн. **Пиногость*, но само имя изолировано первым компонентом. Кажется, компонент *Пино-* связан здесь с глаголом **peŋi*, **ръно*, многократным **pinati* ‘натягивать; давить’, см. [Rospond 1983: 107].

Рузогощь рч. в дельте р. Паша у юго-восточного побережья Ладожского оз., известная только по данным Ген. меж. конца XVIII в. [СГЮВП: 105]. Гидроним не имеет точных ономастических соответствий, а единственная старописьменная фиксация его, не исключающая вероятности всякого рода искажений, дает право предложить трактовку на базе др.-слав. личн. **Русогость* с элементом **rus-* ‘красный’ (> совр. рус. *русый*); близким подобием выступает личн. **Rusibor*, реконструируемое из польск. геогр. *Rusibórz*, см. [Rospond 1983: 120].

Сньгощ руч. в верховьях р. Мологи: «Дер. Великое Село на *Сньгоще*» в пог. Михайловском в Тростнах Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 188]. Это средневековое название, не знающее бесспорных топонимических и антропонимических параллелей, лишь с большой натяжкой допустимо выводить из неких композитных имен типа **Сньго(го)сть* (к апел. *сньгъ*) или даже **Сънягость* (если иметь в виду префиксальную основу праслав. **sъneŋi* ‘взять’, рус. *снять*), хотя можно привлечь к сравнению и неясное название *Снагость* л. пр. Сейма, оставленное без анализа в [Топоров, Трубачев 1962: 220]. Здесь сама единичность фиксации не позволяет

¹⁴ Возле Подгощей много археологических памятников, свидетельствующих о давней освоенности округа: древнее городище в 0,8 км к юго-западу от села в пойме р. Векша, группа из четырех сопок и одиночная сопка [ПИКНО: 237].

утвердиться в выборе исходной этимологизируемой формы гидронима, которая могла исказиться до неузнаваемости.

Сорогожа, иначе *Сарагожа*, л. пр. Мологи, с дер. *Сорогожское* на левом берегу, Лесн. р-н; в сер. XIX в. — р. *Сорогожа* с сел. *Сорогожа* и *Сорогожское* в уезде Вельегонска [СНМРИ 43: № 3077, 3107], в 1-й пол. XIX в. — р. *Сырогожа*/*Суро-гожа* с сел. *Сырогожское*/*Сарагожское* [Неволин 1853: 203]. Отождествляется со средневековой р. *Сорогошина* в вол. *Сорогошино* в Бежецком Верхе [НПК VI: 423, 424, 427, 445, 446, 450, 453, 751, 764, 767, 390—392 и след.]. Данный гидроним имеет внешнее сходство с гидронимом *Сырогоща*, вар. *Серагоща*, п. пр. Вязьмы, л. пр. Днепра (по [Топоров, Трубачев 1962: 220] — это сложение *Сыро-* и *-гоща*). Неустойчивость гласных связана с ударением на третьем слоге (совр. *Сорого́жа*). Относительно *Сорогошина* предполагалась субстратная основа [Агеева 1989: 179], что в значительной мере оправданно ввиду неустойчивости гласных в вариантах гидронима и наличия *ж* на конце основы. Вместе с тем указывали др.-серб. личн. *Сорогочь*, 1400 г. [Мор. СИ: 182], которое А. М. Микляев [1984: 36] считает искаженным личн. **Сорогост*. Кроме того, остается вероятность, вместе с верхнеднепровским *Сырогоща*, мотивировать этот гидроним неким личн. **Сурогость*, заключавшим корневой элемент **sur-/*sur-* ‘сырой’, но и ‘жесткий, строгий’, ср. *суровый* [Фасм. ЭСРЯ III: 807, 819; Черн. ИЭССРЯ 2: 219, 221—222], несмотря на то, что основа со значением ‘суровый’ не оформлена здесь суф. *-ov-*. Замечу в этой связи, что зафиксированное немецким документом 1219 г. личн. «*Zurizlau*», трактуемое (со знаком вопроса) как полаб.-помор. *Suroslav*, Г. Шлимперт [Schlimpert 1978: 136—137] тоже сравнивает с **surov-* ‘roh, grausam’, находя топонимическое соответствие (геогр. *Surgoszcz*) на территории Польши.

Тогоше оз. Егорьевского пог. в Осечне в верховьях р. Тверцы [НПК VI: 194] наряду с *Тагоща* л. пр. Лучесы, л. пр. Межи в верховьях Западной Двины, там же и дер. *Тагоща* в окрестностях Смоленска [Микляев 1984: 37; Агумаа 1960: 165]. Оба гидронима (различие *Ta-*, *To-* в них обусловлено аканьем), по-видимому, восходят к личн. **Тоигость*, точно так же, как новг. *Стогоща* — к личн. **Стоигость*, новг. *Во-гоща* — к личн. *Воегость* и т. п., см. выше. Первый элемент рискну соотнести с глаголом **tojiti*, ср. новг. диал. *тоить* ‘беречь, кормить хорошо’, ‘предохранять; заботливо оберегать’, *то́йный* ‘упитанный’, ‘бережливый’ и др. [НОС 11: 41—42].

Тригоща дер. 1539 г. в пог. Михайловском на Полоной (к востоку от близлежащего Порхова) [НПК IV: 307], которую скорее всего следует приравнять к дер. *Трегоща* 1576 г. уже «пустой», писанной в Порховском околородье [НПК V: 581; Андрияшев 1914: 409]. Этот средневековый пункт следует идентифицировать с позднейшей дер. *Тригорша* на рч. Теребежка Порх. у. [СНМРИ 34: № 11414], сегодня дер. в Полонской вол. Порх. у. Такое же название показывает и дер. **Тригожщи** 1498 г. в Карачунском пог. Шел. пят. [НПК V: 271], тоже локализующаяся рядом с Порховом, но немного южнее; совр. сведений об этом пункте нет. Ойконимы обосновываются, надо полагать, личн. **Тригость*/**Трьгость*. Первый компонент имени скорее всего является числительным *три* и, следовательно, находит

достаточную опору в др.-чеш. личн. *Trojslav*, жен. *Trojslava*, указанных в [Svoboda 1964: 96], буквально — ‘трижды славный, -ая’. Имя с семантикой «троичности» высоко возвеличивало нареченного, ср. в этой связи слова *треволение*, *треклятый* с интенсивным проявлением признака (состояния). Вместе с тем числительное *три* в разных культурах способно приобретать иные семантические мотивировки¹⁵.

Крогоща — средневековая дер. где-то в Западном Приильменье, по данным А. М. Микляева [1984: 39], в моих материалах ее нет. К личн. **Крогость?* Впрочем, сведений недостаточно даже для минимальных заключений.

Тягоши дер. в Городенском пог. в Ладожском у. около 1500 г. [ПКВод 11: 9], = пуст. *Тягота* в материалах Ген. меж. 1791 г. [Селин 2003: 272]. Сходный облик имеет название дер. **Тягуще** в Шелонской вол. Дед. р-на в верховьях Шелони, указанной во 2-й пол. XIX в. как ус. *Тягуща* Порх. у. [СНМРИ 34: № 10676]. С геогр. *Тягуще* сопределен ойконим **Тигощи**, который прикреплен к двум деревням в Бежаницком и Локнянском р-нах Пск. обл. За геогр. *Тигощи* П. Арумаа и позднее С. Роспонд видят личное имя **Тихогость* (ориентируясь на распространенные у южных славян *Tichomir*, *Tichomil*, *Tichodrag*), откуда геогр. **Тихогощи* и далее путем сокращения — *Тигощи* [Арумаа 1960: 165; Rospond 1983: 138]. Вместе с тем имеются основания возвести все эти ойконимы — *Тягоши*, *Тягуще* и *Тигощи*, которые скорее имели первоначальную основу *Тягощ-*, к личн. **Тягость*. Но структура этого исходного имени не очевидна. Кажется, его можно рассматривать как сокращение личн. **Тягогость* (**Тегогость*) с первой элементом, родственным, в частности, др.-рус. *тяго* ‘ремень’, укр. *тяг*, рус. *тяга*, *тягать*, равно как ст.-рус. личн. *Тяга*, *Нетяга*, *Теглев* [Туп. СДЛСИ: 275, 407, 778]. Сокращение антропонима-композиата в подобных случаях ожидаемо хотя бы в силу неизбежной гаплогологии *-гого-* > *-го-* (полная аналогия видится, к примеру, в новг. *Дорогостицы*: личн. *Дорогогость*). Реконструкт **Тегогость* обнаруживает структурно-семантическое подобие с известными западно- и южнославянскими ономастическими фактами, такими как др.-польск. личн. *Тегомир*, *Тегоборски* [SSNO V: 440], сербохорв. *Tugomer*. Ср. еще оттопонимные реконструкты — вероятные личн. **Тогоборь* (из польск. геогр. *Тегоборз* и морав. *Tuhoboř*) и особенно показательное для нашего случая личн. **Тогогость*, выводимое из чеш. геогр. *Tuhohořt*, *Tuhořt'* [Rospond 1983: 136]. Различие огласовок корня **teġ-/*toġ-* вряд ли влияет на смысловое наполнение его дериватов, манифестирующих общую идею силы, опоры, крепости.

Впрочем, личн. **Тихогость*, похоже, «высвечивается» в названии дер. **Тѣгосца** Михайловского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 170], если учесть, что к концу XVIII в. эта деревня становится известна как пуст. *Тухатцы* Валд. у. [ИАДП I: 199].

Черегоща (по [Шан. РЛЮ: 245] — *Чарягоща*) р. в оз. Ямно басс. Мсты, Хв. р-н. На старой карте 2-й пол. XIX в. речка подписана *Чарягоща* [ВТКЗверст], по писцо-

¹⁵ Например, числительное *три* мифологически «всегда связано со смертью через погребальный обряд» [Топоров 1979: 18].

вой книге Беж. пят. 1564 г. — *Черегоща* [НПК VI: 1036] (неустойчивость гласных обязана ударению на третьем слоге). Предполагают исходным личн. **Čereghostь* с префиксом *чере(з)* < **ker(зь)* [Rospond 1983: 62], но надежных соответствий для первого компонента, как будто, нет.

Щегоща дер. Торошковск. Луж. к юго-востоку от гор. Луга, под 1838 г. — *Щегощи* 1-го стана Луж. у. [ОСПбгуб: 106], идентифицирована [Андрияшев 1914: 164] с дер. *Вицагоща* Городенского пог. Шел. пят. 1501 г. [НПК V: 345]. Первый компонент неясен. Гипотеза Н. В. Подольской [1983: 10]: *Вицагоща* < *вся гоща*, — несостоятельна. Сугубо теоретически можно допустить деривацию на базе некоего **Уцагость*, нигде более не зафиксированного антропонима, в котором первый компонент соотносится с вероятным праслав. **ustiti*, **ušcati* ‘побуждать’ (ср. лит. *ąščioti* ‘болтать, шептаться’). Появление геогр. *Вицагоща* на месте личн. **Уцагость* можно объяснять особенностями псковских говоров, знающих чередование *y//ÿ//v* в позиции начала слова перед согласной. Что касается собственно фонетической стороны вопроса, то новг. геогр. *Вицагоща* (> *Щегоща*), кажется, демонстрирует тот же комплекс изменений, которые пережили геогр. *Вициж* сел. на Десне неподалеку от Брянска и польск. *Uścicz*, *Uścierz* сел. на Висле, этимологизируемые на базе праслав. **ustje*, рус. *устье* (реки) [Трубачов 1971: 9—10]. Кроме того, можно обратить внимание на геогр. *Щежерь* (польск. *Szczeżery*) дер. на Могилевщине и [Vasm. RGN X 3: 388], хотя этимологию первого компонента исходного имени такое сближение вряд ли проясняет.

Шахоща пуст. в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 246]. Допустимо квалифицировать как вариант к геогр. *Цехоща* (возведенному нами ранее к личн. *Чагость*, см.), учитывая, что оба данных названия локализируются в одном и том же средневековом погосте. Вместе с тем в качестве вероятной межтерриториальной параллели к новг. *Шахоща* обращает на себя внимание геогр. *Шигостово* дер. близ гор. Алексин Тульской губ. [Vasm. RGN X 2: 288]: к личн. **Шигость*/**Шегость*, первый компонент которого неясен.

Корегощ — придаточное оз. Селигера, указанное первый раз жалованной грамотой волоцкого князя Федора Борисовича Симоновскому монастырю 1499 г. под названием *Керегошь*: «...Пожаловавъ (...) въ моей отчинѣ въ Ржевѣ озеро Сыроменецъ да *Керегошь*, по Ноугородцкой рубежъ» [АИ I: 158], затем — *Керегожь* в акте 1623 г. [АИ I: 183], а в более поздних документах также *Терегожь*, *Корегоща*, *Теригоща* (буква «т» здесь объяснима диалектным смешением мягких *к’* и *т’*). Темный для истолкования гидроним. Если перед нами действительно название на *-гощ*¹⁶, то первая часть его (*Кере-/Коре-*) производит впечатление субстратной основы [Агеева 1989: 179; Микляев 1984: 33]. Разумеется, принимая в расчет спо-

¹⁶ Напрашивается, помимо прочего, сопоставление с др.-рус. и рус. диал. *керегѡд* (*керевод*) ‘рыболовная снасть, род невода’ [СлРЯ XI—XVII 7: 115—16; СРНГ 13: 185]; с учетом этой лексемы, распространенной на Северо-Западе, сугубо теоретически из **Керегожское* (т. е. ‘озеро, на котором ставят *керегоды*’) путем обратного словообразования позволительно вывести форму *Керегож*, далее *Керегощ*.

способность антропонимического компонента *-гость* сочетаться с широким кругом апеллятивных основ и учитывая влияние на славян иноязычного окружения, нельзя исключать проникновения в личные имена на *-гость* лексических элементов неславянского происхождения.

Этимологизации геогр. *Керегоиць / Корегоица* способствует структурно-фонетическое подобие с геогр. *Керемера* дер. в пог. Волок Дершков Беж. пят. 1564 г. на р. *Керемера* [НПК VI: 169, 996, 1003]. Этот, второй, топоним с явными признаками композитной структуры тоже показывает мену передних и непередних гласных, судя по более поздним вариантам: в Ген. меж. 1785 г., под № 168, — *Каремеры* дер. на правом берегу р. *Коремерки*, «а дачею оной речки и реки Мсты на правом, а ручья Овинчинского на левом берегу» [КГарн], или *Карембра* дер. на правом берегу Мсты, 1885 г. [Судох. Дор.: 113], или *Каремера*, согласно списку селений 1885 г. [КГарн], или *Коремера* дер. Хоромской вол. Бор. у. 1911 г. по источнику нач. XX в. [СНМНГ VI: 124—125] и по совр. данным (*Коремера* дер. Сушанск. Бор. ниже по Мсте от гор. Боровичи). Параллелизм композитов *Керегоиць / Корегоица* и *Керемера / Коремера*, явленный первым компонентом, думается, не случаен. Оба названия можно трактовать как дериваты от двусловных личных имен на *-гость*, *-мърь*, которые входят в базовый антропонимический фонд древних славян. Общий первый компонент, однако, не находит безусловных подтверждений в древнеславянской антропонимии. Вряд ли стоит привлекать к сравнению др.-рус. личн. *Корибуд* [Мор. СИ: 102], польск. *Korzyslaw*, полаб. *Korislav* (< **koriti* — ‘покорять, смирять’). Природа колебания *Кере-/Коре-* тоже не очевидна, равно как выбор исходной этимологизируемой формы: *Кере-* или *Коре-*.

На мой взгляд, в данном случае важно учесть малоисследованные явления древнерусской диалектной фонетики Северо-Запада, например, отдельные случаи диалектного развития $\tau > e$ перед мягкими сонантами на фоне общерус. $\tau > o$, см. [Николаев 1988: 121—128]. Компонент *Кере-/Коре-* с учетом этих возможностей отсылает к раннему **Къре-*; ср. в этой связи др.-рус. *кърь* ‘место, расчищенное под пашню’, *къря* ‘корень’ и переносно ‘источник, начало; основа’ [СлРЯ XI—XVII 7: 354—355]. Данные апеллятивы встречались в древних говорах Русского Северо-Запада, причем имели здесь двойственную рефлексацию; ср., во-первых, старописьменные новг. геогр. *Закерье* сел. в Никольском Ястребинском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 791] (< **Закърье*, семантически — ‘место за рощистью’), и, во-вторых, *Корье* дер. Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 177] (< **Кърье*) (иные подробности см. в гл. 10). Элементы терминологии земледелия не исключены в антропонимах-композитах; ср. реконструируемое личн. **Кърегость* (> геогр. *Керегоиць / Корегоиц*) с летописным личн. *Орогость* («послаша <...> *Орогостя* и Ратибора», 1100 г.), первую часть которого можно сравнить с корнем глагола **orati* ‘пахать’¹⁷.

¹⁷ К личн. *Орогость* справедливо возводится название др.-рус. гор. *Оргоиць* [Мароевич 1997б: 159].

НОВГОРОДСКИЙ АРЕАЛ «ГОСТЕВОЙ» ТОПОНИМИИ В СВЯЗИ СО СПЕЦИФИКОЙ ИСХОДНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Порой выражают сомнение в самом этимологическом единстве географических названий на *-гощ/-гост-*, предполагая неоднозначность их возникновения. Так, Н. В. Подольская [1983: 141] пишет: «Лишь в некоторых случаях можно считать, что эти топонимы — производные от антропонимов на *-гость*, зафиксированных в памятниках, например, *Воугоща* от *Воугость*, *Радогоща* от *Радогость* (...). Материал позволяет заключить, что большая часть топонимов-композигов на *-гощ-* возникла самостоятельно в топонимии. Возможно, что первоначально эти названия были связаны или с постоянными (заезжими) дворами или с гостинными дворами, т. е. поселениями, где были торги или постоянные торговые ряды [Даль I: 387], т. е. *-гощ-* ‘гостевой’, ‘гостинный’». Р. А. Агеева [1989: 179] тоже считает, что далеко не все топонимы с элементом *-гост/-гощ-* могут быть объяснены как происходящие из славянских личных имен. А. Л. Шилов [1996: 79—85; 2010: 201—203] лишь часть названий со вторыми *-гощ/-гост-* допускает производными от антропонимов, другую же значительную часть связывает с др.-рус. **гость* ‘лес’, якобы вариантным термином к известному в славянских языках слову *gvozdъ* ‘лес’. Какие есть этимологические основания для приравнивания реконструкта **гость* к апел. *gvozdъ*, зачем ради сомнительной операции такого приравнивания жертвовать единством происхождения столь очевидно единого и выразительного топонимического ареала, — на эти и другие возникающие по поводу вопросы ответов нет.

По моему мнению, нет серьезных оснований ставить вопрос о гетерогенности названий-композигов на *-гощ/-гост-* на Русском Северо-Западе, которые не могут рассматриваться в изоляции от подобных топонимов в иных регионах Славии. Неоднозначность интерпретации отдельных фактов, которые на общеславянском компаративном фоне весьма редки, нисколько не опровергают деантропонимного характера таких названий в целом. Ясно, что одна из причин, заставляющих сомневаться в их деантропонимном образовании, — это отсутствие в большинстве случаев бесспорных корреляций между топонимами и зафиксированными письменностью исходными личными именами. Но, вообще говоря, таких корреляций нельзя ожидать уже хотя бы потому, что основной корпус письменных источников у славян начинает формироваться примерно с XII в. и позднее, когда большинство личных имен со вторым *-гост-*, активно функционировавших в I тыс. н. э., уже вышло или выходило из употребления; кроме того, письменность по определению не способна охватить всего многообразия проявлений языка, а письменные памятники, как известно, донесли до нас лишь мелкие осколки древней языковой мозаики. Поэтому не только многие названия на *-гощ/-гост-*, но и немалое количество очевидным образом квалифицируемых йотово-посессивных топонимов, бесспорно берущих начало от древнеславянских композитных имен, не находят точных антропонимических подтверждений

в письменности¹⁸, тем не менее никто не рискует видеть в них апеллятивы, а не личные имена. При анализе многих случаев более оправданно для подкрепления ономастических этимологий перейти с уровня антропонимических композитов на уровень антропонимических компонентов. Базовые (типовые) основы древнеславянских личных имен комбинируются в разных сочетаниях друг с другом и способны с большей или меньшей свободой занимать и первую, и вторую позиции в антропонимическом сложении. В сущности, абсолютно достаточный контекст реконструируемому личному имени со вторым элементом *-гост-* составляют подобные композитные имена с общей первой частью. Так, известные у славян *Мирославъ*, *Миронегъ*, *Мирозарь*, *Миролоубъ* вполне доказывают былое существование личн. **Мирогость*, извлеченного из геогр. *Мирогоща*; при этом наличие топонимических параллелей на других территориях свидетельствует о широком функционировании личн. **Мирогость* у разных групп славян.

Выше с различной степенью полноты было привлечено к анализу 97 названий на *-гощ/-гост-* в регионе Новгородской земли и отчасти на прилегающей территории Русского Северо-Запада. Среди них наиболее многочисленны (всего 43) названия, которые коррелируют с теми или иными вариантами отмеченных письменностью личных имен. Вторую по количеству группу (всего 33) составляют названия, включающие в основном типовые антропонимические элементы, подтвержденные препозицией чаще всего иных древнеславянских имен-композитов. Обе эти группы топонимов, нередко обнаруживающие топонимические параллели далеко за пределами Новгородской земли, в структурном отношении не выделяются на фоне всего остального массива йотово-посессивных названий от древнеславянских композитных и префиксально-корневых имен.

Этимологическое своеобразие топонимии со вторыми элементами *-гощ/-гост-* на Русском Северо-Западе обеспечивается третьей группой проанализированных выше названий: *Вяргость*, *Ильгощи*, *Корегощ*, *Крогоща*, *Моглогость*, *Новогощи*, *Подгощи*, *Пиногощи*, *Рузогощъ*, *Снъгощ*, *Сорогожа*, *Тогоше*, *Тригоща*, *Тригожци*, *Тигощи*, *Тягоши*, *Тягуще*, *Тъгосца*, *Черегоща*, *Шахоща*, *Щегоща* (всего 21, более 20 % всей совокупности). Перечисленные названия содержат изолированные препозитивные компоненты, этимологически неоднозначные или неясные. За отдельными исключениями, эти названия не знают межтерриториальных соответствий вне пределов новгородской территории, некоторые из них имеют единичные письменные фиксации и поэтому ненадежны при анализе. Благодаря этой группе процент изолятов в топонимии на *-гощ/-гост-* безусловно выше того, который характеризует общую совокупность названий, в частности новгородских, возводимых к иным разрядам двусловных или префиксальных сложений. Но в антропони-

¹⁸ Даже если взять, к примеру, такие «классические» самоочевидные деантропонимные названия на *-славль*, как *Солославль* сел. близ Ярославля, *Иеславль* и *Ижеславль* в Поочье, выясняется, что они не поддержаны зафиксированными личн. **Солославль*, **Ижеславль*; последнее лишь весьма осторожно соотносят с известным по письменности личн. *Изяславль* [Чумакова 1992: 58].

мическом характере появления даже этой группы названий, перемежающихся с определенно деантропонимными дериватами, сомневаться не приходится. Здесь налицо языковая специфика не топонимии, а исходной антропонимии, использующей разнообразную лексику, в том числе иноязычную.

Очевидно, антропомодель с вторым компонентом *-гость* обладала повышенной имяобразующей валентностью, была способна осваивать новые именные и глагольные апеллятивные основы, в чем видится некое приближение таких имен к статусу деапеллятивных прозвищ; но, в отличие от прозвищ, они, по-видимому, всегда были истинными (первыми) именами, которые давались при рождении. Способность данной модели принимать не только базовые антропонимические компоненты, но также новые апеллятивные основы, по-видимому, связана со зрелостью, «обкатанностью» самой этой модели, очевидно, одной из самых архаических в древнеславянской антропонимии. Элемент *-гость*, бывший в постпозиции, являлся семантически опустошенным и, по сути дела, выполнял прежде всего строевую функцию, тогда как препозитивный элемент нес основную смысловую нагрузку. Лексические значения первых элементов были теснее ассоциированы с характеристиками носителей имен, что потребовало в конечном счете расширения круга лексических основ, привлекаемых для имянаращения. Иначе говоря, модель со вторым *-гост-* была в значительной мере окостеневшей структурой, приближаясь по типологии к моделям простых личных имен, а элемент *-гост-* превращался в суффикс, хотя и не стал им окончательно. Сходная мысль о суффиксации ранее высказывалась в отношении модели с постпозитивным элементом *-слав-*, к которому тоже с достаточной легкостью присоединялись специфические основы, но преимущественно в западнославянском антропонимиконе¹⁹. Несколько иной ситуация была с другими моделями древнеславянских двусловных имен (в том числе с моделью с начальным *Гост-*: *Гостомысль*, *Гостимѣрь* и др.), которые показывают меньший набор привлекаемых лексических основ. В них семантическая нагрузка скорее равноправно приходилась на оба элемента, соответственно, смысловое содержание таких моделей было более конкретным, а структура более подвижной; это практически не требовало поиска новых лексических ресурсов: хватало и устоявшихся базовых элементов, которые, относительно свободно комбинируясь в препозиции и постпозиции, создавали большое количество разнообразных имен.

Таким образом, имена со вторым *-гост-* в кругу древнеславянских антропонимических композитов были семантически маркированы: они, в отличие от всех остальных, обладали более широким и общим смысловым содержанием. Включавшая нередко изолированные от базового антропонимического фонда славян лексические элементы модель личных имен со вторым *-гост-*, естественно, вы-

¹⁹ Так, например, в польских личн. *Grzymisław*, *Rudzisław* (< *Rudolf*) элемент *-sław* рассматривался именно как суффикс, тогда как в распространенных (базовых) древнепольских личных именах типа *Stanisław*, *Bronisław* он считается полнозначным лексическим компонентом, см. [Роспонд 1962: 13 (со ссылкой на П. Зволинского)].

глядит наиболее открытой для индивидуального имятворчества; сам подбор этих изолированных элементов не случаен: в нем чувствуется творческий замысел имядателей, направленный обычно на возвеличивание, прославление человеческих достоинств.

Если обратиться к аспекту деривации названий на Русском Северо-Западе, выясняется следующее распределение: до 85 % названий на данной территории возникли по йотово-посессивной модели (их опознавательный признак — наличие элементов *-гощ-*, редко *-гош-*, *-гож-*: *Мирогоща*, *Уторгош*, *Новогожа*), остальные — по модели на *-ичи/-ицы* или путем неморфологической топонимизации (они содержат элемент *-гост-*: *Радгостицы*, *Милогость*).

В подавляющем большинстве, как показывает проведенный анализ, антропонимическое обоснование географических названий-композиций на *-гощ-/гост-* — процедура обычно несложная, хотя обнаруживается немалая доля топонимов, которые с течением времени существенно модифицировали свой первоначальный облик. Фонетические процессы, которые удалось проследить по рассмотренным выше названиям, относятся преимущественно к уровню исходных, образовавших их антропонимов. Отмечу лишь некоторые фонетические модификации, имеющие более или менее общий характер.

Многие исходные личные имена на *-гость*, наряду с древнеславянскими композитными антропонимами иных моделей, испытали усечение гласного исхода первых частей сложений, однако этот процесс остался незавершенным. Отсюда разноречивость в оформлении препозитивных компонентов топонимии на *-гощ-/гост-*: они предстают либо без усечения конечных гласных (*Велегощи*, *Иногостицы*, *Мирогоща*), либо с усечением (*Вельгош*, *Нежгостицы*, *Ходгостицы*, последнее с озвончением *t > d*), либо с развитием новых гласных на месте усечения. Последним обстоятельством отчасти объяснима двойственная огласовка исторических вариантов в парадигме одного и того же топонима (типа *Людогоща/Людьгоща*, *Мыслегостицкая Губа при Маслогостицы*) или среди межтерриториальных параллельных топонимов на базе единого имени (*Любегоща* Твер. обл., но *Любогошь* близ Калуги: оба к личн. *Любогость*). Но в ряде других случаев подобная мена гласных безусловно была вызвана морфологической вариантностью исходной антропонимии, собственно — различиями именных и глагольных основ общего корня, входивших в структуру антропонимического композита (так, новг. геогр. *Хотигоща* произведено скорее от личн. **Хотъгость* с основой глагола, а чеш. геогр. *Chotohošť* возводят к засвидетельствованному личн. *Chotohost* с основой имени).

Очевидно, одним из способов сокращения первых компонентов порой являлась гаплогония слогов *-гого-* > *-го-*, которую отражают такие названия, как *Дорогостицы*, *Дорогощи*, быть может, *Тягуще*, *Тигощи*. Кроме того, вслед за усечением гласной финали в первых частях некоторых сложений, предшествующая согласная *j* тоже подвергалась усечению. Отсюда появление топонимических форм типа *Стогоща* (к полному личн. **Стоигость*), *Вогоща*, *Вогостино* (к пол-

ному личн. *Воегость*, зафиксированному источниками), *Тогоща*, *Тагоща* (к личн. **Тоигость*).

Среди процессов, безусловно связанных с собственно топонимической сферой, следует назвать: преобразование в некоторых случаях *щ > ш* (*Уторгош*, *Негоша*, *Вельгош*, *Радогоша*), *щ > ш > ж* (*Новагожа*, *Сорогожа*, *Дорогожа*, *Дорогожицы*)²⁰, метатезы слогов (*Диговоща*, *Жигорощо*, *Миголощи*, *Ригодищи*, *Чагодоща*) и отдельных звуков (*Уторгош < Утрогощъ*, *Югостицы < *Уигостицы*, к **Уегость*), отражение некоторыми топонимами на *-гощ/-гост-* нерегулярных диалектных процессов, таких как цоканье, недостаточность различения глухости / звонкости согласных (*Доброкостьци*, *Некостъ*, *Цехоца*), спорадический переход *ja > je > i* (*Ирогоще*) и др.

Еще одну важнейшую особенность выявил проведенный выше анализ названий со вторым элементом *-гощ/-гост-*: на Русском Северо-Западе, главным образом в изучаемой области новгородских пятин, наблюдается выразительное скопление данной топонимии. Безусловно, это скопление — одна из самых характерных черт всего топонимического ландшафта Новгородской земли (см. карту 6).

Впервые на плотность *-гощ/-гост-*названий на Русском Северо-Западе обратил внимание П. Арумаа. Он насчитал здесь 80 таких топонимов, тогда как в Поочье и на верхнем Дону — 29, на территории бывших Ростово-Суздальской и Смоленской земель — 30, на Украине — 28, в Белоруссии и Литве — 43 названия [Arumaa 1960: 144—175].

Русскому северо-западному ареалу названий со вторым элементом *-гощ/-гост-* посвящена статья А. М. Микляева [1984: 25—46]. По словам автора, только здесь отмечается «концентрация, не повторяющаяся нигде более во всей Европе!» — приблизительно 80 названий, наиболее кучно они сосредоточены в Западном Приильменье. Микляев обращает внимание на странное, по его мнению, противоречие: большое количество топонимов с элементом *-гощ/-гост-*, прежде всего на Русском Северо-Западе, при ничтожном количестве персонажей с именами на *-гость*, известных из письменности восточных славян. Вместе с тем письменность балтийских, западных и южных славян донесла до нашего времени значительно большее число таких имен. Отсюда делается вывод о том, что в течение длительного времени в Восточную Европу и конкретно в Приильменье проникали группы балтийских, западных и южных славян, для которых имена на *-гость* были наиболее характерны. Имена переселенцев с юга и запада не попали в русские письменные источники потому, что эти переселенцы не играли активной роли в политической истории нашей страны. Имена на *-гость*, по мнению Микляева, были достаточно распространены и у восточных славян, но только на очень раннем этапе их истории и к началу письменного периода вышли из употребления. На Русский Северо-Запад носители имен на *-гость* проникали с юга — из Среднего Подвинья

²⁰ Эта нерегулярная мена известна также за пределами изучаемого региона, ср., к примеру, название гор. *Острогосск*, полученное по р. *Острогоща* в Воронежской обл.

и Верхнего Поднепровья, далее на Волгу, Мсту и Чагодошу; в бассейне Ильменя они продвигались в обход территорий, которые были заняты группами местного населения, оставившего сопки и длинные курганы.

Почти сотня топонимов, привлеченных к настоящему анализу, действительно не вполне согласуется с фактом довольно скудного отражения подобного рода личных имен в древнерусских памятниках письменности. Так, у восточных славян в памятниках письменности XII—XV вв. исследователями были обнаружены всего пять персонажей, носивших, за вычетом вариантов, только два разных имени на *-гость* (*Воигость* и *Доброгость*), тогда как в письменности западных и южных славян насчитывают до 60 персонажей с такими именами [Микляев 1984: 26, 39; Агеева 1989: 78]. Этот момент очевидного количественного несоответствия фактов восточнославянской (прежде всего — северо-западной) топонимии и восточнославянской древнеписьменной антропонимии можно объяснить несколькими причинами. Одна из них, не самая главная, — неполный охват материала самих письменных источников. Сегодня к именам, приведенным выше, можно добавить имена новгородцев, известные по надписям XI—XIII вв. на штукатурке новгородского Софийского собора: *Радигость*, *Людьгостиничь* [Медынцева 1978: 141, 161] и извлеченные из грамот на бересте: *Радого[сть]* (№ 571, XII в.), *Милого[сть]* (№ 230 нач. XIV в.), *Домагость* (№ 902 конца XI — нач. XII вв.) [Зализняк 2004: 454, 527, 247], *Станигость* (№ 959 конца XI — рубежа XI/XII вв.) [Зализняк, Янин 2007: 6], а также личн. *Орогость* из Лаврентьевской летописи (под 1100 г.). Открытие новых документов, полагаю, даст новые имена; пока же можно констатировать, что они полнее всего отражены именно документацией новгородской территории, т. е. как раз там, где топонимия на *-гоиц/-гост-* предстает особенно сконцентрированной.

Более существенная причина относительно слабого отражения таких личных имен восточнославянской письменностью вытекает из самой антропонимической специфики модели личных имен со вторым *-гость*. Благодаря превращению второго элемента *-гость* в суффикс очень часто препозицию занимали изолированные, уникальные лексические элементы. Появлявшееся таким образом новое имя, наминавшее индивидуальное прозвище, как правило, не приобретало устойчивого антропонимического закрепления и воспроизведения, не входило в базовый фонд общеславянских композитных имен, хотя могло получить узкоместное, диалектное распространение. В условиях отсутствия письменности такие неустоявшиеся, без стабильной традиции употребления, спорадические прозвищные антропонимы имели немного шансов попасть в позднейшие письменные источники; в письменность, разумеется, скорее попадали популярные, искони употребительные имена, которые появились в дописьменную эпоху и передавались из поколения в поколение на протяжении многих столетий. Поэтому мы и наблюдаем по памятникам письменности в основном высокочастотные, популярные имена на *-гость* с базовыми препозитивными элементами (*Воигость*, *Доброгость*, *Милогость*, *Радогость*, *Людигость*), тогда как дописьменная топонимия дополнительно открывает немало

особенных, изолированных, территориально ограниченных имен типа **Трьгость*, **Пиногость*, **Середогость*, **Щитогость*, **Пронегость*, **Тур(о)гость* и др. Появление таких имен (с суф. *-гость*) было особенно характерно для восточных славян северной зоны. У западных и южных славян, в свою очередь, роль суффикса нередко исполнял лексический элемент *-slavъ*, иногда *-mirъ*, благодаря чему у них тоже появилось немало специфических имен, связанных обычно со сравнительно поздней исторической эпохой; ср., к примеру, полаб.-помор. личн. *Turomer*, чеш. *Nosislav*, болг. *Русомир*, *Михослав*, *Никослав*, серб. *Турисав*, *Вукосав* и др.

Но главная причина отсутствия многих вероятных личных имен на *-гость* в древнерусских памятниках письменности, на мой взгляд, обусловлена значительной архаичностью самой реализующей их модели: данные имена, надо полагать, активно функционировали в I тыс. н. э., но к началу славянской письменности стали постепенно выходить из употребления, так что в письменных источниках остались лишь немногие из них. У восточных славян процесс их исчезновения проходил в целом быстрее, чем у западных и южных, письменность которых зафиксировала, по приблизительным подсчетам, на порядок больше носителей таких имен, известных до XVIII в. Думается, отмеченная ситуация в немалой степени объясняется общими системными различиями антропонимии восточных славян, с одной стороны, и западных и южных, с другой: если восточные славяне довольно быстро заменили свои древние двусосновые имена христианскими греко-византийскими именами, то западные и южные славяне в своей письменной истории существенно больше ориентировались на исконно славянский фонд композитных антропонимов, среди которых встречались и двусосновые имена на *-гость*. Тем не менее, в отличие от многих композитных антропонимов, личные имена на *-гость* были в конце концов утрачены и этими ветвями славянства, прежде всего, пожалуй, в силу их изначальной глубокой архаичности.

Какие этноисторические выводы позволяет сделать топонимия на *-гоиц/-гост-*, густой сеткой покрывающая Русский Северо-Запад? Во всяком случае сейчас, с учетом сказанного выше о личных именах на *-гость* и, в частности, об особенностях их отражения письменными источниками, можно уверенно констатировать, что концентрация этой топонимии на Северо-Западе не может быть объяснена в рамках сомнительного тезиса о том, что в течение длительного времени в Восточную Европу и главным образом в Приильменье проникали балтийские и западные славяне, оставившие названия на *-гоиц/-гост-*. Антропонимическая модель со вторым *-гость* была общеславянской, в большей или меньшей степени унаследованной всеми славянскими племенами и группами. Лучшая сохранность имен на *-гость* в поздней письменности западных и южных славян не имеет решающего значения при трактовке ранней, дописьменной топонимии: отраженные письменностью западно- и южнославянская антропонимические системы, в значительной степени ориентированные на исконное наследие, вообще лучше сохранили древнеславянский пласт двусосновых имен, неотъемлемой частью которого являются имена на *-гость*. Что касается соответствующей топонимии, то она, как показы-

вает анализ, изредка встречается во всех уголках раннеславянского расселения; в частности у восточных славян, помимо Русского Северо-Запада, такие названия более или менее равномерно рассеяны практически по всей территории Верхнего Поднепровья (лишь одно выразительное скопление таких топонимов находится на верхней Припяти в районе Пинска [Топоров, Трубачев 1962: карта 13]) и изредка встречаются в Верхнем и Среднем Поочье [Смолицкая 1974; Чумакова 1992: 58—62]. Западное Присвирье, конкретнее — среднее и нижнее течения рек Паши и Ояти, — это крайняя северо-восточная граница распространения древнеславянских названий на *-гощ/-гост-* (гидронимы *Милогость, Рузогощь, Вяргость, Онегость*), см. [Муллонен 2002: 311].

Для этноисторической интерпретации относительно плотного топонимического ареала на *-гощ/-гост-* на Северо-Западе и особенно в Приильменье важно учитывать качественный состав составляющих его названий. Как выяснилось, многие топонимы основаны на личных именах общеславянского распространения или по крайней мере заключающих базовые компоненты общеславянского фонда композитных антропонимов, — такие названия доносят до нас черты наддиалектного антропонимического единства праславянского языка, но ничуть не свидетельствуют о заселении Северо-Запада пресловутыми пришельцами издалека — балтийскими, южными и западными славянами. Немало и таких топонимов, которые базируются на антропонимах, либо имевших явно диалектное бытование (ограниченных, судя по территориальной дистрибуции многих соотносимых с ними названий на *-гощ/-гост-*, главным образом территорией северной зоны восточного славянства), либо по существу окказиональных, содержащих уникальные препозитивные основы. Это означает, что последняя группа топонимов не была перенесена откуда-то издалека, а имеет свои местные корни, местные северо-западные (северновосточнославянские) истоки. Тем не менее, обе эти группы, условно говоря, «наддиалектная» и «диалектная», должны трактоваться в едином ключе.

На мой взгляд, появление топонимии на *-гощ/-гост-* на Северо-Западе связано с теми носителями славянской речи, которые первыми осваивали данную периферию славянского мира. Славяне, заселявшие бассейн оз. Ильмень с южного, юго-западного направлений, конечно, хорошо знали и использовали общеславянский («наддиалектный») фонд композитной антропонимии, в том числе имена на *-гость*. Вместе с тем они в рамках антропомодели со вторым *-гость* придумали много новых имен узкоместного (северновосточнославянского или новгородского) распространения, не находящих широких межславянских соответствий. Поэтому концентрированный ареал топонимической архаики на *-гощ/-гост-*, особенно в Западном Приильменье, который сложился в немалой степени за счет «диалектной» группы топонимов, нельзя объяснить не чем иным, как взрывом популярности личных имен на *-гость* уже в условиях самого Северо-Запада. Иначе говоря, произошла местная «фиксированная вспышка» соответствующей антропонимии, а вслед за ней и топонимии в зоне экспансии славянства на слабозаселенные земли Приильменья. Объяснять причины местной популярности личных имен на *-гость*

можно по-разному; не исключено, что в общем социолингвистическом плане это была своеобразная антропонимическая реакция на быстрое освоение новых земель (имея в виду тезис о том, что вообще территориальные вспышки языковых явлений могут быть следствием неких быстрых периферийных миграций). Вообще говоря, концентрация однотипных названий на *-гощ/-гост-* на ограниченной территории может отражать, по сути дела, формирование некоего этнодиалектного ядра местного славянства, развивавшего черты самостоятельности и обособленности, что в конечном счете проявилось позднее в том своеобразном феномене, который был обозначен как древненовгородский диалект.

По всей вероятности, территориальная дистрибуция топонимии на *-гощ/-гост-* схематично обозначает пути продвижения славян к берегам Ильменя и оконтуривает первоначальные районы славянского освоения Приильменя. Вместе с тем, разрабатывая аспект славянской колонизации, предпочтительнее такую топонимию рассматривать в контексте других архаических славянских названий, преимущественно йотово-посессивных образований от композитных имен различных моделей, поскольку славяне, осваивавшие Северо-Запад, разумеется, в достаточной мере использовали все разнообразие древнеславянского композитного антропонимикона. Такой подход с большей отчетливостью обозначит первоначальные пути и центры славянской колонизации. В общих чертах топонимия на *-гощ/-гост-* ареально связана с территориями, на которых закреплена архаическая йотовая топонимия от композитных антропонимов иных моделей, а в целом зоны сгущения или разрежения топонимов на *-гощ/-гост-* повторяют особенности ареальной дистрибуции прочих славянских топонимических архаизмов. Обращает на себя внимание общая прикрепленность топонимии на *-гощ/-гост-* к берегам Волги, Мологи, Мсты, Шелони, верховьям Луги и Плюссы: это маркирует главные пути продвижения славян по крупным рекам. Ареальная картина осложняется выразительными сгущениями соответствующих названий в верховьях Мологи, Нижнем Помостье, Юго-Западном и Западном Приильменье и особенно к северо-западу от оз. Ильмень при заметном их разрежении в бассейнах Ловати, Волхова и в Восточном Приильменье и при характерном полном их отсутствии в басс. р. Великой на территории Псковской земли. Территориальная дистрибуция новгородской топонимии на *-гощ/-гост-* в принципе не отрицает схемы водных путей преимущественного продвижения славян на север и северо-восток, предложенной А. М. Микляевым: из Среднего Подвинья и Верхнего Поднепровья на Волгу и Мсту, на Чагодошу, а оттуда в Поволховье и Западное Приильменье и Полужье. Однако нельзя согласиться с автором в том, что население культуры сопок противопоставлялось населению, оставившему топонимию на *-гощ/-гост-*. Вслед за подавляющим большинством археологов следует считать носителями культуры сопки именно славян [Конецкий 1998: 226—241], которые, разумеется, пользовались и личными именами на *-гость*. Наконец остается подчеркнуть, что вероятная прикрепленность топонимии на *-гощ/-гост-* к каким-либо особым типам почвы, рельефа или растительности пока остается недоказанной. В частности, наложение

топонимического ареала на современные ландшафтные карты соответствующего ему региона не выявляет ни малейших закономерностей, которые подтверждали хотя бы отдаленную координацию топонимических и ландшафтных данных.

Все антропонимы на *-гость*, восстановленные выше по рассмотренной выше топонимии Русского Северо-Запада, представлены формами без морфологического усечения. Но имеются ли специфические гипокористики, производные от таких имен? Вопрос непростой хотя бы потому, что одни и те же имена с усечением обычно допускают соотнесение с разными полными именами. Личн. *Милята*, к примеру, можно соотнести с *Милославъ*, *Милонъгъ*, *Милобудъ* и др., равным образом и с *Милогость*, имея в виду единство морфологических процессов во всей категории древнеславянских *onomata tantum*. Полное сокращение второго компонента не позволяет достоверно установить конкретный антропонимический композит. Тем не менее, кажется, встречаются случаи специфических сокращений — со следами второго компонента в виде *-z(-ъ, -а)*, явно отсылающего к полным именам на *-гость*. Так, формы *Онега*, *Онига*, являющиеся сокращенными вариантами гидронима *Онегость* в басс. Паши (см.), выглядят как результат закономерности усечения двусосновного личн. *Уньгость* (или *Оногость*), пусть и на топонимическом уровне. С учетом данного факта гидронимии легко объяснить усечением полного имени на *-гость* также личн. *Онига*, встреченное при описании Бельского пог. Шел. пят. 1539 г.: *Онига* Офромеев, крестьянин дер. Врева [НПК IV: 418]. Зап.-слав. личн. *Mileg*, отмеченные документацией IX в., соотносили с полным *Milegosty* [Мор. СИ: 129], а болг. *Любог* XIII в. — с *Любогость* [Заим. БИ: 143]. Надпись «Доброга» на корчаге XI в., обнаруженной при разборе руин Успенского собора в Киеве (имя ремесленника, который изготовил корчагу) [Высоцкий 1985: 60—61], тоже предпочтительно, на мой взгляд, квалифицировать как гипокористику, порожденную от *Доброгость*²¹. Пск. личн. *Солога*, имя посадника 1330 г. [Туп. СДЛСИ: 367] допустимо трактовать как усеченное личн. **Сологость* (см. его анализ при геогр. *Сологост*). От гипокористик на *-гъ, -га*, соотносительных с полными именами на *-гость* и демонстрирующих известный в др.-слав. композитной антропонимии тип усечений²², тоже, разумеется, образовывались топонимы, хотя обосновать это удастся далеко не во всех случаях. Так, новг. геогр. *Виджа*, относящееся к двум пунктам Южного Приильменя — к дер. Святогоршк. Ст-Рус. на р. Полисти и к дер. Белебѣлковск. Под. на рч. Виска, — допустимо трактовать

²¹ Высоцкий С. А. [Там же] предлагает совершенно искусственное чтение надписи — в виде «добро Га», где второе слово, по его мнению, является сокращением имени с начальным *Га-*, например *Гаврила*.

²² Случаи усечения композитных имен по начальную согласную второго компонента редки, они обнаруживаются среди гипокористик на *-м(-ъ, -а)*, *-б(-ъ, -а)*, *-в(-ъ, -а)*, письменно зафиксированных или топонимически отраженных. Таковы личн. *Хотимъ* (< *Хотимиръ*), *Радомъ* (< *Радомиръ*), **Мъстибъ* (по геогр. *Mścibówka* р. в басс. Немана под Волковыском [Vasm. WRG III: 334], *Мстибово* сел. на Украине) < *Мъстиборъ*, возможно, **Путивъ* (ср. йотово-посессивное геогр. *Путивль* гор. на Украине, впервые под 1146 г.) < *Путивитъ*, *Путивои* и т. п.

как йотово-посессивный дериват от личн. *Vid(o)ga*, ср. др.-чеш. личн. *Vidha* как результат усечения полного личн. *Vidhost* [Svoboda, Šmilauer 1960: 599]. Серьезным аргументом в пользу такой трактовки является тот факт, что совр. дер. *Виджа* на р. Полисти приравнивается к средневековой дер. *Видогоща* Дретенского пог. (см.). Поэтому здесь вероятна ситуация производства вариантов одного ойконима — *Видогоща* и *Виджа* — от вариантов одного антропонима: от полного личн. *Видогость* и от гипокористики *Vid(o)ga*. Геогр. *Миложа* дер. Листовского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 701; ПКНЗ 4: 146] может считаться йотово-посессивным дериватом от личн. *Милогъ*, -а, усеченного от *Милогость* и вариантного к зап.-слав. личн. *Mileg*. Точно так же названия дер. *Мирож* Щирского пог. Шел. пят. 1550/52 г. [ПКНЗ 6: 52] и псковской р. *Мирожа*²³ допустимо связать с личн. **Мирогъ*, -а от полного *Мирогость*, название оз. *Любеговец* в средневековой Торопецкой земле на юго-западной периферии Новгородской земли [ПКНЗ 4: 557] — с личн. *Любегъ* от полного *Любигость*, ср. фиксации болг. личн. *Любог* и производного ойконима *Любожичи* на Украине. Названия ур. *Радоговичи* / *Радоковичи* в Новгороде и дер. *Радоговица* в Сабельском пог. трактуются мной от имени, усеченного от известного *Радогость* (см. в гл. 4). Впрочем, обоснование структуры такого типа имен, как кратких вариантов полных *Милогость*, *Мирогость*, *Любегость*, *Радогость*, не исключает альтернативной версии, согласно которой они трактуются среди суффиксально-корневых образований: *Мил-*, *Мир-*, *Люб-*, *Рад-* + суф. -*ог(-ъ, -а)*.

Элемент *гост-* в регионе Новгородской земли был повышенно активен не только в составе рассмотренных выше двусловных имен и названий, но и в прочих классах и разрядах средневековой ономастики. Уже анализировались названия от антропонимов-композиций с препозитивным *Гост-*: *Гостнѣж*, *Гостнѣг*, *Гостелюбле*, *Гостивици* (см.). Нельзя не указать и относящегося к этому ряду легендарного имени *Гостомысль* первого новгородского посадника: оно тождественно зап.-слав. *Gostomyslъ* (по источнику: *Goztomuizli* г., 844 г.), которое носил предводитель племени ободритов (об этом имени см. [Milewski 1969: 53])²⁴. Большинство древнерусских фиксаций простых личных имен, содержащих основу *Гост-* (*Гость*, *Гостило*, *Гостильць*, *Гостена* и др.), тоже связано преимущественно с северо-западными, новгородскими землями, что ранее уже отмечалось, см. [Невская 2001: 100—101]²⁵. Материалы новгородского берестяного письма неоднократно

²³ При впадении Мирожки в р. Великую стоит известный с XII в. Спасо-Мирожский монастырь во Пскове.

²⁴ Исходя из тождества указанного имени, некоторые историки считают, что царь ободритов (бодричей), живших в Южной Прибалтике, и первый новгородский посадник — одно и то же историческое лицо. Предполагается, что часть западнославянского племени ободритов под предводительством Гостомысла в связи с германской военной угрозой мигрировала далеко на восток — к берегам Ильменя; подр. см. [Азбелев 2005].

²⁵ По мнению Л. Г. Невской, густой контекст личных имен с элементом *-гост-* говорит об экстралингвистической актуальности в новгородских землях этого элемента прежде всего в «обменных» смыслах — ‘чужеземец’ и ‘купец’. При этом имя новгородского посадника Госто-

но фиксируют гипокористические личн. *Гостиль*, *Гостила*, *Гостята* [Зализняк 2004: 726—727], а новгородская писцовая документация XV—XVI вв. содержит большое количество соответствующих деантропонимных ойконимов: *Гостево*, *Гостино*, *Гостен*, *Гостехово*, *Гостилицы*, *Гостило*, *Гостиловицы*, *Гостилово*, *Гостилцово-Бережок*, *Гостицово*, *Госткина*, *Госткино*, *Гостъци*, *Гостятино* и др. Личные имена, мотивирующие перечисленные названия, отчасти являются усеченно-суффиксальными производными от композитов с элементом *-гост-*, отчасти образованы на базе личн. *Гость*. Последнее относится к числу древнеславянских имен практически общеславянского распространения. Новгородские данные подкреплены материалом ст.-рус., ст.-укр. и ст.-блр. документов, указывающих немало персонажей XV—XVII вв. с именами *Гость*, *Гостька*, *Гостько*, *Hosta*, *Hostko* [Туп. СДЛСИ: 117; Вес. Он.: 86; Демчук 1988: 72; Кюргунова 2010: 131], их дополняют фиксации древних польских личн. *Gość*, *Goszcz*, *Gostka*, *Gostek* [SSNO II: 174—176], чеш. *Host* [Svoboda 1964: 267], болг. *Гостъо*, *Госте* [Заим. БИ: 68; Илчев 1969: 139], серб. *Гост* [Грк. РЛИКС: 67], хорв. *Gosta* [LPSRH: 197]. Древнеславянскую популярность данного имени подчеркивают йотово-посессивные топонимы: блр. *Гоца* Минской губ., укр. *Гоце* Волынской губ., *Гоць* сел. на р. *Гоць* басс. Жиздры в Орловской губ., *Hošt* в Чехии, *Geszte* в Венгрии (< словац.), *Goszcz* сел. и *Goszcza* р. басс. Вислы в Польше, по: [Vasm. RGN II 3: 527; Смол. ГБО: 34; Svoboda, Šmilauer 1960: 177; Rospond 1983: 74; HW: 53, 318]. Возникновение личн. *Гость* допустимо трактовать по-разному: путем антропонимизации высокочастотного апеллятива **gostь* ‘гость’, ‘купец’ либо посредством усечения антропонимических композитов с препозитивным или даже постпозитивным элементом *-гост-*; надо полагать, обе эти возможности дополняют друг друга. По всей вероятности, наряду с личн. *Гость*, изменявшимся по **-ĭ*-склонению, в Новгородской земле и на других раннеславянских территориях существовало личн. *Гость* (праслав. **Gostь*) **-ǫ*-склонения. О последнем могут сигнализировать новг. геогр. **Гостовичи** дер. Влажинского пог. Дер. пят. конца XV в. и 1538/39 г. [НПК I: 738; II: 579; ПКНЗ 4: 157] (= *Гостовец* дер. Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 135]), **Гостовль** пуст. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 95], блр. *Гостов* ус. неподалеку от гор. Мозырь Минской губ., укр. *Гостов* дер. в Галиции [Vasm. RGN II 3: 524] (сегодня — *Гостів* сел. Ивано-Франковской обл. [Вербич 1998: 38]), геогр. *Hostovice* (дважды) и *Hostkovice* в Чехии [Prof. MJ I: 643; Hosák, Šrámek MJMS I: 282—283]. По структуре личн. *Гость* соответствует др.-слав. именам *Нѣгъ*, *Мысль*, *Хотъ*, с точки зрения деривации его можно интерпретировать как древнее корневое имя, соотносимое с глаголом **gostiti*.

Этимологический анализ топонимии с начальным элементом *Гост-* существенно осложнен наличием в славянских языках многочисленной и употребитель-

мысла символически расшифровывается как ‘мыслящий о госте, т. е. чужеземце’ и может косвенно свидетельствовать в пользу легендарного характера событий, связанных с призванием варягов; см. [Невская 2001: 100—101].

ной лексики типа др.-рус. *гость* ‘гость, посетитель; купец’, *гостиньи*, *гостевъ* ‘торговый’, *гостинное* ‘торговая пошлина’, *гостинки* ‘дарованные льготы, преимущества’, *гостинец*, *гостиница* ‘большая проезжая дорога’ и т. п. [СлРЯ XI—XVII 4: 104—106]. Следовательно, для весомой части названий с данным корнем необходимо предполагать апеллятивную мотивировку, которая наиболее ощутима среди образований, содержащих суф. *-ин-*, *-ьн-* (например, среди геогр. *Гостино*, *Гостины*, *Гостинь*, *Гостиничи*, *Гостьница*). К сожалению, топонимическая форма и в этих случаях не позволяет сделать однозначный выбор в пользу деапеллятивного или деантропонимного решения.

ГЛАВА 4

ДЕАНТРОПОНИМНАЯ ТОПОНИМИЯ НА *-ИЧИ/-ИЦЫ, -ИЦА, -ЕЦ*

Попомни Мирошкиничей, Ратибор! Тоже
весь город подмяли было под себя. А чем
кончили? Хоромишек и тех не осталось.

Д. Балашов.
Господин Великий Новгород

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ ТОПОНИМОВ НА *-ИЧИ/-ИЦЫ*

Новгородские деантропонимные названия с формантами *-ичи* (< *-itji) и *-ицы* целесообразно объединить в единую деривационную модель топонимии, исходя из логики анализа материала, который во многих случаях позволяет характеризовать формант *-ицы* с точки зрения генезиса как диалектный «цокающий» вариант «этимологически правильного» исконного *-ичи* (ср. новг. геогр. *Воймеричи* и *Воймирицы*, *Радоковичи* и *Радоковицы*, *Ляховичи* и *Ляховицы* и мн. др. как параллельные варианты наименований одних и тех же пунктов, см. ниже соответствующие этюды). Говоря о названиях на *-ицы*, объединяемых с топонимией на *-ичи*, нужно сразу же подчеркнуть, что в сущности речь идет о деантропонимных образованиях, появившихся и функционирующих во множественном числе. Такие названия с параллельными вариантами, как *Бронницы* — вар. *Бронница*, *Новоселицы* — вар. *Новоселица*, *Варницы* — вар. *Варница*, репрезентируют уже совершенно иную, деапеллятивную модель образований на *-ица/-ицы* (< *-ik-), исконно реализующихся в форме единственного числа. Надо признать при этом, что немало названий с концовкой *-ицы*, варианты которых письменно не засвидетельствованы, не столь однозначно классифицируются по типологии своего возникновения (скажем, *Дубовицы* может оказаться вариантом или геогр. **Дубовичи*, отсылающим к антропониму, или геогр. **Дубовица* как деапеллятивного деривата, указывавшего на поросшую дубами местность). В целом же названия на *-ичи*, встречающиеся по всем славянским языкам, принадлежат к архаическим типам, свойственным почти исключительно ойконимии. Нижний хронологический предел их возникновения относят, впрочем, весьма теоретически, к II—III вв. н. э. и к более раннему времени на автохтонных славянских землях, связывая с периодом формирования славянских

родовых территориальных общин. Пиком продуктивности модели предполагают сер. I тыс. н. э., особенно VI—VII вв. [Купчинский 1980: 49; Купчинский 1981: 150]. Общеславянская территориальная дистрибуция названий на *-ичи* очень неравномерна. На западе славяинства они особенно часты на территории Польши (кроме областей Мазовья и Поморья), в Чехии и на землях расселения верхних и нижних лужичан, менее распространены в Словакии. На славянском Юге они встречаются чаще в Западной Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине, но в целом реже, чем у западных славян. На востоке Балкан — в Македонии, особенно в Болгарии и на бывших славянских землях Греции — их место, как правило, занимают мотивационно подобные (изосемантические) ойконимы с формантами *-овци/-евци*, *-инци*, *-янци*. На восточнославянской территории названия на *-ичи* особенно густо сконцентрированы в Белоруссии и Северной Украине (Припятское Полесье), постепенно редая, они уходят на восток до Тамбовщины и почти до Нижнего Новгорода, а на Северо-Западе России с большей или меньшей частотностью доходят до Белозерья и Карелии. На Украине южнее бассейна Припяти, левобережья Десны им соответствует многочисленная ойконимия на *-івці*, *-инці*¹.

В данном случае, разумеется, преимущественно интересны особенности изучаемой ойконимии в северо-западных, древненовгородских землях. Нужно констатировать, что немалое количество здешних названий собственно с формантом *-ичи* как минимум удваивается присоединением названий с фонетически видоизмененным *-ицы*. При таком суммировании русский северо-западный ойконимический ареал *-ичи/-ицы* мало уступает по концентрации белорусскому ойконимическому ареалу *-ічы*, который традиционно считается наиболее плотным и выразительным, при том что ойконимов на *-ицы* в Белоруссии сравнительно немного. Следовательно, трудно согласиться с С. Роспондом [1972: 46—47, 85], который считает патронимические названия на *-ичи* непродуктивными для древней Новгородской Руси (как, впрочем, и для остальной восточнославянской территории) сравнительно с западнославянским ареалом. Мне, в свою очередь, представляется, что, наряду с белорусским ареалом *-ічы*, западнославянским *-ісі*, *-ісу*, *-ісе*, русские северо-западные ойконимы на *-ичи/-ицы* могут рассматриваться как еще одна черта общности обширной древней севернославянской диалектной зоны. Южная и, как полагают, более поздняя модель изосемантических ойконимов на *-овци/-евци*, *-инци* на Северо-Западе не представлена. В эпоху славянского освоения Северо-Запада деривационная модель ойконимии на *-ичи/-ицы* характеризовалась значительной продуктивностью, медленно угасавшей в позднее средневековье: время окончательной деактуализации модели относят к XVI—XVII вв. [Никонов 1968: 202—203; Купчин-

¹ Подр. об общеславянской ареальной дистрибуции топонимии на *-ичи*, с одной стороны, и топонимии на *-овци/-евци*, *-инци*, с другой, см. исследования: [Бучко 1980; Заимов 1967; Купчинский 1980: 49—55; Купчинский 1981: 121—131; Муллонен 2002: 84—98; Никонов 1968; Чумакова 1992: 53—54; Rospond 1958].

ский 1980: 49]. Относительно новгородского ареала можно смело утверждать, что в эпоху конца XV—XVI в. возникновение географических названий на *-ичи/-ицы* являлось еще живым, хотя и медленно угасавшим процессом. Сравнение материалов новгородских писцовых книг с современными источниками обнаруживает немало названий на *-ичи/-ицы*, отсутствующих в средневековых земельных описаниях, из которых определенная часть — наверняка новые образования, появившиеся в XVI в. и позднее. Ср., к примеру, старописьменное геогр. *Казова Гора* дер. Фроловского пог. Шел. пят. 1498 г., превратившееся впоследствии в *Казовичи* (*Казовицы*) дер. на р. Крапивенке Луж. у. [СНМРИ 37: № 2219; Vasm. RGN III 3: 698], сегодня — *Казовицы* дер. Турскогорск. Шим. Вместе с тем колебания вариантов одного названия — с формантом *-ичи/-ицы* и без него, прослеживаемые по различной документации XVI в. (см. геогр. *Дарахиничи* и *Дорогинино*, *У Хомира* и *Хомировичи*, *Радбилицы* и *Радбѣлик* и др.), — свидетельствуют о неустойчивости форманта и, следовательно, о начавшейся деактуализации деривационной модели. Широкие хронологические рамки этой модели, не только древнерусской, но и старорусской, требуют ради отбора наиболее ранних названий более пристального поиска архаических примет в самих топоосновах. Функционирование модели в старорусское время позволяет по письменным материалам лучше представить механизмы происхождения и эволюции соответствующих географических имен.

С точки зрения генезиса, все подобные названия обыкновенно называют патронимическими, т. е. обозначающими потомков по имени предка. Однако анализ конкретного топонимического материала, проведенный различными исследователями (особенно детально в [Купчинский 1981]), вскрывает пласты разнокачественных образований, имеющих самые разные мотивировки. Что касается названий, коррелирующих с антропонимией, то с мотивационно-семантической стороны они отражают два тесно пересекающихся типа. Эти типы обобщенно разнятся по хронологии, но далеко не всегда составляющие их ойконимы могут быть подразделены по приметам формальной структуры.

Первый тип образуют истинно патронимические названия (или иначе — отпатронимные, депатронимные), восходящие к топонимически закрепленным во множественном числе наименованиям лиц на *-ичи* — потомков по имени или прозвищу общего предка, которые являлись первоначальными заселителями местности. Второй, более поздний тип, развившийся из первого, составляют посессивные названия, соотносимые с патронимами лишь формально. Они генетически связаны с наименованиями зависимых людей, полученными по имени, прозвищу или по обозначению социального статуса владельца; такие наименования возникали при помощи суф. *-ичи/-ицы*, в котором конкретное патронимическое значение было замещено более широким посессивным. Патронимический тип характерен для родового строя и, надо полагать, для эпохи первоначальной колонизации ничейной территории, посессивный тип появился в более поздние периоды, когда уже освоенная территория с находящимися на ней селами и людьми стала собственностью землевладельцев-феодалов. Однако дифференциация данных топонимических

типов, отражающих эволюцию общественных отношений, условна, поскольку, во-первых, между эпохами с разным общественно-экономическим укладом не существует отчетливых хронологических границ и, во-вторых, подавляющее большинство географических названий на *-ичи/-ицы* не содержит критериев такой дифференциации. К примеру, новг. геогр. *Фларевичи* допускает различие мотивов номинации: оно либо указывает на родственников *Фларя*, т. е. *Фларевичей*, поселившихся в данной местности, либо маркирует былую принадлежность первопоселенцев или жителей уже существовавшего селения некоему *Фларю* или *Флареву*, являвшемуся феодалом-владельцем. И в первом, и во втором случаях геогр. *Фларевичи* первоначально обозначало скорее людей ('Фларевы люди'), а не место, в отличие, скажем, от геогр. *Фларево*, подразумевающего сначала место ('Фларево место').

В более поздние периоды функционирования посессивного типа топонимы на *-ичи/-ицы* теряли связь с обозначением множества людей — первопоселенцев или жителей. В этом случае форманты *-ичи*, *-ицы* выражали более общую посессивность, обозначая просто село или владения феодала: *Фларевичи* — это 'село, владения *Фларя* или *Фларева*', как и геогр. *Фларево*. Расширение семантики данных формантов приводило к тому, что они становились менее устойчивыми и поэтому иногда замещались семантически близкими формантами *-ово/-ево*, *-щина*, *-ское* и др. В этих деантропонимных названиях-посессивах со временем преимущественно утвердился формант *-ицы*, который, в отличие от *-ичи*, безусловно поддерживался фонетическим пересечением (сближением), во-первых, с моделями деантропонимных названий на *-ица*, *-иц* (такими как *Иворовица*, *Вонижица*, *Тарасовец*, см.) и, во-вторых, с моделью деапеллятивных названий на *-ица/-ицы* (такими как *Горбатица / Горбатицы*, *Дубовица / Дубовицы*, *Бронница / Бронницы* и т. п.).

Поэтому, учитывая неоднозначность мотивировок, заложенных в деантропонимной ойконимии на *-ичи/-ицы*, в дальнейшем целесообразно анализировать ее в рамках одного мотивационно-семантического типа, обозначенного как посессивно-патронимический.

Критерии разграничения патронимического и посессивного типов ойконимов на *-ичи/-ицы* иногда заложены в топоосновах, если они мотивированы обозначениями социальных категорий. Так, геогр. *Княжичи*, *Пискупицы* вряд ли относятся к патронимическим образованиям, это посессивные ойконимы, маркирующие принадлежность князю или епископу. Однако подобных самоочевидных фактов наберется немного (некоторые из них подр. рассмотрены в гл. 8).

К типу посессивно-патронимической ойконимии в плане генезиса близка большая категория названий на *-ичи*, редко на *-ицы*, обозначающих людей по месту их проживания (*Кременичи*, *Холмичи*). Этот особый тип т. н. декатойконимных названий подр. анализируется в гл. 8.

По структуре посессивно-патронимические ойконимы на *-ичи/-ицы* обычно повторяют специфику формообразования древнерусских мужских патронимов на

-ичь: личн. *Хоть* — патроним *Хотовичь* — геогр. *Хотовичи*, личн. *Славонѣзь* — патроним *Славонѣжичь* — геогр. *Славонѣжичи*, личн. *Ивань* — патроним *Ивановичь* или *Иваничь* — геогр. *Ивановичи* или *Иваничи*. Впрочем, о полном структурном параллелизме двух различных классов онимов говорить не приходится, поскольку любая топонимическая модель всегда эволюционирует по своим особым закономерностям. Письменность показывает, что отчества на *-ичь* были широко распространены в Новгороде и Пскове в период феодальной независимости, причем не только в верхних слоях общества, см. [Унбегаун 1989: 14], но начиная с XIV в. наблюдается резкий рост патронимии на *-ов* [Skulina II: 88—90]. Древненовгородские мужские патронимы на *-ичь* образовывались, кажется, без ограничений от разнотипных имен, безотносительно к тому, дохристианским или христианским являлось исходное личное имя².

Столь же широкие деривационные возможности демонстрирует новгородская посессивно-патронимическая ойконимия на *-ичи/-ицы*, отсылающая к личным

² Если возьмем, к примеру, новгородские берестяные грамоты, то встретим в них патронимию от дохристианских личных имен разных разрядов: полных композитных (*Дорогонѣжичь*, *Нѣжебудичь*), префиксально-корневых (*Нѣвровичь*, *Несдичь*), гипокористических (*Кулотиничь*, *Добрычевичь*, *Ярошевичь*), равных нарицательным существительным (*Сычевичь*, *Стуковичь*, *Шюбиничь*, *Хружкеничь*). Найдутся в грамотах дериваты также от христианских имен (*Олександровичь*, *Кузьмичь*, *Романичь*, *Фоминичь*), в том числе суффиксально осложненные или усеченные (*Петряичь*, *Григоричь*, *Семкиничь*). С формально-деривационной стороны, древненовгородские мужские патронимы в подавляющем большинстве случаев производны от основ прилагательных с посессивной суффиксацией: *-ов/-ев-* (*Есифовичь*, *Сычевичь*), *-ин-* (*Кулотиничь*, *Хружкеничь*) или **-j-* (*Дорогонѣжичь*, *Гориславичь*). Данный факт, очевидно, согласуется с мнением о том, что в праславянском языке патронимы имели единообразную структуру: основа притяжательного прилагательного + суф. **-itjo* [Мароевич 1989: 134—135]. Формы типа *Романичь*, *Григоричь* тоже допустимо считать образованиями от йотовых прилагательных *Романь*, *Григорь* (а не *Романь*, *Григорь*). В эту стройную деривационную схему не вписываются иногда встречающиеся патронимы, образованные не от посессивов, а от личных имен. Из приведенных выше к таким относятся, например, *Кузьмичь*, *Нѣжебудичь* (от *Кузьма*, *Нѣжебудь*), равно как и обычные по летописям отчества на *-славичь*: *Мстиславичь*, *Ростиславичь*, *Изяславичь* и др., внешне производные сразу от др.-рус. личн. *Мстиславь*, *Ростиславь*, *Ярославь*, *Изяславь*. На мой взгляд, они не противоречат мнению об изначальном единстве отадективной деривации патронимов, однако четко указывают, что в позднепраславянскую эпоху притяжательная суффиксальная морфема, особенно йотовая, в составе патронимов постепенно переставала осознаваться как необходимый строевой элемент. Патроним начинал морфологически переориентироваться с промежуточного адектива на исходное личное имя. В силу этого притяжательный суффикс либо вовсе элиминировался (ср. *Ростиславичь*, *Ярославичь* > *Ростиславичь*, *Ярославичь* с утратой эпентетического л' благодаря ориентации на субстантивы *Ростиславь*, *Ярославь*, а не на адективы *Ростиславь*, *Ярославь*; *Нѣжебужичь* > *Нѣжебудичь* по основе *Нѣжебудь*; *Кузьминичь* > *Кузьмичь* по основе *Кузьма*, а не *Кузьминь*), либо объединился с *-ичь* (это касается суф. *-ов/-ев-*), что привело к возникновению унифицированного сложного суффикса *-овичь/-евичь*, специализированного в русских отчествах (*Ростиславовичь*, *Петровичь*, *Васильевичь*).

именам самых разных классов и разрядов, в том числе и к именам неславянско-го происхождения³. Такие топонимы унаследовали формы множественного числа мужских патронимов, но последние использовались и в единственном числе. В. А. Никонов [1968: 199], утверждающий, что «топонимически нет никакой связи между *-ич* и *-ичи*», высказывает сомнительную мысль о том, что названия с двойным формантом (на *-ов-ичи/-ев-ичи*) как тип сложились позднее, чем названия в «чистой» форме на *-ичи*. Однако достаточных оснований для обособления более позднего типа названий с двойными формантами не просматривается, поскольку в целом такие ойконимы, как и при наличии простых формантов, просто копируют структуру порождающих патронимов, содержащих посессивную суффиксацию. Вслед за патронимами, охарактеризованными йотовой суффиксацией, встречаются весьма архаические названия на *-ичи/-ицы* с двойным формантом **-j-ичи*; ср., например, геогр. *Ольжичи* (по Лаврентьевской летописи село близ устья Десны), — это такая же осложненная суффиксом (йотовым) форма, как и геогр. *Ольговичи*. Притяжательные морфемы (**-j-, -ов-/ев-, -ин-*) показывает большинство как новгородских патронимов на *-ичь*, так и соответствующих посессивно-патронимических ойконимов. Существует, правда, группа названий, в которых эти элементы отсутствуют с заметной регулярностью: это образования от основ личных имен на зубные *t, d* (ср. геогр. *Молвятичи*: личн. **Мъльята*, геогр. *Вогостицы*: личн. *Воигость*, геогр. *Негодицы*: личн. *Негода* и др.), отчасти они перемежаются с ойконимами, отмеченными притяжательным *-ин-* типа геогр. *Миритиницы*: личн. *Мирята*, *Мирюта*. Но процент подобных отсубстантивных образований повышен не только в ойконимии, но и в патронимии (ср. хотя бы приведенное выше *Нъжебудичь* из берестяной грамоты и летописные формы типа *Вышатичь*, *Завидичь*, *Никитичь* из НПЛ, к ним примыкают некоторые апеллятивы, например, др.-рус. *дѣдичь* ‘потомственный наследник по деду’ [СлРЯ XI—XVII 4: 201]), хотя здесь, пожалуй, удельный вес таких форм ниже, чем в ойконимии.

Вариантность формантов (*-ичи* или *-ицы*), объединяющих рассматриваемую группу географических названий, опять же четко коррелирует с фонетической вариативностью суф. *-ичь/-иць* в древненовгородских мужских патронимах и катойконимах, зафиксированных новгородскими летописями и берестяными письмами. Так, к примеру, на с. 71—73 Новгородской 1-й летописи во фрагментах, посвященных местным новгородским событиям, обнаруживаются восемь написаний с *-иц-* («*Вышковиця*», «*Водовиковиць*», «*Всеволодиц*», «*Володими-*

³ Так, на северо-восточной периферии изучаемой области новгородских пятин (Юго-Восточное Приладожье, бассейн р. Свирь) существенная доля ойконимии на *-ичи/-ицы* содержит неславянские основы — это скрытая русской адаптацией прибалтийско-финская *l*-овая ойконимия [Муллерен 2002: 86]. Названия с неславянскими (др.-фин., др.-балт.) основами обнаруживаются и на центральной новгородской территории (*Тельбовичи* дер. неподалеку от Боровичей, *Волбовичи* дер. на р. Поле Буховского пог. Дер. пят. XVI в. [ПКНЗ 4: 176], а позднее — дер. Костьковской вол. Дем. у., летописное *Деигуницы* ур. в средневековом Новгороде [НПЛ: 34, 223] и др.), но в целом их число здесь невелико.

рицель», «Синкиница», «Обрадица», «пльсковичи») и только два написания с *-ич-* («Нъгоцевичь», «Якуновича»), при упоминании новгородских персонажей процент этимологически «правильных» написаний, кажется, возрастает⁴. Пожалуй, еще выше, чем в летописях, удельный вес написаний патронимов с *-иц-* в новгородской берестяной письменности; ср., к примеру, формы Род. ед.: «Семена Шюбиница» (бер. гр. № 369, 2-я пол. XIV в.), «оу Фоминица» (гр. № 381, XII в.), «Нъжебудица», «Дорогонъжица», «Тоць-овица» (грамота № 16 из Старой Руссы, 1-я пол. XI в.) — к исходным *Нъжебудичь, Дорогонъжичь, Точьковичь*, «оу Рикиница» (новг. бер. гр. № 320, XIV в.) — к *Рикиничь* или *Ръкиничь*; Дат. ед.: «Михаиловицу» (новг. бер. гр. № 307, XV в.) [Зализняк 2004: 640, 358, 333, 527, 678]. В целом факты «цокающего» произношения отчеств в берестяных грамотах решительно преобладают над фонетически «правильными». Обильные факты такого рода позволяют констатировать, что для древнего Новгорода цоканье характеризовало устоявшуюся, узуальную норму произношения патронимов. Отчасти с данным обстоятельством связано то, что на новгородской территории посессивно-патронимические ойконимы с формантом *-ицы* встречаются намного чаще, чем названия на *-ичи*. Эти разделенные только «цокающим» произношением суффикса группы названий проявляются повсеместно, перемежаясь друг с другом, хотя есть также субареалы их отчетливой ареальной дифференциации. В частности, на северо-западной периферии изучаемой Новгородской земли, именно в правобережной части басс. Луги и на Ижорском плато (Волосовский, отчасти Ломоносовский, Гатчинский р-ны Лен. обл.), сконцентрировано выразительно большое количество ойконимов на *-ицы/-овицы/-евицы* (*Плешевицы, Тресковицы, Руссковицы, Рабитицы, Терпилицы, Холоповицы, Череповицы, Ямсковицы, Войсковицы* и мн. др.) при полном отсутствии названий с фонетическим исходом на *-ичи*. Повышенную активность модели на этой территории хорошо, например, показывают геогр. *Ямсковицы, Войсковицы*, в которых формант *-овицы* скорее всего вторично наложился на уже существовавшие топонимы с суф. *-ск-* типа **Ямско(е)* (к апел. *ямское*, т. е. ‘почтовое село’) и **Воиско(е)* (к апел. *вои* ‘воин’).

Фонетическая модификация суф. *-ич-* проходила через «мягкое» цоканье и отверждение аффрикаты. Промежуточный «мягкий» формант *-ици*, прослеживаемый по писцовой документации (ср. старописьменные геогр. *Гостилицы, Лютовици, Негорълицы* и др.), заместился «твердым» *-ицы*; последний был поддержан формантами *-ица/-ицы, -ец/-цы* иного происхождения. Элемент *-ичи* реже изменялся, если сопровождался суф. *-ов/-ев-*: здесь, пожалуй, оказывало сдерживающее влияние произношение отчеств на *-вич*, устоявшееся с течением времени без цоканья. Закрепление преобразованного цоканьем форманта (*-ичи > -ицы*) порой сопровож-

⁴ Данный тезис, очевидно, нуждается в проверке. Но ср. на тех же страницах НПЛ, рядом с устойчивым «цокающим» написанием отчеств новгородских персонажей, упоминание сразу нескольких отчеств киевского, галицкого и черниговского князей, не маркированных цоканьем: «Поиде князь Володимирь Рюриковичь с кыяны и Данило Романовичь с галичаны на Михаила Всеволодича Черного кь Чернигову» [НПЛ: 73—74].

далось переносом ударения, что хорошо иллюстрируют параллельные варианты некоторых названий: к примеру, новг. геогр. *Ляховичи*, *Боровичи* имеют ударенным последний слог, но вариантные *Ляховицы*, *Боровицы* характеризуются ударением на предпоследнем слоге (см.).

Несколько слов о денотативной специфике ойконимии на *-ичи/-ицы*. Имеющийся материал показывает, что названия на *-ичи/-ицы* (отсылающие и к личным именам, и к обозначениям лиц) часто оказываются соотношенными с территориями и/или территориальными центрами. Процент территориальных наименований в данной группе разительно выше, чем среди посессивных названий с суф. **-j-*, *-ов/-ев-*, *-ин-*. Многие крупные и издавна обустроенные и известные средневековые погосты и волости Новгородской земли носят соответствующие названия: *Бежичи*, *Братиловичи*, *Гостыничы*, *Кременичи*, *Листовичи*, *Ляховичи*, *Молвятичи*, *Морозовичи*, *Морткиничы*, *Робичицы*, *Ротковичи*, *Светичи*, *Туковичи*, *Черенчицы*, *Черньчевичи*, *Шереховичи* и др. Письменность порой сообщает о кустах деревень, связанных не только единством микротерритории, но и единством имени на *-ичи/-ицы* (см. ниже, к примеру, *Демьяницы*, *Юрьевичи*). Надо полагать, специфика денотативной соотношенности находит объяснение в семантическом содержании самой модели ойконимии на *-ичи/-ицы*. Соответствующие названия, будучи исконно патронимическими, зачастую именовали земельные владения не одного лица, а целой группы родственников, расселявшихся неподалеку в какой-либо местности. Владения группы родственников-поселенцев порой простирались на большие расстояния, охватывали значительные площади, что отразилось впоследствии на территориальном размежевании погостов, волостей и отдельных вотчин. Несомненно тесная связь рассматриваемой ойконимии с крупными формами землевладения, характерными для Новгородской земли. Недаром суф. *-ичи*, закрепленный в качестве топоформанта, мог даже синонимизироваться (как и более поздний формант *-щина*) с термином *вотчина*, что иногда эксплицируется письменностью. Так, в одной из двинских грамот XV в. местность *Каковичи* («что путь идет от монастыря в *Каковичи*») именуется параллельно и *Каковской вотчиной*: «А что озера в *Каковской отчинѣ*, ино старцемъ волно ловити неведомъ и сѣтми» [ГВНП: 264—265, гр. 255].

НАЗВАНИЯ С ОСНОВАМИ КОМПОЗИТНЫХ И ПРЕФИКСАЛЬНО-КОРНЕВЫХ ИМЕН

Разумеется, одну их самых древних групп посессивно-патронимических ойконимов на *-ичи/-ицы* составляют названия, отсылающие к древнеславянским композитным и префиксально-корневым именам. Как раз в этой, архаической, группе дериватов мотивировочная связь с древненовгородской патронимией предполагается наиболее сильной. Составляющая эту группу ойконимия Новгородской земли весьма немногочисленна на фоне йотово-посессивной топонимии от таких имен. Предлагаемый ниже анализ, в сущности, исчерпывает всю ойконимию данной группы.

Витославлицы ур. под Новгородом. Древнейшее упоминание содержится в грамоте 1146—1155 г. князя Изяслава Мстиславича: «Се езь князь великий Изяславъ Мъстиславичъ, по благословению епискупа Нифонта, испрошавъ есми у Новагорода Святому Пантелеимону землю село *Витославиць* и Смердь и поля Ушьково и до прости» (далее идет описание границ дарованной Пантелеймонову монастырю земли) [ГВНП: 141, гр. 82]. В другом, более полном списке этой грамоты, открытом и изданном сравнительно недавно, данный фрагмент представлен несколько иначе: «Испрошалъ есмь у Новагорода святому Пантелемону землю село *Витославлицы* и смерды и поля Ушково и до Прости» (по [Янин 2004: 148]). В писцовых книгах селение под таким названием не упоминается; на его месте возникли строения Пантелеймонова монастыря: «дер. у монастыря у Пантелемона святого» [НПК V: 298]. Соотношение написаний *Витославлицы* и *Витославиць* в разных списках грамоты является существенным для характеристики рассматриваемого названия. Если *Витославлицы* легко квалифицируется как собственно ойконим, название дарованного монастырю села, то наличие в контексте формы *Витославиць* можно трактовать по-разному. На первый взгляд, перед нами просто второй вариант ойконима, исполняющий привычную функцию приложения к слову *село*, однако форма ед. ч. (на *-ичь*) для ойконимии на *-ичи/-ицы* совершенно нехарактерна, как, впрочем, и для согласованного с *Витославиць* слова *Смердь*, если его тоже расценивать в качестве названия (для подобных названий стандартной опять же является форма мн. ч. — *Смерды*, указывающая на род или социальную категорию, ср. хотя бы геогр. *Смерди* дер. близ гор. Луга). Вместе с тем ничто не мешает видеть здесь правильные древнерусские формы Род. мн., позволяющие перевести текстовый фрагмент «село *Витославиць* и *Смердь*» как ‘село *Витославичей* и *смердов*’. В данном случае речь идет не о названиях, а о наименованиях людей, точнее, о селении, в котором живут *Витославичи* и *смерды*. Такое осмысление получает существенную поддержку в следующем фрагменте из более полного списка грамоты Изяслава Мстиславича: «А *смердам витославлицам* не потянути им ни ко князю, ни к епископу, ни в городцки потуги (...) а потянути им ко святому Пантелемону в монастырь к игумену и к братьи» (по [Янин 2004: 147]). Контекст этой фразы определенно подразумевает под *витославлицами* жителей села *Витославлицы*, что же касается *смердов*, то они либо приравниваются к *витославлицам*, либо живут рядом с ними (ойконим *Смерды* в описываемой местности не известен). Изложенный материал позволяет заключить, что в сер. XII в., в эпоху создания грамоты, еще не утратилась тесная смысловая и деривационная связь между наименованием рода *Витославичей* и названием основанного ими села *Витославличи* (> *Витославлицы*). Это, очевидно, означает, что село возникло незадолго до появления документа и потомки *Витослава* оставались в нем главными жителями. Таким образом, ойконим относится здесь к собственно патронимическому типу, отсылая к личн. *Витославъ*. Последнее имело общеславянское распространение, если судить по топонимическим следам и самостоятельным фиксациям этого имени в древнеславянской документации: др.-рус.

Витославъ, польск. *Witoslaw*, чеш. *Vitoslav*, а также луж., альпослав., болг., сербохорв., словен., см. материалы: [SSNO VI: 133—134; Svoboda 1964: 91; Kronsteiner 1981: 211; Заим. БИ: 51; Суп. СРЛИ: 148]. Параллельный ойконим есть в Чехии: *Vitoslavice* [Prof. MJIV: 563], среди эквивалентных названий отметим геогр. *Witoslak* в Галиции юго-восточнее Львова [Vasm. RGN II 1: 108], геогр. *Witoslaw* дважды в Польше, *Vitoslav*, *Vislava* в Словакии [Rospond 1983: 147—148].

Воймирицы дер. Вычеремск. Люб. вблизи пос. Любытино, р. ц. Новг. обл., на правом берегу р. Мсты при впадении р. Отни. По списку селений нач. XX в. [СНМНГ VI: 54—55], *Воймирицы* — дер. Лычичской вол. Бор. у., в списке селений 1885 г., пункт обозначен как *Воймерицы* [КГарн]. По [Судох. дор.: 124] — дер. *Воймерица* при руч. *Воймерица*, п. пр. Мсты. В материалах Ген. меж. 1785 г. под № 1939 числится селцом: «сельцо *Воймерицы*, на суходоле» [КГарн]. В писцовой книге Беж. пят. 1564 г. содержится самое раннее упоминание этого пункта: дер. *Воймерици*, 4 двора, в погосте Богородицком на Белой [НПК VI: 853]⁵.

В названии отразилось композитное личн. *Воимѣрь* / *Воимирь*. Это имя отмечают памятники древней западно- и южнославянской письменности: польск. *Wojmir* [SSNO VI: 174], чеш. *Wojmír* [Svoboda 1964: 92], сербохорв. *Војимир* [Грк. РЛИКС: 56], болг. *Вомир*, *Воимир* [Заим. БИ: 54]. Среди вариантов ойконима раньше других зафиксирована форма *Воймерици*, которую и нужно считать исходной: она указывает на поселение, принадлежавшее *Воимѣричам*, потомкам некоего *Воимѣра*, или, быть может, принадлежавшее самому *Воимѣру*. Позднее геогр. *Воймѣричи* оформилось в *Воймерицы*, *Воймирицы* благодаря новгородскому цоканью и смешению *ѣ* с *и*. Среди межтерриториальных топонимических эквивалентов есть геогр. *Воймерово* (*Воймирово*) дер. Жиздринского у. Калужской губ., *Воймирово* (*Воймерово*) дер. Зубцовского у. Твер. губ. [Vasm. RGN II 1: 139].

Среди образований на *-ичи/-ицы*, кажется, можно рассмотреть геогр. **Вайбудицкая Гора** дер. Вышн. у. 1853 г. [МАТГ], по списку селений 1862 г. — *Воибуцкая Гора* [Vasm. RGN II 1: 137], сегодня — дер. *Войбутская Гора* Холохоленск. Вышн. Более ранние источники этого пункта, к сожалению, не дают, однако сам ойконим выглядит архаическим. Деревня расположена на водоразделе Тверцы и Шегры, на самой высокой горе во всем Верхнем Потверечье [Воробьев 2005: 77]. Форма *Вайбудицкая* выглядит дериватом от формы **Воибудицы*, которая отсылает к др.-слав. личн. *Воибудъ*, *-а* (с пожелательным смыслом — ‘будет воином’). Данное имя, во-

⁵ У дер. Воймирицы близ берега Мсты ранее стоял каменный крест (сейчас хранится в Новгородском краеведческом музее). Этот памятник интересен прежде всего надписью, датируемой XII в., следующего содержания: «Богуславу и Лазареви братья и мати Мирослава поставили хрсть. Славоне дѣлале». Нелегко сказать, был ли этот крест намогильным, либо он имел скорее сакрально-ориентирующее значение, находясь при большой дороге и у вероятной переправы через Мсту, хотя и являлся мемориальным, посвященным Богуславу и Лазарю. Как бы то ни было, Воймирицкий крест, вкупе с большим количеством других местных археологических достопримечательностей (сопки, два жальника, два селища и др., см. [ПИКНО: 95—96]), свидетельствует об оживленности в далеком прошлом местности вокруг указанного населенного пункта.

первых, удостоверяется посессивным адъективом *Воибудино* (< личн. *Воибуда*) («Воибудино лукошко»), который донесен найденной в 2006 г. новг. бер. гр. № 957 (1-я четв. XII в.), см. [Зализняк, Янин 2007: 4]; во-вторых, оно «отпечталось» также в йотово-посессивном геогр. *Wojbądz* у полабских славян, которое связано со средневековым селением на острове Рюген у северо-восточного побережья Германии (позднее — нем. *Wobbanz*), см. [Rospond 1983: 148].

Гостьмерици населенный пункт, локализуемый где-то в среднем течении Мсты, известный только по новг. бер. гр. № 492 (сер. — 2-я пол. XIV в.), см. ее фрагмент: «...полтина у Дудѣ в *Гостьмеричахъ*» [Зализняк 2004: 640]. В основе названия скорее всего патроним от др.-слав. личн. *Гостьмѣрь / Гостьмиръ*. В древности данное имя было широко распространенным: польск. *Gościmier, Gościmiar* [SSNO II: 179—180], полаб.-помор. *Gostimer*, сербохорв. *Gostimir* [Schlimpert 1978: 49], болг. *Гостимир, Гостимер* XIII в. [Заим. БИ: 68]. Топонимическими проявлениями его являются геогр. *Гостимирово* дер. на берегу Волги Зубцовского у. Твер. губ. [СНМРИ 43: № 4397], *Костимерово* дер. в Рязанском Поочье [Чумакова 1992: 71—72], *Гостемирец* (вар. *Гостемер, Гостемир, Гостемеря, Гостемержа*) руч., п. пр. Пенки басс. Сейма в Льговском р-не Курской обл., рядом с ним второй руч. *Гостемирец*, л. пр. Псельца [Яценко 1974: 26—27], *Гостимерица* сел. в Болгарии [Заимов 1967: 240] и *Costomiru* сел. в Румынии вблизи гор. Плоешти (из слав. **Gostmir-jь*) [Rospond 1983: 74—75]. Обратный порядок компонентов показывает личн. **Мѣрогость*, соотносимое с новг. геогр. *Мерогоща* (см.).

Миробудицы дер. Ивантеевск. Валд., ранее — дер. *Меробудицы* на оз. Русском Ивантеевской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 44—45]. Отождествляется с сц. *Митробудицы* Городенского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 252] (этот же вариант содержится в Ген. меж. конца XVIII в. [ИАДП I: 138]). Средневековый вариант ойконима явно представлен в искаженном виде (сближен с христ. личн. *Митр*). Ойконим соотносится с патронимом **Миробудици* и содержит в основе др.-слав. личн. *Миробудъ / Мѣробудъ*, вариант которого зафиксирован у лужицких славян: *Мербуд* [Мор. СИ: 121]. См. еще геогр. *Меробужской*.

Недоблицы дер. на р. Хревица, п. пр. Луги в Ямб. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 4919], сегодня — дер. Пустомержск. Кинг. к востоку от Кингисеппа. Пункт, по всей очевидности, идентифицируется со средневековым сц. *Недобылицы* «что бывало Никольское Неревского конца», в Никольском Ястребинском пог. Копорского у. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 765, 781, 788]. Исконная топонимическая форма — *Недобылицы*, — похоже, обусловлена антропонимическим композитом *Недабыль*; ср. др.-польск. личн. *Niedabył* 1279 г., др.-чеш. *Nedabył* [SSNO I: 293; Svoboda 1964: 284], личн. *Недабил* в болгарском историческом именнике [Заим. БИ: 165]. Из параллельной топонимии известны геогр. *Nedabylice* сел. в Чехии и там же йотовое производное *Nedabyle* сел. [Prof. MJ III: 187—188]. Первая часть антропонимического композита такая же, как в др.-чеш., полаб.-помор. *Nedamir, Nedamer*, болг. *Недамур* (к **ne dati*), ко второму компоненту ср. др.-чеш. личн. *Radobyl*, болг. *Радобил* [Svoboda 1964: 83; Заим. БИ: 186]. Модификация *Не-*

добылицы > совр. *Недоблицы* связана с редукцией заударного слога, что наблюдается нередко; ср. хотя бы один из аналогичных случаев: геогр. *Братиловичи* > *Братловичи* (см. геогр. *Бракловицы*).

Хомировичи дер. на р. Тесова басс. Луги Ям-Тесовск. Луж., в нач. XX столетия относилась к Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 84—85]. Со 2-й пол. XVI в. разные варианты ойконима прослеживаются по письменным источникам: дер. *Ухомира* Тесовской вол. Вод. пят. (список 1568 г. с писцовой книги Вод. пят.), далее *Хомеровичи* (1573—1578 гг.), *Хомировичи* (источники 1584, 1620, 1629, 1674—1678, 1709, 1748 гг.), *Хамировичи* (1718 г.), *Хомеровица* (1669 г.), см. [Селин 2003: 140]. Самый ранний засвидетельствованный вариант *Ухомира* (скорее: *У Хомира*, предложно-падежная форма) либо фиксирует начальную стадию возникновения ойконима, вскоре закрепившегося по модели на *-ичи*, либо случайную морфологическую модификацию уже устоявшегося ойконима на *-ичи* (в свою очередь, вариант *Хомеровица* являет собой фонетическую модификацию). Геогр. *Хомировичи* имеет в этимологическом исходе др.-слав. личн. *Хот(ѣ)миръ* / *Хот(и)миръ*, которое испытало синкопу гласной *ѣ* или *и* первого компонента. Ср. фактическое проявление синкопированного личн. **Хотмиръ* в геогр. *Хотмирово* дер. к востоку от Твери в бывшем Корчевском у. [СНМРИ 43: № 7304], *Хотмирово Старое* дер. неподалеку от Брянска [Vasm. RGN IX 3: 531]. В дальнейшем произошло упрощение сочетания *тм* > *м*. Данное преобразование, приведшее к утрате слога в основе личного имени, вполне могло случиться еще на дотопонимическом уровне или уже в составе топонима. Название с аналогичным упрощением группы согласных отмечалось в бывшей Ярославской губ.: *Хомирово* дер. в Угличском у. [Ibid.: 516].

Личн. *Хотѣмиръ* / *Хотимиръ* являлось очень популярным именем на славянском западе. Многократно фиксировались др.-польск. личн. *Chociemir*, *Chocimir*, *Kociemir* [SSNO I: 321; VII: 29], др.-чеш. *Chotěmir*, *Chotimir*, *Chotomir* [Svoboda 1964: 76], полаб.-помор. и альпослав. *Choćimir*, *Chotěmer*, *Chotimer* [Schlimpert 1978: 35; Kronsteiner 1981: 205]. В несокращенном виде это имя прослеживается в еще одном патронимически оформленном ойкониме Новгородской земли — геогр. *Хотѣмирицы* дер. Ясеновичского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 42], позднее — *Хотимирицы* дер. в Вышн. у. сер. XIX в. [СНМРИ 43: № 4025]. Название, вероятно, образовано от отчества, содержащего суф. *-j- вместо *-ов-*: *Хотѣмиричь*. Топонимические следы полного *Хотѣмиръ* / *Хотимиръ* встречаются в Белоруссии (сел. *Хотимирицина* на Витебщине), на Украине (геогр. *Хутомир* оз. в басс. Стохода в Любешевском р-не Волынской обл., *Хотимир* поле в Маневичском р-не Волынской и село в Тлумачском р-не Ивано-Франковской обл.), на западе славянства и отчасти на юге: польские ойконимы *Kotomierz* неподалеку от гор. Быдгощ и *Chocierz* под гор. Мястко, *Kottmarsdorf* в Германии, преобразованное из лужицкого йотово-посессивного топонима, *Chotiměř* дважды в Чехии, словац. *Hetemér* в Венгрии, *Hotemež* трижды в Словении, *Köttmannsdorf* в Австрии (< словен.). Топонимическая параллель к новг. ойкониму есть в Чехии:

Chotěměřice сел. [Svoboda, Šmilauer 1960: 556]. Все материалы даны по: [SSNO I: 321; Rospond 1983: 55; Vasm. RGN IX 3: 530; Шульгач 1998: 114; 2001: 145; Худаш, Демчук 1991: 93; ЭССЯ 8: 85].

К посессивно-патронимическому типу относится ряд композитных географических названий на *-гост-*, которые отмечены на новгородской территории. Таковы, в частности, ранее проанализированные *Вогостицы* (к личн. *Вогость*), *Дорогостицы* (к личн. *Доро(го)гость*), *Радгостицы* (к личн. *Рад(о)гость*), *Ходгостицы* (к личн. **Хот(о)гость*), *Нежгостицы* (к личн. **Нѣж(и)гость*) и извлеченное из бер. гр. № 614 геогр. *Доброгостъци* или *Доброгостичи* (к личн. *Доброгость*); подр. о перечисленных ойконимах см. в 3-й главе. Обращает на себя внимание отсутствие притяжательной суффиксации в составе данных форм, что, видимо, говорит о некоторых общих особенностях образования патронимии на *-ичь* от личных имен с исходом на *-гость*.

Несколько названий образованы от личных имен, не подтвержденных письменностью.

Онежицы дер. на правом берегу р. Луги близ гор. Луга. Впервые в письменности отмечена в 1500 г., указана среди населенных пунктов Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. Ранний топонимический вариант — *Онѣжицы*, далее *Онежицы*, *Онижицы*, *Онижец*. Поблизости был еще один пункт *Онежицы* / *Нежицы*, превратившийся к концу XVIII в. в пуст. *Пустые Онежицы*, см. [Селин 2003: 158]. На иной территории параллельное геогр. *Онежицы* дер. фиксировалось под 1495—1496 и 1551 гг. в Вельевском пог. Дер. пят. [НПК I: 219; ПКНЗ 5: 197, 198, 202].

Ойконим содержит основу др.-слав. личн. **Онѣзь* (см. равное ему геогр. *Онез* ур. к северу от Новгорода, гл. 6). Имя принадлежит к разряду префиксально-корневых, ср. структурные антропонимические аналоги с общим корнем *-нѣг-*: др.-новг. личн. *Внѣзь* (бер. гр. № 613, 710, 240), *Рознѣзь* (бер. гр. № 119), *Перенѣзь* (гр. Ст. Р. 36), о которых [Зализняк 2004: 720, 792, 777], равно как соответствия на преф. *О-*: зап.-слав. личн. *Омысл*, *Огост*, *Ослав* и др. Ненадежно сравнение новг. *Онежицы* с *Онежецкое* (вар. *Онежье*) дер. на р. Вымь в отдаленном Яренском у. бывшей Вологодской губ. [Vasm. RGN VI 2: 422]: последнее скорее связано с переселенцами с р. *Онеги* или *Онежского* оз.

Ондружица дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 89]. Ойконим, очевидно, модифицирован из первоначального деривата на *-ичи*; ср. в этой связи пересечение геогр. *Фомеровица* / *Хомировичи*, *Радоговица* / *Радоговичи*, *Нежгостици* / *Нежгостицы*⁶. Надежных межтерриториальных топосоответствий, как будто, нет. Не исключена мотивировка на базе личн. **Он(о)друзь*; ср. аналогично по-

⁶ Не менее показательны в этой связи названия ряда деревень Твер. обл., такие как *Фёдрищи* в Кесовогорском р-не, *Яновищи* близ Андреаполя, *Ярославищи*, *Иванищи* в окрестностях Калязина и Бежецка, явно отсылающие к более ранним формам **Федоричи*, **Яновичи*, **Ярославищи*, **Иваничи* и далее к личн. *Федоръ*, *Янъ*, *Ярославъ*, *Иванъ*.

строенные др.-чеш. личн. *Mstidruh, Příbydruh, Bezdruh*, сербохорв. *Dobrodrug* и др. [Svoboda 1964: 74—75]. Вместе с тем допустимо сближение с именем, которое вариантнo к зап.-слав. личн. *Onodrag* (= «*Anadrag*» немецкого источника 1028 г.), составленному из основ праслав. **onъ* ‘тот’ и **dorgъjъ* ‘дорогой’ [Schlimpert 1978: 97]. С учетом др.-новг. диалектной фонетики исходное мотивирующее имя легко прогнозировать не только в виде полногласного *Он(о)дорогъ*, но и в виде *Он(о)дрогъ*, более отвечающем облику геогр. *Ондружица* (неполногласный рефлекс корня **dorg-* в архаической др.-новг. топонимии известен, см. геогр. *Дрогини, Драгобуи*).

Славонъжци дер. Офремовского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 234], по описанию 1539 г. — *Слобонъжци* дер. [НПК IV: 234], локализованная в среднем течении Ловати [Андрияшев 1914: 242]. Ойконим отсылает к личн. **Славонъгъ*, скорее к патрониму от данного имени. Компоненты *slav-* и *nĕg-* хорошо знакомы всем славянам: легко комбинируясь с другими компонентами в первой и во второй позициях, они образовывали множество древнеславянских композитных имен. Ср. еще личн. *Нѣгославъ* (болг. *Негослав*), обратное имени **Славонъгъ*.

НАЗВАНИЯ С ОСНОВАМИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ИМЕН-ГИПОКОРИСТИК

На изучаемой территории обнаруживаются архаические географические названия на *-ичи/-ицы*, содержащие основы разнообразных гипокористических личных имен. Таких ойконимов значительно больше, чем композитных и префиксально-корневых названий посессивно-патронимического типа. Среди древнеславянских гипокористик, восстановленных по ойконимии на *-ичи/-ицы*, встречаются образования на суф. *-ата, -ота, -ько/-ько, -ил-, -и-* и бессуффиксные. Ко вторым причисляются такие др.-слав. имена, как *Видомъ,-а, Тухомъ,-а, Тушимъ,-а, Будомъ,-а, Велимъ,-а, Радомъ,-а, Хотимъ,-а, Велеба / Велиба* и др., которые демонстрируют, на мой взгляд, общую закономерность усечения двусосновных имен до губной согласной второго компонента⁷.

Обращусь к анализу конкретного материала, сосредоточившись на отдельных показательных случаях.

Бракловицы дер. на р. Полисть Святогоршк. Ст-Рус., ранее — дер. Астриловской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 10—11]. Очевидно, отождествляется со средневековой дер. *Братловицы* Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 254]. Средневековый вариант следует выводить из **Братиловицы*, а в конечном счете из **Братиловичи* — отпатронимной топонимической формы на базе личн. *Братиль,-о,-а*. Имя *Братила* (в морфологически вторичном жен. р.) в новгородской берестяной письменности встретилось дважды — в грамотах № 803 и 934 (XII — нач. XIII вв.) [Зализняк 2004: 410]. Оно использовалось у древ-

⁷ Этот же тип усечения композита (до губной второго компонента) показывает также личн. *Сирома* из новг. бер. гр. № 526 (2-я треть XI в.), возводимое к **siromaterъ* ‘сирота’ [Зализняк 2004: 242].

них восточных и южных славян: кроме новгородских фактов, см. др.-укр. патроним *Братиловичъ*, данный под 1411 г. [ССМ 1: 94], болг. *Братил*, *Братило*, жен. *Братица* [Илчев 1969: 87—88; Заим. БИ: 34], сербохорв. *Братил*, *Братило* [Грк. РЛИКС: 45; Мор. СИ: 26; Miklosich 1927: 7], ср. также рус. диал. (арх., сиб.) и укр. диал. *брати́ло* ‘брат’, уменьш. ‘brateц’, как и рус. диал. *братёлко*, *братёлко*, *братёльник* ‘брат’ [СРНГ 3: 154—155, 157; ЕСУМ 1: 246], болг., макед. *братле* ‘братишка’. Со стороны семантико-деривационной данное имя аналогично др.-новг. личн. *Дѣдила* из бер. гр. Ст. Р. 6 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004: 329—330] и *Мужило* (Мануйлик *Мужило*, крестьянин в Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 845]), имеющим в апеллятивной первооснове обозначения родственников.

На новгородской территории найдется еще пара топонимов: *Братилово* дер. Сумерского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V: 420, 424] и особенно *Братиловичи*, или *Братловичи*, вол. по течению р. Паши в Спасском Шиженском пог. Обон. пят., согласно документации XVI—XVII вв., см. [Анкудинов 1986] (сегодня — дер. *Рапилово* Шиженск. Тихв. на р. Паше, см. также [НГБ 1977—1983: 248]). Последнее название показательное с точки зрения фонетических преобразований, поскольку оно свидетельствует об изменении геогр. *Братиловичи* > *Братловичи* Обон. пят.: утрата гласной *и* во втором слоге данного названия определяется тем, что исходная форма имела ударение на первом слоге — *Братиловичи*, так как производящее слово *братъ* относилось к акцентной парадигме *а* [Зализняк 2004: 614]. Разумеется, аналогичную синкопу можно видеть также в истории геогр. *Братловицы* Шел. пят., сводя его к исходному **Братиловичи*. Любопытно далее изменение *Братловицы* > *Бракловицы*. Вряд ли здесь случайная трансформация согласных, скорее перед нами хронологически весьма поздняя фонетическая реминисценция др.-новг. и др.-пск. перехода **tl* > *кл*. Ср. показательную мену сочетаний *дл/дл* в исторической парадигме названия одного из селений на р. Луге — *Радилицы*/*Раглицы*, отраженную в документации XVII—XVIII вв. (подробности см. при анализе *Раглицы*). Очевидно, эти процессы, издревле диалектно усвоенные, спорадически могли найти отражение в фактуре звуковых изменений даже позднего времени, причем на основе как исконных, так и новообразованных сочетаний *тл*, *дл*.

Вненовгородские топонимические эквиваленты рассматриваемого ойконима распространены на собственно русской территории: рязанское геогр. *Братилова* дер. близ Касимова, *Братилово*, *Братиловка* — пункты в Буйском и Кинешемском у. Костромской губ., *Братилово* на р. Ильинке под Владимиром, *Братиловская* дер. на острове *Братилов* на Северной Двине под Архангельском [Vasm. RGN I 3: 528]. За пределами восточнославянских регионов известны геогр. *Bracilovo* в Польше, геогр. *Братиля*, *Братица*, *Братилюво*, *Братилец* в Болгарии [Заимов 1973: 78].

Будомицы дер. Пинаевгорск. Ст.-Рус. на правом берегу р. Ловать, в нач. XX в. была в Жгловской вол. Ст.-Рус. у., причем в прилегающей округе числилось несколько одноименных пунктов: дважды *Верхние Будомицы* и дважды *Нижние Будомицы* — близлежащие деревни и усадьбы на Ловати [СНМНГ III: 54—57]. В материалах конца XVIII в. — дер. *Будимицы* [ИАДП 1: 183], или *Будиницы*

(на генеральном плане Ст-Рус. у. 1788 г.). Отождествляется со средневековой дер. *Дубовицы* Курского пог. Дер. пят. около 1495 г.: «въ дер. въ *Дубовицахъ*» [НПК II: 613, 626, 677]. Варианты *Будомицы* и *Дубовицы* явно продолжают одну общую форму, причем вар. *Дубовицы* скорее всего возник путем перестановки согласных из вар. *Будомицы*, который подкреплён и современным словоупотреблением. Обратная метатеза (*Дубовицы* > *Будомицы*) маловероятна, поскольку противоречила бы закономерностям ремотивации, требующей замещения «темного» топонима «прозрачным»⁸. Если исходить из *Будомицы* как более авторитетной формы, то она трактуется на базе др.-слав. личн. *Будомъ*, -а, или *Будимъ*, -а, которые являют собой усечения двуосновного *Будомиръ* или *Будимиръ* (ср. совр. болг., серб. *Будимир*). Из эквивалентной топонимии на базе соотносительного полного имени имеются йотово-посессивное геогр. *Vudomierz* дер. недалеко от гор. Яворов в Галиции [Vasm. RGN I 3: 563], болг. *Будимир*, название источника [Заимов 1973: 79], на базе усеченного имени — южн.-слав. геогр. *Будим*, *Будимов*, *Будимова Нива* в Болгарии [Там же], *Будим*, *Будимац*, *Будимска*, *Будимлија*, рр. в Сербии [Павл. ХС], зап.-слав. (полаб.) геогр. *Vudim* (> нем. *Büden*) и др. [Rospond 1983: 51]. Усеченные гипокористики известны в самостоятельном использовании, ср. личн. *Будам*, обнаруженное М. Морозкиным в моравском источнике [Мор. СИ: 28]), *Будим*, *Будима*, *Будимко* у болгар и сербов [Заим. БИ: 39; Грк. РЛИКС: 47]. Гипокористики повторяют расхождение гласных *и*, *о*, наблюдаемое в соотносительных с ними полных композитных именах.

Велебицы дер. Невск. Сол., по спискам селений нач. XX в. [СНМНГ I: 108—109] значителен как село *Велебицы* Шимской вол. Новг. у., стоявшее на Порховском тракте при р. Шелони. В обозрении Новг. губ. 1849 г. отмечены броды при дер. *Велибицы* [ВСОРИ: 59]. Переписные оброчные книги XVI в. позволяют отождествить совр. дер. *Велебицы* со средневековым сельцом на р. Шелони в Свинорецком пог., которое в описании 1539 г. обозначено как *Бълевицы*, в описании 1552—1553 гг. — *Велебицы* [НПК IV: 509, 553]. Нет сомнений в том, что перед нами одно и то же сельцо, так как, судя по описаниям, и в 1539, и в 1551—1552 гг. оно принадлежало одному хозяину — Кузьме Остафьевичу Лихареву; здесь стоял двор этого помещика и была церковь святого Иоанна Богослова. Запись *Бълевицы* в НПК, хотя и более ранняя, является, следовательно, неточным воспроизведением авторитетной исходной формы *Велебицы*, сохраненной современным произношением⁹.

В основе названия скорее всего следует видеть патроним, производный от личн. *Велеба* / *Велиба*, семантически 'поселение рода Велебичей'. Антропо-

⁸ Появление *Дубовицы* вместо *Будомицы* могло быть вызвано неточностью писца или переписчика.

⁹ Новг. сел. *Велебицы* хорошо известно в исторической литературе, поскольку в 1471 г. поблизости от него на берегу Шелони войско великого князя московского Ивана III разгромило новгородцев, что ознаменовало начало присоединения Новгорода к Москве.

ним находит подтверждение в др.-польск. именнике, в котором присутствуют *Wieleba, Wieloba* [SSNO VI: 57—59]. Данное имя можно считать усеченным вариантом полного *Велеборь*¹⁰, хорошо знакомого древним западным славянам; ср. ст.-польск. *Wielebor*, которое находится в общем ряду с польск. *Wielisław, Welemir, Wielgosz* [Ibid.: 57—61]. В первой части зап.-слав. полного имени (ср. производные от него польск. геогр. *Wieloborowice*, чеш. *Veľeboř*) присутствует основа праслав. **velb(jь)* ‘большой, могучий, сильный’, второй компонент *-борь*, соотносимый с **borti*, рус. *бороться*, представлен в праслав. **Voleborъ, *Āstiborъ, *Daniborъ, *Xotiborъ, *Izborъ, *L’utoborъ* и др. [ЭССЯ 2: 15]. Обращает на себя внимание сходство личн. *Велеба / Велиба*, польск. *Wieleba* с польск. *wielebny* ‘преподобный’ (при чествовании епископов), но характер связи данных созвучных лексем не вполне очевиден.

Безусловное сходство с новг. *Велебицы* демонстрирует локализуемый на соседней Псковщине ойконим *Велебицкое* дер. на р. Коломенке неподалеку от Великих Лук [Vasm. RGN II 1: 23]. Вероятной южн.-слав. параллелью следует считать и название *Велебицы* болгарского села в Албании, хотя Й. Заимов [1973: 81] считает этот ойконим йотово-посессивным производным от личн. *Велебит* (ранее — *Велебытъ*), привлекает и болг. геогр. *Велебит*, хорв. геогр. *Velébit*. Если новг. *Велебицы* тоже трактовать на основе личн. **Велебытъ*, то необходимо допущение о вторичном переоформлении его по модели названий на *-ичи/-ицы* (**Велебытъj-* > **Велебыч-* > *Велебицы*), что делает эту, вторую, версию весьма уязвимой, особенно ввиду незафиксированности личных имен на *-бытъ* в древненовгородском антропонимиконе.

Новг. бер. гр. № 516 сер. XII в. донесла до нас древнее географическое название на *-ичи*, употребленное в беспредложном локативе: «*Велимицѣхъ*» [Зализняк 2004: 360—361]. Начальная форма его — *Велимичи* — относится к муж. р., судя по «мужской» флексии *-ѣхъ*. Обозначенный пункт сер. XII в., очевидно, идентифицируется с дер. *Вельмичи* около 1495 г., *Вемичи* под 1538/39 г. в пог. (вол.) Молвятицы Дер. пят. [НПК I: 659; ПKNЗ 4: 294], которая стала пуст. *Вельмицы* на плане Ст-Рус. у. 1781 г. [ИАДП 1: 210] (близ совр. дер. Спасово Молвотицк. Мар.). Название восходит (может быть, через патроним **Велимичь* к личн. *Велимь, -а*, которое возникло благодаря усечению композита *Велимиръ* (< **Velimirъ, *Velemirъ*) букв. ‘многославный’. Гипокористика *Велимь, -а* (праслав. **Velimъ, -a*) устойчиво закрепилась у разных групп славян, отразившись в восточно-, западно- и южнославянской топонимии и самостоятельно: др.-чеш. личн. *Velim, Velema* [Svoboda 1964: 38], болг. *Велем, Велим* [Заим. БИ: 45]. Межтерриториальной параллелью к др.-новг. топониму выступает *Велемичи* сел. в Столинском р-не Белорусского Полесья [Жучкевич 1974: 46]. Кроме того, следует далее упомянуть соотносимое с отмеченными антропонимами новг. геогр. *Велеми* дер. в низовьях

¹⁰ Аналогичную модель усечения на губную *б* демонстрирует, к примеру, личн. **Mьstiborъ*, дававшее **Mьстибъ*, отсюда геогр. *Мстибово* сел. на Украине.

Волхова Н-Ладож. у. сер. XIX в. [СНМРИ 37: № 2865], наряду с новгородской ойконимией: *Велемье* дер. в Скопинском у. Рязанской губ. и хут. неподалеку от Мозыря бывшей Минской губ., а также ойконимы *Велеми Верхние* и *Велеми Нижние* дер. Серпуховского у. Московской губ., *Велема* дер. на р. *Велема* Тарусского у. Калужской губ., лит. геогр. *Велемишки* дер. близ Ново-Александровска Каунасской губ.; данный ряд дополняют топонимические производные на базе личных имен **Вельма* или **Вельмъ*, выступающих гипокористиками от *Вельмиръ* с усеченной гласной после первого компонента: геогр. *Вельмино* дер. Епифанского у. Тульской губ., *Вельмово* хут. в окрестностях гор. Новогрудок Минской губ. (материалы по [Vasm. RGN II 1: 23—24, 29]). У западных и южных славян указывались главным образом йотово-посессивные топонимы: геогр. *Welim* (*Wyłym*) по средневековым источникам в Польше, *Vielen* в Германии (< полаб.), древнее геогр. *Welim* (*Welin*) в Чехии, венг. *Velin* (< словац. *Velim*'), сербохорв. *Velimje* (по: [Rospond 1983: 146; Prof. MJ IV: 495; Svoboda, Šmilauer 1960: 292]), ср. еще патронимическое *Vilémovice* и с *-in*-суффиксацией *Velemín* — села в Чехии [Prof. MJ IV: 545—546]. Некоторые из перечисленных топонимических фактов обнаруживают смешение с йотово-посессивной топонимией на базе личн. *Вельнь* (см. геогр. *Велени*).

Видомлицы дер. вблизи р. ц. Любытино Новг. обл, в нач. XX в. — усадьба Ф. Кузьмина у левого берега Мсты Степанковской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 114—115], для эпохи конца XVIII в. — «сельцо *Видомлицы*, 2 двора, 38 человек, на суходоле, а дачею реки Мсты и речки Хочины на левых берегах», по Ген. меж. 1785 г., № 1779 [КГарн]. По писцовой книге Беж. пят. 1564 г. — дер. *Видовлицы* в пог. Богородицком на Белой [НПК VI: 865]. Название прямо или скорее опосредованно — через др.-рус. патроним с йотовым суффиксом **Видомличь* (вар. *Видовлицы*, несмотря на раннее его появление, нужно признать вторичным) — отсылает к личн. *Видомъ*, *-а*, усеченному из *Видомиръ*. Оба имени, полное и усеченное, хорошо засвидетельствованы топонимическими материалами разных славянских территорий. Полное имя легло, в частности, в основу новг. геогр. *Видимирское* оз. (см.), *Видомиръ* дер. (см.). Гипокористическое личн. *Видомъ*, *-а* (или в форме *Видимъ*, *-а*, *Видъмъ*, *-а*, повторяющей колебания полного *Видомиръ* / *Видимиръ* / *Видъмиръ*), помимо патронимического геогр. *Видомлицы*, нашло отражение в йотово-посессивном новг. геогр. **Видемле** оз. со смежной дер. в Бологовском пог. Дер. пят. конца XV — сер. XVI в. [НПК I: 108, 117; ПКНЗ 4: 108], позднее — *Видимле* пуст. Валд. у. [ИАДП I: 109]. С последним максимально схожи блр. геогр. *Видомль* (польск. *Widomla*) дер. в окрестностях Бреста Гродненской губ. [Vasm. RGN II 1: 89] и польск. гидроним *Widomia* (или *Wydotuя* в XV в.) р. в басс. Варты, произведенный от личн. *Widom(a)* [Babik 2001: 605]. Ср. еще название сел. *Видомлят* под Ковелем Волынской губ. [Vasm. RGN II 1: 89] (следует приравнять к родовой плюральной форме ойконима *Видомлята*, букв. 'дети Видома'?). Еще более многочисленны йотово-посессивные топонимы, произведенные от личн. *Видимъ*, прикрепленные, как минимум, к десятку мест на территории Польши, Чехии, Германии, Сербии, Словении, см. [Rospond

1983: 147; Заимов 1973: 81]. Среди исторической антропонимии обращают на себя внимание ст.-рус. личн. *Видимко* Михеев 1614 г. [Туп. СДЛСИ: 85] и имя (или прозвище) крестьянина из Олонца 1564 г. — *Выдома* Дмитрий Васильев [Вес. Он.: 74]: последнее усечено из полного личн. *Видомир* с отвердевшим первым слогом. Отвердение *Ви-* > *Вы-* в этом композите носило регулярный характер, ср. хотя бы новг. геогр. *Выдомир*, *Выдумер* (см.), укр. геогр. *Выдымир*. Среди инославянских соответствий имеются др.-польск. личн. *Widzimko*, *Widzimek* [SSNO VI: 55], болг. *Видим*, жен. *Видима* [Заим. БИ: 49].

Гостибицы дер. в истоках р. Кебь, п. пр. Великой, в Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11806], идентифицируется с *Гостибицы* дер. Ручайского пог. Шел. пят. 1498 и 1576 гг. [НПК IV: 211; V: 694]. Отсылает к личн. **Гостибь*, -а, усеченному из композита *Гостиборь* (отмечалось др.-чеш. *Hostibor* [Rospond 1983: 74; Мор. СИ: 62]) или *Гостибыль*, ср. альпослав. личн. «*Goztibil*» в источнике 957 г. [Kronsteiner 1981: 207]. Этим же гипокористическим именем мотивируется еще йотово-посессивный гидроним *Gościbia* пр. Скавинки басс. Вислы [НВ: 318], иные топосоответствия не обнаруживаются.

Котовицы дер. Чечулинск. Новг. на левом берегу Волхова, в нач. XX в. числилась двумя отдельными пунктами: *Котовицы 1-я половина*, *Котовицы 2-я половина* Подберезской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 50—51]. На месте современного селения писцовая книга Вод. пят. 1500 г. указывает дер. *Хотовичи* [НПК III: 487, 488, 490, 491]. Пункт описывался в Ивановском Переездовском пог., а также в Пидебской вол., отмечался по различной документации под ойконимическими вариантами: *Хотовичи* (1500, 1540, 1582, 1646, 1669 гг.), *Катовичи* (1646 г.), *Котовичи* (1678, 1709 гг.), *Котовицы* (1678, 1718, 1748, 1788 гг.), см. [Селин 2003: 100, табл. 4, 232, табл. 21]. Судя по документальным свидетельствам, модификация раннего *Хотовичи* в совр. *Котовицы* произошла в сер. XVII столетия. Исконная форма ойконима возводится, возможно, через патроним, к др.-рус. личн. *Хоть*. В средневековом Новгороде, как, впрочем, и в остальной Руси (см. материалы [Туп. СДЛСИ: 417; Демчук 1988: 84]), это имя было очень популярным среди знати, достаточно указать ряд новгородских летописных персонажей: *Хот* Григорьевич — новгородский наместник под 1215 г., боярин *Хот* Станимирович под 1228 г., посадник Яков *Хотов* сер. XIV в., боярин Феодор *Хотович* под 1271 г. [НПЛ: 54, 67, 79, 360—362], *Хотовичи* «съ Кузмодемьяницы», которые в 1418 г. «совершиша церковь каменну святаго Саввы» [НЛ: 261]. У западных славян были в ходу др.-польск., др.-чеш. *Chot*, *Chotko*, н.-луж. *Chót*, *Chótko* [SSNO I: 335; Schlimpert 1978: 34], у болгар *Хото* до XII в. [Заим. БИ: 233], др.-серб. *Хотко* [Грк. РЛИКС: 203]. Среди новгородской ойконимии см. еще *Хотово* дер. Трясовской вол. Новг. у. недалеко от Новгорода [СНМНГ I: 94—95] + дер. Н-Ладож. у., она же — *Хутово* [СНМРИ 37: № 2827]; вне Новгородской земли: *Хотово* дер. на р. Понарья Богородского у. Московской губ., *Хотов* сел. под Киевом и *Хотова* близ Минска, *Хотовка* и *Хотовица*, села у гор. Кременец Волынской губ., *Хотовка* ус. на р. Усса под Минском [Vasm. RGN IX 3: 532]. Ф. Нецкуля [Niecukula 1971: 45] дает польские ойконимы *Chotowa*, *Chotowo*,

дважды *Chotów*, А. Профоус [Prof. МЖ II: 45] указывает геогр. *Chotovice* дважды в Чехии. С меньшим вероятием новг. геогр. *Хотовичи* можно считать йотовым производным от композитного личн. *Хотовитъ*, ср. отражение максимально близкого имени *Хотьвита* в Духовной грамоте Климента 2-й пол. XIII в.: «У *Хотьвита* взяти Климяте гривна солоныхъ кунь» [ГВНП: 163, гр. 105].

Любопытно, что фонетическая модификация начального элемента *Хот-/Хоч- > Кот-/Коч-* наблюдается не только на примере новг. геогр. *Хотовичи > Котовичи (Котовицы)*, но и в целом ряде других топонимических архаизмов. Это явление регулярно обнаруживается на разных славянских территориях. Среди рассмотренных выше (см. гл. 2) нужно указать название дер. *Усть-Хотина* в Турском пог., позднее записанной как *Ускотина*, дер. *Хотережа*, ставшей позднее пуст. *Котережа* в вол. Стерж. Добавлю к ним дер. *Хочюта* Холмского пог. Дер. пят. 1539/40 г. [ПКНЗ 4: 315] (к личн. *Хочюта*, ср. Максим *Хоцута* в Вильне, XV в. [Туп. СДЛСИ: 417]), = совр. дер. *Кочута* в Тор. р-не, дер. *Хотоци* Лосицкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 502], = совр. дер. *Котоши* Лядской вол. Пл. р-на на правом берегу р. Лютой басс. Плюсы, *Хочовицы/Кочевицы* дер. в средневековой Торопецкой земле (последнее по [Янин 1998: 195, № 141]), равно как отмеченные исследователями в польских говорах варианты геогр. *Chotiebądz/Kocobędz* в Тешинском повете [Rospond 1983: 54], *Chotów/Kotów* в окрестностях Сандомира [Nieckula 1971: 45] и там же *Chocimów/Kocimów* и *Chotków/Kotkuf* [Kamińska 1964: 43—44], *Hotunja/Kotunja* р. в Словении, *Котогоць* р. в Рязанском Поочье, безусловно, продолжающее др.-рус. форму *Хотогоць* [Чумакова 1992: 60—61].

Молвоцицы село Мар. р-на Новг. обл., в старину волостной центр. Списки селений Новг. губ. нач. XX в. указывают село *Молвоцицы* и смежный одноименный пог. Дем. у. [СНМНГ II: 58—59], расположенные у р. Щеберехи, п. пр. Полы. По спискам 1-й пол. XIX в. здесь значится дер. *Молвоцицы* Дем. у. с одной церковью [Неволин 1853: 178]. Как *Молватицы* это село обозначено в источнике 1849 г. [ВСОРИ: 4] и дано на старых картах XIX в. [КШуб; КСтрельб; ВТКЗверст]. Ударение в геогр. *Молвоцицы* закрепилось на втором слоге, хотя изредка местные жители произносят ударным первый слог, редуцируя и (*Молвоцицы*). Письменная история этого территориального центра относится к древнерусскому времени. Первое его упоминание, вместе с рассмотренным выше геогр. *Велимичи*, содержит новг. бер. гр. № 516, датируемая 50—70-м гг. XII в. Она дает форму беспредложного локатива «*Мльвоцицьхъ*» «в Молвоцицах» (где, согласно грамоте, живут должники Опаль и Сновидь) [Зализняк 2004: 360—361]. Флексия *-цьхъ* в старейшей фиксации указывает на то, что в сер. XII в. топоним еще относился к мужскому морфологическому роду.

Более поздние источники под этим названием отмечают то городок, то погост¹¹. В частности, интересующий меня пункт указан летописным перечнем древне-

¹¹ Средневековое городище *Молвоцицкий городок* (VIII—XV вв.) расположено южнее современного села *Молвоцицы* на левом берегу р. Щеберехи на холме высотой 15—18 м. Сохранились отчасти вал и въезд на верхнюю площадку городка, культурный слой распахан.

русских городов конца XIV в., который сохранился в списках XV в.: *Молвотицѣ* среди «градов Залесских» (по Ком. сп. [НПЛ: 477]), *Молвотицы* (по Воскресенской летописи [ПСРЛ VII: 241]). Под 1401 г. НПЛ повествует о пожаре в городке: «Тои же осени погорѣ владычень городокъ *Молвотицѣ*» (с. 396). Пункт *Молвятичи* (*Молвотицы*), находившийся на новгородско-литовском пограничье, фигурирует в докончаниях XV в. Новгорода с Литвой среди новгородских волостных центров, плативших налог (т. н. «черную куну») литовскому великому князю: «А на *Молвятичохъ* взяти ми, князю великому, два рубля, а тиуну рубль за петровщину» (договор 1441 г. [ГВНП: 116, гр. 70]); это же подтверждено договором 1471 г.: «А на *Молвотицяхъ* взяти ти два рубля, а тиуну рубль за Петровщину» [Там же: 131, гр. 77]. «Волость великого князя *Молвятици*, что бывала владычня» и пог. *Молвятицкий* многократно описывают писцовые книги Дер. пят. в конце XV в. [НПК I: 652, 695; II: 798, 802, 806, 825], в 1530—1540-х гг. [ПКНЗ 4: 231, 232, 251, 285, 287, 291—297, 377, 395, 401, 409, 415—418, 494—497], в 1550—1560-х гг. [ПКНЗ 5: 122—124, 170, 284, 285, 288, 298, 299, 331, 332, 380, 395, 407, 408, 412, 413] и другие, более поздние документы.

Ранний и основной вариант ойконима возводится к личн. *Мълвота*. Вариантность *-ичи/-ицы* обязана цоканью, а колебание топоосновы (*Молвотицы* / *Молвятичи*) отражает замещение суффикса исходной гипокористики другим, вариантным суффиксом, получившим позднее большую продуктивность; ср. *Твьрдыта*, *Рядята*, *Малята*, *Селята*, *Мирята* и др., которые извлечены из новгородских памятников письменности. Исходный же антропоним **Мълвота* находится в ряду др.-новг. *Будота*, *Рогота*, *Лугота*, *Кулота*, *Страхота*. Серьезных оснований сомневаться в существовании не удостоверенного письменностью **Мълвота* нет еще и потому, что антропонимическое использование корня **тъlv-* (> рус. *молв-*) известно; ср. прозвище холопа — Гридя *Молва* [Туп. СДЛСИ: 254], с которым соотносится др.-польск. личн. *Mołwic*, данное авторами словаря [SSNO III: 548] со знаком вопроса¹². Из топонимии ср. прежде всего *Молвитино* дер. Буйского у. Костромской губ. (к личному имени, схожему с **Мълвота*) и базирующиеся на личн. *Молва* геогр. *Молвино* дер. близ Весьегонска Твер. губ., *Молвина* дер. в Свижском у. Казанской губ., *Молвиничи* дер. Карачевского у. Орловской губ., *Молвина Слободка* дер. на рч. *Молва* Скопинского у. Рязанской губ. [Vasm. RGN V 3: 650].

Мысловици дер. Ивантеевск. Валд., ранее Ивантеевской вол. Валд. у. на рч. *Мысловка* [СНМНГ V: 44—45], по НПК не обнаружено. Основа этого назва-

Прилегающая местность богата древними могильными сопками и курганами [ПИКНО: 127; АПНО II: 16].

¹² Ст.-рус. личн. *Молвянин* [Вес. Он.: 202] А. В. Суперанская [Суп. СРЛИ: 242] осмысляет как 'тот, кто говорит' в противоположность личн. *Молчан* — 'кто молчит'. Однако скорее прав М. Вуйтович, который личн. *Молвянин*, извлеченное из актов Северо-Восточной Руси, рассматривает как производное от геогр. *Молва*, *Молвня* р. в Рязанском крае или геогр. *Молвья* дер. на р. Проне [Wójtowicz 1986: 118]. Перед нами название жителей в функции вспомогательного средства индивидуализации лица.

ния отсылает к др.-рус. личн. *Мысль*; такое имя проявилось в новг. бер. гр. № 136 (XIV в.), см. фрагмент: «Се доконычяху *Мысловѣ* дѣтъ» — ‘Вот договорились Мыслы дети’ [Зализняк 2004: 594]; ср. также приводимое ранее имя *Мыслок* сына новгородского помещика [Туп. СДЛСИ: 318; Вес. Он.: 209], равное чеш. *Myslok*, *Myslek* [Miklosich 1927: 80—81]. Личн. *Mysl*, *Mysl* знают древние зап.-слав. источники: др.-польск., др.-чеш., др.-луж., альпослав., см. [SSNO III: 589; Svoboda 1964: 283; Schlimpert 1978: 91—92; Kronsteiner 1981: 208], отчасти южн.-слав., ср. болг. *Мисло*, *Мисльо* [Илчев 1969: 337—338]. К данному антропониму возводится еще ойконим *Мыслово* дер. на Волхове Н-Ладож. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 3007] и гидроним *Мыслово* оз. басс. Мсты в Мош. р-не. Внегородские топонимические параллели все уходят в сторону Белоруссии и Украины: геогр. *Мыслово* сел. Слонимского у. Гродненской губ., *Мыслова* сел. Староконстантиновского у. Волынской губ. + дер. на р. Збруч близ пункта Скалат в Галиции, *Мыслов Рог* возле Бобруйска Минской губ., *Mysłów* сел. на р. Луква возле Калуша в Галиции. Вариантом к др.-слав. личн. *Мысль* выступало личн. *Мысль*, коль скоро оно имеет топонимические проявления примерно в том же ареале: новг. геогр. *Мыслино* дер. Н-Ладож. у. [Там же: № 3086] (сейчас — дер. Усадищенск. Волх.), *Мыслина* сел. под Ковелем и *Мыслин* колония под Луцком Волынской губ., *Мыслевичи* сел. и ус. рядом с Вилейкой Виленской губ., *Мыслевичина* дер. на р. Любня на Смоленщине и в Климовичском у. на Могилевщине, *Мышлино* дер. Бежецкого у. Твер. губ. и др. по [Vasm. RGN VI 1: 27, 28]. К этому западному вост.-слав. ареалу примыкают польские геогр. *Mysłów*, *Myszków* сел. [Nieckula 1971: 137], *Myślina* р. и две дер. в Силезии, *Myśla* р. в нижнем течении Одры, возводимые к личным именам типа *Mysl*, *Mysła*, *Myśla* [Babik 2001: 468—470].

Недашицы дер. Неболчск. Люб., в нач. XX в. *Недашецы* на р. Рапля Недашецкой вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 88—89]. Находит полное соответствие с полаб.-помор. топонимом *Nedaszitz* в Германии, известном с 1318 г. [Schlimpert 1978: 93]; далее к этому имени восходят блр. и укр. топонимы-эквиваленты: *Недашев* сел. на р. Щетинка Чаусского у. Могилевской губ., *Недошевичи* (польск. *Niedasewice*) дер. недалеко от гор. Новогрудок Минской губ., *Недашки* дер. и *Niedaszowska Sloboda* сел. недалеко от гор. Овруч Волынской губ., *Недашковская* слобода близ гор. Радомысль Киевской губ. [Vasm. RGN VI 1: 117, 118]. К личн. *Недашь*; ср. *Недаш* Иванович Звенигородский, князь сер. XVI в. [Вес. Он.: 215], др.-польск. *Niedasz* [SSNO IV: 37], др.-чеш. *Nedaš* [Svoboda 1964: 149], полаб.-помор. личн. *Nedaška* [Schlimpert 1978: 93] — гипокористики от **Nedamirь*, **Nedabyľь*.

Нежатицы дер. Передольск. Бат. на р. Хотинка, во 2-й пол. XIX в. входила в Луж. у. [СНМРИ 37: № 2201]. Отождествляется со средневековой *Нѣжатици* дер. «впоче Ондрюшке съ монастыремъ с Троецким съ Клопска» во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 47, 53]¹³. Данный ойконим, как и другие новго-

¹³ Указатель географических имен к НПК ошибочно относит геогр. *Нѣжатици* к книге Беж. пят. [НПК VI: 47, 53].

родские названия: *Нежатица* под Новгородом («пожня на Питьбе в *Нежатице*») 1535—1539 гг. [ПКНЗ 1: 324], *Нѣжатино* дер. у гор. Копорье Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 518], — соотносится с личн. *Нѣжата*, популярным на новгородской территории в XI—XII вв. Это имя содержат бер. гр. № 586, 644, 904, 892, 742, 635 конца XI — 1-й трети XII в. (*Нѣжата* в этих документах считается одним и тем же лицом, см. [Зализняк 2004: 266—270]) и № 509, оно отражено патронимом *Нѣжатиничь* в гр. № 855 и притяжательным наименованием жены по мужу — *Нѣжаткина* (к *Нѣжатка*) в гр. 13 из Старой Руссы, а также записано на штукатурке новгородского Софийского собора [Медынцева 1978: 67, надп. № 59]. Вне новгородских территорий имя мало известно, см. только др.-чеш. *Něžata* [Svoboda 1964: 285]. Среди топонимических эквивалентов у восточных славян отмечены др.-рус. геогр. *Нежатинь*, вар. *Неятинь*, гор. к юго-западу от Киева [Роспанд 1972: 45; ЕСЛГНПР: 93], *Нежатица Нива* ур. недалеко от р. Десны близ Чернигова, упоминаемое в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1078 г. [Насонов 2002: 206], *Nižatyce (Niziatyce)* сел. в Галиции [Vasm. RGN VI 1: 163]. Старописьменный вариант новгородского ойконима — *Нѣжатици* — проявляется в единственной записи. Если этот вариант не случаен, то он отсылает к некоему имени **Нѣжита*, суффиксальному варианту к др.-рус. *Нѣжата*. О том, что личн. **Нѣжита* действительно некогда имело хождение у русских, свидетельствуют, в частности, его топонимические продолжения: геогр. *Нѣжитино* дер. на р. Руза западнее Москвы + дер. неподалеку от Владимира [Ibid.: 120].

Низковицы Старые дер. Сяськелевск. Гатч., на месте которой около 1500 г. указано *Нѣжковичи*, дер. и сельцо Дмитриевского Кипенского пог., принадлежавшие Хутынскому монастырю [НПК III: 643, 645, 671, 680]. Данный ойконим, наряду с геогр. *Нѣжково*, дер. в пог. Воскресенском в Осечне Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 96], соотносится с популярным на новгородской территории личн. *Нѣжко*, которое прекрасно засвидетельствовано берестяной письменностью до нач. XIII в. (новг. бер. гр. № 526, 630, 683, Ст. Р. 7), как и с именами *Нѣжка* из бер. гр. № 644, *Нѣжикъ* из бер. гр. № 863 [Зализняк 2004: 767—768]; ср. еще патроним *Нежков* Андрей Ощера Елизаров сын, новгородский помещик в 1-й пол. XVI в. [ПКНЗ 4: 488, 489]. У западных славян отмечены личн. *Něžьko*, *Něžьсь* XI—XIII вв. [Kronsteiner 1981: 209], чеш. *Něz*, *Niežek* [Svoboda 1960: 592]. Новг. личн. *Нѣжикъ* топонимически проявляется в названии новг. рч. *Нежиковка*, притока р. Лидь басс. Чагоды [Шан. РЛЮ: 452]. Восточнославянские топонимические соответствия обнаруживаются только в Белоруссии и на Украине: блр. геогр. *Нежково* дер. на р. Белый Ручей, *Нежковка* дер. на р. Волчас, *Нежков Большой*, *Нежков Малый* на р. Бабич — все пункты на Могилевщине, *Нежки* хут. близ гор. Невель бывшей Витебской губ., *Нежковский* хут. близ Миргорода Полтавской губ. [Vasm. RGN VI 1: 120].

Радковицы ур. на окраине древнего Новгорода за городским валом на правом берегу Волхова близ устья рч. Витки. Известно по летописям с сер. XIV в. в связи с заложением здесь монастыря: «...и в *Радковицехъ* церковь постави святую

Богородицу и монастырь постави» [НЛ: 136]; «...и в *Радоговице* церковь постави святую Богородицу», по Новг. 2-й летописи [ПСРЛ 30: 199]; «постави владыка Моисии Богородицу святую в *Радокочицахъ* (1357 г.) [НПЛ: 364]. Несколько позднее, в 1383—1384 гг., здесь была заложена и построена церковь святого Иоанна Богослова, сохранившаяся до наших дней: по [НЛ: 244] — «в *Радоговичехъ*» (1383 г.), «в *Радоговицахъ*» (1384 г.), по [НПЛ: 379, 380] — «в *Радокочицахъ*». Далее это название фигурирует в летописных сообщениях о пожаре «от Микитинѣ улицѣ и до *Радокочичъ*» (в ином списке: «до *Радосковичъ*») в 1391 г., о разливе Волхова в 1421 г. («...а в Щиловѣ и на Соколницѣ и в *Радокочицахъ* в тѣхъ церквахъ толко на полатахъ пѣлѣ» [Там же: 384, 413, 460] и о пожаре в Антоньевском конце Новгорода в 1540 г.: «Згорѣло <...> в *Рагодовичахъ* 35 дворовъ, по самый ручей, да три человѣка» [НЛ: 327].

Топоним *Радокочицы* был интерпретирован по сближению с др.-рус. личн. *Радъко* [Строгова 1993: 33—34], очень популярным в средневековом Новгороде именем, которое зафиксировали многие источники. Однако особенности оформления изложенных древнеписьменных вариантов (*Радокочицы/Радокочичи/Радоговицы/Радоговичи/Радоговица/Радосковичи/Рагодовичи*) заставляют поставить под сомнение данную гипотезу. Личн. *Радъко* утрачивало слабую редуцированную фонему (*Радко*), но в вариантах названия наблюдается устойчивое сохранение ударной *о*. Кроме того, стабильно произносилась звонкая *г*, отраженная даже во вторичном метатезированном варианте *Рагодовичи* (< *Радоговичи*). Приходится делать допущение об озвончении суф. *-к-* в *-г-*, но оно может быть основано только на общих соображениях о недостаточном развитии категории глухих/звонких фонем в говоре древнего Новгорода и не имеет фактографической поддержки (по крайней мере письменные отражения личн. *Радъко* в виде *Радъго*, *Радъгъ* отсутствуют). Равным образом можно допустить обратное: оглушение суф. *-г-* > *-к-*, тем более что самая ранняя запись «в *Радоговицехъ*» репрезентирует как раз звонкую согласную. Вообще говоря, первоначальной, этимологизируемой формой топонима допустимо считать как *Радокочичи*, так и *Радоговичи* — образование, отсылающее к личн. **Радокъ* или **Радогъ*, *-а*. Первое имя — с суф. *-окъ* от *рад-*, как будто, не зафиксировано, но теоретически допустимо, ср. аналогичной структуры др.-рус. *видокъ* ‘очевидец, свидетель; провидец’ [СлРЯ XI—XVII 2: 176—177] или ряд прилагательных с суф. *-ок-* типа *высокий*, *глубокий* и т. п. Второе из имен — личн. **Радогъ*, *-а* — более вероятно, поскольку отражено еще в одном новгородском ойкониме *Радоговища* дер. в Сабельском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 518]. Безусловно, *Радоговища* Шел. пят. — вариант более раннего **Радоговичи* (к реальности подобной модификации ср., например, пересечения геогр. *Фомеровища/Хомировичи*, *Нежгостици/Нежгостицы*, см.), следовательно, перед нами очевидная межтерриториальная параллель к топониму *Радоговичи* у городского вала Новгорода. Этот факт заставляет отдать предпочтение личн. **Радогъ*, *-а* в качестве искомого этимона. Последнее же можно рассматривать как усеченную гипокористику хорошо засвидетельствованного композитного имени *Радогость*. О существовании подобных личных имен на

-огъ (или на *-ога*), скорее всего гипокористик, соотносимых с полными именами-композитами на *-гость*, свидетельствуют некоторые ономастические факты (они охарактеризованы в гл. 3). При этом, похоже, находит фактическую поддержку даже модификация *Радоговичи* в *Радоковичи*: оказывается, среди географических названий от личных имен на *-гость* оглушение слога *-го-* > *-ко-* является спорадически проявившимся процессом; ср. рассмотренные в гл. 3 геогр. *Некостъ* (к личн. *Негостъ*), геогр. *Доброкоостьци* (к личн. *Доброгостъ*).

В наименовании *Радоговичьего* монастыря некоторым образом видят связь с топонимом *Ротковици*, который засвидетельствовала новг. бер. гр. № 318 сер. XIV в. Локализация этого названия определяется топонимическим контекстом грамоты, см. фрагмент ее перевода: «Вот купил Михаил у Василя, великокняжеского сборщика податей, Одреана-кузнеца и [деревни] Токову, Островну, *Ротковици* Кодрача и Ведрово» [Зализняк 2004: 611]. По мнению В. Л. Янина [НГБ 1984—1989: 188], перечисленные названия указывают на пункты Дремяцкого пог. Шел. пят., который располагался по левому берегу р. Луги напротив совр. гор. Луга; что же касается конкретно топонима *Ротковици*, то он был соотнесен с названиями позднейших дер. *Часть Раковиц* и *Новые Раковицы*, которые находились на восточном берегу оз. *Раковицкое* (по совр. источникам, — дер. *Раковици* Межозерн. Луж. на восточном берегу оз. *Раковическое*. — В. В.). Согласно писцовой книге, волостка близ этого озера принадлежала до боярского вывода новгородскому Радоковицкому монастырю. Исходя из этого факта, В. Л. Янин [Там же] сделал предположение об этимологической связи созвучных географических имен: оз. *Раковицкое* в прежние времена могло называться *Радоковицким*, а топоним *Ротковици* из бер. гр. № 318 генетически тождествен летописному геогр. *Радоковицы*. Мне, в свою очередь, в предложенной Яниным конструкции безусловным кажется только отождествление др.-новг. геогр. *Ротковици* = совр. *Раковицы*, причем специфика современной топонимической формы говорит о переосмыслении (сближении со словом *рак*?) засвидетельствованного древнего топонима. Однако новг. геогр. *Радоковицы* к данным хронологическим вариантам, по-видимому, никакого отношения не имеет хотя бы потому, что налицо не только фонетические, но и хронологические нестыковки. Оба топонима — *Радоковицы* и *Ротковици* — фиксируются источниками практически одновременно — в сер. XIV в. Если исходить из единства возникновения этих названий, то необходимо сделать допущение о моментальном топонимическом переносе: Радоковицкий монастырь, едва появившись, тут же отложил свое наименование на местность (и озеро) в Дремяцком пог., которые, надо предположить, сразу были даны ему во владение. Даже если допустить такой перенос, сомнительный по соображениям хронологии, остается необъясненным глубокое несходство синхронных форм *Радоковицы* и *Ротковици*, в частности, различие начальных *Ра-* и *Ро-* и расхождение по числу гласных. Последнее название, конечно же, самостоятельное производное от личного имени иной структуры. В качестве антропонимического начала для геогр. *Ротковици* (как и для геогр. *Ротково* дер. в вол. Удомля Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 1: 195], или, по МАТГ сер. XIX в., — *Радково*,

но сегодня *Ротково* дер. Котлованск. Удом., **Ротково** дер. в окрестностях Царского Села [СНМРИ 37: № 4185], *Ротковская* дер. Кирилловского у. Новг. губ. [СНМНГ X: 16—17], наряду с блр. геогр. *Ротковичи*, *Ротковицина*, *Ротки* в Гродненской, Виленской, Минской губ. [Vasm. RGN VII 3: 661]) лучше всего предполагать личн. *Родъко*, преобразованное в *Ротко* после падения редуцированных. Данное имя и подобные с суф. *-k-* хорошо засвидетельствованы: др.-польск. *Rodko*, *Rodek*, др.-чеш. *Rodek*, др.-луж. *Rodek*, сербохорв. *Rodik*, болг. *Роде*, см. [SSNO IV: 469; Svoboda 1964: 136; Schlimpert 1978: 119; Заим. БИ: 191]; они соотносятся с композитным личн. *Рад(о)славъ / Род(и)славъ*. Последнее знакомо древненовгородской письменности. В частности, летопись упоминает новгородца по имени *Родславъ (Родиславъ)* Данилович, строителя церкви святого Филиппа на Нутной улице, 1194 г. [НЛ: 12, 244], ср. еще *Родислав* Васильевич Колзаков, 1550 г., Кашин [Вес. Он.: 269]. Нужно иметь в виду и христианские имена *Родионъ*, *Родий* (разг. *Родъ*, см. [Суп. СРЛИ: 283]), которые тоже могли становиться основой гипокористики *Родъко*.

Тухомичи дер. Морховск. Холм., ранее дер. и пог. *Тухомичи* Холм. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 14534 и 14535]. Хотя средневековые писцовые книги такого пункта не указывают, сомневаться в древности ойконима нет оснований. Название соотносится с др.-слав. личн. *Тухомъ, -а*. Последнее отмечено М. Морошкиным [Мор. СИ: 195] в чешском источнике (чеш. *Tuchom*) и хорошо восстанавливается по целому ряду западнославянских топонимов, полученных путем йотовой суффиксации (из **Тухом-јь*): геогр. *Tuchom* в Чехии, *Tuchom* у лужицких славян в Германии и там же нем. *Tüchen* (< полаб. *Tuchom*'), кашуб. геогр. *Techom'e* (< *Tuchom*') в повете Картузы в Польше, геогр. *Tuchonie* (нем. *Tuchen*) из помор. *Tuchom*' в повете Бытув [Rospond 1983: 141; 1984: 403]; к ним добавляется польск. *Tuchom* (*Tuchotka*, *Tuchotko*, *Tuchomskie*) оз. в басс. Вислы [НВ: 427]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что дер. *Тухомичи* стоит на речке, носящей название *Тухомлянка*, среди притоков Большого Тудра басс. Ловати. Смежные ойконим и гидроним здесь выглядят кодериватами — независимыми образованиями от общего антропонима (имени первопоселенца), одно из которых оформлено патронимическим *-ичи*, другое — йотовым суффиксом (первоначально речка, видимо, называлась **Тухомля*, затем благодаря суффиксальному расширению или через наименование приречных жителей **тухомляне* превратилась в совр. *Тухомлянку*). Личн. *Тухомъ, -а* (к семантике основы ср. польск. *otucha* 'бодрость; надежда'), очевидно, должно рассматриваться как усечение архаических композитов **Тухомиръ*, **Тухомёръ*, *Tuchomyśl*, отраженных только западнославянской топонимией (ойконимы *Tuchoměřice*, *Tuchomyśl* в Чехии). С данной гипокористикой обнаруживает существенное сходство личн. *Tušim* из др.-чеш. письменности [Svoboda 1964: 307], болг. *Тушим*, *Тушем* [Заим. БИ: 227] (< **Tušimirъ*, **Tušimёръ*). Личн. *Тушимъ, -а* нашло очевидное выражение в новг. гидрониме **Тушемля** (*Тушемелька*) р. басс. Чагоды [Шан. РЛЮ: 458], равно как и в болг. геогр. *Тушим* [Заимов 1973: 170], *Tušimice* в Че-

хии [Miklosich 1927: 107], в гидронимах *Tuszuma, Tuszumka* басс. Вислы [НВ: 428], *Тушимља, Пуста Тушимља* в Сербии [Павл. ХС].

Тъшковици, вар. *Тъшково*, дер. в пог. Замозской в Бегуницах Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 583, 596], идентифицируемая со смежными дер. 2-й пол. XIX в. — *Тешково Русское* и *Тешково Чухонское* в составе Петергофского у. Петерб. губ. [Vasm. RGN IX 1: 82], сегодня — *Тешково Большое* и *Тешково Малое* дер. Бегуницк. Волос. Ойконим *Тъшковици* соотносится с др.-рус. личн. *Тъшько*, ср. др.-польск. личн. *Cieszek* [Taszycki 1925: 69], альпослав. *Těšъko* из документа 827 г. [Kronsteiner 1981: 210]. Имена на *Тъх-/Тъш-* хорошо засвидетельствованы древненовгородской письменностью; ср. хотя бы известные из грамот на бересте личн. *Тъшая* — жена человека по имени *Тъхъ, Тъшенъ, Тъшила, Тъшько* [Зализняк 2004: 810; Зализняк, Янин 2006: 4], патроним *Тешцевиць* и прил. «*Тъхънова*» из граффити на стенах новгородской Софии [Медынцева 1978: 85, 126, надп. 107, 189] (во втором случае посессив от личн. *Тъхъно*, ср. др.-польск. личн. *Ciechna*, указанное в [Taszycki 1925: 69]). Восточнославянские топонимические соответствия преимущественно концентрируются в Белоруссии: геогр. *Тешково, Тешковка, Тешков, Тешковская Рудня* — селения в Минской губ., *Тешки* в Виленской губ., *Тешково* недалеко от Пскова, *Тешкова Гора* в Жиздринском у. Калужской губ. [Vasm. RGN IX 1: 82], западнославянские — в Польше: сел. *Cieszkowo, Cieszków* [Nieckula 1971: 49].

Корневой элемент *тѣх-* содержит еще новг. геогр. **Техутицы** сц. в Никольском Суйдовском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 702], не имеющее очевидных межтерриториальных соответствий. В основе данного посессивно-патронимического ойконима лежит личн. *Тѣхута*, сравнимое с др.-польск. личн. *Ciechuta* [Железняк 1969: 61, 123] или *Ciechota* [SSNO I: 364].

Торковичи пос. Торковичск. Луж., идентифицируется со средневековой дер. *Турковичи* над оз. Онтовым Никольского Будковского пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 352], по более поздним документам: *Турковичи* 1539, 1540, 1568 гг. [Селин 2003: 202]. Нашло отражение личн. **Туръко*, соотносимое с др.-рус. *туръ* ‘бык, тур, зубр’. Личное имя по обозначению тура, мощного, сильного животного, в средневековое время было очень популярным. В словаре Тупикова [Туп. СДЛСИ: 405] указаны др.-рус. личн. *Туръ*, отчество *Туровъ*, по [Вес. Он.: 326—327], известны персонажи: *Турко*, новгородский крестьянин 1545 г., Василий *Тур*, новгородский крестьянин 1495 г., Григорий Васильевич *Тур* Левашев нач. XVI в., *Турик* Федор Дмитриевич Всеволож боярин нач. XV в. и др. См. еще геогр. *Тургошь*, при анализе которого даны западно- и восточнославянские антропонимические сходения. Новг. ойкониму *Турковичи* параллельны геогр. *Турковичи* сел. близ гор. Дубно на Волини, *Turkowice* в Восточной Польше [Vasm. RGN IX 1: 221], *Turkovice* сел. дважды в Чехии [Prof. MJ IV: 400], сербохорв. *Turkovići* [Imenik mesta: 439], болг. *Турковици* [Заимов 1967: 261], близки геогр. **Туровичи** дер. Ильинского пог. в Любытинах Беж. пят., **Туровицы** в Беж. пят. XVI в. [НПК VI: 6, 872, 909], **Турицы** дер. Косицкого пог. Шел. пят. 1524 г. [НПК V: 350]. Многие названия от праслав. корня **tur-* (*Турово, Турково, Туровщина, Туриков* и т. п.) рассеяны не только по нов-

городской территории, но и по остальной Славии, судя по материалам [Miklosich 1927: 182; Vasm. RGN IX 1: 221—225; Šmilauer 1970: 185]. Не все из них являются деантропонимными, отдельные, особенно среди оронимов и гидронимов, имеют апеллятивную, «топографическую» подоплеку, подр. см. [Шульгач 1998: 301].

Уношковичи (с ударным первым слогом, хотя знают и второй акцентный вариант — *Уношковичй*) дер. Городенск. Бат. на рч. Удрае басс Луги, известная с 1500 г.: *Унѣжковичи Большии* Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. [НПК III: 192, 239, 275]; позднее эта дер. именовалась по различной документации *Ушковичи* (1539 г.), *Унешковичи* (1582, 1612, 1646, 1709 гг.), со 2-й пол. XVIII в. утвердился современный вариант ойконима, см. [Селин 2003: 153], но в сер. XIX в. отмечался также вар. *Уношковицы* [СНМРИ 37: № 1994]. Базовым антропонимом данного названия выступает либо др.-рус. личн. **Унѣжьско*, либо скорее *Внѣжьско* — суффиксальный дериват от префиксально-корневого *Внѣзьъ*; последнее, судя по всему, отражено очень ранней новг. бер. гр. № 613 (30—50-е гг. XI в.), см. [Зализняк 2004: 243]. Преобразование геогр. **Внѣжьсковичи* > *Унѣжковичи* стало возможным после утраты редуцированных в условиях слабой фонетической позиции начальной *в* перед согласной (подобно смол. диал. *унук*, но литер. *внук*). Межтерриториальные антропо- и топонимические соответствия к данному новгородскому ойкониму не обнаружены.

Хотѣнковичи дер. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 859], известная позднее в составе Климентовского Тесовского пог. (Тесовской вол.) под вариантными названиями: *Хотенковичи* дер. над оз. Тесовым 1568 г., *Хотыни* против села Тесова на р. Ордежи 1573—1578, 1584, 1620, 1646 гг., *Хотыня Усадище* тож 1629 г., *Усадища Хотыни* тож 1669 г. [Селин 2003: 129, табл. 8, 135, табл. 9]. В более поздних источниках фигурирует только как дер. *Усадище*, сейчас относится к Волошовск. Луж. Исходная форма отсылает к др.-рус. личн. *Хотѣнѣско*, *Хотѣнѣ*, которое равно краткому причастию от *хотѣти*. Последнее зафиксировано на штукатурке новгородской Софии в надписи 2-й пол. XI — 1-й пол. XII в. [Медынцева 1978: 102, надп. № 148], но проявлялось в Новгороде и позднее — даже в XVI в., см. материал из [Вес. Он.: 342]. Имя было в ходу у разных групп славян; ср. др.-рус. и ст.-рус. *Хотѣнѣ*, *Хотѣна*, др.-польск. *Choteń* и *Chocian* [SSNO I: 335; Tazyski 1925: 45], др.-чеш. *Chotěn*, *Choteň* и вариант *Chotan* [Svoboda 1964: 157, 270], полаб.-помор. *Chotan* [Schlimpert 1978: 45], болг. *Хотен* [Заим. БИ: 233]. На восточнославянской территории о многовековой популярности данного антропонима, который поддерживался и апеллятивными коррелятами типа арх. *хотѣн*, тамб. *хотѣня* ‘охотник до чего-л., любитель’ [Даль ТСЖВЯ 4: 563], свидетельствует богатая топонимия. Ср. многочисленные новгородские ойконимы *Хотеницы*, *Хотѣново*, *Хотѣнково*, *Хотѣнки* и др. из писцовых книг (см. [НПК. Указ. ГН: 215]), дополняемые большим количеством поздних топонимических соответствий, известных по материалам XIX—XX вв.: *Хотеново*, *Хотеничи*, *Хотеницы*, *Хотенка*, *Хотень* и др.; они относятся, помимо территории пятин Великого Новгорода, к Белоруссии, Северной Украине, западнорусским областям, отчасти к Русскому Северу (Каргополье), к Ярославской, Владимирской, Костромской губ. [Vasm. RGN IX 3: 529]; отмену еще геогр.

Chotěnice (дважды) и *Chotěnov* (дважды) в Чехии [Prof. MJ II: 38—39], *Chocianów* гор. в Польше, известный с 1329 г. [Rospond 1984: 53].

Шумятичи дер. Деманского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 529], под 1538/39 г. — *Шумятица* [ПКНЗ 4: 235], ставшая пуст. *Шумятец* Валд. у. к концу XVIII в. [ИАДП 1: 152]. По-видимому, искаженную форму этого же средневекового ойконима являет название стоявшей неподалеку дер. *Сушамятица* тоже Деманского пог. [НПК II: 532], о которой дальнейших известий нет. Наряду с геогр. **Шумятина Гора** дер. Ситенского пог. конца XV в. [НПК I: 569], восходит к личному имени с основой апел. *шумь, шумьныи* и с суф. *-'ата*, ср. Клишко *Шумята*, крестьянин в Полищском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 270].

Гостомичи дер. на р. Черной Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1539/40, 1568 и 1582 гг., но и *Костромичи* «за Черною» по писцовой книге 1500 г.; в конце XVIII в. здесь отмечена пожня *Гостомцы* [НПК III: 136; Селин 2003: 179]. Геогр. *Гостомичи* отсылает к личн. *Гостомь*, усеченному из **Гостомирь*. Гипокористика хорошо известна; ср. имя запорожского казака Семень *Гостомь*, XVII в. [Демчук 1988: 86], польск. личн. *Gostom* [SSNO II: 174], хорв. *Gostom* [LPSRH: 197]; среди топонимов имеются названия *Гостомичи* средневековой местности в Данковской вол. Тор. у. 1539/40 г. [ПКНЗ 4: 573, 574], *Гостомля* дер. в Зубцовском у. Твер. губ. + дер. на р. Реут под Курском + дер. на р. *Гостомка* в окрестностях гор. Кромы Орловской губ. (два пункта), *Гостомель* сел. в окрестностях Киева, *Гостимля* дер. в окрестностях Красного Смоленской губ. [Vasm. RGN II 3: 523, 524], геогр. *Hostomice* в Чехии [Svoboda, Šmilauer 1960: 177], польск. *Gostomka* р., *Gostomskie Jezioro*, *Gostomko* и *Gostomkowo* оз. в басс. Вислы [HW: 347, 718; Górniewicz 1985b: 74], *Gostomie* сел. в Польше, *Gostom* или *Gostim* — сел. в Греции, в Чехии и в сербской Лужице на востоке Германии (нем. *Gottschdorf*) [Rospond 1983: 74; Hosák, Šrámek MJMS I: 282]. Единственная, хотя и самая ранняя форма *Костромичи* 1500 г. может рассматриваться как незакономерная модификация формы *Гостомичи*, сближенной с личн. *Кострома*, которое удостоверяется письменностью: так звали, например, дьяка, писавшего духовную грамоту великого князя Ивана Калиты, 1328 г. [Вес. Он.: 160], указан также *Кострома* Дмитриев, ямщик Выдропуского яма, 1596 г. [СлРЯ XI—XVII 7: 371]¹⁴. Дер. **Костромينو** у *Свята озера* (!) стояла в Михайловском Сакульском пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКВод 12: 36].

Гостилицы дер. и сц. Покровского Дятелинского пог. Вод. пят. 1500 г. (= совр. *Гостилицы* дер. в Лом. р-не) и **Гостиловицы** дер. Фроловского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК III: 611, 612; IV: 37], вероятно, через патронимы **Гостилиць*, **Гостиловичь* возводятся к др.-рус. личн. *Гостиль, -о, -а*, хорошо знакомому осо-

¹⁴ В антропонимию имя *Кострома* вошло, похоже, из мифологической лексики: рус. диал. *костромá* обозначает обычно 'большое чучело из рогожи и соломы, которое носят с песнями и шутивными обрядами топить в реке, озере или луже, праздная проводы весны и встречу страдного лета' [СРНГ 15: 82], др.-рус. *кострома* 'чучело из соломы и рогожи, а также пучок прутьев, батоков' [СлРЯ XI—XVII 7: 371].

бенно по др.-новг. письменности: имена *Гостила*, *Гостиль* сохраняют новг. бер. гр. № 2, 688, 726, Торж. 9 [Зализняк 2004: 726], *Гостилец* новгородец, 1234 г. [Туп. СДЛСИ: 117]. Ср. йотово-посессивное геогр. *Гостиля* в болгарских землях [Замимов 1973: 94]. Что касается названия дер. *Гостиницы* в Сонк. р-не (по МАТГ 1853 г. — *Гостиницы*) [Воробьев 2005: 104], соотносимого с сел. *Гостиничи* в Никольском Гостинничском пог. Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 1: 238] (по писцовому документу 1545 г. — *Гостыниччи* с отвердевшей *т* [НПК VI: 479—489]), то оно трактуется неоднозначно. Его можно возвести либо к личн. **Гостыня*, -а или к личн. *Гостина*, -ъ (ср. польск. гидроним *Gostynia* р. в верховьях Вислы, который связывают с др.-польск. личн. *Gościna*, *Gościn* [Babik 2001: 392]), либо к апеллятиву с основной *гостин*-. Эта суффиксальная основа часто проявляется среди древнерусской лексики, ср. *гостиная*, *гостинець*, *гостиница*, *гостинки*, *гостинникъ*, *гостиное* и др. [СлРЯ XI—XVII 4: 104—106].

НАЗВАНИЯ ОТ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ДЕАПЕЛЛЯТИВНЫХ ИМЕН

Такие образования составляют значительный пласт ойконимии на *-ичи/-ицы*. В аспекте хронологии они не слишком показательны, поскольку многие личные имена и прозвища, равные или паронимичные апеллятивам и этнонимам, сохраняли употребительность на протяжении всего средневековья. Остановлюсь лишь на некоторых топонимических фактах, показавшихся в том или ином аспекте достаточно интересными.

Грузовичи дер. Коломенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 233], = *Груздовицы* дер. Воскресенской вол. Ст-Рус. у. 1909 г. [СНМНГ III: 26]. Средневековый вариант отсылает к личн. *Грузь*. По летописям и актам хорошо известен знатный боярский род, из которого вышли новгородские посадники XV в. Афанасий Остафьевич *Груз* и его брат — Тимофей Остафьевич, по НПК известен также сын Афанасия *Груза* — Микита Афанасьевич *Грузов*. От имени *Грузь* образован патроним *Грузевич* на украинской Волыни (Иван Грузевич, урядник князя острожского, 1618 г.) [Туп. СДЛСИ: 526]. Книги Шел. пят. [НПК IV: 491, 512; V: 373, 602] дают еще несколько ойконимов на базе личн. *Грузь*: дер. **Грузово** в пог. Никольском на Шелони 1-й пол. XVI в., поч. **Грузовица** под 1539 г., но дер. *Грузовка* под 1576 г., в Болчинском пог. (= дер. *Груздовка* к нач. XX в. [Андрияшев 1914]), дер. **Грузовица** в Ретенском пог. 1539 г. (= пуст. *Грузовица* на р. Леменке по Ген. меж. конца XVIII в. [Там же: 195]), в Вод. пят. была пуст. **Грузово**, а *Замошье* тож на оз. Тесовском, 1586 г. [Селин 2003: 483]. Совр. дер. **Грузово** Тулебельск. Ст-Рус. ранее значилась в Виленской вол. Ст-Рус. у. в 20 верстах от Старой Руссы [СНМНГ III: 22—23], иной информации о ней не найдено. Не исключено, что некоторые из перечисленных пунктов имеют к древнему новгородскому роду Грузовых непосредственное отношение. Эти названия носят отчетливо региональный характер распространения: за пределами Новгородской земли, как показала проверка, ойконимия с топоосновой *Грузов*- отсутствует. Морфологическим вариантом к имени

Грузь является личн. *Груза*, донесенное древней письменностью на западе Славии (см. *Грузино*).

Лютовичи дер. Дубровенской вол. Порх. р-на, во 2-й пол. XIX в. — *Литовичи* [СНМРИ 34: № 11138]. Отождествляется с дер. *Лютовичи (Лютая)* под 1498 г., *Лютовичи* под 1550/51 г., *Лютовичи (Литовича)* под 1576 г., в Опоцком пог. Шел. пят. северу от Порхова [НПК IV: 174, 179; V: 687, 691; ПКНЗ 6: 90]. Среди параллельной ойконимии — геогр. *Лютовичи* и *Лютовичи-Корытное* сел. и ус. на р. Волька в окрестностях Слуцка Минской губ. [Vasm. RGN V 2: 299], геогр. *Litovice* в Чехии [Prof. MJ II: 642]. Названия скорее всего соотносятся с др.-рус. личн. *Лють, Лютьми*, позднее *Лютой*, которые равны адъективу — праслав. **l'utъ(jь)*, рус. *лютый*. Дохристианское личн. *Лють* содержит новг. бер. гр. № 234 сер. 30—70-х гг. XII в. [Зализняк 2004: 340]. На Руси имя отмечено с X в. (*Лют* Свенальдич) [Туп. СДЛСИ: 237], оно активно использовалось у западных и южных славян, судя по [SSNO III: 300—301; Мор. СИ: 112; Заим. БИ: 144] и другим источникам. Вместе с тем, если считать вар. *Лютая* в парадигме рассматриваемого ойконима исконным, а не вторичным, то нельзя исключать возведения к форме **лютовичи* — наименованию жителей по раннему названию места (селения) *Лютая* (о категории декатойконимных названий см. в гл. 8).

Варианты *Литовича, Литовичи* отражают изменение *Лют-* > *Лит-*, происшедшее в топонимии не только средневековой, но и более позднего времени. Так, новг. дер. **Лютова** Тухольского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 711] (к личн. *Лють, Лют(ыи)*) в переписи 1710 г. именуется *Подлютовье* («Тухольского погоста выставки *Подлютовья* деревни *Подлютовья* крестьянин») [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8597. Л. 64], но в 1780-х гг. уже *Подлитовье* [ИАДП 1: 275], сегодня *Подлитовье* Зайцевск. Кр. На восточнославянской территории известен еще целый ряд названий-композигов на *Лито-*: *Литогоща, Литогощъ*, р. в Среднем (Рязанском) Поочье [Чумакова 1992: 59—60], *Литогоща, Литовещ*, села в Волынской обл. Украины [Шульгач 1998: 160], *Литовиж* дер. у Псковского оз. Перечисленные названия выступают в качестве топонимических отражений др.-слав. личн. **L'utogostъ, *L'utovidъ*, хотя фиксируются с устойчивым преобразованием начального слога **l'u-* > *ли-*, что закономерно для древнечешского языка, ср. чешские топонимы только в виде *Litohoř, Litohošť', Litomyšl', Litovel* и др. [Rospond 1983: 90].

Люджеричи сц. и рядом *Люджирицы* дер. в Григорьевском Льешском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 822]. Более поздних сведений о селении нет, межтерриториальные топосоответствия к ойкониму тоже отсутствуют. На мой взгляд, предпочтительна трактовка с опорой на сербохорв. *људџедер*, словен. *ljudožer*, польск. *ludożerca, ludożer*, в.-луж. *ludidžerъ*, укр. *людожер*, — данные лексемы (см. [ЭССЯ 15: 193]) обозначают людоеда, пожирателя людей в разных славянских языках и возводятся к праслав. **l'udožerъ/*l'udižerъ* 'людоед' (от основы глагола наст. вр. **žbrati, *žerъ* 'жрать'). Очевидно, следует видеть равное апеллятиву пейоративное прозвище конкретного человека (первопоселенца, владельца, одного из жителей), отложившееся в посессивно-патронимическом названии.

Любопытно усечение гласной (*o* или *u*) на стыке компонентов сложения, отраженное в геогр. *Люджерцицы*/*Люджурицы*, — эта архаическая черта, прослеживаемая на материале др.-слав. «классической» композитной антропонимии, проявилась в данном случае в специфическом прозвище.

По второй вероятной версии, в основу анализируемого ойконима был положен патроним, производный от редкого самостоятельного композитного личного имени **Людъжирь*/**Людъжьрь*, не зафиксированного источниками. Первый компонент *Люд-* хорошо знаком общеславянскому антропонимикону (подр. см. *Людогоща*), что касается второго компонента, можно привлечь как др.-слав. композиты на *-žirь* (**Kroměžirь*, **Dobrožirь*, **Nedažirь* и др.), так и личн. *Хотьжьрь* из новг. бер. гр. № 900, относящейся к 20—30-м гг. XII в. [Зализняк 2004: 286]. При таком осмыслении исходного антропонимического сложения второй компонент его отсылает скорее не к праслав. **žrati*, **žerq* ‘жрать’, а к **žerti*, **žьrq* ‘приносить жертву’. О вероятных дотопонимических истоках колебания *-жирь/-жьрь* см. в гл. 5 в связи с геогр. *Тужирово*, *Здажерино*, *Обжерино* и др.

Ляховичи, или *Ляховицы*, дер. на правом берегу Ловати Пинаевогорск. Ст-Рус. Ранее на месте современной деревни и рядом с ней значились три пункта Черенчицкой вол. Ст-Рус. у.: село *Ляховичи* и смежные одноименные погост и усадьба [СНМНГ III: 114—115]. Пог. *Ляховичи* на Ловати отмечен грамотой великого князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю, датированной 1134 г. Грамота начинается словами: «Се азъ князь великыи Всеволодь даль есмь святому Георгию Терпужьскыи погость *Ляховичи* съ землею, и съ людьми, и съ коньми, и лѣсь, и борти, и ловища на Ловати...» (далее следует описание границ пожалованной волости) [ГВНП: 139—140, гр. 80]¹⁵. Около 1495 г. дер. *Ляховичи* указана переписной оброчной книгой Дер. пят. в составе волости Юрьева монастыря в Курском присуде в Черенчицком пог. [НПК II: 618]. Для эпохи конца XVIII в. материалы межевания по Ст-Рус. у. фиксируют два близлежащих одноименных пункта: село *Ляховичи* на месте совр. дер. *Ляховичи* и дер. *Малье Ляховичи*, носившую второе название *Кулаково*; это позволило отождествить *Малье Ляховичи* с совр. дер. *Кулаково*, расположенной ниже по течению Ловати [Фролов 2003: 58—59]. Кроме того, обосновывалось мнение [Там же], что древнейшее село *Ляховичи*, указанное грамотой XII в. и писцовой книгой XV в., находилось на месте дер. *Кулаково*, а не в совр. *Ляховичах* (данные пункты отстоят друг от друга на 10 км). Вопрос помогут прояснить дальнейшие историко-археологические поиски. Пока же на территории *Ляховичей* не удалось обнаружить ярко выраженных слоев древнерусского времени [Носов 1993: 35], что способствует гипотезе о перенесенности на современную

¹⁵ Отнесение документа к 1134 г. обосновано В. Л. Яниным [1977: 77] (ГВНП предлагает более широкую датировку — с 1125 по 1137 гг.). По поводу границ средневековой волости и идентификации многочисленных топонимов, перечисленных грамотой, развернулась широкая дискуссия среди историков и археологов, судя по работам последних десятилетий, посвященных грамоте на Терпужский погост *Ляховичи*: [Янин 1978; 1981: 231—239; Носов 1993; Свердлов 1993; Фролов 2003].

деревню ойконима *Ляховичи* с другого, близлежащего пункта. В XIX в. имели хождение два варианта ойконима: *Ляховичи* и *Ляховицы*, ср. по источнику 1849 г.: село «*Леховицы*» и там же — в селе «*Ляховичах*» [ВСОРИ: 4, 40]. Эти варианты среди местного населения употребительны и сейчас: *Ляховичи* с ударным последним слогом и *Ляховицы* — с ударным предпоследним слогом [ЛЗап].

Название *Ляховичи* связано еще с несколькими сопредельными селениями, которые локализируются у южных рубежей Новгородской земли. К югу, юго-востоку от *Ляховичей* на Ловати в конце XV—XVI в. значилось несколько близлежащих пунктов, которые причислялись к вол. Велиля на верхней Поле: дер. *Ляховичи* (*Леховичи*) и дер. *В Ясну Ляховичи* среди селений Ляховицкого десятка, рядом дер. *Ляховицы* в Порецком десятке [НПК II: 758, 767; ПКНЗ 4: 337], документация 1561 г. отмечает в вол. Велиля дер. и местность *Леховичи* [ПКНЗ 5: 365, 367, 372, 373, 374]. К северо-западу от северного (Полновского) плеса оз. Селигер значится геогр. *Ляховичи*, прикрепленное к дер. Ильиногорск. Дем., а ранее Полновской вол. Дем. у. [СНМНГ II: 62—63]. Новгородские ойконимы территориально тяготеют к белорусскому ареалу, где фиксируются шесть пунктов *Ляховичи*, см. [Жучкевич 1974: 218; Рогалев 1987: 33], однако по спискам селений XIX в. таких пунктов в Белоруссии значительно больше: они рассредоточены, в частности, по окрестностям таких городов и крупных селений, как Мядель, Кобрин, Волковыск, Минск, Мозырь, Житковичи, Новогрудок, Пинск, Слуцк, Мстиславль, Сенно, а также в Литве на пограничье с Белоруссией близ гор. Свенчаны, Трокай, наконец несколько селений лежат в примыкающей с юго-запада Галиции, см. материалы [Vasm. RGN V 2: 313—314]. Ойконим *Ляховичи* не был обойден вниманием исследователей; одни предполагали деэтнонимное, другие — деантропонимное происхождение. Так, относительно новгородского погоста геогр. *Ляховичи* на Ловати историк И. Я. Фроянов [1974: 80] писал, что его наименование «очевидно, происходит от слова «ляхи», т. е. «поляки». Видимо, население погоста состояло из пленников, вывезенных из Польши». А. Ф. Рогалев [1987: 33] пытался обосновать этнонимическую трактовку белорусских геогр. *Ляховичи* обязательным наличием *-ов-* (отсутствуют названия типа *Ляхичи*), что, по его мнению, подразумевает этноним *лях*. Автор словаря топонимов Белоруссии тоже склоняется к этнонимической версии [Жучкевич 1974: 218]. С другой стороны, археолог Е. Н. Носов [1993: 37] склонен возводить геогр. *Ляховичи* на Ловати к личному имени.

При омонимии др.-рус. *ляхъ* 'поляк' и личн. *Ляхъ*, обладающих общими морфологическими чертами, выбор в пользу изначального этнонима или антропонима со стопроцентной уверенностью сделать затруднительно. Суф. *-ов-* был обычен в составе патронимов от личных имен, но он сочетался и с этнонимом *ляхъ*, будучи континуантом флексии **-й-*склонения; ср. др.-рус. *ляхове* мн. ч. («*Ляхове* же и Пруси и Чюдь присесть к морю Варяжскому» [ПСРЛ I: 1962, 4]) и в русском фольклоре: *Лёховинская земля* — наименование Польши, *ляхови́нский*, *ляхови́цкий*, *ляховецкий* 'польский' [СРНГ 17: 285; Фасм. ЭСРЯ 2: 553]. Впрочем, в русском языке стабилизировалась форма без *-ов-*: *ляшский* (не *ляховский*), *лехитский*. Более

показателен в случае с геогр. *Ляховичи* формант *-ичи*: он здесь скорее подразумева-ет индивидуально-посессивную (родовую), нежели обобщенно-этнонимическую характеристику основы *лях-*. Иными словами, структура ойконима склоняет к расшифровке геогр. *Ляховичи* как ‘поселение рода Ляха’, а не ‘поселения ляхов-поляков’. Деэтнонимные наименования относятся, как правило, к иным словообразовательным моделям (в частности, для основы *лях-* ожидалось бы, скажем, геогр. *Ляхи*, *Ляшко* с относительным суф. *-ск-*). Личные имена *Ляхъ*, *Ляшко* были очень популярными в древнерусский и старорусский периоды [Туп. СДЛСИ: 238; Вес. Он.: 190], в том числе в Северной Руси: они содержатся, например, в новг. бер. гр. № 615 (XIII в.) и № 999 (сер. — 2-я пол. XII в.) [Зализняк 2004: 498; Зализняк, Торопова, Янин 2011: 8—9] и отражены многими деантропонимными названиями новгородских земель: *Ляхова* тonya в Заволочье 2-й пол. XV в. [ГВНП: 244, гр. 221], пожня на «*Ляхове*» под Новгородом 1-й пол. XVI в. [ПКНЗ I: 331], геогр. *Ляхово*, *Ляшково* для селений Вод., Дер., Шел. пят. конца XV—XVI в. [НПК III: 150, 358; II: 208; IV: 406], *Ляхова* дер. в Федоровском Песоцком пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКВод 11: 45]; сюда же и *Ляховы* дер. Молвятицкого пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 661], = совр. *Лёхово* дер. Молвотицк. Мар. В целом ойконимы *Ляхов*, *Ляхово*, *Ляховка*, *Ляховщина* обильно рассеяны по огромной территории бывшей Российской империи вплоть до Урала (с отчетливым тяготением, конечно, к западным губерниям) [Vasm. RGN V 2: 313—315, 316], многие из них, надо полагать, относительно позднего образования.

Говоря о деантропонимном (патронимическом) происхождении геогр. *Ляховичи*, нельзя забывать о том, что названия с основой *лях-* все же сохраняли некоторую связь, хотя бы отдаленную, опосредованную, с этническим обозначением. Название *Ляховичи* само по себе, возможно, не является этническим маркером, но личн. *Ляхъ* идет от этнонима *ляхъ* и, очевидно, не теряло семантической соотносительности с производящим этнонимом, например, оно могло функционировать (хотя бы на первых порах) как прозвище выходца из Польши либо даже из Великого Княжества Литовского. В связи с этим показательно, что многие ойконимы с основой *лях-* сосредоточены на территории Белоруссии, которая граничит с Польшей. Большинство белорусских ойконимов, можно полагать, тоже имеют основой личн. *Ляхъ*, но общая повышенная функциональность этого имени здесь не случайна, а является отзвуком пограничного польского влияния.

Подобным образом — как посессивно-патронимическое название, сохраняющее, тем не менее, некоторую смысловую связь с изначальным этнонимом, должно трактоваться геогр. *Жидовичи Большие* дер. на правом берегу Ловати Губинской вол. Ст-Рус. у. 1909 г. [СНМНГ III: 38—39] (сохранялась до 1990-х гг., сегодня ур. в 30—35 км выше Ляховичей), отождествляемое с *Жидовичи* дер. Курского пог. Дер. пят. конца XV—XVI в. [НПК II: 595; ПКНЗ 4: 298]. Буквальная смысловая трактовка данного деривата — ‘поселение Жида; владение Жида’ — не способна прояснить статус основы *жид-*, обусловившей ойконим: она отражает либо прозвище с экспрессивными коннотациями, отсылающими к базовому этнониму — др.-рус.

жидь 'еврей', либо собственно этноним, раскрывающий этническую принадлежность первопоселенца, но воспринятый и топонимически закрепленный по модели личных имен. Как бы то ни было, мотивационная связь с этнонимом, исконная либо вторичная, привнесенная, иногда находит при подобных ойконимах эксплицитное выражение. В частности, дер. *Жидовичи, Жидовицы*, в басс. Шелони к югу от Порхова, = *Жидовичи/Жидовочи* дер. Ясенского пог. Шел. пят. 1498, 1539 и 1575/76 гг. [НПК IV: 156, 456; ПКНЗ 6: 186], стоит в ближайшем соседстве с дер. *Евановичи*: пространственная близость этих ойконимов свидетельствует об актуальности этнических коннотаций исходных именных основ, манифестировавших противопоставление *Жида* (еврея) и *Ивана* (русского).

Морконницы, или *Марконницы*, пог. Пожарской вол. Кр. у. при впадении р. Мды во Мсту [СНМНГ IV: 82—83], сегодня — ур. неподалеку от дер. Замостье, Гарь, Шемякино Мал. р-на. Пункт обозначен на картах XIX в. [КШуб; ВТКЗверст] как пог. *Морконицкий/Морконецкой* на правом берегу Мсты и Мды, а по спискам селений 1-й пол. XIX в. значится как село *Морконницы* [Неволин 1853: 159]. Отождествляется со средневековым Никольским пог. в *Морткиничах*, впервые указанным платежной книгой Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 1: 232, 233]. Следующие упоминания пог. в *Морткиничах* содержатся в сметном списке Обон. пят. 1573/74 г. [ПКНЗ 2: 156] и в писцовой книге Обон. пят. Нагорной половины 1582—1583 гг. [Неволин 1853: 139 прил.]. Ойконим возник на базе др.-новг. патронима *Мортъкиничь*. Ср. отчество новгородца в летописном фрагменте: «...взяль еси Олексинъ дворъ *Морткинича*» под 1270 г. [НПЛ: 88, 319], а также имена лиц: Харламень *Мортка* по источнику 1397—1427 гг. [АСЭИ II 8: 223, 144], князь Федор Иванович *Мортка* Ярославский и его потомки *Морткины* сер. XV в. [Вес. Он.: 204]. Прямые фиксации имени и производных от него патронимов дополняются топонимическими отражениями. На новгородской территории, помимо пог. в *Морткиничах*, есть дер. *Морткино* в Лосском пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 239], отождествляемая с совр. дер. *Мароткино* Нивской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 92—93], дер. *Мороткино* Шереховичской вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 136—137], пожня *Морткино* и рядом с ней дер. *Мородкино* (!) в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 237, 242]. В более поздних источниках последний пункт обозначен как село *Мороткино* 1582 г., сд. *Мроткино* 1612 г., сд. *Мродкино* на рч. Удрайке 1646 г., дер. *Мроткино* 1678, 1709, 1718, 1748 гг., затем село *Большое Мроткино* с селцом *Малое Мроткино* 1791 г. [Селин 2003: 161], по спискам 1864 г. пог. (село) *Мроткино* на р. Удрайке [СНМРИ 37: № 1995], сегодня — дер. *Мроткино* вблизи пос. Батецкий, р. ц. Новг. обл. На примыкавших к Новгородской земле территориях отмечены *Мордкино* дер. Вельегонского у. Твер. губ. [СНМРИ 43: № 2415] и *Морткино* дер. в Кадниковском у. Волог. обл. [Vasm. RGN V 3: 681]. Личн. *Мортка/Мордка* трактовалось как усеченно-суффиксальный вариант полных христианских имен *Мартемьянь* (< *Мартинианъ*), *Мартинъ*, *Мартирий*, *Мардарий* [Толкачев 1975: 122; Суп. СРЛИ: 242]. Настораживают, однако, некоторые детали: употребление *Мортка/Мордка* во второй позиции после календарного имени (см. *Харлам Морд-*

ка), что характерно скорее для прозвища, устойчивость суф. *-ка* (личн. *Мордко* письменностью не фиксируется), наконец рефлекс второго полногласия в основе геогр. *Мородкино*, *Морткино*, — все это определено говорит о прозвищном имени, равном апел. *мордка* (из раннего *мърдька*) — обозначению мелкой древнерусской денежной единицы (факты употребления личн. *Мортка* вместо *Мордка* объяснимы оглушением согласной после утраты редуцированных).

Довольно прихотливая модификация формы *Морткиничи* в *Морконницы*, помимо фонетически объяснимых моментов, содержит явные признаки ремотивации (о вместо *и*, двойное *ни*) благодаря притяжению к созвучным лексемам¹⁶.

Ожевичи дер. в дельте р. Мсты, известная по отписным и оброчным книгам пригородных пожен Новгородского дворца 1535/36—1539/40 гг: «Юрьева монастыря пожня *Остров Ожевичицкой* у деревни у монастырской у *Ожевичь*»; «Пожня Плоская, словет Великия, против *Ожевичь*» [ПКНЗ 1: 317, 363]; она же обозначена как дер. *Ежевичи* на Русской реке Холынского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 444]. Ойконим базируется на др.-рус. прозвищном имени *Ожь*, которое равно др.-рус. обозначению ежа, см. [СлРЯ XI—XVII 12: 296]. Ср. фамильное прозвание старорусца Петр *Ожев* по книгам 1611 и 1624 гг. [ППКСР: 73, 181] и суффиксальные дериваты личн. *Ожь* с протетической *в*: личн. *Вожикъ* по акту Юго-Западной Руси 1399 г., *Вожеко* — имя крестьянина в Турском пог. Шел. пят. 1498 г. [Туп. СДЛСИ: 88]. Более привычно данное прозвище в огласовке *е*, давшее распространенную совр. фамилию *Ежов*. Имеются новгородские топонимические эквиваленты: геогр. **Ожево** ур. в Быстреевском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 478], известное впоследствии как дер. *Ожево* Гд. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 1053], **Ожевское**, или *Ажевское*, дер. Кемецкой вол. Валд. у. [СНМНГ V: 52—53]. Прочие топосоответствия уходят в Белоруссию и западнорусские области, ср. *Ożewize* ус. в Слуцком у. Минской губ. (пожалуй, идентичное с *Гожевичи* в том же уезде и совпадающее с новг. *Ожевичи*), дополняемое геогр. *Ожевица* дер. Великолукского у. Пск. губ., *Ожево* дер. в окрестностях Бобруйска и Борисова Минской губ., *Ажово* дер. Дмитровского у. Орловской губ. [Vasm. RGN VI 2: 361]. Ср. также новг. геогр. *Ожеедово* (см.).

Смолеговицы Старые и **Смолеговицы Новые** — близлежащие дер. Остроговицк. Волос. к востоку от гор. Кингисепп, в XIX в. относились к Ямб. у. [СНМРИ 34: № 4937, 4938, 4939]. Отождествляются с сел. *Смолиговици* в Никольском Ястреминском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК IV: 793]. Средневековый ойконим возводится к личн. *Смолигъ*, которое образовано при помощи суф. *-игъ* от корня *смол-*. Имя

¹⁶ О возможности переосмысления свидетельствует топонимическая легенда, бытовавшая среди окрестного населения в XIX—XX столетиях. По легенде, на погосте когда-то давно останавливалось вражеское войско, направлявшееся к Новгороду. Враги оставили своих коней на ночь в храме, превратив святое место в конюшню, и господь свершил свою кару: на конницу неприятеля напала неизвестная болезнь, и лошади стали падать одна за другой. «Мор конницы», по убеждению местных жителей, стал причиной появления названия *Морконницы* [Сто новг. сел: 75—76].

сохранено новг. бер. гр. № 603 2-й пол. XII в., см. фрагмент текста: «Отъ *Смолига* къ Грецинови и к Мирославоу» [Зализняк 2004: 404—405], отражено псковской летописью под 1266—1267 гг.: «...убиень бысть Онтонъ, единъ псковитинъ, сынъ Лочковъ, братъ *Смолиговъ*» (по [Охотникова 1985: 190, 194, 197]), содержится в псковской рядной грамоте 2-й пол. XIV в. (на земли на Ригиной горе близ пог. Камно), в которой среди тяжущихся назван некий *Смолигъ* [Марасинова 1966: 47]. Древнепольский антропонимикон [SSNO V: 9] дает форму *Smoligowski*, производную от личн. *Smolig*, и имена *Smolik*, *Smolega*, *Smolisz*, словарь др.-рус. имен Н. М. Тупикова [Туп. СДЛСИ: 364] указывает близкое *Смоляга* Андрей, киевский мещанин 1594 г. С аналогичным редким суф. *-игъ* зафиксированы личн. *Ясигъ*, *Родигъ*, патроним *Чорнигов* (см. геогр. *Чернигово*), имеются оттопонимные реконструкты **Елигъ*, **Ялигъ*, **Кочигъ* по геогр. *Елигово*, *Ялигово*, *Кочигово* писцовых книг (см.). Довольно многочисленны межтерриториальные топонимические эквиваленты: ул. *Смолиговка* (*Смолиговская*) в средневековом Пскове [Колосова 2004], *Смолеговичская Рудня* (польск. *Smoligowska Rudnia*, *Smolikowska Rudnia*) сел. в Речицком у. Минской губ., там же, неподалеку от Речиц, указано *Смолегов* (польск. *Smoligowicze*, блр. *Smoligowiczy*) дер. на р. Мытве, геогр. *Смолеговка* (*Смолиговка*), *Смалеговка* и йотово-посессивное *Смолеж* (*Смоляж*) сел. на р. *Смоляж* — все три пункта в бывшей Черниговской губ., *Смолиговка* ус. недалеко от Орши Могилевской губ., *Смоляги* дер. на р. Лоница близ Полоцка Витебской губ., *Смогилев* (польск. *Smoligów*) дер. на р. Серна у гор. Владимир-Волынский, *Смогилевка* дер. на р. Осливка вблизи Могилева, *Смогиловка* (на карте также *Смолиговка*) дер. в окрестностях гор. Борисов Минской губ., вероятно, *Смулиговица* сел. в Карпатах на Украине, польск. *Smoligów* сел. в окрестностях гор. Люблин [Vasm. RGN VIII 2: 378, 385, 386, 387, 391, 396]. Перечисленные и, не исключено, еще некоторые эквивалентные названия, которые ведут свое происхождение от личн. *Смолигъ*, сосредоточены на Псковщине, в Восточной Белоруссии, Северо-Западной Украине и на востоке Польши.

НАЗВАНИЯ ОТ ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Немало новгородских географических названий на *-ичи/-ицы* имеют в словообразовательном исходе христианские календарные имена. Отнесение таких названий к числу архаических обычно затруднительно, поскольку обусловившая их христианская антропонимия далеко не всегда отражает черты, характерные только для древнерусской эпохи. Ограничусь краткими объяснительными комментариями лишь к некоторым ойконимам этой группы, сосредоточившись по преимуществу на тех фактах, которые отмечены печатью др.-рус. (или диал. др.-новг.) фонетико-словообразовательных особенностей и/или присутствуют в ранней документации.

Сюда следует отнести название дер. *Филистовичи* Локоцкого пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 41, 91, 92], позднейшие сведения о которой мне не известны; ойконим восходит к личн. *Филисть* — раннему диал. сев.-зап. (преимущественно

новг., реже пск., твер., смол., судя по топонимическим отражениям, см. [Vasm. RGN IX 3: 411]) варианту др.-рус. *Филиксъ*, *Фились*, совр. *Феликс*¹⁷. Геогр. **Фроловичи** дер. Каргальского пог. Вод. пят. 1500 г. и **Фларевичи** дер. в околородье Порховском Шел. пят. 1576 г. [НПК III: 513, 516; V: 575] связаны с личн. *Фроль*, *Фларь*: если первое манифестирует общеизвестный народный вариант имени *Флорь* (< лат. *Flor*), то второе — др.-новг. диал. вариант *Фларь* этого же латинского имени (подр. см. при анализе *Фларево*). Отмечу далее: геогр. **Мосеичи** (*Моисеевичи*) дер. Ракомской вол. Новг. у. на р. Веряже в Ильменском Поозерье [СНМНГ I: 64—65], = *Моисеевичи* дер. в Паозерье Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 13], ср. в связи с этим пунктом упоминание пожни «за Веряжею в *Моисеевичах*» отписной книгой церковных пригородных пожен Великого Новгорода 1535—1539 гг. [ПKNЗ 1: 315] (к личн. *Мосби*); геогр. **Лукинич** дер. в Холмском пог. в Лазоревском стану Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 847] (к личн. *Лука*); **Ильиничи** дер. Егорьевского Вздылицкого пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 862] и **Илкинич** дер. Локотского пог. Дер. пят. под 1495 и 1550/51 гг. [НПК II: 276; ПKNЗ 5: 128] (к личн. *Илья*, уменьш. *Илька/Илка*); **Олексиницы** дер. Локотского пог. около 1495 г. [НПК II: 75], = *Малые Алексеевичи* пуст. Кр. у. к концу XVIII в. [ИАДП: 190] (к личн. *Олекса*, др.-рус. и ст.-рус. гипокористике от полного *Олекси*); **Тереховичи** дер. в великокняжеской вол. Стерж Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 698] (к др.-рус. личн. *Терехъ: Терентии*); **Еваничи** дер. Локотск. Кр. в басс. р. Холовы, л. пр. Мсты, ранее — дер. Китовск. вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 46—47], отождествляемая с сц. *Евановичи* конца XVIII в. [ИАДП I: 191] и дер. *Евиновичи* Локоцкого пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 84] (к др.-новг. диал. личн. *Евань*, вариантному к *Ивань*, см. еще в басс. Шелони дер. *Евановичи* Ясенск. Порх.); дер. **Петровичи у Большого Камени** в Копорском у. в Каргальском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 496, 512, 527, 530, 531, 537, 547]. В отдельных случаях средневековые названия на *-ичи/-ицы* от христианских календарных имен относятся скорее к местности, чем к селениям. Таково, в частности, геогр. **Гришкинич**, ср. дер. «въ *Гришкиничих* на Горѣ» в Михайловском пог. Обон. пят., согласно акту 1578 г. [АИ I: 570]. В более раннем документе дано название местности **Демьяницы** в басс. Луги: «Взяль господинъ владыка Еуфимий (<...> землю в Тесове, в *Демьяницахъ* (<...>) да пожно на Оредежи» (из меновой грамоты 50-х гг. XV в. игумена Вяжицкого монастыря Якима и новгородского владыки Евфимия I) [ГВНП: 292, гр. 292]. В переписной книге 1568 г. данный топоним употреблен применительно к кусту деревень (дер. *Ивашково над Тесовом на Демьяницах*, *Демьяницы Захонье*, *На Демьяницах Загорье*, *На Демьяницах* и *Демьяницы*), принадлежавших Климентовскому Тесовскому пог. Вод. пят. [Селин 2003: 47—48, 129—130]¹⁸. Первоначальным наименова-

¹⁷ Др.-рус. личн. *Филиксъ*, пришедшее на Русь через посредство греч. *Φῆλιξ*, а не прямо из лат. *Fēlix* (как совр. *Феликс*), дано, в частности, в переписке наместника новгородского боярского правительства Филикса, см. новг. бер. гр. № 414 и 415 (40—50-е гг. XIV в.) [Зализняк 2004: 545—546].

¹⁸ К настоящему времени на данной микротерритории осталась дер. *Загорье* в Луж. р-не (Приозерский СО).

нием местности является также *Юрьевичи* в Тихвинском пог. Обон. пят. 1564 г., ср. в описаниях селений: дер. «Замошье, слово в *Юрьевичах*», дер. «Замошье ж, слово в *Юрьевичах* Другое на ручейки», дер. «Олфимово Заборье в *Юрьевичах* же», дер. «Стрелно, слово в *Юрьевичах* же», дер. «*Юрьевичи* у часовни», пуст. «Старой *Юрьевич* Заполье», дер. «*Юрьевич* ж Гостево» [ПКНЗ 2: 106].

Лишь в редких случаях обоснование исходной христианской антропонимии в названиях на *-ичи/-ицы* требует более развернутого анализа. Один из таких случаев — геогр. *Кишентицы* дер. Ермолинск. Новг., ранее смежные село и ус. Трясовской вол. Новг. у. на р. Веренде [СНМНГ I: 94—95], на карте 2-й пол. XIX в. — *Окишентецы* [ВТКЗверст]. Хотя писцовый документацией данный пункт не зафиксирован, сам ойконим имеет, кажется, весьма значительный возраст, о чем свидетельствует характер основы, испытавшей древнерусские фонетические преобразования. Ойконим обязан своим появлением антропониму *Крискентъ* (*Крискентианъ*), устаревшему каноническому имени. Надо полагать, основа этого имени (*Крискент-*/*Крисцент-*) в отдельных говорах еще до падения редуцированных преобразовалась в **Кръшчент-*/**Кръщент-* не без воздействия созвучных слов *кръсть*, *кръщень* ‘крещеный’. Ср. аналогичное влияние слова *кръсть* на функционирование дублетного женского имени *Крискентия* (старокалендарное *Крисцентция*), которое получило древнецерковный вариант *Кръстяница* (см. материал [Суп. СРЛИ: 392]). После падения редуцированных основа **Кръщент-* изменилась в **Кръцент-* > *Кишент-*. В целом пережитые данным именем фонетические превращения идентичны изменениям, которые испытали, например, диал. *водо́кша* ‘пруть, в которой люди купались после молебна в Крещенье’ [НОС 1: 131] (первоначально **водокръща* ‘водокрестье, крещение водой’ > **водокръща* > *водокша*) и название дер. *Кишева* Передольск. Бат., а ранее — дер. 2-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 111] (из **Кръщева* < **Кръщева*, локального деривата с суф. *-ов-* от основы *кръщ-*, проявляющейся в иносуффиксальных диал. *крѣщаник* ‘крестник’, *крѣщатиц* ‘перекресток’, *крѣщик* ‘крестец, укладка снопов’, *крѣшулка* ‘крестница’ и др. [СРНГ 15: 240—241], ср. еще пск. лимноним *Кръшево* из **Кръшево*, с проявлением редуцированной).

ДЕАНТРОПОНИМНАЯ ТОПОНИМИЯ НА *-ица, -ец*

С посессивно-патронимической топонимией на *-ичи/-ицы* тесно сближаются и смешиваются географические названия на *-ица* в форме ед. ч. Среди последних встречаются дериваты от личных имен, составляющие самостоятельную архаическую топонимическую модель. Спорадически такие названия обнаруживаются в разных уголках Славии; чаще, по-видимому, у южных славян; ср., к примеру, геогр. *Иваньица*, *Dmitrovica* в Сербии и Хорватии, *Ciszuca* (к личному имени с корнем **tix*) в Польше и т. п., см. [Miklosich 1927: 125; Мароевич 1997а: 82]. В регионе Новгородской земли данная деантропонимная модель была ограниченно продуктивна в древнерусское и отчасти в старорусское время. Такие топонимы обычно соче-

тают формант *-ица*, характерный для деапеллятивных названий, с притяжательной **-j-*, *-ов/-ев-*, *-ин-*суффиксацией, свойственной деантропонимным названиям. Вместе с тем образования от антропооснов на зубные согласные *т, д*, реже на губные обычно встречаются без притяжательной суффиксации (см. ниже *Нежатица*, *Пестятица*, *Часловица* и др.). В данном случае наблюдается структурная аналогия с деривацией патронимов и посессивно-патронимической ойконимии, тоже имеющей такую морфонологическую особенность. Такого рода топонимические факты порой интерпретируются двусмысленно: они особенно отчетливо варьируют с названиями на *-ичи/-ицы* (см. ойконимию *Любатица / Любосницы*, *Радгостица / Радгостицы* или *Тихотица / Тихотицы*) и, следовательно, отчасти могут быть генетически сведены к иному, посессивно-патронимическому, типу.

Названия на *-ица* на базе личных имен возникали, скорее всего, путем универбации словосочетаний с притяжательными прилагательными или с существительными в родительном падеже. Нередко они прикреплены к объектам ландшафта — полям, земельным участкам, водоемам. Таковы, к примеру, средневековые названия *Волотовица*, *Иворовица*, *Колотиловица* земельных угодий Псковской земли, известных по раздельным актам XV в. [ГВНП: 328, 330] (к личн. *Волоть*, *Иворь*, *Колотило*), или пожни *Нежатица* под Новгородом 1535—1539 гг. [ПКНЗ 1: 324] (к личн. *Нѣжата*, подр. см. *Нежатицы*). Хотя указаний на населенные пункты в имеющемся материале больше, ойконимия на *-ица*, надо полагать, зачастую вторична: такие названия могли быть перенесены на селения, которые выросли на месте бывших угодий. Более отчетливо выявляет эту ситуацию переноса составное геогр. *Исаевица* для деревни Порх. у. 1575/76 г. [ПКНЗ 6: 182], выросшей из починка *Исаевица Нива* 1539 г. Ясенского пог. Шел. пят. [НПК IV: 451], унаследовавшего название, прежде относившееся к земельному угодью¹⁹.

Ниже предлагается более подробный анализ ряда новгородских топонимов на *-ица*, производной от старых антропонимов разных типов, в основном ранее не рассматривавшихся.

Вонѣжица рч., указанная в Пажеревицком пог. Шел. пят. 1539 г.: «д. Воробьево на рѣчкѣ на *Вонѣжицѣ*» [Там же: 398]. В этом же погосте локализуется дер. *Воежитцы* 1539 г. [Там же], отождествленная по материалам Ген. меж. конца XVIII в. с дер. *Вонѣжицы*, или *Вонѣга*, «а по крестному званию» — *Обонѣженка* на р. *Вонѣженка*, позднее — дер. *Баниженка* к северу от Пажеревиц Дед. р-на [Андрияшев 1914: 325]. Следовательно, геогр. *Воежитцы* нужно скорее всего квалифицировать как ойконим *Вонѣжицы*, смежный с гидронимом *Вонѣжица*. Последний (если он не вторичен, т. е. не произведен от ойконима на *-ицы*) образован от личн. *Воунѣгъ* через йотовую суффиксацию с последующим добавлением форманта *-ица*. Ср. имя *Воунѣгъ* из надписи № 192 на штукатурке новгородской Софии [Медынцева 1978: 127], а также др.-болг. *Войнег*, *Войняг* [Заим БИ: 55],

¹⁹ Геогр. *Исаевица Нива* можно трактовать также как конструкцию с антропонимом на *-ичь* (*-иць* в условиях цоканья) в форме Род. ед. и с первоначальным значением 'нива Исаевича'.

серб. *Војнег* [Мор. СИ: 45; Грк. РЛИКС: 57]. В данном случае имя предстает сократившим первый компонент (*Вои- > Во-*); такое же сокращение наблюдается еще в геогр. *Вонігово* сел. Закарпатской обл. Украины, которое известно с сер. XIV в. в написании *Vojnag*, и в геогр. *Уніж* сел. в Ивано-Франковской обл., первоначально — *Woynesz* 1454 г. [Худаш, Демчук 1991: 63, 205]. Среди прочих межтерриториальных топосоответствий имеются новг. геогр. **Вонижицы** дер. в Городенском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 344] скорее отпатронимного образования, наряду с *Войняговица*, *Войнягово*, *Войнежа*, *Войнеговци*, *Войнягова Чукла* в болгарских и сербских землях [Заимов 1967: 238; 1973, 85].

Гораздица дер. 1500 г. в Григорьевском Кречневском пог. Вод. пят. под Новгородом [НПК III: 9]; под. 1568 г. отмечена как дер. *Горадица*, под 1582 и 1584 гг. — *Горазницы*, под 1629 г. — *Горазници* [Селин 2003: 82], более поздних сведений нет. Ойконим образован на основе др.-слав. личн. *Гораздъ*, хорошо освещенного западно- и южнославянской письменностью. Ср. древнее польск. личн. *Gorazdo* с 1471 г., *Gorazd*, *Gorazdowski* с 1392 г., чеш. *Horazděj* [Miklosich 1927: 51; Rospond 1983: 73; Svoboda 1964: 267], альпослав. *Gorazdъ* IX в., *Съгораздъ* 945 г. (в немецкой документации «*Karastus*», «*Gorazdъ*», «*Zcoraztъ*») [Kronsteiner 1981: 207], др.-словен. *Gorazd* XIII в. [Kos 1886: 119], болг., серб. *Горазд* [Грк. РЛИКС: 66]. Источники на восточнославянской территории это деапеллятивное имя, кажется, не дают, хотя именно у русских лучше, чем у других славян, сохранились исходные лексемы: рус. *горазд*, *гораздый* ‘опытный, искусный, проворный, смысленный, видный’, *гораздо*, *угораздить* (материал по: [Фасм. ЭСРЯ I: 439; Черн. ИЭССРЯ 1: 203—204]). Среди эквивалентной топонимии указывались: *Гораздово* дер. на р. Ломина в Романов-Борисоглебском у. Ярославской губ. [Vasm. RGN II 2: 437], укр. *Гораздичі*, название частей сел Менчич и Грибовичи на Волыни [Купчинский 1981: 34], геогр. *Gorasdmajor*, *Garasdi* неподалеку от Братиславы в Словакии, *Geresd* дважды на территории Венгрии (< словац.), *Horazdovice* в Чехии, *Gorazdavis*, *Gorazde* в Сербии и Герцеговине [Rospond 1983: 73; Miklosich 1927: 51].

Ходыбылица дер. Бельского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 77], отождествленная [Андрияшев 1914: 132] с пуст. *Ходыбыли* конца XVIII в. (по материалам Ген. меж., № 832) и с позднейшим селом *Хотбыль* Луж. у. 2-й пол. XIX в., см. также [Vasm. RGN IX 3: 528]. Образовано от личн. **Хот(о)быль*, сократившего гласную после первого компонента. Это реконструируемое имя относится к числу др.-слав. композитов на *-byль*, зачастую представленных в древнечешском; ср. чеш. личн. *Drahobyl*, *Nedabyl*, *Radobyl*, *Varobyl* и др. [Svoboda 1964: 72]. Компонент *Хот-* в препозиции обычен. Ср. на новгородской территории еще геогр. *Недобылицы* (см.).

Уевица дер. Городенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 312]. Образовано либо на базе др.-рус. апел. *уи* ‘дядя по матери’, либо от личного имени, равного этому апеллятиву; ср., в частности, *Уика* в новг. бер. гр. № 114 конца XII — 1-й четверти XIII в. [Зализняк 2004: 439], болг. личн. *Уико* [Заим. БИ: 228].

Сюда же относятся ранее рассмотренные ойконимы *Грузовица* для дер. в Ретенском и поч. в Болчинском пог. Шел. пят. (к др.-новг. личн. *Грузь*, подр. см. *Гру-*

зовичи) и *Часловица* дер. Жабенского пог. Дер. пят. около 1495 г. (к личн. *Чаславъ*, продолжившему праслав. **Ābstьslavъ*, подр. см. *Чеслове*).

Что касается старых деапеллятивных имен, рассматриваемую топонимическую модель репрезентируют геогр. *Шиловица* дер. в Ситенском пог. Дер. пят. 1539 г. [ПКНЗ 4: 124] (ср. известное по многим древнерусским и старорусским данным личн. *Шило* [Туп. СДЛСИ: 444] и распространенную фамилию *Шилов*) и *Пестяница* дер. Павского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 80] (к личн. **Пѣстята*, с суффиксом гипокористики от деапеллятивного др.-рус. *Пѣсть*, ст.-рус. *Пест*). Однако в этом ряду обнаруживаются топонимы двусмысленные с точки зрения мотивировки — деантропонимной или деапеллятивной. Таково, в частности, название дер. *Любастница* в Карачунском пог. Шел. пят. 1498 г., или *Либастец* в 1576 г. [Там же: 271, 597, 599], отождествленной с позднейшей дер. *Любосницы* близ рч. Белки южнее Порхова [Андрияшев 1914: 409]. Неподалеку стояла дер. *Любастницы* в пог. Михайловском на Полоной 1539 г. [НПК IV: 308]. Данные ойконимы можно возвести либо прямо к апеллятиву с мелиоративным значением, ср. диал. (тул.) *любáстый* ‘статный, красивый’ (следовательно, названия закрепили впечатление от места, как, например, в пск. *Добрица* р., приток Великой [Шан. РЛЮ: 10]), либо к деапеллятивному личному имени, ср. тул. *любáста* ‘статная красивая девушка’ [СРНГ 17: 233], намекающее на способность к антропонимизации. Ср. еще *Любастова* дер. Фатежского у. Курской губ. Менее вероятным кажется сближение с более архаическим др.-слав. личн. *Любость*, ср. др.-польск. *Lubost* [SSNO III: 289], топонимическими отражениями которого являются *Любоць* р. и на ней дер. Дмитриевского у. Орловской губ., *Любоцица* хут. в окрестностях Режицы Витебской губ. [Vasm. RGN V 2: 283, 291] (< **Любостъ*, **Любостъица*).

Неоднозначно трактуется и название дер. *Тихотица* в пог. Волок Держков Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 995], на месте которой к нач. XX в. оставалась ус. *Тихотицы* на р. Перевичка Волоцкой вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 24—25]. В Ген. меж. 1785 г. под № 1136 трехдворная дер. *Тихотицы* обозначена на рч. *Тихотка* [КГарн], поэтому вполне вероятно, что исконное *Тихотица* скорее относилось к речке. Личн. **Тихота* письменность вроде бы не подтверждает при том, что трактовка гидронимии при помощи апел. *тихий* достаточно убедительна; ср. новг. *Тихая Речка* оз. в Поволховье, *Тиховская* п. пр. Мсты, *Тишинка* л. пр. Шелони, *Тишин* руч. в оз. Березово басс. Мсты и т. п. Тем не менее, следует отдать предпочтение трактовке на базе личного имени ввиду явно деантропонимных ойконимов-посессивов *Тихотин*, относящихся к местечку в окрестностях Яворова в Галиции и к двум селам в Волынской губ. [Vasm. RGN IX 1: 107], *Tihotina* в Боснии и Герцеговине [Шульгач 2001a: 136]. Реконструкт **Тихота* предсказуем ввиду наличия др.-слав. личных имен от **tix-* ‘тихий’ (таких, как чеш. *Tichař*, серб. *Tihoran*, словен. *Tihica*) и на *-ota*, как *Кулота*, *Любота* и др.

Некоторые новгородские топонимы на *-ица* берут начало от христианских имен. Таковы, например, *Михалица* (с вероятной скрытой йотовой суффиксацией), связанное, во-первых, с древним урочищем на окраине Новгорода, где в 1379 г. была

заложена каменная церковь Богородицы [НЛ: 243], и, во-вторых, с дер. Колбажского пог. Обон. пят. 1498 г. [ПКНЗ 1: 260] (к *Михаль*, ср. личн. *Михайль*); *Лавровица* дер. Ручьевского пог. Дер. пят. 1539 г. [ПКНЗ 4: 52] (к личн. *Лаврь*); *Стехновица* пуст. в Велильской вол. Дер. пят. 1561 г. [ПКНЗ 5: 367] (к др.-рус. личн. *Стех(ъ)но* от *Степанъ*); *Настовица* поч. в Петровском пог. в Мирогожской Дуброве Беж. пят. 1545 г. [НКП VI: 378, 493] (к др.-рус. личн. *Настъ: Анастаси*, подр. см. в анализе *Наици*).

Наряду с топонимией на *-ица*, в Новгородской земле изредка обнаруживаются деантропонимные названия на *-ец*. По характеру деривации они параллельны образованиям на *-ица* и отличаются от них только муж. морфологическим родом. Как правило, они известны в качестве гидронимов, которые производны от архаических др.-слав. имен (ср. *Любеговец* оз. на юго-западных окраинах Новгородской земли, восходящее к личн. *Любегъ*, усеченному из *Любегость*, подр. см. в гл. 3), либо мотивированы «прозрачными» христианскими именами: *Тарасовец* протока Волхова в Новгороде, *Антоновец* сенокосное угодье в Хв. р-не [НОС 2010: 2], *Никулинец* оз. Порх. у. недалеко от Вышегорода, сюда же пск. *Михалкинец* оз. в Опочечком у. Пск. губ. [Шк. ОПскГ: 134, 86] и др. Новгородская ойконимия по данной модели очень редка (укажу лишь название средневековой дер. *Гавриловец* Холовского пог. Обон. пят. 1496 г. [ПКНЗ 1: 62]), причем формы на *-ец*, как свидетельствуют имеющиеся материалы, появляются в ойконимии не самостоятельно, а благодаря вторичным переносам со смежных гидронимов или в качестве маргинальных вариантов к исконным формам на *-ичи/-ицы* и на *-ица* (ср. *Либастец* как вар. *Любастица*).

ГЛАВА 5

АРХАИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ С *-ОВ-/-ЕВ-*, *-ИН-*СУФФИКСАЦИЕЙ

Ознакомясь довольно с драгоценными сими памятниками, я стал искать новых источников истории села Горюхина. И вскоре обилие оных изумило меня.

А. С. Пушкин. История села Горюхина.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ

Суффиксы *-ов-/-ев-*, *-ин-* на протяжении всей истории русского и других славянских языков оставались продуктивным средством формирования притяжательных прилагательных и топонимов-посессивов. Эти средства посессивности считаются относительно поздними: они сформировались в последней фазе праславянского языка, когда начинали выделяться отдельные славянские языки, и стали быстро вытеснять старый суф. **-j-* у некоторых основ. Так, уже в позднепраславянский период к существительным с новыми уменьшительно-ласкательными суф. *-ько*, *-ло*, *-ило* присоединялся только суф. *-ов-*, он же образовывал посессивные прилагательные от односложных основ [Мароевич 1989: 125—129].

Деантропонимная топонимия на *-ово*, *-ево*, *-ино* в Новгородской земле, как и во многих других регионах Славии, образует наиболее многочисленный пласт, поскольку соответствующие названия, как отмечают исследователи [Бучко 1990: 18—29; Роспонт 1972: 37—38, 85; Miklosich 1927: 125—127; Nieckula 1971], с большей или меньшей продуктивностью возникали на протяжении всего средневековья и появляются по сей день¹. Многие из таких названий мотивированы

¹ Соответствующие названия, образованные в новейшее время, являют собой, как правило, тип отфамильных мемориальных ойконимов. В качестве примера приведу название дер. *Зуево* близ р. ц. Чудово Новг. обл., данное в 1960-е гг. в честь комиссара Красной Армии И. В. Зуева, погибшего в боях за деревню в период Великой Отечественной войны (прежде этот пункт назывался *Коломовка*). На Русском Северо-Западе огромное количество сельских ойконимов этого типа сосредоточено к северу от Петербурга — на Карельском перешейке. После захвата Красной армией этой стратегически важной территории большинство финских названий сел и деревень были замещены мемориальными названиями по именам красноармей-

древнеславянскими личными именами, вышедшими из употребления на новгородской территории к XVI в.

В подавляющем большинстве топонимы на *-ово*, *-ево* возникали от личных имен мужского морфологического рода (на согласную или на *-о*), названия на *-ино* — от личных имен женского морфологического рода (на *-а*). Такое распределение реализовано очень четко, лишь иногда материалы позволяют думать о нарушении морфологической дистрибуции данных суффиксов, функционировавших параллельно. Ср., например, геогр. *Ольговка* с вариантом *Ольгина* в Курской губ., распространенный ойконим *Зубово*, закономерно произведенный от личн. *Зубъ*, но и единичное *Зубино* в Костромской губ., геогр. *Любятино* в Подмоскowie, но и пск. *Любятово* пог. на р. Пскове [Vasm. RGN III 3: 535; VI 2: 403; V 2: 292], др.-польск. геогр. *Mstów* XII в. на базе отмеченного письменностью личн. *Msta* [Neckula 1971: 341], хотя ожидалось бы *Mścin*, блр. геогр. *Хотыново* в Минской губ. [Vasm. RGN IX 3: 533] при зафиксированном личн. *Хотына* и ожидаемом *Хотынино*. Подобные факты явного или кажущегося морфологического несоответствия производящего личного имени и производного топонима объяснимы различными причинами. Иногда, вероятно, действовал фактор аналогии, приводивший к замене или трансформации притяжательного форманта в составе топонима. Суф. *-ев-* и *-ин-* при мягкой основе были более способны к взаимозамещению, ср. наличие новг. геогр. *Безуино* при личн. *Безуевая* (см.), геогр. *Игнашино* и *Игнашево* в Дер. и Вод. пят. конца XV в. [НПК I: 105; III: 227]. Возможны ситуации, когда модель образования отыменных посессивов стереотипно запаздывает относительно развития самих личных имен, не отражая нового их качества. Показательный пример дает А. А. Зализняк [2004: 207—209]: с одной стороны, содержащиеся в новгородских берестяных грамотах притяжательные прилагательные и многочисленные в НПК ойконимы, образованные от антропонимов с основой на *-ил-*, почти все содержат суф. *-ов-* (*Даниловъ*, *Мъстиловъ*, геогр. *Добрилово*, *Душилово*, *Петрилово*, *Селилово* и т. п.), отражающий первоначальную принадлежность исходных личных имен к мужскому морфологическому роду; с другой стороны, памятники письменности уже самого раннего периода показывают устойчивое преобладание личных имен, оформленных по женскому роду (*Данила*, *Мъстила*, *Добрила*, *Душила*, *Петрила*, *Селила* и т. п.). Все же в большинстве случаев посессивная модель, надо полагать, прямо и без запаздывания отражает оформление мотивирующей антропонимии, но при этом существенно подчеркнуть, что многие личные имена параллельно выступали то в мужском, то в женском морфологическом роде: *Хотуть* / *Хотута*, *Любъ* / *Люба*, *Любятъ* / *Любята*, *Тютъко* / *Тютъка*, откуда соответственно геогр. *Хотутово* и *Хотутино*, *Любово* и *Любино*, *Любятово* и *Любятино*, *Тютково* и *Тюткино*. В целом указанные топонимические колебания, на мой взгляд, чаще

цев: *Байково* (бывш. *Sykiälä*), *Барышево* (бывш. *Raakkola*), *Бойцово* (бывш. *Joensuu*), *Борисово* (бывш. *Nurmijärvi*), *Буслово* (бывш. *Ноині*), *Быково* (бывш. *Kivipelto*), *Васильево* (бывш. *Tiuri*) и мн. др., см. [Балашов 2007].

заданы качеством исходной антропонимии, нежели неустойчивостью формантов в составе топонимов.

Суффиксы *-ов/-ев-*, *-ин-* легко сочетались с основами антропонимов различных разрядов. Самые многочисленные группы ойконимов с этими суффиксами составляют образования от древнеславянских гипокористических и христианских личных имен, а также от личных имен, равных апеллятивным лексемам. Топонимы-посессивы от антропонимов, содержащих гипокористические морфы (*-ько*, *-ько*, *-ило*, *-уи*, *-'ата*, *-ута*, *-икъ* и др.), почти всегда образовывались при помощи суф. *-ов/-ев-*, *-ин-* даже в тот период, когда изосемантический суф. **-j-* еще не потерял продуктивности. Йотово-посессивные образования от соответствующих личных имен на Новгородской земле очень редки.

Напротив, топонимы-посессивы с *-ов/-ев-*, *-ин-*суффиксацией от древнеславянских композитных антропонимов представлены единичными фактами. К ним относятся старописьменные новг. геогр. *Домажирово*, *Ратмирово*, *Будимерово*, *Миронегово*, рассмотренные во 2-й главе, а также подробно анализируемые ниже геогр. *Тужирово*, *Тужерино* и *Здажерино* (см.). Как уже указывалось, типичной для двусловных имен является йотовая суффиксация. Несколько выше, чем в композитах, процент суф. *-ов/-ев-*, *-ин-* при префиксально-корневым именам (см. рассмотренные ниже *Абрадово*, *Понъгино*, *Нехутово*, *Обжерино* и др.). Это связано с тем, что отдельные из префиксально-корневых древнеславянских имен не вышли из употребления даже в относительно поздние периоды.

Широкая хронология параллельно функционировавших изосемантических деривационных моделей топонимов с суф. *-ов/-ев-* и с суф. *-ин-* требует поиска примет древнеславянской принадлежности названий в их антропонимических базах. Обзор антропонимического материала письменных источников по Новгородской земле, с одной стороны, грамот на бересте XI—XV вв. и, с другой стороны, писцовых книг XV—XVI вв. позволяет сформулировать общие заключения относительно стратиграфии основных разрядов личных имен, мотивирующих географические названия. Смело можно утверждать, что на новгородской территории к началу старорусского периода во 2-й пол. XV в. вышли из употребления не только почти все древнеславянские полные личные имена (композитные, префиксально- и суффиксально-корневые), но и подавляющее большинство соотносимых с ними разнообразных дериватов-гипокористик, которые широко отложились в старописьменной ойконимии на *-ово/-ево*, *-ино* (*Пуята*, *Вышата*, *Добрило*, *Радько*, *Жирохъ*, *Намъстько* и т. п.). Имена, равные кратким формам прилагательных и причастий (*Маль*, *Кривъ*, *Видънь* и т. п.), тоже в основном исчезли к XVI в., надо полагать, в связи с общерусской утратой склонения древнерусских кратких адъективных форм. Письменные источники Новгородской земли конца XV—XVI в., прежде всего новгородские писцовые книги, содержащие богатейший антропонимический материал, личных имен перечисленных выше разрядов в целом уже не знают (за вычетом ограниченной группы древнеславянских имен, таких как *Добрыня*, *Домажиръ*, *Хотънь* и др.). Зато многочисленные личные имена

и прозвища, равные нарицательным существительным, полным прилагательным и причастиям, продолжали использоваться и продуцироваться без ограничений. Антропонимы, производные от апеллятивов и деапеллятивных имен при помощи различных, в том числе активных в древнерусский период гипокористических суффиксов (*Зуико, Нелюбиша, Холодило, Чьрнята, Шумята* и др.), в целом оставались в употреблении отчасти до конца старорусского периода, отчасти и далее. Сходные хронологические заключения можно сделать в отношении массива христианских имен как в полном, так и в усеченно-суффиксальном, гипокористическом виде.

Обращусь далее к анализу географических названий на *-ово, -ево, -ов, -ино, -ина* от личных имен (преимущественно архаических) разных классов и разрядов. Подразделение по суффиксации (*-ов/-ев-*, с одной стороны, и *-ин-*, с другой) нецелесообразно, поскольку названия с данными суффиксами плохо классифицируются, будучи номинационно однотипными дериватами от морфологически вариантных и словообразовательно пересекающихся родственных имен. Массовый характер топонимии на *-ово, -ево, -ино* не дает возможности рассмотреть ее исчерпывающим образом, поэтому, придерживаясь подробного анализа, лучше всего сосредоточиться на отдельных топонимических фактах, показательных с точки зрения хронологии, фиксируемых обычно в средневековых источниках и интересных в аспекте исходной антропонимии и фонетической эволюции топонимических вариантов. В первом разделе анализируются архаические топонимы — дериваты от древнеславянских полных, чаще префиксально-корневых, личных имен. Рассмотренные факты хоть и немногочисленны, тем не менее составляют основную часть новгородской топонимии на *-ово, -ево, -ино* от таких имен (без учета названий, приведенных во 2-й главе в качестве межтерриториальных соответствий к йотовым посессивам). Во втором разделе анализируются названия на базе некоторых имен-гипокористик и суффиксально-корневых (имена на суф. *-'ата, -ота, -ыта, -ько/-ька, -ько/-ька, -икъ, -иша/-ыша, -ышь, -шь/-ша, -ъша, -уша, -оша, -анъ, -ля/-ль, -илъ/-ило/-ила, -ѣи, -хъ/-ха, -хъно, -чь/-ча, -унъ, -игъ, -ьць/-ьца, -ыня/-ына* и др., а также бессуффиксные), в третьем разделе — ряд названий, производных от деапеллятивных имен-прозвищ, в четвертом — названия от нескольких христианских имен с отражением черт древнерусского времени. К анализу, помимо дериватов от письменно удостоверяемой антропонимии, привлечено небольшое количество образований от имен незасвидетельствованных, но реконструируемых с достаточной надежностью.

НАЗВАНИЯ ОТ КОМПОЗИТОВ И ПРЕФИКСАЛЬНО-КОРНЕВЫХ ИМЕН

Безуино дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 94] (= пуст. *Бедунья* на р. Плюсе в материалах Ген. меж. XVIII в. [Андрияшев 1914: 146]); *Безуино* дер. в верховьях Мсты, относившаяся к дворцовой вол. Кострица Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 3: 218]. Кроме того, на территории бывшего Щепецкого пог. Шел. пят. (среднее течение Плюсы) совр. карта Пск. обл. масштаба 1:140 000 указывает болото *Безуев Мох* неподалеку от впадения Яни в Плюсу.

Названия получены по др.-рус. личн. *Безуи*. Производное от такого имени содержит бер. гр. № 22 из Старой Руссы 1-й пол. XII в.: «оу *Безоуевее* цетыри коуне» — ‘у Безуевой жены (жены Безуя) четыре куны’ [Зализняк 2004: 337—339]. Личн. *Безуи* содержится в надписи 102 (XI в.) на штукатурке Софийского собора в Киеве: «г-и помози рабоу своему *Безуеви* Ивану отроку Добрынича», см. [Wójtowicz 1986: 20]; кроме того, имя было в ходу у древних западных славян: польск. *Wiezuji*, чеш. *Bezuj*, словац. *Bezii* [Svoboda 1964: 101]. Семантически оно трактуется как ‘не имеющий дяди’ (праслав. **uǰь* ‘дядя по матери’). См. еще р. *Безуевка* (*Безуевичи*) среди притоков р. Протвы в Среднем Поочье [Смол. ГБО: 95], *Безуевичи* дер. в Старобыховском у. на Могилевщине [Vasm. RGN I 2: 310].

Нездино дер. и оз. Теребуновского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 128, 141] (= совр. дер. *Нездрино* Боровенковск. Ок. при оз. *Нездринское* со стоком в р. Волма басс. Мсты); **Нездино** дер. в Ясеновичском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 42]. Средневековые факты дополняются ойконимом **Нездино**, иначе *Гнѣздо*, связанным с сельцом Цевельской вол. Холм. у., известным по сведениям 1870-х гг. [СНМРИ 34: № 13999].

Геогр. *Нездино* образовано от личн. *Несъда* (> *Несда*, *Незда*), достаточно популярного в ранний период независимости Новгорода. Имя прослежено по берестяным грамотам раннего периода (XI—XII вв.): № 105, 333; гр. № 238 дает производное *Несдичь* (патроним или, скорее, гипокористика с морфом *-ичь*, ср. ниже *Нездила*); гр. № 22 из Старой Руссы XII в. показывает форму *Несдичевая* — наименование жены по мужу с именем *Несдичь* (материал по: [Зализняк 2004: 765]). Из летописи известны новгородцы: бирич *Несда*, убитый в 1167 г., Мирошка *Нездичичь*, принявший посадничество в 1189 г., боярин Вьнѣздъ *Нездичичь*, срубивший церковь Святого образа в 1191 г. [НПЛ: 32, 39, 220, 230]. Ср. др.-польск. личн. *Niezda* [Taszycki 1925: 86; SSNO IV: 61], др.-чеш. *Nezda* [Svoboda 1964: 285]. Имя имело некогда хождение также в Среднем (Рязанском) Поочье, причем, как кажется, здесь оно задержалось даже дольше, чем в новгородских землях; ср. в рязанской грамоте нач. XVI в. — *Нездя* Онаня, кузнец, и в Поочье же геогр. *Нездина* (*Низдина*) л. пр. Осетра, там же *Нездино* сел. Тульской обл., возможно, *Незнин* руч. басс. р. Скинги западнее р. Осетра, см. материалы: [Чумакова 1992: 70; Смол. ГБО: 141, 152]. Из Поочья данный антропоним проник позднее на среднюю Волгу, где указаны: *Нездин* Иван Моисеев (Кострома 1578 г.), *Нездин* Богдан Яковлевич (Арзамас 1592 г.) [Вес. Он.: 216]; ср. еще геогр. *Незденово* дер. Кимрского р-на Твер. обл., которое может быть возведено к личн. *Несъдинь* (не исключено, что через йотовый посессив **Несъдинь*, ср. проявление мягкой *н* в старой форме данного ойконима — *Незденово* на карте XIX в. [Воробьев 2005: 264]). Согласно истолкованию А. А. Зализняка [2004: 357], личн. *Несъда* произведено по модели имен *Несуль*, *Невзорь*, *Непробудь* и т. п. от **sъdĕti* ‘собрать’, ‘соединить’ (> рус. *дѣть*); по Т. Милевскому [Milewski 1969: 23], это реликтовое имя соотносится с префиксальным **sъdati* и несет черты раннего периода формирования индоевропейской антропонимической системы.

Немоevo дер. Туренского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 389; ПКНЗ 5: 169], а также **Немоикино** дер. в Дремяцком пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 23] (= *Немокина* пуст. 2-й пол. XIX в., которая обозначена на 3-верстной карте к югу от оз. Врево [ВТКЗверст]). Ойконимы восходят к апотропеическому имени с отрицанием и местоименным компонентом *Немои*, уменьш. *Немоика*; ср. др.-польск. *Nietoj* [Taszycki 1925: 36], др.-чеш. *Nemoj* [Svoboda 1964: 103], полаб.-помор. *Nemoj* XIV в. [Schlimpert 1978: 94] — это негативно-охранное имя со значением ‘не мой’ (подобного типа, например, ст.-рус. личн. *Ненаш* [Вес. Он.: 218]). Межтерриториальные параллели обнаруживаются на Псковщине (геогр. *Немоevo* сел. Островского у. Пск. губ. [СНМРИ 34: № 9830; Vasm. RGN VI 1: 136]) и в Чехии, где имеются геогр. *Nemojanu* и *Nemojovice*, которые возводят к личн. *Nemoj* [Hosák, Štárek MJMS II: 132, 133]. Ст.-рус. личн. *Немой*, судя по форме фамилии (ср.: князь Дмитрий Иванович Ерш *Немого-Оболенский* [Вес. Он.: 110, 218]), другого происхождения: от др.-рус. *нѣмый* ‘немой, косноязычный’; ср. к последнему геогр. **Немово**, **Немково** дер. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 246, 561; II: 268], **Нѣмкова**, **Нѣмков**, дер. и поч. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 469, 489] (указывают, в частности, новг. *Немко*, имя крестьянина, по книге Дер. пят. около 1495 г. [Вес. Он.: 218]).

Обрадово дер. Зеленогорск. Вышн., во 2-й пол. XIX в. — дер. *Обрадово/Абрадово* на р. Тверца в Вышн. у. [СНМРИ 43: № 3970; МАТГ], отождествляемая с одноименной средневековой дер. Никольского пог. на Вышнем Волочке у Столла Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 40]; **Абрадово** дер. на оз. Лучан Лучано-Бросинской вол. Холм. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 14801], = дер. *Обрадово* над оз. Лучаном в Лопатицкой вол. Дер. пят. 1495/96 г. [НПК II: 800, 801].

Ойконимы обусловлены личн. *Обрадъ*; последнее находит проявление в отчестве рушанина Павла *Обрадовича*, убитого литовцами в 1234 г. [НПЛ: 73, 283], а раздельная грамота XV в. называет имя псковича *Обрада* Клевчевича [ГВНП: 330, гр. 345]. Имя присутствует в др.-чеш. источниках: *Obrad, Obradec* [Svoboda 1964: 102], но особенно широкое хождение получило на славянском юге: болг. *Обрад* XIII в., *Брад* XV в. (сокращено из *Обрад*) [Заим. БИ: 32, 172], серб. *Обрад, Обрадац, Обрадило, Обрадин* [Грк. РЛИКС: 150; Мор. СИ: 141], где многочисленна и соответствующая топонимия: *Обраш, Обрадовци, Обрадица, Обрадово* в разных болгарских землях [Заимов 1967: 266; 1973: 135], сербохорв. *Obradovo, Obradovci, Obradci, Obradovac, Obražda* и др. [Rospond 1983: 102; Imenik mesta 1956: 312]. На восточнославянском пространстве вне Новгородской земли отмечены геогр. *Обрадово*, прикрепленные к трем соседящим пунктам в окрестностях гор. Устюг бывшей Вологодской губ. [Vasm. RGN VI 2: 329], — это бесспорный след древне-новгородского продвижения на восток.

Ср. рядом с *Обрадово* еще геогр. **Обратково** дер. в Рамешковском р-не Твер. обл. (Заклинский СО), скорее всего на территории средневековой вол. Тростны Беж. пят. к югу от Бежичей. Хотя исторические сведения об этом пункте мне не известны, мало сомнений в том, что *Обратково* через форму **Обрадково* восходит к личн. *Обрадъко*, гипокористическому производному от *Обрадъ*.

Понѣино пуст. в пог. Волок Держков Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1034] и **Обонѣгова** дер. в пог. Петровском Борисоглебском в Боровичах 1564 г. [Там же: 947]. О последнем названии сообщается также в жалованной грамоте Иверскому монастырю 1654 г.: «Нива Терягино, а крестьяне зовут *Обонегово*» [АИСМ: гр. № 51] и в Ген. меж. 1785 г., № 396: дер. *Обонега*, на суходоле [КГарн]. Ойконимы образованы от префиксально-корневых имен *Понѣзь, -а* (ср. *Понѣзь* из сербского источника XI—XIV вв. [Мор. СИ: 154; Грк. РЛИКС: 159]) и **Обнѣзь*. К реальности антропонима на преф. *Об-* ср. равноструктурные личн. др.-рус. *Обрадъ*, др.-чеш. *Obrad, Obezď, Obid*, а также максимально близкое, с вариантным префиксом, личн. **Онѣзь*, восстанавливаемое по новг. геогр. *Онежицы* и *Онег* (см.).

Далее следует анализ нескольких топонимов, отнесенных к числу дериватов от незасвидетельствованных имен, требующих более пространного комментария.

Нехумово дер. Лукинского пог. в северной части Ильменского Паозерья 1498 г. [НПК V: 296], по письменности XVI—XVII вв. — дер. *Нехатова* 1573 г., *Нехотово* 1582—1584 гг., затем пуст. *Нехотова* 1629 г., или *Нехотово* 1646 и 1674—1682 гг. [МАНк], отождествлена [Андрияшев 1914: 12] с дер. *Нехотилово* Ракомской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 66—67], сегодня дер. Ракомск. Новг. Ранний вариант ойконима, кажется, отсылает к личн. **Нехуть*. Следует в первую очередь сравнить с чеш. геогр. *Nechutnov*, которое возводят к др.-чеш. личн. *Nechuten* [Svoboda, Šmilauer 1960: 572], чеш. геогр. *Nechutín*, возводимым к личн. *Nechuta*, апел. *nechutní* ‘нелюбимый, немилый’ [Hosák, Šrámek MJMS II: 125]. Среди др.-чеш. антропонимов приводились также *Chutní*, образовавшее геогр. *Chutnovka* [Prof. MJ II: 72], *Chuten* и композитное **Sechut*, восстановленное по патронимическому геогр. *Sechutice* в Чехии [Svoboda 1964: 84, 270] (на мой взгляд, первый компонент др.-чеш. имени равен указательному местоимению, ср. др.-новг. личн. *Сежирь*). По структуре личн. **Нехуть* префиксально-корневого типа (с отрицанием); по корню соотносится с др.-чеш. *chut* ‘охота, склонность, вкус, приятность’ и с отрицательной частью *nechut, chutný* ‘приятный, милостивый’, чеш. ‘вкусный’, диал. ‘красивый’, словац. *pochut, chut* ‘вкус’, ‘жажда’, диал. *xutní* ‘милый, милостивый, хорошенький’ и др. (по [ЭССЯ 8: 84, 86; Эккерт 1971: 488—489]), см. еще геогр. *Хутынь*. Др.-новг. личн. **Нехуть*, как и др.-чеш. личн. *Nechuten*, осмысливается скорее всего в охранительном значении — как ‘нежеланный’. С одной стороны, это имя противопоставлено по смыслу как др.-чеш. личн. *Chuten*, так и др.-рус. личн. **Хуть*, которое извлекается из новг. геогр. *Хутово*, вар. *Хотово*, дер. Н-Ладож. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 2827], с другой стороны семантически **Нехуть* равно личн. **Нехотъ*, отличающемуся только огласовкой. Последнее реконструируется по нескольким собственно русским ойконимам; ср. новг. **Нехотицко** дер. на р. Снежа Дубовицкой вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 52—53] (сейчас — дер. Сусоловск. Ст-Рус.), волог. *Нехотово* дер. Грязовецкого у., костром. *Нехоткино* дер. близ Солигалича (к уменьш. личн. **Нехотъка*), йотово-посессивное калуж. *Нехочи* дер. под Жиздрой [Vasm. RGN VI 1: 153—154]. Антропонимы **Нехуть*,

**Нехотъ*, **Нехотъка* продолжают ряд негативно-охранных, апотропеических имен типа *Немилъ*, *Нежданъ*, *Немой*, *Ненашь* и др.

Меню родственных корневых элементов *хут-* и *хот-*, расходящихся по наличию/отсутствию древней инфиксации в корне **хот-*, демонстрируют не только варианты новг. геогр. *Нехутово* / *Нехотово*, *Хутово* / *Хотово*, но и немало иных равноструктурных топонимических форм в разных регионах Славии. Среди них йотово-посессивные геогр., *Chutcze-Bachus* неподалеку от гор. Хелм и Люблин в Восточной Польше наряду с *Chotča* сел. близ гор. Стропков в Словакии и *Хотча Новая* дер. на р. *Хотча* в Калязинском уезде Твер. губ. (к равноструктурным личн. **Хртъкъ*, -о, -а / **Хртъсь* и **Хотъкъ*, -о, -а / **Хотъсь*), блр. геогр. *Хуцьки* дер. близ гор. Новогрудок Минской губ. наряду с польск. *Choćki* (блр. *Хоцьки*) дер. на реке Роспуда в Сувалкии на северо-востоке Польши, новг. геогр. *Хутчеево* (см.) и блр. геогр. *Хучево* неподалеку от Витебска наряду с *Хочево* дер. в Белевском у. Тульской губ. (к др.-рус. гипокористикам **Хучь* и **Хочь*), патронимический ойконим *Chutkowice* с вар. *Chotkowice* (*Chodkowice*) в Бельском у. Гродненской губ., блр. геогр. *Хуцьня* сел. в Пинском у. Минской губ. при наличии *Хотня* дер. на р. *Хотня* неподалеку от Брянска (по материалам: [Vasm. RGN IX 3: 531, 532, 537, 554, 563, 564]), укр. *Хутомир* оз. в басс. р. Стоход и сел. в Любешевском р-не Волынской обл. наряду с *Хотимир* сел. в Тлумачском р-не Ивано-Франковской обл. Украины [Шульгач 1998: 114]. Среди антропонимии можно указать др.-польск. личн. *Chetka* наряду с *Chotko*, *Chotek* [SSNO VII: 24; I: 336], др.-чеш. личн. *Chuten* наряду с *Choteň* [Svoboda 1964: 270].

Ждажерино, вар. *Здажерино*, дер. на рч. Черной Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 446, 447], = *Здажирина* пуст. на р. Черной, согласно Ген. меж. XVIII в., № 630 [Андрияшев 1914: 105]. Название безусловно восходит к некоему антропониму-компониту, характер первого компонента которого, впрочем, не очевиден. Если первичен вариант ойконима на *Жда-*, что наиболее вероятно, то ойконим произведен от имени **Ждажирь* (или **Ждажира*) с компонентом, донесенным в составе патронима *Ждамиров* из акта 1658 г. [Туп. СДЛСИ: 545] (< личн. **Ждамиръ*). Лексически — это основа глагола **зьдати* ‘ждать’. Варианты *Здажерино* / *Здажирина* видятся вторичными, появление которых легко ожидать в условиях слабого различения соответствующих шипящих и свистящих в окружающих говорах Пошелонья.

Обжерино дер. в вол. Забережье Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 476]. Возведение к прозвищу *Обжера*, рус. *обжора* ‘кто много ест’ безосновательно хотя бы ввиду того, что имеется показательная межтерриториальная параллель — геогр. *Обжирово* дер. в Ветлужском у. Костромской губ. [Vasm. RGN VI 2: 323], отчетливо отсылающая к **Обжирь*, явно архаическому префиксально-корневому имени. Ср., с одной стороны, ряд немало имен на *-жирь* (например, *Домажирь*, *Доброжирь*, *Нажирь* в новгородской берестяной письменности), с другой — имена с преф. *Об-*: др.-рус. *Обрадъ*, др.-чеш. *Obid* и др. Расхождение костром. *Обжирово* и новг. *Обжерино* той же природы, что и в новг. геогр. *Тужирово* и *Тужерино*, см. ниже.

Тужирово дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 137], а к концу XVIII в. — пуст. *Тужирово* на руч. *Тужировском* [Андрияшев 1914: 158]. Обусловлено личн. **Тужирь*. По А. А. Зализняку [2004: 278], внутренняя форма этого специфического имени такая же, как у записанного на стене новгородского Софийского собора личн. *Сежирь* сер. XI в. [Медынцева 1978: 42] — букв. ‘живущий здесь’. К синонимии местоименных компонентов *ту-*, *се-* ср. равнозначные *туземец* и др.-рус. *сеземець*; второй компонент *-жирь* повторяется в личн. *Нажирь*, *Домажирь*, *Кромъжирь* и др. Модифицированный, очевидно, более поздний вариант композита **Тужирь* репрезентирован (в виде личн. **Тужира* жен. морфологического рода) также старописьменным геогр. **Тужерино** дер. Щирского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 117], которое в источниках XIX—XX вв. подается как *Тужерино*, или *Тужерино*, дер. Луж. у. [ОСПбгуб: 129; СНМРИ 37: № 2544; Vasm. RGN IX 1: 205], сейчас — *Тужерино* Марьинской вол. Стр.-Кр. р-на.

Особый интерес вызывает пересечение элементов *-жир-* и *-жер-* в изложенной выше ойконимии *Тужирово* и *Тужерино*, *Обжирово* и *Обжерино*, менее показателен случай пересечения в *Здажирина* / *Здажерина*. Оказывается, такое смешение регулярно наблюдается как в постпозиции, так и в препозиции сложений; ср., помимо данных фактов, рассмотренные средневековые новг. *Люджирицы* / *Люджеричицы* (см.), *Жирослав* / *Жереслава* (см.), *Жиросло* / *Жересло* (см.), *Жиробуд* / *Жеребуд* (см.), *Жирятки* / *Жерятки* (см.). Ср. такую же мену *жир-/жер-* в материале иных регионов: геогр. *Домжеричицы* в Белоруссии при наличии хорошо известного имени *Доможирь*, геогр. *Жирославль* / *Жерославль* дер. в Корчевском у. Тверской губ. [СНМРИ 43: № 7508], *Жирково* / *Жерково* дер. в Богородском у. Московской губ. [Vasm. RGN III 2: 284], польск. *Żerków* с вар. *Zirchovo* под 1257 г. [Rymut 1987: 283], ойконимы *Жирова* и *Жерино*; сюда же ст.-рус. личн. *Жир*, 1586 г., но и *Жеря*, прозвище князя Андрея Федоровича Аленина, убитого татарами в 1567 г. [Вес. Он.: 113, 115], и трудноразличимые др.-польск. имена *Żyrosław* и *Żerosław* [SSNO V: 79—80]. Среди апеллятивной лексики такая мена тоже наблюдается, ср., например, польск. *żerować*, *żer* ‘жировать’, но и *żyr* ‘корм, фураж, пища’, рус. диал. *обжерённый* ‘обжора’ и *обжирённый* ‘обжора; пьяница’ [СРНГ 22: 44—47]. По К. Рымуту, изменение типа *Żyrkowo* > *Żerkowo* отражает древнепольскую тенденцию к понижению у или *i* перед *r* [Rymut 1987: 283], однако приведенные факты обнаруживаются не только в польском языке. В основном, как представляется, данные факты, прежде всего ономастические, отражают, как и в случаях с основами *-мир-/мър-*, *-вид-/вѣд-*, сближение и смешение созвучных, но гетерогенных элементов, восходящих к разным этимологическим источникам: во-первых, к праслав. **žiti*, **žirь* (> рус. *жить*, *жирь*), во-вторых, к **žerti*: **žьrǫ* (> др.-рус. *жьру*: *жерети* ‘приносить жертву’), в-третьих, к **žrati*: **žerǫ* (> др.-рус. *жьрати*, рус. *жрать*). Со смешением разных корней связано и то, что, наряду с меной гласных *u//o*, иногда косвенно прослеживается мена твердой и мягкой согласной (*-жир-*, но *-жер'-*). Так, очевидно, благодаря мягкости согласной *p'* появился суф. *-ин-* (вместо ожидаемого *-ов-*) в новг. *Здажерина*,

Обжерино, Тужжерино. Эта мягкость, по-видимому, вторичная, обязанная замещению *-жир-* на *-жер'*-. Но встречаются названия с начальным элементом *Жер'*-, более определенно отсылающие к основе прош. вр. глагола **žerti*, др.-рус. *жерети*. Таковы, кажется, архаические гидронимы *Жеримышел* р. басс. Припяти (к личн. **Жеримысль* [Трубачев 1968: 253], но скорее — к личн. **Жеремысль*), равно как *Жеремесля/Жеремесла, Жеремеселка*, рр. в басс. Оки, по материалам [Смол. ГБО: 41, 42, 46, 86; Чумакова 1992: 66—67].

НАЗВАНИЯ ОТ ГИПОКОРИСТИК И СУФФИКСАЛЬНО-КОРНЕВЫХ ИМЕН

Борково дер. Заборовского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 9]; *Борково* дер. Налесского пог. Дер. пят. около 1495 г. [Там же: 804] (= *Баркова* пуст. Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 220]); *Борково* дер. Никольского пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 48]; *Борковская* межа в Быстреевском пог. 1571 г. [НПК V: 477]. Больше исторических упоминаний имеет ул. *Боркова*, вар. *Борькова, Борхова*, Софийской стороны в Новгороде [НПЛ: 91, 93, 334, 416, 460; НЛ: 25, 213, 247, 269, 327, 328, 350, 484; ГВНП: 195], впервые в летописи под 1303 г.: «Того же лѣта срубѣша <...> церкви <...> святого Георгия на *Борьковѣ* улици» [НПЛ: 91], под 1433 г. указаны *борковцы* — жители улицы [Там же: 416]. Топонимы восходят к личн. *Борько*, хорошо отраженному древней письменностью; ср. патронимическое *Борков* в двинской грамоте XV в. [ГВНП: 309, гр. 322], наряду с *Борко* в акте Юго-Западной Руси 1572 г. [Демчук 1988: 66], др.-польск. *Borko* [SSNO I: 218], полаб.-помор. *Borko*, н.-луж. *Bórko*, сербохорв. *Borko* [Schlimpert 1978: 21; Мука: 16], болг. *Борко* [Заим. БИ: 29], др.-чеш. *Bořek* [Svoboda 1964: 259], — все эти имена считаются гипокористиками от композитов на *Bori-*: **Borislavь*, **Borivojь*, **Boritěxь* и т. п. В свою очередь геогр. *Боркино* дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 202; V: 67] (= *Боркина* ур. в Порх. у. к нач. XX в. [Андряшев 1914: 433]) можно возводить к личн. *Борька* жен. морфологического рода. За пределами новгородских пятин топонимия *Борково, Борковка, Борковичи, Борковицина, Борковская* и др., известная по спискам селений XIX в., рассеяна к востоку вплоть до Архангельска и Среднего Поволжья [Vasm. RGN I 3: 490]. У западных славян были указаны геогр. *Borków, Borkowo* в Польше [Niecukla 1971: 32], у южных — серб. *Borkovo* [Miklosich 1927: 36].

Однако часть названий с основой *Борков-* отсылает не к личному имени, а к апел. *борок* 'небольшой бор, лес, возвышенное место'. Таковыми, например, опознаются название *Борковский* средневекового погоста-округа (вол.) Дер. пят. близ юго-восточного угла оз. Ильмень [НПК I: 684—695; II: 591, 649—651; ПKNЗ 5: 80, 340—343, 345, 346], полученное по сц. (пог.) *Борки* (= совр. *Борки* дер. на р. Пола Полавск. Парф.), название дер. *Борково* Шегринского пог. Дер. пят. конца XV — сер. XVI вв. [НПК II: 176; ПKNЗ 5: 10], отмеченной как дер. *Борок* Бор. у. в конце XVIII в. [ИАДП I: 293].

Один из средневековых вариантов названия новгородской улицы — *Борхова* — показывает прогрессивное воздействие вибранта *p* на смычную *k*; ср. еще одно

проявление процесса в *Борковская / Борховская*, название межи в купчей грамоте 1-й пол. XV в. из Обонежья [ГВНП: 290, гр. 289]. Запись «на *Боркѣве* улице» в духовной грамоте № 114 [Там же: 195] 1-й четверти XV в. есть не что иное, как отражение средствами письма прогрессивной ассимиляции по мягкости $p'k > p'k'$, явления, которое хорошо известно и сейчас, особенно в восточнорусских говорах (см. примеры: *ce[r'z'ä]*, *mai[ɛ'öi]*, диалектное произношение *Гри[н'к'ö]ва* фамилии диалектолога Н. П. Гринковой и т. п. [Русская диалектология 1972: 61—62]). Написание «*Боркѣве*» передает произношение *Bo[p'k'ö]ve* или *Bo[p'k'e]ve*.

Брахово дер. на руч. Алексеевском Тимофеевской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 94—95], отождествляется со средневековой *Брахово* дер. Чернычевичского пог. Дер. пят. конца XV в. и 1539 г. [НПК II: 139, 369; ПКНЗ 4: 62]. Ойконим соотносится с личн. *Брахъ*; ср. др.-польск. *Brach, Brachosz* [SSNO I: 240], др.-чеш. *Brach, Brachek* [Svoboda 1964: 146] — гипокористики от др.-слав. полных имен **Bratomilъ*, **Bratumilъ*, **Bratogostъ*, **Bratoněgъ*, **Bratol'ubъ* и др. Ср. сел. *Brachowucze*, локализующееся на Западной Украине, известное по львовским актам 1452 г. [Купчинский 1981: 73].

Гипокористику на базе композитов этой же антропомодели, но с усечением не до первого слога, как в личн. *Брахъ*, а до второго показывает новг. геогр. **Братухново** дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 252] + дер. в бывшем Гд. у. Петерб. губ., указанная списками нач. XX в. [Vasm. RGN I 3: 530]. Ойконим обусловлен личн. **Братухъно*, соотносимым в первую очередь с др.-польск. *Bratumilъ*, др.-чеш. жен. *Brat(r)umila* [Svoboda 1964: 71].

Будешово вол. в Пажеревичском пог. Шел. пят. 1498 и 1539 гг. и там же связанное с этой волосткой сд. *Кипреяново Будешово* [НПК IV: 372; V: 60] (позднее здесь фиксируют название рч. *Будешовка* нач. XX в. [Андрияшев 1914: 317], = совр. *Будушев-ка* л. пр. Судомы, л. пр. Шелони); **Будешино** дер. в Никольском в Слезкине пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 138]; **Будицино** дер. Удомельской вол. Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ I: 184]. Ср. личн. *Будиша* в новг. бер. гр. № 663 (конец XII в.) и № 888 (2-я четв. XII в.) [Зализняк 2004: 343, 399] — это гипокористическое имя, соотносимое с полными именами типа *Будимиръ*, *Будиславъ*, как и польск. личн. *Budzisz* [SSNO I: 275; Taszycki 1925: 68], чеш. *Budiš* [Svoboda 1964: 151, 260], *Budiš, Budyš* у лужицких сербов [Schlimpert 1978: 25—26], хорв. *Budiša, Budeša* [LPSRH: 78—79]. Ср. еще производное *Будишин*, фамильное прозвание крестьянина в Важинском пог., 1677 г. [Кюршунова 2010: 68]. Параллельная ойконимия присутствует у западных славян: в.-луж. *Budyšin* гор. в Германии (= нем. *Bautzen*), *Budziszewo* и *Budziszów* (вар. *Budziszowice*), села в Польше [Nieckula 1971: 39], *Budišov* и *Budišovice*, села в Моравии и чешской Силезии [Hosák, Šrámek MJMS I: 129—130].

Витково дер. на рч. Рыденке Климентовского Тесовского пог. Вод. пят., упоминаемая около 1500 г. [НПК III: 69], а также под 1568 и 1582 гг. [Селин 2003: 119]; **Виткова** ул., или *Витков* переулоч, на Торговой стороне в средневековом Новгороде [НЛ: 136, 235, 275, 382, 464; ГВНП: 171; Майк. КПНВ: 218, 221, 239, 240, 243—245, 254]. Хотя об улице известно по летописям с 1353 г., ранее в «Уста-

ве Ярослава князя о мостех» 2-й пол. XIII в. названы уличанские жители «*виктовци*» = *витковцы*: «...Мостити ⟨...⟩ *виктовцамъ* до Климятиныхъ сѣней» [НПЛ: 507]². Топонимы обусловлены личн. *Витъко* общеславянского распространения: *Vitko*, *Vitek* у древних полабско-поморских и серболужицких славян [Schlimpert 1978: 155—156], н.-луж. *Witak* [Мука: 110], др.-польск. *Witek* [Taszycki 1925: 51], др.-чеш. *Vitek* [Svoboda 1964: 135], болг., серб. *Vumko* [Заим. БИ: 50; Мор. СИ: 40; Miklosich 1927: 14]. Гипокористика соотносится с известными др.-слав. композитами **Vitoslavъ*, **Vitomyslъ*, **Vitogostъ*, **Vitomirъ*. Что касается новгородской улицы, безосновательно мнение [Алешковский 1974: 101] о том, что ее название *Виткова* / *Витков* соотносится с глаголами *виться*, *извиваться*, как и предложенное В. А. Буровым [1994: 78] возведение его к гидрониму *Витка*, связанному с ручьем, некогда протекавшим по Торговой стороне, — обе эти трактовки не отвечают механизмам деривации.

На новгородской территории есть еще **Витово** дер. Петровского Борисоглебского в Боровичах пог. Беж. пят. 1564 г. и **Витов** дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК VI: 946; IV: 132], — они восходят к бессуфиксному личн. *Витъ*. Вне новгородских земель — *Витков*, *Витково*, *Витки*, *Виткин*, *Витковичи*, *Витковщина* и некоторые другие эквивалентные ойконимы, — судя по спискам селений XIX в. [Vasm. RGN II 1: 107], сконцентрированы в ограниченном ареале Галиции, Волыни и Подолии, реже в Литве на пограничье с Белоруссией (Виленская губ.); примерно этот же ареал (хотя и несколько шире — с включением белорусских земель) занимают *Витово*, *Витовка*. Перечисленные названия весьма характерны для западных славян: чеш. геогр. *Vitkov*, польск. *Witków*, *Witkowo*, *Witkowice*, *Witów*, *Witowo* [Miklosich 1927: 41; Nieckula 1971: 224].

Волостово дер. Семеновского пог. в Вудрицах Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 785], затем пустошь («а была деревня, хором нет») по документации 1538/39 г. [ПKNЗ 4: 192]. К вост.-слав. личн. *Волостъ*, ср. др.-польск. личн. *Wlost* [Taszycki 1925: 105], др.-чеш. личн. *Vlast*, *Vlasta*, *Vlastek*, соотносимые с композитными др.-чеш. *Vlastibor*, *Vlastislav*, польск. *Włoscibor*, *Włoscislaw*, словен. *Vlastimir* [Svoboda 1964: 92, 309], серб. *Власто*, *Власта* и полное *Властимир* [Грк. РЛИКС: 56]. Данные имена осмысляются со значением власти, мощи. В Галиции близ Дрогобыча отмечено геогр. *Wolostycz* (*Wolostec*) сел., производное, по-видимому, от вост.-слав. личн. *Волостъ* [Vasm. RGN II 1: 163], в Польше есть параллельные ойконимы *Wlostowo*, *Wlostów*, гидроним *Wlostowa* р. в басс. Вислы [Nieckula 1971: 224; Miklosich 1927: 42; HW: 438].

Волочек Дершков, или **Волочек Дершков**, — крупный пункт Беж. пят., упоминаемый источниками с конца XV в., позднее известный как волостное село **Волок Бор.** у. [СНМНГ VI: 20—21], сегодня — дер. Волокск. Бор. В средневековую

² Любопытно, что эта метатеза идентична метатезе, пережитой личным именем *Потка*, *Потко*, которое отражено в новг. бер. гр. № 750 конца XIII — 1-го десятилетия XIV в. («Поклонь от Степана ко *Поктъ*») и в Новг. 1-й летописи под 1200 г. («Романа *Пькта*» в Вин. ед.).

эпоху *Волочек Держков* являлся центром значительной территории — нескольких смежных погостов-округов и, кроме того, считался рядом — торгово-ремесленным селом. Так, в платежной книге Беж. пят. 1499 г. читаем: «ряд на *Волочку* на *Держкове*, на погосте, Семеновских да Ивановских дворов Успенских да Налецких и Налеских дворов 17»; здесь же встречаем другие упоминания: «...в Николском погосте на *Волочку* и в Ыванском на *Волочку ж Держкове*» [ПКНЗ 1: 233]. Писцовая книга 1564 г. указывает в селении много храмов: церкви Николая Чудотворца и Спаса Преображения на погосте, церкви Иоанна Предтечи, Святой Богородицы и Троицы Живоначальной на ряду на *Волочке Дершкове* [НПК VI: 968]. Деревни Покровского Иванского на *Волочку на Держкове* погоста описывались неоднократно писцовыми книгами Беж. пят. конца XV—XVI вв., см. [ПКНЗ 3: 20, 46, 193; 5: 34; НПК VI: 122—124, 162, 165, 275, 442, 457, 705, 775, 865, 949, 968—1034]. Пог. *Волокодержковский* указывают материалы Ген. меж. 1785 г. под № 374 [КГарн] и фиксирует «Столистая карта» 1800—1801 гг. [Неволин 1853: 191]. К сер. XIX в. постепенно укрепился в качестве общепринятого названия упрощенный вар. *Волок*, судя по [КШуб]. Определение *Держков*, или *Дершков*, утратилось, хотя воспоминания о нем сохранялись. Так, списки селений 1-й пол. XIX в. дают отдельно пог. *Волоцкий* с тремя церквями и сел. *Волокодержков* Бор. у. [Неволин 1853: 191], источник 1855 г. [Судох. дор.] указывает слегка искаженный вариант названия — *Великодержково* село на правом берегу Мсты (с. 115), а в перечне селений Новг. губ. 1885 г. различаются село *Волок* и сельцо *Волок Держков* [КГарн].

В первоначальном, исконном названии — *Волочек Держков* (или *Дершков* с оглушением) отразились топография селения и принадлежность некоему лицу по имени *Държько*. Последнее достаточно засвидетельствовано источниками; ср. др.-рус. личн. *Держко* и полное *Держиславъ* [Туп. СДЛСИ: 127], др.-польск. *Dzrżek* [Taszycki 1925: 151], др.-чеш. *Držka, Držek* [Svoboda 1964: 134], у древних полабско-поморских славян и лужицких сербов личн. *Diržko, Diržka, Diržek, Deržka*, н.-луж. *Derš* [Schlimpert 1978: 39; Мука: 24], др.-болг. *Държо* [Заим. БИ: 100], — все эти имена суть суффиксальные гипокористики от композитов **Dърžislavъ*, **Dърžimirъ*, которые были отмечены исследователями у всех групп славян. Среди прочих, личн. *Держимиръ* восстанавливается (с конъектурой: [отъ Дъръ]жмира) в новг. бер. гр. № 164 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004: 340]. Объект посессивности выражен в ойкониме др.-рус. терминами *волок, волочек*, которые издревле хорошо известны как обозначения мест, где приходилось перетаскивать суда по суше, по болоту, по берегу либо по отмели, по перекатам. Ср. аналогичные по типу номинации новг. геогр. *Волок Хотславъ* в басс. Чагодоши (см.), *Ожогин Волочек* и *Деденев Волочек*, дер. в Луж. у. 1-й пол. XIX в. [ОСПбгуб: 110] и др. Поселение *Волочек Держков*, стоявшее непосредственно перед многокилометровым порожистым участком русла р. Мсты, очевидно, маркирует одну из точек обходного пути³.

³ Выше села *Волок* начинается цепь крупных порогов на р. Мсте (т. н. Горная Мста). Издревле эти пороги представляли большие трудности судоходству, были опасны для деревянных барок. Не-

В восточнославянской топонимии архаическое др.-рус. *Държъско* (> *Держско*) отразилось слабо, укажу лишь *Держково* дер. на р. Узола в окрестностях Балахны Нижегородской губ. и геогр. *Derżów* близ Жидачева в Галиции [Vasm. RGN III 1: 1], у западных славян имеются соответственные чеш. геогр. *Držková, Držkovice, Držovice* [Hosák, Šrámek MJMS I: 199—200], вероятно, сюда же польск. *Tczew* гор. (под 1198 г. — *Trsow*) [Rymut 1987: 245—246].

Гатчина гор., р. ц. Лен. обл., впервые появляется в письменности как село *Хотчино* вблизи оз. *Хотчино* Богородицкого Дягиленского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 683, 689]. В письменности XVII в.: село *Хочино* 1612 г., или в шведской передаче *Hotzino* под 1623 г., *Kotzino* под 1645 г., *Hottzina* под 1670 г., но в шведской поземельной книге за 1678 г. встречается уже запись *Hättsina / Hattsina* (по материалам Новгородского оккупационного архива, хранящегося в Швеции⁴, см. еще [Рябов 2010: 78]). С XVIII в. утвердились формы *Гатчина* или *Гатчино*⁵, в 1923 г. город был переименован в *Троцк*, в 1929 г. — в *Красногвардейск*, но в 1944 г. возвращено прежнее название *Гатчина* [Поспелов 2000: 113].

М. Фасмер [Фасм. ЭСРЯ I: 397] и за ним В. А. Никонов [1966: 97], без учета ранней формы *Хотчино*, неверно возводят совр. *Гатчина* к апел. *гатъ* ‘настил на болоте’. А. Л. Шилов [1995] обуславливает ойконим гипотетическим др.-фин. термином **hatša* ‘пожога; участок, где лес сожжен под пашню’, якобы заимствованным летописной чюдью из др.-рус. **гоща* в том же значении. Учитывая наличие средневекового варианта *Хотчино*, Е. М. Поспелов [2000: 113] предполагает

даром многокилометровый порожистый участок Мсты от Березовского рядка до села *Волок Держков* в старину называли *Нижним Волоком* (здесь действительно через пороги приходилось волочить суда), противопоставляя его *Верхнему*, или *Вышнему*, *Волоку*, соединявшему р. Тверцу басс. Волги с басс. Мсты (здесь известен гор. *Вышний Волочек* Твер. обл.). Альтернативой порожистому участку на Мсте в глубокой древности являлся обходной путь по р. Уверь, которая впадает во Мсту выше самых опасных порогов. Чтобы попасть на Уверь, суда от Мсты проводились через ряд озер и проток: сначала в оз. Пелено, оттуда в озера Люто, Шерегодро, Ямно, затем по р. Удине в оз. Коробожка, а оттуда в Уверь. Путь для судов удлинялся раза в два, зато считался безопасным. Село *Волок Держков* было построено на Мсте вблизи того места, откуда начинался древний волок на Уверь; такой существенный факт местонахождения села как раз и отразился в его названии. Следует отметить, что этот древний волок не только обеспечивал обход мстинских порогов, но и позволял судам переходить из бассейна Мсты в бассейн крупной р. Чагоды (Чагодоши). Для этого суда добирались до оз. Ямно, оттуда через мелкие озера и протоки входим в крупное оз. Видимирское (ср. в этой связи название оз. *Межволочье*, которое лежит между оз. Ямном и Видимирским), а далее в рр. Кушавера и Песь басс. Чагоды.

⁴ Из приложения к докладу П. Амбросиани «Названия деревень и сел в Новгородском оккупационном архиве», прочитанного на научно-практической конференции «Novgorodiana Svesiana» (Великий Новгород, 15—17 октября 2002 г.).

⁵ На первой русской печатной карте Ингерманландии, составленной в 1704—1705 гг., фигурирует уже *Гатчина*, по [Рябов 2010: 80]. Но длительное время был жив также вар. *Гатчино*, см. в дневнике 1831 г. А. С. Пушкина: «Восемь полков, возмутившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в *Гатчино*» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1976. С. 267).

образование из славянского антропонима, однако не исключает, вслед за Шиловым, в качестве исходного др.-фин. название на **hatša*. Однако при трактовке исходного ойконимического варианта *Хотчино* нет никакой необходимости допускать гипотетическую приб.-фин. основу. Исходный вариант легко выводится из др.-слав. гипокористических личных имен с элементом *Хот-*: *Хотьць*, *Хотьша*, *Хочь* и т. п.; все такие имена засвидетельствованы письменностью и/или чаще «запечатлены» топонимией различных регионов Славии. Так, в материале новгородских грамот на бересте значится личн. *Хотьша* (№ 863, 20—30-е гг. XII в.), *Хочь*, или *Хоць* (№ 348, 40—70-е гг. XIII в.) [Зализняк 2004: 287—288, 491, 814, 815], а на изучаемой новгородской территории имеются: дер. *Хочино* в Молвятицком пог. (= пуст. *Хотчина* Ст-Рус. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 209]), сд. *Хочино* в Сабельском пог. Вод. пят. 1500 г. и оз. *Хочино* в Жабенском пог. Дер. пят. 1495/96 г., см. [НПК I: 651, 653; III: 138], на оз. Селигер сегодня знают остров *Хачин* (из *Хочин*) и т. п.

Сложности вызывает иной момент — специфическая модификация средневекового вар. *Хотчино* в поздний вар. *Гатчино* (*Гатчина*). Прежде всего, помимо приведенных выше исторических фиксаций ойконима, нужно учесть общественно-политическую ситуацию в данном районе в XVII столетии. В нач. XVII в. Швеция завоевала русские земли в окрестностях Финского залива и Ладожского оз., и по Столбовскому мирному договору 1617 г. Ингерманландия стала принадлежать Швеции. Русское православное население большими группами уходило в Россию, зато на обезлюдевшие территории стало переселяться лютеранское население из Восточной Финляндии. После неудачной для России русско-шведской войны 1656—1658 гг. процесс оттока русских и притока финнов ускорился. К концу XVII в. в некоторых погостах Северной и Восточной Ингерманландии доля финнов доходила до 90 % и выше, такое положение наблюдалось в Ореховецком лене и, в частности, в Дягиленском пог. Вод. пят. (см. таблицу и карту в [ПФН: 190—191]), как раз в той местности, где лежало село *Хотчино*. Разумеется, столь радикальная смена населения не могла пройти бесследно для местной топонимии. Некоторые русские топонимы были адаптированы к финской речи, и рассматриваемый ойконим — один из них.

Что касается ойконима, то его специфическая модификация (*Хотчино* > *Hätt-sina* / *Hattsina*) пришлось именно на 2-й пол. XVII в., когда русское население в данной местности на девять десятых заместилось финским населением. Суть же данного фонетического изменения сводится к адаптации русского названия в условиях финского речевого контекста, при котором русская гласная *о* в *Хотчино* была субституирована прибалтийско-финской гласной *а*. Позднее, к нач. XVIII в., когда Россия отвоевала Ингерманландию у шведов, в условиях роста численности русских людей рассматриваемый ойконим был воспринят русскоязычными у местных финнов-ингерманландцев уже как финский; при этом финская гласная *а* под ударением была закономерно передана русской *а*, финская заднеязычная *h* в анлауте оказалась субституированной в виде русской *г*. Хотя субституция слав. *о* > приб.-фин. *а* считается регулярным рефлексом скорее более раннего времени, чем

XVII в. (ср. такие др.-рус. заимствования в прибалт.-фин. языках, как эст. *sahk* ‘плуг’ (< *soxa*), фин. *siivatta* ‘скотина’ (< *животъ*), вод. *astraga* ‘острога’ (< *острога*), фин. *kasukka* ‘шуба’ (< *кожухъ*) и др., см. [ОФУЯ: 119—120]), тем не менее, в топонимии, отчуждаемом фонде слов, подобные фонетические явления, во-первых, способны проявляться позднее, чем в апеллятивной лексике⁶, и, во-вторых, имеют не столь обязательный характер. Действительно, изменение *Хотчино* в *Гатчино* (*Гатчина*), обусловленное воздействием именно внешнего, иноязычного фактора, в сопредельной топонимии не является уникальным. В бывшей Ингерманландии равноценную фонетическую модификацию испытало, например, геогр. *Хотобужу* дер. в окрестностях Копорья, переоформленное в совр. *Гатобужу* (по-фински — *Hatapusu*), что случилось благодаря тому, что население этой деревни, носящей исконное др.-рус. название, издавна составляли ижорцы и отчасти финны (см.). В то же время средневековое название дер. *Хотобужу* 1571 г. в бывшем Сабельском пог. неподалеку от Новгорода (= совр. *Хотобужу* дер. Бат. р-на, см.) не знало таких изменений, поскольку в верховьях р. Луги на протяжении веков не прерывалась славянская устная традиция передачи местных географических названий. Что касается мены заднеязычных, ср. еще геогр. *Хутчеево*, связанное с деревней на р. Тосне Ильинского Тигодского пог. Вод. пят. 1568 г., известной позднее в межевых материалах 1788 г. как пуст. *Гутчева* [Селин 2003: 224].

Збышево дер. Высоцкой вол. Ст-Рус. у. при р. Снеже [СНМНГ III: 30—31]. Хотя исторические сведения остаются неизвестными, ойконим следует связать с архаическими для Новгородской земли именами *Сбыша*, *Сбышька* (ранее — *Събыша*, *Събышька*). Летопись повествует о печальной судьбе новгородцев с близким именем *Сбышка*, отчеством *Сбышкиничъ*: «убиша *Сбышку* Волосовиця» (1194 г.), «убиша {...} Гюргя *Събышкиниция*» (1200 г.) [НПЛ: 41, 45], ср. также др.-польск. личн. *Zbyszek, Zbyszko*, судя по множеству письменных отражений, очень популярное у западных славян [SSNO VI: 296—297]. Др.-новг. *Сбышка*, польск. *Zbyszek, Zbyszko*, является гипокористикой от праслав. композита архаической структуры **Sъbyslavъ*; последнее многократно отражено новгородскими памятниками письменности не позднее XIII в.: *Сбыславъ* часто в НПЛ и бер. гр. № 407, 409, 550, 671, Ст. Р. 36 [Зализняк 2004: 794]. По другим восточнославянским источникам это имя (в т. ч. жен. *Сбыслава*) прослеживается не позднее нач. XIII в. [Туп. СДЛСИ: 463]), но у поляков и чехов оно до сих пор пользуется популярностью.

Среди межтерриториальных эквивалентов к новг. геогр. *Збышево* отмечу геогр. *Збышки* дер. Можайского у. Московской губ., *Збышин* дер. и хут. на

⁶ Впрочем, современная диалектная лексика говоров Русского Северо-Запада тоже дает примеры подобного явления, вызванного воздействием прибалтийско-финской фонетической системы, — перехода гласной *o* в ударную гласную *a* после твердых согласных или в начале слова; ср. пск. диал. *кърчма* (< *корчма*), *кәневий* (< *конэвий*), *кәмель* (< *комель*), твер. *вэкльочье* ‘место между приворотным углом рыболовного устройства и выемкой, где невод тянут с помощью ворота’ (Ост.) при арх. *окльочье* ‘уключина’ и другие факты, см. [Михайлова 2008: 102—104].

рч. Вепринка в Старобыховском у. на Могилевщине, *Zbysze* сел. близ гор. Сокаль в Галиции, вероятно, *Zbysznia* хут. у гор. Радомысль на Киевщине и *Zbyska* место в Галиции [Vasm. RGN III 3: 481], *Zbyszewo* сел. в Польше [Niecukla 1971: 235].

Кажется, среди топонимии от имен-гипокористик, соотносимых с полным *Сбыславъ*, следует трактовать также название пожни *Збыха* за рч. Веряжей вблизи Новгорода, 1539 г. [ПКНЗ 1: 353] (= личн. *Сбыха* при осмыслении в рамках бесформантной деантропонимной модели, ср. др.-чеш. личн. *Sbych*).

Куломино пос. Окуловского р-на Новг. обл., ранее — село Заозерской вол. Кр. у. на р. Перетне, л. пр. Мсты [СНМНГ IV: 14—15], стоит на месте одноименной дер. Полищского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 161]. Возле поселка обнаружено 13 курганных групп (свыше 100 насыпей) [АПИО II: 27], что свидетельствует о раннеславянском освоении округи. Писцовые книги Шел. пят. отмечают поч. **Куломино** в Дубровенском пог. 1498 г. [НПК IV: 201], который под 1576 г. указан заброшенной дер. *Кулатино* [НПК V: 674]. Несколько ойконимических параллелей известно по поздним спискам селений: **Куломино** дер. Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб.: 117] (сегодня — дер. Пл. р-на к востоку от гор. Плюсса Пск. обл.) + дер. на рч. Копыловка Польской вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II: 68—69] + дер. близ оз. Клецино в окрестностях Вышнего Волочка, **Куломино**, иначе *Кулешино*, дер. на р. Локня в Холм. у.; сюда же названия трех селений у южных и юго-восточных рубежей исторической Новгородской земли: **Куломино** дер. на р. Молявка в Кашинском у. Твер. губ. (сегодня — дер. *Кулатино* в Сонковском р-не Твер. обл.), **Куломино** дер. в окрестностях гор. Старица (вар. *Кулатино*, по МАТГ), **Куломино** дер. на р. Шоша неподалеку от Зубцова Твер. губ. (вар. *Култино* по МАТГ) [Vasm. RGN IV 3: 670], совр. твер. данные по [Воробьев 2005: 206—207]. Перечисленные ойконимические параллели дополняются названием имения **Кулотины Пороги** на р. Тигоде Пельгорской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 58—59] и средневековым **Кулоты** дер. в Хловицком стане Холм. у. 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 349] (иначе — *Кулата* дер. по книге 1495—1496 гг. [НПК II: 853], или *Поколоты* пуст. по материалам конца XVIII в. [ИАДП 1: 283]).

Приведенная ойконимия, сконцентрированная на бывших новгородских землях, произведена от личн. *Кулота*, *Кулот(ь)ка*, которые неоднократно фиксировались не позднее XII в. и только древненовгородскими памятниками письменности. В грамотах на бересте читаем: «Отъ Сьмька къ *Коулотькъ*» (№ 105, 60—90-е гг. XII в.); «...*Коулотьке* грамьта къ Хоудъ» (№ 656, 40-е — сер. 90-х гг. XII в.); «уо *Куолотиница*’ у Кулотинича’, патроним к *Кулота* (бер. гр. Ст. Р. 14, 2-я пол. XII в.) [Зализняк 2004: 356, 357, 445]; см. еще личн. *Кулот(ь)ка* в бер. гр. № 1007 (сер. — 3-я четверть XII в.) [Зализняк, Торопова, Янин 2011: 15] и в надписи № 66 на штукатурке новгородской Софии: «*Ко[у]лотька* пьсаль» (2-я пол. XI — 1-я пол. XII в.) [Медынцева 1978: 69]. Др.-новг. личн. *Кулота*, возможно, содержит тот же корень, что и лексема *кулак*. Судя по колебаниям вариантов геогр. *Куломино*/*Кулатино*, *Кулоты*/*Кулата*, могло существовать, наряду с личн. *Кулота*, вариантное личн. **Кулата*, которое удостоверяется, кроме того, названием

средневековой дер. **Кулатино** Молвятицкого пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 658] (= дер. *Кулатина* Ст.-Рус. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 210]).

Люботин, или *Люботино*, волость и село, центр Ильинского пог. Беж. пят., который располагался на р. *Люботина* в среднем течении р. Чагодоши басс. Мологи. Первые упоминания содержит платежная книга Беж. пят. 1499 г.: «волость *Люботин* Ивановская Лошинского на реце на *Люботине*, сох 36 бес полутрети» и там же: «волостка владычня в Ильинском погосте в *Люботине*, сох 10» [ПКНЗ I: 220]. Ильинский пог. «в волости в *Люботине* в Ъвановской Лошинского на реце на *Люботине*» регистрирует далее писцовая книга поместных земель Беж. пят. 1532 г., в ней же интересующее нас название фигурирует также во мн. ч.: «в *Люботинах*» [ПКНЗ 3: 6]. Главное погостское селение указывают и более поздние материалы. Карта генерал-лейтенанта Шуберта 1-й пол. XIX в. [КШуб] обозначает пог. *Люботинский* при рч. *Люботинка*, л. пр. Внины, л. пр. Чагодоши, под этим же названием пункт указан списками селений 1-й пол. XIX в.; в них пог. *Люботинской* с одной церковью отнесен к Уст. у., см. [Неволин 1853: 206]. Списки селений Уст. у. нач. XX в. [СНМНГ VIII: 54] отмечают село *Люботины* (второе название *Село Великое*).

Мотивирующим антропонимом к данному географическому названию выступает др.-слав. личн. *Любота*, стереотипно оформленное (ср. личн. *Лугота*, *Будота*, *Кулота*, *Страхота* и др. по материалам берестяного письма) и находящее преимущественно южн.-слав. подтверждения: альпослав. (др.-словен.) личн. *L'ubota* в документе IX в. на территории Австрии [Kronsteiner 1981: 208; Kos 1886: 124], серб. *Любота*, *Люботин* [Miklosich 1927: 71, 73; Грк. РЛИКС: 123].

Среди межтерриториальной параллельной топонимии есть новг. **Люботино** дер. Михайловского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 173], *Люботина* рч. в Орлинском пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКНЗ I: 103]; за пределами исследуемой территории: *Люботино* дер. на р. Псковица в окрестностях Пскова, укр. *Люботин* слобода на р. *Люботин* в окрестностях Харькова + сел. на Вольни, *Lubotyń* оз. в Центральной Польше к югу от Торуня (по материалам: [Vasm. RGN V 2: 291; Гідронімія України: 98]). Топонимию с суф. *-ин-* дополняет новг. старописьменное **Любочь** р. в Шел. пят. (Бельский пог., рядом рр. Сяберовица, Черная, Воя, Яна) [НПК V: 529, 547], которое предпочтительно считать йотово-посессивным образованием от личн. *Любота*.

С перечисленной ойконимией сближается и порой смешивается название, производное от максимально сходного гипокористического имени, — ойконим **Любытино**, прикрепленный к крупному, хорошо отраженному исторической документацией селу в Любытинской вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 62—63]. Так, Ген. меж. 1780—1785 гг., № 1616, указывает здесь *Люботинский* погост «в вершине ручья Белого», но Материалы для оценки земельных угодий 1914 г. — *Любытинский* Ильинский погост [КГарн]. Пог. Ильинский «въ *Любытинахъ*» подробно описывает книга Беж. пят. 1564 г., которая отмечает церковь Ильи Пророка в погостском селе и целый ряд тянувших к нему деревень: Зарубино,

Сболотая, Улемья, Весенья и др. [НПК VI: 870—877, 882, 998]. Сообщение об этом погосте имеется в книге Беж. пят. 1582—1583 гг., отрывки из которой даны в [Неволин 1853: 283 прил.]. Волостное село *Любытино* находилось рядом с крупным пос. *Зарубино*, который развился на месте одноименной деревни, указанной писцовой книгой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 871]. Поблизости, немного к северу, значилась еще пара средневековых населенных пунктов, называвшихся *Любытина* дер. во владыченской вол. Белой в Никольском пог. 1501 г. и *Любытино-Олпатьево* дер. Богородского пог. на Белой 1564 г. [Там же: 6, 862] (*Олпатьево* из старокалендарного имени *Евпатий*), более поздних сведений об этих селениях нет. В 1931 г. при советской власти за волостным селом *Любытино* было официально закреплено мемориальное название *Артём* в честь большевика Ф. Сергеева-Артема. Однако древний ойконим *Любытино* не исчез из местной округи: его закрепили за селом, которое отстояло на 10 км к северу от рассматриваемого пункта — при впадении р. *Белой* во Мсту — и искони носило отгидронимное название *Белое*; сегодня — это крупный пос. *Любытино*, р. ц. Новг. обл.

Рассматриваемый ойконим имеет несколько межтерриториальных соответствий. Все они выступают гидронимами: *Любытинский* руч., п. пр. Мсты на современных картах (по [Шан. РЛЮ: 232] — *Любытский* руч.), *Любытинская* с вар. *Люботин*, приток р. Кусинки басс. Волхова [Там же: 46] (ср. похожую вариантность названия пог. *Любытинский* / *Люботинский*, см. выше) и наконец летописное *Любытина*, название притока Ловати в среднем течении, известное из жалованной грамоты 1134 г. на Терпужский погост Ляховичи: «за рѣкою за *Любытиною* по большии мѣхи» [ГВНП: 139, гр. 80]⁷. Присутствие в столь раннем источнике уже само по себе говорит об архаическом характере посессива *Любытина*, производного, очевидно, от личн. **Любыта*. Последнее, как будто, самостоятельно не зафиксировано, как не известна и образованная от него топонимия за пределами Новгородской земли. Это позволяет считать *Любыта* региональным древне-новгородским антропонимом со структурой, однако, более древней, чем в имени *Любота*. Др.-новг. **Любыта*, в котором вычленяется раритетный суф. *-ыта*, скорее всего появилось благодаря наложению форманта *-та* на *-*й*-основу праслав. **l'iby* ‘любовь’. Ср. аналогичное появление суф. *-ыта* в личн. **Жельыта*, которое реконструируется по новг. геогр. *Жолытино* дер. Никольского Будковского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 342] (по Атласу Петерб. губ. 1791 г. — сд. *Жельытино* [Селин 2003: 200]). Здесь антропоним-мотиватор тоже имеет в качестве производящей *-*й*-основу праслав. **žely*, др.-рус. *желва*, *желвь* ‘черепаха’, ‘еж’, ‘желвак, опухоль, шишка’ [СлРЯ XI—XVII 5: 81].

⁷ По В. Л. Янину [1981: 236], средневековая р. *Любытина* из грамоты 1134 г. позднее стала именоваться *Закорытной*, Е. Н. Носов [1993: 33] ассоциирует ее с безымянным ручьем — притоком Ловати на современных картах, а М. Б. Свердлов [1993: 41] — с совр. р. *Робьей Заробской*, впадающей в Ловать.

В целом на новгородской территории встречается очень много топонимов, которые образованы от личных имен с *Люб*-основой, оформленной различными суффиксальными морфами. Перечислю по материалам писцовых книг наиболее очевидные случаи (памятуя о том, что эта типовая, высокочастотная основа столь же активно создает топонимы с топографической исходной семантикой): дер. *Любаново*, *Любачево*, *Любашово*, *Любешково*, *Любивцово*, *Любимово*, *Любильцово*, *Любино*, *Любитово*, *Люблево*, *Люблино*, *Любоково*, *Любосино*, *Любохово*, *Любошино*, *Любошово*, *Любухово*, *Любышино*, *Любышово*, *Любятино*. Поскольку праслав. **lub*-основа обладает повышенной суффиксальной валентностью, широко проявляясь во всех регионах Славии (см. [Šmilauer 1970: 117]), многие организуемые ею личные имена, отложившиеся затем в топонимии, выглядят «наддиалектными», будучи «вписанными» в продуктивные антропонимические ряды с суф. *-аш-*, *-ил-*, *-ох-*, *-ач-*, *-ош-*, *-ух-*, *-ят-а* и др. Стоит привести краткие этимологические комментарии к некоторым географическим названиям, образованным от имен с отчетливыми западнославянскими ассоциациями. Геогр. *Любаново* дер. Михайловского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 208] и, видимо, геогр. *Любан* дер. Егорьевского Лусского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 46] возводятся к личн. *Любанъ*, представленному как на западе, так и на юге славянства: др.-польск. *Luban* [SSNO III: 281], др.-чеш. *L'uban* [Svoboda 1964: 157], др.-луж. *L'uban*, совр. н.-луж. *Lubań* [Schlimpert 1978: 77] (у лужицких славян данное имя особенно популярно), серб. *Ljuban* [Miklosich 1927: 8], болг. *Любан* [Займ. БИ: 142]. Сюда же посессивная топонимия *Lubań* (< **Lubanъ*) и *Lubanów* в Польше, *L'ubani*, *L'ubańe* и др. на сербохорватской территории, *Libaň* в Чехии, *Lubahn* и *Lubanowe* (нем. *Libnitz*) у полабских славян, *Любан*, *Любаня*, или *Любоня*, в болгарских землях, *Λιμπάν* (< др.-слав. **Lubanъ*) в Греции; по: [Rospond 1984: 190; Займов 1973: 124; Schlimpert 1978: 77; Vasmer 1941б: 226; Prof. MJ II: 576; Bezl. SVI I: 341]. На новгородской территории к личн. *Любанъ* может восходить еще название гор. *Любанъ* на р. Тигода в Лен. обл., известное с 1500 как *Любани* дер. Ильинского Тигодского пог. Вод. пят. (более поздние варианты *Любыни*, *Любяни*, *Любанъ* перечислены в [Селин 2003: 213]). Для отдельных названий данного ряда вполне допустима, наряду с деантропонимной, и деапеллятивная трактовка, особенно если учесть, что межтерриториальные параллели к новг. геогр. *Любанъ*, обнаруживающиеся неоднократно, часто оказываются названиями вод, см., например, гидронимы *Любанъ*, изложенные в [Шульгач 1998: 158; Машт. Днепр.: 261; Смол. ГБО: 33, 111, 216]. Геогр. *Люблино* дер. на левом берегу Ловати Селеевск. Под., ранее — дер. Перегинской вол. Ст.-Рус. у. [СНМНГ III: 94—95] (соотнесенная [Андрияшев 1914: 236] со средневековой дер. *Люблюн* Коломенского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 366]), *Люблино* дер. во 2-м стане Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 114], *Люблино* дер. Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 182], *Люблево* дер. Лосицкого пог. Шел. пят. 1571 г. [Там же: 501] (= совр. *Люблево* дер. Лядской вол. Пл. р-на) производны от личн. *Любля*, прямо засвидетельствованного у западных славян и словенцев, о чем пишет О. Н. Трубочев [1971: 12];

ср. также немецкую запись имени «*Lewblinus*» в австрийской грамоте XIV в., которое О. Кронштейнер [Kronsteiner 1981: 208] сводит к древнему альпослав. личн. **L'ubъľь*. Топонимическими соответствиями являются *Люблино* дер. к югу от Москвы [Трубачев 1971: 12], *Люблевка*, две реки в Поочье [Смол. ГБО: 124, 163], *Lublin* город на востоке Польши, упоминаемый с 1228 г., польск. *Lublica*, или *Lubla*, р. в басс. Вислока [Nieckula 1971: 280; Rospond 1984: 193; Rieger 1988: 38], геогр. *Liblín*, *Staré Lublice* и *Nové Lublice* в Чехии [Prof. MJ II: 671—672; Hosák, Šrámek MJMS I: 558], *L'ublov* в Словакии [Šmil. VSS: 492], *Lubele*, *Lublów* у полабских славян, *Ljubela*, *Ljubeljski Potok*, *Libeliče*, *Libeliška Gora* в Словении [Bezł. SVI I: 346—347]. Названия нескольких средневековых пунктов: *Любино*, *Любино Поле*, *Любинское*, прослеженные по писцовой документации Вод. и Шел. пят. [НПК III: 309, 494; IV: 98, 388], *Любино* оз. в вол. Лопастницы [НПК II: 784, 798], пск. *Любово* оз., известное из псковской пергаменной грамоты XV в.: «из р'ька по *Любови* же ожеро» [ГВНП: 331, гр. 346], — имеют, скорее всего, деривационное отношение к антропониму типа др.-польск. *Luba* (муж.) [SSNO III: 280] (из которого и польск. геогр. *Lubino*, *Lubin* [Nieckula 1971: 280]), н.-луж. личн. *Luba*, *Lubo* [Muka: 65], др.-чеш. *L'ub* XII в. [Svoboda 1964: 49, 279] (ср. геогр. *Libavá* дважды в Чехии [Hosák, Šrámek MJMS I: 524]), полаб.-помор. *L'ub* 823 г. [Schlimpert 1978: 77] (он же дает нем. геогр. *Lübow*), альпослав. личн. *L'uba*, *L'ublinъ*, *L'ubina* по австрийским источникам начиная с IX в. [Kronsteiner 1981: 208] (ср. словен. геогр. *Ljubínj* [Snoj ESSZI: 238]). Найдутся наверняка и другие новгородско-инославянские, преимущественно западнославянские, схождения в материале топонимии (например, с суф. *-aš-*, *-iš-*, *-k-* и др.), но нужно иметь в виду, что часть таких схождений носит случайный характер в силу значительной словообразовательной валентности корня **l'ub-*.

Милятино — значительный ряд деревень Новгородской земли в XV—XVI вв.: дважды в Дер. пят. (Локоцкий пог. 1490-х гг., Семеновский пог. в Удрицах 1490-х гг. и 1538/39 г.), дважды в Шел. пят. (Которский пог. 1498 г., Илеменский пог. 1498 г.), в Вод. пят. (Никольский Будковский пог. 1500 г.), в Обон. пят. (Егорьевский пог. в Неболчах 1563/64 г.), см. [НПК I: 607, 778; II: 81; III: 286, 309; IV: 96; V: 173; ПКНЗ 2: 143; 4: 188]. Из этих средневековых пунктов до настоящего времени, пожалуй, сохранился только один, бывший в Семеновском пог.: *Милятино* дер. на руч. Безымянном в Яжелбицкой вол. Валд. у. нач. XX в. [СНМНГ V: 88—89], сегодня — дер. Любницк. Валд. Гипокористическое личн. *Милята* содержится в трех новг. бер. гр. XII—XIII вв.: № 420, 583, 675 [Зализняк 2004: 759], производные от этого имени патронимы *Милятичь*, *Милятиничь* отражены Ипатьевской и Новгородской 1-й летописью под 1162 и 1216 гг. [Туп. СДЛСИ: 645]. Иные источники знают максимально близкие гипокористики. Среди них личн. *Милюта*, хронологически несомненно более позднее, чем *Милята*, прослеживаемое по старорусской письменности и по фамилиям (к примеру, с этим именем отмечены новгородские крестьяне XV—XVI вв. [Вес. Он.: 199; Туп. СДЛСИ: 251], есть и совр. фамилия *Милютин*), серб. *Милета*, *Милетко* (частотное, наря-

ду со многими другими сербскими именами от *мил-*) [Грк. РЛИКС: 133], н.-луж. *Mileta, Milota* [Schlimpert 1978: 86], ст.-укр. *Milota* XV в. [Демчук 1988: 77—78], чеш. *Milota*, польск. *Milota* [Svoboda 1964: 165; SSNO III: 515]. За пределами новгородской земли соответствующих ойконимов (*Милятино, Милятин, Милятичи* и др.) тоже оказывается довольно много: они локализованы в окрестностях гор. Великие Луки и Торопец Пск. губ., Болхов Орловской губ., Мосальск Калужской губ., Мышкин Ярославской губ., Галич Костромской губ., Можайск Московской губ., на белорусской территории в Гродненской, Могилевской и Виленской губ., на Украине в Волынской губ. и Галиции [Vasm. RGN V 3: 562], сюда же *Милетино* сел. в Македонии [Станковска 2007: 376].

Значительно реже встречается в Новгородской земле топонимия, связанная с др.-слав. гипокористикой *Милъко*. Таково прежде всего название поч. *Милково* под 1545 г., указанного как дер. под 1565 г. в Михайловском пог. в Тростных Беж. пят. [НПК VI: 189; ПКНЗ 3: 120]. Ср. *Милко* в новг. бер. гр. № 663 и *Милка* в бер. гр. Ст. Р. 216 [Зализняк 2004: 759], а также ст.-укр. *Милко, Милько* [Демчук 1988: 77—78], др.-польск. *Milek* [Taszycki 1925: 51], др.-чеш. личн. *Milek* [Svoboda 1964: 46], болг. *Милко*; ср. далее геогр. *Milkowo, Milkowa, Milków* в Польше [Nieskuła 1971: 132], возможно, *Milcza* р. в басс. Вислока в Польше [Rieger 1988: 43]. Вне новгородскими вост.-слав. топонимиями выступают геогр. *Милково* дер. рядом с гор. Любим Ярославской губ., *Милкова* сел. близ Перми, *Милковская* дер. Никольского у. Вологодской губ., *Милковичи* дер. и ус. Слуцкого у. Минской губ., *Milków, Милки* сел. у Волковыска Гродненской губ. и иные подобные названия на территории Галиции [Vasm. RGN V 3: 556].

Мирохново дер. в Деманском пог. Дер. пят. около 1495/96 г. [НПК II: 505], но под 1539 г. — в форме *Мирохны* [ПКНЗ 4: 258], позднее не менявшейся: *Мирохны* дер. Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 149], *Мирохны* дер. на руч. *Мирохновском* Луженской вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II: 36—37], сегодня в Валд. р-не, Семеновщинское с/п. Трактуются по антропониму *Мирохна-о*, выступающему дериватом праслав. композитов типа **Mironěgь*, **Miroslavь*, **Mirogostь*; ср. др.-польск. личн. *Mirochna* [SSNO III: 520—527], серб. *Mirochna* [Miklosich 1927: 15]. Следует отметить, что сложный формант *-хно* (< *хь* + *но*) сохранял продуктивность на новгородской территории по меньшей мере до XVIII в., образуя имена-гипокористики не только от исконно славянских, но и от календарных христианских имен (*Леохно: Леонид, Грихно: Григорий* и т. п.).

Молотково место (урочище?) в Плотницком конце средневекового Новгорода. Первые сообщения дают Новгородские 2-я и 3-я летописи: «*Молотково дѣвичь монастырь*» (1199 г.); «...и подписана бысть церковь святыа Богородица на *Молоткове*» (1363 г.); «...заложиша церковь каменну святыа Богородицы на Михалицы в Плотинскомъ концѣ, на *Молотковѣ*» (1379 г.) [НЛ: 34, 198, 243]. Позднее данный ойконим обратился в название Молотковой ул. Под названием *Молоткова* улица отмечена в «Семисоборной росписи» Новгорода 1466—1508 гг. [Янин 2004: 400], затем Писцовыми книгами Леонтия Аксакова в конце XVI в. [Майк. КПНВ: 220, 221, 260].

Попытки обусловить данное название ремесленной терминологией [Алешковский 1974: 103; Васильев, Северинов 2004: 76] сейчас представляются бесперспективными. Его следует сравнивать с личн. *Молотъко*, гипокористикой к *Молоть*, равному апел. *молотъ* (< **moltъ*). Данное имя, в семантико-мотивационном отношении находящее прямую аналогию с др.-рус. личн. *Кьи*, праслав. **Куъь* (= апел. **куъь* ‘молот, молоток’), находит многочисленные подтверждения в западнославянской, преимущественно полабско-поморской языковой области, где оно некогда было очень популярным. В частности, личн. *Moltek*, *Mlotek* полтора десятка раз прослеживается по документации XIII—XIV вв., относящейся к славянам в басс. Лабы и в Поморье, там же присутствуют имена *Moltan*, *Mlotan*, а также геогр. *Moltow* сел. в Германии близ Висмара [Schlimpert 1978: 89]. Сюда же примыкают др.-польск. личн. *Mloto* [SSNO III: 587], *Mlotek* [Niecukla 1971: 134], др.-чеш. *Mlat*, *Mlatec*, *Mlateček* [Svoboda 1964: 199, 282]. Среди межтерриториальных ойконимических соответствий известны: укр. геогр. *Molotków* дер. на руч. Лукавец в окрестностях пункта Богородчаны в Галиции, *Молотковцы* дер. под Бердичевом Киевской губ., вероятно, блр. *Молодковичи* (польск. *Molotkowicze*) дер. недалеко от Пинска Минской губ., *Молотковская* (второе название *Шпагу!*) дер. Слободского у. Вятской губ., *Молотки* сел. в Галиции [Vasm. RGN V 3: 656], *Mlotkowo* сел. в Польше [Niecukla 1971: 134].

Недзилово дер. в пог. Воскресенском в Осечне Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 80]. Более точный облик — безусловно *Нездилово*, ср. также совр. дер. **Нездылово** немного севернее Твери в Калининском р-не, Кулицкий СО (возможно, это один и тот же пункт, хотя территориальные расхождения препятствуют однозначному отождествлению средневекового и современного селений). Эквивалентным является старописьменное геогр. **Нездылицы** сд. в пог. Ильинском Замозском в Бегуницах Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 598]: из первоначальной формы **Нездилици* отпатронимного облика. Ср. личн. *Несдыла* в новг. бер. гр. № 220 XIII в. (в источнике: «у *Нездыле*» Род. ед., «*Нездыле*» Дат. ед. — имя церковного старосты на территории, где позднее отмечен Петровский пог. Вод. пят.) как вторичный вариант имени *Несдила*; последнее регистрирует бер. гр. № 443 конца XII — нач. XIII в. [Зализняк 2004: 438, 487]. Летописи упоминают новгородцев: *Нездил* 1239 г., *Нездил* Савиничь 1225 г. (Новг. 4-я летопись), *Нездил* Пехциничь 1200 г., *Нездил* Станимировичь 1217 г., *Нездил* Прокшиничь 1229 г., Дрочило *Нездыловъ*, сын кожевника 1240 г. (по [НПЛ: 45, 57, 68, 73, 77, 239, 258, 275, 284, 294] и по [Мор. СИ: 136]), сюда же *Нездилецъ*, пскович, по грамоте нач. XIV в. [ГВНП: 317—318, гр. 332], и Роман *Нездилевичь*, киевский воевода 1185 г. по Ипатьевской летописи [Туп. СДЛСИ: 663]. Личн. *Несдыль,-о,-а* (позднее — *Несдил,-о,-а*, *Нездил,-о,-а*) было образовано от префиксально-корневого *Несьда* при помощи суффикса гипокористики *-ил-*. Свидетельства употребления *Несдыль,-о,-а* в основном относятся к XIII — нач. XIV в., тогда как новгородские фиксации личн. *Несьда*, *Несьдичь* ранее XIII в.

Несколько новгородских грамот на бересте зафиксировали сходные личные имена без отрицания *не-*: *Сдила*, *Сдыла*, *Сдилка* (№ 503, 510, 422, 645, 348) [Зализняк

2004: 795]. Скорее всего эти имена соотносимы с композитами на **Sъdě-* (*:*sъděti* ‘собирать’, ‘соединять’) типа польск. *Zdziesław, Zdziemir, Zdziewit*. Ср. еще с иным суффиксом личн. **Здыта* (< **Сдыта*, **Съдыта*), восстановленное по геогр. **Здытино** дер. в пог. Дубровенском в Порх. у. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 671].

Некишино дер. Грузинск. Чуд. на р. Волхов, в нач. XX в. — дер. Грузинской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 22—23]. Хотя по НПК название не обнаружено, сомневаться в древности его антропонимической базы нет оснований: *Некишино* < личн. *Нъгъшиа*; ср. болг. *Нягша, Нягшо* XV в. [Заим. БИ: 172] и др.-новг. личн. *Нъгошька* из бер. гр. Ст. Р. 22 XII в. [Зализняк 2004: 767]. Эти имена считаются др.-слав. усеченно-суффиксальными (с суф. *-š-*) гипокористиками от композитов с начальным *Něgo-* (**Něgoslavъ*, **Něgoradъ*, **Něgomirъ*) или *Něg-* (с усечением *o*), ср. чеш. *Nekmir* из **Něgomirъ*. По оформлению личн. *Нъгъшиа* адекватно соответствует др.-новг. именам *Станъшиа* — от *Станиславъ*, *Григъшиа* — от *Григорий* и др., такого типа образования были в Новгородской земле продуктивны, судя по многочисленным данным из [НГБ 1977—1983: 146—151]. Параллельный ойконим *Некишино* обнаруживается на Русском Севере: он связан с дер. на рр. Северная Двина и Стрига в районе Великого Устюга [Vasm. RGN VI 1: 130].

Некурушино дер. Оксочского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 289, 302], = *Никурушии* дер. Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 226, 226], = *Никулищи*, нежилая дер. Люб. р-на на левом берегу Мсты. К личн. *Некурушиа*, др.-рус. отглагольному образованию с характерным для гипокористик суффиксом. Ср. патронимическое проявление данного имени: «Приде князь Мъстиславъ на Тържекъ, и я Борислава *Некурушница* (по Ком. сп.: «*Некурушница*»), и поймавъ товаръ многоъ, и пусти и» под 1218 г. [НПЛ: 57, 258]. Не исключено, что дер. *Некурушино* являлась родовым гнездом упомянутого летописью боярина, носившего столь редкое имя. К семантическому обоснованию антропонима ср. др.-рус. *курути* ‘разжигать, топить, перегонять (смолу, водку)’ [СлРЯ XI—XVII 8: 138].

Аналогичную структуру имеют также: личн. **Нелюбишиа*, восстановленное по геогр. **Нелюбишино** дер. в вол. Сорогошино Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 431]; личн. **Падшиа* — по ойкониму **Падшино**, который был связан с селом Сытинского пог. Дер. пят. на восточном побережье оз. Ильмень, как свидетельствуют рядная грамота сер. XV в. [ГВНП: 180, гр. 122] и писцовые книги 1495/96 г. [НПК II: 490]; личн. **Опекишиа*, ранее **Опекышиа*, — по геогр. **Опекишино** под 1498 г., *Опекишево* под 1575/76 г., дер. в Шел. пят. в Вышегородском у. 1498 г. [ПКНЗ I: 140; 6: 192]; личн. **Попалишиа* и *Опалишиа* — по геогр. **Попалишино** дер. Михайловского пог. Дер. пят. 1495/96 г. [НПК I: 153] и **Опалишино** дер. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 281], равно как по *Опалишино* дер. в Псковском у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 1738]; ср. производные патронимы *Опалишин* Мишка, крестьянин в Дегожском пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 252], *Опалишин* Асташ, переяславский дьячок 1-й пол. XV в. [Вес. Он.: 231]. Ср. еще диал. (Осташ. Твер., Пск.) *пласкѣшиа* ‘плаксивая женщина’, *порвѣшиа* ‘оборванец’ [СРНГ 27: 77; 30: 53]. Судя по приведенным фактам, личные имена и обозначения лиц на суф. *-шиа* отчетливо региональны: они неко-

гда имели продуктивность только в регионе Новгородской земли и на сопредельных псковской и тверской территориях.

Нинково, вар. *Минково*, дер. Лукомской вол. Дн. р-на на р. Люте, л. пр. Шелони, указана также в Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11228]. Писцовою документацией XV—XVI вв. ойконим не отмечен, хотя атрибутируется как древнерусский: от др.-рус. личн. *Нинко*, ранее — *Нинько*; вариант *Минково* вторичен (спорадическая мена *н* на *м*, как в *нырять* > диал. *мырять* известна). Надпись № 47 на штукатурке новгородской Софии — «Смолько *Нинькиничь*» 2-й пол. XI — нач. XII в. [Медынцева 1978] доказывает функционирование на новгородской территории муж. личн. *Нинька* — морфологического варианта к *Нинько*; ср. далее др.-польск. личн. *Ninek, Ninota, Niniec* и др. [SSNO IV: 66—67] (отсюда геогр. *Ninkowe, Ninków* в Польше [Nieckula 1971: 143]), др.-чеш. *Nina* [Svoboda 1964: 82], полаб.-помор. *Ninc* [Schlimpert 1978: 82], болг. *Нинко, Нино* [Заим. БИ: 169], серб. *Нина, Нино, Нинко* [Мор. СИ: 139]. Эти гипокористики соотносятся с др.-слав. композитами **Ninomyslъ, *Ninoslavъ, *Ninogněвъ*, которые отмечены в западно- и южнославянских языках; ср. и др.-новг. *Ниноньгъ* — имя одного из новгородских посадников [НПЛ: 471], он же — *Мироньгъ* [Там же: 164]. Имеется трактовка элемента *Nino-* из **Jino-* < **Juno-* ‘молодой, юный’ [Svoboda 1964: 82], но скорее нужно сопоставить с польск. *niniejszy* ‘сей, настоящий’ [Зализняк 2004: 628], ср. и рус. диал. *ниня, нинеча* ‘нынче, ныне’, указанные [СРНГ 21: 236—237]. Наряду с древнеславянской атрибуцией исходного имени, новг. геогр. *Нинково* допустимо обосновать устаревшим христианским, не вошедшим в современные святцы именем *Нин* (из греч. *Нинос* имени легендарного основателя Ассирийского государства [Суп. СРЛИ: 251]). Из межтерриториальных эквивалентов укажу геогр. *Niniów Górni* и *Niniów Dolni* — немецкие селения на руч. Жижава и Березница в Долинском у. в Галиции, *Нинишки* (лит. *Niniškės*) село неподалеку от Вильны на пограничье с Белоруссией, *Ниново* в Диснинском у. Виленской губ., *Ниновка* слобода близ гор. Новый Оскол Курской губ. + дер. в Самарской губ. [Vasm. RGN VI 1: 225] (некоторые из перечисленных названий, возможно, обязаны появлением христианскому имени).

Прибыльцино дер. в пог. Никольском в Слезкине Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 538]: к личн. *Прибыльца*, уменьш. к *Прибыла*. Данному антропониму равно новг. геогр. *Прибыльца* («Деревня Кишкино, да въ поле впущена деревня *Прибыльца*») в пог. Егорьевском в Чудини Беж. пят. 1545 г. [Там же: 71]: этот ойконим выглядит прямой топонимизацией личного имени. Личн. *Прибыла* (‘прибывший, прибавившийся в семье ребенок’) в древности имело практически общеславянское распространение. Оно обнаруживается в бер. гр. № 5 из Старой Руссы 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004: 330] и в средневековых источниках на западе и отчасти на юге славянства: др.-польск. *Przybyła, Przybyło, Przybело* [SSNO IV: 382], чеш. *Príbyl* [Svoboda 1964: 168, 292], полаб.-помор., сербохорв. *Pribyl* [Schlimpert 1978: 107], у альпийских славян *Pribyla* (по источнику 888 г.: «*Briiila*») [Kronsteiner 1981: 205]. Более поздний вариант, имеющий форму полного причастия — *Прибылой*, —

встречается в ст.-рус. материалах XVI—XVII вв. [Вес. Он.: 258; Туп. СДЛСИ: 321], см. еще блр. фамилии *Прыбыль*, *Прыбыльскі* [Бірыла 1969: 334], укр. *Прибило* [Редько 1969: 184]. Из ойконимии известны укр. геогр. *Прибилів* сел. в Прикарпатье [Худаш, Демчук 1991: 187], *Прибиловка* сел. в Подольской губ., *Przybyły* сел. под Кобрином Гродненской губ. и, возможно, более позднего возникновения названия, локализуемые к востоку от Новгородской земли: геогр. *Прибылово* дер. в окрестностях гор. Углича Ярославской губ., Солигалича Костромской губ. и Тотьмы Вологодской губ. [Vasm. RGN VII 2: 364]. Отмечены еще название р. *Przybyle* в Юго-Восточной Польше, произведенное от личн. *Przybyla* [Rieger 1988: 62], сел. *Прибилицы* в Болгарии [Займов 1967: 224], сел. *Pribilovići* в Хорватии [Imenik mesta 1956: 356].

Гипокористическое производное от рассмотренного имени (или от композитов типа **Pribyslavъ*, **Pribygněвъ*) — личн. *Прибыша* — восстанавливается по новг. геогр. *Прибышино* дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 246], а также дано новг. бер. гр. № 125 конца XIV в. — нач. 1400-х гг., в которой упоминается некто Давыд *Прибыша* [Зализняк 2004: 657], и летописью в составе патронима: Иван *Прибышиничъ*, под 1216 г. [НПЛ: 57]; ср. далее др.-польск. личн. *Przybysz* [Taszycki 1925: 50], чеш. *Přibyša* [Svoboda 1964: 148], др.-луж. *Přibyš*, сербохорв. *Přibiš*, *Přibiša* [Schlimpert 1978: 108]. Была дер. *Прибышево Пахомовская* в Мегрежском пог. Обон. пят. 1563 г. [ПКОП: 213], села *Przybyszyn* близ Бельска Гродненской губ., *Przybyszówka* в Галиции [Vasm. RGN VII 2: 364], польск. геогр. *Przybyszew*, *Przybyszewo*, *Przybyszów* [Neckula 1971: 166], чеш. *Přibýšice*, хорв. *Pribiševas* [Miklosich 1927: 87], словен. *Pribišje* [Snoj ESSZI: 333].

Рамушево дер. неподалеку от Старой Руссы на левом берегу Ловати, на правом берегу, напротив, стоят дер. *Старое Рамушево* и *Новое Рамушево*. В нач. XX в. левобережное *Рамушево* числилось селом Черенчицкой вол. Ст-Рус. у., рядом с которым значились отдельными пунктами одноименные погост и усадьба [СНМНГ III: 114—115]. На карте-десятиверстке 2-й пол. XIX в. [КСтрельб] село *Рамушево* обозначено как *Большое Рамушево*, дер. *Старое Рамушево* — как *Малое Рамушево*, дер. *Новое Рамушево* подписано этим же названием. На месте перечисленных пунктов находился крупный центр средневекового Петровского *Рамушевского* погоста, известного с конца XV в. в Русском у. В актовой письменности [Доп. АИ II: 38] погост назван *Рамышевским*. Помимо двух соседящих дер. *Рамышево*, лежавших на противоположных берегах Ловати, к погосту относились многие пункты Дер. (в Курском присуде) и Шел. пятин, см. обильный материал в писцовой документации конца XV — 1-й пол. XVI в.: [НПК II: 590, 615, 621—623, 628, 629; IV: 327—335, 338, 362, 465, 469, 480; V: 47, 48, 57, 218—221, 236; ПКНЗ 4: 303, 445, 479, 480, 481; 5: 80]. Топонимический вариант *Рамышево* сохранялся до сер. XIX в., его фиксируют «Столистая карта» нач. XIX в. и источник 1849 г. [ВСОРИ: 40]. Более поздние источники, а также карта, составленная в 1-й пол. XIX в. [КШуб], дают только *Рамушево*.

На изучаемой новгородской территории к юго-западу от геогр. *Рамышево* (> *Рамушево*), закрепленного за деревней на Ловати, обнаружилось еще одно па-

раллельное название — старописьменное *Рамышово*, прикрепленное к деревне в Вышегородском пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 480].

Оба ойконима произведены от личн. *Рамышь* (< *Рамишь*, отражение мягкости согласной сохранилось в наименовании пог. *Рамышевский*), следы которого ведут к западным славянам; ср. др.-луж. личн. *Ramiš* (в источнике: «*Ramisch de Bosinkewicz*», 1365 г.), др.-чеш. *Rameš*, *Ramiš*, др.-польск. *Ramiesz*, *Ramisz* [Schlimpert 1978: 114; Svoboda 1964: 293]. Имя, по Шлимперту, считается славянским производным от нем. личн. *Ramwald*, как и н.-луж. личн. *Ramot*. М. Морошкин [Мор. СИ: 165] дает зап.-слав. (чеш.) имена *Рамышлов* 1479 г., *Рамышон* 1465 г. (не указано Я. Свободой), по всей вероятности, близкие к чеш. *Ramiš*. Топонимические соответствия за пределами Новгородской земли отмечены лишь на украинской Волини: геогр. *Rameszków* (вар. *Ромашково*) слобода в окрестностях гор. Ровно [Vasm. RGN VII: 647] и, вероятно, в Польше: древнеписьменное геогр. *Ramiżów* (сегодня — *Raniżów*) сел. в повете Колбушова, известное с 1366 г. [Nieckula 1971: 170—171].

Рахово, или *Рахова*, — средневековые селения, одно в Локоцком, другое в Семеновском в Удрицах пог. Дер. пят. конца XV — 1-й пол. XVI в. [НПК I: 764, 771, 774; II: 35, 38, 95; ПKNЗ 4: 186, 198]; дер. в Локотском пог. приравнивается к пуст. *Рахова* Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 187] и к выселку *Рахово* Китовской вол. Кр. у. на р. Холове нач. XX в. [СНМНГ IV: 50—51]. В иной местности поздние материалы дают *Рахово* дер. на р. Шарья Будогощск. Кириш., ранее — Грузинской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 24—25]. В Обон. пят., согласно акту 1577 г. [АИ I: 361], был еще Рождественский Пиркинский пог. *Раховичи*. В иной суффиксации известны названия близлежащих совр. дер. *Рахино Старое* и *Рахино Новое* (*Новорахино*), относившихся в нач. XX в. к Рахинской вол. Кр. у. [СНМНГ III: 90, 92]. Бывший центр этой волости — дер. *Старое Рахино* — в конце XV—XVI в. называлась дер. *Рахино у Моста* (или *Рахин Мост*) и значилась в Локоцком пог. близ границы с Листовичским пог. Дер. пят. [НПК II: 17; ПKNЗ 4: 134, 191; 5: 111, 259], позднее ойконим *Рахин Мост* не раз упомянут в судебных документах 1650 г. [Мятежное время: л. 158, 159, 165] и в грамоте патриарха Никона Иверскому монастырю 1653 г. [АИ IV: 192]. На восточной периферии Новгородской земли локализуется еще дер. *Рахино* Уст. у. нач. XX в. [СНМНГ VIII: 72—73], а на юго-западной — селище *Рахово* Сережской перевары Торопецкой земли 1540 г. [ПKNЗ 4: 625].

Ойконимия *Рахово*, *Рахино* возводится к личн. *Рахъ*, *Раха*, которые надежно «паспортизируются» как др.-слав. гипокористики на базе композитов, начинавшихся на *Rad-*, *Rat-* (**Radoslavъ*, **Radomirъ*, **Ratislavъ*, **Ratimirъ* и др.), причем второе — *Раха* — явно вторичный морфологический вариант от *Рахъ*, оформленный по женскому роду. Новг. бер. гр. № 863 (20—30-х гг. XII в.) дает производное личн. *Раховичь*: «...а у Раховица дъвѣ дѣжѣ молодого» — ‘а у Раховича две кади солода’ [Зализняк 2004: 286—287]. В Ипатьевской летописи (с. 584) указан «сынъ боярскій Михайловичъ именемъ *Рахъ*» из Владимирско-Волынского княжества,

1281 г. [Туп. СДЛСИ: 335], этот факт дополняется др.-чеш. личн. *Rach* [Svoboda 1964: 293], др.-болг. *Pax, Paxo* [Заим. БИ: 190], серб. *Paxo, Paxa* [Грк. РЛИКС: 171]. Праслав. личн. **Raxъ* настолько обособилось от породивших его имен, что само по себе дало целый букет дериватов. Так, наряду с др.-новг. патронимом *Раховичь* исследователями славянской антропонимии приводились чеш. личн. *Rachovec, Rachut*, серб. *Рахут*, новообразованный композит *Рахослав*, болг. *Рахно, Рахин, Рахил*, а с близким морфом *-ш-* — имена *Раш, Рашо, Рашун, Рашан* и др.

На новгородской территории нашло письменное отражение произведенное от *Рахъ* личн. *Рашко* в бер. в № 478 (40-е — нач. 50-х гг. XIV в.) [Зализняк 2004: 566], которое лежит в основе новгородской ойконимии **Рашково** дер. Велильской вол. Дер. пят. конца XV — сер. XVI вв. [НПК II: 759; ПКНЗ 5: 372], **Рашки** дер. в Вельевском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 213] и прослеживается по средневековым источникам на иных славянских территориях: Прокоп *Рашко* XVI в. [Туп. СДЛСИ: 336], польск. личн. *Raszko* [Taszycki 1925: 48] (и геогр. *Raszkowo, Raszków, Raszyn* в Польше [Nieckula 1971: 171; Rospond 1984: 325]), чеш. *Rašek, Raška* [Svoboda 1964: 150, 293] (и геогр. *Raškov, Raškovice, Rašov, Rašovice* в Чехии [Hosák, Šrámek MJMS II: 364—365]), в области древних и современных лужичан личн. *Raš, Rašek, Rašyk* и геогр. *Raszków* [Schlimpert 1978: 115; Мука: 89], у болгар *Рашко* [Заимов БИ: 191], у сербов *Рашко, Рашкович* [Грк. РЛИКС: 172; Мор. СИ: 167]. Старописьменные названия дер. **Рахнов** Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 117], **Рахново** дер. Велильской вол. Дер. пят. около 1495 г. [ПКНЗ 5: 375] отсылают к вариантному личн. *Рахъно*, ср. болг. *Рахно* [Заим. БИ: 190].

В целом восточнославянские ойконимы на базе личн. *Рахъ, Рашько* (геогр. *Рахово, Рахов, Раховичи, Рашков, Рашковичи* и др.) довольно многочисленны. Вне новгородской территории они преимущественно группируются на Украине (Галиция, Киевская губ., Подолия), в Белоруссии (Минская, Гродненская губ.), единичны в западнорусских областях (смоленск. *Рахово* к западу от Смоленска, псковск. *Рахово* недалеко от Опочки, орловск. *Рашкова* дер. у Болхова); наиболее отдаленными к востоку являются геогр. *Рашково* — пункты в районе Вельевонска и Рыбинска, *Рашкин* пог. (сегодня — село *Рашкино*) в районе Торжка. В отдельных случаях можно ожидать смешения с ойконимией от иных основ, ср. *Раховец*, но вар. *Роховец*, под Новогрудком Минской губ. Реже встречаются параллели к новг. *Рахино* (к вариантному *Раха*): это *Rachin (Rachynia)* дер. и немецкая колония в Галиции, *Рахинка* слобода в Царевском у. Астраханской губ. (материал по [Vasm. RGN VII 3: 545, 547, 550]).

Росткина, реке *Ростокина*, древняя ул. на Софийской стороне Новгорода [НЛ: 37, 46, 58, 88, 246, 334]. Новг. 1-я летопись [НПЛ: 388, 399] под 1396 г. указывает эту улицу косвенно, через наименование монастыря: «Сгорѣ церкви святыи Иоанъ в *Росткинѣ* манастырѣ, и иконы и книги сгорѣша», затем под 1406 г. Название сводится к личн. *Ростька, -о/Ростька, -о* — это либо усеченно-суффиксальное имя на базе др.-рус. *Ростиславъ* (или иных композитов с начальным *Rosti* < **Orsti-*),

либо суффиксальное имя, восходящее к апеллятиву. Ср. максимально близкие к нему личн. *Ростко* (крестьянин в Дер. пят. около 1495 г.), *Росток* [Туп. СРЛСИ: 339], др.-чеш. *Rostek* [Svoboda 1964: 295], др.-серб. *Растко*, *Раско* [Грк. РЛИКС: 170—171], а в иной суффиксации др.-новг. личн. *Ростила* из торжковской бер. гр. 8 сер. 80-х — конца 90-х гг. XII в., очевидно, и личн. *Ростихъ* из новг. бер. гр. № 160 сер. 10-х — 50-е гг. XII в. [Зализняк 2004: 299, 451]. Старописьменными ойконимическими соответствиями в регионе Новгородской земли выступают, быть может, **Роскино** в Богородицком Рыбенском пог. 1571 г. и **Росково** в Околорусье 1539 г. [НПК VI: 700; IV: 364] с предполагаемой утратой *т* (из **Росткино*, **Ростково*; ср., однако, не менее значимые для данного случая др.-чеш. личн. *Rosek*, *Rosa*, *Ros*, которые Я. Свобода и В. Шмилауер [Svoboda, Šmilauer 1960: 593] тоже связывают с *Rostislav*). За пределами Новгородской земли важно привлечь к сравнению блр. ойконимы *Ростков* ус. близ Гомеля, *Ростково* дер. и село в окрестностях гор. Горки на Могилевщине. Чаше встречаются ойконимы от бессуффиксного личн. *Ростъ* (ср. хорв. личн. *Rost* [LPSRH: 566]), среди которых новг. геогр. **Ростово** дер. на р. Хотынка Луж. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 2256], гор. *Ростов* в Ярославской обл., упоминаемый с IX в., и др.; часть этих ойконимов достаточно позднего происхождения, судя по рассеянному, собственно русскому (Центр, Поволжье) ареалу, см. материалы [Vasm. RGN VII 3: 658], ср. также гидроним *Ростов* в Сербии [Павл. XC].

Колебание родовой характеристики базовых антропонимов (не только *Росткина*/*Ростокина*, но и *Ростово*, *Росково* (< **Ростково*)), похоже, имеет отношение к колебанию рода у созвучных лексем; ср. новг. диал. *рост* и *роста́* ‘росток’ [НОС 9: 151], *росток* и смол. диал. *ростка́* ‘веточка, отросток’ [СРНГ 35: 198]. Вариантность *Рост(ъ)кина*/*Ростокина* названия новгородской улицы явно обусловлена смешением с созвучной, но этимологически иной основой *росток-* (: *растечь(ся)*), с которой связаны прозвания Якуш *Ростока*, Кондратко *Ростокин* крестьян в Сакульском пог. Вод. пят. 1539, 1568 гг. [Кюршунова 2010: 465] наряду с диал. *расто́ка* ‘расставание, разлука, прощание’ (Курск.) [СРНГ 34: 260]. Эту, вторую, основу показывают, кроме того, геогр. *Ростокино* бывшего села, упоминаемого с 1447 г., а ныне поглощенного Северо-Восточным административным округом Москвы [Поспелов 1999: 171], и новг. **Ростоково** дер. Ручьевского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 391] (= *Настаскина* дер. Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 251]).

Рохново — несколько пунктов в средневековой Новгородской земле: дер. в Михайловском пог. в Тростных Беж. пят. 1545 г., поч. в Снежском пог. Шел. пят. 1539 г. и сц. в Млевском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 132; IV: 327; VI: 173], дер. в Михайловском Сакульском пог. Вод. пят. около 1500 г. [ПКВод 12: 33]; далее **Рохновщина** дер. «пуста» в Щепецком пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 445], **Рохновщина** пожня под Ивангородом 1570/71 г. [ПКНЗ 6: 143]. Сходную антропонимическую базу показывают **Рошково** дер. в пог. Богородицком на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 853], **Рошково** дер. в Холм. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 13991].

Перечисленная ойконимия связана с именами, усеченными из полных с начальным слогом *Ро-* (к примеру, из др.-слав. *Ростиславъ*, *Родиславъ* или христ. *Родионъ*, *Романъ*) и дополненных сложными суфф. *-хъно*, *-шько*. Ср. имена крестьян: Гришка *Рохнов* в Щепецком пог. 1571 г. (кстати, в этом же погосте значится и дер. *Рохновицина!*), *Рохно* Кашин и Федка *Рохнов* в Пажеревицком пог. Шел. пят. под 1539 г. [НПК IV: 398; V: 467], *Рохно* Васьков в Куйвошском пог. Вод. пят. под 1500 г. [ПКВод 11: 159], а также др.-новг. личн. *Рохъ* в бер. гр. № 610 (60—80-е гг. XIV в.) [Зализняк 2004: 571], *Рох*, *Рошко* в Архивах Юго-Западной России 1-й пол. XVII в. [Туп. СДЛСИ: 339], древние польск., чеш., луж. *Roch*, чеш. *Rochna*, *Rochnes*, луж., польск., чеш. *Roř*, польск. *Roszek*, н.-луж. *Rořk*, в.-луж. *Róřka*, серб. *Pořko*; см.: [Schlimpert 1978: 119—120; SSNO IV: 468; Svoboda 1964: 32, 149, 294, 295; Грк. РЛИКС: 174]. Гипокористики, производные от христ. *Родионъ*, *Родиш*, *Романъ*, следует считать сравнительно поздними, те же, которые соотносятся с др.-слав. именами, получили меньшую популярность, особенно на юге славянства, чем личн. *Рахъ*, *Рахъно*, *Рашько*, и мотивированная ими топонимия не столь частотна.

Кроме перечисленных новгородских названий, есть геогр. *Рохново* дер. в Сержской переваре средневековой Торопецкой земли 1540/41 г. [ПKNЗ 4: 626], *Рохово* дер. Ростовского у. Ярославской губ., блр. *Роховец* дер. на р. *Роховляк* на Могилевщине неподалеку от Мстиславля, *Рохново* дер. на р. Вяльица Невельского у. Витебской губ., *Рохновский Починок* и *Рохновско-Чуркинская* — близлежащие пункты в окрестностях Сольвычегодска на Вологодчине, *Roszki* село в окрестностях Равы Русской в Галиции, севернее Львова, *Roszkowies* хут. в районе Волковыска Гродненской губ., *Rořkowce* дер. на территории Словакии [Vasm. RGN VII 3: 664], *Roszkowo* — несколько сел в разных поветах Польши (Яроцин, Равич, Рыпин, Сьрода) [Neckula 1971: 174], *Roskow* (под 1186 г. — *Roschouwe*) неподалеку от Бранденбурга в Германии [Schlimpert 1978: 120].

Ойконим *Рошково* дер. в вол. Пирос Дер. пят. 1496 г. [ПKNЗ 1: 44] скорее возводится к иной основе (*Рошково* / *Рогово*); ср. на месте средневековой деревни «пустошь *Рогово*, ручья Чистяковского на правом берегу и по обе его стороны» в материалах межевания 1780-х гг. и позднее, по МОЗУ 1914 г. — пуст. *Рошкова* / *Рогова* в Хоромской вол. Бор. у. [КГарн].

Рядятино дер. в вол. Чайковичи Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 225] и *Рядятина* древняя ул. в Новгороде на Софийской стороне, именовавшаяся иногда также *Радятина*, *Редятина*, *Рядитина*. Первое упоминание улицы датируется 1211 г.: «Загорѣся на *Радятинѣ* улицы и сѣгорѣ дворовѣ 4000 и 300, а церквии 15» в Син. сп. Новг. 1-й летописи (по Ком. сп.: «...на *Радятинѣ* улицы») [НПЛ: 52, 250], о других упоминаниях см. [НЛ: 15, 34, 75, 82, 87, 201, 236].

Оба названия восходят к личн. *Рядята* (с корневым элементом **ręd-* ‘ряд, порядок’, который проявляется еще в др.-новг. личн. *Рядко* 1225 г., *Рядик*, крестьянин в Вод. пят. 1500 г. [Туп. СДЛСИ: 347], и в композитах типа др.-чеш. личн. *Rědhost*, *Řědivoj*), нежели к личн. *Радята*, отражающему иной элемент **rad-*. Эти созвучные имена были знакомы древним новгородцам. См. в бер. гр. № 568 сер. 40-х — 70-е гг.

XIV в.: «у Кузмѣ у *Рядятина*», наряду с персонажем *Радята* в грамотах № 879, 799, 935 2-й пол. XII — нач. XIII в. с усадьбы Е Троицкого раскопа (полагают, что он одно и то же лицо) [Зализняк 2004: 368—369, 408]; ср. также отчество *Рядятиничь* новгородского боярина, убитого в 1268 г. [НПЛ: 86, 316]⁸. Вариантность геогр. *Рядятина/Радятина* отражает пересечение личных имен, благодаря их созвучию, причем основа *Рад-*, будучи более функциональной, могла вытеснять *Ряд-*; ср. колебания геогр. *Рядбуж/Радбуж* при исходном личн. **Рядобудь* (см.).

Славково дер. Коломенского пог. Дер. пят. около 1495 г. и дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК I: 94; IV: 207]. Кроме того, поздние и современные списки селений отмечают дер. **Славково** на р. Воложке в Большегорской вол. Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII: 20—21] (сегодня — дер. Борск. Бокс.), дер. **Славково** на р. Лынна в Н-Ладож. у. XIX в. [СНМРИ 37: № 3068] (сегодня — дер. Усадищенск. Волх.) и дер. **Славково** неподалеку от Бежецка (сегодня — дер. Моркино-Горск. Беж.). Но особенно много исторических сообщений о древней ул. **Славкова** на Торговой стороне Новгорода [НПЛ: 83, 97, 311, 340, 377—379, 397, 458; НЛ: 36, 37, 64, 70, 81, 92, 112, 243, 252, 312, 351], впервые упомянутой в летописи под 1261 г.: «...на *Славковѣ* улицы сгорѣ церкви святого Дмитрия, а дворовъ добрыхъ 50» [НПЛ: 83].

Топонимы возводятся к личн. *Славъко*, ранее распространенному по всему славянскому миру: ст.-укр. *Славко* по переписным книгам 1666 г. [Демчук 1988: 82], *Slavek*, *Slavko* у древних полабских, поморских, лужицких и альпийских славян [Schlimpert 1978: 126—127; Kronsteiner 1981: 212], др.-польск. *Slawek*, *Slawko* [Taszycki 1925: 51] и геогр. *Slawkowo*, *Slawków* в Польше [Niekula 1971: 189], др.-чеш. *Slávek* [Svoboda 1964: 108] и геогр. *Slavkovo*, *Slavkov*, *Slavkovice* в Чехии [Prof. MJ IV: 96; Hošák, Šrámek MJMS II: 460—461], болг., серб. личн. *Славко* [Заим. БИ: 200; Грк. РЛИКС: 180]. Личн. *Славъко* либо соотносится с др.-слав. **Slavoborъ*, **Slavoněgъ* и т. п. (вряд ли к типу **Žirolavъ*, **Dobroslavъ*, ибо, как установлено, в др.-новг. диалекте «почти всегда (...) отбрасывалась только конечная часть» имен [НГБ 1977—1983: 148—149]), либо образовано (при помощи уменьш. суффикса) от личн. *Слава* (= апел. *слава*). Помимо перечисленных выше новгородских параллелей, ср. еще пск. геогр. *Славковичи* пог. на р. Черехе Псковского у. (сейчас — пос. *Славковичи* в Порх. р-не) + дер. в окрестностях Бобруйска Минской губ., *Славково* хут. под гор. Слоним Гродненской губ. + дер. под Слуцком Минской губ. + дер. близ Дорогобужа Смоленской губ. + дер. Звенигородского у. Московской губ., *Славков* трижды в Волынской губ., *Славковские* хут. Полтавской губ., *Slavkovce* дер. в Словакии (материалы из [Vasm. RGN VIII 2: 331]), гидронимы *Славковица*, *Славковичка* в Сербии [Павл. XC].

⁸ Архимандрит Макарий полагал, что «название Редятины или Рядитины улицы (...) едва ли не происходит от посадника Никифора Редятина, убитого в 1268 году в битве с ливонцами при Раковоре» [Макарий 1860: 166—167].

Теребуново дер. Боровенковск. Ок., ранее — село Заозерской вол. Кр. у. при оз. *Теребуновском* [СНМНГ IV: 20—21], по спискам селений 1-й пол. XIX в. — пог. *Теребунов* с одной церковью в Кр. у., по карте 1-й пол. XIX в. [КШуб] — пог. *Теребуновский*. По писцовым книгам Дер. пят. конца XV — 1-й пол. XVI в. числится как сц. *Теребуново* с церковью Великий Егорий при оз. *Теребуново*, центр *Теребуновского* пог. Дер. пят. [НПК II: 115, 127, 128, 132—142; ПКНЗ 4: 134, 386, 439, 441—443, 446, 452; 5: 58, 59, 183—185], появившийся, надо полагать, в раннедревнерусскую эпоху⁹.

Ойконим образован от архаического имени-прозвища *Теребунь*. Ср. в Чехии село *Trěboj* (ранее — *Triebun*, 1284 г.): по мнению исследователей, — это йотово-посессивное производное от др.-чеш. личн. *Trěbún* [Prof. MJ IV: 365; Rospond 1983: 140; Šmilauer, Svoboda 1960: 618]; А. Профоус предполагает деантропонимное образование также для польск. геогр. *Trzebuń*, полаб. *Trebun* [Prof. MJ IV: 365]. Й. Заимов обнаруживает личн. *Требун* в др.-болг. источниках до IX в. [Заим. БИ: 223], а в Архиве Юго-Западной России отражено ст.-укр. личн. *Теребунец*, каневский драб 1552 г. [Туп. СДЛСИ: 390]. Есть еще новгородские ойконимы **Теребуни** дер. Вшельск. Сол. (ранее — дер. 3-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 124]) и **Теребуня** дер. Хваловск. Волх., которые по средневековой документации не идентифицированы и остаются известны, к сожалению, лишь из поздних материалов. Они тоже могут трактоваться на базе личн. *Теребунь* либо (что более вероятно) относятся к классу распространенных деапеллятивных образований от **terb-* при помощи суф. *-un'a*, ср. др.-рус. *теребунти* ‘расчищать (лес под пашню)’. Похоже, единственная фиксация средневековой дер. **Терехуни** Косицкого пог. Шел. пят. 1501 г. [НПК V: 349] являет собой не что иное, как искаженную передачу топонимической формы **Теребуни* (эта же писцовая книга 1501 г. описывает в Косицком пог. вместе с дер. *Терехуни* еще и такие пункты, как дер. **Теребце**, **Теребеж**, **Теребино**, селище **Теребуццо** [Там же: 348, 349]). Ср. еще укр. *Теребуня* оз. и *Теребуни* луг, оба в Ровенской обл., а также польск. *Trzebunia*, *Trzebuńka*, pp. бассейнов Вислы и Одера; по [Шульгач 1998: 292].

Весьма вероятно деривационная трактовка др.-слав. личн. *Теребунь* как помен *agentis* с суф. *-unъ* от глагола **terbiti* ‘расчищать, чистить’, семантически — ‘кто расчищает лес под пашню’. Но вместе с тем данное имя может быть отнесено к ряду многочисленных и некогда очень популярных, особенно у западных славян, имен от корня **terb-* ‘быть нужным, необходимым’. Антропонимические композиты с компонентом *Тереб-* безусловно были знакомы славянам, заселявшим бассейн Ильменя (см. геогр. *Теребовижа*, *Теребонижье*, там же дан обширный инославян-

⁹ О древности селения или по крайней мере о давней освоенности местной округи свидетельствует множество археологических достопримечательностей в окрестностях Теребуново: группа сопок высотой до 10 м, два жальника, два селища, гранитный валун с вырубленным изображением креста на верхнем склоне холма возле истока р. Волмы в 1,3 км севернее деревни [ПИКНО: 167—168; АПНО II: 28].

ский материал), но явно использовались также гипокористические или образованные от корня при помощи разных суффиксов простые имена. В этом отношении контекст ойкониму *Теребуново* составляют, по-видимому, новг. геогр. **Тереболево**, **Тереболя** — пункты соответственно Дремяцкого и Илеменского пог. Шел. пят. 1498 и 1571 гг. [НПК V: 167, 492], к которым добавляется блр. геогр. *Тереболь* сел. под Мозырем и Слуцком [Vasm. RGN IX 1: 58]. Эти названия, вероятно, исходные йотовые посесивы, скорее всего мотивированы личн. *Тереболь*, -я; ср. с -l-суффиксацией тождественные или максимально близкие польск. личн. *Trzebala*, *Trzebiel*, *Trzebol* [SSNO V: 479; Schlimpert 1978: 147] (и польск. геогр. *Trzebiel*, *Trzebielino* [Rospond 1984: 400]), личн. *Trebl*, *Trebla* у древних полабских и поморских славян [Schlimpert 1978: 147], личн. *Trebel*, известное по письменности альпийских славян IX в. [Kronsteiner 1981: 211] (и геогр. *Trebeljévo* в Словении [Snoj ESSZI: 435]), н.-луж. *Třbal*, *Trěbal* [Мукa: 105], др.-чеш. *Třebel* [Svoboda 1964: 169] (и чеш. геогр. *Třebelovice*, по [Hosák, Šrámek MJMS II: 610]), *Требел*, *Требло* из др.-болг. источников [Заим. БИ: 223], соотносимые с болг. геогр. *Требла* [Заимов 1973: 167]. Новг. геогр. **Теребякино** дер. Дегожского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V: 362] ведет к личн. **Теребяка*; ср. с -k-суффиксацией др.-польск. личн. *Trzebek*, *Trzebko* [SSNO V: 477], др.-чеш. *Třebak*, *Třebek* [Svoboda 1964: 132, 135], н.-луж. *Třebik*, *Trěbik* [Мукa: 105], древнее альпослав. *Trěbak* [Kronsteiner 1981: 211].

Тем не менее, при анализе подобных географических названий необходимо быть предельно осторожным ввиду того, что основа *тереб-* в значении ‘расчищать лес под пашню’ широко отложилась в топонимии Русского Северо-Запада (как и на Русском Севере, в Поочье, на Украине и в других регионах), маркирующей участки подсечного земледелия. Так, в новгородских говорах до сих пор используют словосочетание *теребёное место* — ‘место, расчищенное, очищенное от леса, кустов’ [НОС 11: 33], а кое-где в Псковской обл. еще совсем недавно старики знали термин *терёб* и помнили приемы предварительной обработки земли, связанной с этим термином [Попов 1981: 194]. Поэтому, скажем, трактовка старописьменных геогр. **Теребышино** дер. Опоцкого пог. Шел. пят. 1575 г. [НПК V: 685, 689] (которая, кстати сказать, была соотнесена с дер. *Требутищи*, вар. *Теребутища* 1498 г. в этом же погосте [НПК IV: 176, 177], см. [Андрияшев 1914: 423]), **Теребышово** пожня в Грузинском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 448], **Теребушино** дер. в Паозерье 1498 г. [НПК IV: 7], **Теребешев** дер. Холовского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 429] (= *Теребушова* дер. Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 288], совр. *Теребушево* / *Теребушово* дер. Винск. Кр.) в известной мере двусмысленна. С одной стороны, у западных славян были в ходу (и отчасти используются до сих пор) личные имена от **terb-* с -š-суффиксацией: др.-польск. *Trzebosz* [SSNO V: 480], полаб.-помор., др.-луж. *Trebuš*, *Trěbiš*, н.-луж. *Trěboš*, *Trěbuš* [Schlimpert 1978: 147—148; Мукa: 105], личн. *Trěbeš*, *Trěbišiny* у древних альпийских славян [Kronsteiner 1981: 211]; с другой стороны, суф. -уш-, -ыш-, -ош- у восточных славян часто характеризуют бесспорно деапеллятивные топонимы

(ср. хотя бы новг. микропонимы *Горбуша*, *Крутуша* [НОС 2: 39; 4: 158]). Недаром обнаруживаются среди топонимии на *Тереб-* с суфф. *-уш-*, *-ыш-*, *-ош-* такие названия, как *Теребушка Бесѣда* сц. Никольского Ястребинского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 763, 790] (= совр. дер. *Теребушка* Шумск. Кир.) или *Теребоша*, иначе *Теребош*, дер. Влажинского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 655] (= ? совр. дер. *Теребуша* Зайцевск. Кр.), которые не осложнены притяжательной *-ов/-ев-*, *-ин*-суффиксацией, регулярно отсылающей к исходной антропонимии (правда, такая суффиксация иногда присутствует и в названиях, основанных на апеллятивах). В целом же, безусловно, большинство топонимии на *Тереб-* имеет прямое отношение к участкам «теребления» — таковы, скажем, названия с суффиксами *-ан-*, *-он-*, *-ун-*, *-ын-*, *-ен-*, *-еж-*, *-ут-*ицы: новг. *Теребань*, *Теребня*, *Теребони*, *Теребуни*, *Теребут*, *Теребыни*, *Теребень*, *Теребина*, *Теребино*, *Теребеж*, *Теребутицы* и др., весьма многочисленные по старописьменной документации и по современным материалам. Кроме того, архаические деантропонимные названия от **terb-* порой вторично сближались, смешивались с деапеллятивными, возникавшими на протяжении всего средневековья, иногда модифицировались под их влиянием, поэтому формальные критерии в данном случае не всегда достаточны для разграничения двух этимологических типов.

Хотимово дер. в Ясеновичском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 47] (= пуст. *Хотимова* Вышн. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 305]) и *Хотмово* дер. Дмитриевского Гдицкого пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 63], = пуст. *Хоткова* по Ген. меж. 1788 г. [Селин 2003: 115]. В списках селений XIX-го и нач. XX-го в. об этих пунктах уже нет никаких сведений. Ойконимы обусловлены др.-слав. личными именами, которые удостоверяются прямыми фиксациями XIV—XVI вв.; ср. ст.-укр. личн. *Chotim*, *Chotimko*, патроним *Chotimkowicz* из описей сер. XVI в. [Демчук 1988: 86—87], др.-чеш. *Chotim* [Svoboda 1964: 270], др.-польск. *Chocimka*, *Chotymka*, патроним *Chotumin* [SSNO I: 322, 335, 336].

Новг. *Хотимово*, *Хотмово* находят много топосоответствий, преимущественно йотово-посессивных. На изучаемой новгородской территории нужно указать старописьменное название оз. *Хотѣмле* во владыченской вол. Удомля в Беж. пят. под 1409 и 1551 гг. (рядом перечислены оз. Деменец, Удомле, Родеж, Сиюче и др.) [ПКНЗ 1: 211; НПК IV: 645], а у юго-западной границы области новгородских пятин лежат дер. и ус. *Хотимля* на р. Кунья, п. пр. Ловати, в бывшем Холм. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 14996, 14997] (сегодня дер. *Хотимля* входит в Тор. р-н). Южнее, на Смоленской земле, есть *Хотимля* дер. на р. Созь западнее Смоленска. Перечислю далее несколько близлежащих пунктов: *Хотимль*, *Хотимль Верхний*, *Хотимль Нижний*, *Хотимль Высшая*, *Хотимская Плата*, там же р. *Хотимль (Хотемль)*, л. пр. Усожи басс. Сейма, — все в окрестностях гор. Фатеж Курской губ. В Верхнем Поочье есть еще *Хотимль (Хотим, Хотым)*, дер. в Карачевском у. Орловской губ., смежная с р. *Хотимль (Хотымль)* среди правых притоков Жиздры; в Среднем левобережном Поочье рч. *Хотемка (Хочемка, Кочемка)* среди притоков Каширки к югу от Москвы и дер. *Хотимль* на р. Тезе в

Ковровском у. Владимирской губ. В Белоруссии известны: *Хотемля* сел. неподалеку от Витебска и *Хотимичи* дер. и ус. на р. Свольно в Дрисском у. Витебской губ., *Хотемка* дер. на руч. Серебрянка в окрестностях Могилева и там же на Могилевщине еще несколько «сходноименных» пунктов: *Хотомье* ус., *Хотемча* дер. на рч. Ректа Климовичского у. (: к суффиксальному личн. *Хотъмько/Хотимько*), *Хотимск* дер. + два хутора на р. Беседь в окрестностях гор. Чериков, *Хотомле* дер. неподалеку от Пинска Минской губ., *Хотомля* слобода на р. Северский Донец в Волчанском у. неподалеку от Харькова и *Хотомля* п. пр. Днепра, *Хочемля* п. пр. Узы, п. пр. Днепра (по материалам: [Vasm. RGN IX 3: 529—533; Смол. ГБО: 34, 100; Яценко 1974: 106; Топоров, Трубачев 1962: 222]). По крайней мере четыре йотово-посессивных топонима на базе зап.-слав. личн. *Chotimъ* в языке древних полабских и лужицких славян прикреплены к территории Восточной Германии (на острове Узедом в Балтийском море и в окрестностях гор. Шверин, Торгау, Ерихов), еще столько же зафиксированы в западной и центральной частях Польши (неподалеку от пунктов Могильно, Турек и Стшельце-Краенске); эти факты дополняются ойконимами *Chotum* (: личн. *Chotomъ*) и *Chociemino* (упомянуто под 1232 г., сегодня — сел. *Koźmin*) в центре и *Chocimów* на юго-востоке Польши; есть еще геогр. *Chotěmice* сел. в Чехии (по: [Rospond 1983: 56; Neckula 1971: 44, 252; Prof. MJ II: 38]).

Изложенные топонимические факты, рассредоточенные на старых землях восточных славян (Новгородская земля, Верхнее Поднепровье, Поочье) и на западе Славии, обрисовывают принадлежность исходной антропонимии к севернославянскому ареалу. Наличие большого числа йотово-посессивных образований, пожалуй, указывает на повышенную функциональность мотивирующих личных имен, особенно личн. *Хотимъ*, прежде всего в ранний период (до XIV в.). Вопреки С. Роспнду, рассматривавшему *Хотимъ* как партиципальное имя (с суф. *-im-*) [Rospond 1983: 56], целесообразнее вслед за В. Ташицким и Я. Свободой видеть в нем усечение антропонимического композита. Об этом свидетельствует, в частности, явно унаследованная от полных имен вариантность топооснов (бывших антропооснов), наблюдаемая в топонимии *Хотимль*, *Хотъмле*, *Хотомля*, *Хочемля*, *Хотмово*. Эти названия, отсылающие к гипокористикам, безусловно повторяют мену гласных на стыке основ, характерную для соотносимых с такими гипокористиками письменно удостоверяемых антропонимов-композитов *Хотимирь/Хотъмирь/Хотомирь/Хочемирь/Хотмирь* (полнее об этих антропонимах см. при анализе *Хотмировичи*, *Хотъмрицы*).

Чернигово дер. на рч. Каменка Астриловской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 14—15], = *Чернигова* дер. на Генеральном плане Ст-Рус. у. 1788 г. Позднее 1-й пол. XX в. справочниками уже не фиксируется, как, впрочем, не удалось обнаружить деревню с таким названием и в новгородской писцовой документации. Тем не менее, сам ойконим весьма древен, особенно если сравнить его с украинским *Черниговом*, упоминаемым в тексте договора Руси с греками под 907 г. Образован от личн. *Чьрнигъ*, от которого известны ст.-укр. и ст.-рус.

патронимы; ср. Туношко *Чорнигов* сын, винницкий мещанин 1552 г., Ивашко Фомин *Чернигов*, целовальник в Сибири 1652 г. [Туп. СДЛСИ: 821]. Топографические трактовки (см. [Роспнд 1972: 43—44]) о названии украинского гор. *Чернигов*: по реке **Чернига* или от апел. **чернига* ‘чернозем’) не убедительны. Личн. *Чьрнигь* (: др.-рус. *чьрнийи*) относится к ряду архаических антропонимов на суф. *-игь*, среди которых новгородскими памятниками письменности засвидетельствованы личн. *Смолигь* (бер. гр. № 603 XII в.), давшее новг. геогр. *Смолиговичи* (см.), личн. *Ясигь* из надписи № 128 на стене новгородской Софии (2-я пол. XI — 1-я пол. XII в.)¹⁰ [Медынцева 1978: 88]. Кроме того, по новг. геогр. *Кочигово* дер. Сеглинского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 425] (= *Качигова* пуст. Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 255]) надежно реконструируется личн. **Кочигь* тождественной структуры (корень, видимо, тот же, что в *кочка*, *кочан*, диал. *коч* ‘петух’, ср. геогр. *Кочебуж*, *Кочегоще*, см.)¹¹.

Эквивалентная восточнославянская топонимия содержит йотово-посессивные образования: *Черниж* дер. в Суздальском у. Владимирской губ. и *Черныж* сел. под гор. Луцк на Волини, а также образования с -ов-суффиксацией: *Чернигово* дер. на руч. *Черниговский* в Старицком у. Твер. губ. на южных окраинах бывшей Новгородской земли, *Черниговка* дер. Задонского у. Воронежской губ., стоящая на овраге *Чернигов* (который, очевидно, указан среди верхних левых притоков Оки между рр. Жиздрой и Угрой [Смол. ГБО: 37]), укр. *Черниговка Большая* и *Черниговка Малая* в окрестностях Овруча Волынской губ., *Czernigowska Polanica* в Галиции. Ряд топонимов, таких как *Черниговское* в Таврии, *Черниговский Шлюз* на р. Тихвинке и др., следует опустить, поскольку они по тем или иным причинам отражают общеизвестное название украинского гор. *Чернигов*. Очевидно, поздние модифицированные варианты архаического личн. *Чьрнигь* показывают еще геогр. *Чернягово* дер. в окрестностях Городка в Витебской губ., *Чернеги* и *Чернеговский*, села в Нолинском и Слободском у. Вятской губ., *Чернягино* дер. Островского у. Псковской губ. и *Весьегонского* у. Тверской губ., *Чернигино* недалеко от Твери (материалы по: [Vasm. RGN X 1: 98, 102, 122]).

Ярышово дер. Никольского Будковского пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 299]; *Ярышино* дер. пог. Богородицкого в Сопине Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1043]; *Ярышево*, иначе *Ершово*, дер. Большегорской вол. Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII:

¹⁰ К происхождению др.-новг. личн. *Ясигь* ср. чеш., словац. *jas* ‘блеск’, этимологически соотносимое с рус. *ясный*.

¹¹ Думается, к личным именам данной структуры относится и *Родиг*, которое в словаре А. В. Суперанской подается как вероятный вариант старого календарного (греч.) имени *Родий* [Суп. СРЛИ: 283]. Мне, в свою очередь, видится здесь раннеславянское антропонимическое образование: *Род-* (: др.-рус. *родь*, *родити*) с суф. *-игь*. С этим антропонимом смыкается старописьменное новг. *Родигино* дер. Коломенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 75] (= *Радьгина* пуст. Вышн. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 175]), производное от личн. **Родига* жен. морфологического рода (ср. вариантность личн. *Чьрнигь* и **Чьрнига*, давших, соответственно, геогр. *Чернигово* и *Чернигино*). Зафиксирована также фамилия *Родигин*, которую, однако, сопоставляют с христ. *Родион* [Унбегаун 1989: 77].

20—21] (исторических сведений нет); **Ярышева** ул. в Новгороде на Софийской стороне, известная по летописям с 1195 г. [НПЛ: 41, 233, 371; НЛ: 11, 238].

Названия восходят к употребительному скорее только в древних говорах Новгородской земли личн. *Ярышь* (: **jar-* — ‘буйный, ярый’), которое зафиксировали несколько грамот на бересте: № 449 последней четверти XII в. (в составе притяжательного прилагательного Род. мн. *Ярышевь*), № 348 40—70-х гг. XIII в. и смоленская бер. гр. 9 конца XII — нач. XIII в. [Зализняк 2004: 822], сюда же отчество новгородца Ивана Ярышевича под 1217 и 1224 гг. [НПЛ: 57, 64, 258, 268]. Использовалось это имя в Новгороде и позднее; ср. *Ярыш* — сын повара Молявы, казненный в опричнине в 1569 г. [Вес. Он.: 382], совр. новг. фамилии *Ярыш*, *Ярышев*. Из похожих зап.-слав. антропонимических фактов имеются ст.-укр. *Ярош*, нередкое по документации XV—XVI вв. [Демчук 1988: 91], польск. личн. *Jarosz* [SSNO II: 448], чеш. *Jaroš* [Svoboda 1964: 55], луж. *Jaroš* и особенно *Jariš*, *Jarš* у верхних лужичан [Schlimpert 1978: 55]. Вне новгородской территории геогр. *Ярышево*, *Ерышево*, *Ярышевка*, *Ярышев* встречаются отдельными рассеянными точками от украинской Галиции вплоть до Среднего Поволжья и Перми [Vasm. RGN III 2: 243; X 3: 560]. Сюда же еще польск. геогр. *Jaryszewo*, *Jaroszyn*, *Jaruszyn* сел. [Niecukla 1971: 92, 267; Miklosich 1927: 189].

Отдельно рассмотрю еще несколько названий, которые производны от личных имен, письменно не прослеженных, но весьма интересных своей архаической структурой.

Быстреево пог. в Гд. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 1580], по карте Шуберта 1-й пол. XIX в. [КШуб] — пог. *Быстреевской* при р. Люте, л. пр. Плюссы, современных сведений по этому пункту нет. Известно с конца XV в. как центр средневекового Быстрѣвского пог. Шел. пят., описание которого дано в [НПК IV: 102; V, 11, 12, 132—136, 314, 315, 332, 335, 472—490]. В основе названия этого средневекового территориального центра — личн. **Быстрѣи*, которое, судя по немногочисленным топонимическим следам, использовалось только древними восточными славянами. На Новгородской земле с данным антропонимом связаны также старописьменные геогр. **Быстреиково Большое** и *Быстреиково Меньшее*, смежные дер. в Щирском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 103]: к личн. **Быстрѣико*, уменьш. от **Быстрѣи*. Это имя — дериват от **bystrъ(jь)*, др.-рус. *быстрыи*, относится к разряду отадъективных *nomina agentis* с суф. *-ějъ*, о которых [Sławski ZSP I: 86—87]. Однако не менее вероятной остается возможность антропонимизации сравнительной степени **bystrějъ*; в рамках такой трактовки антропоним находит семантико-деривационную аналогию (‘быстрейший’) в чеш. личн. *Skořej*, серб. *Брzej*. Серию личных имен аналогичной структуры продолжают личн. *Hoděj*, *Milěj*, *Myslěj*, *Prostěj*, *Raděj*, *Uněj*, *Černěj*, *Jařej*, — все они преимущественно отмечены по др.-чеш. источникам [Miklosich 1927: 6]. Из топонимии, помимо новг. *Быстреево*, *Быстреиково*, ср. еще геогр. *Быстреева* дер. на р. Исаковка Соликамского у. Пермской губ., *Быстриевка* хут. неподалеку от гор. Радомысль Киевской губ. и дер. на р. Россасенка в окрестностях гор. Горки к северо-востоку от Могилева [Vasm. RGN I 3: 617].

Елигово дер. Беж. пят. 1564 г. в пог. Волок Держков [НПК V: 977] (в нач. XX в. это был пункт Десятопятницкой вол. Бор. у. на Тихвинском тракте [СНМНГ VI: 30—31], сейчас — дер. *Елигово* Волокск. Бор.); **Ялигово** дер. Сеглинского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 475], = *Елигово* пуст. Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 258]. Атрибуция образовавшего эти названия личн. **Елигь* не вполне понятна, однако ясно, что данный реконструкт принадлежит к разряду равноструктурных древних имен на -игь: *Смолигь*, *Чьрнигь*, *Ясигь*, **Кочигь* и др. (подр. см. при анализе *Чернигово*). Проблему новг. *Ялигово*, *Елигово* отчасти проясняет польская топонимическая параллель: геогр. *Jeligowo* (*Jaligów*) сел. в повете Косцын. Разнобой исторических вариантов в парадигме польского ойконима (*Jaligow* 1250 г., *Geligowo* 1393 г., *Nyeligowo* 1425 г., *Ielygowo* 1435 г.) скорее свидетельствует о неславянском характере исходного личн. **Jeligь* (или **Jaligь*), который рассматривался в качестве подвергшегося ассимиляции нем. личн. *Ehlig* или *Helwig*, см. [Nieskula 1971: 89]¹².

Иной, суффиксально переоформленный и, вероятно, гипокористический вариант этого же антропонима — **Елякъ* / **Елекъ*, — репрезентирован названием дер. **Елеково** Железковск. Бор., которая тоже прикреплена к Среднему Помостью и стоит неподалеку от дер. *Елигово* и *Ялигово*. В нач. XX в. деревня именовалась *Еляково* и числилась в Ровенской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 106—107], по материалам Ген. меж. конца XVIII в. — *Еликово* [ИАДП I: 116], впервые же упоминается под 1495/96 г. как дер. *Елякова* в дворцовой вол. Крупой в Боровицком у. Дер. пят. [ПКНЗ I: 49]. Кроме того, в число межтерриториальных соответствий рассматриваемой ойконимии следует включить геогр. *Елегино* дер. на р. Матвеевка Буйского у. Костромской губ. [Vasm. RGN III 1: 196].

Пилятино дер. Яжелбицкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 801]. Ойконим образован от др.-рус. личн. **Пилята*. Топонимические соответствия сравнительно многочисленны на старых восточнославянских землях за пределами новгородской территории: геогр. *Пилятинъ* для древнего гор. в Переяславской земле, известного по Лаврентьевской летописи с 1154 г. [ПСРЛ I: 342] (= совр. гор. *Пилятин*, или *Пырятин*, Полтавщина), *Пилятин*, или *Перятин*, дер. Суражского у. Черниговской губ. + села близ гор. Дубно на Волыни и Равы Русской в Галиции, *Пилятина* дер. на р. Вазуза Сычевского у. Смоленской губ., *Пилятиница* — две дер. Городецкого у. Витебской губ., *Пилятино* дер. на р. Угра Ельнинского у. Смоленской губ. + дер. на р. Шача Буйского у. Костромской губ., *Пилятинская* дер. на р. Устья Вельского у. Волынской губ., *Пилятиницина* хут. в Гадячском у. Полтавской губ., *Пилятинка* (*Пырятинка*) дер. на руч. Черная Грязь Карачевского у. Орловской губ. (последний ойконим смежен с гидронимом *Пырятинка* рч. среди правых притоков Жиздры в Верхнем Поочье [Смол. ГБО: 34]). Этот материал можно дополнить геогр. *Пирютино* дер. Даниловского у. Ярославской губ. и дер. на р. Ракитня Ржев-

¹² Вряд ли сюда имеют отношение сербские женские имена *Jela*, *Jelka*, *Jelica*, которые Ф. Миклошич осторожно сопоставляет то с христ. *Елена*, то со славянским обозначением дерева ели [Miklosich 1927: 115].

ского у. Твер. губ., *Пирутино* для двух дер. на руч. Лученец в окрестностях Полоцка Витебской губ., *Пиратичи* дер. неподалеку от Слуцка Минской губ. (сведения из [Vasm. RGN VII 1: 27, 30]).

Обращает на себя внимание достаточно широкая география перечисленных названий (только вост.-слав.) при отсутствии образующего их личн. **Пирыта* в др.-рус. памятниках письменности; в актах Северо-Восточной Руси зафиксировано лишь Филя *Пирутин* 1392 г., производное от максимально близкого личн. **Пирута*, отнесенного к дохристианским именам, см. [Толкачев 1978: 117]. Корневой элемент *Пир-* в *Пирыта*, *Пирута* скорее всего родственен др.-рус. *пирь* ‘пир; угощение; праздник’ (аналогично др.-рус. личн. *Жирыта* через полные *Жирославь*, **Жирогость* сближается с *жирь*, *Мирыта* через полное *Мирогость* — с *мирь*) и, кроме того, данные гипокористики легко могут быть соотнесены с полным *Пирогость*, отложившимся в геогр. *Пирогоща* (см.). Вместе с тем существует много древнерусских производных от культурно значимого слова *пирь*: *пирянин* ‘участник пира’, *пирник* ‘устроитель пира’, *пиряти*, *пировати* ‘пировать’, *пирный* ‘относящийся к пиру’, *пиритва*, *пиря* ‘пир’ и др. [СлРЯ XI—XVII 15: 47—50]; сюда же ст.-рус. личн. *Пир*, *Пиров* (новг.) [Вес. Он.: 244], рус. диал. *пирун* ‘любителю ходить в гости’ (сев.-зап., новг.), ‘капризный ребенок’ (ворон.), см. [НОС 7: 141; СРНГ 27: 43], серб. личн. *Пиро*, *Пирко*, *Пирько* [Мор. СИ: 151; Железняк 1969: 127], быть может, серб. *Перун*, *Перута* [Грк. РЛИКС: 156]. М. Вуйтович намечает иную возможность истолкования личн. *Пирута*: как деривата от христ. имени *Пира* (< *Пирр*) [Wójtowicz 1986: 60], что для большинства перечисленных случаев сомнительно.

Честово сц. Дер. пят. на р. Мсте в Морозовичском пог. около 1495 г. [НПК II: 149], = *Честова* дер. Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 217], = совр. *Частова* дер. Бронницк. Новг. Возможно, ойконим возводится к личн. **Чьсть*, которое смыкается с др.-польск. *Czestek* (= **Czstek*) [Taszycki 1925: 70]; сюда же польская ойконимия *Czostków* в округе Сувалки [Vasm. RGN X 2: 161], *Czestków*, дважды *Czestkowo* (сейчас — *Czastkowo*, *Czqstków*), отмеченные с XIV—XV вв. [Nieckula 1971: 54—55]. Восточнославянские топонимические соответствия, по-видимому, отсутствуют. Гипокористики **Чьсть*, польск. *Czestek* усечены из композитов типа польск. *Czci-bor*, чеш. *Čstomir*, словен. *Čestimir* (к первому компоненту ср. праслав. **čьstь*, рус. *честь* и т. п.). Таким же способом усечения (без последующей суффиксации) порождено личн. *Волость* (см. *Волостово*).

НАЗВАНИЯ ОТ ДЕАПЕЛЛЯТИВНЫХ ИМЕН

Болчино дер. Вязьевской вол. Дед. р-на на правом берегу Шелони между Порховом и Дедовичами, во 2-й пол. XIX в. значилась в Порх. у. [СНМРИ 34: № 10704]. На «Столистой карте» 1801—1804 гг. обозначено как село *Балчино*, на карте Шуберта 1848 г. — *Болчино* [Неволин 1853: 149; КШуб]. Средневековая писцовая документация дает описание деревень *Болчинского* пог. в верхнем течении Шелони под 1498, 1539, 1561—1562 и 1576 гг. [НПК IV: 158—162, 407—416; 61, V:

62, 600], центром которого являлось сел. *Болчино* с храмом Дмитрия Солунского (Селунского). Село впервые упомянуто в новг. бер. гр. № 568 сер. XIV в. под названием *Большино*: «...у Князя в *Большинѣ* селѣ полторы короби» — ‘у Князя (прозвище) в Болсине селе полторы короби (соли)’. А. А. Зализняк [2004: 562—563] интерпретирует *Большино* из берестяной грамоты как вторичный производительный вариант: здесь $c < \zeta < ч$ (в исходном *Болчино*) благодаря цоканью и последующей утрате смычного затвора у аффрикаты ζ .

Ойконим восходит к др.-рус. личн. *Бълчь, -а* ($> Болч, -а$), которые приравниваются к ст.-блр. *Bolcz* Wortkowitz в Писцовой книге Гродненской экономии (по [Демчук 1988: 66]), др.-польск. *Belcz, Belczko* [SSNO I: 119], соотносимым с корнем **bьlk*; ср. прежде всего чеш. диал. *blčeti* ‘пылать, гореть’, *blčati* ‘пылать’, польск. *belczeć* ‘попыхать, пылать’ и *belkać* ‘болтать жидкость’, словац. *blčat’* и *blkat’* ‘пылать, попыхать’, а также рус. диал. *болкать, болкать* ‘говорить, болтать’, ‘качать, делать движения из стороны в сторону или взад и вперед’ и др. материал из [ЭССЯ 3: 117—120]. В качестве топонимической параллели имеется вологодское геогр. *Болчина*, вар. *Болтина*, сел. неподалеку от Вытегры бывшей Олонецкой губ. [Vasm. RGN I 2: 461]. В целом приведенные факты показывают, что следы личн. *Бълчь, -а*, имевшего хождение на новгородской территории в достаточно ранний период, ведут к западным славянам.

Кажется, личн. *Бълчь, -а* генетически отождествляется с антропонимом, который восстанавливается из старописьменных, конца XV в., геогр. *Болычева Гора* дер. Деманского пог., *Болычево* поч. Налюцкого пог. (позднее, под. 1539 г., — дер. в Курском присуде), *Болычово* дер. Жабенского пог., — все пункты на западе Дер. пят. [НПК II: 506, 604; I: 647; ПKNЗ 4: 301]. Соответствующая современная ойконимия тоже тяготеет к Русскому Северо-Западу, так, пункты, именуемые *Болычево*, отмечены в районе Бежецка, в окрестностях Холма, Торопца, Опочки и Великих Лук Пск. губ., неподалеку от Гжатска и Духовщины Смоленской губ.; реже встречаются южнее: в окрестностях Курска и Мценска Орловской губ., Можайска и Серпухова Московской губ. [Vasm. RGN I 2: 461] (в последних двух случаях *Болычево* смешивается с созвучным *Булычево* — названием, имеющим особый ареал и иное происхождение). Исходное личное имя для перечисленных названий могло быть получено путем переходов *Бълчь > *Бълъчь > *Болыч*. Развитие сочетаний **ТърТ > ТъръТ* — характерная черта древнего новг.-пск. диалекта [Зализняк 2004: 49—50], а что касается последующей рефлексации $\bar{ь} > ы$, ср. сев.-рус. диал. *молынья* из др.-рус. *мълнья*, новг. геогр. *Столыпино*, соотносимое с др.-рус. *стълпъ* [Николаев 1988: 124; Зализняк 2004: 50], орловск. *Колыч*, название кочковатого луга (по Словарю орловских говоров, вып. 5), из *кълчь* ‘кочка’ [Васильев 2001а: 174].

Геогр. *Болково* дер. на Раденке Никольского пог. на Шелони 1524 г. + дер. в Паозерье Шел. пят. 1572/73 г. [НПК V: 370; ПKNЗ 6: 148], равно как совр. твер. *Болково* дер. (Сонк. р-н), *Болково* дер. в окрестностях Кесовой Горы Твер. обл. связаны с родственным именем *Бълкъ*; ср. словац. апел. *blk* ‘огонь, пламя, пожар, вспышка’, ст.-польск. *belk* ‘водоворот, gurges’ [ЭССЯ 3: 118—119], производное *Болков* Андрей, астраханский сотник стрелецкий, 1654 г. [Туп. СДЛСИ: 483].

Апеллятивная первооснова имени *Бълць* (первоначально звукоподражательная) этимологически соответствует в общем семантическом поле движения и звучания (говорения) основе **bьlt-* и, думается, **bьlx-*, **bьls-*; все они имеют антропонимические производные, представленные в новгородской топонимии. Ср. **Болтово** дер. Ретенского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 490] (отождествляется с одноименной деревней на р. Илеменке Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11866], сегодня — дер. Куклинск. Сол.) + дер. на р. Серезе Холм. у. 2-й пол. XIX в. [Там же: № 14658] + дер. близ гор. Невель и Себеж; **Болтино** дер. Шегринского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 389; II: 235] + поч. Богородицкого пог. в Удомле Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 273]. Судя по спискам селений Российской империи, найдется немало геогр. *Болтино*, *Болтово* и в других русских областях, в том числе на территориях позднего заселения. Эта ойконимия обусловлена личн. *Бълтъ*, позднее *Болт* (ср. др.-польск. личн. *Belt*, *Beltek*, *Beltowicz* [SSNO I: 120]) или, очевидно, более поздним морфологическим вариантом данного личного имени в женском роде — ст.-рус. *Болта*; ср. фиксации *Болта*, *Болтины* XVI в. [Вес. Он.: 45]. По корневому тождеству антропонимической базы к геогр. *Болтово*, *Болтино* примыкает новг. геогр. *Неболчи* пос., ранее обсужденное мною как йотово-посессивный дериват от личн. **Небълтъ, -а* (см.).

С корнем **bьlx-* (ср. польск. *belch* ‘водоворот’, рус. диал. *болхърь* ‘большой бубенец’ [СРНГ 3: 84]) соотносится личн. *Бълхъ*, которое оформилось далее в *Болх* (ср. *Болх*, родовое прозвание князя Ивана Андреевича Звенигородского [Вес. Он.: 45]), но, вероятно, и в *Болох* благодаря полногласному развитию. К этим именам отсылают геогр. *Болхов* гор. в Орловской обл. [НПК V: 223], но и новг. геогр. **Болохово** дер. в Околорусье Шел. пят. 1498 г., *Болохово* гор. в Тульской обл. и др. Относительно **bьls-* ср. новг. личн. *Болсун* 1500 г., отчество *Болсуновы* [Вес. Он.: 45] и геогр. **Болсуново** дер. в Никольском пог. в Удомле Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 259].

Волотово дер. под Новгородом на р. Малый Волховец, в нач. XX в. здесь значилось село *Волотово* (рядом с одноименным погостом) в Никольской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 44—45]. Первое упоминание в летописи относится к 1352 г. по поводу возведения церкви: «Того же лѣта постави владыка Моиси церковь камени въ имя святыя богородица Успение на *Волотовѣ*», второе — к 1363 г. в связи с росписью этой церкви [НПЛ: 362, 368; НЛ: 32]. Писцовые книги конца XV—XVI в. отмечают село *Волотово* и Успенский *Волотов* монастырь, дают описание селений Волотовского погоста-округа Обон. пят., см. [ПКНЗ 1: 308, 313, 359, 360, 362, 370, 371; 2: 154, 163; 4: 464, 466; НПК IV: 560].

Попытки объяснить данный ойконим известны по крайней мере с нач. XIX в. Митрополит Евгений [Болховитинов 1808: 7] писал, что на месте селения когда-то находилось *Волотово поле* «то есть исполинское или богатырское поле, на котором погребались новгородские вельможи и богатыри и похоронен был также последний новгородский князь или посадник славянский Гостомысл, присоветовавший новгородцам выбрать Рюрика на великое княжение». Автор исходит из значения др.-рус. *волоть* ‘богатырь, исполин, великан’ и абсолютно доверяет местной нов-

городской легенде о захоронениях на этом месте раннеславянских старейшин и князей еще во времена язычества, предания о которых в народном сознании легко связывались с былинным обликом богатырей. Эту легенду приводили наряду с Болховитиновым и другие знатоки местных древностей в XIX в., например архимандрит Макарий [1860: 568—569], М. Толстой [1863: 258].

К сожалению, археологических подтверждений легенде до сих пор не найдено. Неоднократные поиски здесь следов захоронений новгородской языческой знати результатов не дали. Еще в 1821 г. этнограф и фольклорист А. Черноцкий, пытаясь найти предполагаемую могилу посадника Гостомысла, раскопал ближайшую к Успенской церкви сопку, имевшую сравнительно небольшие размеры. В ней он обнаружил лишь костные останки животных и древесные угли. Сопка была повторно разрыта также в 1878 г., но в ней ничего найдено не было, см. [Азбелев 2005: 16; 2006: 22].

Вместе с тем нельзя не отметить, что такой вариант названия, как *Волотово поле* не фиксируют средневековые летописи и писцовые книги. Очевидно, ойконим *Волотово* возник раньше легенды о *Волотовом поле*, появление которой находит свое объяснение, безотносительное к первоначальному мотиву номинации. Скорее всего ойконим, как и другие названия близлежащих приновгородских селений (*Родиваново, Шолохово, Ковалево*), имеет деантропонимную деривацию. Он произведен от формы *Волоть*, которая среди древненовгородского населения использовалась как личное имя или прозвище. Ср. *Волотковая* — наименование жены по мужу *Волотко* в новг. бер. гр. № 293 (2-я треть XIII в.) [Зализняк 2004: 474—475], равно как геогр. *Волоткина* (*Крюково*) дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 467], восходящее к этому же прозвищному имени. Наличие суф. -к- (< -ък-) не позволяет усомниться в деантропонимном характере ойконима *Волоткина*. Личн. *Волоть*, давшее гипокористику *Волотько, -а*, приравнивается, в свою очередь, к др.-рус. *волоть* ‘великан, исполин’ [СлРЯ XI—XVII 3: 9]. Для характеристики лиц это слово до сих пор широко используется в новгородских говорах: *вóлот* ‘человек большого роста и необычной силы’: «Он был настоящий волот. Экий ведь волот вымахал» (Люб. + Бор., Валд., Пест., Ст-Рус., Чуд.) [НОС 1: 134].

В Опоцком пог. Шел. пят. писцовые книги 1498 г. указывают еще одну дер. *Волотово*, которая «вопче была Воскресенскому монастырю съ Селифонтовскою пустынею» [НПК IV: 166]; к концу XVIII в. она стала пуст. *Волотова* на р. Люта [Андрияшев 1914: 420]. В Белоруссии есть село *Валотова* близ Гомеля, ойконимы *Волотово* отмечены в Курской, Тульской, Костромской губ. [Фасм. ЭСРЯ I: 344]¹³.

¹³ В Торопецкой книге 1540 г. сообщается об оз. *Волотово* (ср.: «у озера у *Волотова*» [ПKNЗ 4: 655]), но данный лимноним отражает случайную метатезу слогов исходной формы *Вотолово* (по современным сведениям, это оз. *Отолово* со стоком в р. Волкота басс. Западной Двины).

Что касается легенды о погребении древних новгородских князей и богатырей на *Волотовом поле*, то она имеет, по всей вероятности, не историко-фактологическую, а собственно топонимическую основу. Эта легенда, сравнительно поздняя (но по крайней мере возникшая ранее нач. XIX в., коль скоро известна Евгению Болховитинову), вполне могла быть продуцирована самим ойконимом *Волоново*, который со временем стали соотносить не с личным именем, а с обозначением богатырей. Ведь данный сюжет не единичен: вообще с «*волотовой*» топонимией в разных местностях связывают немало легенд о великанах, а сопки и курганы привычно считаются могилами древнерусских богатырей и исполинов. Такого рода устойчивые мифологические представления порой находят закрепление (вторичное!) даже на лексико-семантическом уровне ('великан' > 'могила великана в виде кургана, сопки' > 'могильный курган, холм, сопка'), например, в белорусском языке *валато́к* означает 'курган, могильный холм, земляная насыпь, которая некогда служила ориентиром, дорожным знаком и километровым столбом', *валотница* 'место, где размещена группа курганов', *валато́ўка, валотáўка* 'могильный курган, большой природный холм', *валато́ўкі* 'могильник' [Яшк. БГН: 31—32], в русском языке диал. *волотка* — то же, что *волотовка* 'могила великана, волота': «Большие могилы — курганы на верховьях Западной Двины народ называет *волотовками*, относя их к тем же великанам» (Забелин. История жизни, по [СРНГ 5: 65]).

Поэтому, надо полагать, существует немало и таких топонимов, которые при своем возникновении были мотивированы не именами или обозначениями людей, а обозначениями сопки и курганов, овеянных легендами о захоронениях древних волотов-богатырей. Главные опознавательные признаки такого рода восточнославянских названий на *Волот-* — частая принадлежность к отчетливо деапеллятивным моделям деривации, отсутствие завершения основы на посессивную суффиксацию, характерную для дериватов на антропонимической базе. Похоже, к числу таких деапеллятивных названий относятся **Волот** пос., р. ц. Новг. обл., = *Волот*, иначе *Волоты*, дер. в Городецкой вол. Ст-Рус. у. под 1909 г. (здесь же еще пос. и ж.-д. ст. *Волот*, появившиеся позднее) [СНМНГ III: 34—35], **Волотня** р., приток Хотинки басс. Плюссы, **Волотовское** оз. в пойме Ильменя. По средневековой новгородской письменности известны геогр. **Волат** дер. Пажеревицкого пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 397] (= *Большие Волоты* и *Малые Волоты*, дер. на р. Кобылице к концу XIX в. [Андрияшев 1914: 325]), **Волотец** и рядом *Волотец-Конашево*, пункты в вол. Клин в пог. Воскресенском Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 152, 153], **Волотовна** дер. Никольского пог. на р. Шелони 1524 г. [НПК V: 373], = *Волотовка* пуст. в конце XVIII в. [Андрияшев 1914: 309]. Что касается названий дер. **Волоцкое** Заборовского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 2] и руч. **Волотский**, впадающего в оз. Красногорское басс. Луги [Шан. РЛЮ: 176, 336], то производство их от апел. *волоть* или личн. *Волоть* не очевидно: в них можно видеть и адъективные образования *Волоцкое, Волоцкий* от *волоць*. За пределами Новгородской земли указывают ур. *Валатоўкі*, дер. *Валатоўкі*, ур. *Валотница* (лес) близ Велижа на Смоленщине и в Белоруссии [Яшк. БГН: 31—32], *Волововы горы* в Костромской губ.: «В Буй-

ском уезде есть *Волотовы горы*, ... [они] накопаны великанами по имени «Волоты» (Смирнов. Клады) [СРНГ 5: 65], рр. *Волотынка / Вольтынка, Волотинка, Волоть (Волота, Волотея)* и рядом *Волотейской, Волотенской, Волотин* в басс. Оки [Смол. ГБО: 84, 109, 190], блр. *Волотково Поле* место в лесу возле гор. Борисов, *Волотовки* в Вятской губ., *Волоты, Волотово городище* в Смоленской губ., *Волотова Могила* около Лебедяни; по [Фасм. ЭСРЯ I: 344; Мурз. СНГТ 1: 134].

Лексема *велеть*, вариантная к *волоть* (ср. укр. *велет, велеть* ‘исполин, великан’ [Фасм. ЭСРЯ I: 344]) также не была чужда др.-новг. говорам. О ее присутствии здесь свидетельствуют геогр. *Велетово* дер. в пог. Егорьевском во Млеве Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 345] и *Велѣтово* дер. в Сумерском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 138] (= совр. *Велетово* дер. Овсищенск. Сланц. у северо-западного берега оз. Самро); к юго-западу от новгородских пятин, в смоленско-полоцких землях, есть гидроним *Велетовка* п. пр. Устрома басс. Днепра в Дорогобужском у. Смоленской губ. и р. в Полоцком у. Витебской губ. [Vasm. WRG I: 276]. Соотношение *волоть* и *велеть*, по-видимому, сродни вариантности этнонимических форм *Волось* и *Велесь*, которые тоже совместно представлены в регионе Новгородской земли (см. очерк «*Велеш-...*», гл. 7).

Верещино дер. Подгощск. Шим., в нач. XX в. — дер. Подгощской вол. Ст-Рус. у. на руч. Саватейка, впадающем в оз. Ильмень [СНМНГ III: 102—103]; рядом отдельно числилась ж.-д. ст. *Верещино*, которая после ликвидации железнодорожного сообщения между Новгородом и Старой Руссой слилась с деревней в один населенный пункт.

По НПК обнаружить не удалось, хотя название имеет ранние др.-рус. истоки. Оно основано на личн. *Вереща*, которое, в свою очередь, по форме является др.-рус. действительным причастием наст. вр. от *верещати* (‘верещающий, тот, кто верещит, кричит’). Ойконим *Верещино* параллелен названию гор. *Верещин* в древней Вольнской земле, упоминаемого Ипатьевской летописью под 1204, 1213 гг. Об антропонимическом происхождении последнего названия (от личн. *Вереща*) уже писали украинские исследователи [ЕСЛГНПР: 31], см. также [Нерознак 1983: 39]. Ср. еще название оврага *Верещинской* в басс. Оки [Смол. ГБО: 58], ойконимы *Верещина* (польск. *Wereszczyn*, лит. *Varaščina*) в Новоалександровском у. Каунасской губ. (дважды), *Wereszczyn, Wereschczyna, Wereschczyńska Wola* в районах Восточной Польши, недалеко от гор. Седльце, Люблин, видимо, сюда же и *Верещовка* дер. на р. *Верещовка* неподалеку от Брянска [Vasm. RGN II 1: 45]. Антропоним удостоверяется фиксациями в средневековой письменности: *Вереща* Ивашко, крестьянин Шегринского пог. Дер. пят. 1498 г. [Вес. Он., 65; Туп. СДЛСИ, 83], др.-польск. личн. *Wrzeszcz* [SSNO VI: 214], *Верешко* под 1552, 1565 гг., Ян *Врещко* в акте Юго-Западной Руси XVI в. [Туп. СДЛСИ: 83, 97], др.-чеш. личн. *Vřešć*, указанное в том числе по топонимическим данным [Svoboda 1964: 310]. Др.-рус. личн. *Вереща* в более поздний период заменилось весьма популярным прозвищем *Верещага* (ср. рус. диал. *верещáга* ‘резкий болтун, говорун, таранта, трещотка; брюзга, воркотун, бранчливый, сварливый человек’ [Даль ТСЖВЯ 1: 180]), ко-

торое отражено и старорусской письменностью [Вес. Он.: 65], и современными фамилиями.

Грузино село Грузинск. Чуд. на правом берегу Волхова, ранее являлось центром Грузинской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 22—23]. В письменности появляется с 1500 г. как центр Андреевского Грузинского пог. Вод. пят., бывшего на левобережье Волхова [НПК III: 445—455; ПКНЗ 1: 95; Селин 2003: 248]; само же главное село *Грузино* с погостской церковью лежало в Обон. пят. на волховском правобережье. Второй пункт в Обон. пят., носивший такое же название, значился в Спасском пог. на Шуго-озере: «деревня на Хундоле ж, слово **Грузино**», 1564 г. [ПКНЗ 2: 117] (= *Грузино* дер. на р. Капша со смежным выселком *Грузино*, иначе *Надпорожье*, *Порог*, в нач. XX в., оба пункта в Куневичской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 76—78]).

А. И. Попов [1981: 116] связывает поволховское геогр. *Грузино* с именем *Груз* новгородского боярского рода, из которого вышли посадники XV в. Афанасий Остафьевич *Груз* и его брат Кузьма *Грузов*. Связь сомнительна в отношении деривации, поскольку суф. *-ино* в *Грузино*, устойчиво воспроизводимом названии, предполагает скорее личн. *Груза*, а не *Грузь*; это последнее имя находит достаточно широкое отражение в старописьменной новгородской топонимии с суф. *-ов-* (см. анализ геогр. *Грузовичи*). Тем не менее, эти личные имена безусловно являются морфологическими вариантами, причем письменные проявления личн. *Груза* (> геогр. *Грузино*) уходят на запад славянства; ср. др.-польск. личн. *Grąza*, *Gręza* [SSNO II: 199], личн. *Grąza* (в нем. источнике 1168 г. — *Granza*) у древних полабских и поморских славян и там же (в двух округах на территории Германии) к востоку от Гамбурга ойконим *Granzin* [Schlimpert 1978: 49—50] как полаб.-помор. параллель к новг. *Грузино*. Личн. *Груза* апеллятивного происхождения (к праслав. **grǫz-/gręz-*) и, кажется, мотивировано скорее архаическим для корня **grǫz-* зап.-слав. значением ‘грязь; пачкаться’, нежели значением ‘грузный, тяжелый’; ср. польск. *grąz*, *grąż* ‘болото, топь, трясина’, *grąznąć* ‘погружаться; пачкаться’ и иной вариант корня в рус. *грязь*, *погрязнуть* и т. п.

Деапеллятивная, топографическая трактовка поволховского ойконима *Грузино* тоже имеет право на существование, хотя она остается более слабой, нежели деантропонимная. Если опираться на такие факты, как польск. *grąz* ‘топь’, укр. диал. *грузь*, *грузо́та* ‘топкое место, трясина’ [Грінч. СУМ I: 333] и учесть укр. диал. (полесское) *грузинá* ‘большая трясина’ [Черепанова 1984: 67], то допустимо предположить, что *Грузино* выступает изначальным термином *грузина*, указывавшим на топкую местность (ср. с суф. *-ин-а* дериваты *топина* — от *топь*, *болотина* — от *болото* и т. п.). Микроландшафт села *Грузино* способствует данной версии, поскольку известно, что это село лежит в т. н. Большой пойме Волхова — заболоченной приречной низине, которая является остатком древнего ледникового озера [Ильина, Грахов 1980: 16]. Ср. еще укр. *Грузина* болото в Дубровицком р-не Ровенской обл., польск. *Gręzina* р. в басс. Одры, геогр. *Gręziny* в бывшем Угровец-

ком повете: изложенные топонимические факты обосновывались праслав. **grazina* ‘болото, трясина’ [Шульгач 1998: 108]¹⁴.

Дорогинино дер. Успенского Хрепельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 146]. По более поздней документации прослеживаются колебания вариантов ойконима: *Дорогичино* дер. 1539/40 г., *Дарахиничи* пуст. 1582 г., *Дорогони* пуст. 1788—1791 гг. [Селин 2003: 184], в нач. XX в. — *Дорогони* дер. на руч. Безымянном Самокражской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 68—69], к настоящему времени селение не сохранилось. Самая ранний письменный вариант — *Дорогинино* — обосновывается скорее всего др.-рус. личн. *Дорогына,-я*, дериватом которого выступает наименование *Дорогинин* крестьянина Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 445] и дворцового сытника в Суздале 1609 г. [АИ II: 276]. Как йотово-посессивный дериват от данного личного имени обосновывается также геогр. *Дрогини* дер. Карачуницкого пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 598] (= *Драгани* пуст. конца XVIII в. [Андрияшев 1914: 416] и совр. *Дорогини* дер. Логовинской вол. Порх. р-на); средневековый вариант представляет дополнительный интерес тем, что отражает др.-новг. диалектное неполногласие. Личн. *Дорогына,-я* коррелирует с праслав. апеллятивом **dorgyni*, имеющим южн.-слав. продолжения: болг. *драгѣнко* ‘деверь’, сербохорв. (устар. и диал.) *dràgīna* ‘дороговизна’, ‘стоимость, ценность’, ‘любовь’, диал. *draginja* ‘дороговизна’, словен. *draginja* ‘то же’ [ЭССЯ 5: 78]. На других территориях зафиксированы: геогр. *Дорогинина* сел. Ельнинского у. Смоленской губ., *Дорогиничи* и *Дорогинички*, пункты недалеко от гор. Владимир-Волынский, *Дорогинь* для селений в окрестностях гор. Брянск, Гжатск и Могилев, *Дорогинь Старый* (и *Дорогинь Новый*) — села близ гор. Овруч на Волыни [Vasm. RGN III 1: 80], др.-чеш. геогр. *Drahynici* XIII—XIV в.; цит. по [ЭССЯ 5: 78].

Общий корневой элемент с *Дорогинино* разделяет геогр. *Дорогочино* дер. в Успенском Хрепельском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 151]. Данный ойконим образован от личн. *Дорогоча*, которое в неполногласном облике удостоверяется альпослав. (др.-словен.) антропонимом *Dragoča* XII в. [Kronsteiner 1981: 210], ср. еще луж. личн. *Drogač*, *Drogac* [Schlimpert 1978: 45], серб. *Dragač* [Miklosich 1927: 17]. Максимально похожим именем обосновывается, в частности, названия др.-рус. гор. *Дорогычинь* в Волынской земле, указанного Ипатьевской летописью под 1142 г. [ПСРЛ II: 310] (= совр. *Дрогичин* гор. в Брестской обл. Белоруссии), и гор. *Drohiczyn* на востоке Польши (скорее к вост.-слав. личн. **Дорогыча*, зап.-слав. **Drogyča*; менее вероятно, на мой взгляд, возведение к личн. **Dorogyka*, поддержанное З. Бабиком [Babik 2001: 371]).

Жегжичино дер. Городенск. Бат., идентифицируется с дер. *Зогзицино* Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 274], но в книге 1582 г. —

¹⁴ В данный перечень, очевидно, не следует включать название села *Грузины* на рч. Жалинке в окрестностях Торжка Твер. губ. [СНМРИ 43: № 7919], сегодня — дер. *Грузины*. Указывают, что этот ойконим получен по *Грузинской* церкви, освященной в 1744 г. в честь чудотворной иконы *Грузинской* Божией Матери [Воробьев 2005: 107].

пуст. *Жогжичино* [Селин 2003: 164]. В основу ойконима легло личн. *Зогзица* ('деревня некоего Зогзицы'), равное апел. *зогзица*, др.-рус. обозначению кукушки, наряду с *зегзица*, *загозица*, *зегула* [СлРЯ XI—XVII 5: 170, 368]; в совр. русских говорах *зегзица* 'птица иволга' (Курск.) [СРНГ 11: 244]. *Зогзица* было прозвищем, видимо, докучливого, надоедливого человека, ср. *зезюлить*, *зозулить* (от пск., смол. *зезюля*, *зозуля* 'кукушка') во взаимосвязи значений 'куковать', но и 'говорить одно и то же, докучать, надоедать' [Даль ТСЖВЯ 1: 676]. Среди ойконимов подобного типа ср. еще новг. *Загоскино* дер. Удомельского пог. Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 1: 198], *Загозкино* дер. Рютинского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК: 444], *Загоскина* пуст. «реки Мсты на левом берегу и по обе стороны ручья безымянного» Шегринской вол. Бор. у., по Ген. меж. конца XVIII в. (= *Загоска* пуст. в МОЗУ 1914 г.) [КГарн]. В совр. геогр. *Жегжичино* обращает на себя внимание смешение *з* и *ж* как отражение древней псковско-новгородской, сохраняющейся до сих пор в ряде псковских говоров фонетической черты. Сохранение эффекта первой палатализации *k > ч* перед суф. *-ин-* (наличие *ц* в *Зогжичино* скорее объяснимо вторичным «цоканьем») подразумевает архаичность данного ойконима, отразившего состояние до обобщения конечной согласной производящей основы перед *-ин-* (ср. *Лука > Лукин*, но ранее *Лучинь*, *Курица > Курицын*, но ранее *Куричинь*).

Жестово селище, о котором известно только по новг. бер. гр. № 761, вероятно, последней трети XIII в.: «На *Жостове* селишть девяносто...» — 'На *Жестове* селище девяносто гривен' [Зализняк 2004: 500]. Обусловлено личн. *Жесть*, на которое указывают также геогр. *Жестово/Жостово* — населенный пункт к северу от Москвы и зап.-слав. геогр. *Žestov* сел. в Южной Чехии, засвидетельствованное с XIII в. [Prof. MJ IV: 119]. Др.-чеш. личн. *Žest*, *Žestok* приводит Я. Свобода [Svoboda 1964: 312]. Из древнерусской документации известны: Яков *Жестов*, посол галицкий 1341 г. [Туп. СДЛСИ: 547], *Жест (Жост)* Яков Константинович Филимонов-Морозов, сер. XV в. [Вес. Он.: 113]. Личн. *Жесть* образовано от именного прилагательного с бессуффиксной основой *жест-* (при наличии обычных суффиксальных *жесткий*, *жестокый*), что, по мнению О. Н. Трубочева [1971: 13—14], уже само по себе говорит о древности отношений. Относительно апеллятивной семантики этого имени ср. др.-рус. *жестый* 'жесткий', *жестость* 'жестокость; грубость, резкость', *жестота* 'суровость, жестокость' и др. [СлРЯ XI—XVII 5: 98—99], рус. диал. (перм.) *жэстыый* 'громкий, зычный (о голосе)' [СРНГ 9: 147]. Встречалось и производное от имени *Жесть* уменьш. личн. **Жестько*, которое реконструируется по пск. геогр. *Жестки* дер. в Великолукском р-не. Вряд ли сюда имеет отношение диал. *жестыль* 'красная смородина' (твер., влад.) [Там же], отраженное (через прозвище) в старописьменном новг. геогр. *Жестылево* дер. Петровского Борисоглебского в Боровичах пог. 1564 г. [НПК VI: 958].

Жупаново и *Жупаново Новое*, близлежащие дер. Луж. у. XIX в. [ОСПбгуб: 128; СМРИ 37: № 2336; Vasm. RGN III 2: 316] (неподалеку от р. ц. Струги-Красные Пск. обл.), которые продолжают средневековую дер. *Жупаново* в Логовещском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 97]. Ойконим восходит к личн. *Жупань*, равному

праслав. **županъ* ‘начальник округа’ (есть в чеш., словац., болг., словен., сербохорв., к этимологии см. [Фасм. ЭСРЯ II: 66]). Имя сохранено новг. бер. гр. № 218 сер. — 3-й четверти XIII в. (*Жюпанко*) [Зализняк 2004: 487—488], отмечалось на Украине (*Жупан* Хмельницкий, крестьянин XVI в. [Туп. СДЛСИ: 153]), известно по сербским источникам XV—XVI вв. [Грк. РЛИКС: 94; Мор. СИ: 86], но более часто в западнославянской документации: *Župan* у древних (и современных) лужичан, у древних альпийских славян и чехов [Schlimpert 1978: 164; Kronsteiner 1981: 10; Svoboda 1964: 313]. К северу от новг. геогр. *Жупаново* локализуется *Зажупанье* дер. Старопольск. Сланц. юго-западнее оз. Самро у восточной оконечности оз. Долгое при рч. *Зажупанка* (по [Шан. РЛЮ: 168] — *Жупанка* басс. Луги), отождествляемая с одноименной дер. Бельского пог. Шел. пят. 1498 и 1571 гг. [ПКНЗ I: 139; Андрияшев 1914: 141]. На восточнославянской территории обнаруживаются соответствующие геогр. *Жупаново* дер. Любимского у. Ярославской губ., *Жупановка* (польск. *Żupanu*) сел. близ Овруча на Вольни, *Жупанова Верхняя* и *Жупанова Нижняя* — пункты Мосальского у. Калужской губ., *Жупань* дер. Одоевского у. Тульской губ., укр. *Županie* сел. у гор. Львов и Стрый в Галиции [Vasm. RGN III 2: 316], у западных славян — чеш. *Županovice*, словац. *Špania Dolina* [Hosák, Šrámek MJMS II: 830], на южнославянской территории — *Жупаница*, *Жупаньевачка*, *Жупанька* среди сербской гидронимии [Павл. ХС], мак. *Župan*, *Županišta*, хорв. *Županj vrh*, *Županja draga*, словен. *Županje Njive*, *Župánov vrh* [Snoj ESSZI: 492—493].

Возможно, к числу изложенных топосоответствий относится и название дер. *Жупкино* Усадищенск. Волх., стоящей при рч. *Жубка*, или, по [Шан. РЛЮ: 38], — *Жупинка*, п. пр. Волхова. Ойконим скорее следует считать произведенным от личн. *Жупа*, *Жупка*, соотносительного с др.-рус. *жюпа* ‘округ’; ср. еще фамилию *Жупин* (от *Жупа*), но и др.-рус. *жупикъ*, *жюпикъ* ‘человек, не достигший зрелого возраста’, использовавшееся как ругательство [СлРЯ XI—XVII 5: 125], рус. диал. *жу́пик*, крестьянское прозвище (Черепов. Новг., 1898) [СРНГ 9: 227].

Киёво дер. на р. Редья Давыдовск. Ст-Рус. вблизи гор. Старая Русса, ранее относившаяся к Медниковской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 80—81], отождествляется с дер. *Киево* Рамышевского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 332; V: 218]. С данной топонимической формой связан еще целый ряд средневековых новгородских пунктов, локализуемых в Шел., Дер. и Беж. пят.: дер. *Киево* Сабельского пог. 1571 г. [НПК V: 512], на месте которой в конце XVIII в., согласно материалам Ген. меж. (№ 1108), числилась пуст. *Киево* на р. Луге к северо-востоку от дер. Торчиново [Андрияшев 1914: 174]; дер. *Киево* Карачунского пог. 1576 г. [НПК V: 600], идентифицируемая с позднейшими *Киевка Большая*, *Киевка Малая*, смежными деревнями к югу от Порхова [Андрияшев 1914: 416] (сегодня — дер. Красноармейской вол. Порх. р-на); дер. *Киево* Дретонского пог. 1498 г. [НПК V: 254]; дер. *Киево* Ситенского пог. 1495—1496 гг. [НПК I: 583] (= пуст. *Киева* Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 265]); дер. *Киево* в вол. Добрыня в Никольском пог. на р. Топалке Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 503] (= дер. *Киево* в сер. XIX в., но сегодня дер. *Киевка* Селецк. Макс. [Воробьев 2005: 173]); дер. *Киева* и рядом *Ки-*

ева Малая нач. XX в., расположенные поблизости от р. Мды в Заборовской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 52—53]. Перечисленная ойконимия дополняется названием дер. **Киевичи** Краснополецк. Тор. (в XIX в. была в Ровенской вол. Холм. у., иначе исторические сведения остались не выявлены) и средневековым геогр. **Кѣйково** сел., известным по рядной грамоте Федора Онкифовича 1460—1470-х гг.: «...дали (...) *Кѣйково* село» (см. [ГВНП: 180, 181, гр. 122], к датировке документа [Янин 1990: 228]), = *Кийков* дер. на восточном побережье Ильменя в Сыгинском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 492]¹⁵.

Геогр. *Киево*, *Кийково* («ять» в написании *Кѣйково* — следствие графической неупорядоченности) обусловлены др.-рус. личн. *Кьи* и его дериватом *Кыико*, смягченными позднее до *Киу*, *Киико*. Исходным апеллятивом для этих имен является др.-рус. *кьи* (< праслав. **кѣѣ*), лексема, знакомая всем славянским языкам во взаимосвязанных значениях ‘палка, дубина; посох; молот; трость; батог’ [ЭССЯ 13: 257—258]. Личн. *Киу*, *Киико* и их дериваты-патронимы *Киев*, *Киевич*, *Кийков* зарегистрированы преимущественно укр., блр. и рус. памятниками письменности XV—XVII вв. [Демчук 1988: 132; Бирьла 1966: 219; 1969: 201; Вес. Он.: 139; Туп. СДЛСИ: 181, 237; Wójtowicz 1986: 78; ПКНЗ 1: 433 (Имен. указ.); 5: 384 (Имен. указ.)], к ним нужно добавить др.-польск. личн. *Kij* [Taszycki 1925: 77]. Учитывая общеславянскую принадлежность апеллятива **кѣѣ* и принимая во внимание топонимические соответствия новг. геогр. *Киево* на западе и юге Славии (см. [Трубачев 2002б: 147]), можно не сомневаться в том, что деапеллятивное личн. **Кѣѣ* было в активном обиходе уже в позднепраславянский период. Семантикомотивировочными параллелями к нему выступают др.-слав. личн. **Moltъ* (см. *Молотково*) и **Pěstъ* (= апел. **pěstъ* ‘пест; дубина, колотушка’); ср. др.-рус. и ст.-рус. личн. *Пест* [Wójtowicz 1986: 87; Вес. Он.: 243], совр. диал. *пест* ‘упрямый человек’ (вят.), ‘тупой и глупый человек’ (костр.) [Даль ТСЖВЯ 3: 262], др.-польск. личн. *Piast*, наряду с многочисленной на Русском Северо-Западе деантропонимной ойконимией типа *Пестово*, в обилии отраженной НПК и совр. материалами, отмечу и польск. геогр. *Piastowo*, *Piastów*, чеш. *Pístov*.

Возможно, среди названий *Киево*, *Киевичи*, *Кийково* и т. п. следует рассматривать также новг. геогр. **Киясова Гора** дер. Рютинского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 423]. Новг. бер. гр. № 1000 (2-я пол. XII в.) фиксирует личное имя новгородца *Кьясь* [Зализняк, Торопова, Янин 2011: 14—15], происхождение которого не очевидно. А. А. Зализняк [Там же] полагает, что это имя скорее неславянского, восточного, происхождения (ср. турецкое имя *Kiyas*, туркменское, киргизское *Кьяс*, сравниваемые с арабским *qiyās* ‘сопоставление’, ‘образец, мера, норма’). Вместе с тем *Кьясь* можно отнести к исконно славянским именам, рассматривая его как дериват с суф. *-ас-ъ* от личн. *Кьи*; ср. деривацию с редким суф. *-ас-*, напри-

¹⁵ Новг. геогр. **Киев Двор** (вар. *Аникиево*) дер. Кузьминской вол. Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII: 68—69] скорее всего не имеет отношения к перечисленной ойконимии: здесь прилагательное *Киев* является усечением из *Аникиев*, судя по вариантному *Аникиево*.

мер укр. фамилий *Демидас*, *Курылас*, *Матвияс* [Унбегаун 1989: 209], рус. имени *Митяс* от *Митя* (судя по фамилии *Митясов*) и т. п., ср. еще др.-польск. личн. *Kijaszk*, *Kijaszków* [Neckula 1971: 99], которые допустимо соотносить с *Кыясъ*.

Судя по данным [Vasm. RGN IV 1, 144; Трубачев 2002б: 147], топонимический ареал *Киево*, *Киев*, *Киевка*, *Киевичи* и т. п. охватывает, помимо новгородской территории, всю лесную среднерусскую полосу, доходя до Костромы на востоке, до Тулы на юге, исключая области Русского Севера и Северо-Востока; к юго-западу от Новгорода соответствующие названия встречаются на Псковщине, Смоленщине, в Белоруссии и в областях расселения западных и южных славян (подр. см. на карте 7). Разумеется, некоторая часть таких названий возникла безотносительно к антропонимам: на собственно апеллятивной (топографической) базе либо вследствие переноса социально значимого названия украинского Киева. Скажем, структура таких старописьменных новгородских ойконимов Шел. пят., как *Киш* дер. в Коростыньском пог. 1498 г. [НПК IV: 19], *Киевец* дер. Боротенского пог. (= *Киевец* дер. 3-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 124], сегодня дер. Вшельск. Сол.) и *Киевец* дер. в Паозерье 1498 г. [НПК V: 78, 305], равно как совр. гидронима *Киевец* пр. Коломенки, п. пр. Ситни, л. пр. Шелони + п. пр. Олешни, п. пр. Куньи, п. пр. Ловати позволяет скорее считать их деапеллятивными дериватами (ср. диал. *кий* ‘палка, пест’, *киевка*, *киёвник* ‘рогоз’ и др. [СРНГ 13: 201]).

В связи с трактовкой новг. геогр. *Киево* хотелось бы вкратце коснуться важного вопроса о названии древнерусской и украинской столицы *Киев*. Существуют две основные версии. Традиционная точка зрения развивает летописное предание и внешне, как будто, очевидна: геогр. *Киев* — посессивное производное от др.-рус. личн. *Кыи*, что находит многочисленные межславянские топонимические параллели: *Киево*, *Киевичи*, *Киевец* и т. п., всего более 50 названий [Трубачев 1997: 65; 2002б: 145—149; ЭССЯ 13: 256—257]. Традиционному мнению противостоит прежде всего точка зрения С. Роспонда (появившаяся недавно экзотическая «хазарская» версия происхождения геогр. *Киев* [Голб, Прицак 1997: 75—76] не в счет), согласно которой ойконим *Киев* связан происхождением с топографическим термином, близким к польск. диал. *kujawa* ‘голое место среди лесов’, укр. диал. *куява* ‘крутой холм; пустое место’ и др. Древнеписьменные упоминания Киева неславянскими источниками (греч. *Κίοαβα*, перс. *Kujaba*, *Kujave*, араб. *Kūyāba*, *Kuyava*, *Khyiav* и др.) тоже подводят к реконструкции топографического названия **Кюява*: **Кюжь*, позднее преобразованного под влиянием посессивной антропонимической модели и давшего др.-рус. *Кыевъ*, совр. *Киев*, *Київ* [Роспонд 1968: 103, 104, 109; 1972: 13, 41; 1979: 38—43].

На мой взгляд, для поддержки топографической версии применительно к днепровскому *Киеву* существует весомый аргумент, по-видимому, до сих пор недостаточно оцененный. Это наименование жителей древнего *Киева* — *кыяне*, исконный летописный катойконим (позднее *киевляне* не показательно), который отражают и древнескандинавские источники (др.-сканд. *Kænugadr* ‘Киев’, или ‘Кыян(ов)-город’, *Kæmir* ‘кыяне, жители Киева’ [Джаксон 2001: 64—68]). О. Н. Трубачев использует данный аргумент, но квалифицирует его в смысле

индивидуально-личной принадлежности, собственно, для отрицания деапеллятивной версии. По его мысли, форма др.-рус. *кыяне* исторически анализируется как ‘люди Кия’ и «как бы на уровне описания документирует производство от личного имени *Кий*, обнаруживая (...) «позицию нейтрализации» противопоставления форм *Киев* и *Кий*» [ЭССЯ 13: 257; Трубачев 2002б: 146]. Такая семантизация формы *кыяне* не кажется мне убедительной. Скорее наоборот, вся совокупность многочисленной древнерусской катойконимии и этнонимии на -’ане убеждает в обратном: за малым исключением, это образования от топонимов с апеллятивными основами (см. подр. об этом в гл. 8). Если считать имя легендарного воеводы *Кия* мотивирующим началом названия днепровского *Киева*, то мы вправе ожидать появления патронимически оформленного *киевичи*, которое означало бы ‘люди рода Кия’ или несколько шире — ‘люди Кия’ и параллельно было бы воспринято в качестве катойконима — наименования жителей вообще, закономерно соотнесенного с географическим названием *Киев* посессивного типа. По отношению к днепровскому *Киеву* такого рода образований как раз и нет, зато присутствует форма *кыяне*, убедительно подразумевающая первичный апеллятив, а не личное имя.

Кречево древнее ур. на левом берегу Полисти в Околорусье, было поглощено современной Старой Руссой, в которой с дореволюционных времен сохраняется лишь название *Кречевской* ул. Первое упоминание урочища датировано 1443 г.: «Того же лѣта поставиша церковь камену святого Николу на *Кречевь*» (в другом списке летописи с уточнением: «...на *Кречевь* въ Русѣ» [НПЛ: 423, 464]). Позднее топоним встречается только благодаря монастырю, в частности, Никольский (Николаевский) *Кречевский* монастырь писцовые книги Шел. пят. указывают с конца XV в. [ПКНЗ 1: 112; НПК V: 201], а актовая письменность — со 2-й пол. XVI в. (жалованная грамота новг. архиепископа Леонида Николаевскому Особому монастырю на Кречеве 1572 г. [АИ I: 343—344]). Монастырское подворье *Кречево* Дубовицкой вол. Ст-Рус. у. отмечено последний раз отдельным пунктом в нач. XX в. [СНМНГ III: 50]¹⁶.

¹⁶ О Кречевском монастыре под Старой Руссой как уже упраздненном писал в 1885 г. М. И. Полянский: «Невдалеке от города, версты за три от Преображенской обители, почти у берега Полисти реки виднеется небольшая деревянная церковка с прочным строением. От левого берега речного ведет туда дорожка, усаженная ивами. Давно было время, когда стояла здесь древняя обитель, посвященная святителю Николаю. Архиепископ Новгородский Евфимий, восстановивший монастырский храм Спаса Преображения, построил здесь и каменную церковку во имя Святителя Николая (1443). С тех пор, по-видимому, и существовала иноческая обитель. Кругом ее по берегам реки раскидывались поля да угодья монастырские. Один из преемников св. Евфимия Архиепископ Леонид, дал монастырю жалованную грамоту, подтвержденную другими святителями — “Никольскому особому монастырю на Кречеве”. Больше пока ничего не известно о жизни обители. При общем обеднении староруссцев, он беднел с каждым новым годом; когда же прошел закон об упразднении монастырей, не имеющих у себя особых святынъ, он был приписан к Александро-Невской Лавре, а введением монастырских штатов был отдан в полное владение Спасо-Преображенского монастыря со всем имуществом и угодьями (...) В 1787 г. ветхая каменная церковь была разобрана, а кирпич от нее было разрешено употребить на постройку каменных настоятельских келий Спасо-Преображенского»

Ойконим наиболее надежно трактуется на базе др.-рус. прозвища *Кречь*, равного апеллятиву. Ср. личн. *Кречко* и *Кречков*, крестьяне в Вытегорском и Мегрежском пог. Обон. пят. 1582/83 г. [Кюршунова 2010: 271], *Кречко* и *Кречков* в Архивах Юго-Западной России XVI—XVII вв. [Туп. СДЛСИ: 207], др.-чеш. личн. *Křeč*, *Křeček* XIV—XV вв. [Svoboda 1964: 276], возможно, альпослав. личн. «*Kchrezko*» 1267 г. (= *Krěško*) [Kronsteiner 1981: 207], болг. *Кръчо*, *Кръчко* [Заим. БИ: 130], др.-серб. *Кряч*, *Кречко* от 1-й пол. XIV в. [Грк. РЛИКС: 114], которые легко сопоставляются с лексемами, подобными чеш. *křeč*, макед. *креч* ‘судорога, спазм’, рус. диал. (пск.) *кречек*, *крячók* ‘птица коростель’ [СРНГ 15: 239], укр. диал. *кряч* ‘жердь, которой поворачивают колоду’, равно как и с глаголами: чеш. *křečeti* ‘кричать (о коршуне)’, польск. *krzeczac* ‘скрипеть; кряхтеть; квакать’ и др.; к этим и подобным лексемам находят широкие индоевропейские параллели [Фасм. ЭСРЯ II: 370]. Соответствующая ойконимия обнаруживается на восточнославянских землях к югу и западу от Приильменя: укр. *Кречів* (исторически — *Кречево*, 1546 г.) сел. на Волыни, блр. *Крэчаўшчына* сел. в Гродненской обл., тоже возводимые к антропониму [Шульгач 2001а: 72], *Кречевичи* — сел. близ гор. Ковеля Волынской губ., сел. в Галиции и сел. недалеко от гор. Лида Виленской губ., *Кречевицы* сел. близ Минска, *Kreców* и *Krecowska* — села в Галиции [Vasm. RGN IV 3: 553], сюда же еще геогр. *Krzecew* сел. в Польше (повет Бохня), указанное с 1238 г. [Niecukla 1971: 112], геогр. *Krecowe* 1308 г. на территории Восточной Германии, трактуемое тоже в связи с личным именем [Schlimpert 1978: 69]. Ойконимы *Кречково*, производные от антропонима с деминутивным суффиксом, обнаруживаются более к востоку от Новгородской земли (окрестности Рыбинска, Вологды и подмосковного Звенигорода), но и в западнорусских землях (у Смоленска, Великих Лук и в бывшей Гродненской губ.); их дополняют польск. геогр. *Krzczkowo* [Vasm. RGN IV 3: 554], геогр. *Kreckow* в басс. Лабы [Schlimpert 1978: 69]. Неподалеку от старорусского ур. *Кречево* стояла дер. **Кречино** Налючского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 665] (= дер. *Кречетова* Ст-Рус. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 223]): данный ойконим, очевидно, тоже образован от др.-рус. прозвища *Кречь*, но при помощи иного, синонимического, суффикса.

Не столь однозначно осмысливается ситуация с названием пос. **Кречевицы** на левом берегу Волхова под Новгородом. Писцовой книгой Вод. пят. 1500 г. оно дано в виде *Кривцовичи* дер. Ивановского Переездовского пог. [НПК III: 492], но в более поздних документах по этому погосту название неоднократно модифицировалось, постепенно приобретая современный облик. См. по материалам [Селин 2003: 233]: дер. *Кривцовичи* 1582 г., затем дер. *Кривчевицы* 1612 г., далее дер. *Кредчевицы* 1646 г., потом дер. *Кривчевицы* на р. на Волхове 1669 г., позднее дер. *Крючевицы* 1678 г., дер. *Кривчевицы* 1718 и 1748 гг., наконец дер. *Кречевицы* 1788 г. Исходная

монастыря (...) В настоящее время — это монастырская мыза, в которой помещается скотный двор, летом живут еще рабочие для полевых работ на обширных участках монастырской земли, расположенных по берегам реки» [Полянский 1885: 328 и след.].

ранняя форма ойконима выглядит производной от хорошо известного личн. *Кривец*, др.-рус. *Кривьць* (ср. и совр. фамилию *Кривцов*), тогда как современная форма стоит в общем ряду с архаическими названиями от личн. *Кречь* типа укр. *Кречевичи*. Здесь, надо полагать, происходила вторичная «подгонка» под созвучную основу *Кречев-*, что, быть может, выглядит более мотивированным при учете смежных топонимов: рядом на левом берегу Волхова, немного поближе к Новгороду, лежало село **Кречно** (*Кречново*) — центр Григорьевского *Кречневского* пог., а затем *Кречневской* вол. [Селин 2003: 85]. Данный ойконим, полученный по гидрониму апеллятивного происхождения (село *Кречно*, ныне исчезнувшее, стояло на оз. *Кречно*; что касается апеллятивов, ср. твер. *крек* ‘лягушечья икра’, пск. ‘озерная ряска’, *крёква* ‘утка’ и т. п. [СРНГ 15: 208]), вполне мог поддержать или обусловить трансформацию деантропонимного *Кривцовичи* в *Кречевичи*.

Как показывает приведенный пример, при анализе географических названий с топоосновой *Креч-* необходимо считаться в ряде случаев с вероятием собственно топографического объяснения; ср. в дополнение к новг. *Кречно* оз. и сел. (была, кстати говоря, еще одна дер. **Кречно** на р. Кереть, в 50 верстах от Новгорода [СНМНГ I: 52—53]) такие факты, как новг. **Кречко** оз. в Сеглинском пог. Дер. пят., 1551 г. [ПKNЗ 5: 64], **Кречивое** дер. Михайловского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 212] у оз. *Кречивое*, отмеченного в конце XVIII в. в Валд. у. [ИАДП 1: 205], или блр. геогр. *Крэчына* сеножать в Гродненской обл. [Мікратапанімя: 129], семантика и деривация которых склоняют скорее к выведению непосредственно из апеллятивов. Видимо, в еще большей степени апеллятивные трактовки предполагаются близкими топонимами с элементом *Крек-*. К ним относятся: новг. геогр. **Креково**, или *Крокова*, *Кроковы*, дер. Моревской вол. Дер. пят. конца XV — сер. XVI в. [НПК II: 703, 726; ПKNЗ 5: 392] (= *Окораки*, или *Каряки*, дер. на руч. *Око-раков* в Моисеевской вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II: 48—49], сегодня дер. *Окороки* Моисеевск. Мар.)¹⁷, **Креково** дер. Никольского Ястребинского пог. Вод. пят. около 1500 г. + пожня в Петровском Борисоглебском пог. 1564 г. + поч. близ Удомли Беж. пят. [НПК III: 762; VI: 922, 826; ПKNЗ 1: 174], **Креково** (*Кунино*) ус. Никольской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 46—47], **Креково** земельное угодье около дер. Запростье к югу от Новгорода [НОС 4: 140], за пределами Новгородской земли отмечены две дер. *Креково* в окрестностях Рыбинска и Шенкурска [Vasm. RGN IV 3: 545]. Данные факты в целом должны трактоваться на базе апеллятивов типа др.-рус. *крековатый*, *крековистый*, *кряковатый*, *кряковистый*, *кроковатый*, *кроковистый*, *краковатый*, *краковистый* ‘ветвистый, сучковатый, корявый’ [СлРЯ XI—XVII 8: 10, 69, 99], рус. диал. *крёковый*, *крекóвый*, *крековíстый* ‘кряжистый,

¹⁷ Мена *Креково* и *Крокова* (*Кроковы*) подразумевает скорее деапеллятивный характер данного ойконима, ср. аналогичную мену гласных в приведенных ниже изосемантических апел. *крековатый* и *кроковатый* ‘ветвистый, корявый’ и др. Трансформация средневековых вариантов *Крокова* / *Кроковы* в совр. *Окороки* безусловно обязана народно-этимологическому переосмыслению.

ветвистый (о дубе, лесе)’, *крёковая* (об утке крякве), *крек* ‘лягушечья икра’ [СРНГ 15: 208—209]; вместе с тем не стоит забывать о деапеллятивных западнославянских антропонимах типа польск. личн. *Krzek, Krzeko* [SSNO III: 160], др.-чеш. *Krek* (соотносится с чеш. *křek* ‘кваканье лягушек’), полаб.-помор. *Krek* 1281 г. [Schlimpert 1978: 69]. Что касается новг. геогр. **Крехово** для дер. вод. пят. и поч. Беж. пят. [НПК III: 287, 355; VI: 225], наряду с *Крехово* дер. близ гор. Остров Пск. обл. и дер. на Северной Двине близ Великого Устюга, укр. *Krehiv* сел. в Галиции и сел. на востоке Польши [Vasm. RGN 3: 553], то с этими названиями легко сравнить др.-польск. личн. *Krzech, Krechowicz* [SSNO III: 158, 138], чеш. *Křehký, Křehlík*, др.-луж. *Krehan* 1374—1382 гг. [Schlimpert 1978: 69]; кроме того, сохраняется возможность прямого соотнесения с терминами типа диал. *крѣх* новг. ‘какая-то птица’, калин., арх. ‘птица семейства утиных, крохаль’ [СРНГ 15: 238].

Нагаткино дер. Новосельск. Ст-Рус. На картах 2-й пол. XIX в. деревня подписана как *Нагадкина* [ВТКЗверст] и ошибочно *Пагадкина* [КСтрельб], по [СНМНГ III: 82—83] — *Нагадкино*, дер. Медниковской вол. Ст-Рус. у., расположенная на Холмском тракте и при р. Порусья на расстоянии 8 верст от Старой Руссы. Ойконим *Нагаткино* (вар. *Нагадкино*, *Погадкина* — позднейшие переосмысления) в писцовых книгах не приведен, но есть серьезные основания полагать, что он образован от фамилии знатного рода *Нагаткиных* (*Ногаткиных*), крупных новгородских землевладельцев конца XV в., многократно упоминаемых писцовой документацией 1498 и 1539 гг. Этот род как раз у р. Порусья имел свои вотчинные земли. Григорий Микулин сын Ногаткин, согласно НПК, владел многочисленными деревнями, находившимися в Околорусье и в сопредельных Офремовском, Воскресенском и Струпинском погостах Шел. пят., кроме того, ему принадлежали отдельные дворы в самой Русе на посаде (конец Середка), платившие соляной налог (позем), а также рыболовные тони в реках Шелонь (Струпинский пог.) и Волхов и некоторые пригородные новгородские пожни. Владения его отца Микулы Ногаткина тоже указаны письменностью. Писцовые книги свидетельствуют об этих новгородских вотчинниках только как о бывших владельцах: деревни «Григорьевские Ногаткина» и «Микулинские Ногаткина» были переданы московской администрацией к концу XV в. новым помещикам; см. [НПК IV: 195, 197, 199, 358, 459; V: 34, 46, 51, 52, 203, 204, 216, 227, 243, 244, 304, 321; ПКНЗ 1: 96, 114, 359, 360]¹⁸.

¹⁸ Владения новгородского рода Нагаткиных в окрестностях Старой Руссы (Околорусье, Воскресенский, Офремовский пог.) были закреплены московской администрацией за Гридей и за Ивашком, сыновьями Ивана Зверева. Так, сопредельные с дер. Нагаткино деревни Каменка и Лосьтино на р. Порусье, переданные сыновьям Зверева, упомянуты как бывшие владения Григория *Ногаткина* [НПК V: 243, 244]. По всей вероятности, окрестное население долго сохраняло воспоминание о *Ногаткиных* — исконных владельцах здешних земель, однако отразило это владельческое имя в названии деревни (новопоставленной либо старой, но изменившей прежнее название) несколько позднее периода земельных описаний, проведенных в конце XV — нач. XVI столетий, благодаря чему дер. *Нагаткино* оказалась не отмечена ранними писцовыми книгами.

Патронимическое имя новгородских землевладельцев (ср. еще на другой территории: *Нагаткин* Богдан Осипович, 1629 г., Муром [Он. Вес.: 221]) возводится к имени-прозвищу *Ногатька* из др.-рус. *ногата* (*нагата*, *нагота*) — обозначения единицы древнерусской денежно-весовой системы. Ногата была популярна особенно в древнем Новгороде: здесь в XI в. она приравнивалась к 2,56 г серебра и составляла 1/20 гривны, в XIII—XIV вв. — к 1,87 г серебра и 1/7 гривны [СлРЯ XI—XVII 11: 416]. Не считалась крупной денежной единицей, поэтому деминутивная форма *ногатка* вполне прогнозируема. Что касается фамилий, производных от обозначений монет, то они хорошо известны; ср. *Копейкин*, *Денежкин*, *Грошев*, *Деньгин*, *Рублев*, *Полтинин* и др. в материалах Б. Унбегауна [1989: 159], ср. еще личн. *Мортка*, *Морткины* (: др.-рус. *мърдъка* ‘денежная единица’; подр. см. геогр. *Морконницы*).

В свете сказанного допустимо трактовать название селения *Нагатино*, вошедшего в черту Москвы (ныне *Нагатинская* ул.; пристань *Нагатино*, метро «*Нагатинская*», р-ны *Нагатинский затон*, *Нагатино-Садовники*). С 1336 по 1461 гг. упоминается как село *Ногатиньское*, позднее *Ногатино*. Данный известный топоним сопоставляли с названием рукава *Ногат* в дельте Вислы и с прус. *Nogothin*, с апел. *отнога* ‘рукав реки’, а также с сочетанием *на гати* (к термину *гатъ*); подр. о версиях [Поспелов 1999: 165]. Однако не исключено, что моск. *Нагатино*, как и новг. *Нагаткино*, — обычное поссесивное производное от прозвища, равного обозначению древнерусской денежной единицы.

Порхов гор. на р. Шелони, р. ц. Пск. обл. Первый раз указан летописью под 1346 г., когда литовский князь Ольгерд «взя Шелону и Лугу на щить, а с *Порховского городка* и съ Опоки взя окупь» [НПЛ: 358 (Ком. сп.); НЛ: 221]. С этого времени городок многократно упоминается в письменности уже только под названием *Порхов*. Сооружение каменной крепости в Порхове относится к 1387 г.: «Того же лѣта благослови владыка Алексѣи весь Новѣгород ставити город *Порховъ* камень; и послаша новгородци Ивана Федоровича, Фатьяна Есифовича, и поставиша город *Порховъ* камень» [Там же: 381]. В летописном списке древнерусских городов, составленном в конце XIV в., это качество Порхова особо подчеркнуто: «на Шолонѣ *Порховъ* камень» [Там же: 381, 477]. Город указан двумя новг. бер. гр.: № 275/266 3-й четверти XIV в. («оу *Поръховъ*») и № 540 нач. XV в. («в *Порховъ*») [Зализняк 2004: 603, 660]. Писцовые книги Шел. пят. [НПК IV: 216; V: 62, 64, 66, 571—582] отмечают Порхов как значительный город, территориальный центр (см. также описания Порховского околородья, Порховского уезда).

Подобным же образом имя еще одного новгородского владельца земель в Околорусье конца XV в. Семена *Свинухова*, деревни которого перешли к наследнику все того же Ивана Зверева (см.: «В Околорусье за Андреем за Ивановым сыном Зверева деревни (...) Семеновские *Свинухова*» под 1539 г. [НПК IV: 358]), легло в основу названия забытой ныне дер. *Свинухово* (по [СНМНГ III: 28—29], — дер. *Старое Свинухово* Воскресенской вол. Ст. у. 1909 г., на р. Порусье, в 5 верстах от Нагаткино), которая тоже не значится в писцовых материалах.

Специфика названия (*Порхов* муж. р., *Порховский городок*) квалифицирует этот населенный пункт в качестве изначального городского укрепления. О том же свидетельствует археологическая достопримечательность — старое *Порховское городище* при впадении ручья на правом берегу Шелони, основные пласты которого относятся к XIV в., но встречаются материалы XIII в. Археологи (П. А. Раппопорт, Е. А. Рябинин) связывают это городище с *Городцом* на Шелони, который построили новгородцы в 1239 г. под руководством князя Александра Невского, см. [Куза 1996: 60], а также [Попов 1981: 77].

Сейчас можно со всей уверенностью (по крайней мере большей, чем это казалось А. И. Попову [Там же]) считать название гор. *Порхов* производным от архаического вост.-слав. имени или прозвища с нулевой суффиксацией *Пърхъ* (> *Порх*), наряду с гидронимами *Порхов* (по [Шан. РЛЮ: 52] — *Порховской/Порховский*) п. пр. Болотницы, л. пр. Сичевой, л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова, *Порховка* л. пр. Охты, п. пр. Невы [Там же: 258] и ойконимами *Порхово* дер. в окрестностях гор. Яма Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 891] (= совр. дер. *Порхово* на р. Луге выше гор. Кингисепп Лен. обл., ранее в Ямб. у.) + дер. на р. Ящерина Неболчск. Люб., а ранее Жуковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 48—49] и *Порхова* пуст. в Засыпенской вол. Бор. у., согласно МОЗУ 1914 г. [КГарн]. За пределами региона бывших новгородских пятин перечисленную топонимию дополняют: *Порхово / Пархово* дер. Торопецкого у. Пск. губ., *Порхово* дер. Волоколамского у. Московской губ. + дер. Кадниковского у. Вологодской губ., *Порхова* дер. на р. Сижка Ржевского у. Твер. губ., *Порховицы* дер. Бельского у. Смоленской губ., *Порхова* (польск. *Porshowa*) дер. в округе Бугач в Галиции, *Порховка* дер. Великолуцкого у. Пск. губ. и сел. Волчанского у. Харьковской губ. [Vasm. RGN VII 2: 301]. Ср. прозвище землевладельца Васюк *Порх* 1504 г. и фамилию гонца Ивашко *Порхов* 1641 г., оба по документации Северо-Восточной Руси [Туп. СДЛСИ: 316, 704], соотносимые с праслав. **pъrxati*, рус. *порхать* ‘перелетать с места на место’, диал. ‘бегать, резвиться’, ‘разбрасывать, разбрызгивать’, *пърхлый* ‘рыхлый’, *порховый* ‘пышный, рыхлый; легкий’ и др., сводка значений в [СРНГ 30: 110—114]. Из более поздних по происхождению, суффиксально оформленных имен (прозвищ) на базе **pъrx-* см. ст.-рус. *Поршень* Антон Климентьев [Вес. Он.: 255] при наличии рус. диал. (пск., твер.) *пършень* ‘башмак’, но и ‘резвый, веселый ребенок’ [СРНГ 30: 116—117], личн. *Порхан*, *Порхачев* Нефед, подьячий 1520 г. [Вес. Он.: 255]; последнее отложилось в новг. геогр. *Порхачово* дер. Петровского Борисоглебского в Боровичах пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 959]. Современные экспрессивные номинации лиц по говорам: *пърховица* о легком худеньком человеке; *пърховка* о человеке с легкой походкой, быстром в движении и легком «на подъем»; *порхайка* — ‘непоседливый, очень подвижный ребенок’ [СРНГ 30: 110—113], — раскрывают вероятные семантические грани др.-рус. прозвища *Пърхъ*, отраженного в геогр. *Порхов*, *Порхово*.

Очевидно, родственную для рассматриваемой ойконимии антропонимическую основу показывает геогр. *Прохово* дер. и поч. в Егорьевском Удомельском и в Воскресенском Осеченском пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 80, 267]. Ср. еще

сопредельные совр. ойконимы *Прохово* дер. на оз. Ветрино Вышневолоцкого у. Твер. губ. [СНМРИ 43: № 3455] и *Проховцы* дер. Бельского у. Смоленской губ. (ср. в том же Бельском у. геогр. *Порховцы*) [Vasm. RGN VII 2: 412, 301], восходящие к личн. **Пръхъ*. Последнее предпочтительно квалифицировать как фонетический вариант личн. *Пърхъ*, развившийся на общей лексической базе **рърх-* (: **рърхати*). Здесь мы встречаемся с особым (диал. др.-новг.) типом развития сочетаний редуцированных с последующим плавным между согласными — переходом **ГърТ* > *ТръТ*, см. [Зализняк 1997: 250—258; 2004: 50—52]. Двойкую рефлексацию данного корня доказывают современные диалектные факты; ср. родственные *порховый* ‘пышный, рассыпчатый, рыхлый’, ‘редкий, неплотный’ и др. [СРНГ 30: 113] и *прóховый* ‘рыхлый, пористый’, ‘редкий, негустой’ а также ‘быстрый, ловкий в работе, умелый; работающий’ [СРНГ 33: 28]. Применительно к этим вариантам следует указать еще геогр. *Прошнево* дер. Покровского пог. в Мирогожской Дуброве 1545 г. + дер. Никольского пог. в Молдине 1551 г. [НПК VI: 496, 810]: к личн. **Пръшьнь*; ср. арх. диал. *прóшень* ‘деревянный стержень, к которому прикрепляют куделю’ [СРНГ 33: 47] при наличии апел. *поришень*, личн. *Поришень*.

Скново дер. на Полонке, п. пр. Шелони, к западу от Порхова и к югу от ж.-д. ст. Дно, в сер. XIX в. была указана в составе Порх. у. [СНМРИ 34: № 11298]. Деревня безусловно отождествляется со средневековой дер. *Скнево* «на рѣкъ на Полоной» в пог. Михайловском на Полоной Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 314]. Этимологическому обоснованию ойконима способствует древнеписьменное геогр. *Ксново* сел., зарегистрированное новг. бер. гр. № 689 2-й пол. XIV в.: «На *Ксонови* взял полторы коробьи ржи у Оврама» [Зализняк 2004: 573]. Упоминание р. Узы и дер. Полоная в грамоте № 689 дало исследователям основание заключить, что речь идет о среднем течении Шелони (окрестности Порхова). Действительно, писцовая книга Шел. пят. [НПК V: 575] отмечает в Порховском околородье дер. *Ксново* 1576 г., с которой идентифицируется *Ксново* берестяной грамоты. Вместе с тем писцовая документация XVI в. доказывает, что дер. *Ксново* 1576 г. — та же самая дер. *Скнево*, упомянутая десятилетиями раньше. В частности, книга 1539 г. сообщает, что дер. *Скнево* была за князем Василием Засекиным и в ней находился «дв. болшой самъ Василей». Но и книга 1576 г. содержит указание на этого же феодала: «дер. *Ксново*, а въ ней былъ дв. помѣщиковъ князя Василья Засѣкина, а ныне дв. пустъ».

Таким образом, изложенные факты подразумевают этимологическое тождество топонимических форм *Ксново* и *Скново* / *Скнево*, выступающих вариантами одного ойконима, по сути дела, синхронными, которые должны трактоваться в едином ключе. На мой взгляд, эти варианты отсылают к личн. *Късьнь*, -я, которое соотносится с др.-рус. адъективом *късьнь(ьн)*, позднее *косный* ‘медленный, продолжительный’, ‘медленный, медлящий с чем-л.’, ‘тупой, вялый (об уме)’, ‘неразборчивый (о речи)’, ‘бедный (о языке)’, см. [СлРЯ XI—XVII 7: 364] (к этимологии праслав. **късьнь(ь)*) см. [Фасм. ЭСРЯ II: 346; ЭССЯ 13: 246]). Факультативным результатом утраты редуцированных в приведенных лексемах явилась основа *кcn-*, отраженная в

геогр. *Ксново* (наряду с общерусским развитием *косн-*, нашедшим топонимическое выражение в виде псковского же геогр. *Косново* дер. Опочецкого у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 6171]). Впоследствии реализовалась метатеза *кс->ск-*, естественная для славянской комбинаторики согласных, что дало вариант геогр. *Скново/Скнево*. Антропоним, отложившийся в новг. *Ксново*, кажется, удостоверяется др.-словен. личным именем *Късьне*, которое было восстановлено из немецкой грамоты 957 г. (в источнике «*Kazne*») [Kronsteiner 1981: 207]. Кроме того, к нему близко личное имя с гипокористическим суф. *-ила*, представленное в двух бер. гр. из Старой Руссы (обе — сер. XII в.), содержащих предложно-падежную форму Род. ед.: «оу Косниль» (Ст. Р. 19), «оу Косениле» (Ст. Р. 22) — ‘у *Коснилы*’ [Зализняк 2004: 336—337]. А. А. Зализняк [Там же] допускает выведение отмеченного имени из *Къснятинь*, однако наличие записи «оу Косениле» с гласной между *с* и *н* предполагает скорее вид *Късьнила* на базе адъективной основы *късьн-*¹⁹. Допустимо считать также, что др.-рус. личн. *Късьнь* сохранилось в качестве ст.-рус. *Ксен* — одного из прозвищ князей Шаховских; см. материалы С. Б. Веселовского [Вес. Он.: 167], который, впрочем (что не менее надежно), связывает *Ксен* с лексемой *ксень* ‘налимья икра’, родственной словам *кислый*, *киснуть* [ЭССЯ 13: 245—246]. Ср. по поводу этого имени еще новг. геогр. *Ксеновская Гора* дер. в Лопатицкой вол. Дер. пят. сер. XVI в. [ПKNЗ 5: 376, 378].

Так же, как геогр. *Ксново/Скново/Скнево*, следует объяснять ойконим ***Шкново*** (< **Скново*), который связан с деревней, локализуемой примерно в 70 км южнее — при оз. Полисто в Полистово-Ратчинской вол. Холм. у., по сведениям 1870-х гг. [СНМРИ 34: № 14047].

Общерусское развитие *късьн- > косн-* в антропониме *Късьнь-я*, быть может, показано еще старописьменным геогр. ***Кошнево*** дер. Деманского пог. Дер. пят. около 1495 г. (= пуст. *Кашинова* Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 150]) + дер. Петровского Борисоглебского пог. в Боровичах Беж. пят. 1564 г. [НПК II: 513, 534; VI: 926], хотя здесь более вероятны иные этимологические истоки (например, на базе **кох-* ‘любить’).

Хилово дер. и курорт вблизи гор. Порхов Пск. обл. В XIX — нач. XX в. селение входило в Горскую вол. Порх. у., в частности, под 1885 г. здесь отмечена ус. *Хилово* с серными водами и купальнями [СНМРИ 34: № 11594]. Впервые ойконим значится под 1539 г.: дер. *Хилово* Ясенского пог. Шел. пят. на р. Узе, л. пр. Шелони [НПК IV: 457, 458]. Писцовые книги Шел. пят. конца XV—XVI вв. указывают в Пошелонье еще несколько деревень, именуемых ***Хилово***: в Пажеревицком пог. немного южнее Порхова, в Никольском пог. (верховья Шелони) и в Дегожском пог. (истоки Шелони); кроме того, были дер. ***Хилок*** в Дремяцком пог. Шел. пят. 1571 г. (= совр.

¹⁹ Метатезированный вариант личного имени *Късьнила*, сохраненного новгородскими берестяными грамотами, — *Скнила/Скниль* — отражают укр. геогр. *Sknillow, Sknilowek, Sknilowska Stadnia*, близлежащие пункты в Галиции неподалеку от Львова, указанные в [Vasm. RGN VIII 2: 307].

дер. *Хилок* Осьминск. Луж.), *Хилово* в вол. Сорогошино Беж. пят. 1545 г., *Хилково* Коломенского пог. и *Хилцово* в вол. Морева Дер. пят. 1495/96 г. [НПК IV: 258; V: 373, 492, 617; VI: 433; I: 96; II: 712]. Названия восходят к др.-рус. личн. *Хыль*, *Хылько*, равному др.-рус. *хыль* ‘кривой, косо́й, согнутый’ (как блр. *хiлы* ‘кривой’ или укр. *хилий* ‘согнутый, дряхлый’). Производные гипокористики и патронимы известны по др.-рус. и ст.-рус. письменности обычно на Русском Северо-Западе: *Хылков* Ивашко Фомин, *Хилков* Иван, землевладельцы в Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 135, 640], *Хилец* во Ржеве 1474 г., *Хиловкин* Куземка в Тихвине 1619 г., *Хилок* кн. Иван Федорович Хрипунов Ряполовский 1519 г., от него князья *Хилковы* [Вес. Он.: 338], *Хилков* Ондрей Васильевич, воевода двинский 1617 г., *Хилкович* Василий, священник в Галиции [Туп. СДЛСИ: 414, 804, 812], в бер. гр. № 22 (1-я пол. XII в.), найденной в Старой Руссе, фигурирует *Хыловая* — наименование жены по мужу, которого звали *Хыль* (т. е. ‘Хылова жена’) [Зализняк 2004: 337, 815].

Название дер. *Хилиново* под 1499 г., иначе пуст. *Хилино* под 1524 г., в Буряжском пог. Шел. пят. [НПК V: 402, 418], по-видимому, связано с другим, христианским, именем в народно-разговорной форме — *Хиль*, *Хиля* (: *Филимон*, *Филипп*, *Феофил*, *Филон* и т. п.).

Чеглово дер. Ильинского пог. в Слезкине Беж. пят. 1545 г. [Там же: 532] и *Чеглова*, улица в средневековом Новгороде, указанная под 1194 г.: «... Загореся въ *Чьглове* улки, и погоре дворовъ съ 10» (по иным спискам: «въ *Чегловѣ*», «въ *Чехловѣ*» [НПЛ: 41, 233], «в *Чихлове*» [НЛ: 12])²⁰. Названия идут от личн. *Чьгль*, отраженного др.-рус. письменностью; ср.: «*Чьгъле*, кривая главо, пиши право», приписка в Словах Григория Богослова, XI в. (по [Туп. СДЛСИ: 422]). Антропоним соотносится с др.-рус. *чегльми*, *чекльми* ‘исконный, подлинный’ (по источнику 1397 г.), совр. блр. *чокльий* ‘настоящий, прямой, точь-в-точь’, см. [Срезн. МСДРЯ 3: 1487; ЭССЯ 3: 176], кроме того, в др.-рус. *чегльми* видят родство с *чеглок* ‘маленький сокол’, как и со *щегол*, *щеголь* [Фасм. ЭСРЯ IV: 323].

Это прозвище, отражают, по всей вероятности, также новг. геогр. *Чехлово* дер. на оз. Долгое Сумерской вол. Шел. пят., согласно источнику 1627—1628 гг. [Неволин 1853: 152, 127 прил.] (в XIX в. — была дер. Гд. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37: № 982]), *Чеголь*, или *Чаголи*, дер. в Луж. у. 2-й пол. XIX в. [Там же: № 1842] (сегодня — дер. *Чеголи* Дзержинск. Луж.), *Чекла* дер. во 2-м стане Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 114], *Чоголино* дер. в Шегринском пог. Дер. пят. 1539 г. [ПКНЗ 4: 137]. От новгородской территории топосоответствия уходят далеко на восток: *Чеглово* дер. Галичского у. Костромской губ., *Чегловский* пос. близ Нолинска, *Чеглы* дер. близ Котельнича, *Чиголи* дер. — все три пункта в Вятской губ., *Чягловка* дер. на рч. *Чягловка* Буйского у. Костромской губ., *Чяглы* (*Щеглы*) дер. на р. Сура к западу от Симбирска [Vasm. RGN X 1: 38, 58, 59, 134, 141], ср. еще *Чегла*, или *Чеголка*, р. в верховьях Дона [Маштаков 1934: № 613.8].

²⁰ Местонахождение этой древней улицы (улки) Новгорода точно не установлено, но, судя по контексту отмеченных рядом урбанонимов, она находилась где-то на Софийской стороне.

Ожедово дер. Молвятицкого пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 661]. Уже в XVI в. этот ойконим переоформился по модели родовых названий в *Ожееды* дер. Молвятицкой вол. 1561 г. (см.: «Гаврилка Сидоров сын, Нежданов (<...>) из деревни из *Ожеед*» Род. п. [ПKNЗ 5: 410, 411]). В конце XVIII в. — дер. *Ожееды* Ст-Рус. у. [ИАДП I: 210], в нач. XX в. — *Ожееды* и *Ожееды Малые (Почище)*, смежные деревни Молвотицкой вол. Дем. у. на рч. *Ожеедка* в верхнем течении Полю [СНМНГ II: 58—59], сохранявшиеся до Великой Отечественной войны (сегодня — ур. *Ожееды*). Первоначальный ойконим есть не что иное, как поссесив на базе др.-рус. прозвища **Ожеѣдъ*, которое построено по продуктивной модели образования экспрессивов на -ѣдъ (-ед). В первой части композита отражено др.-рус. *ожь* ‘еж’, отмеченное в памятниках не позднее XV вв. [СлРЯ XI—XVII 12: 296]; таким образом, семантически **Ожеѣдъ* — ‘кто ест ежей, ежеед’. Возникновение этого прозвища, похоже, презрительно-насмешливого, обосновывается историко-этнографическими реалиями: на Руси ежей ели в голодные годы, еж считался никчемной дичью; ср. древнерусскую поговорку из «Слова Даниила Заточника»: «не скоть въ скотѣх коза; ни звѣрь въ звѣрех ожь» [Там же]. *Ожеѣдом* прозывали бедняка, бедствующего человека. Распространение прозвища в средневековой Новгородской земле, похоже, доказывается также наличием **Ожедово** дер. на р. Порусья Новосельск. Ст-Рус. к югу от Старой Руссы, ранее — дер. Воскресенской вол. Ст-Рус. у. Согласно источнику нач. XX в., эта деревня именовалась *Ожедово I-е* на Порусье, а в двух верстах поодаль от нее, на р. Редья, стояла дер. *Ожедово II-е* [СНМНГ III: 28—29], на карте-трехверстке 2-й пол. XIX в. [ВТКЗверст] они подписаны *Ожедова Первая*, *Ожедова Вторая* (более ранних сведений о пунктах не найдено). Форма *Ожедово* скорее идет из **Ожеедово* (< **Ожеѣдово*) в результате севернорусского выпадения *j* и последующего стяжения гласных. Внегородские соответствия по топооснове не выявлены.

Реткино дер. на р. Луга Никольского Передольского пог. под 1500, 1539/40 гг., запустевшая к 1582 г. [НПК III: 181; Селин 2003: 171], + дер. Ильинского Заможского пог. в Копорском у. Вод. пят. 1500 г. + дер. и поч. в пог. Воскресенском в Осечке Беж. пят. 1545 г. [НПК III: 571; VI: 74, 95]. Ср. личное имя в новг. бер. гр. № 905 последней четверти XI в. («оу *Рѣтъкъ*»), имевшее вид *Рѣтъка*, но скорее — *Рѣтъка*; во втором случае оно производно от др.-рус. *реть* ‘ссора, распря’ и, по-видимому, приравнивается к др.-польск. *Retka* [SSNO IV: 463] и к имени писца Супрасльской рукописи *Ретко* [Зализняк 2004: 248]; ср. еще *Реткин* Семен Иванович в Медыни 1550 г. [Вес. Он.: 268], *Реткин* Федор, московский подьячий 1622 г. [Туп. СДЛСИ: 723].

НАЗВАНИЯ ОТ НЕСЛАВЯНСКИХ ПОЛНЫХ ИМЕН

Олгово дер. Ясеновичского пог. Дер. пят. 1495/96 г. [НПК I: 47], = *Лгов* пуст. Вышн. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 305]. Название восходит к хорошо известному по летописям др.-рус. княжескому имени *Ольгъ* (из сканд. *Helgi* ‘святой’ [Фасм. ЭСРЯ III: 133]), которое позднее оформилось в совр. рус. *Олег*. До XV в. носителями данного имени были представители правящих династий. Актовая письменность

Северо-Восточной Руси XV в. уже не показывает употребления личн. *Олег* в центральных русских землях [Wójtowicz 1986: 25], нет его, как будто, и в материалах по Новгородской земле старорусского времени. Ср., впрочем, производное *Ольгов* в составных наименованиях вотчинников в Костроме XV—XVI вв., княжеского тиуна и пристава 1-й пол. XVI в. в Москве [Вес. Он.: 231; Туп. СДЛСИ: 678]. Из исторической топонимии отмечу гор. *Ольговъ/Ольговъ*, известный по Ипатьевской летописи под 1152 г. [ПСРЛ II: 455—456] (= совр. *Льгов* Курской обл., о нем подр. [Никонов 1966: 244]) + пункт *Ольгово* под Рязанью, согласно грамоте рязанского князя Олега Иоанновича *Ольгову* монастырю (1356—1387 гг.) [АИ I: 2], позднее — дер. *Льгово/Ольгово* в Рязанском у. Ср. также *Ольгово* — дер. в Подмоскowie под гор. Дмитровом и несколько пунктов в бывшей Витебской губ., *Ольговка* — многие пункты по всей Украине, близ Орла, Курска, Смоленска и к востоку вплоть до Среднего Поволжья [Vasm. RGN VI 2: 403—404]. Утрата начальной гласной в части перечисленных названий вызвана переосмыслением *о* в качестве факультативной протезы перед консонантным сочетанием с первой плавной (ср. еще варианты укр. геогр. *Олжичи/Лжичи*, равно как *Оргоць/Ргоць/Рогоща* в басс. Десны недалеко от Чернигова, по [Купчинский 1981: 176; Насонов 1951/2002: 206—207]). Утрата *о* в анлауте оказалась вполне регулярным явлением для рассматриваемой топонимии, судя по тому, что прежнюю топонимическую форму *Ольгово* продолжают еще названия дер. *Льгово* в Кашинском и Старицком р-нах, *Большое Льгово* и *Малое Льгово* вблизи Калязина, — все в Твер. обл., у южных, юго-восточных границ исторической Новгородской земли; ср. еще сел. *Lgów* в Польше, известное с 1391 г. [Niekula 1971: 117].

Второе любопытное новгородское название — *Ольжина Гора*, производное от женского варианта данного имени, — связано с деревней в Пречистенском Тихвинском пог. Обон. пят., о которой сообщает жалованная грамота Лжедмитрия Тихвинскому Успенскому монастырю 1605 г. [АИ II: 74]. Палатализованный вариант *Ольжина* свидетельствует об архаическом древнерусском образовании. В старорусскую эпоху утвердилась уже «выравненная» форма посессива (ср. прил. *Ольгин,-а,-о* в совр. языке); ее показывает, в частности, старое новгородское название пожни *Ольгина* при устье Волхова, согласно документу 1624 г. [АИ III: 200]. Впрочем, геогр. *Ольгина* в данном случае может репрезентировать как раз не позднюю, а, напротив, раннюю, др.-новг. диал. форму, поскольку весьма вероятно, что в др.-новг. диалекте перед суфф. *-ин-* не было эффекта первой палатализации заднеязычных [Зализняк 2004: 202]²¹.

²¹ Конкретные обстоятельства появления отмеченных новгородских названий, неведомы, но в качестве гипотезы допустимо рассмотреть их в контексте известных по летописи событий IX—X вв., имевших место в Новгородской земле. В частности, *Ольжина Гора* в Тихвинском пог. может оказаться некоей, хотя бы символической, реминисценцией отдаленных времен княгини Ольги, которая, как известно из летописи, устанавливала на севере Руси в 947 г. «повосты и дани». Топонимов, оваянных народными легендами и преданиями, которые связаны с именем Ольги, обнаружено несколько десятков в исторической Псковской земле — родине древнерусской княгини (неоднократно отмечались *Ольгино* как названия селений, *Ольгин* камень, *Ольгины Слуды*, *Ольгины Ворота* в басс. р. Великой, *Ольгин Крест* на р. Нарве); указывались подобные легендарные топонимы также в Полужье (пог. Сабле, или *Ольгин* по-

Иворова ул. Торговой стороны средневекового Новгорода. В летописи [НПЛ: 380] указана под 1384 г.: «Того же лѣта совершиша церковь камену святого Клементя на *Иворовѣ* улицѣ», см. еще по [НЛ: 70, 76, 191, 247, 321, 351]. Межтерриториальная новг. параллель обнаруживается неподалеку от впадения Ловати в оз. Ильмень, где писцовая книга 1624 г. фиксирует ур. **Иворов Остров** и/или *Иворов* («Пожня Задворская по конец *Иворова Острова*»; «Пожня (...) на реке на Ловоти на *Иворове*») [ППКСР: 217, 237]. Названия возводятся к личн. *Иворъ* из др.-сканд. *Ívarr* [Ваесклюд 1956: 29; Vasmer 1931: 664], которое зафиксировано в договоре русов с греками 944 г. и, судя по летописным упоминаниям, имело хождение в разных древнерусских землях до XIV в., см. [Туп. СДЛСИ: 165, 559]. Имя сохраняется в языке балтов, см. лтш. *Ivars, Aivars*. В частности, на новгородской территории под 1215 г. несколько раз упомянут новоторжец *Ивор* и фигурирует воевода «свейский» *Ивор*, убитый двинянами в 1445 г. [НПЛ: 54, 252, 253, 426, 446]. Топонимия от данного имени имеет довольно широкую географию в русских землях: геогр. *Иворово* дер. на левом берегу Волги Кинешемского у. Костромской губ., *Иворово* дер. на р. Рязанке Юрьевского у. Владимирской губ., *Иворовка* дер. на р. *Иваровка* в Богородицком у. Тульской губ., *Иворовское Сельцо* дер. на Северной Двине недалеко от Устюга Вологодской губ., *Иворское* дер. в Старицком у. Твер. губ. [Vasm. RGN III 3: 595] (сегодня — дер. *Иверовское* Старицкого р-на Твер. обл.), средневековое пск. *Иворовица* («пожня чернеческая на *Иворовицы*»), указанное отдельной грамотой Спасо-Мирожского монастыря с сябрами, XV в. [ГВНП: 330, гр. 345].

Фларёво дер. Астриловск. Ст-Рус., в нач. XX в. — дер. *Фларево* на р. Каменке Астриловской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 14—15], идентифицируется с дер. *Фларево* 1498 г. в Дретонском пог. Шел. пят. [НПК V: 252]. В основе ойконима личное имя *Фларь* — вариант календарного личн. *Флор* (лат. *Flor*), более известного в народной метатезированной форме *Фрол* (ср. фамилию *Фролов*), укр. *Хрол*, ср. *Хроленко*. Но модификация *Флорь* > *Фларь* носит сугубо др.-новг. диалектный отпечаток, выражающийся, в частности, в подударном переходе *o* > *a* при обрусении ряда календарных имен: *Ларьян, Пороман, Симан, Огафан, Родиван* и т. п.; ср. «нормальные» *Ларион, Парамон, Симон (Семен), Огафон, Родион*; подобная замена — одна из характерных черт именно древненовгородского диалекта [Зализняк 2004: 205]. В новг. бер. гр. среди вариантов лат. *Flor* очень часто встречается именно *Фларь*, реже *Фларь, Храрь* (новг. бер. гр. № 553, 234, 262, 263, 316, 409, 443, 615, 92, 112,

гост) и в Нижнем Приладожье (*Ольгино Сельцо*), см. [Александров 1994; 2001]. Кроме того, в окрестностях Старой Ладogi, согласно летописной легенде, локализуется знаменитая *Олегова могила*; с ней отождествляют монументальную насыпь в ур. Сопки на левом берегу Волхова неподалеку от устья, см. [Основания регионалистики: 324—329]. Обращает на себя внимание территориальное соседство этого объекта с *Ольгиной* пожней при устье Волхова, намекающее на некую общую конкретно-историческую подоплеку появления названий. Впрочем, это не более чем сугубо теоретическое осмысление существа топонимов, близких фонетически и территориально.

198), сохранилось и производное *Фларевъ* Семень, новгородец (бер. гр. № 186) [Зализняк 2004: 813—815].

Древность приведенных антропонимических форм (до XVI в.) позволяет говорить об архаичности названий типа *Фларево*, которые, замечу, очень редки в материалах позднего времени: помимо *Фларево* Астриловской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в., сегодня найдем лишь *Хларёво* Копачевск. Удом. (в сер. XIX в. этот пункт значился в Вышн. у. [СНМРИ 43: № 3219]). Их единичность особенно выразительна на фоне многочисленной восточнославянской ойконимии от личн. *Фрол*, насчитывающей до полутора сотен повторяющихся названий типа *Фролово*, *Фролов*, *Фроловский*, *Фроловка* и др. [Vasm. RGN IX 3: 436—439], которые в основной своей массе сравнительно позднего происхождения. Новгородские писцовые книги конца XV—XVI в. дают значительно больше ойконимов от личн. *Фларь*, чем совр. материалы: таковы названия дер. *Фларево*, *Фларева*, *Фларевичи*, сконцентрированных главным образом в Шел. пят. (Лубинский, Бельский, Илеменский, Дретенский погосты, Порховское околгородье) [НПК IV: 74, 374; V: 185, 252, 264, 523, 544, 575, 576], дер. *Фларево* отмечается в Спасском Молодиленском пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1057], дер. *Фларева* была в Егорьевском Лопском пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКВод 11: 57], ср. еще пск. геогр. *Фларево Сиденье* сел. неподалеку от гор. Остров, известное из грамоты XV в. и позднее исчезнувшее [Марасинова 1966: 121]. В более позднее время на новгородской территории получают распространение иные варианты данного имени — *Фрал*, *Фраль*, реже *Храль*; в отличие от перечисленных выше ойконимов, их топонимические следы единичны в писцовой документации конца XV—XVI в. (ср. старописьменное геогр. *Фралево* дер. Михайловского пог. Дер. пят. [НПК I: 198]), зато неоднократны по данным XVIII—XX вв.: ср. геогр. *Фрали* пуст. «речки Казминки на правом берегу» по Ген. меж. 1785 г., № 2306, в Николо-Мошенской вол. Бор. у. [КГарн], *Фралево* дер. на оз. *Фралево* Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 84—85] + дер. на оз. Тихмено Жабенской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 36—37] + дер. Новоржевского у. Пск. губ. [СНМРИ 34: № 5652], совр. *Фралёво* дер. неподалеку от Бежецка (по МАТГ — *Фролёва*), *Фралевицы*, вар. *Флоревыцы*, дер. в окрестностях Петергофа Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 3762], сюда же, возможно, *Фралково* дер. на р. Рузе Рузского у. Московской губ. (но скорее, благодаря аканью из *Фролково*). Можно добавить к этому, что и приведенное выше *Фларево* средневекового Спасского Молодиленского пог. в конце XVIII в. предстает уже как *Хралева* в Никандровской вол. Бор. у. («деревня Клешино с пустошью *Хралево*й» под № 2051 в Ген. меж.) [КГарн]. Таким образом, практически все такие названия прикреплены к старой новгородской территории.

Ойконимы *Фларево*, *Фралево*, *Фролово* и т. п. мотивированы, надо полагать, во многих случаях не личными именами первопоселенцев или перволадельцев, а наименованиями церквей, которые были освящены в честь святых *Флора* (в диалектной речи — *Фрол*, *Фрал*, *Фраль* и др.) и *Лавра*. Именно так объясняется, в частности, название средневекового *Фроловского* пог. Шел. пят.: в его центральном

сельце писцовые книги отметили главную погостскую церковь *Фрола* и *Лавра*, см. [Андрияшев 1914: 30]. Второе имя попарно упоминаемых святых (*Флор* и *Лавр*, *Борис* и *Глеб*, *Кир* и *Иван*) иногда отсекалось, и топоним основывался только на первом из этих имен. В связи с этим можно заметить, что церковь в честь Флора и Лавра в средневековом Новгороде именовалась *Фларева*: «...Загорѣся *Фларевь* на Люгощи улици», 1348 г. [НПЛ: 361]. Среди ойконимии результат такого отсекачения показывают, например, название дер. *Борисово* Ст-Рус. р-на на южном побережье Ильменя, ранее Коростынской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 66—67] (в деревне, по правдоподобной местной легенде, некогда стояла церковь *Бориса* и *Глеба* [ЛЗап]), или название ул. *Курова* в Новгороде XVI в. [ПКНЗ 1: 349, 350, 355, 360, 366], полученное по церкви в честь святых *Кира* и *Ивана*²².

Янево дер. в вол. Тросна на юго-востоке Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 165], *Янева* ул. в Ивангороде, согласно книге 1570/71 г. [ПКНЗ 6: 141] и *Янева* ул. Софийской стороны в Новгороде [НПЛ: 93, 334, 389, 396, 398, 409, 416; НЛ: 43, 58, 63, 125, 249, 259, 327], впервые упоминаемая под 1311 г. Данные названия образованы от личн. *Янь*, точнее от более редкого и, кажется, более древнего его варианта *Янь* с мягкостью согласного; варианты *Янь* и *Янь* соотносятся примерно так же, как др.-польск. личн. *Ман* и *Маі*, др.-чеш. *Ман* и *Маі*, указанные в [SSNO III: 390; Svoboda 1964, 280]. В древнем Новгороде зафиксировано использование муж. личн. *Янь*, жен. *Яна*, *Янька* по берестяным грамотам XII — нач. XIII в. (№ 731, 506, 542, 553, 595) [Зализняк 1995: 326, 380—381] и в актовой письменности: *Янко*, купец новгородский [ГВНП: 95, гр. 56]. «Мягкие» варианты *Янь*, *Янько*, жен. *Янька* в основном отмечены для более южных территорий; ср. в ПВЛ: «в домъ *Яневъ*», «къ *Яневи*», «*Яневая* именемъ Марья», «на *Яня*», «попина *Янева*», *Янь* Вышатинъ, воевода киевский, *Янька*, дочь Всеволода и т. п., по [Роспонд 1979: 35]²³.

Среди соответствий по топооснове за пределами исследуемой новгородской территории отмечаются следующие факты: *Янева* дер. в районе Суздаля, *Яново* (вар. *Яново*) сел. неподалеку от Смоленска, *Яневичи* (польск. вар. *Janiewiczze*, *Janowicze*, *Jancewicze*) сел. в окрестностях гор. Ошмяны и Свенчаны в бывшей Виленской губ. на белорусско-литовском пограничье + сел. в окрестностях гор. Ровно + сел. близ гор. Владимир-Волынский в Северо-Западной Украине, *Яневича* ус. в районе Житомира, польск. *Janiewiczze* сел. близ гор. Белосток в Восточной Польше [Vasm.

²² В иных источниках XVI в. эта улица именуется *Кироивановская* или *Кироиванская*, см. [Майк. КПНВ: 222, 273]. Впервые же она упоминается в сообщении 1371 г. как ул. *Килова* на Торговой стороне: «Бысть пожаръ съ Ильинѣ улици въ Плотничькии конецъ, и Подолъ весь погорѣ, и конецъ до *Киловои* улици» [НПЛ: 371]. Форма *Килова* неточна: в ней следует видеть ошибку писца и читать *Кирова*, на что указывал еще Н. Н. Муравьев [1828: 25].

²³ Названия новг. оз. *Яня* в Бельском пог. Шел. пят. 1571 г. («рыба въ немъ шука, да лещи, да плотица, вдоль верста, а поперекъ пол-версты») [НПК V: 540, 547] и смежной с ним рч. *Яня* (по [Шан. РЛЮ: 336] — р. *Яна*), п. пр. Плюссы, не имеют этимологического отношения к новг. ойконимам *Янево*, *Янева*: гидронимы предпочтительнее связывать с приб.-фин. обозначениями зайца, ср. карел. *jänis*, вепс. *jäniš* 'заяц'.

RGN X 3: 528—529], сюда же серб. геогр. *Janjevo* [Miklosich 1927: 188]. Несравненно более многочисленна топонимия с «твердой» основой *Янов-*: судя по разным источникам, географические названия *Янов, Яново, Яновичи, Яновский, Яновицина* и др., равно как топонимические производные от суффиксальных вариантов личного имени типа *Янково, Янковичи, Янковка, Янчево* и др. рассеяны по нескольким сотням мест в Белоруссии, на Украине и в западнославянских странах. В использовании соответствующих антропонимов ощущается отчетливая связь древненовгородских говоров с украинской, белорусской и особенно с западнославянской языковой средой, в которой личн. *Ян, Янек* и поныне популярны. Реже встречаются подобные имена и восходящая к ним топонимия у южных славян, ср. др.-болг. *Яни* XV в., серб. *Јан* и *Јања, Јанко, Јанић* [Заим. БИ: 250; Грк. РЛИКС: 102—103], болг. геогр. *Янча, Янче* и др. [Заимов 1973: 178]. Личн. *Янь* квалифицируется как сев.-слав. диал. модификат христианского ц.-слав. имени *Иоанъ / Иоаннь*, функционировавший в Новгородской земле наряду с более активной общерусской формой *Иванъ* (к XV в., судя по письменным материалам, личн. *Иван* окончательно вытеснило *Ян* из новгородской речи)²⁴.

* * *

В целом рассмотренные географические названия позволяют реконструировать значительную группу разнородных по структуре и происхождению древнеславянских антропонимов, чаще всего не прослеживаемых по письменным источникам начиная с XVI в. на новгородской территории. Большинство восстановленных личных имен отражены в самостоятельном функционировании или в составе зафиксированных производных патронимических форм на разных отдаленных территориях Славии в разные исторические эпохи: *Безуи, Борько, Брахъ, Будишь, -а, Бьлко, Бьлсунь, Бьлтъ, -а, Бьлхъ / Бьлхъ, Бьлчь, -а, Бьрзъи, Велеть, Вереща, Витъ, Витъко, Волостъ, Волотъ, Волотъка, Груза, Дорогоча, Дорогына, -я, Дьржъко, Жестъ, Жюпанъ, Зоззица, Крекъ, Крехъ, Кречь, Кулота, Късьнь, -я, Кыи, Кышко, Кыясъ, Любанъ, Любля, Любота, Любовь, -а, Милъко, Милята, Мирохъна, -о, Молотъко, Некуриша, Немои, Немоика, Несъда, Несъдилъ, -а, -о, Нинъко, Ногатька, Ньгъша, Ньжикъ, Ньжъко, Ньмыи, Опалиша, Обрадъ, Обрадъко, Поньгъ, -а, Прибыль, -а, Прибыльча, -ь, Прибыша, Пьрхъ, Рамышь, Рахъ, -а, Рахъно, Рашько, Рьтъка (или Ретька), Ростъка, -о / Ростъка, -о, Рохъно, Рошько, Рядята, Събыша (или Събышька), Славъко, Смолигъ, Тереболь, -я, Теребошь, -а, Теребунъ, Теребушь, -а, Хотимъ, -а, Хотьмъ, -а, Хотъ, Хотьць, Хотьша, Хочь, Хьлтъ, Хьлтько, Чьгль, Чьрнигъ, Ярышь. Остальные обнаружены только «в связанном виде» — почти исключительно по топонимическим данным: **Братухъно, *Быстръи, *Быстръико,**

²⁴ По топонимии древнерусского и старорусского периодов прослеживается активное функционирование в новгородских говорах диалектного варианта *Еванъ*, ср. в писцовых книгах многочисленные топонимы *Еванково, Еваново, Еванцово, Евашово* наряду с *Иванково, Иваново, Иванцово, Ивашово* и др. [НПК. Указ. ГН: 131, 139—140].

* *Жьдажирь,-а*, **Жельята*, **Кочигь*, **Любыта*, **Любята*, **Нелюбиша*, **Нехоть*, **Нехуть*, **Ногатька*, **Нъмько*, **Обжирь,-а*, **Обънъгь*, **Ожевдь*, **Опекиша*, **Падиша*, **Пирята*, **Попалиша*, **Пръхь*, **Пръшьнь*, **Пръхачь*, **Съдята*, **Теребяка*, **Тужирь,-а*, **Чьсть*, **Елигь*. Проанализированные факты сигнализируют о былом присутствии в центральных районах Новгородской земли множества древнеславянских личных имен, разнообразных по ареалам, хронологии, семантике, моделям и средствам деривации, но, разумеется, этими фактами далеко не исчерпывается архаическая топонимия (почти исключительно ойконимия) на *-ово/-ево, -ино* в регионе.

Топонимия на *-ово, -ево, -ино*, будучи самой многочисленной и, как правило, словообразовательно «прозрачной», представляется весьма перспективным источником для реконструкции региональных антропонимических систем функционировавших в течение всей истории как древнерусского, так и русского языков, но прежде всего начиная с XIII—XIV вв. Именно в эту эпоху отмирает посессивный суф. **-j-* и его место окончательно занимают суф. *-ов/-ев-* и *-ин-*, а главное — происходит интенсивный рост деревень, с которыми данные топонимические модели ассоциируются самым тесным образом. Названия многочисленных деревень особенно широко отражают имена людей из социальных низов — крестьян, основавших деревни (по первоначальному смыслу, *деревня* — ‘пашня на месте вытербленного леса и починок на нем’ и далее — ‘крестьянское поселение с относящимися к нему земельными и сенокосными угодьями’ [Лемтюгова 1983: 121—122]). В силу демократического характера номинации деревень в полученной ойконимии прослеживается широкий спектр разнообразных личных наименований, бытовавших в стихии народно-диалектной речи. Начальный процесс ойконимизации деревень отчасти раскрывает, например, новг. бер. гр. № 1 (2-я пол. XIV в.), в которой представлена роспись доходов, получаемых с целого ряда крестьянских селений. Все отмеченные селения (в грамоте они обозначены еще словом *село* в исконном, более древнем значении ‘поселение’) названы по именам живущих в них крестьян, т. е. это мелкие однодворные деревни, поставленные совсем недавно (или, по словам А. А. Зализняка [2004: 648—649], это фактически хутора). См. в грамоте: «с *Лутиньнова села*», «*Сменово села*», «*Васильева села*», «*Овсьева села*», «*Шадрина села*», «*Осипова села*», «*Ошвина села*», «*Гафанова села*», «*Бабинихь села*», «*Хариянова села*». В перечисленных ойконимах, еще окончательно не устоявшихся, прослеживаются календарные личные имена и деапеллятивные прозвища крестьян: *Смень*, *Василии*, *Овсьи*, *Шадра*, *Осипь*, *Ошва*, *Гафань*, *Харьянь*, *Бабины* (производное от личн. *Баба*). Нужно подчеркнуть, что как раз эти две категории личных наименований, активно функционировавшие и в собственно русский период истории, отражены в подавляющем большинстве названий новгородских деревень на *-ово/-ево, -ино*, известных как по средневековым (обычно по НПК), так и по современным данным.

ГЛАВА 6

ТОПОНИМИЯ, РАВНАЯ ЛИЧНЫМ ИМЕНАМ

Малашка Акульку не выпередит, обе плохи.

Пословица.

Географические названия, совпадающие по внешнему облику с личными именами (геогр. *Иван* и личн. *Иван*, геогр. *Погвизд* и личн. *Погвизд*), составляют в новгородской топонимии сравнительно небольшой процент. Со структурно-словообразовательной точки зрения речь идет о бесформантных деантропонимных названиях, или, иначе говоря, о модели топоним = антропоним (геогр. = личн.). Отсутствие внешнего оформления, уточняющего деривационное отношение личное имя > топоним, оставляет широкий простор для различных трактовок мотивационно-семантической стороны такого рода топонимов, почти не имевших специального рассмотрения в ономастической литературе. Конкретные механизмы появления и закрепления их зачастую не видны. С определенностью можно констатировать только то, что они возникали самыми разными путями как в ранние, так и в поздние эпохи.

Такие названия имеют слабо выраженные ареальные и хронологические характеристики. В пределах славянских языков, для которых суффиксация — главный способ формирования топонимии, названия, равные личным именам, обнаруживаются повсеместно во всех уголках Славии, но в целом они редки и невыразительны на фоне иных моделей в топонимическом ландшафте любого региона¹. Несколько больший процент их отмечен в Болгарии и в целом на славянском юге, в чем подозревается неславянское, скорее турецкое, влияние.

Бесформантные деантропонимные топонимы обычно относят к поздним образованиям. По мнению С. Роспонда, такие топонимы (он именует их «nazwy ramętkowe» — мемориальные названия), появлялись в недавнее время от слово-сочетаний с притяжательными прилагательными (типа гуцульск. геогр. *Ostapiuk < Wierzch Ostapiuków*, геогр. *Chomiak < Stóg Chomiakowski*) или с родительным принадлежностью типа *Hadźić < Hadźića Selo* [Rospond 1957: 41; 1983: 29—30]. Мои наблюдения над топонимией Русского Северо-Запада тоже показывают преимуще-

¹ Например, в Польше названия озер и прудов типа *Adam*, *Krystyna*, *Stefan* составляют менее 1 % всей гидронимии [Bijak, Czopek-Korciuch 2007: 66].

ственное наличие названий, омонимичных христианским именам, в поздних материалах XIX—XXI вв. Однако хронология их не однозначно поздняя. Ниже подробно рассматриваются названия средневекового времени, зачастую представленные в писцовых книгах конца XV—XVI в., и формально равные композитным, префиксально-корневым и прочим антропонимам, вышедшим или выходящим из обихода к концу древнерусской эпохи (геогр. *Гореслава, Онъг, Любонъг, Жиробуд, Страхон, Ратиша, Доброст* и др.). В Польше под 1364 г. зафиксированы оз. *Predslaw*, под 1564 г. — пруд *Seweryn* и др., см. [Віјак, Czopek-Корсиуч 2007: 60]. Количественный перевес таких названий в поздних письменных источниках обусловлен скорее не столько хронологией самой модели, сколько их связью с топообъектами: они в основном принадлежат сфере микротопонимии, которая, как известно, вообще очень скудно представлена в древнеславянской письменности. Чаше всего бесформантные деантропонимные названия в поздних материалах XIX—XXI вв. выступают микрогидронимами, т. е. прикреплены к незначительным водным объектам — маленьким ручьям, озерам, прудам, речным порогам и косам (например, на Русском Северо-Западе это руч. *Ванюха, Анашка, Кузьма, Матюха, Ульяница, Грасик, Ваула, Дунька*, озёра *Иван, Нефдеец, Ладомер*, пороги *Федос*, речная коса *Акулина*). Поздние ойконимы данной модели тоже спорадически встречаются, но в ряде случаев они вторичны, дублируют смежные гидронимы.

О модели геогр. = личн. допустимо говорить только с внешней, формальной стороны, поскольку составляющие ее названия характеризуются разнообразием механизмов и средств деривации и в этом отношении не сводимы к единому типу. Вырисовываются несколько главных путей появления бесформантных деантропонимных названий.

Среди этих путей — спорадическая сингуляризация плюральных деантропонимных ойконимов (т. н. родовых) и прямая топонимизация личного имени поселенца. Об этих двух возможностях свидетельствует нередкое морфологическое пересечение рассматриваемой топонимии с деантропонимной топонимией на *-и/-ы*, ср. вариантность анализируемых ниже геогр. *Онеги (Онег), Добрости (Доброст), Жерятки (Жирятка), Неверы (Невер), Сопши (Сопша), Миронег (Миронег)* и др. Следовательно, рассматриваемые топонимы, прежде всего ойконимы, иногда выступают не чем иным, как вторичными спорадическими вариантами исконных родовых названий на *-и/-ы* благодаря колебаниям по морфологическому числу. Но эта же особенность варьирования подсказывает еще одно направление в поисках истоков названий, равных личным именам: такие названия порой исконно появлялись подобно родовым названиям, т. е. благодаря прямой топонимизации личного имени, однако не во множественном, а в единственном числе. Если, скажем, геогр. *Ожееды* закрепилось по роду или семье *Ожеедов*, поселившихся в данной местности, то геогр. *Онег* — по поселенцу с именем *Онъг*. Ср., например, новообразованные геогр. *Дмитрок, Кудря, Булгак, Жирятка* (< личн. *Дмитрок, Кудря, Булгак, Жирятка: Жирослав*) как наименования починков (новопоставленных деревень) в Беж., Дер. и Вод. пят. XVI в. [НПК VI: 215, 332; I: 720; III: 42] или

современное название руч. *Грасик* в дер. Мойка Бат р-на: местные жители рассказывают, что у этого ручья стоял дом *Грасика* — немца с фамилией *Граас* [ЛЗап].

Данные случаи топонимизации личного имени поселенца отражают естественный, стихийно складывающийся процесс топонимической номинации. Сходный, но несколько иной путь показывают бесформантные деантропонимные названия в рамках искусственной номинации, созданные в честь кого-либо (города *Калинин*, *Андропов*, *Киров*, пос. *Ерофей Павлович* в Амурской обл.). На мой взгляд, среди бесформантных только названия этой последней группы оправданно обозначать как «мемориальные».

Часть топонимических форм в рамках формально выделяемой модели геогр. = личн. «выкристаллизовалась» из первоначальных конструкций с посессивами. Облик посессивных форм мог быть различным. Р. Мароевич со ссылкой на Р. Бошковича пишет, что «притяжательные прилагательные от личных имен создавались без ограничений в славянских языках с помощью основообразующего суффикса *-ъ < -os*». Такие посессивы внешне не отличались от личных имен; ср. засвидетельствованную в старосербохорватском языке надпись «синь *Бретъ*» (на надгробной плите), в которой *Бретъ* — прилагательное на *-ъ* от сокращенного личного имени *Бретъ < *Brętislavъ* [Мароевич 1989: 125—126]. Притяжательные адъективные формы на *-ъ, -а, -о* муж., жен. и ср. р., разумеется, могли закрепляться в древнеславянской топонимии. Так, др.-рус. ойконим *Милослава*, по предположению Р. Мароевича [Там же], возник в результате эллипсиса существительного жен. р. *въсь* ‘село’ в посессивной синтагме *Miloslava vьсь* ‘Милославово село’. Имея в виду данную возможность суффиксации, некоторые другие средневековые названия селений и водоемов (скажем, дер. *Любонег*, дер. *Гореслава*) допустимо истолковать аналогичным образом — как исходные посессивы **Любонѣзь, *Горислава*, омонимичные антропонимам и первоначально согласованные с топографическими терминами.

Впрочем, новгородская письменность не удостоверяет наличия такого типа посессивов от личных имен. Существенным сигналом стало бы топонимическое проявление членной формы притяжательного прилагательного с суф. *-ъ < *-os* (ср. др.-рус. название гор. *Боголюбы* во Владимирской земле: личн. *Боголюбъ* [Мароевич 1997а: 82]), однако подобные факты на новгородском топонимическом материале мне не известны.

Есть более очевидный путь связи рассматриваемых топонимов с первоначальными посессивными формами: названия, равные личным именам, иногда появлялись в результате фонетического развития йотово-посессивной деантропонимной топонимии в силу отвердения конечных сонорных или утраты эпентетической *-л’* в ауслауте. Вариантность в парадигме одного названия, удостоверяемая письменностью, отчетливо свидетельствует об этом, ср. хотя бы название гор. *Владимир* из др.-рус. *Володимеръ* или геогр. *Видимир, Жирослав, Гослав, Радослав* в новгородской письменности, выступающие как вторичные варианты наряду с засвидетельствованными же первичными вариантами *Видимиръ, Жирославль, Гославль*,

Радословле (см.). Тогда, когда «мягкие» варианты не зафиксированы, предположение о вторичности бесформантных топонимов с исходами на сонорные и губные остается сугубо теоретическим.

Экспрессивно-образная апеллятивизация личного имени с его дальнейшей метафорической топонимизацией — еще один путь появления бесформантных деантропонимных названий, обычно микрогидронимов. Эта возможность доказывается связью отдельных названий с календарными личными именами, развившими оценочные коннотации. Превращение имени в апеллятив позволяет квалифицировать и коррелирующий с ним топоним как экспрессивно-образное наименование. Приведу пару примеров. В гор. Старая Русса бывшее русло р. Порусьи примерно с XVIII в. называется *Малашкой*. Гипокористическое личн. *Малашка* (< *Маланья*) приобрело в русской народной культуре негативно-оценочное значение: *Малашкой* обозначают глуповатую, бестолковую, беспутную женщину или неряху, растяпу [Кондратьева 1983: 70], и данный экспрессив оказался метафорически закреплен за ненужной, заросшей («бестолковой») протокой Порусьи. Близкими коннотациями бестолковости, праздности, неопрятности окрашено имя *Акулина* [Там же: 20; Отин 1997: 172—173], ставшее добродушно-насмешливым наименованием песчаных кос на р. Мсте, не представлявших большой опасности для судоходства, — *Акулина Большая*, *Акулина Малая*, вместе с ними значится еще коса *Добрая Жена*.

Нередко названия, в основном гидронимические, равные личным именам, возникают в результате различного рода случайных совпадений, переосмыслений и фонетической аттракции созвучных форм. Так, геогр. *Игорь* оз. со стоком в р. Струга басс. Чагоды является результатом изменений финно-угорской основы **Jagr-*, **Jägr-* ‘озеро’ [Васильев 2007б: 211]. Название р. *Валя*, п. пр. Сяси, тоже случайно совпало с женским именем, ср. вар. *Воля* данного субстратного гидронима. В свою очередь появление гидронима *Ваня* применительно к одному из левых притоков Мологи обязано тому, что эта речка течет из оз. *Ивань* [Шан. РЛЮ: 198]: здесь йотово-посессивный деантропонимный лимноним явно обусловил «гипокористический» облик речного названия (копирование топонимией межантропонимных отношений). Геогр. *Кузьма*, вар. *Кузка*, рч. в басс. Важинки, п. пр. Паши в Юго-Восточном Приладожье, является явным результатом переосмысления приб.-фин. гидронимической основы *kuz-* по облику русского личного имени, ср. связанное с этой речкой оз. *Кузозеро* (*Кузянозеро*, *Кузанозеро*) и наличие таких гидронимов, как *Кузома*, *Кузрека*, *Кузручей*, *Кузрозеро* и др. [СГЮВП: 19, 129, 175]. Пос. *Демянск* в Новг. обл. местные жители порой именуют *Демьян*, но это лишь один из поздних многочисленных вариантов древнего названия, имеющего надежную субстратную этимологию (см. подр. в гл. 9). В целом переосмысленных названий, совпавших с личными именами значительно больше, чем кажется на первый взгляд.

Названия, равные личным именам, порой дополнительно оформлялись родовыми флексиями *-а*, *-о* благодаря согласованию с опорным термином по морфологическому роду (*Некось* ручей, но *Негосто* озеро, *Онег* ручей, но *Онега* деревня).

В сфере ойконимии такие названия оказываются неустойчивыми, со временем они склонны к переоформлению по продуктивным моделям с посессивной суффиксацией или с формантами *-и/-ы* (дер. *Онег*, но позднее *Онегино*). За водоемами нульформантные названия сохраняются лучше, видимо, благодаря тому, что для гидронимии нетипичны посессивные модели деривации и менее стандартизовано оформление в целом. В этом кроется одна из причин того, что в современной гидронимии (обычно микрогидронимии) встречи с проявлениями модели геогр. = личн. более часты, чем в ойконимии.

Итак, в регионе Новгородской земли под формально выделяемой моделью геогр. = личн. объединены разнородные по характеру деривации топонимические факты. Ниже подробно анализируются наиболее архаические из них, извлеченные преимущественно из старописьменной документации и основанные главным образом на древнеславянских композитах и префиксально-корневым личным именам.

В западных и юго-западных окрестностях гор. Валдай локализуется интересная совокупность соотносительных топонимов-иррадиатов, фиксируемых с конца XV в. в трех соседивших погостах Дер. пят. — Еглинском, Яжелбицком, Городенском. В конечном счете все эти системно организованные названия обусловлены др.-слав. двусловным личн. *Миронѣзь* (или *Мѣронѣзь*, с вариантным первым компонентом) (подр. о нем см. гл. 2, анализ геогр. *Миронеж*). Одним из наиболее древних и показательных в данной системе является бесформантное название дер. *Миронѣзь* Еглинского пог. 1495—1496 гг. [НПК I: 904], которая зафиксирована позднее как дер. *Миронега* Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 160], дер. *Миронѣги* на р. Гремячке в Зимогорской вол. Валд. у. нач. XX в. [СНМНГ V: 40—41], по совр. данным, это дер. *Миронег* Яжелбицк. Валд. на р. Гремячей. В Еглинском же пог. рядом с дер. *Миронѣзь* отмечена р. *Меренега*: «на реки на *Меренег* на Черном ручью», согласно писцовой книге 1551 г. [ПКНЗ 5: 218]. Поблизости, в соседнем Яжелбицком пог., описывалась дер. *Меренеж* под 1495—1496, 1539 и 1551 гг. [НПК I: 819, 820; ПКНЗ 4: 132; 5: 218]; к дер. *Меренеж* примыкала дер. *Мереножка* конца XV в. [НПК I: 871], которая к концу XVIII в. стала именоваться дер. *Миронушка* [ИАДП I: 300, 301; 2: 45] и сегодня тоже известна как дер. *Миронушка* Яжелбицк. Валд. на рч. Гремячей. Далее в эту топосистему входят названия лежащих в нескольких верстах южнее, но уже на территории Городенского пог., средневековых дер. *Меренега* конца XV в. [НПК I: 291] (= пуст. *Мерино* к концу XVIII в. [ИАДП I: 143]) и оз. *Меренега* конца XV в. [НПК I: 296]; это озеро в XVIII в. именовалось *Миронега* (по данным Ю. Н. Поведского [1997: 75]), в конце XVIII в. — *Миронег*, а *Колода* тож [ИАДП I: 143], в сер. XIX в. — *Миронезское* и *Колода* тож [Новг. сборник II: 12], в нач. XX в. — *Миронѣга*, или *Ельчинское* [СНМНГ V: 41], сегодня — оз. *Ельчинское* басс. Полю (по дер. *Ельчино* Короцк. Валд.). Из документации конца XV—XVI в. следует, что дер. *Меренега* примыкала к оз. *Меренега* (совр. *Ельчинское*). Что касается средневековой р. *Меренега*, то по крайней мере с XIX в. она стала называться *Гремячая* (*Гремячка*), хотя о былом имени этой реки напоминают названия прилегающих к ней дер. *Миронушка* (< *Мереножка*,

Меренеж) и дер. *Миронег* (< *Миронѣг*), равно как старое название *Меренога* (*Миронога*, *Миронѣга*, *Миронезское*) озера, из которого вытекает эта река, п. пр. Поломети, п. пр. Полю. Где-то вблизи озера, реки и деревни, именованных *Меренога*, была пуст. *Солто Миронегова*, указанная книгой 1551 г. [ПКНЗ 5: 326]. Излагаемый топонимический контекст продолжает еще геогр. *Миронушка* дер. Короцк. Валд., которая приравнивается к дер. *Нероново* Городенского пог. около 1495 г. [НПК I: 292]. К началу межевых описаний 1780-х гг. дер. *Нероново* уже называлась совр. именем — *Миронушка* [ИАДП 1: 143]. Столь раннее изменение средневековой формы ойконима безусловно произошло под влиянием, во-первых, названия расположенной неподалеку дер. *Миронушка* в бывшем Яжелбицком пог., и, во-вторых, названия оз. *Миронѣга*, которое лежало всего в полутора верстах от дер. Нероново. Однако и сам средневековый ойконим *Нероново*, образованный от личн. *Неронъ*, скорее всего исконно относился к рассматриваемой топонимической микросистеме, трактуемой на основе личного имени-мотиватора *Миронѣгъ* / *Мѣронѣгъ*. Такая возможность подсказывается тем, что *Нерон* модифицировалось из личн. *Мирон*, которое, в свою очередь, считается результатом усечения др.-слав. антропоним-композиата *Миронѣгъ* [Суп. СРЛИ: 240; Суп. СНФРИ: 206, 218], хотя может иметь и греко-византийские истоки². В состав данной топосистемы, очевидно, входят еще названия пуст. *Мирони* в соседнем Еглинском пог. («обжа, а запустела 30 лет», 1551 г.) [ПКНЗ 5: 220] и оз. *Остронезского* в Зимогорской вол. Валд. у. нач. XX в. [СНМНГ V: 39]. На становление лимнонима *Остронезское*, похоже, попарно повлияли названия близлежащих, расположенных всего в паре верст озер — во-первых, оз. *Миронѣга* (*Миронезское*) и, во-вторых, оз. *Острычино*³.

Исходными звеньями приведенной системы иррадиатов, видимо, являлись древние названия связанных между собой озера и реки *Меренога* / *Миронога* / *Миронѣга*, от них закрепились имена прилегающих селений и урочищ. Объяснения требует колебание гласных в этих вариантных топонимических формах. В первом слоге мена гласных может проистекать из вариантности, в которой регулярно состоят компоненты *мир-* и *мѣр-* в составе древнеславянских антропонимов-композиатов, ср. топонимические варианты *Меробудицы* и *Миробудицы* (см.), *Видомиръ* и *Видемер* (см.) и др. Формы типа *Меренога*, *Миронога* (наряду с геогр. *Мироноги* дер. в Холмском пог., см. в гл. 2), похоже, осложнены ремотивацией — сближением со

² Может быть народно-разговорным вариантом древнецерковного личн. *Мирон*, сравниваемого со словом *миро* 'благовонное масло' (из греч.) [Суп. СРЛИ: 240].

³ В данном случае меньше вероятия того, что лимноним *Остронезское* был обусловлен личн. **Остронѣгъ*, не зарегистрированным письменностью. Однако существование личн. **Остронѣгъ* вполне может прогнозироваться ввиду того, что имелись двусосновые имена на *Остро-*, такие как новг. *Остромиръ* (имя новгородского посадника, для которого было написано знаменитое Остромирово евангелие), зап.-слав. (др.-польск., полаб.) личн. *Ostrobod* [SSNO IV: 152; Schlimpert 1978: 97] (второй компонент Шлимперт связывает с корнем праслав. **bosti*, рус. *бодать*), показательно и название р. *Острогочица*, пр. Тихой Сосны в басс. Дона и там же гор. *Острогожск* (возводятся к личн. **Острогость*, см. еще [Агумаа 1960: 160]).

словом *нога*⁴. Колебания гласных в любом случае не отменяют возведения к имени *Миронѣзь* / *Мѣронѣзь*, связанному, очевидно, с лицом, которому когда-то принадлежали сопредельные селения и угодья в окрестностях Валдая.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в 1—2 км от дер. *Миронѣзь* (> совр. *Миронеги*) и оз. и р. *Меренога* / *Миронога* / *Миронѣга* располагалась дер. *Прус* Еглинского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 869]. К концу XVIII в. эта деревня стала пуст. *Пруссы* Валд. у. [ИАДП 1: 158], а сегодня здесь лежит оз. *Прусса* басс. Полю, стекающее в р. Гремячую. Оппозиция бесформантных ойконимов *Миронѣзь* и *Прус* вряд ли случайна: оба они могут отсылать к личным именам владельцев смежных земель, граница между которыми проходила как раз в данной конкретной местности. Стоит заметить, что личное имя *Прусъ* деэтнонимного образования было вполне употребительным среди древненовгородской знати (подр. см. в гл. 7, очерк «*Прус-...*»).

Вычерема дер. близ р. ц. Любытино на правом берегу Мсты, фиксируется письменностью с XVI в. В писцовой книге Беж. пят. 1564 г. перечислены деревни в погосте Богородицком на Белой, которые принадлежали Воскресенскому женскому монастырю, стоявшему в Гончарном конце древнего Новгорода. Среди них дер. *Нижней Вычермер*, 3 двора, 2 обжи [НПК VI: 859], с которой отождествляется современная *Вычерема*. Согласно более поздним источникам, деревня числится в составе Лъзичской вол. Бор. у. В материалах Ген. меж. 1785 г. под № 2176 она отмечена как *Вичемера*, «11 дворов, на суходоле», этот вариант названия повторен позднее в МОЗУ по Бор. у. 1914 г. [КГарн]. В географическом описании Новг. губ. 1849 г. — село *Вичемери* [ВСОРИ: 138], по [Судох. дор.: 126] — дер. *Вичемира* (1855 г.), на карте-трехверстке конца XIX в. — *Вычимѣра* [ВТКЗверст], в списках селений нач. XX в. фигурирует уже совр. форма — *Вычерема* [СНМНГ IV: 56—57]. Указанные письменные фиксации показывают последовательное преобразование формы *Нижней Вычермер* в совр. форму, которое заключалось в утрате дифференцирующего определения, в смене грамматического рода на протяжении XVII—XVIII вв. (*Вычермер* > *Вичемера*) и в метатезе (*Вичемера* > *Вычерема*, XIX в.). Ранний вариант *Нижней Вычермер* указывал на местоположение деревни ниже по реке относительно другого одноименного пункта. Вероятно, этим другим пунктом была однодворная дер. *Вычермер*, стоявшая выше по течению Мсты в пог. Волок Держков 1564 г. [НПК VI: 997]. С ней соотносится дер. *Вычерема* Белавинской вол. Бор. у. в 19 верстах от Боровичей [СНМНГ IV: 10—11], которая в отличие от рассматриваемой *Вычеремы* Люб. р-на исчезла в 1-й пол. XX в.

Сохраненное средневековой письменностью геогр. *Вычермер*, обусловившее современное *Вычерема*, безусловно, отсылает к древнерусскому периоду. Новгородский ойконим (первоначально гидроним?) не одинок: приводились параллельные ему укр. *Вичмеро* (вар. *Вичамерове*) оз. в Ровенской обл. [Шульгач 1998: 309], польск. *Weczmer* оз. басс. Вислы [НВ: 272]. Название базируется, очевид-

⁴ Слово *нога* во второй части сложений показывают геогр. *Здринога*, *Ламинога* (см.).

но, на др.-рус. личн. *Вячѣмѣръ*, которое удостоверяют др.-чеш. личн. *Viecemír*, польск. *Więcemić*, сербохорв. *Većemir*, *Więcemić* [Svoboda 1964: 90; SSNO VI: 75—76; Taszycki 1958: 129] и с общим препозитивным элементом (из **větje* ‘больше’) польск. личн. *Więcemił*, чеш. *Vácemil*, чеш. *Václav*, рус. *Вячеслав* и др. Преобразование *Вя-* > *Вы-* первого слога обязано влиянию префикса *вы-*, ср. в этой связи также *Ви-* > *Вы-* в геогр. *Выдомиръ* (см.). Реконструкция геогр. *Вычемер* из некоего личн. **Вычѣмѣръ*, содержащего компонент *Выче-* (к др.-рус. *вычение* — ‘наука, учение’ [СлРЯ XI—XVII 3: 273]) и осмысляемого как ‘славный в учении’, безосновательна, поскольку данная основа в древнеславянской композитной антропонимии не обнаружена.

Лядимера ур. в окрестностях дер. Владыкино Перелучск. Бор. (по сообщению С. Ф. Голубева, 1964 г.). В материалах Ген. меж. 1780-х гг. — «пустошь *Людемеры* на ручье безымянном», в МОЗУ 1914 г. — *Людемера* пуст. в 5 верстах от р. Уверь [КГарн]. Соотносится с др.-польск. личн. *Ludzimir* [Males 1971: 93], др.-чеш. *L'udimir* [Svoboda 1964: 78], полаб.-помор. *L'udzimer* 1296 г. [Schlimpert 1978: 79]. Ср. название *Людмирполь* немецкой колонии у гор. Владимир-Волынский на северо-западе Украины, *Людмирово* ус. около Соколки в бывшей Гродненской губ. [Vasm. RGN V 2: 296], геогр. *Ludemer* 1234 г. (под 1235 г. — *Ludzimierz*, под 1238 г. — *Ludemir*) в Польше к югу от Кракова [Rospond 1983: 89].

Сядимер оз. в Бельском пог. Шел. пят. в писцовой книге 1571 г.: «Дер. Горка у погоста надъ озеромъ надъ *Сядимеромъ*» [НПК V: 531, 541] (по книге Шел. пят. 1581—1582 гг., — оз. *Сядмер* [Неволин 1853: 92 прил.]), а в соседнем Лядском пог. — руч. *Сядемер* басс. верховьев Плюсы [НПК V: 563], связанный, надо полагать, с одноименным озером. Эти гидронимы, вероятно, соответствуют др.-польск. личн. *Sędzimir*, *Sędmir* [SSNO VI: 34—35; VII: 222]; последние продолжают праслав. **Sōdimir* (к **sōditi* ‘судить’), ср. и польск. *Sędzislav* = чеш. *Sudislav*. Допускаю, что новгородские гидронимы выступают любопытными ранними отражениями специфически польского развития носовых, хотя модификация геогр. *Сядимер* из «правильного» др.-рус. личн. *Судимиръ* [Туп. СДЛСИ: 378], разумеется, тоже не исключена. Данный композит хорошо известен также по архаической топонимии всех групп славян: геогр. *Судимир* дер. на р. *Судимерка* Жиздринского у. Калужской губ., *Судимирка* дер. на Волге около Твери, *Судимиры* дер. под Нерехтой Костромской губ. [Vasm. RGN VIII 3: 629], *Sudoměř* (дважды) и *Sudoměřice* (дважды) — селения в Чехии [Prof. MJ IV: 229—230], геогр. *Sędzimirz* (> нем. *Santzemer* 1369 г.) сел. в повете Камень-Поморский в Польше, *Sandomierz* (рус. *Сандомир*) гор. на юго-востоке Польши, нем. *Klein Santersleben* сел. около Магдебурга в Саксонии (< др.-луж. **Sōdomirjъ*), *Σανταμῆρι* сел. и гора в Ахае в Греции (< др.-слав. **Sōdomirjъ*) [Rospond 1983: 122—123].

Андромер дер. близ оз. Песно Запольск. Пл., по спискам 1-й и 2-й пол. XIX в. — село Луж. у. на оз. Килешницы [ОСПбгуб: 128; СМРИ 37: № 2333], = дер. *Ондромир* Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 120]. Полагаю, название производно от гибридного антропонима **Андромиръ* / **Андромѣръ*, который

составлен из усеченной основы *Ондр-* христ. личн. *Андрѣи* (или *Андромахъ*, *Андронъ*, *Андроникъ*, *Адрамъ*) и регулярного в постпозиции компонента *-мир-* или *-мѣр-* древнеславянских антропонимов-композигов. Гипокористическое личн. *Ондръ* имело хождение на древней новгородской территории (ср., к примеру, геогр. **Ондров Конец** дер. на руч. Безымянном Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII: 66—67]); оно имело возможность получить расширение при помощи частотного элемента *-миръ*, воспринимаемого в поздний период в качестве суффикса. Подобного типа композитные гибриды иногда отмечаются у разных групп славян, характеризуя позднюю стадию развития двуосновной антропонимии. Ср., например, др.-польск. личн. *Jurgebog* [SSNO II: 505], состоящее из основы христ. *Jurgi* = *Георгий* и др.-слав. компонента *-bogъ* (как в др.-чеш. личн. *Milboh*, др.-польск. *Modlibog*), болг. *Михослав*, *Никослав* [Заим. БИ: 194, 156] с элементами христ. *Михаил*, *Николай*, др.-чеш. *Petrumila* [Svoboda 1964, 96], соотносимое с христ. *Petr*. Среди топонимов ср. ярославское геогр. *Андронез* дер. в окрестностях Ростова [Vasm. RGN I 1: 123], которое тоже зиждется на антропониме-композиго **Андронѣзь*, подобном личному имени **Андромиръ*.

Твердомир дер. Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 163]. Может считаться прямой топонимизацией личного имени либо йотово-посессивным производным от личн. *Твьрдомиръ* с дальнейшим отвердением мягкой конечной *р'* после падения редуцированных. Ср. др.-польск. личн. *Twardomir* [SSNO V: 493], др.-чеш. *Tvrđmír*, а также др.-словен. личн. «*Turđumere*», указанное в [Svoboda 1964: 90]. Новг. бер. гр. № 1000 (2-я пол. XII в.) засвидетельствовала *Твьрдыа* [Зализняк, Торопова, Янин 2011: 14] — гипокористику, соотносимую с полным *Твьрдомиръ*.

Гореслава дер. в вол. Гостыничи Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 483]. К личн. *Горѣславъ* или *Гориславъ*, которое было употребительным в новгородско-псковском ареале; ср. отчества таких персонажей, как Богуслав *Гориславичъ* — новгородский боярин 1228—1229 гг., Вячеслав *Гориславичъ* — псковский наместник 1232 г. [НПЛ: 67, 68, 71, 72], новгородец *Гориславичъ*, известный из новг. бер. гр. № 262 (70—90-х гг. XIV в.) [Зализняк 2004: 609]. Имя использовалось западными славянами: польск. личн. *Gorzysław* [Malec 1971: 87], чеш. *Horěslav*, полаб.-помор. *Gorislav* и там же полаб. геогр. *Gorezlawe* [Svoboda 1964: 76], реже встречалось на славянском юге: серб. *Горислав* [Грк. РЛИКС: 66]. У восточных славян см. еще ойконимы *Горислов* (*Горысловье*) недалеко от гор. Стародуб бывшей Черниговской губ., *Гореславы* (*Гориславец*) хут. на р. Кагамлык недалеко от гор. Кременчуг Полтавской губ., *Гориславка* дер. на берегу Волги Костромской губ. и сел. в Рославльском у. Смоленской губ. [Vasm. RGN II 2: 465, 466]; у западных славян — геогр. *Hořeslav* в Чехии [Prof. MJ I: 697], полаб. *Gorezlawe* 1230 г., откуда нем. *Gösslaw* в окрестностях гор. Хагенов, такого же происхождения нем. *Göslow* (дважды) недалеко от гор. Гриммен на северо-востоке Германии, геогр. *Gorzslaw* в Польше, геогр. *Garislow* (по источнику 1404 г.) и *Goroszló* на территории Словакии и Венгрии [Rospond 1983: 73].

Любжир оз. в пойме оз. Ильмень при впадении Ловати и Полы, иначе *Любожир*, по данным нач. XX в. [Пылаев 1929: 23]. Лимноним восходит, по-видимому, непосредственно к личн. **Люб(о)жирь*; мотивирующий антропоним представлен с усечением гласной первой части. Основы *люб-*, *жир-* используются в составе многих дохристианских имен в первой и во второй позициях сложений; ср., с одной стороны, др.-слав. личн. **L'ubomirь*, **L'ubomilь*, **L'ubislavь*, с другой — личн. **Dobrožirь*, **Domažirь*, **Sъděžirь*, **Žiroslavь*, **Nažirь* и др. Межтерриториальная параллель — геогр. *Любожир* — указывалась в Волынском Полесье на Украине [Купчинский 1981: 189].

Чебажир (по [Шан. РЛЮ: 170] — *Чебожир*) п. пр. Луги в окрестностях р. ц. Волосово Лен. обл. Очевидно, данный гидроним обусловлен личн. **Чебажирь*/**Чебожирь* с этимологически неясным первым компонентом. Судя по всему, это один из поздних композитов на *-жирь* прозвищного характера, той же модели, что и др.-новг. личн. *Мутижирь* 2-й пол. XI — 1-й пол. XII в. [Медынцева 1978: 86; надп. 115] (которое, кстати говоря, продублировано гидронимом *Мутежер* л. пр. Турьи, л. пр. Припяти, указанным в [Топоров, Трубачев 1962: 196], и блр. ойконимом *Мутижар* неподалеку от Речицы [Vasm. RGN VI 1: 15]), а также др.-чеш. личн. *Vrtěžir*, др.-польск. *Wirciżyr* [Svoboda 1964: 92].

Онег ур. на левом берегу Волхова к северу от Новгорода, ранее — населенный пункт, часто фиксируемый источниками нач. XVI в. Первоначально отмечен как дер. *Над Оньгом* Антоновского пог. на Волхове Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 474], в материалах более позднего времени по этому погосту название варьируется: дер. *Под Онегом* 1540 г., дер. *Онег* 1570/71 г., пуст. *Под Омугом (?)* 1582 г., дер. *Онеги* 1646 г., ус. *Онег* 1669 г., дер. *Онега* 1678 и 1718 г., дер. *Онегино* 1709 г., сц. *Онег* 1788 г., см. [Селин 2003: 236]. Рядом в пог. Петровском на Волхове, некогда значился второй одноименный пункт: дер. *Оньг* 1500 г. [НПК III: 485], затем дер. *Ониф* 1540 г., пуст. *Онега* 1570/71 г. [Селин 2003: 239]; этот пункт, надо полагать, территориально и топонимически имел определенное отношение к *Онегу* Антоновского пог. В XIX—XX вв. селение отмечалось в составе Подберезской вол. Новг. у. как дер. *Онеги* 1855 г. [Судох. дор.: 164] и имение *Онег*, принадлежавшее Муравьеву, в 31 версте от Новгорода [СНМНГ I: 52—53]. Ранние формы *Под Онегом*, *Над Онегом* свидетельствуют о вторичном характере ойконима, продублировавшего, очевидно, название ручья, впадающего в Волхов. Последнее обусловлено др.-слав. личным именем **Оньгъ*, которое отложилось еще в геогр. *Онежицы* (см.; там же и обоснование личн. **Оньгъ*). Максимально близким соответствием новг. геогр. *Онег*, быть может, является гидроним *Оньег* в Сербии, указанный в списке названий водоемов [Павл. ХС].

Любонег дер. Лукомской вол. Дн. р-на на рч. Лютка, во 2-й пол. XIX в. числилась в Дновской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 11259]; отождествляется с *Льбоньга* дер. Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 169]. Другая новгородская деревня с названием **Любоньг** находилась в Деманском у. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 506]. Название равно личн. **Любоньгъ*, самостоятельно не отмеченному, хотя обе части этого композита хорошо знакомы древнеславянскому антропонимикону.

Жетонег Большой и *Жетонег Малый* — озёра в Ост. р-не западнее Сосницкого плеса оз. Селигер. Лимноним *Жетонег* омонимичен др.-слав. личн. **Житонѣзь*, которое самостоятельно не указывалось, но состоит из компонентов, хорошо знакомых по другим двусловным именам: относительно первого — *Жито-* ср. хотя бы новг. личн. *Житобудъ* (подр. см. *Жидобужси*). Эквивалентное название отмечено в бывшей Могилевской губ.: *Житонезье* сел. Рогачевского у. [Vasm. RGN III 2: 300], по словарю топонимов Белоруссии [Жучкевич 1974: 124], — это *Житонез* в Буда-Кошелевском р-не неподалеку от Гомеля.

Жиробуд дер. над оз. *Жиробудом* Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 226, 227]. Ойконим в этом же облике дан в материалах 1539/40 и 1582 гг., но в документе 1748 г. уже фиксируется дер. *Жеребуд*, под 1791 г. — *Жеребут* [Селин 2003: 159], под 1838 г. — *Жеребуда* 1-го стана Луж. у. [ОСПбгуб: 107]. В настоящее время колебания в написании остались: на совр. карте-километровке обозначено *Жеребут* дер. при оз. *Жеребутское* к востоку от гор. Луга, а по списку селений Лен. обл. 1990 г. — *Жеребуд* дер. Каменск. Луж. Ойконим, по всей вероятности, повторяет лимноним *Жиробуд*, соотносимый с антропонимом **Жиробудъ* пожелательного характера ('будь богатым', ср. др.-рус. *жирь* 'богатство, довольство'); к препозитивному *Жиро-* ср. зафиксированные новгородской берестяной письменностью *Жирославъ* (гр. № 67, 657, 573), *Жировить* (гр. № 246), к постпозитивному *-будъ* ср. *Житобудъ* (гр. № 526), *Жизнобудъ* (гр. № 607, Ст. Р. 16), перечисленные в [Зализняк 2004: 739].

Чабуд дер. Петровского Борисоглебского пог. в Боровичах Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 962, 964], она же — *Чабут* под 1525/26 г. [ПКНЗ 3: 2], по НПК 1626—1627 гг. — пуст. *Чюбат* (с перестановкой гласных), в Ген. меж. под 1780—1785 гг. — пуст. *Чаботова* на правом берегу руч. Парыгинского в Новоселицкой вол. Бор. у., то же в МОЗУ 1914 г. [КГарн], со вторичным оформлением по более продуктивной посессивной модели. Первоначальную форму следует приравнять к личн. **Чабудъ*, сохраненному только ойконимией, ср. восходящее к данному имени йотово-посессивное геогр. *Čibuz* сел. в Чехии, известное по документации 1143—1148 гг., оно же *Čábuzе* [Prof. MJ I: 342], ср. еще чеш. *Čebín*, образованное от личн. *Čába*, соотносимого с полными личн. *Čábud*, *Čábor* и т. п. [Hosák, Šrámek MJMS I: 153]. К характеристике антропонимии с элементом *Ча-*, *Че-* см. также описания геогр. *Чанез*, *Чагоша*.

Любожат дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 114], отмеченная позднее только в 1568 г. [Селин 2003: 175]. Ойконим, быть может, равен антропониму **Любожадь*, второй компонент которого родствен др.-рус. *жадати*, *жадѣти* (< **žed-*) 'сильно желать, хотеть чего-л.' [СлРЯ XI—XVII 5: 69]. Ср. еще гидроним *Любожада/Любожеда* р. басс. Уборти справа от Припяти, который считается недостаточно ясным [Топоров, Трубачев 1962: 202—203; Трубачев 1968: 79, 256]; на мой взгляд, он отражает форму **Любожада*, производную от личн. **Любожадь*, изменение *Лю-* > *Ли-* является регулярным (см. об этом в связи с геогр. *Литовичи*). Антропонимическая основа *жад-* проявляется часто, но,

пожалуй, лишь в восточнославянской ономастике. Ее репрезентируют др.-новг. личн. *Жадъко* в бер. гр. № 235, 239, 729 (сер. — 2-я пол. XII в.) [Зализняк 2004: 374, 380, 455], новг. геогр. *Жадох* дер. в Семеновском пог. в Вудрицах Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 790], = *Жедоха* дер. Ст-Рус. у. 1780-х гг. [ИАДП I: 262] (ойконим, равный гипокористике *Жадохъ*, усеченной из композита типа **Жадославъ*), блр. *Онжадов* и *Онжадово* — пункты в бывшей Виленской губ. [Vasm. RGN VI 2: 422] (к антропонимическому композиту **Он(о)жадь* с местоимённым компонентом *он-* ‘тот’ в первой части), новг. геогр. *Жадково*, *Жадино*, *Жадина Лука* [НПК III: 355; I: 712; IV: 347], *Жадово* дер. на р. Сясь Жуковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 46—47], а также одноименные и сходноименные пункты неподалеку от Вильны, Чернигова, Тулы, Тамбова и др., см. [Vasm. RGN III 2: 258].

Недожад дер. Минецко-Старскогорской вол. Бор. у. на рч. *Недожадка* [СНМНГ VI: 72—73] (по [Шан. РЛЮ: 456] — *Недожатка*), п. пр. Смердомли, п. пр. Чагоды); по материалам Ген. меж. 1785 г. — дер. *Недожат* «речки *Недожатки* на левом берегу» [КГарн]. Писцовыми книгами не фиксируется. Ойконим скорее всего получен по гидрониму, который равен префиксально-корневому антропониму **Недожадь* с негативно-охранным смыслом (‘нежеланный’); ср. близкое по смыслу личн. **Нежадь*, извлекаемое из ойконима *Нежадово* дер. в Бельском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 523] и, быть может, из гидронима *Нежодка* п. пр. Устрома, л. пр. Днепра, отнесенного достаточно условно к балтийскому слою названий [Топоров, Трубачев 1962: 198]. Сложный префикс со значением неполноты действия в антропонимии хорошо известен; ср. хотя бы др.-чеш. личн. *Nedomil* [Svoboda 1964: 101], иные подробности см. при геогр. *Недомысли*. В сопоставительный ряд образований с этим префиксом вписывается еще средневековый новг. ойконим *Недомек* [НПК VI: 496, 506], равный прозвищу **Недомек*, ср. рус. *смекасть*, *намекасть*.

Гомысл, или *Гомысль*, дер. Нерещко пог. Дер. пят. под 1495/96 и 1550/51 гг. [НПК I: 343; ПКНЗ 5: 222], по книге 1545 г. — *Гомысло* [НПК VI: 76]. Изгонные книги новгородских ямов 1576 г. указывают дер. *Гомысл* у рч. «Волдайцы подле Волдая озера» (цит. по [Поведский 1997: 21]). Пункт упомянут в акте 1657 г. в связи со строительством Иверского монастыря: «... и от *Гомысел* и от Зимней горы угловую башню дорубили и покрыли» [АИСМ: № 90, 260]; в межевых материалах конца XVIII в. — пуст. *Гомыслов* Валд. у. [ИАДП I: 225]. Название, по видимому, изначально относилось к бесформантной модели и приравнивалось к личн. **Гоемысль*. Мотивирующий антропоним семантизируется как ‘сильный мыслью’ (корень глагола **gojiti* ‘быть сильным’ + *-мысль*); к первому компоненту ср. чеш. *Hojslav*, словен. *Gojmir* и личн. **Гоинтъгъ*, реконструируемое по новг. геогр. *Ганежи* (см.).

Погвизд дер. Илеменского пог. Шел. пят., отмеченная под 1498 и 1539 гг. [НПК IV: 501; V: 166]. Ойконим равен архаическому личн. *Погвиздь*, вариантному к летописному *Позвиздь* конца X в., имени одиннадцатого сына киевского князя Владимира Святославича [НПЛ: 159, 465, 551]. Различие антропонимов *Погвиздь* и *Позвиздь* определяется фонетической закономерностью — характерным для древних

новгородских и псковских говоров отсутствием эффекта второй палатализации в первом из приведенных имен и наличием во втором. Аналогичное сохранение группы *gv показывает, например, новг. *зверста* ‘дресва; гравий’, др.-новг. *звѣзда* ‘звезда’ или новг. геогр. *Гвездено* дер. на р. *Гвезденка* в 8 км к северо-западу от оз. Полисто [Зализняк 2004: 45]⁵. Непалатализованный вариант рассматриваемого антропонима был употребителен в др.-польск. говорах, о чем свидетельствуют ойконимы *Pogwizdów*, указанные на р. Лужне неподалеку от Горлице в Галиции [Vasm. RGN VII 1: 87], в повете Лукув к юго-востоку от Варшавы (сегодня — *Pojzdów*), далее в поветах Бохня, Мехув и в предместье гор. Тарнув; сюда же р. *Pogwizdowski*, л. пр. Вислока, л. пр. Сана [Rieger 1988: 57], *Pogwizdowa* неподалеку от гор. Мелец, — все сосредоточены в юго-восточной части Польши. Личн. *Погвиздь* / *Позвиздь* по структуре префиксально-корневое, корневой элемент в котором (< *gveizd, см. [Фасм. ЭСРЯ III: 581]) родствен польск. *gwizdać, pogwizdać* ‘свистеть’, ‘посвистеть’, др.-рус. *звиздь* ‘свист’, ‘шум’, *звиздати* ‘свистеть, шипеть’ [СлРЯ XI—XVII 5: 355—356], рус. диал. *звиздѣть* ‘шипеть со свистом’, *звизднуть* ‘сильно ударить’ [СРНГ 11: 219—220], просторечному *звездануть*. См. об этом личном имени также в [Skulina I: 112; II: 22; Sosnowski 2002: 102].

Нелаи дер. под гор. Луга, отождествляется с дер. *Нелаи* над оз. *Нелайским* Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 222, 256]; по более поздним источникам: дер. *Нелая* над оз. *Нелаем* 1539/40 г., пуст. *Нелаи* 1582 г., ус. *Нелаи* 1709 и 1748 гг., дер. *Нелаи* 1791 г. [Селин 2003: 158]. Название омонимично личн. *Нелаи*, имевшему хождение в древнерусский период; это префиксально-корневое имя письменно удостоверяется производным личн. *Нелаев* 1578 г., Кострома [Вес. Он.: 217]. Корневая морфема в данном антропониме соотносится с др.-рус. *лаяти* в значении ‘ругать, бранить’.

Добрости дер. Зайцевск. Кр., ранее в Зайцевской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 30—31]. Отождествляется с дер. *Доброст* Влажинского пог. Дер. пят. 1495/96 г. [НПК I: 741], = дер. *Добрость* Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 136]. Старописьменное название скорее всего приравнивается к мотивирующему личн. *Добрость*, которое удостоверяется альпослав. личн. «*Tobrozt*» (= *Dobrość*) в немецком документе XII в. [Kronsteiner 1981: 210] и принадлежит к древней преимущественно зап.-слав. антропонимической модели на *-ostь*, которую составляют еще личн. *Милость* из новг. бер. гр. № 709, 706 (40—60-е гг. XIII в.) [Зализняк 2004: 479], др.-польск. *Milost, Jarost, Mirost, Witost* и др. [Taszycki 1925: 57]. Я. Свобода и В. Шмилауэр возводят к др.-чеш. личн. *Dobrost* ойконим *Dobrohostov* в Чехии, который имел ранее вид *Dobrostov*, они же указывают на словен. геогр. *Dobrost* XII в. [Svoboda, Šmilauer 1960: 158]. Ойконимию дополняют гидронимы: *Добрость* (вар. *Добрососна*) п. пр. Сожи в Белоруссии, отмеченный в [Топоров, Трубачев 1962:

⁵ Согласно [СНМРИ 34: № 14058] — это дер. *Гвоздино* (явное переосмысление по слову *звездь*).

123], и р. *Добростица* в Сербии [Павл. ХС]. Основа *Добр-* повсеместно проявляется в др.-слав. антропонимии и деантропонимной топонимии.

Страхон дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 455] и рядом починок, унаследовавший это же название [Там же: 456, 471, 472], = *Астрохонка* дер. в Щепецком пог., указанная по межевым материалам конца XVIII в. [Андрияшев 1914: 109]. Сравнимо с личн. *Страхонъ*, донесенным новг. бер. гр. № 348 (40—70-е гг. XIII в.) [Зализняк 2004: 490—491]. Иные источники данного антропонима не знают, хотя *Страх-/Страш-* как антропооснова хорошо известна: личн. *Страхота* из новг. бер. гр. 20 из Старой Руссы 1-й пол. XII в. [Там же: 803], др.-рус. *Страхъ* [Туп. СДЛСИ: 374], польск. *Strach* [SSNO V: 216], чеш. *Strachota, Straš* [Svoboda 1964: 87], болг. *Страх* [Илчев 1969: 468], серб. *Страхиња, Страшко*, композит *Страхимир* [Грк. РЛИКС: 189], польск. *Strachomir* [SSNO V: 217] и др. Личн. *Страхонъ* показывают также геогр. *Страхоновка* ус. в окрестностях Вилейки Виленской губ. [Vasm. RGN VIII 3: 588] и польск. геогр. *Strachonowo* село 1417 г. (сегодня — *Strachanów* в Польше к северо-западу от Лодзи [Nieckula 1971: 196]), раскрывающие более широко географию этого древнего имени.

Сопиа дер. Логовинской вол. Порх. р-на в 5 км к юго-западу от устья Белки, л. пр. Шелони, = *Собиша/Сопиа* дер. Максаковоборской вол. Порх. у. во 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11623]. Ойконим впервые зафиксирован новг. бер. гр. № 568 (сер. 40-х — 70-е гг. XIV в.) в форме Мест. мн.: «на *Сопиахъ*». Его местонахождение в среднем течении Шелони конкретизируют несколько других ойконимов в контексте этой же грамоты, которые легко отыскиваются рядом с *Сопшей* и на современных картах, см. [НГБ 1977—1983: 36—37; Зализняк 2004: 562]. Под таким же названием — *Сопии* — пункт отмечен писцовой книгой Шел. пят. на территории Карачунского пог. 1539 г. [НПК IV: 442].

Объяснению геогр. *Сопии*, иначе *Сопиа*, способствуют межтерриториальные соответствия, среди которых особенно показательным и надежным выглядит геогр. *Сопиева Гора* в Молвятицкой вол. Дер. пят. 1561 г. [ПКНЗ 5: 408, 410]. Структура последнего названия, выраженного сочетанием посевива на *-ева* с опорным термином *гора*, позволяет квалифицировать основу *Сопи-* как антропонимическую; ср. аналогичного образования безусловно деантропонимные названия в рамках составной модели, характеризующейся в регионе Новгородской земли высокой продуктивностью: *Байкова Гора, Брилина Гора, Филистова Гора, Шуйгина Гора, Труфанова Гора* и т. п. Среди межтерриториальных соответствий указывали *Сопиа/Сапиа* р. в басс. Межи в верховьях Западной Двины и там же оз. *Сопие* (Смоленская губ.), а также *Собишино*, иначе *Сапошино*, дер. недалеко от Смоленска, *Собош (Soboš)* сел. на рч. Радомке в Словакии [Vasm. RGN VIII 2: 408; Vasm. WRG IV: 375], *Soboszów, Sobieszyn, Soběš* — селения в Польше и в Лужицах [Nieckula 1971: 193, 310; Rospond 1983: 130], *Sobieszyn* р. в Повисленье [НВ: 410]. Перечисленные названия мотивированы др.-слав. личными именами с корневым элементом *Sob-* и формантом *-š-*; ср. польск. личн. *Sobiesz, Sobisz, Soboszko*, словац. *Sobeš*, чеш. *Sobiš*, полаб.-помор. *Sobeš, Sobiš, Sobuš* (согласно материалам:

[SSNO V: 134—140; Miklosich 1927: 98; Schlimpert 1978: 129—130]), из средневековых украинских источников сюда же относятся личн. *Sobosz, Sobosko* [Демчук 1988: 82]. Данные антропонимы находятся в кругу родственных имен с иными формантами: др.-рус. личн. *Собко* [Туп. СДЛСИ: 366], укр. *Собко*, польск., сербохорв. *Sobko*, чеш., хорв. *Soba, Sobak*, польск. *Sobiech*, чеш. *Soběn* и др.; они также соотносятся с композитами, такими как польск. *Sobiebor, Sobiestlaw*, чеш. *Soběhrd*, сербохорв. *Sobimisl*, см. материалы [Демчук 1988: 82; SSNO V: 134—140; Svoboda 1964: 300; Miklosich 1927: 15; LPSRH, 650]. В свою очередь, ст.-рус. личн. *Собина, Собинко, Собинка* [Вес. Он.: 82; Кюршунова 2010: 501] имеют отношение к апеллиативам, ср. др.-рус. *собина* ‘собственность, имущество’ [Срезн. МСДРЯ III: 455], рус. диал. (арх.) *собина* ‘дорогой, милый’ [Опыт: 210]. Элемент *Соб-* в перечисленной антропонимии репрезентирует основу возвратного местоимения *sobě / sebě* [Svoboda 1964: 85].

Новг. геогр. *Сопиши (Сопиша)* имеет, очевидно, в качестве исходного личн. *Собьша*, которое органично вписано в круг антропонимических дериватов на *-ша* (перед предыдущей твердой или мягкой согласной), ср. немалое их число в новгородской берестяной письменности: *Григша, Павша, Евша, Говша, Олекша, Обокиша, Прокша, Якша, Демша, Тверьша, Ратьша, Братьша, Хотьша, Путьша* и др. [Зализняк 2004: 835—836]. Форма мн. ч. относит геогр. *Сопиши* к разряду родовых ойконимов. Ср. относительно деривации восточнославянские ойконимы-плюративы с общей антропонимической базой *Соб-*: укр. геогр. *Собки* сел. в окрестностях гор. Каменец-Подольский, *Собковцы* сел. на Волыни, *Собяки* в Орловской губ. и др. [Vasm. RGN VIII 2: 404, 408].

Жерятки дер. Тесовской вол. Новг. у. на оз. Фралевском [СНМНГ I: 80—81]. Впервые отмечена как поч. *Жирятка* в Егорьевском Луеском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 42], по более поздней документации: дер. *Жирятки* 1568 г., *Жаратка* 1582 г., *Жерядка* 1646 г., *Жерятка* 1669 и 1678 гг., *Жерятки* 1718 г. [Селин 2003: 110]. Исходная топонимическая форма, прикрепленная к начальному селению (починку), мотивирована личн. *Жирятька*, уменьш. к *Жирята*. Этот антропоним фиксируют новг. бер. гр. № 879 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004: 368] и летописные источники под 1135 и 1138 гг., в которых фигурируют новгородец *Жирята Якуновъ* [Туп. СДЛСИ: 151], *Жирята*, псковский боярин по Лаврентьевской летописи, а в новгородском акте сер. XIV в. отмечен патроним *Жирятиничи* братьев Гошкуя, Якова, Бориса и Игната [ГВНП: 163, гр. 106]. Что касается топонимических проявлений, см. еще новг. геогр. **Жирятино** дер. в Дягиленском пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКНЗ 1: 102; НПК III: 684]; вне новгородской территории: геогр. *Жирятино* для селений вблизи городов Кромы и Трубчевск Орловской губ., Кинешма Костромской губ., *Жеретино* дер. на р. Молотовня под Мстиславлем на Могилевщине [Vasm. RGN III 2: 284, 298]. Судя по имеющемуся материалу, *Жирята* как гипокористика к *Жирославъ* является восточнославянским, преимущественно новгородско-псковским именем, с которым максимально сходно зап.-слав. (др.-чеш.) *Žirota* [Svoboda 1964: 313], *Žirota* из источников XVI в. на Западной Украине [Демчук 1988: 74].

Рассмотренное геогр. *Жерятки* Тесовской вол. очевидно, повлияло на становление названия находящейся поблизости дер. *Жерядки* Приозерн. Луж. на оз. Тесовском. Данный пункт бывшей Тесовской вол. Вод. пят. под 1568 г. первоначально именовался *Жилятицы*, по документации 1573—1578, 1629, 1646, 1669, 1674—1678, 1709, 1718 гг. — *Жерятицы*, затем *Жарятицы* 1620 г., наконец *Жерятка* 1748 г. [Селин 2003: 137]. В данном случае топонимическая вариантность свидетельствует о пересечении личн. *Жирята* с созвучным *Жилята* и о дальнейшем переоформлении исконно патронимического названия по моделям бесформантных и родовых топонимов.

Жирома дер. Свапущенск. Ост. в Приселигерье, рядом лежит оз. *Жирома* со стоком в р. *Жирома*, л. пр. Щеберёхи, п. пр. Полю. Ойконим *Жирома* фигурирует в списке селений Ост. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43: № 8986]. Более ранних сведений о названии не найдено, хотя оно приравнивается к др.-слав. гипокористике, усеченной из полного личн. **Žiromirь* и образовавшей посессивного типа ойконим *Žyromino* под 1450 г. (= совр. *Żuromin* гор.) в Польше [Neckula 1971: 331; Rymut 1987: 285].

Близкое имя, ставшее результатом аналогичного усечения антропонима-композиита на *-мирь*, репрезентировано названием оз. *Хотьма* со стоком в р. Мда, п. пр. Мсты (иначе — оз. *Заборовское*). Исходный полный антропоним знал синкопу гласной (*ѣ* или *и*) первого компонента (*Хотьмирь* < *Хотьмирь*, *Хотимирь*), и эта его фонетическая особенность хорошо отразилась в ряде топонимов. Данную черту исходного личного имени отражают вместе с бесформантным гидронимом *Хотьма* (= личн. **Хотьмь*, *-а*) его межтерриториальные соответствия в ойконимии: *Хотмово* (при том, что есть и *Хотминово*, см. в гл. 5), *Хотмирово*, *Хомировичи*, отсылающие к **Хотьмь*, *-а*, *Хотьмирь*, *Хомирь* (< *Хотьмирь* / *Хотимирь*, подр. см. в гл. 4).

Батоног, или *Ботаног*, дер. на рч. Белке Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11353], = *Батоног* дер. Бельского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 629]. Ойконим равен ст.-рус. прозвищу *Батоног*, др.-рус. *Батоногъ*, осмысляемому приблизительно — ‘кто стучит ногами’, ‘кто хромает’. Ср. имена людей Григорий *Батоног*, Гурь *Батоног* в Строкиной пустоши на севере Вод. пят. под 1565 г. [Кюршунова 2010: 33], наряду с диал. *батать*, *ботать* ‘ударять, стучать чем-либо’: «Что ногами батаешь? Шута что ли забавляешь?» (Ворон., а также Урал., Тобол.), *ботоногий* ‘человек с заплетающейся ногой’ [СРНГ 2: 142; 3: 138].

Не исключена принадлежность к модели геогр. = личн. еще некоторых названий Новгородской земли, совпадающих с известными гипокористическими и депеллятивными именами. В Шел. пят. таковы: геогр. *Ратша* дер. Офремовского пог. 1539 г. [НПК IV: 351] (= *Ратча* село и пог. на Порусье Воскресенской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 28—29], сегодня — дер. Пробужденск. Ст-Рус.); *Добрило* дер. в Щирском пог. 1498 г. [НПК V: 104, 106, 107, 118]; *Радило* дер. Дубровенского пог. 1498 г. [НПК IV: 202]; *Гостило* дер. в пог. Рождественском на усть Северы [Там же: 287]; в Дер. пят. — геогр. *Опылыша* дер. Жабенского пог. 1995/96 г. [НПК I: 623] (а в более точной передаче — *Опалыша*). К отмеченной

ойконимии приравниваются прослеженные по др.-новг. берестяной письменности личн. *Ратьша* (гр. № 320, 348, 665), *Добрила* (гр. № 889), *Радила* (гр. № 924, 442), *Гостиль*, *Гостила* (гр. № 688, 726, 2, Торж. 9) [Зализняк 2004: 726, 732, 790, 791], а также личн. *Опалиша*, давшее патроним *Опалишин*, Переяславль, 1-я пол. XV в. [Вес. Он.: 231] наряду с новг. геогр. *Опалишино* (см.). К очевидным бесформантным названиям средневековой Новгородской земли, находящим близкие соответствия среди новгородской же йотово-посессивной топонимии, относятся рассмотренные в гл. 2 ойконимы *Госнѣг* дер. в Никольском пог. в Удомле 1499 и 1545 гг. (см. *Гостинеж*), *Сенѣг* дер. в вол. Велиля около 1495 г. (см. *Сенежсье*), *Збуд* дер. Боротенского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. (см. *Збуж*), *Прибыльца*, показанное в связи с *Прибыльцино* (гл. 5), *Моглогость* (см. гл. 3). На др.-слав. антропониме-компоните, быть может, зиждется геогр. *Керемера*/*Коремера* дер. в пог. Волок Держков (подр. о нем см. в связи с геогр. *Керегоць*). Среди прочего обращает на себя внимание близкое соседство геогр. *Керемера*/*Коремера* с бесформантными *Лядимера* и *Вичемера* (> *Вычерема*) в Среднем Помостье.

Таким образом, на новгородской территории формально выделяемая модель т. н. бесформантной деантропонимной топонимии (геогр. = личн.) охватывает немало архаических названий, произведенных от древнеславянских личных имен. Большинство этих имен уже не прослеживаются в самостоятельном употреблении в регионе Новгородской земли позднее XV столетия.

ГЛАВА 7

ОЧЕРКИ ДЕАПЕЛЛЯТИВНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ (АНАЛИЗ ТОПООСНОВ)

В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям...

Н. М. Карамзин

Глава составлена из более пяти десятков очерков, нацеленных главным образом на этимологическую разработку названий-архаизмов, трактуемых по апеллятивной лексике славянских языков и диалектов. Очерки начинаются изложением материала новгородских названий, далее последовательно обосновывается их происхождение благодаря изложению апеллятивных коррелятов, приводятся топонимические параллели и эквиваленты за пределами региона Новгородской земли. Преимущественное внимание уделено семантико-этимологическому и структурному рассмотрению топооснов, которые вынесены в заголовки очерков, тогда как характеристика топоформантов и моделей, связанных с деривацией названий, имеет вспомогательный характер. В очерках обыкновенно представлен комплексный анализ групп равно- и разноструктурных названий, объединенных, однако, этимологическим родством апеллятивов-мотиваторов; в отдельных случаях трактуются гетерогенные, но близкие или подобные в различных аспектах семантики и оформления тополексемы.

БЕБР-, БЕБЕР-

Бебро болотное оз. в Луж. р-не на границе с Новг. р-ном, имеющее истоком р. Каменку, л. пр. Тесовой, л. пр. Оредежа, п. пр. Луги. В справочнике Д. Ф. Шанько [Шан. РЛЛО] не обозначено, по [СНМНГ I: 82—83] оз. *Бебро* значитса в Тесовской вол. Новг. у. и указано рядом с дер. Нивки (сегодня — урочище в 2,5 км от озера). По более ранним материалам лимноним не известен. Однако в 1 км от юго-восточного берега озера, на болоте между озерами *Бебро* и Тигода, совр. карта-

километровка фиксирует ур. *Бebro*, письменная история которого прослеживается с 1500 г. В ту эпоху здесь описывалась дер. *Бeбор*, стоявшая на сухом возвышении среди болот («...на острове д. *Бeборь*»), относящаяся к Дмитриевскому Гдицкому пог. Вод. пят. [НПК III: 65]; позднее пункт был отмечен как дер. *Бeбер* под 1568 г. и как пуст. *Бeбро* в межевых материалах 1788 г. по Новг. у. [Селин 2003: 115].

Приблизительно в 50 км восточнее оз. *Бebro*, на территории Чуд. и Мал. р-нов, карта указывает рч. *Бeберка*, п. пр. Каменки, п. пр. Осьмы, п. пр. Волхова. Данный гидроним, по форме — деминутивное образование с суф. *-ка*, восходит к раннему варианту *Бeбра* (или **Бeбра*), который был в использовании еще в XIX столетии: на карте западной части Российской империи 1848 г. [КШуб] эта речка подписана именем *Бebro*.

Бeбёры ур. близ дер. Лукино Пашозерск. Тихв. к востоку от Тихвина (по материалам картотеки Российского института истории искусств, Санкт-Петербург)¹. Со стороны семантико-мотивационный перед нами название, отсылающее к родовому прозвищу поселенцев *Бeбёры*.

Этимологическая трактовка лимнонима *Бebro* басс. Луги, потамонима *Бeберка* (< *Бeбра*, *Бeбро*) басс. Волхова и оронима *Бeбёры* восточнее Тихвина не вызывает трудностей, больше возникает сомнений относительно лингвоэтнической принадлежности этих названий. Они легко обосновываются др.-новг. обозначением бобра (*бeбрь*), которое несколько раз фиксируют берестяные грамоты XII—XIII столетий: *бeбрьвь* Род. мн. (новг. бер. гр. № 721 40-х — сер. 90-х гг. XII в.), *бьборово* (или *бьбороко*) Род. мн. (новг. бер. гр. № 7 кон. XII — 1-я четв. XIII в.), *бeбры* Тв. мн. (новг. бер. гр. № 600 10—40-е гг. XIII в.) [Зализняк 2004: 363, 452, 471]. В том или ином виде редкая лексема *бeбрь* (с огласовкой *e*) и ее дериваты проявляются в языках восточных, западных и южных славян: помимо материалов берестяной письменности, были отмечены др.-рус. *бeбрь*, прил. *бeбрянь* (ср. *бeбрянь рукавь* в «Слове о полку Игореве», которое, как полагают, можно истолковать не только как ‘бобровый’, но и как ‘шелковый рукав’ [Мещерский 1956: 6]), др.-болг. *бoбрь*, но и *бeбрь*, болг. *бoбър*, но и *бeбър*, в.-луж. *bobr* и *běbr*, словен. *běbr*, *breber* и т. п. [Фасм. ЭСРЯ I: 141, 180—181; Бернштейн 1974: 46]. Топонимы, коррелирующие с данной лексемой, рассеяны по разным концам славянского мира. За пределами области новгородских пятин отмечены вост.-слав. геогр. *Бeбрино* дер. в Тверском у., *Бeберино* дер. Кологривского у. Костромской губ., *Бeберово* дер. на р. Норнега Галичского у. Костромской губ., *Бeбрюхово* дер. на рч. Крутец Балахнинского у. Нижегородской губ., *Бeбры* оз., *Бeбриш* оз. рядом с двумя сел. *Бeбриши* в Двинском уезде Витебской губ., *Viebrusy* дер. в Виленском у., *Бeбря* пр. Нарева и *Бeбря* (*Бeбра*) п. пр. Вязьмы басс. Днепра [Vasm. RGN I 2: 300—301; Vasm. WRG I: 97], *Бeбрейка* в Вяземском у. на Смоленщине [Филин 1972: 558] (= *Бeбря* п. пр. Вязьмы?). Перечисленные названия водоемов прямо связаны с обозначением боб-

¹ Сообщение В. В. Виноградова, научного сотрудника Российского института истории искусств.

ров, а названия селений оптимально объясняются из антропонимов *Бебря*, **Бебрюхъ*, **Беберь*, отсылающих к этому же обозначению; ср. еще личн. Семен *Бебря* в материале Приходо-расходной книги Волоколамского монастыря 1573—1574 гг. [Филин 1972: 558]. Отчетливого ареала восточнославянские названия не дают, хотя в общем тяготеют к Русскому Северо-Западу и костромской территории². У западных славян отмечены польск. *Biebrza* р., *Biebrznica* р. под 1664 г. (нем. *Bebernitz* 1650 г.), *Biebrowo* оз., — все в басс. Вислы [Górniewicz 1985b: 26—27, 41, 45; HW: 425], *Biebrza* (нем. *Bieber Graben*) р. в басс. Одры [НО: 91], словац. *Bebrava*, полаб.-помор. *Bebroa* ур. (< **Bebrov* сел.) [Šmilauer 1970: 37]. Чаше названия с огласовкой *e* (иногда они восходят и к **bьbrь*) встречаются у южных славян, ср. *Беброво* в Болгарии [Ковачев 1961: 139], *Bebrina* для трех селений в Славонии, *Bebrevnica* сел. в Хорватии [Петлева 1969: 173—179], а также различные сербохорв. геогр. *Bebrova*, *Bebrovisa*, *Bebrovac*, *Bebrovin*, *Brebrovnica*, *Brebernica*, *Breberovac*, *Brjebrovna*, словен. гидронимы *Brebovščica*, *Brebovnica*, *Brebovniški Potok*, *Brebrno* [Bezl. SVI I: 81—82], словен. ойконим *Brebróvnik* (< **Bebrovnik*) [Snoj ESSZI: 77].

В целом *Бебр*-названия, единичные как в регионе Новгородской земли, так и на многих других славянских территориях, малозаметны на фоне многочисленной изосемантической топонимии от *бобръ*; ср. старописьменные новг. ойконимы *Боброва*, *Бобровец*, *Бобровик*, *Бобровичи*, *Бобровники*, *Бобраково*, *Бобрыни*, часто повторяющиеся *Боброво*, *Бобриха* и др. в материале НПК, гидронимы *Бобровый*, *Бобрович*, *Бобровец*, *Бобров*, собранные в [Шан. РЛЛО], большинство из которых не утратили продуктивности в современном языке. Напротив, новг. *Бебро*, *Беберка*, *Бебёры* являются реликтами языка раннедревнерусского времени в регионе. Судя по берестяной письменности, лексема *бебръ*, фиксируемая на протяжении XII—XIII столетий, была вытеснена на новгородской территории лексемой *бобръ*, вероятно, еще в XIII—XIV вв.; по крайней мере, берестяные грамоты сер. XIII — нач. XIV в. знают только апел. *бобръ* и личн. *Бобръ*, см. № 420, 193, 45 [Зализняк 2004: 478, 600, 538].

Помимо пережиточности основы, налицо архаичность структуры рассматриваемых новгородских гидронимов, непрямых и оформленных суффикс-флексиями, которые, изменяясь по роду, указывают на разновидности топообъектов: озеро *Бебро*, остров *Бебор*, река *Бебра* (> *Беберка*), ср. также смол. река *Бебря* (*Бебра*), польск. *Biebrza*.

Хотя в свете изложенных многочисленных фактов в целом предпочтительна раннеславянская лингвоэтническая атрибуция обсуждаемой топонимии с основой *Бебр*-, сохраняется высокая степень вероятности отнесения некоторых названий к балтийскому субстратному наследию. Известно, что для балтийских языков обо-

² Что касается др.-рус. апел. *бебръ* в «Повести об Акире премудром» XI—XII вв. (в источнике: «одьбъ и *бебромъ*», цит. по [Филин 1972: 558]) и *бебрянъ* (рукавь) из «Слова о полку Игореве», то они указывают на изделия из меха (или даже из шелка) и, будучи «культурными» словами, легко заимствуются, а следовательно, не имеют надежной ареальной характеристики.

значения бобра и «бобровые» топонимы характерны именно с огласовкой *e*: прус. *bebrus*, лит. *bėbrūs, bebras, bėbras, deprūs, vebrus*, лтш. *bębrs, bebris*, прус. геогр. *Be-birlauken, Bewer, Bebir, Bybir, Bebra*, лит. *Bebrė, Bebrinė, Bebrika, Bėbrujiš, Bebrūtis, Bebr-upis* и др., лтш. *Bebra, Bebrunnen, Bębrs*, курш. *Bebrun* и др., сюда же отнесено и смол. *Бобря*; см. [Топоров, Трубочев 1962: 176; Топоров ПЯ 1: 203—205; Vanagas 1981: 60; Аникин 1998: 29—30]. Если для новг. *Бебёры* восточнее Тихвина исконно славянская принадлежность кажется безусловной, то ситуация с новг. *Бebro, Беберка* не столь очевидна, поскольку известно, что ареал балтийской гидронимии уходит к северу от широты Новгорода. О лимнониме *Бebro* в басс. Оредежа как о возможном балтизме писали Р. А. Агеева [1989: 187], В. Н. Топоров [1998: 281], но как о славизме А. Л. Шилов [2001: 24], что касается *Беберка* в басс. Волхова, то этот гидроним смежен с сигнальным («маячковым») балтизмом *Осьма* и вообще входит в балтийский гидронимический анклав на Волхове, см. [Васильев 2007а; 2008а]. Таким образом, вопрос об этноязыковой идентификации *Бeбр*-названий окончательно не решен. Ясно, что и ареальный критерий в некоторой степени относителен. В этой связи достаточно обратить внимание на факт полного отсутствия в Поочье, на бывшей балтийской территории, гидронимии с основой *Бeбр*-, тогда как количество названий с основой *Бобр*- здесь весьма велико, см. материалы [Смол. ГБО: 297, 299]. Это может подразумевать позднейшую «подгонку» оставленных балтами названий под форму распространенной славянской гидронимии от *бобрь*, но вместе с тем известно, что литовские диалекты знают также основу **bobr*-: вост.-лит. *bābras, dābras* [Аникин 1998: 52], ср. геогр. *Babrīnis, Babrūkas, Babrūnė, Babrūngas, Babrūte, Babrūnka* в Литве [Vanagas 1981: 55]. Поэтому не исключено, что в Поочье некоторые «бобровые» названия оставлены в действительности балтами, знавшими **babr*-, что, в свою очередь, подразумевает диалектную дифференциацию поочских балтов. Например, в басс. Оки балтийскими с учетом формантов можно считать гидроним *Боброк*, фонетически коррелирующий с деминутивной формой лит. *Babrūkas*, или поочский гидроним *Бобринка*, соотносимый с лит. *Babrīnis*.

Болог-, Благ-, Сболог-, Бологин-, Весниболог- и др.

Бологое гор., р. ц. Твер. обл., рядом с оз. *Бологое* басс. Мсты со стоком в р. Нефтянка (ранее — Змейка); до 1926 г. пос. *Бологое* (*Никифоровка*) при ж.-д. ст. *Бологое-Московское* (*Бологовская*), открытой в 1851 г., ранее село. Впервые упоминается в писцовой книге Дер. пят. 1495 г. как сц. *Бологое* в Бологовском пог. «надъ озеромъ надъ *Бологимъ*, а въ немъ церковь Усѣкновеніе главы Ивана Предтечи» [НПК I: 107], в межевых материалах конца XVIII в. — село *Бологое* Валд. у. [ИАДП 1: 109]. Населенный пункт был назван по смежному озеру, которое, помимо названия *Бологое*, уже в средневековье именовалось *Бологовским* (см. [ПКНЗ 5: 242—244, 247, 248]) — по селу. В этом же Бологовском пог. книги Дер. пят. отмечают сц. *Бологая Гора* 1495, 1550/51 гг. [НПК I: 112; ПКНЗ 5: 243] (= сц. *Болагая Гора* Валд. у.

конца XVIII в. [ИАДП 1: 110; 2, 60]) и р. *Боложица* под 1495 г. («да х деревни к Сорокину на отхожих пожнях на речке на *Боложицы* под Великим Елником») [ПНКЗ 5: 250], = руч. *Боложивца* близ пуст. Сорокино в конце XVIII в. к северу от оз. Бологое [ИАДП 1: 110; 2: 59]³.

Другое оз. *Болого(е)* локализуется в истоках Западной Двины на территории средневековой вол. Лопастницы, здесь же стояла дер. *Над озером Бологом*, согласно книге Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 791, 798]. Неподалеку, западнее, лежит еще одно оз. *Бологое* басс. Ловати, стекающее в р. *Блажанка* [Шан. РЛЮ: 143; Шк. ОПскГ: 114] (по совр. данным — оз. *Бологово*, стекающее в р. *Бологая*) вблизи пос. *Бологово* Бологовск. Андр. (= пог. *Балагой*, или *Бологое*, в Балагово-Наговской вол. Холм. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 14611], = сел. *Бологое* при оз. *Бологое* в Сerezжской переваре Торопецкой земли 1540 г. [ПКНЗ 4: 628]). Из новгородской ойконимии сюда же: геогр. *Бологово* дер. Уторгошск. Шим., в 1-й и 2-й пол. XIX в. — дер. *Бологова*, или *Бологово* / *Балосово* Луж. у. [ОСПбгуб: 117; СНМРИ 37: № 2262], которая отождествляется с дер. *Бологое* во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 38]; *Бологово* дер. Вельевского пог.; *Бологово* дер. Молвотицкого пог., по книгам Дер. пят. 1495 и 1538/39 гг. [НПК I: 217, 655; ПКНЗ 4: 286]; *Бологово* дер. в пог. Воскресенском в Осечне Беж. пят. 1545 г. и в том же погосте пуст. *Бологуша* [НПК VI: 86, 93].

Данную новгородскую топонимию на сопредельной псковской территории дополняют геогр. *Бологовское*, иначе *Бологово*, оз. со стоком в р. *Бологуша* неподалеку от Великих Лук (= оз. *Бологое* в Бологоцком стане, согласно Великолуцкой писцовой книге 1625—1627 гг. [Янин 1998: 172, № 372]), здесь же дер. *Бологое* Новосокольнического р-на Пск. обл. Сюда же название оз. *Белогули* / *Белогуля* (но по списку озер 1912 г. — *Балогули* в Опочечком уезде Пск. губ. [Шк. ОПск: 78]), лежащего в красивой долине неподалеку от Новоржева со стоком в р. Сороть, отмеченного в псковских писцовых книгах 1585—1587 гг. как *Бологуль* [ПОС 2: 87; Мельников 1984: 15]. Ранние варианты этого лимнонима произведены от *болог*-при помощи суфф. *-ул'*, тогда как современные варианты, при забвении семантики основы, подверглись сближению со словом *белый*.

Все эти топонимы на новгородско-псковской территории, зарегистрированные письменностью XV—XVII вв., безусловно отсылают к др.-рус. диал. *болог(ыи)* 'хороший, добрый', имеющему неполногласные соответствия в южно- и западнославянских языках (< праслав. **bolgъ(jь)*), см. [ЭССЯ 2: 174]. С прилагательным *болог(ыи)* находятся в деривационной связи др.-рус. существительные *болого*

³ От средневекового названия села и погоста *Бологое* произведена фамилия *Бологовские*, связанная с родом новгородских землевладельцев (*Бологовский Василий Федоров сын Фатьянов*, *Бологовский Кузьма Семенов сын*, *Бологовский Олферий Федоров сын*, *Бологовский Степан Федоров сын Фатьянов*, *Бологовский Федор Семенов сын*, *Бологовский Федор Федоров сын*), которые владели землями в смежных Бологовском, Листовском, Еглинском и Пиросском погостах, но, по-видимому, утратили свои вотчины во времена московских экспроприаций земель конца XV—XVI в., см. [ПКНЗ 4: 108, 145, 148, 163, 352, 390, 419, 434].

‘добро, bonum’ [Срезн. МСДРЯ I: 146], рус. диал. (брян.) *бологѳе* ‘добро, хорошее’ («Ни г *благому*, г дажду летаютъ ластъчьки, ни г дабру» [СБГ 1: 67]) и, вслед за ними, наречия, такие как *не-з-болѳга* ‘не с добра’ [ЕСУМ 1: 203], рус. диал. *бѳлѳого*, *бѳлѳо*, *бѳлѳѳе*, *бѳлѳѳень*, *бѳлѳѳи*, *бѳлѳѳя* ‘хорошо; хорошо, что’ во многих, преимущественно севернорусских, говорах [СРНГ 3: 71, 76; СГРС 1: 109; НОС 1: 66], ввиду того, что само праслав. имя **bolgo* считается субстантивом формы прилагательного среднего рода, подобно существительному *дѳбрѳ* при *дѳбр(ый)* [Ан. РЭС 3: 223]. В отличие от усвоенных из книжного языка неполногласных лексем, исконное др.-рус. *болог(ый)* не получило широкого распространения в русском языке, вероятно, потому, что издревле его ареал был ограничен по преимуществу территорией исторических Новгородской и Псковской земель, долгое время существовавших относительно обособленно от остальной Руси. О новгородско-псковском ареале полногласного адъектива отчетливо свидетельствует средневековая топонимия на *Болог-*, не выходящая, как будто, за пределы Русского Северо-Запада⁴. Неполногласный вариант (ц.-слав. *благын*, давшее рус. *благѳй*) тоже проявляется в топонимии этого региона, но существенно меньше: таковы названия маленького оз. *Благи* в пойме оз. Ильмень и руч. *Благой*, л. пр. Заемглинского, п. пр. Мологи (между Бежецком и Максатихой), причем не находящие древнеписьменных отражений⁵.

На Русском Северо-Западе наблюдаются факты смешения вост.-слав. полногласного и более позднего, неполногласного вариантов основы, выраженные замещением одного варианта другим. Среди таких фактов неполногласное *Блажанка*, судя по производной форме, явно вторичный, поздний вариант названия р. *Бологая*, вытекающей из оз. *Бологое* (см. выше). Обратное замещение наблюдается на примере пск. *бологодѳть* ‘дар?’ («А Новоторжцу въ *бологодѳть*, не вѳсити ни у которого же гостя») из документации Печорского монастыря XVI—XVII вв. [ПОС 2: 87]), которое, очевидно, нужно рассматривать как местную народную трансформацию ц.-слав. заимствования *благодѳть* ‘*χάρις, gratia*’ [Срезн. МСДРЯ I: 98]. Единично записанное пск. *бологѳй* ‘старый, больной’ («Уйди атсѳдова! Ты *балагѳй!* Эта састѳрился, забалѳфшый, худѳй то истъ» Самохвалово, Палк.) [ПОС 2: 87]

⁴ Русские фамилии *Бологовы*, *Болговы*, *Бологие*, которые, судя хотя бы по интернет-упоминаниям, не принадлежат к числу самых редких, в отношении ареала не показательны в связи с широким расселением их носителей по просторам России. Можно лишь предполагать, что эти фамилии в целом русского северо-западного происхождения, где они до сих пор обнаруживаются несколько чаще, чем в иных регионах. Ко времени первых московских писцовых описаний Новгородской земли конца XV в. здесь были в ходу соответственные фамилии (патронимы) как с полногласием, так и с неполногласием, см. *Бологаев Еска*, крестьянин в Сытинском пог. около 1495 г. [НПК II: 473], но *Благой Василий*, помещик в Бельском пог. 1498 г. [НПК IV: 72].

⁵ В средневековой писцовой документации региона обнаружено только одно соответственное название с неполногласием: *Блажена* дер. 1564 г. в пог. Волок Держков Беж. пят. [НПК VI: 1003].

тоже скорее всего не исконно, но преобразовано из неполногласной лексемы, издревле усвоенной местными говорами, ср. пск. *благóй* ‘больной, истощенный слабый’, записанное во многих районах области [ПОС 2: 28]. Исконное же др.-рус. диал. (др.-новг., др.-пск.) *болог(ыи)*, похоже, вовсе не несло того нового отрицательно-оценочного смысла, который был закреплен в народно-диалектной среде за неполногласными лексемами, ср. весьма распространенные рус. диал. *благóй* ‘дурной, плохой’, *блáго* ‘нехорошо, дурно’ и т. п. [СРНГ 2: 308], как и *блажítь* ‘дурить’, *блажнóй* ‘дурной’. В перечисленных названиях на *Болог-*, как и в других тополексах этой основы, изложенных ниже, нашла отражение положительная оценка водоемов, местности, окрестных угодий (ср. многочисленную русскую топонимию от *добр(ый)* типа *Доброе, Добрая, Добрица, Доброха, Доброзеро*)⁶.

За пределами Русского Северо-Запада на восточнославянской территории, за исключением, пожалуй, геогр. *Бологовка* (укр. *Бологівка*) сел. в Харьковской обл., фиксируются неполногласные формы соответственных топонимов (на *Благ-*), см. в обширном бассейне р. Оки гидронимы *Благов, Благой, Благуша / Блогуша, Благушка, Благушка / Блогушка (Благовка), Благучской, Благиновка, Благиновский* [Смол. ГБО: 28, 39, 56, 118, 120, 150]. В Верхнем Поднепровье отмечены гидронимы *Балгучка* п. пр. Проварищ, л. пр. Ужи, л. пр. Днепра (иначе *Гиченка*) и *Болгача (Болгачь)* л. пр. Днепра, которые считаются образованиями со слав. суффиксом от балт. основы *Balg-* и сравниваются с лтш. *Balga* p., др.-прус. *Balga* [Топоров, Трубачев 1962: 176, 177]. Однако днепровск. *Балгучка*, видимо, лучше трактовать как слав. название, поскольку и по родству основы, и структурно оно сходится с поочск. *Благучской*, равно как с чеш. личн. *Blahút*, это последнее рассматривается в [ЭССЯ 2, 174] как вероятное старое слав. причастие **bolgotь* (до расширения суф. *-j-*), соотносимое с **bolgati* (> чеш. *blahati* ‘блаженствовать’, ‘находить удовольствие, нравиться’ и др.). В свою очередь польский гидроним *Bloga* для притока Пилицы басс. Вислы [НО: 293], впервые фиксируемый под 1221 г. (и при этой реке ур. *Blogie* впервые под 1221, 1412 гг. [Babik 2001: 349—350]), можно считать очевидной межславянской параллелью к новгородско-псковской гидронимии типа *Болого(е)*.

В названии оз. *Бологинец* («лень мочять, рыбы въ немъ нѣтъ») в Быстреевском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 176], = оз. *Болодинец* со стоком в руч. *Болодинец* басс. Чудского оз., 1929 г. [Шан. РЛЮ: 566], наверняка отражена первоначальная основа с суф. *-ын’-*, позднее осложненная суф. *-ец*. Она имеет праславянские истоки, ср. равноструктурное ст.-слав. *благыни* ‘доброта, добро’, болг. *благинá* ‘скоромная, жирная пища (масло, молоко, сыр и др.)’, диал. *блáгина* ‘скоромная

⁶ Г. П. Смолицкая, объясняя название города *Бологое* в Твер. обл., без достаточной аргументации приписывает исходному апеллятиву значение ‘плохой, неудобный, непригодный для проживания’ или ‘связанный с нечистой силой, со злым духом; нечистое место’ [Смолицкая 2002: 35—36], ее объяснение повторено в [Воробьев 2005: 41]. Однако наличие негативного спектра значений для полногласной основы *болог-* ничем не доказывается, тогда как ее позитивный семантический спектр вполне обосновывается совокупностью др.-рус. и рус. диал. лексических манифестаций.

пища (мясо, сыр)', сербохорв. стар. *blàginya* 'благость, доброта', диал. 'жир для мыловарения (выжарки, топленный жир, испорченный сыр и т. д.)' и др., сюда же сербохорв. личн. *Blàgīna*, — все к праслав. **bolgyni*, производному от **bolg(ъjъ)* [ЭССЯ 2: 174—175]. Южн.-слав. личное имя с неполногласием проникло и на новгородскую территорию Обон. пят., см. *Благиня* Петр Кириллов, 1563 г., в Олонце [Вес. Он.: 40], и в иные русские земли⁷. Основа новг. геогр. *Бологин(-ец)* (< *Бологын'-/Бологын(-)*) семантически и деривационно приравнивается к основе весьма распространенной топонимии на *Добрын'-/Добрын-*, которая отчасти мотивирована апеллятивом, отчасти антропонимом (см. геогр. *Добрыня* и т. п.). Эту же основу можно усмотреть и в названии дер. *Болгино* Деманского пог. Дер. пят. 1496 г. [ПКНЗ 1: 87] (< **Бологын'-/*Бологын-*, к заударному выпадению *o* ср. диал. *бóлго* = *бóлого*, *Бóлгов* < *Бóлогов*), для данного ойконима исходным скорее следует считать антропоним. Не менее отчетливую деривацию от этого же личного имени, но уже в неполногласном его варианте, предполагают названия оврагов *Благиновка* и *Благиновской* басс. Смедвы в Среднем правобережном Поочье [Смол. ГБО: 150] — к *Благина* (< *Благына/Благыня*) или *Благинов*.

Редкое архаическое сложение адъективной основы *болог-* с преф. *с-* (< *съ-*) репрезентирует название дер. *Сболога* в Среднем Помостье близ пос. Любытино, р. ц. Новг. обл. По спискам 1911 г., это дер. *Большая Сболога* Любытинской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 60], отождествляемая с одним из пунктов XVI в. в вол. Любытино в Ильинском пог. Беж. пят., где писцовые книги указывают дер. *Збологая* под 1564 г., которая «не пахана и не кошена, а запустѣла отъ помѣщиковы худобы лѣта 7072», т. е. в 1544 г. [НПК VI: 876], и дер. *Болога* под 1501 г., иначе *Бологая* под 1564 г. [Там же: 17, 871, 875, 876]. В 12 км к востоку обнаруживается другая дер. *Сболога*, в нач. XX в. значившаяся в Шереховской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 138], а в настоящее время признанная нежилой; она отмечена как дер. *Збологая* «при копанных колодезях» межевыми материалами 1780-х гг. [КГарн] и соответствует одной из близлежащих средневековых деревень, принадлежавших пог. Никольскому в Шереховичах: дер. *Бологая*, или дер. *Болагая*, обе описывались в 1539 и 1564 гг. [ПКНЗ 3: 11; НПК VI: 877, 878, 899, 907, 910]. Кроме них, опять же в Среднем Помостье, карта-трехверстка 2-й пол. XIX в. [ВТКЗверст] указывает пару смежных дер. *Верхняя Зболога* и *Нижний Зболог* на правом берегу Мсты, которые в списке селений 1909 г. приведены как дер. *Верхние Тиккули (Сбологи)* и *Нижние Тиккули (Сбологи)* в Карпиногорской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 41, 42]; по современным данным — это дер. *Верхние Тиккулы* и *Нижние Тиккулы* Мал. р-на⁸.

⁷ См. помещики *Благинов Иван*, *Благинов Яков* в уезде подмосковной Коломны, по письменности 1577/78 г. [ГР: 29, 30, 42]. Кроме того, В. А. Никонов [1993: 19] находит фамилию *Благиня* по документации 1840 г. в Астраханской губ., куда она, по его мнению, была занесена потоком южнорусского и западнорусского населения.

⁸ Геогр. *Тиккули/Тиккулы*, не имеющее лингвистического отношения к рассматриваемым фактам, связано с расселением семей карел на берегах Мсты в XVII в. Оно произведено от карельского личного прозвища *T'ikku* или *T'ikka* (ср. карел. *t'ikku*, фин. *tikka* 'дятел') при помощи

Тополексему *Сболога,-и* скорее всего следует трактовать как весьма архаическую структуру, в которой преф. *с-* (< *сь-*) входил в состав прилагательного для усиления качества ('очень хороший'). Такой префикс исследователи обнаруживают, к примеру, в именах *здоровый, счастье, смерть* и этимологически объединяют с др.-инд. *su-* 'хорошо, благо', авест. *hu-*, др.-перс. *и-*, галльск., др.-ирл. *su-, so-* 'хорошо' и др. [Фасм. ЭСРЯ III: 540]. Похоже, эту же структуру (**sъbolg-*), позднее сближенную с изосемантическими неполногласными лексемами на *благ-*, показывает локализуемый в истоках Волги, лимнимом *Соблаго* для озера вблизи оз. Стерж, рядом с которым значатся пос. и ж.-д. ст. *Соблаго* Пен. р-на.

Безусловным сложением со вторым элементом *болог-*, по-видимому, семантически близким к форме *Сболога,-и*, предстает далее название новгородской дер. *Веснеболот*, или *Яснеболот*, дер. на р. Моревка в Моисеевской вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II: 52—53], которая отождествляется с дер. *Весниболот* в вол. Морева под 1495 г. [НПК II: 717], = пуст. *Веснеболото* по обыскной книге 1560/61—1561/62 гг.: «обжа пуста, не пахана и не кошена пятнадцать лет от мору» [ПКНЗ 5: 392, 396], = дер. *Веснеболот* Холм. у. по межевым материалам конца XVIII в. [ИАДП I: 215]. Очевидная параллель новгородскому ойкониму есть на Псковской земле — *Веснеболот* (или, по [Шан. РЛЮ: 30], *Веснеболото/Вескеболото*) крупное оз. в истоках р. Великой, стекающее в р. *Веснеболотка* (иначе *Веснеболотица, Веснеболот*, по [Там же: 28] — *Веснеболота/Вескеболота*), л. пр. Алоли. В древности здесь был пог., волостной центр *Веснеболот* (по духовной грамоте Ивана III 1504 г. — *Веснеболото*) Пусторжевской земли [Янин 1998: 150], в XX в. слившийся с дер. Красное Пустошкинского р-на [Мельников 1984: 32]. На мой взгляд, новг. и пск. архаические топонимы вторым своим компонентом (а, возможно, и первым) сходятся с польск. *Osobloga* (вар. *Ossobloka, Ossa, Osa*, чеш. *Osoblaha*, нем. *Die Hotzenplotz, Ossa Bach*) л. пр. Одры, Юго-Западная Силезия [НО: 41] (по исторической документации *Ozoblogam* под 1201 г., *Ozoblog* 1212—1214 г., *Osoblogam* 1233 г., германизированная форма *Uzablac* 1107 г. и др. [Rozwadowski 1948: 11; Babik 2001: 212]). В. Э. Орел, рассматривая польский гидроним и приводя подобное ему название польской же р. *Oskoblok* (исторически *Osoblok/Ostroblok/Oskobok* и др.) из басс. Варты, квалифицирует их как германский композит **aska/i-baki-* 'ясневый ручей' [Орел 1989: 114—115; 1997: 347], что весьма сомнительно, особенно если привлечь сюда созвучные топонимические факты Русского Северо-Запада. О. Н. Трубочев второй компонент в польск. *Osobloga*, чеш. *Osoblaha* приравнивает к праслав. **bolgъ* 'хороший, добрый', но и в первом компоненте видит такой же смысл (и.-евр. **yesu-s* 'добрый, хороший'), предполагая здесь дублетное или глоссирующее наименование с внутренней формой 'bonum + bonum' [Трубочев ТЭ 2: 164—165], что, на мой взгляд, вполне убедительно.

посессивного суф. *-la*, характерного для прибалтийско-финской ойконимии деантропонимного образования (подобно ойкониму *Дятлово* — от прозвища *Дятел*).

тельно⁹. В том, что в новг. *Веснеболук*, пск. *Веснеболог(а)* тоже заключено праслав. **bolg-* сомнений нет, но первый компонент нуждается в прояснении. В качестве этимологического наблюдения хочется заметить, что *Весне-* тоже может отсылать к тому же и.-евр. корню, что *Oso-* в польск. *Osobloga*, но расширенному суф. *-n-*: к **цес-п-*. Ср. на уровне апеллятивов праслав. **veselъjъ* (> рус. *веселый*) с иным суффиксальным расширением этого же и.-евр. корня **цесu-* [Фасм. ЭСРЯ I: 303] наряду с праслав. **vesna*, которое Брюкнер связывает с **veselъ(jъ)* [Brückner: 607]. Сами же древнейшие названия *Веснеболук*, *Веснеболог(а)*, похоже, были перенесены ранними славянами на Русский Северо-Запад из очага славянских миграций в Центральной Европе.

О структуре новг. геогр. *Балогижжа*, *Бологжо* подр. см. в гл. 8.

БОРОТН-, БОРТН-

Боротно дер. Стр-Кр. р-на, ранее — село в 3-м стане Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 124]. Первые упоминания об этом пункте содержат писцовые книги Шел. пят. 1498 и 1501 гг., которые указывают здесь пог. *Боротна* (*Боротенский*) с церковью Святого Егория и дают описание принадлежащих ему деревень [НПК V: 6, 7, 71—78, 311—314].

Боротно Большое, **Боротно Малое** — соседящие дер. Боровенковск. Ок., по источнику нач. XX в. дер. *Боротно* с примыкающей усадьбой этого же имени в Заозерской вол. Кр. у. на оз. Теребуновском [СНМНГ IV: 10—11], = дер. *Боротно* Теребуновского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 133]. Кроме того, немного южнее, в близлежащем Локотском пог. значилась дер. **Боротна** [Там же: 25, 133], о которой более поздних сведений не сохранилось.

Вблизи юго-западной границы Шел. пят., уже на территории Пусторжевской земли, писцовая книга 1583 г. отмечает дер. *Боротное* [Янин 1998: 147, № 384], указанную картой-трехверсткой 2-й пол. XIX в. как *Боротна* Пск. губ. (близ оз. Дулово к северо-востоку от Локни, р. ц. Пск. обл., более поздних сведений нет).

Приведенные ойконимы оптимально трактуются как закрепления др.-рус. прил. **бърътъньни* (> *боротной*) — деривата с суф. *-ьн-* от *бъртъ* (> *бортъ*) ‘лесной улей’, отраженного в диал. др.-новг. полногласном облике. Ср. с рефлексом второго полногласия *бороть* (= *бъртъ*) в новг. бер. гр. № 390 последней трети XIII в. [За-

⁹ Данной версии благоприятствует сама микросистема смежных названий, а именно то, что среди левых притоков р. *Osobloga* известна р. *Ossa*. Я. Розвадовский привлекает этот факт для истолкования сложения *Osobloga* в значении ‘*Ossa dobra, cicha*’ [Rozwadowski 1948: 11]. Однако данное схождение двух смежных гидронимов целесообразно осмыслить по-другому — в качестве факта, который помогает уяснить специфику сложения *Osobloga* как сращения славянской метонимической кальки (использовавшейся вначале для смежной реки) с дославянским оригиналом. Ср. подобный случай с названием р. *Каменная Осмонька*, смежной с р. *Осмонька*, в Верхнем Поднепровье; первое из них сочетает славянскую кальку с дославянским гидронимом от обозначения камня *asman-* [Топоров, Трубачев 1962: 222, 224].

лизняк 2004: 507], *боротной староста* (по грамоте 1453 г., в сп. XVII в.). Продолжения праслав. **bьrьtь*, **bьrьtьnъ(jь)* прослеживаются во многих славянских языках [ЭССЯ 3: 132—135], в некоторых русских говорах (перм., влад.) слово *борть* было в ходу еще в XIX в. ([СРНГ 3: 120] дает его по источникам 1854, 1875 гг.). Чаше, однако, топонимия Новгородской земли показывает соответственные названия в неполногласной форме: **Бортно** оз. близ дер. Чаплино в Васильевской вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 17], **Бортно** дер. Морозовичского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 427], **Бортное** дер. в Михайловском пог. в вол. Тростны 1545 г., **Бортница** поч. в Никольском Удомельском пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 181, 269], **Бортки** поч. в пог. Рождественском на усть Северы Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 299], **Бортицы** дер. в Бельском пог. в вол. Светичи Дер. пят. 1495/96 г., **Бортица** дер. Мытенского пог. Обон. пят. 1495/96 г. [ПКНЗ 1: 78, 284], **Бортник** дер. Передск. Бор., отождествляемое с *Бортник Большой* или *Бортник Меньшой* 1564 г. в пог. Петровском Борисоглебском в Боровичах Беж. пят. [НПК VI: 928]. Эти и иные соответственные названия, обычно находящие проявления в средневековой новгородской топонимии писцовых книг, указывали на места с дуплами для пчел, на лесные пасеки, ср. в тверской бер. гр. № 5 *борт(н)икъ* ‘пасека’ [Зализняк 2004: 569]. Ср. топонимические параллели к новг. *Боротно*, *Бортно* в иных славянских землях: *Бортно* дер. в Ивановской обл., *Бортное* дер. в Калужской обл. неподалеку от Козельска, *Бортна* п. пр. Керженца в Нижегородской обл. [Vasm. WRG I: 200] (и при ней дер. *Большая Бортна*, *Малая Бортна*), польск. *Bartna* р. в верховьях Вислока [Rieger 1988: 2], чеш. *Brtná* (трижды), *Brtnice*, *Brtník* сел. [Prof. MJ I: 186—188; Nosak, Šramek MJMS I: 114—115]. В основном топонимы, соотносительные с праслав. **bьrьtь*, встречаются, как показывает В. Шмилауэр [Šmilauer 1970: 44], на западе и востоке Славии и изредка на Славянском Юге.

ВЕЛЕШ-, ПЕРЫН-, ПЕРУН-, ВОЛОС-

Велеша дер. Староладожск. Волх., идентифицируется с дер. *Вельша* / *Вельжа* Городенского пог. Вод. пят. около 1500 г. [ПКВод 11: 29, 30, 31]. Немного ранее это селение в низовьях Волхова упоминается как *Велеша* / *Велиша* в связи с наличием при нем уловистой тони. В выписи 1496 г. на рыбные ловли на р. Волхов недалеко «от устья от волховского вверх по Волхову-реке» указана «под дубком на *Велиши* тоня снетейная» [ПКНЗ 1: 289]; эта же тоня «на *Велеши*» и рядом с тоней «при-тонок в *Велеши* к ручью» даны писцовой книгой 1551 г. [ПКНЗ 2: 18—19]. Ойконим связывают со святилищем Велеса, которое естественно ожидать в ближайшей округе средневековой Ладоги — древнейшего города Северной Руси. Геогр. *Велеша* — посессивное прилагательное от *Велесь* (‘Велесово место’), имени бога славян-язычников, оформленное йотовым суффиксом, который сам по себе свидетельствует о древнеславянском времени номинации. Как известно, в языческих верованиях славян Велес, иначе Волос, являлся богом скота («скотий бог» Волос), богатства, торговли, считался вторым по значимости после Перуна божеством и

вместе с тем его противником и антиподом. По сравнению с Перуном Велес / Волос был более народным, «демократическим» богом, поэтому культ его сохранялся после введения христианства еще продолжительное время, дольше, чем у других языческих божеств (постепенно в народном двоеверии место языческого бога занял христианский святомученик Власий, который в крестьянской среде до сих пор считается покровителем домашнего скота). Топонимические следы др.-слав. теонима *Велесь / Волось* находят в разных местах Славии, в том числе у южных славян. Насчет происхождения этого вариантного теонима и реконструкции мифологического образа языческого божества однозначных решений нет, несмотря на огромную литературу вопроса, см. [Журавлев 2005: 349—352].

В регионе исторической Новгородской земли обнаруживается вторая внешне безупречная межтерриториальная параллель — геогр. *Велеши* дер. возле пос. Батецкий, р. ц. Новг. обл. В списке селений 1838 г. дер. *Велеши* причислена к 1-му стану Луж. у. [ОСПбгуб: 109], более ранние исторические данные об этом пункте, к сожалению, не найдены¹⁰. Деревня приурочена к низменной и, на первый взгляд, маловыразительной местности, но данное обстоятельство не должно удивлять хотя бы в свете исследований, показавших связь Велеса с низинами, в отличие от Перуна, обитателя возвышенностей и скал [Иванов, Топоров 1974: 22]. Вместе с тем заслуживает внимания другой примечательный факт: на окраине дер. *Велеши*, как показало полевое обследование местности, лежит гигантских размеров камень-следовик высотой до двух метров, на его вершине выбито углубление. В культе Велеса / Волоса камни и скалы, как известно, играли существенную роль (т. н. «велесовы камни»).

На Русском Северо-Западе, но уже за пределами новгородских пятин, есть еще один, хотя и не столь очевидный, соответственный ойконим — *Велищи* дер. в Западновинском р-не Твер. обл. (Глазомичский СО); в том же районе течет р. *Велеса*, л. пр. Западной Двины, с дер. *Велеса* на ней¹¹.

Приведенные топонимические факты упрочивают мысль о том, что население Новгородской земли знало теоним *Велесь* и здесь сравнительно долго существовал культ этого божества. Помимо приведенных геогр. *Велеша*, *Велеши*, данный теоним, возможно, отражен в названии камня *Елесин* (иначе *Елесина Богородица*) на берегу озера близ дер. Ножкино Хв. р-на; кроме того, обнаруживаются отдаленные «отзвуки» этого теонима в современной лексике новгородских и связанных с ними севернорусских говоров. Обращает на себя внимание загадочное наречие *велесó* ‘хорошо’, записанное в Новг. р-не: «Будет *велесо-велесо*; осинки поплывут» [НОС

¹⁰ По крайней мере писцовая документация XV—XVI вв., нацеленная на учет всех селений, подлежащих налогообложению, его не фиксирует. Однако в писцовых описаниях обыкновенно не учитывались малоизвестные названия нежилых мест (микротопонимы), которых всегда немало вокруг любого селения. Надо полагать, деревня появилась действительно позднее эпохи писцовых книг и стала именоваться по нежилому месту *Велеши*, которое, тем не менее, под этим названием испокон веков было знакомо окрестному населению.

¹¹ Гидроним *Велеса* скорее не славянский дериват от *Велесь*, а балтизм с родственной этому теониму основой, оформленной характерным балт. суф. *-esa*, см. [Būga RR III: 544—545].

1: 111], яросл., костром. *ѣлс* 'леший, черт' [СРНГ 8: 349]. По мнению Ю.-С. Лаучюте и Д. Мачинского [1985: 187], на севере Руси, скорее всего в Поволховье, «был известный бог Велес, соответствующий, видимо, Волосу южной Руси», здесь же сложилась «сакральная пара Перун — Велес». Наличие языковых следов теонима *Велесь* на Русском Северо-Западе при невыявленности их в более южных регионах России, Украины и Белоруссии позволяет рассуждать о том, что Велес был все же божеством местного, новгородского, языческого поклонения. Можно предположить, что закрепление теонима *Велесь* произошло под субстратным воздействием мифологической лексики древних балтов-язычников, которые жили на новгородской территории до прихода славян. Языку древних балтов были хорошо знакомы обозначения божества на *vel-*, которые продолжают в современных лит. *vėlė* 'душа', *velės, vėlės* 'духи умерших', лтш. *Vels, Velns*, лит. *velnias* 'черт, бес, дьявол' и др.

Наряду с геогр. *Велеша, Велеша*, йотово-посессивную деривацию от языческого теонима в регионе Новгородской земли показывает широкоизвестное название ур. *Перынь* в истоке Волхова¹², которое, как традиционно считается, связано с древним святилищем верховного бога *Перуна*¹³. В новгородской письменности этот топоним появляется сравнительно поздно (в писцовой книге под 1498 г.: дер. *Перыни*, 3 двора, в Паозерье [НПК IV: 16], в летописи — под 1553 г.: «на *Перине* монастырь выгорѣлъ весь» [НЛ: 86]), но в отнесении его ко временам язычества трудно сомневаться. Межславянские параллели представлены новг. геогр. *Перунь* дер. на р. Колпь Ольшешк. Бокс. у восточных границ Лен. обл. (= *Перун Верхней* дер. в Ильинском в Веси пог. Беж. пят. 1538/39 г. [ПKNЗ 3: 9]), пск. *Перино / Перыно* (или *Ольгин Городок*) дер. неподалеку от устья р. Великой [Якушкин 1986: 117—118; Александров 2001: 120]¹⁴, летописным *Перуна Рѣнь* в районе днепровских порогов (т. е. 'Перунова отмель') [ЕСЛГНПР: 101], сербохорв. *Перун* в Боснии, словен. *Perunja Ves, Perunji Vrh*, в Каринтии, *Pronstorf* и *Prohn* в Германии (< зап.-слав. **Perunjь*); по [Фасм. ЭСРЯ III: 246]. Новг. *Перынь* имеет,

¹² В йотово-посессивной суффиксации, характерной для деантропонимных названий, читаются не только глубокая архаичность рассматриваемых теотопонимов, но и древний анимизм (отражение индивидуальной принадлежности живому божеству).

¹³ Впрочем, археологические исследования последних десятилетий не обнаруживают в ур. Перынь следов обустроенного святилища (капища) бога Перуна времени «первой религиозной реформы» князя Владимира. По авторитетному заключению В. Я. Конечко [1995: 84—85], больше оснований трактовать перыньский комплекс в качестве остатков разрушенных сопкок. Скорее всего здесь был сопочный могильник ильменских словен, скрытый после принятия христианства. Однако это обстоятельство все же не отменяет культового характера места Перынь в дохристианскую эпоху, поскольку и сами сопки могли быть центрами отправления языческих культов, см. [Васильев М. 2000: 34, 52].

¹⁴ В этом месте в древности стоял «Николаевский Перынь мужской монастырь на левом берегу р. Великой, несколько ниже Снеготорского монастыря; упразднен еще до издания штатов 1764 г., приписан был к Мирожскому монастырю, но в 1817 г. разобран для снеготорских построек», см. [Александров 2001: 120].

однако, концовку *-ынь* вместо более ожидаемой *-унь*¹⁵. Не исключено, что здесь отражена деривация не от *Перунь*, а от вариантной формы **Перынь* (по мнению Ф. Славского, это более древняя форма теонима [Sławski ZSP I: 134]), ср. еще пск. *Перино* / *Перыно* и названия гор *Перин*, *Пирин-планина* в Болгарии. По мнению О. Н. Трубачева [2002б: 429], новг. геогр. *Перынь* объяснимо как амальгама двух деривационных моделей: оно отражает йотово-посессивную деривацию от формы *Перунь*, сопровождавшуюся продлением гласной ($y > ы$).

Нижневолховское геогр. *Велеша* и верхневолховское *Перынь* рассматривали сквозь призму политико-мифологизированного пространства: через противопоставление Велесова «Низа» (где была Ладога — область межэтнических контактов с варягами и финнами, городской центр древнейший, но все-таки второстепенный в Новгородской земле) и Перунова «Верха» в верховьях Волхова (близ Новгорода — основного племенного политического и сакрального центра); границей между двумя пространствами, мифологически ассоциированными с Перуном и Велесом, считаются Волховские пороги [Основания регионалистики: 323—324]. В развитие этой идеи можно добавить, что дер. *Велеша*, расположенная возле пос. Батецкий Новг. обл., предполагает еще одну оппозицию в сакральном пространстве Новгородской земли — оппозицию городского, княжеского «Перунова» центра и «Велесовой» сельской округи в верховьях р. Луги к западу от Новгорода, являющейся территорией древнейшего расселения ильменских словен. Множество погребальных сопок словен на этой территории сочетается с выразительным скоплением здесь архаической раннеславянской топонимии.

Разумеется, в регионе Новгородской земли др.-слав. языческий теоним был достаточно известен не только в форме *Велесь*, но и в форме *Волось*. Это вытекает хотя бы из того, что раннеславянское население Северной Руси, будущие новгородцы и псковичи, сохраняло устойчивые связи с более южными русскими землями, которые, по свидетельству всех источников, поклонялись именно Волосу и хорошо знали теоним *Волос*. Вообще, по-видимому, этот вариант теонима имел широкое, наддиалектное, распространение у восточных славян. Другой вопрос: в какой мере теоним *Волос* проявился в географических названиях Новгородской земли, как, впрочем, и в названиях остальных славянских регионов? Утверждение Б. А. Рыбакова [1988: 209] о том, что среди восточнославянских языческих топонимов названия, связанные с именем божества Волоса-Велеса, встречаются чаще всех других, остается не доказанным. Приведенные автором многие названия типа *Волосово*, *Волосова*, *Волосов*, *Волосовичи*, *Волосское* неоднозначны, более того, в значительном большинстве они обязаны не теониму, а омонимичному личному имени или прозвищу *Волос*. Изложу конкретный новгородский материал. Самым известным новгородским топонимом данного типа является название *Волосовой* ул. на Софийской стороне, впервые упоминаемой в 1348 г.: «В то же время ночи

¹⁵ Варианты с суф. *-ун-* появились вторично, см. указание на монастырь *Перунской* в писцовой книге 1646 г. [МАНк].

загорися на *Волосовъ* улицѣ, на преставление Иоанна Богослова, и погорѣ улица *Волосова* вся» [НПЛ: 360], см. еще [НЛ: 9, 131, 243, 251]. Уже более двух столетий привычно сближают *Волосову* ул. с теонимом, предполагая здесь древнее языческое капище. В сочинении Болховитинова 1808 г. читаем: «Некоторые заключают, что она так названа от кумира Волоса», хотя сам автор с этим расхожим мнением не согласен: «Улица сия назвалась не по Волосу, а по церкви св. Власия, построенной первоначально в 1177 году» [Болховитинов 1808: 98]. Позднее историк Н. И. Костомаров [1863: 6] объяснил теонимом наименования и улицы, и церкви: «Волосова улица (...) напоминает древнее божество Волоса, которому, вероятно, в языческие времена происходило поклонение и где впоследствии поставили церковь святого Власия, по созвучию имени этого святого с именем языческого божества». Сходного мнения придерживался архимандрит Макарий [1860: 177]. Среди современных историков единства тоже нет: если Б. А. Рыбаков [1988: 419] не сомневается в теонимическом объяснении *Волосовой* ул., то М. Х. Алешковский [1974: 102] относит урбаноним к патронимической группе: «Волосова улица древнее Власьевской церкви, названной не по ее имени, так как она стоит в конце, а не в начале улицы — имя Волоса было широко распространено среди новгородцев». Возведение к личному имени, а не к языческому теониму в данном случае не менее оправданно, поскольку до сих пор археологи не нашли здесь каких-либо следов языческого святилища. Зато обнаруживается все более богатые сведения по личному имени *Волось*. Такой антропоним отражен новг. бер. гр. № 914 (50—70-е гг. XI в.) и в более поздних бер. гр. № 604 (60—70-е гг. XII в.), 458 и 50 (XIV в.) [Зализняк 2004: 721]. В грамоте № 914 сер. XI в. имя *Волось* дано в перечне христианских имен святых (Петра, Павла, Николы, Климента и др.). Сам по себе этот факт показывает, что в 1-й пол. XI в. языческий теоним *Волось* стал эквивалентом церковнославянского имени святого Власия [Там же: 283]. Народно-этимологическое сближение с этим христианским антропонимом (из греч. *βλασιος* ‘простой, грубый’) уже в первые десятилетия после христианизации Руси превратило языческий теоним в личное имя, весьма популярное среди простого населения. Летопись сообщает о новгородцах, которых звали *Волось* Блудкиничь (убит на вече в 1230 г.), *Волось*, игумен в Антоновом монастыре в 1187 г., Сбышка *Волосовичь*, убитый в 1194 г. [НПЛ: 38, 41, 69, 229, 234, 276]. Имя *Волось* прослеживается далее по духовной грамоте Антония Римлянина около 1147 г., по вкладной грамоте Варлаама Хутынского 1192—1210 гг., по договору Новгорода с немецкими купцами 1338 г. (сообщается о новгородском купце *Волосе*, который был убит), по трем купчим грамотам из Обонежья XV в. (указаны послухи Онанья *Волосов*, Демид *Волосов*, Насон *Волосов*), по грамоте XV в. из Обонежья, где фигурирует шунжанин *Волос* Петров [ГВНП: 160, 161, 71, 289, 290, 295, 310]¹⁶; в свою очередь писцовая книга 1496 г. отмечает производное имя крестьянина *Волоско* Данилов, в Вытегорском пог. Обон. пят. [ПКОП: 11]. Источники свидетельствуют о сугубо новгородской принадлежно-

¹⁶ Датировки перечисленных актов даны по [Янин 1990: 206—207, 248, 253, 262].

сти антропонима *Волось*, его популярности на территории Новгородской земли в XI—XIV вв., а на путях северо-восточной новгородской колонизации — вплоть до конца XV в. и позже, в XVI в., см. [Туп. СДЛСИ: 93]. Популярность данного имени вполне отражают многочисленные новгородские названия населенных пунктов. В средневековой письменности многократно фиксируется ойконим *Волосово*, прикрепленный к деревне в Рождественском на Вороной (Воронежском) погосте Обон. пят. 1496 г., принадлежавшей Колмовскому монастырю [ПKNЗ 1: 302], к деревням в Михайловском, Ситенском, Локоцком и Шегринском пог. Дер. пят. конца XV—XVI в. [НПК I: 190, 607; II: 194; ПKNЗ 4: 127, 128, 138, 150], к селу Кипенского пог. Водской пят. 1500 г. [НПК III: 678] (сегодня на месте этого села пос. *Волосово*, р. ц. Лен. обл.), к дер. в Ждовлях, к дер. в Отоках и к сц. на р. Черемха в Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 533, 465, 468], к пунктам в пог. Никольском на Ворожбе и в пог. в Полянх Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 224, 305]. Были дер. *Волосова Гора* 1495 г. в Ужинском пог. Дер. пят., в XVI в. уже запустевшая [НПК I: 356; ПKNЗ 5: 160], поч. *Волосков* 1545 г. в Беж. пят., село *Волосково* в Бежецком Верхе сер. 1570-х гг. [НПК VI: 285; ПKNЗ 3: 230], дер. *Волосково*, известная с 1568 г. в Климентовском Тесовском пог. Вод. пят. [Селин 2003: 126] и дер. *Волосковичи* Дремяцкого пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V: 339] (обе эти деревни, *Волосково* и *Волосковичи*, остаются и сегодня в Луж. р-не). За пределами исторической Новгородской земли геогр. *Волосово*, *Волосовка*, *Волосково*, *Волосовщина*, *Волосовичи* и др. тоже многочисленны. Чаше они фиксируются на Русском Северо-Западе и в Белоруссии, но встречаются и в Калужской, Московской, Ярославской, Вологодской, Олонецкой, Костромской губ., на Волыни и в Галиции; в некоторых случаях в качестве параллельных вариантов к данной ойконимии выступают формы *Власово*, *Власовичи*, *Власовщина*, см. материалы [Vasm. RGN II 1: 161—162].

Разумеется, подавляющее большинство таких названий, часть из которых появилась в сравнительно позднее время, не имеют к отражению языческого теонима *Волось* никакого отношения: это те, которые отсылают либо к имени *Волось* как народной новгородской форме христианского *Власиш*, либо к общерусскому прозвищу *Волось* от сущ. *волось*. Чтобы выявить из данной группы действительно теонимические названия, необходимы дополнительные разыскания, особенно историко-археологические (поиск материальных следов языческого культа, прослеживание древней истории селения и др.).

Находятся, впрочем, единичные названия на *Волос-*, которые с учетом одних только лингвистических показателей допускают более определенную, хотя и осторожную, трактовку в мифологическом ключе. Одно из них удалось обнаружить в ближайших окрестностях оз. Ильмень. Дер. *Волосько Большое* и рядом ур. *Волосько Малое* Федорковск. Парф. (= дер. *Волоско Большое* и дер. *Волоско Малое* на рч. Колпинке Мануйловской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 74—76]) идентифицированы [ИАДП 1: 134, 137; 2, 40] с парой близлежащих дер. *Вельска* / *Вельска* («въ деревнѣ в *Вельскѣ*»; «въ деревнѣ въ *Вельскѣ*») Влажинского пог. Дер. пят. под 1495 г. [НПК I, 725, 726, 751, 752]. Книга 1538/39 г. в этой местности

указывает дер. *Велска-Волоска* («в деревне в *Велске Волоске*»), поч. *Велской* и поч. *Бор Волоской* [ПКНЗ 4: 168, 169] (или *Бор Волоско* под 1560/61 г. [ПКНЗ 5: 338]), в материалах Ген. меж. конца XVIII в. по Кр. у. здесь фигурирует дер. *Волоска*, или *Волосна*, и дер. *Волоска*, или *Волосна Малая* [ИАДП 1: 134, 137]. Неподалеку, восточнее, значится дер. *Велье* около 1495 г. [НПК I: 742, 752], ставшая к концу XVIII в. дер. *Навелья* Кр. у. [ИАДП 1: 136, 137], а сегодня известная как дер. *Навелье* Лажинск. Парф. на р. Колпинке¹⁷. Судя по приведенным данным, формы *Вельска* и *Волоска* (< **Волоська*) являются вариантами, но характер этой вариантности далеко не очевиден. Можно предположить, что топооснова *Вел-*, безусловно более древняя в данной микросистеме, отсылает к древнебалтийским обозначениям языческого божества на *vel-* (ср. лит. *velės* и др., выше), тогда как *Волос-* появилась благодаря восточнославянскому переводу (калькированию) древнебалтийской топоосновы. Стоит отметить, что геогр. *Вельска* удачно вписывается в скопление топонимов балтийского происхождения, наблюдаемое как раз на территории Влажинского пог. (юго-восточное побережье Ильменя), о котором уже приходилось писать, см. [Васильев 2007а: 273, 275—276].

Приведенный факт свидетельствует, что ранние новгородские славяне знали теоним *Волось*, коь скоро интерпретировали с его помощью иноязычный топоним, который маркирует, по-видимому, культовое место древних балтов-язычников, живших в 1-м тыс. н. э. у берегов Ильменя.

ВЕРЯЖ-, ВЕРЕГ-, ВЪРЕГ-, ВАРЯЖ-, ВАРЕГ-

Веряжа р. вблизи Новгорода, впадающая в оз. Ильмень, по письменности прослеживается с 1412 г. [НПЛ: 403; НЛ: 39]. Имеет притоком рч. *Веряжка* (или *Малая Веряжа* / *Малая Веряжка* в конце XV—XVI в. [НПК V: 294, 296; VI: 675, 676]). Гидроним находит ряд межтерриториальных соответствий, все они локализуются в Приильменье и в бассейне р. Луги.

Веряжа дер. в Шим. р-не (Коростынское с/п) на юго-западном побережье Ильменя, отождествленная [Андрияшев 1914: 19] с *Веряжица Горняя*, иначе *Вержица*, сц. в Коростынском пог. Шел. пят. 1499 г. [НПК V: 389, 398, 408].

Веряжа дер. на южном берегу оз. Полисто, имеющего сток в р. Полисть, л. пр. Ловати (в бывшей Пусторжевской земле у южных границ Офремовского и Дегожского пог. Шел. пят.), указана картой 2-й пол. XIX в. [ВТКЗверст]. На карте Псковского наместничества 1792 г. деревня отмечена как *Веряжье*.

Веряжка л. пр. Лемовжи, п. пр. Луги, течет из болота *Веряжский Мох* в Гатч. р-не¹⁸, исторические сведения не выявлены.

¹⁷ На этой же р. Колпинке располагалась и дер. *Велска-Волоска*. Надо полагать, и сама река первоначально носила название на *Вел-*, а гидроним *Колпинка* закрепился за ней позднее.

¹⁸ В этой же местности (Гатч. р-н, сел. Даймище) в 1959 г. была записано диал. *веряжка* со значением ‘большое непроходимое болото в лесу’ [СРНГ 4: 179]. Перед нами, по-видимому,

Веряжино дер. на рч. Рыденка в Тесовской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 78—79]; по-видимому, идентифицируется с дер. *Веряжкино* Климецкого Тесовского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 78]. По книгам 1568, 1582, 1612, 1646, 1669 гг. и по другим, более поздним источникам — *Веряжино*, см. [Селин 2003: 122].

Веряско дер. на Ловати в Ст. р-не (Коровитчинское с/п), стоит при впадении руч. *Веряский* в р. Ловать. По списку селений 1909 г. — село *Веряско* Черенчицкой вол. Ст. у., смежное с пог. *Веряско* [СНМНГ III: 112—113], по карте-трехверстке 2-й пол. XIX в. — дер. *Веряски* [ВТКЗверст], по дозорной книге Старой Руссы 1611 г. — дер. *Веряйка*: «Степанко умер, а остался у него два сына Кирилко да Филиппо, живут в Черенчицком погосте в деревне на *Веряйке*» [ППКСР: 100]. Вар. *Веряйка*, полагаю, неточно передает местную произносительную форму данного ойконима — *Веряська* (с неотвердевшей *с'* перед суф. *-ск-*, ср. *Руська* / *Русско*), до сих пор бытующую среди старожилов [ЛЗап]. Скорее геогр. *Веряско* имеет ту же основу, что и *Веряжа*, продолжая исходную форму прилагательного типа **Веря(ж)ьско*. В основе ойконима лежит древненовгородское прил. **варяжьскыи* ‘варяжский, связанный с варягами’.

А. И. Попов [1981: 48] по поводу названия р. *Веряжи* ограничивается кратким комментарием: «...Означает просто “Варяжская” и притом в древнейшей форме, указывая на места первоначальных поселений наемных варягов в земле новгородских словен». В нач. XX в. Р. Экблом более подробно обосновал гипотезу о связи гидронима *Веряжа* под Новгородом с пребыванием скандинавов-варягов в Приильменье и Поволховье [Ekblom 1915: 31—57]. В плане деривации гидроним *Веряжа* допустимо считать йотовым посессивом, отметившим принадлежность местности варягам (ср. дериваты типа *Княжа*: **кьнѣгъ*-). Обращает на себя внимание показательная территориальная дистрибуция изложенной топонимии; почти все связанные с ней объекты — р. *Веряжа*, протекающая вдоль Новгорода и Новгородского Поозерья, р. *Веряжка* среди притоков Луги, дер. *Веряжа*, расположенная на юго-западном побережье Ильменя, дер. *Веряжино* на рч. Рыденке в Тесовском пог., дер. *Веряско* на Ловати (на пути «из Варяг в Греки»), — так или иначе соотнесены с территориями, где по историко-археологическим данным предполагается активность древнего населения, в том числе и варягов, и наличествуют водные коммуникации.

Прямому отождествлению основ *Веряж-* и *варяж-/варяг-*, однако, препятствует расхождение гласных в первом слого. По Экблomu, обе основы могут высту-

фантомный термин, появившийся на свет в результате ошибки. Похоже, собиратель записал название рч. *Веряжка*, берущей начало из болота *Веряжский Мох* (действительно большое болото, названное по речке), которое находится как раз поблизости от населенного пункта Займище Гатч. р-на, где фиксировалась диалектная лексика, позднее же этот гидроним по каким-то причинам попал в СРНГ на правах диалектного нарицательного слова. Новообразованный апел. *веряжка* попал из СРНГ в «Программу собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров (Лексика природы)» (М.; Л., 1990), см. вопрос № 414 «Программы...» о диал. обозначениях большого болота, с. 51.

пять синхронными славянскими продолжениями др.-сканд. основы с умлаутом — **vaering-*. Гласная первого слога, занимавшая по фонетическому качеству промежуточное положение между *a* и *e*, при славянском усвоении могла быть передана двояко: славяне, не имевшие звукового аналога в собственном языке, ассоциировали др.-швед. *ae* то с *a* (отсюда *varæg-*), то с *e* (отсюда **veræg-*). Во-вторых (и эта возможность кажется шведскому исследователю более предпочтительной), данные древнерусские варианты могут относиться к разным хронологическим вариантам исходной основы: общеизвестный этноним *варяг* наследует др.-швед. основу **vāring-* (с долгой *a*), тогда как **veræg-* восходит к хронологически более поздней основе **vaering-*, развившей умлаут в древнешведском языке под воздействием передней гласной *i* во втором слоге: *vāring-* > **vāering-*. Следовательно, такие топонимы, как *Веряжа*, *Веряско* (из **Веряжьско*) были оставлены во времена шведского нашествия на древненовгородские земли независимо от уже существовавшего в языке славян этнонима *варягъ* (< *varægъ*). Они должны были появиться в конце 1-го — нач. 2-го тыс. н. э., хронологически — после возникновения умлаута *ā* > *āe* в древнешведском (начало X в.) и до перехода носового *ę* > *'a* в древнерусском [Ekblom 1915: 33—34].

Проведенное мной изучение данного вопроса позволяет, как кажется, усилить гипотезу Экблома о «варяжском» происхождении новгородской топонимии на *Веряж-*. Действительно, имеются лингвистические основания говорить о *Веряж-* и *варяж-* как о вариантах общей основы. Во-первых, об этом сигнализирует специфическое колебание гласных *a//e* первого слога в разновременных летописных упоминаниях *Варяжской* улицы, находившейся на Торговой стороне средневекового Новгорода: «на *Вареской* (*Вереской*) улице» (под 1549 г.), «на *Верецкой* улице» (под 1569 г.), «на *Варяжской* (*Веряжской*) великой улице» (под 1299 г.), «на великой *Варежской* (*Веряжской*) улице» 1542 г., по [НЛ: 78, 98, 211, 328], в писцовой книге 1-й пол. XVI в. дан вариант с буквой «е»: *Вережская* ул. [НПК V: 388]. Само же это название *Варяжской* ул. Новг. 3-я летопись объясняет следующим образом: «Ярославъ же посла за море и приведе Варягъ, бояся отца своего (и того ради Великая *Варяжская* улица словеть, понеже ту *Варяги* стояли)» [НЛ: 175]. Во-вторых, отмечены такие факты, как др.-рус. *вяряжскыи*, *вяряжа*, обнаруженные М. Фасмером в «Житии Александра Невского» и в «Хронике Георгия Амартола» по списку Ундольского. По Фасмеру, *вяряжскыи* возникло из *варяжьскыи* путем межслоговой ассимиляции на древнерусской почве [Фасм. ЭСРЯ I: 302—303]. Наконец, в-третьих, имеется немало не вполне учтенных топонимических соответствий, среди которых новг. *Верегово* дер. (иначе *Перелесок*) у р. Мсты в Пожарской вол. Кр. у. нач. XX в. [СНМНГ IV: 84], возможно, и *Вериговщина* дер. в Среднем Поволжье неподалеку от гор. Любань Тосн. р-на (обозначена также картой-трехверсткой 2-й пол. XIX в. [ВТКЗверст]); сюда же смоленские геогр. *Верегова*, иначе *Верьгово*, и *Вереговка*, или *Верьгова*, — деревни неподалеку от Дорогобужа и Ельни [Vasm. RGN II 1]. Но особенно интересен средневековый ойконим *Въресовичи* / *Вереговичи*, относящийся к Введенскому Дудоровскому пог. Вод. пят. (см. в писцовой книге

1500 г. описание сц. *На Высоком Химкино Вѣресовичи*, или, иначе, сц. *Высокое Химкино Вереговичи* [ПКВод 11: 290, 298]) (юго-западные окрестности Петербурга). На мой взгляд, *Вѣресовичи* — не что иное, как неточная передача аутентичной формы *Вѣреговичи*; к такому решению подводит сравнение с вариантной формой *Вереговичи* названия этого же самого селения¹⁹. Наличие «ять» в вар. *Вѣреговичи*, по-видимому, не случайно. Имеются доказательства того, что в регионе Новгородской земли, прежде всего в говорах кривичского ареала, праслав. *ě* имела реализацию в виде широкого монофтонга *ä* (ср. встречающиеся в совр. северо-западных говорах такие слова, как *ряпа* ‘репа’, *кяп* ‘цеп’, унаследовавшие севернокривичск. **рѣпа*, **кѣпъ*, и др.) [Зализняк 2004: 52] и, следовательно, по своему качеству могла быть близка к др.-швед. переднерядному *äe* в **vaering-*. Сходство этих двух звуков создавало условия для адаптации др.-швед. этнонимической основы **vaering-*, предполагаемой Р. Экбломом (см. выше), в виде др.-новг. **вѣряг-*, что, вероятно, и свидетельствуется формой топонима *Вѣреговичи*.

Похоже, что древнее славянское население, обосновавшееся у берегов Ильменя, знало два варианта скандинавского этнонима — *варягъ* и **вѣрягъ*, судьба которых сложилась по-разному. Вариант **вѣрягъ* с самого начала закрепился как узкотерриториальная, древненовгородская разновидность обозначения скандинавов-наемников. Этот вариант рано вышел из употребления, отразившись, однако, в указанных выше новгородских географических названиях. Надо полагать, по причине своей региональности вариант **вѣрягъ* оказался не замечен письменностью и со временем был окончательно забыт. Что касается варианта *варягъ*, то он изначально получил наддиалектный, общедревнерусский характер распространения и в качестве обозначения скандинавского воина-наемника до сих пор сохраняется на правах литературно кодифицированного историзма. Он тоже имеет следы в новгородской топонимии; так, кроме *Варяжской* ул. в средневековом Новгороде, была *Варяжская* ул. в Старой Ладогe и *Варяжская* ул. в селе Млево, расположенном в верхнем течении Мсты, отмечена местность *Вареги*, иначе *Варѣги*, в Быстреевском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 480]. В устно-разговорной, диалектной речи слово *варягъ*, позднее *варяг*, *варяга*, быстро утратило этнонимический смысл, превратившись по русским говорам (новгородским, псковским, тверским, смоленским, московским, нижегородским) в обозначение ‘мелочного купца, разносчика’, ‘ловкого, проворного человека’ или ‘пройдохи, мошенника’ [СРНГ 4: 64]. Только диал. *варяжя́*, записанное В. И. Далем в архангельских говорах в значениях ‘заморец’ и ‘заморье, заморская сторона’ [Даль ТСЖВЯ 1: 166], предстает семантическим

¹⁹ Обратное решение, а именно предположение в рассматриваемом случае вариантов *Вѣресовичи* / *Вересовичи* маловероятно хотя бы потому, что основа *Вѣрес-* не находит никакой приемлемой интерпретации, в частности на славянской языковой почве (славянская полногласная основа *верес-* исключает употребление фонемы «ять»). В любом случае, перед нами письменная погрешность, допущенная переписчиками или издателями рукописи (в силу смешения похожих букв «с» и «г»).

отголоском этнонима, поскольку под заморцами и заморьем здесь легко подразумеваются первоначальные варяги и варяжская страна — Швеция. Слова *варяж*, уменьш. *варяжка*, записанные в сер. XIX в. в говорах Поволховья, хотя и даны собирателем с примечанием: «Может быть, остаток памяти о варягах», означают скорее всего то же, что и новг., пск., смол. *варяга* ‘ловкий, проворный, расторопный человек’ [СРНГ 4: 64].

Вет-, Вит-, Витеб-, Вен-, Вин-, Виглин- и др.

Геогр. *Ветка* многократно повторяется в регионе исторической Новгородской земли и на сопредельных территориях Русского Северо-Запада. Материалы XIX—XX столетий показывают это название в закреплении за небольшими речками и ручьями: 1) п. пр. Черной, пр. Лемовжи, п. пр. Луги, 2) л. пр. Сарки, п. пр. Сабы, л. пр. Луги, 3) п. пр. Лоши, л. пр. Мологи, 4) п. пр. Устинки, л. пр. Чагоды, 5) руч. в оз. Толстинское басс. Чагоды, 6) л. пр. Волочни, п. пр. Колпи, п. пр. Суды, 7) п. пр. Дубницы, п. пр. Желчи, р. в оз. Чудское, 8) п. пр. Холмачихи, р. в оз. Любаши басс. оз. Чудского, 9) п. пр. Локни, л. пр. Ловати, 10) руч. в басс. Яны в бывшем Моложском у. Ярославской губ. С формой *Ветка* сопрягается ее деминутивное производное — геогр. *Ветошка* для п. пр. Зеленки, п. пр. Старицы, л. пр. Маревки, п. пр. Полю и для р., впадающей в оз. Любовец басс. Шелони рядом с дер. *Ветошки* (материалы по совр. картам масштаба 1 : 100 000, а также по [Шан. РЛЮ: 172, 176, 196, 408, 454, 460, 561, 562, 370; Vasm. WRG I: 304]). Списки селений дают *Ветки* дер. «при ручье» Лихачевской вол. Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11010], совр. *Ветка* дер. Богословск. Пест.; в другом суффиксальном оформлении известны гидронимы *Ветиц* п. пр. Черной, р. в оз. Селигер, и пск. *Веть* п. пр. Иссы, л. пр. Великой + л. пр. Вети, п. пр. Иссы, л. пр. Великой.

Не меньше таких названий (гидронимов, ойконимов, оронимов) в средневековой документации Новгородской земли. Пожня *Вѣтка* близ р. Веренды, впадающей в Ильмень, отмечена грамотой 1389—1391 гг.²⁰, устанавливающей границы угодий Спасского Верендовского монастыря к юго-западу от Новгорода: «Хлухомь ручьемъ внизъ пожни *Вѣтки* в Зимникъ...» [ГВНП: 165, гр. 109], — здесь легко предполагать первоначальный гидроним, поскольку пожни лежали на низменных местах у водоемов. Похоже, с этим гидронимом связано появление названия дер. *Заветье* Сутоцкого пог. 1572/73 г. [ПКНЗ 6: 167] (семантически — дер. ‘за Веткой’). В писцовой документации XVI в. неоднократно упоминается рч. *Ветка*, протекавшая по смежным пределам Григорьевского Кречневского и Никольского Пидебского погостов Вод. пят. близ Новгорода, позднее Кречневской и Пидебской волостей. К речке прилегал пара деревень того же имени в Пидебском пог.: дер. *Ветка* над рч. *Веткою* под 1500, 1568, 1592 гг. + дер. *Над Веткою* под 1568 г., но в конце XVI — нач. XVII вв. в данной топонимической микросистеме ойконим и гидроним *Ветка*

²⁰ Датировка по [Янин 1990: 215].

окончательно изменились в *Вутка*. Так, дер. *Ветка* 1592 г. стала дер. *Вутка* под 1612, 1642 гг. и в более поздних документах, дер. *Над Веткою* 1568 г. именовалась дер. *Над Вуткою* в 1584 г., дер. Григорово, а Подъелье тож на р. *Ветке* 1584 г. указана как дер. Григорово, а Подъелье тож на р. *Вутке* под 1629 г., дер. Полсемартово на р. *Ветке* 1568 г. превратилась в пуст. Полсемартово на р. *Вутке*, — все перечисленные названия принадлежали Никольскому Пидебскому пог., см. [Селин 2003: 84, 86, 89, 90, табл. 1—4]. Возможно, в эту же микросистему названий включено *Ветка*, указанное отписными и оброчными книгами пригородных пожен Новгородского дворца 1535/36—1539/40 гг.: «Тереха котелника из Котелников с *Ветки* пожня под Косткиным у поля, тритцать куч» [ПКНЗ 1: 347], однако локализация и тип именуемого топообъекта не прояснены. Позднее в данной местности осталась только дер. *Вутка* под Новгородом (в нач. XX в. причислявшаяся к Троицкой вол. [СНМНГ I: 86—87], сегодня — к Трубичинскому с/п) на руч. *Вутка*, п. пр. Питъбы, л. пр. Волхова, передавшем деревне свое название. Деревни, называемые *Вѣтка*, фиксируются, кроме того, в Егорьевском Радчинском пог. Вод. пят. 1500 г., в Карачунском пог. 1498 г. и в Бельском пог. 1576 г. Шел. пят. [НПК III: 947, 949; V: 272, 631], руч. *Вѣтка*, на котором стояла дер. Дешково, значился в Околорусье под 1498 г. [НПК V: 219], рч. *Ветка* отмечена в Грезневском пог. Вод. пят. 1500 г., на ней дер. *Завитье над Веткою* и *Заветье* [ПКНЗ 1: 104]. Починок *Ветка* «на речке на *Ветке* у деревни у Вишерки» был в Мытенском пог. Обон. пят. 1564 г. [ПКНЗ 2: 153], совр. карты показывают здесь только рч. *Ветка*, приток Вишеры к северо-востоку от Новгорода.

За пределами Русского Северо-Запада плотность топоизоглосс ощутимо идет на убыль. *Веткой* называется: 1) п. пр. Ипути басс. Сожа, 2) руч. рядом с Держой и Вазузой в Сычевском у. Смоленской губ., 3) один из притоков Немеди в Севском у. Орловской губ., 4) один из притоков Свапы в Дмитровском у. Курской губ., 5) п. пр. Боровки басс. Дона в Воронежской губ. [Vasm. WRG I: 304]. Оз. *Ветки* есть в Подмосковье [Смол. ГБО: 118], р. *Вѣтка*, позднее — *Вутка*, отмечают в Вятской губ. [Фасм. ЭСРЯ I: 306]. В Белоруссии около Гомеля указывают *Ветка*, рукав Сожа и место на острове, образуемом этим рукавом (рядом сел. *Ветка*, ранее один из крупных старообрядческих центров); на Украине — *Vita*, или *Вѣть*, л. пр. Десны, л. пр. Днепра, *Vita / Вѣта* п. пр. Днепра неподалеку от Чигирина Черкасской обл., оз. *В'етка* в Дубровицком р-не Ровенской обл. [СГУ: 112; Шульгач 1998: 285].

Перечисленные названия, как правило, принадлежат классу гидронимии, при указании же на селение или пожню они должны считаться метонимически перенесенными с ближайших водоемов даже в большинстве тех случаев, когда сам водоем письменными источниками не указан²¹. Несомненна связь этих вод-

²¹ Если *Ветка* не обосновывается как первоначальный гидроним (оправданные сомнения на сей счет возникают в тех немногих случаях, когда имеется только ойконим *Ветка* без всякой поддержки соответствующего водного названия), то трактовать его допустимо на фоне

ных имен с др.-рус. *вѣтка*, *вѣть*, рус. *ветка*. В семантическом плане гидронимы выявляют метафорическое сопоставление небольшого речного притока с веткой дерева, ср. слово *ответвление* (применительно к реке, дороге) или сходную метафору в словосочетаниях *ветка железной дороги*, *ветвь рода*. Посредством метафорического переноса, очевидно, еще в раннеславянскую эпоху на Русском Северо-Западе сложились гидрографические термины *вѣтъка*, *вѣть* со значением ‘ответвление реки, приток реки’, закреплявшиеся в гидронимической функции. Судя по множественности фиксаций, они были хорошо знакомы др.-новг., др.-пск. говорам. Термин *вѣть* ‘приток реки’, кроме того, самостоятельно прослеживается по новгородской купчей грамоте 60—70 гг. XV в.²², описывающей границы земельного участка на реке Вишере: «А заводь тои земли от Сосницы от рѣчки да в *вѣть* в Сосницкую в ручей <...> от верховья Борового ручья направо дрянъ во Пшаскую *вѣть* в ручей, а по ручью внизъ ко Пшаги» [ГВНП: 175, гр. 116]. В грамоте этим апеллятивом обозначены ручьи, впадающие в рр. Сосница и Пшага вблизи Новгорода. Ср. еще укр. диал. (карпатск.) *witka* ‘приток реки’ [Jurkowski 1971: 31] при наличии укр. *witka*, *wita* ‘ветка’.

Вообще говоря, метафорический перенос ‘ветка, сук дерева’ > ‘приток; рукав реки’ — это семантическая фреквенталия, прослеживаемая в большом числе самых разных языков; ср. эст. *haru* ‘рукав; разветвление; ветка’, но и ‘рукав реки’, чув. *йуна*, *йунни* ‘разветвление; ветка’, но и ‘приток; слияние двух рек’, удм. *вай* ‘ветка, сук, развилина’, при том, что эта основа входит в состав названий небольших речных притоков, таких как *Ягвай*, *Вуковой*, *Узеквай* и т. п., коми *вож* ‘отросток, ветвь’ и ‘речной приток’, откуда *вожка*, *воженька* ‘тропинка’ и ‘развилина, рогулина, рогуля’ в русских говорах Республики Коми, монг. *salaa* ‘отросток; ветвь’ и ‘развилина реки’, лит. *šaka* ‘ветка’ и ‘рукав реки’, лтш. *saka* ‘рукав реки’, венг. *ág* ‘ветвь, сук’ и ‘рукав реки’, ненецк. *тарка* ‘отросток; ветка’ и ‘речной приток’, сев.-рус. (арх.) *сóra*, *сórка* ‘развилка древесного ствола, ветки’, но и ‘место слияния рек’, возводимое к фин. *saara*, карел. *šoara*, вепс. *sar* ‘разветвление; ветвь’, ср. еще саам. *suorr*, *sürr* ‘ветвь; развилка’ и ‘ответвление реки’ (по данным [Попов 1957: 90—91; Теуш 2003: 103; Матвеев СТРС I: 277]); добавлю к этому перечню фин. *okso* ‘ветка’, отраженное в названиях небольших речек, например, *Окзовка* л. пр. Озерянки, л. пр. Оскуи, п. пр. Волхова.

К топонимической форме *Ветка* теснейшим образом примыкает форма *Витка*, также именуемая небольшие речные притоки. Только современных новгородских проявлений гидронима *Витка* насчитывается полтора десятка: 1) п. пр. Задневки, л. пр. Вити, п. пр. Черной, п. пр. Волхова, 2) л. пр. Жаленя, л. пр. Черной,

некоторых топографических диалектных обозначений вне связи с водой. Ср. рус. диал. *вѣтка* ‘веха, колышек для обозначения границы, направления дороги, какой-либо линии’ (Пск., Смол.), ‘часть чьей-либо земли, вдавшаяся клином между чужими владениями; клин’ (Ряз.) [СРНГ 4: 193—194].

²² Датировка по [Янин 1990: 223].

п. пр. Волхова, 3) п. пр. Питьбы, л. пр. Волхова (с вар. *Виточка*, рядом с речкой еще дер. *Витка* Трубичинск. Новг.), 4) л. пр. Сичевой, л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова, 5) п. пр. Браткова, л. пр. Вишеры, п. пр. Волхова, 6) п. пр. Шарьи, п. пр. Оскуи, п. пр. Волхова, 7) п. пр. Островикши, п. пр. Кусинки, л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова, 8) п. пр. Ингоря, п. пр. Шарьи, п. пр. Оскуи, п. пр. Волхова (вар. *Мокрая Витка*), 9) п. пр. Соснинки, п. пр. Волхова, 10) п. пр. Танцы, л. пр. Оскуи, п. пр. Волхова, 11) л. пр. Сосницы, п. пр. Вишеры, п. пр. Волхова, 12) л. пр. Хухрина, пр. Посолки, л. пр. Волхова, 13) п. пр. Тосны, л. пр. Невы, 14) л. пр. Чернеца, п. пр. Учонки, р. в оз. Ильмень; сюда же 15) *Малая Витка* л. пр. Хухренки, п. пр. Рыденки, р. в оз. Фролевское басс. Луги (находится рядом с р. *Витка*, п. пр. Тосны) и *Вить* п. пр. Черной, п. пр. Волхова (по совр. картам 1:100 000 и по [Шан. РЛЮ: 44, 46, 54, 60, 68, 70, 266]). Кроме того, в черте Великого Новгорода за валом Окольного города локализуется речка, носившая название *Витка*, она впадала справа в Волхов в том месте, где сейчас находится церковь Иоанна Богослова в Радоковицах. Этот волховский приток не раз упоминается в исторической документации, в частности, в одном из самых ранних новгородских актов — Данной Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова (не позднее 1147 г.): «А обводъ той земли от рекъ от Волхова *Виткою* ручьемъ вверхъ» [ГВНП: 159, гр. 102]. В Летописце Новгородском под 1384 г. сообщается о постройке каменной церкви в Радоковицах «на *Витки* рѣки» [НЛ: 244]²³. Из средневековой документации известно еще о рч. *Витка* под Новгородом: «Пожня в жару на *Витке* за Колмовым» [ПКНЗ 1: 373] (локализация не ясна, возможно, это л. пр. Питьбы, называвшийся ранее *Ветка*, см. выше) и о рч. *Вита* у Волхова в пог. Коломенском на Волхове 1564 г. [ПКНЗ 2: 62]. В целом же представленный перечень показывает, что на новгородской территории почти все проявления геогр. *Витка*, *Вить*, *Вита* компактно сосредоточены в Поволховье и в примыкающих бассейнах рр. Луги и Невы (см. карту 8).

За пределами бывших пятин Великого Новгорода зафиксированы: *Витка* пр. Лучесы около городов Белый Смоленской и Ржев Тверской губ. + л. пр. Жерева басс. Припяти [Vasm. WRG I: 322] + руч. басс. Упы в Тульском у. [Смол. ГБО: 75] + п. пр. Березы в верховьях Западной Двины (к западу от райцентра Оленино Твер. обл., карта), сюда же *Вить* / *Вит* л. пр. Десны в Черниговском у., *Вить* / *Виц* р. в басс. Припяти [Vasm. WRG I: 323], польск. *Witka* р. в басс. Одры [НО: 93, 336].

Др.-новг. гидроним *Витка*, локализованный в Новгороде, был предметом изучения В. П. Яйленко [1993: 54], который считал его прибалтийско-финским по происхождению и сводил к вепс. *vid'aka(z)* с утратой конечной *z*. Такое объяснение, как справедливо пишет С. О. Вербич, игнорирует очевидную славянскую словообразовательную модель, типологию семантической номинации и ареал гидронима. По Вербичу [1999: 74—75], геогр. *Витка* семантизируется как 'непрямая, из-

²³ Эта речка позднее была перекопана при постройке вала Окольного города. Сегодня на ее месте сточная канава.

вилистая (о течении реки)’, а в основе названия лежит праслав. апеллятив **vitьka* (< **viti*), ср., среди прочего, укр. *вiткий* ‘извилистый’. На мой взгляд, последнее объяснение справедливо лишь в общем плане, поскольку упускает из виду несколько важных моментов. Разумеется, этимологическая связь с *вить*, праслав. **viti* видна здесь невооруженным глазом и деривация от причастной основы *vit-* с помощью продуктивного суф. *-ька* вполне допускается закономерностями словообразования. Но следует внимательнее приглядеться к сходствам и различиям *Витка* — *Ветка* в регионе Русского Северо-Запада, где явно наблюдается максимальная концентрация таких названий среди всех регионов Славии.

Исучаемые названия прикреплены к определенному типу гидрообъектов — только к маленьким речным притокам, ручьям и объединяются, следовательно, тождеством референтов. Взаимозависимость этих гидронимов ярко проявляется также в их коррелятивном (дополнительном) ареальном распределении на Русском Северо-Западе: названия *Витка* в основном покрывают территорию Поволховья, названия *Ветка* разрозненно встречаются к западу, востоку и югу от Поволховья. Наконец эти гидронимы, как показывают приведенные факты, зачастую формально перекрещиваются, сближаются, выступая в качестве диахронических вариантов, именующих в разное время один и тот же гидрообъект, см. рассмотренные выше варианты *Ветка* / *Витка*, *Вѣтка* / *Витка*, укр. *Віта* / *Вѣта*; такое пересечение бывает даже синхронным, см. новг. дер. *Завитье над Веткою*.

Все эти моменты доказывают не только корневое родство, но и структурно-семантическую соотнесенность изучаемых водных названий. Внешне кажется, что форма *Витка* могла бы считаться довольно поздним фонетическим модификатом формы *Вѣтка*, коль скоро известно, что некоторые новгородские говоры знают переход *ѣ > и* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными [Филин 1972: 170—171]. Действительно, новгородская рефлексация *ѣ* в виде *и* могла проявить себя в отдельных случаях, например, повлиять на становление варианта *Витка* на базе первоначальной формы *Вѣтка*, относящейся к смежным селениям и речке под Новгородом в Кречневском и Пидебском погостах (см. выше). Нельзя забывать, что XVI в., когда произошло закрепление вторичного варианта *Витка*, — это как раз эпоха падения фонемы *ѣ* в центральных районах Новгородской земли. Вообще, при наличии пересечения *Вѣт-/Вит-* варианты с корневой фонемой *и* оказываются более поздними и в остальных случаях. Разумеется, закреплению результата данного фонетического изменения весьма способствовало возникновение вторичной ассоциативной связи с *вить*, *витый*, один из примеров которой хорошо известен (*вития* ‘оратор’ < др.-рус. *вѣтия*, к *вѣтити* ‘знать’ [Черн. ИЭССРЯ I: 155], но ср. *извитие*, или плетение, словес — ‘построение многословной вычурной речи’, XV в. [СлРЯ XI—XVII 6: 122]).

Однако основной массив гидронимии *Витка* трудно считать производным от *Вѣтка*, сложившимся благодаря позднему изменению *ѣ > и* и случайным пересмыслениям. То обстоятельство, что геогр. *Витка* присутствует в очень раннем новгородском документе — Данной Антония Римлянина 1-й пол. XII в., — уже само

по себе говорит о его архаичности и фонетической независимости от геогр. *Вѣтка*. Поэтому в большинстве случаев (по крайней мере на новгородской территории) следует исходить из гидронимизации апел. *витѣка*, *вить* (ср. к последнему новг. р. *Вить*) — метафорических обозначений речных притоков, которые отличны от ближайших изосемантических «родственников» *вѣтка*, *вѣть* иной ступенью чередования праславянских гласных (к и.-евр. **vei-/voi-/vi-* ‘поворачивать; гнуть; сгибать’ [Рок. IEW I: 1120]). Такое чередование широко проявляется в ряду слов данного корня, ср. общерус. *вѣтка* наряду с диал. новг. *вѣтка* ‘прут’ в ладого-тихвинских говорах (Подпорожский р-н Лен. обл.), ‘тропинка’ (Люб. р-н) [КСРГК], *вѣтик* ‘прутик’ (Ст-Рус.) [НОС I: 127], *вѣтина* ‘прут’ (Капш. Ленингр.), пск., волог., костром. *вѣтик*, *вѣтиг* ‘плеть’ [СРНГ 4: 194], ср. еще новг., волог., яросл., вят., курск. *вѣтвина* ‘прут, ветка; стебель картофеля’, наряду с новг., арх., вят., *вѣтвина* ‘прут, тонкая палочка; большая ветвь; стебель растений’, вят. *витвин* ‘стебель’, смол. *вѣтлина* ‘стебель картофеля, гороха, огурцов’, но и вят., ср.-урал. *витлина* ‘ботва картофеля, гороха’, арх. *вѣтва* ‘стебель гороха’, как и болг. *вѣтва* ‘ветка’, но словен. *vítva* ‘прутья для плетения’, польск. *witwa* ‘род ивы’, чеш., словац. *věten* ‘ветка’, но и словин. *vjiten* ‘то же’, др.-прусс. *witwan* ‘ива’ и др. материал из словарей [Там же: 194, 301; Фасм. ЭСРЯ I: 306, 321]. Существенно обратить внимание на то, что только в новгородских говорах обозначения прута *вѣтка*, *вѣтина*, *вѣтик*, *вѣтвина* получили особенное распространение и только здесь наблюдается заметная концентрация названий *Витка*.

Вообще номинативная модель гидронимии, метафорически отсылающей к обозначению прута, ветки, оказалась на Русском Северо-Западе ощутимо активной. К многочисленным водным именам *Витка* и *Ветка* можно добавить новгородские названия рч. ***Витца***, или *Вица*, л. пр. Ловати, рч. ***Витца***, л. пр. Волмы, л. пр. Мсты, соотносимые с др.-рус. *вица*, *вича*, *вичь* ‘гибкая ветвь; прут, розга’, собир. *витье* ‘ветви’ [СлРЯ XI—XVII 2: 194—195], сев.-рус. диал. *вица*, *вича* ‘гибкий прут, ветка’ [СРНГ 4: 307—308], руч. ***Витинец***, п. пр. Чагоды [Шан. РЛЮ: 450], ср. диал. *витина* ‘прут’ на востоке Лен. обл., записанное приблизительно в том же районе, где локализуется данный гидроним. Следовательно, *Вица*, *Витца*, *Витинец* тоже в конечном счете мотивируются как ‘ответвление от основной реки, «ветка» реки’ (в данных конкретных случаях — по отношению к рр. Ловать, Волма, Чагода). Не столь очевидно трактуется геогр. ***Витня***, иначе *Витна*, *Витень*, *Витка*, р., впадающая в оз. Ильмень в бывшем Сытинском пог. Дер. пят. Водоем отмечен документом 1535/36—1539/40 гг. при описании пригородных пожен Новгородского дворца: «Пожня на *Витне* реки, болото, оброку полдве гривны» [ПКНЗ I: 365]. Здесь вероятно морфологическая деривация от причастной основы *вит-* (: *витая*) с мотивировкой ‘извилистая’. Вместе с тем при описании угодий в Сытинском пог., пожалованных Иверскому монастырю под Валдаем в 1656 г., фигурирует несколько отличное от *Витня* наименование данной речки — *Вѣтня*: «... да въ озеркѣ Зернинѣ Глуби по рѣчку по *Вѣтню*, да отъ рѣчки отъ *Вѣтни* тона Нечайка» [АИСМ: 198, гр. № 77], позволяющее сблизить гидроним с рассмотренными выше *Вѣть*, *Вѣтка*, *Вить*, *Витка* (ср. наличие здесь и формы *Витка* как варианта к *Витня/Вѣтня*).

Разумеется, далеко не все гидронимы в славянском мире с элементом *вит-* трактуются с метафорической семантикой «ответвления». Многие предполагают в качестве исходной семантику «извилистости» (применительно к руслу реки, берегам озера), и не всегда эти две номинационные модели гидронимии удается разграничить. Так, семантику «извилистости» безусловно отражают такие названия восточнославянских рек, как *Свитенька*, *Свитка*, *Свитец*, оз. *Свитязь*, *Витязь*, *Свито* и др., о которых пишет В. П. Шульгач [1998: 282—285]. На новгородской территории к этой группе относится, например, название оз. *Витец* с извилистыми берегами (Кр. р-н), но в основном ее составляют архаические топонимы на *Вен-/Вин-* и *Вигл-/Вил-*. Однако прежде остановлюсь на архаизмах на *Витьб-/Витеб-*, трактующихся в ономастической литературе по-разному.

Витебско, или *Витебское*, оз. в басс. Мсты со стоком в оз. Холовец, впервые отмечено в Локоцком пог. Дер. пят. под 1495/96 и 1550—1560 гг. (рядом оз. Белое, Качино, Островно, Клитно) [НПК II: 10, 29, 80; ПКНЗ 5: 116, 118]; по озеру названа прибрежная дер. *Витебско* Китовской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 46], сегодня — дер. *Витебско* Локотск. Кр.

Второе аналогичное название — ойконим в Западном Приильменье: *Витебско* дер. Ситненск. Сол. на левом берегу Шелони, ранее, по спискам селений 2-й пол. XIX в., *Витебск* дер. Порх. у. [СНМРИ 34: № 11119], = *Вытепско* дер. Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г., позднее *Вытевско* под 1552—1553 гг. [НПК IV: 557; V: 176, 180, 186, 187].

На юго-западной периферии Новгородской земли к этому же ряду дериватов относится название оз. *Витьбино* басс. Волги, исток из него — р. Кудь, впадающая в крупное оз. Пено, рядом дер. *Видбино*, Пен. р-н. В конце XV в. озеро значилось в вол. Буец Дер. пят., в которой указана дер. «надъ *Вибыномъ* озеромъ», или «надъ *Видбинымъ* же озеромъ», или «надъ *Вибинымъ* же» [НПК II: 822], = сц. *Видбино* Ост. у. в конце XVIII в. [ИАДП I: 119].

Исходной же для этих суффиксальных (с суф. *-ское*, *-ино*) производных является форма, издревле хорошо известная по названию р. *Витьба*, одного из притоков Западной Двины на северо-востоке Белоруссии (др.-рус. *Видба*, *Витьба*, совр. блр. *Вицьба*), по которому был назван гор. *Витебск* (др.-рус. *Видбескъ*, *Витепескъ*, *Витебскъ*), упоминаемый с 1021 г. [Нерознак 1983: 41; Поспелов 2001: 99—100]. Новгородские данные выводят белорусский гидроним из изоляции, сигнализируя о древнем ареале тополексемы *Витьба*.

Название р. *Витьба* было обстоятельно обсуждено В. Н. Топоровым (в связи с этимологически темным поочским *Вытебетъ*), который полагает, что «для Витебска и Витьбы (как и для Вити) объяснение из славянского представляется крайне спорным», а из балтийского «почти бесспорно» [Топоров 1989: 63—64]. Исследователь возводит этот гидроним к балт. праформе **Vid-up-* ‘Средняя река’ (> лит. *Vidupė*, *Vidupis*, лтш. *Vidupe*) или к менее вероятной, по его мнению, праформе **Vit-up-*, ср. лит. *vutis*, *vitinė* ‘лоза; прут; розга’, сюда же р. *Vitupis* в Литве. Если возвести блр. *Витьба* к праформе **Vid-up-*, то закономерным развитием на славян-

ской почве нужно считать **Vid-ър-* и затем *Видьба*, *Видба*. Но далее Топорову приходится исходить из сложных допущений: допускать возможность межслоговой ассимиляции редуцированных по переднему ряду: $\bar{ь} - \bar{ь} > \bar{ь} - \bar{ь}$, осуществленной уже при наличии производного названия города **Vid-ър(b)-ъск-ъ* (> др.-рус. *Видбескъ*), и в то же время предполагать альтернативное появление незакономерной формы *Витебск* с сильной фонемой *m* (а почему не *Видебск*? — В. В.), как и формы *Витьба* (с мягкостью *m'*, ср. блр. *Вицьба*).

Столь специфические преобразования, наверное, допустимо видеть внутри отдельной изолированной микросистемы блр. геогр. *Витьба* — *Витебск*, однако реализацию этой специфики невозможно предполагать еще в трех названиях Новгородской земли: *Витебско*, дважды, и *Витьбино*. Наличие новгородских фактов заставляет отдать предпочтение трактовке всех данных форм как исконнославянских образований с элементом *vit-* (: праслав. **viti*), осложненных суффиксом *-ьба*. Появляется меньше оснований говорить о древнебалтийском наследии и с точки зрения ареала. Так, если блр. *Витьба* и оз. *Витьбино* в истоках Волги действительно входят в исторический ареал гидронимических балтизмов, то применительно к новг. *Витебско* на нижней Шелони и *Витебско* в среднем течении Мсты ареальная ситуация не столь однозначна: в данных субрегионах балтийская топонимия проявляется как раз в значительно более разреженном виде, чем во многих других частях Русского Северо-Запада, подр. см. [Васильев 2007а: 271—285]. Более того, в пользу славянской версии работает фактор естественной гидрографии, так, например, крупное оз. *Витьбино* является узким, длинным, извилистым, поэтому вероятное осмысление лимнонима, определяемое значениями праслав. **viti*, вполне оправдано характерными особенностями конфигурации водоема. В сущности, во всех приведенных случаях речь должна идти о реконструкции ранневосточнославянской диалектной лексемы **vityba*, проявившейся на сопредельной небольшой территории (от верхнего течения Западной Двины до Ильмена) и сохраненной лишь топонимией. Слово показывает праславянский тип деривации, такой же, как рус. *татья*, *рѣзьба*, *гостьба*, чеш. *hrozba*, ‘угроза’, словен. *kritba* ‘покрытие’, словац. *krytba* ‘кров’ и т. п.; причем считается, что суффикс *-ьба*, выделяемый в таких дериватах, оформился из первоначального присоединения *-ba* к основам на **-i* [Мейе 2001: 286; Sławski ZSP I: 62]. При таком осмыслении структуры ранневосточнославянский суффиксальный дериват **vityba* может быть соотнесен либо с праслав. сущ. **vity* **-i*-склонения, континуантами которого являются рус. диал. *вить* ‘плетенье, жгутик’, словин. *vjic* ‘ивовая жердь для увязывания соломенной кровли’, в.-луж. *wic* ‘ворот’ и др. (материал из [Даль ТСЖВЯ I: 208; Фасм. ЭСРЯ I: 322]), в том числе и новг. *Вить* р. (см. выше), либо прямо с глаголом **viti*; ср. применительно к этой возможности прежде всего словац. *krytba*, из **krytyba*: **kryti*. Более того, на юго-западе Славии обнаруживается диагностирующее структурно-семантическое соответствие, хотя и неполное, для вост.-слав. геогр. *Витьба*, *Витебско*, *Витьбино*, — это словен. *viba* ‘спираль’, сербохорв. *viba* ‘путь’ (в загадке), которые выводят из праслав. **vjyba*, к **viti* [Кур-

кина 1992: 113]. Раннедиалектные южн.-слав. **vъjьba* и вост.-слав. **vitъba* различаются лишь суффиксальными элементами (-*j*-, но -*t*-) при общем корне, но стоит подчеркнуть, что эта деталь проявляется также в других образованиях от данного этимологического корня, причем имеет показательную ареальную характеристику. Дериваты с суффиксом -*j*- принадлежат славянскому Югу, ср., наряду с южн.-слав. **vъjьba*, еще словен. *veja*, болг. *вейка*, *вея*, ст.-слав. **вѣя** 'ветка', попавшее затем в книжный др.-рус., сюда же сербохорв. *viјati* 'вить', словен. *zviјati se* 'извиваться', см. [Черн. ИЭССРЯ I: 146, 155], тогда как на славянском Востоке распространены дериваты с суффиксом -*t*-, как др.-рус. *вѣтъка*, *вѣтъ*.

Вместе с тем дериваты праслав. **viti*, заключающие семантику извилистости, могут иметь и другое суффиксальное оформление. В этой связи следует отметить ряд названий с корнем *вен-/вѣн-/вин-*. Среди них средневековые новг. геогр. **Вѣно** оз. в Ручьевском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 276], = *Венка* оз. в Кр. у. в Ген. меж. конца XVIII в. (по писцовой книге Калитина 1550/51 г. — оз. *Вейно*: «Лодыгино у *Вейна* озера») [ИАДП I: 248; 2: 167, № 6620], **Вена** (= *Вѣна*) рч. на юго-западной окраине Дер. пят., по писцовой книге Торопецкой земли 1540—1541 гг. [ПКНЗ 4: 607]. Из поздних материалов по Новг. губ. известно еще о названии рч. **Вѣнка** близ пог. *Вѣницы* в Никифоровской вол. Уст. у., 1911 г. [СНМНГ VIII: 63—65]²⁴ и оз. **Винецкое**, иначе *Вилецкое*, в дельте Мсты близ Новгорода.

Дер. **Навѣня** Холовского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 438], = *Веина* по писцовой книге 1582/83 г. [Анкудинов 2000: 132, № 28 по рис. 4], отождествлена [ИАДП I: 288] с селом *Вины* в Кр. у. конца XVIII в., позднее ставшим дер. *Вины* Зайцевской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 28—29], которая сохраняется и сегодня. Ранняя форма ойконима, в отличие от других, отражает сочетание с предлогом: дер. *На Вѣне*, где *Вѣна* — это совр. рч. *Винка* (л. пр. Холовы, л. пр. Мсты), на которой стоит дер. *Вины*. Гласная *ѣ* в основе названия (представленная также аллофоном *ei*, см. *Веина*) преобразовалась в гласную *и*.

Как и пск. *Вѣнка* р. в Опочечком у. [СНМРИ: № 34, № 239], укр. *Віно* оз. в Маневицком р-не Волынской обл. [Шульгач 1998: 308], *Венка* рч. в Среднем левобережном Поочье [Смол. ГБО: 86], данные новгородские названия могут быть продолжениями праслав. апел. **věpъ*, подтверждаемого, в частности, рус. диал. *вен* 'венок' в говорах Предуралья и Сибири [СРНГ 4: 111], польск. *wian* 'то же'. Наличие флексий -*о*-, -*а* в *Вѣно*, *Вѣна* — результат согласования с родовыми терминами *озеро*, *рѣка*. Надо полагать, стержневой признак кривизны, извилистости (берегов) был определяющим при возникновении этих водных названий, поскольку праслав. **věpъ*, будучи архаической производной структурой, этимологически соотносится

²⁴ Что касается локализуемого далее к северу ойконима *Веницы*, центра средневекового Веницкого пог. Обон. пят. (сегодня — *Винницы* сел. Подпорожского р-на Лен. обл.), то обосновывалось его происхождение от вепс. *venanik* 'русский (человек)' [Пименов 1965: 51] или от неславянской основы *vin-*, ср. *Vingl* — вепсское название этого села [Муллонен 2002: 46—47].

с глаголом **viti*. Подобная мотивационная семантика с еще большей очевидностью проявляется при топонимическом, особенно гидронимическом, равно как лексико-топографическом преломлении континуантов праслав. **věньсь*, о чем свидетельствуют многие факты. Ср. новг. геогр. **Венец** пожня неподалеку от Новгорода «против острова на Мсте» по документу 1535/36—1539/40 гг. [ПКНЗ 1: 324], как и *Венец*, ряд селений в Среднем Поволжье (Владимирская, Симбирская, Нижегородская губ.), *Венец* р. в басс. Дона в Донском округе, блр. *Венец* руч. в Городокском у. + оз. в Лепельском у. Витебской губ., *Wienckie (Wiencza)* оз. под Бобруйском Минской губ., укр. *Вінець* (вар. *Вінок*) оз. Ратновского р-на Волынской обл., *Wieniec* гора в Карпатах, *Wieniec* оз. в басс. Одры, разные геогр. *Венец*, *Венац*, *Венц* в Болгарии, Македонии, Сербии, Хорватии, по: [Vasm. WRG I: 283; Vasm. RGN I: 283; Шульгач 1998: 309; НО: 154; Imenik mesta: 456]. Такие названия находят апеллятивную поддержку в рус. диал. *венѣц* ‘самое высочайшее место на берегу реки’, ‘уступ плоской возвышенности, окружающей низменности, долины рек’ (Среднее Поволжье), ‘горный хребет кругом, полукругом’, болг. *венец* ‘извилистый горный хребет’, см. [СРНГ 4: 111—112; Мурз. СНГТ 1: 121; Ковачев 1980: 200].

Названия на *Вин-*, такие как **Виниха** дер. на р. Волме Устьволенской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 104—105] (сегодня — дер. Карпиногорск. Мал.), возможно, и **Винная** рч. басс. Паши [СГЮВП: 100] в бывшей Обон. пят., этимологически обычно смыкаются с топонимией на *Вен-*; это более очевидно, например, для геогр. *Wieniec* п. пр. Ясельды, л. пр. Припяти (там же *Winin* сел.), *Winy* оз. между дер. Трояновка и Градиск в западной части Волынской губ., *Wieniec* оз. и дер. над ним близ Могильно в Польше и неподалеку *Wieniec* (сегодня *Wieniec*) оз. под Вроцлавком (оба названия встречаются с XIII в. в формах *Wince*, *Winc*), по [Rozwadowski 1948: 79]. Корень *вин-* порой фонетически трансформируется из *вѣн-* (см. разобранные выше новг. геогр. *Навѣня*, позднее представленное как *Вины*, или перм. *вин* ‘венец, венок’ [СРНГ 4: 285] — из *вѣнь*²⁵) либо появляется в результате переразложения глагола типа рус. диал. (перм.) *винуть* ‘дунуть, повеять (о ветре)’ [Там же: 290], чеш. *vinouti* ‘вить, обвивать’ (< **viti*); эту, вторую, возможность показывают, например, рус. диал. *виняк* ‘ивовый кустарник’ (Белозер. Новг.) [Там же: 291], или укр. геогр. *Навина* р. в басс. верхнего Днестра, по [Вербич 1999: 75].

Образования от **viti* с суф. *-л-* (< *-dl-*) тоже присутствуют в составе апеллятивной лексики и топонимии. Некоторые из таких названий особенно любопытны тем, что отражают фонетические черты древненовгородского диалекта. Это геогр. **Виглино** дер. Борпрудовск. Лесн., = *Виглино* / *Веглино* дер. в Покровском пог. в Сорогошине Беж. пят. под 1545, 1555 и 1567/68 гг. [НПК VI: 444, 762; ПКНЗ 3: 155, 156] и геогр. **Виглинский** л. пр. Ниши, р. в оз. Ильмень [Шан. РЛЛО: 510], кроме того, отмечали руч. **Виглинка** у Ладожского оз. [Филин 1972: 278]. Основа *Вигл-* в них оптимальным образом трактуется на др.-новг. и др.-пск. диалектной почве, знаю-

²⁵ Отмечено также кашуб.-словин. *v'in'(e)c* ‘венек’, возводимое к **vĩньсь*, это последнее тоже предполагается результатом преобразования праслав. **věньсь* [Варбот 1984: 77].

щей ассимиляцию **dl* > *zl*: из праслав. **vidl-*, деривата с суф. *-dl-* от **viti*; этому редкому варианту основы в иных восточнославянских говорах обыкновенно соответствует *вил-* (*Вил-*). Для этой основы, помимо прочих, характерны и многие топографические значения, показательные при осмыслении топонимов; ср. диал. новг. (мстинск.) *вѣлки* ‘извилины; не прямой путь’ [СРНГ 4: 282], перм. ‘междуречье’ [Мурз. СМНГ 1: 128], укр. *вила* ‘место соединения двух дорог, если они сходятся не под прямым углом’, ‘гора, возвышенность’ [Марусенко 1968: 221], ‘место, где разветвляется река’ [Никончук 1979: 36], *вѣлка*, *вѣли* ‘разветвление русла реки, место слияния двух рек’ [Черепанова 1984: 38], польск. диал. *vidly* ‘угол между двумя реками, которые соединяются’ [Kař. SGP 6: 103] и т. п. Что касается названий, интересно отметить геогр. *Видлинка* п. пр. *Вильи* (!) басс. Сожа в Могилевской губ. [Vasm. WRG I: 309] с сохранением праслав. сочетания **dl*. О раннем присутствии варианта *вилг-* на Русском Северо-Западе свидетельствует, наряду с приведенными топонимическими фактами, эст. *vigl* ‘вилы’ — заимствование из сопредельных др.-пск. говоров [Фасм. ЭСРЯ I: 314]. Вместе с тем в регионе Новгородской земли легко обнаружить также и более распространенную топонимию с общевосточнославянской основой *Вил-*, ср., например, равные по структуре *Виглин-*названиям геогр. **Вилины** дер. Лажинской вол. Кр. у. нач. XX в. [СМНГ IV: 60—61] (= *Вилины* дер. Влажинского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 744]), **Вилин** пр. Переходы, р. в оз. Ильмень²⁶. О неоднозначно трактуемой топонимии на *Вил-* с архаическим формантом *-ья* (или *-ея*, *-ия*) см. в гл. 8.

ВѢСКОБОЛ-, ВЫШЕБОЛ-, РАДОБОЛ-, НЕГОБОЛ-, РАДБИЛ-, ЛЮБОЛЯД-

ВѢскоболье дер. (вместе с выставкой *ВѢскоболье*) Офремовского пог. Шел. пят., указанная писцовой книгой 1539 г. [НПК IV: 356] и позднее нигде не отмеченная. Данный ойконим интересен тем, что репрезентирует, по всей вероятности, фонетически измененное архаическое сложение **Вяз(ъ)коболье*, в котором основу *бол-* безусловно следует трактовать в сравнении с лит. *bala* ‘болото’. Данная основа в апеллятивной лексике славянских языков сохранилась только в расширенном варианте **bol-t-*, ср. рус. *болото* [Трубачев 1968: 229—231, 263]. Эта простая основа закреплена в нескольких славянских гидронимах Украины, а именно в названиях рр. *Соболь*, *Соболица* и *Заболя* басс. Днестра и р. *Суболица/Соболица*, л. пр. Днепра

²⁶ Относительно геогр. *Виглинский* л. пр. Ниши известна еще версия А. И. Попова [1981: 48], который связывает данный гидроним с *vili* эст. ‘прохлада’, фин. ‘холод, озноб’ и в подтверждение этому привлекает руч. *Холодная Вода*, тоже л. пр. Ниши, протекающий рядом с руч. *Виглинским*. Несмотря на возможность метонимического калькирования, эта версия выглядит неубедительной, поскольку требует допустить незакономерное преобразование *вил-* > *вилг-* (фонетически закономерным является обратный процесс упрощения **dl* > *л*), не объясняет условий усложнения иноязычной основы русским суф. *-ин-*, не находит никаких подтверждений, апеллятивных или проприальных, при том, что исконно славянская версия опирается на множество равноструктурных соответствий: *Виглино*, *Видлинка*, *Вилины*, (*из*)*вила* и др.

[Трубачев 1968: 229—231; 263]. К днепровскому *Суболиця*, сложению со старым преф. *су-*, обнаруживается точная межтерриториальная параллель в пск. геогр. *Суболицы* и в наименовании *Суболицького* берега на Чудском озере²⁷. Трактовка новг. геогр. *Вѣскоболье* (< **Вяз(ь)коболье*) с первоначальным значением ‘вязкое болото’, хорошо отвечает реалиям местного ландшафта: действительно, местность, которую охватывал Офремовский погост, сильно заболочена, будучи окраиной обширного Рдейского болота между Старой Руссой и гор. Холм Новг. обл.

Древняя основа *бол-* ‘болото’ проявляется далее в средневековом новг. ойкониме-комposite *Вышебол* дер. Локотского пог. Дер. пят. 1495/96 г. [НПК II: 78], который семантизируется очевидным образом как ‘болото на высоком месте’; ср. образованные в рамках этой же структурной модели старописьменные новг. ойконимы *Вышегород*, *Вышгородок*, др.-рус. *Вышегородъ*, гор. в Киевской и Переяслав-Залесской землях, польск. *Wyszogród* (подр. см. в гл. 10).

Далее этот же постпозитивный компонент *бол-* прослеживается в названии дер. *Радобол* Петровского пог. Вод. пят., которая описывалась писцовой документацией около 1500 г. [НПК III: 482], затем под 1540, 1570/71 и 1582 гг., но в дозорной книге Вод. пят. 1615 г. деревня именуется уже *Карпино* [Селин 2003: 239]²⁸. Первая часть данного архаического сложения принадлежит к гнезду слов *рад*, *радость*, *радоваться* и т. п. Надо полагать, и сам композит появился как положительная характеристика местности (‘хорошее болото’?). К вероятию такого положительно-оценочного осмысления композита *Радобол* ср. новг. *Радбилицы* дер. Лукинского пог. в Пазерье Шел. пят. конца XV в. [НПК V: 298], иначе *Радбѣлик* под 1573, 1582—1584, 1629, 1646, 1674—1682 гг. [МАНк] и позднее (сегодня — дер. *Радбелик* Ильменск. Новг.), которое являет собой сложение основ **Рад-(о)-бѣл’-*; вторая основа его объяснима через новг. *бель* ‘открытое место на болоте’, ‘свободное пространство между чем-л.’ [НОС 2010: 35], рус. диал. *белик* ‘светлая почва; глина; суглинок; подзол’ [СРНГ 2: 212—213]. Ср. еще средневековые названия-иррадиаты дер. и сц. *Люболяда*, дер. *Люболяд*, равно как и самой прилегающей к ним местности *Люболяды* в Заверьяжье в Шел. пят. неподалеку от Новгорода, по книге 1498 г. [НПК IV: 1, 5]. Структуру *Любо-ляд-* тоже можно понять в положительно-оценочном смысле (‘любимые ляды’) при том, что новг. *ляда* означает ‘низкое сырое место, поросшее лесом или кустарником’, ‘место, расчищенное под луг или пашню’ и т. п. [НОС 2010: 533—534].

Менее предпочтительна, на мой взгляд, антропонимическая трактовка новг. геогр. *Радобол*, предложенная А. И. Илиади [2010: 172]: по его мнению, данный ойконим, вместе с др.-слав. геогр. *Радобѣлѣ* на территории Греции, нужно рассмат-

²⁷ *Суболицький* (*Соболицький*) берег Чудского озера упоминается впервые в связи с победой Александра Невского над немецким войском в 1238 г.: «Гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до *Суболицьскаго* берега» [НПЛ: 78].

²⁸ В нач. XX в. здесь значилась ус. *Карпино* на левом берегу Волхова в Подберезской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 50—51], более поздних сведений о пункте нет.

ривать как **Ordobol-jь* / **Radobol-jь* — посессивное производное от личного имени со вторым компонентом, соотносимым с праслав. **bol'ьjь* 'лучший, больший'. Хотя предполагаемое двусосновное имя не зафиксировано, компоненты его хорошо знакомы др.-слав. антропонимикону, например, второй из них проявляется в ст.-чеш. личн. *Bolebor*, *Bolečest*, ст.-польск. *Boleslaw* и др. (подр. в [ЭССЯ 2: 185—186]), имеется и чеш. личн. *Bolerad* [Rospond 1983: 47] (сравниваемое с чеш. геогр. *Boleradice*). Главная трудность, однако, заключается в том, что праслав. основа *bol'*- всегда ожидаема в препозиции, а не в постпозиции личных имен-композитивов.

Неоднозначно трактуется в семантико-мотивационном отношении геогр. *Негоболлицы* дер. в Холм. у. в Загорском стане 1560—1562 гг. («Олехна Митрошина сына з деревни из *Негоболлицы*») [ПКНЗ 5: 360]. Единичная фиксация, разумеется, не способствует раскрытию данного ойконима. Прямому сближению с основой *бол-* 'болото' здесь мешает основа *нег-* (< *нѣг-*), характерная скорее для др.-слав. антропонимических сложений, чем для апеллятивов, более того, зафиксировано др.-хорв. личн. *Bole-neg* [LPSRH: IX] с обратным порядком тех же самых компонентов.

Водос-

Водосье дер. Трегубовск. Чуд. и рядом ж.-д. ст. *Водос*, оба пункта на рч. *Водоска*, л. пр. Волхова, или, по [Шан. РЛЮ: 58], — рч. *Водоса*. По списку селений 1909 г. под названием *Водосье* в этой местности Среднего Поволжья значились село, погост и усадьба Чудовской вол. Новг. у., стоявшие на рч. *Водосье* [СНМНГ I: 102—103]. На 3-верстной карте 2-й пол. XIX в. — *Водосья* на рч. *Водоса*. Средневековых упоминаний об этом пункте сохранилось немало: сел. *Водосы* «на рѣчкѣ на *Водосѣ*» (рядом пожня «на усть рѣки *Водосѣ*») Грузинского пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 445, 447], то же под 1540, 1470/71 гг., а в более поздних материалах — сел. *Водосца* 1562 г., сц. *Водоси* 1612 г., сел. *Горние Водоси* 1678 г., дер. (или село) *Горние Водосы* 1709, 1718 гг., дер. *Водоси* 1748 г., сел. *Водосье* 1788 г. [Селин 2003: 249]. Неподалеку в Грузинском пог. стояла дер. *Середние Водосы*, известная по документации 1500, 1540, 1570/71, 1582 гг., = сц. *Водоси* за ручьем в Струхах 1646 г., = сел. *Водоси* 1678 г., = дер. *Водоси Струги* 1709 г., а позднее ус. *Стружка* по материалам Ген. меж. 1788 г. Отдельным пунктом в этом же погосте числилась дер. *Водосы* на Волхове 1500 г., = дер. *Водоси Нижние* на Волхове 1540 г., или дер. *Водосы Нижние* под 1582 г., позднее отмечена как пуст. *Водоси Бережные* под 1612 г., или пуст. *Бережные Водосы* под 1788 г. Поблизости дозорная книга 1612 г. указывает пуст. *Понкины Водоси*, «а зовут крестьяне Загарьем» (сведения источников даны по [Там же: 249—250]). Стоит добавить к этому, что сел. *Бережные Водосы* (*Водосы*) фигурирует также в выписях на рыбные тони на р. Волхов из писцовых книг 1498 и 1500 гг., а *Водосы* — в оброчной книге пригородных пожен новгородского конюшего 1539/40 г. («на *Водосех*», «с *Водос*») [ПКНЗ 1: 95, 290, 364, 366, 374] и в писцовой книге Обон. пят. 1550/51 г. [ПКНЗ 2: 19]. В топонимическом плане, очевидно, речь должна идти

о единой микросистеме смежных и последовательно сменявших друг друга названий в Среднем Поволжье, полученных путем иррадиации.

Водоси дер. Белавинской вол. Бор. у. 1911 г. [СНМНГ VI: 10] (сохранялась до 1990-х гг. как дер. Кировск. Бор.). Материалы Ген. меж. 1785 г. указывают в этой местности сц. *Водосье* (под № 1142), такое название сельца повторено и в МОЗУ 1914 г. [КГарн]. Отождествляется с дер. *Водоси* 1564 г. в пог. Волок Дершков Беж. пят. [НПК VI: 985, 1008], которая в описании 1545 г. дана под названием *Водок* [Там же: 123], содержащим описку (правильно: *Водос*).

Водосы дер. Уторгошск. Шим. на левом берегу Мшаги, ранее — дер. в 3-м стане Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 126], = *Водос* дер. Турского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 62].

Водосье дер. при рч. Леменке Ретенской вол. Порх. у., по сведениям 1872—1877 гг. [СНМРИ 34, № 11867], или *Одосье* на карте 2-й пол. XIX в. [Андрияшев 1914: 195], сегодня — ур. *Водосье* у дер. Болтово Куклинск. Сол. Приравнивается к дер. *Водос* на рч. Илеменке в Ретенском пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 492].

Водос дер. Кочутск. Тор. На левом берегу Куньи, = *Водосы* (*Водус*) сел. при р. Кунье в Галибице-Немчиновской вол. Холм. у., по сведениям 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 14987]. Отождествляют с дер. *Чюпрос Водос*²⁹, иначе *Водосы*, на р. Кунее в Кунейском стане Холмского пог., отмеченной писцовою книгой XVII в., см. [Янин 1998: 180—181, рис. 10, № 153].

Водосы низкое место на устье р. Псижи близ дер. Устрека Борисовск. Ст-Рус., по диал. записям 1990-х гг. [ЛЗап].

Еще больше межтерриториальных параллелей в регионе Новгородской земли известно только из средневековой письменности. Дер. **Водосьи** описывалась в Иванском на Волхове пог. Обон. пят. 1563/64 г. [ПКНЗ 2: 58, 59], на Генеральном плане Новгорода и уезда 1788 г. она подписана как дер. *Водосье* на правобережье Волхова (поглощена совр. дер. Слутка Савинск. Новг.). Писцовые книги Дер. пят. отмечают дер. **Водосы** в Деманском пог. 1538/39 г. [ПКНЗ 4: 220], которая в книге 1495 г. отмечена искаженно — *Водоги* [НПК II: 500] (вместо *Водоси*, со смешением похожих «с» и «г»), дер. **Водос** в Локотском пог. 1495 г. [Там же: 95] (позднее указана приправочной книгой 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 137]), дер. **Водосно** Курского пог. 1495 г. [НПК II: 594] (= ? *Водоносно* «на реки на Ловоти» в Курском присуде под 1538/39 г. [ПКНЗ 4: 298]), в конце XVIII в. ставшую пуст. *Водосно* (*Водосны*) в Ст-Рус. у. [ИАДП 1: 182; 2: 180, № 8241], а также пожню **Водос** в Холыньском пог. 1495 г. неподалеку от погостского центра [НПК I: 290]. По-видимому, эта же пожня указана в описании пригородных пожен Новгородского дворца 1535—1540 гг. под названием *Бикичевский Водос*: «пожня на Русской реке в Бикичевском Водосе» [ПКНЗ 1: 316]. Также в Дер. пят. обыскная книга 1560/61—1561/62 гг. сообщает

²⁹ Запись *Чюпрос Водос* явно требует исправления на *Чупров Водос*, ср. личн. *Чупр*, *Чупро* (: личн. *Кириан*).

о пуст. *Долгой Водос* в Холм. у., а приправочная книга 1550/51 г. — об отхожей пожне *Водоса* на р. Мсте Млевского пог. [ПKNЗ 5: 364, 237]. Неясно, отождествляется ли эта пожня на Мсте с отхожей пожней за Мстою «на *Водосъ*», известной из описания Егорьевского Млевского пог. Беж. пят. под 1545 г. [НПК VI: 326].

Приведенные названия, распространение которых ограничено центральными районами средневековой Новгородской земли (окрестности Ильменя и бассейны рр. Волхова, Мсты, Ловати, Шелони), отражают др.-новг. ландшафтный термин *водосъ*, в средневековье весьма употребительный в местных говорах, но давно уже вышедший из речевого обихода в изучаемом регионе. Однако на путях древненовгородской колонизации заволоцких земель данное слово еще можно встретить «на задворках» современного употребления. В отдаленных вятских говорах в XIX в. было записано *вóдосъ* ‘пойма, поемное место’ [Даль ТСЖВЯ 1: 219]. В Вологодской обл. отмечены диал. *вóдосы* ‘низменные пожни’: «*Водосы* уже выкашивали» (Старое М-Реч) и *вóдос* ‘болотное травянистое растение, вид осоки’ (Соколово У-Куб) [СГРС II: 148]. Значение ‘пойма; низменное место’ самоочевидно, а что касается диал. *вóдос* как обозначения осоки, то его появление обязано регулярно действующему семантическому переносу ‘место’ > ‘трава; сено’, образовавшему множество сев.-рус. обозначений трав, растущих на сырых низменных местах: *болóто*, *болóтина*, *мочавíна*, *вельга*, *полóй*, *солóтина*, *лукá*, *мишáра* и др. [Васильев 1999б: 44—52]. Жалованная грамота великого князя Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи приблизительно 1134 г.³⁰ дает самую раннюю фиксацию ландшафтного термина *водосъ* в изучаемой области новгородских пятин: «...а по Ловати на низъ по конецъ *Водоса*» [ГВНП: 139, гр. 80]. Издатели грамоты, написав это слово с большой буквы, посчитали его топонимом, однако прав Е. Н. Носов [1993: 30—31], который трактует приведенную фразу терминологически: «вниз по Ловати до конца поймы».

Ко времени московских писцовых описаний XVI в. термин был почти забыт или по крайней мере малоизвестен на новгородской территории, коль скоро он подвергся топонимизации и проявляется только в составе географических названий писцовых книг и более поздних материалов. Все эти названия действительно прикреплены к селениям на низких и пойменных берегах водоемов либо к пожням — заливным лугам вдоль водоемов. По облику, структуре, значению и территориальной дистрибуции др.-новг. термин *водосъ* примыкает к современным новг. *водосóс*, *водосóсина* ‘место, где из земли сочится вода’ («водососина вроде жилы, но не жила, в жиле вода течет шибко, а в *водососине* сочится») Кр. + Мош., Ст-Рус.), *водосóсина* ‘низкое место’ (Мош.), ‘заросшее озеро’ (Валд., Мош.) [НОС I: 131], волог. ‘сырое, топкое место’ (Бел, Череп), ‘место на дереве, где мокнет кора’ (Ваш) [СГРС II: 149]. Более того, форму *водосъ* следует считать специфическим вариантом (с сокращенной основой) современных изосемантических терминов, но различие между ними далеко не очевидно и нуждается в интерпретации.

³⁰ Уточнение датировки по [Янин 1990: 138].

Безусловно, лексемы *водось* и *водосѡс(-ина)* репрезентируют единую структуру сложения, отсылающую к исходной форме **водосъсь*. Поскольку фонетическая позиция гласной в постпозитивном компоненте *-със-* менялась при словоизменении и словообразовании, то после утраты редуцированных гласная ъ либо прояснялась в гласную *о* (*водосъсь* > *водосос*), либо утрачивалась, например, в Род. ед.: *водосъса* > *водосса* > *водоса*. В одних говорах окончательное возобладала основа *водосос-*, в других, напротив, сокращенная основа *водос-* сумела укрепиться, вытеснив полную основу из всех форм. Ср. др.-рус. *съсати* ‘сосать’, фонетически закономерно продолженное в рус. диал. *ссать*, укр. *ссати*, блр. *ссаць* ‘сосать’ при общерус. *сосать*, закрепленном под воздействием *сос*, *соска* (< **съсь*, **съська*) [Фасм. ЭСРЯ III: 725].

Впрочем, более приемлемым представляется иное объяснение. В др.-новг. говорах существовали два акцентологических варианта аппеллятивного сложения: *вѡдосъсь* и *водосъсь*. Первый из этих вариантов, специфически новгородский, еще до падения редуцированных подвергся процессу гаплогонии: **вѡдосъсь* > *вѡдосъ* в условиях безударности (заударности) двух конечных повторяющихся слогов. Сокращенная форма смогла укрепиться во многих говорах древненовгородского диалекта и даже продвинулась далеко на восток вместе с новгородским колонизационным потоком. Если же ударение падало на редуцированную гласную второго компонента сложения, то повторяющийся слог не усекался и возникала форма *водосѡс(-ина)*. В регионе Новгородской земли похожий случай вариантности показывает, в частности, название дер. *Подсосѡнье* Черноручейск. Дем., которую местные старожилы неофициально именуют также *Пѡдсонье* [ЛЗап: 2000 г.], со сдвигом ударения на первый слог, вызвавшим сокращение третьего слога (< *Пѡдсосонье*); ср. еще по источнику нач. XX в. название дер. *Подсосонье* (*Подсонье*), в Апраксинской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 14] (семантически *Подсосонье* — ‘сел. под соснами’).

За пределами области новгородских пятин топонимия на *Водос-* не выявлена. Что касается названия смоленской р. *Водоса* / *Вадоса* / *Ведоса* л. пр. Вопи басс. Днепра [Машт. Днепр.: 21], то здесь наиболее вероятен балтийский след, ср. жемайтск. *Ведоса* [Спрогис 1888: 37] и ряд других гидронимических балтизмов на *-са* в Верхнем Поднепровье [Топоров, Трубачев 1962: 155—156, 168, 178].

ВОЛМ-, ВЕРЕБ-

Волма л. пр. Мсты, 60 км длиной, в справочнике 1929 г. [Шан. РЛЮ: 222] ошибочно — *Вольма*. Средневековое упоминание реки — в писцовой книге Г. Я. Морозова 1538/39 г.: «Пустошь Ласицыно (<...> на реке на *Волме*) в Усть-Воломском пог. Дер. пят. [ПКНЗ 4: 35], однако гидроним передан через смежный ойконим еще в XIII столетии. В частности, при впадении Волмы во Мсту стоит древнее сел. *Усть-Волма*, которое отмечено новг. бер. гр. № 390 (80—90 гг. XIII в.): «до *Усть Волами*», т. е. до селения Усть-Волма [Зализняк 2004: 507], позднее — *Усть-Волмы* дер. и сц., центр Усть-Воломского пог. 1495 г. [НПК II: 327, 340], = село *Усть-Волма* Кр. у.

в материалах конца XVIII в. (по [ИАДП 1: 279, 280]), = пог. *Устьвольно* по спискам селений нач. XX в. [СНМНГ IV: 108], сегодня — дер. *Усть-Волма* Устьволомск. Кр. Древненовгородская фиксация «*Усть Воломи*», как будто, предполагает гидроним в исходном варианте *Въльмь* (< *Вълмь*), из которого после присоединения «речной» флексии *-а* появилась современная форма *Волма*.

Межтерриториальные соответствия: *Волма/Вольма* л. пр. Свислочи, п. пр. Березины, п. пр. Днепра в Игуменском у. Минской губ., *Волма* п. пр. Ислочи, л. пр. Березины басс. Немана, *Волмечка* р. в Минском у. рядом с сел. *Волма*, *Волма* р. неподалеку от Вятки и там же, в Вятском у., дер. *Волменское* [Vasm. WRG I: 350; VI: 110]. Возможно, сюда же относятся польск. *Welna* (ранее — *Welma*, впервые под 1255, 1280, 1347 гг.) р. в басс. Варты [Rozwadowski 1948: 223—224; Babik 2001: 600—601], *Welmica* р. в басс. Одры [НО: 96, 127].

Что касается польского гидронима, то Ян Розвадовский сравнивает его с лат. *vilnis* ‘волна’, др.-инд. *īrmi-ś* ‘то же’ [Rozwadowski 1948: 225—226], а З. Бабик учитывает др.-польск. *welm*, *welma* в значении ‘волнение воды, волна на воде, морская волна’ [Babik 2001: 601]. М. Фасмер распространяет подобную трактовку также и на новг. и блр. гидронимы *Волма*, сравнивая их с др.-польск. *welm* ‘течение’, англосаксонск. *wielm* ‘кипение, волна, течение’, др.-в.-нем. *walm* ‘жар’, родственными, в свою очередь, рус. *волна*, *вал*, *валить* [Фасм. ЭСРЯ I: 339]. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев [1962: 180] относят блр. *Волма* с учетом др.-прус. *Wolmen* к балтийскому языковому слою и предположительно сближают с *Велемля*, *Велемья*, *Велямка*, *Вилемья*, хотя и не раскрывают его этимологии. По моему мнению (см. еще [Шульгач 1999: 177]), все эти водные названия (или по меньшей мере только новг. и блр.) не следует рассматривать в отрыве от некоторых апеллятивов, отмеченных в новгородских и белорусских говорах, в целом на тех территориях, где локализуются новгородская и белорусские рр. *Волма*, *Волмечка*. Самый известный из этих апеллятивов — др.-рус. *волмина*, зафиксированный новгородской грамотой Варлаама Спасо-Хутынского монастырю 1192—1210 гг. [ГВНП: 161, гр. 104] (уточнение датировки по [Янин 1990: 211]), определяется как ‘место, поросшее ивовым кустарником’ (?) [СлРЯ XI—XVIII: 2, 315] (сегодня в местности, описываемой грамотой, расположено оз. *Волницкое/Вольницкое* возле Хутынского монастыря). Др.-новг. *волмина* (ранее *вълмина*) отражено в названии пуст. **Волминицы** на плане дачи Кр. у. 1780-х гг. [ИАДП 2: 171, № 6988] (кстати, неподалеку в Кр. у. протекает р. *Волма*) и в современной новгородской микропонимии: **Кателевская Волмина** место близ дер. Иванцево Борисовск. Ст-Рус., **Волмина** болото в Вол. р-не [Строгова 1991: 22]; лексема сохраняется, похоже, и сегодня в нарицательном употреблении: *волмина* ‘кустарник’ (Сол.), ‘место, заросшее ивовым кустарником’ (Бор.) [НОС 2010: 122], ‘ивовый кустарник’ (дер. Старое Полищенск. Ок.), по записи 1999 г. [ЛЗап]³¹. В иной суффиксации отмечены новг. *волмяг*

³¹ Ф. П. Филин [1958: 591] пишет: «На территории Новгородчины я насчитал около десятка топонимических названий: Вólмино (несколько деревень), Вólминка (две деревни и

‘заросли ивняка’ [СРНГ 5: 43], ‘низкое, нетопкое место с ягодами и кустарником’, ‘завалы деревьев после бурелома’, ‘молодой лес, растущий на вырубках’, ‘густой дикий лес’ [Строгова 1991: 22], геогр. **Волмяг** — заросшее болотистое место в Вол. р-не, **Волмяга** — место на левом берегу *Волмы* (!) в Кр. р-не [НОС 1: 132—133]. В новг. и многих других русских говорах слова *волмя́жка*, *волмя́жник*, *во́лменка*, *во́лминка* и т. п. имеют производные от ‘кустарник’, ‘ивовый кустарник’ значения ‘ягоды кустарника’, ‘гриб волнушка’, ‘вид травы’ и др. [Там же; СРНГ 5: 42]. Новг. *волмина* и другие однокоренные слова возводят к лат. *ulmus* ‘вяз’, которое Ф. П. Филин привлекает для реконструкции др.-новг. **вълмь* ‘ива’. Исследователь полагает, что, возможно, «древненовгородский диалект сохранил одно из древнейших названий ивы, восходящее к эпохе диалектного членения индоевропейского языкового сообщества» [Филин 1972: 554—555].

В Белоруссии терминология от *волм-* (< *вълм-*) больше связана с рельефом, нежели с растительностью. По В. А. Жучкевичу, блр. *волмище*, *волмина* ‘заросший кустарником залив реки, часть староречья’, иногда ‘понижение в пойме’. «В 1920—30-х годах в Белоруссии слово применялось в таких примерных контекстах: “Волміну кругом абкасілі” или “Здаецца сенажаць і вялікая, а як волмішча выкінеш, то і мала застанецца”» (Минский и бывший Заславский р-ны) [Жучкевич 1974: 56]. По И. Я. Яшкину, блр. *во́лмина* ‘котловина, сырая впадина с травой’, *валмо́* ‘впадина, углубление’, там же дер. *Волма* [Яшк. БГН: 32, 37]. Новгородские лексемы с основой *волм-*, обозначающие обычно иву, густой кустарник, безусловно связаны метонимической переходностью значений с соответствующими белорусскими лексемами, указывающими на низменные места, поскольку ива — растение низинных мест.

Таким образом, само формальное тождество основ геогр. *Волма* и апеллятивов от *вълм-* (< **ulm-*) позволяет поставить вопрос об их этимологическом тождестве. Семантическая мотивировка при этом вполне естественна: название указывало на прибрежные низинные заросли, ивовый кустарник вдоль реки, а далее перешло на саму реку. Гидроним оформлен по архаической деривационной модели, в соответствии с которой «речная» флексия *a* берет на себя функцию суффикса относительного прилагательного: *Волм-а* — ‘Ив-ов-ая’. Кроме того, что касается названия новгородской р. *Волмы*, весомым аргументом в пользу деривационной связи с апеллятивами от *вълм-* служит изосемантическое название смежной р. **Веретье**, п. пр. Волмы (совр. варианты *Веретья*, *Веретушка*, по [СНМНГ IV: 105] также *Верейка*, по писцовой книге 1538/39 г. — *Верeba*, *Верebна*, ср.: «деревня Выдрино на реке на *Верebне*» в Усть-Воломском пог. [ПКНЗ 4: 13, 33]). По-видимо-

речка)». Полагаю, это явное несоответствие действительности, тем более, что автор не дает ссылок на источники. Проведенный мною по разным источникам обзор ойконимии и гидронимии, как новой, так и старой, не выявил на территории Новг. обл., как, впрочем, и на территории соседних областей Русского Северо-Запада, ни одной деревни и ни одной речки с такими названиями.

му, с названием этой реки связаны и средневековые геогр. *Верьбна* и *Вербеньева*, деревни в Усть-Воломском пог. около 1495 г. [НПК II: 350], = *Верба* дер. в Кр. у. конца XVIII в., см. [ИАДП I: 280]. Вариант *Верьбна*, отражающий диалектный процесс второго полногласия, соотносится с др.-рус. *вьрбньни* ‘вербный, ивовый’, а варианты *Верьбье/Верьбья*, как и средневековое *Верьба* (ср. и одноименную дер. *Верба*), восходят к др.-рус. собир. *вьрбье, вьрбие* ‘вербняк; заросли вербы — ивы, растущей обычно в долинах рек’, суффиксальная форма *Верьбушка* укрепились в более позднее время³². Общность семантики смежных новг. *Волма* и *Верьбье* позволяет считать, что между этими славянскими гидронимами возникли отношения, подобные метонимическому калькированию: новое название притока — *Верьбье* (*Верьба*) — «истолковывает» старое, архаическое название основной реки — *Въл(ъ)мь* (*Волма*), потерявшее мотивированность для многих диалектоносителей³³. Показательно при этом, что др.-новг. *Въл(ъ)мь*, похоже, сохраняло смысл собирательной формы (‘ивняк’), переданный и новому *Верьбье* (*Вер(е)ба*).

Появление геогр. *Волма, Волменское* в Вятской губ. допустимо объяснить колонизацией с древненовгородской территории. Однако к перечисленным выше межтерриториальным параллелям явно не имеют отношения геогр. *Волмаса*, или *Вельмаса* (иначе *Сольца*), п. пр. Посолки, л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 46], *Волмасна* р. в басс. Моломы в Орловском у. Вятской губ. [Vasm. WRG I: 351] (само наличие в них суф. *-(a)c-* выдает финно-угорскую языковую принадлежность³⁴); неславянским, видимо, является также название оз. *Волмозеро* (*Воломо*), из которого вытекает р. *Волома* в Медвежьегорском р-не Карелии [Григорьев, Грицевская 1959: № 704].

Волын-, Волыш-, Волун-

Волынь дер. на р. Вишера Савинск. Новг., ранее — дер. *Волынь* (*Становой Двор*) Никольской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 44—45]. Самое раннее сообщение о данном селении содержится в «Духовной грамоте новгородского посадника Ивана Лукинича» (70-е гг. XV в.), в которой посадник завещает землю, в частности, «надъ

³² Название *Верьбушка* охватывает только нижнее течение, а в среднем и верхнем течении река называется *Верьбья* или *Верьбье*. Ранее вариант *Верьбья* распространялся до самого низа реки; см. в источнике сер. XIX в.: «Волма, принимающая р. *Верьбью*» [ВСОРИ: 16], а более поздний вар. *Верьбушка* укрепился, видимо, под воздействием названия дер. *Верьбушка*, стоящей на реке примерно в 20 км от устья (само же название деревни в свою очередь производно от гидронима). Исконным, вариантом выглядит *Верьбье*, по которому названы оз. *Верьбье*, связанное с бассейном реки, и сел. *Верьбье* Верьбинск. Мал., ныне ж.-д. ст., близ реки.

³³ Факты метонимического калькирования между названиями смежных или близлежащих рек в регионе Новгородской земли обнаруживаются достаточно регулярно, см., например, пары *Стабёнка* — *Каменка, Порусья* — *Редья, Лидь* — *Песь* и др. (подр. см. в гл. 9).

³⁴ Среди прочего, здесь не исключена субстратная основа **velt-* (ср. и *Велма* р. в Карелии), которая, по мнению И. И. Муллонен [2002: 270—271], имеет саамский языковой источник.

Вѣшерою рекою село, гдѣ болшой мой дворъ и хоромы, на усть *Волыня* ручья и на горнем *Волыне* и на Локтѣ» Никольскому Островскому монастырю [ГВНП: 177, гр. 120; Янин 1990: 223—224]. Этот руч. *Волынь* фигурирует, кроме того, в «Купчей Есипа Ивановича у Ильи Осиповича на землю на реке Вишере» (60—70-е гг. XV в.), очерчивающей границы приобретенных земель: «...Завод земли по *Волынь* ручей великой, по *Волыню* вверх, а от верховья *Волыня* да в черной лѣсъ дрянь, а от устья *Волыня* ручья по Вѣшерѣ по реки вверх, от Вѣшерѣ реки по ручей по Боровой направо» [ГВНП: 175, гр. 116; Янин 1990: 223—224]. Таким образом, из грамот явствует, что геогр. *Волынь* первоначально относилось к ручью, пр. Вишеры, а позднее перешло на село «на усть *Волыня* ручья», продолженное в современной дер. *Волынь*. Значимость этого населенного пункта во 2-й пол. XV в. определяется находением в нем большого двора и хором новгородского посадника.

Этот известный древний топоним под Новгородом находит немало межтерриториальных параллелей, особенно в регионе Новгородской земли, главным образом в районах неподалеку от Ильменя (см. карту 9). Письменные источники 1849 и 1855 гг. сообщают о геогр. *Волынский* (*Волыни*) п. пр. Волхова в том месте, где тянется группа знаменитых Волховских (Пчевских) порогов, там же, при впадении ручья, значится коса *Волынская* [ВСОРИ; Судох. дор.: 180]. Недавно отмечено ур. *Волынка* в верховьях Луги вблизи дер. Мойка Бат. р-на [ЛЗап.: 2002 г.], которое, очевидно, идентифицируется с дер. *Волыни* под 1500 г., = дер. *Волынки* под 1568 г. в Успенском Сабельском пог. Вод. пят. [НПК III: 131; Селин 2003: 178]. Имеется *Волынка* как название речки, л. пр. Суйды, л. пр. Оредежа, п. пр. Луги [Шан. РЛЮ: 186]. По средневековым материалам известно о пожне *Волынская* в Свинорецком пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 513 (низовья р. Шелони), о дер. *Волок Волын* на р. Вруда в Никольском Ястребинском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 768] (среднее течение р. Луги), о дер. *Волыни* в Доворецком пог. Шел. пят. 1581—1582 гг. [Неволин 1853: 94 прил.], превратившейся к концу XVIII в. в пуст. *Волын* на р. Иловенке [Андрияшев 1914: 185]. В описании Холовского пог. Дер. пят. 1495 г. указана дер. *Вылыня* [НПК II: 438], с которой, согласно писцовой книге 1582/83 г., соотносится дер. *Волынешы*, локализованная на рч. Винке, л. пр. Холывы (см. [Анкудинов 2000: 130, № 8 к рис. 2, 132, № 29 к рис. 4]), по материалам Ген. меж. конца XVIII в. здесь значилось селище *Волынина* Кр. у. [ИАДП 1: 288]. Ранняя запись *Вылыня* фиксирует «акающее» (с редукцией *о > ы*) произношение формы *Волыня*, а *Волынешы* воспроизводит форму *Волынице*/*Волынищи*.

За пределами области новгородских пятин фиксируются сравнительно нечастые топонимические параллели, рассеянные на значительной территории. Их составляют геогр. *Волынь*, название острова, а также мыса на Жижицком озере в Куньинском р-не Пск. обл. [Попов 1981: 159], в Белоруссии — *Валына* хут. в Глыбоцком р-не Витебской обл. и, видимо, *Валіньскі Масто́к* ур. близ дер. Ламавичи в Октябрьском р-не Гомельской обл. [Мікратапанімія: 38, 39], оз. *Волынец*, *Волынец Северный* и *Волынец Южный* в Полоцком р-не Витебской обл. [Озера Беларуси: 2], в Поочье — *Волынь* р. (на реке средневековое сел. *Волынь*), далее *Волыновский* и

Валынов, овраги (Среднее Поочье), *Волынка* и *Валынка*, рр. среди притоков Клязьмы, *Волынский* овраг среди притоков Цны [Смол. ГБО: 73, 93, 149, 162, 204, 249]; в басс. Днепра — *Волынь*, л. пр. Ветьмы, л. пр. Десны, *Волынец* / *Волинец* п. пр. Псла, л. пр. Днепра, *Волынка* / *Волинка* п. пр. Днепра, *Волынка* п. пр. Убеди, п. пр. Десны, л. пр. Днепра (и здесь же сел. *Волынка* / *Волинка* в Черниговской обл.), села *Волинське* в Сумской и Львовской обл., по: [СГУ: 118—119; Машт. Днепр.: 77; Топоров, Трубачев 1962: 64, 217; ЕСЛГПР: 34]. Указывают еще дер. *Волынцево* неподалеку от Твери и дер. *Волыново* в Ржевском р-не Тверской обл. [Воробьев 2005: 80], село *Волынцы* в Киевской земле [Нерознак 1983: 48] и у западных славян чеш. геогр. *Volyně* (нем. *Wollein* под 1679 г.), польск. *Wolin* гор. и остров в Щецинском воеводстве (или *Wulinensis ciuitas* 1140 г., *Wolyn* 1188 г. и др.; нем. *Wollin*) [Фасм. ЭСРЯ I: 347; Rospond 1984: 432; Rymut 1987: 270; Hosák, Šrámek MJMS II: 54]. Наконец имеется др.-рус. *Волынь*, гор. на берегу Западного Буга (немного западнее гор. *Владимир-Волынский* в Волынской обл. Украины), отмеченный в «Повести временных лет» впервые под 1018 г., здесь же местность *Волынь* (ср. под 1077 г.: «Всеволодъ же [иде] противу брату Изяславу на *Волынь*») [ПСРЛ I: 143, 199] и *вельняне*, жители данной исторической области в рассказе о расселении древнерусских племен [Там же: 11, 13].

Последнее — др.-рус. *Волынь*, название города и исторической области на севере Украины, является самым известным в представленном списке топсоответствий (поэтому не исключено, что некоторые из перечисленных топонимов закрепились в конечном счете благодаря отражению в том или ином виде этого функционально активного названия). Имеется свыше десятка этимологических объяснений др.-рус. *Волынь*, но убеждающего всех решения так и не найдено, см. собрания этимологий в [Фасм. ЭСРЯ I: 347; ЕСЛГНПР: 34; Никонов 1966: 89]. Название украинской *Волыни* возводили к слав. *вол* с объяснением «воловьа страна» (Эльи), к лит. *uolà* ‘скала’ (Кухарский), к герм. **walhōs*, родственным наименованию волохов (Шахматов), к польск. *wol* ‘птичий зоб’ с первоначальным значением ‘холмистая страна’ (Ильинский); все эти объяснения, по мнению М. Фасмера, сомнительны или неприемлемы хотя бы ввиду наличия древнерусских форм с *e*, таких как летописные *Велынь*, *вельняне* [Фасм. ЭСРЯ I: 347]. Р. Мароевич считает украинский топоним посессивным производным при помощи суф. *-ь* (или *-jь*) от др.-рус. прозвища *Volуѣа*, которое, в свою очередь было произведено от апел. *воль* и имело, вероятно, пейоративное значение [Маројевић 1985: 97—98]. Умаляет убедительность антропонимической версии в наибольшей степени то, что такое прозвище не обнаружено, а отсылки к личн. *Воль*, производному *Волынкин* (Ивашко *Волынкин*, тобольский казак, 1676 г. [Туп. СДЛСИ: 508]) недостаточны³⁵. Неправдоподобно построение Г. А. Хабургаева [1979: 179—181]: геогр. *Волынь* (**Volūn-j-os*) образовано с помощью посессивного суф. **-j-* и чередования корневых гласных

³⁵ Личн. *Волынкин* отсылает к прозвищу от *волынка*, обозначению музыкального инструмента, которое появилось благодаря распространению в украинской области *Волынь*.

от *вельнь* (**vĕlŋnĭsʔ*), племенного имени носителей еще зарубинецкой культуры начальных веков н. э., соответственно, этот топоним раскрывается с первоначальным значением ‘город *вельни*’ (!). Согласно С. Роспонду, др.-рус. *Волынь* / *Вельнь* наряду с польск. *Wolin* восходит к праславянскому корню **vol-/vel-/vĕl-* ‘мокрый, сырой, влажный’ [Роспонд 1972: 12; Rospond 1984: 432], данная версия считается наиболее приемлемой также и в [ЕСЛГНПР: 34]. З. Голомб толкует данный топоним как ‘подвластная земля’, связывая его с корнем праслав. **velĕti*, рус. *велеть*, как и с праслав. **volstv*, рус. *волость* и т. п. [Gołąb 1992: 237—238]. Этимологии Роспонда и Голомбы являются корневыми и поэтому не могут считаться убедительными в полной мере. Иногда в др.-рус. названии украинской Волыни видят глубокие индоевропейские истоки, к примеру, его сравнивали с др.-инд. *Váruna-*, именем индийского бога [Топоров 1993: 112, прим. 122]. В сходном этимологическом ключе рассуждает О. Н. Трубочев, не отрицая возможности родства др.-рус. *Вельнь* / *Волынь* и др.-инд. *Váruna-*, он пишет: «Мы, как будто, имеем право говорить о праславянском имени *Velunʔ* ‘божество низин’, во многих отношениях (в том числе формальном) парном к праславянскому **Perunʔ*»; в этот же этимологический ряд им помещены хетт. *uĕllu-* ‘пастбище, луг (умерших)’, лат. *valles*, *vallis* ‘холм’, польск. геогр. *Wawel* (со значением ‘холм’), рус. *увал*; вместе с тем он допускает, что для формы *Вельнь* / *Волынь* «возможно, более архаично название долины, равнины, восходящее к и.-е. **uel-n*» [Трубочев 2002: 428—430].

Мифологические трактовки данного топонима страдают излишней зыбкостью, неопределенностью (как, впрочем, и мифологические объяснения топонимии вообще, зачастую ненадежные даже при наличии прямых теонимических коррелятов). Общим же недостатком всех приведенных трактовок являются очевидный неучет (недоучет) и заметная недооценка параллельных топонимических данных при безусловном доверии к топонимическим свидетельствам древнерусской летописи. Исследователи сосредоточивались лишь на названии украинской *Волыни*, древнерусского города и области, трактуя его изолированно, тогда как это название, как показывает изложенный выше материал, имеет немало достоверных параллелей на территории восточных и западных славян, и в этом отношении оно не имеет принципиальных отличий от иной топонимической архаики, локализуемой преимущественно в периферийных областях раннеславянского расселения. Довольно ранние (XV—XVI вв.) письменные фиксации таких названий в регионе Новгородской земли и в Поочье являются в некотором роде гарантией того, что в большинстве случаев названия с основой *Волын-* возникли спонтанно, во всяком случае независимо от др.-рус. *Волынь* по течению Западного Буга.

Общий взгляд на массив названий с основой *Волын-* со стороны денотативной позволяет возвести их к первоначальным апеллятивам со значением скорее орографическим, «рельефоописательным». Семантический признак рельефа был и остается одинаково важным в моделях номинации как водоемов, так и селений. Именно такого типа апеллятивная семантика способна мотивировать появление *Волын-*названий, принадлежащих разным онимическим классам: они и гидро-

нимы, и исконные ойконимы, не являющиеся дублями смежных гидронимов, и собственно оронимы — названия местностей. Есть основания видеть в исходной лексеме обозначение возвышенности, и в этой связи нельзя пройти мимо сообщения А. И. Попова о еще сохраняющейся апеллятивной семантике оронима *Волынь* в диалектной речи жителей Куньинского р-на Пск. обл.: «Волынь означает в местном говоре гору, высокий холм» [Попов 1981: 165]. Данному сообщению, обойденному словарями, можно доверять, ибо Попов превосходно знал здешние места (окрестности Жижицких озер), наблюдая за местной речью и топонимией более полувека.

Существенно отметить, что топонимические архаизмы *Волынь* и т. п. поверяются отдельными апеллятивными коррелятами равной структуры (*волын-*), которые ни в коей мере не могут быть образованы от названия украинской Волыни (в отличие, например, от *волынка* как обозначения музыкального инструмента, или *волына* — сленгового обозначения револьвера, или глагола *волынить*). Эти равноструктурные корреляты задают направление дальнейшим этимологическим поискам. Ср. арх. *волынь*, *волынка*, *волыня* ‘наrost, утолщение на стволе дерева’ (Карг., Плес., Кон.) [АОС 5: 69; СГРС II: 177—178], *волынье* ‘то же’ (Карг.), волог. *волыня* ‘то же’ (Кир.), а также ‘шишка, волдырь’ (Кир.), арх. *волын* ‘ряд, валок скошенной травы или льна, расстеленного для просушки’ (Прим.), *волынка* ‘гриб валуй’ (Котл.) [СГРС II: 177—178], *волыnek* ‘то же’ (Котл.), *волыня*, *волынья* ‘вздутие на кожном покрове’ (Карг.) [АОС 5: 69], олон. *волынка* ‘опухоль, нарыв’ (Карг., 1885—1898), бранное *волынки* ‘глаза’ (Пудож., 1852) [СРНГ 5: 83] (второе — слово-экспрессив — связано с первым по признаку выпуклости, ср. *выпучить глаза*). Сюда же относится новг. *волыш* ‘желвак, шишка’: «Позакожные пошли *волыши*, желвакам тело взялось» (Хв.) [НОС I: 135], арх. *волыш*, арх., волог. *волышка* ‘шишка от ушиба, волдырь от укуса, прыщ и т. п.’ [СГРС II: 178], явно производные от *волын* с таким же значением (к соотношению этих двух форм, отражающему морфологическое чередование *n//ш*, ср. *бараши* и *баран*, *кармашек* и *карман*, *окно* и *окошко*, *рамень* и *рамешина*, диал. обозначения леса, и др.). С апел. *волыш* на новгородской территории нужно сравнить геогр. ***Волышѣво*** дер. южнее Старой Руссы, Утушкинское с/п. Перечисленные апеллятивы объединяют геогр. *Волынь* далее с рус. диал. *воль* ‘опухоль, нарыв, шишка от ушиба, наrost на теле’ (Олон.), ‘расширение ствола березы от наплыва’ (Лодейноп. Ленингр.), смол. *воля* ‘увеличившийся большой зуб’ [СРНГ 5: 83, 88], блр. *воля*, *волье*, *воле*, *воло* ‘зоб’, укр. *воло* ‘зоб; жирный подбородок; подгрудок (у быка)’ [Грінч. СУМ I: 250], сербохорв. *вѡља* ‘зоб у птицы’, чеш. *vole* ‘struma’ с производными *volavý* и *návolavý* ‘горбатый’, польск. ‘птичий зоб’ и т. п. лексикой (подр. дана в [Фасм. ЭСРЯ I: 348]). Следовательно, при объяснении геогр. *Волынь* оптимально, на мой взгляд, вернуться еще раз к старой этимологии Г. Ильинского, сближающего данное название с обозначением птичьего зоба, к чему склоняется и Л. В. Куркина, которая предполагает для праслав. **vol-* семантическое развитие ‘неровность, округлость’ > ‘утолщение (зоб, наrost)’ и ‘изгиб’ и не исключает, что соответствующий апеллятив со значением ‘неров-

ность' лежит в основе рус. геогр. *Волынь*, словен. *Volava*, сербохорв. *Voluja, Volujak* и др. [Куркина 1992: 69—71].

С геогр. *Волынь*, очевидно, нужно сблизить также новг., волог. *валынки* со значением не совсем, правда, надежным — 'небольшие земляные насыпи, валики' (поясняют как «уменьшительное от вал»: «Уж ты улка, ты улка моя, широка улка, распаханная, чем улица изукрашенная? Не валами, не *валынками* — молодцами все, девицами» (Кирил. Новг. + Тихв. Новг.) [СРНГ 4: 32]. Поскольку место удара не указано, можно предполагать здесь обозначение возвышенности *волынка*, вторично сближенное с *вал* (ср. в сопредельных районах Каргополя, Пудожья *волы́нка, волы́нки* в соматических значениях 'опухоль', 'глаз'), — все вместе эти слова суть свидетельства сохранения праславянской лексемы на севернорусской диалектной периферии. Есть, однако, и сев.-рус. *вал* 'нарыв; подкожный чирей' (Белозер. Новг.), 'волдырь' (Тотем. Волог., Вят.), 'опухшее место, рубец, желвак от удара или ушиба' (Пенз., Волог.), 'шишка на голове' (Вожгал. Киров.) и смол. *валё, вальё* 'зоб', 'живот', сюда же еще *валок* 'нарост, бугор на дереве (обычно на месте обломанных сучьев)' (Арх.), новг. *ва́льшек* 'внутренняя, плохо свернутая часть капустного кочана; маленький кочан капусты' (Ямб. Петерб.) [Там же: 20, 21, 29, 32], которые родственны (связаны количественным чередованием) с приведенными выше *воль, вóля* и т. п. обозначениями.

Стоит обратить внимание на то, что межтерриториальные соответствия, исторические и современные, с основой *Волын-*, удостоверяющие как функционирование рассматриваемой топонимии, так и возможность ее варьирования, не показывают варианта топоосновы с буквой «е»: *Велын-*. С единообразным рядом топонимических параллелей на разрозненных территориях диссонирует только топоним *Волынь / Велынь* в Побужье и соотносимое с ним наименование восточнославянского племени. Древнерусские летописи обычно фиксируют этот топоним в варианте *Волынь*, который присутствует и в самом раннем, Лаврентьевском, списке, в летописях, переписанных позднее (Ипатьевской, Ермолинской, Воскресенской), наряду с ним, встречается также вариант *Велынь, Велыньская земля*, см. [ЕСЛГНПР: 34]. Для древнерусских переписчиков основы *Волын-* и *Велын-* были совершенно равноправны и взаимозаменяемы настолько, что они легко чередовали их на страницах одной летописи или даже в одном летописном фрагменте. Например, Ипатьевская летопись повествует под 898 г. о *Волынской земле*, но под 1174 г. — о *Велынской земле* [ПСРЛ II: 18, 576—577], в Воскресенской летописи под 1282 г. сообщается: «ведена въ *Велынь* дщи Ярослави Ярославича Тверского за князя Юрья *Волынскаго*» [ПСРЛ VII: 176], в Московском летописном своде конца XV в.: «Придоша послы въ Новгородъ от митрополита *Велыньские* земли (...) и поиде (...) на рожество предтечево въ *Волыньскую* землю» [ПСРЛ XXV: 170]. Безусловно, для поздних переписчиков главными были варианты с основой *Волын-*, подтверждаемые устно-разговорной нормой произношения этих имен, основу же *Велын-* они сохраняли на протяжении столетий по письменной традиции, зародившейся в далеком прошлом. Появление основы *Велын-*, изолированной на

фоне межтерриториальных повторений *Волын*-названий, не подтверждаемой живым произношением и апеллятивными коррелятами, сомнительно объяснять, вопреки Кухарскому, влиянием названия р. *Велья/Вьяля*, пр. Горыни. Скорее основа *Велын*- должна считаться реликтовым образованием от утраченного славянскими языками глагольного корня **vel-* при том, что соотносительный с ним именной корень (праслав. **vol-* ‘неровность, округлость’) [Куркина 1992: 70] дал основу *волын-*, *Волын*- многих славянских апеллятивов и топонимов³⁶. Корень **vel-* остался в балтийских языках, ср. лит. *velti* ‘валить, катать, бить’, лтш. *velt* ‘то же’. По иной версии, основу *Велын*- допустимо считать результатом нерегулярного фонетического сдвига, случайно закрепленного орфографией, конкретная причина которого не очевидна³⁷. Если так, то это отклонение появилось в самой ранней редакции «Повести временных лет», не дошедшей до нас, и характеризовало не топоним, а производное от него обозначение людей. Именно поэтому среди летописных фиксаций основа *Велын*- более заметна в производных формах (*вельняне* и в более поздних летописях *Велыньская земля*). Последующие поколения переписчиков восприняли и закрепили это случайное написание как норму, отчасти распространив его и на сам исходный топоним (*Велынь*). Тиражирование ошибочных написаний, приобретающих благодаря этому значение самостоятельного фонетического факта, хорошо известно³⁸, и при исследовании исторической ономастики, фонда «отчуждаемой лексики», данное обстоятельство приходится всегда учитывать.

В плане деривации топонимов *Волынь*, похоже, следует трактовать как расширенную суффиксом *-н-* праслав. этимологическую **-ŷ-*основу. Вариантную структуру показывает старописьменное новг. геогр. *Волуна* дер. Дубровенского

³⁶ Ср. аналогичные варианты в обозначениях травы полыни, такие как рус. *полынь* и др.-рус. *пелынь* [Срезн. МСДРЯ II: 894—895], представляющие равноправные образования с суф. *-ынь* от вариантов **pol-* и **pel-* одного и.-евр. корня, отраженных, например, в рус. *полено*, *пламя*, *пепел* и др. [Фасм. ЭСРЯ III: 234, 273, 308; Черн. ИЭССРЯ 2: 20, 38].

³⁷ Здесь уместно вспомнить о древнерусской соотносительности фонем *e* — *o* по признаку лабиализации, что создавало основу для их взаимозамещения; ср., например, рус. *волот*, но укр. *велет* ‘богатырь’, общерус. *хоругвь*, но диал. *херугвь*. Подобный случай неустойчивости букв «o» и «e» прослеживается по написаниям топонима *Солунь*, родине «солунских братьев» — первоучителей Кирилла и Мефодия. В Лаврентьевской летописи этот топоним воспроизводится в виде *Селунь* при том, что более ранней и исходно-этимологической формой является все-таки *Солунь*, ср. ст.-слав. *солуѣнь* в Супр. рук., макед.-рум. *Saruna*, греч. *Θεσσαλονίκη* [Фасм. ЭСРЯ III: 715], совр. *Салоники*, *Фессалоники*.

³⁸ Ср., например, устойчивое воспроизведение разными памятниками новгородской письменности XVI—XVII вв. некорректной предположно-падежной формы «на *Волоти*» (с метатезой, не существовавшей в живой речи, но рожденной при переписывании) вместо «на *Ловоти*» (см. [НПК IV: 460; ПКНЗ 4: 172, 173; ГВНП: 166, 169; ППКСР: 216, 221] и др.) или тиражирование в течение XV—XVIII вв. сугубо «письменных» топонимических вариантов *Демон*, *Деман* при том, что в народной речи фонема *m* в этом названии всегда оставалась мягкой (подр. см. в гл. 9).

пог. Шел. пят. 1498 г.³⁹, = дер. *Волуни* под 1576 г., которая уже «пуста, лѣсомъ по-росла» [НПК IV: 185, 187; V: 669, 672], сегодня — дер. *Валуни* Порх. р-на к северо-западу от Порхова. Указывалось еще *Волуна* как приток Ильменя и *Волуна* (Мест. ед. *Волуне*) р. в Рузском р-не Московской обл. [Vasm. WRG I: 359], хотя оба эти свидетельства очень сомнительны⁴⁰.

ВРЕВ-, ВРѢВ-, ВЕРЕВ-, УРЕВ-

Врёво крупное оз. в окрестностях гор. Луга Лен. обл., указанное впервые под 1498 г.: «дер. Бродь на *Вревѣ* озерѣ» при описании Дремяцкого пог. Шел. пят. [НПК IV: 133], затем под 1538/39 и 1550/51 гг. как оз. *Врево*, иначе *Воврево* [ПКНЗ 6: 1, 99—101, 103, 109, 110, 117]; рядом с этим озером, в Петровском пог., значилась дер. *Врѣво* 1498 г. [НПК V: 26]. Неподалеку протекает рч. *Врѣвка*, или, по собранию Д. Ф. Шанько 1929 г. [Шан. РЛЮ: 180], — *Веревка*, л. пр. Луги, связанная с оз. Врёво гидрографически, хотя и опосредованно, через цепь других водоемов: оз. Врёво по протоке Быстрица стекает в оз. Черемнецкое, имеющее сток по протоке Ропотка в оз. Большое Толони, из которого начинается рч. Врѣвка. Следовательно, названия водоемов явно соотносительны, причем *Врѣвка* скорее трактуется как результат переноса лимнонима *Врёво*. Кроме того, рядом имеется еще одна рч. *Вревка*, непосредственно впадающая в оз. *Врёво* [Там же: 189], название которой опять же объяснимо лимнонимом.

Врёво дер. Дн. р-на на рч. Белке, п. пр. Шелони, по спискам селений 1885 г. (сведения 1872—1877 гг.), числилась в Бельской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 10968]. В том же Порх. у. была другая дер. **Вревка**, иначе — *Релка*, при колодце в Лихачевской вол. [Там же: № 10994]. Иных исторических сведений об этих пунктах не найдено.

Переписная книга Вод. пят. отмечает в Ижерском пог. под 1500 г. дер. **Вре-ва** на р. Ижере, иначе *Рева* («въ деревнѣ въ *Ревѣ* на рѣцѣ на Ижерѣ»), рядом с ней дер. *Горка на Вреве* на Ижере и там же рч. *Врева* («Деревня Кормильцово на рѣчкѣ на *Вревѣ*») [ПКВод 11: 406, 407, 427, 428]. Средневековые пункты продолжены скорее всего в совр. дер. *Большое Верево*, *Малое Верево* (рядом с ними и ж.-д. ст. *Верево*) Гатч. р-на на рч. *Веревка*, л. пр. Ижоры, л. пр. Невы; к этой речке, в свою очередь, приравнивается средневековая рч. *Врева*. Совр. варианты названий

³⁹ Под 1498 г. этот пункт указан дважды: в форме номинатива *Волуна* и далее по тексту писцовой книги, на следующей странице (стлб. 187), в форме локатива: «въ деревнѣ въ *Влунѣ*». Вторая запись — небрежность писца (надо: *въ Волунѣ*), отразившая случайный фонетический сдвиг гласной *o* из топоосновы в предлог: [*вол-*] > [*овл-*].

⁴⁰ Все другие известные мне письменные и картографические материалы реки *Волуна*, впадающей в Ильмень, не отмечают. Что касается *Волуна* в Подмосковье, то это, по-видимому, некорректная передача названия р. *Волиня* басс. Рузы.

деревень и реки явно испытали сближение с диал. *vérevo*, *vérvá* ‘толстая просмоленная нитка; дратва, веревка’ [СРНГ 4: 123, 126]).

Средневековая письменность фиксирует еще несколько новгородских ойконимов на *Врев-*, со временем забытых. Дер. **Вревка** на р. Луге числилась в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. под 1500, 1539/40, 1582 гг., но экономические примечания к плану Луж. у. конца XVIII в. отмечают на месте деревни уже пуст. *Вревка*, см. [Селин 2003: 159]. Дер. **Врева** отмечена под 1539 г. в Бельском пог. Шел. пят. [НПК IV: 418], а книга 1576 г. в этом же погосте указывает дер. **Врево** (*Врева*), рядом с дер. «*во Вреве*» и поч. *Вревка* [НПК V: 625, 626, 628, 632].

Кроме того, некоторые названия на *Врев-* локализуются непосредственно у границ области пятинного деления Великого Новгорода. Среди них лимноним *Врёво* оз. басс. Ловати со стоком в р. *Реввица* (по [Шан. РЛЮ: 144] — *Реввица*), п. пр. Сережи, п. пр. Куньи, п. пр. Ловати, к югу от гор. Холм Новг. обл. На северном берегу озера стоит дер. *Врево* Краснополецк. Тор., а по материалам писцового описания Торопецкой земли 1540/41 г. в данной местности значилось селище *Врево* Казаринской вол. [ПKNЗ 4: 594]. У бывшей юго-западной границы Шел. пят. течет р. *Ревка* л. пр. Уды, п. пр. Сороти, п. пр. Великой, которая в материалах 2-й пол. XIX в. по Новоржевскому у. Пск. губ. именуется *Вревка* [Vasm. WRG I: 387]. Этот же вариант гидронима фигурирует и в XVI в.: писцовая книга по Пусторжевской земле 1583 г. отмечает дер. Горка, Крутошка, Грани, Костоломово и др. на р. *Вревка* [Янин 1998: 144, 146, № 246, 247, 258, 261, 272], тогда как современный атлас Пск. обл. указывает эти пункты (дер. Большая Горка, Малая Горка, Крутошки, Грани, Костолом) на рч. *Ревка*. Списки 2-й пол. XIX в. сообщают также об оз. *Врево* где-то в Гд. у., см. [Vasm. WRG I: 387].

Из рассматриваемой топонимии, конечно, наибольшую историческую известность приобрело название древнего гор. *Врев* к югу от Пскова. Город и его жители, *вревичи*, отмечен под 1426 г. в 1-й и 2-й Псковских летописях [ПСРЛ IV: 204; V: 25], в списке древнерусских городов, созданном в конце XIV в., отнесен к числу Залесских [ПСРЛ VII: 241]. По данным псковских писцовых книг 1585—1587 гг., в XVI в. псковский «пригород» *Врев* считался уже городищем, не имевшим наместничьего двора, но значился центром Вревского у. [Янин 1998: 127—128; ПОС 5: 37]. Расположен у оз. *Вревское* и рч. *Вревка*, о которых письменность сообщает с конца XVI в., см. [ПОС 5: 37]. Сегодня на месте средневекового города осталась дер. *Врёв* Островского р-на рядом с рч. *Врёвка*, п. пр. Великой, которая в XIX — нач. XX в. именовалась еще *Вревка* [Шан. РЛЮ: 201].

Таким образом, перечисленные названия имеют отчетливо выраженное региональное распространение: они концентрируются в бассейнах рек Луги, Плюсы, Великой, Шелони и Ловати, исторически — во владениях древних Новгорода, Пскова и Торопца. Отчасти эти названия, архаичность и непродуктивность которых не вызывает сомнений, уже привлекали внимание исследователей.

А. А. Зализняк [2004: 52] допускает возможность этимологического отождествления извлеченной из НПК топонимии *Врево*, *Врева*, *Вревка*, с одной стороны,

и *Веревка*, *Веревкино*, с другой. Названия на *Врев-* можно, по его гипотезе, связать со славянским обозначением веревки, если предположить отражение ими специфически др.-новг. рефлекса типа *TroT*. В соответствии с данным рефлексом основа исходного слова **вьрв-* (др.-рус. *вьрвь*) приобрела бы облик **вьрв-* и затем *Врев-*, тогда как в общерусском использовании закрепился рефлекс второго полногласия: **вьрв-* > **вьръв-* > *верев-*, *Верев-*. В. Н. Топоров [2001: 17], обращаясь к псковским геогр. *Вревка*, *Врев*, предполагает в них балтизм (из балт. **Virv-*) и сравнивает с лит. названиями рр. *Virvytė*, *Virvyčiai*, *Virva*, сел. *Virvagaliai*, латг. *Virvelas*, *Virvjali*, *Verliškas*, *Вревели* и др. Следовательно, объяснение Топорова тоже исходит из обозначения веревки, но уже на балтийской языковой почве, поскольку приведенные им примеры легко трактуются по связи с лит. *virvė*, лтш. *virve* 'веревка' (близкородственными, кстати говоря, слав. **вьрвь*). Иначе думает В. П. Нерознак [1983: 50] по поводу названия древнепсковского гор. *Врев*: «Вероятно, от др.-рус. *врѣти*, *вьрѣти* 'кипеть'», не вдаваясь в детали более полного и тщательного обоснования этой идеи, как выяснилось впоследствии, весьма перспективной. Из такой же мысли исходит С. Е. Мельников, псковский журналист и краевед, который пишет об имени сел. *Врев* следующее: «“Врев” — ключ-кипун, родник. “Вреть” по-древнерусски значит кипеть» [Мельников 1984: 40]. Впоследствии А. М. Мурзаев, повторяя Мельникова, в своем словаре географических терминов ошибочно дает пск. термин *врев* 'ключ, кипун, родник' [Мурз. СНГТ 1: 138]. В авторитетных собраниях диалектной лексики Русского Северо-Запада (ПОС, НОС, СРНГ, СРГК и др.) такого слова, однако, не найти, псковские и новгородские говоры его, по-видимому, не знают. Похоже, это псковское слово появилось в результате восприятия географического названия в качестве географического термина.

Мнение о топооснове *Врев-* как о балтизме сомнительно уже хотя бы потому, что балтизмы ожидаемы либо единично, либо спорадически в разрозненных точках значительного балтийского этноисторического пространства в Восточной Европе; здесь же налицо систематическая совокупность фактов ограниченного новгородско-псковского ареала. Фонетический аспект тоже уязвим: преобразование *Врев-* из балт. **Virv-* на славянской почве нерегулярно и требует допущения. Трудно согласиться также с мыслью о становлении топоосновы *Врев-* из др.-рус. *вьрв-*: остается открытым вопрос, почему в рассматриваемом случае особый др.-новг. фонетический процесс отразился только в топонимии, тогда как нет ни одного примера проявления его в исходных апеллятивах-мотиваторах; новг. бер. гр. № 133 (нач. 80-х гг. XIV в.) сохранила лишь словоформу «*вървекви*» [Зализняк 2004: 599] в привычном полногласном облике.

Впрочем, мотивационную связь топонимии на *Врев-* с обозначением веревки отрицать нельзя, если судить по вариантности геогр. *Врѣвка* и *Верѣвка*, *Врева* и *Вревка* применительно к рекам в течениях Луги, Великой и Невы, *Врева* и *Верево* применительно к деревням в Гатч. р-не (см. выше). Но связь эту следует признать не этимологической, а «народно-этимологической», поскольку вар. *Верѣвка* во всех случаях — побочное приращение позднего времени на фоне издревле зафик-

сированного основного вар. *Врёвка*. Сближение с *верёвка* выглядит естественным не только благодаря фонетическому сходству, но и потому, что в регионе Новгородской земли с этим словом действительно могут быть так или иначе соотнесены некоторые топонимы, как, например, название р. *Верёвка*, впадающей в оз. Боручье басс. Мсты (Ок. р-н)⁴¹.

Если обратиться к этимологии названий на *Врев-/Връв-*, следует вести речь о географическом термине, который появился и функционировал в др.-слав. говорах будущих Псковской и Новгородской земель (в западной части последней) и был закреплен в качестве географических названий, чаще гидронимов, на данной территории. Этот диалектный термин видится образованием от др.-рус. *вьръти*, *вьрю* ‘кипеть’, ‘бурлить’, ‘колебаться’ [Срезн. МСДРЯ I: 321; СлРЯ XI—XVII 3: 110]. Детали деривации, впрочем, не очевидны, есть две возможности объяснения. Если ориентироваться на вариант топоосновы *Врев-*, обычно фиксируемый в исторической документации, то можно вести речь о редком архаическом образовании с суф. *-ев-* (< *-ов-*) от основы наст. вр. глагола *вьръти*. Структурно-словообразовательным аналогом видится др.-рус. *дешевъ*, рус. *дешевый*, возводимое к *десити*, *дешю*, ср. ст.-слав. *десити*, *дешж* ‘находить, встречать’, сербохорв. *удѣсити* ‘направить, наладить’ и др. [Фасм. ЭСРЯ I: 505, 509; Черн. ИЭССРЯ I: 247—246]. Если же иметь в виду единично представленное *Връво* в писцовой книге 1498 г., то появляются основания говорить о присоединении суф. *-в-* к основе прош. вр. на *-ѣ*-исходного глагола. В пользу этой версии свидетельствует наличие польск. *wrzawa* ‘шум, гам, суматоха’, чеш. *vřava*, болг. *врява*, сербохорв. *вьрева* ‘давка, сутолока’, на основе которых была реконструирована структура **вьрѣва* как производная от **вьрѣти* [Vaillant 1974: 716]. Современные формы рассматриваемой топонимии, как и средневековые, тоже показывают двойственность огласовки, ср. приведенные выше *Врёво оз.*, *Врёвка р.* в Луж. р-на, *Врёво дер.* Дн. р-на и *Врёв* неподалеку от Пскова, соответствующие топооснове *Врев-* писцовых книг, наряду с *Врёво дер.* и оз. Тор. р-на в соответствии со средневековым *Връво*. В сущности, опираясь прежде всего на указанные западно- и южнославянские лексические факты, можно предположить, что и на новгородско-псковской территории первоначальной все же была топооснова *Връв-* (< **вьръв-*), но она очень рано, в большинстве случаев до XVI в., претерпела изменение *ѣ > е*.

Это прилагательное архаического типа, первоначально имевшее тесную связь с мотивирующим глаголом *вьръти* ‘кипеть’, ‘бурлить’, очевидно, обозначало в др.-слав. говорах Русского Северо-Запада, в отличие от других регионов Славии, качество места с омутом, водоворотом в водоеме или любого места, где клокочет, бурлит вода. На исконное адъективное качество топоосновы намекает и такая морфологическая ее особенность, как мена флексий по роду опорного термина, проявленная топонимией, ср.: *город* — *Врев*, *озеро* — *Врево*, *деревня* — *Врева*.

⁴¹ По мотивационной семантике ему соответствуют, например, названия рр. *Ужица* и *Оборля*, трактуемые благодаря диал. *ужица* и *обора*, *оборка* ‘завязка, веревка’ и др.

Номинации омутов, водоворотов, источников на базе праслав. **vbrěti* вообще достаточно регулярны (ср. праслав. **virь*, **jъzvorь*, различные продолжения которых знают все группы славян, сербохорв. *врело*, словен. *vrélec*, др.-рус. *в(ь)рутьць*, рус. ц.-слав. **врътъжкъ** и т. п., см. материал из [Толстой 1969: 212—213; Срезн. МСДРЯ I: 315; Васильев 2001a: 123—128; Фасм. ЭСРЯ I: 318, 362]), в рамках этой номинационной модели водные термины на **vbrъv-* (> *Vbrъv-/Vrev-*) выглядят лишь структурно-словообразовательной инновацией ранних славян новгородско-псковского ареала. Древнерусский облик топоосновы с редуцированной гласной средневековая письменность не сохранила не только потому, что соответствующие топонимы впервые фиксируются лишь в XV в., но, очевидно, и по той причине, что данная топооснова еще в древнерусскую эпоху потеряла мотивационную связь с глаголом кипения, клокотания *връѣти*, который, как представляется, рано утратил функционирование в русском языке и сегодня в русских говорах проявляется минимально, разрозненно и с иными значениями: диал. *вреть*, *врею* ‘принимать, приставать’ (Черепов. Новг., 1910 г.), ‘сильно потеть’ (Севск. Орл.) [СРНГ 5: 193].

Вместе с тем обнаруживается, что продолжения древнего псковско-новгородского прилагательного на **vbrъv-* не ограничиваются лишь совокупностью перечисленных топонимов. Потерявший смысловую связь с производящим глаголом, подвергшийся субстантивации, переживший фонетические трансформации, исходный адъектив продолжается в ряде народных терминов ландшафта. Основную группу этих терминов составляют лексемы с начальной *у*: *урёв* новг. ‘круча’ (Дем.) [НОС 11: 96], ‘пучина, вязкое место’: «Глубокая лужа, там и лес, там спускаешься, там и пучина, вязкое место» (Каменка, Дем. р-н, 1994 г.) [ЛЗап: 1994 г.], твер. ‘место слияния двух рек’ (Селижаровский р-н) [ТвК], ‘обрыв, овраг’: «Обрывы раньше звались *урёвы*» (Ржевский р-н) [ОСГКО: 270], моск. ‘место слияния двух речек или впадения реки в озеро’ (Загорский р-н) [Ив. СГП: 519], влад.-пересл. ‘место слияния двух ручьев, речек’, южн. ‘множество’, ‘гибель, пропасть, бездна’ [Даль ТСЖВЯ 4: 507], твер. *урёв* ‘глубокий и большой овраг’ (Сухая Орча, Молодотудский р-н, записи 1937—1940-х гг.), арх. ‘обрыв’ (Усыанско-Дмитриевское, Сев.-Двин., 1928 г.) [КСРНГ], забайкальск. ‘глубокое место около берега’ [Элиасов 1980: 428]. Сюда же еще твер. (осташковск.) *урёво* ‘овраг’ («так раньше звали», дер. Нежники) [КСРНГ] и *урёвый берег* ‘крутой берег’ [ТвК]. Данная терминология известна и в топонимическом преломлении: геогр. *Уревы* дер. Сиговск. Ост., *Урёв* ур. (база отдыха) на северном берегу Плещеева оз. в Переславском р-не Ярославской обл.

Анлаутный *у* в перечисленной терминологии и топонимии — результат лексикализации фонетического процесса *в > у* в позиции начала слова перед согласной: *урёв-*, *урёв-* < *врев-/врѣв-*. Процесс вокализации губной *в* характеризует говоры юга Пск. обл. (не севернее Опочки, Новоржева, Холма), запада Твер. обл. (не восточнее Осташкова, Ржева), всей Смоленской обл. и отчасти говоры более южных регионов, см. [ДАРЯ I: карта 57]. Таким образом, ландшафтные термины с осно-

вой *урёв-*, *урев-* возникли там, где на часть древнего лексического ареала *врев-/врѣв-* (< **врѣв-*) наложился фонетический ареал вокализации начальной губной согласной. Пересечение двух ареалов, очевидно, следует отнести к территории распространения современных западнотверских и южнопсковских говоров. Преимущественно на этой территории (западная половина Твер. обл. и примыкающий к ней Дем. р-н Новг. обл.) локализуется терминология и топонимия *урёв*, *урѣв*, *Урэвы*, *урёво*, *урѣвый* (берег). Севернее западнотверского ареала вокализация *в > у* не происходит, и здесь можно встретить лишь старую топонимию на *Врев-*, отражающую более ранний облик исходной основы. Кроме того, вне зоны отмеченного анлаутного перехода *в > у*, но рядом с ней, был записан также и соответствующий термин с сохраненной начальной *в*: калуж. *вров* 'овраг' (Мосальск.) [СРНГ 5: 193]. Согласная *р* в этом слове отвердела скорее не по фонетической причине, а благодаря контаминации с термином *ров*.

Лексикализация фонетического изменения *в > у* за основой *врев-/врѣв-* привела к отрыву новообразований на *урёв-*, *урѣв-* от топонимизированных форм на *Врѣв-*, *Врев-*, *Врѣв-*, породила новые термины, которые в процессе исторического развития разнеслись далеко за пределы очага своего возникновения и обогатили разнообразие своих значений. С территории современных западнотверских говоров эти лексические новообразования продвинулись на восток — до Восточного Подмосковья, Ярославской и Владимирской обл., спорадически они «всплывают» и в более отдаленных регионах, см. забайкальск. *урѣв*. Развитие семантического спектра терминологии *урёв*, *урѣв*, *урёво*, *урѣвый* (берег) протекало в русле регулярных семасиологических переходов, на базе основного, исходно-этимологического смысла, заданного значением 'кипеть, клокотать' глагола *врѣти*⁴².

⁴² Комплекс значений, проявляемый данными терминами, — 'круча, обрыв', 'пропасть, бездна', 'омут, пучина', 'глубокое место', 'водоворот', 'место слияния речек, ручьев (где образуются водовороты)', 'топкое, вязкое место' — вообще характерен для обозначений омутов и водоворотов, ср., к примеру, подобное разнообразие взаимосвязанных значений у терминов *вир*, *омут*, *бук*, *бучало*, *круча* и др. по данным: [Толстой 1969: 100, 212—215; Васильев 1999а: 214—226; 2000: 414—427; 2001а: 107—113, 118—119, 123—128]. В этом семантическом спектре находит свое объяснение даже значение 'множество' у слова *урѣв* из словаря В. И. Даля: оно тоже несомненно предполагает первичное 'омут', ср. новг. *до омута* — 'много' [НОС 6: 169]. Весьма показателен тот факт, что семасиологическая структура данных терминов в большинстве своих звеньев совпадает со структурой значений термина *вир* и его дериватов, которые в плане словообразования тоже соотносятся с производящим глаголом *врѣти*. Помимо основных значений 'омут', 'водоворот', известны еще укр. диал. *вир* 'крутой отвесный берег', 'глубокая яма', 'углубление на месте водоема', *винок* 'впадина', *вир* 'долина между двумя горами' [Марусенко 1968: 221, 222], пск. *вир*, *виры* 'провал в болоте' [Кузнецов 1915: 12], *вир* 'холм', 'изгиб реки, излучина', *вирень*, *виренье* 'глубокое место', *вирь* 'пучина, бездна', *виріна* 'окно в болоте', *вировицина* 'низкое место' и др. [ПОС 4: 23] (полная сводка значений *вир* вкупе с его производными дана в [Васильев 2001а: 123—128]).

В эволюции древней основы *врев-/врѣв-* (< **врѣв-*) начальная согласная могла не только вокализоваться в *у*, но и вовсе утратиться (вероятно, через произношение губно-губной *w*). Ср. названия рр. *Ревка* как вар. *Вревка* в басс. Великой, *Ревуца* как вар. *Вревуца* в басс. Ловати. В терминологии этот процесс утраты иллюстрирует укр. диал. (полесск.) *рѣва* ‘омут, водоворот’, а также ‘шум’ [Никончук 1979: 42] (< **врѣва*). Укр. *рѣва* является отчетливым восточнославянским дополнением к ряду указанных выше западно- и южнославянских слов, обозначающих ‘шум, гам, суматоха, сутолока’ (< **vrěva*), важно и то, что оно очевидным образом сопрягает эти обозначения с рассматриваемой ландшафтной терминологией и топонимией. Очевидно, к этому же этимологическому гнезду относятся еще *рѣвка* ‘высохшее место посредине реки’ (Устюж. Волог., 1898), *рѣвка* ‘песчаный мыс на реке’ (Шенк. Арх., 1905—1921), *ревка* ‘хвойный бор, сосняк, ельник’ [СРНГ 35: 8] (< **врѣвѣка*). В последнем случае обозначение хвойного леса вторично и отсылает к обозначению высокого места, склона (где нередко растёт хвойный лес).

Как следует из приведенных данных, лексические факты, как и более старые топонимические, показывают двойственный вокализм: *вров*, *урѣв*, *урѣвий*, *урѣв*, *урѣво*, *рѣва*, *рѣвка*, *рѣвка*. Это обстоятельство, во-первых, дополнительно подтверждает генетическое тождество исследуемых топонимов и терминов, сохраняющих общую деталь вокализма, во-вторых, окончательно склоняет к принятию в качестве первичной для всех этих лексем основы **врѣв-*, позволяющей объяснить отсутствие перехода *e > o* в целом ряде случаев. Случаи же отражения перехода *e > o* (*Врѣв-*, *вров-*, *урѣв-*, *рѣв-*) объяснимы сближением **врѣв-* с основой *рев-* (> *рѣв*), последняя, кстати говоря, тоже имеет неустойчивую гласную, ср. диал. *рѣва* и *рѣва* ‘крикун, горлопан, громко разговаривающий человек’ [СРНГ 34: 366]. Не только фонетическое сходство послужило основанием для такой контаминации, но и сама близость значений ‘шум, гомон’ (см. выше укр. диал. *рѣва*, польск. *wrzawa*) и ‘рѣв’ и пересечение с ними значения ‘омут, водоворот’ гидрографических терминов, нередко указывающих на шумящие (ревущие) места в водоеме.

При этимологическом анализе топонимии с основой *Врев-*, разумеется, нельзя игнорировать особенности семантической эволюции терминов на *урѣв-*, *урѣв-*, *рѣв-*, *рѣв-*. Очевидно, не только исходный, заданный глагольной семантикой, признак качества места в водоеме (с омутом, водоворотом или глубокое место) мог лечь в основу топонимической номинации в рассматриваемом случае, но и характерное для терминологии указание на крутой склон, возвышенность, крутой берег водоема. Кое-что в этом плане подсказывают физико-географические особенности самих локусов, к которым прикреплены топонимия: так, оз. *Врѣво* возле гор. Луга почти на всем протяжении имеет высокие, крутые, иногда обрывистые берега, дер. *Врѣво* в Тор. р-не стоит в живописном месте на крутом берегу одноимённого озера, средневековый гор. *Врѣв* к югу от Пскова располагался на высоком крутобоком холме.

Вяжищ-, Вежищ-, Вяз-, Веж-, Белавеж-, Нововеж-

Вяжищи дер. в истоках рч. Веряжи вблизи Новгорода, ранее *Вязжищи*, или *Вязжицкая слобода* в Троицкой вол. Новг. у. [СНМНГ I: 86—87]. С давних пор варианты этого известного на Новгородчине названия повторяются на страницах исторических документов благодаря тому, что в селении находится пригородный монастырь Великого Новгорода — *Никола-Вязжицкий*, числившийся в пятерке самых больших монастырей Новгородской земли (наряду с Юрьевым, Хутынским, Антониевым и Духовым). В межевой грамоте 1391 г., подписанной новгородскими посадниками Юрием Онцифоровичем и Мироном Ивановичем, упоминаются уже вотчины Вяжицкого монастыря [Макарий 1860: 596]. Вторую раннюю дату — 1411 г. — дает Новгородская 3-я летопись: «В лѣто 6919 поставиша церковь древяну святага Николая архиепископа Мир Ликийскихъ чудотворца, на *Вязжищахъ*, стяжаниемъ того же монастыря инока строителя Антона да игумена Пахомиа, и честнѣ монастырь устроиша, при архиепископѣ Иоаннѣ Великаго Новаграда и Пскова» [НЛ: 253]. Иные древнейшие сведения о монастыре содержатся под 1436, 1437, 1441, 1442 гг. в Новгородской 1-й летописи [НПЛ: 418—421], в которой при всех упоминаниях храма используется обычно форма «на *Вежищахъ*», единично — «на *Вѣжищахъ*», ср., например: «Подписана бысть церковь святыи Никола на *Вежищахъ*», 1442 г. [Там же: 421]. Есть сообщения 1435 г. во Владимирском летописце [ПСРЛ 30: 133], 1564 г. в Новгородской 3-й летописи [НЛ: 336], 1572 г. в Новгородской архивной летописи [ПСРЛ 30: 194] и др., к истории монастыря см. также издание [Святая София: 251—259]. Сочетание с предлогом «на *Вязжищахъ*» показывает, что топоним под Новгородом изначально не был связан с селением, а характеризовал безлюдную болотистую местность в верховьях р. Веряжи (иначе — р. Каменки), на берегу которой в XIV столетии возник монастырь. Как раньше, так и сейчас форма мн. ч. устойчиво характеризует это название (впрочем, сегодня иногда употребляют и форму *Вязжище* ед. ч.). Неподалеку от Вяжищ расположено крупное оз. *Вязжицкое / Вяжицкое* (или *Каменное*), из которого берет начало рч. Веряжа.

Наименование монастыря нашло отражение в названии средневековой дер. *Вязжицкая*, стоявшей у Повенца на Волозере в Егорьевском в Толвуге пог. Обон. пят. Этот пункт описывается в Выписи на вотчину Никольского Вяжицкого монастыря 1495/96 г. [ПКНЗ 2: 195]. Производная форма названия деревни, судя по документу, являвшейся владением Вяжицкого монастыря под Новгородом, заставляют видеть в *Вязжицкая* перенесенное название.

Ранее геогр. *Вязжищи* убедительно трактовалось В. П. Строговой, которая пишет: «Можно думать, что здесь, на реке Веряже, в ее верховьях, испокон веков водились бобры, а их хатки — вяжи и запруды на реке, где они жили, и послужили для обозначения этого места микропонимом *Вязжищи*» [Строгова 1994: 93—97]. По русской письменности XVI—XVII вв. единично прослеживаются сочетания *бобровая вяжа* или *бобровое вязжище* ‘место обитания бобров, бобровая хатка’

(например, в записи из писцовой книги XVI в.: «Да Григорьева жь пустошь Станок по конец Едимоновского бору съ бобровыми *вяжици*» [СлРЯ XI—XVII 3: 282]). Лексемы *вяжа*, *вяжище*, очевидно, следует возвести к праформе **vęzja*, соотносимой с праслав. **vęzati* (> рус. *вязать*, сербохорв. *vezати*, чеш. *vázati* и др.). Осмысление этой праформы — ‘то, что связано, скреплено’ — находит естественное обоснование в характере обозначаемых реалий: бобровые постройки на водоемах действительно представляют собой сплетения сучьев и стволов упавших деревьев. Похоже, нужно вести речь о древнерусских диалектизмах ограниченного распространения, которые в диалектной лексике XIX—XX столетий вроде бы уже не прослеживаются. Однако в новгородских (боровичских) говорах записано *вежá* с весьма показательным значением ‘вязка лука в виде косы’ [НОС 1: 110]; следовательно, это слово отсылает к более ранней форме *вяжá* (: *вязать*), закрепленной, правда, совсем в иной терминологической сфере, нежели др.-рус. (*бобровая*) *вяжа*. Аналогичное варьирование гласных в корне показывает анализируемый ойконим (*Вяжици*/*Вежици*), как и производные от этого ойконима, ср. *Вяжицкая* дер., но *Вежицкой* мох, *Вежицкая* пожня по письменности XVI в. [ПKNЗ 1: 333, 371].

Межтерриториальные топонимические соответствия, весьма многочисленные, обнаруживаются преимущественно в регионе Новгородской земли (см. карту 10). Среди них геогр. **Вяжици** дер. на р. Осьме Селищенск. Чуд., в нач. XX в. дер. Высоковской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 18—19]; рядом совр. карта-километровка показывает *Малые Вяжици* ур. Впервые же один из данных пунктов упоминается писцовой книгой Обон. пят. 1564 г. в составе Коломенского на Волхове пог. под названием *Вяжиско*: «Да у *Вяжиско* деревни угодыя за Радогошею рекою Сухая нива» [ПKNЗ 2: 66] (= совр. Радогож л. пр. Осьмы, п. пр. Волхова). Кроме того, этот же письменный источник среди селений Коломенского пог. 1564 г. описывает еще крупную монастырскую дер. *Вяжица* [Там же: 64] — вероятный вариант ойконима *Вяжиско*, связанный с одной и той же или с близлежащей средневековой деревней. В Луж. р-не Лен. обл. значатся: **Вяжище** дер. близ оз. Лукомского (Серебрянский с/с под гор. Луга) (= *Вежища* дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 137]) и **Вяжици** дер. на рч. Тесова (Ям-Тесовского с/п, а ранее Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 80—81]), = *Вяжище* под 1568 г., *Вежища* под 1573—1578 гг., *Вяжища* под 1584, 1620, 1646, 1669, 1674—1678, 1788—1791 гг., *Вяжици* под 1709, 1718, 1748 гг. Климентовского Тесовского пог. и Тесовской вол. Вод. пят. [Селин 2003: 124, табл. 8, 138, табл. 9]. Поблизости, в радиусе 45—50 км, обнаруживается **Вяжици** ур. в Бат. р-не (по списку 1989 г. это еще дер. Мелковичск. Бат.), = *Высокия Вежица*, или *Вежица*, дер. Фроловского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 42, 52], и **Вяжище** — пара деревень (*Вяжище-1*, *Вяжище-2*) в соседнем Пл. р-не, отстоящих друг от друга на 10 км; одна из них, расположенная близ р. Вердуги, п. пр. Плюсы, раньше именовалась *Малые Вяжица*, другая, стоявшая у оз. *Вяжицкого*, — *Большие Вяжици*, или *Вяжици-Звягино*. Оба эти пункта следует соотносить с дер. *Вежица* 1498 г. и дер. *Вяжица* 1571 г. Бельского пог. Шел. пят. [Там же: 79; V: 522, 529, 545, 547], также [Андрияшев 1914:

133, 136]. В Бельском пог. под 1571 г. значилась и третья дер. **Вязица** с отхожими пожнями на р. Яне [НПК V: 545, 547], бывшая северо-западнее первых двух; на ее месте материалами Ген. меж. конца XVIII в. фиксируется пустошь «Захонье, а по крестьянскому званию *Везица*» на рч. Яне, Сквородке и оз. Алоше к западу от оз. Сяберо [Андрияшев 1914: 142]. Дер. **Вязице** Гд. р-на в списках селений Петерб. губ. сер. XIX в. указана как *Вязице / Вязице* Гд. у. [СНМРИ 37: № 729, 857], иных материалов о ней нет. Дер. **Вежица** 1498 г., = *Вязице* под 1576 г., уже «пуста, лѣсомъ поросла», отмечена в Дубровенском пог. Шел. пят. [НПК IV: 202; V: 672, 678], более поздние сведения отсутствуют. В Опоцком пог. Шел. пят. под 1498, 1538/39 и 1576 гг. были описаны две соседние деревни, называемые **Вежица** [НПК IV: 179, 180; V: 685, 691; ПКНЗ 6: 89], их продолжением явилась группа близлежащих деревень Порх. у., локализуемых у рч. Степеринки на территории бывшего погоста во 2-й пол. XIX в.: *Вязици (Борок), Вязици (Худыкино), Вязици Большие и Вязици Малые* [СНМРИ 34: № 11127, 11128, 11129, 11130] (или, если судить по данным А. М. Андрияшева [1914: 423], — *Большие Вязици и Малые Вязици* на рч. Степеринке), сегодня из всей группы осталась только дер. *Вязици* в 15 км севернее Порхова. Дер. **Вежица** описывалась в Ретенском пог. Шел. пят. под 1550/51 г. [ПКНЗ 6: 31]. В Успенском Сабельском пог. Вод. пят., по документации 1500, 1539/1540, 1568 гг., числилась деревня, называвшаяся **Вежица**, позднее — *Вязица* 1582 г., *Вязица* 1788 г. [НПК III: 125; Селин 2003: 177], далее следы ее теряются. В Никольском Будковском пог. Вод. пят. писцовая книга 1500 г. фиксирует пару смежных деревень, именуемых **Вежици** и *Вежица* [НПК III: 300, 302, 335], писцовые материалы 1539/40, 1568, 1582, 1612 гг. обозначают эти пункты вариантными именами *Вязице, Вязица*, а под 1791 г. — *Везица*, пуст. [Селин 2003: 193]. Любопытно, что в 1500 г. эти селения Будковского пог. были в «обчей» собственности великого князя и Николо-Вязицкого монастыря под Новгородом: «Въ великого князя деревнѣ въ *Вежицахъ* въ дворцовой въ Васильевской Онаньина, да въ Николской, что была Вежитцкого монастыря» [НПК III: 300, 335]. Такая ситуация, как и в случае с дер. *Вязицкая* в Карелии, позволяет думать о возможности именованя данных пунктов по *Вязицкому* монастырю. Только писцовые книги Обон. пят. 1564 г. сообщают о **Вязица** дер. в пог. Пречистенском на р. Тихвине [ПКНЗ 2: 103]. Наконец на восточной периферии Новгородской земли (на территории бывшей Беж. пят.) фиксируется **Вязица** дер. Устровск. Санд. (в сер. XIX в. — дер. Весъегонского у. Твер. губ. [СНМРИ 43: № 2825]) на низменном междуречье Устровочки и Ростошни.

Современные формы названий новгородских населенных пунктов *Вязици, Вязице*, знакомые автору по полевым наблюдениям, несут ударение на втором слоге.

Судя по обобщающему списку российских селений 2-й пол. XIX в., ойконимы, продолжающие данный ряд, за пределами исторических границ Новгородской земли немногочисленны: блр. геогр. *Вязице* дер. при слиянии Славечны с Припятью Речицкого у. Минской губ., *Вязице* (польск. *Wiazyszczce*) дер. и ус. на р. Западная Двина Лепельского у. Витебской губ., вероятно, также *Вязици (Вязици)*

дер. Медынского у. Калужской губ. [Vasm. RGN II 2: 272]. Из акта 1695 г. известно о *Вяжища* сел. в Невельском у. [АИСМ: 940] (юг Пск. обл.).

В целом же почти все представленные факты отмечают распространение топонимической лексемы *Вяжище* (*Вяжищи*), равно как исходного апел. *вяжище*, по территории Русского Северо-Запада (в основном западнее оз. Ильмень и бассейнов рр. Волхова, Ловати) и Белоруссии.

В области средневековых пятин Великого Новгорода названий, которые допускают осмысление на базе др.-рус. апел. (*бобровая*) *вяжа*, по сравнению с топонимией от апел. *вяжище*, немного: **Вяжий** руч., пр. Валчинки басс. Чагоды, **Вяжеское** оз. басс. Плюсы со стоком в р. Наска [Шан. РЛЮ: 348, 459]. Однако за рубежами исторической Новгородской земли чаще обнаруживается соответствующая восточнославянская ойконимия без суффиксального исхода *-ищ(-е, -и, -а)*, ср. *Вяже*, *Вяжи*, *Вяжное* в Минской и Смоленской губ., *Вяжная* Мосальского у. Калужской губ., *Вяжны* в окрестностях Бобруйска Минской губ., *Вяжный* в Донской обл., см. [Vasm. RGN II: 2].

Часто наблюдаемая в рассматриваемой топонимии мена предударных гласных в корневом элементе безусловно отражает фонетику говоров, при этом в «якающем» произношении ожидается изменение *Веж-* > *Вяж-*, в «екающем» произношении, напротив, закономерен обратный процесс: *Вяж-* > *Веж-*. В границах бывшей Новгородской земли сегодня встречаются оба типа произношения (псковское «сильное яканье» в юго-западной части территории, северно- и среднерусское еканье в более восточных и северных районах). Похожую схему ареального размещения систем яканья и еканья можно предполагать и для эпохи XV—XVI столетий — времени первых фиксаций колеблющихся топонимических форм *Вяжищи* / *Вежищи*. Есть косвенные намеки, позволяющие признать этимологически авторитетным все-таки элемент *Вяж-* (< **vęž-*) даже применительно к тем топонимическим вариантам, которые впервые зафиксированы с буквой «е» начального слога. Если судить по имеющемуся материалу, то как раз именно варианты на *Веж-* чаще отмечаются первыми в средневековой новгородской письменности, но с течением времени все они заместились вариантами на *Вяж-*. Вместе с тем нет ни одного случая обратного замещения. Все ойконимы с колебанием корневых гласных локализованы в Поволховье, в верхнем и среднем течении Луги и Плюсы, в нижнем и среднем течении Шелони, т. е. в тех районах, где спорадически отмечено яканье, но «более обычным нарушением системы различения, касающемся этимологического *a* <...> является произношение /*e*/ в соответствии с *a*, приводящее в конечном счете к «еканью»» [ОСНиСГ: 422]. Поэтому, надо полагать, средневековые варианты, нередко показывающие букву «е» в начальном слоге, отражают влияние диалектного еканья, тогда как современное произношение данных ойконимов, адекватно соответствующее написанию (с начальным *Вяж-*), трудно объяснить иначе, нежели сохранением исходного качества безударной гласной. Вообще, произношение *a* (< *ę*) как *e* в этом же самом корне хорошо знакомо по лексике Русского Северо-Запада и Севера, причем имеются случаи лексикализации еканья не только в

предударном, но и в ударном положении. Помимо приведенного выше новг. *вежа́* (из *вяжа́*), обозначения вязки лука, ср. пск. *везель*, *везель*, наряду с *вязель* ‘болото’, арх. *везбленье* и *вязбленье* ‘вышивание узоров на полотенце, сорочке и т. д.; сама вышивка’, олон., арх. *везбленьский* и *вязбенный* ‘вышитый, с вышивкой’, волог., арх., Киров. *везиво*, *везиво* ‘веревка, которой что-либо завязывается; завязка; жгут для перевязки снопов’ и новг., вят. *вязево* ‘перевязь, завязка у снопа’ и др., см. материал [СРНГ 4: 96, 97; 6: 72, 73].

Наблюдаемая в ряде случаев мена букв «з» и «ж» (варианты типа *Вязжищи*/*Вязищи*) показывает частичное смешение рассматриваемых названий, потерявших со временем мотивированность, с повсеместно проявляющимися названиями на базе тельмографических лексем от *вязкий* (ср. брян. *вязище* ‘низкое, топкое место’ [СБГ 3: 90], как и диал. *вязь*, *вязьё* и др.; о топонимии см. [Мурз. СНГТ 1: 142]). В приведенном материале топонимические варианты на *Вяз-* всегда появляются в относительно поздние эпохи, в чем видится проявление общей тенденции к постепенному замещению в топонимическом ландшафте региона непродуктивных названий продуктивными.

Вместе с тем в регионе Новгородской земли встречаются топонимы только с корневой гласной *e* (на *Веж-*). Из новгородской писцовой документации по Шел. пят. известны геогр. ***Вежищо*** дер. Коломенского пог. 1539 г. [НПК IV: 366] (но, быть может, эту деревню продолжила дер. *Вязки* на р. Редье Шотовской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 116—117], к настоящему времени уже исчезнувшая), ***Вежища*** дер. Струпинского пог. 1552—1553 г. [НПК IV: 554] (неподалеку от впадения Шелони в Ильмень), ***Вежища*** дер. Логовещского пог. 1498 г. [НПК V: 97]; в Беж. пят. отмечено ***Вежища*** дер. Михайловского пог. в Тростных 1545 г. [НПК VI: 185]. Эти названия селений появляются с корневым элементом *Веж-*, о вариантности которого с *Вяз-*, за отсутствием иных документальных свидетельств, ничего сказать нельзя. Не исключено, что начальный слог в них является ударным. Такие ойконимы тоже, вероятно, принадлежат к числу рассмотренных выше названий на *Вяз-*, но могут и отсылать к др.-рус. лексеме иного происхождения — с корнем *веж-* (: *везти*). У многих славян издревле хорошо представлены лексические континуанты праслав. **vězja*, **vezja* (к *vezǫ*, рус. *везу*, т. е. первоначально ‘дом-повозка на полозьях или на колесах’ [Фасм. ЭСРЯ I: 285]): др.-рус. *вежа* ‘легкая жилия постройка (кочевая кибитка, палатка, шатер)’, ‘башня’, ‘хозяйственная постройка’, ‘рыболовное угодье с постройками, тоня’ [СлРЯ XI—XVII 2: 50—51], рус., укр., блр. *вѣжа* ‘башня; шатер, шалаш, легкая постройка’, польск. *wieża*, чеш. *věž*, *věžě* ‘башня, вышка, каланча’, словен. *veža* ‘сени, передняя’ и др. Новгородские берестяные грамоты отметили слова *вежа* ‘шатер, легкая постройка’ (гр. № 359 конца XIV — нач. XV в.), *вежка* ‘башенка’ (гр. № 805 последней трети XII в.) [Зализняк 2004: 389, 659], что свидетельствует об употребительности соответствующих слов в регионе древней Новгородской земли. И сегодня в новгородских говорах записано *вѣжа* в значениях ‘шалаш, покрытый хворостом и мхом’, ‘артель в 16 человек для ловли рыбы в озере Ильмень’ [НОС 1: 110; 13: 11].

Достоверно восходят к др.-рус. *вежа*, *вежка* (< *вежъка*) такие средневековые названия Шел. пят., как **Вежки** дер. Сабельского пог. 1498 г. [НПК V: 154], **Вежки** поч. в Косицком пог. 1551 г. [Там же: 349], **Вежкино**, или *Вешикино*, дер. Которского пог. 1498 г. [НПК IV: 94, 122]. Геогр. **Вежной Ручей** дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 455] двусмысленно: его допустимо сравнить как с (*бобровая*) *вяжа* (см. *Вязжий* руч.), так и с *вежа*. Геогр. **Бълавежа** дер. в Богородицком пог. в вол. Слезкино Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 516] и **Нововежи** дер. Славитинского пог. Шел. пят. 1678 г. [ППКСР: 314] являют собой очевидные сращения словоформ *бъла(я) вежа* (вероятно, в значении ‘белая башня, крепость’) и *новая вежа*. Новг. **Бълавежа** дополняет материал по архаической двусосновой тополексе, проявившейся во многих славянских землях; ср. известные по летописям др.-рус. *Бълавежа* (*Бълая Вѣжа*) гор. в Переяславской земле под 1147, 1149 гг. [ПСРЛ I: 321; II: 358], *Бълая Вѣжа*, половецкий город XI в. [ПСРЛ I: 248], *Бълая Вѣжа*, хазарская крепость, иначе *Саркел* [Там же: 65; VII: 287], а также геогр. *Белые Вежи* в верховьях р. Остер в бывшей Черниговской губ., блр. *Белавежская Пушча*, словац. *Biloveža*, польск. *Białawieża* [Нерознак 1983: 32—33; Ан. РЭС 3: 62] — к праслав. **bělověža* [ЭССЯ 2: 75].

Перечисленные названия в свою очередь допускают смешение с топонимами от апел. *вѣшка*, *вѣха* (< *вѣшка*, *вѣха*) ‘шест в поле для указания пути или границы земельных участков’ (ср. *Вежкино*/*Вешикино*). Порой необходимы дополнительные разыскания. В этой связи показателен анализ геогр. **Вежки** дер. Подберезск. Новг. (= *Вѣшки* дер. Подберезской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 50—51]). Данный пункт по средневековой письменности значится среди селений Григорьевского Кречневского пог. Вод. пят.: дер. *Вежки* 1500 и 1540 гг., затем *В Вежках* под Каменским Мхом (или, иначе, дер. *Вешкина* над Каменским Мхом, *Вешка*) 1568 г., затем дер. *Вежки* «пуста» 1582 г., *Вежки* 1584 г., по [Селин 2003: 80]. Хотя вариант *Вежки* является самой ранней и распространенной фиксацией, исконной формой следует признать *Вежки* — от *вежка*, *вежа*. Об этом однозначно свидетельствуют, во-первых, название средневековой дер. **Земтици у Вежок** над Каменским болотом в Кречневском пог. 1500 г. [НПК III: 2, 4, 5], стоявшей в паре верст от дер. *Вежки*, во-вторых, современное название оз. *Вежицкое*, тоже расположенного рядом с этой деревней (кстати, здесь же лежит и оз. *Земтицкое*, названное по дер. *Земтици*). Топонимические формы у *Вежок*, *Вежицкое* были произведены только от названия близлежащей дер. *Вежки*; само же это название видоизменилось в *Вежки* благодаря закономерному оглушению *ж > ш* перед глухим согласным.

Часть средневекой новгородской ойконимии на *Веж-* может быть связана с новгородскими *вежниками*, упоминаемыми в новг. бер. гр. XII в. (№ 550, 664) [Зализняк 2004: 365, 401]. *Вежники*, по А. А. Зализняку, какая-то особая группа населения, жившая в *вежах*, т. е. шатрах, чумах. Возможно, ими были лопари или карелы, которые жили в чумах. Е. А. Хелимский [1998: 566] считает, что отмеченные древней письменностью *вежники* (а также *шестники*) на Новгородской земле — это кочевое или полукочевое преимущественно финно-угорское население, из которого составлялось вспомогательное ополчение, участвовавшее вместе с княжеской дружиной и новгородцами в военных операциях.

Дедн-, Дъдн-, Дидн-, Дедл-, Отн- и др.

Дедно ур. Дем. на р. *Деденька* (по [Шан. РЛЮ: 322], — *Деденька/Дединка*), п. пр. Поломети, п. пр. Полы, = *Дъдно* дер. Костковской вол. Дем. у. нач. XX в. и 2-й пол. XIX в. [СНМНГ II: 30—31; ВТКЗверст], отождествляемая с дер. *Дъдно* Буховского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 754, 761].

В ряду новгородских топонимических параллелей сюда отходят еще геогр. старописьменные ойконимы *Дъдново* дер. в Михайловском пог. в Тростных Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 185], *Деденево* дер. в пог. Егорьевском во Млеве Беж. пят. 1545 г. [Там же: 307, 316], *Дъдино* дер. Фроловского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 46] (= совр. *Дедино* дер. Передельск. Бат.) и *Дъдино* дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 459] (= совр. *Дедино* дер. Плесновск. Гд.), гидронимы *Деднов* п. пр. Обуйки, л. пр. Оскуи, п. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 64] (по совр. материалам — руч. *Дедков*), *Дедно* оз. в Кончанской вол. Бор. у., по Ген. меж. 1780-х гг. [КГарн] и *Дидно* п. пр. Кусинки, л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова (с закреплением *ѣ > и*; в [Шан. РЛЮ: 46] — *Лидно*, с опечаткой). На сопредельных псковской и тверской территориях таковы: *Дедино* дер. Добрученской вол. Гд. р-на, *Дедино* дер. близ оз. *Дедино* (по [Там же: 24] — *Дедено*) со стоком р. Исса в окрестностях Себежа, *Дедино* дер. в окрестностях Торопца. В Верхнем Поднепровье имеются *Дедна* л. пр. Орлянки, л. пр. Друти, п. пр. Днепра + л. пр. Немира, л. пр. Сещи, п. пр. Десны, *Деднов* пр. Беседи в окрестностях Суража, *Дедень* л. пр. Днепра, *Дедня* л. пр. Надвы в басс. Сожа, *Дедное* оз. в окрестностях Гомеля; ср. еще *Dziedno* оз. в Повисленье, чеш. *Dědina* р., сербохорв. *Djedina Mlaka*, *Djedinsko*, словен. *Dedni Vrh*, *Dednja Vas*, *Dedna Gora*, *Dednik*, *Dedin Potok* и др. (по [Топоров, Трубачев 1962: 107, 109, 111; Vasm. WRG I: 571; Górniewicz 1985b: 66; Bezl. SVI I: 129]).

Суффиксальный элемент *-н-* в перечисленных топонимах предполагает непродуктивные модели деривации, скорее древнерусского времени, которые могут иметь как деапеллятивный, так и деантропонимный характер. Во-первых, часть из них прямо восходит к др.-рус. *дѣдън(и)* ‘принадлежащий деду’, ‘дедовский’ (см. в Новг. 3-й летописи: «отчь и *дѣдънь*» под 1016 г.) [Срезн. МСДРЯ I: 783; СлРЯ XI—XVII 4: 201], посессивному прилагательному от *дѣдъ* (позднее преобразованному также в *дѣдинъ*, судя по письменности XVII в. [СлРЯ XI—XVII 4: 201]); следовательно, эти названия имеют значение ‘дедово (село)’ и семантически сближаются с рядом распространенных топонимов, таких как старописьменные геогр. *Дѣдовичи*, *Дѣдово*, *Дѣдова Горка* [НПК I: 601, 788; IV: 198; V: 667; VI: 526] и т. п. с равнозначным посессивным суф. *-ов-*. Похоже, нельзя исключать и возведения к сущ. *дѣдина* ‘то, что принадлежит деду’, ср. отражение отсубстантивной модели деривации в геогр. *Дѣдицино* дер. в пог. Никольском в Слезкине Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 555] — к **дѣдыцина*, которое семантически явно приравнивается к *дѣдина*. Во-вторых, такие названия могут восходить к личным именам, ср. личн. *Дѣденя* (или *Дѣдена*, *Дѣдня*), фиксируемое бер. гр. № 22 из Старой Русы 1-й пол. XII в.: «оу *Дедене* пять коуно» [Зализняк 2004: 337—338, 738], наряду

со ст.-рус. личн. Андрей *Дѣденюк*, гетман черкасский под 1632 г., Яков *Дѣденков*, рязанский боярин под 1177 г., Сильвестр *Дѣденев*, невелицкий помещик 1612 г. [Туп. СДЛСИ: 141, 529]. Сами эти имена тоже появлялись со значением притяжательности, будучи образованиями от прил. *дѣдън(иш)*⁴³; к этому же адъективу отсылает еще рус. диал. *дѣдѣнь* ‘дед’ (Смол.), *дѣдѣнька*, *дѣдѣнько* ‘дедушка’ [СРНГ 7: 329]. В свою очередь, безусловную деантропонимную деривацию показывает геогр. *Дѣдилово* поч. в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 190], позднее — дер. *Деделова* 1539/40 г., пуст. *Дедилово* 1582 г. [Селин 2003: 152], ср. личн. *Дѣдила* в бер. гр. № 6 из Старой Руссы (1-я пол. XII в.) [Зализняк 2004: 329—330, 736], *Дѣдильць*, боярин рязанский под 1175, 1177 гг. [ЛЛ: 353, 365], относящиеся к распространенному типу гипокористик с известным суф. *-ил(-ь, -о-, -а)*. К антропониму с основой *Дѣдил-* возводятся далее названия *Дедлово* дер. Неболчск. Люб. (по списку 1911 г. — *Дѣдлово*, или *Дидлово*, дер. Жуковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 46—47]), *Дѣдлово*, или *Дитлово*, дер. в Грузинской вол. Новг. у. 1907 г. [СНМНГ I: 22] рядом с руч. *Дидловский*, л. пр. Шарьи, п. пр. Оскуи, п. пр. Волхова [Шан. РЛЛО: 62] и *Дидлово* дер. Будогощск. Кириш., но в данных случаях наложилась редукция гласной *и* в заударной позиции (ср. аналогичный процесс в *Радлово* < *Радилово*, см.)⁴⁴.

Посессивный суф. *-н-* (< *-ьн-*), связанный с терминологией родства, отражен также в новгородских названиях на *Отн-*. Среди них *Отня* дер. в пог. Богородицком на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 853]. Сегодня о средневековом ойкониме напоминает только название смежной р. *Отня*, п. пр. Мсты близ Любытино, р. ц. Новг. обл. Более известная межтерриториальная параллель имеется в Поволховье, в северо-восточных окрестностях Новгорода: *Отня* п. пр. Вишеры, п. пр. Волхова рядом с ур. *Оттенское* и болотом *Оттенский Мох* (по совр. картам 1:100 000, 1:200 000)⁴⁵, где до Великой Отечественной войны располагался новгородский *Отенский* мужской монастырь, причислявшийся в нач. XX в. к Папоротско-Островской вол. Кр. у.

⁴³ Первоначально эти антропонимы, очевидно, выражали не значение принадлежности деду, а квалитативно-посессивное значение (значение обладания), т. е. личн. *Дѣдънь*, позднее *Дѣдѣнь*, *Дедѣнь*, *Дедѣн*, обозначало ‘имеющий деда’. Ср. обратный смысл в др.-слав. префиксально-корневом личн. *Бездѣдъ* ‘не имеющий деда’ (см. геогр. *Бездеж* и т. п.).

⁴⁴ Название новгородской дер. *Деделѣво* Трегубовск. Чуд. трактуется иначе. Данный пункт идентифицируется с дер. *Дедерево* на р. Тигоде в Рождественском Солецком пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 418], то же под 1540 г., но позднее ойконим выступал в вариантах *Деделѣво* 1570/71, 1669, 1748 гг., *Дедилѣва* 1582 г., *Делево* 1612, 1615 гг., *Дедилово* 1678 г., *Дедлево* 1709 г., *Деделѣв* 1718 г., *Дедерева* 1791 г. [Селин 2003: 257]. Ранний вариант этого ойконима, очевидно, мотивирован личным прозвищем, равным апеллятиву, ср. твер. *дѣдер* ‘нечистая сила’, *дѣдѣрь* — бранное слово, обозначающее нечистого духа [СРНГ 7: 329], наряду с производным антропонимом, см. *Дедерев* Ондрушка Степанов сын, шуйский посадский, 1646 г. [Туп. СДЛСИ: 474].

⁴⁵ Удвоение «тт» в *Оттенский* — проявление канцелярской нормы написания некоторых топонимов в XIX в. (как в новг. геогр. *Крупта*, *Спасс*, *Ямм* и др.).

[СНМНГ IV: 72—73]. Первое упоминание этого места — под 1420 г.: «Поставлены двѣ церкви деревяныхъ: в *Отни пустыни* Николая чудотворца и Онуфрия великаго на Красном островѣ, а строиль архимандрить Харитонъ» [НЛ: 262], затем *Отня пустынь* отмечается в летописях и писцовых книгах под 1452, 1459, 1462, 1496, 1572 гг. [НЛ: 121, 139, 274, 276; ПКНЗ 1: 117], а с XVIII в. ее указывают как *Отенский монастырь*⁴⁶. Ср. еще близ восточных границ Беж. пят. оз. *Отно* среди большого болота в Кадуйском р-не Волог. обл. (по [Шан. РЛЮ: 408] — оз. *Отло*) со стоком в оз. Грибно и р. Смердель, п. пр. Колпи, п. пр. Суды, л. пр. Мологи.

Приведенные топонимы прямо отсылают к др.-рус. посессиву *отнь(иш)* ‘отцов, отчий’, продолжениями которого в апеллятивной лексике являются субстантивированное рус. диал. *отня* ‘отчество’ (дер. Есино КАССР), *безотня* ‘сирота’ (Сев.), прил. *безотный* (Олон., Сев.), *безотный* ‘не имеющий отца; сиротский’ (Арх., Беломор., Калинин., Урал.) [СРНГ 24: 252], урал. *безотной* ‘то же’ [СРГСУ 1: 40]. Названия на *Отн-*, очевидно, когда-то указывали на скиты, пустынные поселения монахов-отшельников (отцов).

Дн-, Дон-, Донц-, Донец-

Дно крупный пос., центр Дновского р-на Пск. обл. Об этом пункте впервые сообщено в сер. XVI в.: «селцо *Дно*, а в немъ церковь Михайль Архангиль» в Смоленском пог. Шел. пят. 1552—1553 гг. [НПК IV: 568], под 1576 г. — село *Дно* [НПК V: 655]; по сведениям 1872—1877 гг., — село *Дно*, или *Доницино*, на рч. Сученка, волостной центр в Порх. у. [СНМРИ: 34, № 11259]. Наряду с этим селом сообщается о сел. *Дно* и *Донцо Малое* неподалеку от Порхова, в Ясенском пог., обе «вопче великому князю, Сене Отаме» [НПК V: 385], и о дер. *Донец-Захонье* в пог. Михайловском на Полоной 1539 г. («въ деревне въ *Захонье* въ *Донце*») [НПК IV: 311, 313]. В Ильменском Паозерье писцовые книги Шел. пят. 1498 г. описывают три близлежащих селения с тождественными именами, образующими единую топонимическую микросистему: дер. *Донцо* (= дер. *Донцо* Клопского монастыря 1573 г., или *Долца* 1582—1584 гг., более поздние источники этого пункта уже не знают, по [МАНК]), дер. *Домци* 1498 г. [НПК V: 291] (= дер. *Донцо* 1573 г., или пуст. *Донцо* в 1582—1584 и 1629 гг., или дер. *Донец* «что была пустошь» 1674—1682 гг., по

⁴⁶ Архимандрит Макарий в сер. XIX в. сообщает следующие сведения о местоположении Отенского монастыря в Крестецком уезде: «Местоположение его ровное, окрестность однообразная и скучная — лес и мхи со всех сторон. Самую малую часть земли кругом монастыря занимают довольно красивые луга и хорошо возделанное землешаство. Расстояние от Новгорода в 50 в., а от Крестец около 70 верст, от р. Волхова к востоку в 10 в., а от ж/д — 45 в. Неизвестный основатель обители сея, по всей вероятности, более всего дорожил уединением, которое он мог найти здесь вполне. Свое название он получил от имени Отня или Отчая пустынь и носит его на себе с начала своего существования» (цит. по статье Н. Жервэ и Е. Туровой, содержащей много и других интересных подробностей об Отенском монастыре, см. [Святая София: 284—294]).

[МАНк]) и дер. *Забродье-Донцо* в Паозерском Лукинском пог. под 1501 г. [НПК IV: 14; V: 296, 298]. На месте этих средневековых пунктов в нач. XX в. значились дер. *Большой Донец* и *Малый Донец* Ракомской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 62, 64]. В Вод. пят. около 1500 г. были дер. *Донец* и дер. *Донца*, обе в Спасском Зарецком пог.; одна из этих деревень сохранилась по сей день под названием *Донцо* в истоках р. Оредеж, Волос. р-н. Два других селения Вод. пят., носивших схожие имена, находились в отдаленных друг от друга погостах: дер. *Донец-Палкина* стояла в Покровском Дятелинском пог. [НПК III: 628, 731, 735, 740, 741], а дер. *Марковы Донца* была расположена на р. Каменка в Тесовской вол. 1568 г.; позднее здесь фиксируют дер. или пуст. *Донцо* под 1573—1578, 1584, 1629 гг., *Донец* под 1646, 1669, 1674—1678 гг., *Додонец* 1709 г., *Донца* 1748 г. [Селин 2003: 138], *Донца* 1838 г. в Луж. у. [ОСПбгуб: 126], к нач. XX в. — дер. *Донец* на р. Каменка в Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 80—81]. По современным данным, в нескольких километрах западнее гор. Чудово находится ур. *Донец* на левобережье Керести, вблизи пос. Сольцы, р. ц. Новг. обл., дер. *Донец* (Сосновское с/п), а восточнее гор. Сланцы карта-километровка Лен. обл. показывает ур. *Донское* (исторических сведений по всем этим пунктам не найдено). Принадлежность геогр. *Дни* дер. на юго-восточном побережье Ильменя во Влажинском пог. Дер. пят. около 1495 и 1539 г. [НПК I: 720, 746; ПKNЗ 4: 159], *Дони* дер. Веревск. Гатч. к этому ойконимическому ряду не бесспорна.

Из новгородской гидронимии к изучаемой группе относится название оз. *Донец* в бывшей Никольской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 47], сегодня — затон, отходящий от Волхова, в черте Новгорода. Раньше на его месте был ручей, о котором первые сведения донесены грамотой, датируемой около 1147 г.: «А обводь тои земли от реке от Волхова (<...>) на верховье на *Донцовое*, а *Донцовымъ* внишь, а *Донецъ* впаль в Деревяницу, а Деревяница впала в Волховъ» (из Данной Антония Римлянина новгородскому Антониеву монастырю) [ГВНП: 159, гр. № 102]. О другом лимнониме *Донец*, который связан с озером в дельте Мсты, стекающим в Сиверсов канал, известно только по совр. картам. Ср. еще *Донское* для озер в Горской вол. Порх. у. (*Донское 1-е* и *Донское 2-е*) и *Дбна*, название рыболовной тони в Валд. р-не (= новг. диал. *дбна* ‘дно’) [НОС 2: 95].

Перечисленные топонимы (главные их формы — *Донец*, *Донцо*) отражают основу *дън-* (< **дъ(b)n-*), а в плане мотивировочной семантики отмечают места понижений, впадин, или глубоких оврагов. В основном эти названия фиксируются еще средневековой письменностью, отчасти уже забыты сегодня, в чем ощущается их архаический, непродуктивный характер. Топонимическая функциональность апел. *дно* (др.-рус. *дъно*) и его дериватов в центральных районах исторической Новгородской земли (Приильменье, Поволховье, басс. Луги) подчеркивается заметным развитием семантической филиации соответствующей лексики в говорах Русского Северо-Запада. Не случайно здесь появились омонимичные обозначения посуды (пск. *донéц* ‘луженый эмалированный горшок’, новг., пск, арх. *дбнечко*, *дбнушко* ‘чайное блюдечко’ [СРНГ 8: 124, 126]), а посудная терминология, как по-

казал Н. И. Толстой [1969: 218—229], связана отношениями регулярной семасиологической переходности с топографической терминологией заполненных водой ям, углублений. Кроме того, преимущественно в этих же говорах встречаются такие обозначения физико-географических реалий, как *дб́нник* ‘мерзлый слой земли под оттаявшей почвой’, ‘донный лед’, ‘лед под водой на болоте’, ‘вода, выступающая из оттаивающей земли’, *дб́нница* ‘мерзлая земля, залитая водою’ [СРНГ 8: 125; НОС 2: 95]. Основу *дб́н-* содержит еще новг. *сuxодб́н*, которое, в отличие от остальных фактов, связано не с низом, а с верхом, обозначая ‘высокое сухое место’, как и новг. геогр. *Суходб́н*: «Поле у нас *Суходб́н*, а пожни на сырмом месте, у реки» (Мош.) [НОС 11: 6]⁴⁷.

К новгородскому скоплению названий на *Дн-*, *Дон-* примыкают геогр. *Долгое-Донское* оз. в Торопецком у. Пск. губ., по сведениям 1912 г. [Шк. ОПскГ: 133] (= ? оз. *Донское*, связанное с р. Ницца басс. Западной Двины [Шан. РЛЮ: 80]), *Донец* р. + смежное сел. в Духовщинском у. Смоленской губ., *Днико* (польск. *Dnika*) оз. в истоках Ловати в Городокском у. Витебской губ. [Vasm. WRG I: 589, 629] (по [Шан. РЛЮ: 154] — оз. *Дико*, связанное с рч. Свирянкa басс. Ловати). Интересно, что суффиксальная структура геогр. *Днико* не находит аналогов среди восточнославянской топонимической и апеллятивной лексики, но обнаруживает очевидное сходство с названиями типа *Dnika* в Словении, см. ниже.

В других восточнославянских регионах описываемая топонимия и терминология sporadична, ср. руч. *Донок* в верхнем течении Оки, р. *Донец* среди притоков Осетра и рядом оз. *Донное* в Рязанском Поочье [Смол. ГБО: 40, 158; Vasm. WRG I: 631], укр. диал. *дно* ‘глубокая и узкая долина’, записанное в Винницкой обл. [Марусенко 1968: 226]. Более десятка речек и селений именуется *Донец* на юго-востоке Украины и в Южной России — в бывших Харьковской, Екатеринославской губ. и в Области войска Донского [Vasm. WRG I: 629—630], но такие названия, очевидно, не связаны с **дъ(b)но*: они были перенесены так или иначе с крупных рек *Дон* и *Северский Донец* (сравниваемых с осетинск. *don* ‘река’).

Кроме Новгородской земли, соответствующая топонимия, отсылающая к праслав. **дъ(b)но*, особенно характерна для западных южнославянских языков. В Словении отмечены многочисленные названия водоемов *Danjski Potok*, *Danski Potok*, *Danski Studenec*, селений *Danje*, *Dane*, разных объектов ландшафта: *Dno*, *V Dnu*, *V Dnah*, *V Dne*, *Dnišče*, *Dnišca*, *V Niščeh*, *Pri Dniščeh*, *Dnika*, *Dniki*, *Dnike*, *Dnjača*, *Gnjača*, *Velika Dnina*, *Dninitica* и др., возводимые к словен. *dno* ‘дно; бездна’, ‘земля, почва’, *dnišče* ‘низкое место, впадина’. Они могут указывать на по-

⁴⁷ Др.-рус. *сuxона* ‘сухость, жар’ [Срезн. МСДРЯ III: 631] не является непосредственно образованным от *сuxь*, вопреки М. Фасмеру [Фасм. ЭСРЯ III: 814], а представляет собой вариантное к *сuxодб́н* (< **сuxо-дънь*) сложение **сuxо-дъна*, в котором после утраты редуцированной было лексикализовано фонетическое изменение *дн > нн > н*: **сuxодна > сuxона* (ср. новг. геогр. *Прихон*, *Похона*, *Охона* и др., тоже закрепившие данное изменение). К др.-рус. *сuxона* бесспорно восходит название р. *Сухона*, л. пр. Северной Двины, см. [Там же: 814; Матвеев 2006: 273].

нижения в высоких горах, на места выхода подземных вод. Родственные названия встречаются и на сопредельной сербохорватской территории, но обычно в сложениях: *Dnopolje, Dnovoda, Dnoluka* [Bezl. SVI I: 126—127; Snoj ESSZI: 105; Svoboda, Šmilauer 1960: 156].

ДРЕГЛ-, ДРЫХЛ-, ДРЯЖ-, ДРЫГ-

Дрегли дер. Неболчск. Люб., в 1930—1940-е гг., центр Дрегельского р-на Новг. обл., в нач. XX в. — пог. *Дрегли* Жуковской вол. Тихв. у. на руч. Белом [СНМНГ VII: 46—47]. Рядом значится рч. *Дреголька (Дрегля)*, п. пр. Крапивны, п. пр. Сяси [Шан. РЛЮ: 436]. Пункт известен с XVI столетия, в то время он был центром Никольского в *Дреглях* пог. Обон. пят. под 1564, 1574 гг. [ПКНЗ 2: 142, 143, 159, 160], или, иначе, — *Дрегольского / Дригольского* пог., под 1495/96 г. [ПКНЗ 1: 250, 261, 266].

Дрегла дер. в Батецк. Бат. близ рч. Ивня басс. Луги, по списку 1838 г. — *Дрегли* в 1-м стане Луж. у. [ОСПбгуб: 107], = *Дрогли* дер. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 210], то же в книге 1540 г., но под 1582 г. здесь значилась пуст. *Дорохова* на рч. Ивне, не указанная более поздними документами [Селин 2003: 156].

Дрегло (Дреголь) дер. на рч. Колпинка Мануйловской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 74—75]. По межевым материалам конца XVIII в. — дер. *Дрегол* Кр. у., с которой отождествляют [ИАДП I: 137] дер. *Верглино* Влажинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 751]. Рядом с *Верглино* писцовая книга указывает дер. *Дреглино* [Там же: 742], ставшую в конце XVIII в. пуст. *Дрегол* неподалеку от дер. *Дрегол* [ИАДП I: 136; 2: 40]. Судя по этим микросистемным фактам, средневековое *Верглино* могло быть переделано из *Дреглино*.

Одинокая межтерриториальная параллель зафиксирована на юго-востоке Пск. обл.: *Дрегло* оз. в бывшей Плавецкой вол. по писцовой книге Великолукской земли конца XVI в. [Янин 1998: 188], по современным данным — это скорее всего оз. *Дреговское* со стоком в р. Кошелевка басс. Ловати, рядом с озером стоит дер. *Дрег* Великолукского р-на. Кроме того, имеется лимноним *Дрыхлово* оз. басс. Волги близ оз. Витьбино (Андр. р-н, территория средневековой вол. Буец Дер. пят.): из **Дрыглово* с иной, вариантной, огласовкой общего корня.

Приведенные названия отсылают к обозначениям зыбких болотистых мест, ср. прежде всего укр. тельмографические термины с суф. -л-: укр. *драули́на* ‘трясина’ в Полесье (Ровенская обл.) [Толстой 1969: 177—178], *драгли́на* ‘топь, трясина’, *драгли́на́стий* ‘топкий’ [Грінч. СУМ I: 439], *драгли́, дригло* ‘топь, болото’ в Черниговско-Сумском Полесье [Черепанова 1984: 75], *дрегля́тина, драгли́* ‘то же’ в бойковских говорах [Онишк. СБГ 1], *драглови́на* ‘топкое болото’ [Никончук 1979: 51], а также смол. *дряги́ль* ‘болото’, *дряги́льий* ‘болотистый, топкий’ [ССГ 3: 149]. Сюда также укр. *дрегли́, драгли́* ‘студень’, *драгли́ий* ‘студенистый’, *драгли́ти* ‘превращаться в студенистое вещество’ [Грінч. СУМ I: 439, 441].

Следовательно, новгородские топонимы на *Дрегл-*, *Дрыгл-* сближаются с апеллятивными фактами Полесья и Смоленщины. Все они — старые отадъективные образования, ближайше соотносимые со смол. *дря́глыи* ‘болотистый, топкий’. Любопытно, что в изучаемом регионе не встретились термины и топонимы с основным элементом *-в-*, такие как вост.-слав. *дрягва́*, *дрегва́*, *дряговина́*, *дригва́*, *дрегба́*, *дрогва́*, *здрагва́* (к праслав. диал. **dreǵy*) и отсутствуют термины *дряга*, *дры́га*, *дро́га* (к праслав. диал. **dreǵa*), — все они хорошо представлены в блр., укр. и зап.-рус. (смол., курск., брян.) диалектах, см. [Мурз. СНГТ 1: 195; Толстой 1969: 177—179; Добровольский 1914: 186; СБГ 5: 42; Яшк. БГН: 61; ССГ: 149; СРНГ 8: 181—182], к этимологии см. [ЭССЯ 5: 139; SP IV: 222; Аникин 1998: 241—243; Куркина 1967: 137]. Пожалуй, можно указать только на геогр. *Дряжка* л. пр. Плюсы близ дер. *Дряжно*, предполагающие производность от апел. *дряга*. У южных рубежей исторической Новгородской земли известно геогр. *Дрыгомо* дер. Селижаровского р-на Твер. обл., имеющее основу *Дрыг-* (: апел. *дры́га*) и др.-слав. формант *-омо* (см. тип *Лукомо*, *Ракомо*, *Пакомо*, *Перекомо*, гл. 8).

К данным фактам примыкает гидроним *Дряжженка* л. пр. Шелони: из *Дряжженка*, к апел. *дря́зга* (< праслав. **dreǵza*), означающему по говорам (яросл., влад.) ‘топь, трясына, болото’ (яросл., влад.) [СРНГ 8: 228], новг. ‘подстилка, втоптанная в жидкий помет домашних животных и с ним смешанная’ [НОС 2: 107] и др. Этимологическое отношение этого апеллятива к обозначениям топких мест типа *дряга* (< **dreǵa*) объяснимо, если допустить праслав. альтернацию *g//zg* [SP IV: 225—226; Аникин 1998: 242]. Среди межтерриториальных топоответствий см., например, укр. *Дрязець* болото в Ровенской обл. [Шульгач 1998: 79], сербохорв. геогр. *Дрѣзга*, в.-луж. *Drježdžany* как название гор. Дрезден в Германии [Фасм. ЭСРЯ I: 546].

ДРЕТЕН-, ДРИТ-, ДРЕТ-, ДЕРТИН- и др.

Дретено дер. Большеборск. Ст-Рус., к юго-западу от Старой Руссы, в нач. XX в. — село с пог. у рр. Холынья и Каменка Высоцкой вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 30—31]. Известия о селении идут начиная с 1498 г., когда появляются первые описания пунктов *Дретенского* пог. и вол. *Дретона* в Шел. пят. [НПК IV: 237; V: 52, 53, 254—255].

Неподалеку, на левом берегу Ловати, есть еще дер. *Дретенка* Сергеевск. Парф., ранее — дер. Медниковской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 80—81]; с ней идентифицируется дер. *Дретона* Воскресенского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 465].

Дритовно дер. в Любанской вол. Новг. у. и неподалеку, в этой же волости, рч. *Дритовка*, согласно списку селений нач. XX в. [СНМНГ I: 30, 33] (совр. карта-километровка Лен. обл. показывает лишь ур. *Дритовно* близ слияния Тигоды с Раванью юго-восточнее пос. Любань), = дер. *Дретовно* Ильинского Тигодского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 302]; по иным рукописным источникам: *Дритов-*

но 1585, 1709, 1718 гг., *Дритовна* (*Дретовна*) 1748 г., *Дритовны* 1788 г. [Селин 2003: 208].

Писцовые книги фиксируют, кроме того, пожно *Дретец* 1571 г. в Дремяцком пог. и рч. *Дретка* в Быстреевском пог. Шел. пят. тоже под 1571 г. [НПК V: 476, 477, 494]. Весьма вероятно причисление сюда названия средневековой дер. «на *Дретицком*» в Ручьевском пог. Дер. пят. 1539 г. [ПКНЗ 4: 45], но, вместе с тем, оно может показывать ошибочное словоделение, передавая другую лексическую основу⁴⁸. В свою очередь только по совр. данным известно о дер. *Дретно* Овсищенск. Сланц. вблизи оз. Самро (в бывшем Сумерском пог. Шел. пят.) и о дер. *Дретуни* Верескуновск. Удом. в верховьях Мсты.

Вненовгородские топосоответствия исчерпываются блр. *Дретунь* оз. в Полоцком у. Витебской губ. [Vasm. WRG I: 640]. Пск. *Дрецакая*, наименование территориальной единицы — губы в Псковской земле, известное из писцовой книги 1585—1587 гг. [Янин 1998: 135, № 138], не исключает иной основы: оно образовано от *Дреча* — названия озера и вытекающей из озера реки, л. пр. Иссы, л. пр. Великой (там же и дер. *Дреча*).

В перечисленных новгородских названиях, дополняемых сопредельным блр. *Дретунь*, основа *Дрет-*, на мой взгляд, этимологически тождественна др.-рус. *дърть*, рус. *дерть* в значении термина подсеки, ср. диал. (костром.) *дерть* ‘распаханная подсека с остатками пней’, ‘сенокосные угодья на подсеке’, *дёрти* ‘кусты, растущие около пней заброшенного после жатвы поля’ [СРНГ 8: 26]; с иным значением имеются др.-рус. *дерть* ‘завершение, окончание’ (по [Фасм. ЭСРЯ I: 504], см. [Срезн. МСДРЯ I: 625]), *дертье* ‘дранка’ [СлРЯ XI—XVII 4: 230], *дертица* ‘тонкая дощечка для покрытия крыши, дранка’ в новг., олон., холмогор. и других северных памятниках XVI—XVII вв. [Филин 1972: 569]. Фонетическая модификация основы *дърт-* > *дрьт-* > *Дрет-* случилась благодаря особому диал. (др.-новг., др.-пск.) рефлексу *ТърТ* > *ТрьТ*, обнаруженному А. А. Зализняком [1997: 250—258; 2004: 50—52]. В рассматриваемом случае характер самого топонимического материала, вполне представительного, но не поддержанного проявлениями преобразованной основы в диалектной лексике, свидетельствует о наличии в др.-новг. говорах апеллятива на **дърт-* (> **дрет-*) ограниченного распространения, вариантного к хорошо известному, в том числе в говорах Русского Северо-Запада, апел. *дерть*, но, в отличие от него, отразившегося только в местных названиях. Аналогичное изменение устойчиво закрепили некоторые другие лексические факты, ср., например, рус. *бревно*, возводимое к **бървьно*, или диал. *клоч* ‘кочка’ из *кълчь* [Зализняк 2004: 51]; им параллельны диал. *бервно*, *клоч*, пережившие общерусский процесс преобразования редуцированных с плавными без метатезы. Древность названий на *Дрет-* порой удостоверяется их старой суффиксацией, как в геогр. *Дретуни*, *Дретец*, *Дретено*. Основа *дърт-*, более поздняя и поддерживаемая апеллятивной

⁴⁸ В писцовой книге 1495 г. этот пункт называется дер. «нады *Рецкомь*» [НПК II: 378], что позволяет усматривать отношение к слову *река*.

лексикой, тоже обнаруживается в новгородской топонимии, однако более ограничено. Таковы новг. геогр. *Дертина* дер. Боротенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 73, 74] (сегодня — дер. *Дертины* Стр-Кр.), *Дертицино* пуст. в Посонском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 52] (= *Дертично* пуст. в Вышн. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 245]).

Еглин-, Егл-, Иглин-, Игл-, Елгин- и др.

Еглино дер. Костковск. Валд., на месте которой в нач. XX в. значились пог. и ус. *Еглино* при оз. *Еглино* в Яжелбицкой вол. Валд. у. [СНМНГ V: 88—89]; из озера течет р. *Еглинка*, п. пр. Поломети, п. пр. Полю. В средневековое время здесь располагался пог. *Еглинской*, центр Еглинского (или Еглинского в Юрьевичах) погоста-округа, первые описания селений которого даны в конце XV — 1-й пол. XVI вв. [НПК I: 822, 824, 847—906; II: 58, 363, 881; ПКНЗ 1: 63; ПКНЗ 4: 57, 58, 129, 131—133, 367, 272, 377, 428, 430, 432, 435, 438, 445, 447, 460; 5: 67, 99, 101—103, 115, 132, 133, 135, 141, 175, 178, 181—183, 185, 210—220, 328]. Писцовые книги упоминают и оз. *Еглино* (*Еглинское*), при котором стояло погостское сельцо с церковью Преображения Господня [НПК I: 860; ПКНЗ 5: 101, 102, 210]. Что касается геогр. *Еглино*, данного в описании соседнего Налесского пог. («Гридка Исаковъ изъ *Еглина* съ *Печна* озера») [НПК I: 811], то оно является территориальным наименованием судя по тому, что оз. *Печно*, идентифицируемое с совр. оз. *Песно* басс. Полю (Валд. р-н), расположено на территории бывшего Еглинского пог.

Ёглино дер. при оз. Люшно Любытинск. Люб., ранее — дер. у оз. *Лютино*⁴⁹ в Шереховской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 134—135], = дер. *Еглино* в пог. Богородицком на Белой в Беж. пят. по книге 1564 г. [НПК VI: 854]; по Ген. меж. конца XVIII в. — дер. *Еглина* [КГарн]. Где-то неподалеку, восточнее дер. *Еглино*, но уже на территории соседнего Спасского Молодиленского пог. писцовая книга 1564 г. указывает пустошь с относительным ориентирующим названием *Заеглинская Дуброва* [НПК VI: 1064].

Еглино (в [Шан. РЛЮ: 430] — *Эглино*) оз. в басс. Сяси со стоком в р. Тихвинка (Тихв. р-н). Указано писцовой книгой Обон. пят. 1563/64 г. в пог. Михайловском в Озерах как угодье Ковалевского монастыря: «в вопчем озере в *Еглине* ⟨...⟩ колы и приколки ставят»; поблизости, в этом же погосте и в этой же волостке, значились две равноименные деревни: *Еглино* «на горе» и *Еглино* (*Великий Двор*) [ПКНЗ 2: 126, 129].

Еглинка л. пр. Желчи, р. в Чудское оз., иначе *Еглина*/*Ёглина* [Мельников 1984: 59; Шан. РЛЮ: 564], течет из оз. *Еглино* [Шан. РЛЮ: 566]. Река отмечена как *Еглина* («за рѣкой за *Еглиной*») под 1571 г. при описании Быстреевского пог. Шел. пят. [НПК V: 474, 482], в этом же погосте указано оз. *Еглино* под 1550/51 г. [ПКНЗ 6: 62, 66].

⁴⁹ Опечатка; следует читать: *Люшно*.

Еглинка л. пр. Волхова севернее Новгорода, имеет своим левым притоком рч. *Малая Еглинка* [Шан. РЛЮ: 68]. Совр. крупномасштабные карты указывают эти речки как руч. *Большой Иглино* и *Малый Иглино*. Колебание вариантов гидронима прослеживается не только в XX-м, но и в XVI в.: под 1500 г. речка именуется *Иглина* (дер. Шибеница «на рѣчкѣ на *Иглине*»), а под 1582 г. — *Еглина* (дер. Шибеницы на р. «на *Еглине*») в описаниях селений Успенского Коломенского пог. на Волхове Вод. пят. [НПК III: 472; Селин 2003: 244].

Еглинка л. пр. Тосны, л. пр. Невы, Тосн. р-н, по материалам 2-й пол. XIX в., — р. *Еглина* в Луж. у. [Vasm. WRG I: 677], по писцовым книгам Вод. пят. 1500 г. — *Еглина*, иначе *Яглина*, в Ижорском пог. [ПКВод 11: 407, 427, 431]; совр. карты называют в этом районе еще дер. *Еглино* и болото *Еглинский Мох*.

Писцовые книги Обон. пят. 1496 и 1563 гг. отмечают еще дер. *Еглинская* «словет за лесом Бородинская» при описании пог. Никольского на р. Оште [ПКОП: 226] (в Вытегорском р-не Волог. обл.).

Топонимы, чаще гидронимы, на *Еглин-*, распространенные в пределах исторической Новгородской земли, мотивированы диал. адъективом с основой *еглин-*, обозначавшим ‘еловый’ и произведенным от др.-новг., др.-пск. обозначения дерева ели (*Picea*). Обозначение *егль* ‘ель’ донесено списком около 1678 г. со псковской меновой грамоты XIV—XV вв.: «... путь кроими до ручья до *егли* до края, от *егли* ручьемъ внизъ» [Марасинова 1966: 52, гр. 9]. Близкий апеллятив, вероятно, еще «теплится на задворках» современного диалектного словоупотребления на Русском Северо-Западе, так, зафиксировано единичное новг. *ёгла* ‘ель’ в Бор. р-не, XX в. [СРНГ 8: 316]. Связь некоторых новг. названий на *Егл-*, *Еглин-* с обозначением дерева ели ранее вкратце констатировалась в работах [Ларин 1960: 12; Филин 1972: 278; НГБ 1984—1989: 199; Аникин 1998: 328]. Фонетическое подобие показывают польск. диал. (сев.-вост.) *jegla, jagla* ‘ель’ [Топоров ПЯ 1975: 56—57; Непокупный 1976: 20], продолжающие праслав. **edlbь, *edla* [ЭССЯ 6: 14—15], а среди ономастических соответствий имеются польск. геогр. *Jegliniec* оз. и сел. в окрестностях гор. Сувалки на северо-востоке Польши [Vasm. WRG I: 677], *Egliński* канал в Повисленье [НВ: 477], личн. *Еглин* Яков, толмач, под 1668 г. [Доп. АИ 5: 401]. В структурном отношении новг. топонимы на *Еглин-* приравниваются к блр. *яліна, яліна́* ‘еловый лес, ельник’ (Славг.) [Яшк. БГН: 209], чеш. *jedlina* ‘еловая хвоя, ветки’, ‘ельник’, словац. ‘гора, покрытая елями’, ‘ельник’, польск. ‘ель’, ‘пихта’ (< праслав. **edlina*) [ЭССЯ 6: 14], к блр. сев.-вост. *ядлінец, ядлёнец* ‘можжевелник’ (по [Николаев 1989: 197]), смол. *елёнец, еленец* ‘то же’ [СРНГ 8: 340].

Приведенные новгородские названия и апеллятивы фонетически пережили известный диал. переход **dl > gl*. На Русском Северо-Западе к ним морфологически примыкают несколько равноструктурных названий от адъектива **елин(ьи)* ‘еловый’ (дериватом которого является др.-рус. *елинь* ‘еловый лес’, 1254 г. [Срезн. МСДРЯ I: 824]) с обычным вост.-слав. рефлексом *л* (< **dl*). Таковы гидронимы *Елинец* оз. с чистой, прозрачной водой в Бор. р-не [НОС 2: 116], *Елино* оз. в Старцовой вол. Тор. у. 1540/41 г. [ПKNЗ 4: 577], *Елино* оз. в пог. Михайловском в Озерах

Обон. пят. под 1563/64 г. («деревня у озера ж *Елина*, словет Горка Хараколова») [ПKNЗ 2: 126]. Последняя из двух форм *Елино* скорее всего является вариантом более устойчивого, сохранившегося до наших дней лимнонима *Еглино*, упоминаемого несколько раз при описании этого же Михайловского пог., см. выше.

Кроме того, опять же в Михайловском в Озерах пог. значилась еще пара дер. *На Елгине* и *На Елгине Фатьяновское* [Там же: 243]. Учитывая территориальное единство с рассмотренными выше *Еглино* (*Елино*), форму *Елгино* предпочтительно считать метатезированной из *Еглино*. Метатеза *гл > лг* на русской диал. почве встречается, ср. изменение корня **тъгl- > *тъlg-* [Варбот 1988: 64—65]. Такой же процесс подозревается в новг. *Елгино* дер. на р. Тигода в Ильинском Тигодском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 360], неподалеку от которого, в соседнем погосте, протекала рч. *Еглинка* л. пр. Тосны, л. пр. Невы. Метатеза *гл > лг* определенно доказывается для, вероятно, родственного новг. гидронимам *Еглино*, *Еглинка* названия р. *Елговка*, л. пр. Ламши в Рязанском Поочье [Смол. ГБО: 130]: в документации XIX в. эта рязанская река названа *Егла* [Vasm. WRG I: 677].

К сожалению, трактовка названий на *Егл-* осложнена допустимостью сближения с разными омонимичными апеллятивами. На р. Мсте в 10 км выше Боровичей расположена дер. *Ёгла* Ёгольского с/п, бывшая ранее в Ровенской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 106—107], под деревней есть порог *Ёгла* (или *Ёгольски Валы*, по полевым записям К. В. Гарновского), один из группы знаменитых Боровичских порогов, отмеченный в Судходном дорожнике 1858 г. По Ген. меж. 1780-х гг. — дер. *Еглы* на правом берегу Мсты [КГарн]. Ф. П. Филин [1972: 278] и А. А. Зализняк [2004: 49] видят в ойкониме прямую связь с др.-новг. *егла* или *егль* ‘ель’, с чем можно согласиться, особенно если принять во внимание плюральный вариант ойконима *Еглы*, т. е. семантически ‘ели’, с указанием на место, поросшее елями. Ср. показательную польскую параллель — геогр. *Jegla*, имеющее вариант *Ель*, место у оз. Вигры на северо-востоке Польши [Vasm. WRG I: 677]. Остаются, впрочем, некоторые детали, мешающие такому объяснению новгородского ойконима. Более раннее упоминание новгородской деревни, сохраненное отпускной памятью И. И. Лугвинова 1655 г., свидетельствует о местоименном склонении: «...Отпустил крестьянку свою Ксению Петрову из деревни *Еглой* выдать ею замуж» (из Архива Лен. отд. Всесоюз. ин-та истории, док. № 124, по [КГарн]). Следовательно, ранняя фиксация предполагает скорее форму прил. *Ёгла(я)*, допускающего отношение к тул. *ёглитъ* ‘ботаться, метаться от боли, нетерпенья’, смол. *яглитъ* ‘кипеть, гореть желаньем, нетерпеливо, страстно хотеть чего’, ниж., астрх. *яглится* ‘двигаться, шевелиться; сжиматься, сгибаться’ [Даль ТСЖВЯ 1: 513; 4: 672], рус. диал. *яглый* ‘быстрый, проворный’, ср. нижегор., яросл. *неяглый* ‘неповоротливый, нерасторопный’ [СРНГ 21: 212]. Весьма вероятно, что геогр. *Ёгла(я)* являлось первоначальным названием порога на Мсте, позднее перенесенным на возникшее рядом селение; в таком случае оно семантически вполне вписывается в специфику гидронимической номинации речных порогов как участков с быстрым, неистовым течением, с бурлящей водой.

К категории «еловых» названий можно отнести дериваты с суф. *-ов-*: новг. *Еглов* п. пр. Керести, л. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 66] наряду с *Еглов* остров (и на нем дер. *Егловка*) неподалеку от Кижей в Карелии, отмеченном в пог. Спасском в Кижях Обон. пят. под 1496 и 1563 гг. [ПКОП: 129], *Егловка* р. среди притоков р. Гусь на стыке Владимирской и Рязанской обл. и *Елговка* р. в Рязанской обл. [Смол. ГБО: 189, 130] (из **Егловка*, *Егла*, см. выше), польск. *Jeglówka* р. среди притоков Олавы в басс. Одры [НО: 247]. Ср. праслав. **edlovъ(jь)*, давшее чеш. *jedlový*, польск. *jodlowy*, рус. *еловый* и т. п. С суф. *-ец* известно арх. *Еглец* л. пр. Суланды басс. Ваги в Шенкурском у. [Vasm. WRG I: 677], равноструктурное с *елѣц* ‘дубовый или еловый лесок’ в центрально-черноземных областях [Мурз. СНГТ I: 203]. Появление отдельных гидронимов на *Егл-* в Рязанском Поочье и на Русском Севере допустимо объяснять продвижением на восток древних новгородцев, а ранее — кривичей.

Вероятную деривацию от др.-новг. *егль*, *егла* показывают далее новг. геогр. *Егольский* л. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 40], *Егольско*, или *Егольское*, дер. Моринской вол. Дн. р-на на рч. Полонка к востоку от ж.-д. ст. Дно, а ранее — *Егольско* дер., центр волости в Порх. у. по списку 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11293], = дер. *Еголко* / *Егольско* / *Егольское* Юрьева монастыря в пог. Михайловском на Полоной Шел. пят. под 1498, 1539, 1576 гг. [НПК V: 189, 661; IV: 293]. Соответственно, название дер. *Егольник* на левом берегу Шелони близ р. ц. Сольцы Новг. обл., ранее — дер. Шимской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 110—111], с учетом известной модели обозначений леса с суф. *-ник* (*березник*, *осинник*, *дубник* и т. п.) трактуется со значением ‘ельник’; топооснова со вставной *о*, как в геогр. *Егольско*.

Вместе с тем не исключается возможность трактовки новг. *Еглов*, *Егольское*, *Егольник* с привлечением восточных южн.-рус. и ср.-рус. диалектных фактов типа *егól*, *егóль* ‘черепок от глиняной посуды’ (Ряз.), *егóльник* ‘горшок’ (Морш., Козл. Тамб., Том., Ряз., Тул., Самар., Твер.), ‘небольшой горшок для каши’ (Тамб.) [СРНГ 8: 316]. Ср. ареально соотносительное с *егóльник* ‘горшок’ названия поочской р. *Егольник* (*Еголинка*) со смежной дер. *Егольники* в Рязанской губ., известные по документации XVIII—XIX вв. [Смол. ГБО: 169]. Название р. *Эглень* (*Еглина*), л. пр. Болотеи, л. пр. Сити в Моложском у. Ярославской губ. [Vasm. WRG I: 677] (и на ней дер. *Еглень* в Краснохолмском р-не Твер. обл.) тоже скорее всего не имеет отношения к древнему диал. обозначению ели⁵⁰.

Вопрос о новгородско-псковской топонимии на *Еглин-*, *Егл-* осложнен также в плане этноязыковом. К перечню славянских топонимических архаизмов на *Егл-*, *Еглин-*, возводимых к др.-новг., др.-пск. *егла*, *егль* ‘ель’, нетрудно подверстать родственные, гомогенные названия, которые могли быть оставлены балтами в Ильмень-Волховском бассейне и усвоены пришельцами-славянами; ср. лит. *ėglė*,

⁵⁰ Его легко сравнить с диал. *еглѣнь* ‘разновидность игральной кости, бабки’ и переносно — ‘очень высокий и тощий человек’, *еглѣшек* ‘небольшой горшок для варки пищи’ (Терск., Кольск.) [СРГК 2: 20; СРНГ 8: 316].

лтш. *egle* ‘ель’, лит. *eglynas, eglynė* ‘еловый лес’, наряду с многочисленными геогр. *Ēglē, Eglinē, Eglinis, Ēgl-upis, Egljūn-upis, Egljūnas* и т. п. в Литве, *Egle, Eglaina, Eglāja, Eglene, Eglenīca, Eglīņi* и т. п. в Латвии [Vanagas 1981: 99; Endzelīns LV 1: 264—266]. Разумеется, на Русском Северо-Западе топонимы на *Еглин-*, *Егл-* преимущественно славянского происхождения, тогда как балтизмы ожидаемы только в редких случаях. О балтизмах среди названий на *Еглин-*, *Егл-* иногда сигнализируют косвенные признаки. Так, упоминавшееся выше название р. *Еглинка* (*Большой Иглино*), л. пр. Волхова, включено в небольшое, но выразительное скопление достоверных или вероятных балтийских гидронимов в среднем течении Волхова (вместе с рр. *Осьма, Полисть, Беберка, Дымна, Ингорь, Оскуя* и др., подр. см. [Васильев 2007а: 273, 280]). Уже само по себе данное обстоятельство позволяет рассматривать поволховский гидроним как вероятный балтизм, а прослеживаемая с XVI в. вариантность его основы *Еглин-/Иглин-* только укрепляет подозрения в «балтийскости» (как известно, вариантность более ожидаема в дославянских, нежели в славянских географических именах).

Мена *Ег-/Иг-* в анлауте вообще нередка среди субстратных или заимствованных *potīna p̄rgrāia*; ср. названия оз. *Игорь* басс. Чагоды (< **Jegr-*), рр. *Егрейка/Игрейка, Егинжа/Игинжа* и др. на Русском Северо-Западе и Севере или личн. *Егор/Игор, Евграф/Играф, Евгений/Ивгений, Егнатей/Игнатий*, причем во всех парах первичны формы с начальной гласной *e* (подр. см. [Васильев 2007б: 212]). Поэтому новг. геогр. *Иглинка* р. среди притоков Вишеры, л. пр. Волхова (иначе *Иглиночка* [Шан. РЛЛО: 71], там же дер. *Иглинка* в Межниковской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 66]), наряду с пск. *Васьково Иглино* дер. неподалеку от Новоржева, *Иглин* руч. в Каргопольском у. Олонецкой губ. [Vasm. WRG II: 117], могут быть сравнены как с др.-рус. *иглиныи*, прил. от *игла* [СлРЯ XI—XVII 6: 78], так и с **еглин(ыи)*, прил. от *егль, егла* ‘ель’⁵¹.

Здриног-, Воздрин-

Здринога, или *Здриноги*, дер. на рч. Вязовка Коломской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 64—65], сегодня считается исчезнувшей. Идентифицируется с дер. *Взедиринога* под 1539 г., *Вздеринога* под 1498 г. в Рамышевском пог. Шел. пят. [НПК IV: 330; V: 220].

Здринога дер. Ильменск. Новг., ранее входила в Ракомскую вол. Новг. у., стояла при руч. Бабская Удница [СНМНГ I: 64—65]. Идентифицируется с запустевшей

⁵¹ Геогр. *Иголинка* л. пр. Гурловки, пр. Войтоловки, л. пр. Мги, л. пр. Невы предпочтительнее считать прибалтийско-финским гидронимом, если видеть в нем субституцию приоб.-фин. *h* > слав. *z* и приоб.-фин. *a* > слав. *o* и связывать с фин. *ihala* ‘красивый, прекрасный, чудесный’, ижор. *ihhāla* ‘очень красивый’, карел. *ihala* ‘приятный на вид, прекрасный, чудесный’, вод. *ihala* ‘красивый, прекрасный’, с геогр. *Ихала, Ихалица, Ихальник, Ихальное* и мн. др. на Русском Севере (о которых см. [Матвеев СТРС I: 37—38]).

дер. *Здринога* в Поозерье, согласно устройной книге 1573 г., а по более поздней документации — *Вздереного* пуст. под 1582—1584 гг., затем *Вздериного* пуст. под 1629 г., потом *Здринога* дер. «что была пустошь» под 1646 г., по [МАНк; ПКНЗ 6: 154].

Похоже, преобразованным названием этой же первоначальной структуры является *Воздриново* дер. Налючского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 642], = *Воздриково* дер. Ст-Рус. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 221, 222].

В других регионах России параллельные названия относятся к рекам: *Деринога* р. Вологодской губ., *Вздериного* р. в Даниловском и руч. в Угличском у. Ярославской губ. + р. под Кинешмой Костромской губ. и руч. в Александровском у. Владимирской губ., *Вздериножка* п. пр. Волги под Ярославлем и р. в Нерехотском у. Костромской губ., *Вздерица* — рр. в Угличском у. Ярославской губ. и в Кологривском у. Костромской губ., *Вздеришка* — рр. в окрестностях гор. Молога и Мышкин Ярославской губ. и Галич Костромской губ., *Вздеришка* р. неподалеку от Владимира, *Вздырица* р. и *Вездеришка* руч. поблизости от Кашина Твер. губ. [Vasm. WRG I: 273, 308]; особенно много параллелей в басс. Оки начиная от Среднего Поочья (Подмосковье) и ниже, вплоть до устья: *Вздериного*, *Вздериного* / *Вздеринка*, *Вздериного* / *Вздери Нога*, *Вздериного* / *Вздериношка*, *Вздериножка*, *Вздериношка*, *Вздеришка*, *Вздериновка*, сюда же пр. Клязьмы *Деринушка* [Смол. ГБО: 106, 107, 109, 116, 117, 198, 199, 200, 202, 201, 204, 206, 211, 213, 227, 221, 273]. В Верхнем Поочье такие гидронимы не прослежены, нет их на Украине, в Белоруссии. Следовательно, нити связей данной тополексемы тянутся от Ильменя на восток и юго-восток.

Перечисленные названия по структуре должно классифицировать как соположения (или юкстапозита по терминологии Н. В. Подольской [1983: 9—16; 1988: 155]), возникшие на базе др.-рус. императивного словосочетания *въздери ногу* ‘подними ногу’, ср. совр. идиоматическое выражение *задрать ногу*⁵². В содержательном плане эти топонимы ситуативные, или интерактивные (по [Березович 2000: 350—409]), в рассматриваемом случае скорее всего отражающие ситуацию перехода через мелководье, образно закрепляющие эту ситуацию в номинации неглубоких речек или иногда селений вблизи мелководий (т. е. речка настолько маленькая и мелкая, что ее можно пройти, оголив ноги, или — метонимически — «задрав ноги», как до сих пор говорят новгородские диалектоносители). При таком осмыслении геогр. *Здринога* сближается с гидронимами вроде *Мочиного* или *Мочихвост*, см. [Vasmer 1955: 52—53; Березович 2000: 381]. Трактовка «интерактивного» названия ручьев *Деринога* в Вологодском и Сокольском р-нах Вологодской обл. в связи с указанием на быстрину, при переходе которой можно сломать ноги [Березович 2000: 350, 383], не кажется убедительной, если привлечь к сравнению, в частности, новг. *Здринога* дер. в Поозерье: данный поозерский пункт расположен

⁵² В структурно-деривационном отношении к топониму *Здринога* приравнивается название р. *Ломинога*, п. пр. Саванки, п. пр. Ратъни, п. пр. Мологи (Санд. р-н, в бывшей Беж. пят.), которое указывает на труднопроходимое место, где легко сломать ногу.

у мелководной речки с почти стоячей водой. Разумеется, здесь название выражало признак мелководья, а не скорости течения.

Исторический материал по геогр. *Здринога* предполагает древнерусскую хронологию этих названий; разнообразие фонетических трансформаций (*Здерьшка*, *Вздыриха* и др.) тоже показывают длительность их эволюции.

ЗЕРЕМ-

Зерема дер. близ истока р. Лютой, п. пр. Шелони, в Дн. р-не Пск. обл. Современный пункт идентифицируется с дер. *Зерема* 1498 г., входившей в «великого князя волость Лари, что была Аркажского монастыря на речкѣ на Лютой» Илеменского пог. Шел. пят. [НПК V: 168], см. также [Андрияшев 1914: 206].

Зеремо дер. Взглядск. Вол. на р. Переходе, впадающей в оз. Ильмень, ранее — *Зерема* дер. Городецкой вол. Ст-Рус. у. по спискам нач. XX в. [СНМНГ III: 34—35], более ранних сведений нет. В новгородских лексикографических изданиях [НОС 3: 97; Строгова 1991: 43] приведено также *Зеремá* в качестве названия водного угодья у дер. Верехново Старск. Вол. («*Зеремá* — это такое место, где бывает очень много весной воды и уток. Пошли в *Зеремá* уток ловить»), однако этот ороним территориально почти совпадает с указанным выше ойконимом *Зерема* Взглядск. Вол. и, следовательно, так или иначе может быть отождествлен с ним (скорее всего, является его смежным иррадиатом на прилегающей местности).

Новгородская средневековая письменность сохранила еще несколько соответственных названий, все они локализируются в Шелонской пятине. Писцовые документы отмечают дер. *Зерема* в Опоцком пог. под 1498 г., = дер. *Зеремо*, «пуста, лѣсом поросла», под 1576 г. [НПК IV: 164; V: 688]. С данным пунктом отождествлена дер. *Зерема* на рч. Мощонке северо-восточнее Порхова, указанная в материалах Ген. меж. конца XVIII в. и на карте Шуберта 1848 г. [Андрияшев 1914: 419]. Под 1539 г. в писцовой книге [НПК IV: 237] обозначена дер. *Зерема* на р. Холыне, принадлежавшая, очевидно, к Лосскому пог.; в материалах конца XVIII в. этот пункт отмечен как *Зелена*, позднее, в документации XIX в., — как дер. *Зюлема* на Холыни, в списках нач. XX в. — *Зелема* (*Зелена*) дер. Белебелковской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 16—17], сегодня — дер. *Зелема* Белебелковск. Под. В 1539 г. дважды обозначена еще одна дер. *Зерема* в пог. Рождественском на усть Северы [НПК IV: 286, 429], которая предположительно соотнесена [Андрияшев 1914: 284] с дер. *Зеленая* Порх. у. в верховьях Шелони (указана во 2-й пол. XIX в. по [СНМРИ 34: № 10915]). Далее только по средневековой документации значатся дер. *Зерема* в истоках Шелони на территории Дегожского пог. под 1539 и 1576 гг. [НПК IV: 255, V: 642, 643] и *Зеремо* дер., «что была Федора святого съ Щерковы улици», в околородье Порховском на р. Полоной, 1539 г. [НПК IV: 286, 319]; в книге 1576 г. она названа *Зеремь* и указана уже запустевшей [НПК V: 576]. Наконец А. М. Андрияшев [1914: 40] со ссылкой на Неволина указывает на отмеченное в межевых материалах конца XVIII в. (№ 1226) селение *Зеремец*, которое осторожно отожд-

дествляет с селом *Череменец* (позднее дер. *Медведка*) на рр. Мертвичке и Крапивенке в Луж. у.

Изложенные топонимы необходимо соотнести с апел. *зеремя* ‘место, где живет стадо бобров’ консонантного склонения, сохраненным актовой письменностью Южной и Западной России. В грамотах XV в., написанных на Воляни, оно неоднократно встречается в сообщениях о раздаче бобровых угодий: «...Дали есмо и записали за его вѣрную службу села <...> з бобровыми гоны и с *зеремяны*», 1430 г. [АЮЗР 8: 6, 7—8]; «...Дали есмо тому пре(д)реченому пану Андрѣю <...> село Михлинъ оу Луцкомъ повѣте <...> з бобровыми гоны и с *зеремяны*», 1433 г. [Розов 1928: 118—119]; «...Дали есмо ему <...> село Холопы <...> з бобровыми гоны, и *зеремяны*», 1452 г. [АЮЗР 8: 4, 60—61]; «и в *зеремяни* бобровыи ея уступаешъ» (из архива княжат Любартовичей Сангушков XIV—XVI вв., по [Филин 1972: 543]). Помимо юго-западных памятников XIV—XVI вв., слово фиксируется в Литовском статуте 1588 г. [Москаленко 1971: 190]. В старобелорусском языке, по данным из актов XVI—XVII вв., *зырэмя*, *зерема*, *жэрэмя* — ‘место, где водятся бобры; бобровые гнезда’ [ГСБМ 12: 222, 227], см. также [Яшк. БГН: 66, 82]. Польск. *żeremie* ‘колония бобров’ отражает восточнославянское полногласие и заимствовано из белорусского или украинского.

Этимология, выдвинутая в 1960-е гг. О. Н. Трубачевым и Г. Шевелевым [Трубачев 1963: 179; 1968: 120—121; Shevelov 1964: 142] и воспринятая позднее другими исследователями (см., к примеру, [Филин 1972: 543—544; Топоров 1998: 406]), объясняет происхождение данных терминов весьма убедительно. По этой этимологии, др.-рус. *зеремя*, обозначающее бобровые запруды и строения, продолжает праслав. диал. **zērdmę*, собственно ‘огороженное’, ср. блр. *азарод*, *азярод* ‘прясло для сушки снопов’, рус. диал. *зарод* ‘огороженное место для хранения сена’, ‘стог, огороженный кольями’, имеющие иной вокализм (можно добавить, что в русских говорах обнаруживаются и более точные соответствия к *зеремя*, с таким же вокализмом, ср. рус. диал. *озерёд* ‘приспособление из жердей для просушки снопов’ [СРНГ 23: 90]). В свою очередь, *жеремя* (< праслав. **zērdmę*), имеющее точное корневое соответствие в укр. *ожерёд* ‘скирда соломы’, рус. диал. *ожерёт* ‘долгий стог, скирд, омет соломы’ (Новорос., Курск., Орл.) [Там же: 77], выступает старым дублетом *зеремя* (ср. дублетные корни **g’hord-* и **ghord-* еще на и.-евр. уровне). Точка зрения П. Арумаа, возводящего ст.-блр. *зеремя*, наряду с гидронимией *Жеремянка*, *Зеремянка*, к праслав. **žermę* (: **žerti* ‘есть, жрать’) [Арумаа 1965: 171—174], не нашла поддержки. Необоснованным «кабинетным» построением оказалось появившееся совсем недавно предположение о том, что формы *зерема/зеремя*, *жеремя* выступают продолжениями праформ **zērma/*zērmę*, **žermę* (где *m* — расширитель) из **ger-/g’er-* ‘крутить, вертеть, гнуть’ [Карпенко 2003: 98].

Исследователи, занимавшиеся терминологией *зеремя*, *жеремя*, мало использовали связанную с ней топонимию. Судя по представленным выше данным, коррелятивный топонимический материал, не только гидронимический, но и ойко-

нимический, достаточно многочислен и разнообразен на старой новгородской территории. Он способен внести новые штрихи в картину распространения и функционирования архаического древнерусского обозначения бобровых угодий. Новгородские топонимы, сосредоточены в основном к югу, юго-западу от Ильмена в сравнительно узком ареале. Как правило, эти названия фигурируют в памятниках средневековья. К настоящему времени сохранилась лишь пара таких ойконимов; остальные утратились в связи с исчезновением самих селений либо существенно преобразовались, сблизившись с другими лексемами. Так, сразу два ойконима пережили одну и ту же ремотивацию *Зерема* > *Зелена*, *Зеленая*, что подразумевает неактуальность исходного термина и забвение его уже по крайней мере с XVIII в. (показательна в данном случае и смена вариантов: *Зерема* > *Зелема*, *Зюлема*).

За пределами Новгородской земли источники указывают на блр. *Зеремное*, название мельницы неподалеку от Орши в Могилевской губ., укр. *Зеремя* (польск. *Zeremla, Zaremia*) дер. Новоград-Волынского у. Волынской губ. [Vasm. RGN III 3: 505], блр. *Зерамёны*, сенокосный луг у сел. Белавичи и болото и луг у сел. Михеевичи, оба на востоке Минской обл. [Мікратапанімія: 99]; сюда же полесские гидронимы: *Зеремянка* рч. среди притоков Тетерева (некогда предполагался и скифский генезис этого гидронима, см. [Соболевский 1926: 14]), *Зеременка* (укр. *Зеремянка*) п. пр. Смолки, пр. Случи басс. Припяти [Машт. Днепр.: 167], *Зеремелька* рч. справа от Припяти [Трубачев 1968: 120—121, 253] (этот гидроним, полагаю, произведен от первоначальной гидронимической формы **Зеремя*, в свою очередь метонимически обусловившей дублетное название населенного пункта в Новоград-Волынском у.). В границах Овручского р-на Житомирской обл. Украины указывают *Зеремин*, болото и урочище близ села Левковичи, *Зеременище* ур. у села Бондари [Карпенко 2003: 97]. Термин *зеремя* отразился и в составе старорусского антропонима, но далеко за пределами области его письменных и топонимических фиксаций; см. *Зеремский* Кузьма Пашлыков, 1613 г., в Рязанской Мещере [Вес. Он.: 122].

Топонимический ряд продолжают вариантные названия с начальной фонемой *ж*. Издревле известно из псковской купчей грамоты (70—80-е гг. XV в.). пск. *Жеремишки* («на Кудепи половину пожни к своей половине и в *Жеремишкях* половину их пожни к своей половине») где-то у р. Великой примерно в 30 верстах южнее Пскова. По более поздним материалам название не прослежено, но писцовые книги XVI в. примерно в этой же местности (в Завелицкой засаде в Выбутской губе) указывают местечко *Жерема*, см. [Марасинова 1966: 63, 116, гр. 25]. Известны далее: *Жеременля* (*Жаременля*, *Жеременленка*) р. среди левых притоков Осетра в Среднем правобережном Поочье (сегодня — р. *Черемысленка*), по [Смол. ГБО: 151], *Жеременище* оз. близ Припяти в Мозырском у. Минской губ., *Жеремянка* пр. Уссы басс. Немана в Минской губ. [Vasm. WRG II: 17], *Жеремец* (польск. *Żeremiec*) дер. на р. Жарновка Игуменского у. Минской губ., *Żeremianka* хут. под гор. Сквиря Киевской губ. Украины, *Жеремяны* — два хутора в Белоруссии (в окрестностях

Волковыска у. Гродненской губ. и неподалеку от Новогрудка Минской губ.), *Жеремино* дер. на Оке Лихвинского у. Калужской губ. [Vasm. RGN III 2: 284] (последнее, надо полагать, из *Жеремено*).

Схема территориального размещения топонимов, трактуемых в связи с апел. *зеремья*, отдаленно напоминает схему локализации изосемантических названий от «бобровой» терминологии *вяжа*, *вяжище* (см. выше). Обе топонимические группы представлены наибольшим числом составляющих в западной части региона Новгородской земли, но здесь они ареально разведены: группа *Зерем-* в основном прикреплена к районам к юго-западу и к югу от Ильменя, группа *Вяжищ-*, *Вяж-* сосредоточена к западу, северо-западу и северу от оз. Ильмень (Шелонская и Водская пятины), (см. карту 10). За пределами бывших новгородских владений обе топонимические группы тяготеют к территории Белоруссии и сопредельных западнорусских и северноукраинских областей.

Судя по представленным данным, отложившийся в новгородской топонимии исходный термин *зеремья*, характеризовавший места обитания бобров, был занесен расселявшимися славянами на территорию Ильмень-Волховского бассейна с территории Белоруссии и Северо-Западной Украины (Вольнь). В регионе Новгородской земли он изменил свое морфологическое качество, утратив исконное консонантное склонение и подключившись к продуктивному *-*ѡ*-склонению. Была обобщена основа без наращения *-ен-*, а согласная *м* в начальной форме предстала отвердевшей. Эти моменты проявляются при образовании и формоизменении всей группы соответствующих новгородских названий. Наблюдая черты развития слов *письмо* или диал. *пасмо* (общеславянский ткацкий термин), возводимых к консонантным основам среднего рода на *-men* — к праслав. **pismę*, **pasmę* [Бернштейн 1974: 184—185], легко допустить подобное развитие в отношении др.-рус. *зеремья* на новгородской территории: здесь эта лексема среднего рода приобрела облик *зеремо*, что прямо удостоверяется ойконимом *Зеремо* при форме Мест. ед. *Зеремъ* (из документации 1539 г.: «въ деревнѣ въ *Зеремъ*» [НПК IV: 286]). Появление новгородского геогр. *Зерема* женского морфологического рода скорее всего отражает эволюцию уже на уровне собственно топонимическом, например, благодаря согласованию ойконима *Зеремо* с номенклатурным термином *деревня*, чему найдутся многочисленные аналогии. За пределами новгородской территории обычно обнаруживаются топонимы с наращением *-ен-/ян-* (*Зерамѣны*, *Зеремянка* и т. п.), свидетельствующие о сохранении термином-мотиватором исконного морфологического качества. Вненовгородские формы без наращения *-ен-/ян-* редки (одна из них — антропоним *Зеремский* на Рязанской земле). Ср., однако, наличие в старобелорусском языке морфологического варианта *зерема* [ГСБМ 12: 227], в котором допустимо видеть «акающую» передачу новообразованной формы *зеремо*, восстанавливаемой на основе новгородской топонимии. Что же касается топонимии на базе дублетного термина с начальной *ж* (*жеремья*), то на Новгородской земле она не обнаружена. Очевидно, дублет, испытавший «сатемизацию» (**zerdmę*), некогда имел более северную ареальную дистрибуцию.

В регионе Новгородской земли рассматриваемый термин вышел из употребления достаточно рано. Есть мнение, что его утрата произошла в связи с упадком бобрового промысла на Руси, на Северо-Западе, возможно, в конце XVII — нач. XVIII в. [Богатова 1959: 153—154]. Однако, согласно [НОС 3: 96], в говорах Вол. р-на зафиксировано слово *зерём* ‘мокрое место’: «*Зерём* — это термин охотников, *зерём* — мокрый, место сырое». В собрании новгородской географической терминологии В. П. Строговой [1991: 43] по поводу данной лексемы уточняется то, что она была записана в дер. Верехново Вол. р-на, т. е. в той же местности, где был отмечен ороним *Зеремá*, относящийся к близлежащему водному угодью, и расположена дер. *Зеремо*, указанная еще средневековой письменностью. Не является ли поэтому единичное *зерём* не чем иным, как термином-фантомом, появившимся при случайной квалификации географического названия в качестве географического термина? Благодаря пересечению двух близких классов лексики, такая погрешность нередко наблюдается при записи полевого диалектологического материала.

Кад-, Кадв-, Кадн-, Кан-, Каден-

Кадвиша п. пр. Удины, р. в оз. Коробожя басс. Мсты, течет из оз. Омша, по [СНМНГ VI: 15—17] — *Кадбиша* рядом с дер. Клакуново, Крутица, Сорокино, принадлежавшими в нач. XX в. к Васильевской вол. Бор. у. По писцовой книге Беж. пят. 1564 г. — р. *Катвиша* [НПК VI: 1044].

Гидроним, очевидно, образован с суф. *-ище* от др.-рус. **кадьвь*, ср. рус. диал. *кадовь* ‘большой чан’ (Влад., 1852 г.) [СРНГ 12: 299]. Влад. *кадовь* возводят к праслав. **kady*, Род. ед. **kadye*, слабо засвидетельствованной основе на **-i* от **kady*, см. [ЭССЯ: 111—112]; здесь же даны продолжения **kady* (< греч. *καδιον*), обозначающие емкости: рус. диал. *кадь* ‘большая кадка, бочка’, блр. *кадзь*, *кацъ* ‘кадка’, болг. *када*, сербохорв. *kād*, польск. *kadź* ‘чан, кадка’ и т. п. Многократно в новгородских грамотах на бересте встречаются *кадь*, *кадьца* как мера количества зерна [Зализняк 2004: 746], однако с основой на **-i* фиксаций до сих пор не было. Архаическое новг. геогр. *Кадвиша* интересно, во-первых, как свидетельство редкой основы, во-вторых, тем, что еще раз отражает перенос обозначения посуды в гидрографическую и далее в гидронимическую сферу. На исторической новгородской территории эту основу, вероятно, отражает еще геогр. *Кадовщина* дер. Порх. р-на (исторические сведения, однако, не выявлены), а южнее новгородской территории — гидроним *Кадовский* руч. басс. Сожа на Смоленщине [Машт. Днепр.: 217] как адъективный дериват от *кадьвь* (: **kady*). Среди аппеллятивной лексики суффиксально расширенными дериватами праслав. **kady* являются диал. *кадўля*, *кадўль*, *кадўлька* ‘небольшая бочка, кадка’ (ср. аналогичное расширение варианта **kady* с **-i*-основой, проявленное др.-рус. *кадиль* ‘кадка’ [СлРЯ XI—XVII 7: 12]), *кадўшна* ‘квашня’, известные лишь на севернорусской территории (Арх.,

Волог., Яросл., Перм., Вят., Ср.-Урал.) [СРНГ 12: 301, 302]), сюда же, может быть, относятся и словен. *kadunja* ‘корыто’, и рус. *кадушка*.

Обозначения посуды, различных емкостей типологически широко переходят в сферу рельефа, закрепляясь для обозначения углублений, выбоин, ям с водой или без воды; см. специально об этом Н. И. Толстой [1969: 218—229, 246] на примерах **kadьlbь*, **kazambь*, **kotьlbь*, **krina*, **makotьra*, **lonьсь* и др., приведший также наиболее показательное для описываемого случая словен. (доленск.) *kadica* ‘вырытая водой котлообразная яма’. В области новгородских пятин тоже отмечен гидрографический термин с похожим значением, продолжающий праслав. **kadь*: это *ка́дка* ‘запруда, где накапливается вода’ (Лодейнопольский р-н Лен. обл.) [СРГК 2: 310] — семантическое новообразование сев.-новг. говоров [Герд МЭССГ 8: 178].

Топонимия от апел. *кадь* (: праслав. **kadь*) хоть и более заметна, чем от *кадьвь*, но в целом является сравнительно редкой. На восточнославянском пространстве такие названия изредка обнаруживаются в разных, отдаленных друг от друга местностях, но наиболее заметно и разнообразно они проявляются на Русском Северо-Западе и на путях новгородской колонизации Русского Севера. Рассмотренной форме *Кадвиша* в плане деривации тождественны новг. геогр. *Кадьице* оз. в басс. Мсты (вблизи пос. Мста Твер. обл. в бывшей Дер. пят.), *Кадьици* дер. в Селижаровском р-не Твер. обл. + дер. в окрестностях Смоленска, ср. еще *Кадьице* сел. в Киверецком р-не Волынской обл. Украины [Шульгач 2001а: 59—60]. Прямую гидронимизацию субстантивов *кадь*, *кадьа* (ср. др.-рус. *кадьа* ‘кадь, сосуд из досок, скрепленных обручами’ [СлРЯ XI—XVII 7: 14]), переживших гидрографический сдвиг значения, возможно, показывают имена р. *Кадь* в Среднем левобережном Поочье [Смол. ГБО: 129], озер *Кадье/Кадю*, *Кадьозеро*, *Кадьярвь* в басс. Свири в Юго-Восточном Приладожье [СГЮВП: 63, 44, 72, 93], р. *Кадь/Кодь* 2-й пол. XIX в. неподалеку от Архангельска [Vasm. WRG II: 181] (хотя для сев.-рус. фактов вероятны и субстратные основы типа вепс. *kaid*, фин. *kaita* ‘узкий’).

Чаще встречаются образования, показывающие адеквативный суф. *-н-* (< *-ьн-*). Таков гидроним *Кадняя* п. пр. Каширки, п. пр. Мсты, на старой карте-трехверстке и в справочнике 1929 г. [Шан. РЛЮ: 224], = *Канья* по современным данным (с отражением характерной для местных говоров ассимиляции *дн > нн*). Сюда же, вероятно, *Каний* руч., л. пр. Капши, л. пр. Паши, если оно модифицировалось из **Кадний* благодаря закреплению *дн > нн > н* (подр. об этом процессе см. в анализе геогр. *Похонь*, *Прохона* и т. п.). Ср. др.-рус. *кадний*, *кадной* — прил. от *кадь* в сочетаниях *каднее молоко* ‘молоко, которое накапливают в кадках’, *кадной набат* ‘большой медный барабан’ [СлРЯ XI—XVII 7: 13], рус. диал. *ка́днее молоко* — ‘молоко, скисшее без заквашивания и слитое в кадку на корм скоту’ [СРНГ 12: 299]. В случае с новг. геогр. *Кадняя* исходный адекватив имел топографический смысл, будучи относительным к *кадь*, понимаемому как ‘углубление русла, потока’. В области пятинного деления отмечены далее средневековые геогр. *Кадно* оз. в Великопорожском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 490] (где-то близ гор. Боровичи на Мсте), *Кадница* дер. 1545 г. в пог. Никольском в вол. Рай Беж. пят. [НПК VI:

358], *Каденское* дер. 1495 г. в Вельевском пог. Дер. пят., *Кадное*, несколько селений 1545 г. в трех погостах Беж. пят. (в Егорьевском во Млеве, Михайловском в Лощемле и Покровском) и *Малое Кадное* поч. в Петровском Тихвинском пог. [НПК I: 225; VI: 243, 339, 405, 410, 491], из более поздней топонимии — *Кадницы* дер. Маловосновской вол. Уст. у. нач. XX в. [СНМНГ VIII: 52] (сегодня — *Кадница* дер. Воскресенск. Пест.). Вблизи границ новгородских пятин — твер. *Кадное* дер. Рамешковского и *Кадёнка* дер. Оленинского р-нов Твер. обл., *Кадное* оз. в Опочечком у. Пск. губ. [Шк. ОПскГ: 137], волог. *Кадник* пр. Ягорбы в Череповецком у. [СНМНГ IX: 117]. За пределами Русского Северо-Запада такая топонимия представлена единичными фактами: *Кадной* овраг в Поочье [Смол. ГБО: 57], *Кадницы/Каднице*, п. пр. Рогозянки среди притоков Северского Донца в Харьковском у., *Кадочное* оз. в басс. Медведицы в Области войска Донского [Vasm. WRG II: 23, 180].

Помимо региона Русского Северо-Запада топонимические продолжения праслав. **kadъ* получили заметную активизацию на противоположной периферии славянского мира — в Словении; ср. словен. гидронимы *Kadice*, *V Kadi*, *Kadunc*, оронимы *Kadca*, *Kadica*, *Kadnik*, *Kadice*, *Kadnica*, *Kadence*, *Kadunca* и др. (к словен. апел. *kad* ‘чан, кадь’, *kadunja* ‘корыто’). Для соседней сербохорватской территории такие названия не характерны, но они встречаются, например, в Польше: *Kadzionka* оз., *Kadka*, *Kadzice* [Bezl. SVI I: 245—246], *Kadecki Potok*, оз. *Kaduczek* в басс. Вислы [HW: 332], приводят и *Kadov*, двуосновное *Městikád’* в Чехии [Šmilauer 1970: 87; Prof. MJ II: 180].

КАМ-, КАН-, КАМЫК-, КАМЫШ-, КАМЕН- и др.

Камский Мох — болото рядом с оз. Вяжицким неподалеку от Николо-Вязицкого монастыря под Новгородом [Истомина, Яковлев 1989: 146], на карте-трехверстке 1863 г. подписано *Камской Мох*. Топоним этот сегодня практически исчез из живой речи (местные жители соседней дер. Вяжищи Новг. р-на именуют болото *Большим* либо вообще не сообщают названия, на современных картах оно отмечено как *Долговский Мох*), хотя в современной хозяйственной документации все еще фигурирует *Камский Мох* как наименование торфяного месторождения вблизи Вяжищ. В писцовых книгах Вод. пят. XVI—XVII вв. это болото дано как *Каменский Мох*. В описании Заверьяжья Вод. пят. упоминаются дер. (пуст.) Шапкина «во мху Каменском» под 1568, 1582, 1612 гг. и дер. у Копетцкого села «у мху у Каменского» под 1540 г., причем эти средневековые пункты локализованы (см. [Селин 2003: 102, 103, карты I—2, I—3, I—4, I—5]) там, где позднее топографические карты указывают *Камский Мох*⁵³. Кроме того, посреди *Каменского (Камского) Мха* ста-

⁵³ Судя по писцовой документации, название *Каменский Мох* (или *Каменское болото*) распространялось в XVI в. и дальше к северу от совр. Камского Мха на многокилометровую цепь смежных болот между Волховом и Керестью, в том числе оно охватывало обширное

рая карта-трехверстка 2-й пол. XIX в. [ВТКЗверст] показывает оз. *Каменное* (на совр. картах — оз. *Вяжицкое* или смежное с ним *Горийское*) с вытекающей из него р. Веряжей, которая в своих верховьях (от оз. Каменного до дер. Вяжищи) еще в нач. XX в., называлась *Каменка*, на левом берегу Каменки в дер. Вяжищи значился Николо-Вяжицкий монастырь [СНМНГ I: 88—89].

Обрисованная топонимическая микросистема *Каменский (Камский) Мох* — *Каменное оз.* — *Каменка р.* безусловно предполагает трактовку названия *мха* (как сев.-рус. обозначения болота) *Камский* в значении ‘каменный’. За этим названием стоит специфическое диалектное образование, находящее ряд равноструктурных соответствий главным образом на Русском Северо-Западе⁵⁴. В плане деривации в нем следует видеть относительное прилагательное с суффиксом *-ск-* (< *-ьск-*) от архаического диал. (новг., пск.) обозначения камня, ср. *кама* ‘камень’ (Осташк. Твер., 1855 г., Верхняя Волга, Валдай) и его деминутивы *камунька*, *каманюшка*, *каманёк* ‘камешек’ (Осташк. Твер., 1855 г.) [СРНГ 13: 13, 14, 29]. Слово *кама*, сохранявшееся в окрестностях оз. Селигер еще в сер. XIX в., отражает диалектный переход из исконного консонантного склонения в новое **-ǫ*-склонение (*кама* < *кату*, Род. ед. *катене*), который имел место в ранних славянских говорах Русского Северо-Запада, но порой случался и в других регионах Славии, ср. сербохорв. диал. *кама* ‘камень’⁵⁵.

Тот факт, что писцовые книги XVI в. именуют болото под Новгородом *Каменский Мох* (а не *Камский*), объясняется многовековым сосуществованием двух тесно сопряженных морфологических вариантов, узкодиалектного и общерусского, данного названия. При этом по понятным причинам московские писцы XVI в., описывавшие новгородские погосты, ориентировались на общерусский вариант, тогда как в речи местных жителей параллельно сохранялся и узкодиалектный вариант, закрепившийся в официальной топонимической номенклатуре сравнительно поздно. Аналогичное «переключение» с одного морфологического варианта основы на другой демонстрирует также новг. геогр. *Каместика* с вар. *Каменистика*, подр. о нем см. ниже.

болото, именуемое на современных картах *Замошским*. Например, в описании Григорьевского Кречневского пог. писцовая книга Вод. пят. 1500 г. отмечает дер. Земтици у Вежок «надъ *Каменьским болотомъ*» и дер. Замошье Большое «надъ болотомъ на(дъ) *Каменьскимъ*» [НПК III: 2], а сегодня на месте этих селений локализуются дер. Вешки, дер. Большое Замошье (и между ними оз. Земтицкое) при *Замошском болоте*, Новг. р-н.

⁵⁴ Ранее мною было подробно обосновано мнение о том, что широко известный на Русском Севере, Северо-Западе, в Прикамье и Сибири фразеологический оборот со сравнением *провалиться* (*попасть*, *кануть* и т. п.) *как в камский мох* ‘пропасть неизвестно куда’ имеет свои истоки как раз в рассматриваемом названии болота *Камский Мох* вблизи Новгорода, см. [Васильев 2012].

⁵⁵ В разных славянских языках встречаются преобразования также в рамках иных словоизменительных парадигм, ср. сербохорв. диал. *ками*, *кам* ‘углубление в камне, в котором скапливается вода’, польск. диал. *кат* ‘камень’, полаб. *kotóí*, по: [ЭССЯ 9: 138; Бернштейн 1974: 172].

Помимо топонима *Камский Мох* адъективную деривацию с суф. *-ск-* от диалектного обозначения камня показывают средневековые новг. геогр. *Камско*, или *Камска*, дер. Воскресенского пог. Шел. пят. под 1498 и 1539 гг. [НПК IV: 353; V: 245] и, может быть, *Камеская*, см.: «...Да у *Камеской* деревни угодыя, что перемыло рекою Отмою (Осьмою. — В. В.) полевые земли, пашенные» в описании пог. Коломенского на Волхове Обон. пят. 1563/64 г. [ПKNЗ 2: 66]. Сюда же геогр. *Канско*, прикрепленное к поч. под 1568 г. и к дер. под 1709 г. на р. Оредеж в Тесовском пог. Вод. пят., но известное по материалам Ген. меж. 1788—1791 гг. как *Камык* пуст. в Луж. у. [Селин 2003: 124]. В этом же ряду форм трактуются названия дер. *Камско* в Сокольском р-не Вологодской обл. и руч. *Камский* в Виноградовском р-не Архангельской обл. [ТК ТЭ] как отражения лексем, распространившихся с новгородской колонизацией на восток.

На новгородско-псковской территории дериваты без наращения *-ен-* от *кама* встречаются также в иной адъективной суффиксации. Иногда они фиксируются не только в топонимии, но и в апеллятивной лексике.

Прилагательное с суффиксом *-ист-* отражают гидроним *Каместый* руч. у дер. Лехово Молволицкой вол. Дем. у. 1909 г. [СНМНГ II: 57] (рядом с ним указана рч. *Каменка*), микропонимы *Камистый Ручей* (дважды: как название покоса у дер. Запротетно близ оз. Селигер и пашни в Дем. р-не) [НОС 4: 16] и *За Камистым ручьем* покос у дер. Заозерье Ост. р-на [Никитин 1962б: 108]. Ср. новг. диал. *каmistый* 'каменистый, изобилующий камнями' (Ходыриха, Дем. р-н) [КНОС]. У юго-западных границ Дер. пят. локализуется геогр. *Каместика* рч. в Холм. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: 466] (по более поздним данным — *Каменистика* л. пр. Свирицы, п. пр. Куныи, п. пр. Ловати) — производное от *камист(ый)*, = *каменистый*, с редким архаическим формантом *-ика*.

Более старые апеллятивные формы с адъективным суффиксом *-н-* (< *-ьн-*) показывают новг. геогр. *Камницы* дер. на оз. Пирос в Рютинском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 452] (= *Камница* пуст. Валд. у. в конце XVIII в. [ИАДП 1: 253]), равно как в Псковской земле геогр. *Камно*, сегодня городище, а ранее известный погост рядом со Псковом, упоминаемый летописями под 1238 г., когда псковичи «избиша Литву на *Камне*», под 1341 г. во время осады немцами Изборска («ставше станми на *Камне*»), затем в 1407, 1487 гг., см. [Янин 1998: 120; Мельников 1984: 76—78]; рядом с городищем течет рч. *Камёнка* (< *Камно*), л. пр. Великой⁵⁶.

⁵⁶ Диалектный словарь [СРНГ 13: 27] определяет пск. лексему *камно́* следующим образом: «Место на западной оконечности, границе. Слово, вышедшее почти из употребления и оставшееся теперь уже для многих мест собственным» (Пск., Опоч. Пск. с отсылкой к материалам Карпова, 1855 г.); «Слово, обратившееся в название многих пограничных урочищ, но начально, кажется, означавшее грань, между, обозначенную камнем» (Пск. со ссылкой на словарь В. И. Даля). Однако представляется, что лексического диалектизма *камно́* в Псковской обл. нет (по крайней мере в картотеке ПОС он не зарегистрирован), зато издревле хорошо известен топоним *Камно́*, но и он представлен не во многих местах (пограничных урочищах), а прикреплен к погосту под Псковом. Видимо, название этого погоста и явилось первоисточ-

Топонимы отсылают к др.-новг., др.-пск. **камьнии* ‘каменный’, наряду с волог. *кámница* ‘груда камней’, ‘куча каких-либо предметов’, ‘беспорядочное расположение (домов, построек и т. п.)’: «Деревня построена *камницей*» [СРНГ 13: 27]. Данное слово, распространившееся от новгородской территории далеко к северу и северо-востоку, приобрело там и более специализированное значение ‘печь, сложенная из камней в бане, курной избе, хлеве’ и т. п. (Сольвыч. Волог., Прикамье, Сев.-Двин., Арх.) [Там же].

Отадъективные топонимы с основой **камьн-* получили заметное развитие на противоположном конце славянского мира — в Словении, это геогр. *Kamno*, *Kamno Brdo*, *Kamnik* (дважды), *Kamnica*, *Kamniški Potok* (дважды), *Na Kamnu*, сюда же средневековый (в документе 1524 г.) топоним *Skamnitza* с префиксом *s-* [Bezl. SVI I: 247—248; Snoj ESSZI: 184].

Основа Им. ед. праслав. **кату* имела способность осложняться суффиксом существительного. В этой связи любопытны старописьменные названия **Камык** и *Камык Меньшой* соседних деревень в Климецком Тесовском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 69, 75], отмеченных под 1568 г., соответственно, как дер. *Камык* на рч. Рыденке и дер. *Камочка Меньшая*, под 1582 г. — уже пуст. *Камык*, в материалах Ген. меж. 1788—1791 гг. — пуст. *Большая Камочка* и пуст. *Малая Камочка*, № 1279, 1280 [Селин 2003: 119]. Еще одна дер. *Камык* указана в этом же погосте в конце XVIII в. (см. *Канско*, выше). Геогр. *Камык* равно апел. *камык* ‘камень’, спорадически «всплывающему» в разных славянских языках; ср. ст.-слав. **камыкъ** (в Супрасльской рукописи), болг. диал. *kámik*, сербохорв. *kámik*, чеш. *kamýk*, *kamejk*, польск. *kamuk*, полаб. *komóikэ* — дериваты с суф. *-къ* от **кату* с первоначально деминутивным значением [Бернштейн 1974: 172—173]. Из старославянского языка сущ. *камык* ‘камень, скала, утес’ с уменьш. *камычец*, прил. *камычный* проникли в русские церковнославянские тексты, см. [СлРЯ XI—XVII 7: 50—51]. В Чехии *Kamuk* является часто повторяющимся топонимом [Prof. MJ II: 200—201]. Судя по новг. геогр. *Камык*, в регионе Новгородской земли тоже встречалась данная словообразовательная структура, которая репрезентирует, как и представленные выше факты, архаическую деривацию от основы Им. ед. без морфологического элемента *-ен-*.

В структурно-деривационном отношении с названием *Камык* обнаруживают сходство средневековые новг. геогр. *Камышок*, *Камышки*. Дер. **Камышок** («в вопчей деревне в *Камышке* ⟨...⟩ что за Папоротцким монастырем») значилась в Мытенском пог. Обон. пят. 1495/96 и 1563/64 гг. [ПКНЗ 1: 281; 2: 152]. Среди селений соседящего с Мытенским Коломенского пог. на Волхове книгой 1563/64 г. описывается другая дер. **Камышок** [ПКНЗ 2: 64] (впрочем, трудно сказать, идет ли речь о двух разных селениях либо об одном селении на пограничье двух погостов-округов). В вол. Поляна в Покровском пог. Беж. пят. писцовая книга отмечает дер. **Ка-**

ником всех дальнейших «фиксаций», умноженных и осмысленных как апеллятив в трудах собирателей.

мышки под 1545 г. [НПК VI: 306]. Апел. *камышькъ*, выявляемый этой ойконимией, восходит к архаической форме Им. ед. **кату* [Бернштейн 1974: 173, 196—197].

К иным дериватам без наращенного *-ен-* относятся геогр. *Каманишник* ур. близ северного плеса оз. Селигер (у дер. Гославль, Ковряки Селигерск. Дем.), деривационно связанное с лексемами типа *каманёк*, *каманюшка* ‘камешек’, см. выше), двусосновное новг. *камотёс* ‘каменотес’ (Люб., Мош.) [НОС 4: 16], волог., влад. *камобой* ‘камнебой’ [СРНГ 13: 27].

Разумеется, топонимов и апеллятивов, показывающих общерусскую основу *камен-*, в регионе Новгородской земли обнаруживается несравненно больше, чем с основой *кам-*. Особенно часты, как по современным, так и по средневековым материалам, такие гидронимические и ойконимические названия, как *Каменка*, *Каменец*, *Каменный*, *Каменное*, *Каменский*, *Каменское*, *Каменок* и т. п. Часть архаических дериватов от *кам-*, надо полагать, попала под влияние этого топонимического массива и была преобразована в общерусские формы.

КЛЕЩИН-, КЛИЩИН-, ЛЕЩЕВ-

Клешино дер. Любытинск. Люб. у оз. *Верхнее Клешино* и *Нижнее Клешино*, стекающих по протоке в оз. Городно басс. Чагоды; в нач. XX в. указывалась в составе Никандровской вол. Бор. у. на оз. *Клешино* [СНМНГ VI: 78—79]. Для эпохи конца XVIII в. — дер. *Клешино*, 10 дворов, на суходоле, «а дачею при озерах *Большого* и *Малого Клешина*», № 2051, по [КГарн], в сер. XVI в. — дер. *Клешино*, 6 дворов, числилась в Спасском Молодиленском пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1059].

Другая новгородская дер. *Клешино* тоже находилась в Бор. у., но в Шереховской вол. близ оз. Черного [СНМНГ VI: 136—137]. К 1980-м гг. пункт исчез, хотя отмечен еще списком селений Бор. р-на 1967 г. и сохраняется в памяти местных старожилов, которые передают топоним в произношении *Клёшино*. Данная дер. *Клешино* указана в Ген. меж. 1785 г., № 495 [КГарн], а ранее описывалась писцовыми книгами Беж. пят. под 1564 г. в пог. Никольском в Шереховичах и под 1501 г. как дер. из 5 дворов в дворцовой вол. Белая [НПК VI: 11, 887]. На территории Бор. у. старая письменность фиксирует еще две пустоши, называвшиеся *Клешина* и *Клешино*: первая дана на плане Ген. меж. 1785 г. в Васильевской вол. (северо-восточнее гор. Боровичи неподалеку от оз. Коробожя, где по совр. данным обнаруживается маленькое оз. *Клешино* близ дер. Стряпово, Меглино Осташевск. Мош.), вторая известна по писцовой книге 1626—1627 гг. в пог. Петровско-Борисоглебском Беж. пят. вблизи Боровичей [КГарн].

Клешино оз. в басс. Мсты рядом с дер. *Большое Клешино* дер. и ур. *Малое Клешино* Лыкошинск. Болог. вблизи восточного берега оз. Пирос, ранее принадлежали Рютинской вол. Валд. у., где списки 1909 г. указывают, помимо деревень, еще ус. *Большое Клешино* и *Малое Клешино* [СНМНГ V: 78—81]. С озером отождествляется оз. *Клешинец* в Рютинском пог. Дер. пят. 1495 и 1538/39 гг. («въ озерѣ въ Кле-

цинифь» рядом с оз. Долгое, Круглое), а с селениями XX в. — пара дер. *Клецинец* «на озере на *Клецинице*» этого же погоста [НПК I: 437, 442—443, 449; ПКНЗ 4: 115, 116, 117; 5: 204].

Клецино оз. со стоком в оз. Гнилое, связанным с озёрами Малая Кжемля и Большая Кжемля басс. Мологи, Удом р-н, приравнивается к оз. *Клецино*, близ которого стояло дер., или сц., *Клецино* в Никольском Удомельском пог. Беж. пят. под 1499, 1545 и 1551 гг. [ПКНЗ 1: 158, 159, 161; НПК VI: 276, 278, 417, 669, 670] (там же, согласно писцовым книгам, лежало оз. *Жемле* = совр. *Малая Кжемля* или *Большая Кжемля*).

Клецино оз. близ истоков Волги, Пен. р-н, со стоком в оз. Лопино, связанным с оз. Хвошня и Истошня. Материалы по Твер. губ. 2-й пол. XIX в. указывают здесь родниковое оз. *Клецино* и руч. *Клецинка* Ост. у. [Vasm. WRG II: 348]. Идентифицируются с оз. *Клецино* и р. *Клециница*, указанными Жалованной разводной грамотой сер. 1480-х гг. в Велильской вол. Дер. пят. («А *Клециницею* вверх в *Клецино* озеро») [ИАДП 2: 194], в писцовой книге 1495 г. — оз. *Клицино* вблизи оз. Источно и Хвошно [НПК II: 784].

Клецино оз. в басс. Мологи со стоком в оз. Судомля, Вышн. р-н, по-видимому, следует отождествить с оз. *Клецино*, смежным с дер. *Клецино* в пог. Воскресенском в Осечне Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 90—91].

Только из старописьменной документации известно об оз. *Клецинец*, иначе *Клицинец*, в Ситенском пог. Дер. пят. под 1495, 1538/39 и 1550/51 гг. (неподалеку от оз. Луком, Поддубье, Боровно) [НПК I: 572, 591, 610, 611; ПКНЗ 4: 125, 126; 5: 140, 144, 146, 149, 150]. Сегодня это озеро именуется *Губа* и лежит в Ок. р-не к югу от оз. Боровно, в которое стекает через оз. Ладово: данный вывод следует из того, что указанная в описании Ситенского пог. 1495 г. дер. *У озера у Клецинца* [НПК I: 567] предстает в Ген. меж. конца XVIII в. как пуст. *Губа* [ИАДП 1: 263; 2: 35], находившаяся на восточном берегу оз. *Губа*. В свою очередь только по спискам водоемов и крупномасштабным картам не ранее XX в. оказались известны пара маленьких озер **Клецино** басс. Мсты, 13,5 и 7,6 га, рядом с оз. Шерегородо, Люто, Пелено и сел. Кончанско-Суворовское Бор. р-на, оз. **Клецинко** в Люб. р-не со стоком в рч. *Клецинка* басс. Чагоды (см. еще [Шан. РЛЮ: 451]), оз. **Клецинко**, или *Клецинка*, в Ок. р-не со стоком в оз. Мышино басс. Мсты⁵⁷.

За пределами Новгородской земли топосоответствий совсем немного: *Клецино* дер. на р. Улла Лепельского у. Витебской губ., *Клецино (Сакулино)*, сел. Вязниковского у. Владимирской губ. [Vasm. RGN IV 1: 196]. Хорошо известное оз. *Плещево (Переяславское)* на юге Ярославской обл. в др.-рус. летописях Северо-Восточной

⁵⁷ Местные жители близлежащей дер. Варгусово Ок. р-на описывают это озерко как омут большой неопределенной глубины, в котором по преданию, записанному в 1998 г., вода имеет «притягательную» силу [ЛЗап]. Несомненно, речь идет о глубоком карстовом водоеме с периодически уходящей под землю водой, каких в этой части Валдайской возвышенности обнаруживается весьма много.

Руси именуется также *Клецино* [ЛЛ: 10]⁵⁸, а стоящий рядом гор. Переславль-Залесский — гор. *Клецин* [НПЛ: 447]; кроме того, в Подмосковье известен руч. *Клецинский*, л. пр. Москвы, в Тульской губ. — балка *Клецинская* [Смол. ГБО: 108, 144, 212]. Геогр. *Kleščino* имеется также в Македонии, *Klieštíná* в Словакии, по данным С. Роспанда [1972: 25].

Таким образом, перечисленные топонимы преимущественно сосредоточены на Русском Северо-Западе. Исконная гидронимическая принадлежность основы *Клецин-* либо прямо явствует из приведенных материалов, либо подразумевается тогда, когда названия селений и смежных водоемов совпадают: в этих случаях ойконимы обычно дублируют первоначальные гидронимы, причем чаще всего названия озер⁵⁹. Все такие гидронимы производны от обозначения рыбы лещ (*Abramis brama*), которое в некоторых диалектах восточных славян (др.-новг., др.-пск.) встречалось в фонетическом облике *клець*; см. подр. о нем [НГБ 1977—1983: 120—121]. Слово *клець* ‘лещ’ содержит новг. бер. гр. № 169 конца XIV в. [Зализняк 2004: 656], как название рыбы *клець* содержится в ст.-рус. лечебнике XVII в. [СлРЯ XI—XVII 7: 169], проявляется в совр. поговорке *клец на уду* — недоброе пожелание рыбаку (Свердл.) и, возможно, в диал. *клѣчик* ‘рыба лещик’ (Ильмень, Волхов, Дон, верхнее течение Днепра) [СРНГ 13: 282, 292], если последнее преобразовано из *клецик*, см. [Николаев 1989: 192]. Ср. очевидные соответствия у западных славян: др.-польск. *kleszcz* ‘лещ’, ‘какая-то рыба’ (но совр. польск. *leszcz*, хотя формы с начальным *kl-* тоже встречены в польск. говорах)⁶⁰ наряду с геогр. *Kleszcznica* р. на севере Польши [Babik 2001:

⁵⁸ См., например, в летописи по списку Лаврентия, с. 10: «...на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на *Клецинѣ* озерѣ Меря же». Совр. лимноним *Плещеево*, очевидно, результат ложно-этимологического переосмысления др.-рус. названия озера. Это переосмысление случилось на фоне и при поддержке некоторых созвучных лексем, обладающих смысловым сходством и, возможно, этимологическим тождеством, ср. диал. арх. *клеци́ть* ‘хлопать в ладоши’ и смол. *плеца́ть* ‘хлопать, бить в ладоши’, сев.-рус. *кля́ций* (в сочетаниях *кля́ций мороз*) и *пля́ций* ‘очень сильный, жгучий, палящий (о действии огня, холода)’ тоже в севернорусском ареале [СРНГ 13: 293, 341; 27, 138, 177—178], сев.-рус. *клѣск* ‘рыба чешуя’ [Там же: 283] наряду с *плѣск* — обозначением рыбьей чешуи в онежских говорах [СРГК 4: 540]. Кроме того, нельзя отрицать влияние топонимического окружения: так, сравнительно близко от оз. *Клецино* (> *Плещеево*) стоит дер. *Плещеево*, которая сегодня числится в соседнем Калязинском р-не Твер. обл.

⁵⁹ Действие этой закономерности столь регулярно, что легко распространить ее и на те случаи, когда названия смежного селения и водоема не совпадают. Так, указанная выше новгородская дер. *Клецино* Бор. р-на стоит при оз. Черном, но данный факт не отменяет вторичности ойконима; он говорит скорее о том, что оз. Черное когда-то носило название *Клецино*.

⁶⁰ Польский историк XV в. Ян Длугош упоминает о рыбе *kleszcze*, о которой он имеет лишь самое приблизительное представление (коль скоро поясняет это польское слово лат. *forcipes* ‘клещи, тиски’). Рыба эта водится в озерах Холмской земли на востоке Польши. Длугош дает следующее описание этих озер: «*Swythasz* — большое озеро в Холмской земле близ деревни с тем же названием, составляет пять миль в окружности, две мили — в длину, одну — в ширину и дает прекраснейшую рыбу *kleszcze* (клещи. — *Ред.*), [т. е.] *forcipes*». (...) «Также *Vyaluе* —

416—417], словин. *klješč*, н.-луж. *klěšć*, ст.-чеш. *dlešč*, совр. чеш. *dlešec*, *dlešt'* [НГБ 1977—1983: 121; Усачева 1999: 78—79].

Приведенные названия показывают старую адъективную основу с суф. *-ин-* (*Клецин-*), которая отражена в пск. *клеці́нцы* ‘трехстенная ставная сеть для ловли на Чудском оз. лещей’ [Даль ТСЖВЯ 2: 117], *клеці́нец*, *клеші́нец*, *клеці́нцы* ‘род рыболовной снасти’ (на Псковском, Чудском и Ладожском оз.) [СРНГ 13: 292]. Ср. еще в составе ст.-рус. личн. наименования: *Клецин* Андрей Петрович, бельский помещик, 1610 г. [Туп. СДЛСИ: 573]. В плане деривации показательно, что в говорах наличествует и параллельная основа *лецин-*, хотя и более редкая; ср. пск. *леці́нка* ‘сеть для ловли лещей’ [СРНГ 17: 37]. Более поздняя деривационная модель представлена присоединением суф. *-ев-* (*-ов-*) к основе общерус. *лещ*, что дало прил. *лещевóй*, *лещóвый* наряду с распространенными геогр. *Лещево*, *Лещовая* и т. п. Лишь в редких случаях можно видеть присоединение суф. *-ев-* к основе др.-пск., др.-новг. *клещь* ‘лещ’. На Русском Северо-Западе таковыми, очевидно, являются названия р. *Клещевец*, л. пр. Псковы, п. пр. Великой восточнее Пскова, залива *Клещевая губа* (иначе *Лещевая губа*) на территории Заонежья (Кажемский с/с) [Муллонен 2008: 76], менее вероятно отнесение сюда названия *Клещово* дер. в Жедрицком пог. Шел. пят. 1524 г. [НПК V: 376].

Неоднократное отражение топоосновы *Клецин-* в средневековой писцовой документации само по себе подчеркивает ее архаичность, особенно выразительную на фоне того, что названия типа *Лещино* в НПК вовсе не прослеживаются, а геогр. *Лещево* отмечено в них всего лишь единожды: это дер. в Деманском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 547] (сегодня вблизи средневековой деревни известно только оз. *Лещево* басс. Полы в Дем. р-не, Песоцкое с/п).

Хотя диалектная черта *kl-* (< **tl-*) характерна более для древних псковских говоров, обращает на себя внимание преимущественное сосредоточение новгородской топонимии на *Клецин-* к востоку от Ильменя, обычно в Среднем и Верхнем Помостье (см. карту 11). Ее закрепление в бассейне Мсты, равно как в Нижнем Поочье, очевидно, следует объяснять продвижением носителей др.-пск. (севернокривичских) говоров далеко на восток.

Интерпретация рассматриваемого типа названий существенно затруднена тем обстоятельством, что они созвучны топонимии, допускающей осмысление на базе омонимичных обозначений насекомых (*клещ*) или даже плотницкого инструмента (*клещи*). Разумеется, эти хорошо известные общерусские апеллятивы тоже получа-

большое озеро Холмской земли, расположенное в пустынном месте между двумя деревнями Radstow и Wethlye, составляет одну милю в длину и половина в ширину, дает до того жирную рыбу *kleszcze*, что их жиром наполняют множество сосудов» (фрагменты из «Польской истории» Яна Длугоша по [Щавелева 2004: 220, 221]). Речь идет, надо полагать, о лещах, которые водятся в близлежащих озерах: *Swythasz* (= оз. *Свитязь* на северо-западе совр. Волынской обл. Украины у границы с Белоруссией и Польшей) и *Vyalye* = оз. *Белое* между селами *Radstow* (= совр. *Радостово* в Брестской обл.) и *Wethlye* (= совр. *Ветлы* у р. Припять на севере Волынской обл.).

ли топонимическое закрепление (в первую очередь через стадию антропонимизации, ср. фамилию *Клецев*, прозвище *Клещ*). К топонимии данного генезиса относятся, очевидно, значительное большинство названий *Клецево*, *Клецев*, *Клецово*, *Клещи*, которые, в отличие от преимущественно водных названий типа *Клешино*, не показывают отчетливого тяготения к территории Русского Северо-Запада, в целом более многочисленны в поздних топонимических собраниях и в подавляющем большинстве выступают ойконимами; см. немалое их количество в [Vasm. RGN IV 1: 196]. Конечно, и среди них не исключены дериваты, мотивированные др.-рус. диал. обозначением леща, но необходимы отдельные разыскания в каждом конкретном случае.

Колм-, Колом-, Коломн-, Коломен-, Коломиш- и др.

Колмово район в северной части Великого Новгорода. Данный топоним впервые отмечается в летописях под 1386 г.: «А церкви деревяных 6 пожгли: ⟨...⟩ Михайло святый на *Колмове*» [ПСРЛ 4: 94], затем под 1392 г. в связи с устройением монастыря новгородским посадником: «Юрьи Онцифоровичь постави церковь святыя Богородица Успение на *Колмове*, и монастырь устрои» [Там же: 140]. Другие ранние летописные упоминания Успенского монастыря «с *Колмова*» (или «на *Колмовѣ*», «на *Кольмовѣ*») датированы 1415, 1416, 1418, 1423 гг. [НПЛ: 405, 407, 412], см. также [НЛ: 39, 50]⁶¹.

Кроме того, писцовая книга Шел. пят. отмечает дер. **Колмово** в Южном Приильменье — в Коростыньском пог. 1498 г. [НПК IV: 21], с которой идентифицируется дер. *Коломо* (*Колом*) Подгощской вол. Ст-Рус. у. 1909 г. [СНМНГ III: 102—103], сегодня — дер. *Коломо* Подгощск. Шим. В свою очередь, в пог. Ильинском Тигодском Вод. пят. значилась дер. **Коломово** 1500 г. [НПК III: 405] (рядом с дер. Заборовье, Фехново «на Раунѣ»), то же в документации 1539/40 и 1568 гг., но под 1585 г. — уже пуст. *Коломово*, в Ген. меж. 1788 г. — пуст. *Коломовка* [Селин 2003: 222], по списку селений 1907 г. — дер. *Коломовка* (с одноименной усадьбой) в Чудовской вол. Новг. у. на р. *Коломовка* [СНМНГ I: 104—105], сегодня — руч. *Коломовский*, п. пр. Равани, п. пр. Тигоды, л. пр. Волхова.

При истоке Волхова из оз. Ильмень имеется древнее ур. **Коломцы**, о котором известно по летописям с 1310 г., когда архимандрит Кюрил «постави церковь камену на *Коломцах* ⟨...⟩ Успѣние святыя богородица»; возникший здесь Троицкий Коломецкий монастырь летописи упоминают далее под 1325 г. («къ святѣи Бого-

⁶¹ Как пишет архимандрит Макарий, древний Успенский Колмов монастырь стоял «близ Новгорода, на север в трех верстах, на левом берегу реки Волхов вниз по течению, а на правом — ручья *Колмова*, от которого и название свое имеет» [Макарий 1860: 587]. Сегодня вся эта местность в городской черте Новгорода. От монастырского комплекса сегодня сохранились церковь Успения конца XVII в. и часть трапезной XVI в. с надстроеной над ней в конце XVII в. колокольней [Петрова и др. 2000: 137].

родицы на *Коломци* въ свои монастырь»), под 1420 г.: «с *Коломецъ* и церковь снесе святую Троицю» [НПЛ: 93, 333, 340, 413], см. также [НЛ: 26, 27, 134]⁶². Сообщается, что монастырь прекратил существование в 1680 г.⁶³ Сенокосы близ ур. *Коломцы* часто отмечаются в описных и оброчных книгах пригородных пожен Новгородского дворца 1535/36—1539/40 гг. [ПKNЗ 1: 317, 319, 349, 360, 364, 369, 372], а к северо-востоку от урочища, между *Коломцами* и Михайловским монастырем на Сковородке, следует локализовать средневековое *Коломенское* болото (судя по указанию на пожню «за Михайловым монастырем в *Коломенском* болоте») [ПKNЗ 1: 360, 367]. Совр. материалы, рядом с урочищем, показывают еще *Коломец* как название мыса и залива в истоке Волхова («*Коломец* — это мыс, где Волхов кончается, а Ильмень начинается. И залив там, запашина така, тоже *Коломец* зовется» [НОС 4: 88—89]), здесь же отмечен руч. *Коломец*, впадающий в оз. Ильмень.

К этому топониму вблизи Новгорода находятся межтерриториальные параллели, представленные средневековыми новгородскими ойконимами в Дер. пят.: *Коломца* дер. в Полищском пог. 1495 г. [НПК II: 249] и *Коломца* дер. в Тяхольском пог. 1495 г. [НПК I: 708], о которых более поздних известий не найдено. У южной окраины Старой Руссы в древности было ур. *Коломец*, отмеченное в оброчной книге 1672/73 г.: «...Владеть им, старорушаном посадцким людем, старинною посадцкою тяглою землею дворовыми и огородными и варничными местами на *Коломце* (...) поперек той *Коломенской* земли от огорожеников огородные земли и з болотным местом до Порусья» [ППКСР: 381, 390]⁶⁴. Ср. еще ур. *Коломец*, или *Колонец*, в северных окрестностях Старой Руссы; согласно [НОС 4: 88], так называется высокий берег около Сереберского острова (близ впадения Ловати в Ильмень).

Иные новгородские топонимы, весьма многочисленные, почти все представлены названиями с основой *Колом(е)н-*. В основном они сравнительно плотно локализируются в центральных районах Новгородской земли. Наибольший процент их сохранения показывают писцовые книги конца XV—XVI в.

Из них самую богатую письменную историю имеет *Коломно* сц. на р. Поле в Курском присуде в Налючском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 638, 647]. Еще

⁶² Составитель новг. 3-й летописи смешал сведения о двух разных новгородских монастырях — Колмовском и Коломецком, ср. запись о событиях 1310 г.: «Церковь каменну постави на *Коломцахъ* архимандрить Кирилль Георгиева монастыря, во имя Пресвятыя Богородицы Успения, послѣди же *Колмово* именовался» [НЛ: 214]. Позднее издатели повторили ошибку летописца, объединив в географическом указателе к летописи ссылки на эти разные топонимы: *Колмово* (*Коломцы*) под Новгородом, см. [Там же: 521].

⁶³ «Опустошенный во время шведской оккупации, монастырь был возобновлен в 1653 г., но в 1680 г. после сильного разлива оз. Ильмень, подмывшего монастырские строения, он был приписан к Липенскому монастырю, в который была перенесена утварь и церковь» [Петрова и др. 2000: 137].

⁶⁴ Сегодня это часть городской территории Старой Руссы у правобережья р. Порусья вблизи Авиагородка.

раньше данный пункт упомянут бер. гр. № 31 из Старой Руссы (2-я пол. XII в.), согласно которой некий Коленец сообщает Самуйле следующее: «не печали селе ти есемо *коломене* на лодию» — ‘не беспокойся, я сел в Коломне на ладью’ [Зализняк 2004: 449]. Кроме того, название данного пункта опосредованно отразилось в новг. бер. гр. № 580 (40—50-е гг. XIV в.): берестяной документ, являющийся завещанием, указывает на участок земли на *Коломенецкой стороне*, т. е. неподалеку от села *Коломно*, по обе стороны Деревецкого пути (известно, что через Коломно на Поле в древности пролегал путь в Деревскую землю), подр. см. [Зализняк 2004: 548]. После XV в. средневековый ойконим *Коломно* упростился до *Колома*: этот, последний, вариант дан на плане Ст-Рус. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 221], на картах XIX в. и в списке селений Ст-Рус. у. 1909 г., в котором отмечено село *Спасское* (*Колома*) с примыкающим пог. *Спасское-Колома* в Коломской вол. [СНМНГ III: 64—65], сегодня — дер. *Колома* Залучск. Ст-Рус.

Вместе с тем, в разных новгородских пятинах имелось четыре (!) средневековых *Коломенских* погоста-округа, описания селений которых появляются с конца XV — нач. XVI в. Вдоль левого берега Ловати ниже Холма располагались деревни, тянувшие к *Коломенскому* пог. Шел. пят. [НПК IV: 140, 322, 366, 472—478; V: 224—226, 243; VI: 47; ПКНЗ 5: 214], центром его было сел. *Коломно* (см. в дозорной книге Старой Руссы 1611 г.: «живет в *Коломне* на погосте» [ППКСР: 100]), = *Коломно* село со смежным погостом такого же имени в Перегинской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 94—95], сегодня — дер. *Коломно* Селеевск. Под. Второй *Коломенский* пог. находился к северу от Новгорода, на Волхове, с селениями в Вод. и Обон. пят., которые описываются с 1496 г. [ПКНЗ 1: 301]⁶⁵, затем под 1500, 1550/51, 1563/64 гг. [НПК III: 455—474; ПКНЗ 2: 8, 20, 60—63, 165] и позднее; центральным селением являлось сд. *Успенья Пречистой на пог. Коломенском* под 1500 г., бывшее на левом берегу Волхова, отмеченное затем как пог. *Коломна* 1582 г., или пог. *Коломенской* 1718 г., или село *Коломно* под 1646, 1678, 1709, 1788 гг. [Селин 2003: 242], по списку 1907 г. — это село *Коломно* с одноименной усадьбой в Спасско-Полистной вол. Новг. у. [СНМНГ I: 76—77] (сегодня — дер. Трегубовск. Чуд.). Сметный список Обон. пят. 1573/74 г. указывает пог. *Спасской на Коломне* Обон. пят., локализуемый на правом берегу Мсты в ее среднем течении; на месте погостского села списки селений нач. XX в. отмечают дер. *Коломно* (*Окулово*) с одноименной усадьбой поблизости в Пожарской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 80—84], сегодня — дер. *Окулово* Веребинск. Мал. на р. Мсте. Близ истоков р. Мсты с конца XV в. известен *Коломенский* пог. Дер. пят. [НПК I: 71—100, 105, 115, 117], см. также [ПКНЗ 4: 105—107, 346, 349—351, 422, 429; 5, 245, 248, 250, 254, 258, 259, 287] и др. Его главное сельцо (погост), стоявшее близ оз. *Коломно* (*Коломенское*) и р. *Коломенка* [НПК I: 78, 83, 93, 94; ПКНЗ 4: 106], позднее отмечено как *Коломно*,

⁶⁵ Но жители этого погоста, локализуемого в ближайших окрестностях Новгорода, похоже, упоминаются под именем *коломяне* еще в «Уставе Ярослава князя о мостах» (см. [НПЛ: 507—508]), датируемого сер. XIII в.

церковная земля в Вышн. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 177; 2: 72, № 633], затем как село *Коломна* у оз. *Коломно* в списках 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43: № 3805], а сегодня продолжено в дер. **Коломно** Коломенск. Вышн. на южном берегу оз. *Коломенского*, стекающего в р. *Коломенка*, л. пр. Шлины, л. пр. Цны северо-западнее Вышнего Волочка.

Кроме того, в регионе Новгородской земли издревле известны: дер. **Коломна** и рядом с ней дер. *Заколоменье*, обе стояли в Дубровенском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 671; IV: 202]; дер. **Коломна** на р. *Коломна* в пог. Березском на Ситне Шел. пят. 1501 г. [Там же: 306] (= *Большая Коломна* и *Малая Коломна*, пара дер. на р. *Коломенка* по документации XIX — нач. XX вв. [Андрияшев 1914: 45; СНМРИ 34: № 11145, 11146], = совр. *Коломно* дер. на р. *Коломенка*, п. пр. Ситни, л. пр. Шелони, в Порх. р-не); дер. **Коломна** Павского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 88, 89], локализуемая у р. *Коломна* [Андрияшев 1914: 51] (= совр. дер. *Коломенка* Порх. р-на в верховьях р. *Коломенка*); дер. **Коломна** Оксочского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 284, 291] и 1-й пол. XVI в. [ПКНЗ 4: 13, 67] (= пуст. *Коломна* в Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 226]); дер. **Коломна** при оз. Меглино, согласно межевым материалам конца XVIII в. [КГарн], = дер. *Коломна* Городищенской вол. Бор. у. 1909 г. [СНМНГ VI: 26—27] (позднее — дер. *Коломны* Городищенск. Мош., запустевшая и снятая с учета в 1976 г.).

Пара близлежащих деревень — **Коломна** и рядом с ней *Коломина* на рч. *Коломенка* значились под 1564 г. при описании селений на Волочке Держкове в Никольском и Покровском пог. Беж. пят. [НПК VI: 982, 984]. Первая из них, отмеченная в межевых материалах 1780-х гг. как сц. *Коломна* «на правом берегу и на устье реки *Коломны*» (по МОЗУ 1914 г. — сц. *Коломно*, или *Коломенка*) [КГарн], отождествляется с дер. *Большая Коломенка* (вар. *Береговая*) на рч. Щуке в Волоцкой вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 20—21]. Вторая — *Коломина*, указанная в Ген. меж. конца XVIII в. как дер. *Коломина* на правом берегу рч. *Коломина* [КГарн], возможно, продолжилась в дер. *Малая Коломенка* нач. XX в. в этой же Волоцкой вол. [СНМНГ VI: 22—23]. Сегодня эти две деревни нач. XX в. преобразовались в дер. *Береговая Коломенка*⁶⁶ Волокск. Бор. неподалеку от гор. Боровичи при впадении р. Щуки во Мсту (которая ранее именовалась р. *Коломна*, как явствует из письменности XVI—XVIII вв.).

Данная основа *Колом(е)н-* отражена также в названии средневековой дер. **Коломнич** в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 188, 190, 209, 221, 249, 258, 266], сохранявшейся и под 1539/40 г., но ставшей пуст. *Коломнич* под 1582 г., или пуст. *Коломница* под 1791 г. [Селин 2003: 152], тогда как совр. карты Бат. р-на отмечают здесь возвышенность под названием *Коломенская*. Возможно,

⁶⁶ Появление ойконима *Береговая*, о котором известно из списка нач. XX в., связано с расположением деревни не только на берегу рч. Щука, но и вдоль правого берега Мсты. Принятый же сегодня ойконим *Береговая Коломенка* объясняется тем, что бывшая дер. *Береговая* (или *Большая Коломенка*) срослась с бывшей дер. *Малая Коломенка* в единый населенный пункт.

к этой местности имеет отношение и село *Коломицы*, иначе *Колошицы*, в Луж. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37: № 2500]. В Павском пог. Шел. пят. отмечена местность, называемая *Коломенка*, в писцовой книге 1550/51 г. [ПКНЗ 6: 88], в Жедрицком пог. под 1539 г. числилась дер. *Коломенка* «на озерѣ на Островенцѣ» [НПК IV: 515], но к концу XVIII в. она превратилась в пуст. *Коломец* на западном берегу оз. Островец, в котором самый северный из островов назывался *Коломской*, см. [Андрияшев 1914: 364]. В Бологовском пог. Дер. пят. 1495 г. были дер. *Коломнищи* и дер. *Коломнича* («въ деревнѣ въ Коломничѣ») [НПК I: 123, 892], обе отождествлены с пуст. *Коломенец* Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 111, 112; 2: 49] и находились близ левого берега рч. *Коломенка*, вытекающей из оз. *Колоmineц* (по [СНМНГ V: 49] — *Коломенец*) и впадающей в оз. Кафтино басс. Мсты. Поч. *Коломнин* отмечен в вол. Заручек в пог. Ивановском Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 208].

Немногие соответственные топонимы обнаружены только по сравнительно поздним материалам. Дер. *Коломино*, бывшая в нач. XX в. в Левочской вол. Бор. у. на оз. Старо-Левочском [СНМНГ VI: 26—27, 50—51], фигурирует как пуст. *Коломино* при оз. Левочком в Ген. меж. конца XVIII в. [ГГарн]. Из новгородской гидронимии см. еще *Коломенский* пр. Суватели, пр. Пяльи, п. пр. Тосны, л. пр. Невы (Тосн. р-н), *Коломенец* п. пр. Большого Тудра, п. пр. Куньи, п. пр. Ловати (Холм. р-н, Находское с/п), = р. *Коломенка* во 2-й пол. XIX в., на ней стояла дер. *Коломец* Холм. у. [СНМРИ 34: № 14312]. Соответственным названием с суф. *-ище* нужно еще отметить геогр. *Коломище*, прикрепленное к урочищу близ дер. Вдицко (Новг. р-н) [НОС 4: 89] в бывшей Вод. пят.

Приведенные новгородские топонимы восходят к древнерусской (др.-сев.-рус.) терминологии с основой *колом-*, рано заимствованной из прибалтийско-финских языков и обозначавшей места погребений. В качестве языковых источников приводят фин. *kalma* ‘смерть, могила; загробный мир’, карел. *kalma*, лив. *kalmu* ‘могила’, вепс. *kaum*, *koum* ‘то же’, эст. *kalm* ‘неосвященное кладбище, могильный холм’, вод. *kalmo* ‘кладбище’, фин., лив. *kalmisto* ‘кладбище’, эст. *kalmistu* ‘то же’, и т. п., см. [Попов 1948: 108—109; 1981: 67—68; Строгова 1975: 197; Мызников 2004: 140—142; Kalima 1919: 125]. Среди апеллятивной лексики на такие значения прямо указывают усвоенные из приоб.-фин. языков др.-рус. *коломище* ‘кладбище, могильник’, известное по грамоте 1534 г. в Вод. пят. [Доп. АИ I: 28], рус. диал. *колѹмки* ‘деревенское кладбище (при котором нет церкви)’, записанное в Ямб. у. (т. е. опять же на территории бывшей Вод. пят. — В. В.), *коломыцы* ‘кости’ (Вохом. Костром.) [СРНГ 14: 170]. На уровне топонимическом наиболее показательным в семантическом отношении составное название дер. *Костѣищица Коломища* в Радлицах Спасского Зарецкого пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 727], в котором топоним *Костѣищица*, указывающая на место с находками костей (т. е. на место погребения), раскрывает смысл топонимической основы *Коломища*, см. [Попов 1981: 67].

О раннем характере усвоения приоб.-фин. *kalm-* свидетельствует повсеместно реализованный полногласный рефлекс данной основы, имевший место по крайней мере до XII в., ср. фиксацию геогр. «*Коломене*» (= *Коломеньо*) в новг. бер. гр.

2-й пол. XII в. В изучаемом регионе только геогр. *Кóлмово*, зафиксированное впервые в конце XIV в., репрезентирует внешне неполногласный вариант основы, но, похоже, такой вариант вторичен: он вполне мог закрепиться в результате редукции заударной гласной *o* после плавной, ср. равноструктурное геогр. *Коломово*, не показывающее такого изменения. Вместе с тем нужно иметь в виду, что для отдельных мест на значительном пространстве Русского Северо-Запада происходило русское усвоение приб.-фин. *kalm-* также и по более позднему неполногласному типу. Ср. наличие на юго-восточной периферии Новгородской земли геогр. *Колмы* дер. Беж. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43: 1479] как вероятного ойконима тверских карел, усвоенного не ранее XVII в.⁶⁷, или геогр. *Колмозеро* для группы озер в басс. Паши, л. пр. Свири, *Колм (Колмозеро)* оз. в басс. Ивины, п. пр. Свири [СГЮВП: 4, 83] — на территориях еще живого русско-прибалтийско-финского языкового контактирования.

В основном усвоение основы *kalm-*, видимо, произошло у восточных славян еще в дохристианскую эпоху, судя по тому, что связь с языческим характером погребений подчеркивается значениями терминов, ср.: «Мертвыхъ, деи, своихъ они кладуть въ селехъ по курганомъ и по *коломищемъ* ⟨...⟩ а къ церквамъ, деи, на погосты ⟨...⟩ не брать», в грамоте 1534 г. [Доп. АИ I: 28]. Кроме того, как давно замечено, ойконимы на *Колом-*, *Колом(е)н-* нередко прикреплены к селениям возле древних, дославянских и дохристианских, могильников. Тот факт, что в области пятин Великого Новгорода было четыре *Коломенских* погоста в свою очередь является свидетельством того, что древненовгородские погосты часто вырастали в местностях, обжитых дославянскими народами, которые имели поблизости свои традиционные места погребений.

Заемствованный апеллятив, имевший значение ‘могильная насыпь’, очевидно, закрепился в первоначальной др.-рус. форме **кололъь*, -о, позднее осложняемой разными суффиксами при образовании не только топонимов, но и новых апеллятивов, см. апел. *коломище*, *колóмки*, *кололцы* (ср. с последним также и новг. геогр. *Кололцы*, *Кололець*, *Кололца*). Значительное преобладание старых новгородских названий с основой *Колом(е)н-*, очевидно, следует интерпретировать как отражения др.-рус. прил. **кололъьн(ыи)* в значении ‘могильный’, произведенного от сущ. **кололъь*, -о еще на дотопонимическом уровне.

Вместе с тем о длительном апеллятивном функционировании основы *колол-* (< **kalm-*) в области новгородских пятин свидетельствует вероятная семантическая филиация ее от первичных «фунеральных» значений к ландшафтным, хозяйственным и иным значениям. Ср. новг. *колóмище* ‘центральная часть села’ (Мош.) [НОС 4: 88—89], петерб. *каломище* ‘курган, возвышение’ (см.: в Санкт-

⁶⁷ Но первая часть названия дер. *Колмодворка* в Лихославльском р-не Твер. обл. (Назаровский СО), по-видимому, с рассматриваемой основой не связана, как и со словом *холм*, вопреки В. М. Воробьеву [2005: 181], а восходит к карел. *kolme* ‘три’, т. е. *Колмодворка* — ‘деревня с тремя дворами’ [Шилов 2007: 325].

Петербургской губ. «среди местных названий курганов особенно употребительны сопка, *каломище*, старая куча», из публикации 1899 г., цит. по [Мызников 2004: 141]). Эти термины демонстрируют расширение ранней специализированной семантики основы *колом-*. Надо полагать, значение кургана, возвышенности (ср. еще *Коло́мище* как название холмистых и гористых мест в Валд. р-не [НОС 4: 89]) обусловлено первичным ‘могильная насыпь’, ср. *моги́ла* ‘могильная насыпь’ и диал. ‘древний курган, насыпь’ или ‘длинная насыпь, вал’ [СРНГ 18: 190]. В свою очередь значение ‘центральная часть села’ приемлемо объясняется тем обстоятельством, что в центре селений нередко стояли церкви с кладбищами, что и послужило основой семантического смещения (ср. *пого́ст* ‘сельское кладбище’, ‘церковь с кладбищем’ и диал. ‘центр села, где обычно стояла церковь, находился магазин и т. п.’ [СРНГ 27: 309]), см. [Мызников 2004: 141]. Новг. *коломéц* ‘ольховый кустарник’ (Мош., Бор.) [НОС 4: 88] допустимо сблизить с обозначением кладбища на том основании, что возвышенные места старых погребений зарастают деревьями и кустарниками⁶⁸. Значения новг. *ко́лом* ‘укладка снопов ярового хлеба вытянутой, продолговатой формы; скирд’ и его деминутивных производных *коломéц* ‘небольшой стог сена’, *коломóк* ‘небольшая укладка сена’ или увеличительного *коло́мище* ‘большая укладка снопов’ (используемого и переносно — о большом росте человека, животного) [Там же: 88—89] могли развиться из значения ‘возвышение, продолговатая насыпь’ (< ‘могильная насыпь’), как и волог. *коломá* ‘шишка, желвак’ [СРНГ 14: 168]. Напротив, новг. *коло́мище* ‘глубокое место в реке’ (Под.), новг. *коломéц* ‘неглубокий колодец’ (Бор., Дем.) [НОС 4: 88—89] могут объясняться значением ‘могильная яма’. К данному этимологическому ряду лексем, похоже, относятся еще некоторые новгородские термины, образованные с помощью суф. *-ак, -ан* от основы *колм-*, не знавшей полногласного рефлекса: *колма́к* ‘небольшой зыбкий островок на озере, поросший тростником, осокой и т. п.’ (Оп., Ст-Рус.), *колма́н* ‘то же’ (Холм.), наряду с названиями возвышенного места *Колма́н* и руч. *Колма́нский* у дер. Хотяж Новг. р-на [Там же: 83—84], сюда же *каймó* ‘шишка, желвак’ в говорах окрестностей оз. Селигер (из **колмо*, благодаря аканью и «сладкозвучному» произнесению *л*, ср. равнозначное волог. *коломá*)⁶⁹.

Возвращаясь к топонимии на *Колом-*, *Колом(е)н-*, нужно подчеркнуть, что она широко проявляется также далеко за пределами области новгородского пятинного деления, хотя в целом заметно реже, чем в изучаемом регионе. Западнее, на сопредельной псковской территории, известны: *Коломно* дер. под Изборском (на месте двух близлежащих дер. *Коломно* 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 1452, 1453] близ

⁶⁸ Иллюстративный контекст, использованный для дефиниции этого слова в НОС («у *коломца* остановивше, это ольховые кусты-то там», Мош. р-н) явно недостаточен и открывает простор для более вольных толкований.

⁶⁹ Иначе В. П. Шульгач [2011: 252], который в приселигерск. *каймó*, как и некоторых других похожих лексемах, видит праслав. корень **kьlm-*.

оз. *Коломенское* [Шк. ОПскГ: 132] и р. *Коломенка* п. пр. Обдеха, р. в оз. Псковское, *Коломница* дер. на р. Великая Островского у. [СНМРИ 34: № 9593] (сегодня в Островском р-не Пск. обл.), *Коломенка* л. пр. Ловати к северу от Великих Лук. К востоку и юго-востоку от изучаемого региона новгородских пятин обобщающие материалы, собранные в [Vasm. RGN IV 2: 309, 320—321], указывают ойконимы *Колмово* дер. на р. Шексна и на руч. *Колмовский* неподалеку от бывшего гор. Молога Ярославской губ. (ныне — территория, затопленная Рыбинским водохранилищем), *Колминское* дер. под Рыбинском, *Коломино*, деревни в Даниловском, Романов-Борисоглебском и Ярославском у. Ярославской губ. + три дер. неподалеку от Чухломы, Буя и Солигалича Костромской губ. + дер. в Богородском у. Московской губ., *Коломиново* дер. Кинешемского у. Костромской губ., *Коломнин* (*Гаврилов*) сел. в Яранском у. и *Коломенская* (*Берег*) дер. на р. Быстрица Орловского у. Вятской губ., *Коломенское* и *Коломенское Дьяково* (или *Дьяковское*), села в Московской губ., где имеется и гор. *Коломна* при впадении р. Москвы в Оку. Среди гидронимии указывали *Коломна* р. в басс. Юга в Устюжском у. Вологодской губ., *Коломнице* оз. в Гороховецком у. Владимирской губ., *Коломенское* болото под Миассом в Шадринском у. Пермской губ. [Vasm. WRG II: 415—416].

Но соответственные названия населенных пунктов и водоемов обнаруживаются и южнее и западнее подмосковной Коломны, см. *Колмна* дер. на р. Смедва Каширского у. Тульской губ. *Коломнино* дер. на Оке Тарусского у. Калужской губ., *Коломнины* Усманского у. Тамбовской губ., *Коломенка* (*Минькова*) в Боровском у. Калужской губ., *Коломенка* (*Александровка*) сел. возле Старого Оскола Курской губ., *Коломенка* (*Стипково Малое*) Брянского у. Орловской губ., *Коломенская* дер. Веневского у. Тульской губ., села *Коломенские Дворы Первые* и *Коломенские Дворы Вторые*, *Коломенский* (*Коломенское*) на р. Хворостань — все неподалеку от Воронежа, *Коломенское* сел. в Богородицком у. Тульской губ., *Коломна* как название постоянного двора в Трубчевском у. Орловской губ. Ойконимия, почерпнутая из списков населенных мест южнорусских губерний, дополняется довольно многочисленной гидронимией, отчасти смежной, отчасти не смежной с перечисленными названиями, которая собрана в бассейне Оки, см. pp., оз., руч. *Колменка* (рядом *Колменской*, *Колминское*), *Коломна*, *Коломенка*, *Коломенок*, *Коломенской*, *Коломин*, *Коломищи*, *Колмлей*, *Колмалейской* [Смол. ГБО: 97, 106, 108, 109, 117, 122, 123, 149, 160, 195, 254, 253, 258, 266]. Отдельные топонимы подобного внешнего облика встречаются и далее к западу от Поочья — на Украине и в Белоруссии: укр. *Коломна* р. в басс. Северского Донца, *Коломенка* в басс. Днепра [СГУ: 264], сел. *Колмів* в Волынской обл., известное с XVI в.: «s *Kolmowa*» под 1545 г. [Шульгач 2001a: 66], блр. *Каломичына*, поле и пашня в Минской обл. [Мікратапанімя: 107].

В целом за пределами новгородско-псковских земель соответственные названия преимущественно прикреплены к Ярославскому, Костромскому Поволжью и к Поочью, прежде всего к средней и нижней частям бассейна Оки. Разумеется, весь этот издревле сложившийся топонимический массив далеко не неодно-

роден. Иногда такие названия складывались в результате русификации финского топонимического субстрата на *Kalm-*, но, видимо, чаще они распространялись по русским землям благодаря активности др.-рус. апеллятивных заимствований на *колом-*, *коломьн-*, восходящих к *kalm-* и позднее забытых. Сама же неславянская основа усваивалась в разное время на разных территориях из разных финских языков. Если на Русском Северо-Западе данная топонимия и терминология обязана прибалтийско-финскому, чаще водско-эстонскому языковому влиянию (главным образом судя по тому, что на территории Вод. и Шел. пят. данные топонимы и термины обнаруживаются с большей плотностью, чем в других пятинах), то в регионах Поволжья и Поочья аналогичное влияние оказывали древние волжскофинские языки, тоже знавшие рассматриваемую основу, ср. морд. эрз. *kalmo*, мокш. *kalma* ‘могила’ [SSA 1: 288]. Кроме того, приведенный топонимический массив включает немало случаев сравнительно поздних топонимических переносов или разного рода опосредованных отражений уже готовых названий. Разумеется, встречаются омонимичные факты, этимологически отличные от фин. *kalm-*, среди которых вполне ожидаемы, например, образования от рус. диал. *колóмэнь*, *колóменье* ‘ближайшая округа’, ‘околица, околоток, соседство’ (Ряз.), *колóмень*, *колóменье* ‘теснота от большого скопления народа, давка, толчея’ (Сиб.) [СРНГ 14: 170] (< праслав. **kolomeǵ/-mene?* [ЭССЯ 10: 146]).

Бесспорно наиболее известным и значимым во всем топонимическом ареале *Колом-*, *Колом(е)н-* является название *Коломна* подмосковного города, засвидетельствованного летописями с 1177 г. [ПСРЛ I: 383]⁷⁰. С учетом общего ареально-топонимического фона, изложенного выше, версия А. И. Попова [1948: 108—109] о связи с фин. *kalma* ‘могила’ остается, на мой взгляд, самой предпочтительной из всех многочисленных объяснений этого названия. По причине изолированности от этого фона не столь убедительны трактовки подмосковного геогр. *Коломна* как балтизма, сравниваемого с др.-прусс. геогр. *Kalmyn*, *Kalmonay*, лит. *Kélmínė* и др. [Топоров 1972: 250], или «как гиперкорректного развития вместо **Коломня* из **коломья* < **коломья*, правильного русск. рефлекса древнего **kolomyja*», см. [ЭССЯ 10: 147], а ранее [Трубачов 1971: 9]. Однако нужно заметить, что трактовка О. Н. Трубачева вполне применима к подобным топонимам на украинской территории, где отмечают и апел. *коломи́я* ‘глубокий ухаб, наполненный водой’ [Грінч. СУМ II: 272; Марусенко 1968: 232]; ср. укр. *Коломенка* пр. *Коломи́йца* в

⁷⁰ За свою долгую историю название подмосковной Коломны служило источником для формирования разнообразных онимов и апеллятивов. Приведу лишь некоторые примеры. Село *Коломенское* под Москвой, сегодня поглощенное мегаполисом, по преданию, основано выходцами из города Коломны (см. [Поспелов 1999: 159]), то же относится к бывшей слободе *Коломна (Коломенская)* в Петербурге, появившейся в сер. XVIII в. Именем древнего города так или иначе обусловлены обозначения *коломенка*, *коломянка* речных судов на Волге и Каме, устойчивое выражение *верста коломенская* при указании на очень высокого человека (см. [Фасм. ЭСРЯ II: 294—295]), фамилия *Коломнины*, отражавшаяся также в ойконимах типа *Коломнино*.

басс. Днепра (если судить по смежному названию главной реки, то *Коломенка* < **Коломийка*). Видимо, в таком же ключе нужно трактовать и укр. *Коломна* р. среди притоков Северского Донца, п. пр. Дона (< **Коломна* < **Коломья* с учетом того, что для ряда украинских говоров характерно выделение мягкости *м* перед непередней гласной в отдельную артикуляцию *н*, как, например, в *скам'я/скамня*), и укр. *Коломле* (польск. *Kolomla*) дер. на р. Горынь неподалеку от гор. Острог Волынской губ. [Vasm. RGN IV 2: 320] (< **коломья* < *коломия*). Что касается геогр. *Колмів* на Волыни, то его совершенно незачем объединять с отдаленными новг. и яросл. геогр. *Колмово*; больше оснований возвести украинский ойконим к личному имени на *Колм-*, основа которого проявляется в блр. *калматы* 'лохматый, косматый', *калманогі* 'хромой, хромоногий' и этимологически не очевидна, см. [ЭСБМ 4: 175—176].

Конопот-

Конопотцы дер. Славитинск. Ст-Рус., а ранее Славитинской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 110—111]; **Конопотица** дер. Смолинского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 658] (по [НПК V: 382] — *Нонопотица*, искаженная запись), а в материалах Ген. меж. конца XVIII в. пустошь под № 203, см. [Андрияшев 1914: 398]; **Конопотка** протока из оз. Индюк в оз. Каменец в дельте Ловати (на плане топонимов, приложенном к статье [Чернов 1985]); **Конопот** рукав в дельте Мсты.

От окрестностей Ильменя ойко- и гидронимические соответствия уходят на юг и юго-запад, преимущественно на территории Белоруссии, Украины, Польши и Чехии: *Конопот* р. и рядом дер. *Конопот* и лог *Конопотский* под Кромами в Орловской обл. [Смол. ГБО: 48], в Белоруссии *Конопот* поле в Брестской обл. («поле, где было непроходимое болото, тонули кони») [Мікратапанія: 120], *Конопот* — села и хутора неподалеку от гор. Новоградок, Пинск, Речица, Мозырь, *Конопота* — пара сел и мельница в окрестностях гор. Вилейки Виленской губ., *Конопоты* сел. в окрестностях Кобрин, Слонима и Слуцка в Гродненской и Минской губ., *Конопотцы* сел. под гор. Гродно, *Конопотка* дер. на р. Двиноша Борисовского у. Минской губ., *Konotopy-Milki* дер. Кобринского у. Гродненской губ., на Украине *Конопот* гор. на рр. Езучь и *Конопот* сел. и дер. на р. Сновь в Черниговской губ., *Конопот* (польск. *Konotopy*) дер. в окрестностях Заславля Волынской губ., *Конопотец* хут. неподалеку от Пирятина Полтавской губ., *Конопотский* хут. близ Купянска в Харьковской губ., *Конопотцев* хут. близ Глухова Черниговской губ., *Конопоты* дер. на р. Буг у гор. Сокаль в Галиции (по [Vasm. RGN IV 2: 369—370]), *Конопот* — пара озер в Ровенской обл., *Конопоти* — поля и ур. в Волынской и Ровенской обл. [Шульгач 1998: 123], *Конопот*, *Конопоты* — рр. в басс. Горыни и Десны, *Конопотка* рукав Днепра [СГУ: 268]. Геогр. *Конѳоту* прикреплено к трем разным селениям Чехии [Prof. MJ II: 297—298] (Профоус видит здесь первоначальные прозвища жителей, что неприемлемо на фоне изложенных топонимических соответствий), польск. гидронимы *Konotopa*, *Konotop* (*Konotopie*), *Konietop* (*Konietopy*)

принадлежат к басс. Вислы [НВ: 343], геогр. *Konotop* относится к двум речкам басс. Одры [НО: 97, 98], *Konitop* связано с рекой, впадающей в Балтийское море [Rzetelska-Feleszko 1987: 49].

Перечисленные названия мотивированы двусловным апеллятивом, реконструируемым для позднеславянского времени, распространенным в северославянской диалектной зоне, продолженным в блр. диал. (гомельск.) *канатón* ‘болото, топь’ [МДСГ 4: 204]. Исходный термин представляет собой сложение **kōpъ* и **toriti* [ЭССЯ 10: 193—194]. Ср. еще др.-рус. *конетопа*: «Рѣка нѣкая <...> нарицаема онопниктись, сирѣчь *конетопа*. Имь же много мною коньникъ утапати тѣмь наречена именьмь» (Жит. Фед. Студ., XII в.) [СлРЯ XI—XVII 7: 272]. Первоначально термин, очевидно, обозначал труднопроезжие конские дороги, топкие переправы через болота, реки [Никонов 1966: 204], а позднее стал обозначать топкое место вообще⁷¹. Явной переделкой старого геогр. *Конотоп* является композитное название *Свинотоп* пр. Днепра ниже Киева, по [Машт. Днепр.: 57].

Кострон-

Кострони дер. Городенск. Бат. на рч. *Костронька*, согласно спискам селений 1838 и 1864 г. являлась деревней Луж. у. [ОСПбгуб: 105; СНМРИ 43: № 1999]. Фиксируется с 1500 г. как сц. *Костроня* в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. [НПК III: 242], в более поздней письменности — сц. *Костроня* 1539/40 г., дер. *Кострони* 1612 г., ус. *Кострони*, или *Кастрони*, 1709 и 1748 гг., сц. *Кострони* 1791 г. [Селин 2003: 162], на карте 2-й пол. XIX в. — *Кастронь* [ВТКЗверст]. Ойконим возник значительно раньше своей первой письменной фиксации, судя по произведению от исчезнувшего апеллятива и суффикса *-он’* (*-ь, -я, -и*), издревле потерявшего функциональность. Безусловно геогр. *Кострони* — образование от др.-рус. *кострь* ‘укрепление, башня’, употребительного именно на территории средневековых Новгородской и Псковской земель. См. представленный в словарях [Срезн. МСДРЯ I: 1298; СлРЯ XI—XVII 7: 367] материал из новгородских и псковских летописей XIII—XV вв.: «Добиша челомъ новьгородци, бояре и черныи люди, архиепископу новьгородьскому владыцѣ Василию, чтобы еси, господине, ехаль нарядиль *костры* въ Орѣховѣ; и онъ ехавъ, *костры* нарядиль» (1352 г.); «Поставиша три *костры* камены у новья стѣны на приступѣ» (1387 г.); «Погорѣ весь Псковъ <...> а загорѣлося от Хытре кожевника, от Бурковѣ лавици, от кутнего *костра*, и горѣло польторе ноци да день» (1450 г.). В современных говорах слово *костер* в значении ‘укрепление, башня’ (восходящее к лат. *castrum* ‘крепость’ [Фасм. ЭСРЯ

⁷¹ Рус. диал. *колотón*, *колотónка* как название растущих по дорогам трав (‘подорожник’, ‘горец птичий’ — Перм., Уфим., Ср.-Урал., Том., Кемер., Новосиб.) [СРНГ 14: 268], по-видимому, являет собой вторичное переосмысление композита, сохраняющего яркую внутреннюю форму (сближение второго компонента с *топать*, *монтать*). В этимологическом словаре [ЭССЯ 10: 194] предполагают образование от глагола **tepti* ‘бить’.

II: 347]) не сохранилось, хотя некоторые речения подразумевают прежний его смысл; ср. по этому поводу интересное объяснение поговорки, сделанное В. И. Далем: «Если *костер* означал также рубку, высокий сруб или выступ площадкой городской стены, раскат, даже башню (сдѣлаша врата и костерь на верху большой), то понятно, почему около костра хорошо щепу огребать» [Даль ТСЖВЯ 2: 175]; также, отмечает Даль, *костер* шуточно означает ‘город’ в офенском языке — в этом видится еще одно указание на то, что торговцы-офени создавали свой тайный язык с опорой отчасти на устаревшую русскую лексику.

Интерпретация ойконима *Кострони* в качестве языкового свидетельства укрепленного поселения, городища (‘укрепление с башнями-*кострами*’) находит весьма существенную поддержку в данных археологии. В одном километре к западу от дер. *Кострони* расположено средневековое городище на высоком естественном всхолмлении на правом берегу ручья. У местного населения оно известно под названием *Городок*. Площадь городища 60 на 40 м, с севера его ограждают неглубокий ров и вал, а к востоку, в сторону дер. *Кострони*, идет пологий спуск. Сейчас на городище находится современное кладбище, но просматриваются и древние жальничные погребения с каменной обкладкой [АПНО I: 4]⁷². Понятно, что ранняя средневековая история местной округи была насыщена событиями, и деревня, возникшая здесь, очевидно, позднее, закрепила в названии факт своего местоположения вблизи городища.

⁷² Термин *городок* регулярно используется в говорах Русского Северо-Запада, особенно в окрестностях Ильменя. Этим словом указывают на городища разных типов, места, где в древности стояли крепости, укрепленные поселения. Иногда *городками* обозначают места древних погребений (жальники) и вообще места, с которыми окрестные жители связывают пребывание древних людей. Древние укрепления, как правило, находились на изгибах рек, на холмах, возвышениях, где нередко сохраняются еще остатки рвов и валов; древние кладбища часто расположены на насыпях, сопках, курганах, на которых порой заметны следы каменных обкладок. В народе такие места зачастую считаются сакральными, с ними связано немало местных легенд, преданий и поверий. Слово *городок* в указанном понимании закрепилось в десятках географических названий. Имеется целый ряд населенных пунктов на новгородской территории, именуемых *Городок*. Так, в Сол. р-не две деревни в разных местах называются *Городок* (в Выбитском и Куклинском с/п), по две дер. *Городок* есть в Парф. и Хв. р-нах, по одной дер. *Городок* имеется в Бор., Люб., Мош., Новг. р-нах. Помимо *Городка* близ Костроней, известен холм под названием *Городок* возле дер. Крутец Вол. р-на, именован *Городок* названы городища в дер. Бор и возле села Перелучи Бор. р-на, недалеко от села Молвотицы Мар. р-на, у дер. Сергово Новг. р-на, напротив дер. Сельцо Парф. р-на, возле дер. Брякуново Пест. р-на, близ дер. Рахлицы на левом берегу Ловати в Ст-Рус. р-не. *Городком* еще называют место со следами древнего поселения вблизи дер. Едно Валд. р-на, большой холм с возможными следами укрепления возле дер. Малые Полищи в Ок. р-не, урочище с жальником неподалеку от дер. Шилово Хв. р-на; см. [АПНО I: 15; II: 27; III: 18]. На правом берегу Волхова рядом с Новгородом расположено городище *Холопий Городок*, хорошо известное по летописям.

Круп-

Крупна л. пр. Мсты возле гор. Боровичи, впервые указана под 1496 г. как р. *Крупная* («на устье реки *Крупной*»), или точнее *Крупная*⁷³, при ней названная по реке «волость великого князя *Крупная*, что бывала Юрьева монастыря», иначе вол. *Крупская*, в Дер. пят. [ПКНЗ 1: 47, 59, 60, 61]. В материалах Ген. меж. 1780-х гг. — *Крупна* («село Сутоки (...) речки *Крупы* на левом берегу») [КГарн], этот же вариант гидронима дан списками нач. XX в., см. [Шан. РЛЛО: 238; СМННГ VI: 125, 127, 129]. В описании Новг. губ. сер. XIX в. — *Кнупа*, с искажением [ВСОРИ: 33]. Вариант с необычным удвоением согласных (*Крупна*) случайно появился в XX в. и официально был закреплен с недавнего времени в картографии и печати.

Межтерриториальные соответствия в регионе Новгородской земли часты и почти все прикреплены к малым речкам и ручьям: **Крупница** р. среди протоков Мсты в ее устье («пожня болото на реце на *Крупнице* на Кормяне»⁷⁴), она же, возможно, р. *Крупницына* («пожня (...) полоса на *Крупницыною*, Маноковская словет»), по отписным и оброчным книгам 1535/36—1539/40 гг. [ПКНЗ 1: 326, 327, 349, 371]; **Крупница** п. пр. Ниши, р. в оз. Ильмень, или, в верхнем течении до впадения Поречки, — *Крупницкий* руч. (Новг. р-н, по [Шан. РЛЛО: 508, 510], — *Крупница*, *Поречье*), = *Крупной* руч. («пожня на Нише у ручья у *Крупого*») по оброчной книге 1539/40 г. [ПКНЗ 1: 369] (по этому водотоку была названа дер. *Крупници*⁷⁵ Боженского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 443], ставшая в конце XVIII в. дер. *Крупница* Новг. у. [ИАДП 1: 108]); **Крупка** р. в оз. Ильмень (Ст-Рус.), она же р. *Круповая* рядом с пожней *Крупский Наволок* в Чертицком пог. Шел. пят., по книге 1624 г. [ППКСР: 231]; **Крупка** р. в оз. Большое Клобутицкое басс. Луги (Луж.); **Крупница** (*Крупница*, по [Шан. РЛЛО: 252]) п. пр. Шлины, л. пр. Цны, р. в оз. Мстино басс. Мсты, рядом, у впадения Крупницы в Шлину, лежит оз. *Крупницкое*, указанное впервые при описании Коломенского пог. Дер. пят. 1538/39 г. («в озере в *Крупитцком* выть, в озере в Коломне выть») [ПКНЗ 4: 106]; **Крупница** (*Крупец*, по [Шан. РЛЛО: 360]) р. в дельте Пола (Парф.); **Крупница** п. пр. Большой Вишеры, пр. Вишеры, п. пр. Волхова (Мал.) + п. пр. Ижины, п. пр. Мологи (Уст.); **Крупец** руч. в оз. Осташевское басс. Мологи (Хв.) + л. пр. Уйвешы, л. пр. Мологи, там же дер. *Крупницы* (Беж.); **Круна** (иначе *Крута*, *Ильменка*) п. пр. Долгой, л. пр. Луги, там же ур. *Круна* (Сланц.); **Круна** п. пр. Мологи (Лесн.); **Крупово** л. пр. Мсты (Новг.). По руч. *Крупец* наверняка была названа средневековая дер. **Крупец** в пог. Петровском Борисоглебском близ Боровичей Беж. пят. [НПК VI: 961, 965], равно как дер. **Крупец** Троицкого монастыря с Видогощи с Сутоцком пог. Шел. пят. 1572/73 г. [ПКНЗ 6: 166]. Сюда же еще дер. **Крупник** в пог. Дмитриевском в Кременичах Обон. пят. 1563/64 г. [ПКНЗ 2: 145].

⁷³ Издатели рукописи помечают, что исправили запись «*Крупной*» на «*Крупой*», см. [ПКНЗ 1: 60, прим. 116, 119, 120].

⁷⁴ Река *Кормяна*, сегодня *Кармянная*, известна как одна из протоков в дельте Мсты.

⁷⁵ Явная неточность либо писцов, либо издателей НПК, надо — *Крупници*.

Все эти названия восходят к др.-рус. *круп(ыи)* ‘небольшой по величине, маленький’ [СлРЯ XI—XVII 8: 88; Срезн. МСДРЯ I: 1335—1336], указывавшему на малые размеры водотоков. Новг. бер. гр. № 526 (2-я треть XI в.) сигнализирует о древней употребительности данного адъектива среди новгородцев, сохранив форму «*кроупъльмь*» — Мест. ед. от *крупыи* [Зализняк 2004: 241]. Соответствующая водная терминология зарегистрирована к югу от Новгородской земли: ст.-блр. *крупѣцъ*, *крупка* ‘незамерзающий небольшой приток реки’ [Яшк. БГН: 97], рус. диал. *крупѣцъ* ‘колодец; источник’ (Калуж. 1841, Курск.) [СРНГ 15: 317].

На Псковщине известны *Крупец* р. в басс. Великой неподалеку от Пскова, *Крупица* п. пр. Ловати (выше по течению называется Вскуица), *Крупянка* р. в оз. Езерище в верховьях Великой в окрестностях Пустошки и р. *Крупя* как пр. Крупянки, рядом еще оз. *Крупейское* со стоком в р. *Крупя*/*Крупня*, текущую в оз. Середеевское басс. Великой. Название маленького оз. *Круп* со стоком в Псковское оз. (Печорский р-н) любопытно тем, что отражает краткую форму др.-рус. *круп(ыи)* муж. р., рядом с оз. стоит дер. *Крупи* (с удвоением согласных, как в новг. *Крупи*, см. выше). Остальные восточнославянские гидронимические параллели обнаруживаются в бассейнах рек более южных. В верхнем течении Западной Двины (Витебщина) есть рч. *Крупец* и рч. *Крупка*, в Поднепровье название *Крупец* носят два верхних притока Днепра, пять рч. в басс. Сожи, две рч. в басс. Десны, три рч. в басс. Сейма (там же и рч. *Малый Крупец*), два л. пр. Псла, геогр. *Крупка* относится к двум рч. в басс. Сожи, к рч. в басс. Березины и к рч. в басс. Друти, *Крупица* — к л. пр. Хмости, п. пр. Днепра, *Крупа* — к притоку Стыри, *Крупки* — к оз. в басс. Березины; по: [Машт. Днепр.: 252; Топоров, Трубачев 1962: 33, 36, 85—89; Трубачев 1968: 223; Ященко 1974: 49—50; Vasm. WRG II: 547—548], в Поднестровье отмечены *Крупка* п. пр. Верещицы в Галиции [Vasm. WRG II: 548], в Поочье, но только в верхней части бассейна, — пара рч. *Крупец* [Смол. ГБО: 23, 38]. В целом на восточнославянской территории такие гидронимы не распространились восточнее области новгородских пятин, Белоруссии, Украины и прилегающих к ним западнорусских областей⁷⁶.

Гидронимические параллели не менее широко представлены у всех западных и южных славян: польск. рр. *Krępa* (часто), *Krępka*, *Krępica*, *Krępnica*, *Krępianka*, оз. *Krępe*, *Krępa*, *Krępionko*, *Krępskie* и др. в бассейнах Вислы и Одры [HW: 346; HO: 262; Górniewicz 1985b: 16]⁷⁷ и среди притоков Балтийского моря [Rzetelska-Feleszko 1987: 51, 52], чеш. геогр. *Krupá*, *Krupka*, *Krupna*, *Krupes* [Prof. MJ II: 424], словац. *Krupá*, *Krupina* [Šmil. VSS: 468], макед. *Krapska reka* [Duridanov 1975: 68—69], сербохорв. *Krupa* (часто) [Imenik mesta: 247], хорв. *Krupina*, *Krupač*, *Krupaja*, словен. *Kropa* (часто), *Krupa*, *Krupič*, наряду со словен. *kropa* ‘источник’ [Bezl. SVI I: 312; Snoj ESSZI: 218].

⁷⁶ Появление ареально изолированного геогр. *Крупица* р. в Глазовском у. Вятской губ. [Vasm. WRG II: 548] можно объяснять колонизационным переносом от Новгородской земли (если не считать это некорректным воспроизведением созвучного геогр. *Крупица*).

⁷⁷ Х. Гурнович связывает повисленск. *Krępa*, *Krępka* с польск. диал. *krępa* ‘сухое возвышение на болоте’ [Górniewicz 1985b: 16].

ЛЕМЁН-, ИЛЬМЕН-, ИЛЬМОВ-, ИЛЕМ-, ЛИМЕН- и др.

Лемёнка п. пр. Шелони между гор. Порхов и пос. Сольцы, по писцовой книге 1539 г. — *Илеменка* [НПК IV: 491—493]. В верховьях реки есть ур. *Илемён-ка*, в среднем течении — дер. *Лемёнка*, в низовьях — дер. *Илемно* все пункты в Сол. р-не. В области новгородского пятинного деления внешне безупречные гидронимические параллели представлены названиями *Лемёнка* п. пр. Мшаги, л. пр. Шелони и *Леменка* р. в оз. Сунгурово басс. Мсты к северу от Валдая [Шан. РЛЮ: 237].

В Верхневолжье, у бывшей южной границы Дер. пят., имеется оз. *Лемно* со стоком в р. *Лемёнка* басс. Волги (по [Vasm. WRG III: 43] — р. *Лемна Большая*, п. пр. Волги), там же стоит дер. *Лемно* Селижаровского р-на Твер. обл. (по списку селений 1974 г. — дер. *Лямно* [Воробьев 2005: 214]). В Верхнем Поднепровье есть *Лемна*, иначе *Лямна*, л. пр. Ливны, л. пр. Словажа, пр. Волости, л. пр. Днепра, *Лемня* л. пр. Большой Вержи, п. пр. Днепра + п. пр. Соли, п. пр. Днепра, *Лемница* п. пр. Десны [Топоров, Трубачев 1962: 192; Vasm. WRG III: 43], в Верхнем и Среднем Поочье есть *Леменка* л. пр. Брыни, л. пр. Жиздры, л. пр. Оки + п. пр. Дрящи, л. пр. Оки [Смол. ГБО: 30, 90].

По мнению К. Буги, речные названия *Лемна*, *Лемня*, *Лемница* восходят к др.-балт. языковому источнику, отражая др.-рус. основу *Льтъп-а̄*, которая приравнивается к основе названия оз. *Liminas* в Литве [Būga RR III: 529, 611]. С Бугой согласны В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев [1962: 192] и Р. А. Агеева [1989: 66, 93—94], привлекающая к ряду балтийских сравнений новг. *Леменка*, как и В. Н. Топоров [1999: 281]. Вместе с тем, как выяснилось, гидронимия на *Лемн-/Лемен-* по происхождению различна. Во всяком случае, «балтийскую» версию нельзя распространять на все такие названия, хотя порой эта версия доказывается вполне определенно, в том числе и на материале названий Новгородской земли, как будет показано ниже. Прежде всего, что касается новг. геогр. *Леменка* р. в басс. Шелони, то ранний, исходный вариант этого гидронима безусловно был *Илеменка*, сохраненный писцовой книгой и подсказываемый ближайшим ойконимическим окружением. Тот факт, что при впадении р. Леменки в Шелонь стоит дер. *Илемно* (в средневековье — пог. *Илеменской*, центр Илеменского погоста-округа, описываемого с 1498 г. [НПК V: 40—43, 163—189]), важен для понимания логики деривационной производности в контексте приведенных названий: *Илемно* > *Илеменка* > *Леменка*, причем суф. *-ка* выступает показателем производного гидронима, а гласная *и* в анлауте отпадает по фонетическим причинам. Таким образом, гидроним отсылает к форме *Илемно*, которая изначально скорее всего была не ойконимической, а гидронимической — ранним вариантом названия реки⁷⁸.

⁷⁸ Название дер. *Илемно*, стоящей при впадении Леменки в Шелонь, основательно подразумевает исконную прикрепленность этого названия к водоему, если принять во внимание не только сам гидронимический облик названия, но и общее наблюдение Э. М. Мурзаева

Геогр. *Илемно* видится, в свою очередь, отражением др.-рус. адъектива *ильмьныи* ‘ильмовый, вязовый’, производного от *ильмь*, *илемь*, *ильма* ‘дерево вяз’ [СлРЯ XI—XVII 6: 224] — слова, встречающегося в восточно- и западнославянских языках, родственного лат. *ulmus* ‘вяз’, ср.-в.-нем. *ilme*, англ. *elm* [Фасм. ЭСРЯ II: 126—127]. В совр. русском языке это слово как обозначение дерева известно, см. диал. *íлем*, *íлим*, *íльма* ‘берест, берестина, карагач, караич; дерево, похожее на вяз, *Ulmus campestris*, и другие близкие виды’ [Даль ТСЖВЯ 2: 41], хотя в новгородских и псковских говорах оно уже практически вышло из обихода, заменившись общерус. *вяз*. В Приселигерье записано диал. *íльмень* ‘род дерева с широкими листьями’ (Ост. Жуково; Пен. М. Переволока) [Селигер 2: 180], вероятно, соотносительное с др.-рус. *ильмьныи*.

Геогр. *Лемёнка* / *Илеменка* в Пошелонье, будучи элементом древнерусской «флористической» топонимии, находит ряд соответствий на *Ильм-*, *Илем-* в регионе Новгородской земли, среди которых самое древнее представлено в составном названии р. *Робья Ильмна* басс. Ловати из новгородской грамоты на Терпужский погост Ляховичи 1134 г. [ГВНП: 139, гр. № 80] (по буквальному смыслу — ‘Робья Вязовая’, сегодня это р. *Робья Великосельская*, пр. Средней Робьи, п. пр. Ловати, см.). Далее сюда же отходят средневековые геогр. *Илемна* дер. «на ручью» в Быстреевском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 136], *Илемно* оз. в Локотском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 55, 81] (вблизи известных сегодня оз. Перетно и Талыжно в Среднем Помостье), из современной гидронимии: *Ильменка* л. пр. Керести, л. пр. Волхова + п. пр. Долгой, л. пр. Луги (к **Ильмьн-ька* или **Ильм-енка*), *Ильменок* оз. со стоком в оз. Нерецкое басс. Мсты. За пределами области новгородских пятин отмечены *Илеменка* р. в Горожанском стане бывшего Великолукского у., согласно Великолукской писцовой книге 1627 г. (дер. Брагина на р. *Илеменке*) [Янин 1998: 171, № 151], в Верхнем Поднепровье *Ильменка* л. пр. Рудзеи в басс. Сожа [Vasm. WRG II: 139] и в Поочье *Илеменка* / *Алеменка* р. в басс. Протвы, *Илемна* пр. Оки [Смол. ГБО: 95, 193].

Существенно подчеркнуть, что возможность отпадения начальной гласной *и* в пошелонском гидрониме *Леменка* оказалось заложенной уже в фонетической природе самого апеллятива-мотиватора **iltь*, ср. такие вариантные обозначения вяза, как укр. *íлем*, *íльм*, но и *льом*, польск. *ilьm*, *ilem*, но и н.-луж. *lot*, словен. *ilem*, *ilьmovina*, но и *lim*, *limovec*. Но реализовалась эта возможность лишь после падения редуцированных, когда в ряде древнерусских диалектов происходило отпадение начальной *и-* (< *jь) в словах типа укр. *гóлка*, *грати*, блр. *гóлка*, *граць* при рус. *игóлка*, *играти*, рус. диал. *менíны*, *мяни́ны* наряду с *имени́ны* и др.

Название р. *Илеменка* / *Алеменка* в Калужской обл. тоже безусловно возводится к *ильмь*, *илемь* ‘вяз’, несмотря на колебания гласной в анлауте (вопреки

[1993: 49] о том, что селения, возникавшие в местах слияния рек, регулярно принимали имя притока, а не главной реки. При этом изменилась родовая характеристика названия: *Илемна* (< *Ильмна*) р. на *Илемно* (< *Ильмно*) село.

Р. А. Агеевой [1989: 93—94], видящей здесь исходную форму *Леменка*). Вариант *Алеменка* нуждается, однако, в объяснении. Спорадическая утрата начальной гласной *и-*, проявляемая исходным апеллятивом (типа укр. *льом*, н.-луж. *lot*), равно как производной гидронимией (типа новг. *Илеменка / Леменка*), вообще говоря, провоцирует возможность замены ее другой гласной. В поочском гидрониме эта начальная гласная была переосмыслена в роли факультативной протезы *и-*, способной замещаться иными гласными протезами; переосмысление это могло случиться тогда, когда в одних и тех же говорах стали появляться варианты слов типа диал. *льняной / ильняной / альняной / ольняной* или *ржаной / иржаной / аржаной / оржаной*. Ср. аналогичное структурное переосмысление начальной гласной, приводящее к ее утрате или замещению, например, в *алюминиевый*, давшем перм. *илемéневый* и *лемéневый* [АкчС 1], или новг. *ильмёнъ* ‘алюминий’ [СРНГ 12: 186].

На новгородской территории отадъективные топонимы на *Илемен-*, *Ильмен-* перемежаются со структурно и семантически подобными названиями, показывающими адъективный суф. *-ов-*, см. старописьменные *Илмовое*, *Илмовец*, *Илмовик* названия починков в Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 97, 214, 491], *Илмово* дер. Дегожского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 649] (из *Илмово* благодаря метатезе), совр. *Ильмов* п. пр. Белки, п. пр. Лемовжи, п. пр. Луги, *Ильмовка* л. пр. Куньи, п. пр. Ловати, *Илемцы* дер. Батецк. Бат. Данный топонимический ряд, в отличие от названий, отражающих др.-рус. *ильмьн(ьи)*, трудно отнести к числу архаических образований ввиду общерус. *ильмовый* ‘вязовый’.

Совсем иной этимологический случай демонстрирует название рч. *Леменка*, впадающей в оз. Сунгурово басс. Мсты [Шан. РЛЮ: 237]. Она протекает по территории бывшего Ситенского пог. Дер. пят., в котором писцовая книга 1495 г. описывает дер. *Лимен* [НПК I: 588], = *Лимень* пуст. под 1550/51 г. где-то поблизости от оз. *Луко* и *Боровно* [ПKNЗ 5: 146] (сегодня — оз. *Луково* и *Боровно* в 5—6 км западнее оз. Сунгурово и рч. Леменки). Похоже, геогр. *Лимен / Лимень* и *Леменка* образуют микросистему, благодаря которой появляется возможность, во-первых, выяснить местоположение средневековой деревни, и, во-вторых, понять, что средневековый ойконим идет от названия *Лимень* озера, связанного с рч. *Леменка* и ставшего позднее известным как оз. *Сунгурово*. Следовательно, в данном случае совр. геогр. *Леменка* отсылает к более раннему варианту **Лименка*, производному от *Лимень*. Межтерриториальными параллелями к данному гидрониму на *Лимен-* являются, в частности, новг. *Лимень* (*Лиминь*, *Лемань*) р. в Луж. у. (по материалам Р. А. Агеевой [1989: 192]), пск. *Лименец* (*Лимно*) оз. в басс. р. Велюкой, Опочецкий у. Пск. губ. [Шк. ОПскГ: 88]. Эти гидронимы действительно следует рассматривать как субстратные балтизмы, соотносительные с лит. названиями озер *Liminas*, *Liminelis*, рр. *Liminè*, *Limenè*, с лтш. *Līmeņi* ус., прус. *Lima* луг, *Lutaio* оз., *Limange*, которые родственны лат. *litus* ‘тина, ил’, греч. *λίμνη* ‘озеро’ (см. [Vanagas 1981: 191; Gerullis 1922: 88]), равно как др.-рус. *лимень* ‘лиман, при-

стань' (< греч. *λίμνη*)⁷⁹. Непосредственное возведение новг. *Лимень*, пск. *Лименец* к др.-рус. *лимень* весьма сомнительно прежде всего потому, что древнерусское слово встречалось только в памятниках Южной Руси, будучи заимствованным из языка причерноморских греков [Филин 1972: 530—531].

ЛОПАН-

Лопань заливной луг неподалеку от сел. Взвяд Ст-Рус. р-на в дельте р. Ловать: «*Лопань* не речка, а место называется, пожня. Есть там ручейна, но мы ее называем Быстрая. К волоку подходит Расчистка пожня, *Лопань*» [Строгова 1991: 63; НОС 5: 41]. Отождествляется с пожней «на речке на *Лопыну* от Быстрой реке надь Ловотью рѣкою» в пог. Взвяд, согласно книге Шел. пят. 1551 г. [НПК V: 329].

Лопань (*Лопанька*) — название трех речек-протоков в дельте р. Мсты. Одна из этих стоячих речек многократно упоминается в Книге оброчных пригородных пожен Великого Новгорода 1539/40 г. как *Лопыня*: различные пожни «на *Лопыне*» отмечены в [ПКНЗ 1: 352, 356, 361, 366, 372, 373].

Только по современным материалам известны названия небольшого оз. *Лопань* (*Лопено*) рядом с дер. Хвойново Холм. р-на (по карте масштаба 1:25 000, 1956 г.) и дер. *Лопанец* Ретюнск. Луж. западнее крупного оз. Врево.

Вблизи исторических границ Шелонской и Деревской пятин указывают геогр. *Лопонь*, плес на оз. Кодосно (басс. Ловати севернее Великих Лук) в Куньинском р-не Пск. обл. [Попов 1981: 159]. Эта форма, отражающая перестановку гласных (из *Лопань*), равна пск. диал. *лѡпонь*, определенному со значением 'вязкое, низкое место около озера' [Мокиенко 1969: 378]; данное слово содержится в КПОС: «Осока растет и вода заливает иногда, называют *лѡпонь*» (дер. Смычки в районе Великих Лук). Однако сам иллюстративный контекст, изолированная фиксация в единственном населенном пункте, да еще в трансформированном метатезой облике, свидетельствуют скорее не об апеллятиве, а о микропониме *Лопонь*.

Другие межтерриториальные параллели представлены гидронимией: *Лопань* л. пр. Уды басс. Северского Донца [СГУ: 326] (по этой реке названы пос. *Казачья Лопань* в Харьковской обл. и село *Веселая Лопань* неподалеку от Белгорода), *Лопанка* р. в Ростовской обл. [Мурз. СНГТ 2: 20], *Лопанка* п. пр. Ропши, л. пр. Нерусы, л. пр. Десны [Топоров, Трубачев 1962: 193], *Лопань*, иначе *Лопан*, *Лопанец*, п. пр. Косы басс. Камы в Чердынском у. Пермской губ. [Vasm. WRG III: 109].

Перечисленные названия обусловлены забытым вост.-слав. гидрографическим термином, отголоски о живом использовании которого в отдельных местах сохранились еще в XIX в., если судить прежде всего по дон. *лѡпань* 'колодезь на топком месте', 1848 г. [Опыт: 105]. Безусловно, *лѡпань* производно от *лѡпать(ся)* [Фасм.

⁷⁹ Хотя на Русский Северо-Запад эта гидронимия была занесена древними балтами, водные названия с основой **Lim-in-* не являются исключительно балтийскими, но принадлежат к т. н. древнеевропейскому гидронимическому фонду, подр. см. [Васильев 2009а: 267].

ЭСРЯ II: 518], наряду с такими равноструктурными словами, как диал. *лѡпанцы* ‘кочны (капусты), лопнувшие на корню’ (Петерб.), *лѡпаница* ‘понос’ (Пск., Осташ. Твер.), *лѡпанка* ‘неровность на полотне косы от неумелой ее отбивки’ (Старорус. Новг.) и т. п. [СРНГ 17: 130—131]. Семантические сдвиги ‘вырвавшиеся воды; источник’ > ‘окно в болоте’ > ‘болотистое место’, реконструированные В. М. Мокиенко [1969: 378], привели к тому значению термина, которым мотивирована приведенная восточнославянская топонимия. За пределами восточнославянского пространства встречаются похожие термины: словен. *lorič*, *loriča* ‘глубокое место в реке, ручье’, *lorôč*, *lorôča* ‘грязь’, являющиеся причастными образованиями от **lorati*, **lornoti* [Куркина 1972: 96].

В Верхнем Поднепровье название рч. *Лопанка*, притока *Ропши* (*Лисички*), тоже безусловно относится к данному ряду, несмотря на то, что оно внешне, как будто, включено в «исключительно выгодный гидронимический контекст, представленный «лисьми» названиями рек трех гидронимических пластов», ср. лит. *lapė*, иран. (скифск.) *raupāsa* ‘лисица’ [Топоров, Трубачев 1962: 21, 157, 193, 194, 225].

ЛУК-, ЛУКАТ-, ЛУКАВ-

Лукое дер. Бельского пог. Шел. пят. 1498 г., иначе *Лукая* дер. «пуста» под 1571 г., там же отмечена р. *Лукая* («за рекой за Яней и за *Лукой*») [НПК IV: 77; V: 539] (= ? совр. рч. *Луковка*, л. пр. Яни, л. пр. Плюссы); *Лукое* оз. в Дремицком пог. Шел. пят., по книге 1550/51 г. [ПKNЗ 6: 114] (= ? совр. оз. *Луковка* со стоком в р. Яня, л. пр. Плюссы); дер. *Лукое* Опоцкого пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 684]; дер. *В Лукой* Холовского пог. Дер. пят. 1496 г. [ПKNЗ 1: 62], = *Лукова* пуст. в Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 288]; *Луко(е)* оз. («на озере на *Луком*», «над *Луком* озером», «в озере в *Луком*») в Ситенском пог. Дер. пят. [ПKNЗ 5: 140, 146—150, 155], = *Луково* оз. в басс. Мсты со стоком в р. Клетна; *Лукое* оз. у дер. *Лукинское* (!), Лаптево, Анисимово Чернянской вол. Уст. у. 1911 г. [СНМНГ VIII: 106—109], а по более поздним материалам — *Луко* оз. в басс. Мологи со стоком в р. *Лука*; *Луко* оз. («в озере в Седне да в озерке в *Луко* половина кола рыбные ловли») в Устьянском пог. Дер. пят. 1538/39 г. [ПKNЗ 4: 300], = *Лукое* («озерко *Лукое* да озерко Седно») по писцовой книге 1624 г. [ППКСР: 238], по спискам 1929 г. [Шан. РЛЮ: 360] и по другим материалам; это озеро (иначе — оз. *Вешинское* [Пылаев 1929: 34]) стекает в Синецкий залив Ильменя. Кроме того, писцовая книга 1624 г. в этом же Устьянском пог. указывает р. *Лукая* («на реке на *Лукое*», «на речке на *Лукой*») [ППКСР: 224, 225, 227], очевидно, связанную с оз. *Лукое*. К этому же ряду соответствий относится название дер. *Налуком* Локоцкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 78] (иных сведений не сохранилось). Похоже, предлог в нем был квалифицирован как префикс и более точна локативная форма ойконима «на *Луком*», отсылающая к начальной форме *Луко(е)* (ср. «на озере на *Луком*», выше).

Все эти названия безусловно мотивированы др.-рус. *лукыи* ‘кривой, согнутый’ [Срезн. МСДРЯ II: 54], определяемым, кроме того, в значениях ‘расположенный

в излучине реки, на берегу морского залива (луки)» (по Геннадьевской библии 1499 г.), а также «антропоцентрически» — ‘хитрый, коварный, не прямой, не праведный’ [СлРЯ XI—XVII 8: 301—302]. В современных народных говорах региона данный аффикс не фиксируется.

На соседней Торопецкой земле писцовая книга 1540/41 г. сообщает, во-первых, об оз. *Луко(е)* басс. Западной Двины («над озером над *Лукоем* на Двине»; «в озере в *Луком*»; «у озера у *Лукая*»), при котором описывает дер. и село *Лукое* Нежелской вол. [ПKNЗ 4: 548, 550, 551], во-вторых, об оз. *Лукое* в Сержской переваре («в озере в *Луком*», «над *Лукуим* озером»⁸⁰) [ПKNЗ 4: 626—628, 633] в басс. Ловати; это, последнее, как оз. *Лукое* со стоком в р. Сермяженка, указано списками 1912 г. (в Новосовской вол. Холм. у.) [Шк. ОПскГ: 114] и более поздними материалами. На сопредельной территории (Кунынский р-н Пск. обл.) есть крупное оз. *Жижицкое*, на котором, по данным А. И. Попова [1981: 159], два мыса носят название *Лукий Рог*, а один из островов называется *Лукий* (на карте сер. XIX в. — *Лука*)⁸¹. Оз. *Лукое* имеется в истоках р. Великой, ранее оно значилось в Опочецком у. Пск. губ. [Шк. ОПскГ: 76]. На севере Пск. обл. есть оз. *Луко* в низовьях Плюссы и неподалеку от него дер. *Луко* Гд. р-на (собственно — *Луко*; к удвоению ср. *Лукий* с вар. *Лука*, см. выше). За пределами Русского Северо-Запада восточнославянских параллелей значительно меньше: *Лукое* (старые варианты *Улукое*, *Луково*) оз. в Среднем левобережном Поочье, Рязанская земля [Смол. ГБО: 127], блр. *Лукае* сел. в Брестской обл. [Рапанович 1980: 77], укр. *Луко* (*Лука*) оз., село и болото в Ровенской обл., *Лукоуе* оз. 1564 г. (сегодня — оз. *Луки*, в Волынской обл.) [Шульгач 1998: 164]; вместе с тем таких гидронимов немало в Польше: польск. *Łęki* pp., *Łęki* оз., *Łąkie* оз., последнее многократно повторяется в басс. Вислы и Одры [HW: 358; HO: 271], на Балканах, в частности в Македонии, ср. многочисленные названия водотоков типа *Lak*, *Laki*, *Laka* в басс. Вардара, возводимые к праслав. **lorkъjь* ‘извилистый’ [Duridanov 1975: 70, 160, 173, 230, 301, 319, 336, 339, 342, 346].

Большинство средневековых отаффиктивных названий-архаизмов *Луко(е)*, *Лука(я)* в регионе Новгородской земли не прослеживаются по современным данным. Некоторые, судя по изложенному материалу, преобразовались в притяжательные формы *Луково*, *Лукова*, другие утратились. Кроме того, такие названия-архаизмы, прежде всего гидронимы, похоже, могли переоформляться по типу отсубстантивных *Лука*, *Луки*, *Лучки* и др., названий многочисленных и продуктивных на Русском Северо-Западе, отсылающих к известному термину *лукá* ‘изгиб, излучина’ (в совр. новгородских говорах также ‘низкое место у водоема; пойменный луг’,

⁸⁰ Эта, вторая, средневековая фиксация может указывать на наличие у торопецкого лимнонима *Лукое* вариантной формы *Лукуй* со специфической деривацией (см. геогр. *Лукуй*).

⁸¹ На Жижицком оз., по сообщению А. И. Попова [1981: 159], имеется кроме того остров с архаическим названием *Дубый*, которое отсылает к древнему аффиктиву тождественной бессуффиксальной структуры, означавшему ‘дубовый’ (ср. также новг. геогр. *Дубое* дер. в Нерещком пог. около 1495 г. [НПК I: 635]).

‘пологий затопляемый берег’, ‘залив, заводь’, ‘низина’ [НОС 5: 50]). Так, равное апеллятиву геогр. *Лука* неоднократно повторяется в совр. гидронимии Русского Северо-Запада (применительно к л. пр. Веребьи, п. пр. Волмы, л. пр. Мсты + л. пр. Псковы, п. пр. Великой + оз. со стоком в р. Сороть басс. Великой + оз. вблизи Валдая и др.), тогда как для состава средневековой гидронимии региона оно менее характерно, новгородские писцовые книги отмечают лишь один такой гидроним на территории Егорьевского Млевского пог. Беж. пят. («Дер. Чясовенская Лука у озера у *Луки*», 1545 г.) [НПК VI: 314], = ? совр. оз. *Лука* со стоком в р. Манишка, п. пр. Мсты, Удом. р-н⁸².

Названия, полученные онимизацией апел. *лукá*, оказываются, однако, весьма многочисленными в составе новгородской микротопонимии и ойконимии, как средневековой, так и современной (особенно заметно сосредоточение таких названий по берегам рек бассейнов Ловати и Полю)⁸³. Сама же эта лексема во взаимосвязанных значениях активно функционирует в новгородских говорах, образовано много производных (*лúковый*, *луковáтый*, *лúчка*, *улúка*, *залúчина*, *прилúка*, *прилúк*, *перелúки*, подр. см. в [Васильев 2001а: 177—190]), которые широко отложились также в топонимии, не относящейся к архаическим типам.

Ранее в юго-западных районах Новгородской земли, наряду с лексемой *лукá*, функционировал ее морфологический вариант муж. р. — *лук*. О былой употребительности этого слова в регионе, сегодня уже забытого, сигнализируют ойконимы из писцовой документации XV—XVI вв.: *Лук* поч. в Дегожском (или Лосском?) пог., *Лук* поч. в Михайловском на Полоной пог., *Лук-Яхново* поч. в Скнятинском пог., — все по книге Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 238, 296, 498], *Лук* оз. в вол. Лопастницы Дер. пят. около 1495 г. и здесь же дер. «*надъ озеромъ надъ Лукомъ*» [НПК II: 798], сегодня здесь стоит дер. *Залúковье* Ворошиловск. Пен. на протоке в оз. Лопастница из оз. *Заболотье* (= оз. *Лук* писцовой книги?). Средневековое название реки в Богородицком Павском пог. в Слезкине, донесенное записью «у реки у *Луку*» из книги Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 512], тоже относилось к муж. р., но скорее всего это название было снабжено префиксом — *Улук*⁸⁴, судя по тому, что сегодня эта река, п. пр. Мологи в Санд. р-не, именуется *Улука*. Судя по письменности, термины *лук* ‘сенокосное угодье в излуине реки’, *лучок* ‘небольшая излуина, пригодная для сенокосения’ были хорошо известны в Северо-Западной Руси XIV—XVI вв., см. [Стась 1990: 193]. Вариант *лук* встречался реже, чем *лукá*, но семантически эти варианты не обнаруживают видимых различий; см. пример их отождествления в тексте книги Торопецкой земли 1540/41 г.: «в озере в Язце *лука* Восходная да

⁸² В Указателе географических названий [НПК. Указ. ГН: 158] этот средневековый лимноним неточно дан в форме *Луко*.

⁸³ К этому выразительному Полавско-Ловатскому скоплению принадлежит и широко известное древнее название гор. *Великие Луки* (по древнерусским летописям также в вар. *Луки*).

⁸⁴ Издатели писцовой книги, судя по этой записи, префикс в составе названия посчитали предложом.

лука Тина да *лук* Реница» [ПKNЗ 4: 510]. В современной топонимии Новгородской земли геогр. *Лук* уже не проявляется, апел. *лук* тоже забыт, но в тверских говорах сер. XIX в. было записано *лучок* ‘залив озера’ (Осташк., 1855 г.), отмечены, кроме того, смол. *лук* ‘луг’ [СРНГ 17: 185, 214], укр. полесск. *лук* ‘низменность, заросшая травой’ [Марусенко 1968: 236].

Название *Лук* одного из порогов на р. Чагодошца в Уст. у. [Vasm. WRG III: 135] трактуется двояко: оно может отсылать к термину-субстантиву *лук* или к адъективу *лук(ыи)* ‘извилистый’, который согласовывался в краткой (именной) форме со словом *порог*.

К старым адъективным образованиям от *лукá* восходят новг. геогр. *Лукавец* пуст. в Хв. р-не близ дер. Прокшино [НОС 5: 50] (= селище *Лукавец* «что ныне пустошь, ручья Сосновца на левом берегу» Левочской вол. Бор. у. по материалам 1780-х гг. [КГарн]), *Лукавец* пожня в Боровичском пог. Беж. пят. под 1539 и 1564 гг. [НПК VI: 930, 937; ПKNЗ 4: 119], *Лукавицыно* дер. Ясеновичского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 43] (= *Луковицы* пуст. в Вышн. у. 1780-х гг. [ИАДП I: 304]). Первое из этих названий произведено от **лукатыи* ‘извилистый’, по-видимому, узкоместного новгородского апеллятива с суф. *-ат-*. Другие восходят к др.-рус. *лукавыи* ‘извилистый’: «Иердань (...) *лукаво* (...) течеть» [Срезн. МСДРЯ II: 51—52], праслав. **lǫkavъjь* [ЭССЯ 16: 44]. За пределами новгородских пятин обнаруживается очень много топонимических, в основном гидронимических, параллелей: пск. *Лукавец* оз. в басс. Великой, *Лукавец* оз. и *Лукавиц* (со специфическим суф. *-иц*⁸⁵) оз. со стоком в р. *Лукавская*, оба в верховьях Ловати (по [Шк. ОПскГ: 106, 133] и по совр. картам), в Поднепровье есть *Большой Лукавец* (вар. *Лукавица*, *Луковец*) — рр. в басс. Сожа, *Лукавец* — рр. в басс. Сожа, Припяти, Горыни, *Лукавка* р. в басс. Десны, *Лукавец* р. в басс. Днестра [СГУ: 329—330; Топоров, Трубачев 1962: 218—219; Трубачев 1968: 222; Шульгач 1998: 163], *Лукавэц* болото в Брестской обл. [Мікратапанімія: 143], *Лукавец* — сел. в бывших Калужской, Могилевской, Виленской губ. [Vasm. RGN V: 240], *Лукавцы* сел. в Гомельской обл., сюда же чеш. геогр. *Lukavec*, *Lukavice*, словац. *Lukavica*, польск. *Łekawa*, *Łekawka*, *Lukavac* — сел. в Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине, *Lokavec*, *Lokavica* — водоемы и села в Словении, по: [Imenik mesta 1956: 269; Bezl. SVI I: 355—356; Snoj ESSZI: 244; Šmil. VSS: 463; Топоров, Трубачев 1962: 218—219; ЭССЯ 16: 144; Шульгач 1998: 163]. Множество апеллятивных и топонимических фактов к основе *lǫkovъ(jь)* см. в [ЭССЯ 16: 147—148; Шульгач 1998: 164—165], см. еще [Мурз. СНГТ 2: 24—25]. При широкой общеславянской известности топонимии от **lǫkav-*, у восточных славян она, похоже, практически не распространилась восточнее Приильменя и Поднепровья. Со временем на новгородской территории апел. *лукавый* в старом значении ‘извилистый’ оказался забытым, замесив-

⁸⁵ Редкий суф. *-иц*, отличный от известного суф. *-иц*, показывают еще не менее полутора десятков имен рек и озер на Русском Северо-Западе: *Белиц*, *Ицалиц*, *Кимариц*, *Конопелиц*, *Милиц*, *Уклеиниц* и др.

шись вариантным прилагательным *лу́ковый* 'относящийся к луке', которое хорошо прослеживается в современных говорах (*лу́ковое сено, лу́ковый покос, лу́ковая черноземина, лу́ковая земля*) и по современной региональной топонимии (в ней по разным источникам обнаруживается более десятка повторяющихся геогр. *Луково, Луковицы, Луковец, Луковское, Луковка, Луковский*) при том, что в средневековой новгородской документации названий на *Луков-* почти нет.

***Льз-, Ольз-, Льзен-, Лезн-, Лъзен-, Нельзен-* и др.**

Льзи Большие, рядом *Льзи Малые*, — дер. Пл. р-на, расположенные в верховьях Плюссы. Отождествляются с двумя соседними пунктами Которского пог. Шел. пят. 1498 г.: *Лзи* дер., «в ней церковь Михайло святый», и рядом, отдельным пунктом, — *Лизи* дер. из 5 дворов [НПК IV: 96—98]. На картах 2-й пол. XIX в. (3-верстка, 10-верстка) эти пункты именуются *Лзи Большие* и *Лзи Малые*, они стоят близ устья рч. *Лезница*, л. пр. Плюссы.

Все межтерриториальные параллели ограничены регионом Новгородской земли. Средневековых сведений о них не сохранилось. Таково геогр. *Льзи* дер. Веребьинск. Мал. на левом берегу Мсты, в нач. XX в. — дер. и ус. Пожарской вол. Кр. у. [СНМНГ VI: 82—83]; этот ойконим обнаруживается еще на старых 3-верстной и 10-верстной картах [ВТКЗверст; КСтрельб] и в описании Новг. губ. 1849 г. [ВСОРИ: 45] (с указанием переправы при дер. *Льзи*). По поздним данным известно также о дер. *Льзи* Волховск. Волх. на правом берегу р. Сяси. Эту ойконимию следует дополнить названием дер. *Ользи* Жирковск. Дем., смежной с р. ц. Демянск Новг. обл. На старых картах 2-й пол. XIX в. [ВТКЗверст; КСтрельб] деревня подписана *Ользы*, хотя источник 1865 г. [Новг. сборник III: 31] указывает совр. форму *Ользи*; то же по списку селений 1909 г.: *Ользи* Луцкой вол. Дем. у. [СНМНГ II: 40—41]. В отличие от изложенных выше, это название осложнено протетическим *о* (*О-льзи*). Вообще говоря, подобная протеза ожидаема перед консонантным сочетанием с начальным сонорным; ср. хотя бы *льняной* и диал. *ольняной, ильняной, ржаной и оржаной*.

Родственную, но суффиксально осложненную форму являет геогр. *Льзички* дер. Любытинск. Новг. (в 1980-е гг. дер. поглощена р. ц. Любытино), ранее волостное сел. на р. Забитнице Льзичской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 56—57], зафиксированное с конца XVIII в. межевыми материалами 1785 г.: дер. *Льзѣчки* «на суходоле», под № 1947 на уездном плане Бор. у. [КГарн]. В описании Новг. губ. 1849 г. название дано с искажением — *Льдички* дер. при рч. *Льдичка* Бор. у. [ВСОРИ: 45].

Изложенные топонимы — *Льзи*, протезированное *Ользи*, суффиксальное *Льзички* (с деминутивным суф. *-ичк-*, который связан обычно с сущ. жен. р.) — явно подразумевают некую исходную форму **льзя*. Надо полагать, этот реконструируемый апеллятив является прямым продолжением праслав. **l̥za*, отложившегося по разным славянским языкам преимущественно в виде наречия: ст.-польск. *lzia*, польск. *lza, l̥za, ldza*, чеш. *lze*, словац. *l'za*, др.-рус. *лъзѣ* 'можно, возможно, должно' или с отрицанием: ст.-чеш. *nelzě* 'нельзя', рус. *нельзя* и т. п. [ЭССЯ 17: 108]; иногда

прослеживаемого в виде существительного: ц.-слав. *льса* ‘возможность’ [ЭССЯ 17: 108], др.-рус. *льза* ‘польза’ [СлРЯ XI—XVII 8: 321]. Последние два субстантива особенно показательны при истолковании новг. геогр. *Льзи*, *Ользи*, *Льзички*, поскольку как раз такие именные формы (точнее, видимо, все-таки *льзя* — с мягкой *з*) обосновывают рассматриваемую топонимию. Однако эти географические названия ценны для исторической лексикологии, разумеется, не только ради подтверждения единично зафиксированного на древнерусском материале церковнославянизма *льза* со значением ‘польза’; они скорее свидетельствуют о существовании в древних новгородских говорах диал. **льзя*, имевшего свое особое значение.

Др.-новг. **льзя*, извлеченное из топонимии, — это бессуффиксальное существительное, родственное праслав. **lbъk(jь)*, рус. *легкий* [ЭССЯ 17: 109], представляющее палатализованный вариант корня и близкое к префиксальному рус. диал. *пóльзя* ‘польза; облегчение в болезни, помощь’ (Новг., Влад., Нижегород, Свердл., Р. Урал.), ‘выгода, прибыль; барыш’ (Р. Урал.) [СРНГ 29: 181] и общерус. *пóльза* (с отвердевшей *з*). Аналогичное непоследовательное отверждение *з* > *з* в некоторой мере затронуло и соотносительную ойконимию, см. выше наличие вариантов новг. *Ользы*/*Ользи*. Непалатализованный вариант данного корня отражен в ряде лексем, среди них: диал. *льга* ‘послабление’ (Смол.), ‘сила, мочь’ (Арх., Перм.) и *пóльга* ‘польза’, ‘выгода, прибыль’, ‘облегчение (в болезни), выздоровление’, распространенное во многих говорах [СРНГ 17: 230; 29, 180—181], и общерус. *льгота*. Последнее встречается с протезой: ленингр. *ольгота* ‘свобода’ (Лодейноп.) [СРНГ 23, 192], проявляющейся и на топонимическом уровне; см. выше варианты *Льзи*/*Ользи*.

По смыслу локальное др.-новг. **льзя* соотносится скорее не с *льза* ‘польза’, а с рус. диал. (сев., вост.) *пóльза*, *пóльга* ‘льгота, облегченье; помощь, улучшение’ [Даль ТСЖВЯ 2: 267], смол. *льга* ‘послабление’ [СРНГ 17: 230], укр. *пільга* ‘облегчение’, как и с др.-рус. *льгота* ‘облегчение, освобождение’, ‘удобство, довольство’, ‘отступление от общих правил при налогообложении в пользу отдельных лиц или социальных групп’, — данный круг значений хорошо отвечает номинации древнерусских деревень, нередко имевших при своем зарождении временные льготы в виде налоговых послаблений на пользование землей. Ср. применительно к земельным отношениям др.-рус. идиоматические выражения: *быти во льготе* (во *льготех*) ‘быть предоставленным в пользование на льготных условиях’ («3 деревень, что были во льготех», 1500 г.), *дати на льготу* ‘предоставить льготные условия в пользование чем-л. на какое-л. время’ («дал на лготу (...) пустошь (...) на сем лет», 1568 г.), *жити во льготе* — ‘пользоваться льготой’, *льготные годы*, *льготная грамота* [СлРЯ XI—XVII 8: 319—320]. Известно, что факт предоставления льгот некоторым новопоставленным или бедствующим деревням часто получал закрепление в топонимической номинации. Названия, этимологически родственные и номинационно идентичные новгородским *Льзи*, *Ользи*, *Льзички*, особенно отчетливо обнаруживаются в ареале западных славян, где сохраняется значительное количество топонимов от **lbgota* (ср., например, насчитывающие сотню повторений чеш. геогр. *Lhota*, десятки повторений чеш. *Lhotka*,

словац. *L'ahota*, приведенные в [Hosák, Šrámek MJMS I: 505—524; ЭССЯ 17: 67], наряду со множеством названий от **lbgota* в Польше, как было показано в работе [Staszewski 1959]) и отмечены топографические термины от **lbgota*, обозначающие 'имение; селение, освобожденное от налогов и феодальной зависимости' [ЭССЯ 17: 67; Мурз. СНГТ 2: 27—28]. В восточнославянском ареале названия от **lbgota* встречаются реже, зато здесь хорошо известна топонимия от терминов *слобода* и *воля*, указывавших на тип льготного поселения (кстати говоря, ойконимия от *воля* опять же наиболее частотна на западе Славии и проявление ее у восточных славян, по мнению В. П. Лемтюговой [1983: 52—59, 119], нужно рассматривать как часть обширного ареала, сложившегося в Польше).

К отсубстантивной топонимии на *Льз-* примыкают отадъективные географические названия на *Льзен-*, *Лезн-*, *Лезен-*, которые тоже могут отражать этот же корень **льз-*, но осложненный суф. *-н-* (< *-ьн-*). Многие из таких топонимов впервые фиксируются новгородскими писцовыми книгами XV—XVI вв., как свидетельствуют приведенные ниже данные.

Льзень дер. Гостецк. Новг. на восточном берегу оз. Ильмень, ранее — дер. Красностанской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 54—55], = *Льзена* дер. Сытинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 488], = *Лзонь* дер. Кр. у. по материалам конца XVIII в. [ИАДП 1: 270]. Кроме того, источники указывают, что в 70-е гг. XVI в. здесь значилось «усадище *Лезнево*», принадлежавшее потомкам московских купцов Таракановых, по [Секретарь, Филиппова 1991: 211]. Совр. крупномасштабные карты отмечают неподалеку руч. *Льзна*, впадающий в оз. Ильмень: этот гидроним, очевидно, соотносится с ойконимом *Льзень*. Все эти названия можно считать развитием др.-рус. **Льзьна* (**Льзьнь*), восходящего к форме прилагательного; об адъективном суффиксе *-ьн-* (давшего *-ен-* в сильной, *-н-* в слабой позиции редуцированного) свидетельствует вар. *Лезнево* — вторичная «подгонка» под продуктивную ойконимическую модель на *-ово/-ево* первоначального *Льзень* (< **Льзьнь*).

Лзенка р. в Пажеревицком пог. Шел. пят. 1539 г. («...на *Лзенкѣ* на реке») [НПК IV: 402], которая приравнивается или к совр. *Ильзна*, л. пр. Шелони южнее Порхова, или к притоку этой реки. Кроме того, в Дегожском пог., который граничит с Пажеревицким, переписная книга 1539 г. описывает дер. Юдино «на рѣкѣ на *Лзньѣ*» [Там же: 272], которая тоже, по-видимому, отождествляется с р. *Ильзна*. По сведениям 1872—1877 гг. эта река значития как *Лизна*, на ней дер. Раи, Гарицы, Грибачиха, Михново и др. в Пажеревицкой и Городовицкой вол. Порх. у. [СНМРИ 34]. Анлаутная гласная *и* в совр. *Ильзна* носит явно протетический характер, а основа может продолжать исходное **Льзьн(-а)*, см. точное соответствие в предыдущем названии ручья⁸⁶.

⁸⁶ В Пск. обл. имеется еще один очень похожий гидроним — *Лзна* л. пр. Черехи, п. пр. Велюкой, однако твердость фонемы *л* препятствует однозначному сближению его с гидронимией *Льзна*, *Ильзна*.

Лезна дер. Лъзичской вол. Бор. у. на рч. *Лезенка* по спискам селений нач. XX в. [СНМНГ VI: 56—57] (сегодня уже нежилая); рядом, на этой же речке, стояла еще одна дер. *Лезна*, бывшая в Заборовской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 54—55]. Один из этих пунктов безусловно отождествляется со средневековой дер. *Лезна* в Богородицком пог. на Белой Беж. пят 1564 г., второй — предположительно с дер. *Лозница*, бывшей в этом же погосте; оба эти селения принадлежали в XVI в. Воскресенскому женскому монастырю из Гончарного конца Великого Новгорода [НПК VI: 860]. В Ген. меж. 1785 г. — «дер. *Лезна*... речки *Лиозенки* на правом берегу» (под № 2173 на уездном плане), в МОЗУ 1914 г. дер. *Лезна* числится рядом с пуст. *Лозница* [КГарн], в описании Новг. губ. 1849 г. — дер. *Лезно* [ВСОРИ: 61]. Ойконим, похоже, продолжает первоначальную форму **Лъзна*, родственную геогр. *Лъзички*, которое локализуется неподалеку, в этой же волости. Геогр. *Лозница*, локализуемое рядом с *Лезна*, может отражать произношение [л'озн'ица]. Гидроним *Лезенка* произведен, в свою очередь, от *Лезна*; написание его — *Лиозенка* в документации XVIII в. — соответствует современному написанию *Лёзенка* (передача буквосочетанием «лио» слога [л'о] при отсутствии «ё»).

Лезна дер. в пог. Волок Дершков Беж. пят. 1564 г., была «вопче с царем и великим князем да с Онтоновым монастырем», «а как запустела, тому 4 годы, от царевых и великого князя податей» [НПК VI: 999, 1015, 1034]. Материалы Ген. меж. 1785 г. на месте деревни отмечают «пустошь *Лезна*, частию б. Антониева монастыря, речки *Залезенки* по обе стороны», № 1134, в Десято-Пятницкой вол. Бор. у. [КГарн] (по МОЗУ 1914 г. — это пуст. *Лезни*, или *Пустолизно*). Также в пог. Волок Дершков писцовая книга 1564 г. описывает дер. *Залезенье* [НПК VI: 992], = дер. *Зализенка* и ус. *Зализенье* при рч. *Зализенка* в Десято-Пятницкой вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 30—31], сегодня — дер. *Залезенка* на рч. *Залезенка*, п. пр. Шуки, л. пр. Мсты ниже Боровичей. Производное название *Залезенье* ('за Лезной') отсылает к геогр. *Лезна*, которое раньше относилось не только к селению, но, видимо, и к смежной речке (= совр. рч. *Залезенка*, названной по дер. *Залезенка*).

Другая средневековая дер. *Залезенье* описывалась в Локотском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 84], на ее месте материалы Ген. меж. конца XVIII в. по Кр. у. указывают пуст. *Зелезова* [ИАДП 1: 191], по спискам селений нач. XX в. — дер. *Жельзова* Китовской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 46], сегодня — дер. *Железово* Локотск. Кр. Незакономерное преобразование ойконима свидетельствует о ремотивации в силу забвения мотивировочной семантики исконной формы *Залезенье* уже в XVIII столетии.

Лезна поч. «дв. Онисимко безс пашни» на территории Егорьевского пог. во Млехе по книге Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 308—570].

Лезно дер. Лезненск. Чуд. между гор. Чудово и Кириши, ранее — дер. при р. Волхов и руч. *Лезенский* в Чудовской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 104—105] (по [Шан. РЛЮ: 58] — руч. *Лезнинский*). На карте, составленной в 1830-е гг., деревня подписана *Лезна* на руч. *Лезнинский* [КШуб]. Идентифицируется с дер. *Лезна* Грузинского пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 445].

Лезна местность, а также *Лезно*, *Лезной*, пустоши в Замошской переваре средневековой Торопецкой земли под 1540 г. [ПКНЗ 4: 653, 654]. Вероятно, отождествляется с *Лезно* дер. на оз. Синем и р. Стробык в Холм. у. 2-й пол. XIX в. [Vasm. RGN V 1: 93]. Неподалеку протекает р. *Лизовка*, впадающая в оз. Макаровское.

Лезница дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. Пункт указан неподалеку от селений с названиями *Лизи* и *Лзи* [НПК IV: 96—97] (= совр. дер. *Льзи Малые* и *Льзи Большие* Пл. р-на, там же рч. *Лезница*, см. выше), которые удостоверяют принадлежность соседнего геогр. *Лезница* к основе **Льзьн-*. Также списки селений Пск. губ. 2-й пол. XIX в. отмечают дер. *Лезницы* при оз. *Лезница* и при рч. *Дубенке* в Дубенской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 11759], о которой иные сведения не найдены.

Все эти названия относятся к малоизвестным селениям исторической Новгородской земли. Такая характеристика, впрочем, не подходит для названия крупного гор. *Лиозно*, р. ц. Витебской обл. Белоруссии. Своеобразный облик топонима *Лиозно* закрепил особенность передачи буквы «ё» (в этом чувствуется влияние польской традиции письма), аналогичную той, которая наблюдается на примере новг. *Лиозенка* (иначе *Лезенка*, *Лизенка*), рч. при дер. *Лезна*, см. выше. Локализацию *Лиозно* на северо-востоке Белоруссии допустимо, в сущности, считать продолжением общего ареала новг. *Лезно*, -а. К этому же ареалу принадлежит еще название *Лезно* двух смежных белорусских хуторов, отмеченных во 2-й пол. XIX в. неподалеку от Полоцка [Vasm. RGN V 1: 93].

В. А. Жучкевич [1974: 202—203] неверно соотносит блр. *Лиозно* со словом *лоза*, хотя и не исключает связи с «названием не вполне ясной социальной группы населения средневековых городов — *лѣзные люди*. На мой взгляд, геогр. *Лиозно* наряду с *Лезно*, *Лезна*, *Льзень* предпочтительнее возвести к др.-рус. праформе **льзьныи* (> *лѣзной* после падения редуцированных), имевшей, надо полагать, значение ‘льготный, облегченный, освобожденный’ и, вероятно, связанной деривационным отношением с сущ. **льзя*. Этот адектив, сформировавший перечисленную топонимию, отразился также в живой диалектной речи, хотя и весьма ограниченно. Ср. *лѣзный крестьянин* южн. ‘одинокый безземельный крестьянин, бобыль’ [Даль ТСЖВЯ 2: 246]⁸⁷, а по исконному смыслу слова, вероятно, ‘освобожденный (от тягла, налогов по причине отсутствия земли)’, *лѣзная* (о женщине или самке животного: небеременная, Бельск. Смол.) [СРНГ 16: 339]; ср. еще с отрицанием слова *нелѣзный* ‘обремененный, нелегкий’ (Смол.), *нелѣзная* ‘беременная’ (Смол.) [СРНГ 21: 71]. По-видимому, сюда же относится термин *лезные люди* из средневековых белорусских актов, который, по мнению Н. И. Горбачевского [1874: 194], означает «людей празднующихся, не имеющих ни оседлости, ни занятий». Вряд ли оправданно трактовать это выражение из нем. *lose* ‘свободный, освободившийся,

⁸⁷ Мысль о том, что прил. *лѣзный* в этом выражении принадлежит к кругу производных от **lězti* — **laziti* (см. [Варбот 1965: 42—43]) не убеждает на фоне имеющихся топонимических и лексико-семантических фактов (типа *нелѣзный* ‘нелегкий’ и др.).

не связанный в цехи', вопреки В. А. Жучкевичу [1974: 203]: значение и форма скорее предполагают славянскую основу *льзьн-. Не совсем ясно, входит ли в круг перечисленных лексем прилагательное в выражении *лѣзная челядь* — 'слуги шляхтичей-кавалеристов, находившихся при лошадях', XVII в., ср. ст.-польск. *lozna czeladź* [СлРЯ XI—XVII 8: 199].

Названия селений дополняются серией гидронимов, которые либо несомненно, либо предположительно сравнимы с данным апеллятивом. Зачастую можно говорить о водных именах, перенесенных из смежной ойконимии и, следовательно, вторичных: таковы, например, *Лезница* р. при дер. *Большие Лъзи*, *Малые Лъзи*, *Лезенский / Лезинский* руч. при дер. *Лезно* Лезненск. Чуд., *Лезенка / Лизенка* рч. при дер. *Лезна* Лъзичской вол. Бор. у., см. выше. Разумеется, нельзя исключать возможности и обратного переноса — от первичного гидронима к ойкониму, хотя отчетливых доказательств этому как будто нет. Порой лучше говорить не о производности, а о соотносительности названий, и вопрос, что от чего, остается открытым; такова ситуация с дер. *Лъзень* на р. Сытинке и руч. *Лъзна* неподалеку, дер. *Лъзички* и р. *Лезенка* (< *Лезна*) неподалеку в Лъзичской вол. Если ограничиться «лезными» названиями вод, не имеющих опоры в ойконимии, то их тоже обнаруживается немало. Судя по современным картам и по списку водоемов 1929 г. [Шан. РЛЮ: 42, 52, 54, 264], сразу несколько из них локализируются в Среднем Поволжье и в соседящем с ним бассейне р. Тосны: *Лезна* руч. и *Лезно*, или *Лездный*, руч., оба — л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова, *Лездно* п. пр. Влои, л. пр. Волхова (в формах *Лездно*, *Лездный* с гиперкорректной вставкой «д»), *Лезной*, или *Лезно*, л. пр. Оломны, л. пр. Волхова, *Лезинка* (вар. *Лизенский / Лизинский*) п. пр. Тосны, л. пр. Невы. В Поволжье списки селений нач. XX в. дают также *Лезно*, иначе *Лозно*, руч. в Пельгорской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 61, 63] (вар. *Лозно*, видимо, отражает произношение [л'озно], ср. выше *Лозница* при *Лезна*, *Лезенка*). См. еще *Лезенка* л. пр. Мсты (Среднее Помостье), *Лизенка* п. пр. Уйвеша, л. пр. Мологи (= *Лезенка* р. в Беж. у. 2-й пол. XIX в. [Vasm. WRG III: 37]).

За пределами новгородского пятинного деления можно указать еще геогр. *Подлезной* дер. в Полиском стане Пусторжевской земли из писцовой книги 1583 г. у границы с Шел. пят. (по [Янин 1998: 147, № 409]) (т. е. 'дер. под Лезной'?), *Лизён-ка* р. на востоке Островского р-на Пск. обл. [Мельников 1984: 98; Vasm. WRG III: 60], *Лизна* р. в Тотемском у. Вологодской губ., в Поднепровье *Лезна / Лизна*, п. пр. Днепра в Бельском у. Смоленской губ., *Лезница* (укр. *Лізниця*) л. пр. Жерева + п. пр. Норина, оба в басс. Припяти в окрестностях Овруча Волынской губ. [Vasm. WRG III: 37, 60].

В целом же изложенные названия селений и вод на *Лъз-*, *Лъзен-*, *Лезн-*, *Лезен-* за малым исключением рассредоточены в едином ареале на сопредельных новгородско-псковских и белорусско-смоленских землях. Сложение таких названий, надо полагать, было связано с интенсивным ростом селений нового типа — деревень. Деревни как земледельческие поселения, массово возникавшие на Русском Северо-Западе в XIII—XIV вв. (по первоначальному смыслу *деревня* 'пашня на

месте вытербленного леса и починок на нем' [Лемтюгова 1983: 121—122]), а также прилегающие к деревьям водные угодья на незначительных ручьях и речках стали главными носителями рассмотренной топонимии. Что касается водоемов, то конкретным мотивом их номинации могли являться временно бывавшие «во льготе» рыболовные тони или прибрежные сенокосы и пашни.

Вместе с тем становится понятным, что не вся приведенная выше топонимия на *Лезн-*, *Лезен-*, *Лизен-* мотивирована др.-рус. **льзьныш*. Часть таких названий, прежде всего гидронимических, похоже, относится к гнезду праслав. **lězti*, рус. *лезть* 'лезть; ползти; медленно двигаться, тащиться'; ср. чеш., словац. *lezny*, в.-луж. *lěznu* 'пресмыкающийся, ползущий' [ЭССЯ 15: 36—40]. Для гидронимии понятие ползания, следовательно, медленного движения (применительно к воде) — ожидаемый мотивировочный признак. С учетом этого признака авторы ЭССЯ справедливо сопоставляют, например, название украинской р. *Лезница*, отмеченное М. Фасмером, с образованием от **lězti* типа словен. *lěznica* 'лестница' (при том что, напротив, название новг. р. *Лезница* безусловно соотносится со смежным ойконимом *Льзи*, см. выше). Видимо, не случайно и то, что «лезные» названия оказались свойственны именно водотокам — водоемам с движением (течением) воды, но не озерам — водоемам со стоячей водой. Разнообразные дериваты от **lězti* встречались на древненовгородской и на иных восточнославянских территориях, при этом появление форм на *Лизн-*, *Лизен-*, *Лизин-* (с гласной *и* в корне) нетрудно объяснить переходом *ѣ* > *и*. При трактовке названий на *Лезн-*, *Лезен-* (и особенно на *Лезов-*, *Лизов-*, см. твер. геогр. *Лезовец* л. пр. Цны басс. Мсты неподалеку от Кувшинова или *Лизовка* л. пр. Волкоты, отмеченное поблизости от средневекового *Лезна*, см. выше) необходимо принять во внимание также апеллятивы, такие как новг. *лѣза* 'удалой, бойкий человек' (Пест.) [НОС 5: 14], диал. *лѣза*, *лѣза* 'проныра, пролаза' (Яросл., Симб., Нижегород., Самар.), *лѣз* 'лесенка при печке в овине' (Смол.), *лѣзовый* 'бойкий, ловкий, пронырливый, изворотливый' [СРНГ 16: 338, 339] — вероятные производные от диал. *лѣзати* 'лазати' (: **lězti*).

Более отчетливо глагольный корень *лѣз-* показывает, в частности, средневековое геогр. *Лѣзеницы* дер. в Порховском околородье 1576 г. [НПК V: 579], *Лезеницы* дер. где-то (погост не ясен) в Шел. пят. [Там же: 286] — образование на *-ицы* от др.-рус. причастной основы *лѣзен-*, к *лѣзти*. Похоже, средневековый гидроним *Лезья* р. в Келтушском пог. Вод. пят. под 1500 г. [ПКВод 11: 255, 357, 366] вместе с названием совр. дер. *Лезье* Кир. р-на тоже показывают корень *лѣз-* (: **lězti*).

Причастная основа *лѣзен-* явно прослеживается в древнем названии острова, известном благодаря Новгородскому Кириллову монастырю. Архимандрит Макарий уточняет, что монастырь «находится в четырех верстах от Новгорода на юго-восток, на острове *Селезневе*, а по летописцу новгородскому — *Нелезене*. Остров сей круглопродолговатый и возвышенный, окружен реками с правой стороны Волховцем, а с левой Лешошнею, и в весеннее время весь окружен бывает водою» [Макарий 1860: 306]. Под 1196 г. в Син. сп. Новг. 1-й летописи сообщается: «Заложиста црковь камяну святого Кюрила въ манастыри въ *Нѣлезньнѣ* Къснятинѣ

и Дмитръ, братеника» и далее: «Тои же зиме святи церковь святого Кюрила въ *Нелезень* епископъ Мартурии» (по Ком. сп.: «въ *Нелѣзенѣ*», «въ *Нелѣзене*») [НПЛ: 42, 43, 235, 236]; в Новгородских 2-й и 3-й летописях при описании этих же событий даны варианты написаний: «во *Лѣнезенѣ*», «в *Нелезине*» [НЛ: 12, 197]. Др.-рус. название по этим фиксациям наиболее точно определяется в облике *Нелѣзенѣ* остров. Топоним убедительно истолкован В. П. Строговой [1993: 22], которая связывает его с глаголом **lězti* и считает указанием малодоступного, «преградного острова». Если быть более точным, то др.-рус. *Нелѣзенѣ* следует перевести как ‘непролазный’, что вполне оправдано особенностями топографии: ведь речь идет об острове, к которому трудно добраться по воде или по сырой низине, полностью заливаемой в весеннее половодье.

Похожие префиксальные образования — с основой глагола **lězti* и отрицанием *не-* — манифестируют старописьменные геогр. *Нелез* дер. 1498 г. (погост не указан) [НПК V: 284] и *Нелези* дер. в Скнятинском пог. Шел. пят. под 1539 г., = *Нелѣзъ* под 1552—1553 гг. [НПК IV: 508, 555]. Однако наличие варианта *Нелѣзъ* допускает сближение и с рассмотренной выше ойконимией типа *Лѣзи*, *Ользи* — от др.-новг. **лъзя* (см. выше), которое тоже могло быть использовано с отрицанием (подобно рус. диал. *лъзя* и *нельзя*, *лѣзный* и *нелѣзный*).

Лющик-, Лютчик-, Залюшич-, Залющик- и др.

Лющик дер. близ оз. Песно в истоках р. Плюссы (Пл. р-н), в списке селений 1838 г. дана как *Усадище Лющик* 2-го стана Луж. у. [ОСПбгуб: 119], отождествляется с *Людцик* дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 99]. Также в Луж. у., но в 3-м стане, список селений 1838 г. дает пару деревень, именуемых *Лющик* и *Лющук* [ОСПбгуб: 132]. Еще одна дер. *Лющик*, о которой исторических сведений не найдено, находится у сел. Бежаницы, р. ц. Пск. обл. (в бывшем Пусторжевском у. близ южной границы Шел. пят.). Средневековые волостка и дер. *Людчик* описывались в Егорьевском Лопском пог. Вод. пят. под 1500 г. [ПКВод 11: 61, 69] (Юго-Западное Приладожье). В Заонежье, неподалеку от Кижей, отмечено поле (ур.) *Лющик* рядом с заросшей дорогой у дер. Никитинская [Муллонен 2008: 87, 201], а в Шекснинском р-не Вологодской обл. есть дер. *Лютчик*.

Ойконимы являют собой прямую онимизацию др.-рус. апеллятива, ср. др.-рус. *людчик* / *лютчик* / *лютичик* / *лющик* ‘дорога’ в новгородских и в более поздних сев.-рус. (волог., арх.) актах под 1511, 1520, 1541, 1567 гг., *людской путь* ‘дорога, улица’, XVI в. [СлРЯ XI—XVII 8: 344, 345]. Слово, особенно в варианте *лющик*, неоднократно встречается в древненовгородской письменности. «А обводъ тои земли от рекѣ от Волхова Виткою ручьемъ вверх, да на *Лющикѣ*, да *Лющикомѣ* ко кресту, а от креста коровеи прогонь», — читаем в грамоте Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у Волхова (не позднее 1147 г.) [ГВНП: 159, № 102]. Здесь *Лющикѣ*, вопреки мнению издателей грамоты, использовавших прописную букву, является апеллятивом, а не топонимом. Более поздние упо-

минания слова содержатся в подтвердительной грамоте посадников Славенского конца Савво-Вишерскому монастырю 1461—1467 гг. («недошедь Пасной горки, черезь *лющикъ* прямо въ мохъ») [ГВНП: 148, гр. № 91; Янин 1990: 221], в рядной грамоте 60—70-х гг. XV в. («черезь *лющикъ* на осиновую границу») [ГВНП: 180, № 122; Янин 1990: 228] и в новг. бер. гр. № 390, датируемой последней третью XIII в.: «по коняжь *людьщико* до усть Воломи», т. е. 'по княжескую дорогу до устья Волмы' [Зализняк 2004: 507]. Термин был зафиксирован в XX столетии в архангельских говорах, где *лющик* — 'дорога, больше проселочная' [Труды КД II: 10]. Всё свидетельствует о том, что *лющик*, *людщик* (< *людьщикъ*) — др.-новг. диалектизм, проникший с новгородской колонизацией в говоры Русского Севера. В отписной книге пригородных пожен Новгородского Дворца 1535/36—1539/40 гг., содержащих много микропонимов ближайших окрестностей Новгорода, это слово неоднократно встречается в наименованиях дорог. Наименование *Косткинский Людшик* («пожня за Веряжею Секарной Роспах у *Косткинского Людшика* у зимнего, пятнадцать куч» [ПКНЗ 1: 346]) указывает на зимний путь до ур. Косткино под Новгородом, ср. в другом фрагменте текста: «за Веряжею в *Косткинском пути*» [Там же: 34]. В этом же документе отмечены разные пожни «по обе стороны *Лютчика*» (иначе — «*Лютчика*»), «пожня за Веряжею под осьем и под дубом у *Люшезского Лютчика*», «пожня в Сутоцком пути за Веряжею у Березне, сумежна с Николскою пожнею с Мостиц над *Люшике*» [Там же: 329, 339, 341]. Судя по этим и иным свидетельствам писцовой книги, апел. *людщик* в окрестностях Новгорода в 1-й пол. XVI в. выходил из обихода, став неупотребительным: писцы хоть и знают его значение, но постоянно заменяют синонимами *путь*, *дорога* и по-разному передают это слово на письме; более того, словосочетание «у *Люшезского Лютчика*» вообще тавтологично: определение в нем, похоже, образовано от *людщик* и передано в искаженном облике («*Люшезского*» = *Лющико*).

Благодаря топографической семантике данного апеллятива, порой возникали префиксальные формы соответственных названий. Таково название дер. *Залюшичье* Десято-Пятницкой вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 30—31], сохранявшейся до 1990-х гг. По материалам Ген. меж. 1780-х гг., а также по МОЗУ 1914 г., это дер. *Залюшичье* Бор. у. [КГарн], с которой уверенно идентифицируется дер. *Залушье* в пог. Волок Держков Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 984]. Данный ойконим относится к разряду ориентирующих, сохраняя старое указание на село 'за лющиком, т. е. за дорогой'. Действительно, деревня лежала вблизи древней большой дороги, соединявшей когда-то Бельский и Волокодержковский погосты⁸⁸. Фиксация *Залушье* писцовой книги является не чем иным, как искаженной передачей геогр. *Залюшичье*, облик которого народная речь почти без изменений сохранила до наших дней. Появление этой неточности могло быть вызвано тем, что селения переписывали

⁸⁸ Позднее здесь значился участок Тихвинского тракта (см. [СНМНГ VI: 30—31]: дер. *Залюшичье* на Тихвинском тракте), ныне проходит шоссейная трасса между Боровичами и Любытином, районными центрами Новг. обл.

московские писцы, которые с новгородским диалектным словом *лющик* были незнакомы.

В регионе Новгородской земли имеются еще несколько соответственных топонимов с преф. *за-*. Среди них *Залющицье* пуст. на суходоле в Перелучской вол. Бор. у. (по межевым материалам конца XVIII в., № 3144, и по МОЗУ 1914 г. [КГарн]), в 70-е гг. XX в. это место, представлявшее собой поросшую старым лесом пустошь между дер. Сосонье Бор. р-на и р. Уверью, называли *Залющик* (личные сведения краеведа К. В. Гарновского). Также известны средневековое новг. геогр. *Залюдщина* дер. Павского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 84] и *Залющик* дер. в Новинской вол. Тихв. у. рядом с оз. *Залющицкое* нач. XX в. [СНМНГ VII: 90—91], сегодня дер. Тихв. р-на на берегу оз. *Залющик* (*Кириково*) басс. Паши со стоком в руч. Колобово. Последнее название, вероятно, указывало на сухопутную дорогу, соединявшую территорию по р. Тихвинке с р. Пашей, или же здесь, где русла рек разных бассейнов сильно сближены, проходил водно-волоковый путь из р. Тихвинки через р. Нудоксу и оз. *Залющик* в Пашу, а сухопутная дорога сопрождала водную, см. [Муллонен 2002: 311].

МЕГЛИН-, МЕГЛ-, МОГЛ-, НЕГЛ-, НЕДЛ-, МЕДЛ- и др.

Меглино дер. Рунск. Пен. на северном берегу оз. *Меглинское*, из которого течет р. *Меглинка*, л. пр. Руны, р. в оз. Стерж басс. Волги. Письменность 1495 и 1550/51 гг. в этой местности фиксирует дер. *Меглино*, дер. *На Меглине горе* и дер. *Над Мегленкою* близ озер *Меглино* и *Малое Меглинцо* в Велильской вол. Дер. пят. [НПК II: 746, 747, 755, 748, 784; ПKNЗ 5: 366, 369, 370, 375]; в материалах конца XVIII в. по Ост. у. первая из этих деревень именуется *Меглина*, вторая — *Попова Гора*, о третьей сведений нет [ИАДП 1: 126, 127]. К данной микросистеме топонимов безусловно относилось также название средневекового оз. *Меглино* в соседней вол. Стерж около 1495 г. («д. Слоботка надъ Меглиномъ озеромъ») [НПК II: 701], которое отождествляется с одним из двух известных сегодня озер *Большое Слободское* и *Малое Слободское*, стекающих через протоку Понеклица в р. *Меглинка*.

Меглино дер. Тарасовск. Дем., к югу от р. ц. Демянск Новг. обл., в нач. XX в. — дер. *Меглино* (*Скурлатовщина*) на рч. *Меглинка* в Польской вол. Дем. у. [СНМНГ II: 68—69] (рч. *Меглинка* — пр. Скобовки [Шан. РЛЛО: 368] или, по совр. данным, пр. Сычевки, п. пр. Ладомирки, п. пр. Полю). По материалам Ген. меж. конца XVIII в. — пуст. *Меглина* в Ст-Рус. у. [ИАДП 1: 153]. Одни отождествляют с дер. *Меглин* под 1495 г., дер. *Мехлино* под 1538/39 г. Молвятицкой вол. (Молвятицкого пог.) [НПК I: 662; ПKNЗ 4: 292], см. [Янин 1998: 199, рис. 13, № 85], другие с дер. *Неглино* в округе Деман Дер. пят. около 1495 г. и под 1538/39 г. [НПК II: 541, 542; ПKNЗ 4: 248, 249], см. [ИАДП 2: 59, № 7892, 7893]. Как бы то ни было все эти топонимы составляют единую микросистему.

Замеглино ур. в Макс. р-не при руч. *Замеглинский*, п. пр. Мологи между Бежецком и Максатихой. Следует идентифицировать с дер. *Замеглино*, или *Замегле-*

нье (*Микифоровское* тож), или с дер. *Замеглинье* (*Исаковское* тож) в Богородицком пог. в Рыбенске Беж. пят. 1545 и 1551 гг. [НПК VI: 373, 704].

Еще больше соответственных топонимов сохранены лишь документацией конца XV—XVIII вв. (по крайней мере современные их проявления обнаружить не удалось): дер. *Меглино* в вол. Удомля в Никольском пог. Беж. пят. около 1499 г. [ПКНЗ 1: 192] (Верхнее Помостье); дер. *Меглино* около 1495 г., иначе *Медлино* под 1538/39 г., в Шегринском пог. Дер. пят. [НПК II: 231; ПКНЗ 4: 85] (= пуст. *Меглинье* Бор. у. по Ген. меж. конца XVIII в. [ИАДП 1: 297], Среднее Помостье); *Меглинское* поле под 1551 г. («нивка въ *Меглинскомъ* поле») в Егорьевском пог. во Млеве близ р. Пуега и дер. Телицына у истоков Мсты [НПК VI: 767] (в этом же погосте под 1545 г. указано еще похожее название пожни *Медлянка* «за рекою за Мстою» неподалеку от оз. Пудорце [Там же: 327]); *Меглынское* как название местности (устья реки?) («сѣна на устье на *Меглынском* 10 коп.») в Михайловском пог. в Тростных под 1545 г. [Там же: 191] (южнее Бежецка); дер. *Меглино* в Покровском пог. Беж. пят. 1498/99 г. [ПКНЗ 3: 243]; *Меглина* *весь* у городка у *Меглина* в Кирьяжском пог. Вод. пят. около 1500 г. [ПКВод 12: 129, 140].

Немногочисленные названия остаются без средневековых датировок. Среди них название *Меглино*, или *Меглинское*, крупного оз. (Мош., Пест. р-ны, а ранее в Городищенской вол. Бор. у. [СНМНГ II: 25—29]) со стоком в р. *Меглинка*, иначе *Меглина*, л. пр. Мологи, л. пр. Волги; в Ген. меж. конца XVIII в.: «озеро *Меглино* (...) вытекает речка *Меглина*» [КГарн]. Поблизости, в Городищенской вол., материалы нач. XX в. сообщают еще об одном (маленьком) оз. *Меглино*, впадающем в рч. *Лужайка* [Шан. РЛЮ: 243] (= ? совр. оз. *Лужайка* со стоком в рч. *Лужайка* у южных берегов оз. Меглино); кроме того, по данным 1780-х гг., в этой же местности значились пуст. *Меглино* и *Меглинской* канал, прорытый «для спуска воды в реку Мсту» для нужд Вышневолоцкой водной системы [КГарн]⁸⁹. По сравнительно поздним источникам известны геогр. *Меглино* дер. Осташевск. Мош., на р. Удина к северо-востоку от Боровичей, ранее в Васильевской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 16—17] (= дер. *Меглина*, на суходоле, в материалах 1780-х гг. [КГарн]), и *Меглинской* руч. по Ген. меж. конца XVIII в., = совр. руч. *Котов*, л. пр. Пелдушской Сарки, л. пр. Капши, п. пр. Паши [СГЮВП: 88], на северо-восточной периферии изучаемого региона. *Меглинный Омут* отмечают как название места у дер. Болонье [НОС 2010: 721] (к юго-востоку от Боровичей)⁹⁰. У бывших восточных границ Беж. пят. по материалам 2-й пол. XIX в. известно об оз. *Меглино* в Вельегонском у. Твер. губ. [Vasm. WRG II: 232].

Большинство представленных топонимических фактов сосредоточено в восточной половине области новгородского пятинного деления, особенно в юго-вос-

⁸⁹ На совр. картах *Меглинской* канал XVIII в. представлен как протока *Канава* в Мош. р-не, соединяющая оз. Меглино басс. Мологи с оз. Островенское басс. Мсты.

⁹⁰ Скорее геогр. *Меглинный Омут* является микрогидронимом, связанным с одним из мест на оз. Болонье, рядом с которым расположена дер. Болонье.

точных ее районах (Беж. и Дер. пятины). Этим новгородским материалом в основном исчерпываются названия с основой *Меглин-* на восточнославянской территории; ср., впрочем, еще название гор. *Мглин* в Брянской обл., в летописи отмеченное в варианте *Меглин* [ПСРЛ VII: 240], см. еще [Никонов 1966: 262]. Архаический характер этой топонимии подчеркивается значительной долей фиксации в средневековой (XV—XVI вв.) письменности при существенно меньшей сохранности в современных источниках. Вместе с тем состав названий на *Меглин-* (и шире — на *Мегл-, Могл-,* см. ниже) не столь однороден, как кажется на первый взгляд, поскольку за полным созвучием топонимов могут скрываться гетерогенные факты. Относительно рассматриваемой топонимии, имеется, пожалуй, тот случай, когда обилие материала не столько приближает к единственной истине, сколько предлагает все новые возможности объяснения.

Без сомнения, большая часть перечисленных *Меглин-*топонимов обязана своим возникновением др.-рус. *мегленыи, мгленыи, мъгльныи, мглянои* ‘туманный, мглистый; превращающийся из испарений в облако’, ‘темный, покрытый мраком; сумрачный, пасмурный’ [Срезн. МСДРЯ II: 223—224; СлРЯ XI—XVII 9: 52]: к праслав. **mьglьnъjь* или **mьglěnъjь*, откуда также словен. *teglęn*, польск. *mglany*, макед. *maglen*, ст.-чеш. *mehlný* ‘туманный’ [ЭССЯ 21: 95, 97]. В топонимии, особенно в гидронимии, дериваты, соотносимые с праслав. **mьgla* ‘туман, мгла’ (> др.-рус. *мъгла, мъгла* [СлРЯ XI—XVII 9: 51]), достаточно регулярны: таковы, к примеру, в Словении геогр. *Meglějek, Meglavšek, Meglena Jama, Maglene Drage, Magolnik, Neglenik* [Bezl. SVI II: 6], равно как вероятные балтизмы *Мигляники, Migliei, Миглишки* в Белоруссии и Литве, р. *Немегля (Немегелька)* басс. Припяти [Топоров, Трубачев 1962: 198], сравниваемые с лит. *miglà*, лтш. *migla* ‘туман, мгла’. К этой же номинационной модели относится гидроним *Мглая* п. пр. Межи, л. пр. Западной Двины (и ойконим *Мглая* дер. напротив устья этой реки в Нелидовском р-не Твер. обл.) — по форме прилагательное жен. р., равное ст.-блр. *мглыи* ‘туманный’, ст.-польск. *mglу* ‘полный мглы, покрытый туманом, соединенный с туманом’ (< праслав. **mьglъjь* [ЭССЯ 21: 97]), возможно, сюда же отходит и название р. *Мгла* на Русском Севере (впадает в Мезенский залив Белого моря), зафиксированное впервые в нач. XVII в. [КБЧ: 159]. Похоже, что геогр. *Melgiew* р. и дер. около Люблина в Восточной Польше (под 1486 г. — *Meglewy*, под 1314 г. — сел. *Meglewa*, см. [Babik 2001: 169—170]) тоже имеет отношение к праслав. **mьgla* ‘туман, мгла’. Вариантность отдельных названий еще с большей очевидностью подсказывает именно такую трактовку, см. выше названия смежных новг. оз. *Меглино* и *Мглино*, стекающих в р. *Меглинка/Мегленка*, на юго-западе Дер. пят., или брян. геогр. *Меглин/Мглин*. В новг. геогр. *Меглинный Омут* уже сама лексическая сочетаемость подсказывает значение ‘темный омут’. Все такие топонимы легко осмысляются как первоначальные указания на темные или сырые, мглистые места, часто покрытые влажной дымкой, туманом.

Суффиксальными дериватами от др.-рус. *мъгла, мъгла* ‘туман, мгла’, очевидно, следует признать названия дер. *Меглец* на р. Порусья Поддорской вол. Ст-Рус. у.

нач. XX в. [СНМНГ III: 98—99] (= дер. *Моглец* под 1498 г., *Меглецо* под 1539 г. в Офремовском пог. Шел. пят. [НПК IV: 339; V: 234]) и дер. **Меглецы** Меглецк. Мош., ранее — дер. *Меглецы* с близлежащими ус. *Большие Меглецы* и *Малые Меглецы* на р. Уверь в Николо-Мошенской вол. Бор. у. 1909 г. [СНМНГ VI: 80—83], = ? *Меглец* и *Другой Меглец*, дер. в Никольском в Мошне и в Спасском в Мошне пог. Беж. пят. 1538/39 г. [ПКНЗ 3: 5, 14]. Мена гласных в *Моглец*/*Меглец*, если она не следует из неточностей записи, отражает зависимость от разных вариантов исходного апеллятива, имевшего по говорам переднерядную или заднерядную огласовки. Географические имена на *Могл-*, локализуемые как в восточных, так и (чаще) в западных районах Новгородской земли, на Псковщине и в Белоруссии, тоже несомненно принадлежат к этому же гнезду дериватов: **Моглуша**, или *Омглуша*, дер. в Хлавицком стане в Холм. у. Дер. пят. 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 350], **Моглуша** п. пр. Мологи неподалеку от Бежецка, **Могловский** л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова (иначе — руч. *Моглажа*, по [Шан. РЛЮ: 50] поблизости от ус. *Моглош* на рр. Тигода в Любанской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 32—33]), **Моглинка** пр. Гордоньки, п. пр. Плюсы (Верхнее Поплюсье, рядом деревня и озеро, называемые *Мокрово*, *Мокрое*), а также пск. геогр. *Моглино* дер. под Псковом, *Моглевское* оз. в окрестностях гор. Сенно Могилевской губ. [Vasm. WRG III: 291]. Эти названия, в отличие от топонимов на *Мегл-*, *Меглин-*, отражают развитие в корне вторичной непередней гласной, что спорадически наблюдается, в том числе в говорах Русского Северо-Запада; ср. *му́гла* ‘мелкий морозящий дождь мгла, туман’ (говоры Псковщины, Прибалтики), блр. диал. *магла́*, *мыгла́* ‘мгла’, укр. диал. *му́гла* ‘холодная дождливая погода’, *могла́*, *мо́лга* ‘названия для тумана’, словац. *tolha* ‘то же’, вероятно, сюда же рус. диал. (тобольск.) *могли́вый* (?) ‘причудливый, привередливый, брезгливый’, наряду с болг. *мъглив*, макед. *маглав* ‘туманный’, макед. *магливо* ‘туманно’ и т. п. лексика, собранная в [ЭССЯ 21: 95—96]; к ней, на мой взгляд, нужно добавить и рус. диал. *моглявина* пск. ‘лу́жа’, новг. ‘конец пашни, отведенной под траву’: «*Моглявины* совсем не пашут, под траву бросают» (Дем. р-н) [СРНГ 18: 192], вместе с болг. *мъгляв* ‘туманный, облачный’, *мъглявина* ‘туман, туманность’ (< праслав. **тъgl’av*(ъ)ъ)). Для новг., пск. *моглявина* мотивировка обозначениями тумана проистекает из наблюдения, что в низменных, сырых местах туман раньше появляется и дольше застаивается⁹¹. В отличие от *Меглец*/*Моглец*, *Моглуша*, явно отсубстантивных дериватов с суф. *-ец*, *-уша*, топонимия на *Меглин-*/*Моглин-*, *Моглов-* показывает очень старые адективные структуры (ср. праслав. **тъglъnъ*(ъ), **тъglonъ*(ъ)).

Вместе с тем существуют и другие трактовки рассматриваемой топонимии. Так, Р. А. Агеева [1989: 220] пробует объяснить новг. *Меглино*, *Меглинка* и некоторые другие названия на *Мегл-* (в том числе и *Меглец*/*Моглец*) из вепс. *мѣльг* ‘глаз, зрачок’, предполагая метатезу *лг* > *гл*, как в названии оз. *Мельгозеро* в Карелии,

⁹¹ Иное объяснение *моглявина* предложено А. А. Зализняком: из **тъdljav-*, родственному рус. диал. *моде́ть* ‘тлеть’, ‘таять’ и др., *млявый* ‘вялый; хилый’ [НГБ 1984—1989: 199].

давшему вар. *Мелгозеро*. Такое объяснение убеждает, однако, только в тех редких случаях, когда метатеза доказывается письменностью. К карел. *Мелгозеро* / *Мельгозеро* можно добавить еще сев.-рус. геогр. «*Мегли* на речке *Мелгольской*» (из оборочной книги 1564—1568 гг.), как и карел. *Нелгозеро* / *Нельгозеро*, имеющему вар. *Неглазеро* (по данным А. Л. Шилова [1999а: 47]). Приведенные факты, отсылающие к приб.-фин. основам, редки и, конечно, не могут быть экстраполированы на остальные названия с основой *Мегл-*, рассеянные на большом пространстве. Более того, в говорах встречается и обратная метатеза как раз в корне праслав. **тъгла*: *тъгл-* > *тъг-*, как в рус. диал. *мельгáть* ‘мелькать’ < **тъглати* [ЭССЯ 21: 95; Варбот 1988: 64–65] или укр. диал. *мóлгá*, словац. *tolha* как обозначение тумана (см. выше). Ср. в этой связи пск. геогр. *Мелговицина* / *Мельговицина* дер. на Чудском оз. к северу от Гдова с вероятной основой *мелгов-* < *мелгов-* (: **тъгловъ*(*ъ*)).

Кроме того, Р. А. Агеева [1989: 220] не исключает, а А. Л. Шилов [1999а: 43–47] всячески отстаивает идею возведения всего массива топонимии на *Мегл-* к распространённому сев.-рус. обозначению лиственницы (*Larix sibirica*) и лиственничного леса. Ср. диал. *мегла́*, *ме́гла*, *мигла́*, *мегленіца*, *мегли́на*, *мегло́вник*, *мигли́на*, *мигло́вина* ‘дерево лиственница’, *мегла́*, *мегло́вник*, *мигло́вник* ‘лиственничный лес’, наряду с *не́гла*, *не́гла* ‘лиственница; лиственничный лес’ в говорах преимущественно олонецких, архангельских (и с пометами Новг., Влад., Север. — для *не́гла*) [Даль ТСЖВЯ 2: 509; СРНГ 18: 63, 153; 20, 369]; еще более обилён материал из разных районов Архангельской обл., представленный А. К. Матвеевым [1996: 236]: *мегла́*, *ме́гла*, *ме́глина*, *мигли́на*, *мигли́ница*, *миглині́цина*, *мигло́вина*, *мягли́на* ‘лиственница’, *меглині́чник*, *мигли́ничек*, *мегло́вник*, *мигли́нник*, *мигло́вник* ‘лиственничный лес’, *мегло́вый*, *мигло́вый*, *мягло́вый* ‘лиственничный’, наряду с *не́гла*, *не́гла*, *негáльник*, *не́гловый*, *негло́вый*, *ниго́льник*. Источником этой терминологии обычно считают приб.-фин. лексику со значением ‘игла, хвоя’: фин. *neula*, *niekla*, ижор. *nēgla*, *nēkla*, карел. *niekla*, люд. *niegl(e)*, вепс. *niegl*, вод. *nigla*, эст. диал. *nōgel* [SSA 2: 215], которая на русской диалектной почве часто подвергалась мене *м* > *н* в анлауте [Kalima 1919: 171; Фасм. ЭСРЯ III: 56; Матвеев 1996: 236; Матвеев СТПС II: 54]. Учитывая приб.-фин. данные, сопряженные с отчетливо выраженным компактным сев.-рус. ареалом *не́гла*, *мегла́* и т. п. обозначений лиственницы, совсем неубедительной представляется гипотеза об их раннеславянском (севернокривичском) происхождении: из **ne-jedla*, букв. ‘не-ель’ (типа рус. *неклен* и *клен*), поддерживаемая в [Филин 1972: 278; Николаев 1989: 192—193; НГБ 1977—1983: 121; Аникин 1998: 328].

На мой взгляд, сближение топонимии на *Мегл-*, особенно на *Меглин-* (как и на *Негл-*, *Неглин-*, см. ниже) с изложенными дендрологическими обозначениями не исключено, но проводить его нужно очень осмотрительно. Этому препятствует главным образом дендрологический ареал лиственницы (*Larix*). В изучаемом пространстве исторической Новгородской земли лиственница в диком состоянии не встречается, не встречалась, очевидно, и в древненовгородский период, ее распространение охватывает Архангельскую обл., отчасти Карелию. Понятно, что на эти

регионы как раз и приходится основная доля соответственных терминов. Отчасти имеющиеся трудности снимаются тем, данная терминология изредка указывает на иную хвойную растительность, ср. сев.-рус. *мегла́* ‘сосна’, *мего́льник* ‘сосновый лес’ (Плесецкий р-н Архангельской обл.) [СРГК 3: 208, 402], *ниго́льник* ‘мелкая хвоя сосны’ (Плесецкий р-н) [Матвеев 1996: 236], *не́гла* ‘дерево *Pinus Larix L.*; сосна’ (Волог.) [СРНГ 20: 369]⁹². И хотя в имеющихся поздних диалектных собраниях дендрологические термины на *мегл-/негл-* не засвидетельствованы западнее Вологодской обл., нельзя исключить, что ранее они были известны (в качестве обозначений хвойной растительности) также на более западных территориях — в области новгородского пятинного деления, отразившись в отдельных топонимах. Такие топонимы должны считаться здесь первоначальными маркерами не лиственниц, а скорее сосен или соснового леса в прилегающем микроландшафте.

Действительно некоторые названия Новгородской земли несомненно показывают приб.-фин. основу со значением ‘игла, хвоя’, ставшую источником сев.-рус. апеллятивных заимствований на *мегл-/негл-*. О приб.-фин. языковой принадлежности таких названий свидетельствуют их характерные структурные черты. Описывая местность в Нижнем Поволжье на р. Влоя, средневековые документы сообщают о *Меглосарь* дер. Успенского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г., позднее — дер. *Меглосар* под 1540 г., пуст. *Меглосар* под 1791 г. [Селин 2003: 127]. Второй компонент этого сложного ойконима адаптирован из фин. *saari*, карел. *soari* ‘остров’, а само сложение можно прочесть как ‘хвойный остров’. Гидроним *Меглич* р. в оз. Молдино басс. Мологи, или, для этой же местности, *Меглыч(а)* оз. в Вышн. у. рядом с оз. Молдино по левую сторону Бежецкого тракта во 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43: 117] (как и средневековый ойконим *Меглицино* дер. «на озере на Лукъ» Егорьевского пог. в Млеве Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 311], тоже явно принадлежащий к этой же топонимической микросистеме), репрезентируют структуру с суф. *-Vč-*, который используется особенно часто в вепском языке; ср. с новг. *Меглич* субстратные геогр. *Неглич* руч., *Невлечручей*, *Невлечтожня* в Верхнетоемском и Мезенском р-нах Архангельской обл. [Матвеев СТРС I: 247—248; II: 54]. Похоже, эту же неславянскую структуру (*Меглич-/Меглыч-*), затемненную фонетическими изменениями и русскими суффиксальными наслоениями, являет название р. *Меглытинка* в Михайловском пог. в Тростных Беж. пят. 1545 г. («Займища безъ пашни на рѣчкѣ на *Меглытинке*: Линовица, Сосновица, Жданово, Крутые Береги») [НПК VI: 178], если учесть, что суф. *-Vč-* на русской почве иногда предстает в виде *-Vt-*, ср. приб.-фин. *Шубатица*, вариантное к *Шубач* ‘осинник’ [Матвеев СТРС II: 25, 107—108]. Труднее сказать о принадлежности к данному ряду соответствий *Меглѣва* пуст. («на пустоши на *Меглѣве* сена косять копну») в пог. Воскресенском в Осечне Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 95], находящем отчетливые сев.-рус. параллели в виде *Миглеев* руч. в басс. Шексны в Череповецком у. Вологодской губ. нач. XX в.

⁹² Однако по современной ботанической классификации дерево *Pinus Larix L.* — это не сосна, а лиственница европейская, произрастающая в Альпах и на Карпатах.

[Vasm. WRG III: 269], *Меглиевская* дер. на р. Онега, по актам Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. [АСМ 1990: 203]. Сюда же новг. геогр. *Микли* сел. в Северо-Западном Приладожье (ср. карел. *niekla* ‘игла, хвоя’), наряду с геогр. *В Меглех* дер. 1571 г. (цит. по [Шилов 1999а: 46]), арх. *Миглас* (рр. *Верхний Миглас* и *Нижний Миглас* в Холмогорском р-не Архангельской обл.).

Перечисленные примеры в целом квалифицируются как приб.-фин. топонимический субстрат и, следовательно, не могут считаться славянскими (русскими) дериватами от заимствованных сев.-рус. апел. *мѣгла*, *мѣгла*, *мѣглина* и т. п. На мой взгляд, ядро ареала *Мегл*-названий на Русском Северо-Западе и Севере составляют все же производные от др.-рус. обозначений мглы, тумана, сырости с корнем *мьгл-*, тогда как на территориях более северных и восточных этот ареал дополнили названия с омонимичными основами, отсылающими к приб.-фин. языкам. Похожую картину показывают названия на *Негл-*, которые перемежаются с названиями на *Мегл-* на значительной части ареала и в большинстве случаев составляют с ними этимологическое единство. Поэтому скорее нужно говорить о едином ареале *Мегл-/Негл*-названий.

В регионе Новгородской земли обнаружены средневековые геогр. *Неглищово* (*Странино*) дер. в пог. Иванском на Волхове Обон. пят. 1563/64 г. [ПКНЗ 2: 60] (неподалеку от Новгорода), *Неглищы* сел. в Каменском стане в Бежецком Верхе («в *Неглищах* церковь приходная Рожество Иванны Предтечи») сер. 1570-х гг. [ПКНЗ 3: 231]. За пределами Новгородской земли: р. *Неглинка*, протекающая в Петрозаводске (и близ ее впадения в Онежское оз. *Неглин-остров*, указанный в документе 1728 г.), дер. *Неглинская* на р. Вера под 1614 г. (к юго-востоку от Ладожского оз.) [Шилов 1999а: 45], р. *Негловско* пр. Ламы басс. Волги, рр. *Неглинка*, *Неглинной*, *Негловской*⁹³ в нижнем течении Оки (среди притоков Илемны, Клязьмы), но есть и в среднем течении Оки — *Неглинка* (*Неглинная*) л. пр. Москвы, *Негля* л. пр. Оки, и в Верхнем Поочье — овраг *Неглинской* басс. Зуши [Смол. ГБО: 62, 89, 108, 193, 202, 216], и западнее Поочья — *Неглинная* л. пр. Днепра в Смоленском у., *Негловец* л. пр. Шестеня, пр. Ужа в басс. Припяти в Овручском у. Волынской губ. [Vasm. WRG III: 384]. См. еще руч. *Неглич* в Архангельской обл., ранее уже упоминавшийся, р. *Негла* л. пр. Лузы в басс. Северной Двины в Устюжском у. Вологодской губ. [Ibid.] (сегодня в Кировской обл.), р. *Негла* на Среднем Урале, отмеченная под 1602 г.: «на речке на *Негле* в Верхотурскомъ уезде соляной росоль сыскивати» [АИ 2: 52—54].

Вполне очевиден тот факт, что топонимы на *Негл-* различного происхождения и отчасти являют собой дославянский субстрат. Так, название *Неглинка* (*Неглинная*) исчезнувшей рч. в Москве в старорусской документации имеет форму *Неглимна* (откуда производные геогр. *Неглименье*, *Занеглименье* в Москве) скорее с балтийской этимологией⁹⁴. Название р. *Негля* в Среднем Поочье безусловно не-

⁹³ С гидронимом *Негловской* басс. Молокчи территориально и топонимически связано село *Негловское* на р. Молокча, указанное в акте 1471 г. [АСЭИ: № 399].

⁹⁴ В. Н. Топоров [1982: 36—37] возводит к др.-балт. архетипу **Ne-gilm-in-* ‘неглубокая’, привлекая прус. геогр. *Gilmen*, лит. *Gelmynas* и т. п. и лит. апел. *gilmė* ‘глубина’, *gilmėna*,

славянское, судя по варианту *Негра* в документации XVI в., см. [Смол. ГБО: 89]. В свою очередь, сев.-рус. *Неглич*, *Негла* (наряду с арх. *Невлечпожня*, *Невлечручей*, *Невлой*) надежно возводятся к приоб.-фин. обозначениям иглы или хвои [Матвеев СТРС II: 54], как и новг. *Меглич* (см. выше). К этому ряду субстратных приоб.-фин. географических имен, похоже, принадлежит также подмосковный гидроним *Негლოსово*, ср. арх. *Миглас*. Сюда же отходит и новгородский гидроним *Нягиль* л. пр. Тосны, л. пр. Невы (Тосн. р-н) определенно субстратного типа, особенно близкий к ижор. *nēgla* ‘игла’. Что касается новг. *Неглищово*, *Неглищы*, то они трактуются по меньшей мере двусмысленно: в них допустимо видеть отражение (в славянизированном виде) повторяющейся приоб.-фин. тополексеми *Неглич* / *Меглич*, либо, в рамках иной допустимой версии, они могут считаться образованиями от др.-новг. личн. *Ньгьль*; см. наличие такого имени в новг. бер. гр. № 821 и № 867 (сер. XII в.) и в надписи на стене новгородского Софийского собора (рубежа XI—XII вв.) [Зализняк 2004: 319, 324]. Отдельные топонимы на *Неглин-*, *Неглов-* на Русском Севере (*Неглин-остров* в Онежском оз. и др.) и в Нижнем Поочье легко считать русскими производными от апел. *нѣгла*, *нѣгла* как обозначений лиственницы или сосны, чему благоприятствует наличие в этих частях ареала *Негл-*названий соотносительных апеллятивов (см. фиксации олон., влад. *нѣгла*, *нѣгла*), а также сам характер русской деривации с суф. *-ин-*, *-ов-*.

Другие же названия на *Негл-*, прежде всего на *Неглин-*, оправданно связывать с др.-рус. *мьгла* ‘туман, мгла’ или с *мьгльн(ьн)* ‘туманный, мглистый’. Такие названия испытали изменение *м > н* в анлауте и, следовательно, дополняют группу названий на *Мегл-*, *Меглин-*, отсылающих к данным др.-рус. апеллятивам. Фонетическое изменение произошло благодаря дистантной ассимиляции *м ~ н > н ~ н*, но и при отсутствии ассимилятивных условий двусторонняя мена начальных носовых согласных *м* и *н* хорошо знакома русским говорам⁹⁵. Из вариантов указанного выше новг. ойконима *Неглино* / *Меглино*, прикрепленного к дер. в Деманском пог. (сегодня — к дер. в Дем. р-не), первичным нужно признать вариант *Меглино*, поддерживаемый контекстом названий р. *Меглинка* в прилегающей местности, оз. *Меглино* / *Мглино* в соседней вол. Стерж (см. выше) и соотносительный с др.-рус. *мьгльн(ьн)*. Ср. аналогичную мена носовых согласных в словен. геогр. *Neglenik*, которое Ф. Безлай возводит к словен. *megla* ‘туман’, прил. *meglen* [Bezł. SVI II: 6], равно как в рус. диал. *негли́нок* ‘болотце, болотистое место с ключами’, записанном в Рязанской губ. [Даль ТСЖВЯ 2: 509]. Справедлива мимоходом прозвучавшая мысль о том, что ряз. *негли́нок* «из др.-рус. *мьгла* ‘туман (который стоит в холодную погоду над водой, болотами, ключами)’» [Шилов 1999а: 47], т. е. из **меглинок* < **мьглинъкъ*. Это распространенное фонетическое изменение ожидае-

giltenys ‘глубокий’. Такое объяснение вполне приемлемо, но экстраполировать его на остальные названия на *Неглин-* в Поочье нет достаточных оснований.

⁹⁵ Ср. *Методий* и *Нефѣд*, *Никита* и *Микита*, *нырять* и диал. *мырять*, *нормане* и *мурмане* ‘норвежцы’ и т. п.

мо и в других названиях с *Неглин*-основой, локализованных порой очень далеко от Русского Севера — в Верхнем Поочье, в Поднепровье⁹⁶.

Не исключено, что к топонимии на *Мегл-/Негл-* этимологически приравнивается еще геогр. *Недли* на северо-востоке Новгородской земли, прикрепленное к двум селениям на р. Чагодоша в Анисимовской вол. Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII: 12—13] (= ? *Медлево* дер. на р. Воложба в пог. Климецком в Колбегах Обон. пят. 1564 г. [ПКНЗ 2: 135]); его дополняет лимноним *Недло-озеро* в Олонецком пог. Обон. пят. под 1496, 1563 гг. [Там же: 252, 275]. Возможность этимологического отождествления топооснов *Недл-/Медл-* с *Негл-/Мегл-* подсказывается вариантностью *Меглино/Медлино* в исторической парадигме названия одной из деревень Шегринского пог. (см. выше) и другими новгородскими проявлениями взаимной мены сочетаний *гл* и *дл*, наблюдаемыми для сравнительно позднего времени, как, например, в случае с новг. *Радлицы/Раглицы* (см.). Кроме того, нельзя не обратить внимания на совмещение в одном Егорьевском пог. во Млеве Беж. пят. приведенных выше средневековых названий пожни *Медлянка* 1545 г. и поля *Меглинское* 1551 г., изложенных выше (см.): данный факт территориального соседства, как будто, намекает на вариантность этимологически тождественных основ *Медл-/Мегл-*, проявившихся в составе единой топонимической микросистемы. Вместе с тем вполне допустима трактовка геогр. *Недли* (*Медлево*), *Медлянка* с привлечением др.-рус. *медляти* ‘медлить, мешкать’ (имеется в новг. бер. гр. № 771, см. [Зализняк 2004: 532]), *медлый*, *мьдълый* ‘сострадательный, милосердный’, ст.-польск. *mdly*, *mgly*, польск. *mdly*, *medly* ‘слабый, бессильный, исхудалый, скверный, жалкий’, ‘неясный, туманный’ и т. п. слов, продолжающих праслав. **тъд(ь)лѣти*, **тъдълъ(ь)* [ЭССЯ 20: 207—208, 210—211]; ср. также геогр. *Medláňky*, *Medlice*, *Medlov* в Чехии, которые Л. Госак и Р. Шрамак связывают с обозначением медленно текущей воды [Hosák, Šrámek MJMS II: 47—48].

НАКОЛ-, ВОКЛ-, ПИРЕКЛ-

Накол дер. Осьминск. Луж. на правом берегу Луги в ее среднем течении, под 1838 г. — *Накла* дер. в 1-м стане Луж. у. [ОСПбгуб: 101]. Идентифицируется с дер. *Накло* Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 118]. Соотносительный апеллатив, объясняющий новг. геогр. *Накло*, был записан на побережье Чудско-Псковского оз.: пск. *наклó* ‘мыс берега, коса’, ‘мелкое место, поросшее тростником’, 1912—1914 гг. [СРНГ 19: 328]. Исчерпывающие сведения по вненовгородским параллелям и этимологиям приведены в [ЭССЯ 22: 144—147; Bezl. SVI II: 48]: ст.-чеш. *naklo* ‘какое-то место у реки, у воды’, чеш. *náklo* ‘место для склады-

⁹⁶ Верхнеднепровский гидроним *Неглинка* (*Неглинная*) О. Н. Трубачев [1968: 257] отнес к группе многочисленных сложений с преф. *Не-*: *Неглинная* — ‘неглинная’. Очень сомнительно, поскольку отрицание вещественного признака не свойственно гидронимии (нет, например, речек *Непесчаная*, *Неилстая*, *Некаменная* и т. п.).

вания грузов у реки', ст.-чеш. *nákel* 'излучина, изгиб реки', чеш. *nákel* 'болотистое или сырое место, особенно с низкой вербной порослью', 'болото, молодая поросль вербы', 'остров', словц. *nakel* 'щебень, прибрежный щебень, покрытый щебнем берег', *nákel* 'болото; место, лишенное растительности', блр. диал. *накол* 'угол, палатка', сербохорв. *накља* 'изгиб реки', 'укромное место, излучина, удобная для причаливания', 'глубокое место на реке, омут', наряду с топонимами *Naklo*, *Náklo* трижды в Чехии, *Naklo* в Польше, *Накло* в Сербии, *Naklo* в Боснии, *Nakľь*, *Наклъс* в Сербии, в Далмации, р. *Nakel* в Словении, многочисленные геогр. *Nakiel* в Польше, *Nakoł* в Лужице, *Наклата* в Болгарии, ст.-сербохорв. *Nakle*, сербохорв. *Nakla*, чеш. *Nákl*, польск. *Nakła*, блр. *На́кла*. Из различных объяснений первичной мотивации лексемы *наклó* (< **nakъlo*) в ЭССЯ склоняются в пользу первичности семантики 'песчаный выступ, мыс на излучине реки', откуда далее развились многие другие связанные с водой значения. На мой взгляд, такое осмысление термина наиболее предпочтительно; в качестве дополнительного аргумента можно привести структурно и семантически подобное слово *клин* (< **kъlinъ*) с общим корнем в ступени редукции (: **kolti*, рус. *колоть*, см. [Черн. ИЭССРЯ 1: 401—402; Sławski ZSP I: 120]). Семантическое подобие *клин* с термином *наклó*, равно как с блр. *закла* 'изгиб реки [Яшк. БГН: 71], укр. полесск. *закло* 'поворот реки, проточный рукав реки, часть водоема, которая вдаётся в сушу' [Никончук 1979: 35], 'угол', 'затока', 'мыс на реке', 'поляна в лесу' [Черепанова 1984: 80], укр. диал. *кло*, *кла*, *кол* 'русло реки, изогнутое на 90 градусов' [Грицак 1971: 77], выражается в том, что все эти термины могут использоваться для обозначения углов, соответственно, мысов, излучин, поворотов рек с возникающими при них песчаными косами и мелями.

К числу родственных дериватов с корнем *-кл-* (< *-къl-*), помимо ойконима *Накло*, на новгородской территории принадлежат названия дер. **Вокло** Щепецкого пог. Шел. пят. 1538/39 г. [ПКНЗ 6: 7] и р. **Пиреклыня** (= *Переклыня*), л. пр. Порослы, р. в оз. Гусевское басс. Мологи, в которых преф. *во-*, *пере-* и суф. *-ын-я* вычленяются вполне отчетливо. Спорадичность таких названий в регионе контрастирует с множеством проявлений геогр. *Клин*, *Клинец* и т. п. как в исторической, так и в современной новгородской топонимии.

Осн-, Осон-, Зас-, Ос-, Вос-, Сн-, Осол-, Присал-, Соин- и др.

Осно остров в дельте Ловати, отмеченный книгой Шел. пят. 1524 г. при описании пог. Взвэд: «въ рече въ Перемете омутъ подь островомъ *Подосномъ*» [НПК V: 359] (правильнее: *подь Осномъ*) и книгой 1624 г.: «Тово ж Звацкого монастыря Левка Брюхнов, ловит рыбу на омутнице, что под *Осном*, по вешней воде» [ППКСР: 240], = *Осно* место у дер. Взвэд Ст-Рус. р-на [НОС 7: 26]⁹⁷ рядом с оз. *Осно*

⁹⁷ В НПК термином *остров* («подь островомъ *Подосномъ*») обозначен не остров на реке в привычном для нас понимании (и в понимании издателей писцовых книг, см. в [НПК. Указ. ГН: 187]: «*Подосный*, остров на р. Перемете»), а возвышенность, холм рядом с водоемом, судя

и прот. *Оснец*. Писцовые книги Дер. пят. 1495 г. указывают еще дер. *Осно* Ручьевского пог. (= *Осначево* пуст. в Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 249]), дер. *Осно* Шегринского пог. [НПК II: 200, 363] + дер. Крестецкого пог. 1538/39 г. [ПКНЗ 4: 139] и в Беж. пят. *Восная* пожня Млевского пог. 1551 г. [НПК VI: 835] (последний топоним с протетической *в*). Сюда же суффиксально оформленные новг. геогр. *Осница* дер. Сабельского пог. 1498 и 1571 гг. [НПК V: 155, 515], *На Осенце* дер. + поч. в вол. Велила Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 742, 744], *Восница* р. в Бельском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 543, 546] (= совр. *Осница* л. пр. Пагубы, л. пр. Плюсы), *Восница* дер. Яжелбицкого пог. около 1495 г. [НПК I: 829], *Восенка* л. пр. Медвинки, л. пр. Колпинки, л. пр. Пчевжи, п. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 58] (рядом с ур. *Восна*, Мал. р-н), *Осница* / *Восница* л. пр. Прикши, п. пр. Белой, п. пр. Мсты (там же *Заосничье* дер. Шереховичск. Люб., семантически 'дер. за р. Осницей'), *Осницкий* пог. в Анисимовской вол. Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII: 12], *Осницкая* р. в оз. Березовское вблизи Селигера, возможно, *Оснянка* л. пр. Отни, п. пр. Мсты⁹⁸.

Приведенные топонимы в большинстве случаев мотивированы давно утраченным др.-рус. адъективом **осьн(ьи)*, праслав. **osъnъ(jь)* 'осиновый', производным от бессуффиксного *оса*, праслав. **osa* 'осина'. Последнее тоже забыто русским языком, будучи замещенным суффиксальным дериватом *осина*, но сохраняется в блр. диал. *асá* 'осина' [Яшк. БГН: 15], в.-луж. *wosa*, чеш. диал. *osa*, польск. *osa* 'то же' [Фасм. ЭСРЯ III: 159]. Хотя адъектив **осьн(ьи)* издревле потерял употребительность на новгородской территории, до сих пор продолжают использоваться восходящие к нему местные обозначения осинового леса, осиновых зарослей, такие как новг. *осняг*, *осняк*, *осняг* [НОС 7: 27], новг., волог. *осняк*, волог. *осняк* [СРНГ 24: 35, 105], но и блр. *аснік* [Яшк. БГН: 16].

На сопредельной Псковской земле следы данного адъектива проявляются в названиях оз. *Осно* / *Асно* со стоком в р. *Аснянка* басс. Великой, оз. *Осно* / *Осное* со стоком в р. *Осница* в верховьях Ловати, *Осница* / *Асница* л. пр. Желчи, р. в оз. Чудское, в Вологодской губ. отмечено *Осница* пр. Шарденги [Vasm. WRG III: 539]. За пределами Русского Северо-Запада топонимические соответствия в целом более редки: рр. *Осна*, дважды *Осенка* в Среднем Поочье [Смол. ГБО: 91, 121, 122, 140], укр. *Осне*, *Оснебродь*, названия леса и болота в Ровенской обл. [Шульгач 1998: 199], польск. озёра *Ošno*, *Ošna*, *Ošne Osna* в басс. Вислы [HW: 379, 380], см. еще [Górniewicz 1985b: 119], рр. *Ošna*, *Ošnia*, *Ošnianka*, оз. *Ošno* в басс. Одры [НО: 290], *Ošno* гор. и сел. [Rospond 1984: 276]. С суф. *-ица* имеются блр. *Асница* сел. в Брестской обл. [Рапанович 1980: 17], укр. *Осниця*, рр. среди притоков Горы-

по характеристике этого места в [НОС 7: 26]: «*Осно* — это чистое место, только горобок, маленькая возвышенность. Давно, давно говорили, что на *Осне* был монастырь, отель звацкие переселились будто сюда на этот горобок».

⁹⁸ Что касается *Оснянка*, не исключена неточность в воспроизведении формы, производной от геогр. *Отня* с суф. *-янка* (*Отнянка?*), учитывая, что *Оснянка* — это приток *Отни*.

ни и Тетерева [СГУ: 405], польск. рр. *Ośnica*, *Ośnicki Staw* в басс. Вислы и Одры [НВ: 379; НО: 290].

Вместе с тем отдельные названия на *Осн-* могут восходить к др.-рус. *оснь*, *осонь*, *осно*, *остнь* ‘острие’ [СлРЯ XI—XVII 13: 121, 150]. О возможности связей с др.-рус. обозначением острия более четко свидетельствуют, например, новг. геогр. **Осоново** дер. Спасского Молодиленского пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1057], **Остин** п. пр. Танцы, л. пр. Оскуи, п. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 60], пск. *Остенец* оз. басс. Великой в окрестностях Себежа. Ср. по тождеству мотивировки новг. **Острее** дер. Курского пог. Дер. пят. 1495 г. (= *Острей* пуст. в Ст-Рус. у. конца XVIII [ИАДП 1: 182]) + дер. в Околорусье + дер. в Пажеревицком пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК II: 595; IV: 366, 378] (собственно ‘острие’), как и пск. *Большое Острие/Острие* и *Малое Острие (Острейцо)*, близлежащие озёра в истоках р. Великой. Неясно, случаен или нет тот факт, что оз. **Осницкое** басс. Паши стекает в реку, именуемую *Остречка* [СГЮВП: 78].

В новг.-пск. топонимии, отсылающей к *осньныи*, наблюдается любопытное отпадение фонемы *о* в анлауте, которая, очевидно, могла осмыслиться в роли подвижных префикса или протезы. Таково название р. **Сница** [Шан. РЛЮ: 232], подаваемое на совр. картах как *Синица*, п. пр. Городни, п. пр. Мсты, на берегу этой реки есть пуст. *Сницы*, вар. *Снички* Бор. у. [КГарн]. Здесь несомненно усечение исходной формы *Осница*, то же в средневековом геогр. **Снициха** поч. в пог. Покровском в Сорогошине Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 443], в **Сница** руч. среди притоков Колпи в Весско-Пятницкой вол. Уст. у. 1911 г. [СНМНГ VIII: 31] и в пск. *Сница* п. пр. Лучинки, п. пр. Лиственки, п. пр. Черехи, п. пр. Великой (близ границы с Шел. пят.). Это же явление прослеживается по геогр. **Засна** Млевского пог. 1551 г. [НПК VI: 835, 842] (< **Заосна*, см. выше *Осно*), **Засье** дер. в Успенском Хрепельском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 153], в книге 1568 г. — дер. *Заосье*, в Ген. меж. 1788—1791 гг. — пуст. *Заосье* [Селин 2003: 185] (< **Заосье*, собственно ‘за осинником’). Новг. бер. гр. № 724 (вероятно, 1161—1167 гг.) содержит написание «*досени*» ‘до осени’ [Зализняк 2004: 352] с похожим поглощением начальной *о* перед *с*⁹⁹. См. в этой связи также новг. геогр. *Зиряево*, *Зернино*.

От *оса* ‘осина’ образовалось собир. *осьё* ‘осиновый лес, осинник’, распространенное в новг., пск., смол. говорах [СРНГ 24: 101; НОС 7: 37]. Мотивированные этим употребительным апеллятивом топонимы *Осье*, наряду с префиксальными *Заосье*, *Подосье*, *Подозье* (= *Подосье*), нередки и в новгородской письменности XV—XVI вв., встречаясь там чаще, чем в современных материалах. Более интересны названия-архаизмы, прямо отсылающие к исчезнувшему *оса* ‘осина’. По сообщению К. В. Гарновского, дер. *Макарово* (Сушиловск. Бор.), бывшая ранее в Шегринском пог. [НПК II: 229], местными жителями называлась также **Осы**

⁹⁹ В. В. Иванов [2010: 28, прим. 10] склонен видеть в др.-новг. *до сени* ‘до осени’ случай большой хронологической глубины (сравнимый с хеттск. *zeni*?), но на фоне имеющейся топонимии этот факт не кажется исключительным.

[КГарн], неподалеку от нее планы Ген. меж. конца XVIII в. показывают другую дер. **Осы** [ИАДП I: 293], равную дер. *Осье* Шегринского пог. конца XV в. [НПК II: 170]. В этом же погосте была дер. **Осица** 1495 г. [Там же: 236], а поблизости, в бывшей Степанковской вол. Бор. у., отмечают пуст. **Восино** [КГарн] (оба топонима получены при помощи суф. *-ица*, *-ино* от *оса*). Приведенные названия сосредоточены в среднем течении Мсты выше Боровичей, хотя и в верховьях Луги была дер. **Осици** Сабельского пог. 1500 г. [НПК III: 110] (позднее — дер. *Осицы* 1539/40 и 1568 гг., но уже пуст. *Осица* под 1582 г. [Селин 2003: 174]). Название рр. *Оса*, отмеченных в Вологодской и Смоленской обл. [Vasm. WRG III: 524—525], на Украине в басс. Тисы и Южного Буга (наряду с рр. *Осина* в басс. Стохода и Припяти) [СГУ: 403, 404], польск. рр. *Osa*, оз. *Osa* (наряду с *Osina*) в басс. Вислы и Одры [НВ: 379; НО: 289], тоже трактуется с привлечением апел. *osa* ‘осина’, см. [Шульгач 1998: 195; Babik 2001: 491—492].

Старый производный от праслав. **osa* адекватив с суф. *-ov-*, репрезентируемый др.-рус. *осовыи* ‘осиновый’ (в памятнике 1543 г.) [СлРЯ XI—XVII 13: 129], укр. диал. (житомирск.) *осови(й)* ‘то же’ [Лысенко 1966: 39], отражен в новг. **Осовец** оз. и р. в басс. Мсты Валд. у. [СНМНГ V: 57] (рядом с озером была пара средневековых дер. *Осовец* в Коломенском и Бологовском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 94, 104]), **Осовици** дер. Рютинского пог. Дер. пят. 1495 г. [Там же: 418] (= *Осовичи* пуст. Валд. у. в конце XVIII в. [ИАДП I: 252]), **Осовик** пуст. вблизи дер. Барышево Мош. р-на, по разысканиям К. В. Гарновского [КГарн]. Эти немногочисленные названия все ограничены небольшой территорией Верхнего Помостья. Следовательно, образования от др.-рус. *осовыи* в регионе Новгородской земли на получили значительного развития, зато здесь регулярно обнаруживаются апеллятивные и топонимические продолжения адекватива *осьныи*. В восточнославянских регионах более южных, похоже, наблюдается обратное: при немногих в целом названиях на *Ос(е)н-*, там выявлено большое количество разнообразной топонимии на *Осов-*, среди которой поднепровские гидронимы *Осова* п. пр. Крапивенки басс. Березины + п. пр. Припяти + л. пр. Недны в басс. Десны, *Осовец* руч. близ гор. Сенно в Могилевской губ. + пр. Глумчи в басс. Припяти, *Осовик* пр. Олавы в Роменском у. Полтавской губ., *Осовина* и *Осовка* среди притоков Березины в Минской губ. [Vasm. WRG III: 540], в Поочье *Осовец*, *Осовка*, *Осовской*, рр. и оз. [Смол. ГБО: 161, 169, 174, 193, 229], блр. микропонимы *Асовы* луг, *Асавец*, *Асовец*, частые в Гродненской, Гомельской, Брестской обл. [Мікратапанімія: 18, 20] (ср. блр. *асавéц* ‘место, поросшее осинником’ [Яшк. БГН: 15]), также укр. *Осова*, *Осовець*, рр. в басс. Припяти [СГУ: 405], многие польские рр. и озёра *Osowa*, *Osowo*, *Osowyj*, *Osowiec*, *Osownia*, *Osownica*, *Osówka*, *Osowskie Jezioro* среди притоков Вислы и Одера, а также польск. *Osowiec* гор. [НВ: 379; НО: 290; Górniewicz 1985b: 116; Rymut 1987: 175; Babik 2001: 495—496], *Osovsky* сел. в Чехии [Prof. MJ III: 293] и др., см. еще [Шульгач 1998: 196—197].

Совершенно иную трактовку предполагают, на мой взгляд, средневековые новг. геогр. **Осое** дер. Пажеревицкого пог. Шел. пят. 1539 г. «а угодья озерко Скубец

рыбная ловля» [НПК IV: 395] и **Осои** дер. «обжа пуста, во лготе» в Сабельском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 513]. В. П. Шульгач [2001б: 36] считает новг. *Осое* архаическим адъективом, означавшим ‘осиновое’ и соотносительным с исчезнувшим *оса* ‘осина’, однако наличие ойконимической формы *Осои* препятствует этому мнению. Скорее всего это следы присутствия в др.-новг. говорах апеллятива *осои*, который широко известен сегодня у южных славян: болг., макед. *осои* ‘тенистое место’, ‘влажное место’, *осоен* ‘тенистый’, сербохорв. *òsoj* ‘теневая сторона’, ‘северный склон горы’, сербохорв., словен. *osóje* ‘то же’, этимологически — из **o(t)sojъ*, к **sijati* ‘излучать свет’ [Трубачев 1968: 195, 261]. Ср. еще геогр. *Osóje*, *Osójnik*, *Osójnica*, *Osojáne* для многих гор и селений в Словении, *Osóje*, *Osoja*, *Osójnik*, *Osojani*, *Osojane* в Хорватии и Сербии [Snoj ESSZI: 294—295]. У восточных славян топонимические параллели были обнаружены в Орловской губ. и на Украине: *Асои* п. пр. Большой Локни, п. пр. Нерусы, л. пр. Десны [Топоров, Трубачев 1962: 217], *Осои* п. пр. Рыбицы, л. пр. Псла, л. пр. Днепра [Vasm. WRG III: 540; Машт. Днепр.: 67], *Osij* (< *Osoj*) гора в Карпатах. Кроме того, следует еще обратить внимание на новг. лимноним **Прусай** оз. в басс. Чагоды со стоком в р. Милочка [Шан. РЛЮ: 460], ср. ц.-слав. *присое* ‘солнцепек’ (цит. по [Фасм. ЭСРЯ III: 731]) и геогр. *Prisojnik* в Словении, итал. *Monte Prisenicco* (< словен.) от *prisójen* ‘обращенный к солнцу’ [Snoj ESSZI: 334]. К близкому ряду соответствий, а именно дериватов от беспрефиксального **сои*, соотносительного с праслав. **sijati*, отходят еще такие часто повторяющиеся средневековые новгородские факты, как геогр. **Соино** дер. в Паозерье Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 6] (под 1573, 1582—1584, 1629, 1646 гг. пуст. *Соино*, под 1674—1682 гг. — дер. «что была пустошь» *Сойно* [МАНк]), **Соино** дер. («запустѣла тому 8 лѣтъ от худобы») в пог. Прокофьевском на Белой + дер. в пог. Волок Держков Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 849, 1025], **Соино** пуст. в Никольском пог. в Слезкине Беж. пят. 1545 г. [Там же: 547], **Соино** дер. в Туренском пог. Дер. пят. 1550/51 г. [ПКНЗ 4: 169] (в книге 1495 г. ойконим передан в искаженном облике *Соитно* [НПК I: 389]), **Соино** дер. над Симбельским озером в Богородицком Кирьяжском пог. Вод. пят. около 1500 г. [ПКВод 12: 136], **Соины Горы** дер. в Петровском Борисоглебском в Боровичах пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 953]. Сюда же пск. *Сойно-Островно* оз. в Новоржевском у. [Шк. ОПскГ: 96] (сегодня оз. *Соинское* басс. Великой со стоком в р. Сверязьнка рядом с дер. *Соино* Пустошкинского р-на).

ПАНЕРЕТ-, НЕР-, НЕРЕД-, ПАШИК-, ПАДОЛ-, ПОНИК- и др.

Панеретье дер. Великопорожского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 484], которая в Ген. меж. 1780-х гг. числится уже пуст. *Понеретья* Бор. у. близ «речки *Понеретки* на правом берегу» [КГарн; ИАДП 1: 123]. Сегодня здесь известна лишь карстовая рч. *Понерётка*, 8 км длиной, которая в нижнем течении, за 2 км до устья, уходит под землю и выходит на поверхность в известняковом обрыве левого берега Мсты между дер. Великий Порог и сел. Ровное выше Боровичей. Среди местных

жителей в ходу еще одно название речки — *Понорка*: «*Понорка* — буйная речка, сначала течет по полям и лесам, течет и под землей в основном, иногда выходит на поверхность. Зовут ее и *Понерёткой*» [НОС 8: 110]; кроме того, и само место, где рч. *Понерётка* из двух пещер четырехметровым каскадом изливается во Мсту, иногда именуют *Понорки*¹⁰⁰. В справочнике водоемов Лен. обл. 1929 г. рч. *Понерётка* названа *Шапулинкой* [Шан. РЛЮ: 238] — по бывшей дер. *Шипулино*, что, однако, неточно¹⁰¹.

Гидроним *Понерётка* был образован от названия смежной дер. *Панеретья/Понеретья*, сам же ойконим приравнивается к др.-рус. *поньртие* ‘погружение’ [Срезн. МСДРЯ II: 1185], закономерно преобразовавшемуся в процессе диал. второго полногласия. Очевидно, средневековое селение стояло в том месте, где рч. *Понерётка* уходила в толщу известняков. Столь же вероятен другой, собственно деапеллятивный, способ деривации геогр. *Понёретка* — от страдательного причастия прош. вр. с основой *поньрт-* др.-рус. глагола *понерети* ‘погрузиться’, ‘опуститься’ [Там же: 1184]. В любом случае название точно передает отличительную особенность этого карстового водоема. Второе название речки — *Понорка*, очевидно, более позднее, чем *Понерётка*, произведено от живого в изучаемом регионе географического термина *понора* ‘отверстие на дне карстовой воронки, сквозь которое уходит река (озеро) под землю’ [НОС 8: 110], ср. болг., сербохорв. *пџнор* ‘место, где речка пропадает под землю’.

С геогр. *Понорка* схожи названия р. *Понурка*, впадающей в карстовое оз. Боровское басс. Мсты (а при уходе воды из этого озера — в понор на его дне) восточнее Боровичей, и р. *Понурица*, являющейся притоком реки с «карстовым» же названием *Сухая* на Валдайской возвышенности; оба гидронима мотивированы прил. *понурий* ‘опущенный; упавший’, этимологически объединяемым с *нора*, *нырять*, др.-рус. *нерети*. Ср. еще название рч. *Поньрь* (иначе *Поньрье*, *Поньрья*, *Понья*), п. пр. Воложбы, п. пр. Сяси южнее Бокситогорска и Пикалева, соотносимое с термином *поньрь* ‘подземный сток; жила воды в карстовых образованиях’ (центральные области России) [СРНГ 29: 278] и с др.-рус. *поньрати* ‘углубляться, уходить вглубь’ [Срезн. МСДРЯ II: 1185]. Похоже, единственной межтерриториальной параллелью к новг. *Поньрь* является *Поньры (Понури)* п. пр. Снови, пр. Тускори в Посемье (и там же сел. *Поньры* в Фатежском у. Курской губ.) [Vasm. WRG III: 749]. Более архаический слой родственной гидронимии Новгородской земли репрезентируют названия р. *Нерца* со стоком в оз. Перетно и оз. *Нерецкое* со стоком в оз. Валдайское басс. Мсты (= оз. *Нерецкое* по книге Дер. пят. 1495 г.); при нем в конце XV в. и позднее значился одноименный пог. *Неретцкий*

¹⁰⁰ Подр. о знаменитой карстовой речке, считающейся памятником природы Новг. обл., см.: [Прокофьев 1966а: 97—98; 1966б: 58—60; Арманд 1971: 198—204].

¹⁰¹ Этот гидроним был издревле прикреплен к соседней речке; см. в Ген. меж. конца XVIII в.: «Деревня Вишма ⟨...⟩ речки *Понеретки* на правом берегу ⟨...⟩ а речки *Шипулинки* на левой стороне» [КГарн].

[НПК I: 336, 371, 539], известный в XVIII в. как сц. *Нерцы* Валд. у. [ИАДП I: 224]. Ср. гидронимические соответствия в польск. *Ner* (трижды), *Nerzec* с вар. *Nyrzec*, рр. в басс. Одры [НО: 283; Babik 2001: 474—476], сербохорв. *Nera*, *Neretva*, приведенные в [Bezl. SVI II: 22—23], польск. *Neretwa* р. и оз. в басс. Вислы [НВ: 373]. Семантико-этимологическое отношение этих гидронимов к корню праслав. **nerti* ‘нырять; погружаться’ косвенно доказывают микросистемные связи их с «карстовыми» же гидронимами сходной семантики: в р. *Нерца* слева впадает руч. *Падольский* (: *падать*, см. подр. ниже) и у правого берега ее стоит дер. *Подол* Березовикск. Ок. (: апел. *подол* ‘низкое место’), а из оз. *Нерецкого* в оз. Валдайское течет руч. *Паницкий* (: *поникать*, см. ниже).

Нельзя исключить, что в этноисторическом плане водные имена *Нерца*, *Нерецкое* (а также *Нерачино* оз. в басс. Мсты, Мош. р-н, *Нарочино* оз. в басс. Чагоды, Хв. р-н) могут оказаться еще дославянскими, в частности балтийскими, поскольку балты издревле освоили Валдайскую возвышенность, оставив здесь немало своих надежно трактуемых гидронимических следов. Корень **ner-*, будучи как славянским, так и балтийским (праслав. **nerti*, но и лит. *nėrti*, лтш. *nirt* ‘погружаться, нырять’), хорошо знаком и балтийской гидронимии, ср. гидронимы в Литве и Латвии *Neretà*, *Neretėlė*, *Nerōtis*, *Ņerēta*, *Neretīņa* [Vanagas 1981: 228], *Нарот* в Жемайтии [Спрогис 1888: 200] или названия оз. *Нерето* близ Торопца, р. *Нерета* (*Нарата*, *Наратка*, *Наротка*, *Нарет*) в Витебской губ., р. *Неретва* в Волынской губ. — вероятные балтизмы в восточнославянских регионах [Агеева 1989: 193]. Разумеется, для отдельных гидронимов с основой такого облика не менее вероятна мотивировка славянским обозначением рыболовного снаряда, ловушки для рыбы (др.-рус. *нерета*, *нерото*, *неротъ*, *норотъ* [СлРЯ XI—XVII 11: 275, 277, 423]), как и для др.-новг. *Нередицѣ* (мн. ч.) названия возвышенности под Новгородом, отмечаемого с 1198 г. благодаря обустройству церкви: «Въ то же лѣто заложи церковь камяну князь великий Ярославъ, сынъ Володимиръ, внукъ Мъстиславль, въ имя святого Спаса Преображения Новгородѣ на горѣ, а прозвище *Нередице*»; под 1219 г.: «Антонии же поиде въ Новгородъ и святого Спаса въ *Нередицяхъ*» [НПЛ: 44, 60]. Оно произведено от др.-рус. *нередь*, продолженного в новг. и приселигерск. (Пен.) *нѣред* ‘рыболовный снаряд из прутьев; верша, морда’ [НОС 6: 50; Селигер 4: 123], *нѣред*, *нерѣд*, *нерѣда*, *нерѣда* ‘то же’ в иных русских говорах (Смол., Север., Казан., Влад., Нижняя Волга) [СРНГ 21: 142]. Под Нередицким холмом течет одна из протоков Волхова (сегодня ее называют рч. *Спасовка*), в которой, надо полагать, издревле ставили нереды, а на самом холме просушивали эти рыболовные снасти; см. подр. обоснование данной версии в [Строгова 1993а: 24—29; 1993б: 136—142].

К числу новгородских топонимических архаизмов, отметивших явления карста на Валдайской возвышенности, следует отнести также некоторые названия с корнем *пад-*. Среди них название *Падчик* дер. восточнее пос. Любытино, р. ц. Новг. обл., упоминаемой в писцовой книге Беж. пят. 1501 г. как дер. *Пачевик* в вол. Белой в Никольском пог. [НПК VI: 10]. Ойконим *Падчик* (вар. *Пачевик*

является его не вполне точной записью) появился благодаря расположению деревни на «падающей» рч. Ольховка, которая возле деревни уходит под землю, но вскоре снова выходит наружу, устремляясь по известняковым уступам в р. Белую, п. пр. Мсты. Аналогичным образом трактуется геогр. *Пащиково* дер. в Ровенском пог. Беж. пят. 1496 г. [ПКНЗ 1: 53], фонетически преобразовавшееся из **Падчиково* / **Падщиково*. Оба ойконима отражают узкоместный др.-новг. апеллятив **падчикъ*, обозначающий карстовые провалы в среднем течении Мсты. Непродуктивную структуру — с суф. *-ол-* (< *-ъл-*) — показывает название оз. *Подолица*, иначе *Падоль*, в Бор. у., отмеченное в Ген. меж. 1780-х гг. и на некоторых старых картах [КГарн]; списки селений Бор. у. 1911 г. отмечают здесь дер. *Подолицы* при оз. *Подолицком* Рядовской вол. [СНМНГ VI: 110—111]. Ср. еще *Падольское* оз. со стоком в оз. Белое басс. Мологи [Шан. РЛЮ: 200], *Падольский*, или *Подольский*, л. пр. Нерцы, р. в оз. Перетно басс. Мсты, *Падала* (иначе *Падольское* в материалах XVIII в.) оз. со стоком в р. Капша басс. Паши [СГЮВП: 86]¹⁰².

Большая группа довольно старых гидронимов, обозначающих исчезающие, карстовые или болотные, речки и озера, соотносится с др.-рус. *поникуати*: *поничу* ‘опускаться, скрываться’ [Срезн. МСДРЯ II: 1180], рус. *поникуать*. В рассматриваемых пределах Новгородской земли таковы геогр. *Паника* п. пр. Серемухи, р. в оз. Серемо басс. Волги, *Паника* р. в оз. Каменное басс. Мсты (при этой реке значилась дер. *Поника* Жабенского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 631]), *Паника*, или *Поника*, оз. в басс. Мсты вблизи Валдайского оз., *Паницкий* руч. в оз. Валдайское, *Паницкий* (по [Шан. РЛЮ: 224] — *Панин*) п. пр. Мсты, *Паникуха* р. в оз. Ольтечко басс. Полю (Дем.), *Поникуа* прот. Уйвеша, л. пр. Мологи. Водные названия *Поникуа*, *Пониква*, *Поничка*, *Поники*, *Поникий*, *Паник*, *Паника*, *Паники*, *Паникуа*, *Паникувец*, *Паникувка*, *Паникушка*, *Пониквица* хорошо известны и в других регионах России, на Украине, в Белоруссии (см. богатое собрание их в [Vasm. WRG III: 577—578, 746—747; Мурз. СНГТ 2: 141]), встречаются у западных и южных славян: польск. *Ponikwa*, *Ponikla*, чеш. *Ponikev*, *Ponikla*, *Punkva*, макед. *Ponika*, *Ponikva*, сербохорв. *Ponikva*, словен. *Ponikva*, *Ponikvica*; см. [HW: 8, 11; Bezl. SVI II: 111; Duridanov 1975: 54; Hosák, Šrámek MJMS II: 283; Snoj ESSZI: 322; Imenik mesta: 347]. А. И. Попов [1965: 36] одним из первых отметил прямое отношение таких названий к карсту: «У деревни Мокруш (Бельского уезда) наблюдается (...) интересное явление — исчезновение в известняках реки Поникли... Появляется река снова (...) у села Пониколь (Поникли) в виде ключей». В плане деривации изложенная гидронимия восходит не к глаголу, а к отглагольному термину еще праславянской древности, оформлявшемуся в др.-слав. диалектах по типу этимологических основ на **-ā* (**ponika*) либо на **-ū* (**poniku/-ъve*). Появление многих названий в виде *Паника* (с *a* в первом слоге) можно объяснить не только аканьем,

¹⁰² В отличие от формы *Падольское* конца XVIII в., совр. вариант *Падала* явно подвергся воздействию модели приб.-фин. гидронимов на *-la* (типа *Ругала*, *Антала*, *Куркала*, *Ошала* и др.).

но, по-видимому, и морфологическим замещением в ряде случаев глагольного преф. *по-* приименным преф. *па-*. Отдельные соответственные названия эксплицируют непосредственную семантико-derivационную связь с глагольной лексемой, сохраняя глагольную суффиксацию, см. новг. геогр. **Понеклицца** л. пр. Меглинки, л. пр. Руны, р. в оз. Стерж басс. Волги, **Поникло**, или **Пониклово**, оз. в басс. Чагоды (Люб. р-н), образованные от др.-рус. *поникльи* ‘поникший, опущенный’ [Срезн. МСДРЯ II: 1180], **Поникша** дер. 1539 г. в Михайловском пог. на Полоной Шел. пят., = **Поникши** дер. «пуста и лѣсомъ поросла» под 1576 г. в Порховском околородье [НПК IV: 309; V: 573] (скорее от прич. *поникъшиши*, чем к гипокористическому производному от христ. личн. *Поникарпъ/Поликарпъ*, как считается в [НГБ 1990—1996: 69]), **Поникница** дер. в Богородицком пог. на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 854] (от *поникнути*); отглагольным дериватом является также геогр. **Уника** пуст. в Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 166] — от *уникати* то же, что *поникати*¹⁰³.

На новгородской территории выявлено немало и других «карстовых» гидронимов разнообразных семантико-мотивационных и деривационных моделей. Обычно такие водные названия вполне очевидны на фоне сохранившейся лексики местных говоров: *Ротное*, *Вялец*, *Сушенец*, *Съезжее*, *Трубы*, *Ямница*, *Понитница*, *Сухая*, *Сохлое*, *Роженец*, *Налой*, *Разлив*, *Здымля*, *Жбан*, *Городно* и др. (подр. их трактовки см. в [Васильев 2002б: 49—52; 2004б: 182—190]).

ПЕРЕГИН-

Перегино крупное село на берегу Ловати, Под. р-н (с ударением — *Перэгино*). В нач. XX в. числилось волостным селом — центром Перегинской вол. Ст-Рус. у., рядом значился пог. *Перегино* [СНМНГ III: 96—97]. Отождествляется с дер. *Перегино* в Коломенском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 225], которая в книге 1539 г. отмечена как сц. *Перегини* «на рѣкѣ на Ловоти» [НПК IV: 474]; в книге 1624 г. — дер. *Перегино* [ППКСР: 242].

Межтерриториальные топонимические параллели единичны, но выглядят вполне надежными: укр. геогр. *Перегінець* (вар. *Перехинец*, польск. *Perehińczyk*) л. пр. Быстрицы Солотвинской басс. Днестра [Vasm. WRG III: 611] и *Перегиньско* сел. в Галиции, польск. геогр. *Przeginia* для р. и сел. при ней (впервые — *Pregina* под 1346—1358 гг.), чеш. *Přehyně*; по: [Фасм. ЭСРЯ III: 237; Babik 2001: 510; Rospond 1984: 127; Hosák, Štárek MJMS II: 317]. Среди апеллятивных коррелятов следует указать прежде всего ст.-слав. **прѣгыни** (Супрасльская рукопись), др.-рус. *перегиня*, ранее *перегыня*, означавшие, как можно заключить по употреблению в письменности, главным образом церковнославянской, ‘труднопроходимую лесистую и гористую местность’, сюда же прил. *прѣгыньныйи*, *прегыньныйи* ‘непроходимый,

¹⁰³ Геогр. *Уника* отождествляют [ИАДП I: 166] с *Унека* дер. Жабенского пог. Дер. пят. 1495—1496 гг. [НПК I: 632]. Средневековая фиксация, очевидно, ошибочна из-за смешения похожих букв «н» и «п».

труднопроходимый' [Срезн. МСДРЯ II: 903, 1628; СлРЯ XI—XVII 14: 226; 18: 168]. Нужно заметить, что ландшафт новг. дер. *Перегино* действительно отвечает приведенным значениям: деревня расположена на выразительно высоком, до 30 м, облесенном правом берегу Ловати. С ландшафтными обозначениями этимологически объединяют имя женского божества *перегиня* (из рукописи XVI в.), совр. укр. *перегэня*, наименование ряженой девушки — главного персонажа обряда, совершаемого, когда заканчивалась прополка свеклы, когда завершалась жатва (в районе гор. Канев, частично на Черкасщине) [Черепанова 2005: 33]¹⁰⁴, ср. еще фамилию *Перегиня* (по телефонному справочнику Москвы). Новг. геогр. *Перегино*, надо полагать, является еще одним ранее не учтенным топонимическим проявлением этих редких апеллятивов, происхождение которых трактуется неоднозначно. М. Фасмер возводит др.-рус. *перегиня* к праслав. **pergybni* 'неровная холмистая местность' (ср. *гнуть*, *перегибень*) [Фасм. ЭСРЯ III: 236—237], как и С. Роспонд (для польск. геогр. *Przeginia*) [Rospond 1984: 127], но скорее праславянской здесь следует признать форму **pergyn'i*, «более темную» [ЭССЯ 1: 193]. А. Е. Аникин рассматривает **pergyn'i* как заимствование из герм. (< ? кельт.) **fergunja-* 'гора, покрытая лесом', см. подр. в [Ан. РЭС 3: 111—112].

По второй, менее вероятной, версии, в основе ойконима *Перегино* лежит личн. **Перега* первоначального владельца или основателя средневекового поселения. Такой антропоним может квалифицироваться в качестве усеченной неофициальной формы христианского имени *Пергий*, включавшегося в старые русские календари, но не вошедшего в официальные святцы в конце XIX в. (по терминологии А. В. Суперанской — старокалендарное [Суп. СРЛИ: 267]), либо христианского имени *Перегрин*. Переделка *Пергий* в *Перега* выглядит подобно преобразованию *Сергей* (из *Сергий*) в современную разговорную форму *Серёга*. Если из *Перегрин*, то предполагается усечение *-рин*, что менее вероятно, чем *Пергий*.

ПЕРЕТН-, ПЕРТЕШН-, ПЕРЕТ-, БАЕН-, КЛЕТН- и др.

Перетно оз. в Среднем Помостье вблизи пос. Окуловка, р. ц. Новг. обл. Озеро неоднократно упоминается в писцовых книгах Дер. пят. конца XV—XVI в. при описании водных угодий Локотского, Полищского и Ручьевского погостов [НПК II: 50, 55, 250, 360, 376; ПКНЗ 4: 50, 52—54, 61, 62, 95, 97, 133]. По книгам 1495 г. берега водоема предстают весьма обжитыми: среди разных селений здесь указаны дер. «*на озерѣ на Перетнѣ*», сц. «*на озерѣ на Перетнѣ*» и дер. *Перетенка* Ручьевского пог., сц. «*надъ озеромъ надъ Перетномъ*» Локотского пог., сц. «*на озерѣ на Перетнѣ*» Полищского пог. [НПК II: 54, 248, 356, 366, 374], это последнее продолжилось в сел. *Перетно* Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 237] и в совр. дер. *Пе-*

¹⁰⁴ Подр. сведения о теониме, о его возможных связях с и.-евр. обозначением горы, о родстве со славянским теонимом *берегиня* даны в [Черепанова 2005: 29—43; Иванов, Топоров 1974: 84].

ретно Березовикск. Ок. на восточном берегу озера. Через озёра Мосно и Заозерье озеро *Перетно* стекает в реку, л. пр. Мсты, носящую сегодня название *Перетна* или *Перетёнка* (по [Шан. РЛЮ: 232] также *Перетня*)¹⁰⁵, а в писцовых книгах 1495—1496 гг. отмеченную как р. *Перетенка*, на ней в ту эпоху стояли такие селения Шегринского пог., как дер. *Перетенка* (= совр. двум дер. *Перетёнка-1* и *Перетёнка-2* Котовск. Ок.), дер. «на *Усть-Перетенки*», дер. «*Селцо на Усть-Перетенки*» и дер. «*Нефедьево на Усть-Перетенки рьки*» [НПК II: 187, 188, 221, 235, 250, 260, 272, 273]. Нет сомнений в том, что название крупного восточного оз. *Перетно* явилось первоначально этой разветвленной топонимической микросистемы. К ней принадлежит еще название лежащего в сотнях метров от оз. *Перетно* и дер. *Перетно* озера *Заперечье*; этот лимоним тесно связан с названием смежной дер. *Заперетцо*, бывшей в 1495 г. в Полицком пог. [Там же: 249], а по материалам Ген. меж. конца XVIII в. — пуст. *Заперечье* Кр. у. [ИАДП I: 238].

Лимоним *Перетно* восходит к др.-рус. прил. *пъртъни*, образованному от сущ. *пърть*. Это второе отмечалось в памятнике письменности, связанном с Новгородом, — в «Поучении» новгородского архиепископа Илии 1166 г. (по списку XV в.): «Егда зовоуть вы къ *пърти*, творите молитву» (цит. по [Филин 1972: 571]); в словарях древнерусского языка оно определяется как «баня или сосуд для омовения новорожденного» [СлРЯ XI—XVII 15: 15; Срезн. МСДРЯ II: 1772], кроме того, указывают арх. диал. *пърть* «жилая корельская изба» [Даль ТСЖВЯ 3: 103 (1852 г.)]. Хотя иногда др.-рус. *пърть* считают заимствованием (из прибалт.-фин. или из балт.), практически нет сомнений в исконно славянской этимологии этого слова, о чем убедительно пишет А. Е. Аникин [2005: 242—245], а ранее Ф. П. Филин [1972: 571—572], справедливо считающий *пърть* «баня» древненовгородским диалектизмом. Из севернорусских говоров (продолжающих древненовгородские) слово было усвоено прибалтийско-финскими и волжско-финскими (марийский) языками, из которых порой снова заимствовалось в русские говоры: заимствованным, в частности, считается костром. *перт* «изба» с производным *пёртний* «домашний», возводимое к мар. *pört* «дом, изба» [Аникин 2005: 243]¹⁰⁶. В современных говорах Русского Северо-Запада сохранилось диал. *пърпереток*, иначе *пърпередок* «предбанник», пск. «помещение под навесом крыши у клетки» [НОС 9: 23—24; СРНГ 31: 340], образованное от *пърть* с отражением рефлекса второго полногласия, как и в рассматриваемом геогр. *Перетно*.

¹⁰⁵ Эти три озера в сущности можно считать единым водоемом, но расчлененным протоками-перемычками на несколько плесов. Поэтому опосредованная (через озера *Мосно* и *Заозерье*) связь озера *Перетно* с речным названием *Перетёнка* (*Перетна*) явно не случайна: она подсказывает, что когда-то на все эти озера распространялся общий лимоним *Перетно*, а геогр. *Мосно* (к **Мостно*, от *мост*) и *Заозерье* («за озером *Перетно*») первоначально относились к отдельным плесам единого озера.

¹⁰⁶ Сев.-рус. (арх.) *перть* «карельская изба», судя по его «этнически специализированному» значению, на мой взгляд, тоже следует рассматривать как обратное заимствование из карел. *pertti* «изба, дом, баня» (< др.-новг.).

Семантически новг. *Перетно* — ‘банное; изьяное, жилое’ — указывало на озеро, при котором стояли жилые постройки или бани (в холодное время они могли служить и жильем). Данная семантико-мотивационная модель подкреплена рядом названий, которые производны, во-первых, от *баня* или *банный*, диал. *баенный* (сюда, в частности, новг. **Баницкое** оз. в Среднем Помостье, Кр. р-н, **Банный** п. пр. Тосны, л. пр. Невы, **Баенная** рч. в низовьях Мсты) и, во-вторых, от др.-рус. *кльть* или *кльтьныи*, такие как новг. геогр. **Клетно** оз. в басс. Мсты со стоком в р. *Клетна*, Ок. р-н (= *Кльтно* оз. в Локотском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 6, 10, 61, 80]), **Клетно**, иначе *Клетенец*, оз. в басс. Чагоды (Хв. р-н), **Клетно** дер. Минск. Гатч. на руч. *Клетенский* (= *Кльтно* дер. Никольского Суйдовского пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 699]). Др.-рус. *кльть*, *кльтька* ‘холодная (без печи) бревенчатая или дощатая жилая постройка; хижина, дом’, ‘место уединения и обитания монаха; келья’, ‘амбар, лавка, кладовая при доме’, ‘бревенчатый сруб’ и др. [СлРЯ XI—XVII 7: 166—168] продолжают в совр. *клеть*, *клетка*, хорошо известных в говорах Русского Северо-Запада и Севера как обозначения различных построек, см. [НОС 4: 51—52; СРГК 2: 365—367]. Стоит отметить, что оз. *Перетно*, оз. *Баницкое* и пара оз. *Клетно* территориально тоже близки, находясь в 10—12 км друг от друга.

Пертешино ус., *Большое Пертешино* дер., *Малое Пертешино* дер., все у рч. *Пертешенка* в Чудовской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 102—105] (сегодня осталась только ж.-д. ст. *Пертечно* у рч. *Пертеченка*, л. пр. Любуньки, л. пр. Волхова, Чуд. р-н). Под 1500 г. здесь значилась одна дер. *Пертична* Андреевского Грузинского пог. Вод. пят., но уже к 1570/71 г. она разделилась на дер. *Пертечно* и дер. *Пертечно за речкой*, под 1582 г. — это дер. *Пертично* и *Пертично Другое*, под 1709 г. — дер. *Болиное Пертечно* и *Меншее Пертечно*, с сер. XVIII в. — дер. *Большое Пертешино* и *Малое Пертешино*; по [Селин 2003: 249]. Названия селений повторили средневековое имя смежной речки — *Пертична*, отмеченное писцовой книгой Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 447—448] в перечне пожен («пожня на усть *Пертичныи*»), приписанных к селу Водосы в Грузинском пог. В других местностях Вод. пят. локализируются геогр. **Пертично** дер. Егорьевского Лусского пог. под 1500 г. [Там же: 33] (= дер. *Пертешино* 1568 г., пуст. *Пертично* 1582 г., пуст. *Пертешино* в материалах Ген. меж. 1788 г.) и **Перетично** дер. Дмитриевского Городенского пог. 1500 г. [Там же: 238], = *Туратично* дер. под 1539/40 г., *Пертично* пуст. под 1582 г., пуст. *Пертища* в межевании 1791 г.; по [Селин 2003: 108, 161].

Все эти средневековые топонимы, равно как название оз. *Пертешино* басс. Мсты со стоком в р. Березайка в окрестностях Валдая, показывают адеквативную деривацию от др.-новг. *пъртища*, старого деминутива от *пърть*. Судя по топонимическим отражениям, этот деминутив (в значении ‘избушка, баенка, небольшое строение’) в изучаемом регионе был хорошо известен. Ср. еще пск. *Пертища* пр. Желчи, впадающей в Чудское оз., Гд. у. [Vasm. WRG III: 623].

Иное деминутивное образование от *пърть* — с суф. *-ка* (< *-ька*) — показано названием дер. **Перетка** Влажинского пог. Дер. пят. под 1495 и 1538/39 гг. [НПК I: 731], позднее — *Переткина* пуст. Кр. у. по планам Ген. меж. конца XVIII в.

[ИАДП 1: 134]. Оно приравнивается к ст.-пск. (1578 г.) апел. *перетка* ‘избушка’ [СлРЯ XI—XVII 14: 298] с характерным для данной основы вторым полногласием. Видимо, сюда же относится средневековое *Перетки* дер. в Которском пог. 1498 г. + дер. в Щепецком пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК IV: 125; V: 443, 444], хотя без дополнительных свидетельств эту форму трудно отличать от дериватов с основой *перед* (: *передний*) типа *Передки*.

Славянские топонимы-архаизмы, возводимые к *пъртъ*, смыкаются с приб.-фин. субстратной гидронимией, нередкой на Русском Севере, особенно в басс. Свири, где отмечены *Пертозеро* (часто), *Пертия*, *Пертоя*, *Пертручей*, *Пертуй*, *Перт*, *Пертисуо*, *Пертиёки*, *Перттиярви* и др. [СГЮВП: 145—146; Vasm. WRG III: 622—624]. В изучаемом регионе Новгородской земли таковы геогр. *Нечерпеть* ур. (Гатч.), преобразованное из карел. *Meččäperti* (собственно ‘Лесная изба’) и, по-видимому, геогр. *Перты* дер. Беж. у. (по межевому атласу 1853 г., сегодня — дер. *Перово* в окрестностях р. ц. Молоково Твер. обл. (Покровский СО) [Воробьев 2005: 298]), ранее являвшееся, похоже, селением тверских карел). Характерные приб.-фин. атрибутивные структуры и иные отличительные особенности опознаются в таких названиях вполне отчетливо.

ПЕРЕТЕРГ-, ПЕРЕТЕР-, БОКОТЕРЖ-, ТОРГАН-, ПЕРЕРВ-, РВ-

Перетерга, иначе *Перетерье*, сенокосное угодье вблизи дер. Холынья, расположенной в дельте Мсты, Новг. р-н [НОС 2010: 809; КНОС: диалектологические записи Л. Я. Петровой]. Очевидно, то же самое место, что пожня *Перетерье* (вар. *Переторг*), указанная в оброчной книге пригородных пожен ведомства новгородского конюшего 1539/40 г.: «Борисовская Собакина Неродова да Ивановская Пустова пожня на Мсте *Перетерье*, семдесят куч, оброку две гривны и три денги. (<...> Да за тою пожнею за *Переторгом* потериб, оброку семь денег» (сообщается, что и пожня, и потериб были отданы в оброк некоему Палке с Лядки) [ПКНЗ 1: 358].

Топонимические соответствия немногочисленны и все прикреплены к новгородско-псковской территории. В Южном Приильменье в нач. XX в. на рч. Переход стояла дер. *Перетерка* Виленской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 24—25], которая в писцовой документации 1498 г. именуется дер. *Перетерье* на Переходе Буряжского пог. Шел. пят., а по документации 1499—1551 гг. — *Перетерье*, *Петеркино*, или *Перетерги* [НПК IV: 30; V: 400, 405, 416]. Южнее, в истоках р. Холынья, по спискам селений 1989 г. значится дер. *Перетерье* Заозерск. Под. (сегодня уже нежилая), = дер. *Перетерья* на рч. Виска Белебелковской вол. Ст-Рус. у. 1909 г. [СНМНГ III: 18—19], более ранних сведений нет. Писцовая книга Беж. пят. 1545 г. фиксирует дер. *Перетергово* (иначе — *Пугина Нива*) в Никольском пог. в Слезкине [НПК VI: 551]¹⁰⁷. На западном берегу

¹⁰⁷ Неясно, принадлежит ли к числу рассматриваемой топонимии также средневековое геогр. *Петергли* оз. в дельте Ловати во Взвядском пог. 1498 г. [НПК IV: 359]. Похоже, эта фиксация искаженно передает форму названия.

Сосницкого плеса оз. Селигер стоит дер. *Перетерг* Сосницк. Ост., ранее — дер. Полновской вол. Дем. у. [СНМНГ II: 64—65], о которой средневековых сведений нет.

На территориях, прилегающих к области бывших новгородских пятин, зафиксирована пара параллельных топонимов: один восточнее Бежецка, в Сонковском р-не Твер. обл., — *Перетерье* дер. (Койский сельский округ), другой связан с Псковской землей: его содержит составное «микроназвание» *С Перетерьги паства* пастбища у дер. Рожицы Печорского р-на Пск. обл., причем *Перетерьгой* здесь назван узкий пролив, отделяющий дер. Рожицы (Рожитец) на острове от западного берега Псковского оз. [Никитин 1962а: 116]. Псковский топоним отражен Грамотой великого князя Александра и посадника Твердила Лочку, Ивану и всем рожитчанам на мох, спорный с Радишею, Кузьмою и спасовскими чернецами [ГВНП: 337—338, гр. № 348]. Текст этого документа XIII в. устанавливает границу спорного участка: «А между мху і водѣ по *полуперетерьгѣ* (т. е. «по полу *Перетерьгѣ*». — В. В.), да по Моложевскую между по великое рокитье межа мху і водѣ». В наши дни, помимо варианта *Перетерьга*, приведенного А. В. Никитиным, у местных жителей в ходу вариант *Перетерка*, а ранее этот пролив именовали также *Перерва*, см. [Марасинова 1966: 129—132, схема № 11].

Геогр. *Перетер(ь)га*, *Перетергово*, как и *Перетерье* (из **Перетержье*), восходят к исходному апел. **перетерг*, **перетерга* < **перетьргъ*, -а, а форма *Переторг* предполагает скорее апел. **переторг* < **перетьргъ*. Топонимия сохранила давно вышедший из употребления ландшафтный термин, известный, судя по всему, только древним новгородским и псковским говорам. Корень *тьрг-/тьрг-* (с вариантной огласовкой) проявляется в др.-рус. *вытьргнутися* ‘вырваться’, сохраненном в новг. бер. гр. № 752 конца XI в.: «[из] оцью бы ся вытьрьго» [Зализняк 2004: 249—253], *вытергнути* и *выторгнути* ‘вырвать, выдернуть’ [СлРЯ XI—XVII 3: 267], наряду с общерус. *расторгать*, *исторгать* и диал. (в частности на Русском Северо-Западе) новг., пск. *выторкать* ‘вытеребить, выдергать’, пск. *выторнуть* ‘вытолкнуть’, смол. ‘высунуть’, новг. ‘выгнать вон’, петерб. *выторгнуться* ‘выставиться, обнаружиться’ [СРНГ 6: 41; НОС 1: 153], новг. *выторнуться* ‘высунуться’ [НОС 1: 153], пск. *переторкивать* ‘перелбрасывать’ [СРНГ 26: 238] и др.; однокоренные глаголы знают и другие славянские языки [Фасм. ЭСРЯ IV: 48, 83; Черн. ИЭССРЯ 2: 238]. Различную огласовку корня порой демонстрируют синхронные варианты одного топонима, судя по геогр. *Перетерье* с вар. *Переторг* на Мсте под Новгородом. Иной префикс показывают родственные названия близлежащих рр. *Расторог*, иначе *Расторг*, л. пр. Осмони, пр. Свапы басс. Сейма (там же сел. *Расторог* Дмитровского у. Курской губ.) и *Расторог*, иначе *Расторога*, *Росторог*, л. пр. Нерусы, пр. Десны [Vasm. WRG IV: 27].

Лексическое значение апеллятивов, мотивировавших изложенную новгородскую топонимию, надежно определяется с учетом указанной глагольной семантики корня *тьрг-/тьрг-*, а также с опорой на термин *перерва* тождественной префиксальной структуры. Отглагольные апел. **перетерг*, **перетерга*, **переторг* струк-

турно и семантически несомненно приравниваются к аналогично образованному диал. *перерва*, ранее *перерьва* (: *перерьвати*). Этот последний термин сохраняет употребительность в значениях ‘промой; новое русло; прорыв воды из пруда; проток’ ‘свежий рукав’, будучи отраженным в исторической и современной топонимии: *Перерва*, водоемы в Подмосковье и Твер. обл., по данным [Мурз. СНГТ 2: 119, 152; СРНГ 26: 205], *Перерва* прот. в дельте Мсты и р. в средневековой Псковской земле, из грамоты 1483 г. [ГВНП: 326—328, № 340], дер. *Перерва* в Вышн. и Дем. р-нах. Любопытно, что в Северном Приселигерье дер. *Перерва* Дем. р-на (Полновское с/п) смежна с дер. *Перетерг* Ост. р-на (Сосницкий СО). Сходным образом трактуется беспрефиксальное *Рва* р. (и на ней сц. *Рва* и оз. *Рва*) в пог. Михайловском на Полоной Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 294, 297, 299] (дериват от глагола *рвьвати*).

Забвение исходных апеллятивов на новгородско-псковской территории оставило без смысловой поддержки мотивированную ими топонимию, которая стала открытой для различных переосмыслений, ср. появление таких форм, как *Петеркино*, *Перетерка* (из *Перетерга* под влиянием *тереть*).

Другой случай топонимического проявления *търз-* (с более ранней огласовкой, чем *търз-*) в регионе Новгородской земли — геогр. *Бокотерж* дер. Городенского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 270]. Ойконим следует объяснить как йотово-посесивное образование от двуосновного прозвища **Бокотьръз* ‘кто рвет, терзает бок’. Учитывая, что для древненовгородского диалекта был характерен скорее непалатализованный вариант корня, маловероятно возведение *Бокотерж* к личн. **Бокотьръзъ*, соотносительному вторым компонентом с *тързати*, которое определяется как др.-рус. книжное слово [Черн. ИЭССРЯ 2: 238].

Дериватом др.-рус. глагола *търгати* (ср. укр. *торгати* ‘дергать, рвать’, польск. *targać* ‘то же’) является старописьменное новг. геогр. *Торган* дер. Короцкого пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 324]. Селение, позднее исчезнувшее, было названо по соседнему озеру, упомянутому в материалах Ген. меж. по Валд. у. конца XVIII в. под названием *Тогран* [ИАДП I: 179]. Сегодня это оз. *Тагрань* басс. Мсты (в справочнике Э. Г. Истоминой, З. М. Яковлева [1989: 110] с искажением — *Топрань*), местоположение которого (примерно в 10 км к юго-востоку от Валдайского оз.) как раз относится к территории древнего Короцкого погоста. Современная форма возникла путем метатезы *rg > gr* из ранней формы лимнонима — *Торган(ь)*, перенесенной на средневековое селение. Озерное название *Торган(ь)*, в свою очередь, деривационно соотносится с др.-рус. *търгати* точно так же, как диал. *копань* ‘яма с водой’ соотносится с *копати*, др.-рус. *лопань* — с *лопати(ся)* (см. *Лопань*) и т. п. Межтерриториальными гидронимическими параллелями, вероятно, являются *Тарган* (вар. *Торган*, *Торга*) п. пр. Россавы басс. Роси неподалеку от Канева в бывшей Киевской губ. [Vasm. WRG IV: 517], *Тарганка* пр. Усти, л. пр. Горыни [СГУ: 554].

ПЕШН-, ПЕС-, ПИСЕН-, ПИСКОВ-, ПЕСЧИВ-, ПЕСЧИН- и др.

Песно оз. в верховьях Плюссы со стоком в р. *Песенка* (иначе *Песница*, а по [Шан. РЛЮ: 352] — *Песна*), п. пр. Плюссы. Озеро приходится на территорию средневекового Которского пог. Писцовые книги Шел. пят. конца XV—XVI в. об этом озере информируют косвенно, через ойконим-ориентир, описывая под 1498 г. в Которском пог. дер. *Запесенье*, иначе *Запесеньево*, «вопчѣ съ помѣстчикомъ с-Ьваномъ съ Даниловымъ за великимъ княземъ на монастырской землѣ» [НПК IV: 89, 110], = дер. *Записенье* Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 118], = совр. дер. *Запесенье* Пл. р-на восточнее оз. *Песно*. Далее к западу, в средней части басс. Плюссы, при описании пунктов Быстреевского пог. писцовые книги 1550/51 и 1571 гг. сообщают о другом небольшом оз. **Песно** («вдоль пол-версты, а поперекъ то-жь, рыба въ немъ плотица да ершь»), у которого стояла дер. *Запесье*; кроме того, дает сведения об озерке *Запесенье*, сопровождаемом близлежащей дер. *Запесенье* в Быстреевском же пог. [НПК V: 475, 476, 477; ПКНЗ 6: 65, 66] (= совр. дер. *Записенье* в Стр-Кр. р-не). Понятно, что названия *Запесье*, *Запесенье* относятся к категории ориентирующих, явно вторичных относительно лимнонима *Песно*, современные сведения о котором неизвестны.

Еще одно оз. **Песно** лежит в басс. Полю в 15 км к северо-западу от Валдая, впервые о нем сообщается при описании пунктов Локоцкого и Еглинского пог. Дер. пят. около 1495 и 1551 гг. [НПК I: 855; II: 80; ПКНЗ 5: 118, 131, 214, 218]; в одном из сообщений лимноним неточно передан в виде *Печно* («изъ Еглина съ *Печна* озера») [НПК I: 811]. Через оз. Коргово оз. *Песно* стекает в р. *Песна*, п. пр. Черной, р. в оз. Ламерское. По этой реке получили названия несколько сел. (выселков) *Песна* в Китовской вол. Кр. у., известных по списку селений нач. XX в. [СНМНГ IV: 48—49]; вместе с тем с р. *Песна* связано протокой оз. *Песновка*. К востоку от Валдая, вблизи гор. Бологое, есть рч. *Песенка*, вытекающая из оз. *Песочное* (!) и впадающая в оз. Кафтино басс. Мсты [Шан. РЛЮ: 246]; производный облик этого гидронима предполагает первоначальную форму *Песно* или *Песна*¹⁰⁸.

В Среднем Половатье, на территории бывшего Холмского пог. Дер. пят., обнаруживается *Песанка* п. пр. Куньи, Тор. р-н. Неподалеку, у юго-западных рубежей Дер. пят., локализуется оз. **Песно** басс. Западной Двины с дер. *Песно* на южном берегу. Сегодня эти топообъекты числятся в Западнодвинском р-не Твер. обл. (Улинский СО), в нач. XX в. значились во Всхоновской вол. Тор. у. [Шк. ОПскГ: 126]; кроме того, они около десятка раз упоминаются писцовой книгой Торопецкой земли 1540/41 г.: оз. *Песно* рядом с дер. *Песнош* и сел. *Песно* во Всхонской переваре в Старцевской вол. к юго-востоку от Торопца [ПКНЗ 4: 577, 583, 593, 635, 637, 654].

¹⁰⁸ Такая словообразовательная трактовка не применима к названию р. *Песенка* басс. Цны, п. пр. Оки, поскольку исторические варианты его (*Пиченка*, *Пичка* в межевых материалах по Тамбовской губ. конца XVIII в. [Смол. ГБО: 252]) отчетливо отсылают к иной этимологической, скорее субстратной, основе.

Из оз. *Песно* вытекает р. *Песенка* (ранее — *Песница* под 1540/41 г.: «у озера у *Песна* над рекою над *Песницею*»), а в окрестностях озера локализуется средневековая местность *Песна*, см. [ПКНЗ 4: 635, 654]¹⁰⁹.

В. Н. Топоров [1995: 30] считает лимноним *Песно* в истоках Плюссы балтизмом, сближая с др.-прус. гидронимами *Pissa, Pissen*, лит. *Pisa*, с лтш. *pīsa* ‘топкое болото’, ‘трясина’, или с лит. *pīsa* ‘cūpnus’ и др. Данное решение ошибочно. Все перечисленные топонимы суть очевидные славянские архаизмы, в основе которых лежит др.-рус. диал. *пѣсьныи*, продолжающее праслав. **pěsъnъ(jь)* ‘песчаный’, которое образовано от бессуффиксального сущ. **pěsъ* ‘песок’, праслав. диал. варианта к распространенному праслав. суффиксальному **pěsъkъ*. Действительно, вблизи южного берега Онежского оз. недавно было записано диал. *песной* ‘песчаный’ (Вытегорский р-н Вологодской обл.) [СРГК 4: 483]. О праславянском характере этого адъектива свидетельствует проявление основы **pěsъn-*, помимо региона Русского Северо-Запада, также на территории западных, реже южных славян. Ср. фиксируемый с 1123 г. гидроним *Pesnica* л. пр. Дравы в Словении, возводимый к **Pěsъnica* от корня **pěs-* ‘песок’ и на территории Австрии словен. р. *Zgorja Pesnica* (или *Nemška Pesnica*), пр. Чакавы [Bezl. SVI II: 85—86; Snoj ESSZI: 304; Дуриданов 1963: 187]. Ф. Безлай (со ссылкой на работы Муки, Козеровского и др.) приводит, кроме того, кашуб. геогр. *P’òšnica*, луж. *Pesnica* и луж. апел. *pěsnica* ‘песчаная отмель’, а также онемеченное геогр. *Pisnitz/Pösnitz* в Германии (< слав.), польск. ойконим *Piaśnica* наряду с названиями мест и озер *Piesna, Piesno, Piosna* в Польше [Bezl. SVI II: 85—86], сюда же еще польск. *Piaśnica* р. в Балтийское море (под 1219 г. — *Piasnicza*, под 1235 г. — *Pesnitza*) [Rzetelska-Feleszko 1987: 80]¹¹⁰, гидронимы *Piaśnica, Piaśnik, Jezioro-Piesna* в басс. Одры [НО: 167, 246, 252], ойконим *Pisnice* в Чехии наряду с чеш. *písník* ‘песчаная отмель’ [Prof. MJ III: 362]. Ср. еще укр. бойковск. *пісниця* ‘неурожайная песчаная земля’ [Онишк. СБГ 2: 74].

Следы бессуффиксального праслав. обозначения песка прослеживаются не только в общерус. *супесь* ‘рыхлая почва, содержащая песок и глину, с преобладанием песка’, производном *супесный*, но особенно наглядно в геогр. *Песогоры*, по межвому атласу 1853 г. — *Песогор*, дер. Макс. р-на возле пос. Трестна к юго-западу от Максатихи (на территории средневековой вол. Тростны Беж. пят.), в геогр. *Песка* п. пр. Торопы, п. пр. Западной Двины в Тор. р-не (производное с суф. *-ка* от **песъ*), в геогр. *Песьино* дер. Великопорожского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 489], которое со временем переоформилось в название пуст. *Пески* Бор. у. конца XVIII в.

¹⁰⁹ Из книги 1540/41 г. известно также о варианте *Пестно* данного названия («село *Пестно* над озером над *Пестном*» [ПКНЗ 4: 577]), который отражает мотивационную связь с диал. *пест* ‘вид хвоща’, но безусловно вторичную, ср. прил. *песенские*, образованное от вар. *Песно* (а не от *Пестно*): «А у *песенских* крестьян и у Норкомич озеро *Песно*» [Там же: 593].

¹¹⁰ Е. Жетельска-Фелешко [Ibid.] объясняет гидроним двояко: или к **pěst* ‘пест’, или к **pěsъkъ* ‘песок’, но, очевидно, что он должен трактоваться на базе **pěs-*, как и прочие приводимые параллели.

[ИАДП 1: 123]. Среди новг. диал. апеллятивов см. *песъяный* ‘песчаный’ (Мош.) [НОС 7: 134], *песина* ‘подводная мель’: «У нас боровое озеро, трав-то мало. Долго бывает *песина*-то идет, мель-то, значит остров такой песчаный. Острова на дне пещаны, возвышенны места. Это заливши» (дер. Ерзовка Хв.) [Строгова 1991: 92; НОС 7: 130]. Бессуфиксальную основу показывают также волог. *песáвинка* ‘песчаная коса посреди реки’ (Сок.), *песьяный* ‘песчаный’ (В-У) [СВГ 1997: 48, 52], *пéсовый*, *песóвый* ‘песочного цвета’ (Ср. и нижн. теч. р. Урал), свердл. *песовáтый* ‘песчаный’, олон., урал., алт., сиб. *песьяный* ‘песчаный’, перм. *песьянка* ‘съедобный гриб из рода сыроежек’ («*Песьянки*, они растут на песчаном месте»), костром. *песьян* ‘несъедобный гриб’, свердл., том. *песинка* ‘песчинка’ [СРНГ 26: 302, 305, 325]. Длительная активность апеллятивов с суф. *-(j)ан-* на Русском Северо-Западе и Севере подтверждается немалым количеством географических названий на *Песьян-*, *Песян-*, таких как старописьменные новг. *Песьянское*, *Песьянцово* — сел. в пог. Никольский в Дорке и пог. Никольский в Забережье Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 134, 467] (для второго не исключается опосредование личн. *Песьянць* < апел.), *Песянки* место в ближних окрестностях Новгорода [НОС 7: 134], а за пределами изучаемой новгородской территории — геогр. *Песьянка* р. в Нижнем Почье [Смол. ГБО: 218] + рр. в Чердынском, Кунгурском, Оханском, Соликамском у. Пермской губ., в Котельническом и Сарапульском у. Вятской губ., *Песьянец* порог на р. Водла в Пудожском у. Олонечкой губ. [Vasm. WRG III: 645], оронимы *Песьянка* (пять раз) и *Песьяница* в Заонежье [Муллонен 2008: 65]. В целом такого рода сев.-рус., ср.-урал., сиб. лексические факты, подкрепляемые топонимией, имеют начальный локус распространения в древнеславянских говорах Новгородской земли, где наиболее заметно сосредоточение географических названий на *Пес-*во всем их разнообразии. Вообще с областью средневековых пятин Великого Новгорода связана, пожалуй, наибольшая во всей Славии концентрация архаических дериватов от бессуфиксального **pěs-*.

Некоторые из таких названий уверенно предполагают исходным обозначение песка **пѣсь* или **песь* (с твердой согласной *с*, ср. *пéсовый*, *песóвый*, геогр. *Песанка*), другие же подразумевают морфологический вариант **пѣсь* или **песь*, оформленный по типу основ на **-ї* (со смягченной *с*, ср. *песьяный*, *песьяный*, геогр. *Песьянка*, *Песянки*). Этот, второй, вариант апеллятива, подвергшись прямой, неморфологической гидронимизации, превратился в название крупной реки на северо-востоке Новгородской земли — *Песь*, 145 км, п. пр. Чагоды, л. пр. Мологи, л. пр. Волги (позднее гидроним был перенесен на селение, см. *Песь* — село и дер. Песск. Хв.). Река упоминается в Ген. меж. 1780-х гг. («озеро Ракитно <...> вытекает из онога река *Песь*», по [КГарн]), а впервые под 1564 г. — как *Песь* или *Песье* — писцовой книгой Беж. пят. при описании пунктов Спасского Молодиленского пог.: «Да Неридицкого-жь монастыря деревень отхожая пашня <...> въ острову за рекою за *Песью* <...> ихъ же отхожие пожни по реки по *Песьи* по обе стороны» [НПК VI: 1068]. Еще более раннее, но косвенное ее упоминание — через адъектив *пѣсьяньскыи* — содержит новг. бер. гр. № 698, датированная 70—80-ми гг. XIV в., которая сообщает

о раздаче посадничьим людям земли у р. Песь: «Гахоне твои землю *пѣсьяньскую* роздавале посадничимо» [Зализняк 2004: 607—608, 790]. Адъектив *пѣсьяньскыи* свидетельствует о раннем облике гидронима *Пѣсь*, но скорее отсылает не прямо к гидрониму, а к кагойкониму **пѣсьяне*, обозначению жителей по р. Песь. Другое речное название *Песь* (или *Песья*), возможно, такой же этимологии локализуется на Русском Севере: оно связано с рекой (и там же сел. *Песь*) в Мезенском у. Архангельской губ. [Vasm. WRG III: 645].

Новгородский гидроним *Песь* весьма любопытен, кроме того, в аспекте соотнесения его с гидронимом *Лидь*, территориально смежным и семантически идентичным. Река *Лидь* впадает в Чагоду слева, с севера, почти напротив р. *Песь*, впадающей с юга (расхождение устьев этих рек по карте не превышает 10 км). Геогр. *Лидь* (исторически *Ледь*, вепс. *Lid, Led*), отраженное также в названиях прибрежного сц. *Ледь*, оз. *Лидское / Ледское*, вепс. *Ledjär'v* [Шилов 1999а: 93], возводится к вепс. *led* 'песок' [Йоланд 1990: 57] и, следовательно, обнаруживает с сопредельным слав. *Песь* не только семантическое, но и деривационное тождество, коль скоро в обоих случаях наблюдается прямая гидронимизация апеллятива со значением 'песок'. Такое сходство не кажется случайным, а если так, то причина возникновения геогр. *Песь* раскрывается двояко. Это речное название может быть старой славянской метонимической калькой субстратного приоб.-фин. (вепс.) гидронима (случаи калькирования названий близлежащих рек одного бассейна на Новгородской земле хорошо известны), либо данные гидронимы связаны только на уровне общих реалий, совместно указывая на песчаный ландшафт, характерный для русел двух рек одного микрорайона. В любом случае *Лидь* и *Песь*, являясь дославянским и славянским топонимическими архаизмами, этимологически удостоверяют друг друга.

Новгородские писцовые книги XV—XVI вв. в соответственных названиях (учитывая и множество тех, которые содержат суф. *-ьк-*, типа *Пески, Песчан* и т. п., см. ниже) фиксируют почти везде букву «е», а не «ѣ»; последняя скорее бы предполагала гласную ѣ, как в праслав. **рѣськъ*, серб. *pijesak*, укр. *пісок*, болг. *пясък*, польск. *piasek* и др. Вообще, по наблюдениям С. Б. Бернштейна, в древнерусской письменности северного происхождения часто встречается написание *песокъ*, показывающее гласную е нормальной ступени, тогда как ступень продления ѣ характеризовала южные древнерусские говоры [Бернштейн 1974: 47]. Однако, что касается региона Новгородской земли, топонимия отражает по меньшей мере двойственность огласовки данной основы. Так, рассмотренные выше средневековые, конца XV—XVI в., написания *Песно, Песница, Запесенье* и др. могут отсылать к варианту апеллятивной основы *песън-*, но и *пѣсьн-* (> *пес(е)н-*). Такие новгородские гидронимы, как *Писенка* л. пр. Ладожки, л. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 38] (рядом с этой речкой карта 1-й пол. XIX в. показывает село *Пески*, бывшее центром средневекового Федоровского Песоцкого пог. Вод. пят. [Неволин 1853: 123]) и *Писенка* п. пр. Лынны, л. пр. Сяси, р. в оз. Ладожское в отношении огласовки более показательны: они предполагают исходной апеллятивную основу

пѣсьн- (> *пис(е)н-*)¹¹¹, как и самая ранняя фиксация словоформы «*пѣсьянескую*» в новг. бер. гр. 2-й пол. XIV в., см. выше. Судя по всему, в регионе Новгородской земли так же, как и везде в Славии, изначально было *пѣс-* (= праслав. **rěs-*), но здесь фонема *ѣ* утрачивалась в этом корне очень рано, уже в XV в. преобразовавшись в фонемы *e* или *и*. Раннее преобразование *пѣс-* > *пис-*, похоже, обусловило появление отдельных названий песчаных мест с элементом *Пис-* также и на путях древненовгородского продвижения на северо-восток, см., например, геогр. *Письяницы*, *Письяха* в Заонежье, приведенные И. И. Муллонен [2008: 16, 65].

О фонетическом изменении корня *пѣс-* > *пис-* свидетельствуют, кроме того, многие новгородские топонимы, мотивированные суффиксальным (с суф. *-ѣк-*) обозначением песка. Таков лимноним *Писоиня* оз. в басс. Мсты со стоком в оз. Хвошино и особенно интересные для оценки хронологии данного изменения (не позднее XV в.) геогр. *Писковно* оз. в Ситенском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 579], = *Пискомле* под 1551 г. («А угодыя в озерах: в озере во Ждене, в озере в *Пискомле*, в озере в Гусине») [ПKNЗ 5: 145], *Писково* дер. Никольского в Смердынях пог., *Писков Бобыха* поч. Спасского во Млеве пог., возможно, и *Писцево* дер. Никольского Молдинского пог., все по книге Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 284, 352, 457]. Ср. проявляемые в основном средневековой топонимией региона тождественные непродуктивные структуры с адъективными суффиксами *-ов-*, *-ев-* (< *-jov-*), *-ив-*, но с отражением вариантного *песк-/пѣск-/песч-* (< *пѣськ-*). Среди таких структур название дер. *Пескова* и рядом дер. *В Пѣсковѣ* около 1495 г. в Холмском пог. Дер. пят. [НПК II: 866, 870], отмеченных как сц. *Песково* в межевых материалах конца XVIII в. [ИАДП I: 285] и как дер. *Пскова* по спискам селений 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 15207] (последний вариант отражает вторичное сближение с гидронимией *Пскова*, подр. о которой см. в гл. 9). Имеется еще *Пескова* дер. Взглядск. Вол. (в нач. XX в. — *Песково* дер. Виленской вол. Ст.-Рус. у. [СНМНГ III: 24—25], иные сведения не найдены); по книгам Шел. пят. известны *Песчи́ва*, иначе *Пеци́вая*, дер. Коростынского пог. под 1499 и 1524 гг., *Пеци́вая*, иначе *Песчи́вая*, дер. Дегожского пог. 1576 г., *Песчиви́чи* дер. Ясенского пог. 1524 г., *Песцеви́ца* дер. Жедрицкого пог. 1539 г. [НПК V: 378, 393, 411, 643, 644; IV: 519] (последнее с отражением диалектного цоканья). На сопредельных территориях таковы пск. геогр. *Песчеви́ца* пуст. по писцовой книге 1585—1587 гг. (сегодня — *Песчиви́ца* поле в Печорском р-не Пск. обл.) [Никитин 1962а: 105], *Песчи́ва* р. в бывшем Себежском у. Витебской губ. [Vasm. WRG III: 645], из апеллятивов — диал. *песчѣви́ца* ‘песчаное место’ (Медвежьегорский р-н Карелии) [СРГК 4: 489], *песчеви́на* ‘песчаный бугор’ (Киров.) [СРНГ 26: 325]. В свою очередь соответствия к средневековым

¹¹¹ Рассмотрение новг. *Писенка*, *Писсенка* как балтизмов, в одном ряду с др.-прус. речными именами *Pissa*, *Pissen*, лит. *Pisa*, с лтш. апел. *pisa* ‘топкое болото’, ‘трясина’ (см. [Топоров 1995: 30]) несостоятельно прежде всего в виду ареала: эти новгородские гидронимы локализируются в Южном Приладожье, где балтийские языковые следы крайне сомнительны. В геогр. *Писсенка* удвоение «сс» имеет орфографический характер, как и в новг. *Спасс*, *Русса*, *Оссия* (см.).

новг. *Писковно*, *Пескова* и т. п. хорошо представлены в более южных и восточных областях, ср. *Песков*, *Песковка*, *Песковской*, рр. в среднем и верхнем течении Оки [Смол. ГБО: 65, 115, 151, 160], наряду с укр. диал. *піскова*, *пісковина* ‘низменное песчаное место’ [Марусенко 1968: 242], *пісковник* ‘песчаный берег’, ‘песчаная насыпь у реки’ [Черепанова 1984: 165], рус. диал. *песко́вый* и *песково́й* в разных сочетаниях (*песковая борозда*, *песковый лов*, *песковая сижга* и др.) в некоторых говорах Сибири и по течению р. Урал [СРНГ 26: 303]. Ср. еще зап.-слав. параллели: польск. названия озер *Piaskowe*, в басс. Одры и Вислы, *Piaskowa Woda* в басс. Вислы [НО: 293, НВ: 383], наряду с польск. апел. *piaskowy*, чеш. *pískový* ‘песчаный’. Все перечисленные отадективные дериваты в современной лексике на территории Новгородской земли уже не прослеживаются.

Основное же место как в средневековой, так и (особенно) в современной топонимии, мотивированной обозначением песка, занимают названия селений, водоемов, урочищ и угодий с общерусскими адективными основами *песчан-* и *песочн-*, см. в НПК геогр. *Песочна*, *Песочно*, *Песчан*, *Песчанка*, *Песчаница*, *Пещанка*, *Пещаницкая* и т. п., некоторые из них многократно повторяются. Особые, непродуктивные в регионе дериваты с суф. *-ин-* репрезентированы новг. **Песчино** оз. в Луж. у. 2-й пол. XIX в. [Vasm. WRG III: 645], **Песчинка** оз. со стоком в р. *Песчинка* в верховьях Пола + р. в оз. Стерж басс. Волги, ср. диал. *песчина* ‘песок’ (Южн. Горьк.) [СРНГ 26: 325]¹¹².

Плюс-, Плес-, Плос-, Плис- и др.

Плюсса л. пр. Нарвы, р. в Балтийское море, одна из крупных рек на Русском Северо-Западе, многократно упоминаемая в писцовой документации по Шел. пят. XV—XVII вв. как р. *Плюса*, см. прежде всего [НПК IV: 93, 102, 123, 125; V: 16, 21, 127, 333 и след.; ПКНЗ 1: 143; 6: 6, 26, 70, 118, 198; КБЧ: 154, 156]. Течет из озера со средневековым названием *Плюсо*, локализуемого в бывшем Которском пог. Шел. пят. [НПК IV: 112, 114], рядом с которым отмечена с 1498 г. дер. *Заплюсье* [Там же: 85], существующая по сей день (значится немного восточнее оз. *Плюсо*, которое со временем стало именоваться так же, как и деревня, — *Заплюсье* [Андрияшев 1914: 145]); по реке получила название дер. *Плюса* Хмерского пог. 1498 и 1550/51 гг. [НПК IV: 119, 128, 129; V: 125; ПКНЗ 6: 26], сегодня это гор. *Плюсса* в Пск. обл.

Плюсса п. пр. Большого Тудра, п. пр. Куньи, п. пр. Ловати, впадает у дер. Устье в Холм. р-не, исторических сведений нет.

Плюса, или *Плёсо*, дер. в Хоромской вол. Бор. у. по МОЗУ 1914 г. [КГарн], согласно [СНМНГ VI: 126—127], — дер. *Плесо* на рр. Мста и Солоница.

¹¹² От топонимов типа *Пески*, *Песок* на новгородской территории образуется прилагательное *песо́цкий* с относительным значением, используемое в речевом обиходе (к нему восходит, в частности, новг. фамилия *Песоцкий*).

Кроме того, писцовая книга Вод. пят. 1568 г. сообщает о средневековом геогр. *Плюсна* где-то в Заверьяжье под Новгородом: «...По Веряже реке полста сажен, а на третью сторону до броду до *Плюсны* семсот сажен...», по [Селин 2003: 105, прим. 13].

Вненовгородские топонимические соответствия чаще встречаются в Белоруссии и на прилегающих к ней территориях: пск. *Плюсно* оз. в истоках р. Великой, блр. *Плюссы* / *Плюсы* (польск. *Plusy* по спискам XIX в.), сел. и оз. близ границ Витебской обл. и Литвы в бывшем Александровском у. Каунасской губ. (озеро, похоже, называли еще и *Плисса*, см. [Шульгач 1998: 215]), *Плюсино* оз. в Лютинском у. Витебской губ., *Плюсна* (польск. *Plusna*) л. пр. Орессы басс. Припяти в Бобруйском у. Минской губ., *Плюсна* (*Плеснец*) п. пр. Ивота басс. Десны в Севском у. Орловской губ. [Vasm. WRG III: 695], *Плюсцэ* болото в Малоритском р-не Брестской обл. [Мікратапанімія: 194] и неподалеку *Плюсце* дер. в западном Полесье, польск. *Pluso* для водоема в Минской губ. [Агеева 1989: 161], р. *Плюсна* и, вероятно, р. *Плюсеевка* (и на ней дер. *Плесеєвка*) в Верхнем и Среднем Поочье [Смол. ГБО: 57, 168], геогр. *Plusin* в Латгалии [Zeps 1984: 384], *Plusiński Potok* и *Plusno*, водоемы в басс. Вислы [HW: 386; Górniewicz 1985b: 125].

Случаи гидронимической вариантности (*Плюса* — вар. *Плёсо*, *Плюсна* — вар. *Плеснец*, *Плюсеевка* — вар. *Плесеєвка*, *Плюссы* — вар. *Плисса*) можно дополнить вариантностью *плюс-/плес-* на апеллятивном уровне; ср. диал. *плюса* ‘большой участок луга, поля’ («Где же такую *плюсу* косить» Клин. Моск., 1910) [СРНГ 27: 170], которое семантически приравнивается к диал. *плёса* ‘участок, полоса земли’ (Новосиб.) [Там же: 113]. Такие факты уже сами по себе позволяют этимологически сблизить новг. гидроним *Плюса*, позднее — *Плюсса*, и прочие соответственные названия на *Плюс-* с хорошо известной у восточных и западных славян водной терминологией на *плес-* и на *плис-*. Если среди родственных вариантных основ *плюс-/плес-/плис-* первая сохранилась лишь фрагментарно, то вторая проявляется весьма полно, судя по общерус. *плёс* ‘широкое водное пространство’, польск. *pleso* ‘озеро’, чеш. ‘глубокое место в реке’, ‘горное озеро’ и т. п. терминам, отложившимся, кроме того, в многочисленной топонимии (обильные сведения есть в [Там же: 112—113; Мурз. СНГТ 2: 125—126; Толстой 1969: 202—206]). Только на территории Новг. обл. термины *плёс*, *плёсо*, *плесяна*, будучи почти везде характерными и частотными, записаны более чем в двух десятках слабо расчленяемых значений, среди которых главные: ‘широкое место в реке, озере’, ‘место в реке со спокойным, тихим течением’, ‘песчаное место у реки’, ‘часть реки, озера, глубоко вдающаяся в сушу’, ‘глубокое место в реке, озере’ [НОС 7: 148—150]¹¹³. Что касается

¹¹³ Повсеместность присутствия данных терминов в современных новгородских говорах плохо согласуется с фактом более ограниченного проявления их в материале новгородской ойконимии и гидронимии, исторической и современной. Так, описания селений XV—XVI вв. отмечают лишь три дер. *Плесо* (в Деманском, Борковском и Холмском пог. Дер. пят.), поч. *Плесное* в Офремовском пог., дер. *Плесна* и *Плесенка-Подлинье* в Щепецком пог. Шел. пят. [НПК I:

вариантной основы *плис-*, то она более редка и архаична, едва прослеживается в современной новгородской лексике (см. *плисовый* ‘обитающий в водах на плесе’ в Дем., Ост. р-нах [Селигер 4: 388]) и проявляется в др.-новг. термине *плисина* из бер. гр. № 390 (посл. треть XIII в.), семантически равном рус. диал. *плесина* ‘плес’ [Зализняк 2004: 507—508, 778]¹¹⁴, в др.-рус. *плись* ‘плес, колено реки от одной луки до другой’: «Полво ручьемъ внизъ три *плиса*; да съ третьяго *плиса* на Игнуву ниву» (из обводной межевой записи 1391 г.) [Срезн. МСДРЯ II: 966]. Вблизи Ивангорода писцовая книга 1570/71 г. отметила место на реке (или у реки) Нарвы с названием *Плисное Ломище* («Нарове подле старыя мелницы намесничя в *Плисном Ломище*») [ПКНЗ 6: 131], произведенном от термина *плиса*. Вместе с тем весьма вероятно, что в геогр. *Плисное Ломище* отразился незафиксированный вар. *Плиса* названия р. Плюсса, которая впадает в р. Нарву как раз вблизи Ивангорода. В Белоруссии имеется диал. *плиса*, синоним к *плёсо*, со значением ‘прямой участок русла реки’, ‘спокойный участок течения реки или водоема, с ровным дном; участок, свободный от водной растительности’ (ср. блр. *не выходзь на плісу* — ‘не выходи на открытую воду’) [Жучкевич 1974: 140, 292], отраженный и в ряде гидронимов преимущественно белорусского ареала: *Плисса* оз. в районе Полоцка на Витебщине [Шульгач 1998: 215], *Плиса* / *Плисса* (по летописи также — *Плеса*¹¹⁵) п. пр. Березины, *Плиса* л. пр. Бобра, л. пр. Березины, *Плиса* р. басс. Десны. Эти верхнеднепровские гидронимы вместе с *Plisa* р. среди притоков Немана, *Плиса* оз. на Витебщине были предположительно отнесены к балтизмам [Топоров, Трубачев 1962: 202], но сегодня не осталось сомнений в их генетической соотнесенности с вост.-слав. терминологией *плесь*, *плись*, *плиса*.

529; II: 591, 835, 861; IV: 349; V: 445, 464]. Такое положение дел без сомнения обусловлено тем, что преимущественная сфера онимизации данной терминологии в прошлом и в настоящем — это сфера микропонимии; ср. многочисленную микропонимию на базе термина *плес*, представленную в [НОС 7: 150]. К рассматриваемой топонимии следует отнести и ойконим *Плос* в вол. Забережье на Мологе Беж. пят. 1551 г. [НПК VI: 784], если видеть за ним специфическую передачу формы *Плѣс*, вызванную неупорядоченностью графики в период перехода *e > o*. Подобного рода написания без отражения мягкости согласной *л* перед *e (> o)* встречаются, к примеру, в материале новгородской берестяной письменности (ср. хотя бы «*рублво*» из берестяной грамоты № 256 2-й пол. XIV в. [Зализняк 2004: 639]).

¹¹⁴ Большое количество географических названий, содержащихся в бер. гр. № 390, позволили исследователям (А. И. Попов, А. А. Коновалов, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, И. Ю. Анкудинов и др.) локализовать местность, о которой идет речь в данном документе: это микрорайон, находящийся в нескольких десятках километров от восточного побережья Ильменя в междуречье Мсты и нижнего течения Холовы (на территории бывшего Холовского пог. Дер. пят.). По современным диалектным данным, термин *плисина* на обозначенной территории не зафиксирован, а содержащий его топоним («*Дорогуне Плисина*») из этой грамоты остался без соотнесения с конкретным географическим объектом; подр. см. [Анкудинов 2000: 123—132].

¹¹⁵ О вариантном гидрониме *Плиса* (*Плеса*), относящемся, как считается, к притоку Березины, сообщает Новг. 1-я летопись под 1140 г.: «Якуна яша на *Плисе*» (по Син. сп.), но ср. в Ком. сп.: «Якуна яша на *Плесе*» [НПЛ 26: 211].

Мена огласовок *e//y//i* свойственна не только изложенной топонимии и терминологии, но и созвучным корням иной лексики: др.-рус. *плесна* и *плюсна* ‘нижняя часть стопы’, *плескъ* и *плюскъ*, *плюсканье* ‘шум от удара, плеск’, *плескати*, *плюскати* ‘хлопать в ладони; хлопать крыльями’ и *плюскати* ‘плескаться, брызгать’, ‘производить шум, чмокать, чавкать’ [СлРЯ XI—XVII 15: 88, 113], рус. диал. (сиб.) *плёска* ‘жаворонок’ и *пліска* ‘трясогузка’, ‘птица семейства дятловых’, новг. *плеснѹть* и *пліснѹть* ‘ударить’, *плескѹть* и смол. *пліскать* ‘плескаться’, ‘хлопать в ладоши’ [СРНГ 27: 114, 116, 139, 171], наряду с *плескѹть*, новг. *пліоскаться* ‘мытьяся’ [НОС 7: 159], наряду с *плескѹтьяся*, болг. *плѣсна* и *пліосна* ‘хлопаю’, чеш. *pleskati* и *plískati*, *pluskati* ‘шлепать; плескаться’, польск. *pleskot* и *plusk* ‘плеск’, ст.-слав. *плюскъ* и *плиштъ* ‘шум’ [Фасм. ЭСРЯ III: 279, 289] и др.

Таким образом, возведение названия р. *Плюс(с)а* на Русском Северо-Западе к древнебалтийскому языковому источнику, а именно к лит. *pliūšis*, *pliūškis* ‘тростник’, сближение этого гидронима с прус. геогр. *Pluszekaym*, *Pluske*, лит. *Plaušėlis*, *Plaušinė*, *Plaišmirkis* и др., лтш. *Plaušupe*, *Plauš-up*, *Plauš-valks*, латг. *Plaušīnīki* и т. п. [Топоров 1995: 19; 2001: 18], не убеждает на фоне многочисленных собственно славянских апеллятивных и проприальных проявлений вариантности *плес-/плюс-/плис-* (праслав. *ples-/pl-us-/plis-*). Удвоение «сс» в новг. геогр. *Плюсса* (как и в *Плюссы*, *Плисса*) носит поздний характер: оно закрепилось сначала на письме в 1-й пол. XIX столетия в соответствии с орфографическими предпочтениями того времени, сложившимися под влиянием массового наплыва заимствованных слов с удвоенными согласными (см. то же в ойконимии *Русса*, *Оссия* Новг. обл., *Снас* Пск. обл. и др.).

В семантико-этимологический контекст с архаическим гидронимом *Плюсса* входят еще новг. гидронимы *Плиско*, *Плеска*, *На Плеску*, *Пскова*, *Псижа* (см. их подр. рассмотрение в гл. 8). Если исходить из этимологического тождества праслав. основ *ples-/plesk-*, *plis-/plisk-*, то рядом с новг. геогр. *Плюс(с)а* и другими названиями на *Плюс-* следует, по-видимому, трактовать в качестве славянской и такую гидронимию, локализованную за пределами Новгородской земли, как *Плюсква* р. басс. Сейма, польск. *Pluskawa*, *Pluskawka*, *Pluskówka*, *Pluskwianka*, рр. в басс. Вислы [НВ: 385], *Pluskowskie* оз. [Leuding 1959: 206, 201]. В. Н. Топоров [1995: 30] все эти названия, наряду с *Плюсса*, считает балтизмами. В отдаленной этимологической ретроспективе к кругу данной терминологии и топонимии принадлежат также новгородские гидрографические термины-эндемики, зафиксированные только в южных окрестностях оз. Ильмень, в пределах Ст-Рус. и Вол. р-нов. Таковы *плюха* ‘заводь, преимущественно с застойной водой’ (Большой Ужин Ст-Рус., Взвэд Ст-Рус., там же, близ Взвада, фиксируется геогр. **Васькина** *Плюха* заводь), *пліюшка* ‘то же’ (Ручьи Вол.), *плюшина* ‘болотистое место с зарослями мелкоколесья’ (Славитино Вол.) [Строгова 1991: 95—96; НОС 7: 160]. Народные сравнения *плюхи* с *плесом*, прослеживаемые по иллюстративному материалу словаря, подчеркивают их семантическую близость: «*Плѣсо* в реки — чистое место, а *плюха* — заводь, вроде ляжины», и, с другой стороны: «*Плюшка* у реки, *плюшка* — *плѣсо* у реки» [НОС 7: 160]. Новг. *плюха*, являющееся дериватом диал. глагола

плюхатъ ‘лить, проливать; плескаться’ (Пск., Осташ. Твер.) [СРНГ 27: 172], отражает экспрессивный вариант основы *pl'usk-*, соотносимый с *plesk-/plьsk-/plisk-*; ср. чеш. *pluskati* ‘плескаться’, польск. *plusk* ‘плеск’, *pluskać* ‘плескаться’, серб. *пљускати* ‘то же’, наряду с рус. диал. *плюца́тъ* ‘плескать, брызгать’, от которого производно ворон. *плюца* ‘лужа’ [Там же: 173], деривационно и семантически наиболее близкое к новг. *плюха*. Экспрессивное изменение *sk > x* в праслав. **pliskati/*plixati* рассматривалось в работе Ж. Ж. Варбот [1980: 29—31]. Встречается изменение и *ples- > plex-*, ср. блр. диал. *плек* — то же, что *плёсо* ‘место на поле, где вымокают посевы’ [СГПЗБ: 4, 11].

Похон-, Прохон-, Прихон-, Охон-, Хон-, Захон- и др.

Похонь дер. к востоку от р. ц. Струги-Красные Пск. обл., ранее — дер. *Похонька* на руч. Макеевец во 2-й пол. XIX в. [ВТКЗверст], отождествляется со средневековой *Похоня* дер. Боротенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 73, 75]. По писцовой документации известна также пара дер. **Похоня** в соседнем с Боротенским Которском пог. 1498 г. [НПК VI: 97]; позднее эти пункты исчезли, на месте одного из них карта XIX в. показывает ур. *Похонька* на рч. *Похонька*, л. пр. Плюссы (по [Шан. РЛЮ: 352] — *Пахонька*), юго-восточнее дер. Малые Лъзи, см. [Андрияшев 1914: 147]. Один из перечисленных пунктов отмечен как дер. *Пахонь* 3-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 128]. Еще одной вероятной новг. межтерриториальной параллелью является **Похеня** (= *Похоня?*, ударение на последнем слоге) — название луга в Валд. р-не [НОС 8: 159]. За пределами Новгородской земли соответственным названием является старописьменное *Похона* (*Пыхона*, *Пыхонь*) р. в верховьях Клязьмы, известное в Московском у. по писцовым книгам Московского государства XVI в. [Смол. ГБО: 197].

Наиболее достоверное объяснение данных топонимов достигается сближением с основой адъектива *походьн(ыи)* (ср. совр. *походный*), произведенного от др.-рус. глагола *походити*, рус. *походить*. Речь должна идти о лексикализации хорошо известного в западнорусских говорах фонетического процесса *дн > нн*, сопровождаемого дальнейшим сокращением *нн > н* в исходе лексемы. Геогр. *Похонь*, *Похоня* показывают результат фонетического сращения корня *ход-* с суф. *-н-*, причем нужно исходить из того, что фонема *ь* на стыке морфем (*-дън-*) не проявилась в *e*, а оказалась утраченной. Закрепление этого фонетического изменения скорее происходило еще на стадии апеллятивов, мотивировавших такие названия. Среди апеллятивных коррелятов следует указать новг. диал. *пóхонь* в идиоматическом сочетании *ветер в пóхонь* — ‘ветер с запада, со стороны озера Ильмень’: «А мокрик (ветер) маленько поозернее, в *пóхонь*. С горы всё голодной ветер, рыбы с его никогда нету. Гора — тамotka у нас озера нету, а это озерный бок», Ст-Рус. р-н [НОС 8: 161]. Форма *пóхонь* безусловно преобразована из **походнь*, ср. семантически равные или близкие выражения *пóходный ветер* пск. ‘ветер, дующий по ходу рыбы (в основном угря); ветер от озера’, арх. ‘попутный

ветер', *ветер в по́ходь* 'по ходу движения, по пути кого-л., чего-л.' наряду с *по́ходь* 'попутный ветер; попутное течение' и др. [СРНГ 30: 358—359]. При этом, разумеется, топонимы *По́хонь*, *По́хоня*, имеющие в исходе адъектив типа **похон(ьи)* (< *походьн(ьи)*), вовсе не обязательно осмыслять по отношению к озерному или попутному ветру. Дериваты на базе префиксального глагола *походить* развили и другие значения (см. семантически разнообразный материал о диал. *походный*, *походня* и др., собранный в [Там же: 357—359]), которые могли быть использованы для топонимической номинации.

Важно подчеркнуть, что данные новг. названия, как и их вероятный апеллятивный источник — диал. **похон(ьи)*, с точки зрения фонетических преобразований не уникальны, но входят в ряд топонимических и лексических фактов преимущественно северо-западного распространения, закрепивших аналогичное изменение и различающихся префиксами при общем корне *ход-*.

Такое же сращение корня *ход-* с суф. *-н-* показывает равноструктурная топонима с преф. *про-*. Ее манифестируют названия двух новгородских средневековых пунктов Обон. пят.: *Про́хона* дер. Мытенского пог. и *Про́хное*, прикрепленное к починку, поставленному неподалеку, в соседнем Пречистенском пог. в Деревях; оба пункта, указанные писцовой книгой 1564 г., были во владении Горнецкого монастыря [ПКНЗ 2: 136—137, 151]. Один из этих пунктов продолжился в дер. *Про́хново* на оз. Горбатицком в Межниковской вол. Кр. у. по спискам нач. XX в. [СНМНГ IV: 68—69]. Средневековые геогр. *Про́хона* и *Про́хное* (< *Про́хное*) осмысляются путем сближения с др.-рус. *проходьн(ьи)*, далее с *проходь*, *проходити* и явно указывают на местоположение поименованных селений у проходов через сенокосные угодья (полосы). Столь конкретизированный вывод позволяет сделать текст документа, содержащего описание этих пунктов и прилегающей к ним округи: «Да в Мытенском погосте на Вишере пожня у *прохода* Угловая, сена косят 60 копен. (...) Да через другую полосу *перешед* сена косят 40 копен. К деревне к *Про́хной* сена косят на речке на Вишере в болотах в Мытенском погосте от Обуйских полос через Папоротцкую полосу *прошед* Линото полоса, сена косят полпятадесят копен» [ПКНЗ 2: 136—137]. К новгородским ойконимам *Про́хона*, *Про́х(о)ное* добавляется еще блр. гидроним *Про́хоница* р. в оз. Орехи в Оршанском у. Могилевской губ. [Vasm. WRG III: 798], который, отражая старую основу *проходьн-* (**Про́ходьн(ица)*), очевидно, являлся маркером речного пути, «прохода» из одного водоема в другой. Среди равноосновных апеллятивов известны диал. *про́хоный* 'редкий, негустой, рыхлый, пористый' (Курск., Южн., Зап., Орл., Брян., Смол.), 'вкусный' (Пск., Осташ. Твер.), *про́хонó* 'редко', 'прохладно, свежо' (Твер.) [СРНГ 33: 35], хотя, в отличие от географических названий, диал. лексемы кажутся семантически далекими от прил. *проходьныйи*, сохранявшего исходную глагольную семантику движения, ср. рус. *проходной*. Это смысловое расхождение можно объяснить тем, что рус. диал. *про́хоный*, *про́хонó* хотя и возникли благодаря давней лексикализации фонетического изменения *дн > нн > н* (из *проходьн(ьи)*), но контаминировались с диал. *про́хоный* 'редкий, негустой' 'рыхлый, пористый', 'жид-

кий, тонкий, непрочный’, *прохóво* ‘прохладно, свежо, довольно холодно’ [СРНГ 33: 28], превратившись в их междиалектные синонимические эквиваленты.

В свою очередь, закрепившая изменение *дн > нн > н* основа адъектива *приходьн(ьн)* (> совр. *приходный*) отразилась в новг. геогр. **Прихон**, прикрепленном к нескольким близлежащим деревням Западного Приильменя неподалеку от р. ц. Шимск Новг. обл.: дер. *Верхний Прихон-1*, *Верхний Прихон-2* и *Нижний Прихон*, все на р. Мшаге, л. пр. Шелони, в Медведском с/п; в нач. XX в. они числились в Медведской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 40—43]. Опять же в Новг. у., но уже в среднем течении Волхова, списки селений нач. XX в. отмечают дер. **Прихонь** (иначе — *Графская Слобода*, бывшее владение графа Аракчеева) в Грузинской вол. при рч. Ваула [Там же: 22—23]. Средневековые сведения об этих пунктах не выявлены. Вероятным соответственным названием за пределами Новгородской земли является *Приханцы Малые* дер. на р. Устя под Ельней Смоленской губ. 2-й пол. XIX в. [Vasm. RGN VII 2: 391] (из **Прихонцы* благодаря аканью).

Название дер. **Охона** на р. Меглинка в Пест. р-не, ранее — села, центра Охонской вол. Уст. у. [СНМНГ VIII: 70—71], коррелирует с моск. *охóнный* ‘безнравственный, плохой, дурной’, которое становится понятнее ввиду диал. *охóд* ‘лентяй’ (Перм.), ‘задний проход’ (Пск., Осташ. Твер., Север., Вост.), ‘задняя часть тела, зад’ (Вят., Костром., Нижегород.) и т. п. [СРНГ 25: 43, 45], либо с пск. *охóный* ‘изъявляющий желание, готовность к чему-либо, охочий’ (Холм.) [Там же: 45]. Ср. еще название *Охоння* л. пр. Серёжи, п. пр. Куньи, п. пр. Ловати, текущего из оз. *Охоння* (но в [Шан. РЛЮ: 144] — *Охотня*), в бывшем Торопецком у. Впрочем, гидроним *Охоння*, как и пск. *охóный*, показывают скорее сращение суф. *-н-* с корнем *хот-*, а не *ход-*, т. е. обнаруживают связь с прил. *охотьн(ьн)*, совр. *охотный*.

С прил. *въсходьн(ьн)*, глаголом *въсходити* (< *в(о)сходный*, *всходить*) соотносятся несколько старописьменных ойконимов, локализованных у южных границ Шел. пят. и отмеченных писцовой книгой Торопецкой земли 1540/41 г.: *Всхонье* («люди с села со *Всхонье*»), или, с искажением, — *Всвохонье* («В Старцовой ж волости село *Всвохонье* на реке на Вергле, а перевара *Всхонская*»); *Всхоное* («на селище на *Всхоном* места дворовые пусты») в этой же Старцовой вол.; *Всхоная Лука* дер. в Лаширской переваре Торопецкой вол. [ПКНЗ 4: 564, 577, 580, 584]. Материал показывает, что последний из этих ойконимов явно был закреплен по названию озерного мыса — луки *Восходная* на оз. Язце, находившейся как раз в этой местности, см.: «Да Николского ж монастыря (<...> в Лаширской переваре и в озере в Язце *лука Восходная* да *лука Тина* да *лук Реница*» [Там же: 510]. Скорее всего, писец XVI столетия уже не ощущал никакой семантической связи геогр. *Всхонье* с апел. *в(о)сходный* (< *въсходьн(ьн)*), коль скоро допускал искажения типа *Всвохонье*.

В связи с лексикализацией фонетического процесса *дн > нн > н* получает оптимальное, на мой взгляд, объяснение один из известных московских городских топонимов — *Выхино* (ст. *Выхино* Рязанского направления Московской ж. д.; метро «*Выхино*»; р-н *Выхино-Жулебино* на юго-востоке Москвы). По спискам селений

1862 г. здесь значилась дер. *Выхонь* (*Выхино*), по документации 1645 г. — дер. Стафурово, а *Выхино* тож, причем ойконим *Выхино* была получен по названию смежной рч. *Выхонь*, упоминаемой в этом же документе XVII в. [Поспелов 1999: 155]. Дальнейшая этимологизация гидронима заводила исследователей в тупик, однако если элемент *-хонь* трактовать как продукт модификации *-ходн-*, то геогр. *Выхонь* достоверно объясняется из внутриславянских языковых ресурсов: из формы **Выходнь*, первоначально обозначавшей реку, по которой суда выходили, т. е. спускались вниз до Москвы-реки. Аналогичная структурная модель гидронима в Подмоскowie прослеживается в названии р. *Сходня*, п. пр. Москвы, которое имеет засвидетельствованные исторические варианты, различающиеся меной префиксов, — *Всходня*, *Входня* и *Выходня*. Расхождение вариантов убедительно трактуют движением судов вверх и вниз по этой реке, связывавшей Москву с Владимиром и Суздалем: суда либо поднимались, «всходили» до волока на Клязьму, либо в обратном направлении спускались, «выходили» от волока до р. Москвы [Там же: 128].

Предложенное объяснение геогр. *Выхонь* получает фактическую поддержку в новг. *вѣхонѣц* в значении ‘тот, кто ведет себя не так, как следует; выродок’ (Дем. Покровское) [Селигер 1: 161]. Смысловая связь с адъективной основой *выходьн-* здесь вполне ощутима: *вѣхонѣц* — ‘тот, кто *выходит* (за общепринятые нормы поведения)’, ср. *выходка*.

В диалектной лексике элемент *хон-* (<*ходн-*) представлен также в образованиях с преф. *на-*, *от-*. Новг. диал. *нахонь* собир. ‘посторонние люди, не местные’: «Ходит всякая *нахонь*» (о парнях в общежитии — Дем.) [НОС 6: 25] деривационно соотносится с др.-рус. *находьн(ыи)*, *находити*. Собир. *нахонь* эксплицирует понятие о случайно приходящих людях и ближайше соотносится с новг. *находно* ‘изредка, от случая к случаю’ (Новг. р-н — [Там же]). Формой *отходный* (<*отъходьн(ыи)*) объяснимо пск., твер. *отхоный* ‘отходчивый’ [СРНГ 24: 357], новг. ‘незлобивый, добрый, не помнящий зла’, исходная глагольная семантика которого отчетливо проявляется в иллюстративных контекстах: «Вспылит человек, злой, а потом отойдет. Коля-то у них *отхоный*»; «*Отхоный*, это человек рассердился и отошел»; «*Отхоный*, отходчивый человек, быстро обиду забывает» [НОС 7: 62]. Новг., пск., смол. *отхоный* ‘отлогий, покатый’ [Там же; СРНГ 24: 357] указывает на берег, который постепенно отходит от воды, т. е. пологий. Многозначность глагола *отходить* способна привести к энантиосемии производных образований: так, арх. *отходный* означает не ‘добрый’ или ‘отходчивый’, а ‘вспыльчивый, горячий’, смол. *отходный берег* — это уже не ‘пологий’, а, напротив, ‘крутой берег’ [СРНГ 24: 355] (который круто отходит от воды); вместе с тем семантическая поляризация диал. *отхоный* и *отходный* отражает не только изначальную связь, но и в наиболее явном виде расхождение данных лексем. Сиб. (забайкал., иркут.) *отхон*, *отхонек*, *отхончик* ‘младший ребенок в семье’, ‘последний ребенок в семье’, *отхонка* ‘младшая дочь в семье’ манифестируют понятие о законченности, содержащееся в семантической структуре глагола *отходить* и его дериватов; ср. в забайкальских же говорах *отходничать* ‘завершать, кончить что-либо делать’, *отходничанье* ‘завершение,

конец какого-либо дела' [СРНГ 24: 355, 357]. Нельзя при этом не обратить внимания на структурно-деривационное тождество новг. геогр. *Прихѡн* и забайкал., иркут. *отхѡн*: обе лексемы, похоже, выступают субстантивами отглагольных прилагательных в именной др.-рус. форме.

Возможно, такой же этимологии корневой элемент *хон-* содержится в словоформе *Хоня* («*Хоня* жена») из новг. бер. гр. № 112 конца XII — 1230 гг. По А. А. Зализняку, *Хоня* можно считать притяжательным прилагательным от незасвидетельствованного личн. *Хонь* (по тексту грамоты — '*Хонова* (жена)') либо, с учетом др.-новг. перехода *мл' > н'*, возводить к форме прил. *Хомля* — от христ. *Хома* (*Фома*); тогда соответствующее место в тексте грамоты переводится как 'Фомина (жена)' [Зализняк 2004: 443—444]. На мой взгляд, предпочтительнее вести речь о личн. **Хонь* (или **Хоня*)¹¹⁶, от которого были образованы и средневековое новг. название *Хониха* нивы и починка в пог. Никольском в Слезкине Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 547, 561], и новг. патроним *Хонев*, см. *Хоневы* Тимофей и Иван, помещики в Островском пог. Дер. пят., 1542/43 г. [ПКНЗ 4: 438, 440]. Личн. **Хонь* (**Хоня*), в свою очередь, могло фонетически обособиться из более ранней формы **Ходнь* или **Ходня* (< **Ходьнь*, **Ходьня*), которая удостоверяется ст.-рус. фиксациями *Ходнев*, *Ходневич* (Иван Алексеев сын *Ходнев*, смольнянин, рейтар 1681 г.; Федор *Ходневич*, судья в Стародубе 1669 г. [Туп. СДЛСИ: 807], *Ходневы* 1624 г. [Вес. Он.: 340]), находящихся в кругу иных др.-слав. личных имен от **chod-*: др.-рус. *Ходко*, *Ходыка*, *Ходырь*, *Хода*, *Ходута*, *Ходына*, болг. *Ходин*, *Ходина*, серб. *Ходина*, польск. *Chodula*, *Chodko*, чеш. *Chodata*, *Chod* и т. п. (подр. о них см. при анализе геогр. *Ходыни*). Надо полагать, диал. (пск., твер.) *хоня* 'ротозей' выступает совр. аппеллятивным продолжением др.-новг. личн. **Хонь* (**Хоня*), вопреки Фасмеру, видевшему в диал. *хоня* уменьшительное от *Ховронья*, *Февронья* [Фасм. ЭСРЯ IV: 261]¹¹⁷.

Присутствие словоформы *Хоня* в берестяной письменности рубежа XII—XIII вв. удостоверяет древность случаев изменения *дн > нн > н* в русских говорах Северо-Запада, которое стало спорадически возможным сразу после падения редуцированных гласных. Действительно, обнаружение лексем, охарактеризованных этой чертой, в исторической топонимии (с XV в.) и диалектной лексике Северо-Запада и далеко за его пределами, в том числе проникновение в говоры

¹¹⁶ Более подробную аргументацию см. в работе [Васильев 2008б: 138—139].

¹¹⁷ Еще одним (новым) проявлением этого обозначения является новг. *хоня*: «*Хоня* ты бестолковая, цып-цып-цып, а не идешь» (Тихв.) [СРГК 6: 732]. Впрочем, применительно к современным фактам вполне конкурентоспособным оказывается возведение к личн. *Хоня* (< (*А*)*фоня*) как усечению от *Афанасий*. Выявлен целый спектр коннотаций, присущих различным вариантам этого календарного имени, в том числе такие сходные характеризующие смыслы, как 'простофиля; ротозей; неудачник' (ср. наряду с пск. *хоня* также пск. *понас* 'лентяй, увалень; невежа, ротозей' [Доп.: 199; Даль ТСЖВЯ 3: 283], Краснояр. *афоня* *малохольный* 'неудачник, горемыка' [СРНГ 17: 319]), подр. в [Березович 2007: 359—391]. Что же касается весьма ранней, др.-новг. словоформы *Хоня* конца XII в., возможность ее трактовки на базе современных вариантов календарного *Афанасий* не выглядит убедительной.

поздних территорий заселения (забайкал., иркут. *отхон* и т. п.), значительный семантический отрыв апеллятивов с корневым элементом *хон-* от дериватов, объединяемых элементом *ход-*, предполагает вероятность их обособления начиная с древнерусского времени.

Условия для появления элемента *хон-* (< *ходн-*, а ранее *ходьн-*) в рассмотренных онимах и апеллятивах складывались тогда, когда гласная *ь*, разделявшая согласные на стыке корня и суффикса, имела слабую фонетическую позицию и утрачивалась. Внешне структура ряда лексем действительно отражает слабое фонетическое положение для бывшей гласной *ь* (*Прохона*, *Прох(о)ное*, *Похоня*, *Всхоное*, *Охона*, *отхоный* и др.), хотя не исключает и сильную позицию *ь*, как в *Похонь*, *Выхонь*, *пóхонь*, *на́хонь*. Однако в сильном положении *ь* прояснялась в *е* (*-дьн-* > *-ден-*), что исключало ассимиляцию. Поэтому в таких случаях следует учесть мену сильной и слабой позиций для *ь* в сочетании *-дьн-* в зависимости от принадлежности одних и тех же основ к разным классам родственных слов, их способности перемещаться из одного класса в другой. Лексемы, оканчивающиеся на согласную (*Прихон*, *пóхонь*, *на́хонь* и др.) в качестве исходных скорее всего имели полные формы адъективов: **прихоньи*, **похоньи*, **нахоньи* (< **приходьнии*, **походьнии*, **находьнии*), либо иногда отадъективные формы существительных на гласную типа **похоня*, **нахоня* (< **походья*, **находья*), — и обоих случаях редуцированная утрачивалась фонетически закономерно. Если др.-рус. личн. **Ходьн* закономерно изменялось в *Ходень*, то иной морфологический вариант этого имени — **Ходья* — мог стать источником др.-новг. *Хоня*.

Упрощение *дн* > *нн* > *н*, носящее ассимилятивный характер, устойчиво закреплялось на стыке суф. *-н-* не только с корнем *ход-*, но и с другими корнями. Так, старые сочетания *водьн-*, *падьн-*, *бродьн-*, *кадьн-* порой предстают переоформленными в виде *вон-/вон'-*, *пан-/пан'-*, *брон-/брон'-*, *кан-/кан'-* в структуре ряда апеллятивов и топонимов (диал. *завонь*, *пóвонь*, *запань*, *óвынь*, геогр. *Каний* и др., подр. см. [Васильев 2008б: 138, 140—144]).

Совершенно иное происхождение имеет корневой элемент *хон-* в тополексе *Захонье*, которая связана с десятками мест в западной части новгородского пятинного деления (см. карту 11). Эта тополекса многократно повторяется в современной ойконимии Пск., Новг. и Лен. обл., максимально — в северной и северо-восточной частях Псковщины. По современным данным, только в Пск. обл. она прикреплена к десяти селениям: дер. *Аленино-Захонье* и *Черное-Захонье* Порх. р-на, дер. *Большое Захонье* и *Малое Захонье* в Пл. р-не, две дер. *Захонье* в Гд. р-не (Добрученская и Плесновская вол.), по одной дер. *Захонье* приходится на Дн., Дед., а также на Палкинский и Бежаницкий р-ны. Среди псковской гидронимии известны *Захонье* п. пр. Хмельки, л. пр. Судомы, л. пр. Шелони (у дер. *Захонье* близ Дедовичей) и *Захоньский* л. пр. Щаглы, л. пр. Плюсы [Шан. РЛЛО: 334]. Три ойконима приходится на западную часть Новг. обл.: пара дер. *Захонье* в Сол. р-не и одна дер. *Захонье* в Шим. р-не, неподалеку от них есть рч. *Законка* (из **Захонка*), л. пр. Ситни, л. пр. Шелони. В западных р-нах Лен. обл. известны близлежащие

дер. *Захонье-I* и *Захонье-II* неподалеку от Кингисеппа и по одной дер. *Захонье* в окрестностях р. ц. Луга и Волосово. На юге Волос. р-на, на участке между рр. Лемовжей и Врудой, впадающими в р. Лугу, находится болото *Захонский Мох*.

Но еще более многочисленны рассматриваемые названия в средневековой документации XV—XVI вв., описывающей западные пятины Великого Новгорода. На территории Вод. пят. писцовые книги около 1500 г. отмечают сц. *Захонье* в Покровском Озерецком пог. 1500 г. [НПК III: 719] (= совр. одноименной деревне у пос. Волосово), дер. *Давыдово Захонье* и *Захонье* в Ямском околородье (по-видимому, на месте совр. дер. *Захонье-I* под Кингисеппом), две дер. *Захонье* в Егорьевском Радчинском пог. (к северо-востоку от Ивангорода и Ямы) и в Богородицком Дягиленском пог. (западнее совр. Гатчины), дер. *Захонье* в Васильевском Ровдужском пог. (севернее Петербурга), по [Там же: 944, 956; ПКВод 12: 94, 95, 96]; источники XIX—XX столетий этих двух пунктов, по-видимому, уже не знают. Богатейший материал по тополексеме *Захонье* дают писцовые книги Шел. пят. В целом в эпоху XV—XVI вв. по различным погостам этой пятины значилось до 40 деревень, селений и урочищ, носивших соответственные названия, до настоящего времени, однако, сохранилось значительно меньшее их число. В окрестностях Ивангорода была дер. *Захание* 1498 г., по писцовой книге 1571 г. — *Заханье Ноугородово*, или *Захонье Ноугородае*, *Захонье Ноугородское* [НПК III: 891; IV: 230; V: 567, 568; ПKNЗ 6: 139], по писцовой книге Ижорской земли — дер. *Sahonie* [Андрияшев 1914: 446]; ее можно отождествить, по-видимому, с совр. дер. *Захонье-II* у Кингисеппа. Кроме того, у посада Ивангорода, по данным Андрияшева [1914: 447; ПKNЗ 6: 135], стояла некогда дер. *Захонье Ефимовское*. К Ямскому околородью под 1571 г. причислялись дер. *Захонье* и *Захонье Кирьяново* [НПК V: 439, 440; Андрияшев 1914: 454], с последней явно идентифицируется совр. *Кирьямо* дер. в Кинг. р-не. Дер. *Захонье* Петровского пог., бывшая за Успенским монастырем в городке Яма, документируется первый раз под 1571 г. [Там же: 440]; сегодня она под этим же названием сохраняется в Луж. р-не на р. Саба. Деревни, именуемые *Захонье*, были в соседивших друг с другом погостах Шел. пят.: Карачунском, Болчинском, Пажеревичском, Славятинском, Боротенском, Дремяцком, — все они прослежены также по материалам XIX—XX вв., относящимся к территории Пск. губ. и Пск. обл. В Илеменском пог., согласно НПК, было сразу три дер. *Захонье*, к нач. XX в. отмечена одна из них в южной части бывшего погоста, а на месте еще одной деревни значилась пустошь на р. Люте. В Которском пог. числились две дер. *Захонье*; по поздним материалам одна из них стала известна как дер. *Захонье-Турова* на р. Плюссе, вторая — как ус. *Захонье* у оз. *Захонское*. В Бельском пог. были две деревни с этим названием, одна из них, согласно Андрияшеву, сохранялась до конца XVIII в. В Щепецком и Щирском пог. тоже были две дер. *Захонье*, которые со временем превратились в одноименные пустоши, указанные межевыми материалами 1780-х гг. Дер. *Захонье*, бывшая в Хмерском пог., прослеживается до нач. XX в. (в списках нач. XX в. — *Заханка* на р. Черной). В Логовещском пог. со средневековой дер. *Захонье* А. М. Андрияшев соотнес сел. *Большое Захонье* и

Малое Захонье у р. Курья, известные по спискам конца XIX — нач. XX в.; здесь же в конце XVIII в. значилась еще пустошь такого же имени. Геогр. *Захонье*, бывшее наименованием целой местности, принадлежало некогда Прибужскому пог. (к нач. XX в. о средневековой местности «*Захонии*», где находились дер. Давыдовщина, Шипина Гора, починок Стешов, оз. Орехово, напоминал лишь руч. *Законский*, или *Захоньский*, среди притоков Плюссы, указанный списком Д. Ф. Шанько, см. выше). Дер. *Законско* фиксируется в Илеменском пог., где современные гидрографические материалы указывают только рч. *Законка* басс. Шелони, см. выше. К средневековым сел. *Захонье*, о которых скорее уже после XVI в. нет никаких упоминаний, относятся деревни в таких погостах Шел. пят., как Скнятинский, Сутоцкий, Никольский на Шелони, Быстреевский, Михайловский на Полоной (в последнем описывались и деревня, и починок), Любынский (были и деревня, и пустошь), Смолинский (была дер., иначе именовавшаяся *Донец-Захонье*), дер. *Захонье* отмечалась и в Порховском околородье. Кроме того, поздние письменные фиксации не обнаружены применительно к дер. *Маклоченское Захонье* на территории Щепецкого пог., к ур. *Захоньеце-Прудница* и дер. *Захонья Кобыльья* Лядского пог., к дер. *Захонье Менишее* Пажеревичского пог., к ур. *Берешинское Захонье* Быстреевского пог., к поч. *Захонье-Сучек* Щепецкого пог. (Сведения о перечисленной исторической ойконимии Шел. пят. в основном даны по источникам: [НПК IV: 106, 114, 117, 294, 299, 371, 394, 411, 433; V: 54, 74, 78, 92, 95, 101, 109, 126, 162, 169, 171, 173, 181, 184, 191, 265, 313, 367, 440, 469, 470, 486, 493, 495, 538, 559, 565, 579, 598, 607, 608, 627, 658, 662; ПКНЗ 6: 51, 102, 104, 118, 135, 137, 142, 199; Андрияшев 1914: 42, 52, 53, 58, 65, 76, 95, 97, 99, 115, 116, 132, 149, 151, 160, 177 прил., 200, 206, 207, 208, 213, 214, 269, 285 прил., 306, 317, 337, 346, 388, 400, 416, 446, 447, 454]). За границами Шелонской и Водской пятин отмечено лишь селище *Захонье* в Пиросском пог. Дер. пят. 1551 г. [ПКНЗ 5: 195], о котором более поздних сообщений нет.

Исключительно высокая степень повторяемости, сама структура на *-ье*, позволяют говорить о *Захонье* как об изначальном топографическом термине, закрепившемся в топонимической функции. Все такие топонимы прикреплены к незначительным сельским населенным пунктам, иногда к речкам и болотам, но сам исходный термин отсутствует в собраниях диалектной лексики Русского Северо-Запада и не объясним на апеллятивном материале современных говоров. Форма *Захонье* интересна прежде всего тем, что проявляет одну из фонетических черт древних псковских и новгородских говоров, а именно переход *ml' > n'*. Безусловно справедлива мысль о том, что она имеет в качестве прототипа форму *захълмье*, т. е. 'место за холмом', в которой произошла ранняя, до возникновения второго полногласия, метатеза согласных *л* и *м*, сделавшая возможным отмеченный фонетический переход: **захълмье > *захъмлье > Захонье* [НГБ 1984—1989: 203—204; Зализняк 2004: 77]. Топонимический ареал *Захонье* ограничен почти исключительно бассейнами трех рек: Луги, Плюссы, особенно Шелони, — это та территория, на которой диал. переход *ml' > n'* и другие специфические древнелесковско-новгородские черты наиболее ожидаемы. Данное фонетическое изменение в форме *Захонье* оказалось лексикализован-

ным, а сама она концентрированно и устойчиво закрепились за многими локусами в весьма ограниченном ареале. Новгородские и псковские говоры давно забыли апеллятивную семантику этого слова ('место за холмом'), о чем сигнализируют также и сами исторические варианты *Законка*, *Законский*, *Законско* (из *Захонка*, *Захонский*, *Захонско*), окончательно потерявшие формальную связь со словом *холм*. В других местах Новгородской земли исходный др.-рус. апеллятив **захълмье* проявил себя в топонимическом качестве без метатезы и преобразования консонантной группы, но с эффектом второго полногласия или без него; ср. средневековые *Захоломье* и *Захоломье Другое*, названия пожен в устье р. Полы, относившихся к Устьянскому пог. Дер. пят. 1560/61—1561/62 гг. [ПКНЗ 5: 340], или *Захольмие* и *Захольмье Остратиша* тож, селения в Покровском Удомельском пог. Беж. пят. 1551 г. [НПК VI: 809]. Писцовая книга Шел. пят. 1539 г. указывает еще деревню в пог. Рождественском на устье Северы, именовавшуюся *Захольные*, «а по старому писму *Заховье*» [НПК IV: 286]. Не исключено, что перед нами два неточно записанных варианта общей исходной формы **Захълмье*: первый вариант отражает рефлекс второго полногласия (*Захоломье* или *Захольные*), второй — переход *ml' > n'* (*Захонье*, переданное в искаженном виде *Заховье*).

По структуре и употреблению тополексема *Захонье* аналогична ойконимам-ориентирам *Залесье*, *Загорье*, *Заречье*, *Заполье*, *Залядье* и т. п. Лексемы этой деривационной модели (с «топографической семантикой» ориентации, а не характеристики места) обыкновенно обнаруживаются в топонимической функции, повторяясь во множестве локусов, в апеллятивном же использовании они встречаются редко, за исключением тех случаев, когда они развивают, наряду с ориентационно-топографической, дополнительную качественную семантику (ср., например, *заболотье* 'место за болотом', но и 'сырое место, заболоченное место'). Наверно, поэтому апеллятив *захонье* не выявлен в местных говорах и ожидать его вряд ли стоит, поскольку сфера использования этого слова — топонимия.

Прост-

Прость л. пр. Волхова под Новгородом, разделяет Юрьевский монастырь и Перынский скит. Речка указана в жалованной грамоте князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю 1134 г. при описании границ пожалованных земельных владений: «А заводъ той земли отъ Юрьевской ораницы *Простью* вверхъ, и съ *Прости* возлѣ Ушьковскую ораницу по верхней сторонѣ да направо въ логъ...» [ГВНП: 141, гр. 82]. Жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича, датируемая тем же 1134 г.¹¹⁸, тоже упоминает данный гидроним: «...велѣлъ если учинити между (<...>) от пути на горки, да въ *Прость*» [Там же: 139, № 79]. По сообщению В. П. Строговой [1991: 105], в наши дни *Простью* называют канаву, протоку, вырытую между дер. Старое Ракомо и бывшей дер. Запростье

¹¹⁸ Датировки этих двух грамот даны по [Янин 1990: 136—137].

(*Запростье* — ‘место за *Простью*’) в северной части Ильменского Поозерья, эта канава представляет собой продолжение бывшего русла р. *Прость*, в настоящее время практически исчезнувшей.

Вторая новгородская рч. *Прость* (или *Прости*, по [Пылаев 1929: 22]) локализуется у юго-западного берега оз. Ильмень; она является одной из протоков в разветвленной дельте Ловати неподалеку от дер. Взвяд: «Мерёжи стоят по *Прости* по хвостовой» [НОС 9: 50], обозначена также на плане Взвядского пог., см. [Чернов 1985].

Вненовгородские межтерриториальные параллели нередки в разных частях восточнославянского пространства: *Прость* п. пр. Березины в Борисовском у. Минской губ. + рукав в дельте Шешмы и оз. близ устья р. Зай в Прикамье, *Прост* пр. Кичуя, п. пр. Шешмы в Прикамье + рукав Вычегды в Яренском у. Вологодской губ., *Прости* оз. в басс. Ветлуги в Макарьевском у. Нижегородской губ. + оз. близ р. Камы в Уфимской губ. + оз. в Брянском у., *Простинка* р. в верховьях Днепра в Смоленской губ., *Простянка* л. пр. Свислочи в басс. Березины + р. в Орловском у. Вятской губ. [Vasm. WRG III: 794—795], *Прость* р. в Среднем Поочье и оз. в Нижнем Поочье, наряду с поочскими гидронимами *Прост*, *Просто*, *Простой*, *Простянка*, *Простянской* [Смол. ГБО: 41, 147, 162, 195, 196, 224, 227, 248], *Большая Прость*, *Белозерская Прость*, *Ведягинская Прость* — протоки в системе оз. Кенозеро Архангельской обл. [Топ. Кеноз.: 21], укр. *Прість* рукав Припяти [СГУ: 448], *Прусь* оз. в Ровенской обл., *Прість* руч. в басс. Стыри, *Прість* и *Запрість* — болота в Ровенской и Волынской обл. [Шульгач 1998: 225], блр. *Просць* бухта в басс. Горыни в Столинском р-не Брестской обл. [Яшк. БГН: 153] и *Прасці* сенокосный луг в Докшицком р-не Витебской обл. [Мікратапанімія: 199], *Прость* дер. неподалеку от Рязани + дер. на руч. Ситка Духовщинского у. Смоленской губ. [Vasm. RGN VII 2: 408].

Апеллятивные данные тоже восточнославянские: *прость* ‘прямой, мелководный проток’ (Киров., Костром.), ‘канал’ (Волог.), ‘старое заросшее русло реки’ (Кадн. Волог.) [СРНГ 32: 241, 257], блр. *просць* ‘часть реки’ (Слуцк.), *простка* ‘ход реки по течению’, ‘протока, которая прорывает намытый перешеек’ (басс. Днепра) [Яшк. БГН: 153], ‘узкое место в речке’ (Туров.) [ТС 4: 229], укр. *прость* ‘прямой мелководный проток между рукавами реки или рекой и рукавом’ на Припяти [Мурз. СНГТ 2: 153], бойковск. *prist* ‘глубокая вода в речке или ручье’ [Jurkowski 1971: 71], *prіst*’, уменьш. *prісточка* ‘течение воды на болоте’ (Пинщина), *prіc’и*’, *простенка* ‘омут’ в надднестровских говорах; к укр.-блр. ареалу примыкает польск. диал. *prość* ‘проток’ [Толстой 1969: 211]. На новгородско-псковской территории данный термин, очевидно, давно уже забыт, по собраниям диалектной лексики XIX—XXI вв. он не прослеживается.

Н. И. Толстой [Там же] справедливо полагает, что водный термин *прость* первоначально бытовал в качестве коммуникационного, ср. рус. диал. *прость*, южн. *простѣц* ‘прямой путь, прямая дорога, прямь, ближний путь’ [Даль ТСЖВЯ 3: 513]. Действительно, название рч. *Прость* под Новгородом, известное с XII в., безусловно отсылает именно к «путевому» смыслу исходного апеллятива: эта реч-

ка, соединявшая рр. Волхов и Веряжу, играла определенную роль в системе водных путей в окрестностях средневекового Новгорода.

В отадекватном деривате *прость* реализовалось значение слова-мотиватора — др.-рус. *прость*, *простыи* 'прямой' [Фасм. ЭСРЯ III: 380].

ПРУС-, ПРУСЫН-

Пруская ул. Софийской стороны Великого Новгорода; впервые указана летописью в связи с голодом 1230 г.: «И постави скуделницу у святыхъ Апостоль, въ ямѣ, на *Просьской* улицѣ» [НПЛ: 70, 277], еще раньше, в 1215, 1219, 1220 гг., упомянуты *прусы*, *пруси* — жители Прусской улицы [Там же: 54, 58, 60, 253, 259, 262], согласно [ПСРЛ 16: 49] — *прушане*. Позднее улица и ее население постоянно фигурируют в летописях: [НПЛ: 92, 326, 332, 351, 361, 362, 384, 397, 398, 407—409, 446, 460, 507; НЛ: 10, 23, 29, 32, 41, 43, 47, 75, 186, 203, 209, 213, 234, 247, 249, 250, 257, 259, 264, 275, 354]. Историки, начиная с Н. И. Костомарова [1863: 6], охотно обращались к названию *Прусской* ул., справедливо сопоставляя его с наименованием западнобалтийского народа *прусы*¹¹⁹. Впрочем конкретно-исторические причины и условия появления пруссов в далеком от их земель Новгороде остаются дискуссионными. Писали, в частности, о беглых пруссах: «...Новгород, вероятно, стал для многих беглецов убежищем и новым Отечеством, вследствие чего одна из улиц уже с XII в. носила название *Прусской*» [Аничков 1916а: 6], указывали на то, что исчезновение в Самбии к сер. XII в. дружины пруссов вполне сопоставляется с появлением в Новгороде *Прусской* улицы [Кулаков 1985: 37—39]. О *Прусской* ул. как свидетельстве непосредственных прусских контактов с Новгородом писали К. Сляский [Ślaski 1963: 10] и М. Х. Алешковский [1974: 102]. Наиболее обоснованно подошел к данному вопросу Е. Антонец, посвятивший проблеме *Прусской* ул. отдельные статьи [Antonewicz 1965: 7—25; Антонец 1972: 258—259]. Автор рассматривает топоним в контексте всей «*пруской*» топонимии Новгородской земли, видя связь подобных названий с торговым путем Рижский залив — Новгород. По его мнению, *Пруская* ул. в Новгороде возникла в период наибольшего экономического и политического развития Пруссии за несколько десятков лет до прибытия в земли пруссов немецкого Ордена. В это время Самбия и другие племенные территории пруссов переживали расцвет. Изделия балтийского ремесла обнаруживаются в Новгороде и в Киеве, и, наоборот, ряд предметов роскоши Киевской и Новгородской земель встречается на племенных территориях пруссов, литовцев и латышей [Антонец 1972: 258].

Какие бы ни были конкретно-исторические условия появления *Прусской* ул., само это название, датируемое нач. XIII в., имеет существенную значимость для этноисто-

¹¹⁹ К числу исследовательских курьезов нужно отнести версию И. А. Зайцева и И. И. Кушнера [1975: 38], сопоставляющих *Прусскую* ул. с именами *Поруссия* (земля, лежащая на западной границе Киевской Руси) или *порусы* — славянское племя в Поруссии. Это некорректно не только исторически, но и лингвистически: отсутствует причина выпадения исконной *o*.

рии, поскольку остается бесспорно одним из самых ранних «пруских» этнопонимов на восточнославянской территории, отражая этноним в его исконном, западнобалтийском понимании. В сущности, это название закрепилось еще до нач. XIII в., возможно, в веке XII-м или даже в XI-м. Под 1175 г. летопись отмечает церкви святого Михаила, святого Якова и святого Вознесения, располагавшиеся вдоль Прусской ул. [НПЛ: 34], но, судя по другим топографическим особенностям, улица существовала и тянулась «от реки в поле» еще до расширения Детинца в 1116 г., а летописная форма *пруси* в 1215 г. предстает уже давно утратившей всякий этнонимический смысл, превратившейся в катойконимическое наименование уличан. Таким образом, древнейшие свидетельства о рассматриваемом урбанониме, находящемся на северо-восточном фланге прусского этнопонимического ареала, по существу синхронны самым ранним свидетельствам образований от этнонима *прусы* к западу и югу от исконной Пруссии: геогр. *Pruski* на территории Восточной Германии (зафиксировано в 1184 г.) и геогр. *Prusi* 1078 и 1160 г. в Моравии [Непокупный 1976: 94—96]. На новгородской территории «пруские» ойконимы встречаются неоднократно, но хронология их появления, а иногда этимология и семантика не столь определенны. Так, если геогр. **Прусское** дер. Млевского пог. Дер. пят. 1495 г. (= пуст. *Прусское* Вышн. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 206]) показывает связь с этнонимом *прусы*, то название дер. **Прусское-Кирилово**, или *Прусско*, сц. Офремовского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК I: 133; IV: 353, 354] может отсылать к первичной форме *Прудско(е)* ввиду того, что пункт идентифицирован [Андрияшев 1914: 246] с дер. *Прудск* вблизи оз. *Прудское* XIX в. (сегодня здесь ур. *Прудск* у оз. *Прудское* Под. р-на)¹²⁰. Не ясна средневековая история совр. дер. **Прусско** Уторгошск. Шим. вблизи болота *Прусский Мох* (= дер. *Пруска* 3-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 126]). По писцово-документации XV—XVI вв. еще известны дер. **Прусы** Хмерского пог. 1498 г. и дер. **Прусы**, позднее *Пруса*, Карачунского пог. Шел. пят. 1498 и 1576 гг. [НПК V: 122, 269, 588] (они приравняются к совр. дер. *Прусси* близ р. ц. Плюсса и *Пруссы* южнее Порхова Пск. обл.), дер. **Прус** Еглинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 869] (= пуст. *Прусы* Валд. у. к концу XVIII в. [ИАДП 1: 158], сегодня здесь оз. *Пруса* басс. Побы), дер. **Запрусье** Ужинского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 357], сел. или водоем **Прус** в Быстреевском пог. Шел. пят. 1571 г.: «...Къ Игаеву, и къ Курску, и къ Прусу, и къ устью» [НПК V: 481]. К геогр. *Прус* Быстреевского пог., похоже, имеет деривационное отношение название дер. **Прусово** под 1498 и 1571 гг. [Там же: 134, 478], = *Прусино*, или *Прусово*, дер. на рч. *Прусинка* во 2-й пол. XIX в. [Андрияшев 1914: 70]. Средневековое геогр. **Прусово** для дер. Ужинского пог. Дер. пят. 1495 г., дер. Покровского Удомельского пог. Беж. пят. 1545 г. и дер. в вол. Коства в Михайловском пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК I: 361; VI: 276, 388; ПКНЗ 5: 161], судя по характеру деривации, скорее образовано от личн. *Прусь* деэтнонимного происхождения, нежели от собственно этнонима. Действительно, такое личное имя было хорошо известно в Новгородской земле как раз в ранний период, о чем свидетельствует берестяная письменность: грамота № 439 (стратиграфическая дата 1190—1200-е гг.), где речь идет, по всей видимости, о купце

¹²⁰ Разумеется, нельзя окончательно исключать вмешательства «народной этимологии».

по имени *Прусь*, и грамота 38 из Старой Руссы (50—80-е гг. XII в.), в которой фигурирует *Прусоя* — жена *Пруса*, см. подр. [Зализняк 2004: 436, 456]. За пределами исторической Новгородской земли многочисленная топонимия с основой *Прус-* встречается в основном на территории Белоруссии и Украины, но отдельные ойконимы локализируются далеко на востоке — на широте Москвы: *Прусово* дер. в районе гор. Торжок и Белый, *Пруссово*, а сегодня *Прусихово*, в Жарковском р-не Твер. обл. [Воробьев 2005: 320], *Прусово* дер. в Калязинском у. Твер. губ., *Пруссы* дер. близ подмосковной Коломны + дер. на р. Уча в Московском у. [Vasm. RGN VII 2: 423—425].

Название дер. *Прусунья* у рч. *Прусунья*, п. пр. Волхова, в окрестностях Новой Ладogi Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. (сегодня — дер. *Прусунья* и *Прусунская Горка* Прусуньогорск. Волх.) отсылает не к *прусь*, а к форме этнонима или антропонима, осложненной суф. *-ин-*, — *прусинь*, *Прусинь*; ср. др.-рус. этноним *прусинь* в Ипатьевской летописи («он же бяше *Проусинь* родомъ» [ПСРЛ II: 886]) или ст.-рус. личн. *Прусин Иван*, сокольник в Переяславле, 1507 г. [Вес. Он.: 260]. От *прусинь* геогр. *Прусунья* образовалась путем йотово-посессивной деривации. Г. П. Смолицкая [2002: 274] мотивирует новг. геогр. *Прусунья* тем, что эта деревня якобы принадлежала жителям Прусской ул. в Новгороде, однако конкретно-исторические и лингвистические основания для такой трактовки отсутствуют.

ПШАГ-, ПШЕН-, МШЕН-, ВШЕН-, ПШЕВ-, ПХОВ-, ВШЕР-, ВШЕЛ- и др.

Пишага — средневековый вариант названия р. Мшага, л. пр. Шелони, устойчиво воспроизводимый в памятниках письменности. В новгородских летописях первое упоминание этой реки — с сер. XIV в.: «Того же лѣта прииха князь Литовьскыи Олгердь <...> и ста в Шелонѣ, на устьи *Пишаги* рѣкы», 1346 г. [НПЛ: 358]; согласно [НЛ: 221]: «на устьи *Пишаги* рѣки». Об этой же реке говорится в рядной грамоте 60—70-х гг. XV в.: «А потомъ не вступатся Матфѣю в Федорову землю <...>ни на *Пишаги* в болшемъ дворѣ...» (далее перечисляются селения в Илеменском и Струпинском пог. Шел. пят., см. [ГВНП: 181, гр. 122; Янин 1990: 228—229]. О селениях на реке «на *Пишагѣ*» Струпинского и Сутоцкого пог. (дер. Селивестрово и Слоновая) сообщают новгородские писцовые книги 1498 и 1552—1553 гг. [НПК IV: 558, 5, 33]; в книге 1539 г. указаны дер. Фалкова и Красница «на *Пишажскѣ*» в Свинорецком пог. [НПК IV: 510], сегодня — это *Мшажка*, п. пр. Мшаги. Немецкий путешественник Сигизмунд Герберштейн в 1517 г. записал гидроним в виде *Pscheга* [Герберштейн 2008: 618]¹²¹. Вариант *Мшага* появляется впервые при опи-

¹²¹ Приток Шелони — реку *Pscheга* (= совр. *Мшага*) близ сел. *Dwerenbutig*, о которой сообщает С. Герберштейн, современные интерпретаторы средневекового текста ошибочно отождествили с р. *Пишогжа* в Среднем Поволжье (= совр. *Пчѣвжа*, п. пр. Волхова), см. [Герберштейн 2008: 619]. Указанное рядом селение *Dwerenbutig* (или *Dhernbuting*), которое осталось не идентифицированным, — не что иное, как сел. *Теребутик*; оно дано списками селений 1907 г.

сании Голинского пог. Шел. пят. в 1-й пол. XVI в., когда упоминаются «Усолицы *Новые Соли со Мшаги*» [НПК V: 387], затем обнаруживается в записях шведского путешественника Андерса Траны 1655 г. (р. *Msaga*) [Дн. А. Траны: 26, 27]. Со временем этот вариант становится преобладающим и в конце концов единственно возможным: материалы XIX—XX вв. знают только р. *Мшага*. На ней при впадении в Шелонь сегодня стоит пара смежных дер. *Мшага Ямская* и *Мшага Воскресенская* Борск. Шим., которые в нач. XX в. значились сёлами *Мшага (Воскресенская сторона)* и *Мшага (Староямская слобода)* Шимской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 110—111]¹²².

Вторая новгородская р. *Мшага*, п. пр Мсты близи ее впадения в оз. Ильмень, тоже известна средневековым источникам как *Пишага*. В купчей грамоте Есифа Ивановича на землю по р. Вишере 60—70-х гг. XV в. среди топонимов, определяющих границы земельного участка, сообщается, в частности, следующее: «от верховья Борового ручья направо дрянъ во *Пишаскую вѣть* в ручей, а по ручью внизъ ко *Пишаги*» [ГВНП: 175, гр. 116; Янин 1990: 223] (*Пиша(ж)ская вѣть* — один из притоков р. Пшаги). В Оброчной книге пригородных пожен ведомства новгородского конюшего 1539/40 г. дан вариант *Пишаг*: «пожня на Мсте, Вилицы словут, у *Пишагу*» [ПКНЗ 1: 370]. Но поздние источники XIX—XXI вв. знают лишь формы *Мшага*, *Мшажка*, *Мшашка* или *Мшана* (последняя в [Судох. дор.: 149], 1855 г.); рядом с речкой есть дер. *Мшага* вблизи Новгорода, = дер. *Мшажка* с хут. *Мшага* Бронницкой вол. Новг. у. 1907 г. [СНМНГ I: 16—17].

Совр. вариант *Мшага* несложно объяснить при помощи новг. *миа́га* ‘мох’ (Вол., Бор., Новг., Парф., Сол.), ‘место где берут мох для стройки’ (Новг.), ‘сырое замшелое место на болоте’ (Под.), ‘нетопкое болото’ (Бор.), ‘труднопроходимые заросли’ (Ст-Рус., Мал.) [НОС 5: 113], ‘моховое болото’ (Чуд., Люб., Бат., Волх.) [КСРГК], *миа́га*, *омиа́га* ‘болото’ (Волос.) [Попов 1975: 190], пск. ‘болото, поросшее лесом’, ‘мшистое место в лесу’, ‘болотный островок среди сухого леса’ (Гд., Ляд., Стр-Кр., Палк., Остр.) [КПОС], *омиа́жина* ‘место, поросшее мхом’ (Пск.) [Там же]; к варианту гидронима *Мшаг* муж. р. ср. новг. *миаг* ‘мох’ [НОС 5: 112], пск. *омиа́г* ‘болото, поросшее лесом’ (Гд.) [КПОС]. Из проприальной лексики

как дер. *Теребутицы* на рч. Струпинка в Шимской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 112—113] (данный пункт исчез в 1-й пол. XX в.).

¹²² В XVI—XX вв. здесь была крупная почтовая станция (ям) на тракте из Новгорода во Псков, что объясняет появление ойконима *Мшага Ямская*; дер. *Мшага Воскресенская*, стоящая на другом берегу реки, была названа по Воскресенской церкви. Селения разрослись на месте соленого источника, первые известия о котором идут с XIV в. Первоначальный пункт на месте Мшаги Ямской назывался *Новые Соли*, или *Новая Руса (Новые Русы)* [НПК V: 387] благодаря открытию здесь соляного промысла, иначе — «*русского*» промысла, именовавшегося по гор. *Руса* (сегодня *Старая Русса*) в Южном Приильменье, где издревле добывали соль (см.). Со временем соляной промысел был заброшен, а селение стали называть по реке. В нач. XVIII в. ойконим *Мшага* был уже в ходу: «Отъ Пскова града до *Мшаги* яму так умирали, что нѣкому было мертвыхъ погребати», 1705 г. [НЛ: 461].

отмечены еще *Митина Мишага*, болото под дер. Прибуж Гд. р-на [Агеева 1989: 57], *Мишагин* Григорий, посадский человек 1685 г., Псков [Вес. Он.: 209]. Как явствует из приведенных фактов, все они имеют отчетливо региональный, новгородско-псковский, характер распространения, см. также [Герд МЭССГ 2004: 234]. В актах Соловецкого монастыря 1532, 1541, 1543, 1544, 1546 гг. фигурирует Иван Дмитриев сын *Пишага* [АСМ 1988: 44, 54, 62, 67, 68, 73], с прозвищем, дублирующем новгородские гидронимы, — не исключено, что речь идет о выходе из Приильменя, где две реки носили такое название¹²³.

А. И. Попов не уверен в связи гидронима *Мишага* с *мох*: поскольку в древнейших источниках стабилен вариант *Пишага*, «окончательно вопрос о принадлежности этого названия решать нельзя» [Попов 1981: 36]. Сомнения эти напрасны, ибо в родственных дериватах от *мох* (< **тѣхъ*) ассимилятивная мена губных *м//п* — явление, прослеживаемое по многим лексическим фактам. Особенно отчетливо эту мему показывают такие диалектные лексемы, как дон. *опиеник* ‘омшаник’ [СРДГ 2: 205], *пи́аник* ‘омшаник, зимнее помещение для пчел’ (Куйбыш.) [СРНГ 33: 182], *опи́аник* ‘теплое помещение для мелкого скота’ (Кемер.), ‘постройка для хранения продуктов’ (Влад.), ‘помещение (под сенями) для дров’ (Влад.) [СРНГ 23: 322]. Помимо геогр. *Мишага/Пишага*, структурные особенности ряда топонимов со звуко сочетанием *Пиш-* в анлауте тоже позволяют предположить производность их от терминологии мха, имеющей аналогичные суффиксальные основы. В Нижнем Помостье карта масштаба 1:50 000 отмечает ур. *Пишеницы* неподалеку от гор Валдай при том, что неподалеку, в Пиросском пог. Дер. пят., под 1495 г. значилась дер. *Мишеницы* [НПК I: 157]: оба ойконима отсылают к диал. *мишёный* ‘покрытый мхом’ или ‘утепленный мхом’, см. [СРНГ 19: 48]. Допустимо отнесение сюда же названий пожни *Пишенкина* в окрестностях Новгорода, известной по Отписной книге пригородных пожен 1536 г. [ПКНЗ I: 342], и нивы *Пишенкова* в Беж. пят. [НПК VI: 439] (= **Мишенкина*, **Мишенкова*, хотя возможна связь также с *пшенка*, *пшено*), дер. *Пушенная* 1499 г. в вол. Молдино и Удомля Беж. пят. [ПКНЗ I: 174] (= **Пушенная* из **Мишенная*?). Более очевиден гидроним *Пишевка*, или *Пишовка*, рч. в оз. Старское басс. Мологи, данный в Ген. меж. 1785-х гг. как *Пишівка* в Левочской вол. Бор. у.: «пустошь Пестово, а Свит тож (<...> речек *Пишівки* и ручья Сосновца по обеим сторонам» [КГарн]. Здесь явное фонетическое преобразование из **Мишевка* (**Мишівка*), деривата с основой *мишев-*, которую показывают, например, др.-рус. *мишевик* ‘хозяйственная постройка, оконпаченная мхом’ [СлРЯ XI—XVII 9: 326], диал. *мишевіна* ‘изба, проконопаченная мхом’ (Верхотур. Перм., Урал.) [СРНГ 19: 48]. В Молвотицкой вол. Дем. у. нач. XX в. одна из деревень называлась *Пишова Гора* [СНМНГ II: 54—55] (сегодня — село *Воскресенское* Мар. р-на); прилагательное в этом ойкониме тоже можно трактовать в связи с основой *мишев-* (< **Мишева*

¹²³ Сближение личн. *Пишага* с диал. *пышіть* ‘дышать, делать вздохи и выдохи’ (так в [Кюрушнова 2010: 448]), представляется неправомерным.

гора)¹²⁴. Из антропонимии ср. новг. фамилию *Пианский* (= *Мианский*) с основой *миан-*, которая содержится в *миáнный*, *миáнка*, *миáнина*, *миáнный* и т. п. [СРНГ 19: 46—47]. Явно к корню *мох* отходит диал. (южн.) *пши́нка* ‘растение Ranunculus Ficaria, сем. лютиковых; чистяк весенний’ [СРНГ 33: 185] (из **мишинка*): в пользу такого решения свидетельствуют, во-первых, наличие диал. *ми́йна* ‘мох’ (Арх., Олон.) [СРНГ 19: 49], во-вторых, то обстоятельство, что пшинка, как и мох, — растение сырых мест.

Топонимы с начальным сочетанием *Пиш-*, маскирующим корень *тѣш-/тѣх-* общеславянского распространения, разумеется, не исключены и в других славянских регионах. Ср. название р. *Пишевка* с притоком *Сухая Пишевка* и близлежащим сел. *Пишево* в Верхнем правобережном Поочье [Смол. ГБО: 53]. О. Н. Трубачев посвятил интерпретации этого гидронима немало строк, указал и зап.-слав. параллель — *Pšov* сел. над р. *Pšovka* (*Pshowka* в XIII в.) в Западной Чехии; отсюда пошло наименование *Pšované* древнечешского племени (в 1086 г. зафиксировано как *Pssouane*); ср. еще *Pszów* сел. на юге Польши. Справедливо возражая С. Роспону, возводившему др.-чеш. *Pšov* к исходному **plъsk-* или даже **blъsk-* ‘блистать, сиять’¹²⁵, О. Н. Трубачев видит в нем посессивный топоним на базе незафиксированного личн. **Рѣшь* с корнем **рѣх-*, **рѣш-* первичной семантики ‘толкать’ [Трубачев 1971: 14]. Такое объяснение вполне приемлемо, однако в свете имеющихся новг. фактов (ср. особенно новг. *Пишова Гора* дер., *Пишевка* р.) появляется новая возможность соотносить эти зап.-слав. ойконимы с обозначением мха. Данную версию укрепляет то, что, во-первых, в том же Верхнем правобережном Поочье, наряду со *Пишевкой* басс. Зуши, есть р. *Миевка* (исторические вар. *Мишица*, *Мишицы*) басс. Упы; во-вторых, то, что в Верхнем правобережном Поочье обнаруживается и р. *Пишонка*, протекающая не слишком далеко от оз. *Мишенское* [Смол. ГБО: 75, 69]. Весьма показательным в плане изменения *миш-* > *пиш-* является верхнепоочское геогр. *Пишара* л. пр. Оки в Калужском у. 2-й пол. XIX в. [Vasm. WRG III: 825], легко сравнимое с диал. *миáра*, обозначающим мшистые места (ср. ниже новг. *Вшера*). Не исключено, что геогр. *Пиша* (с истоком *Пишинской*, *Пишинская*) среди притоков Теши в Нижнем Поочье [Смол. ГБО: 268] продолжает раннюю форму **Миша* < **Мъша*, реальность которой удостоверяется новг. «моховым» названием озер *Омиша* в басс. Чагоды и Мсты (оба в Мош. р-не). Вместе с тем остаются не менее серьезные основания для сближения геогр. *Пиша* также с корнем *пих-/пѣх-/пѣш-* (: рус. *пихать*, *пхать*) при наличии диал. *опиша* ‘отходы при обмолоте и очистке зерна; мякина’ (Арх.), *вóпишина* ‘шелуха, кожица, остающаяся при обдирании

¹²⁴ Наименования *Пишевского* Петровского пог. в Обон. пят. и села *Пишуский Ручей*, указанные в актовом письме 1695 г. [АИ 5: 452—453, гр. 244], неславянского происхождения: они соотносятся со средневековым названием близлежащей р. *Пишевжа*, или *Пиогжа*, сегодня *Пчѣвжа*, л. пр. Волхова.

¹²⁵ В более поздней работе Роспонд данную трактовку прилагает только к названию гор. *Pszczew* в Польше, тогда как чеш. геогр. *Pšov* наряду с польск. *Pszów* он связывает с др.-чеш. *рше* обозначением пшеницы и с польск. *satopsza* ‘то же’, см. [Rospond 1984: 313, 432].

хлебных зерен, особенно ячменя (Перм., Волог.) [СРНГ 23: 322], которые уверенно трактуются на базе этого корня.

Изменение *ми* > *ми* дополняется сходным ассимилятивным процессом *мх* > *пх*, проявленным некоторыми старописьменными «моховыми» топонимами Новгородской земли. Таковы геогр. *Пхи* с вариантом *Мхи*, название пожни в окрестностях Новгорода [ПКНЗ 1: 420], геогр. *Пхово* в отнесении к смежным деревне, озеру и местности в вол. Коства Беж. пят. 1565—1566 гг. [ПКНЗ 3: 74, 75, 76; НПК VI: 396, 398, 424], = совр. *Ново-Пхово* дер. Красухинск. Макс. на берегу оз. *Пхово*, имеющего сток в р. *Опховица*, п. пр. Кезы, л. пр. Мологи. Вероятно, совр. р. *Опховица* приравнивается к р. *Пховица* в Беж. пят., указанной под 1545 г. [НПК VI: 386, 439]. Названия *Пхово*, *Пховица*, *Опховица* издревле закрепились как фонетические модификаты более ранних форм **Мхово*, **Мховица* (< **Мъхово*, **Мъховица*), ср. равноструктурное новг. *Мховка* л. пр. Мошни, л. пр. Холовы, л. пр. Мсты [Шан. РРЛО: 220].

Кроме того, новгородская топонимия знает начальное сочетание *Виш-*, ставшее результатом изменения *миш-* (< *мъши-*). Бер. гр. № 519/520 (1380—1400-е гг.), представляющая собой завещание некоего Моисея, перечисляет земли, расположенные в Струпинском и Дубровенском пог. Шел. пят., среди которых есть и *Вишажьская* земля («во *Вишашкеи* землѣ»), т. е. земля по берегам р. *Вишага*. Здесь **Вишага* не что иное, как вариант рассмотренного выше названия р. *Мишага* в басс. Шелони, протекавшей по Струпинскому пог. [Зализняк 2004: 653]. Эта фиксация доказывает фонетическую вариантность *Вишага* / *Пишага* / *Мишага* в развитии одного и того же гидронима.

Ойконим *Вишера* дер. Язвицкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 345, 410], иначе — *Вишара* по писцовой книге Г. Я. Морозова 1538/39 г. [ПКНЗ 4: 37], или *Пишоро* по книге 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 76] (= совр. *Шарово* дер. Каевской вол. Кр. у. 1909 г. [СНМНГ IV: 36—37], сегодня в Боровенковск. Ок.), следует сравнить с др.-рус. *мишарина*, *мишерина* ‘место, заросшее мхом’ [СлРЯ XI—XVII 9: 326, 327], с рус. *ми́ара*, *ми́арина*, *ми́ерина*, *ми́ерина* ‘место, поросшее мхом; мшистое болото’, распространенными в новг., пск., твер., смол., яросл., брян., олон., арх. говорах [СРНГ 19: 47, 49]. Среди межтерриториальных топосоответствий интересны новг. *Мышерский* п. пр. Крупени, п. пр. Колпи, п. пр. Суды [Шан. РРЛО: 408] (= **Мишерский*), а в аспекте мены губных особенно гидроним *Пишара* в Поочье, приведенный выше. Лексемы *ми́ара*, *ми́арина* относятся к праслав. диалектизмам сев.-слав. распространения [Герд МЭССГ 2004: 234].

Новг. *Вишеничи* дер. Сумерского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 148], оптимально объясняется при сближении с основой *мишен-* (= **Мишеничи*), ср. с этой основой названия рч. *Мишеня* близ дер. *Мошенско* в Рабежской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 71], рч. *Мишена*, л. пр. Серемухи, р. в оз. Серемо в Приселигерье, и апел. *мишённий* ‘покрытый мхом’.

Название дер. *Вшели* Сол. р-на, по списку 1838 г. — села *Вшели* 3-го стана Луж. у. [ОСПбгуб: 124], некогда являвшейся центром Вшельского пог. Шел. пят.

(«деревня да вопчей погост *Вшеля*», *Вшелский* пог., по книге 1550/51 г. [ПКНЗ 6: 17, 16, 31, 56], дер. *Вшеля* по книге 1581—1582 г. [Неволин 1853: 81]), похоже, преобразовалось из первоначальной формы **Мишли* мн. ч., деривата с суфф. -ль от глагола (*за*)*мъиѣти*, совр. *замше́ть* ‘покрыться мхом’. Основания для такой этимологии весомы уже по особенностям местоположения: деревня стоит в течении р. Мшаги басс. Шелони, ранее именовавшейся, как явствует из бер. гр. № 519/520, также и *Вшага*, см. выше. В структурно-деривационном отношении ойконим **Мишли* приравнивается, например, к диал. *горель* ‘нечто горелое’, образованному от *гореть*, к новг. геогр. *Борель* в Люб. р-не [НОС 1: 74] — от диал. *бореть* ‘зарастать деревьями, кустарником (о залежи)’ (Порх. Пск., Осташк. Твер.) [СРНГ 3: 98], к геогр. *Смердель* п. пр. Колпи, п. пр. Суды (Волог. обл.), — от *смердеть* и т. п. Менее вероятно возведение названия к слову *мишель*, *мишель* ‘корысть, недозволенная прибыль’, ‘скарб, имущество’, встречавшемуся в русских церковнославянских текстах XIV—XVII вв. [СлРЯ XI—XVII 9: 326—327].

Кажется, название рч. *Охомля*, п. пр. Мсты в ее среднем течении (Люб. р-н), тоже следует трактовать в контексте приводимых фактов. В писцовых книгах Беж. пят. 1564 г. речка названа *Вхомля* [НПК VI: 871], причем гидроним повторен в названиях нескольких близлежащих средневековых селений Беж. пят.: дер. *Вхомля* «у ключа» в пог. Никольском в Шереховичах 1564 г., дер. *Вхомля* в пог. Ильинском в Любытинах на Белой 1564 г., три дер. *Вхомля* в соседнем Богородицком пог. на Белой [Там же: 6, 857, 862, 870, 873, 892]; книга 1501 г. отмечает еще дер. *Хомля* «надь ключемъ» в Любытинской вол. в Ильинском пог. [Там же: 21]. Среди перечисленных вариантов (*Охомля* / *Вхомля* / *Хомля*) вариант *Вхомля* наиболее авторитетен для этимологической трактовки. Взятое изолированно, само по себе, геогр. *Вхомля* не находит приемлемого объяснения на славянской почве, но если учесть контекст вышеприведенных лексических фактов, то появляются достаточные основания возвести название к ранней форме **М(ъ)хомля* или **М(ъ)ховля*, производной от *мъхъ* при помощи типового др.-слав. «речного» форманта (ср. старые слав. названия рек на -*омля*, -*ля* на Русском Северо-Западе типа *Смердомля*, *Ситомля*, *Никомля*, *Оборля*, *Вертля*, или диал. *сыромля* ‘сырое место’). Мена начальных *мх* > *вх* здесь весьма вероятна в свете зарегистрированных изменений *ми* > *ви*, с одной стороны, и *мх* > *пх*, с другой, более того, имевшиеся в гидрониме условия для межслоговой диссимиляции либо метатезы такую мена могли легко спровоцировать. Сегодня вместо *Вхомля* закрепился вариант *Охомля*, что случилось благодаря переосмыслению гидронима как префиксальной структуры, в которой этимологически мнимый «префикс» *в* был замещен префиксом *о*-¹²⁶. Подобную этимологию можно предложить еще для новг. *Ховля* (по [Шан. РЛЛО: 246] — *Комля*) названия озера опять же в Среднем Помостье (Мош. р-н): из **Вховля* (< **Мховля*) с дальнейшей утратой «префикса» *в*.

¹²⁶ Ср. аналогичный случай соотносительности средневековых вариантов *Взвядь* / *Озвядь* названия села близ впадения р. Ловать в оз. Ильмень [ГВНП: 377].

Изменения *ми* > *ми*, *ви*, *мх* > *пх*, *вх* вызваны ассимилятивным процессом оглушения сонорной губной перед шумными глухими согласными (группы *ви*, *вх* тоже результат оглушения, поскольку фонетически они имеют не звонкую, а глухую губную: [*фи*], [*фх*]). Отразившие данный процесс топонимы в целом более характерны для средневековой эпохи. Это можно считать «отзвуком» не слишком отдаленной эпохи падения редуцированных, когда появлялось много новообразованных групп согласных, переживавших разнообразные комбинаторные процессы. Оглушение губной *м* перед *ш*, *х*, обычно носившее узкоместный, спорадический характер, порой закреплялось окончательно (как в геогр. *Пшеницы*, *Пшовка*, *Вшели* и др.), но в отдельных названиях, например в *Мишага* / *Пишага* / *Вишага*, результат данного оглушения, хоть и имел склонность к лексикализации, не удержался. Здесь ощутимая мотивационная связь с обозначением *мха* не прерывалась, а со временем даже усилилась, сделав вариант *Мишага* сегодня единственно возможным.

«*Моховыми*» названиями и апеллятивами мена губных в анлауте не ограничивается. В частности, ее можно видеть в новг. диал. *пишвый*, то же, что *вишвый* (Валд., 1857 г.) [СРНГ 33: 185], в варианте *Пста* названия р. *Мста*, который записан в некоторых селениях по течению р. Мсты, например в дер. Частова Кр. р-на, 2009 г. [ЛЗап].

РАГЛ-, РАДЛ-, РАХЛ-

Раглицы дер. рядом с пятью выселками этого же имени на р. Луга в Черновской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 98—99, 100—101] (числилась жилой до 1990-х гг. в Бат. р-не). Селение отмечено впервые около 1500 г. в составе Успенского Сабельского пог. Вод. пят. как сц. *Радницы* [НПК III: 129]; более поздняя документация доносит разные варианты ойконима: сц. *Радчицы* 1539/40 г., пуст. *Радницы* 1582 г., ус. *Радлицы* 1678 г., ус. *Раглицы* 1709 г., ус. *Радлицы* 1718 г., или *Раглицы* под 1748 г., а под 1788 г. — сц. *Раглицы* [Селин 2003: 177, 178]. Рядом с данным пунктом писцовые книги фиксируют *Бор Радлицы* Сабельского пог. 1500 г. [НПК III: 128], то же под 1539/40 и 1568 гг., под 1582 г. — сц. *Бор* а *Бордалицы* тож на р. Луге, тогда как вся последующая документация (1678, 1709, 1718, 1748, 1788 гг.) дает уже устоявшееся название пункта — *Бор* [Селин 2003: 177], сегодня — дер. *Бор* Мойкинск. Бат., в 4 км западнее дер. *Раглицы*. Судя по приведенным фактам, форма *Радлицы* в данной топонимической микросистеме не вторична: она фигурирует еще в самой ранней записи 1500 г. и варьирует с формой *Раглицы*, со временем замещаясь последней.

Раглицы Старые, рядом *Раглицы Новые*, — пара дер. Калитинск. Волос. у истоков р. Оредеж. Около 1500 г. в этой местности значились сц. *Радлици*, сц. *Радлици на Горке* и дер. *Костѣишици Коломица в Радлицах*, принадлежавшие Спасскому Зарецкому пог. Вод. пят. [НПК III: 727, 740, 743, 746, 753]. Кроме того, писцовые книги Вод. пят. отмечают дер. **Радлици** над озером над Орлиным в Спасском Орлинском пог. под 1496 г. [ПКНЗ 1: 103].

Раглицы дер. Медведск. Шим. на р. Мшага в басс. Шелони, ранее входила в Медведскую вол. Новг. у. [СНМНГ I: 42—43]. Более старых сведений об этом пункте не найдено, как и для дер. **Раглицы** на р. Псижа неподалеку от пос. Волот, р. ц. Новг. обл., бывшей в 1909 г. в Городецкой вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 36—37].

Тополексема *Раглицы*, демонстрируя др.-новг., др.-пск. рефлекс *гл* (< **dl*), соотносится с праслав. **ordlo* и с более поздними чеш. *rádlo*, словац. *radlo*, польск. *radło*, рус., блр., укр., болг., сербохорв. *рало* — обозначениями плуга, сохи. В плане мотивированной семантики оправданнее, кажется, сравнение новг. *Раглицы* / *Радлицы* не с инструментом пахоты, а с местом пахоты — с др.-рус. *раль* ‘нива’, *ралие* ‘нива, пашня’ [Срезн. МСДРЯ III: 65]. Редкие ойконимические соответствия имеются у западных славян, однако для них предлагают деантропонимные трактовки, так, *Radlin* гор. в Польше, отмечаемый с XIV в., возводят к личн. *Radla* (< апел. *radlo*, *radla*) [Rymut 1987: 199], чеш. *Radlice*, название одного из районов Праги, — к личн. *Radl(a)* [Hosak, Šramek MJMS II: 348; Bezl. SVI II: 135]. Вместе с тем польск. ойконим *Radlna* XIV—XVI вв., к которому возводят название р. *Radlanka*, сближают с **radlnu* в значении, связанном с техникой обработки земли [Babik 2001: 524]. Тополексема *Раглицы*, помимо отмеченных фактов, нигде более не обнаружена, как не найдены и равноструктурные топонимы с общевосточнославянским вариантом основы типа *Ралицы*¹²⁷. Очевиден узкорегionalный характер данной суффиксальной тополексемы, закрепившейся на Русском Северо-Западе в ранний период славянского освоения Прильмения и Поволховья.

Вариант *Радлицы* еще более архаичен, чем *Раглицы*: он отражает праслав. сочетание **dl*, не измененное в *гл* и в лексикализованном виде обнаруживаемое порой в диалектных словоформах Русского Северо-Запада, таких как *прободла* в гдовском говоре, *поведли*, *сочтли* в псковских говорах [Крысько 1998: 80] и в некоторых белорусских словах, среди которых диал. (гродненск.) *радло́* ‘окучник’, *радліць* ‘окучивать’ [Николаев 1989: 196—197]¹²⁸. В силу лексикализации колебание *дл//гл*, *тл//кл* наблюдается в новгородской топонимии иногда сравнительно поздно — в XV—XVIII вв. (помимо *Радлицы* / *Раглицы*, см., например, *Братловицы* / *Бракловицы*).

В число межтерриториальных соответствий геогр. *Раглицы*, по-видимому, нужно включить название дер. **Рахлицы** на Ловати Пинаевогорск. Ст-Рус., ранее — дер. в Шотовской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 116—117]. Первое описание этого селения, принадлежащего Коломенскому пог. Шел. пят., появляется около 1498 г: «великого князя селцо *Рахлицы*, что было Спасское Хутынского монастыря», второе под 1539 г.: «въ деревнѣ въ *Рахлицахъ*» [НПК IV: 322, 334; V: 49]. Ниже по течению Ловати, близ слияния с Полой, известна пожня *Рахлицкая*, показанная «Пла-

¹²⁷ Ф. П. Филин [1972: 278], впрочем, сообщает о некоем новг. топониме *Ралицы*, но проведенная мною проверка такого названия не выявила.

¹²⁸ Согласно [ЭСБМ 11: 29—30], блр. *радло́*, *радліць* заимствованы из польского.

ном земель, принадлежащих Старорусскому городскому обществу» конца XIX в. [Чернов 1985: рис. 1, № 31]¹²⁹. Отождествление форм *Рахлицы* и *Раглицы* вполне допустимо, поскольку мена *гл/хл* доказывается топонимической вариантностью, ср. дер. *Меглин* 1495 г., но *Мехлино* под 1539/40 г., в Молвятицком пог. (см.). Факт того, что ойконим *Рахлицы* дан письменностью без вариантов, можно объяснить окончательной стабилизацией измененной формы до эпохи писцовых книг.

Появление ойконимии *Раглицы* / *Радлицы*, *Рахлицы*, относимой к достаточно раннему времени, видимо, связано с разработкой участков, пригодных для пашенного земледелия, в противовес земледелию подсечному. В этом отношении обращает на себя внимание прикрепление всех этих названий к речным долинам и локализация их в ареале культуры новгородских сопок, носители которой основывали свою экономику на пашенном земледелии [Конецкий 1998: 238].

СЕГЛИН-, СЕГЛ-, СЕДЛИН-, СЕЛИН-, СОГЛ- и др.

Сеглино дер. Берёзорядск. Болог. на левом берегу Мсты; списки селений нач. XX в. отмечают здесь дер. *Сеглино* со смежными пог. *Сеглины* и пос. *Сеглино* (иначе — *Мыза*) на р. Мсте и на почтовом тракте в Березорядской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 10—11, 11—12]. На трехверстной карте 2-й пол. XIX — нач. XX в. пункт обозначен как дер. *Соглино*. На месте дер. *Сеглино* и пог. *Сеглины* с конца XV в. отмечается письменностью погост-место (сельцо) с церквями Рождества и Николы Чудотворца, центр Богородицкого в *Сеглинах* (*Сеглинского*) погоста-округа Дер. пят., первые описания пунктов которого даны около 1495 г. [НПК I: 451—480; 890], под 1538/39, 1542/43, 1545, 1550/51 гг. [НПК VI: 309, 310; ПКНЗ 4: 117, 118, 362, 380, 383, 428, 433, 434, 454, 462; 5: 32, 45—47, 50—64, 66—71, 196, 198, 208, 335].

Сеглино оз. в Быстреевском пог. Шел. пят. под 1571 г.: «озерко *Сеглино* лѣшее малое, въ немъ ерши» (рядом оз. Запесенье, Глино, Бологинец, Пскова) [НПК V: 476], = оз. *Еклино* близ оз. Болодинец, Иванец по картам нач. XX в. [Андрияшев 1914: 73].

Сеглиница дер. на рч. *Сеглинице* в пог. Михайловском на Ладожском пороге (нижнее течение Волхова) по писцовой документации 1500 г. [ПКВод 11: 94]; в более поздних источниках: дер. *Сенглиницы* на рч. *Сенглинице* 1540 г., дер. *Сеглецы* «пуста» 1582 г., дер. Новинка на р. *Сигленице* 1646 г., дер. *Сиглинка* 1678 г., дер. *Сеглины* «жилых нет» 1718 г. [Селин 2003: 313].

К топонимии на *Сеглин-* примыкает гидроним *Сеглыня* р. в Никольском пог. Забережье Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 478], поскольку суфф. *-ыня* и *-ино* склонны к взаимозамещению.

¹²⁹ Надо полагать, *Рахлицкая* пожня была закреплена за жителями дер. *Рахлицы*. Богатые травой заливные луга (пожни) в низовьях Ловати в XIX—XX вв. приезжали косить крестьяне из разных, порой весьма отдаленных, деревень Южного Приильменя.

Несколько ойконимов на *Сегл-* содержат формант *-ица/-ицы*. *Сеглицы* дер. на р. Озванке Лядск. Пл., = *Сеглица* дер. на карте конца XIX в. [Андрияшев 1914: 93], приравняется к *Сеглицы* дер. Лядского пог. Шел. пят. 1571 г. (в тексте: «Дер. въ *Сеглицахъ*»), отхожая пожня на р. Яне) [НПК V: 553, 560], а *Сеглицы* ур. в Пл. р-не (близ дер. Андромер, Малые Лъзи, Большие Лъзи южнее оз. Песно) идентифицируется с *Сеглицы* дер. «что были Юрьева монастыря» в Которском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 87]. В северо-западной части Вод. пят. писцовые книги отмечают сц. *Сеглицы* в Богородицком Врудском пог. 1500 г. [НПК III: 853, 856] (сегодня — дер. *Большие Сяглицы* или дер. *Сяглицы* Большеврудск. Волос. вблизи р. ц. Волосово), дер. *Сеглица* в Никольском Ястребинском пог. 1500 г. [Там же: 784, 789], = (?) совр. *Сягло* дер. на р. Городенке Пустомержск. Кинг. Сюда же, ввиду возможности мены *Сегл-/Сягл-*, следует отнести и средневековое геогр. *Сяглицы* дер. Егорьевского Радчинского пог. 1500 г. [Там же: 558]. Есть еще дер. *Сѣгла* вблизи Бокситогорска, р. ц. Лен. обл., ранее значившаяся в Обринской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 100—101] (иные сведения не найдены).

Основа *Сегл-*, охватывающая перечисленные географические имена, возводится, с учетом др.-новг., др.-пск. перехода **dl > гл*, к праслав. основе **sedl-*, в наиболее очевидном виде прослеживаемой в чеш. *sidlo* ‘местонахождение, сидение’, словац. *sidlo* ‘место жительства’, ‘центр’, чеш. *sidliti* ‘жить, проживать’, ‘иметь резиденцию’, словац. *sidlit* ‘проживать’, ‘селиться’, польск. *sidlić się* ‘селиться’, в.-луж. *sydlo* ‘местопребывание’, ‘жилище’, ‘место службы’, н.-луж. *sedlo* ‘жилище’ и т. п. Все эти лексемы этимологически объединяются корнем **sed-* ‘сидеть’, тогда как рус., укр., блр. *село*, др.-рус. *село* ‘жилище, селение; поле’, а также чеш. *selo* ‘село, пашня’, польск. *siolo* ‘село’, обычно связывают с праслав. **selo* ‘пашня’ иного корня (**sel-*), хотя подразделить продолжения праслав. **sedl-* и **sel-* в языках восточных и южных славян весьма затруднительно, см. [Фасм. ЭСРЯ III: 596; Черн. ИЭСРЯ II: 152; ЕСУМ 5: 210]. Таким образом, новгородские топонимические архаизмы с элементом *Сегл-*, не находящие, как будто, никаких «прозрачных» коррелятов в апеллятивной лексике, свидетельствуют о наличии **sedl-* в поселенческой терминологии ранних славянских говоров Русского Северо-Запада.

Иногда праслав. сочетание *dl* проявляется в данной основе в неизменном виде. Таковы названия руч. *Седлинский*, л. пр. Чагоды, л. пр. Тигоды, л. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 48], и пары средневековых деревень у юго-западной границы Шел. пят. — *Седлицкий Заход* и *Седлицкий Заход Заозерье* под 1540/41 г. в Столопенской вол. Тор. у. [ПКНЗ 4: 592]. Следовательно, наименования *Седлинский*, *Седлицкий* закрепили более архаический облик основы, чем соответственные геогр. *Сеглино*, *Сеглицы*, ср. любопытное сочетание двух этих рефлексов праслав. *dl* в вариантах одного названия *Радлицы/Раглицы* дер. в истоках Луги (см.). За пределами исторической Новгородской земли межтерриториальные топонимические соответствия определенно проявляются у западных славян, см., например, ойконимы *Siedlec*, *Siedlce* (гор. с XV в., от *siedlec* ‘малое селение’), *Siedlisko*, *Siedliszcze* в Польше [Rymut 1987: 214, 215; Rospond 1984: 345], *Sedlec* (четырежды), польск. гидронимы

Siedlnica среди притоков Балтийского моря [Rzetelska-Feleszko 1987: 102], возможно, *Siedlecza* р. в басс. Сана [Rieger 1988: 71]¹³⁰, ойконимы *Sedlice Nové*, *Sedlisko*, *Sedlišťe*, *Sedlnice* в Чехии [Hosak, Šrámek MJMS II: 425, 426, 427—428].

С новг. геогр. *Сеглино* (*Сеглины*) коррелируют равноструктурные апеллятивы с суф. *-ин-*, представленные в общевосточнославянской рефлексации *л* (< **dl*), такие как рус. *расселина* (ср. чеш. *rozsedlina* ‘то же’), но особенно др.-рус. *селина* ‘жилище, постройка’ (XV в.), ‘расселина’ (XVII в.) [Сл XI—XVII 24: 43], рус. диал. ‘усадебная, приусадебный участок’ (Брян., Новосиб.), ‘место сбора молодежи’ (Омск.) [СРНГ 37: 134]. Название руч. *Селинский*, л. пр. Малой Вишерки, пр. Вишеры, п. пр. Волхова, тоже может скрывать основу **sedl-*, но этот факт не надежен¹³¹. Что касается новг. геогр. *Сёгла*, *Сягло*, то в структурно-этимологическом отношении они сравнимы с новгородским же апел. *сёлый* ‘уплотнившийся от долгого лежания’ (Валд.) [НОС 10: 30]. Может быть, такая же этимологическая основа заключена и в новг. *Сёлиця*, названии места в Под. р-не: «Половину *Селицы* Ефим распахал» [Там же: 39] (ср. *Сеглиця*, *Сеглицы*), которое не выглядит образованием от общерус. *селó* (ср. *сельцó* как регулярный дериват от *селó*).

Мену гласных в *Сеглиця/Сялицы*, *Сеглиця/Сягло* трудно объяснить иначе, чем сближением топоосновы *Сегл-*, потерявшей мотивированность, с причастной основой *сягл-* др.-рус. *сячи: сягу* ‘достать’, ‘схватить, захватить’, или с новг., пск. *сяг* ‘деревянный крючок (<...> при подледном лове рыбы’ [НОС 11: 21; СРНГ 43: 191].

В ряду новгородской архаической *Сегл-*топонимии нужно трактовать еще геогр. *Соглово* (*Новое* тож) дер. в вол. Коства Беж. пят. под 1545, 1565—1566 гг. [НПК VI: 396; ПKNЗ 3: 74], ср. вариантность геогр. *Сеглино/Соглино*. Надо полагать, вариант *Соглово* появился благодаря передаче «ёкающего» произношения ойконима *Сеглово* без отражения мягкости предыдущей согласной (как [*с’оглово*])¹³².

Ужин-, Ужен-, Уж-, Уз-, Узмен- и др.

Ужин крупное оз., 915 га, в басс. Мсты неподалеку от гор. Валдай, исток — р. Валдайка в оз. Валдайское; по [Шан. РЛЮ: 248] — *Ужинозеро*, по [СНМНГ V: 67, 69] — оз. *Ужинское*, или *Ужин*. Отмечено в писцовой документации по Дер. пят. конца XV—XVI вв. под названием *Ужин* или *Ужинец*: «в озере Нерецком жеребей, в озере в *Ужине* жеребей, в озере в Волдае жеребей», «в озере *Ужене*», «в озере в *Ужинце*» под 1551 г. [ПKNЗ 5: 48, 156, 159, 161, 166], «над озером над

¹³⁰ Я. Ригер [Ibid.] производит от антропонимов типа *Siedl*, *Siedlec*.

¹³¹ Нередкие названия на *Селин-* (типа *Селино* дер. под гор. Боровичи) в основном деантропонимного образования: от личн. *Селя* (ср. фамилию *Селин*), усеченного из *Селиван*, *Селевкий*, *Селиверст*.

¹³² Графические факты такого рода в топонимии известны, см. *Демон*, *Кроково* или написания словоформ *Смона*, *нобомь*, *ного* (вместо *Смена*, *небомь*, *него*) в новгородской письменности на бересте.

Ужинцом», «на озере на *Ужине*» под 1539 г. [ПКНЗ 4: 113—114], оз. *Ужинец* под 1495 г. [НПК I: 358, 363]. По озеру было названы средневековые сц. *Ужинец* и сел. *Ужиньской* пог. — центр Ужинского погоста-округа Дер. пят. В нач. XX в. на его месте значились пос. *Ужин* с одноименным церковным погостом Новотроицкой вол. Валд. у. [СНМНГ V: 68—69], сегодня — дер. *Ужин* Шуйск. Валд.

Ужин Большой и рядом *Ужин Малый* — дер. Борисовск. Ст-Рус. на южном берегу Ильменя. Списки селений нач. XX в. указывают в этой местности, хотя и немного ближе к берегу озера село *Старый Ужин* с одноименным погостом и дер. *Новый Ужин* Коростынской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 68, 70]. В средневековье здесь был центр еще одного Ужинского пог., бывшего в Шел. пят. в Русском у.: «у *Ужина*» 1499 г., «погость *Ужинской* у озера Илмеря» под 1524 г., «погост *Ужинъ* надъ озеромъ надъ Ирменемъ» под 1551 г. [НПК V: 327—328, 354—356, 417], указаны и жители погоста — *уженцы* («косять на Чарень Берегу съ *Уженцы* по годомъ»), иначе *ужиняне*: «*Ужиняномъ* ловити рыба на великого князя Дворецъ безъ урока» [Там же: 329; 356]. По документам XVII—XVIII вв. сел. *Ужин* обозначено как рядок с рыболовным промыслом¹³³.

Только по старописьменной документации известно о дер. *Ужинки*, которая описывалась в Холмском пог. в Кунском стане Дер. пят. под 1495, 1539/40—1540/41 гг. [НПК II: 878; ПКНЗ 4: 313], вместе с ней писцовая книга Торопецкого присуда 1539/40—1540/41 гг. отмечает дер. *Степанково-Ужинки* [ПКНЗ 4: 312]. Остальные топонимические соответствия в регионе Новгородской земли, достаточно многочисленные, принадлежат гидронимии, фиксируемой по более поздним материалам: *Ужинка* руч. в Степанковской вол. Бор. у., на нем дер. Крутик [СНМНГ VI: 114—115] (ср. в материалах межевания конца XVIII в., № 1769: дер. Крутик «дачею р. *Ужинки* на левом берегу» [КГарн]); *Ужин* руч., п. пр. Тигоды, л. пр. Волхова [Шан. РЛЮ: 52]; *Ужина* п. пр. Мологи [Шан. РЛЮ: 78]; *Ужинка* (или *Большая Ужинка*) л. пр. Полоны, л. пр. Мсты, наряду с *Малая Ужинка* л. пр. Ужинки; *Ужинка* л. пр. Полонки, п. пр. Шелони (речка указана также списками селений 2-й пол. XIX в. в Гласковской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 11354]); вероятно, *Ушинка* рч. в Шушеловской вол. Порх. у., при ней дер. Алексино [Там же: № 11077] (с незакономерным оглушением *ж > ш*); *Ужинское Большое* и рядом *Ужинское Малое*, маленькие озера в дельте Мсты. К этому же гидронимическому ряду принадлежит название маленького оз. *Жинецкое* у восточного берега Ильменя (< *Ужинецкое*, с утратой безударного гласного).

Уже на территории Псковской земли отмечено *Ужинское* оз. близ восточного берега Чудского оз. южнее Гдова [Шан. РЛЮ: 562]; рядом с *Ужинским* оз. современная крупномасштабная карта показывает еще оз. *Женское* (< *Уженское/Ужинское*), через которое проходит р. Желча, впадающая в оз. Чудское. А в Нижнем

¹³³ Об этих и иных подробностях истории села *Ужин* см. [Секретарь, Филиппова 1991: 137—140]. Уточнение границ средневекового *Ужинского* пог. проведено С. З. Черновым [1985 (карта)].

Поочье, среди левых притоков Цны, указано оз. Осиновое с островом *Ужинский* [Смол. ГБО: 248].

Территориальная дистрибуция тополексемы *Ужин* и производных (ударение в слышанных мною названиях всегда падает на второй слог: *Ужѣин*) в основном ограничена, следовательно, исторической Новгородской и отчасти — Псковской землями. Возводить геогр. *Ужин* к др.-рус. *уж* 'юг' [Секретарь, Филиппова 1991: 137] ошибочно, равно как сопоставлять с диал. *ужѣин*, *ужѣинка* 'то, что сжато', 'количество хлеба в снопах' [Даль ТСЖВЯ 4: 477]. Зато есть серьезные основания видеть в этом названии архаический диал., преимущественно др.-новг., апеллиатив со значением узкого, продолговатого места.

В части случаев сама топография водоемов, прежде всего озер, к которым прикреплены *Ужин* и производные, отчетливо подсказывает значение исходного апеллиатива. Так, оз. *Ужин* на Валдае представляет собой длинную полосу акватории, до 51 км по периметру, с преобладающей шириной 0,3 км [Истомина, Яковлев 1989: 96]. Озера *Большое Ужинское* и *Малое Ужинское* на побережье Ильменя представлены на крупномасштабной карте с сильно изрезанными берегами¹³⁴. На Псковщине озера *Ужинское*, как и соседящее с ним *Женское* (< *Уженское* или *Ужинское*) басс. Желчи имеют характерную конфигурацию в виде узких полос. Исходная апеллиативная форма (**ужинь*) членится с выделением суф. *-ин-*; корневой элемент *уж-* отражен, в частности, в ц.-слав. *уже* 'веревка', рус. диал. (сев., вост., южн.) *ужѣицо*, *ужѣилище*, *ужица* 'веревка; долгая, прочная, толстая снасть, канат', арх. *ужица* 'неводная подбора', др.-рус. *ужикъ*, *ужика* 'родственник', рус. диал. *ужик* как обозначение растения с длинным стеблем [Даль ТСЖВЯ 4: 476], болг. *въже*, сербохорв. *уже*, *ужа*, словен. *vôže*, полаб. *vrze* 'веревка; канат'; эти обозначения веревки показывают этимологическую основу на *-jǫ и соотносятся с *уза*, *узиту*, *узел*, *узкий* и т. п. [Фасм. ЭСРЯ IV: 152; Варбот 1969: 20, 34, 35, 86, 119]. В структурном отношении специфика тополексемы *Ужин* (< апел. **ужинь*) заключается в наличии суф. *-ин-* (< *-ин-ъ*) в имени существительном муж. р. с неличным значением, что встречается редко в древнеславянской деривации (обычно указывают только на **mlinъ*, **kъlinъ*, соотносительные с **melti*, **kolti*, др.-рус. *молоти*, *колоти*). Ф. Славский пишет о тесной связи суффиксов *-ин-ъ* и *-ин-а*, приводя существительные *bĕlinъ* 'кто-то или что-то, отличающее белым цветом' и *bĕlina* 'белизна' [Sławski ZSP I: 122]. Возможно, геогр. *Ужин* отражает исходную апеллиативную форму, появившуюся в результате субстантивации прилагательного (с адъективным суф. *-ин-*). Вместе с тем не исключена вероятность смены родовой характеристики — в данном случае закрепления муж. р. вместо жен. р. в более раннем образовании **ужина*. Ср. наряду с лимнонимом *Ужин* известные по совр. данным «мужские» формы новгородских названий озер, такие как *Озер* басс. Полы, *Зван* басс. Мсты, со стоком в р. *Званка*, равно как диал. *берлог* / *берлога*, *пазух* / *пазуха*,

¹³⁴ Вместе со своими протоками в оз. Ильмень они выглядят на карте небольшими затонами в Ильменской пойме; проход между ними являет собой узкую полоску земли.

хвой/хвоя, недоимок/недоимка и др. Особенно обращают на себя внимание парадигматические варианты др.-рус. *ужикъ* и *ужика* ‘родственник’, слов общего корня с геогр. *Ужин* оз. или *Ужина* р., а также наличие похожего типа вариантных равносуффиксальных омонимов — дериватов от праслав. **jugъ*, др.-рус. *угъ* ‘полдень’: др.-рус., рус. диал. *ужина* ‘вечерний прием пищи’ (есть еще в болг., сербохорв., словен., польск., полаб. языках) и общерус. *ужин*, ‘то же’ [Черн. ИЭССРЯ II: 285—286; Фасм. ЭСРЯ IV: 152].

С преимущественно новгородскими геогр. *Ужин*, *Ужина*, *Ужинское* смыкаются родственные названия с суф. *-ен-* (*Ужен-*), которые, напротив, чаще встречаются за пределами Новгородской земли. Таковы геогр. *Уженъ* п. пр. Мелечи, пр. Осени, п. пр. Мологи (на юго-востоке бывшей Беж. пят.), наряду с *Уженицы* оз. (иначе — оз. *Долгое*) в среднем левобережном Поочье (басс. Протвы), по Ген. меж. конца XVIII в. [Смол. ГБО: 96], *Уженица* (польск. *Użenica*) болотистый луг в Борисовском у. Минской губ., *Уженец* оз. в Невельском у. Витебской губ. [Vasm. WRG IV: 669], *Уженец* руч. с истоком из оз. *Узмень* басс. Западной Двины. Факты смежности геогр. *Уженицы* и *Долгое*, *Уженец* и *Узмень* вполне показательны для уяснения мотивировочного признака ‘узкий’, характерного для всей этой гидронимии¹³⁵.

Эту же первоначальную идею узкого места (в виде полосы, веревки) заключают повторяющиеся бессуффиксные лимнонимы *Ужа* (*Ужо*, по [Шан. РЛЮ: 245]), прикрепленные к озеру в басс. Мсты (Бор. р-н) и к озерам в басс. Ловати и Западной Двины (Южная Псковщина). Все эти озера действительно представлены на картах узкими водоемами с изрезанными берегами. Одно из псковских озер *Ужо* стекает в речку с характерным названием *Гусеница*, второе через рч. *Ужица* и оз. *Ужанское* гидрографически (и безусловно — гидронимически) связано с оз. *Узмень* и рч. *Узмень*, см. [Там же: 80, 81, 82, 83]. Писцовая книга Шел. пят. 1539 г. указывает р. *Ужица* в Бельском пог. [НПК IV: 428]. Кроме того, на сопредельных территориях Смоленской (ближе к Дорогобужу, Ельне) и Витебской губ. (в окрестностях Дриссы) отмечены несколько рек с названиями *Ужа*, *Ужица* [Vasm. WRG IV: 670]

С корневым элементом *уз-*, соотносимым с *уж-* (< **ǫz-*), на обследуемой территории самым известным названием выступает геогр. *Уза* р., л. пр. Шелони в 6 км ниже Порхова. Гидроним хорошо освещен древними источниками начиная с сер. XIV в. благодаря тому, что при этой реке находились известные средневековые Михайловский погост и монастырь. Новг. 1-я летопись содержит сообщение о Михайловском монастыре на «усть *Узы* рѣки, на Шелонѣ» (в более позднем

¹³⁵ Со ссылкой на Списки рек и озер по планам Ген. меж. конца XVIII в. Р. А. Агеева [1989: 49] сообщает, что из оз. *Ужин* на Валдае течет рч. *Узменка* в оз. Усторонье. Похоже, в это сообщение закралась неточность, поскольку оз. Усторонье расположено далеко от оз. *Ужин*, эти озера отделены друг от друга многими другими реками и озерами. Современные же карты показывают связь оз. Усторонье через рч. *Узминка* с оз. *Узминка*, а не с оз. *Ужин*.

списке летописи — «на рѣцѣ на Юзѣ»), в котором скончался от чумы новгородский архиепископ Василий в 1352 г. [НПЛ: 100, 362, 474]. Р. *Уза* упоминается в новг. бер. гр. № 689 (60—80-е гг. XIV в.): «оу Микитки на Оузи взяле коробию рожи» [Зализняк 2004: 573], но особенно часто и река и дер. *Уза* при ней фигурируют в писцовой документации конца XV—XVI в. при описании пунктов Михайловского и Ясенского пог. Шел. пят. [НПК IV: 142, 146, 448, 499, 289—291, 312, 446—448, 455, 457, 499; V, 65, 663—665; ПКНЗ 6: 3, 183, 184, 187]. В записках 1517 г. немецкого путешественника С. Герберштейна — р. *Ussa* [Герберштейн 2008: 618—619]. Река течет из оз. *Уза*, или *Узо*, указанного под 1498, 1539, 1575 гг. на территории Вышегородского пог. [ПКНЗ 1: 140, 141; 6: 192; НПК IV: 481, 482]; сегодня озеро иногда называют *Узкое* (по р. *Уза*, но не по своей конфигурации, которая скорее округлая). В басс. *Узы* есть несколько деревень с названиями, дублирующими гидроним: дер. *Уза* при впадении *Узы* в Шелонь, (в эпоху писцовых книг — центр Михайловского пог. на *Узе*), дер. *Уза* в среднем течении реки (по сведениям 1872—1877 гг. здесь значились две дер. — *Узы Верхние* и *Узы Нижние* Горской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 11573, 11574]), указанная в XVI столетии в Ясенском пог. [НПК IV: 142, 146, 149, 448, 499], и дер. *Уза* в истоках р. *Узы* близ одноименного озера.

Архаический гидроним *Уза*, который формально приравнивается к др.-рус. *уза* ‘связь; оковы’, совр. *узы*, в семантическом отношении отличается от гидронимии на *Уж*- тем, что первоначально скорее всего он имел признак связи, соединения, а не «узкой» реки. Вместе с тем значение узкого места безусловно свойственно многим ойконимам — дериватам от апел. *узъ*, отмеченным почти исключительно в писцовой документации: геогр. **Узь** дер. на оз. Торбино Оксоцкого пог. Дер. пят. 1495, 1539 г. (сегодня — дер. *Узи* Торбинск. Ок.), **Узи** местность в Сеглинском пог. Дер. пят. 1551 г. («на озере на Кавтине в *Узех*») + дер. в Егорьевском Млевском пог. Дер. пят. 1495 г. + дер. «меж Быстрого озера и Мстина» в Никольском пог. на Вышнем Волочке Беж. пят. 1545 г., **Узя** дер. в Покровском пог. и в Богородицком Павском пог. Беж. пят. под 1545 и 1551 гг. [НПК I: 147; II: 298, 322; VI: 46, 494, 504; ПКНЗ 4: 19; 5: 64, 247]. К апел. *узчина* ‘узкое место’ приравниваются названия дер. **Узчина** пог. Михайловского на Полоной Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 298] и дер. **Ущина** в Ручьевском пог. Дер. пят. 1538/39 г. [ПКНЗ 4: 60].

Кроме того, для обозначения узких мест в изучаемом регионе издревле активно использовался термин *узмень*. В топонимии Новгородской земли апел. *узмень* (др.-рус. *узмень* ‘узкое место, узкий залив’ [Срезн. МСДРЯ III: 1171], укр. диал. *ўзьмінь* ‘самое глубокое место в реке с быстрым течением, не замерзающее зимой’ [Гринч. СУМ IV: 325]¹³⁶) оставил многочисленные следы, ограничусь лишь перечнем названий селений, почерпнутых из средневековой документации, и названий водоемов. Зачастую эти топонимы даны в преобразованном (искажен-

¹³⁶ Об этом термине с основой на *-*теп* см. еще [Попов 1965: 43—44; Бернштейн 1974: 181].

ном) облик. В Уставе князя Святослава Ольговича 1137 г. имеется геогр. *Змень* («въ змени. 5. гривен») [Тихомиров, Щепкина: 21] (< *Узмень*, ср. выше *Жинецкое* < *Ужинецкое*), = совр. *Узмень* дер. Потесовск. Беж. на восточном берегу оз. Верстово. В писцовых книгах отмечены *Узменик* поч. Сумерского пог. Шел. пят. 1498 г., *Узмена*, или *Узмено*, сц. Быстреевского пог. Шел. пят. 1498, 1551 и 1571 г. [НПК V: 133, 151, 483], *Узмен* и *Узмей* дер. Туренского пог. Дер. пят. 1495 г., *Узмян* дер. «на озере на Рокитне» Беж. пят. 1564 г. [НПК I: 406, 396; VI: 1069] (по современным данным — на оз. Ракитинское в Хв. р-не), *Узумен* / *Изумен* дер. («з деревни из *Узумена*»; «в деревне в *Бзумене*») в Кунейском стане Холмского у. 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 355, 356], *Измея*, иначе *Вузима*, дер. Пиросского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 494, 414] (но в конце XVIII в. — дер. *Узмень* Бор. у. [ИАДП 1: 231]). В гидронимии Новгородской земли — *Узмень* оз. со стоком в оз. Пахолук в басс. Чагоды, р. *Узмень* / *Узьмень* в басс. Мсты, связанная с оз. Глыбка (рядом дер. *Узмень* Рождественск. Фир.), *Узминка* р. и оз. в басс. Плюсы, *Узминка* / *Усминка* р. в басс. Полю, вытекающая из оз. *Узминка* (*Узминское*), *Узьминка* / *Усьминка* л. пр. Сабы, л. пр. Луги из оз. *Узьминское*, *Узменский* руч. в истоках Мсты. На иных территориях известны: пролив *Узмень* между Чудским и Псковским озерами (где было поблизости Ледовое побоище 1242 г.), р. и оз. *Узмень* в верховьях Западной Двины [Шан. РЛЮ: 82, 251], ур. *Узменка* в окрестностях гор. Лиозно Витебской обл. [Мікратапанімія: 241], в Поочье — рр. *Узмень*, *Узмишино* [Смол. ГБО: 240, 222], *Узмень* отмель на реке в басс. Енисея [Мурз. СНГТ 2: 266]. В регионе Новгородской земли данную топонимию трудно отнести к архаическому типу, поскольку исходный апеллатив находит спорадические проявления в современных новгородских говорах Среднего Помостья, см. *узьмень* ‘узкое место’ (Бор., Мош.) [НОС 11: 90]. Но в основном эта топонимия закреплялась в древнерусский и старорусский периоды развития языка. Она показывает преимущественный ареал на Русском Северо-Западе, откуда отчасти проникла в Нижнее Поочье и в другие регионы.

Хуб-, Хиь-, Пахуб-

Хуба п. пр. Мсты, и поблизости, в 5 км ниже по течению, *Хубка*, тоже п. пр. Мсты. В перечне водоемов 1929 г. опять же рр. *Хуба* и *Хубка* [Шан. РЛЮ: 218], но по спискам селений нач. XX в. — *Хуба* и *Малая Хуба*, на них стояли селения Карпиногорской вол. Кр. у., в том числе и названные по рекам дер. *Хубка* (*Малые Хубки*) и пог. *Хубец* [СНМНГ IV: 44—45]. Сегодня здесь осталось лишь ур. *Хубичино*, отмеченное в [НОС 12: 27] как место на р. Хубе. Писцовая книга 1563—1564 гг. в данной местности, принадлежавшей издревле Покровскому пог. Обон. пят., указывает р. *Хуба* («А угодья у них монастырьского на речке на *Хубе* мельница водяная, мелет одним колесом в весне и до осени на монастырь»), а также рч. *Хубца* («Деревня на *Хубце* ж Задорье») и *Хубецка*: «Селцо *Хубецко* над речкою *Хубецкою*» [ПКНЗ 2: 148—149], в Сметном списке Обон. пят. 1573—1574 гг.

значится только рч. *Хубца*: «Погост Покровский на *Хубце*» [ПКНЗ 2: 156]. Гидронимы писцовой книги относятся либо к одной реке, либо к двум смежным рекам, если под *Хубцей* (*Хубецкой*) XVI в. видеть современную рч. *Хубку*. Ясно, что *Хубца*, *Хубка* — деминутивы от *Хуба*, а *Хубецка* образовано от ойконимов *Хубец* (пог.), *Хубецко* (сельцо), производных в свою очередь от гидронима *Хуба*. Писцовая книга Дер. пят. указывает дер. *На Усть-Хуби* Морозовичского пог. 1495 г. [НПК II: 151], которая была расположена напротив впадения р. Хубы во Мсту.

Геогр. *Хуба* выглядит изолированным гидронимом, не находящим, как будто, отчетливых ономастических соответствий во всей Славии. Тем не менее славянское происхождение его кажется убедительным при соотнесении с польск. диал. *chubać* ‘бежать, лететь’. Польский глагол дает основания для реконструкции праслав. **xubati* со слабо засвидетельствованной ступенью чередования к **xubati*; последний имеет много продолжений в разных славянских языках: польск. *chybać* ‘бежать, мчаться’, ‘качать, колыхать’, чеш. *chybati* ‘сомневаться’, словац. *chybat’* ‘ощущать недостаток, переживать утрату,’ ‘не хватать, отсутствовать’, укр. *xubáti* ‘колебать, шатать’, рус. *хуба* ‘кто или что колеблется, болтается’ и т. п.; близкими значениями характеризуются производные глаголы с суф. *-но*: польск. *chybnąć*, диал. *chynać* ‘качнуть, тряхнуть, махнуть’, ‘кинуться, помчаться, полететь’, ‘свалиться’, ‘сорваться, не удался’, укр. *xibnúti* ‘покачнуть, наклонить’, ‘наклониться’, ‘сплоховать, не удался’, ‘минуть, обойти’, а также глаголы, продолжающие праслав. **xuběti*, **xubiti* соотносительные с **xubati* [ЭССЯ 8: 109, 153—155]. Новг. *Хуба* дает дополнительное свидетельство вариантного корня **xub-* с редкой огласовкой, отражая, в сущности, архаическую новг.-польск. изоглоссу. Отглагольная деривация *Хуба* (< **xubati*) закономерна для славянской древности, а исходная семантика движения ‘бежать, лететь’ адекватно соответствует номинациям рек (особенно древнейшим, первичным номинациям). Ср. в плане номинационной семантики геогр. *Бежка*, *Беглой*, *Бегунок*, *Бегушка*, рр. в Поочье [Смол. ГБО: 83, 115, 122, 18, 198, 263], новг. *Бегучий* п. пр. Ящеры, п. пр. Луги, соотносительные с др.-рус. *бѣчи* (< **bĕgti*), или геогр. *Лета* р. в басс. Припяти [СГУ: 312], *Лета* р. в Архангельской обл., *Летка* рр. в Вологодской и Рязанской губ. [Vasm. WRG III: 52], польск. *Leta* р. в басс. Варты [НО: 102], производные от глаголов вроде рус. диал. *лететь* ‘течь (о ручье)’ (Волосов. Ленигр.) [СРНГ 17: 16] или польск. диал. *lecieć* ‘течь, капать’ (< **letĕti*), см. также [Шульгач 1998: 152—153]. Разумеется, первичная гидронимическая семантика новг. *Хуба* могла опираться и на другие исходные смыслы, выявляемые глаголами с корнем **xub-/xub-*, тоже проявляемые гидронимией, но приоритетной выглядит все же мысль о воплощении более общей идеи течения воды (‘бежать, лететь’).

В Приильменье и Поволховье глаголы от **xub-/xub-* не выявлены, однако хорошо известна лексема *хуб*, по-видимому, родственная гидрониму *Хуба* (согласно [ЭССЯ 8: 153], *хуб* — от **xubati*). Она хорошо представлена по новгородским говорам в сфере географической терминологии со взаимосвязанными значениями: *хуб*, иногда *хуп* ‘возвышенное место грядой’, ‘глубокое место в реке, где крутится

вода', 'водоворот', *хиб*, *вѣхиб*¹³⁷, *хиби́на*, уменьш. *хиби́нка*, 'залив; выгнутый берег реки', дополняемые микропонимией: *Хи́б* гористое место, *Хуна́к* сопка в Мош. р-не, *Хибы́*, или *Хи́ны*, лес в Мош. и Под. р-нах [НОС 12: 12; Строгова 1991: 26, 130]. От новгородской территории термины проникли на Кольский полуостров, где *хибень* 'плоская возвышенность, плоскогорье' [Даль ТСЖВЯ 4: 547] (там же и название гор *Хибины*), и в костромские говоры, где зарегистрировано *хиб* 'излучина' [Новичихин 1993].

Писцовая книга Шел. пят. 1571 г. указывает реку с созвучным названием *Пахуба* [НПК V: 522, 525, 529, 531, 543, 546] (сегодня — р. *Пагуба*, п. пр. Плюссы), в свою очередь книга 1550/51 г. отмечает смежное с этой рекой оз. *Пахуба* при описании Дремяцкого пог. Шел. пят. [ПКНЗ 6: 117]. Данный гидроним членится с выделением префикса (*Па-хуб-а*), но элемент *хуб-* скорее всего не имеет отношения к *Хуба*, а является побочным вариантом корня *губ-* (: *сгибать*, см. геогр. *Гибезж*), благодаря оглушению *γ > х* в заударной интервокальной позиции.

Хутын-, Хутон-, Хутан-, Футин-

Хутынъ дер. на правом берегу Волхова под Новгородом, в ней находится издревле хорошо известный Хутынский Спасо-Преображенский монастырь¹³⁸. Летопись впервые упоминает это место в 1192 г.: «Въ то же лѣто постави църковь вънизу на *Хутинѣ* Варлаамъ църнець, а мирьскимъ именемъ Алекса Михалевиць, въ имя святого Спаса Преображения; и святы ю владыка архиепископъ Гаврила на праздникъ, и нарече монастырь» [НПЛ: 40 (Син. сп.)]. Приблизительно этим же временем (1192—1210 гг.) датируется Вкладная грамота Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю (к обоснованию ее датировки см. [Янин 1990: 207—210]), в которой интересующее нас название содержится в следующем фрагменте: «Вху же ту землю *Хутиньскую* въдале святому Спасу и съ челядию и съ скотиною» [ГВНП: 161, гр. 104], а также [Зализняк 2004: 458]. Из этих материалов явствует, что геогр. *Хутынъ* под Новгородом ранее имело облик посессива с суф. *-ин-*: *Хутино*, о чем свидетельствуют и более поздние многочисленные фиксации: «на *Хутинѣ*» в Мест. п. (1207, 1211, 1243, 1247, 1417, 1418, 1445 гг.), «съ *Хутина*» в Род. п. (1223, 1230, 1388, 1414 гг.), «на *Хутино*» в Вин. п. (1228 г.), см. летопись [НПЛ: 50, 52, 61, 65, 67, 70, 79, 231, 247, 250, 270, 272, 273, 278, 297, 304, 381, 382, 485, 405, 407, 411, 424, 474]. Один из новгородских актов нач. XV в. тоже дает форму с суф. *-ин-*: «святого Спаса с *Хутина*» [ГВНП: 187, гр. 130].

В летописных памятниках более позднего времени, новгородских (Новг. 2-я, 3-я, 4-я летописи и др.) и новгородских, отражена, однако, уже современная форма *Хутынъ*. Ср. в новг. 4-й летописи по списку Никольского под 1192 г.: «По-

¹³⁷ Диал. *вѣхиб* — результат контаминации *хиб* + *вѣгиб* 'изгиб'.

¹³⁸ Подр. сведения о многовековой истории Хутынского монастыря см. в [Святая София: 193—201].

стави Варлаам игумен святого Спаса церковь на *Хутыне*» [ПСРЛ 4 (2-е изд., ч. 1, вып. 3): 591]. Та же форма в [НЛ: 305] под 1471 г.: «У святого Спаса на *Хутыни* в монастырь Корсунские колокола сами о себѣ зазвониша» (знамение перед взятием Новгорода московским князем Иоанном Васильевичем). Писцовые книги конца XV—XVI в. и более поздние документы знают только геогр. *Хутынь*, *Хутынский* (монастырь, погост), иногда в фонетически преобразованном виде *Футынь*, *Футынский*, как, например, в [ПKNЗ 2: 347, 353] (переход *х* > *ф* достаточно регулируется, см. геогр. *Хотина*/*Фотина*, *Фотивиж* наряду с новг. *Хотовижи* и др.). Надо полагать, стабилизация варианта *Хутынь*, окончательно вытеснившего вариант *Хутино*, произошла не позднее XV в.

Беспорной этимологии новг. геогр. *Хутынь* (*Хутино*) не имеет¹³⁹. Нельзя исключать связи с корнем **xut-*, связанным чередованием с **xvat-* [ЭССЯ 8: 118]; к отражениям этого корня относят редкие севернорусские лексемы, такие как олон. *xutítъ* ‘хоронить, погребать’ [Куликовский 1898], диал. *охútítъ* ‘спрятать’, ‘прибрать, привести в порядок; подмести пол’, [ЭССЯ 27: 85], в рус. говорах Карелии глаголы *сохútитъ(ся)* ‘спрятать(ся)’, ‘скрыть(ся)’ [СРГК 6: 240], сущ. *хуток* ‘укромное место’, обнаруженное в картотеке СРГК (цит. по [Куркина 2006: 226—227]). В рамках данной гипотезы геогр. *Хутынь*/*Хутино* — это отглагольный суффиксальный дериват, который первоначально обозначал либо ‘укромное место’ (как *хуток*), либо ‘место погребения’, судя по взаимосвязанным глагольным значениям ‘хоронить’ и ‘прятать’ (ср. *хоронить* и *хранить*). Следовательно, геогр. *Хутынь*/*Хутино* допустимо трактовать в смысле указания на место раннеславянского погребения. Эта идея, как будто, находит фактическое подкрепление: рядом с Хутыньским монастырем действительно имеется погребальная сопка славян-язычников.

На мой взгляд, все же более предпочтительна иная этимологическая версия: рассматриваемое название отражает праслав. корень **xot-*, который является редким и вторичным вариантом праслав. корня **xot-* (: **xotěti*, рус. *хотеть*). В отличие от общеслав. **xot-*, вариант **xot-* осложнен носовым инфиксом и встречается преимущественно у западных славян. Этот корень показывают, в частности, др.-чеш. *chut* ‘охота, склонность, вкус, приятность’ и с отрицательной частицей *nechut*, *chutný* ‘приятный, приветливый, милостивый’, чеш. ‘вкусный’, диал. ‘красивый’, словац. *pochut*, *chut* ‘вкус’, ‘жажда’, диал. *xutní* ‘милый, миловидный, хорошенький’, н.-луж. диал. *chutny* ‘жадный, алчный’, ст.-польск. *chętny* ‘приятный’,

¹³⁹ Попытка объяснить этот загадочный топоним выразилась в создании топонимической легенды, которая изложена архимандритом Макарием следующим образом: «Слово Хутынь, по преданию, происходит от слова — худый, то есть худое место, обитаемое нечистою силой, но очищенное от нее преп. Варлаамом, и соответствует слову — худынь. В подтверждение этого указывают на озеро у монастыря вроде болота, которое зовется Видѣнь, где будто бы затоплена нечистая сила и где доселе иногда видятся или чудятся привидения оной» [Макарий 1860: 431], см. о том же в «Житии преподобного Варлаама Хутынского» [Избранные жития: 155].

польск. ‘охотный, доброжелательный’, *chęć* ‘охота, желание’, укр. *хуть* ‘страсть, склонность, внутреннее побуждение, самосохранение’, блр. *хуць* ‘хотение, желание, расположение’ и др. [ЭССЯ 8: 84, 86; Фасм. ЭСРЯ IV: 270; Эккерт 1971: 488—489]. Среди антропонимов данный корень содержится в др.-польск. личн. *Chętko* [SSNO VII: 24; I: 336], др.-чеш. личн. *Chuten, Chutný* [Svoboda 1964: 270; Prof. MJ II: 72]. На территории восточных и западных славян найдется еще ряд названий с элементом **xpt-* (> *хут-*): *Хутово, Нехутово, Хутомир, Хутчеево, Хучево, Хуцьки*, польск. *Chutcze, Chutkowice*, чеш. *Sechutice, Chutnovka* и др., которые показывают отчетливо деантропонимную деривацию. Обращает на себя внимание то, что многие из них либо находятся в отношении вариантности с топонимическими формами на *Хот-*, либо образованы по тем же деривационным типам, что и названия на *Хот-* (подр. см. в гл. 5, анализ *Нехутово*). Рассматриваемому топониму *Хутынь (Хутино)* тоже знакома вариантность с формой на *Хот-*, так, Ком. сп. Новг. 1-й летописи в сообщении 1243 г. дает его в виде *Хотъно*: «Преставися рабъ божии Варлаамъ, а мирьскы Вячеславъ Прокшиниць, на *Хотънѣ* у святого Спаса» (по Толст. сп. — «*Хутинѣ*») [НПЛ: 297].

Из двух главных форм рассматриваемого ойконима (*Хутынь* и *Хутино*) первая структурно близка группе таких названий, как *Хотынь* и т. п. (см.), которые в целом объясняются мною в качестве йотово-посессивных дериватов от засвидетельствованного др.-слав. письменностью личн. *Хотына, -я*. В свою очередь, форма *Хутино* сближается с распространенной деантропонимной ойконимией на *Хотин-* типа геогр. *Хотино* (см.). Варианты *Хутино* и *Хутынь* следует трактовать в контексте общего широкого пересечения дериватов с суф. *-ын’* (< *-ин’*-) и *-ин-* (< *-ин-*), которое, как ранее уже отмечалось [Sławski ZSP II: 140], является неоднократно наблюдаемым процессом в лексике и топонимии. Такую же вариантность показывает, например, название дер. *Дроздино* на Ловати, по акту 1398—1410 гг. [ГВНП: 166, гр. 110], которая указана как *Дроздыни* писцовой книгой Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 362] (= совр. дер. *Дроздино* Пинаевогорск. Ст-Рус.)¹⁴⁰. Вне Новгородской земли ср. гидроним *Горынь* в басс. Припяти, фиксируемый в XII в. первоначально в форме *Горина*: «...и дошедше *Горины*»; «Изяславъ (...) перешедь *Горину*»; «...мость на *Горинѣ*» [ПСРЛ I: 307; II: 410; VII: 81], или колебания летописного др.-рус. геогр. *Смядынь / Смядино* для притока Днепра ниже Смоленска [НПЛ 25: 27, 35, 172, 173, 210, 225], укр. *Норина / Норуї* для притока Ужа в басс. Припяти (по [Шульгач 1998: 97]), др.-рус. *Кснятинѣ / Кснятынѣ*, позднее — *Скнятин* гор. на правом берегу Сулы, [Роспонд 1972: 29; Нерознак 1983: 100]. Такие колебания спорадически проявлялись в условиях недостаточной фонологизации признака твердости / мягкости согласных перед *и*, причем особенно регулярно у смычных зубных перед *и* (см. еще новг. геогр. *Гос-*

¹⁴⁰ Любопытно, что противопоставление этих двух топонимических вариантов длится с эпохи средневековья по сей день: в общепринятом, официальном употреблении пишут и говорят — *Дроздино*, тогда как в речи местных старожилов порой звучит форма *Дроздынѣ* [ЛЗап].

тыца / Гостица, Гостыничичи / Гостинничичи, личн. *Несдила / Несдыла*, геогр. *Хотимль / Хотым* сел. в Орловской губ. и др.).

Межтерриториальные соответствия для ойконима *Хутынь / Хутино* под Новгородом известны в целом ряде мест, но все они имеют отчетливо региональный характер распространения. К ним относятся: геогр. *Хутыня* дер. «пуста, лѣсомъ поросла» 1576 г. в Дегожском пог. Шел. пят. [НПК V: 642] (в истоках Шелони к северу от оз. Полисто); *Хутынь Бор*, или *Хутынский Бор*, ур. за р. Веряжей немного к западу от Новгорода («пожня под Горыневым за *Хутынским бором*»; «промеж *Хутыня* бору и Радыне»; «пожня за Веряжею в *Хутыне бору*»; «пожня под *Хутыним бором*»; «пожня в *Хутыне бору* в Горыневском пути» и другие упоминания в отписных и оброчных книгах пригородных новгородских пожен 1535/36—1539/40 гг. [ПКНЗ 1: 310, 315, 316, 318, 320, 326, 341, 344, 345, 352, 356]); *Хутынские Горки* пожни неподалеку от устья Ловати в Ст-Рус. у., известные по книге 1624 г. [ППКСР: 232]; *Хутынка* дер. на руч. Чернец Виленской вол. Ст-Рус. у. между Старой Руссой и Волотом [СНМНГ III: 24—25], сегодня дер. *Хутоныка* Луньшинск. Ст-Рус.; *Черная Хутынь* ус. на р. Ловать Жгловск. Ст-Рус. у. [Там же: 58—59]; *Хутонка* дер. на р. Колошка Ратицк. Вол. между Сольцами и Волотом (более ранние сведения об этих трех пунктах Южного Приильменя, к сожалению, не известны); *Хутань*, или, по [Шан. РЛЮ: 50], *Хутынский*, л. пр. Равани, п. пр. Тигоды, л. пр. Волхова. Новгородские кабальные книги 1592—1609 гг. сообщают о геогр. *Хутыни* где-то северо-восточнее Боровичей в окрестностях сел. Устрека: «жил в Устрейской волости в *Хутынях* в бобылях» [КГарн]. В писцовой книге 1545 г. говорится о «дер. *Футыно* на озере на *Футыне*» в Никольском пог. на Вышнем Волочке у Столпа Беж. пят. [НПК VI: 338]. В нескольких других фрагментах книги 1545 г. это озеро именуется *Футыно*: «Да Максимку-жъ з братьею въ озерехъ участъковъ: въ Щучье, въ *Футыне*, въ Крячине, въ Велбуже, а рыба въ тѣхъ озерехъ шуки, плотицы, окуни» [Там же: 42], такая же «отвердевшая» форма *Футыно* дана в [НПК VI: 44, 54, 340]. Данное озеро, по-видимому, приравнивается к совр. оз. *Хутынья (Шепелькино)* басс. Мсты у гор. Вышний Волочек и дер. Шепелькино. Формы *Футыно / Футыно* модифицированы из *Хутино / Хутино* (ср. вариантность *Хутынь / Футынь* под Новгородом). Наконец стоит отметить название дер. *Хутино* Ильинского Тигодского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 392], преобразовавшееся впоследствии в *Хотуня* дер. 1539/40 г. [Селин 2003: 220]. Дальнейших сведений об этом пункте нет, однако между гор. Любань и дер. Чудской Бор в Тосн. р-не протекают руч. *Хотунь Большой* и *Хотунь Малый*, конкретизирующие местоположение средневековой деревни. За пределами Новгородской земли обнаружено всего несколько топсоответствий, причем два из них тоже тяготеют к северо-западному (новгородскому) ареалу: *Хутыни* сел. Городокского у. Витебской губ., *Хутынь* дер. на р. Роска неподалеку от уездного центра Чернь Тульской губ., *Хутынцы* дер. на р. Каспля близ уездного центра Поречье Смоленской губ. [Vasm. RGN IX 3: 563].

Изложенные материалы доказывают преимущественно новгородскую принадлежность перечисленной топонимии. В целом речь идет об ареально ограничен-

ной, но хорошо представленной в центре новгородской территории тополексема *Хутынь*, имеющей более редкий и, очевидно, вторичный вариант *Хутино*. Ближайшим «родственником» оказывается тополексема *Хотынь*, пересекающаяся с *Хотино*, но она, в отличие от *Хутынь*, показывает общеславянское распространение. Похоже, *Хутынь* базируется на др.-вост.-слав. апеллятиве диалектного происхождения и распространения, забытом, однако, диалектной лексикой, но оставившем заметные следы в региональной топонимии. Апел. *хутынь (> геогр. *Хутынь*) допустимо считать новообразованием диалекта летописных ильменских словен прежде всего потому, что на сопредельной Псковской земле, бывшей севернокривичской территории, репрезентирующая его тополексема не известна или по крайней мере не выявлена. Судя по семантике корня *хут-* (< **xot-*), с этим апеллятивом связывалось абстрактное значение ‘охота, хотение, желание’, как в укр. *хуть*, блр. *хуць*. Это апеллятив в ономастическом применении подвергался конкретизации, благодаря чему он мог становиться личным именем **Хутына*, -я пожелательно-оценочного смысла (такого же, как в др.-польск. личн. *Chotyна*, *Chotyńko* и др.) или топонимом, заключавшим положительную характеристику места (‘хорошее, приятное, красивое, желанное место’). Похожую ситуацию иллюстрирует общевост.-слав. апеллятив *добрыня*, *добрына* ‘добро, доброе отношение’, ‘добродетель’, который дал вост.-слав. личн. *Добрына*, -я (на базе этого хорошо известного имени появлялись деантропонимные названия), но и прямо конкретизировался в качестве топонимов — маркеров «добрых», хороших мест (подр. см. гл. 2, анализ геогр. *Добрыня*). Среди названий на *Хутын-* следует предполагать не только деапеллятивную, но, разумеется, и деантропонимную деривацию, поскольку личн. **Хутына*, -я, в свою очередь, могло образовывать топонимы, как другие личные имена. Конкретно обосновать тот или иной тип деривации вряд ли удастся без привлечения дополнительных фактов. Остается судить по косвенным признакам. Так, средневековое геогр. *Хутынь Бор* ур. под Новгородом (источник дает разные падежные формы: «промеж *Хутыня бору*»; «в *Хутыне бору*»; «пожня под *Хутыним бором*» и др., см. выше), похоже, включает прилагательное-посессив с суф. *-j-, которое отсылает к основе личного имени; ср. относящиеся к этой же топонимической модели новг. геогр. *Хатинь Бор* (к личн. *Хотинь*, см. в гл. 2), как и геогр. *Баклов Бор*, *Дюкин Бор*, *Татин Бор*, *Трубников Бор* и др., образованные от антропонимов.

ЧАВН-, ЧАУН-

Чавницы дер. Бронницк. Новг., ранее — дер. Красностанской вол. Кр. у. на р. Ниша у восточного берега Ильменя [СНМНГ IV: 54—55]. Идентифицируется с сц. *Чавница* Наволоцкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 450, 452], под 1538/39 г. — сц. *Чавница* (*Чавницы*) [ПКНЗ 4: 200—202], а в книгах пригородных пожен Новгородского дворца 1535/36—1539/40 гг. имеются указания на пожню «на реке на Нише против *Чавниц*», на пожню «в Николском ручью против *Чавниц*» на «Аннинские Лутьяновы пожни в *Чавницах*» [ПКНЗ 1: 350, 369, 370], есть еще сообще-

ние платежной книги 1542/43 г. на местность *Чавницы* («в *Чавницах* треть сохи») в пог. Наволоцком [ПКНЗ 4: 459]. Совр. крупномасштабные карты указывают в окрестностях деревни оз. *Чавницкое*.

Не найдены средневековые свидетельства о дер. *Чавницы* Яжелбицк. Валд., а в нач. XX в. — в Китовской вол. Кр. у. на оз. Островно; рядом с деревней списки селений указывают еще хутор и выселок этого же названия [СНМНГ IV: 50—51]. С другой стороны, нет поздних сведений о средневековой дер. *Чавно*, бывшей в пог. Иванском на Волхове Обон. пят. 1563/64 г. [ПКНЗ 2: 59].

Похоже, к данному ряду принадлежит и геогр. *Чауни* дер. Селогорск. Новг., в нач. XX в. — дер. и ус. Селогорской вол. Новг. у. на рч. Трубица [СНМНГ I: 74—75]. Ранняя форма этого ойконима — *Чавино* дер. в Егорьевском Лууском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 39], в более поздних документах: *Чавино* под 1540, 1568, 1582, 1646, 1678, 1788 гг., *Чавуни* под 1669 г., *Чавани* (*Чавуня*) в источнике 1718 г., *Чауни*/*Чавуни* под 1748 г. [Селин 2003: 109], в XIX—XX вв. окончательно устоялся вариант *Чауни*.

Ойконимы мотивированы не проявившимися в современных диалектных собраниях апеллятивами, которые обозначали качество местности и, надо полагать, родственны укр. *чавіти*, *щавіти* ‘жать, давить, выжимать’, *вы́чавити* ‘выжать’ [Гринч. СУМ I: 199; IV: 442, 522], рус. диал. *защавіть* ‘придавить, прищемить’ (Черепов. Новг., Костром.), ‘прекратить, прикрыть; уладить (дело, спор и т. д.)’ (Перм.) [СРНГ 11: 195]. С этими глаголами В. А. Меркулова [1967: 71—73] связывает обозначение щавеля как растения с кислым соком. Новгородские ойконимы отсылают к прил. **чавьньи* или сущ. **чава*, которые можно рассматривать в качестве локально ограниченных (только др.-новг.?) вариантов к др.-рус. *щавьньи* ‘кислый’ (?) («поль ведра квасу щавного») [Срезн. МСДРЯ III: 1605], укр. *щавя* ‘щавель’, ‘минеральная вода’, блр. *шчаўе* ‘щавель’, болг. *щавя* ‘дубильное вещество’, *щавя* ‘дублю’, сербохорв. *штава* ‘вымачивание кожи в воде перед дублением’, ‘дубильная кислота’, *штавити* ‘дубить (кожу)’, словен. *ščāv*, *ščāva* ‘щавель’, чеш., словац. *šťáva* ‘сок’, польск. *szczaw* ‘щавель’, *szczawa* ‘углекислая вода’, н.-луж. *šćaw* ‘щавель’, *šćawny* и т. п., по [Фасм. ЭСРЯ IV: 495; Черн. ИЭССРЯ II: 429]. Из топонимии ср. прежде всего укр. *Щавник* п. пр. Ломницы басс. Днестра в окрестностях Калуша в Галиции [Vasm. WRG V: 306], польск. *Szczawa*, *Szczawianka*, *Szczawnica*, *Szczawniczek*, *Szczawniczy*, *Szczawniczny*, *Szczawnik*, *Szczawny Potok*, оз. *Szczawińskie* — рр. в басс. Вислы [HW: 420], *Szczawnica-Krościenko* гор. во 2-й пол. XV в. (к *szczawnica* ‘источник с кислой водой’) [Rymut 1987: 236], *Штава*, *Штавичка*, *Штавка*, рр. в Сербии [Павл. XC], хорв. *Štavnica*, словен. *Ščavnica*, *Na Ščavji*, *Šavnica*, *Ščavnik* [Bezl. SVI II: 239; Snoj ESSZI: 406—407]. Специфика новгородских ойконимов, в отличие от лексики, продолжающей праслав. **ščāv-*, **ščavъn-*, состоит в наличии начальной согласной *ч* (**čav-*, **čavъn-*). Но анлаут *ч* в данном корне не исчерпывается только новгородскими топонимическими фактами: он проявляется в укр. *чавіти* ‘жать’, *вы́чавити* ‘выжать’ и, похоже, в рус. диал. *чавреть*, *чаврить*, *чаверить* ‘вянуть, чахнуть, сохнуть’, *чаврый*, твер. *чавренный* ‘худой, хилый,

блеклый' [Даль ТСЖВЯ 4: 580], новг. *чáвра* 'кто плохо ест, с плохим аппетитом' [НОС 12: 36]. По мнению А. Е. Аникина [1998: 127], «можно думать от отношении *čav-r-ěti ~ ščaviti*», так же полагают в [SP II: 119] (смещение 'сжимать' > 'сохнуть, вяннуть' абсолютно оправдано семасиологически).

Названия дер. *Чавно*, *Чавница*, *Чавино* можно считать первоначальными маркерами топких, сырых мест. Действительно, все эти новгородские селения приурочены к низменным местностям. Привлечение приведенных выше глаголов, заключающих значения 'давить, жать', позволяет провести деривационно-семантическую параллель с терминологией, распространенной в новгородских и во многих других русских говорах, типа *нажѣм*, *нажѣмина*, *нажѣмина* — обозначениями мокрых, топких, обычно береговых мест [СРНГ 19: 270—271; НОС 5: 141—142], также с новг. *нажѣмный* 'топкий, болотистый' [НОС 5—142]. Менее вероятна мотивировка по признаку закисленной, неплодородной почвы, если видеть за корнем *чав-* (= *щав-*) обозначение кислого, ср. в этой связи рус. диал. *кислядь* 'щавель' и 'кислая почва, требующая известкования' [СРНГ 13: 236].

За пределами Новгородской земли топонимия на *Чав-*, сравнимая с изложенными новгородскими названиями, очень редка и трактуется исследователями по-разному. Наиболее убедительное соответствие репрезентировано названием смоленской р. *Чавенка*, иначе *Чевка*, п. пр. Баси, л. пр. Прони, п. пр. Сожи. Данный смоленский гидроним К. Буга относит к балтизмам, сближая с геогр. *Kiewie*, *Kiewaitys*, *Kiewenis*, *Rakėvė* корня *Kėv-* [Būga RR III: 521] (мнение Буги разделяют В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев [1962: 212]), однако с учетом новг. ойконимов *Чавно*, *Чавницы* мысль о балтийском происхождении *Чавенка* теряет убедительность. Для гидронима *Чавица* р. в басс. Угры, известного только на карте Калужского наместничества 1792 г. [Смол. ГБО: 42], по-видимому, более авторитетной является его совр. форма *Чайца*, скорее предполагающая основу *Чай-*, а не *Чав-*. В Словении есть гора с названием *Čaven* (впервые под 1507 г.) неясной этимологии [Snoj ESSZI: 96]. Очевидно, иного происхождения словен. гидронимы *Čava*, *Čavkov Slap*, сербохорв. геогр. *Čava*, чеш. *Čavuně* (или *Čauva* под 1115, 1186 гг.) [Prof. MJ I: 269]: Безлай и Профоус сближают их с сербохорв. *čáva*, *čavka* 'птица семейства вороновых, *corvus molondula*' или возводят к личн. *Čavo*, *Čavić*, *Čavka*, см. [Bezł. SVI I: 111]. Неясным остается название оз. *Чавнозеро* (иначе — *Карельское*) в Карелии, гидрографически связанного с р. *Чална* [Григорьев, Грицевская 1959: 44].

**ЩИР-, ШИР-, ЩЕР-, УЩИР-, ЩЕРЧ-,
ЦУР-, ШУР-, ЧУР-, ЩУР- и др.**

Щир дер. Стр-Кр. на южном берегу оз. *Щир*, или *Щирское* (по [Шан. РЛЮ: 346] — *Щирское*), с истоком в р. Черная басс. Плюсы. Списки селений 2-й пол. XIX в. указывают здесь пог. *Щир* [СНМРИ 34]. Согласно средневековой письменности, это было сельцо, «а на немь церковь Егорей Великий», центр Щирского погоста-округа Шел. пят., первые описания которого идут с конца XV —

1-й пол. XVI в. [НПК IV: 486, 533, 547; V: 9, 10, 91, 96, 102—118, 127]. Под 1498 г. указано оз. *Щирское* («у озера у *Щирского*»; «участки ему во *Щирскомъ* озере да въ *Черномъ*» [НПК V: 109—111]¹⁴¹, иначе — *Щир* под 1571 г. [ПКНЗ 6: 53, 54, 57, 59, 74]. Впервые же погостское село или соседящее с ним озеро упомянуто под названием *Скир* («межи Лютой и *Скиру*») в псковской летописи, рассказывающей о событиях 1471 г. [Янин 1998: 118]¹⁴². Название средневекового погоста (села) вместе с прилегающей к нему территорией погоста-округа несомненно получено по смежному оз. *Щир*. Отгидронимный и, в частности, отлимнонимный, характер номинаций средневековых новгородских погостов — явление типичное, например, в Шел. пят. погосты *Хмерский*, *Сумерский*, *Жедрицкий*, *Дегожский* и др. также были названы по смежным озерам.

На бывшей территории Щирского пог. есть еще рч. *Щировка/Шировка* (= *Щировица*, иначе *Щировка*, по книге 1550/51 г. [ПКНЗ 6: 53, 54, 57]), пр. Губинки, п. пр. Курей, л. пр. Плюсы, протекающая через р. ц. Струги-Красные, в нескольких километрах южнее оз. и дер. *Щир*. Учитывая территориальную близость, появление этого речного названия легко объяснить иррадиацией геогр. *Щир*. Вместе с тем соответственных топонимов на *Щир*- в иных местах Новгородской земли обнаружено немало, среди них преобладают явно деантропонимные образования. Пока отмечу лишь те, которые, судя по типологии деривационных моделей, бесспорно или вполне надежно относятся к числу деапеллятивных: *Щировка* л. пр. Белой, р. в оз. Большая Лынка басс. Плюсы [Шан. РЛЮ: 380]; *Щирское* оз. и болото в басс. Луги со стоком в р. Онза, Гатч. р-н (из *Щирское*, ср. выше *Щирское/Ширское* басс. Плюсы); *Щирско* дер. Логовещского пог. Шел. пят. под 1498 г. [НПК V: 97] (= совр. *Щирск* дер. Стр-Кр. р-на на рч. Белка басс. Шелони); *Щировица* р. в Беж. пят. 1501 г. (?) [НПК VI: 11]; *Щирок* — пара дер. в Семеновском и Удрицком погостах Дер. пят. под 1495 и 1539 гг. [ПКНЗ 4: 183, 184, 194; НПК I: 708, 784]; менее вероятно отнесение сюда геогр. *Щирово* дер. Быстреевского пог. под 1571 г. [НПК V: 335, 477, 482], которое допустимо возвести и к деапеллятивному личному прозвищу. В средневековом ойкониме *На Ширице Жираво* (*В Ширице Жираво*) дер. Рождественского на Сяси пог. Обон. пят. 1496 г. [ПКНЗ 1: 302, 303], по видимому, отражен вариант тополексемы *Щирица* (см. ниже *Щирица/Ширица*). Указывают еще р. *Щира* среди притоков Луги в Луж. у. [Vasm. WRG V: 313], но по совр. данным такой реки в Полужье не обнаружено¹⁴³.

¹⁴¹ Оз. *Черное* на современной карте показано в 4 км к северу от оз. *Щирского*.

¹⁴² По сообщению летописи, 12 июля 1471 г. псковские «добровольные люди», исполняя требование Ивана III, начавшего войну с Новгородом, перешли рубеж Новгородской земли и «поидоша воюя по Новгородской волости, а хоромы сгуще». Поход продолжался полтора дня, «а воевали и жгыли на 20 верстах», и окончился поражением псковичей «межи Лютой и Скиру» [ПЛ 2: 183]. Разгром псковичей случился, очевидно, на территории Щирского пог., поскольку именно здесь р. Люта (Лютая), л. пр. Плюсы, своим верхним течением сближается с оз. Щирское и сел. Щир.

¹⁴³ Возможно, это неточная передача названия р. *Яцера*, п. пр. Луги.

У западных рубежей исторической Новгородской земли локализуется оз. *Щирицкое / Ширицкое* басс. Великой со стоком в р. *Щирица / Ширица*, лежащее в 17—20 км северо-восточнее Пскова, а на восточной периферии — оз. *Щирье* в Череповецком у. Новг. губ., связанное с р. Кондуша басс. Шексны [Шан. РЛЛО: 470]. В Гомельской обл. Белоруссии отмечены ур. *Шчыры* и *Слабадскі Шчыр* Гомельской обл. [Яшк. БГН: 208], как и ур. *Шчыр* и *Шчыроіца*, в Брестской обл. ур. *Шчырыць* и поле *Шчырабор*, где раньше был лес [Мікратапанімія: 259]. В истоках Оки известны р. *Щир*, указанная под данным именем также в писцовых книгах XVI в., есть оз. *Щир / Цир*, отмеченное в Рязанской губ. материалами конца XVIII в., р. *Щировка* к югу от Москвы, по источникам XVI в. [Смол. ГБО: 16, 123, 127]. Имеется еще укр. *Щирьць* л. пр. Днестра, под 1425 г. [ЕСЛГНПР: 176; СГУ: 620]. К этому же ряду соответствий относится название *Чир* п. пр. Дона.

Для этимологической интерпретации новг. геогр. *Щир* существенный интерес представляет наличие его летописного вар. *Скир*. В этом варианте, извлеченном из псковского памятника с элементами народно-диалектной речи, видится местное (др.-пск., др.-новг.) неосуществление палатализации праслав. корня **skir-*, противопоставленное палатализованному рефлексу в *Щир*. Фонетическая вариантность *Скир / Щир* подобна вариантности, например, рус. *щепать* (лучину) и укр. *скіпати*, блр. *скепаць*, рус. *щеп* и укр. *скіпа*, рус. *расщепить*, *расщеп* и диал. (южн., зап., сиб.) *раскеп* ‘расщеп, трещина’, смол., пск., твер. *раскепина*, *раскепица* ‘то же’, смол. *раскетиць* ‘расколоть (бревно, дрова)’ [СРНГ 34: 115], новг. *скепать* ‘щепать’ (Пест.) [НОС 10: 69], приводились также *скѣмима* Вин. мн. ‘щемимые’ (из рукописи, писанной в 1590 г. во Пскове), но *щемить*, *проскипомъ* (в Ком. сп. НПЛ), но *щипать*, и др. [НГБ 1977—1983: 114—115]¹⁴⁴. Показательно, что в области новгородского пятинного деления проявление топоосновы *Скир-* не ограничивается одним только этим фактом. Так, писцовые книги Беж. пят. отмечают в Васильевском Кострецком пог. сельцо и вол. *Скирка* под 1551 и 1564 гг. [НПК VI: 209—213, 232, 606, 607, 625, 795], а дозорная книга Беж. пят. 1565/66—1566/67 гг. уточняет, что это сельцо стоит «на речке на *Скирке*, а в нем церковь Рожество Христово»; рядом была «дер. Погорелово и Остолопово тож на речке на *Скирке* (...) да у тое ж деревни отхожея нивка Патрушиха за рекою за *Скиркою*» [ПКНЗ 3: 92, 93] (сегодня на месте средневекового сельца значится дер. *Скирки* Ривицк. Макс.). Первоначальным здесь был, очевидно, гидроним *Скирка*, перенесенный и на селение. Известно также о дер. *Скирицы* 2-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 118], отождествляемой с деревней этого же имени в Которском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 94] (тоже в басс. Плюсы, где локализуется геогр.

¹⁴⁴ Ср. еще палатализованный и непалатализованный варианты названия р. *Щагла / Стягла* в Пск. обл., тоже в басс. Плюсы неподалеку от оз. *Щир*. В отличие от лимнонима *Щир / Скир* эти варианты сосуществуют синхронно.

Щир / *Скир*, но не в средней его части, а в верховьях; что касается структуры, ср. пск. геогр. *Щирица*).

В целом за изложенной топонимией стоят апеллятивные продолжения праслав. *skir*- типа **щирь* / **скирь* муж. р. (судя по геогр. *Щир* / *Скир*, *Щирово*, *Щировица*, деминутивное *Щирок*) или **щира* / **скира* жен. р. ввиду геогр. *Щира*, *Щирино*, *Скирка*. Этимологические связи и семантические признаки этих апеллятивов, использованные для топонимической номинации, не вполне ясны. Учитывая, что данные названия образованы скорее от субстантивов, нежели от адъективов, особенно продуктивными кажутся сравнения со ст.-блр. *шчыр* 'целина, новое поле', блр. *шчы́рка*, *шчарэц*, *шчырэц*, *шчырына́* 'то же', или с блр. *шчырэц* 'чистый песок' в говорах Могилевской и Витебской губ. [Яшк. БГН: 208], блр. полесск. *шчырэц* 'почва с песком' [Выгонная 1968: 129], укр. *щирéць* 'чистый песок' 'нетронутая подпочва, вообще что-либо нетронутое' (Волынь, Галиция) [Гринч. СУМ IV: 526]. Поэтому новгородские названия (хотя бы часть их) могут быть обусловлены апеллятивами, характеризующими особенности почвы. Следует отметить, что сходное название *Щирець* л. пр. Днестра ранее уже трактовалось в связи с укр. *ширэць* 'чистый песок; нетронутая подпочва' [ЕСЛГНПР: 176]. Обозначения целины, нового поля, чистого песка в плане этимологии безусловно связаны с диал. *щі́рый* новг. 'настоящий, подлинный' (Бор., Сол., Мар.) [НОС 12: 117], 'истинный, подлинный, настоящий', 'прямой, искренний, чистый, задушевный' (Южн., Зап.) [Даль ТСЖВЯ 4: 656], укр. *щі́рий* 'настоящий, правдивый, прилежный', блр. *шчы́ры*, словац. *čirý*, чеш. *čirý* 'чистый, ясный', (чеш. *čiré pole* 'чистое поле'), польск. *szczery* 'чистый, искренний', но и 'чистый, без примеси' (польск. *szczere pole* 'чистое поле'). В этимологическом плане иначе объясняются (см. [Фасм. ЭСРЯ IV: 507]) омонимичные обозначения растений, такие как рус. диал. *щир* 'растение *Mercurialis annua*', тамб. 'что-либо ярко-красное', *щирéц* 'растение *Amarantus paniculatus*' [Даль ТСЖВЯ 4: 658], совр. рус. *щирі́ца*, болг. *щир* 'амарант, лебеда' и т. п. По смысловым причинам соотносительность новгородских названий на *Щир*- с этими ботаническими терминами сомнительна уже потому, что щирица или истод (*Mercurialis annua*), будучи растениями полей и сухих мест, не создают отличительных зарослей вблизи водоемов и обычно встречаются в областях к югу от Русского Северо-Запада¹⁴⁵.

Вместе с тем отдельные новгородские топонимы на *Щир*- могут отсылать к апеллятивам, но чаще к антропонимам, которые, как полагают, не имеют смыслового и этимологического отношения к *щі́рый*. Ср. формально близкие к геогр. *Щир*, *Щира*, *Скирка* такие новгородские диалектизмы, как *щі́рка* 'круглая деревянная крышка, на которую ставят груз, гнет при солении' (Волосовский р-н Лен. обл.) [СРГК 6: 934] (т. е. собственно — 'плоская крышка в виде плиты') и *щир* 'клин': «Кадка со *щиром*» (Кр. р-н) [НОС 12: 117]; это последнее не что иное, как

¹⁴⁵ См.: Травянистые растения СССР / Отв. ред. Т. А. Работнов. М., 1971. Т. 1. С. 347; Т. 2. С. 18.

словообразовательный вариант к *щёрка*¹⁴⁶. Данные обозначения крышки семантически смыкаются (по форме плиты, плоского предмета) с ярсл. *щира́*, новг. *щёра* ‘камень в продольных трещинах; сланец, плитняк, плита’, сев.-рус. *щера́* ‘каменная плита’, арх. *щерло́п, щерло́па* ‘скалы, каменистые кручи, скалистый берег’, видимо, сюда же отходят и волог. *щора́, шора́, щера* ‘самый крупный песок, хрящ, дресва’ [Даль ТСЖВЯ 4: 642, 656, 658], и словен. *ščēr* ‘отмель, песчаный нанос’. Похоже, вся эта лексика этимологически объединяется с глаголами типа сев.-рус. *щёриться* ‘смеяться, скалиться’ (Медвежьегорский р-н Карелии) [СРГК 6: 934] и общерус. *щёрить* (зубы) ‘скалиться’, *ощёрить(ся)* ‘оскалиться’. За различной огласовкой корня *щер-/щир-*, характерной для данной группы лексических и топонимических соответствий (см. ниже варианты геогр. *Щеркова / Щиркова, Щеркино / Щиркино, Ощёрينو / Ощирино*), помимо обычного смешения созвучных элементов может скрываться еще праслав. чередование **sker-/*skir-*. Старая топонимия Русского Северо-Запада порой сохраняет и непалатализованные варианты данного корня, отражающие фонетику др.-новг., др.-пск. говоров, ср. геогр. *Скерино* дер. в Бельском р-не Твер. обл. (на карте 1865—1871 гг. — дер. *Чичеринка*, по [Воробьев 2005: 356]) наряду с новг. геогр. *Скирино* дер. в Шимской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. при р. Шелонь [СНМНГ I: 112—113] (от антропонима, ср. *Скирин* Дружина, подьячий 1618—1634 г., Москва [Вес. Он.: 287]). Средневековые геогр. *Паскирева* дер. в Вышгородском пог. Шел. пят. 1539 г. и *Паскирево* дер. в Никольском пог. Шел. пят. 1524 г. [НПК IV: 480; V: 372] образованы скорее всего от незарегистрированного личного прозвища **Паскирь*, равного некоему апеллятиву с этим же корнем *скир-* в сочетании с преф. *па-*, ср. в иной префиксации арх. *ускирёк* ‘осколок, черепок’, собир. *ускирьё* [Даль ТСЖВЯ 4: 511]¹⁴⁷.

В целом новгородские ойконимы на *Щер-*, *Щир-* в значительном большинстве мотивированы антропонимией. Таковы *Щеркино / Щиркино* дер. Влажинского пог., *Щерино* дер. в вол. Пирос и в Полоновском пог. Дер. пят. конца XV—XVI в. [НПК II: 576, 656; ПКНЗ 1: 38; 4: 158, 280], *Ощёрينو* дер. в Еглинском пог. Дер. пят. около 1495 г. (= *Ощирино* под 1551 г.) [НПК I: 894; ПКНЗ 5: 215], *Ощеркина* дер. Ополенского стана Пусторжевского у. 1583 г. (по [Янин 1998: 146]), равно как *Щирино* дер. Холмского пог. Дер. пят. 1540 г. [ПКНЗ 4: 316] (= *Щирино*, две дер. на р. Кунье Холм. у.

¹⁴⁶ Значение ‘*клин*’ последнего слова не вытекает из единственной его иллюстрации в НОС и определено скорее всего ошибочно: *щир* здесь явно обозначает ‘крышка’, то же, что *щёрка* в СРГК.

¹⁴⁷ Ж. Ж. Варбот [1984: 125—126] относит арх. *ускирёк* ‘осколок, черепок’ наряду с *чурка* к гнезду и.-евр. **(s)keur-* ‘резать, рвать, драть’. Однако, на мой взгляд, на фоне имеющихся топонимических образований в данном случае более вероятно предположение о непалатализованном варианте корня *скир-*, продолжающего праслав. **skir-/*sker-*, далее к и.-евр. **(s)ker-* ‘колоть, рубить, резать’. Ср. еще равной структуры (с преф. *у-*) новгородские топонимы *Ущира* и *Ушерско*, см. подр. ниже. Более того, отношение *ускирёк* ‘осколок’: *щириться, щериться* ‘скалиться’ в плане деривации и семантико-этимологических связей напоминает отношение родственных *осколок* и *скалиться*.

[СНМРИ 34: № 14169, 14995], сегодня в Кочутск. Тор.) + дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г., вероятно, **Щирово** и **Щириково** дер. Быстреевского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК IV: 130; V: 481, 335, 477]. Сюда же многократно упоминаемое название ул. **Щеркова** иначе **Щиркова**, на Софийской стороне в средневековом Новгороде, в летописях впервые под 1115 г.: «Заложы Воигость церкву камену святаго Федора Тирина, среди дву улицы **Щиркове** [и] Разважи, апрѣля 28» [НЛ: 4—5], затем под 1340, 1396, 1397, 1490, 1541 гг. [Там же: 219, 58, 327; НПЛ: 388, 389], позднее в писцовых книгах конца XV — XVI в. (**Щеркова**, **Щеркова**, **Щоркова**) [ПKNЗ 1: 311, 331, 355; НПК III: 443, 865, 869; IV: 169; V: 64, 65]. По старорусской документации известны прозвищные имена **Щорко**, **Щерка**, **Щирко** [Туп. СДЛСИ: 454, 455], объясняемые благодаря таким фактам, как пск. *щѣря*, *щѣра*, *ощѣра* ‘кто щерится, щетинится’, *щѣрый* ‘дурнолицый’, которые легко смешиваются с диал. *щѣрый* в антропоцентрическом значении ‘прямой, искренний, чистый, задушевный’ (подр. см. выше), ср. и новг. выражение *щѣрый дурак* ‘полный дурак’ [НОС 12: 117].

В свою очередь к названиям, производным от апеллятивной лексики с вариантным корнем *щер-/щир-*, относятся **Ушерско** дер. Волоатовск. Новг. на р. Малый Волховец под Новгородом, в нач. XX в. — дер. Никольской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 48—49] (из **Ущерско* или **Ущирско*, ударение падает на первый слог) и **Ущир** или **Ущира** («в дер. вь *Ущире* дв. пусть») в пог. Прокофьевском на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 846]. Этот, второй, ойконим со временем был сближен с иными апеллятивами и преобразован: в межевых материалах конца XVIII в. деревня называлась *Ущины* [КГарн], по спискам нач. XX в. — *Ущим* Лъзичской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 60—61] (сегодня — дер. *Ущѣм* Любытинск. Люб.). При трактовке данной ойконимии следует учесть, с одной стороны, структурно близкие апеллятивные дериваты с преф. у- типа диал. *ущѣра* ‘нескромная, наглая или грубая, глупая улыбка’, *ущеря́ться*, *ущерѣ́ться* ‘глупо, грубо, нагло ухмыляться’ [Даль ТСЖВЯ 4: 530], с другой стороны, для понимания семантики этих названий можно привлечь факты типа диал. *щѣра́*, *щѣра* как обозначения плитняка, камней, неровностей или песка, гравия. Равноструктурные топонимы повторяются в других восточнославянских регионах, преимущественно в басс. Оки: *Ущер/Ушер* и рядом *Ущер* и *Ущерка*, *Щерок* — рр. среди притоков р. Гусь в Нижнем Поочье, *Ущер* среди притоков Клязьмы, по документации Рязанской и Владимирской земли XVIII—XIX вв., *Ущеревка* р. с сел. *Ущерева Вышняя*, *Щерева Верхняя* в верховьях Оки, сюда же *Ушеринское* болото в Невельском у. Витебской губ. [Смол. ГБО: 23, 190, 226; Vasm. WRG IV: 728, 730].

Иначе трактуются средневековые названия дер. **Щорчицо** и **Щеричица** в Рютинском пог. Дер. пят. 1495—1496 гг. [ПKNЗ 1: 66; НПК I: 414] (к концу XVIII в. отмечены как пуст. *Щерстницы* и *Щертицы* [ИАДП 1: 252, 255]), **Щерчино** дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1542 г. [НПК V: 338] (= *Щершина* пуст. на рч. Рыбенка в материалах конца XVIII в. [Андрияшев 1914: 159]). Они выступают образованиями корня *щерк-* (< **ščьrk-*), которые способны смешиваться и контаминироваться с созвучными дериватами корней *щир-* и *щер-*, как на топонимическом, так, веро-

ятно, и на дотопонимическом уровнях. Соответственные вневонгородские названия — гидронимические, заметное их скопление наблюдается в Среднем Поочье: *Щорк* / *Счорк* / *Чорк* руч., протекавший по дну оврага и впадавший в Осетр близ Зарайска (ранняя запись под 1506 г.); *Щерк*, или *Щерок*, рч. на левобережье Оки между течением рр. Солотча и Пра, согласно писцовой документации XVI в. (совр. форма — *Щерок*); *Щерчок* рч. в басс. Рановы (Рязанское Поочье), по материалам XVI в.; возможно, *Щерок* рч. среди притоков р. Гусь в Нижнем левобережном Поочье, см. [Чумакова 1992: 117; Смол. ГБО: 126, 190]. На Украине один из левых притоков Днестра, около 1425 г. известный под названием *Щирьць*, в текстах XVI—XVII вв. именуется уже *Sczerk*, *Sczirk*, сегодня в местном произношении — *Щчирок*, *Щчэрэк* [ЕСЛГНПР: 176; СГУ: 620]. В Польше есть гор. *Szczyrk* в Бельском воеводстве, известный с конца XVII в. [Rospond 1984: 382; Rymut 1987: 238].

Новгородские и другие перечисленные топонимы оптимально объяснимы через апеллятив, сохранившийся у западных славян: польск. *szczerk*, диал. *szczyrk*, *szczerek* ‘гравий, песчаная почва’, чеш. *štěrk* ‘щебень’, диал. *ščrk*, *štrk* ‘песчаная земля,’ в.-луж. *ščerka* ‘то же’, см. [Machek ES: 625; Rospond 1984: 382; Rymut 1987: 238; Чумакова 1992: 118]¹⁴⁸. К поочским (рязанским, тамбовским) гидронимическим фактам имеет отношение *щерок* ‘старое русло реки’ [Мурз. СНГТ 2: 331 (со ссылкой на материалы Милькова)], хотя семантическая связь этого термина с обозначениями песка и гравия остается гадательной. Ввиду реальности изменения *ščьrkь* > *щерок*, отраженного в колебании поочского геогр. *Щчирк* / *Щчерок* / *Щчерок*, к данному межтерриториальным соответствиям можно отнести и новг. геогр. *Щерок* место в поле у дер. Менюша в Сол. р-не [НОС 12: 116] (как микротопоним песчаного места, но, к сожалению, словарь не дает достаточной характеристики топообъекта). По мнению В. Махека, праслав. **ščьrky* ‘песок’, имеет звукоподражательное происхождение, обозначая речной песок, который чиркает, хрустит под ногами [Machek ES: 625]. На мой взгляд, предпочтительнее исходить из контаминации звукоподражания, выражаемого глаголами типа **ščьrkatī*, **ščьrknōti* (ср., например, новг. киришск. *щёрнуть* ‘стукнуть, щелкнуть’ [СРГК 6: 932], *шёркать* ‘тереть’ [НОС 12: 105]), и созвучных обозначений песка и гравия типа **ščirьсь*. Колебания вариантов *Щирьць* / *Sczirk* / *Sczerk* названия л. пр. Днестра (см. выше) наглядно демонстрируют возможность сближения подобных форм.

Однако новгородские гидронимы *Ширкун* л. пр. Яны, п. пр. Плюссы [Шан. РЛЮ: 338] (на совр. карте — *Шаркунь*) и *Шаркун* п. пр. Курей, л. пр. Плюссы вовсе не связаны с обозначением песка: они являются дериватами с суф. -ун от звукоподражательных глаголов типа *щёркать*, *шёркать*, *шаркать*.

Вместе с тем в регионе Новгородской земли и на сопредельных территориях Русского Севера отмечены и другие этимологически отличные, но семантически

¹⁴⁸ Но созвучное название сел. *Szczyrkowo*, иначе *Szczerków*, в Польше, отмеченного с 1386 г., было объяснено антропонимом [Nieckula 1971: 204], как и новг. геогр. *Щерково*, *Щеркова* и т. п., рассмотренные выше.

идентичные и фонетически созвучные обозначения почвы, такие как новг. *цўра* ‘земля с мелкими камешками’ (Мош.) [НОС 12: 118], новг., олон. *цўра*, *чурá* ‘крупный песок с мелкой галькой, хрящ’, ‘снежная крупа’, то же *цўра*, *цюра*, *чўвра* в Пудожье и Каргополье, арх. *чур* ‘каменистая отмель’, по [Даль ТСЖВЯ 4: 615; СРГК 6: 807; Фасм. ЭСРЯ IV: 386]. С ними соотносятся новг. геогр. *Цуряга оз.* в басс. Плюссы, *Шурáга* участок с лесом (Кр. р-н) [НОС 12: 110] (< *Щурага*), *Чуровка* п. пр. Суды [Шан. РЛЛО: 402], *Щур* дер. Славитинской вол. Ст-Рус. у. по спискам нач. XX в. [СНМНГ III: 112—113] (сегодня известная как ур. *Щур* с песчаной почвой близ пос. Волот, р. ц. Новг. обл.), больше сомнений насчет средневековых *Щуровицы* пожня в Беж. пят. 1551 г. и *Щурово* дер. в вол. Забрусье + дер. в пог. Никольском в вол. Слезкино Беж. пят. 1545 г., [НПК VI: 137, 557, 800]¹⁴⁹. В плане этимологии новг. *цўра*, *чўра*, *цўра* и т. п. как обозначения песка, гальки не имеют надежного решения. Скорее всего их следует этимологически объединить с лексикой типа рус. *цур* ‘граница, предел’, *чур*, *працур*, *чурка* и др. (подр. о которой [Черн. ИЭССРЯ II: 397; Аникин 1998: 156—157]), считая продолжениями праслав. *šćur-/*čćur-, к и.-евр. *(s)kēur- ‘резать, рвать, драть’; при этом в плане семантических изменений стоит обратить особенное внимание на рассматриваемое в этом гнезде греч. *σκῦρος* ‘осколки камня, щебень’ [Рок. IEW I: 954]. Распространенная версия о заимствовании не кажется убедительной¹⁵⁰.

Ясен-, Ясн-, Есен-, Яск-, Яс-, Скрав- и др.

Ясень — название ряда средневековых селений в разных новгородских пятинах и погостах: дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. («съ пустою деревнею съ *Ясенемъ*») + дер. Косицкого пог. Шел. пят. 1524 г. [НПК IV: 181; V: 347] + дер. Никольского Бутковского пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 336, 340, 345] (= дер. *Ясен* 1539/40 г., или *Ясны* 1568 г., а по Ген. меж. 1791 г. — пуст. *Ясны* [Селин 2003: 199]) + дер. Городенского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 294] +

¹⁴⁹ Следует заметить, что некоторые названия на *Щур-*, особенно *Щурово*, можно сблизить также с личным прозвищем *Щур* (см. фамилии *Щуров*, *Чуров*), которое приравнивается к диал. *цур* как обозначению некоторых птиц, животных, рыб, червей и др., см. [Даль ТСЖВЯ 4: 659].

¹⁵⁰ Я. Калима считает сев.-рус. *чўра* усвоенным из приоб.-фин. языков, указывая на карел. *čiiru*, *tširu* ‘гравий’, вепс. *tšur* ‘то же’; в таком же ключе интерпретируются им сев.-рус. *шóра*, *цóра* ‘крупный песок, галька’: из карел. *šora, ср. фин. *sora* ‘гравий’ [Kalima 1919: 242]. С ним солидарен М. Фасмер [Фасм. ЭСРЯ IV: 386], а ранее этой же мысли придерживались Лесков, Погодин. Но, похоже, речь должна идти об обратном — о заимствовании всех этих лексем в приоб.-фин. языки из русских говоров. Необычную для русского вариантную форму *чўвра* ‘гравий’ в говорах Пудожья и Каргополья следует объяснить не чем иным, как вторичным заимствованием (перезаимствованием) карел. *čiiru*, *tširu*. Что касается сев.-рус. *шóра*, *цóра* (с другим вокализмом, нежели *чўра*, сюда же отходит еще волог. *цера́* ‘дресва, хрящ’, но и ‘хрящеватый камень, плитняк’), то они близки, надо полагать, к словен. *šćer* ‘песчаная или каменистая отмель’.

дер. Деманского пог. Дер. пят. 1495 и 1539 г. [НПК II: 532; ПКНЗ 4: 236] (= пуст. *Большая Ясень* Валд. у. по Ген. меж. конца XVIII в. [ИАДП 1: 152]). Сходные, соответственные топонимы на *Ясен-*, *Яси-* проявляются и в других местах Новгородской земли, равно как в иных восточнославянских регионах (большой материал содержится, например, в словаре [Vasm. WRG V: 385—387, 390]), хотя некоторая доля таких географических имен двусмысленна: одни мотивированы др.-рус. *яснии*, рус. *ясный*, другие восходят к омонимичному обозначению дерева *ясень* (*Fraginus excelsion*). Лингвистические возможности для подразделения двух мотивационно-семантических моделей не всегда достаточны. Тем не менее, название средневекового *Ясенского* пог. Шел. пят. безусловно связано с др.-рус. *яснии*, если судить по наличию микросистемно связанного с ним изосемантического наименования *Жедрицкого* пог. (см. *Ясно* дер. Порх. р-на в гл. 9). К этой же модели следует отнести и новг. геогр. *Ясень*, повторяющееся в средневековой новгородской документации, но малоизвестное в современном топонимическом ландшафте региона, см. только дер. *Ясень* нач. XX в. в Велильской вол. Дем. у. на р. Родивановка [СНМНГ II: 22—23], которая, видимо, отождествляется со средневековой дер. *Ляховичи в Ясну* Велильской вол. Дер. пят. 1539/40—1540/41 гг. [ПКНЗ 4: 337]. Ср. др.-рус. *ясьнь*, *ясьно* ‘открытое место’ [Срезн. МСДРЯ III: 1668], рус. диал. (без указания места) *ясня* ‘прогалина, чисть, прозрачное, голое место, поляна’ [Даль ТСЖВЯ 4: 681], новг. *ясень* ‘свет’ (Люб.) [НОС 12: 129], ‘яркий свет’, ‘чистое, безоблачное небо’ в русских говорах Карелии [СРГК 6: 967]. Данные ойконимы преимущественно объяснимы в связи с поселениями на чистых открытых (= ясных) местах. Далее сюда же отходит геогр. *Ясно* дер. Тесовской вол. Новг. у. 1907 г. [СНМНГ I: 86—87] (= *Ясен* дер. Климентовского Тесовского пог. Вод. пят. под 1568 г., позднее также в вариантах *Ясень* 1709 г., *Ясна* по Ген. меж. 1788 г. [Селин 2003: 132, 145, табл. 8, 11]), равно как суффиксальные дериваты *Ясенок* дер. в Михайловском пог. Дер. пят. 1495 г., *Ясениц* дер. в Егорьевском Здылецком пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК I: 210; III: 865, 867, 868]. Так же трактуются названия пары дер. *Большие Ясны* и *Малые Ясны* на р. Полисть Белебелковской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 18—19], о которых более ранние сведения не найдены. Название *Есеницкой*, иначе *Ясеницкой*, вол. в Бежецком верхе [ПКНЗ 3: 217], издревле указанной как пог. *Ясеничи* в духовной грамоте новгородца Остафия Ананьевича 1398—1410-х гг. (см. [ГВНП: 167, гр. 110; Янин 1990: 217]), допускает возведение либо к *яснии* (ср. мену *я > е* в урал., терск., ряз., сев.-двин. *ёсен* — то же, что *ясный*, онеж. *ёснуть* — то же, что *яснеть* [СРНГ 9: 40, 41]), либо к обозначению ясеня, поскольку изменение *я > е* допустимо видеть и в нем (это хорошо показывают, например, «*ясеневые*» гидронимы типа *Есеновый*, *Есеновка* в Поочье [Смол. ГБО: 320]).

В свою очередь несомненно к обозначению дерева *ясень*, др.-рус. *ясьнь*, *ясьнь*, *ясен*, известному в разных языках и диалектах славян [Черн. ИЭССРЯ II: 473; Фасм. ЭСРЯ IV: 564], восходят некоторые топонимы на *Яси-*, *Ясен-*, *Есен-*, осложненные прежде всего суф. *-ов-*. В исторической топонимии и в современных диалектных собраниях Новгородской земли нашли отражение лексемы, обычно показываю-

щие твердую *n* в основе, удостоверяемые новг. *яснóвый* ‘относящийся к ясеню, ясеновый’ (Сол., Бат.) [НОС 12: 129; СРГК 6: 968]. Из «ясеновой» топонимии наиболее многочисленные фиксации по памятникам письменности получило название пос. **Есеновичи** Вышн. р-на (в XIX в. — села *Ясеновичи*, или *Спас-Есиновичи*, по [Воробьев 2005: 131], в конце XVIII в. — села *Спасское* [ИАДП 1: 303]), отождествляемого с центральным селом *Ясеновичского* (*Ясеновского*) погоста-округа на юге Дер. пят., описания которого для эпохи конца XV—XVI вв. даны в [НПК I: 39—49; ПКНЗ 4: 346, 347, 350, 354; ПКНЗ 5: 261, 276—278, 280]. К колебанию вариантов *Ясеновичи* / *Есеновичи* ср. геогр. *Ясеничи* / *Есеничи* в Бежецком верхе. С суф. *-ов-* имеются еще новг. **Ясновик** дер. и пос. на рч. Бурга Карпиногорской вол. Кр. у. нач. XX в. [СНМНГ IV: 44—45] (сегодня — ур. *Ясновик* у руч. *Ясновицкий*, п. пр. Бурги, п. пр. Хубы, п. пр. Мсты), **Ясеновик** дер. Михайловского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 174], **Ясновик** дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 108, 125], **Ясновица** нивка в Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 491], **Ясновик** л. пр. Черного, п. пр. Осницы, л. пр. Пагубы, п. пр. Плюссы [Шан. РЛЮ: 348]. Гидронимы на *Ясенов-* (*Ясенова*, *Ясеноватая*, *Ясеновец*, *Ясеновица*, *Ясеновка* и т. п.) нередки на Украине и в западнорусских губерниях, см. [Vasm. WRG V: 386—387], есть они также на западе и на юге Славии. Все такие названия появились как обозначения леска, рощи из ясеня, судя по тому, что они равноструктурны обозначениям леса по иным породам деревьев типа диал. *берёзовик*, *берёзовица*, *липовик*, *дубовик* и др.

В семантико-этимологическом контексте «ясных» топонимов, помимо образований на *Ясн-*, *Ясен-*, трактуются геогр. **Яски** дер. на рч. Линня басс. Шелони в Дед. р-не, = *Яска* дер. («въ деревнѣ въ *Яскѣ*») в пог. Рождественском на усть Северы Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 286, 288, 315]. Ойконим очевидным образом соотносится с рус. диал. (южн.) *яска*, *ясочка* ‘звезда, звездочка’ [Даль ТСЖВЯ 4: 684], *яска* ‘огонь’ (Епифан. Тул.) [КСРНГ]. Основой номинации могли явиться разные значения (‘звезда’, ‘огонь’, или связанное с ними значение ‘светлого места’) исходного апеллятива, этимологически близкого к *ясный* (< **ěsknъ* (*ъ*)), см. [ЭССЯ 6: 50—51; Фасм. ЭСРЯ IV: 565]. Такая же трактовка применима к названию пары смежных дер. **Большие Ясковицы** и **Малые Ясковицы** Городенск. Бат. у рч. Черной басс. Луги. Первое сообщение о них идет с 1500 г.: дер. *Вязковичи* в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. [НПК III: 190], позднее по источникам: дер. *Ясковичи* под 1539/40, 1669, 1678, 1709, 1718 гг., пуст. *Вясковичи* под 1582 г., дер. *Есковичи* под 1646 и 1788 гг., дер. *Есковичи* / *Ясковичи* под 1748 г. [Селин 2003: 153], *Ясковичи* 1838 г. [ОСПбгуб: 105], а под 1864 г. фиксируются уже две деревни, обособившиеся из одной: **Большие Ясковицы** и **Малые Ясковицы** Луж. у. [СНМРИ 37]. Безусловно авторитетен средневековый вариант *Ясковичи*, тогда как не менее старый вариант *Вязковичи* вторично сближен со словом *вязкий*, а вариант с удвоением «сс» (*Ясковицы*) появился из-за особенностей орфографических норм нач. XIX в. (ср. *Русса* из *Руса* и т. п.). В эту же группу, очевидно, отходит гидроним **Ясковый** п. пр. Назии, р. в оз. Ладожское, зарегистрированный, правда, единично

в [Шан. РЛЮ: 516], однако менее вероятно отнесение к ней геогр. **Вязки** дер. в Порх. р-не (= *Вясска* дер. в Дубровенском пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 679]) ввиду того, что связь с *вязкий*, в отличие от *Ясковичи/Вязковичи*, здесь может носить изначальный характер.

Несколько лимнонимов, локализованных у южной и западной границ Шел. пят., а именно: названия оз. **Ясо** в Холм. (или Тор.) у. [Vasm. WRG V: 390], оз. *Яссы* (и на нем дер. *Яссы*) в Туровской вол. Тор. у. [Шк. ОПскГ: 124; Шан. РЛЮ: 88; Vasm. WRG V: 390], оба в басс. Западной Двины, оз. *Яское* (или *Яссы* по [Шан. РЛЮ: 30], *Яссо*, *Яссы*, *Jassу* по [Vasm. WRG V: 390]) со стоком в р. Великую (и на нем дер. *Яссы* Пустошкинского р-на Пск. обл.), — ближайше соотносятся с сербохорв. *jas* ‘ясность’, словен. *jas* ‘блеск, сияние’, *jása* ‘просека в лесу’, *jesa* ‘то же’, чеш., словац. *jas* ‘сияние, блеск’. Перечень этих апеллятивов, опять же родственных прил. *ясный* [ЭССЯ 6: 50], пополняется суффиксальным производным — рус. диал. *ясоть* ‘ясная, хорошая погода’ (Тер.) [СРГК 6: 968].

К этому же этимологическому гнезду принадлежат новг. геогр. **Искровны** дер. Михайловского пог. 1495 г. [НПК I: 199] (близ оз. *Искровно*, отмеченного в Ген. меж. по Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 203]) наряду с **Искревно** дер. 1495 г. в этом же погосте [НПК I: 161]. Данные средневековые названия сравнимы с др.-рус. *искравьш* ‘испускающий искры’ [Срезн. МСДРЯ I: 1118, 1119], которое связано праслав. чередованием с польск. *jaszkrawy* ‘яркий, светлый’, новг. *яскравый* ‘красивый’ (Люб.) [СРГК 6: 967], ср. рус. *искорка* и блр. *яскорка*. Сюда же относится и геогр. **Скравино** дер. Шегринского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 236]: из **(И)скравино* или **(Я)скравино*, с утратой начальной гласной, как в укр. диал. *скра* [Грінч. СУМ IV: 142] при рус. *искра*¹⁵¹. Иной суффиксальный дериват представлен идронимом *Яскрянка* п. пр. Нарева, п. пр. Западного Буга в Бельском у. Гродненской губ. [Vasm. WRG V: 389]. Непосредственное гидронимическое преломление др.-рус. *искра* показывают волог. *Искра* р. в басс. Шексны [Vasm. WRG II: 163], *Искра* р. в Нижнем Поочье [Смол. ГБО: 259].

¹⁵¹ Геогр. **Искренное** дер. Наволоцкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 448] скорее следует объяснить др.-рус. *искръниш* ‘ближний’, ‘близкий (по рождению)’, ‘родственный’, *искръ* ‘вблизи, рядом’ [Срезн. МСДРЯ I: 1120] с иной этимологической основой.

ГЛАВА 8

ДЕАПЕЛЛЯТИВНЫЕ ТОПОНИМЫ-АРХАИЗМЫ В РАМКАХ РЕДКИХ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ

В истории языка, как и во всякой истории, должно отличать явления случайные, одновременные, остающиеся без всяких или по крайней мере без важных последствий, от явлений, свивающихся, как волокна, в одну нить.

И. И. Срезневский

МОДЕЛИ НА *-ОМ(-О,-А), -ОМЛЯ/-ЕМЛЯ*

Славянская топонимия с суф. *-ом-* в регионе Новгородской земли в целом представлена в весьма ограниченном количестве. Особенное внимание обращает на себя «рифмованный сегмент» названий *Лу́комо, Перёкомо, Па́комо, Ра́комо*. Они обнаруживают сходство не только в формальном отношении, но и в территориальном распределении, поскольку центральными районами исторической Новгородской земли, прилегающими к оз. Ильмень, в основном исчерпываются все их фиксации (см. карту 12).

На изучаемой новгородской территории находится по меньшей мере четыре топонима на *Луком-*, не считая вторичных названий-иррадиатов, возникших путем трансонимизации. Одно из них — название *Лукомо* дер. в Дн. р-не на рч. Лютой, п. пр. Шелони, = *Лукома* дер. в Запольской вол. Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11202], = *Лукомо* дер. в «великого князя волости Лари, что была Аркажского монастыря на речкѣ на Лютой» в Илеменском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 169].

В другой точке басс. Ильменя, примерно в 40 км юго-восточнее от данного населенного пункта, писцовая книга Шел. пят. сообщает о дер. *Луком* Должинского пог. 1539 г. [НПК IV: 436]. Пункт идентифицирован [Андрияшев 1914: 271] с дер. *Лукова (Луково)* на руч. Хмелка (Хмельник) Должинской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 46—47] (в более поздних материалах уже не значится).

Оз. *Лукома* басс. Луги со стоком в р. *Лукомка* (иначе — *Барановка*) современная карта указывает в 6 км юго-западнее гор. Луга Лен. обл. Межевые материалы конца XVIII в. дают здесь дер. *Лукома* на северо-западном берегу оз. *Лукомского*;

деревня в свою очередь отождествляется [Андрияшев 1914: 158] с дер. *Лукое* 1498 г. в Дремяцком пог. Шел. пят. [НПК IV: 139].

В Ситенском пог. Дер. пят. под 1495—1496 гг. значились близлежащие дер. *Лукомо* и дер. *Над Луком озером* рядом с оз. *Лукомо*, или *Луком*: «А угодыя къ тѣмъ деревнямъ озеро *Лукомо*»; «А угодей къ тѣмъ деревнямъ (...) озеро *Лукомъ*» [НПК I: 587, 591, 598]. Более поздние писцовые книги 1539 и 1550/51 гг. (письма Г. Я. Морозова и В. И. Калитина) при описании данной местности сообщают только об озере, именованномся *Лукое* («в озере в *Луком*»; «на озере на *Луком*»; «над *Луком* озером») [ПKNЗ 4: 126; ПKNЗ 5: 140, 146—150, 155]. В конце XVIII в. здесь было сц. *Луково* [ИАДП 1: 266], ставшее к нач. XX в. дер. *Луково* на оз. *Луково* Боровенковской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 16—17], сегодня остается лишь оз. *Луково* басс. Мсты, Ок. р-н.

Вне пределов Новгородской земли топонимические параллели единичны, но некоторые хорошо известны еще по древнерусским летописям. Таковы: *Лукомье* (укр. *Лукім'я*) село на р. Суле, упоминаемое как городище *Лукомль* (*Лукамль*) в Переяславской земле под 1179 г. [ПСРЛ II: 613; ЛЛ: 239; ЕСЛГНПР: 82; СГУ: 330]; *Лукомль*/*Лукамля*/*Лукомье* село в Чашниковском р-не Витебской обл. Белоруссии, отмечаемое как гор. *Лукомль*/*Лукамль* в Полоцком княжестве под 1096 г. и в конце XIV в. [ПСРЛ I: 248; VII: 241; Насонов 1951/2002: 136, 140, 141, 150; Жучкевич 1974: 212]¹; с последним ойконимом смежны гидронимы *Лукомльское* оз. и *Лукомка* (*Лукомля*) р. [Vasm. WRG III: 139; Мурз. СНГТ 2: 25]. В Борисовском р-не Минской обл. есть оз. *Лукомье* [Озера Беларуси 3]. Кроме них, есть руч. *Лукомской* среди правых притоков Зуши в Верхнем правобережном Поочье [Смол. ГБО: 63], а списки 2-й пол. XIX в. дают дер. *Лукома* (*Луково*) на Волге рядом с порогом *Лукома* (*Лукомский*, *Луково*) в Ржевском у. Твер. губ. [Vasm. WRG III: 139].

Приведенная топонимия однозначно объясняется благодаря рус. диал. *лукома* ‘изгиб оврага’ [Даль ТСЖВЯ 2: 272], единично зафиксированному слову, встреченному собирателем где-то на Севере, см. еще [СРНГ 17: 191]². Это смутное сообщение об устаревшем слове с топографическим значением не исключает, впрочем, того, что в словаре Даля приведен не апеллятив, а топоним, семантико-деривационный аспект которого совершенно очевиден: это архаический дериват с редким

¹ В. П. Нерознак [1983: 104], приводя летописную документацию к белорусскому *Лукомлю*, ошибочно дает цитату из Ипат. лет. под 1178 г.: «поидоша за Соулоу и сташа близь городища *Лукомля*», которая имеет непосредственное отношение к украинскому *Лукомлю* на р. Суле.

² В СРНГ, помимо ссылки на словарь Даля, данное слово приведено еще со значением ‘извилистый овраг’ (Север., 1959). Указание на год 1959 как будто предполагает еще одну фиксацию слова *лукома*. Однако неопределенность его географии (Север.), почти полное следование значению из словаря Даля (в котором дано ‘извилина, изгиб оврага’) явно подсказывают, что мы встречаемся здесь с нередким в словарях сводного типа феноменом «умножения существей», в данном случае — с некой реминисценцией все той же старой далевской *лукома*.

суфф. *-ом-* от корня *лук-* (< **lqk-*), соотносимый с распространенным термином *лука*, имеющим приблизительно такое же топографическое значение изгиба.

Вряд ли к рассматриваемому топонимическому ряду принадлежит польский лимноним *Lukomie* в нижнем течении Вислы (сегодня *Charzykowskie Jezioro*) [НВ: 664]. В документации он повторяется с XIII в.: «*lacum, qui Loucome nominatur*» 1275 г., *Lucome* 1291 г., *lacum Lukomir* 1326 г., *Lukom* 1565 г. и др. Х. Гурнович, приводя эти исторические варианты названия, возводит его к адъективу **lukomy* от корня **lqk-/luk-*, что указывало бы на искривленность озера [Górniewicz 1985a: 54]. Этому мнению серьезно препятствует наличие варианта *Lukomir* в исторической парадигме данного лимнонима, равно как присутствие на польской территории оз. *Lucemierz* (исторически *Lucomir*) на другом участке бассейна Вислы [НВ: 389] и р. *Lukomierz* среди притоков Одры [НО: 142] (ср. и сербохорв. геогр. *Lukomir* [RHSJ VI: 213]). В контексте всех этих фактов польск. *Lukomie* лучше трактовать как йотовое производное от гипокористики **Lukomъ*, **Lqkomъ*, усечения др.-слав. полного личн. **Lqkomirъ*. Напротив, топонимы с основой *Луком-*, сконцентрированные на восточнославянской территории, все следует связать не с антропонимом, а с апеллятивом *лукома* (: *лука*). В частности, возводить укр. *Лукомль* к краткой форме от **Lqkomirъ*, как предлагается в [ЭССЯ 16: 145], на мой взгляд, нет достаточных оснований.

Древнерусский характер тополексеми *Луком,-о,-а*, показывающей архаическую суффиксацию, очевиден, как и ее диалектность. Все перечисленные топонимы преимущественно тяготеют к северной, северо-западной части восточнославянского пространства, к новгородским, псковским, тверским, витебским землям. О забвении исходного апеллятива, семантико-деривационная связь которого с апел. *лукá*, тем не менее, оставалась и остается ощутимой, свидетельствуют случаи либо прямой утраты названий на *Луком-* в области новгородских пятин, либо замещение их более продуктивными геогр. *Лукое*, *Луково*, что обнаруживается при сравнении материала НПК с современными данными.

Перекомо ур. на северо-западном побережье оз. Ильмень, неподалеку от устья р. Веренда, отразившееся в наименовании мужского Никольского *Перекомского* (*Перекопского*) монастыря. Сведения об основании монастыря идут с нач. XV в.: «В лѣто 6915 (1407 г.) постави владыка Иоаннъ Новгородский церковь каменну святага Николая чудотворца на Верендѣ, и манастырь устроиша» [НЛ: 251]³. Писцовая книга Шел. пят. 1581/82 г. указывает «монастырь Николы чудотворца на *Перекоме*» в Паозерском пог.⁴

³ Житие Ефрема Перекомского сообщает, что именно этот новгородский святой был основателем монастыря, причем в более позднее время — в 1466 г., когда Ефрем (в миру Евстафий) возвел каменную церковь Николая Чудотворца на деньги, дарованные московским князем Василием Иоанновичем. Подр. об истории Перекомского монастыря со времени его основания до ликвидации в 1930 г. см. [Секретарь, Филиппова 1991: 95—98; Святая София: 275—284].

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 712, л. 17 об. Сведения предоставлены И. Ю. Анкудиновым.

В житии основателя монастыря Ефрема Перекомского изложено предание о том, что он выкопал протоку (*перекон*) между р. Верендой и оз. Ильмень, отчего монастырь стал именоваться *Перекомским*. Разумеется, слово *перекон* не объясняет основы геогр. *Перекомский*, это не более чем топонимическая легенда. Безусловно, варианты наименования *Перекомский*, (иногда и *Перековский*, см. в [ПКНЗ 1: 322]) — народноэтимологические переосмысления древней формы *Перекомский*, утратившей мотивированность.

Нет сомнений в том, что *Перекомо* следует членить так же, как геогр. *Лукомо* — в виде *Перек-ом-о*, считая архаической структурой с суф. *-ом-* и корнем *перек-*. Корень находит отражение в рус. *поперёк*, *поперёчина*, *перёчить*, новг. *пéречень* ‘рыба лещ; подлещик’, перм. ‘бревно поперечного ряда плота’, смол. *пéрек* ‘поперек’, *перекави́ца* ‘длинная полка через всю комнату’ [СРНГ 26: 115, 272], новг. *перечешо́к* ‘рыба подлещик’ (Ст-Рус.) [НОС 7: 128], блр. *пéрек* ‘поперек’, диал. *перакавік* ‘грядда, которую пашут поперек полосы, когда нельзя провести плугом до самого конца загона’ [Яшк. БГН: 141], укр. *перéка* ‘противоречие, противодействие’, др.-рус. *перекъ* ‘ширина, поперечина’, болг. *пряк* ‘прямой’, сербохорв. *прѝјек* ‘крутой’, *прѝјеки* ‘прямой, ближайший’, чеш. *příka* ‘крутизна’, словац. *priek* ‘упорство, сопротивление’, польск. *przeko* ‘поперек’ и т. п. [Фасм. ЭСРЯ III: 238].

Название *Перекомо* с суф. *-омо*, похоже, не имеет равноструктурных параллелей в славянской лексике и ономастике. Вместе с тем основа *перек-/переч-* (ср. *поперёк*, *поперёчный*) в славянской топонимии проявляется, хотя и не относится к типовым, частотным основам. В регионе Новгородской земли несколько раз она обнаруживается в средневековой ойконимии Беж. пят., в окрестностях Бежецка. В бессуфиксном виде ее репрезентирует геогр. *Переки* дер. в Михайловском пог. в Лощемле 1551 г. [НПК VI: 801], а с формантом *-уха* — геогр. *Перечуха* дер. в Михайловском пог. в вол. Тростны 1545 г. [Там же: 168]. Ср. к последнему структурно подобное новг. *перечу́га* ‘направление ветра’ (Ст-Рус.) [НОС 7: 129]⁵, ‘северо-восточный ветер’: «*Перечуга* — злой ветер подует, и рыбы не захочешь» (дер. Ильмень Новг. р-на, 1949 г.) [СРНГ 26: 275]. С преф. *по-* имеется геогр. *Попереково* дер. в Богородицком пог. в вол. Замутье + поч. в Богородицком пог. Топальском в вол. Загородье 1545 г. [НПК VI: 233, 377, 380]. Название дер. *Перечицы* Луж. р-на (неподалеку от впадения р. Оредеж в р. Луга к северо-востоку от гор. Луга) трактуется в зависимости от того, какую основу принять за исходную — *перек-/переч-* или, быть может, *перед-/передьч-*: под 1500 г. здесь значилось село *Передчицы* Никольского Будковского пог. Вод. пят. [НПК III: 295, 312], то же под 1539/40, 1582, 1718 гг., по документации 1568, 1646 гг. — *Перетчицы*, форма же *Перечицы* фигурирует в документах 1612, 1669, 1674—1678, 1709, 1748, 1791 гг. [Селин 2003: 193, карты VI-1—VI-13].

⁵ Значение новг. *перечу́га* (‘направление ветра’) дано в НОС без контекста и, полагаю, без необходимой полноты смысла. Слово явно семантизируется как ‘встречное направление ветра’ или ‘встречный ветер’, ср. *перёчить*.

К очевидным топосоответствиям за пределами Новгородской земли относится *Перечицкое* оз. в Среднем Поочье (основу *перек-/переч-* подразумевает иное название этого озера в исторической документации Рязанской земли — *Переметское*) [Смол. ГБО: 126]. Сюда еще руч. *Перечин* в Кирилловском у. Новг. губ., рр. *Перечка*, *Перешня* (*Перешная*) с оз. *Перешно* (*Перешное*) в Кадниковском у. Вологодской губ., р. *Перечна* в окрестностях Сольвычегодска Вологодской губ., а также многократно повторяющиеся гидронимы *Поперечная*, *Поперечный*, *Поперечное* в бассейнах Дона и нижней Волги [Vasm. WRG III: 619, 620, 751—752]. Названия поочских рр. *Перековка*, *Периковка* должны быть причислены сюда же, как и руч. *Поперечной*, *Поперешной* [Смол. ГБО: 86, 115, 120, 169]. Сюда же польск. геогр. *Przecznica* л. пр. Вислока, л. пр. Сана [Rieger 1988: 61], геогр. *Prъча* XVI в. в Болгарии [Займов 1973: 145], геогр. *Преки* (дважды), *Преколека*, *Преконога*, *Прекошка*, относящиеся к водоемам в Сербии [Павл. ХС], *Prijeka*, *Prijeko*, *Prijeka Voda*, *Priko*, *Pričac* и др. в сербохорватской зоне, гидронимы и ойконимы *Prečna* (*Prečnica*), *Prečno*, *Precenico*, *Prečnik*, *Prekar*, оронимы *Prečnik*, *Prečnice*, *Prečji Dol* и др. в Словении [Bezl. SVI II: 116—117; Snoj ESSZI: 327].

Пакомо дер. 1498 г. в великокняжеской «волости Лари, что была Аркажского монастыря на речкѣ на Лютой» в Илеменском пог. Шел. пят. [НПК V: 168]. Во 2-й пол. XIX в. данный пункт отмечен под осложненным суфф. *-ка* названием *Пакомка* дер. при рч. Лютка в Егольской вол. Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11276] (= совр. ур. *Пакомка* в Моринской вол. Дн. р-на).

Межтерриториальные топонимические параллели не обнаружены, но рассмотрение геогр. *Пакомо* среди равноструктурных геогр. *Лукомо*, *Перекомо* позволяет отнести его к архаическим дериватам корня *пак-* (*Пак-ом-о*). Основа известна в диал. наречиях *пáки*, *пак* «частица или привеска: де, деи, ста, скать, мл» (Зап., Южн.), *опáкиши*, *опáкишь* и *опóкиши*, *опóкишь* «выворот, изнанка, ничка; все перевернутое» (Новг., Твер., Сиб.), твер. *óпак*, *óпакo* «назад, задом, обратно», «навзничь», «наизнанку», «наоборот, шиворот-навыворот», *óпакo* сев.-двин. «неумело», твер., перм. «наотмашь», волог., сиб. «без толку, на ветер», волог. «не вовремя», яросл. «не ловко, совестно», *опакиша*, *опакуша* «выворот, изнанка, ничка; обратное, превратное», *пакшá*, *опакишá* «левша» и т. п. [Даль ТСЖВЯ 2: 674—675; 3: 9; СРНГ 23: 230—231; 25: 155, 158, 162; НОС 7: 4, 89—90], др.-рус. *пакы*, *опаки*, *пакo* «обратно», «назад», «наоборот», «вновь», *опако* «назад» [Срезн. МСДРЯ II: 676, 866], укр. *пак* «все-таки», болг. сербохорв. *пак*, *па* «но, ведь, снова», словен. *пак*, *па* «то же», чеш., в.-луж., н.-луж. *пак* «но, снова», укр. *óпак* «назад, навыворот», болг., сербохорв. *опак* «наоборот», чеш., словац., польск. *орак* «назад, навыворот» и т. п.

Новгородскому геогр. *Пакомо* тождественны по корню *пак-* (с вариантом *пач-*, ср. наречия *пак*, но *паче*) немало топонимов в разных частях Славии. На Русском Северо-Западе таковы средневековые геогр. *Пачки* дер. в Ручайском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 208] (где-то северо-западнее Порхова), наряду с *Опачка* селище в Серезжской переваре Торопецкой земли (рядом оз. Быково, Лукино, Лукое, Бологое), по Торопецкой книге 1539/40—1540/41 гг. [ПKNЗ 4: 633]. Анлаутный *О-*

в геогр. *Опачка* той же самой природы, как в наречиях *о́пак*, *о́паче* при наличии *пак*, *паче*. Этот же корень безусловно показывает название пожни ***Пакуша***, или *Опакуша*, в Млевском пог. Дер. пят. 1551 г. [ПКНЗ 5: 236, 239, 240]. Тожественный корневой элемент отражают, кроме того, новг., локализуемые сравнительно близко от геогр. *Пакомо*, гидронимы ***Пакость*** л. пр. Мшаги, л. пр. Шелони (на совр. карте — рч. *Покоска*) и ***Пакостиха*** пр. Шелони [Шан. РЛЛО: 486, 492], ср. польск. *Pakość* гор. близ Быдгоща, свидетельствуемый с XIII в. [Rymut 1987: 183; Rospond 1984: 280]⁶. При очевидной корреляции с рус. *пакость*, польск. *pakość* (производных, как считается, от *пак-/опак-* с суф. *-ость*, см. [Черн. ИЭССРЯ I: 615—620]) первичный смысл геогр. *Пакость*, *Пакостиха* трактуется неоднозначно.

Восточнославянские соответственные названия вне границ Новгородской земли представлены гидронимами: *Опакуша* р. в Костромском у., *Пака*, а ранее *Пакуша*, р. среди притоков Жиздры, *Покой*, ранее *Пакой*, р. среди притоков Нугри, *Пакой* р. среди притоков Пторы, *Пакея* (*Покея*) р. среди притоков Угры, *Опака* (*Опока*) п. пр. Мышиги (все в Верхнем и Среднем Поочье), поднепровск. *Опака*, или *Опока*, п. пр. Быстрицы, *Покой* р. среди притоков Сожа и, возможно, *Анака* л. пр. Сейма; по данным: [Смол. ГБО: 26, 30, 36; Vasm. WRG III: 504, 506, 724; Топоров, Трубачев 1962: 222]⁷. За пределами восточнославянских земель наибольшее количество соответствий обнаружено на юго-западе Славии. В Словении фиксируются (с XII—XIII вв.) *Paka* как название реки и трех разных мест, геогр. *Pačka Vas*, *Pačka Dolina*, *Na Pakah*, *Na Pakem*, *Pačke Jame*, *Pačke Njive*, *Pašca* (*Paški Studenec*) [Bezl. SVI II: 72—73; Snoj ESSZI: 299—300]. В Нижней Австрии, на древней территории распространения словенских диалектов, к ряду перечисленных названий были отнесены геогр. *Pockau* р., отмеченное в виде «ad riuulum *Pokaw*» под 1341 г. и в виде «aqua *Poka*» под 1352 г. (по этой реке именуется пара усадеб (*Gross-*) *Pockau*), геогр. *Pack* (под 1245 г. *Paka*), относящееся к перевалу между Штирией и Каринтией на водоразделе Мура и Дравы, и геогр. *Paga* (под 1252 г. — *Paka*); кроме того, в Хорватии трижды отмечено *Paka* применительно к селениям [Holzer 2001: 83—84]. Далее сюда же относятся сербохорв. гидронимы *Paka*, *Opačica*, чеш. геогр. *Nová Paka* и *Stará Paka*, словац. *Poka* (но под 1275 г. — *Paka*) [Bezl. SVI II: 72—73, 77; Prof. MJ III: 318], равно как *Opačička Dolina* в Болгарии, польск. *Opacz*, село, известное с 1576, 1580 гг., *Opaка*, село и река, *Opaczniak* (*Opacz*), старый хутор возле Мехува, *Pacyna* (< *Paczyna*), согласно [Rospond 1984: 265], *Bužek Opacky*, *Opackie Jezioro*, *Opaczny*, возможно, *Paków*, — водоемы в бассейне Вислы, по [HW: 27, 172, 355, 358] (последнее скорее к личному имени, сокращенному из *Pakoslaw*).

⁶ Возведение С. Роспондом польск. топонима *Pakość* к некоему личн. **Pakost* (: *Pakoslaw*) [Rospond 1984: 280] в свете новг. *Пакость*, *Пакостиха* кажется неприемлемым.

⁷ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев [1962: 222] вслед за Мошинским и Фасмером выводят *Анака* в Посемье из иран. **āpaka-* от **āp-* ‘вода’. Но на фоне приведенных названий, локализуемых в сопредельном регионе Поочья, не менее вероятным кажется рассмотрение *Анака* как «акающего» варианта слав. формы *Опака*.

В. Н. Топоров [1989: 50] причисляет гидронимы *Пака* (*Пакуша*), *Пакой* (*Покой*) в басс. Оки к вероятным балтизмам, сравнивая с прус. геогр. *Pakutiten*, лит. *Pakuteniai*, лит. личн. *Pakut-atis* и др., хотя признает их в целом неясными. Учет немалого числа межславянских (особенно словен.) фактов требует, однако, безусловной интерпретации их как исконных славизмов, причем весьма ранних. Так, что касается, например, поочских *Пака*, *Пакой*, в обоих случаях можно говорить об отадъективных формах, ср. наличие прил. *опáкий*, приведенного, правда, без указания значения [Даль ТСЖВЯ 2: 674] (к вероятному др.-рус. **(о)пакыи*), сиб., иркут. *опáчный* ‘крайне неуступчивый, упрямый’, *опáчно*, *опáшно* ‘наперекор’, а также сев.-двин. *пакорúкий* ‘с изуродованной рукой’, ‘плохой работник’ [СРНГ 23: 245, 246; 25: 159; Даль ТСЖВЯ 2: 674—675] с первым компонентом, явно предполагающим деадъективную деривацию (из **пакыи*). Плохо трактуется колебание гласных *a//o* в основе, но эта особенность хорошо прослеживается не только по гидронимии; ср. поочские *Пакой* / *Покой*, *Опака* / *Опока*, *Пакея* / *Покея*, словац. *Пака* / *Пока*, наряду с рус. диал. *опáкишь* / *опóкишь*, *опáкиш* / *опóкиш*. С учетом вариантов корня *rak-/pok-* не стоит исключать из данного круга соответствий также название руч. **Пока** среди притоков Волхова неподалеку от гор. Чудово⁸, равно как название подмосковного руч. *Пока* (или *Опока*, ранее *Апока*, но и *Опака*!) [Смол. ГБО: 118].

Многие из перечисленных названий прикреплены к водотокам и характеризуют особенности локальной гидрографии. Г. Хольцер обосновал значение корня *Rak-* применительно к сфере гидронимии. Учитывая общеславянскую семантику апеллятивных коррелятов (‘обратно; обратный’) и принимая во внимание локальные особенности топографических объектов (рек и прилегающих к ним горных перевалов и селений) с *Rak-*именами в Австрии, Словении и Хорватии, он пришел к выводу, что названия *Пака* восходят к праслав. словосочетанию **paka (voda)* со значением ‘в обратном направлении текущая вода’. Это объясняет, по его мнению, и семантику словенского термина *paka* ‘холм, возвышенность’, поскольку в горной местности ручьи, огибаая холмы и перевалы, кажутся текущими в противоположном направлении [Holzer 2001: 83—86]. Такая трактовка гидронимов наиболее приемлема, но, вероятно, может быть расширена с учетом встречаемости водотоков с *Rak-*именами на равнинной и даже низменной местности, где выразительным бывает признак слишком медленного течения или даже его отсутствия (что иногда при ветре действительно выглядит как обратное течение). Например, для гидрографии упомянутой выше поволховской рч. *Пока* (= ? *Пака*) характерно то, что это скорее не речка или ручей, а один из рукавов с неподвижной водой в большой заливаемой пойме Волхова.

⁸ На карте 1863 г. этот ручей подписан как рч. *Покоренка* [ВТКЗверст]. Скорее всего перед нами искаженно переданное сложение **Поко-речка*. Соотнесение геогр. *Пока* в Поволжье с диал. *опóка*, означающим ‘глину с примесью полых камешков’, ‘твердый беловатый с камешками грунт’, ‘вид глины’ [НОС 7: 9], более чем сомнительно хотя бы потому, что начальная *o* в этом диалектном термине не склонна к утрате.

Впрочем, для новгородских ойконимов *Пакомо*, *Пачки*, *Опачка* более вероятны какие-то иные мотивы деапеллятивной номинации, связанные с местоположением населенных пунктов. Для отдельных соответственных названий вероятна деривация от личных обозначений или прозвищ, так, новг. **Пакиин** л. пр. Шомушки, п. пр. Тихвинки, п. пр. Сяси [Шан. РЛЛО: 426], **Пакишино** дер. в Никольском пог. в Шереховичах Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 890, 910] соотносимы с преимущественно сев.-рус. и новг. *пакшá*, *пакúша*, *пакúша* ‘левша’, ‘рука’, ‘левая рука’ [НОС 7: 89—90; СРНГ 25: 156, 162; СРГК 4: 373].

Ракомо — название смежных селений (дер. *Старое Ракомо* и *Новое Ракомо*) в Ильменском Поозерье под Новгородом, жители — *ракомцы*. В нач. XX в. здесь значились несколько пунктов Ракомской вол. Новг. у.: село *Ракомо*, центр волости (на месте сегодняшней дер. *Старое Ракомо*), дер. *Новое Ракомо* и пара усадеб *Ракомо*, — все пункты при рч. *Ракомка*, л. пр. Волхова [СНМНГ I: 66—67]. Под 1501 и 1551 гг. писцовые книги Шел. пят. указывают на этом месте «государево село» *Ракома*, «а в немъ церковь Феодоръ святыи» в Новг. у. в Паозерье [НПК V: 287—289, 316]. В описаниях пригородных пожен Новгородского дворца 1535/36—1539/40 гг. встречаются указания на *Ракомский* путь, *Ракомскую* пожню над Веряжей близ села *Ракома* [ПКНЗ 1: 326, 368], самого крупного в средневековом Паозерье, в писцовой книге дворцового села Паозерья 1572/73 г. впервые отмечена протекающая у села *Ракомо* рч. *Ракома*, иначе *Ракомка* [ПКНЗ 6: 148, 180]. Первое же его упоминание в летописях датировано 1015 г., когда восставшие новгородцы ночью избили варяжскую дружину на Поромоне дворе, а князь Ярослав Мудрый «тогда в ту ночь сушу на *Ракомъ*» [НПЛ: 174]; по Новг. 3-й летописи, Ярослав «шедь на *Ракомъ* сѣде во дворѣ» [НЛ: 176], по Лаврентьевской летописи, «шедь на *Рокомъ*, сѣде во дворѣ» [ЛЛ: 137], по Софийской летописи, «шедь на *Ракомо* (*Ракомо*)» [СЛ: 127]⁹. Это передаваемое летописями сообщение, одно из самых ранних упоминаний в новгородской письменности, позволяет предполагать, что в *Ракомо* находился загородный двор Ярослава Мудрого¹⁰. Под 1478 г. поозерское село отмечает 1-я Псковская летопись под вариантным именем *Ракомля*: «Сталь в *Ракомли*, въ дворѣ Лосинского <...> за три версты отъ Великого Новагорода, близко Юрьева монастыря» [ПСРЛ IV: 259].

Серьезных попыток расшифровать этот загадочный топоним еще не было. Банальное сопоставление со словом *рак* ‘Кrebs’ поверхностно, не объясняет ни словообразования, ни местных реалий. Не более чем курьезом выглядит объяснение Й. Принца, который сравнивает геогр. *Ракомо* с наречием *раком* ‘на корачках, на четвереньках’ [Prinz 1969: 75].

Существенно отметить, что название древнего поозерского села *Ракомо* / *Ракома* / *Раком* / *Ракомля* не является одиночным. К нему находят несколько отчетливых параллелей, обнаруженных, впрочем, только на небольшой части региона Рус-

⁹ Запись *Ракомо* отражает аканье в безударной позиции либо является опiskeй.

¹⁰ Иные подробности об истории этого села см. в [Секретарь, Филиппова 1991: 60—62].

ского Северо-Запада. Денотативная отнесенность этих параллелей подсказывает, что поозерский ойконим безусловно вторичен, первичны же гидронимы (в данном конкретном случае *Ракомка*, рч., на которой стоит село *Ракомо*) или оронимы — названия, характеризующие рельеф местности, которые легко переходят на ближайшие водоемы или селения.

В регионе Новгородской земли ближайшими соответствиями являются: *Ракомка* — небольшое оз. в дельте Мсты юго-восточнее Новгорода (исторических сведений о нем нет); *Ракома* ур. возле дер. Крюково и Королёва Грузомедь Дубровск. Сол.; *Ракомо* дер. при колодце в Горомулинской вол. Порх. у. по сведениям 1872—1877 гг. [СНМРИ 34: № 10560] (= совр. дер. *Раково* Логовинской вол. Порх. р-на); *Ракомле* дер. в Которском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 116] (= ? усадьбе *Роскосы или Ракомле* 2-го стана Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 120]). К югу от Приильменя, уже за пределами средневековых рубежей Новгородской земли, имеется хорошо освещенное источниками оз. *Ракомле* в басс. Западной Двины юго-восточнее Торопца (вблизи пос. Западная Двина, р. ц. Твер. обл.). В списке 1912 г. оно именуется оз. *Раколино* [Шк. ОПскГ: 120—122] (< **Ракомлино*), в историко-географических очерках Пск. губ. 1896 г. — *Раконел* [Василев 1896: 45] (явно ошибочная запись лимнонима), в списке селений Тор. у. 1870-х гг. называется *Ракомле* («при оз. *Ракомле*») и приводится вместе со смежной р. *Ракомлянка* [СНМРИ 34: 408, 409]. Озеро идентифицировано (см. [Янин 1998: 195, рис. 12]) со средневековым оз. *Наркомле* в Старцовой вол. Торопецкой земли 1540/41 г. [ПКНЗ 4: 583]. Форма *Наркомле* преобразовалась из предложного сочетания «на *Ракомле*», фонетически измененного благодаря выпадению гласной после плавной в срединном слогe. Вторичная форма *Наркомле*, в свою очередь, обусловила появление суффиксального геогр. *Норкомичи*, которое относилась к смежным деревне, селу и озеру в этой же Старцовой вол. Торопецкой земли: «село *Норкомичи*»; «над озером над *Норкомичим*»; «(Дрв) над озером над *Норкомичем*» [Там же: 577, 578]. Что касается лимнонима *Норкомичи*, то он дублирует ойконим *Норкомичи*, который является закреплением катойконима **наркомичи́* (< **наракомичи́*), древнего имени поселенцев на берегах оз. *Наркомле* (*Ракомле*). Существование такого катойконима подтверждается следующим фрагментом Торопецкой книги 1540/41 г.: «А у песенских крестьян и у *Норкомич* озеро Песно вопче со князем Александром (...) озеро *Наркомле*» [Там же: 583] (здесь *норкомичи* — жители села *Норкомичи*).

Таким образом, территориальная дистрибуция рассматриваемых названий приходится на центральные районы исторической Новгородской земли (Приильмень, Шелонь, верхняя Плюсса) вместе с примыкающим с юга Тор. у. В структурно-деривационном отношении тополексема *Ракомо* (: *Рак-ом-о*) приравнивается к новгородским же геогр. *Лукомо*, *Перекомо*, *Пакомо*, репрезентирующих тип славянских архаизмов. Все они объединены не только общим суффиксом, отсылающим к древнеславянскому времени, но и самим «рифмованным» исходом на *-комо* (к ним примыкает и твер. *Дрыгомо* дер. Селижаровского р-на Твер. обл.). Обращает на себя внимание то, что такие названия могут выступать без осложне-

ния иными суффиксами (в отличие от производной гидронимии типа *Смердомля*, *Лутомка*, см. ниже). Похоже, изначально они появились как диал. апеллятивы с ландшафтным значением. В этом качестве они со временем исчезли, превратившись в гидронимы (тогда они обычно дооформлялись специализированной гидронимической суффиксацией *-ля*, *-ле*, *-ка*) или в оронимы, отмечавшие особенности рельефа и порой неморфологически переходившие в сферу ойконимии; в этом, втором, случае дополнительная суффиксация не носила регулярного характера.

Еще один момент, объединяющий геогр. *Ракомо* с остальными топонимическими структурами с суф. *-ом-*, — все они пропорционально коррелируют со своими бессуффиксными эквивалентами. Аналогично тому, как геогр. *Лукомо* безусловно соотносится с геогр. *Лука*, апел. *лука*, *Перэкомо* — с геогр. *Перэки*, апел. *перэк(а)*, геогр. *Пакомо* — с геогр. *Пака*, так и новг. *Ракомо* находит своих, не осложненных суф. *-ом-* топонимических «родственников» в жен. морфологическом роде с исходом на *-а*. Таковы восточнославянские гидронимы: *Рака* болото в Городокском у. Витебской губ., *Раки* (форма мн. ч.) л. пр. Стрыя, пр. Днестра в Галиции [Vasm. WRG IV: 13; СГУ: 456], *Рака* п. пр. Оки между Осетром и Проней (с прилегающим сел. *Раки*) [Смол. ГБО: 167], — последний гидроним зафиксирован писцовой документацией 1589 г.: «От устья реки *Раки* через Оку реку на липовую вереву» [Чумакова 1992: 112—113]. Обращает на себя внимание название небольшой новг. дер. *Ракі* на правом берегу Мсты в 7 км от устья Увери в Перелучской вол. Бор. у.¹¹, на карте-трехверстке 2-й пол. XIX в. деревня подписана *Раково* [ВТКЗверст]. К исходной форме геогр. *Рака* (или апел. *рака*) прямо отсылают такие производные топонимы, как *Ракин* руч. в Моложском у. Ярославской губ., *Ракин* (*Рачин*, по [СГУ: 458]) п. пр. Здвижа, пр. Тетерева в басс. Днепра неподалеку от Киева, *Ракино* оз. с прилегающей дер. в Опочечком у. Пск. губ.; вероятно, сюда же принадлежат названия на *Рач-*, такие как *Рачинка* п. пр. Осуги басс. Волги в окрестностях Торжка (< **рачина* < *рака*?), *Рачица* в числе притоков верхней Ловати (здесь же болото *Раче*) в Великолуцком у. Пск. губ., *Рачка* пр. Пижмы в басс. Мезени [Vasm. WRG IV: 13, 14; Шан. РЛЛО: 152], *Рачка* р. в басс. р. Москвы [Смол. ГБО: 108].

Иные топонимические, преимущественно гидронимические, межтерриториальные параллели приходятся на западную часть южнославянской языковой области. В Словении имеются р. *Raka*, упоминаемая с 1577 г., и села *Raka* (с XII в.), *Dolga Raka*, *Rake*, есть гидронимы в форме деминутивов и адъективов — рр. *Račica* (и сел. *Račica*, дважды), *Rače*, дважды *Rački Potok*; сел. *Rački Vrh*, возможно, *Rače* и *Rašica* (< **račьsko* + *ica*, к *raka*), — все перечисленные названия обусловлены словен. *rāka* (мн. ч. *rāke*) ‘мельничный лоток’, ‘обделанное деревом русло ручья; желоб’ [Bezl. SVI II: 132, 133—134, 139—140; Snoj ESSZI: 340, 341, 346]. Соответственные названия обнаружены и на сербохорватской территории: *Рачица* р. в Сербии [Павл. ХС], *Račice*, *Račnik* с 1260 г. [Bezl. SVI II: 133]. Однако ойконим

¹¹ По личным сведениям боровичского краеведа К. В. Гарновского; в Списке селений Бор. у. 1911 г. [СНМНГ VI] такой деревни нет.

Račice в Чехии (наряду с вар. *Radčice*) предпочтительнее связывать с личн. *Radko* [Prof. MJ III: 510].

В плане территориальной дистрибуции особенно наглядны ареально-структурные соотношения: новг. *Пакомо, Ракомо* — поочск. *Пака, Рака* — словен. *Paka, Raka*, подчеркивающие принадлежность топонимов-дериватов на *-омо* к собственно новгородскому ареалу.

Новг. *Ракомо* вместе с поочск. *Рака* (о нем см. еще [Чумакова 1992: 112—113]), словен. *Raka*, с производными *Ракин, Рачка, Рачица* и т. п. оптимально объясняются на фоне праслав. **raka* (< **orka*, заимствование лат. *arka* ‘ящик’, ‘ларец’, ‘гроб’) и его продолжений, которые хорошо известны в славянских языках: др.-рус. (с нач. XI в.) и ст.-слав. *рака* ‘гроб’ (ср. в [НПЛ: 169] о погребении князя Владимира Святославича в 1015 г.: «вложиша его въ *раку* мраморяну», или по иному летописному списку, — «вложиша его въ *гробъ* мраморянь»), ‘надгробный памятник’, а также ‘ларец’, ‘ковчег’ [Срезн. МСДРЯ III: 63—64], рус., укр., блр. ‘гробница с мощами святого’, болг. ‘ларец с мощами’, сербохорв. ‘вырытая могила’, ‘могильный склеп’, словен. *raka* ‘склеп’, но и ‘лоток, желоб’. Иной морфологический вариант этого слова — праслав. **raky, *rakъve* в род. п. (с этимологической основой на **-ū*) дал приблизительно такой же круг значений: к нему относят др.-рус. *раковина* ‘перламутр’, рус. *раковина, ракушка*, укр. диал. (гуцульск.) *раква* ‘масленка’, словен. *rakъv* ‘гроб, склеп’, чеш. *rakev*, словац. *rakva, rakev* ‘то же’, чеш. *rakvice* ‘раковина’, полаб. *rakâi* ‘ящик’; материал по [Черн. ИЭССРЯ II: 97, 98; Фасм. ЭСРЯ III: 437—438, 439 (с литературой); Гринч. СУМ IV: 4]¹².

Для мотивировки гидронимии, однако, более существенны не специализированные «фунеральные» значения ‘гроб; гробница; склеп’, а более общий смысл рассматриваемых слов — ‘вместилище чего-либо, емкость’. Обозначения таких артефактов, как емкости и вместилища разнообразной формы и назначения, что в полной мере демонстрирует приведенная выше лексика (‘ковчег’, ‘лоток’, ‘желоб’, ‘масленка’, ‘ящик’), регулярно переходят в сферу народной ландшафтной терминологии, обозначая в топографии разнообразные углубления на местности; новые ландшафтные термины закрепляются во всех подобных случаях путем метафорического переноса. Характерные проявления этой общей закономерности, в част-

¹² Этимологическая интерпретация топонимии, особенно гидронимии, с основой *Рак-/Рач-* существенно осложнена тем обстоятельством, что немалая доля таких названий обусловлена обозначением речного рака (*Astacus*). Если геогр. *Рака, Рачка, Ракино*, а следом за ними и *Ракомо* с точки зрения деривации определенно отсылают к форме **raka*, то множество водных имен с основой *раков-* (*Раковка, Раковец, Раковня* и т. п.) в плане словообразования совершенно двусмысленны: либо они восходят к форме **raky, *rakъve* (ср. рус. *раковина*), либо к **rakъ* (ср. *раковий*). Вопрос иногда могут прояснить конкретные разыскания по отдельным названиям, но в целом мотивировка по обозначению речного рака для большинства славянской гидронимов с основой *раков-* кажется предпочтительной в большинстве случаев. Именно поэтому при изложении материала с основой *Рак-/Рач-* целесообразно ограничиться лишь наиболее очевидными в плане деривации топонимическими формами.

ности модель 'посуда' > 'углубление на местности', подробно изучены Н. И. Толстым; ср. приведенные им диал. *крини́ца*, *крынка* 'крынка, кувшин' и 'яма; родник; колодец', *котёл* 'котел' и 'глубокая впадина, котловина; глубокое место в реке', *корыто* 'корыто' и 'русло, западина в форме корыта', *ендові́на* 'большой сосуд; братина' и 'отлогое место между горными возвышенностями', словен. *déža* 'кадка, кадочка (для масла)' и 'вырытая водой котлообразная яма'; такую же семасиологическую структуру показывают слав. **kazanъ*, **makotъra*, **kadъlbъ*, **bъdъnъ* и др. [Толстой 1969: 218, 229, 246].

Продуктивная семасиологическая модель, действующая в сфере терминологии посуды и прочих хозяйственных емкостей (список Толстого может быть в несколько раз увеличен), безусловно затронула праслав. **raka* и **raky*: *rakъve*, рефлексы которых порой прослеживаются среди топографической, resp. гидрографической, терминологии; ср., в частности, укр. полесск. (черниговск.) *ра́ковина* 'глубокое место в реке' [Черепанова 1984: 190]. С учетом полесск. *ра́ковина*, сербохорв. диал. (краин.) *rake* 'водопровод' выдвинуто справедливое предположение о существовании праслав. **raka* 'яма, впадина; глубокое место в реке' [Шульгач 1989: 53]. Нужно признать, что древняя топографическая семантика **raka* и его дериватов находит все новые подтверждения главным образом в свете топонимических фактов, таких как новг. геогр. *Ракомо*, поочск. *Рака*, словен. *Raka*. Более того, топонимический материал дает возможность максимально конкретизировать эту топографическую семантику. По крайней мере в регионе Новгородской земли суффиксальные дериваты от **raka* при перемещении в сферу топографической терминологии обозначали ложбины, удлинённые впадины на местности, иногда заливаемые водой. Так, рч. *Ракомка* в Поозерье (в том числе под дер. *Ракомо*) протекает в широкой, до 400 м, и глубокой ложбине, заросшей пожелтыми травами, достаточно выразительной в равнинном и открытом ландшафте микрорайона; летом речка пересыхает, превращаясь в болотце по центру ложбины, которая в половодье заполняется водой почти до краев, постепенно сходящей при понижении уровня оз. Ильмень. Полевое обследование показало, что местные жители именуют *Ракомкой* не столько речку, сколько саму эту характерную впадину. Мое полевое наблюдение подтверждают и материалы новгородского областного словаря, в котором приведен микропоним (не гидроним!) *Ра́комка* — место у дер. Запростье: «*Ра́комка* — название земли и земляных угодий» [НОС 9: 98]¹³.

Еще один случай, не менее показательный, для уяснения метафорической семантики рассматриваемого слова, — новг. *Раку́ха*, название впадины, низкого места у дер. Болонье Опеченского р-на (на Мсте выше Боровичей): «*Раку́ха* — травянистое маленькое место, низкое, пахать нельзя, это *Раку́ха*» [Там же]. В подобном топографическом смысле — как первоначальные обозначения низменностей, заливаемых водой — предпочтительнее трактовать, на мой взгляд, и названия

¹³ Запростье — ныне исчезнувшая деревня Ракомской вол. Новг. у., стоявшая на расстоянии одной версты от села *Старое Ракомо* [СНМНГ I: 64—65].

прот. *Ракуша* в дельте Волги неподалеку от Астрахани, р. *Ракуша* в басс. Ухтомы в Грязовецком у. Вологодской губ. [Vasm. WRG IV: 18], р. *Ракушка* среди правых притоков Москвы [Смол. ГБО: 112].

Источником метафорически обусловленного значения ‘ложбина, впадина (заливаемая водой)’ у новг. геогр. *Ракомо,-а*, не сомневаясь, нужно признать значение ‘лоток, желоб’ (проявляющееся, как отмечено выше, у словен. диал. *raka*, сербохорв. диал. *rake*). Новгородская диалектная лексика знает немало проявлений именно такого семасиологического перехода; ср., к примеру, новг. *лоток* ‘корыто продолговатой формы’ и *лоток, лоткови́на* ‘низина’, *лоточи́на* ‘луг между двумя взгорьями; ложбина’ [НОС 5: 46—47], *жёлоб* ‘желоб’ и ‘ложбина, продолговатое углубление на поверхности земли’ [НОС 2: 126], новг. *ру́сло* ‘большое корыто’ [НОС 9: 158] и общерус. ‘ложе реки’. Пожалуй, еще более полную семасиологическую параллель манифестирует вост.-слав. диал. *колóда*. Как и в слове *рака́*, в семантическом поле этой лексемы и ее дериватов по многим диалектам проявляется, во-первых, «фунеральное» значение ‘гроб, выдолбленный из дерева’, во-вторых, разные «хозяйственные» значения емкостей, к примеру, ‘большое деревянное корыто’ [СРНГ 14: 152—154; СРГК 2: 400; НОС 4: 85], в-третьих, топографические значения, ср. *колóдина* ‘яма на дороге’, ‘яма, в которой брали торф’ [Черепанова 1984: 103]. Как и в случае с геогр. *Ракомо, Ракуха*, лексема *колóда* в топографическом преломлении создает главным образом названия низменных сырых мест или водоемов¹⁴.

Итак, повторяющаяся в ограниченном ареале тополексема *Ракомо,-а* подразумевает появление в диалекте ранних славян, пришедших на Ильмень, образованного при помощи редкого суф. *-ом-* узкоместного термина, унаследовавшего вторичную топографическую семантику праслав. **raka*. Этот древний термин, конкретизируемый со значением ‘впадина, ложбина’, употреблялся преимущественно в топонимической функции и, следовательно, отражен только местной топонимией.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что топонимические эквиваленты для всех трех рассмотренных новгородских названий на *-омо* (*Перекомо,*

¹⁴ На небольшой территории Приильменья геогр. *Колода* повторяется несколько раз, указывая: 1) на мокрое место с завалами леса неподалеку от Новгорода, 2) на сырое место у Яблоновского ручья в окрестностях Старой Руссы, 3) на место с родниками у дер. Сотско Старорусского р-на, 4) на ручей в Валдайском р-не [НОС 4: 86; Строгова 1991: 47]; ср. еще отмеченную в МОЗУ 1914 г. пуст. *Колода*, «на которой населена дер. Новая», в Пиросской вол. Бор. у. [КГарн]. Средневековая топонимия показывает множество названий, коррелирующих с апел. *колóда*, среди которых встречаются и специфические др.-новг. неполногласные тополексемы; ср. дер. *Клодыни*, по книге Дер. пят. 1495 г., селище *Клодовище* в Паозерье, по книге Шел. пят. 1551 г. [НПК I: 838; V: 320]. Обширный перечень иных восточнославянских названий *Колодня, Колода, Колодина, Колодник* и т. п. изложен в работе В. П. Шульгача [1989: 50—51].

Пакомо, Ракомо) преимущественно обнаружены в юго-западной западной части Славии — в сербохорватско-словенской зоне.

Хочется сказать несколько слов об этнодиалектной принадлежности «рифмованного сегмента» рассмотренных архаических славянских топонимов с исходом на *-комо*. Очевидное, характерное ядро их сосредоточения — прилегающие к Ильмену центральные районы Новгородской земли, особенно бассейн р. Шелони. С археологической точки зрения территория Пришелонья и ближнего Приильменья отличается тем, что только на нее приходится та часть ареала новгородских сопков, которая лежит вне зоны пересечения с ареалом псковско-боровичских длинных курганов [Седов 1999: 141, рис. 27]. Длинных курганов в данном субареале не выявлено. Следовательно, учитывая территориальную дистрибуцию рассмотренных раннеславянских топонимических архаизмов, можно конкретизировать принадлежность их племенному диалекту славянского населения, соорудившего сопки в VIII—X вв., отождествляемого обычно с летописными словенами ильменскими.

Рассмотренными топонимическими архаизмами, пожалуй, исчерпывается совокупность деапеллятивных названий славянского происхождения с концовкой *-ом(-о,-а)* в регионе Новгородской земли (о деантропонимном геогр. *Жирома* см. в гл. 6). Хотя все они не находят цельноструктурных апеллятивных коррелятов, все же имеются единичные суффиксально-деривационные аналогии в апеллятивной лексике, ср. рус. диал. *костромá*, праслав. **kostroma* как производное с суф. *-ома* от сущ. **kostra* [ЭССЯ 11: 163].

Значительно чаще в области новгородских пятин встречаются весьма архаические названия, обычно гидронимы, с суф. *-ом-* (и вариантным *-ем-* после мягких согласных), осложненные славянским суф. *-ля*, изредка *-ле,-ль*: *Городомля, Жатемля, Жоломля, Иломля, Каркомля, Къземль, Кжемля, Лоцемля, Никомля, Охомля, Пискомля, Пяромля, Радомля, Ретомля, Ситомля, Смердомля, Судомля, Туемля, Удомля, Чучемля, Шадомля* и др. На Русском Северо-Западе анализ этого типа названий (в рамках более общей модели *-ля/-ль*) уже проводился Р. А. Агеевой [1989: 163—177], поэтому ограничусь краткими дополнительными наблюдениями. В бассейне Днепра такие гидронимы тоже хорошо известны, они анализировались в [Топоров, Трубачев 1962: 102—104]. Любопытно, что в регионе Новгородской земли почти все такие названия, особенно с концовкой *-омля/-емля*, концентрируются в восточных районах — к востоку от Волхова, Ильменя и Ловати (см. карту 12). Перечисленные названия далеко не однозначны в плане этимологии, деривации и этноязыковой принадлежности. Лишь в единичных случаях, как справедливо отмечает Р. А. Агеева [1989: 165], гидронимы на *-омля/-емля*, *-имля* допустимо объяснять из др.-слав. антропонимов-гипокористик на *-мъ*, *-ма* (например, *Радомля* может отсылать к личн. *Радомъ,-а*, сокращенному из *Радомиръ*, однако вероятна и деривация от апеллятива с корнем *рад-*). В целом же это деапеллятивные образования. Их основы нередко показывают отчетливо неславянский облик, и безусловно сам суф. *-ом/-ем-* в них гетерогенен, его истоки могут быть связаны с разными деривационными типами лексем в разных языках. В части случаев он продолжает

древний балто-славянский суф. *-m-* страдательных причастий наст. вр. (ср. рус. *несомый, ожидаемый, любимый*, лит. *nešamas, laukiamas, mylimas*). В балтийской гидронимии встречаются названия на *-amas, -amė*, структурно подобные рассматриваемым славянским; ср., например, *Aulamas, Dotamas, Gastamas, Taramas, Pėdamė, Juodamė* в Литве [Vanagas 1970: 90]. Балтизмы с суф. *-am-* (равно как с суф. *-im-, -um-* типа лит. *Žalimai, Rodumas*) могли быть усвоены славянами в качестве субстратных гидронимов на *-омля/-емля*; при этом в силу балто-славянской принадлежности не только суффикса, но и многих основ такие исконные балтизмы обычно трудно дифференцировать от исконно славянских образований. Например, новг. геогр. **Смердомля** п. пр. Чагоды трактуется на основе балто-слав. **smird-* ‘смердеть, вонять’, **Никомля** п. пр. Воложбы, п. пр. Сяси отсылает к балто-слав. **nik-* ‘никнуть, исчезать, пропадать’, **Ситомля** л. пр. Сяси и **Сѣтомля** р. где-то в Обон. пят. 1-й пол. XV в. («и в Лѣпни, и на Сѣтомлѣ, и на Ояти на рекѣ» в грамоте 1434 г. [ГВНП: 149]¹⁵) связано с балто-слав. **soi-t-/*sei-t-* ‘плести, связывать’ (ср. др.-рус. *сѣть*, рус. *сеть* и лит. *saĩtas, siėtas* ‘верёвка, привязь’, лтш. *saite* ‘завязка, бечевка’), **Ретомля** (в [Шан. РЛЮ: 434] — **Ротомля**) р. и оз. в басс. Сяси проявляет балто-слав. *rēt-/rėd-* ‘редкий’, ср. лит. *retumė* ‘редкое место в лесу’, ‘небольшой луг среди леса’, *retmė* ‘редколесье’ [Невская 1972: 358] и рус. диал. *рѣтка* ‘редкая изгородь’ (Свердл., Перм.) [СРНГ 35, 76], полесск. *реть* ‘заболоченная низина’ [Черепанова 1984: 191]. Кроме того, безусловный вклад в сложение модели новгородских водных названий на *-омля/-емля* внесли финно-угорские гидронимы. Многие из них образованы с помощью либо детерминанта *-ma*, весьма характерного для прибалтийско-финской топонимии, либо суффиксального форманта *-Vm(a)* древнеуральского происхождения, некоторые топоосновы содержали этот суффикс и на доонимической стадии (например, название р. **Пярдомля** басс. Сяси связывают с саам. *peärtam* ‘ловушка, особенно на бобра’), см. [Муллонен 2002: 222—226; Матвеев СТРС I: 200—202; II: 23—24].

В отличие от гетерогенного структурного элемента *-om-/em-* в топонимии, имеющего истоки в славянских, балтийских и финно-угорских языках, более позднее суффиксальное наслоение *-л-я*, реже *-ль, -ле*, является собственно славянским, возникшим в результате славянской «йотовой» палатализации (*-mj- > -ml'-*). Уже само по себе это обстоятельство свидетельствует об архаичности модели. Возник новый собственно славянский формант *-омля/-емля*, который стал заметно продуктивным, распространяясь по аналогии иногда на субстратные, иногда на исконно славянские основы. Именно поэтому достоверно или предположительно славянских названий в составе модели *-омля/-емля* просматривается значительно больше, чем среди названий, оканчивающихся на *-ма* или *-мо*; эти последние в регионе Новгородской земли почти все (за вычетом рассмотренных выше *Лукомо, -а, Пакомо, Перекомо, Ракомо, -а*) являют собой отчетливо неславянский субстрат (*Вальгома, Иштома, Койдома*,

¹⁵ Возможно, эти два названия, современное и средневековое, следует отнести к одной и тоже реке, л. пр. Сяси.

Лакома, Ножема, Селагомо, Судома, Тюзьма и др.). Похоже, новый деривационный формант *-омля/-емля* проникал даже в апеллятивную лексику; ср. записанные в Житомирском Полесье апел. *сухомля* ‘худой человек’, *старомля* ‘ветошь, старье’, *сыромля* ‘нечто сырое’ [Никончук 1968: 90—91], ср. еще фамилию *Сыромля*. Со временем топонимы на *-омля/-емля* изредка переоформлялись под влиянием более активных суффиксов (см. *Смердомля* с вар. *Смердомка*, *Охомля* с вар. *Охомень*).

МОДЕЛИ НА *-ья, -ея, -ия*

В структурные модели на *-ья, -ея, -ия* вовлечены топонимы, далеко не однородные по деривации и происхождению. Как правило, это исконные названия водоемов, реже селений (указания на населенные пункты обычно предполагаются перенесенными от водоемов), редкие и непродуктивные, возникавшие в целом не позднее древнерусской эпохи. Среди таких структур обнаруживаются не одни только славянские, но и субстратные, балтийские или прибалтийско-финские, названия. Топонимические формы на *-ья, -ея, -ия* порой выступают в качестве вариантов одного названия, а созвучные форманты склонны к взаимозамещению (см. ниже *Вилья / Вилея / Вилия*). Такие колебания формантов отчасти обусловлены различиями падения редуцированной *ь* перед «йотом»: она либо обращалась в ноль звука, либо, в зависимости от фонетических условий, прояснялась в *е* или *и*.

Модель с архаическим формантом *-ья*, которая ранее не подвергалась специальному анализу, показывает свою отчетливую прикрепленность преимущественно к территории Русского Северо-Запада. В иных славянских регионах топонимы, преимущественно гидронимы на *-ья*, отмечаются реже, см., например, совсем скромное их проявление на обширных пространствах Верхнего Поднепровья и Правобережной Украины [Топоров, Трубачев 1962: 150—151; Трубачев 1968: 46, 245]¹⁶. Суффиксальный формант *-ья* генетически разнороден. Чаще всего он является суффиксом *-ьj(-a)* категориально-посессивных прилагательных в форме жен. р. ед. ч. В апеллятивной лексике такие прилагательные (*холопья, бабья, лисья, кунья, волчья* и т. п.) обозначают свойство некой категории живых существ. В явном или стертом виде старое значение суффикса нетрудно выявить в ряде названий, показывающих «одушевленные» основы. В других случаях формант *-ья* коррелирует с суффиксом *-ьj(-a)* некоторых старых существительных, образованных в праславянское время и порой имеющих структурные соответствия в иных индоевропейских языках, прежде всего в балтийских (ср. рус. *лодья, коробья* и лит. *aldijà, karbija*). Вторичные, более поздние, истоки *-ья* связаны главным образом с преобразованием апеллятивных и топонимических структур на *-ье*, выразивших местоположение (*подлипье, захонье, Порусье* и др.) или собирательность (*веретье*) и с возможным преобразова-

¹⁶ Для всей этой огромной территории приведено 25 гидронимов на *-ья*, что приблизительно в два раза меньше, чем обнаружено мною таких названий в современной гидронимии на сравнительно небольшом пространстве новгородского пятинного деления.

нием созвучных названий с формантами *-ея*, *-ия*. Ниже следует подробный анализ отдельных славянских названий на *-ья* в регионе Новгородской земли.

Робья, иначе *Робейка*, р. в Северном Приильменье, часто упоминается в средневековых актах и писцовых книгах. По совр. данным, это рч. *Робейка*, п. пр. Волхова в окрестностях Новгорода, при ней стоит дер. *Робейка* Савинск. Новг. Самое древнее упоминание этой речки содержит Вкладная грамота Варлаама Михалевича Спасскому Хутынскому монастырю 1192—1210 гг., которая указывает село «на *Слудици за Робиюю*», отождествляемое с совр. дер. *Слутка*, стоящей при впадении *Робейки* в Волхов, см. [ГВНП, 162: гр. 104; Янин 1990: 211]. Затем рч. *Робья* указана в двух грамотах 1456—1471 гг. новгородского посадника Ивана Лукинича. По первой грамоте Иван Лукинич отдает в собственность, а по второй завещает Островному Никольскому монастырю свои земельные угодья на рр. Вишере и Мсте, в том числе «пожню на *Робьи* рекѣ, что *Робья* течеть в Волховъ под Николою святымъ у Холопя городка» [ГВНП: 173—174, гр. № 114; 177, гр. № 120]. В отписных и оброчных книгах пригородных пожен Великого Новгорода 1535/36—1539/40 гг. отмечена пожня «на Волхове над речкою над *Робьею* на носу», принадлежавшая Кузьмодемьянской церкви, указаны и другие пожни «на *Робе*», «над *Робьею*», см. [ПКНЗ 1: 312, 368, 374]. В описании Введенского Хутынского пог. Обон. пят. 1563/64 г. речка носит варианты названия, см.: «на *Робьи* реке», «в речке в *Робьи*» и рядом «вверх *Робейке* реке», «на *Робейки* реке» [ПКНЗ 2: 52, 54]. В описании соседившего с Хутынским Иванского на Волхове пог. Обон. пят. речка именуется *Робейка* («притонек по конец *Робейки* реки на устье»), хотя прилегающие к ней селения именуется дер. *Сельцо Робья*, дер. *Сельцо на Робьи* и дер. *Есюнкино на Робьи* [Там же: 57, 58]. Таким образом, появление варианта *Робейка* приходится на сер. XVI в., и впоследствии он окончательно вытеснил исконную форму *Робья*. Производная форма *Робейка* безусловно была образована от названия *Робья* прибрежных селений (дер. *Сельцо Робья* и *Сельцо на Робьи*), тогда как ойконимы дублируют исконную форму гидронима.

Робья р. в басс. Ловати в Южном Приильменье. Указана в грамоте 1125—1137 гг. князя Всеволода на Терпужский погост Ляховичи, фиксировавшей границы ловатской волости, пожалованной Новгородскому Юрьеву монастырю. Один из участков границы проходил «на връхъ *Городьни* на низъ по одной сторонѣ до *Робьи*» [ГВНП: 140, гр. № 80] (здесь *Городья*, по совр. гидрографической иерархии, — л. пр. Болдоники, п. пр. Заробской *Робьи*, п. пр. Ловати). Там же сообщается о соседней р. *Робья Ильмна*: «...сѣ връхъ Глистьнѣ на връхъ *Робьи Ильмны*». В. Л. Янин [1981: 231—238] предположительно отождествляет *Робью Ильмну* 1-й пол. XII в. с совр. *Робьей Великосельской*, п. пр. Ловати, тогда как древняя *Робья* соотнесена с совр. р. *Робьей Заробской*, тоже п. пр. Ловати, но впадающим выше по течению в полутора десятках километров.

Основой геогр. *Робья* является корень *роб-* такой же, как в др.-рус. *робь* ‘раб, слуга’, *роба* ‘рабыня, служанка’, рус. *робкий*, *робеть*. Помимо значений, связанных с рабством (они, вообще говоря, поздние и вторичные), в славянских и других

языках наличествуют более древние значения *роб-* (< и.-евр. **orbh-*): ‘маленький, слабый, беззащитный’, ‘сирота, осиротевший’, ‘дитя, ребенок’; ср. родство *раб* и *ребенок*, др.-рус. *робъ* ‘раб’ и *робя* ‘ребенок’, др.-инд. *arbhas* ‘маленький мальчик’, лат. *orbis* ‘лишенный чего-л., осиротевший’, греч. *orfanos* ‘сирота’ и т. п. [Черн. ИЭССРЯ II: 91; Фасм. ЭСРЯ III: 453; ЭСБМ 11: 7]. Известно о др.-рус. *робии* ‘принадлежащий рабу, рабе’ [Срезн. МСДРЯ III: 125], которое было хорошо знакомо и др.-новг. говорам, см. в новг. бер. гр. № 335 (60—70-е гг. XII в.) словосочетание *робьъ въвериць*, переведенное как ‘деньги за рабыню (робу)’ [Зализняк 2004: 372—373] (букв. ‘рабы деньги’). Надо полагать, гидроним *Робья* отсылает как раз к данному прилагательному в форме жен. р. ед. ч. (*робья, робия*). Хотя предполагаемая первичная семантика названия — ‘рабья, рабская’ — для номинации реки сегодня кажется необычной, она, тем не менее, наиболее вероятна. Рассматриваемый гидроним находит безусловную смысловую поддержку среди нередко встречающейся топонимии с отражением семантически близких адъективов *робии*, *холопии*, *смердии*, обозначавших принадлежность к социально зависимым группам древнерусского населения. Такие названия по разным причинам могли появиться в местах проживания или деятельности рабов, холопов и смердов. Ср. прежде всего новг. геогр. ***Робья Гора*** дер. Заборовского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 13], а также *Рабитицы* (см.), *Робья*, или *Робка*, п. пр. Водочи, л. пр. Навли, л. пр. Десны в Орловской губ., *Робки* л. пр. Прони басс. Сожа на Могилевщине [Vasm. WRG IV: 63], *Робье* поле и *Робий Мох* болото на Русском Севере [Матвеев 2006: 269], *Робье* село в Шаблыкском р-не Орловской обл. Весьма показателен тот факт, что рч. *Робья* в окрестностях Новгорода огибает оз. ***Холопье***, впадая в Волхов в сотне метров от него. На южном берегу этого озера было средневековое поселение *Холопий Городок* (*Холопий Городец*), отмеченное летописью под 1417 г. в связи с заложением в нем каменной церкви святого Николы [НПЛ: 407]¹⁷. Данный ряд номинаций продолжают, в частности, новг. геогр. ***Холопья Весь*** сц. Дягиленского пог. и ***Холопья Полисть*** дер. Грузинского пог. Вод. пят. 1500 г., ***Холопья Нива*** дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК III: 448, 454, 875; V: 674], ***Холопья*** ул. на Софийской стороне средневекового Новгорода, часто упоминаемая начиная с 1271 г. [НПЛ: 89, 90, 329, 389; НЛ: 23, 25, 28, 97, 135, 190, 211, 213, 217, 230, 240, 257, 327, 385, 387, 462, 484], ***Смереды*** дер. в Щепецком пог. 1571 г. [НПК V: 463] (т. е. ‘смердые, село смердов’).

Геогр. *Робья* в Южном Приильменье издревле сформировало интересную разветвленную систему составных гидронимов с определениями-дифференциатора-

¹⁷ Позднее здесь значился Никольский на Холопьем городке монастырь, запустевший к периоду шведской оккупации, о подробностях см. [Петрова и др. 2000: 153]. Первое упоминание *Холопья Городка* (в немецком переводе — *Drelleborch*) содержится в латинском тексте новгородско-ганзейского договора 1270 г. Еще один древний *Холопий Городок*, упоминаемый документацией XVI—XVII вв., находился на р. Мологе примерно в 80 км от города Углича; сегодня это место оказалось на дне Рыбинского водохранилища.

ми, исторически изменчивыми и распространявшимися порой на разные участки русла одной и той же реки. Эти словосочетания либо выступают на правах исторических вариантов в парадигме одного и того же водного названия, либо являются разными названиями-иррадиатами, распространившимися на смежные реки. Как отмечено выше, уже в XII в. существовал составной гидроним *Робья Ильмна* XII в. (букв. ‘Робья вязовая’, см. анализ *Леменка*) для реки, известной в материалах XIX—XXI вв. не только как *Робья Великосельская* (наиболее часто встречаемый вариант), но и как *Робья Сутокская*, или *Робья Шубинская*, или *Робья Омыччинская*, или *Средняя Робья*, или даже *Робья* в нижнем течении [ВТКЗверст; Шан. РЛЮ: 136; Пылаев 1929: 37; Истомина, Яковлев 1989: 75]. На совр. картах вместо *Робья Великосельская* подписано название *Робья Шубинская*, которое распространяют от истока до слияния с р. Робья Старовская, тогда как нижний шестикилометровый участок реки до впадения в Ловать именуют просто *Робья* (но местные жители, кажется, склонны распространять этот однословный вариант на всю реку). Определения-дифференциаторы получены по названиям деревень Ст-Рус. у., поставленных по разным участкам русла: *Великосельская* — по дер. *Великое Село* в среднем течении, *Сутокская* — по названию ныне исчезнувшей дер. *Сутоки*, стоявшей при слиянии именуемой реки с р. Старовская Робья, *Шубинская* — по дер. *Шубино* на верхнем участке русла, *Омыччинская / Омычнинская* — по дер. *Омычкино* на правом берегу Ловати вблизи устья реки; что касается определения *Средняя (Средняя Робья)*, то оно отмечает центральное положение этой реки между близтекущими рр. *Робьей Заробской* на западе и *Робьей Старовской* на востоке.

В *Робью Великосельскую* справа, восточнее, впадает река, которая в более поздних источниках XIX—XXI вв. обычно называется *Робья Старовская / Робья Ставровская* (по дер. *Старая* в верховьях, ныне исчезнувшей), а в более ранней документации XIX — нач. XX вв. [ВСОРИ: 17; Пылаев 1929: 37; СНМНГ III: 61, 63, 65] чаще именуется *Робья Сорокопенская* (или с искажениями: *Сырокопенская / Соропенская / Сороненская*) по бывшей дер. *Сорокопенно*, стоявшей в среднем течении. Гидрографическое значение тоже не устойчиво: в XIX в. считалась притоком Ловати 1-го порядка, подчиняющим себе *Робью Великосельскую* (см. под 1849 г.: «*Робья-Сорокопенская*, принимающая р. *Робью-Великосельскую*» [ВСОРИ: 17]), но в источниках XX в., наоборот, указывается притоком Ловати 2-го порядка, впадающим в *Робью Великосельскую*¹⁸.

¹⁸ На левом берегу *Робьи Старовской (Робьи Сорокопенской)* в нижнем течении ранее стояло село *Закорытна*. С учетом данного факта В. Л. Янин [1981: 238] предположил, что в XII в. рассматриваемая река носила совсем другое название: «Ручей *Закорытна* приобрел название от стоящего в его устье села *Закорытна* (Закортение писцовых книг). Но это село находится за *Робьей Сорокопенской*. Не называлась ли эта речка в древности *Кортеней* или *Корытной*». Однако, как кажется, предпочтительнее связать эти древние названия с совр. рч. *Корытинка*, л. пр. *Робьи Сорокопенской*.

Река *Робья* из грамоты XII в. отождествлена с рекой, которая в поздней письменности обычно именуется *Робья Заробская* (или, с искажением, *Робья Воробская* в источнике XIX в. [ВСОРИ: 17]) — по дер. *Заробье*, стоящей при ее устье. В верхнем течении эта река разделяется на две равные по величине речки со своими названиями: одна из речек называется *Робья Боровская* / *Робья Боровая* (по дер. *Бор* в среднем ее течении), или, иногда, *Робья Рядовская* [Пылаев 1929: 37] (по исчезнувшей уже дер. *Рядово*), другая именуется *Робья Язвищенская* / *Робья Язвенская* (по дер. *Большие Язвищи* и *Малые Язвищи* Ст-Рус. у.), или, по списку селений 1090 г. [СНМНГ III: 55, 57], — *Зарайская Робь* (по дер. *Рай*). Гидрографический объем всех этих составных наименований колеблется, причем даже в современных классификациях. Так, на топографических картах Южного Приильменя 1956 г. (масштаб 1:25 000) гидроним *Робья Заробская* распространен на участок русла от устья до слияния *Робьи Язвищенской* и *Робьи Боровской*, которые, следовательно, считаются самостоятельными реками. Однако в справочнике водоемов Новг. обл. [Истомина, Яковлев 1989: 75] *Робья Заробская* принимается вместе с *Робьей Боровской* за единую реку 69 км длиной, левым притоком которой оказывается *Робья Язвищенская*. В источниках нач. XX в. [Шан. РЛЮ: 136; Пылаев 1929: 37], наоборот, *Робья Заробская* считается вместе с *Робьей Язвищенской* единой главной рекой, имеющей притоком *Робью Боровскую*. Разумеется, различия в понимании гидрографической иерархии обуславливают вариантность составных наименований: *Робья Заробская* / *Робья Боровская* / *Робья Рядовская* / *Робья Язвенская*.

Похоже, традиция составных наименований применительно ко всем этим близлежащим рекам была заложена еще до XII столетия; со временем менялись только сами дифференцирующие определения. Данная микросистема гидронимов дополняется рядом ойконимов. При впадении р. *Робья Великосельская* в Ловать писцовые книги Дер. пят. 1495 г. описывают дер. *На Усть-Робьи* Черенчицкого пог. и дер. *Умычкино на Усть-Робьи* Рамышевского пог. 1495 г. [НПК II: 620, 621]. Вторая дер. *На Усть-Робьи* Черенчицкого пог. [Там же: 617] локализуется при впадении р. *Робья Заробская* в Ловать, с конца XVIII в. и по сей день она известна как дер. *Заробье* Ст-Рус. у. [ИАДП I: 289] (сегодня в Коровитчинск. Ст-Рус.), т. е. ‘за рекой Робьей’ (по отношению к более северным приловатским деревням). На р. Робье Сорокопенской значилась по списку нач. XX в. дер. *Стречновское Заробье* Коломской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 66], а один из ее правых притоков в нач. XX в. именовался *Заробья* [Пылаев 1929: 36—37] (на совр. картах подписан как руч. *Титов*). В средневековье где-то в данной местности стояла дер. *Робья* Курского пог. 1495 г. [НПК II: 587], о которой более поздние сведения теряются.

Иные адъективные формы, обозначающие принадлежность к некой категории живых существ, столь же отчетливо диагностируются в новгородской топонимии. Прил. *кун(-иш,-ья,-ье)* от др.-рус. *куна* ‘куница’ отражено в ряде топонимов, среди которых наиболее известно название крупной р. *Кунья*, п. пр. Ловати (с конца XV в. появляются сообщения о *Кунейском* стане — административной единицы по берегам Куньи в Холмском пог. [Там же: 836, 872, 876, 880]). Примечательно, что одна

из рек в басс. Куньи носит имя *Куничейка* (в [Шан. РЛЮ: 144] — *Куньченка*), которое отсылает к равнозначному апел. *куничья* — от *куница*. Есть еще ойконимы *Кунья* поч. под 1545 и 1551 гг. в пог. Богородицком Замутье и *Кунья Гора* поч. под 1545 г. в пог. Воскресенском в Осечне Беж. пят. [НПК VI: 78, 232, 626], гидроним *Кунейка*, л. пр. Сосенки, п. пр. Шелони (деминутив от *Кунья*). Этот же тип апеллятивов-мотиваторов показывают средневековые ойконимы *Турья* дер. Мусецкого пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 506] (к *тур* ‘бык’), *Курья Нога* дер. (к *кур* ‘петух’) в Деманском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 553], *Захонья Кобылья* дер. (см. ниже).

Иной тип деривации показывает название р. *Редья*, л. пр. Ловати в Южном Приильменье, которая течет из крупного оз. *Рдейское*, лежащего в *Рдейском* болоте (*Рдейской Моховщине*)¹⁹. Ранее упоминание содержится в жалованной грамоте 1456—1461 гг. великого князя Василия Васильевича русским тонникам: «конюшым путем до *Редьи* реки в Соболеи ручей» [АСЭИ III: 29—30, гр. № 13, 37—38, гр. № 21]. Река часто отмечается при описании Рамышевского, Воскресенского, Черенчицкого погостов и Околорусья в писцовой документации конца XV—XVII в. под вариантными названиями *Редья*, иногда *Рьдья* [НПК IV: 328, 337, 341, 460, 463, 464, 471—473; V: 44, 46, 48, 57, 216, 217, 227, 240; ППКСР: 88, 106, 204, 216, 218, 220 и след.; ПКНЗ 6: 123], *Редье* в писцовой книге 1624 г. («промеж Полисты реки и *Редья*») [ППКСР: 236], *Дрея* («на *Дреѣ*», «на *Дрее*», «на *Дреи*») под 1539 г. [НПК IV: 330, 352, 354, 357, 361, 363, 365, 424; ПКНЗ 1: 365, 375]. Гидроним отражен в наименованиях средневековых пожен в низовьях р. Редьи — пожни *Воинятино-Наредье* под 1497/98 г., или *Вонятино на Редье* под 1624 г. [ПКНЗ 1: 138; ППКСР: 216]), и пожни *Конец Рдетска* под 1497/98 г., или *Рдецко / Рдетцко / Рдитцко* по документации XVII в. («на реке на *Редье* во *Рдецке*») [ПКНЗ 1: 138; ППКСР: 216, 217, 232, 236, 323]. Геогр. *Рдецко* отсылает к форме *Рдея*, которая легко восстанавливается по лимнониму *Рдейское* и по варианту *Дрея*, пережившему метатезу. Кроме того, с гидронимом *Редья* находится в очевидной деривационной связи название рч. *Редца*, на которой некогда стояла дер. *Редца* в Офремовском пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 351]. Не ясна точная локализация ни речки, ни средневековой деревни, но по тексту писцовой книги за ней следует описание селений Ямична и Печена «на *Дреѣ*», позволяющее заключить, что геогр. *Редца* — деминутивное образование от *Редья* (*Дрея*)²⁰.

В этимологическом исходе названий р. *Редья* (*Дрея*) и смежного оз. *Рдейское* лежит корень *рьд-* (праслав. **рьд-* в переднерядной огласовке, чередующий-

¹⁹ Рдейское болото — одно из самых крупных верховых болот на Северо-Западе России, для охраны которого в 1994 г. был создан Рдейский государственный природный заповедник. Лежащее в нем оз. Рдейское, 880 га, знаменито тем, что на его берегу в 1666 г. возник монастырский скит, а позднее, в конце XIX в., на месте скита был построен Рдейский монастырь, переставший действовать в годы Великой Отечественной войны.

²⁰ Вряд ли к средневековой *Редца* имеет отношение дер. *Редцы* Сергеевск. Парф. (в нач. XX в. — дер. *Рьтцы* Черенчицкой вол. Ст. у. [СНМНГ III: 114—115]) на левобережье Ловати, которая располагается на территории бывшего Коломенского пог.

ся с **rʏd-/*rud-/*ryd-*), который проявляется в суффиксальной основе (**rʏd-r-*) др.-рус. *рьдрьи, редрьи* ‘бурый, рыжий, красноватый’ [Срезн. МСДРЯ III: 215], сев.-рус. *рёдрый, редрый* ‘рыжий (о рогатом скоте)’, ‘некрасивый, с рыжими волосами (о человеке)’ (Арх., Волог., Беломор.), *рёдра, редра* ‘пестрая белоголовая корова’ (Волог.), перен. ‘некрасивый, с рыжими волосами человек’ (Шенк. Арх.) [Даль ТСЖВЯ 3: 89; СРНГ 35: 22], а также в названии оз. **Редро**, или *Редрово*, имеющего сток в р. *Редра (Редровка)* басс. Мологи, Мош. р-н. Геогр. *Редья* как основной вариант гидронима — образование по собственно гидронимической модели на *-ья* (**Рьд-ья*), первоначально обозначавшее реку с красноватой, бурой, ржавого цвета водой. Данное речное название семантически приравнивается к этимологически и деривационно близкому названию соседней р. *Порусья* (см.), более того, эти два гидронима, по-видимому, состоят в отношении метонимического калькирования (подр. анализ в гл. 9).

Забытый сегодня, но устойчивый в средневековой письменности метатезированный вариант гидронима *Дрея* (< *Рдея*) тоже легко сводится к раннему **Рьдья*. Таким образом, оба варианта имеют общий др.-рус. прототип; различие их сложилось после утраты редуцированных и было связано с меной ударения: ударение на основе дало вариант *Редья*, ударение на форманте привело к *Рдея* (> *Дрея*). Можно полагать, что этот, второй, вариант закрепился позднее и своим появлением обязан смежному (и словообразовательно вторичному) лимнониму *Рдейское*, который закономерно выводится из **Рьдьёско(е)*, от **Рьдья*.

Переднерядная огласовка в геогр. **Рьдья* вторична ввиду апофонии корня **rʏd-/*rud-/*ryd-*, хорошо известного в лексике и топонимии славян²¹. Вторичное появление *ь* в основе могло произойти в эволюции самого гидронима (под влиянием мягкости последующей *д* или переднего ряда гласной в составе форманта) либо имело место прямая деривация от диал. *рьдѣти(ся)*, полученного от др.-рус. *рьдѣти(ся)* ‘быть красным’ благодаря ассимиляции, по образцу которого, как полагает А. Мейе [2001: 282], закрепилось и др.-рус. *рьдрьи* (при том, что есть и др.-рус. *рьдрьи, родрьи* ‘красный, рыжий’ [Срезн. МСДРЯ III: 203]). Наряду с геогр. *Редья* и *Редра (Редро)*, переднерядную основу показывает еще название р. **Редѣха**, л. пр. Медведы, р. в оз. Болонье басс. Мсты (Мош. р-н). В этом архаизме выделяется непродуктивный суф. *-еха* и основа *Ред-* (< *Рьд-*). Он мотивирован по признаку цвета глинистых берегов либо красновато-темного цвета воды, ср. название смежной р. **Медовка**, п. пр. *Редѣхи*, отражающее «медовый», т. е. красноватый, цвет воды (смежность *Редѣха* и *Медовка* не выглядит случайностью). Не ясна огласовка данного корня (*рьд-* или *рьд-*) в ойконимах **Рдици** дер. 1500 г., или *Рдицы*

²¹ Наиболее широко представлены продолжения варианта **rud-*. Топонимы, преимущественно гидронимы, на *Руд-* многочисленны как на Русском Северо-Западе (см. геогр. *Руда, Рудная, Руденци, Рудица, Руднец, Рудник, Рудница, Рудуха* и др. в НПК конца XV — I-й пол. XVI в.), так и в других регионах Славии [Vasm. WRG IV; Šmilauer 1970: 154] и хорошо проверяются наличными диалектными апеллятивами.

под 1568 г., в Клименецком Тесовском пог. [НПК III: 67; Селин 2003: 119] и **Рдицы** дер. под 1500, 1539/40, 1568, 1582, или пуст. под 1788 г., в Успенском Сабельском пог. Вод. пят. [НПК III: 123; Селин 2003: 177]. Ойконим **Рно** дер. на р. Псиже вблизи пос. Волот, р. ц. Новг. обл. (там же руч. *Рновский*, п. пр. Псижи [Пылаев 1929: 36]), восходит к **Рдно(е)* < **Рдьно(е)* или **Рьдьно(е)*, адъективного деривата от *рьдѣти* или *рьдѣти* с дальнейшей ассимиляцией и упрощением *дн* > *нн* > *н*.

Хотя геогр. *Редья* прекрасно трактуется как славянский архаизм, тем не менее нельзя исключить в данном случае также вероятность раннеславянского восприятия и освоения балтийского гидронима; ср. равноструктурные *Rūdiņa* и *Rudijā*, названия двух рек в Литве [LUEV: 137] при способности замещения балтийских звуков *u, i* славянскими *ъ, ь*.

Велья, или *Виляя*, п. пр. Волхова в его среднем течении [Шан. РЛЮ: 44], по совр. материалам — р. *Веляя*, вытекающая из оз. *Вельское*; при реке значится дер. *Велья* рядом с болотом *Велья*, Чуд. р-н. Эти топонимы входят в длинный ряд новгородских межтерриториальных параллелей, как современных, так и исторических, относящихся к рекам, озерам и селениям. Среди названий водотоков данный ряд продолжают: **Велья** л. пр. Вишеры, п. пр. Волхова в окрестностях Новгорода²², **Велья**, или *Велье*, л. пр. Порусь, п. пр. Полисти, л. пр. Ловати, упоминаемый впервые под 1498 г. («въ Офремовском погосте на Порусье и на *Велье*» [НПК V: 57]), **Велья,-е** руч. («на ручью на *Велью*») в вол. Загородье в Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 380]; среди лимнонимов отмечены: **Велея** оз. в басс. Чагоды, Хв. р-н (или *Виляя/Вилия* тоже по совр. источникам, но в МОЗУ 1914 г. — оз. *Велье*, в Ген. меж. 1780-х гг. — оз. *Велья/Авелья*: «при озерах <...> Большом Кузине, *Авельи*», № 2437 [КГарн]), **Вельё** оз. со стоком в р. Явонь басс. Полю (Дем., Валд. р-ны), упоминаемое с 1495 г. как оз. *Велье (Вельевское)* на территории *Вельевского* пог. Дер. пят. [НПК I: 220, 226, 213—248; ПКНЗ 5: 316], **Велье** оз. в басс. Сяси (Бокс. р-н); в ойконимии известны: **Велья** дер. в пог. Волок Держков Беж. пят. 1545 и 1564 гг. [НПК VI: 123, 985, 988] (= *Велье* дер. на руч. Сорода в Волоцкой вол. Бор. у. 1911 г. [СНМНГ VI: 20—21]), **Велье** дер. Влажинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 742, 752] (= *Навелья* дер. в Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 137], = совр. *Навелье* дер. Лажинск. Парф.), **Велье** дер. Рютинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 420] (= *Велье* дер. при оз. Пирос в Рютинской вол. Валд. у. 1909 г. [СНМНГ V: 78—79], сегодня — дер. в Рютинск. Болог.), **Велье** ус. на руч. Деревковском в Хоромской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 122—123] (в 1780-х гг. — дер. *Велье* на руч. Деревковом [КГарн]), **Велья Гора** дер. Локотского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 20, 32] (= совр. *Вильи Горы* дер. Локотск. Кр.), **Велья Гора** дер. в вол. Поляна в Покровском пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 306], **Велье** дер. в Бокс. р-не. Кроме того, к топонимическим дериватам отсылают такие суффиксальные дериваты, как название оз. **Вельцо** близ дер. *Вельцо* в Бельской вол. Валд. у. 1909 г. [СНМНГ V: 18—19] (= дер. *Вельцо* Жабенского

²² На мысообразном острове при впадении Вельи в Вишеру ранее стоял Николо-Островский монастырь, известный с XV столетия [Петрова и др. 2000: 154].

пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 613]), оз. *Вельцо* в дельте р. Мсты вблизи Новгорода 1535/36—1539/40 гг. [ПКНЗ 1: 326], дер. *Вельца* на правом берегу Волхова в Волх. р-не (исторических сведений не найдено), дер. *Велска* и дер. *Велска-Волоска* с поч. *Велской* во Влажинском пог. Дер. пят. 1495/46 и 1538/39 гг. [НПК I: 715, 725, 751; ПКНЗ 4: 153, 168, 169].

В иных восточнославянских землях находятся соответствия обычно гидронимические: пск. *Велье* оз. со стоком в р. Верша басс. Великой (там же сел. *Велье* западнее Пушкинских Гор, отмеченное как гор. *Велье*, или *Велие*, в Псковской земле под 1368 г. [ПСРЛ IV: 192]), *Велье* оз. со стоком в р. *Велья*, пр. Налицы, л. пр. Кудебы, л. пр. Великой (там же дер. *Велье* Печорского р-на), *Велье* оз. и *Вельец* оз., оба со стоком в р. Волошна басс. Великой (там же дер. *Вельица* Опочецкого р-на), твер. *Велия* оз. со стоком в р. Любутка басс. Западной Двины (там же дер. *Велье* Андр. р-на) и *Велье* оз. (там же сел. *Велье* Вышн. у., сегодня — дер. *Вели* Вышн. р-на). Кроме совр. источников, пск. и твер. озёра *Велье* известны по собранию О. А. Шкапского 1912 г. [Шк. ОПскГ: 78, 82, 118, 128]. В Белоруссии отмечены оз. *Велье* (польск. *Wiele*) в Чериковском у. Могилевской губ. и оз. *Велье* басс. Западной Двины в Дрисском у. Витебской губ. [Vasm. WRG I: 281]. В Верхнем Поднепровье есть *Большая Велья* п. пр. Снежети, л. пр. Десны, л. пр. Днепра, производное *Велейка* п. пр. Днепра + л. пр. Березны, л. пр. Ветьмы, л. пр. Десны [Топоров, Трубачев 1962: 143]. Часты эти названия в Верхнем и Среднем Поочье, где отмечено примерно десять рек, называемых *Велья*, есть р. *Сухая Велья*, три оз. *Велье*, р. *Велейка*, верх *Вельев* [Смол. ГБО: 28, 33, 35, 55, 66, 91, 102, 123, 126, 128, 139, 149, 173, 180]. Река *Вилия* (блр. *Vilija*, лит. *Vilija*, а также *Neris*), п. пр. Немана, в древнерусских летописях именуется *Велья* (в Ипатьевской лет. под 1237 г.), или *Велиа* (в Новг. 1-й летописи) [НПЛ: 476].

В целом, если судить по изложенному материалу, тополексема *Велья*, -е особенно характерна для Русского Северо-Запада и для бассейна верхней и средней Оки. Гидронимия является основной сферой ее использования.

Перечисленные названия с основой *Вел-* в разных частях своего ареала перемежаются и смешиваются со структурно равными или структурно подобными формами на *Вил-* типа *Вилья*, -е и *Вилея*. Эти последние на новгородской территории приведены выше, в качестве вариантов к некоторым гидронимам на *Вел-*. Чаше водные названия на *Вил-* можно встретить за пределами области новгородских пятин: смол. *Вилье* (*Велья*, *Вилейка*, *Вильня*) л. пр. Ресты, п. пр. Прони, п. пр. Сожи [Топоров, Трубачев 1962: 150], блр. *Вилья* сенокосный луг в Ганцовичском р-не Брестской обл. [Мікра-тапанімія: 42], укр. *Вілія* (вар. *Вилля*, *Вилія*, *Виллио*, *Wilia*, но под 1496 г.: «на рецѣ на *Вѣльи*») л. пр. Горыни, п. пр. Припяти, *Вілія* / *Вилья* л. пр. Случи, п. пр. Горыни, *Вілія* / *Виллия* (или *Виленка* в верхнем течении) п. пр. Тетерева, п. пр. Днепра, *Вилье* (*Вилянки*) п. пр. Коптевки басс. Припяти [СГУ: 107—108; Vasm. WRG I: 313, 315; Шульгач 1998: 310], *Вилия*, или *Велия* (польск. *Welia*), р. басс. Днестра под сел. Баласинешты Хотинского у. в Бессарабии [Vasm. WRG I: 313; Rozwadowski 1948: 261], *Иля* л. пр. Ужа, п. пр. Припяти [СГУ: 221] и блр. *Илия* л. пр. Вилии, п. пр. Немана

(из **Вілья*, **Виля* благодаря утрате начальной *в* как в укр. диал. *ильха* при литер. *вільха* ‘ольха’ и др. [Шульгач 1998: 310—311]), сюда же *Виля* р. в Болгарии [Ковачев 1961: 24, 150] и, быть может, серб. *Vilje* село [Imenik mesta: 450]. Не менее показательны производные от *Вилья*, *-е* или *Виля* формы, такие как новг. геогр. **Вильево** дер. в пог. на Волочке Дершкове Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1018], **Вильянка** л. пр. Полейки, л. пр. Топалки, п. пр. Мологи, твер. *Вилейка* л. пр. Тихвины, л. пр. Селижаровки, л. пр. Волги (там же дер. *Вилейка* Селижаровского р-на Твер. обл., но в МАТГ 1853 г. — дер. *Велейки*), *Вилейка* (*Завилейка*, *Виленка*) л. пр. Вилии, п. пр. Немана, *Вилейка* п. пр. Полны, л. пр. Днепра [Топоров, Трубачев 1962: 69] + р. в Калужской губ. + р. в Рогачевском у. Могилевской губ. + р. в Горбатовском у. Нижегородской губ. (при ней дер. *Вилей*), оз. *Вильяка* в Лукояновском у. Нижегородской губ. [Vasm. WRG I: 313, 316, VI: 99; Vasm. RGN I: 312; Смол. ГБО: 267].

Обращает на себя внимание отчетливая взаимозаменяемость топооснов *Вел-* и *Вил-*, см. меню вариантов *Велья* / *Виля*, *Веля* / *Виля*, *Велья Гора* / *Вильи Горы*, *Велья* / *Виля*, *Веля* / *Вилье*, *Вълья* / *Вілія*, *Веля* / *Виля*, *Велейки* / *Вилейка* в истории многих приведенных названий. Скорее всего за данным фактом кроется не столько поверхностное фонетическое смешение созвучных названий, сколько древняя вариантность этимологически тождественных топооснов, характер которой до конца не ясен. Вполне достоверно трактуются перечисленные гидронимы на *Вил-*: они сводятся в конечном счете к тополексеме **Вилья* и ее суффиксальному деривату **Вильяка* со значением кривизны, извилистости (речного русла, озерного берега — при гидронимической конкретизации значения); ср. апеллятивные следы **Вилья* в материале русских диалектов: перм. *вілья* ‘рогатка (вилка), на которую насаживают катушки с нитками при их перематывании’, вят. *вилейка* ‘столовая вилка’ (Яран.) и особенно смол. *вилейюшки* ‘извилины’: «*Вилейюшкым* речушка течет» [СРНГ 4: 281] (деминутив от **виля* ‘извилина’), твер. *вилейка* ‘вид косы (тонкая коса)’ [ОСГКО: 39]. Показательна в данной связи конкретная специфика референтов названий (если они известны), например, дер. *Вилейка* (иначе — *Велейки* под 1853 г.) в Селижаровском р-не Твер. обл. расположена на левом берегу р. Тихвины у места, где река делает тройную петлю на протяжении 1 км своего течения [Воробьев 2005: 75].

Можно допустить, что различие огласовок топооснов *Вил-* и *Вел-* изначально было обусловлено праславянским различием количества гласных: если *Вил-* отсылает к праслав. **vīl-*, то *Вел-* — к др.-рус. *Вьл-* (< праслав. **vīl-*). Эта, вторая, вариантная топооснова (*Вел-*), широко репрезентированная в восточнославянской топонимии, особенно средневековой, слабо отразилась в современной апеллятивной лексике. Ср. прежде всего диал. *вельцы* в составе *figura etymologica завивать вельцы*: «Когда “завивают вельцы” (на свадьбе), т. е. ставят в печеный хлеб ветку елки и убирают ее калиной и полевыми бессмертниками, то поют: *Благослови, боже, и отец и мать своему дитяти калину ломати, в пучечки вязати, вельцы завивати*» (Дмитров. Курск., 1900 г.) [СРНГ 4: 111]. Описание обряда позволяет осмыслить слово *вельцы*, семантически близкое к обозначению *венка*, в связи с витьем и плетением; ср. идиоматичное выражение *завивать венки*. Новг. геогр. *Вельцо*, *Велцо*,

Вельца, деривационно связанные с *Велья*, -е, структурно совпадают с апел. *вельцы*. Более того, структурное тождество топонимов на *Вил*-, *Вел*- с апеллятивами на *вил*-, *вел*- наблюдается и среди нередко встречающихся дериватов с суффиксальным элементом -н-. Так, с одной стороны, имеются новг. геогр. **Вилень** п. пр. Ловаги, **Вилин** пр. Переходы, р. в оз. Ильмень, **Вилино** дер. на правом берегу Мсты в Боженском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 443] (= *Вялина* пуст. в Новг. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 108]), поочские гидронимы *Виленка*, *Вилюн* [Смол. ГБО: 25, 118, 171, 174], которые коррелируют с общерус. *извѣлина*, диал. новг. *вилѡн* ‘быстрый поворот реки’ [НОС 1: 127], ряз., костром. *завилень* ‘извилины, изгиб реки’ [СРНГ 9: 315; Новичихин 1993: 169], брян. *вилу́н* ‘то же’ [СБГ 3: 28] и т. п. С другой стороны, встречаются, например, названия псковских озер *Велино* (по [Шан. РЛЮ: 560] — *Вельгено*) в басс. Чудского оз. со стоком в р. Желча, *Велинское* в басс. Западной Двины, в которое, кстати говоря, впадает р. *Виленка* (!) (отражение уже известной мены *Вел(-ин)*-/*Вил(-ен)*-), смоленской р. *Вельня*/*Вельна* (*Вельнянка*), л. пр. Вехры, п. пр. Сожи [Топоров, Трубачев 1962: 107], поочских рр. *Веленка*, *Велинка*, *Веленец*, *Велина* [Смол. ГБО: 41, 78, 100, 118, 123, 138, 159], которые, в свою очередь, можно сравнить с новг. *веленѡк* ‘вид узора на холсте’, уменьш. *веленѡчек*: «Веленочки — это узор такой — мелкие веточки; без *веленѡчков* пятикиповину не ткут. Да одного *веленѡчка* и не бывает, как же ты один сточешь» (Оп.) [НОС 1: 111]. Ясно, что и *вельцы* и *веленѡк* заключают общую идею извилистости, которая, как известно, находит широкое преломление в гидрографической терминологии и гидронимии.

Вместе с тем при анализе географических имен, особенно водных, на *Вил*- и на *Вел*- следует учитывать не один только славянский, но более широкий, балто-славянский, языковой контекст. Ранее исследователи неоднократно обращались к рассматриваемой гидронимии, главным образом к наиболее известному в данном списке названию крупной белорусско-литовской р. *Вилия* (блр. *Vilija*, лит. *Vilija*), при впадении в которую речки *Вилейка* (*Завилейка*, *Виленка*, др.-рус. *Вильна*) стоит гор. *Вильнюс* (др.-рус. *Вильно*), столица Литвы. Выясняется, что такие гидронимы не исключительно славянские, так, помимо р. *Вилия* как п. пр. Немана, А. Ванас указывает в разных районах Литвы еще пару равноименных рек: р. *Vilija* (с вар. *Veleja*) и р. *Vilija*, иначе *Néndrupis* [Vanagas 1981: 383]. Название большой р. *Вилия* (др.-рус. *Велья*) в Понеманье, безусловно отраженное в имени главного литовского города, трактовали по-разному, причем неоднозначно определяли даже его этноязыковую принадлежность. Я. Розвадовский, считая исходным вариант *Велья*, рассматривает его на широком индоевропейском фоне и сближает с рус. *волна*, др.-польск. *welna*, нем. *Welle*, лит. *vilnis* ‘волна’, слав. **valъ* ‘волна’, лат. *vallis*, серб. *увала*, чеш. *úval* ‘домна’. Первоначально этот древнейший гидроним отмечал просто текущие воды или потоки [Rozwadowski 1948: 260—264]. Близкое мнение у Я. Отрембского, который считает данный гидроним балтийским и сравнивает с лит. *vilnis* ‘волна’, *vilnyti*, *vilnyti* ‘волноваться; подниматься волнами’ [Otrębski 1960a: 172—175]. К мнению Отрембского осторожно присоединяется А. Ванас [Vanagas 1981: 383], отвергая версию о *Вилии* как о названии славянского проис-

хождения. Напротив, В. А. Жучкевич [1974: 51] и следом за ним Е. М. Поспелов [2001: 98], без учета многих междиалектных и межъязыковых фактов, возводят геогр. *Ви́лия* к др.-рус. *велья* ‘большая’. Авторы монографии о гидронимии Верхнего Поднепровья относят названия днепровских рр. *Вилейка*, *Велейка* наряду с названием неманской р. *Ви́лия* к балтизмам (из **Veļeja* или **Vileja*, **Vilija*), но считают случай затруднительным ввиду колебаний вокализма и в связи с распространением этого корня на старой славянской территории к югу от Припяти [Топоров, Трубочев 1962: 179]. О. Н. Трубочев [1968: 251, 284] пишет о *Ви́лии* на Украине как о двусмысленным по генезису названию «с сильными балт. связями», хотя и не дает его этимологии. Данный гидроним сближают, кроме того, с балтийской демонологической лексикой, привлекая лит. *velė*, *velnias* ‘черт, дьявол’ и т. п. [Иванов, Топоров 1974: 177; 1976: 125]; позднее В. Н. Топоров [1988: 173] сходным образом рассматривает гидронимию *Велья*, *Вилейка* и др. в бассейне Оки: он видит в ней «вероятно балтийское происхождение» (указывая лит. *velės*, *velės* ‘души умерших’), но отмечает трудность, связанную с тесным пересечением основ **Vel-*, **Vil-*.

Иногда такие названия действительно допускают рассмотрение на фоне балтийской мифологической лексики, см. новг. дер. *Вельска* и дер. *Велье* во Влажинском пог. (подр. см. в оч. «*Велеш...*», гл. 7). Но в целом сравнение изложенной выше гидронимии с лит. *vilnīs*, *vilnyti* не согласуется с фактом широкого, преимущественного проявления ее именно в восточнославянских регионах, в том числе, очевидно, за пределами исторического проживания балтов (Нижнее Поочье, южнее Припяти и др.). С другой стороны, возведение к др.-рус. *вел(-иш,-ия,-ие)* ‘большой; значительный’ не объясняет параллелей в Балтии, а главное — противоречит качеству референтов, поскольку гидронимия на *Вел-*, *Вил-*, как правило, прикреплена к незначительным, иногда ничтожно малым, водным объектам. Привлечение др.-рус. *вел(-иш,-ия,-ие)* допустимо лишь для отдельных случаев, например, для названия новгородского оз. *Вельё* в Дем. и Валд. р-нах, которое действительно выделяется на фоне других окрестных озер своей большой акваторией²³. Вместе с тем это озеро характеризуется извилистостью, изрезанностью береговой линии, и такая его особенность в равной степени могла стать основой гидронимической номинации. В целом же массив рассматриваемых названий на *Вел-*, *Вил-*, на мой взгляд, сложился на основе признака извилистости, который манифестируют не только приведенные выше славянские апеллятивы (*вельцы*, *веленók*, *ви́лья*, *изви́лина* и др.), но и некоторые родственные им балтийские апеллятивы, например, лит. глагол *vielóti*, сравниваемый с рус. *вить*, *вилять*, блр. *вiлiць* [Фасм. ЭСРЯ I: 315].

²³ Близкая семантическая мотивировка приложима к названию, похоже, неславянского происхождения, относящемуся к заметно большому оз. *Вялье* басс. Луги в Гатч. р-не (с ударением на первом слоге, но по [Шан. РЛЮ: 183] — оз. *Велье*), которое сравнивают с фин. *väljä* ‘просторный, свободный, широкий’ [Кисловской 1974: 32]; еще одно оз. *Вялье* есть в басс. Мсты (стекает в оз. Максимовское).

Имеются основания, вслед за О. Н. Трубачевым, говорить о балто-славянском этимологическом характере данной гидронимии. Так, вполне убедительной выглядит балтийская этимология К. Буги, который связывает название р. *Vilija* с лит. *vielóti*, *vielóju*, ‘вить, мотать’, *vielà* ‘проводака’ (из и.-евр. **vei-la*) [Būga RR I: 519] при том, что этот гидроним похожим образом трактуется и на славянской языковой почве.

Холынья л. пр. Полисти, л. пр. Ловати. В поздних новгородских источниках XIX—XX вв., в том числе картографических, название не варьирует, в конце XV—XVI в. фиксируется вариант *Холыня*: писцовые книги указывают дер. *Усть Холыни* в Околорусье, дер. Сопелино на *Холыни* в Дретонском пог. [НПК IV: 237; V: 217, 218, 246, 247]. В речи окрестного населения ударение неустойчиво: чаще падает на третий, иногда на второй слог. Столь же древнюю фиксацию имеет межтерриториальная параллель вблизи Новгорода — название дер. **Холынья** на рч. *Холынка* в дельте Мсты, а ранее села в Бронницкой вол. Новг. у. [СНМНГ I: 18], на месте которого в XV—XVI вв. значился пог. *Холынь (Холынский)*, бывший центром одноименного погоста-округа Дер. пят. [НПК II: 290, 398, 401, 494, 427, 495, 498, 499; ПКНЗ I: 80]. Более поздние источники сообщают о новг. гидронимах **Холынь**, или *Халынь*, п. пр. Оломны, л. пр. Волхова, **Холыньское** оз. со стоком в р. Березайка, л. пр. Мсты [Шан. РЛЮ: 250], **Холынка** п. пр. Увери, п. пр. Мсты; последний водоем отмечен списками селений 1911 г. как руч. *Холынский (Холынка)* с прилегающими ус. *Большая Холынья* и *Малая Холынья* Засыпенской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 38—39]; согласно Ген. меж. 1780-х гг. здесь значились сд. *Большая Холынья* на рч. *Холынка* и сд. *Малые Холоньи «речки Холоньи на правом берегу»* [КГарн]. Вне новгородской территории отмечены: *Холынья / Халынья* и поблизости *Хволынья*, небольшие реки в басс. Москвы-реки [Смол. ГБО: 104] (форма *Хволынья* отразила спорадическое усиление лабиализации в начальном слоге *Хо-*), *Холынка / Халынка* л. пр. Волги в Ржевском у. Тверской губ., возможно, *Халынка (Холымка, Халоны)* л. пр. Вопи, пр. Днепра в Духовщинском у. Смоленской губ. [Vasm. WRG V: 51]. Есть редкие параллели у западных славян: ст.-чеш. геогр. *Cholyně* место недалеко от Праги (под 1446 г.), чеш. геогр. *Cholín, Holina* [Prof. MJ II: 31; Svoboda, Šmilauer 1960: 184; Nosák, Šrámek MJMS I: 320—321].

Повторяющееся в разных регионах топонимическое использование основы *Холын-* позволяет вести речь о давно вымершем славянском апеллативе диалектного характера, отложенном преимущественно в водных именах. Представляется целесообразным вслед за [ЭССЯ 8: 66] видеть во всех перечисленных названиях праслав. производные с суф. *-yni (-ynь)* от корня глагола **xoliti*, рус. *холить*. В форме **Холынья** суффиксальный гидронимический формант *-ья* наложился, следовательно, на другой, более старый суффикс апеллатива. Предположение о существовании апел. **xolyni (*xolynь)*, отраженного в новг. *Холынья, Холынь, Холынка, Холыньское*, укрепляется наличием однокоренных названий с похожей *-н*-суффиксацией. Среди них **Холуно** оз. в Прилуцкой вол. Тор. у. [Шк. ОПскГ: 130] у юго-западных границ Дер. пят., *Холуны (Холунка)* л. пр. Ресеты басс. Оки в Жиздринском у. Калужской губ.

[Vasm. WRG V: 51], pp. *Белая Холуница* и *Черная Холуница* в басс. Вятки и при них гор. *Белая Холуница* и пос. *Черная Холуница* Кировской обл., геогр. *Choluň* в Чехии близ Праги, 1415 г. [Prof. MJ II: 32] (к праслав. **cholunь* [ЭССЯ 8: 65—66])²⁴, а также *Холань* / *Халань* р. в басс. Дона [КБЧ: 66, 73; Маштаков 1934] (к **cholany*). В иной суффиксации топонимия, главным образом гидронимия, с корнем **chol-* (: **choliti*) тоже вполне заметна на восточнославянской территории: ее представляют, в частности, названия дер. *Холуха* в Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 933] (дериват при помощи суф. *-ух(-а)*), р. *Холка* в Нижнем Поочье [Смол. ГБО: 193], р. *Холок* (*Холка*) среди притоков Северского Донца (примечательно, что эта речка указана рядом с рч. *Холань*: «А речка *Холка* и *Холань*, по левую сторону Изюмские дороги, пали в Оскол» [КБЧ: 66]), сюда же новг. гидронимы *Холова*, *Холуй*, *Холуко*, отдельно рассмотренные ниже (см.). Значение исходных апеллятивов не конкретизировано, хотя их общее семантическое наполнение определяется соотношением со значениями исходного глагола, продолженного в общерус. ‘ухаживать за кем-л., чем-л.’, ‘держат в чистоте, тепле, сытости’, новг. ‘очищать от грязи водой с мылом; мыть’, ‘воспитывать кого-л.’ [НОС 12: 20], пск., твер. ‘стричь очень коротко’ [Доп.: 293], ряз. ‘приводить в порядок, чистить, прибирать’ [ДеулС: 586], волог. ‘чистить, прибирать’, твер. ‘стегать, драть’, тамб. *хóлиться* ‘мыться’ и др. [КСРНГ]. Праслав. **cholunь* (**choluni*), как и **cholunь*, **cholany* сходной структуры, реконструированные по гидронимии, связывают Приильменье и Поволховье с Поочьем и с западнославянской (чеш.) языковой областью. Совсем иную структуру имеет геогр. *Хольна* л. пр. Волхова [Vasm. WRG 13: 51], отсылающее к живому апеллятиву местных говоров, ср. новг. *хóльный* ‘чистоплотный’, *хóльно* нареч. безл.-предикат. ‘чисто’ [НОС 12: 22], пск. ‘опрятный’ [Доп.: 293], брян. ‘хороший, чистый, здоровый’ [КСБГ], блр. диал. *холны* ‘холеный, красивый’ [Касьп. ВКС: 331]²⁵.

Сочетание одновременных старых формантов *-ын-ья* показывают далее новг. гидронимы *Ярынья*, или *Ерынья*, п. пр. Поломети, п. пр. Полы (и на ней дер. *Ярынья* Новорахинск. Кр.), *Старынья* л. пр. Граничной, л. пр. Ольховки, р. в оз. Большое Кузино басс. Чагоды, *Хутынья* оз. в басс. Мсты близ Вышнего Волочка. В первом гидрониме прочитывается праслав. **jar-* ‘буйный, быстрый, неистовый’, продолженное в *ярый*, *ярость*, диал. *яр* ‘быстрина реки, быстрое течение’ [Даль ТСЖВЯ 1: 681], волог., ср.-урал. ‘водоворот’ [СРГК 6: 963; СРГСУ VII: 72]. Во втором очевиден корень **star-* (: рус. *старый*). Что касается геогр. *Хутынья*, то оно скорее всего продолжает средневековый лимноним *Футыно* / *Футино* (из *Хутыно*), отраженный писцовыми книгами XVI в. (анализ основы *Хутын-* см. в гл. 7).

²⁴ А. Профоус возводит чеш. геогр. *Choluň* наряду с *Cholín* к антропониму **Chol(a)*, что на фоне межславянских параллелей не выглядит убедительным [Prof. MJ II: 31—32].

²⁵ В совр. материалах по Поволховью гидроним *Хольна* мною не встречен. Возможно он появился в списках селений XIX в. как вторичный, переоформленный, вариант гидронима *Холынь*, связанного с п. пр. Оломны, л. пр. Волхова.

Но в геогр. **Жольня** дер. Холмского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 830] (= *Жельня* дер. Холм. у. 1780-х гг. [ИАДП I: 282], совр. *Жельни* ур. Холм. р-на), элемент *-ын-* фонетически модифицирован из *-н-*, судя по родственным новг. *желонки* ‘желваки’, ‘железы’, вят. *жёлний* (*жёлние раны* ‘болячки на теле’) [СРНГ 9: 108, 110].

Заметная часть старых новгородских названий на *-ья* оформилась из апеллятивных или проприальных дериватов на *-ье* (ранее *-ие*). Трансформация осуществлялась благодаря согласованию топонима с опорным термином жен. морфологического рода (*деревня, река, нива*). Исходные лексемы, как правило, имели ориентирующее или собирательное значение. Этот тип репрезентируют геогр. **Подлипья** дер. в пог. Никольском Гостыничи Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 484] (< *подлипье* ‘место под липами’), **Захонья Кобылья** дер. Шел. пят. [НПК V: 565] (< др.-новг. *захонье* ‘место за холмом’ + прил. *кобылье*), **Волочья**, иначе *Волчья*, л. пр. Чернорученки, п. пр. Явони, п. пр. Пола в Дем. р-не (при ней была дер. *Волочья* 1495 г. Деманского пог. [НПК II: 520], к концу XVIII в. ставшая пуст. *Волочья* Ст-Рус. у. [ИАДП I: 151]) и **Волочья** пр. Черной, пр. Жиловки, р. в оз. Радомье басс. Пола в Валд. р-не (< собир. *волочье* ‘волоки’, ср. дер. **Волочье** вблизи оз. *Волочно* Жедрицкого пог. Шел. пят. 1524 г. [НПК V: 377]), **Норья** дер. в пог. Никольском на Вышнем Волочке Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 49] (< собир. *норье* ‘норы’), **Веретья** р. (наряду с вар. *Веретье* = апел. *вьрбье*, см.), **Порусья** р. наряду с вар. *Порусье*, первоначально означавшим ‘местность по р. *Русе*’, см.), **Копорья** р. (по гор. *Копорье*, см.), **Заробья** р., приток *Робьи Сорокопенской* (см.). К этой группе примыкают составные геогр. **Клопья Нива** дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [Там же: 201] (< **клопье* ‘сорняки’, ср. новг. *клопѣц, клопѣна* ‘сорное растение семейства злаковых; спорынья’ [НОС 4: 54—55]) и **Ушья Весь** село (сельцо) в Григорьевском Льешском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 797, 802] (< **ушье* — собир. от др.-новг. *ушь*, которое вернее всего определяется в значении ‘растение *Menyanthes trifoliata*, трилистник’, таком же, как у новг., олон., черепов. *ушѣвник, ушнѣк*, см. [Меркулова 1967: 39]). Ойконим **Ручья**, прикрепленный к средневековым дер. Михайловского и Тухольского пог. Дер. пят. 1495 г., к дер. Дегожского пог. Шел. пят. 1499 и 1539 гг. [НПК I: 165, 706; IV: 263; V: 422], а также к дер. в 3-м стане Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 124], по-видимому, имел в качестве промежуточной собирательную форму *Ручье* (ср. геогр. **Ручье** дер. в Посонском пог. Дер. пят. 1495 г. + дер. «на перевозе на Шолонѣ» Шел. пят. 1498 г. [НПК I: 52; V: 282]), отсылавшую к апел. *ручей* ‘ручей, родник’ (совр. новг. *ручей*), в котором суффикс порой воспринимался в качестве подвижной флексии и спорадически утрачивался. Ср. смол. *руч* ‘ручей’ [СРНГ 35: 277] и новг. гидронимы типа **Поручье** оз. в басс. Мсты со стоком в р. *Порученка* [Шан. РЛЮ: 235] (семантически ‘поручевье, место вблизи ручья’), **Кивруч** руч. в Валд. р-не [НОС 4: 39] (в первой части отражено карел. *kivi* ‘камень’).

Относительная активность славянской структурной модели на *-ья* в регионе Новгородской земли проявилась в спорадическом усвоении неславянских назва-

ний, таких как *Лепесурья* дер. на р. *Лепесурья* в Григорьевском Льешском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 827] (к фин., карел. *leppä suari* ‘ольховый остров’), *Морья*, иначе *Морье*, р. в оз. Ладожское (в [Там же]: «Въ Д. въ *Морьѣ* у Ладожского озера», 1500 г.), ср. фин. *marja* ‘ягода’.

Что касается модели названий на *-ея*, то она располагает своим особым древним суффиксальным формантом (< *-ĕja*), но порой отражает фонетическое развитие формантов *-ья*, *-ье* (< *-ъj-a*, *-ъje*). Следовательно, в плане деривации топонимы на *-ея* и *-ья* различаются не всегда отчетливо. Название р. *Колодея* (по [Шан. РЛЮ: 202] — руч. *Колодей*), вытекающей из оз. *Колодея* басс. Мологи (Мош. р-н), легко считать дериватом с суф. *-ея* от апел. *колѡда*, многие значения которого имеют отношение к воде, к сырой низменности²⁶. Вместе с тем здесь не исключена модификация известной собирательной формы на *-ье* (*колодые*) или формы на *-ья*, ср. проявление их в *Колодые* пр. Плюссы [Там же: 342], брян. *колодыя* ‘глубокое место в реке’ [КСБГ]. Ойконим *Турья* дер. Павского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 87] (= *Турья* сц. в 3-м стане Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 123]) либо выступает образованием с суф. *-ея* от сущ. *турь*, обозначения дикого быка, либо, что более вероятно, модифицировался из формы др.-рус. посессивного адъектива, которая явлена названиями дер. *Турья* Мусецкого пог. (см.) и названиями *Турія*/*Турья* для рек в басс. Оки, Днепра, Южного Буга, Немана [Смол. ГБО: 27, 98; СГУ: 575, 576; Шульгач 1998: 302—303], *Турейка* для трех рр. в басс. Днепра, скрывающимися прил. **турьѣ* [Топоров, Трубачев 1962: 78]. Геогр. *Выдрея* дер. Семеновского в Вудрицах пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 790] (сегодня — дер. *Кипино* Лычковск. Дем.) наряду с блр. *Выдрея* сел. в окрестностях гор. Лиозно на Витебщине выглядит дериватом с суф. *-ея* от апел. **выд(ь)ра* (< др.-рус. *выдърати*), похоже, в значении ‘росчисть, выдрванное из-под леса место под пашню’, который прямо отражен названиями дер. *Выдра* Славитинск. Вол., р. *Выдра* в Снежском пог. нач. XVI в. [НПК IV: 323, 324] (= совр. *Выдерка* л. пр. Снежи, л. пр. Полисти, л. пр. Ловати, на ней дер. *Выдерка* Тулебельск. Ст-Рус.), пожни *Выдряя Лука* за р. Веряжей вблизи Новгорода под 1535/36 г. [ПКНЗ 1: 315]²⁷; ср. блр. *вiдра* ‘глубоко, но

²⁶ В новг., пск., сев.-рус. говорах данное слово часто означает ‘корягу, топляк; затонувшее в реке дерево’, ‘упавшее гнилое дерево’ или ‘сырое место, заваленное колодами’ [НОС 4: 85—86; СРНГ 14: 155; КПОС; КСРГК]. Очень многочисленны межтерриториальные соответствия, в частности, на Русском Северо-Западе обнаруживается более двух десятков рек и озер, называемых *Колода*, *Колодевка*, *Колодежское*, *Колодливое*, *Колодня*, *Колоденка*, *Колодник*, *Колодно*, *Колодное*, *Колоденское* и др. (обычно с основой *колѡдн-/колѡден-*). Помимо прочего, для анализа данной гидронимии небезынтересно собственно др.-рус. значение слова *колода* — ‘застава, заграждение на дороге или границе’ [СлРЯ XI—XVII 7: 244], проявившееся в одной из новгородских грамот 1382 г.: «А что подь пискуплимъ городом *колода* чересь рѣку за замькомъ, а туды новгородоцькому (купыцю) путь цисть» [ГВНП: 83]. Такими колодами-заставами иногда служили сами реки либо завалы на них.

²⁷ Стоит отметить, что средневековая дер. *Выдрея* располагалась неподалеку, от той местности, где протекает сегодня еще одна новгородская рч. *Выдерка* — п. пр. Поломети,

грубо обработанная земля' [Жучкевич 1974: 62], волог., арх. *вы́дра* 'выемка, углубление, паз' [СРНГ 5: 274], соотносимые с *выдърати*, рус. *выдрать*. Вместе с тем геогр. *Выдреа* допустимо возвести к форме апел. **выд(ь)рие* (с суф. *-ье*) 'росчисть', превратившегося в название двух дер. *Выдрие* в Куньинском и Пустошкинском р-нах Пск. обл. Геогр. *Измея* незаконмерно преобразовалось из апел. *узмень* (см.). *Бория* как название низкого места в Вол. р-не [НОС 1: 74] имеет корреляты в сербохорв. диал. *борје*, словен. *bórije* 'сосны; сосновый лес', чеш. диал. *boří* 'сосновый лесок' [Толстой 1969: 28, 39]. Топоним являет собой собирательное образование, а его соотносительность с низким местом объяснима известной закономерностью скольжения семантики слова *бор* по линии 'верх' — 'низ'.

Отчетливо, без возможности смешения с *-ья*, *-ье*, формант *-ея* определяется лишь в единичных новгородских топонимах-архаизмах явно славянского происхождения. Таковы названия дер. *Красея* Черноручейск. Дем. (= *Красѣя* дер. Деманского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 519], *Краси* дер. в Кр. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 151]), дер. *Чернея* у р. *Чернейка* в Логовинской вол. Порх. р-на (= *Чернея* дер. Ясенского или Жедрицкого пог. Шел. пят. 1539, 1575 гг. [НПК IV: 423; ПKNЗ 6: 188]), средневекового сц. *Язвья* Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 448, 452, 453], р. *Близнея* (иначе *Близняя*, *Близнец* [Шан. РЛЮ: 148]), л. пр. Горелки, л. пр. Ловати (Холм. р-н), на которой стояли дер. *Близнея* и дер. *На Усть-Близны* Холмского пог. 1495 г. [НПК II: 867, 868]. Последние два названия отсылают к апел. *язва* в топографическом значении 'неровность на поверхности земли' и *близна* (< праслав. **blizna*), используемому обычно в сфере ткачества ('брак в ткани'), но обнаруженного и в сфере гидрографии, ср. новг. *близна́* 'отмель на реке вдоль берега' [НОС 1: 59]. В названии дер. *Мокшея*, или *Макшея*, в Польской вол. Дем. у. 1909 г. [СНМНГ II: 68], = *Макшея* дер. Молвятицкого пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 656] можно наблюдать деривацию от др.-рус. *мокошь*, *мокъшь*, имени языческого божества [Срезн. МСДРЯ II: 164], которое было хорошо знакомо древнему населению Новгородской земли, судя по многочисленным проявлениям в совр. новг. говорах слов *мо́куш*, *мо́кош* 'нечистая сила', 'человек маленького роста', 'черт' (бранно), 'болезненный слабый ребенок', *мо́кушка* 'колдунья' [НОС 5: 91]; ср. еще др.-хорв. личн. *Мокша*, наряду со словен., сербохорв. геогр. *Мокoš*, *Mokos*, польск. *Mokoszyn*, чеш. *Mokošín*, луж. *Mokošici* и т. п. факты [Bezł. SVI II: 29—30; Snoj ESSZI: 267]. Гидроним *Лютейка* п. пр. Лужонки, л. пр. Поломети, п. пр. Полы + р. в оз. Хвоцно басс. Полы отсылает к ранней форме **Лютяя*, со-

п. пр. Полы, при ней расположены дер. *Выдерка* и ур. *Выдерки* Дем. р-на. Кроме того, дер. *Выдреа* относилась к территории погоста-округа *Семеновского* в *Вудрицах*, где значились и болото *Вудрицкое*, и дер. *Удрицы* [НПК I: 777, 778, 786] (сегодня здесь остаются село *Семеновщина* Семеновщинск. Валд. и дер. *Старые Удрицы* и *Новые Удрицы* Любницк. Валд.). Похоже, все эти названия имеют общие этимологические истоки в терминологии подсечного земледелия (от др.-рус. *выдърати*), причем топооснова *Вудр-/Удр-* видится результатом изменения *Выд(ь)р-* (в силу лабиализации *ы* под влиянием губной согласной, ср. пск. *вудра́* 'выдра' [ПОС 5: 100]).

относительной с др.-рус. *лютыи* (в значениях скорее ‘холодный’ или ‘быстрый’). Однако значительно чаще элементы *-ея*, *-ия* отмечаются при основах явно неславянских или неясных (таковы новг. геогр. *Бурея*, *Морея*, *Курея*, *Матея*, *Мустея*, *Свея*, *Велгея*, *Ингрия*, *Назия* и др.), в основном извлекаемые из средневековой письменности), что позволяет говорить об их неславянском генезисе.

МОДЕЛИ С СУФФИКСАЛЬНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ *-ж-*

В регионе Новгородской земли и в других славянских регионах изредка встречаются топонимы-архаизмы с суффиксальным элементом *-ж-*, которому предшествуют различные гласные, склонные к варьированию. Такие названия обычно включают суффиксы *-иж-*, *-еж-*, единично *-яж-*, *-уж-*, *-ыж-*, *-ж-* (< *-ъж-*) и показывают деривацию от апеллятивов разных частей речи — существительных, прилагательных и глаголов. Особенно заметен специфический формант *-ижа*, образующий отчетливо выделяемую небольшую группу славянских деапеллятивных названий, но, похоже, совершенно не знакомый апеллятивной лексике славянских языков. Вся топонимия в рамках данной структурной модели, судя по регулярным фиксациям XV—XVI вв., появилась не позднее древнерусской эпохи. Любопытно, что новгородские топонимы на *-ижа*, реже на *-иже*, *-иж* (или на *-ии* < *-иж*, благодаря окончательному оглушению) почти все оказались прикрепленными к близким окрестностям оз. Ильмень (Южное, Западное и Восточное Приильменье).

Бологизжа дер. под Старой Руссой на руч. *Балогизжа* (иначе — рч. *Бологизжа* [Пылаев 1929: 37], *Балогизжа* [Шан. РЛЮ: 508]), л. пр. Тулебли, впадающей в оз. Ильмень. Ранее селение отмечено списками селений Ст-Рус. у. 1909 г.: дер. *Бологизжа* на руч. Безымянном [СНМНГ III: 48—49]. Более ранние прямые упоминания этого пункта, к сожалению, не выявлены, но в писцовой документации Старой Руссы 1611, 1615, 1624, 1647/48, 1672/73, 1678 гг. постоянно фигурируют несколько поколений посадских людей, старорущан *Бологизжиных* [ППКСР: 406]²⁸, фамилия которых явно указывает на выходцев из близлежащей дер. *Бологизжа*, существовавшей по крайней мере уже в XVI в. Название произведено с помощью суф. *-ижа* от др.-рус. прилагательного *болог(ыи)* ‘добрый, хороший’. Подр. о полногласной основе *Болог-* мелиоративной семантики см. при рассмотрении геогр. *Бологое* и т. п., гл. 7. Основа новг. геогр. *Бологизжа* синонимична основе

²⁸ Это межпоколенные (в основном) родственники: *Григорий Бологизжин*, *Ларион Бологизжин*, *Семен Бологизжин*, *Семен Марков сын Бологизжин*, *Сергей Бологизжин*, *Тимофей Бологизжин*, *Яков Бологизжин*, *Ларион Яковлев сын Бологизжин* и его брат *Михаил Яковлев сын Бологизжин*, а также *Ларион внук Якова Бологизжина*, *Якуш Бологизжин (Болосизжин)*, *Семен Мартемьянов сын Бологизжин* и его брат *Якуш Мартемьянов (Мартьянов) сын Бологизжин*, а также *Якуш*, *сын Якуша Мартемьянова сына Бологизжина*, упоминаемые местной старорусской документацией на протяжении всего XVII в., см. [ППКСР: 40, 53, 89, 95, 108, 115, 121, 123, 132, 152, 203, 205, 214, 223, 226, 239, 260, 278, 283, 299, 326, 327, 363, 383, 391].

Добр- (‘добрый, хороший’) равноструктурного названия *Добрижа* п. пр. Свесы, л. пр. Ивота, л. пр. Десны [Топоров, Трубачев 1962: 153, 217—218]²⁹.

Дериватом от *болог-* с похожим суффиксом (с опорным согласным *ж*) является древнее название места *Бологъже* («*Бологожь*»), донесенное новг. бер. гр. № 390 последней трети XIII в. [Зализняк 2004: 507—508, 713]. Этот средневековый пункт идентифицирован [Коновалов 1967: 92—93; Анкудинов 2000, 123—132] с сел. *Бологжо* (*Баложо*), которое значилось по списку 1909 г. в Кр. у. [СНМНГ IV: 28—29]; сегодня осталась пуст. *Бологжѡ* в среднем течении Мсты при впадении Олешонки в Холову [Анкудинов 2000: 129].

Псижа р., один из южных притоков оз. Ильмень. Источники XIX—XX вв. доносят этот гидроним без вариантов, однако существует производное от него название — *Псюжка* руч., п. пр. Псижи, предполагающее вариантность основы *Псиж-*/*Псюж-* (название этого ручья со временем перенеслось на дер. *Псюжка* Городецкой вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 36—37], стоявшую при впадении Псюжки в Псижу; к концу XX в. здесь осталось ур. *Псюжка*). Ниже по течению у правого берега Псижи стоит дер. *Псижа* Ст-Рус. р-на, ранее относившаяся к Коростынской вол. Ст-Рус. у. [Там же: 68—69], идентифицируемая с дер. *Псижа* Коростынского пог. Шел. пят. 1524 г. [НПК V: 396]³⁰. Сама же р. *Псижа* отмечается неоднократно в писцовых книгах I-й пол. XVI в. в связи с описанием селений, расположенных вдоль реки: Валташино «на речке на *Псеже*» в Буряжском пог. (починок, поставленный в 1540-е гг.), дер. Ненова, Кустово, Бахматово, Филистово, Глиняница, — все на реке «на *Псижь*» в Коростынском пог. 1524 г. [Там же: 325, 395, 396]³¹. Данные фиксации скорее всего, неточно передают впервые услышанную форму *Псижа*, хотя в них можно подозревать и морфологические варианты названия.

Этот безусловно древний гидроним, не находящийся, на первый взгляд, межтерриториальных параллелей, членится на основную и формантную части в виде *Пс-ижа* (и *Пс-юж-ка*, с иной огласовкой суффикса). Есть серьезные основания считать, что основа в геогр. *Псижа* предстает фонетически измененной (сокращенной) из прежней *Пльс-*. Преобразование *Пльс-* > *Пс-*, вызванное утратой слоговой плавной после падения редуцированных, тождественно преобразованию, которое испытали такие названия, как *Псков* — из др.-рус. *Пльсковь*, *Плесковь*

²⁹ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев [Там же] гидроним *Добрижа* объясняют из балтийского, привлекая лит. *duburingas* ‘полный впадин’, др.-прус. *Dobringe* р., однако на фоне рассматриваемых славянских фактов, особенно новг. *Бологижа*, оптимальным решением будет сравнение с др.-рус. *добр(ыи)*.

³⁰ Населенный пункт *Псижа* появился не ранее нач. XVI в., если судить по примечанию, сделанному писцом в 1524 г.: «а в Матвееве писме та деревня не писана» [НПК V: 396] (т. е. в письме Матвея Ивановича Валуева, который, как известно, описывал погосты Шел. пят. в 1497/98 и 1498/99 гг.).

³¹ В Указателе географических имен [НПК. Указ. ГН: 191] применительно к р. *Псижа* дана ошибочная отсылка к VI тому.

(см. *Пскова*), польск. *Pszczew* (*Pezew* под 1259 г.) из первоначальной формы **Plszczew*, ср. диал. *pscycь, pszczycь* (< *plszczycь*) ‘блестеть, лосниться’, польск. *Pszczyna* гор. (и там же р. *Pszczynka*) в Верхней Силезии, ранее — *Plszczyzna*, т. е. ‘блестящая река’ [Rospond 1984: 313—314; Rymut 1987: 196; Фасм. ЭСРЯ III: 397]; о последнем названии Герберштейн, путешествовавший в нач. XVI в., сообщает: «*Ptzina*, Germanice *Ples*, principatum in Silesia» («Пщина, по-немецки Плес княжество в Силезии») [Герберштейн 2008: 640, 641]. Реконструируемая форма **Пльсижа* (> *Псижа*) произведена с помощью суф. *-ижа* от апеллятива на *пльс-*. Сам же исходный апеллятив-мотиватор тесно связан праслав. чередованием (*plbs-/ples-/plis-*) с гнездом распространенной у восточных и западных славян водной терминологии на *плес-* и *плис-*: др.-рус. *плесь, плесо* ‘прямой и широкий участок реки со спокойным течением’, ‘прибрежная часть земли вдоль плеса’ [СлРЯ XI—XVII 15: 87], *плись* ‘плес, колено реки от одной луки до другой’ [Срезн. МСДРЯ II: 966], рус. *плёс(о), плёса*, блр. *пліса* ‘открытый, широкий, со спокойным течением участок водоема’ и т. п. (подр. о них см. в анализе геогр. *Плюса*). Следовательно, геогр. *Псижа* нетрудно понять как первоначальное гидронимическое указание на плесовый ландшафт реки (‘плесовая река’). Такое объяснение даже получает, как будто, некоторую поддержку в материале окрестных народных говоров, равно как в особенностях местной гидрографии: на узкой Псиже встречаются характерные расширения русла со спокойным течением, которые здесь называют *плёсами*. Например, возле дер. Горицы Вол. р-на в 1998 г. были записаны микропонимы *Матюхино Плёсо, Багрово Плёсо, Лялюкино Плёсо, Крестово Плёсо*, именующие участки р. Псижи [ЛЗап].

Гостижа, или *Гостижи*, — пара дер. в местности Околорусье в Шел. пят. 1498 г.: «Да Васильевские же Маркова 2 деревни пусты обѣ *Гостижи*» [НПК V: 215]; список селений нач. XX в. указывает в этой местности смежные дер. *Гостеж I-й* и *Гостеж II-й* в истоке рч. Березовки в Виленской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 22—23], сегодня — дер. *Гостеж* Лунышинск. Ст-Рус. Еще одна дер. *Гостижа* значилась в нач. XX в. в восточных окрестностях оз. Ильмень на р. Мояте в Лажинской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 60—61]: она приравнивается к одной из двух дер. *Гостиж* Влажинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 745, 748] (согласно Ген. меж. 1780-х гг. на их месте были дер. *Гостиж* и пуст. *Гостишка* Кр. у. [ИАДП I: 136, 137]). Кроме того, к западу от Ильменя, в Шел. пят. описывались средневековые оз. *Гостиж* — рыбного угодья вблизи дер. *Гостино* в Ясенском пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 449], дер. *Гостиж* в Косицком пог. 1524 и 1550/51 гг. [НПК V: 315; ПКНЗ 6: 99], сц. *Гостижицы* под 1498, 1524 гг., иначе село *Гостыжицы* под 1576 г., в Опоцком пог. [НПК IV: 170, 179; V: 386, 681] (= пог. *Костыжицы* при р. Шелони в Шушеловской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 11110, 1111], сегодня дер. *Костыжицы* в Лукомской вол. Дн. р-на). Не выявлены ранние сведения о совр. дер. *Гостижбор* в Добручинской вол. Гд. р-на, равно как о паре деревень с названием *Гостеж* на р. Шелони в Порх. у. 2-й пол. XX в. [Там же: № 10648, 10651], явно продолжающим раннюю форму *Гостиж(а)*. За пределами Новгородской земли

выявлены поочские рр. *Гостижа* (иначе *Гостижка*, *Гостиженка*, там же дер. *Гостижа*) и *Гостижа*, обе среди притоков Угры, *Гостижа* (*Гостижка*, *Гастышка*, там же дер. *Гостижа*) р. среди притоков Черепети, *Гостижа* (*Гостья*, *Гостичка*) р. среди притоков Москвы [Смол. ГБО: 38, 42, 109, 132]; в Верхнем Поднепровье *Гостижа* (*Гостижка*) л. пр. Днепра, *Гостишка* (*Гостажа*) л. пр. Осьмы, *Гостижа* (*Гастыжа*) п. пр. Ужи, *Гастыжа* (*Гостиша*) р. в басс. Десны [Топоров, Трубачев 1962: 153]. Все эти восточнославянские названия восходят (похоже через др.-рус. апеллятив на *гостиж-*) к известному др.-рус. *гость* ‘торговец, купец’, *гостити* ‘торговать’ и, очевидно, указывают на места средневековой торговли.

Гарижа дер. вблизи Старой Руссы, на правом берегу Полисти, ранее относилась к Медниковской вол. Ст-Рус. у. Первое упоминание около 1498 г.: «великого князя волость *Гарижа* Богдановская Есипова у Русы близко въ Косинскомъ приходѣ» при описании Русского у. [НПК V: 58]. Данный ойконим — архаическое образование с суф. *-жа* от сущ. *гарь* или от глагола *горѣти*. Более вероятной кажется все-таки отглагольная деривация ойконима (*горѣти* > *Горижа* > *Гарижа*) ввиду того, что неподалеку, в 50 км выше по течению Полисти, известно ур. **Горижа** в Под. р-не (Белебелковского с/п, ранее дер. в Белебелковской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 16—17], иные исторические сведения не найдены).

Мстижа дер. Вотолинск. Дем. на оз. *Мстижское*, в 1909 г. указывалась как дер. *Мстижи* при оз. *Мстиже* и рч. *Мстижка* в Ильиногорской вол. Дем. у. [СНМНГ II: 28—29]. Начальные сведения содержатся в писцовой книге Ж. А. Рябчикова 1538/39 г.: дер. *Мстижа* «на озере на *Мстиже*» в Деманском присуде в Полоновском пог. Дер. пят. [ПКНЗ 4: 275]. Это древнее название, по-видимому, с сакральным значением, образовано от др.-рус. *мстити(ся)*, позднее *мстити(ся)* ‘воображать, грезить; казаться, мерещиться’ [СлРЯ XI—XVII 9: 292], см. еще сев.-рус. *мстить(ся)* ‘казаться, мерещиться, чудиться’, ‘ослеплять, слепить’ и др. [СРНГ 18: 328].

В районе Верхневолжских озер отмечена пара названий на *-жа*: геогр. **Хотижа** зал. в оз. Стерж (в бывшей вол. Стерж Дер. пят.), соотносительное с др.-рус. *хотѣти*, рус. *хотеть*, и немного южнее, но уже за пределами Дер. пят, геогр. **Бронижа** зал. в оз. Вселуг, которое легко сравнить с др.-рус. *брѣня*, рус. *броня* или с др.-рус. *броньш*, *броньш* ‘белый (о коне)’ [Срезн. МСДРЯ I: 180], рус. диал. *бронѣть* ‘белеть, седеть’, ‘спеть, зреть, наливаясь (об овсе)’ и т. п. фактами [СРНГ 3: 193—194]. В Южном Приильменье локализуется название **Хотиши** дер. Рамышевского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 628], ставшей пуст. *Хотеж* Ст-Рус. у. в XVIII в. [ИАДП I: 248]; в нач. XX в. в этой местности указывают руч. *Хотеж*, п. пр. Ловати у дер. Плешаково Ст-Рус. у. [Пылаев 1929: 36]. За пределами Новгородской земли известно *Хотеш* л. пр. Ухляса, л. пр. Днепра [Топоров, Трубачев 1962: 122].

Велиже Поле дер. в вол. Морева Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 733], = дер. *Вележья Поля* в Холм. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 217], = дер. *Велижье Поле* на р. Моревке в Моисеевской вол. Дем. у. 1909 г. [СНМНГ II: 44—45]. В Среднем Поволжье есть руч. **Велиж** [Шан. РЛЮ: 60] (сегодня *Велижье* л. пр. Шарьи, п. пр. Оскуи,

п. пр. Волхова), близ истоков р. Волма, л. пр. Мсты, есть ур. *Велижно* (Ок. р-н), отождествляемое с дер. *Велижно* (*Велъжно*, *Волежно*), данной в описаниях Чернечевичского и Ручьевского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 110, 129, 371], к концу XVIII в. здесь значилась пуст. *Селище Велижна* [ИАДП I: 290]. За пределами Новгородской земли хорошо известен (с XIV в.) смоленский гор. *Велиж* при рч. *Велижка*, л. пр. Западной Двины, а также дер. *Велижка* в Угранском р-не Смоленской обл. Этимология древней топоосновы (*Вел-иж-*) твердо не установлена. Наличие производных форм типа *Велижно*, *Велижье* подразумевает наличие древнего апел. **велижь* с некоторым значением. Корневой элемент *Вел-* обычно сближают с основой др.-рус. *велии* 'большой' [Жучкевич 1971: 30; Поспелов 2001: 91], но новгородские названия на *Велиж-* относятся к топообъектам издревле малоизвестным и незначительным. Скорее допустима связь с др.-рус. *велѣти*, рус. *велеть* или родство с названиями типа *Велья* (см.). Болг. геогр. *Вележь* и *Veleža*, вероятно, можно включить в число межтерриториальных параллелей новг. *Велиж*, смол. *Велиж*, однако Й. Заимов [1973: 81] возводит (не очень убедительно) болгарские факты к личн. **Велъга*.

Часть приведенных топонимов показывает замещение суф. *-иж-* вариантным суф. *-еж-*, появляющимся всегда позднее: *Гостижа*, но совр. *Гостеж*, *Хотиши* (из *Хотиж*), но совр. *Хотеж*, *Велижье*, но позднее *Вележья*. В этом видится влияние группы дериватов с суф. *-еж*, как топонимических, так и апеллятивных. Названия с суф. *-еж-* не менее древни, но, в отличие от структурной модели на *-ижа*, *-иж*, исключительно топонимической, они издревле сопровождаются заметным количеством апеллятивов на *-еж*, в основном отглагольных (*чертѣж*, *рубѣж*, *мятеж*, *падѣж*, *платѣж*, *грабѣж*, *галдѣж*, *свербѣж*, *молодѣж* и т. п.). Это влияние апеллятивов отразилось и в том, что названия с суф. *-еж-* обычно принадлежат муж. морфологическому роду, показывая формант *-еж* (< *-ежь*). На восточнославянской территории отмечено территориальное размежевание гидронимии с вариантными суф. *-иж-* и *-еж-*: суф. *-иж-* встречен в названиях верхней части бассейна Днепра, тогда как южнее Припяти и Десны — только суф. *-еж-* (укр. *-іж-*) [Трубаков 1971: 10].

Устеж — название пары деревень близ впадения р. Суйды в р. Оредеж в Никольском Суйдовском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 698, 699]. Является древнерусским образованием от апел. *устье* (реки) с помощью суф. *-ежь*, характеризующим местоположение: дер. *Устеж* расположена близ устья р. Суйда. К этому старописьменному новгородскому ойкониму за пределами Русского Северо-Запада находятся как минимум две топонимические параллели. Одна из них — геогр. *Вициж*, связанное с известным по летописям с 1142 г. древнерусским городом, а сегодня — с селом на Десне неподалеку от Брянска (*Вициж* < **Устижь*: к *устье* [Трубаков 1971: 9—10]). Другая параллель — польск. *Uściqz*, или *Uściqdz* село на Висле в Пулавском повете.

Ретеж дер. Озерковск. Ок. на рч. Шегринка, ранее — дер. *Ретеж* Шегринской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 132—133], или дер. *Ретеш* «речки Шегринки на правом

берегу» по Ген. меж. 1780-х гг., № 552 [КГарн]; идентифицируется с дер. *Ретыши* под 1495 г., *Ретыщо* под 1539 г. в Шегринском пог. Дер. пят. [НПК II: 224; ПКНЗ 4: 81]. Средневековые фиксации показывают смещение дериватов на *-иж* (*Ретыши* = **Ретиж*) и на *-ице* (*Ретыщо* = **Ретице*), ко второму варианту ойконима ср. геогр. **Ретице** пуст. в Левочской вол. Бор. у. согласно МОЗУ 1914 г. [КГарн]. Ойконим образован от др.-рус. (с XI в.) и ст.-слав. *реть* ‘рвение, усердие’, ‘соревнование’, ‘распря’ или *ретити* ‘побуждать’, *ретиться* ‘соревноваться, состязаться’, ‘стремиться’ [Срезн. МСДРЯ III: 116—117]. Находит параллели в топонимии Поочья: таковы известные по материалам XVIII в. дер. *Нижние Ретежи* и село *Ретежи (Воскресенское)* на р. *Ретеж* в истоках Оки, рч. *Ретеша* (под 1360 г. — *Ретеша* с сел. *Ретеша*) с оврагами *Ретежский* [Смол. ГБО: 15, 153], а списки селений XIX в. указывают в данной местности (Каширский у. Тульской губ.) также дер. *Ретеша Большая* и *Ретеша Малая* [Vasm. RGN VII 3: 576]. В число межтерриториальных соответствий, очевидно, не входит название р. **Ретеша** (*Ретоша*, *Вечеша*) с оз. *Ретешинское*, в басс. р. Паши [СГЮВП: 78], локализуемое в районе со сплошным прибалтийско-финским гидронимическим фоном (его предпочтительнее сравнивать с ижор., карел. *retu*, вепс. *redu* ‘грязь, слякоть’).

Гибезж дер. на руч. Безымянном Нивской вол. Ст-Рус. у. нач. XX в. [СНМНГ III: 90], позднее исчезнувшая; рядом с бывшей деревней значится оз. *Гебежское* басс. Ловати со стоком в р. Порусья, Под. р-н. Отражает старое образование с суф. *-еж* со значением места, где можно пропасть, сгинуть, «гиблого места», ср. *гибель*, *гибнуть*, *сгинуть*. Берега Гебежского озера действительно очень топкие, «*гиблые*», а само оно находится на окраине большого и вязкого Краснодубского болота. Иное объяснение находит похожее название рч. **Гобижжа**, п. пр. Оредежа, п. пр. Луги (северо-восточнее гор. Луга), рядом с дер. *Гобжицы* (= дер. *Гобжица* Никольского Будковского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 312], по деревне речка именуется также *Гобжинка*). Гидроним скорее всего продолжает раннюю суффиксальную основу **Гъбъж-* (с суф. *-ъж-*, ср. выше геогр. *Бологъже*), родственной др.-рус. *гобежь*, *гъбежь* ‘поворот, наклон’, ‘сустав’, *гъбати* ‘двигать чем-л., сгибать что-л.’ [СлРЯ XI—XVII 4: 13, 49], рус. *сгибать*, *гнуть*. Надо полагать, он мотивируется по признаку ответвления, отворота (притока) от главной реки.

Теребезж сц. около 1498 г., иначе — *Керебезж* сел. 1576 г. на Шелони вблизи Порхова [НПК V: 65, 582]; **Теребезец Меньшой** дер. на р. Кеби в Косицком пог. Шел. пят. 1524 г. [Там же: 348]; **Теребезжа** л. пр. Воложбы, п. пр. Сяси (по [СНМНГ VII: 51] — *Теребезжа*). Этот ряд продолжают геогр. **Керебезово** дер. и **Горка Керебезжав** сц., оба в Бельском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 531], отражающие фонетически измененную основу *Теребезж-* (в силу диал. смешения *т’* ↔ *к’*, ср. произношение [*к’е*]сто, [*к’и*]на, [*к’е*]сть, поч[*к’и*] слов *тесто*, *тина*, *тесть*, *почти* в совр. псковских, новгородских и тверских говорах). Названия образованы от др.-рус. *теребезь* ‘место теребления, расчистки из-под леса’, продолжившего праслав. апел. **terbežь* — дериват от глагола **terbiti* ‘корчевать,

теребить'. Топонимические параллели нередко встречаются по всему славянскому миру: *Требеш* оз. в Среднем левобережном Поочье [Смол. ГБО: 124], *Теребеж* (укр. *Теребіж*) — рр. в басс. Днестра и Прута [СГУ: 558], *Теребиш* оз. в Сенновском у. Могилевской губ. [Vasm. WRG IV: 517], чеш. *Trěbeš*, *Trěbiz*, польск. *Trzebisz*, *Trzebiż*, *Trzebież*, *Trzebieżnica*, болг. *Требеж*, *Требежа*, словен. *Trebež* (часто повторяется в Словении и Нижней Австрии), хорв. *Trebež*; по: [Трубачев 1968: 188; Чумакова 1992: 74—75; Ковачев 1961: 267; Bezl. SVI II: 269; Snoj ESSZI: 436; Rymut 1987: 249; Rospond 1984: 400, 401; Rzetelska-Feleszko 1987: 117; Holzer 2001: 114].

Любеж п. пр. Мды, п. пр. Мсты [Шан. РРЛО: 226]. Среди межтерриториальных параллелей *Любеж* (*Любиж*, *Любиша*, *Любишка*) и *Любижка* (*Любиженка*, *Любожа*), рр. в Среднем правобережном Поочье, *Любежище* сел. в басс. Угры [Смол. ГБО: 141, 142, 144], *Любеж* л. пр. Жеревы, л. пр. Тетерева, п. пр. Днепра [Трубачев 1968: 187], *Любиж* село в Горечком р-не Белоруссии [Жучкевич 1974: 216], *Любежонка* (*Любежинка*, *Любегоць*) л. пр. Ветьмы, л. пр. Десны [Топоров, Трубачев 1962: 57, 62, 124], возможно, польск. ойконим *Libiąż* (*Lubens* под 1236 г.) [Rospond 1984: 186]. Наличие ряда топосоответствий на восточнославянской территории, в том числе производных на *-ище*, *-онка*, позволяет поставить вопрос о существовании у восточных славян апел. **любезь* или **любижь* — деривата от *любити*, праслав. **l'ubiti*. Похожую форму являет др.-рус. *любьжа* 'любовное средство', 'приворотный корень' [Срезн. МСДРЯ II: 90; СлРЯ XI—XVII 8: 325], рус. диал. *любжа* 'любовь' (Курск., Яросл., Орл., Смол.), 'заговор с целью вызвать любовь' (Курск., Смол.), 'растение любка двулистная' (Курск., Смол.), *любжа* (*любша*) 'растение Orchis' (Смол., Брян.) [СРНГ 17: 235], укр. *любжа* 'растение Orchis incarnata, дремлик; Orchis latifolia' [Гринч. СУМ II: 385]. Данная структура обнаружена и в новгородской гидронимии: геогр. *Любжа* [Шан. РЛЛО: 204], иначе *Любиша* [СНМНГ VIII: 53] (по [НОС 2010: 532] — *Люжба*, с метатезой), л. пр. Кати, п. пр. Мологи, *Любиша* л. пр. Демянки, л. пр. Шелони (= р. *Любиша* 1550/51 г. в Дубровенском пог. [ПКНЗ 6: 90]). Др.-рус. *любьжа* является результатом прогрессивной ассимиляции исконной формы **l'ubъša* [ЭССЯ 15: 189] либо следует вести речь о редком суф. *-ъž-* (не *-ьž-*), обнаруживаемом в отдельных топонимах (см. ниже).

Радежа дер. Новосельской вол. Стр-Кр. р-на при оз. *Малое Радежское* басс. Плюсы, отождествляется с одной из смежных дер. *Большие Радежи* и *Малые Радежи* в 3-м стане Луж. у. 1838 г. [ОСПбгуб: 129], которые стояли на месте средневековых дер. *Радеш Большая* и *Радешка Меньшая* в вол. Чайковичи Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 218]. Параллели есть в Беж. пят. (**Радеж**, или *Родезж*, оз. в вол. Удомля под 1499 г. [ПКНЗ 1: 211]) и в Западной Белоруссии: *Радеж* дер. в Малоритском р-не Брестской обл. Это образования с суф. *-еж-* от др.-рус. *радъ* 'счастливый, довольный' (ср. рус. *рад*) или *радити* 'заботиться' [Срезн. МСДРЯ III: 13—15]. Основу *рад-* показывает далее сходное геогр. **Раджа** дер. вблизи пос. Батецкий, р. ц. Новг. обл. Название этой деревни, причислявшейся

с нач. XVI в. к Успенскому Сабельскому пог. Вод. пят., проходит неизменным почти по всем древним источникам (*Раджа* под 1539/40, 1568, 1582, 1612, 1646, 1669, 1678, 1709, 1718, 1748, 1788 гг., см. [Селин 2003: 180]). Лишь в писцовой книге 1500 г. деревня названа *Раджода* [НПК III: 141], но эта первая и единственная запись фиксации ойконима кажется случайной ввиду множественности фиксаций *Раджа*. Если *-жа* здесь является суффиксальным элементом, то он продолжает либо редкий суф. *-ъжа*, либо, благодаря прогрессивной ассимиляции, суф. *-ъша* (*Раджа* < **Радша* < **Радъша*).

Закъбеж и *Закибежье* — пара дер. в Ручайском пог. Шел. пят. 1498 г., рядом с которыми в этом же погосте описывается дер. *Къбьско* [НПК IV: 212, 214]. В этой же местности протекает р. *Кебь*, п. пр. Черехи, п. пр. Великой, название которой исчерпывающе объясняет средневековые ойконимы *Закъбеж*, *Закибежье*. Они раскрываются с ориентационным значением '(дер.) за рекой Кебь'. Следовательно, архаические названия на *-еж* возникали в том числе и в результате трансонимизации, отмечая местоположение топообъектов.

Иные вариантные суффиксы с элементом *-ж-* в славянской топонимии Новгородской земли встречаются еще реже, чем суф. *-иж-*, *-еж-*. Суф. *-ъж-* вероятно, как было показано выше, в геогр. *Бологъже*, *Гобижка*, быть может, *Любжа*, *Раджа*. Суф. *-юж-* содержится в названии руч. и дер. *Псюжка*, тесно связанном с *Псижа* (см.), и в геогр. *Свилюж*, или *Свелюж*, дер. в пог. Никольском в вол. Рай Беж. пят. 1545 и 1551 гг. [НПК VI: 356, 697] (ср. пск., твер. *свилить* 'увертываться', *свилóй* 'извилистый', *свилю́ций* 'увертливый' [СРНГ 36: 279—280]). Суф. *-яж-* варьирует с суф. *-иж-*, *-еж-* при общих основах, так, наряду с *Хоттижа*, *Хотеж*, имеются геогр. *Хотяж* дер. в Паозерье 1498 г. (= совр. *Хотяж* дер. Ракомск. Новг.) + дер. в Ручайском пог. 1498 г. + дер. в Лосицком пог. 1571 г. [НПК IV: 14, 225; V: 511] и *Хотяжа* дер. вблизи пос. Волот, р. ц. Новг. обл. (ранних сведений об этом пункте не найдено); с основой *Верб-* (: др.-рус. *вьрба*, рус. *верба* 'вид ивы') известны геогр. *Вербляж* поч. в Лосицком пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК IV: 506] и твер. *Вербжи* дер. в Беж. р-не, блр. *Вербез* дер. Чериковского р-на Могилевской обл. С суф. *-уж-*, *-ыж-* в писцовых книгах имеются *Деревыж* дер. Тухольского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 714] (к *дерево*), *Сварыж* дер. в Никольском пог. в Вышегородском у. 1539 г. и сц. в Болчинском пог. Шел. пят. 1552—1553 и 1576 гг. [НПК IV: 512, 553; V: 601] (ср. *свара* 'ссора, распря'), *Любыж* дер. Сабельского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 514, 516] (ср. геогр. *Любез*), *Теребуж* дер. в Никольском Бутковском пог. и *Теребужской* пог. в Ладожском у. в Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 347, 428] (к *теребити* 'расчищать из-под леса', ср. *Теребез*). Суффиксальный элемент *-ж-* порой можно встретить в неславянской, субстратной гидронимии региона, см. названия рр. *Оредеж*, *Себез*, *Серегиж*, *Атемежа* (по [НПК VI: 481, 490] — *Отемеша*), *Мологжа* (на ней следует локализовать дер. *Молодеж* Шегринского пог. 1495 г. [НПК II: 163]) и др.

НАЗВАНИЯ НА *-АЙ, -УЙ*

Славянские топонимические архаизмы на *-ай, -уй* реализовались на весьма ограниченной апеллятивной базе (апел. *береза, боръ, лука*). Тем не менее они обладают значительным своеобразием, заслуживающим специального рассмотрения.

Березай оз. на Валдайской возвышенности, из которого течет р. *Березайка*, л. пр. Мсты, тянущийся между Валдаем и Бологое. В современной классификации водоемов озеро *Березай* именуется также *Березно-Березай* [Истомина, Яковлев 1989: 106], в нач. XX в. при описании селений Ивантеевской вол. Валд. у. отмечено как оз. *Березовик* [СНМНГ I: 45, 47], по [Vasm. WRG I: 197] (со ссылкой на данные П. Семенова конца XIX в.) — оз. *Березай*, но и *Бережо*, этот, второй, вариант явно неточная передача формы *Березно*. Документировано с 1496 г. как оз. *Березаевское* на территории Городенского пог. Дер. пят. [НПК I: 274], или, иначе, *Березайка* под 1539 г.: «А озера де *Березайка* <...> в писцовых книгах Жихоря Рябчикова в Жабенском погосте ни за кем в поместье не сыскано» [ПКНЗ 4: 291]. Вытекающая из озера р. *Березайка* названа по лимнониму, но это производное название закрепилась относительно поздно. В старой письменности при описании Березайского и Рютинского пог. начиная с конца XV и до сер. XIX в. река упоминается как *Березай* или *Березая* («на реце на *Березаи*»; «на мосту у *Березаи*» и т. п.) [НПК I: 160, 176, 212, 497; ПКНЗ 4: 115; 5: 196, 200, 201, 208, 223, 224, 226, 229—232, 238; АИСМ: 94, 116, 117, 302, 333, 1052; ВСОРИ: 26; и др.], поэтому направление первоначального переноса имени *Березай* — с озера на реку-исток или, наоборот, с реки на озеро — однозначно не определяется. Вар. *Березая* — явный результат согласования формы *Березай* с номенклатурным термином *река* жен. р.; см., например, в [ПКНЗ 5: 231]: «...перенесены на *реку на Березаю*». Данные гидронимы были использованы для номинации целого ряда селений, прилегающих к соответствующим озеру и реке. По озеру стал именоваться пос. *Березай* Ивантеевской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 42], сегодня — ур. в Валд. р-не близ речного истока из озера; с данным пунктом идентифицируется либо дер. *Березай* в Городенском пог. Дер. пят. конца XV в., либо дер. *На Березаевском озере* этого же погоста [НПК I: 271, 303]. По реке *Березай* (*Березайка*) названы дер. *Старый Березай* (Ильятинский СО) и дер. *Новый Березай* (Гузятинский СО) Болог. р-на; в нач. XX столетия на их месте числились одноименные село, деревня и погост Ильятинской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 48—49]. Ниже по течению *Березайки* вблизи пос. Бологое находится раб. пос. *Березайка*, возникший как станция при Николаевской железной дороге; в нач. XX в. эта станция и несколько одноименных усадеб при ней относились к Дубровской вол. Валд. у. [СНМНГ V: 26—27], здесь локализуют [ИАДП 2: 48] средневековый *Березайский* пог., центр *Березайского* погоста-округа Дер. пят., селения которого многократно упоминаются с XV—XVI вв. [ПНК I: 497—514; ПКНЗ 4: 201, 223—230, 232; 5: 121, 384, 386]. В нижнем течении р. Березайки в Кемской вол. Валд. у. в 1909 г. числились два хутора: *Березай* и *Березай 2-й* [СНМНГ V: 54—55]. Кроме того, при описании Рютинского пог. Дер. пят. 1551 г. указана средневековая

вол. *Березай* где-то на берегах одноименной реки [ПКНЗ 5: 196]. При впадении *Березайки* во Мсту стоит село *Березовский Рядок* Болог. р-на, бывшее в XIX — нач. XX в. волостным центром Валд. у. [СНМНГ 5: 10—11]. В составном наименовании села, хорошо известного по документации с конца XV в., отражен факт не только его местонахождения на р. *Березайке*, но и его бывшая торгово-ремесленная специализация (рядок)³². Исторические материалы дают следующие варианты: *Ряд Березаевский*, или *Березов Ряд*, оба около 1495 г. [НПК I: 509], *Березовский Ряд*, или *Березайский Ряд*, оба под 1551 г. [ПКНЗ 5: 230, 231], *Березовский Рядок* (множественно в документации Иверского монастыря XVII в. [АИСМ: 53, 77, 78, 94, 116, 118, 218, 413, 430, 491, 614, 647, 697, 888, 889, 1033]), *Березовой Рядок* в географическом описании 1849 г. [ВСОРИ: 42]³³. Наконец, где-то поблизости от рядка, при впадении *Березайки* во Мсту, писцовые книги 1495 и 1539 гг. указывают еще дер. *Усть-Березая* Рютинского пог. [ПКНЗ 4: 116], позднее запустевшую.

Геогр. *Березай*, образовавшее группу перечисленных топонимов-иррадиатов в Помостье, является одной из ряда межтерриториальных топонимических параллелей на старой новгородской территории. Данный ряд продолжают, во-первых, гидронимы: *Березай* оз. со стоком в р. Глушица басс. Мсты (севернее Валдайского оз., в истоках Шегринки); *Березай* л. пр. Чагоды (где-то в районе пограничья Волог., Лен. и Новг. обл.) [Шан. РЛЛО: 446]; *Березайка* оз. в Южном Приильменье, к юго-западу от р. ц. Поддорье Новг. обл. (Нивское с/п). Во-вторых, есть параллели среди оронимов и ойконимов, не дублирующих гидронимию. Среди них геогр. *Березай* пожни в Шел. пят. в Новг. у. (северо-западнее Новгорода), отмеченной на одном из планов Елизаветинского межевания 1761 г. [Анкудинов 2003: 443]³⁴, геогр. *Березай*, связанное с двумя деревнями в границах Твер. обл.: одна из них в сер. XIX в. числилась в Вышневолоцком у. [СНМРИ 43: № 4235] (сегодня — дер. Спировского р-на, Еремеевский СО), другая — в Торжокском у. [Там же: № 7749] (сегодня — дер. в 15—20 км северо-восточнее Торжка, Большепетровский СО).

³² Современный микротопонимический ландшафт вокруг села *Березовский Рядок* был обстоятельно обследован В. П. Строговой [1967: 124—132].

³³ К юго-востоку от Березовского Рядка на Мсте, на северном берегу *Березовского* плеса оз. Селигер близ руч. *Березовец* расположен еще один издревле известный *Березовый Рядок* — дер. Залучьенск. Ост. В средневековье здесь находилось городище *Березовец*, при котором к XVIII в. выросли селения, погост и рядок, называемые *Березовский* (или *Березовский Рядок*, *Рядок*, *Березовец*, *Березовецкий*), принадлежавшие Жабенскому пог. Дер. пят., см. [Воробьев 2005: 36; ИАДП I: 167]. Связанная с городищем вол. *Березовец*, отмеченная договорной грамотой 1441—1442 гг. литовского князя Казимира с Новгородом о мире, числилась в числе тех приграничных новгородских волостей, которые платили налог в литовскую великокняжескую казну, см. [ГВНП: 116, гр. № 70; Янин 1998: 5—6, 199].

³⁴ Указано также, что пожня принадлежала Петру Манкошеву. Не исключено, что фамилии этого персонажа обязаны своим появлением явно поздние названия таких селений в Восточном Приильменье, как *Манкошево* (иначе — *Покровское*, *Песочно*) ус. в Папоротско-Островской вол. Кр. у. и *Манкошево* (иначе — *Самокража*) пог. в Бронницкой вол. Новг. у. [СНМНГ I: 18—19; IV: 72—73].

По всей вероятности, населенный пункт под Торжком фигурирует также в одном из актов 1655 г. Иверского монастыря на Валдае: «пустошь, что было село *Березай*» в Прутенской вол. [АИСМ: 1019, 1020]; кроме того, в двух актах Иверского монастыря 1662 г. указывается еще дер. *Березай* в Щученской вол. Ржевского у. [Там же: 388, 405, 1034], которая, по-видимому, отождествляется с современной дер. *Березуи* Трубинского СО на р. Орча в Ржевском р-не Твер. обл.

Духовная грамота Ивана III под 1504 г. сообщает еще об одном соответственном названии на юге Псковской земли при перечислении соседних волостей «*Березаи*, Невле, Усваи, Ловцо, Веснеболото». Безусловно название *Березаи* псковская средневековая волость получила по одноименному озеру, которое сегодня именуется *Березно* и локализуется в 10 км юго-западнее гор. Пустошка [Янин 1998: 161]. Таким образом, ареальная дистрибуция изучаемой топонимии не выходит за пределы Русского Северо-Запада (см. карту 13).

Тополексема *Березай* находит очевидную апеллятивную поддержку в говорах на востоке Новг. обл.: *березай* ‘гриб подберезовик’ («У нас *березаем* подберезовик зовут. У *березаев* головка бывает, белая, серая. *Березаев* и красух много тут», Оп. + Бор., Пест.), уменьш. *березайчик* ‘то же’ (Оп.) [НОС 1: 51]. В плане деривации геогр. *Березай* и апел. *березай* имеют достаточно аналогий на славянской почве: они образованы от *береза* точно так же, как праслав. **korvajь*, рус. *каравай* — от **korva*, рус. *корова* [Фасм. ЭСРЯ II: 332], др.-польск. *nogaj* ‘длинноногий человек’ — от *noga*, *labaj* ‘большая собака’ — от *laba* ‘лапа’ [Sławski ZSP I: 88], укр. *бородай* ‘бородач’ — от *борода*, *голодай* — от *голод* и другие *nomina attributiva*. Нужно подчеркнуть, что топонимический архаизм *Березай* в процессе своего функционирования подвергался переделке, состоявшей в замене редкой непродуктивной суффиксации на изосемантическое суффиксальное оформление, более привычное и продуктивное. Показателен в этой связи состав приведенных выше вариантов новгородского и южнопсковского лимнонимов: *Березай* (вар. *Березно*, *Березовик*), *Березай* (вар. *Березно*); не менее показательна и мена вариантов вторичного, отгидронимного, названия села на р. *Березайка* в Болог. р-не Твер. обл.: ранние варианты названия этого села — *Ряд Березаевский* около 1496 г., или *Березайский Ряд* 1551 г. — замещены сегодня названием *Березовский Рядок*. Топонимическая вариантность отчетливо иллюстрирует первичную атрибутивную семантику др.-новг. апеллятива *березаи*, которая могла подвергаться разного рода специализации на основе общего осевого признака. Наряду с проявившимся в части новгородских говоров специализированным значением ‘березовый гриб’, в этой лексеме легко предсказывается незафиксированное значение ‘березовый лес’, особенно если принять в расчет семантико-деривационные аналогии, выступающие одновременно обозначением леса и грибов; ср. рус. диал. *берёзовик* ‘березовый лес’ и ‘гриб опенок’, *березник* ‘березовый лес’ и ‘гриб подгреб’, *березуга* ‘березовый лес’ и ‘гриб’ [СРНГ 2: 252, 254].

Наряду с *Березай*, к числу неоднозначно трактуемых архаических, непродуктивных и диалектно ограниченных дериватов от *берез-* принадлежит тополексема

Березуй, проявившаяся в составном наименовании средневекового погоста Новгородской земли: «В Бажетцкой пятине в Михайловском погосте в *Березуи Радоницах* деревни...», отмеченного писцовой книгой поместных земель 1538/39 г. [ПKNЗ 3: 11—13]. Средневековое геогр. *Березуй Радоницы* следует отождествить с совр. названием оз. *Березорадинское* (по [Шан. РЛЮ: 460] — оз. *Радинское*) басс. Чагоды на пограничье Бокс. и Хв. р-нов. Все другие соответственные топонимы, которых насчитывается довольно много, локализованы на восточнославянской территории, но значительно южнее приведенной фиксации. Из летописного списка древнерусских городов конца XIV столетия известно о средневековом гор. *Березу-еск/Березуиск*, помещенном Воскресенской летописью в земле Литовской между городами Гольшаны и Друтяск [ПСРЛ VII: 240]. Писцовая книга Пусторжевской земли 1582/83 г. отмечает оз. *Березуй* в Кудеверском стане: «дер. Хонева у оз. *Березуя*» [Янин 1998: 147], сегодня — это оз. *Березовское* с дер. Хонево на южном берегу в 30 км к востоку от гор. Опочка Пск. обл. Кроме того, есть пск. *Березуй* как название пустоши XVII в., см. [ПОС 1: 179]. Среди топонимических материалов XIX—XX вв. отмечены: *Березуй Большой* и *Березуй Старый*, близлежащие погосты-селения у рр. *Березуйка* и *Вазуза*, здесь же рядом *Березуй*, песчаная отмель на р. *Вазуза* близ впадения *Гжати*, — все в *Зубцовском у.* Твер. губ., дер. *Березуи* *Ржевского у.* Твер. губ., дер. *Березуевка* на р. *Мошченка* в *Карачевском у.* Орловской губ. + дер. на р. *Студенец Черневского у.* Тульской губ., дер. *Березуево* на р. *Лосмина Духовщинского у.* Смоленской губ., дер. *Березуи/Березухи* на р. *Кострянка* в окрестностях гор. *Белый Смоленской губ.*, дер. *Березуй (Введенское)* на р. *Березуя* под *Болховом* в *Орловской губ.*, дер. *Березуйка* на р. *Черная Натопь Чериковского у.* Могилевской губ. [Vasm. RGN I 2: 371; Vasm. WRG I: 144; VI: 55]; сюда же относятся гидронимы, один из которых — блр. *Беразуйки* (по [Журавлев 1990: 16]), остальные локализуются в басс. *Оки*: р. *Березуй* (с притоками *Мокрой Березуй*, *Сухой Березуй*, *Волфин Березуй*) в *Верхнем Поочье*, р. *Березуй* (с притоками *Большая Березуй*, *Малая Березуй*, *оврагом Березуйской*) среди правых притоков *Угры*, рр. *Березуй (Березуйка)* и *Березуенка* в *Среднем левобережном Поочье* ниже *Угры*, р. *Березуйка* под 1338 г. (под 1339 г. — *Березуек*, под 1340 г. — *Березайка*, сегодня — *Березинка*) в *Среднем правобережном Поочье*, *Тульская губ.* [Смол. ГБО: 24, 46, 47, 88, 99, 150]; наконец нельзя не вспомнить о фамилии *Березуев*, указанной В. П. Нерознаком [1983: 19].

В список данных параллелей нужно включить еще геогр. *Березвица* оз. в *Себежском у.* *Витебской губ.*, *Березвица* (польск. *Berezowica*) р. и *Березвецкое (Березвечь, Березвеч)* оз. с селом *Березвечь* в *Диснинском у.* *Виленской губ.*, по [Vasm. WRG I: 127]. Эти несколько обособленные формы модифицированы из деминутивов с суф. *-ица, -еи (Березуица, Березуеи)* благодаря утрате слоговости фонемой у.

Со стороны семантико-этимологической геогр. *Березуй*, надо полагать, выступает первичным обозначением березового леса, подвергшимся топонимизации. Вместе с тем в аспекте деривации данная тополексема выглядит уникальной. Ее следует рассматривать среди редких дериватов на *-уй*, ср. прежде всего

геогр. *Боруи* (см. ниже), *Бобруйка*, апел. *валуй* как обозначение гриба, др.-рус. *волуи* ‘воловий’ от *воль*, др.-рус. *олуи* ‘слабое пиво’ от *оль* ‘пиво’, рус. диал. (олон.) *желвуй* ‘твердая опухоль от ушиба, шишка, желвак’, ‘нарыв, болячка’ при *желвак*, *желва* ‘болячка, чирей, нарыв; и др.’ [СРНГ 9: 102—103]. Эти немногочисленные равноструктурные образования связаны, однако, по происхождению с праславянскими основами на **-й* или на **-й³⁵*, тогда как *Березуй* мотивируется апеллятивом *береза* **-ā*-склонения. Поэтому в этой тополексе иногда усматривают след вероятной и.-е. **bherēg’-u-*, архаической основы на **-й*, связанной с обозначением березы [Аникин 1998: 33—34].

Имеющийся топонимический материал некоторым образом благоприятствует данной гипотезе, относящей появление *Березуй* к глубоко архаическим истокам. Во-первых, как выяснилось, эта топонимическая форма в плане деривации получает серьезное подкрепление в материале восточнославянской топонимии, причем обычно как раз на тех территориях (новгородской, тверской, могилевской, поочской), где были обнаружены геогр. *Боруй*, *Боруец*, *Бобруйские* и т. п., определенно производные от **-й*-основ. Во-вторых, обращает на себя внимание то, что преимущественно в южной, юго-восточной частях новгородского пятинного деления, где встречено геогр. *Березуй*, фиксируются диал. *березуг*, *березуга* ‘березовая роща’, ‘заросли молодой березы’ и название *Березуга* применительно к местности [НОС 1: 52], а из писцовых книг Дер. пят. известны средневековые поч. *Березук* в Посонском пог. 1551 г. [ПКНЗ 5: 291] (= *Березуг*), дер. *Березуха* в Налючском и Налесском пог. 1495 г. [НПК II: 603, 762], дер. *Березуха Сотонина* в Курском присуде под 1539 г. [ПКНЗ 4: 302]; их дополняют совр. ойконимы из Твер. обл.: *Березуга* дер. Макс. р-на (Каменский СО), *Березуги* дер. Фир. р-на (Ходуновский СО), *Березуг* дер. в районе Селижарова (Березугский СО). Формирование суффиксальных элементов в перечисленных дериватах на *-уг*, *-а*, *-уха* тоже допустимо трактовать как наложение суф. *-ха*, *-га*, *-гъ* на древнюю основу **bherēg’-u-*.

Вариантные тополексы *Березай* и *Березуй* коррелируют в ареальном отношении. Они территориально разведены и почти не пересекаются: первая зафиксирована на новгородско-тверской, единично — на псковской территории, распространение второй приходится на Верхнее и Среднее Поочье, Верхнее Поднепровье и верховья р. Великой (см. карту 13).

Существуют мнения о неславянских, субстратных истоках рассматриваемых названий, «прозрачно» объяснимых по связи с окружающим березовым лесом, березами. В. Н. Топоров [1995: 15; 1999: 281], обращаясь к валдайским смежным гидронимам *Березай* оз. и *Березайка* р., не исключает их балтийского происхождения: < **Berz-aj-*, **Berž-aj-* или **Birz-aj-*, **Birž-aj-*, хотя цельнолексемных гидронимических параллелей не приводит. В [ЭССЯ 1: 207] принята сходная субстратная трактовка рус. *Березуй*: < балт. **Beržōj-*. С учетом изложенных выше многочис-

³⁵ Отдельную подсистему составляют антропонимические гипокористики типа *Радуи* от *Радославъ*, *Милуи* от *Милославъ*, где суф. *-уи* окончательно абстрагировался от основ на **-й*.

ленных соответствий на сопредельных восточнославянских территориях предположения о балтийском лексическом субстрате выглядят явно ненадежными. Сравнительная многочисленность, рассеянность по восточнославянской равнине этих вариантных названий (порой они даже объединяются в качестве вариантов одного названия, см. *Березайка* / *Березуйка* в Поочье), нахождение их в контексте равноструктурных раннеславянских названий типа новг. *Боруи* (о котором идет речь ниже), *Бобруйка*³⁶, наличие прямой апеллятивной поддержки (для *Березай*) в восточных новгородских говорах, заметные ареальные размежевания *Березай* и *Березуй* и структурная связь последнего с некоторыми иными «березовыми», но безусловно славянскими названиями (в частности, с новгородско-тверскими *Березуг*, *Березуга*, *Березуха*), — все эти факты требуют считать *Березай* и *Березуй* наследием славянской речи, трактовать как восточнославянские архаизмы ограниченного распространения.

Борье, иначе *Борое*, *Буро-Бурое*, оз. в басс. Пола в окрестностях гор. Валдай Новг. обл., непроточное, с низкими песчано-галечными берегами [Истомина, Яковлев 1989: 106]. Под названием *Борое* это озеро, числившееся ранее в Зимогорской вол. Валд. у., приведено в письменных и картографических источниках XIX—XX вв. [СНМНГ V: 39; ВСОРИ: 36; ВТКЗверст]. Сегодня окрестные жители обычно именуют его *Кобелевским* озером по ближайшей дер. *Кобелево* (сама же деревня исчезла в сер. 1980-х гг.), в XVIII в. это озеро, бывшее на территории Короцкого пог. Дер. пят., называлось *Бурое*, в XVI в. — *Боруи* (по материалам из кн.: [Поведский 1997: 71]). Таким образом, письменные формы *Борое*, *Бурое*, *Боруи* являются историческими вариантами одного лимнонима. Исходным из них нужно считать *Боруи* (о чем свидетельствует ранний период его фиксации, а главное — наличие межтерриториальных параллелей и эквивалентов, перечисленных ниже), промежуточным вариантом, появившимся благодаря метатезе гласных и окончательное еще не утратившимся, является *Бурое* (форма, не характерная для гидронимической номинации), конечный вариант эволюции лимнонима представлен формой *Борое*, контаминирующей обе предшествующие формы.

Межтерриториальные топонимические параллели локализованы в южных районах Новгородской земли. По совр. крупномасштабным картам известно об оз. **Боруй** басс. Мсты (небольшое бессточное озеро в Болог. р-не у дер. Озеревичи), все прочие названия зафиксировала средневековая письменность: **Боруи** оз. в Ситенском пог. Дер. пят. 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 153] (= ? совр. оз. *Боручье* в Ок. р-не, 150 га, имеющее исток в оз. Боровно басс. Мсты) и в этом же погосте дер. **Баруево** [НПК I: 573] (из *Боруево* в результате аканья); **Боруево**, две соседящие деревни Крестецкого пог. Дер. пят. 1539 г. [ПКНЗ 4: 138—139] (но *Баруево* под 1495 г. [НПК II: 435]); **Бору** дер. Влажинского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 748] (= *Боруи* в более точной письменной передаче); **Боруец** дер. в Дмитриевском Кострицком

³⁶ Допущение о балтийском происхождении топоосновы *Бобруй-* в *Бобруйка* р. [Топоров, Трубачев 1962: 177] на фоне рассмотренных славянских фактов выглядит излишним.

пог. Беж. пят. 1501 г. [НПК VI: 27] (в материалах конца XVIII в. — *Боруйцы* пуст. в Бор. у. [ИАДП I: 156]); *Боруи* (*Уголково*) и *В Боруях Щмелево*, две близлежащие деревни, принадлежавшие одному владельцу Ивану Лугвеневу, в Лосицком пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 510]. Два последних смежных ойконима явно вторичны: они подразумевают (первый ойконим метонимически, второй благодаря своей описательной форме) первичное наименование во мн. ч. некой местности *Боруи* в среднем течении Плюссы в Чудско-Ильменском межозерье. Материалы Ген. меж. конца XVIII в. отмечают на месте дер. *Боруи* (*Уголково*) пуст. *Боруй* при оз. Боровском, пуст. *Двое Боруи* на р. Студенце и оз. Лукине и пуст. *Боруй* на р. Студенце и в верховьях руч. Черного [Андрияшев 1914: 86].

За пределами Новгородской земли встретились лишь две, но достаточно яркие, на мой взгляд, топонимические параллели на польской территории. Так, одна из рек на северо-востоке Польши носит название *Borujka* (в письменности под 1400, 1408 гг. — *Boruwe*, под 1607 г. — *Borraa*) [Rzetelska-Feleszko 1987: 8—9]. Е. Жетельска-Фелешко [Ibid.] возводит гидроним к праслав. **borъ* ‘лес’, но считает его гибридным польско-немецким образованием. Однако этот гидроним, как кажется, предпочтительнее трактовать в ряду изложенных новгородских топонимических фактов, никак не затронутых немецким влиянием. Вторым польским соответствием является *Borujka* р. в басс. Одры [НО: 184].

Практически нет сомнений в том, что представленная в перечисленной топонимии тополексема *Боруй* — редкий, отраженный лишь в немногочисленных названиях др.-слав. адъектив (**borujь*), который образовался благодаря присоединению йотового суффикса к основе с тематической гласной **-й-* (**borŭ-* ‘бор, сосновый лес’) и имел значение ‘боровый, относящийся к бору’. Наличие вариантных форм типа *Боруи*/*Боруе*/*Бурое*/*Борое*, преимущественное присутствие данной тополексемы в средневековом (а не в современном) топонимическом ландшафте региона дают понять, что перед нами образование архаическое, непродуктивное, утратившее мотивационную связь с наличной географической терминологией корня *бор-* в окружающих говорах. Этот дериват (**boruj-* < **bōrouj-*) находит прямые структурные аналогии, во-первых, с топоосновами *Безуи-* (см. выше *Безуи* и т. п.) и *Бобруй-*, лит. *Vebruji-* (к балто-слав. **bobrŭ-*, **bebrŭ-* ‘бобр’), означающей ‘бобровый’ (ср. р. *Бобруйка* с гор. *Бобруйск* в Белоруссии, овраги *Бобруйские* в Верхнем Поочье [Смол. ГБО: 78], рр. *Vėbrujiš*, *Vebrūjai* в Литве [Аникин 1998: 52]), во-вторых, с хорошо знакомой по старославянской и древнерусской письменности лексемой *волуи* (: **volŭ-* ‘вол’), имевшей значения ‘волоный’, ‘коровий пастух’, с рус. *валуй* (< *волуй*) ‘гриб *Agaricus foetens*’ — от *воль* (от последнего, кстати говоря, был произведен еще новг. лимноним *Валуек* оз. в басс. Полы, Валд. р.-н, неподалеку от оз. *Борое*), с др.-рус. *алуи* ‘слабое пиво’ (: *olŭ-* ‘пиво’) и с некоторыми другими лексемами. Достаточно наглядно денотативная связь с боровым ландшафтом прослеживается на уровне топонимических микросистем, в которые включено в ряде случаев новг. геогр. *Боруй*. Так, рядом с оз. *Борое* (< *Боруе*/*Боруи*) под Валдаем, примерно в паре километров, находится дер. *Бор* (Короцкое с/п). Около 1495 г. эта деревня

называлась *Тишенка* [НПК I: 322], позднее она запустела и во 2-й пол. XVI в. на месте пустоши возникла вновь, но уже под новым названием *Бор*, которое появилось либо ввиду близлежащего оз. *Боруи* / *Боруе*, либо как указание на боровую растительность в окрестностях деревни и озера. Другой факт: межевые материалы XVIII в. на территории бывшего Лосицкого пог. локализуют пуст. *Боруй* при озере, называемом *Боровское* (см. выше). Еще один случай микросистемных отношений демонстрирует расположенное к северу от Валдая оз. *Боруи* в Ситенском пог. (= ? совр. оз. *Боручье*³⁷), отмеченное вблизи оз. *Боровно*; см. фрагмент из приправочной книги письма И. И. Калитина 1550/51 г.: «А угодия Николскому монастырю в озере в *Боровне* часть, в озере *Боруи* часть» [ПКНЗ 5: 153]. Эти соседние родственные лимнонимы явно связаны единством номинации по окружающему боровому ландшафту, являясь дериватами от общего корня.

Почти вся приведенная новгородская топонимия на *Бор-* отчетливо показывает деапеллятивные модели деривации. Вместе с тем трактовка названий типа *Боруево* / *Баруево* требует учета также и сербохорв. личн. *Boruj* [Демчук 1988: 66; RHSJ III: 557]. Это личное имя закрепилось в результате антропонимизации рассматриваемого др.-слав. прил. **borujь* ‘боровый, относящийся к бору’ или же оно является усеченно-суффиксальным именем, обособившимся от композитов типа **Borislavь*, **Borimirь*.

Основа **bor-u-* в регионе Новгородской земли могла быть расширена не только суффиксальным «йотом», как в **borujь*, но подобно ему и другими суффиксальными элементами, в частности суф. *-t-* и *-l-*. Это удостоверяют нередкие новгородские названия на *Борут-*, *Боруч-* (*Борутино*, *Борутицы* и др., подр. о них см. при анализе геогр. *Боручье*) и названия на *Борул-*. К последним относятся геогр. **Борулец** оз. в Миголощской вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 68—69]³⁸ (сегодня — оз. *Буррулец* басс. Чагоды, сток в оз. Роженец), **Барулино** дер. на р. Редья в Поддорской вол. Ст.-Рус. у. 1909 г. [СНМНГ III: 96—97] (= *Борулина* дер. под 1498 г., иначе *Бурлино* под 1539 г., в Офремовском пог. Шел. пят. [НПК V: 230; IV: 325], **Борулицы** оз. в вол. Сорогошино в Беж. пят. 1551 г. [НПК VI: 748]). Данные структурные архаизмы составляют лишь малую толику огромного и разнообразного массива новгородских «боровых» названий³⁹.

³⁷ Соотносимые друг с другом диахронные варианты *Боруи* и *Боручье* структурно сходны: оба демонстрируют расширение общей этимологической основы, но различными суффиксами.

³⁸ Списки селений нач. XX в. информируют о том, что на оз. *Борулец* стояла дер. *Ташково*. Однако материалы Ген. меж. 1780-х гг. по Бор. у. указывают дер. *Ташкова* «при озере *Боруице*» [КГарн]. Надо полагать, запись «*Боруице*» — результат неверного прочтения формы «*Борулице*» (к *Борулице*).

³⁹ Многочисленные названия с корневым элементом *bor-* распространены по всему славянскому миру [Štíplauer 1970: 42; Подольская 1983: 124—125]. В регионе Новгородской земли особенно велико словообразовательное разнообразие таких топонимов, значителен процент названий, повторяющихся иногда в десятках мест (см., к примеру, отраженные в НПК повторя-

Лукуй оз. («въ озеркѣ въ Лукуѣ») в Полищском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 260], идентифицируемое с совр. *Луковец*, маленьким озером, стекающим в оз. Завидечье басс. Мсты (Ок. р-н); *Лукуя* р. (дер. Лысцово, Симаново «на речке на Лукуе») в Богородицком в Павске пог. в вол. Слезкино Беж. пят. 1550/51 г. [ПKNЗ 3: 28, 29]. Специфическая суффиксация данных форм предполагает возможность *-*ŭ*-основы (**lŏku*, наряду с **lŏka*, совр. *лука́*), расширенной йотовым суффиксом; гидронимия эта может быть осмыслена с адъективным значением отношения ‘луковый, лучный, относящийся к луке’ (ввиду рассмотренных выше прил. **borujь*, **volujь* и др.). Следовательно, новгородские факты дают новые серьезные основания для суждения о диалектном проявлении редкого апел. **lŏku*, наряду с ранее рассматривавшимися укр. гидронимом *Луква*, п. пр. Днестра, имеющим вариант *Łukiew* на старых польских картах [Трубачев 1968: 66—67], или словен. ойконимом *Lŏkve* [Snoj ESSZI: 244]. Явный положительный намек исходит также из русского диалектного материала; ср. диал. *луку́тка* ‘лука’ (Лебед. Тамб.) [СРНГ 17: 192], которое, вероятно, показывает расширенную суф. *-ta* рассматриваемую *-*ŭ*-основу. В связи с этой же основой может быть интерпретирована структура получивших широкое распространение в новгородских говорах прил. *луковой́й*, *лу́ковий* ‘относящийся к луке’ [НОС 5: 51; СРНГ 17: 190], блр. *лу́кавіна* ‘лука, излучина’ [Яшк. БГН: 108] и др. Для реконструкции диал. **lŏku* нет больших препятствий, учитывая, что в поздний период истории праславянского языка и в ранние эпохи истории отдельных славянских языков именные основы на *-*ŭ*, стали достаточно продуктивными. Эта активизация их проходила уже в период глубокой диалектной дробности праславянского языка [Бернштейн 1974: 223], и большое количество случаев как раз приходилось на географическую терминологию.

иющиеся ойконимы *Бор*, *Борок*, часто с дифференцирующими определениями: *Лодейной Бор*, *Калитной Бор*, *Киверев Бор*, *Новой Борок* и др., гидронимы *Боровое*, *Боровское*, *Боровно*, *Боровенка* и др.). Как правило, подобные названия трактуются без особых трудностей, посколькуверяются диалектной географической терминологией от *bor-*, обозначающей типы леса и рельефа, словообразовательно и семантически разветвленной, представленной в разных регионах Славии [Толстой 1969: 22—41; Строгова 1973: 252—260; Васильев 2001а: 77—94]. При этом продуктивные, повторяющиеся топонимические модели обычно поддержаны терминологией, обнаруживающейся в тех же самых или сопредельных регионах. Известны, кроме того, тополексемы от *bor-* с редкими, непродуктивными формантами, но с отдаленными межславянскими линиями апеллятивных связей. Например, название места *Борель* в Люб. р-не [НОС 1: 74] равно апел. *борель* ‘хвойная тайга со смешанной порослью’ в русских говорах Забайкалья (по словарю Элиасова): очевидно, эти лексемы образованы с суффиксом *-ль* от диал. *бореть* ‘зарастать деревьями, кустарником (о залежи)’ (Порх. Пск., Осташк. Твер.) [СРНГ 3: 98]. Новг. *Борняг*, именующее место, где растут только сосны (Ст.) [НОС 1: 75], наряду с волог. *борняк* ‘сосновый лес’, *борник* ‘бор, боровое место’ [СРНГ 3: 103], арх. *борняг* ‘сухое возвышенное место в лесу’ (Кон.), *борник* ‘густой темный лес’ (Шенк.), ‘сухое возвышенное место в лесу’ (Карг.) [АОС 2: 78], чеш. диал. *bornik* ‘сосновый лес’ [Толстой 1969: 39], отражают тенденцию к ремотивации слова *бор* путем оформления его по продуктивной модели номинаций леса по породам деревьев, как *сосняг/к*, *березняг/к* и др.).

Свои особые типы репрезентируют славянские геогр. **Водонай** п. пр. Либьи, р. в оз. Велье басс. Полю (сложение *вода* + диал. *паять* ‘соединять’), **Дунай**, рр. в басс. Полю, Волхова и Мологи (ср. рус. диал. *дунáй* ‘ручей’ (Олон.), польск. диал. *dunaj* ‘глубокая река с высокими берегами’ и геогр. *Dunajec* р. в Польше [Фасм. ЭСРЯ I: 553; Мурз. СНГТ 1: 198]), возможно, *Присай* (см.). Подр. о новг. *Холуй* (к диал. *хóлуй* ‘речные наносы’) см. в анализе геогр. *Холова*, ниже. В большинстве случаев, однако, новгородские топонимы на *-ай*, *-уй* отражают неславянские основы. Среди них наиболее заметна большая группа старописьменных ойконимов от прибалтийско-финских личных имен, обыкновенно дооформленных русским посессивным суффиксом (*Акуй*, *Пелгуй*, *Каккуево*, *Камуев*, *Мелуево*, *Ногуево*, *Нахкуево* и т. п.), реже приб.-фин. сложных гидронимов, включающих детерминант со значением ‘ручей’ (*Вагуй*, *Ругуй*, *Коргуй* и т. п.).

НАЗВАНИЯ НА *-ОВА*, *-ЕВА*

Обращает на себя внимание небольшая, но выразительная группа деапеллятивных названий рек и озер, реже селений, на *-ова*, локализуемых в пределах исторической Новгородской земли. Обычно они предстают архаическими адъективнами с суф. *-ова* в относительном (топографическом) значении, уже не находящими цельноструктурных апеллятивных коррелятов в лексике региона.

Пскова рч. (протока) в дельте Ловати, впадающей в Ильмень (с вар. *Псковёнка*, *Скобёнка*, данными на плане Вяздовского пог. [Чернов 1983]). Первое упоминание водоема — в писцовых книгах Шел. пят. 1-й пол. XVI в.: «за *Псковую-жь* рекою против речке Подборовке»; «по *Пскове* реке и въ Подборовку»; «межь *Псковы* реке» [НПК V: 328, 329]. Параллельное название локализуется на территории Быстреевского пог. Шел. пят., при описании которого писцовая книга 1571 г. отмечает дер. *Пъскова*, «да подь тою-жь деревнею озерко **Пъскова** на пол-версты вдоль, а поперець то-жь, рыба въ немь плотица да ерши» [Там же: 476], в источнике нач. XX в. это озеро названо *Псковяны* [Шан. РЛЮ: 12], сегодня — оз. *Псковянское*. Эти названия озера и деревни являются элементами разветвленной топонимической микросистемы: из оз. *Пъскова* (*Псковяны*, *Псковянское*) начинается р. *Пскова*, п. пр. Великой, имеющая л. пр. *Псковица* [Там же: 10]; в свою очередь по реке получил название гор. *Псков*, а по городу — *Псковское* оз. (или оз. *Псково*, более ранний вариант, представленный в [КБЧ: 154]), *Псковская земля* и т. п.

В списке селений Пск. губ. 2-й пол. XIX в. обнаруживается еще одна внешне безупречная параллель — **Пскова** дер. при рч. Кошанке Захолмско-Столопенской вол. Холм. у. [СНМРИ 34: № 15207]. Однако этот ойконим не имеет этимологического отношения к приведенным гидронимам, но отражает вторичное, вероятно, случайное сближение с ними: в средневековье здесь значились дер. *Пскова* и *В Пъсковъ*, убедительно трактуемые по связи с апел. **pesъкъ*, **pēsъкъ*, ‘песок’; подр. см. в гл. 7, оч. «*Песн-*, *Пес-...*».

Переносом названия гор. *Псков*, крупного и значимого территориального центра, скорее всего следует объяснять появление в XVII в. новгородского ойконима *Псковец*, прикрепленного к средневековому селу-рядку на правом берегу Мсты близ гор. Боровичи. Впервые об этом селе свидетельствует акт 1653 г., в котором указан пункт *Псковце* среди других рядков, пожалованных Иверскому монастырю. В царской жалованной грамоте 1654 г. даны более подробные сведения: «...Жалуемъ (Иверский монастырь. — В. В.) (...) противъ Великопорожского рядку, за Мстою за рекою, рядкомъ *Псковцемъ*...». Далее в той же грамоте: «А въ рядке въ *Скопце*, что противъ Великопорожского ряду, за Мстою рекою, на Бежецкой стороне (...) пашни и сенныхъ покосовъ нетъ и рыбных ловель нет, обошли около техъ рядковъ земли розныхъ помещиковъ» [АИСМ: гр. № 29, 51, с. 54, 116, 118]. Писцовые книги дворцовых земель Дер. пят. описывают данную местность «противъ Великопорожского ряду» под 1495 г., сообщая о непашенных людях «на Великом порозе противу Николю на правой стороне реки Мсты в Бежицкой пятыне», но ойконима *Псковец* еще не отмечают [ПКНЗ 1: 57, 60]: очевидно, в ту эпоху этот рядок особого названия еще не носил и причислялся к Великопорожскому ряду. Выделившись в отдельный пункт сравнительно поздно, рядок *Псковец*, тем не менее, к концу XVIII в. уже запустел. Материалы межевания 1780-х гг. указывают вместо него «пустошь *Рядок Пскопца*, экономического ведомства, что прежде были Иверского монастыря крестьян, на правом берегу реки Мсты и по обе стороны дороги в город Вышний Волочек»; эти сведения о пустоши *Рядок Пскопца* повторены позднее в МОЗУ 1914 г., в 1970-е гг. на месте пустоши находилась пашня (из рукописных материалов К. В. Гарновского [КГарн]).

Из отмеченных межтерриториальных топосоответствий общеизвестно только название гор. *Псков* (по др.-рус. документации *Пльсковъ*, *Плесковъ*, *Пьсковъ*, *Пьсковъ*, *Пьсково*, *Псково*, откуда *пльсковичи*, *плесковичи*, жители города, лтш. *Pliskava*, нем. *Pleskau*, но эст. *Pihkva*, фин. *Pihkava* и т. п.), не имеющее недостатка в этимологиях. Его признавали семантически неясным или считали прибалтийско-финским (возводили к эст. *pihk* ‘липкая масса’, лив. *piisk* ‘смола’ [Попов 1981: 72]), древнегерманским (из **Fiskahva* ‘рыбная река’ [Sabler 1914: 817]), славянским, сопоставляя с *песок*, *плескать*, *плесо*, *плеськъ* ‘маленький плес’, см. [Фасм. ЭСРЯ III: 397—398; Никонов 1966: 344; Преобр. ЭСРЯ 2: 146; Нерознак 1983: 142—144]. Наиболее обоснованное решение предложено Л. В. Куркиной [1996: 10—12], которая относит название *Псков* (и, соответственно, название р. *Пскова* басс. Великой) к гнезду праслав. **pleskati* и сближает с водными терминами *плеск*, *плеско*, с геогр. *Плесков* гор. в старой Болгарии к северу от Преслава, ср.-греч. *Πλίσκοβα*, *Πλίσκα*, *Πλίσκουβα* на востоке Болгарии, сербохорв. *Pliskovo*, прикрепленным к селам в Далмации; к этому ряду топонимических параллелей можно добавить укр. *Плискава*, название источника у сел. Шельвив Локачинского р-на Волынской обл. [Шульгач 1998: 214] и, вероятно, словен. *Pliskovica* сел. [Furlan 1993: 27]. В. А. Никонов [1966: 344] пишет еще о существовании некоего пункта *Плесков* близ Галича, в Северном Заволжье, хотя не исключает перенос туда готового названия города Пскова.

Действительно новг.-пск. *Пскова*, *Псково* (< **Пльскова* / **Пльсково*) наряду с параллелями в иных регионах Славии вполне очевидно принадлежат к большому ряду вост.-слав. гидронимов на *Плиск-*, *Плеск-*, южн.-слав. и зап.-слав. на *Plesk-*, *Plisk-*, находящихся надежные апеллятивные корреляты в славянской гидрографической терминологии. В основном речь идет о бессуффиксных образованиях. Одним из членов ряда является средневековое название рч. **Плиска** вблизи Новгорода, о которой стало известно только из Отписной книги монастырских и церковных пригородных пожен Великого Новгорода 1535/36 г.: «Пожня на *Плиске* в Козье броду, от Козья броду вверх по *Плиски* по Речной лес» [ПКНЗ 1: 323]. Прочие топонимические параллели локализуются за пределами новгородских пятин: пск. *Плиски*/*Плиска* дер. в Михайловском стане Великолуцкого у., согласно писцовой книге 1625—1627 гг. [Янин 1998: 171, рис. 9, № 26] (= ? пск. *Плиски* дер. в Локнянском р-не Пск. обл.), *Плиски* сел. в Смоленской губ., *Плиска* сел. в бывшей Витебской губ. Белоруссии + два одноименных села на севере Украины (Волянь, Черниговщина) [Vasm. RGN VII: 61, 71], *Плиска* как название четырех рек на Украине в басс. Днепра [СГУ: 429], *Плиска* болото в Любешевском р-не Волянской обл. и поле в окрестностях гор. Кобрин, и там же, на Кобринщине, средневековое ур. *Бобовищъ плиска* (1563 г.), польск. *Pliskowola* сел. в бывшем Сандомирском повете, др.-серб. *Pliska* [Шульгач 1998: 214—215], сербохорв. *Pliskopoje* на острове Вис [Куркина 1996: 11—12], ср.-греч. *Πλίσκα* в Восточной Болгарии и осложненное суф. *-ina* польск. *Pszczyna* в Верхней Силезии (< **Pľščina*) [Фасм. ЭСРЯ III: 397]. Тополексема *Плиска* (*Pliska*) в свою очередь соотносится с новг. названиями р. **Плеска**, пр. Воложбы, п. пр. Сяси в Большегорской вол. Тихв. у. 1911 г. [СНМНГ VII: 21] и средневековой пожни **На Плеску** в Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 353], равно как с вят. геогр. *Плеск*, указанным среди названий частей реки, озера, пруда (Котельн.) [СРНГ 27: 114], южн.-рус. *Плески* п. пр. Песочны басс. Десны в Карачевском у. Орловской губ. [Vasm. WRG III: 680], блр. *Плэска*, именующим узкое понижение на местности, которое соединяет два водоема (Брестская обл.) [Мікратапанімія: 193], польск. *Pleska* р. в басс. Одры [НО: 133], сербохорв. *Plesko* сел. в Боснии в районе Сараево, словен. *Plesko pri Trbovljah* и производное *Pleščak* [Bezl. SVI II: 97]. Все они коррелируют со встречающейся в русских говорах водной терминологией на *плеск-*. Ср. др.-рус. *плескъ* ‘заводь’: «А въ стержню по Волге и по *плескамъ* ловить имь <...> всякая красная рыба» (1667 г.) [СлРЯ XI—XVII 15: 87—88], новг. *плёска* ‘озеро, поросшее осокой’ (Дем.) [НОС 7: 148] и *плескó* ‘плоский песчаный берег’ (Маловишер.) [СРНГ 27: 115], яросл. ‘пространство реки между ее изгибами; плес’ (Пошех.) [ЯОС 8: 6], яросл. ‘яма, омут в реке’, *плеск* ворон., урал. (р. Урал) ‘небольшой залив, заводь’ [СРНГ 27: 114—115], ворон. ‘широкая часть реки с плавным течением, с отлогим берегом, может вдаваться в берег в виде затона’ (то же, что ворон. *плёс*, *плас*) [Дьякова 1973: 146], дон. *плёска*, *плеска* ‘участок водоема с чистой глубокой водой’, ‘чистое место на озере среди зарослей камыша, осоки’

и т. п. [СРДГ 3: 14; СРНГ 27: 114], иркут. *плесковáтый* ‘изобилующий плесами’ [СРНГ 27: 115]⁴⁰.

Приведенные гидронимы и термины следует признать образованиями от общей вариантной основы *plesk-/plysk-/plisk-* с праславянской меной гласных. Одни лексемы показывают основную ступень корневой гласной (*plesk-*), другие — ступень редукции (к ним, похоже, принадлежит геогр. *Пскова*: < **Пльскова*), третьи отражают удлинение редуцированной гласной (геогр. *Плиска*). Вместе с тем Л. В. Куркина [1996: 12] обратила внимание на почти полное совпадение гидрографической семантики апел. *плеск(o)* и *плес(o)*, которые связаны отношением вариантности исхода *sk* : *s*; ср. семантически близкие польск. *plesk*, наряду с устар. польск. *ples* ‘рана, рубец от удара’, рус. диал. *плеск* ‘брызги’ и *плёсы* ‘волны’⁴¹. Богатство семантики *плес(o)* определяется, вопреки Фасмеру, не признаком широты водной поверхности, а скорее признаком гладкой, ровной, плоской поверхности (применительно к воде или суше). Основа *plesk-*, морфонологически соотносимая с *plosk-* (: *плоский*), в свою очередь, может указывать не только на водоемы, но и на местности с плоским рельефом. Наблюдения Л. В. Куркиной можно привлечь в том числе для семантико-этимологического отождествления *plesk-* и *ples-*, *plisk-* и *plis-*. Варианты *plisk-* и *plis-* (< *plysk-/plys-*) кажутся более архаичными, поскольку встречаются главным образом в сфере ономастики⁴²; ср., впрочем, укр. *плисковáтый* ‘плоский’, *плиском* ‘навзничь, плашмя’ [Грінч. СУМ 3: 195].

В плане деривации геогр. *Пскова* — праслав. адектив, образованный при помощи суф. *-ov(-a)*, причем наличие согласованных форм (*Пскова* река, но *Псков*

⁴⁰ Перечисленную терминологию можно дополнить приставочными образованиями, по-видимому, вторично сближенными с глаголами *заплескать*, *заплескивать*: др.-рус. *заплескъ* ‘прибрежная полоса, заплескиваемая волнами’ [СлРЯ XI—XVII 5: 268], рус. диал. (костром.) *заплёск*, *заплёсок* [Новичихин 1993: 170], ср.-урал. *заплёсок* ‘низкий берег, заливаемый волнами’ [СРГСУ: 181], перм. *заплёски* ‘то же’ [Полякова 1988], арх. *заплёсок* ‘закрываемая приливом часть берега’ и т. п. материал (подробнее см. в [СРНГ 10: 326]); сюда же укр. (полесск.) *вплесок*, которое, наряду с *плёсо*, *плёсо*, обозначает ‘глухой непроточный рукав реки’ [Никончук 1979: 38] (если только эта последняя форма получена не от *плесо* с суф. *-ок*).

⁴¹ К данным фактам добавляется и новг. *зплес* ‘место, до которого доходит вода во время половодья’ (Новг. р-н) [НОС 3: 59], семантически соответствующее *зпплёск* во многих русских говорах.

⁴² Наряду с топонимией типа *Плиска* есть формально идентичные с ним антропонимы: укр. прозвище *Плиска* в источнике 1767 г., современная фамилия *Плиска*, отмеченная в Ровенской обл. [Шульгач 1998: 215], блр. прозвище *Пліска* [Бирьла 1969: 327], др.-польск. *Pliska* 1411 г. [SSNO IV: 288]. От подобных антропонимов порой образуются географические имена, такие как новг. *Плишкино* дер. Павского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 84]: к прозвищу *Плишка*, отмеченному на Руси в 1425, 1510, 1585 гг. [Вес. Он.: 247]. Все такого рода прозвищные номинации людей мотивированы обозначением птиц, обычно трясогузки, реже — вертишейки, каменки, синицы, яблика, чижа и др.; ср. рус., укр. *пліска*, *плістка*, *бліска*, *плісочка*, *плішка*, блр. *пліска*, *плісіца*, чеш., словац. *pliska*, польск. *pliszka*, *pliska* ‘трясогузка’ и т. п., см. материал: [СРНГ 27: 139, 143; НОС 7: 154; Касьп. ВКС: 244; Фасм. ЭСРЯ III: 283].

город, Псково озеро) лишний раз подчеркивает исконно адъективный характер этих дериватов. Древняя основа (*plbьsk-/plisk-*) могла осложняться не только суфф. *-ov-*, но и вариантным суфф. *-av-* как в ономастике (ср. укр. геогр. *Плискова*), так и в апеллятивной лексике, ср. словен. диал. *pliskavica* ‘трясогузка’ при наличии словен. *pliska* ‘то же’. Что касается фонетического преобразования др.-рус. гидронимической формы **Пльскова* в *Пскова* (равно как документированного др.-рус. варианта ойконима *Пльсковъ* в совр. название Пскова), то оно осуществилось в результате дизрезы *л* между шумными после утраты редуцированной, ср. подобие изменений польск. геогр. *Pszczyna* и новг. *Псижа* (см.). Первоначальный смысл новгородских водных названий *Пскова*, *Псково*, вряд ли выходит за пределы того семантического поля, которое манифестировано диал. гидрографическими терминами *плеск*, *плёска*, *плёска*, *плескó*, а также сходными с ними *плёс*, *плёсо*, *плёса*, *плесяна* и т. п.

Холова л. пр. Мсты, название, часто фигурирующее в материалах XIX—XXI вв. Отмечен также вар. *Халова* в материалах межевания конца XVIII в. и на 3-верстной и 10-верстной картах 2-й пол. XIX в.; в сочинении Герберштейна нач. XVI в. — р. *Calacha* [Герберштейн 2008: 620—621]. Река течет из оз. *Холовец*, или, по [Шан. РЛЮ: 222], — *Холевица*. Писцовые книги 1495 и 1498/99 г. упоминают *Холовский* пог. («В *Холовском* погосте в Лукой») [ПКНЗ 1: 62] и вол. *Холова* в Дер. пят. [ПКНЗ 3: 245], названные по р. *Холова*. В нач. XX в. в Усть-Воленской вол. Кр. у. название *Холова* относилось и к реке, и к нескольким населенным пунктам — двум погостам, селу и мызе [СНМНГ IV: 108—109].

Гидроним находит единственное равноосновное соответствие в названии новгородской же дер. *Холовица* Ужинского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 282] (= пуст. *Хиловичи* Валд. у. у оз. Ужин [ИАДП 1: 276]) и трактуется семантически неоднозначно. Геогр. *Холова* видится архаическим адъективным дериватом с суфф. *-ов(-а)*, соотносительным с праслав. **xoliti*, далее с рус. *хóлить*, развившем разные значения: ‘ухаживать, заботиться’, ‘коротко стричь’, ‘чистить, прибирать’, ‘стегать, драть’ и др. Структурно подобный, но не тождественный апеллятивный дериват хорошо известен в разных славянских языках — это лексема, трактуемая как «производное с суфф. *-ovъ, -ova* (первоначал. прилаг.) от гл. **xoliti*» и реконструированная в виде **xol'evъ/*xol'eva*; ее продолжают, например, сербохорв. диал. *hóljeva* ‘род чулка’, в.-луж. *kholowa* ‘штанина’, польск. *cholewa* ‘голенище’, рус. диал. *холява* ‘сапожное голенище’, ‘широкий и короткий рукав, шланг’, пск., твер. *халявый* ‘вялый, безжизненный’, арх. ‘неопрятный’, волог. ‘худой’ [ЭССЯ 8: 59—60], сюда еще новг. *халява* ‘развязный человек’, ‘дерзкий, крикливый человек’ [НОС 12: 6]⁴³. Подобные суффиксальные образования знакомы и сфере гидронимии, ср. рр. *Халява* и *Холявка* басс. Оки [Смол. ГБО: 114, 219], однако назва-

⁴³ В новг. *халёвый* ‘полученный даром’, *халёвица* ‘приобретение без труда и затрат; даровщина’ [НОС 12: 6] предполагается скорее отражение корня с праславянским продолжением гласного (**xal-*), ср. арх. *халь* ‘не заработанные деньги, а полученные по наследству или случайно’ [КСРНГ].

ние новгородский р. *Холова* отлично от поочских гидронимов, как и от праформы **hol'eva*, отсутствием мягкости согласной *l*. Форма *Холевица* как название озера, из которого течет р. *Холова*, дана только в гидронимическом собрании Д. Ф. Шанько, содержащем много ошибочных написаний; она не подтверждается иными материалами (в отличие от известного названия *Холовец* этого озера) и скорее является неточной передачей вар. **Холовица* (от *Холова*). Новгородский гидроним предпочтительнее считать древним образованием на *-ов(-а)* не от глагола **holiti*, а от корня **hol-*. Иными производными от этого корня являются: общерус. *хólка* (к праслав. **holьka*), с которым легко сравнить название *Холка* двух рр. в бассейнах Оки и Дона, укр. (херсонск.) *хóла* 'карча на дне Днепра' [Даль ТСЖВЯ 4: 558], перм. *хóлуй* 'нанос разного сору весенней водою' [Опыт: 249], вят. 'сор, дрязг, нанос от разлива', твер. *халу́й* 'отруби и месятка для скота', возможно, пск. *халу́й, халуя́н* 'гриб валу́й' [Даль ТСЖВЯ 4: 541] с прочими соответствиями в зап.-слав. языках (к праслав. **holujь*, см. [ЭССЯ 8: 65, 66]). Аpellлятивы, равнозначные перм., вят. *хóлуй*, отложились в названиях новгородских оз. *Холуй* басс. Мсты со стоком в р. Уверь (Бор. р-н), оз. *Холуко* в Приладожье со стоком в р. Воронежка (= *Холуйко*), пск. р. *Холуйца* в верховьях Западной Двины, р. *Холуй* в Гайнском р-не Пермского края, дер. *Холуй* в Вожегодском р-не Вологодской обл., села *Холуй* в Ивановской обл. Только топонимическими образованиями от корня **hol-*, наряду с *Холова*, выступают *Холынья, Холынь, Холунь* и т. п. (см.), сомнительно отнесение сюда *Холсково* оз. в Приладожье со стоком в р. Назия⁴⁴. Похоже, что основная доля такого типа названий приходится именно на территорию исторической Новгородской земли.

Рассмотрение совокупности геогр. *Холова, Холынья, Холынь, Холуня, Холуница, Холуха, Холуй, Холуко, Холка*, апел. *холуй, халу́й, холка* позволяет конкретизировать особенности их деривации. Обращает на себя внимание определенное сходство структуры, которое может быть связано с отражением древнего лабиального элемента. В порядке предварительной гипотезы допустимо предположить, что все эти лексемы сохраняют рефлексы основообразующей гласной некоего праславянского имени типа **holi-*.

Для прочих новгородских гидронимов на *-ова* ограничусь более краткими комментариями. Название р. *Соковая*, п. пр. Веряжи под Новгородом, продолжает средневековую форму *Сокова*, иначе *Сыкова* (появление «ы» обязано предупредительной редукции гласной *о*), нередко встречающуюся в документации конца XV — 1-й пол. XVI в.: указываются пожни «на *Сыкове*», «за *Сыковой*», «за *Сыковойю*» [ПKNЗ 1: 311, 318, 331, 333, 343, 354, 355, 359], приречная дер. *На Сыковѣ* 1498 г., позднее названная *Сыково*, 1551 г. [НПК IV: 9; V: 319]. В материалах Ген. меж. конца XVIII в. есть указание на сц. *Большие Соки* близ пожни *Малые Соки* на р. *Соковой* близко впадения ее в Веряжу [Андрияшев 1914: 13], отражающее де-

⁴⁴ Для *Холсково* вероятно сближение с прибалтийско-финскими аpellлятивами, ср. фин. *hauska* 'веселый; приятный'.

ривацию гидронима от апел. *сокъ* ‘жидкость’ (общерус. *сок*, диал. *сок*, *сока́* ‘жидкость, стекшая с навоза’, ‘раствор дубильных веществ’ и др.) или *сока́* ‘осока’; ср. еще *Соковик* болото в Дрисском у. Витебской губ. [Vasm. WRG IV: 325]. **Лякова**, иначе *Ляковка*, л. пр. Яймли, п. пр. Холовы, л. пр. Мсты (и при ней дер. *Лякова* Ручьевск. Кр., отождествляемая с дер. *Лакова* 1495 г. в Ручьевском пог. Дер. пят. [НПК II: 389]) соотносится с корнем *ляк-* (< праслав. **lęk-* ‘гнуть, сгибать’ и ‘бояться, пугаться’). Среди многих лексем этого корня имеются похожие дериваты с вариантным суф. *-av-*: рус. диал. *лекавенький* ‘маленький, едва заметный’ (Иркут.), сербохорв. *лекав* ‘кривой, перекошенный на ту или иную сторону’, чеш. *lekavý* ‘боязливый, робкий’, словац. *l'akavý, lekavý* ‘то же’ [ЭССЯ 15: 61]. **Мокова** л. пр. Чагоды, по-видимому, является старым образованием с корнем *ток-* (: *мокнуть*, *мокры́й*)⁴⁵. Поверяются живой диалектной лексикой гидронимы **Макова**, или *Маковка*, р. в оз. Ильмень (ср. *маковый*, *мак*), **Конова** п. пр. Березны, п. пр. Поломети, п. пр. Полю (ср. диал. *кон* ‘предел’, ‘межа, граница’, *коновая межа* ‘пограничная межа’, *коновые камни* ‘камни на границе участков’ [СРНГ 14: 242, 262]), **Пестова** п. пр. Питьбы, л. пр. Волхова (от новг. *пест* ‘хвош’).

Вероятно, адъективный суффиксальный исход *-ова* в рассмотренных речных названиях, прикрепленных к центральным местностям Новгородской земли, закрепился как гидронимический формант. Почти во всех этих названиях ударение падает на последний слог (*-ова́*), в чем можно усмотреть формальное обособление деривационного средства. Показательно распространение исхода *-ова* по аналогии, особенно использование его при адаптации неславянских гидронимов; см. **Андалова** л. пр. Оредежа, п. пр. Луги [Шан. РЛЮ: 182], произведенное от прежней приб.-фин. формы на *-la*, или **Суйдова** оз. у побережья Финского залива при наличии р. *Суйда* басс. Луги. Вместе с тем в гидронимах *Обнова*, или *Овнова*, *Тобова*, *Тесова* конечный элемент *-ова* скорее появился в результате адаптации неславянских суффиксов (например, балт. *-ava*, *-uva*).

Есть топонимы, в которых концовка *-ова* бесспорно принадлежит апеллятивам-мотиваторам; таковы, в частности, геогр. **Дуброва**, рассеянное чуть ли не в сотне мест Новгородской земли (см. [НПК. Указ. ГН, 129]), соотносимое с диал. *дубрѡва*, *дубра́ва*, обозначающих разные типы леса, травы, покосов и др. [СРНГ 8: 240—241], геогр. **Голова** оз. (: пск. *голова́* ‘мель’, ‘запруда’ и др.). Подробнее хочется остановиться на архаической адъективной структуре с суф. *-ов(-а)*, образованной от «мягкой» основы *озер’-* (: *озеро*); ее показывает тополексема *Озерева*, находящая немало проявлений на исторической новгородской территории. Таковы: геогр. **Озерева** сц. «на рѣчкѣ на *Озеревѣ* и съ тѣмъ, что припущена деревня Товаришова къ селцу къ *Озеревѣ*» Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 468, 469] (= *Большая Озерова* дер. на р. *Озеровка*, л. пр. Плюссы, в нач. XX в. [Андрияшев 1914: 115], = *Большое Озерёво* и *Малое Озерёво*, дер. на рч. *Озерёвка*, иначе *Озаровка*, л. пр. Плюссы, Гд. р-н); **Озерева**, или *Озерево*, сц. близ р. Дряж-

⁴⁵ По [Шан. РЛЮ: 446] — это р. *Монова* (видимо, графическая неточность).

на в Быстреевском пог. Шел. пят. 1550/51 и 1571 гг. [НПК V: 485; ПКНЗ 6: 63] (= совр. *Озерёво* дер. у р. Дряжки в Сиковицкой вол. Стр-Кр.); **Озерева** дер. Жабенского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 619] (= *Озеревое* пуст. в Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 163], *Озеревое*, иначе *Озеры*, дер. у оз. Гранично Жабенской вол. Валд. у. нач. XX в. [СНМНГ V: 34], сегодня — *Озерёво* дер. неподалеку от Фирова, р. ц. Твер. обл.); **Озерева** дер. в Богородицком пог. на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 853, 854] (= *Озеревое* дер. Десято-Пятницкой вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 30], сегодня — *Озерёво* дер. Волокск. Бор.); **Озерева** дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. под 1669, 1678, 1718, 1788 гг., но *Озеревие* около 1500 г., *Озеревье* в 1539/40 и 1582 гг., *Озеревое* в 1568 г., *Озеревы* в 1646, 1709 и 1748 гг. [Селин 2003: 180], сегодня — *Озерёво* дер. Батецк. Бат.; **Озерёва** дер. под 1524 г., или *Озерева* под 1576 г. в Смоленском пог. Шел. пят. [НПК V: 382, 652, 654]; **Езерева** вол. («въ волости въ *Езереве*») на р. Чагодоше в Егорьевском пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1071]. Не найдены средневековые сведения о названии дер. **Озеревое** Бокс. р-на (= дер. *Озеревое*, или *Озерский*, при оз. *Озеровое* в Тихв. у. конца XIX в. [Vasm. WRG III: 465]), равно как о пск. дер. *Озеревое* немного восточнее Пскова, но безусловно и они тоже продолжают раннюю форму геогр. **Озерева* жен. р. Не находящее точной локализации новг. геогр. **Озеревы** мн. ч. фиксируют (в форме «*Озеревахъ*» Мест. мн.) новг. бер. гр. № 516 и № 509, датированные 50—70-ми гг. XX в. [Зализняк 2004: 360—362]⁴⁶. К тополексема *Озерева* отсылают далее производные: геогр. **Озеревко** оз. в пог. Воскресенском Осечна, **Озеревко** оз. в пог. Егорьевском Млево Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 94, 318], **Озеревичи** дер. и оз. в Бологовском пог. Дер. пят. 1495 и 1550/51 гг. [НПК I: 105; II: 87; ПКНЗ 5: 242—244, 247, 248, 254], оно же *Озеровичи* оз. [НПК I: 117, 279, 832; ПКНЗ 4: 108] (= совр. *Озеревичи* дер. Березайск. Болог. на берегу оз. Боруи), **Озеревичи** нива в Никольском пог. в Шереховичах Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 905], **Озеревки** оз. со стоком в оз. Бологое басс. Мсты Болог. р-н), **Озеревец** пр. Чагоды (соединен с Тихвинским каналом) [Шан. РЛЮ: 459], **Лопатинская Озерёвка** и рядом **Исаихская Озерёвка** — пара озер басс. Чагоды у дер. Лопатино и Исаиха Песск. Хв.

Тополексема *Озерева* являет собой онимизированный апел. *озерева*, который в средневековье был повсеместно хорошо известен говорам Новгородской и Псковской земель, судя по многочисленным его проявлениям в топонимии региона, почерпнутой в основном из писцовых книг и берестяных грамот. Нет оснований сомневаться в грамматическом статусе геогр. *Озерева* (или Им. ед. жен. р., или Им. мн. ср. р., см. [Зализняк 2004: 361]), равно как приписывать ему значение собирательности, ставя в один ряд с этнонимами типа *моравы*, *мордва*, *литва*, *черемись* и т. п. [Крысько 2007: 117]. Изначально это был новг.-пск. диал. географический термин жен. р., появившийся в результате субстантивации прилагательного

⁴⁶ Сел. *Озеревы* находилось где-то в верховьях Пола, вероятно, на территории средневековой Молвотицкой волости, судя по тому, что в новг. гр. № 516 (долговая запись с именем Бояна) оно перечисляется вместе с названиями сел *Молвотицы* и *Велимичи*.

с суф. *-ов-*, близкими соответствиями которого являются пск. *озерáва* ‘озерцо в болоте’ (Палкинский р-н) [КПОС], твер. *озёрвина* ‘окно в болоте’ (Оленинский р-н) [ТвК], смол. ‘глубокое топкое место’ [Добровольский 1914: 526] (из **озёрвина* или **озёрвина*), укр. диал. *озерявина* ‘высохшее озеро’ [Марусенко 1968: 239; Jurkowski 1971: 63], твер. *зирява* ‘болотце от весенних вод, пересыхающее летом’ (Вышн. у., 1907 г.) [СРНГ 11: 284] (< **озерява*). Древняя тополексема *Озерева* со временем морфологически переоформилась по продуктивной модели на *-ево/-ово*, что показывают все совр. проявления геогр. *Озерёво*; в свою очередь, изложенная совр. терминология с суф. *-’ав-/-ав-* раскрывает конкретно-топографическое «озерное» значение средневекового апеллятивного коррелята. Новг. *Озерева* отмечало места у озера и скорее места возле пересыхающих или периодически исчезающих (карстовых) озер, наряду с названиями пожни *Озеряево* в пог. Михайловском в Тростных + поч. в пог. Никольский Рай + поч. в пог. Михайловском в Костве Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 188, 361, 389], совр. дер. *Озеряево* Вышн. р-на (Дятловский СО) и оз. *Зиряево*, стекающего в р. Радунка басс. Мсты, которые были преобразованы по модели *-ово/-ево* из равнозначного термина **озерява*. Как живой географический термин новг. *озерева* не встречено, однако его основу показывает новг. *озеревік* ‘хозяин озера, водяной’ (Боров.) [СРНГ 23: 90].

Любопытны регулярные случаи отпадения начальной гласной в «озерной» топонимии и терминологии: *Зиряево* наряду с *Озеряево*, *зирява* наряду с *озеряв(-ина)*⁴⁷, сюда еще новг. *Зорешня* (из *Озеречня*, см.), *Зернино* оз. в пойме Ильменя (из **Озернино*, ср. *озёрн(-ый)*) или выт. *озерніна* ‘трава, растущая по берегам озер’ [СРГК 4: 165]), орл. *зеріна* ‘лужа’ [СОГ 4: 112] при наличии твер. *озеріна* ‘заросшее травой озеро’, *озёрина* ‘яма, место с открытой водой на болоте’ [Селигер 4: 225]. То же нередко наблюдается и за пределами новгородских пятин, судя по названиям р. *Зерна* (вар. *Озерна*) среди притоков Москвы, р. *Зерна* рядом с р. *Озерна* среди притоков Зуши, рр. *Зерина*, *Зеренка*, *Зерновка* в Поочье [Смол. ГБО: 46, 54, 104, 202, 216] (последние, вероятно, из **Озерина*, **Озеренка*, **Озерновка*), *Зерня* (вар. *Озерня*) п. пр. Прони в басс. Сожа, р. *Зерская* п. пр. Нерусы в басс. Десны, р. *Зерна* п. пр. Пильвы в басс. Камы, рр. *Зерешня* пр. Днепра в окрестностях Дорогобужа + п. пр. Стряны, пр. Десны в окрестностях Ельни и Рославля на Смоленщине [Vasm. WRG I: 87; III: 467] (< **Озерская*, **Озерна*, **Озерешня*). Данное явление имеет древние, балто-славянские, истоки, поскольку оно отражено также в гидронимии и терминологии балтов; ср. ятв. *ziro* ‘озеро’, лит. геогр. *Zarasas*, *Zarasai* (= польск. *Jeziorosy*), см. [Аникин 1998: 341; Топоров ПЯ 1: 132]. Приведенные факты надежно подкрепляют мнение А. И. Соболевского, возводившего название оз. *Зеруто* в Витебской губ. к форме **Ozeroto* (по Фасмеру, это «остроумно, но не достоверно» [Фасм. ЭСРЯ II: 96]).

⁴⁷ Автор словаря народной географической терминологии Э. М. Мурзаев, не замечая факта отпадения начальной гласной *о*, сравнивает твер. *зирява* с *зирок* ‘зрачок’, *зирять* ‘смотреть’ [Мурз. СНГТ 1: 229].

В завершение стоит указать на заметный тип речных названий на *-ова/-ева*, образованных от личных имен и прозвищ (*Старцова, Хомутова, Хвалитова, Филатова, Жданова, Баранова, Маслова, Жукова, Чилинкова, Харатьева* и др.). В деривационном отношении они очевидные посессивные адъективы, хронологически поздние, судя по тому, что почти всегда связаны с живыми, употребительными именами и обозначениями людей. Они перекликаются со значительно более многочисленными деантропонимными названиями ручьев на *-ов, -ев*, озер и особенно деревень на *-ово/-ево*⁴⁸.

НАЗВАНИЯ НА *-ичи/-ицы* ОТ КАТОЙКОНИМОВ

От ойконимов на *-ичи/-ицы*, восходящих к личным патронимическим наименованиям поселенцев по своему предку или владельцу, отличен омонимичный тип названий, связанных с нарицательными обозначениями жителей по месту проживания. Данный тип, явно развившийся из патронимического типа, составляют названия, сравнительно старые и многочисленные на раннеславянских землях [Никонов 1968: 198; Купчинский 1981: 46—47, 92—96; Tazyski 1936]. Относящиеся сюда ойконимы вряд ли целесообразно обозначать, вслед за В. А. Никоновым [1968: 198], термином «топографичные», поскольку данное определение позволяет смешивать их с собственно топографичными, скажем, с геогр. *Боровое, Миага, Дрегли* и т. п. Существенная же особенность рассматриваемых названий в том, что они по происхождению являются закрепленными в топонимической функции наименованиями людей (первопоселенцев или жителей) во мн. ч. На мой взгляд, целесообразнее пользоваться термином «декатойконимные названия» на *-ичи/-ицы*, понимая утвердившийся в ономастической литературе термин «катойконим» максимально широко: это не только обозначение жителей по уже состоявшемуся географическому имени собственному — названию селения, в котором они живут, но и обозначение первопоселенцев по апеллятиву, характеризующему некий ландшафтный признак места жительства⁴⁹. В сущности, такой апеллятив, раскрывающий характерный, отличительный («топонимический») признак ландшафта и использованный при номинации первопоселенцев, уже и есть имя собственное, географическое название, которое получено путем простой онимизации географического термина, но еще не стало устойчивым топонимическим фактом, см. [Васильев 1994; 1998: 73—78].

⁴⁸ Флексии посессивных ойконимов с суф. *-ов/-ев-* (а также *-ин-*) не были стабильными: если в писцовых документах XV—XVI вв. обычно наблюдается *-ово, -ево* (*Быково, Давыдово, Кузнецово, Сорokino*), то в материалах Ген. меж. конца XVIII в. обычно прослеживается *-ова, -ева* (*Быкова, Давыдова, Кузнецова, Сорokина*); лишь к нач. XX в. ойконимы окончательно унифицировались по ср. р.

⁴⁹ Изложенное понимание катойконима расширяет его дефиницию, кодифицированную Словарем русской ономастической терминологии Н. В. Подольской [1988: 64]: «Катойконим — нарицательное наименование жителей по названию места жительства (оттопонимное образование)».

В целом об архаическом характере декатойконимной топонимии на *-ичи/-ицы*, локализуемой в регионе Новгородской земли, свидетельствует тот факт, что большинство новгородских топонимов данного типа указано писцовой документацией конца XV—XVI в.; что касается сохранившихся до нашего времени топонимов, то они прослеживаются обычно и по НПК.

Для древнерусской эпохи словообразовательная категория катойконимии имела регулярный и всеохватный характер. При создании оттопонимных нарицательных наименований (обозначений) жителей, равным образом и этнонимов, преимущественно использовались три суффикса: *-'ан-*, *-ьц-*, *-ич-*; причем форма мн. ч. таких наименований, наиболее активно проявлявшаяся в речи, решительно преобладает в древнерусской и старорусской документации. Указанные суффиксы находились между собой в отношении дополнительного распределения, подчиняясь определенным морфологическим правилам дистрибуции. В новгородских летописях, описывающих события средневекового Новгорода, устойчиво воспроизводятся катойконимы на *-'ане*, например: *славяне* — жители Славенского конца, *неревляне* — жители Неревского конца, *уличане* и *коньчане* («*концяне*»), обозначавшие население новгородских концов и улиц, *софьяне*, обозначавшие жителей Софийской стороны; катойконимы на *-ьци*: *загородьци*, *людиньци* — население Загородского и Людина концов, *витковьци* — жители Витковой улицы, *лубяньци* — жители улицы Лубяницы и др.; катойконимы на *-ичи*: *ониполовичи* («*ониполовицы*») — жители Онпола, Торговой стороны Новгорода, *лукиниччи* — жители Лукиной улицы и др. Изредка наблюдается конкуренция синонимических суффиксов при общей основе исходного названия; так, жители Лукиной улицы именуется не только «*лукиниччи*», но и «*лукинчи*», см. [НПЛ: 38, 228]. Население Новгорода всегда именовалось *новъгородьци* (> *новгородцы*), но встречалось, очевидно, среди неновгородцев, и *новъгорожане*; ср. указание на «лоуцьшаго *новъгорожанина*» в бер. гр. № 246 сер. 20-х — сер. 50-х гг. XI в. смоленско-полоцкого происхождения [Зализняк 2004: 280]. Подобное дублирование было обусловлено лингвогеографическими (как в указанном выше случае) или хронологическими расхождениями форм (ср. раннее *ростовичи*, но позднее *ростовцы* — жители гор. Ростова к северо-востоку от Москвы), но могло быть и следствием смешения созвучных суффиксов *-ичи* (в «цокающем» произношении *-ици*) и *-ьци*, см. характерный пример: *новъгородьци*, но рядом единичное *новгородици* («Изгнаша *новгородици* князя Ярослава въ 26 марта» [НПЛ: 29]).

В конструкции трех типовых моделей древненовгородских катойконимов в рассматриваемом случае преимущественно интересны обозначения жителей мн. ч. на *-ичи*, поскольку на исследуемой территории именно они получали нередкое закрепление в названиях на *-ичи/-ицы*. Нужно отметить, что суф. *-ич-* в катойконимической функции онтологически вторичен, в отличие, скажем, от суф. *-'ан-* (ед. ч. *-'ан-инъ*), который исконно и стабильно характеризовал катойконимы, присоединяясь к основам географических названий. Первичная функция суф. *-ич-* заключалась в выражении кровного, потомственного родства. «Прорыв» этого deriva-

ционного элемента в сферу катойконимии, тесно пересекающуюся с топонимией, в общем плане допустимо квалифицировать как «давление» антропонимической системы языка, занимающей центральное место в ономастической иерархии, на отдельные участки топонимической системы. Семантически этот функциональный «прорыв» суффикса был обеспечен признаками происхождения человека: суф. *-ич-* как элемент, манифестировавший происхождение, начал выражать отношение человека не только к своему роду, но и к своей родине — месту жительства или заселения. Ко времени появления старейших памятников письменности катойконимы на *-ичи* образовывались, в частности на новгородской территории, достаточно регулярно. Особенно активно они производились от топонимов, имевших основы на адъективные суф. *-ов-/-ев-* (ср. летописные обозначения *ростовичи*, *пльсковичи*, *рѣжевичи*, *порховичи* применительно к жителям городов *Ростова*, *Пскова*, *Пустой Ржевы*, *Порхова* или извлекаемое из новг. бер. гр. № 361 *братиловичи* — жители села и волости *Братиловичи*, или *Братиово*); на тематический формант *-ов-*, проявляющийся в кругу существительных **-i-*склонения (ср. *ониполовичи* — жители *Онпола*, *боровичи*, соотносимое с геогр. *Бор*, апел. *борь*, подр. см. ниже). Несколько реже древненовгородская письменность фиксирует катойконимы на базе топонимов с основами на сонорные, например, *пищаничи* — обитатели местности по р. *Пищане* [НПЛ: 131, 530], *дороганичи* («*дороганицы*») — жители дер. *Дорогани*, из бер. гр. № 550 сер. 60-х — сер. 90-х гг. XII в., *озеричи* («*озерици*») — жители дер. *Озера*, из бер. гр. № 53 10-х — сер. 90-х гг. XIV в., *заозеричи* — обитатели *Заозерья*, показанное текстом Свинцовой грамоты конца XI — 1-й трети XII в. (ср. в ней: «*заожеричь* отрокъ»), *гъбьничи* — жители сел. *Гъбно*, из бер. гр. № 900, XII в.; материал по [Зализняк 2004: 401, 540, 261, 286]. Соответствующие оттопонимные обозначения жителей или поселенцев были достаточно функциональны у западных славян, обнаруживаясь в письменности с 1-й пол. XII в.: *Zagorzycy*, *Podgorzycy*, *Białowieżycy*, *laskovicy*, *brzezicy* и др. [Sławski ZSP II: 56—57]. Катойконимии на *-ичи* соответствует немалое количество сходных этнонимов на *-ичи*, которые тоже включают мотивировочный признак места проживания, а не родства. Таковы наименования вост.-слав. племени *дреговичи* ‘болотные люди’ (к *дрегва* ‘болото’), зап.-слав. *ободричи*, *бодричи* ‘живущие по берегам Одры’, др.-чеш. *литомержицы*, повторяющее ойконим *Литомержице* (о последнем [Агеева 1990: 37]) и др.

По сути дела, при производстве катойконимов на *-ичи* действуют те же правила дистрибуции суффикса, которые имеют место при создании патронимов. Специфические различия наблюдаются только при деривации формы ед. ч.: если патронимы ед. ч. имели исход на *-ичь* (< **-itjь*) (*Вомиричь*, *Сыповичь*, *Лукиничь*), то катойконимы, судя по малочисленным сведениям письменных источников XV—XVII вв., могли развивать дополнительный сингулятивный суффикс *-инь*, присоединявшийся к нейотированному суф. **-it-*. Имеются устаревшие ныне формы катойконимов ед. ч. *псковитин*, *москвитин*, *костромитин*, *тверитин*, *ржевитин*, соотносимые с плюральными формами *псковичи*, *москвичи*, *костромичи*, *тверичи*,

*ржевичи*⁵⁰, или такие менее известные обозначения лиц, извлеченные из писцовых книг Беж. пят. [ПКНЗ 1: 235, 344], как *рядовитин* ‘житель рядка, торгово-ремесленного села’ («Тимох Иванов, хололовской *рядовитин*»), *луховитин* («Марко Павлов сын, *луховитин*») — человек, переселенный в Бежецкую пятину либо с берегов р. *Лух* (вол. *Лух*), либо из села *Луховицы*, расположенного к юго-востоку от Москвы⁵¹. Среди катойконимов с суф. *-ич-* главными, производящими являлись формы мн. ч., тогда как в равносуффиксальной патронимии ведущими были формы ед. ч. Дефицит конкретного материала не позволяет, впрочем, уточнить, насколько регулярными являлись сингулятивы на *-итинь*, прежде всего для раннедревнерусского времени, характеризовал ли суффикс единичности *-инь* весь объем катойконимов изучаемого типа либо только часть их.

В поздние периоды развития языка фактическая база словообразовательной категории катойконимии сужалась. Современные лексические факты от новгородской территории явно свидетельствуют о таком сужении. В настоящее время жители новгородских селений используют применительно к обозначению самих себя или жителей соседних пунктов нейтральные формы прилагательных, не охарактеризованные специализированными морфологическими показателями. Говорят: *каменские*, *лосытинские*, *ратчинские*, *сущевские*, *боровские*, имея в виду жителей деревень *Каменка*, *Лосытино*, *Ратча*, *Сущево*, *Бор*⁵². Специализированные катойконимы, аналогичные древнеписьменным *колбиньць* (по новг. бер. гр. № 389: «Олекса *Колбинць*») — уроженец дер. *Колбино*) или *избоищанинь* (по новг. бер. гр. № 307: «хрѣстьянѣ *избоищаньѣ*») [Зализняк 2004: 539, 678], при использовании для номинации жителей современных новгородских деревень, скажем, *Колбино*, *Избоищи*⁵³, были бы восприняты сегодня как сугубые архаизмы. В настоящее время только по отношению к крупным населенным пунктам (городам, поселкам) существуют специализированные катойконимические обозначения (гор. *Валдай* — *валдайцы*, пос. *Любытино* — *любытинцы*, гор. *Старая Русса* — *старорусцы* или *рушане* и др.), но и они скорее характерны для книжных стилей языка, нежели для разговорно-диалектной речи. Редуцировались сами средства выражения катойконимичности, причем в суффиксальной триаде обозначений

⁵⁰ Катойконимы на *-итин* ед. ч. с течением времени были вытеснены современными формами *пскович*, *москвич*, *костромич*, *тверич*, *ржевич*; эти последние были извлечены из плюральных форм в результате обобщения основы мн. ч. по всей парадигме словоизменения.

⁵¹ В связи с *луховитин* можно вспомнить о политике переселений, проводимой на рубеже XV—XVI столетий, благодаря которой многие крестьяне и помещики из Подмоскovie оказались на новгородских землях.

⁵² Речь не идет в данном случае о современных нестандартных и экспрессивных наименованиях жителей. Эти группы составляют, как правило, катойконимы особой деривации (типа *шерёхи* — жители села *Шереховичи* Люб.) либо нередко обнаруживаемые коллективные прозвища, такие как *горшаны*, *горшечники*, относящиеся к жителям пос. Демьянск [НОС 2: 50]. Такого рода экспрессивы часто не имеют деривационной связи с топонимами.

⁵³ Кстати говоря, дер. *Избоищи* до недавнего времени действительно сохранялась: она стояла на р. Мсте в Перелучской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 98—99].

на -'ане, -ьци, -ичи именно последние оказались слабым звеном и существенно сократили свое функционирование. Они постепенно вытеснялись более продуктивными образованиями с простым суф. -ц- (< -ьц-) и с новым сложным суф. -чан-/овчан-, -итян-; ср. хотя бы раннее *ростовичи*, но затем *ростовцы*, *ростовчане*, исконное *холмичи*, но позднее также *холмовчане*, *холмитяне* 'жители гор. Холм' (правда, *холмитяне*, употребительное в XIX в., сейчас уже устарело). В современном русском языке новые катойконимические дериваты на -ичи не представлены, имеются лишь образования, возникшие в древнерусский и старорусский периоды [Лучик 1986: 143]. Функциональное сужение суф. -ич- как бы подтвердило со временем изначальную его вторичность при выражении катойконимического значения. По-видимому, свою роль сыграли при этом и социолингвистические ограничения на использование отчеств: действовавшее в старорусский период право «писаться с *вичем*» косвенным образом могло затронуть сферу омонимичной катойконимии.

Судя по новгородской письменности, в ранний древнерусский период наименования коллективов людей (катойконимы и этнонимы) и топонимические наименования тех мест, на которых эти коллективы проживали, в процессе языкового функционирования порой взаимозаменялись и пересекались. Установить подлинный, с одной стороны, катойконимический или этнонимический, а с другой стороны — топонимический, статус наименования бывает затруднительно даже при наличии контекста. Такая «ономастически слабая» позиция представлена, в частности, формами местного падежа с предлогами *въ*, *на* или даже беспредложного. Онимическая семантика иногда синкретична и слабо различима настолько, что затрудняет адекватный перевод фразы. Показательна в этом смысле бер. гр. № 10 из Старой Руссы (стратиграфическая дата — XII в.), приведу ее фрагмент: «Въ волости твоеи толико вода пити в *Городищяньх*. А рушань скорбу про городищяне». Форма «в *Городищяньх*» в переводе А. А. Зализняка [2004: 447] дана как топоним: 'В Городище, твоём владении, только воду пить (т. е. есть уже нечего). А рушане (жители Русы) скорбят о городищанах'. Однако иной перевод этой фразы, подчеркивающий катойконимический статус выделенной лексемы, тоже вполне допустим: 'Во владении твоём, у *городищан*, только воду пить'. Другой пример функционального пересечения смежных онимических категорий дает новгородская летопись, см. фрагмент: «Новгородьцы угонивше Литву *въ Ходыницихъ*, избиша съ князьмъ Володимиром и с посадникомъ Твърдиславомъ», 1200 г. (по Ком. сп.: «в *Ходыниѣхъ*») [НПЛ: 51, 249]. Здесь, по всей вероятности, так же, как в предыдущем случае, локатив «*въ Ходыницихъ*» представлен катойконимом мн. ч. муж. р. *ходыничичи* — обозначением жителей села или волости *Ходыни* на Ловати (см.), которое вместе с тем использовано в роли собственно топонимического знака — названия места, где новгородцы догнали и разбили литовцев.

Далее остановлюсь подробнее на трактовках отдельных декатойконимных названий, издревле известных и значимых на новгородской территории. Не все из них объясняются вполне надежно, некоторые допускают смешение с топонимами, произведенными от патронимов или апеллятивов с неличным значением.

Боровичи гор., второй по величине в Новг. обл., р. ц. Первые упоминания о данном пункте на берегах р. Мсты относятся к концу XV в. В тот период название *Боровичи* применялось к двум селениям, находившимся на противоположных берегах реки, в Деревской и Бежецкой пятинах. Писцовая книга 1495 г. содержит следующее описание левобережного селения — пог. *Боровичи*, которое относилось к Крупской дворцовой вол. Дер. пят. (наименование вол. *Крупская* — по р. *Крупа*, л. пр. Мсты у южной окраины современных Боровичей): «В *Крупской* же волости на рядех и на погостех люди непашенные. В *Боровичах* на погосте церков Спас Великий, игумен с чернецы, поп Микифор. На погосте ж христьян» (далее перечислены имена погостских жителей) [ПКНЗ 1: 59]. Чаше, однако, *Боровицкий* пог. выступает в качестве территориального наименования при описании ряда деревень и волосток Дер. пят., располагавшихся преимущественно к северо-западу от погоста-центра [НПК I: 515—531, 544, 549; II: 119; ПКНЗ 1: 75], см. также весьма обильный материал по [ПКНЗ 4; 5]. Что касается правобережного села *Боровичи*, или иначе пог. Петровского Борисоглебского в *Боровичах*, то оно являлось центром одноименного погоста-округа в Беж. пят.; в 1-й пол. XVI в. селения этого погоста описаны в книгах своеземческих земель 1526 г. и поместных земель 1539 г. [ПКНЗ 3: 2, 16], в приправочных книгах 1539 и 1551 гг. [ПКНЗ 4: 207; 5: 34, 35, 44] и в книге Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 911—968]. В сер. XVI в. правобережные *Боровичи* описываются не только как центр погоста, но и как ряд (рядок) — торгово-ремесленное село: «Въ *Боровичахъ* на погосте на ряду церковь Петръ святой, да церковь Борисъ и Глѣбъ, да церковь теплая Введение Святыя Богородицы»; среди прочих сведений отмечается, что по старому письму в Боровичах в конце XV в. насчитывался 121 двор [Там же: 911—925]. Летописные упоминания относятся только к 1572 г.: «в *Боровичи*», «изъ *Боровичъ*» [НЛ: 109]. Именно правобережное селение указано «Книгой Большому Чертежу» 1627 г.: «...Пала во Мсту река *Редыля*; а на устье *Редыли* *Боровичи* [КБЧ: 155] (*Редыля* — параллельное название Вельгии, л. пр. Мсты) и многократно в актах Иверского монастыря XVII — нач. XVIII в. [АИСМ: 1, 50, 77, 94, 95, 115, 118, 139, 145, 146 и след.]. Постепенно разрастаясь, близлежащие пункты на берегах Мсты слились в одно большое село (в которое вошел и левобережный рядок на устье рч. Крупы, числившийся по описанию 1496 г. отдельно от *Боровичей* [ПКНЗ 1: 59—60]). По указу Екатерины II крупное торгово-ремесленное село *Боровичи* в 1770 г. преобразовано в город.

Таким образом, к началу московских описаний новгородских земель смежные селения на Мсте, объединенные общим названием *Боровичи*, предстают крупными территориальными центрами; кроме того, они выступают селениями торговцев, ремесленников, а также лоцманов, поскольку возникли в непосредственной близости от скопления опасных порогов, крайне затруднявших проход судов по Мсте. Неизвестно, связано ли хронологически появление этих центров с походом княгини Ольги, устанавливавшей по Мсте в сер. X в. «повосты и дани», но ясно одно: селения (и, надо полагать, само имя *Боровичи*) появились на древнем Мстинском водном пути еще в древнерусское время, задолго до первого упоминания их документами.

Весьма многочисленными оказываются межтерриториальные параллели к названию известного новгородского города на Мсте. Особенно много их сохранилось в писцовой документации конца XV—XVI в., некоторые удалось локализовать по поздним данным. В книгах Дер. пят. конца XV в. отмечены: дер. **Боровичи** Сытинского пог. [НПК II: 486, 487], = дер. **Боровичи** Красностанской вол. Кр. у. нач. XX в. [СНМНГ IV: 52—53] (сегодня — ур. на рч. Сытинка в Новг. р-не на восточном побережье Ильменя); дер. **Боровичи** Деманского пог. [НПК II: 514], = дер. **Боровичи** Филиппогорской вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II: 76—77] (но по совр. данным, — дер. **Боровицы** Дем. р-на к востоку от р. ц. Демянск); дер. **Боровичи** Бологовского пог. [НПК I: 113], = ? ус. **Боровичи** Медведевской вол. Валд. у. нач. XX в. [СНМНГ V: 56—57]; дер. **Боровичи** Сытинского пог. [НПК II: 473, 491], = пуст. **Боровичи** Кр. у. в конце XVIII в. [ИАДП I: 269, 271]. В книге Шел. пят. 1498 г. описывается дер. **Боровичи** дер. в Опоцком пог. [НПК IV: 178], = дер. **Боровичи** в Опокской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 11142] (сегодня — дер. в Демянской вол. Порх. р-на к северу от Порхова при впадении р. Удохи в Шелонь). Кроме того, в Порх. у., но в Горской вол., во 2-й пол. XIX в. значилась дер. **Боровичи** при р. Узе [СНМРИ 34: № 11591]. Не обнаружены более поздние продолжения средневековых дер. **Боровичи** в Каргальском у. в окрестностях Копорья Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 504, 530, 536], дер. **Боровичи** Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 108], дер. **Боровичи** Михайловского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 175, 201], дер. **Боровичи** в Городенском пог. 1495 г. [Там же: 302], дер. **Боровичи** в Тесовской вол. Вод. пят., стоявшей на рр. Черемне и Оредеже, 1568 г. [Селин 2003: 128, табл. 8, 136, табл. 9], дер. **Боровичи** в Михайловском Сакульском пог. Вод. пят. около 1500 г. [ПКВод 12: 44]. В Вод. пят. отмечен «Починок на **Боровичеви**» 1550/51 г., локализуемый на левобережье Волхова где-то в нижнем течении [ПКНЗ 2: 15] (не вполне точная запись «**Боровичеви**» содержит основу рассматриваемой топонимической формы). По материалам 2-й пол. XIX в. в Псковской губ. были три дер., именовавшиеся **Боровичи**, стоявшие неподалеку от Острова, Новоржева и Невеля, дер. **Боровичи** в окрестностях Великих Лук; в Твер. губ. значились дер. **Боровичи** в окрестностях Торжка и дер. **Боровичь** на р. Реня в Вельегонском у. [Vasm. RGN I 3: 495]. Реже ойконим **Боровичи** фиксируется за пределами Русского Северо-Запада, в частности, в Белоруссии были отмечены два села с таким названием в районах Браслава на Витебщине и Наровли в Гомельской обл. [Жучкевич 1974: 32—33], на Украине так именовались слобода в Луцком у. Волынской губ. и пара смежных селений недалеко от гор. Новгород-Северский и Городня Черниговской губ. [Vasm. RGN IV 3: 495].

Название новгородского гор. **Боровичи** осмыслялось по-разному. Е. Н. Поспелов [2000: 58; 2001: 77] возводит его через отчество на *-ич* к прозвищному имени **Боров**; при этом ссылается на имя исторического лица **Борова** Щелепина, дьяка великого князя Василия Третьего, 1510 г. Данное мнение несостоятельно, поскольку не учитывает существенные моменты образования и функционирования ойконимов подобного типа, которые отчетливо свидетельствуют о связи с географическим

термином *бор*, но никоим образом не с личн. *Боров*. Одним из ярких подтверждений связи с *бор* порой служит топонимическая вариантность. Так, в частности, одна из деревень Тесовской вол., называемая в источнике 1568 г. *Боровичами*, проходит под названием *Бор* в более поздней документации (1573—1578, 1584, 1620 гг. и т. п.) [Селин 2003: 128, табл. 8, 136, табл. 9]. С другой стороны, документально известно, что лица по имени *Боров* оставили своим потомкам отчества или фамилии вовсе не *Боровичи*, а *Боровлевы*. Например, потомки дьяка *Борова-Щелепина*, к имени которого апеллирует Е. Н. Поспелов, именовались, судя по источникам, *Боровлевы-Щелепины*; в старорусской письменности отмечены и другие персонажи по фамилии *Боровлев* [Вес. Он.: 46] от *Боров* (аналогично: *Яков > Яковлев, Яковлевич*).

Остальные исследователи соотносят геогр. *Боровичи* с *бор*, но предлагают различные трактовки. В. А. Жучкевич [1974: 32—33] (применительно к белорусскому селу *Боровичи*) ограничивается простой констатацией такой связи. А. И. Попов [1981: 72—73] название новгородского города на Мсте сближает с диал. *боровича* ‘боровая почва’ и *боровица* — обозначением вереска и других боровых растений. Для подтверждения своей версии автор считает существенным то обстоятельство, что коренные жители *Боровичей* произносят это слово с ударением на предпоследнем слоге, а не на последнем, как обычно произносят лица, здесь не жившие и не бывавшие. Отнеся геогр. *Боровичи* к первоначальному наименованию местности по природным признакам, автор пишет о «случайности патронимического оформления», о «влиянии народной этимологии в сторону закрепления окончания *-вичи* как патронимического». Однако сугубо «топографическое» объяснение А. И. Попова встречает серьезные возражения. Нельзя говорить о «случайности патронимического оформления», если, как было показано мною выше, только на ограниченном пространстве центральных уездов Новгородской земли патронимически оформленное геогр. *Боровичи* обнаруживается не менее десятка раз. Случайной скорее является лексическая форма *боровича*, приведенная автором в качестве наиболее авторитетной для трактовки геогр. *Боровичи*: в действительности эта форма выступает всего лишь периферийным «цокающим» (точнее — «чокающим») вариантом этимологически исходного *боровица* в говорах, слабо различающих аффрикаты. Различие по месту ударения, часто характеризующее разные производительные варианты одного названия, в данном случае не имеет решающего значения: не менее (а, пожалуй, более) авторитетным является здесь акцентное выделение последнего слога названия, вошедшее во всеобщий обиход.

Краткое толкование геогр. *Боровичи* дает В. А. Никонов в своем топонимическом словаре. Доверяя деривационной семантике патронимической модели топонимов на *-ичи*, он подразумевает прежде всего обозначение поселенцев в бору, нежели прямое обозначение топографических (*боровых*) реалий: «Формант *-овичи* указывает, что назв. первоначально обозначало не место или селение, а собственно жителей, т. е. значило “лесные”» [Никонов 1966: 61]. Эта теоретическая догадка исследователя, как обнаруживается сейчас, находит отчетливые документальные подкрепления.

Оказывается, для эпохи конца XV в. еще был в ходу специфический катойконим *боровичи*, использовавшийся применительно к населению погоста (рядка) *Боровичи* на Мсте. По крайней мере, именно так квалифицируется соответствующее обозначение в писцовом документе 1496 г., регистрирующем налогообложение жителей Крупской дворцовой волости, к которой относились левобережное сел. *Боровичи* и соседний рядок на устье р. Крупой. Согласно описи, в Крупской вол. «всех дворов семьдесят один, людей в них 70 человек, и те непашенные люди, *боровичи* и на устье реки Крупой старую обжу письменную взяли себе на пособу животине, а давали с ней оброку две гривны. А ныне тем же, *боровичям* и на устье реки Крупой, придана им деревня животине на пастьбу дворцовая Поляна» [ПКНЗ 1: 60]. Здесь речь, разумеется, идет о людях, *боровичах* — жителях пункта *Боровичи*. Документ конца XV в., следовательно, эксплицирует еще сохранявшиеся в ту эпоху живые мотивационные отношения между названием селения и тождественным по форме катойконимом — обозначением жителей этого селения (со временем тождество форм нарушилось: катойконим стал производиться по регулярной суффиксальной модели: *Боровичи* > *боровичане*). Такая ситуация формального, а отчасти функционального тождества ойконим = катойконим, обыкновенная более для древнерусского времени, отсылает к начальной стадии возникновения топонимов, оформленных суф. *-ичи*, характерным собственно для антропонимии. В рассматриваемом конкретном случае письменная фиксация манифестирует необходимое промежуточное звено деривации между термином *бор* и геогр. *Боровичи*. Иными словами, геогр. *Боровичи* по происхождению — это закрепленный в качестве самостоятельного географического названия личный апеллятив мн. ч. *боровичи*, который первоначально обозначал либо поселенцев в *боровой* местности, на *боровых* почвах, либо (что, в сущности, одно и то же) являлся обозначением жителей селения на Мсте по уже устоявшемуся первичному ойкониму, полученному по особенностям ландшафта (типа *Бор*, *Боровое*); это, первичное название под воздействием своего катойконима позднее переоформилось в *Боровичи*.

Обозначение лиц *боровичи* мн. ч., в XV—XVI вв. однозначно соотносимое с геогр. *Боровичи*, а не с исходным геогр. *Бор*, апел. *бор*, коррелировало с формой *боровитин* ед. ч. (будучи в ряду устаревших уже корреляций *псковичи* — *псковитин*, *тверичи* — *тверитин*, *костромичи* — *костромитин*, *москвичи* — *москвитин* и др.). Эта, последняя, форма отражена несколькими топонимами (*Боровитиново* дер. в Замошской переваре Тор. у. 1540 г. [ПКНЗ 4: 656], *Боровитино* дер. близ Гжатска на Смоленщине, *Боровитиха* дер. под Кинешмой) и целым рядом старорусских дворянских фамилий: князь Василий Дмитриевич *Боровитин*-Мещерский, конец XV в.; Дмитрий *Боровитинов*, помещик, 1564 г., Новгород; *Боровитиновы*, XVI—XVII вв., Новгород [Вес. Он.: 46], *Боровитинов* Савва, дьяк Софийского дома, 1689—1704 гг. [АИСМ: 888, 895, 914], *Боровитин* Ивашко по актам Западной России 1511 г. [Мор. СИ.: 23], Первой *Боровитин* в Карачеве под 1636 г. [АЮ: 326]. Помимо новгородской территории, катойконим мн. ч. *боровичи* (ед. ч. — *борович* и

боровитин) зафиксирован в Подмоскowie: так именовали в XVII—XX вв. жителей города *Боровск* между Москвой и Калугой и в целом население *Боровского* у. Калужской губ, см. материалы: [Сл. назв. жит. СССР: 108; Городецкая, Левашов 2003: 55]. Более того, соответствующее обозначение поселенцев или жителей носит по сути дела общеславянский характер, поскольку имело хождение также на западно- и южнославянской территории; ср. польск. *borowicy* — жители села *Borowna* в Южной Малопольше, *Boróviceč* — наименование жителей села в Словении [Sławski ZSP II: 56—57].

Таким образом, признак ландшафта безусловно присутствует в исходно-этимологической семантике новг. геогр. *Боровичи*, однако он не мотивирует непосредственно данное название, как считал А. И. Попов, а преломляется через «человеческий фактор», будучи положенным в основу катойконима *боровичи*. Большое количество географических названий *Боровичи*, зафиксированных и писцовыми книгами, и более поздними источниками, — свидетельство того, что на центральной новгородской территории катойконим *боровичи* — *боровитин* применительно к поселенцам в *бору* (или к жителям сел. *Бор*) являлся повсеместно довольно употребительной лексемой. Можно думать, что даже для эпохи XVI в. данное обозначение жителей не потеряло актуальности, коль скоро оно топонимически преломляется в функционировании по сути дела синхронных вариантов одного названия (см. указанное выше геогр. *Боровичи* с вариантом *Бор*). Реже по новгородским землям проявляются изосемантические катойконимы иного суффиксального оформления: *боровляне* — *боровлянин* или *боровчане* — *боровчанин*. Так, название рч. **Боровлянка**, иначе *Боровчанка*, л. пр. Белки, л. пр. Холыньи, л. пр. Полисти близ Старой Руссы, возможно, было образовано от наименования жителей на -'ане: речка в нач. XX в. протекала через деревни *Белоусов Бор*, *Мало-Васильевский Бор* и *Щетин Бор* Высоцкой вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 30—33], жителей которых могли называть *боровлянами*⁵⁴. С помощью такого же катойконима объясняют название села *Boróvlje* (ранее *Boróvljani*) в Словении: от **Borovl'ane* 'жители села **Borovo*' [Snoj ESSZI: 71—72]. Кстати говоря, наименование *боровлянин* в XVII вв. прилагалось и к жителю гор. *Боровичи* на Мсте (ср. *боровлянин* Степан Дементьев [НТК: 96, 110, 171]⁵⁵, хотя обычно по новгородским таможенным книгам проходит описательное: «из *Борович*»), но это свидетельство лишь того, что в указанный период первоначальный катойконимический смысл геогр. *Боровичи* оказался уже забытым и стало возможной деривация новых катойконимов. Что касается деапеллятивной топонимии типа *Бор*, то она прикреплена к десяткам (если не к сотням) мест на новгородско-псковской территории. Нужно иметь в виду, что мотивировочная конкретика таких названий достаточно разнообразна в силу разнообразия семантики исходного апеллятива: диал. *бор* развило широкий спектр тесно пересе-

⁵⁴ Сегодня три деревни объединились в одну дер. *Большие Боры* Большеборск. Ст.

⁵⁵ Ср. еще производное от данной формы геогр. *Боровляниново* в Белозерье 1556 г. (из Тарханной грамоты Кирило-Белозерскому монастырю) [АИ I: 309].

кающихся ландшафтных значений — от ‘большого хвойного леса’ до ‘неплодородной песчаной почвы’, см. [Толстой 1969: 22—41; Васильев 2001а: 77—94].

Дополнительный свет на историю возникновения геогр. *Боровичи* на Мсте проливает, возможно, сопредельное название *Боровского оз.*, расположенного в 10—12 км восточнее города. Территориальная близость объектов, хотя и не смежных, позволяет предположить, что географические имена *Боровичи* и *Боровское* связаны единством происхождения. Структура лимнонима *Боровское* предполагает осмысление не столько по ландшафту — ‘озеро в бору, боровой местности’ (тогда ожидалось бы скорее *Боровое оз.*), сколько по местоположению вблизи сел. *Бор* или *Боровое* (в поддержку этого стоит заметить, что жителей многочисленных новгородских деревень *Бор* местное население обычно называет *боровскими*). Следовательно, появляются основания считать, что, во-первых, в лимнониме *Боровское* «просвечивает» изначальное название селения на Мсте, которое с конца XV в. стало известно только в преобразованном виде *Боровичи*, и что, во-вторых, это селение было некогда заложено на правом берегу Мсты, ближайшем к соименному озеру.

К сожалению, средневековые источники редко документируют в самостоятельном употреблении (как в случае с геогр. *Боровичи*: личн. *боровичи*) катойконимические наименования (обозначения), предполагаемые в основе омонимичных топонимов. Это, очевидно, обусловлено тем, что такие обозначения обыкновенно являлись узкофункциональными: они использовались среди ограниченного круга людей на локальной микротерритории (самими поселенцами либо их соседями) и, в отличие от патронимов и личных имен, не выполняли функцию жесткой идентификации лица. Поэтому обозначения людей по месту их проживания редко попадали в средневековую письменность (как, впрочем, и в современные диалектологические записи), источники лишь спорадически свидетельствуют об их существовании.

Кневицы пос. и рядом дер. на р. Березенка в Дем. р-не, Кневицкое с/п. В 1909 г. под названием *Кневицы* здесь были известны село, погост и усадьба (мыза) Луженской вол. Дем. у. [СНМНГ II: 36—37]; совр. поселок, через который проходит железная дорога Бологое — Дно, вырос на месте села, а деревня продолжила старый погост. Материалы Ген. меж. 1780-х гг. по Ст-Рус. у. указывают в данной местности дер. *Кневица* [ИАДП I: 262]. Отождествляется с парой соседящих дер. *Пневичи* Семеновского пог. в Вудрицах Дер. пят. 1495 г., принадлежавших Спасскому монастырю со Взвода [НПК I: 789]. Средневековая форма названия отсылает к **ньневичи* — обозначению либо жителей места, именованного когда-то *Пнево* (вообще говоря, *Пнево* — нередкий в НПК ойконим), либо поселенцев у «*пневного*» места, т. е. вблизи рощисты из-под леса (ср. сев.-рус. *пеньё* ‘расчищенное в лесу, выкорчеванное место’ [Даль ТСЖВЯ 3: 29]). Среди межтерриториальных параллелей и эквивалентов обнаруживаются геогр. *Пневичи* и *Пневица*, две дер. и местность в сопредельной средневековой Торопецкой земле [ПKNЗ 4: 627, 636, 677], чешский ойконим *Pňovice*, прикрепленный к трем селе-

ниям [Prof. MJ III: 385; Svoboda, Šmilauer 1960: 255]⁵⁶, польск. *Pniewu*, дважды [Rospond 1984: 295]⁵⁷.

Что касается суффиксальных элементов *-ичи* и *-ицы* в формах *Пневичи* и *Кневичи*, то они взаимосвязаны: в частности мена *-ичи* на *-ицы* — это вполне регулярный процесс, связанный с диалектным «цоканьем», наблюдаемый на примере и других ойконимов подобной структуры (ср., например, *Боровичи*, изменившееся в *Боровицы*, выше). Труднее объяснить различие основ *Пнев-* и *Кнев-*, которое, на первый взгляд, выглядит случайным. Но скорее всего здесь нет случайности и мы встречаемся с двумя издревле бытовавшими вариантами основы, восходящими к этимологически разным, но семантически тождественным апеллятивам. В старопольском языке отмечают апел. *kień*, Род. ед. *knia*, со значением ‘пень, колода’, его возводят к праслав. **кънь* или **кънь* [ЭССЯ 13: 205]. Такое слово знали не только лехиты, но и древние восточные славяне, коль скоро у русских записано диал. *кнея* (производное от **кънь*) со значением ‘сплошной кустарник, лесок’ [Даль ТСЖВЯ 2: 312—313], которое явно пересекается со значением ‘пень, колода’, и особенно *кница* ‘пень, лежащий на дне реки’ [Маштаков 1931: 47], ‘кокора, копань, часть пня с толстым корнем или суком’ [Даль ТСЖВЯ 2: 125]. О существовании лексических продолжений праслав. **кънь* в регионе Новгородской земли свидетельствуют, кроме того, геогр. *Кнево* дер. в Быстреевском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 488], *Кнейно* дер. Михайловского пог. 1495 г. и *Кнеино*, или *Кнейно*, дер. Устьянского пог. Дер. пят. под 1495 и 1538/39 гг. [НПК I: 165, 176; II: 637; ПKNЗ 4: 304] (последнее приравнивается к геогр. *Княино* пуст. Ст-Рус. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 281]), твер. *Кнево* дер., бывшая вблизи оз. Селигер. Ср. еще параллели в геогр. *Кневичи* дер. Новозыбковского у. Черниговской губ. [Vasm. RGN IV 1: 227], в польск. геогр. *Kniewo*, возводимом к польск. *knieja* ‘большой густой лес’ [Górniewicz 1985b: 87], в чеш. *Knije*, словен. *Kněj*, *Kneja* [Snoj ESSZI: 191]. Таким образом, и основа *Пнев-*, образованная от **рънь*, и основа *Кнев-*, образованная от **кънь*, одинаково передавали качество «пневно» места. Надо полагать, совр. форма *Кневичи* не выводится прямо из формы *Пневичи* и не уступает ей в древности, несмотря на то что эта, вторая, оказалась зафиксирована еще писцовой книгой. Писцовая книга зарегистрировала лишь один из вариантов ойконима, при том что параллельно ему издревле существовал и второй, избранный в конце концов языковой нормой в качестве единственно возможного сегодня.

Кременичи дер. Неболчск. Люб., ранее — пог. *Дмитровско-Кременичский* на р. Мде Усадьевской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 120—121]. На карте-трехверстке 2-й пол. XIX в. подписано пог. *Криминичи* [ВТКЗверст], на карте 1-й пол. XIX в. —

⁵⁶ А. Профоус [Prof. MJ III: 385], а также Л. Госак и Р. Шрачек [Hosák, Šráček MJMS II: 258] считают геогр. *Pňovice* производным от личного имени, равного апеллятиву, обозначающему ‘пень’, однако это маловероятно; ср. хотя бы указанное там же чеш. геогр. *Pňovany* (как отмечалось, ойконимия на *-ane* почти не образуется от личных имен).

⁵⁷ С. Роспонд [Ibid.] сравнивает с др.-польск. *pniewie* ‘нераскорчеванное место, с пнями, корнями’, которое семантически противоположно сев.-рус. *пеньё*.

Кременичи [КШуб]. На совр. картах Новг. обл. — геогр. *Хременичи* (лесничество *Хременичи*), с преобразованием *кр > хр*⁵⁸. Первое упоминание содержится в писцовой документации XVI в.: *Кременичский*, или *Кременицкий*, пог. Обон. пят. [НПК II: 234—236, 331; ПКНЗ 5: 82]. Пог. Дмитриевский в *Кременичах* (*Дмитриевский-Кременицкий*) указан писцовой книгой 1564 г. письма Андрея Лихачева и Сметным списком Обон. пят. 1574 г. [ПКНЗ 2: 145, 146, 160, 161] и в актовом письменноности XVII в. [АИ III: 143; V: 452]. Ойконим либо обусловлен обозначением поселенцев **кременичи*, полученным по топографии местности, либо вторично переоформился по типу личных обозначений на *-ичи*. Соотносительная топографическая терминология хорошо знакома разным группам славян: рус. диал. *кремёнье* ‘груда камней, камни’, *кремёшник* ‘место, покрытое мелким щебнем’ [СРНГ 15: 210], новг. *кремняг* ‘крепкий гладкий камень’ [НОС 4: 141], укр. *кременица* ‘каменистая гора’, польск. *krzemienica*, словен. *kretenica* ‘кремнезем, кремнистая почва’ и т. п. [Мурз. СНГТ I: 310]. Характер местности вокруг пог. *Кременичи*, расположенного между рр. Мдой и Отней, вполне раскрывается описанием, приведенным в военно-статистическом обозрении Новг. губ. за 1849 г.: «Близ этого погоста высокие холмы. Грунт, покрывающий эти холмы, по восточному, главному хребту хрящеватый, каменный» [ВСОРИ: 9]. Топонимические соответствия многочисленны, отмечу лишь несколько территориально близких: *Кремено* дер. Гатч. р-на у р. *Кременка*, или *Кремьянка*, п. пр. Оредежа, п. пр. Луги, *Кремень* п. пр. Анутки, п. пр. Старовской Робы, п. пр. Ловати, *Кремно 1-е* и *Кремно 2-е*, ус. в Луцкой вол. Дем. у. 1909 г. (= *Кремно* дер. в Деманском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 500]), *Кремно* дер. неподалеку от села Поддорье, р. ц. Новг. обл., *Кремь* место в Псковской земле [ГВНП: 330].

Заозеричи сел., центр пог. Покровского в Заозерицах Беж. пят. 1545 г., и *Заозерицы* дер. «над озеромъ надъ Сопиномъ» в пог. Богородицком в Сопине Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 310, 317, 1045] могут отсылать к *заозеричи* ‘люди дер. *Заозерье*’ или ‘люди, живущие за *Озером*’. С первым из данных средневековых пунктов отождествляется совр. дер. *Заозерицы* Барышовск. Мош. (в нач. XX в. относилась к Перелучской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 98—99]), стоящая на восточном берегу оз. Болонье (очевидно, под исконным *Озеро* здесь понимается именно это озеро, которое, в свою очередь, иногда называют по деревне *Заозерицким*). Изложенная версия образования названий *Заозеричи*, *Заозерицы* подкрепляется фиксацией катойконимов *заозеричи* («*заозеричь отрокъ*») и *озеричи* («*озерици*») в новг. Свинцовой (конец XI — 1-я треть XII в.) и берестяной (№ 53, 10—30-е гг. XIV в.) грамотах [Зализняк 2004: 261, 540]; кроме того, в писцовой документации Московской Руси отражено изосемантическое *озерчане* ‘живущие у озера’ [СлРЯ XI—XVII 12: 308]. Геогр. *Озеровичи* дер. Городенского пог. Дер. пят. 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 217, 236] и геогр. *Озеревичи* дер. и оз. в Бологовском пог. 1495 г. (это, второе, подр. рассмотрено в связи с *Озерева*) тоже отсылают к обозначению **озе-*

⁵⁸ Данная модификация, не являющаяся регулярной, может быть связана с влиянием, например, вариантов сущ. *крест* и *хрест*.

ревичи или **озеровичи* приозерных поселенцев, причем иногда названия на *-ичи* способны вторично закрепиться за озером, что наблюдается во втором примере. При осмыслении апеллятивной первоосновы в этих названиях нужно учитывать не только геогр. *Озеро*, апел. *озеро*, но и повторяющееся неоднократно в Новгородской земле геогр. *Озерева* (см.). Геогр. **Озертицы** сел. в пог. Григорьевском Лъешском Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 800] (= совр. *Большие Озертицы* Калозицк. Волос.) допустимо трактовать аналогичным образом, сводя к исходному обозначению **озер(ь)чичи* жителей близ *Озерца* или *Озерцов* (*Озерца*, *Озерцы* — названия многих пунктов [НПК. Указ. ГН: 177]). Топонимизация **озер(ь)чичи* сопровождалась диалектным цоканьем и расподоблением аффрикат (**Озерцици* > *Озертицы*, такие же фонетические процессы иллюстрируют геогр. *Рабитицы*, *Земтицы*, тоже восходящие к личным обозначениям, см.).

Шереховичи село на р. Белой, п. пр. Мсты (Люб. р-н), в нач. XX в. вместе с одноименным погостом и усадьбой считалось центром Шереховской вол. Бор. у. [СНМНГ VI: 138—139]. Списки селений 1-й пол. XIX в. отмечают пог. *Шереховской* с одной церковью и сел. *Шереховича* Бор. у. [Неволин 1853: 190], межевые материалы 1785 г. дают село *Шереховичи* [КГарн]. Первое упоминание — под 1495/96 г. в связи с дер. Офромейково Шегринского пог. Дер. пят., «что бывала владычня, а тянула к *Шереховичам* к Бежицкой пятыне» [ПКНЗ 1: 81]. Описание Никольского пог. в *Шереховичах* (или *Шереховского* пог. на Белой) содержится в документации Беж. пят. под 1498/99 гг. [Там же: 230—231], под 1525/26 гг., под 1538/39 гг. [ПКНЗ 3: 3, 4, 9—11], под 1501 г. [НПК VI: 16], под 1564 г. [Там же: 877—893]. Ср. геогр. **Шерехова** пуст. Любытинской вол., указанная под № 1962 в материалах Ген. меж. 1780—1785 гг. и в МОЗУ 1914 г. [КГарн], пуст. **Шерехово** в Велильской вол. Дер. пят. 1561/62 г. [ПКНЗ 5: 368], неподалеку от которой в Данковской вол. средневекового Торопецкого у. значилась дер. *Шерихово*; кроме того, в Болобинской переваре Торопецкого у. была дер. *Шерехово*, согласно описанию 1540/41 г. [ПКНЗ 4: 602, 641]. Отмечу еще дер. *Шерехова* в Дунянском стане Великолукского у., известную из писцовой книги 1625—1627 гг. (по [Янин 1998: 171, № 85, рис. 9]) и совр. пск. дер. *Шерехово* в Локнянском и Опочецком р-нах (одна из них, надо полагать, продолжает средневековую *Шерехова* Великолукского у.). Южнее, в Верхнем Поднепровье, указывались *Шерехов* хут. и *Шереховская Буда* дер., оба пункта под Рогачевым на Могилевщине [Vasm. RGN X 2: 275]. Основу перечисленных названий, очевидно, следует сблизить с лексическим гнездом слов *шóрох*, *шершáвый*, рус. диал. *шéрех*, *шóрох*, *шершь*, *шёршень* и др. ‘мелкий осенний лед, идущий по реке, сало’ и особенно с *шероховáтый*, укр. *шерехáтий* ‘шероховатый’, *шерéшь* ‘неровности, негладкая поверхность’, арх. *шерóхий* ‘рытый, неровный’, новг. *шерехáть* ‘мыть пол, натирая его песком’ и т. п. (см. [Даль ТСЖВЯ 4: 629; НОС 12: 90; Мурз. СНГТ 2: 323—324], к этимологии: [Фасм. ЭСРЯ IV: 430—432; Черн. ИЭССРЯ 2: 409—410, 420]). В частности, сравнение с обозначением неровностей (шероховатостей) хорошо отвечает ландшафту новгородского села *Шереховичи*: местность здесь действительно сильно пересеченная, холмистая.

Впрочем, при объяснении данного ойконима нельзя исключать деантропонимную деривацию, ср. прозвище *Шереш* минского крестьянина 1598 г., фамильное прозвание *Широхов* крестьянина Шунского пог. 1682 г. [Туп. СДЛСИ: 441]. Любопытно прозвище жителей села *Шереховичи*, употребительное сегодня, — *шерёхи* [ЛЗап].

Неревичи сц. в пог. Никольском Ястребинском Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 764] (= *Неревичи* дер. в Ямбургском у. Петерб. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 37: № 4970, 4971]) может отражать гидроним неславянского происхождения (неподалеку, западнее, протекала р. *Нерева/Нерова/Норова*, совр. *Нарва*), но, очевидно, опосредованно — через производное имя поселенцев (переселенцев). Вместе с тем имя этих поселенцев допустимо трактовать не только как отгидронимное (по соседней р. *Нерева*), но и как этническое, ввиду того что одна из групп древних эстов в средневековых источниках называется *нерева*, или *ерева*, от эст. *jerv, järv* ‘озеро’ [Попов 1981: 99]; ср. еще название *Неревского* конца в древнем Новгороде. Скорее всего опосредованы катойконимами, полученными по разнообразным признакам физико-географического и культурно-исторического ландшафта, такие старописьменные ойконимы, как: **Загорици** дер. Бронничского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 445] (ср. зап.-слав. *Zagorzycy* ‘жители поселения, заложенного за горой, или пункта *Загорье, Загора*’ в источнике 1136 г. [Sławski ZSP II: 57]); **Бродовичи** дер. и вол. в Ясенском пог. на Псковском рубеже Шел. пят. 1498 г. [НПК IV: 146, 147] (по [Там же: 516] — *Боровичи*), = *Бродовицы/Бородовицы* село при рч. Дубенке Дубенской вол. Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11725], = совр. *Бродовичи* дер. на р. Паличенке в Луковищенской вол. Порх. р-на (первоначально — ‘живущие у брода’); **Загородичи** дер. Вод. пят. 1568 г., по более поздним документам: *Загороденья, Загородицы, Загородици* [Селин 2003: 125, 140] (‘жители загороженного места’); **Лутовичи** дер. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 196, 240] (возможно, к обозначению **лутовичи* поселенцев в месте, где драли лыко, ср. прослеживаемые по НПК геогр. *Лутово, Лутова, Лутовня*, др.-рус. *луто* ‘лыко’); **Коломнич** дер. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. [Там же: 188, 190, 209, 221, 249, 258, 266], в конце XVIII в. — *Коломница* пуст. [Селин 2003: 152, табл. 13] (вероятна топонимизация обозначения жителей по местности или месту с названием *Коломна, Коломно*, топонимические соответствия многочисленны, см.); **Рядовичи** дер. Молвятицкой вол. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 664], = *Радовичи* пуст. Ст.-Рус. у. конца XVIII в. [ИАДП I: 211] (явно к *рядовичи* ‘жители рядка’, ср. употребленное в ед. ч. *рядовитин* Иванов Тимофей [ПКНЗ I: 344]); **Холмици** дер. Хмерского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 130] (первоначально ‘поселенцы у холма’, или ‘жители сел. *Холм*’, ср. *холмици* ‘жители города *Холм* Новг. губ.’); **Мирошкино Вдовичи** дер. Пажеревицкого пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 402] (вторая часть предположительно подразумевает *вдовичей* — жителей гор. *Гдов*).

Труднее объяснять наименованиями поселенцев геогр. **Осиновичи** остров в Ло-сицком пог. Шел. пят., **Ивовичи** дер. в пог. Боротна Шел. пят., **Ельмовичи** дер. Березайского пог. Дер. пят. (сегодня *Ильмовицы* дер. Берёзоярдск. Болог., к др.-рус. *ильмь* ‘вяз’), **Дубовичи** поч. в Воскресенском пог. Шел. пят. [Там же: 466; I: 508; V: 312, 500]. В качестве первоначальных вариантов здесь вполне ожидаемы дериваты на *-ица*,

-ицы, отмечавшие места, поросшие осинами, ивами, вязами, дубами, ср. *Дубовицы* дер. в Околорусье Шел. пят. [НПК V: 218] (= совр. пос. *Дубовицы* под Старой Руссой) или *Ивовицы* поч. [Там же: 688].

В исторических парадигмах некоторых названий порой наблюдается синхронное варьирование вторичных откатойконимных вариантов с первичными вариантами иных типов. Так, средневековый *Хрестцовский*, или *Крестцовский*, пог., данный описаниями Дер. пят. 1495 г. [ПKNЗ 1: 72, 73; НПК II: 393—395], именуется в писцовых книгах одновременно и *Хрестцовичским* пог. или пог. *Хрестцовичи* [НПК II: 434]. Геогр. *Хрестцовичи* по отношению к вариантам *Хрестцовский* / *Крестцовский* выглядит вторичным: оно словообразовательно мотивировано наименованием жителей этого погоста, а точнее села *Хрестцы* (< *Хрьстьци*). Исконный собственно топографический вариант названия *Хрестцы* употреблялся совместно и, по существу, синхронно с производным от него декатойконимным вариантом; этот, исконный вариант в нач. XVI столетия был услышан и записан проезжавшим через соответствующее селение немецким путешественником Сигизмундом Герберштейном в искаженном облике *Naroszi, Naroschi* за р. *Calacha* (= *Холова*) [Герберштейн 2008: 620—621] (позднее, на западноевропейской карте 1695 г. — *Norosci* [Nova Scand. tab.]). Вар. *Хрестцовичи*, однако, не удержался в истории названия, и позднее использовались только исконные варианты *Хрестцы*, или *Крестцы*, *Крестца*, *Крестец*, которые именовали населенный пункт в разные эпохи⁵⁹. Соответственных названий в старой и новой топонимии Новгородской земли немало: *Игнач Крест* (см.), *Киева* (см.), *Крест*, *Крестец*, *Крестцы*, *Хрестцы*, *Христицы*, *Крестовая*, *Кстово*, *Ксты*, *Кстечки* и т. п. имена селений и урочищ. Такие названия обычно прикреплены к перекресткам дорог, исчезнувших либо до сих пор сохраняющихся. Хочется отметить, что и пос. *Крестцы* находится на древней дороге через Яжелбицы в Новгород в точке пересечения с боковой дорогой, отходящей к северу в сторону бывшего Теребуновского пог. и Усть-Волмы⁶⁰.

Рассмотренные названия (данный список не претендует на исчерпывающую полноту) содержат апеллятивные основы ландшафтной семантики, что позволяет увереннее говорить о статусе промежуточного звена — др.-новг. наименований людей на *-ичи* по особенностям ландшафта (подтверждаемых письменностью или предполагаемых), закрепленных далее в качестве ойконимов. Сложнее обстоит дело с названиями, показывающими исходные основы личных имен

⁵⁹ В 1777 г. на месте погостского села был учрежден уездный гор. *Крестец*, но позднее гор. *Крестцы* на р. Холове, в 1930-е гг. ставший рабочим поселком, р. ц. Новг. обл. Рядом с *Крестцами* в нач. XX в. находилась почтовая станция *Крестецкий ям*, или *Ямская Крестецкая слобода* [СНМНГ IV: 58—59] (сейчас село *Ямская Слобода*).

⁶⁰ Эта особенность местоположения новгородского гор. *Крестцы* нашла символическое отражение в его официальном гербе 1781 г.: «В верхней части щита герб Новгородский. В нижней две большие дороги, перешедшие одна другую крестообразно, в зеленом поле, означая истинное имя сего нового города», см. [Сперансов 1974: 174, № 428].

или прозвищ, — такие названия в принципе допускают возведение не только к патронимии, но и к катойконимии. Дифференцировать эти пересекающиеся лексические категории, формально не различимые, затруднительно даже при их непосредственной письменной фиксации. Так, древнеписьменное наименование *Прожневичь* из новг. бер. гр. № 526 2-й трети XI в. («*Нѣжъскѣ на Прѣжневици* поль гривнѣ») оставляет неясности относительно своего статуса: перед нами отчество Нежка или указание на то, что он происходит из дер. *Прожнево*; то же самое касается имени *Добрычевичи* («оу *Добрычевици* оу Романиця» в новг. бер. гр. № 640 сер. 50-х — сер. 60-х гг. XII в.): это потомки некоего *Добрыча* либо жители дер. *Добрычево*? [Зализняк 2004: 241, 383—384]. Существенно по этому поводу примечание А. А. Зализняка [Там же] о том, что наименования жителей деревни и потомков некоего лица могут в принципе сводиться к одному и тому же. Действительно, если некий человек либо его род основали селение, то жители этого селения в начальный период его истории скорее всего являются родственниками. Ср. еще характерную «говорящую» общность имен в следующем фрагменте из летописи под 980 г.: «...Рогъволодъ ⟨...⟩ имяше власть свою в Полотъскѣ, а *Турьи Турове*, от него же и *Турица* прозвашася» [НПЛ: 125 (Ком. сп.)]. Здесь «*Турица*», т. е. *Туричи* выступают не только как жители *Турова*, но, очевидно, и как потомки *Турья*, имя которого отразилось в посессивном названии города. С точки зрения ономастической ситуации катойконимы в такого рода контекстах ни формально, ни функционально не отличимы от патронимов. Поэтому легко допустить, что катойконимы на *-ичи*, соотносимые с деантропонимными названиями, обычно посессивными, с суф. *-ов/-ев-* (такие, например, как *порховичи* связанное с геогр. *Порхов*, или *Прожневичь* из бер. гр., которое можно сравнить с геогр. *Прожнево* дер. Пажеревицкого пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 614]), на самом деле не являются прямыми оттопонимными образованиями. Генетически они могут оказаться изначальными патронимами, отсылающими к личным именам (первопоселенцев или перволадельцев), которыми одновременно мотивировались и соответствующие географические названия. Со временем происходило переосмысление первичных, исконных патронимов в качестве вторичных оттопонимных образований. Именно поэтому названия на *-ичи/-ицы* от личных имен или прозвищ целесообразно в целом трактовать как патронимические или посессивно-патронимические.

Однако не следует упускать из виду некоторые особые ситуации топонимического именования на базе катойконимов, связанного, в частности, с перемещением жителей из некоего населенного пункта на новое место жительства. Так, в новг. бер. гр. № 361 (конец XIV в. — 1400-е гг.) зафиксирован катойконим *братиловичи* («Поклонъ отъ шижнянъ и отъ *братиловици* г-ну Якову»), под которым подразумеваются жители средневековой новгородской волости, тоже именованной *Братиловичи*, или *Братловици*, и находившейся в Спаском Шиженском пог. Обон. пят. [Зализняк 2004: 614]. Наряду с этим пунктом существует дер. *Братиловичи* у Повенецкого залива Онежского оз. в Карелии,

зафиксированная еще документом 1415—1421 гг.: «*В Братиловицах*». Выдвинуто предположение о том, что деревня основана выходцами из сел. *Братиловичи* древнего Шиженского пог. [Шилов 2003: 160]. Если это так, то дер. *Братиловичи* у Повенецкого залива — собственно декатойконимное географическое название, образованное от обозначения *братиловичи*, которое в свою очередь производно от личн. *Братиль, -а, -о* (см. *Бракловицы*). Вместе с тем обосновать формально-лингвистическими средствами мотивацию подобных названий, содержащих первичные антропоосновы, в качестве декатойконимных не представляется возможным: необходимы конкретные историко-краеведческие разыскания по отдельным населенным пунктам, доказывающие факт их основания переселенцами из других местностей.

НАЗВАНИЯ НА *-ичи/-ицы* ОТ ОБОЗНАЧЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Небольшую отдельную группу составляют архаические названия на *-ичи/-ицы*, образованные от обозначений социальных категорий. Ниже дан анализ нескольких названий. Формант *-ичи/-ицы* определяется в них с широким значением относительности. Одно из них — *Бикичевицы* ур., покос у протоки Гриб в дельте Мсты у дер. Русско, Холынья Новг. р-на, 2000 г. [ЛЗап]. Урочище указано описаниями пригородных пожен Новгородского дворца 1535—1540 гг. под названиями *Бикичевский Водос* («пожня на Руской реке в Бикичевском Водосе»), *Бикичевичи* («пожня на Руской реке под Бикичевичами»), *Бекевичи* («пожня на Руской реке, четыре платка в Бекевичах») [ПКНЗ 1: 316, 321, 359]. Ороним произведен от др.-рус. *бекечь, бекешь* ‘титул высших чиновников, а также дворян-помещиков у тюркских народов’ [СлРЯ XI—XVII 1: 130]. К тюркской основе ср. геогр. *Бекичево* дер. на р. Молокча Угличского у. Ярославской губ., *Бекишево* дер. Княжнинского у. Нижегородской губ. [Vasm. RGN I 2: 314], сюда же имя *Бигич* татарского мурзы, совершившего в 1378 г. набег на Рязань, и фамилия *Бегичевы* [Вес. Он.: 30]. Несомненно, с геогр. *Бикичевичи* в дельте Мсты микросистемно связано название дер. *Бяковичи* на Русской реке в Холыньском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II: 498, 499; ПКНЗ 1: 81] (по писцовой книге 1543 г., — местность *Бяковичи*: «великого князя деревни в Бяковичах»). Различие данных названий (или скорее обособившихся параллельных вариантов одного названия) обусловлено формальным расхождением изосемантических апеллятивов-мотиваторов: др.-рус. *бекечь* и др.-рус. *бекъ, бегъ*, обозначающих один и тот же сановный титул [СлРЯ XI—XVII 1: 130]. Первое из этих обозначений детерминировало форму *Бикичевичи*, второе — *Бяковичи* (как и сопредельное новг. геогр. *Беково* дер. Налючского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 637], = *Бякова* дер. в Ст-Рус. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 221]). Сохранившийся до наших дней ороним *Бикичевичи* позволяет локализовать исчезнувшую еще в средневековую эпоху дер. *Бекевичи* где-то по течению реки *Русской* (ныне протока *Гриб*).

Спасопископицы ус. и рядом *Спасопископец* село, пункты Ракомской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I: 66—67], в сер. XIX в. — село *Пископец* (*Спасо-Пископец*) [ВСОРИ: 28; Якушкин 1986: 51]. В советскую эпоху идеологически окрашенное наименование села заменили нейтральным *Песчаное*, сейчас — это дер. Ильменск. Новг. Первое упоминание пункта «*въ Бискупицахъ*» дано летописями под 1478 г. в связи с походом князя Ивана III на Новгород. Писцовые книги Шел. пят. конца XV в. отмечают пог. *Пискупици* «а на немъ церковь Преображения Спасово» [НПК IV: 10] как один из шести погостов в Ильменском Поозерье; в отличие от остальных поозерских погостов *Пискупици* были погостом-местом, а не округом [Андрияшев 1914: 7]. В источниках XVI—XVII вв. — село *Пискупицы* [МАНК]. Первая часть геогр. *Спасопископицы* (*Спасопископец*) трактуется наличием в селе церкви Спаса Преображения, упоминаемой с 1498 г., а средневековая форма *Бискупицы* обусловлена др.-рус. *бискупъ*, *пискупъ* ‘епископ’. Селение издавна принадлежало новгородскому епископу или, как считает А. М. Андрияшев [1914: 13 сн.], являлось летней резиденцией новгородского владыки, о чем свидетельствуют и летопись (см. [ПСРЛ IV: 259]: «И сташа во *владычни* селѣ надъ озеромъ надъ Илмеремь»), и писцовая книга, указывающая на погосте «дворъ болшой *владычень*», и, разумеется, сам средневековый ойконим *Пискупици*⁶¹. Ср. производное с «йотовым» суффиксом от др.-рус. *пискупъ* название ул. *Пискупля* в древнем Новгороде, впервые отмеченной под 1049 г.: «А ту стояла святая Софѣя конецъ *Пискупль* улицѣ идеже нынѣ поставилъ Сотъке церковь камену святого Бориса и Глѣба над Волховомъ» [НПЛ: 181], см. еще [Там же: 507; НЛ: 2, 145, 173]. Действительно, улица проходила по Детинцу, через резиденцию новгородского владыки. Межтерриториальные параллели представлены названиями двух сѣл *Бискупици* в Полесье [Никонов 1968: 197], сербохорв. геогр. *Biskupići*, *Biskupice* гор. в Польше (наряду с польск. *Biskupiec* и *Biskupiec Pomorski*), *Biskupicy* у верхних лужичан, *Biskupice* и *Biskupovice* часто в Чехии и Словакии, нем. *Piskowitz* (< др.-луж. **Biskopici*) [Šmilauer 1970: 39; Svoboda, Šmilauer 1960: 561; Hosák, Šrámek MJMS I: 70—71; Rymut 1987: 34]. На базе синонимичной лексемы *владыка* в рамках этой же структурной модели появилось геогр. **Владычицы** дер. Тесовского пог. Вод. пят. 1568 г. [Селин 2003: 215].

Черньчевичи сц. у р. Волмы, л. пр. Мсты, центр *Черньчевического*, иначе *Черньчовичского*, *Чернечевского*, пог. Дер. пят., селения которого описаны в [НПК II: 110, 111, 122—132, 280, 367, 368, 374, 385; ПКНЗ 4: 49, 53, 62, 172, 173, 258, 303, 386, 387, 439, 441—443, 445, 446, 448, 449, 452, 453, 480]. По материалам Ген. меж. конца XVIII в. — пог. *Черенчевский* в Кр. у. [ИАДП 1: 290]. К. А. Неволин [1853: 180] отождествляет сц. *Черньчевичи* с дер. *Чернецко* сер. XIX в. у р. Волмы в Кр. у. (на «Столистой карте» 1800—1801 гг. — *Черницка*, сегодня *Чернецко* дер. Зару-

⁶¹ Подр. об истории пункта см. также [Секретарь, Филиппова 1991: 79—81].

чевск. Ок.)⁶². Название соотносится с апел. *чьрньць* ‘монах’, выражая первоначальную посессионность или относительность. Менее вероятна связь с личным именем *Чьрньць*. Применительно к *чернецам* — монахам или *черницам* — монахиням мотивированы многие средневековые названия Новгородской земли, принадлежащие разным структурным моделям: *Черенчицы*, *Чернцы Большие*, *Чернецово*, *Черницовская*, *Чернитцкая*, *Черницкая*, *Чернитцкое*, *Черенческо* и др., см. [НПК. Указ. ГН: 221; ПKNЗ 1: 217, 176]. Ср. параллельные геогр. *Černčice* (трижды), *Černčí* в Чехии, которые Профоус, однако, возводит к личн. *Černec* [Prof. MJ I: 286—287]. В семантическом отношении показательно название ул. **Черница** (*Черницина*) на Софийской стороне средневекового Новгорода; см. в летописи под 1418 г.: «Всеѣ святыи на *Черници* улици», а ранее, под 1402 г., упомянуты *черницинци* как уличанские жители [НПЛ: 397, 411; НЛ: 45]. Улица «получила свое название от Варварина девичья монастыря, который упоминается с 1138 г.» [Колчин, Хорошев, Янин 1981: 8]. Вариант *Черница* — отмеченный цоканьем йотовый посессив (**Чьрница*) от апел. *чьрница*; более выразительное отличие производящей основы было достигнуто присоединением суф. *-ина* (*Черницина*).

К названиям, произведенным при помощи суф. *-ичи/-ицы*, формально примыкают ойконимы, появившиеся скорее всего путем неморфологической топонимизации обозначений древнерусских социальных категорий на *-ичи*. Таково геогр. **Рабитицы**, дер. и пос. рядом с пос. Волосово, р. ц. Лен. обл., в сер. XIX в. — *Робитицы* / *Рабитицы* сел. Ямб. у. [СНМРИ 37: № 4829, 4830]. Современный пункт идентифицируется с сд. *Робичици*, «что было Юрьева жь монастыря» в Богородском Врудском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 855]. Ранее волостка новгородского Юрьева монастыря указана пергаменной грамотой, датируемой 1460—1470 гг. [ГВНП: 174, гр. 115; Янин 1990: 223]. Согласно грамоте, «христьяне *робичичане*», т. е. крестьяне *Робичинской* волости, «урядились» с архимандритом Григорием о пошлинах и дарах, которые они обязаны предоставлять Юрьеву монастырю. Наименование жителей *робичичане*, оформленное по стандартной модели на *-ане*, производно от геогр. *Робичици*, в котором лучше всего видеть топонимизацию плюральной формы от др.-рус. *робичичь*, *рабичичь*, *робичиць* ‘внебрачный сын, рожденный от рабыни’, ‘юный раб, слуга’, ‘вообще слуга, придворный’ [СлРЯ XI—XVII 22: 168—169] (дериват с суф. *-ичь* от *робица* ‘рабыня, служанка’). Модификация старописьменного *Робичици* в совр. *Рабитицы*, для которого межтерриториальных соответствий не обнаружено, случилась благодаря аканью и дистантному расподоблению аффрикат: *ч—ц, ц—ц > т’—ц*. Аналогичное фонетическое изменение знают и некоторые другие названия на *-ицы* в Вод. пят., ср. ойконим **Земтици у Вежок** дер. [НПК III: 2, 4, 5] (< **Земьчици*, к др.-рус. *земьць*

⁶² Недавно было обосновано мнение о локализации средневекового сельца *Черньчевичи* не на месте современной дер. *Чернецо*, а в нескольких километрах южнее, неподалеку от правого берега рч. Витцы, притока Волмы, — в ур. *Чижево*, которое называлось в XVIII—XIX вв. пог. *Черемшевичи* (*Черемшевский*) [Фролов 2002б: 9].

‘мелкий землевладелец’ или к личн. *Зельць*)⁶³ и ойконим *Озертицы* (< *озер(ь)чици, см.)⁶⁴.

В схожем номинационном плане трактуется геогр. **Бѣжичи**, связанное с поселением на оз. Берестово у р. Мологи, которое находилось на периферии изучаемой территории, но сыграло значительную роль в истории Новгородской земли периода независимости, дало наименование одной из новгородских пятин (*Бежецкая* пят.) и гор. *Бежецк* Твер. обл.⁶⁵ Первое упоминание топонима — в форме локатива «въ *Бѣжичихъ*» — содержит Устав Святослава Ольговича 1137 г. [Тихомиров, Щепкина 1952: 18—24], далее на протяжении XII—XV вв., по многочисленным свидетельствам новгородских летописей и грамот, фигурируют *Бѣжичи*, *Бѣжици*, *Бѣжицы*, *Бѣжичѣ*, *Бѣжицѣ* (с флексией *-ѣ* в Им. мн.), *Бѣжицкой верх*, последнее применительно к окрестной территории. Исследователи единодушно объясняют ойконим с опорой на др.-рус. обозначение беглых людей, беженцев [Никонов 1966: 61; Нерознак 1983: 32; Поспелов 2001: 59]. Несомненна связь со словац. *bežec*, словен. *béžec*, чеш. *běžek* ‘бегун, беглец’ [SP I: 224], как и с др.-рус. *бѣжанинь* ‘беженец’ (в документации XIV—XV вв.), то же *бѣжлянинь*, *бѣжлянинь*, *бѣгунь*, собир. *бѣжъ* ‘беженцы, беглецы’ [СлРЯ XI—XVII 1: 90; Срезн. МСДРЯ I: 213, 216], сюда же пск. диал. *бежа* ‘укрытие, убежище’ [ПОС I: 145], см. также [ЭССЯ 2: 93]. Кстати говоря, предложенное объяснение поддерживается старинным местным преданием, согласно которому город основан беглецами из Новгорода. Межтерриториальной топонимической параллелью является *Бежичи* (*Бежицы*) сел. под Брянском на р. Десне. Так же мотивируется название **Бегуницы** дер. Волос. р-на, отождествляемой с *Бѣгуницы* / *Бѣгуничи* («село *Бѣгуницы*», «въ селѣ въ *Бѣгуничяхъ*») Ильинского Заможского пог. в Копорском у. около 1500 г. [НПК III: 578, 592]; ср. еще ойконим *Bégunje* (дважды) в Словении, возводимый, однако, к личн. *Běgunь* [Snoj ESSZI: 54]. Общую с ними семантику разделяют геогр. *Бѣжане* и т. п. (см. ниже).

⁶³ Сегодня об этой деревне напоминает только название *Земтицкого* оз. у дер. *Вешки*, ранее *Вежки*, в Новг. р-не (Подберезское с/п).

⁶⁴ Такой же фонетический процесс пережило, например, обозначение сев.-рус. демонического персонажа *катица* («*Катица*-полунощница, не играй нашим младенцем»), представленное др.-рус. источником XIV в. в исходном облике *качица* («от пакостныя *качицы*»), см. [Черепанова 2005: 145—146].

⁶⁵ Современный *Бежецк* унаследовал только имя, а не место исконных *Бежичей*. В 1272 г. после литовского набега *Бежичи* были разрушены, и центр волости переместился на 12 км юго-восточнее — в крепость *Городецк*, которая с учетом территориального наименования упоминалась как *Городецко в Бежицком Верху* еще в документах XVI—XVII вв. В XVII в. это был центр Городецкого стана. Вместо составного наименования однословное название *Бежецк* утвердилось за этим центром в XVIII в. при екатерининской губернской реформе (сведения из: [Поспелов 2001: 59; Носов 1994: 151]).

НАЗВАНИЯ НА -'АНЕ

С декатойконимными названиями на *-ичи/-ицы* по единству мотивации смыкается топонимия на *-'ане*, которая в регионе Новгородской земли отмечается сравнительно редко, преимущественно в средневековых источниках. По происхождению она представляет собой закрепленные в топонимической функции др.-рус. плюральные наименования людей, полученные по месту проживания на *-'ане* (ед. ч. на *-'анинь*). Немалое количество таких катойконимов (свыше трех десятков) содержит материал новгородских грамот на бересте, приведу лишь некоторые факты: *избоищане* гр. № 307 — жители волости или пункта *Избоищи*, *хотыняне* — жители местности по р. *Хотынка* басс. Шелони (в гр. № 600 1-й пол. XIII в.: «*хотыняномо*» Дат. мн.), *черныщане* — жители сел. *Череньское* (в гр. № 311 нач. XV в.: «твой *череншани* чело биюте»), реконструируемое *поръчане* (?) — жители сел. *Поръчье* либо просто проживающие на берегах некоторой реки (гр. 264 70—90-х гг. XIV в.), *которяне* — население *Которского* пог. Шел. пят. (в гр. № 640 сер. 50-х — сер. 90-х гг. XII в.: «*оу которянь*», форма Род. мн.), *залъшняне* гр. № 492 XIV в. — жители пункта, название которого, надо полагать, имело вид *Залъсьное*, *Залъсье*, *дубляне* гр. № 540 XV в. — жители деревни или местности с названием, производным от корня *дуб-*: *Дубьско*, *Дубое* и т. п. (известна, в частности, дер. *Дубое*, относящаяся к Дер. пят. [НПК I: 635]), *выянинь* (в гр. № 690 XIV в.: «у Евана у *Выянина*») — житель местности при р. *Выя*⁶⁶, *десятьщане* — по-видимому, жители дер. *Десятьское* (гр. № 253 XIV в.: «*кодесяцяномо*» Дат. мн.), *ясеняне* — жители *Ясенского* пог. Шел. пят., *городъчане* — жители, вероятно, *Кошкина Городка* на р. Узе (оба катойконима в гр. № 704 2-й пол. XIII в.: «*отъ городъцано* по посадникоу ко вьликомоу сь побьгль *ясьнян...*»), *губляне* — жители дер. *Губа* или *Губино* и т. п. (в гр. № 757 конца XIV — нач. XV в.), *жабляне* или *жабьяне* (по грамотам 885 и 872, XII в.) — население *Жабенского* погоста, расположенного восточнее северных плесов оз. Селигер (материал изложен по [Зализняк 2004: 678, 471, 665—666, 608, 383—384, 640, 660, 575, 583, 482, 636, 316—317]). Катойконимия мн. ч. на *-'ане* нередко проявляется также в новгородских летописях и актах.

Анализ такого типа дериватов обнаруживает их очевидную производность от деапеллятивных названий населенных мест, местностей и водных объектов. Морфологические ограничения для таких образований кажутся совсем незначительными: древнерусские наименования на *-'ане* продуцировались свободно от именных основ на разные согласные, корневые или суффиксальные. Но, как показывает материал, они не появлялись (хотя бы на новгородской территории) от основ, содержащих посессивные суффиксы *-ов-/-ев-*, *-ин-*. Топоосновы с данными суффиксами обыкновенно давали катойконимию на *-ичи* или на *-ици*. Са-

⁶⁶ А. А. Зализняк [2004: 575] считает р. *Выю* притоком Пинеги. Но скорее речь должна идти о гидрониме, не столь территориально отдаленном (Пинега — р. в Архангельской обл., п. пр. Северной Двины). Возможно, следует подразумевать р. *Выя*, иначе *Выйка*, п. пр. Волхова, которая протекает недалеко от Новгорода, в бывшем Грузинском пог.

мый существенный вывод, который напрашивается в связи с этим, следующий: катойконимы на -'ане крайне редко образовывались от топонимов-посессивов деантропонимного происхождения. Такие наименования жителей устойчиво соотносились с географическими названиями, генетически связанными с обозначениями объектов ландшафта, лишь изредка конкурируя с изосемантическими формами на -ичи типа *озеричи*. Вывод об апеллятивных предпочтениях катойконимического суф. -'ан-е (в ед. ч. -'ан-инь) подтверждает и топонимия на -'ане. Подробный анализ соответствующих географических названий, прежде всего чешских (на -ану), но взятых на широком славянском фоне, провел в свое время Й. Спал [Spal 1958: 5—133], болгарская топонимия на -'ане была подробно описана в значительной работе Й. Заимова [1967], украинской топонимии на -ани/-яни посвящена книга И. Б. Царалунги [2007]. Хотя И. Б. Царалунга выявляет группу «отантропонимных ойконимов» на -ани/-яни, следует согласиться с С. О. Вербичем, который считает выделение этой группы ошибочным [Вербич 2010: 324]. В целом же исследования показывают, что непосредственные топонимические дериваты на -'ане от личных имен возможны только в исключительных случаях.

Топонимия на -'ане имеет общеславянский характер распространения, чаще локализуясь на южнославянской, особенно на болгаро-македонской территории. В Новгородской земле соответствующих названий наберется сравнительно немного, но некоторые из них засвидетельствованы еще с раннедревнерусского времени. Ниже следует анализ отдельных географических имен, прослеживаемых по древнеписьменным и старописьменным материалам.

Устьяне, или *Устьяны*, село при впадении р. Пола в Ловать на юго-восточном побережье Ильменя, стоявшее некогда вблизи совр. дер. Тулитово Федорковск. Парф. Упоминается Новг. 1-й летописью под 1316 г. в связи с неудачным походом тверского князя Михаила Ярославича на Новгород: «Князь же Михаило, не дошедъ до города, ста въ Устьянѣхъ» (по Ком. сп.: «въ Устьянехъ») [НПЛ: 95, 337]⁶⁷. Очевидно, этот же населенный пункт, который располагался напротив Новгорода за озером на древнем пути, связывавшем Новгород с другими древнерусскими княжествами, указан и в летописном рассказе 1-й пол. XII в. Под 1132 г. сообщается о том, что новгородцы изгнали князя Всеволода, но затем «паки съдумавъше, въспятиша и Устьяхъ» [Там же: 28, 207], т. е. в русском переводе: «позвали его обратно в Устьянах». В XV—XVII вв.

⁶⁷ Поход оказался гибельным для войска князя Михаила, который пошел на Новгород «со всею Низовскою землею». Как повествует далее летопись, князь, стоявший с войском в Устьянах, не сумел договориться с новгородцами о мире и отправился восвоюси: «И тако мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но болшую рану въсприимъ: възвративше бо ся въспятъ, заблудиша въ озерѣхъ и в болотѣхъ; и начаша мерети гладомъ, ядыху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное помѣташа; и придоша гѣши в дома своя, примше рану немалу» [НПЛ: 95] (в Ком. сп. после слова «конину», говорится: «а инии съ щитовъ кожую сдирающе ядыху») [Там же: 337]. На пути из Устьян в 20 км к востоку, встает обширный болотный массив — *Невий Мох* (на границе Парф., Кр. и Дем. р-нов). Можно полагать, что эти огромные болота и стали тем роковым местом, где заблудилось и погибло войско тверского князя в нач. XIV в.

писцовые книги описывают и село *Устьяны*, и тянувшую к нему территорию *Устьянского* пог. (пог. «*въ Устьянехъ*») в низовьях Ловати и Полы, бывшего в Курском присуде в Дер. пят. В главном погостском селе стояли церковь Великий Егорий, дома причта и пашенных крестьян, к погосту относились дер. Тулитово, Мануйлово, Онтипово и др., см. [НПК II: 630—632, 634—637, 663, 664; IV: 50; ПКНЗ 4: 200, 202, 299, 300, 304, 418, 459, 482; 5: 338—341; ППКСР: 220, 223, 224, 227, 231, 237, 323]. Пункт *Устьяне (Устьяны)* упоминается благодаря описанию пожен на Ловати документацией 1497/98 г. («пожни, что были Юрьева монастыря, на Юрьевской луке на Ловоти выше *Устьян*»), 1536 г. («пожня на Ловоте против *Устьян Дожжевка*»), 1539/40 г. («пожня Котчища против *Устьян*»), 1624 г. (пожня «...» против *Устьян* словет *Дождевка*) [ПКНЗ 1: 137, 345, 375; ППКСР: 220]. В XVIII столетии погост-село *Устьяны (Устьянский)* перестал существовать (межевые материалы конца XVIII в. указывают на месте бывшего погоста дер. Тулитова [ИАДП 1: 281]), хотя топонимические следы сохранялись довольно продолжительное время. Еще в конце XIX в. на «Плане земель, принадлежащих Старорусскому Городскому обществу», который дан в книге [Полянский 1885], в дельте Ловати и Полы значились пожня с характерным названием *Каменные Горы в Устьянах*, а выше по течению Ловати — пожня *Дождевая* (= «против *Устьян Дожжевка*» писцовой книги 1536 г.); эти уголья обозначены под № 99 и 44 на плане Ловатской дельты, см. [Чернов 1985]. Сегодня в данной местности значится деревня с «говорящим» названием *Городок* (Парф. р-н, Юрьевское с/п), рядом с ней находится средневековое городище.

Вернусь к вопросу идентификации вышеупомянутых древненовгородских топонимических форм «*Устьяхъ*» = «*въ Устьянѣхъ*» Мест. мн. Достоверность этой идентификации можно подкрепить целым рядом подобных фактов древнеславянского времени. Известно, что в раннедревнерусский период наименования лиц на *-ане* в Мест. мн. встречались не только в привычных формах **-ѡ*-склонения (с суффиксальным элементом *-ан-*), но и в древних атематических формах (внешне «неполноссуффиксальных», без элемента *-ан-*). Так, в разных списках «Повести временных лет» этнонимы *поляне*, *деревляне*, *сѣверяне* обнаруживаются в локативных формах «*въ поляхъ*», «*въ деревляхъ*», «*на сѣверѣхъ*» ('у полян', 'у деревлян', 'у северян', или, буквально, — 'в полянах', 'в деревлянах', 'на северянах'); они перемежаются с формами «*полянѣхъ*», «*деревлянѣхъ*», «*сѣверянѣхъ*». Подобные факты проявляются также в древненовгородском материале; ср. катойконим Мест. мн. «*на погощахъ*», интерпретированный как 'у погошан', т. е. 'у жителей погоста' в новг. бер. гр. № 526, одной из старейших (2-я треть XI в.) [Зализняк 2004: 241—242]. «Неполноссуффиксальные» наименования лиц в косвенных падежах мн. ч. (не только в Мест., но и в Дат. и Твор.), появившиеся в праславянский период фонетически закономерно [Трубачев 1982в: 5; Мейе 2001: 339]⁶⁸, к концу древнерусского периода окончательно

⁶⁸ Существует, впрочем, особое мнение Г. А. Хабургаева о том, что локативы типа «*въ поляхъ*», «*въ деревляхъ*», фигурирующие в «Повести временных лет», отсылают к собирательным этнонимам на *-а*, таким как **поля*, **дерева* [Хабургаев 1979: 200—205; 1990: 65—66].

заменились привычными, снабженными суф. *-an-* формами. Архаическая др.-новг. форма «*Устьяхъ*» беспредложного Мест. мн., замещенная впоследствии инновационной формой «*въ Устьянѣхъ*» **-ѥ*-склонения, отражает «неполносUFFIXАЛЬНЫЙ» катойконим на топонимическом уровне: речь идет о катойкониме, который стабилизировался впоследствии в качестве ойконима. Подобное соотношение инновационной (с *-an-*) и исконной (без *-an-*) форм показывает еще др.-чеш. геогр. *Úhošť'any*. Один из ранних источников XI—XII вв. фиксирует это название в беспредложном локативе «*Ugoščas*», который позднее заменился формой «*Úhošť'anech*», см. [Prof. MJ IV: 423—424]. Указанные топонимические факты (др.-новг., др.-чеш.) иллюстрируют, кстати говоря, синкретизм катойконимии и топонимии, о котором выше уже говорилось в связи с фиксациями «*в Городицянѣхъ*», «*въ Ходыницѣхъ*».

Итак, геогр. *Устьяне / Устьяни / Устьяны* — архаический ойконим, полученный по наименованию поселенцев на *устье* реки (здесь *устье* — слияние рек Ловати и Полы). Параллельный ойконим обнаруживается в Торопецкой земле: село *Устьяни* в Нежелской вол. по материалам писцового описания 1540/41 г. [ПКНЗ 4: 547, 549, 551] (= совр. *Устьяны* дер. на оз. Жижицком в Куньинском р-не Пск. обл.), — название, очевидно, обусловлено местоположением деревни в истоке (собственно в устье) р. Жижицы, соединяющей оз. Жижицкое с Западной Двиной. Следует отметить, что дериват *устьяне*, или *усьяна*, в функции отгидронимного микроэтнонимического наименования известен на Русском Севере: так называли жителей в бассейне р. *Устья*, п. пр. Ваги, л. пр. Северной Двины [Бернштам 2001: 426—427].

Наименования жителей на *-'ане*, отсылающие к деапеллятивным названиям местожительства либо к обозначениям реалий местного ландшафта, обусловили существование еще некоторых новгородских топонимов. В Ижерском пог. Вод. пят. около 1500 г. описывалась деревня с названием *Ревчане* [ПКВод 11: 418], которое безусловно возводится к форме *вревчане* — наименованию людей, живших по берегам р. *Врева (Вревка)*, протекавшей в этом же погосте (см. анализ в гл. 7); сегодня здесь р. *Вревка*, приток Ижоры. Кроме того, в Ижерском пог. отмечалась дер. *Горяне* 1500 г. [Там же: 374], название которой первоначально отсылало к имени *горяне* ‘жители *гор*, т. е. возвышенностей, холмов’. Лимноним *Желяне* оз. в Лолицком пог. Шел. пят. 1571 г. («Да у тое-жь деревни у Мозовѣра озерко *Желяне*») [НПК V: 502] скорее всего получен от имени людей, живших у р. *Желча*, пр. в Чудское оз. Об этой возможности позволяет думать то, что совр. дер. Музовер Стр.-Кр. р-на расположена в истоках р. Желчи, а возле деревни есть оз. *Болдыревское*, стекающее в Желчу, которое, по-видимому, приравнивается к средневековому оз. *Желяне*. Старописьменное геогр. *Хотчанѣ* дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 111] выглядит первоначальным наименованием поселенцев **хотчане* (хотя бывают и вторичные переоформления по структуре катойконима), полученным, в свою очередь, либо по водоему **Хотьца / *Хотьць* (известна, к примеру, р. *Хотца*, л. пр. Рапли, л. пр. Пчевжи, п. пр. Волхова на территории бывшей Обон. пят.), либо по некоторому сопредельному пункту (уместно вспомнить, что в Успенском Сабельском пог. писцовая книга 1500 г. указывает еще сд. *Хоченя* [Там же: 113]).

В книге Вод. пят. 1500 г. значится геогр. **Рѣчани**, дер. на Ковоши в пог. Покровском Дятелинском [НПК III: 629], межтерриториальными параллелями к которому выступают *Речани* село и *Речаны* дер. в Торопецкой земле 1540 г. [ПКНЗ 4: 523, 526, 529, 580—583], *Речани* как название многих сел в Болгарии (12 пунктов), словен. геогр. *Rečani*, чеш. *Řečany*, *Řičany*, словац. *Podrečany* [Заимов 1967: 165; Svoboda, Šmilauer 1960: 263; Hosák, Šrámek MJMS II: 412—413], кроме того, отмечали форму *rečane* в качестве др.-слав. этнонима [Трубачев 1982в: 4]. Все эти имена первоначально обозначали поселенцев у реки. Сходную мотивировку имеет геогр. **Ручане** дер. Никольского Сердовальского пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКВод 12: 150], восходящее к имени поселенцев у ручья (**ручане*). Геогр. **Осьяне** пуст. в Карачунском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 271] через наименование поселенцев связано с др.-рус. собир. *осье* ‘осины, осинник’, равно как с геогр. *Осье*, которое писцовая документация отмечает неоднократно (см.); показательно, что и сама форма *Осье* зафиксирована книгой 1539 г. как вариант ойконима *Осьяне*, см. [Андрияшев 1914: 409]. Близлежащие дер. **Теребляны** (1-е и 2-е) Котовск. Ок., в нач. XX в. — Заозерской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 20], идентифицируются со средневековыми пунктами, относившимися к разным смежным погостам Дер. пят. Совр. *Теребляны-1* соответствует дер. *Тереблено* Шегринского пог. 1945 г. [НПК II: 180], *Теребляны-2* приравнивается к дер. *Тереблень* Полищского пог. [Там же: 243] (в межевых материалах 1780-х гг. — дер. *Тереблена* [ИАДП 1: 237]). В данном случае старописьменная фиксация, похоже, отсылает к обозначению *теребленого*, т. е. расчищенного под пашню участка, однако поздняя форма — *Теребляны* — явно появилась благодаря вторичному сближению с обозначением людей (**теребляне* — ‘жители теребленого места’, ср. производные от др.-слав. катойконима **terbĕne* др.-болг. геогр. *Трибѣни* византийских источников, болг. геогр. *Требино*, согласно [Заимов 1967: 176]). У юго-западного рубежа Новгородской земли, в Буецкой вол. Дер. пят., была пуст. **Лучани** (*Сергеево*) XVI в. [ПКНЗ 5: 404], а на северо-восточной периферии изучаемой территории находилось село **Лучаны**, средневековый территориальный центр, описание которого (пог. Воскресенский в *Лучанех*) дают писцовые книги Обон. пят. 1564 и 1574 гг. [ПКНЗ 2: 129—131, 161]. Эти названия семантизируются как ‘живущие на луке — речной излучине’, ср. чеш. геогр. *Loučany* [Hosák, Šrámek MJMS I: 549] и др.-слав. племенной этноним **ločane* тождественного образования [Трубачев 1982в: 4]. Несколько ойконимов на -’ане прикреплены к среднему течению Ловати: **Поляни** дер. Находск. Холм. (ср. межславянские параллели: геогр. *Поляне*, *Поленье*, *Поляни*, села в Болгарии, *Poljane*, *Podpoljane* в Словении, *Pol’any* в Словакии [Заимов 1967: 161; Snoj ESSZI: 318] и этноним *поляне*), **Жирияне** дер. Каменск. Холм., а ранее — *Жирияне Большие*, *Жирияне Малые* Холм. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 14363, 14364], **Лужане**, или *Лужани*, дер. в Тор. р-не (ср. геогр. *Lužany* сел. в Чехии [Prof. MJ II: 698], *Lóžane* сел. в Словении, словен. *Lončano* сел. в Италии [Snoj ESSZI: 246]). Все три названия мотивированы наименованиями поселенцев на поле, открытой местности (**поляне*), на жирных, плодородных землях (**жиряне*), на луговой, т. е. низменной местности (см. опи-

сание дер. *Лужани*: «лежит в пониженном рельефе, между истоками Студенки и Оки» [Воробьев 2005: 222]). Древность этих ойконимов, однако, проблематична: бесспорные топосоответствия к ним по писцовой документации не выявлены.

Название древнего сел. *Чьрняне*, или *Чьрняны*, *Цьрняны*, упоминаемого летописью под 1200 г. в сообщении о набеге литовцев в Южное Приильменье («Ловоть възьяша Литва и до Налюця, съ Бѣлее до Свинорта и до Ворча середу; и гнашася новгородьци по нихъ и до *Цьрнянь* и бишася с ними, и убиша Литвы мужь 80, а новгородьць 15» (Син. сп.) [НПЛ: 45]⁶⁹), находит межславянские параллели в западно- и южнославянской ойконимии: болг. *Чернене*, словац. *Čereňany*, возможно, сюда же и польск. *Zaczerłany* с диссимилиацией *ń > l* (указаны по [Займов 1967: 182]). Проблема точная локализация данного летописного ойконима. Из приведенного фрагмента ясно, что пункт с названием *Чьрняне* (*Чьрняны*), которое не дают более поздние источники, находился где-то в Нижнем Половатье, между сохраняющимися сегодня селом Налючи и дер. Доворец. В. Л. Янин идентифицирует летописных «*Цьрнянь*» с центром средневекового *Черньчицкого* погоста на Ловаги, расположенным в 15 км выше (южнее) Налючей [Янин 1998: 75]⁷⁰. В нач. XX в. здесь значились одноименные крупное волостное сел. и пог. *Черенчицы* Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 114], сегодня — только дер. Коровитчинск. Ст-Рус. Хочется добавить, что приравнивание сел. *Чьрняне* к селу *Черенчицы*, центру погоста (ранее — также *Черньчицы*, *Черенчицы*, *Черенчинский*, см. [НПК II: 613, 616; IV: 328, 329, 331, 332, 335—343, 362, 459, 466; V: 48, 220—223, 236; ПКНЗ 4: 480]), подсказывается не только контекстом летописных ойконимов, обрисовывающих схему литовского маневра в Южном Приильменье, но и структурой самих географических названий. Тождество корня важно, но само

⁶⁹ В Ком. сп. после слов «бишася с ними» идет несколько иной фрагмент: «убиша у нихъ въ Клинь мужь 80, а новгородьць 15» [НПЛ: 239].

⁷⁰ Летописный рассказ оставляет ощущение двусмысленности относительно локализации битвы новгородцев с литовским отрядом. Судя по приведенному выше фрагменту из Синодального списка, погоня за литовцами продолжалась вплоть до *Чьрнян*, после чего состоялось сражение. Комиссионный список летописи уточняет место битвы введением геогр. *Клинь* («убиша у нихъ в *Клинь* мужь 80, а новгородьць 15»), о котором ранее мне уже приходилось писать: полагаю, этот топоним относился к части городской территории современного Холма [Васильев 2004а] или же, по крайней мере, обозначал обширную местность близ Холма, как считает В. Л. Янин [1998: 76—77, рис. 3]. Следует отметить, что уточнение «въ *Клинь*» является в Комиссионном списке, более позднем, чем Синодальный, соответственно, в нем ожидается и большее количество поздних корректур первоначального текста. В принципе, напрашиваются два предположения: 1) новгородско-литовское сражение произошло в *Чьрнянах*, а вставка «въ *Клинь*» просто уточняет исходный пункт литовского похода в Южное Приильменье, местонахождение плацдарма литовских набегов вообще; 2) сражение состоялось в Клине, поблизости от которого лежало селение *Чьрняне* — конечный, судя по тексту, пункт новгородской погони. Оказывается, однако, что дер. *Черенчицы*, с которой наиболее успешно отождествляется летописное сел. *Чьрняне*, далеко отстоит от холмского Клина: их разделяет приблизительно 80 км пути вдоль берега Ловаги. Поэтому, учитывая столь немалое расстояние между названными пунктами, более оправданной кажется первая из предложенных версий.

по себе малопоказательно, поскольку топонимов, производных от *чърн-*, более чем достаточно. Более существенно то, что обе топонимические формы, из летописи и из писцовых книг, легко квалифицируются в качестве дериватов от синонимичных катойконимов, различавшихся равнозначными суффиксами *-'ане* и *-ичи* при вариантной основе *чърн-* (*чърньц-*), скорее всего принадлежавшей апеллятиву, а не деапеллятивному антропониму. Суффиксальная синонимия создает предпосылки для суффиксальной мены, ср. при общей основе др.-рус. *озеряне* и *озеричи* 'живущие у озера'.

Разумеется, не все новгородские топонимы на *-'ане* отсылают к катойконимическим наименованиям. Так, названия ур. **Бѣжәне**, или *Бѣжаны*, на восточном берегу оз. Ильмень где-то неподалеку от Гостецкого руч. и дер. Гостцы Новг. р-на («Пожня Носок Сенкинской в Гостецком ручью да пожня наволочек в *Бѣжанех* да пожня Коллинская в Гостецком ручью» 1539/40 гг. [ПКНЗ 1: 365]) и дер. **Бѣжаны** в верховьях р. Луги Толмачевск. Луж. (под 1838 г. — *Бѣжани* в 1-м стане Луж. у. [ОСПбгуб: 101], во 2-й пол. XIX в. — *Бѣжана* [СНМРИ 37: № 2082]) произведены от др.-рус. *бѣжәне* 'беглецы, беженцы', см. [Срезн. МСДРЯ I: 216]. Ср. еще пск. название пос. *Бѣжаницы*, р. ц. на востоке Пск. обл., = *Бѣжаничи* сел. Боруцкого стана Пусторжевского у. по книге 1583 г. [Янин 1998: 145, № 34]. Об архаическом характере топоосновы *бѣжан-* (< праслав. **bĕžan-*) свидетельствуют *Μπεζάνου* и *Μπεζάνοι* — древнеславянские топонимы Греции, которые этимологически приравниваются к новгородским фактам [Илиади 2010: 172].

В целом же нужно подчеркнуть, что топонимия на *-'ане* атрибутируется в качестве декатойконимной со значительно большей надежностью, чем топонимия на *-ичи/-ицы*. Последняя зачастую плохо различима по мотивационному типу (патронимическая, посессивно-патронимическая, декатойконимная, нелично-топографическая) и, кроме того, может вступать в отношения словообразовательной вариантности с названиями на *-ица, -ец*.

АРХАИЧЕСКАЯ ОЙКОНИМИЯ С ПРЕФИКСОМ ПО-/ПА-

В славянских языках обнаруживает продуктивность деривационный топонимический тип, имеющий место и в балтийских языках, который можно описать формулой **ра-* + гидроним = хороним (наименование местности). В рамках этого типа путем трансонимизации при помощи преф. **ра-* образуются хоронимы — наименования местности вблизи водного объекта, указанного гидронимом (*Поочье*, *Посемье*, польск. *Powiśle*, чеш. *Polabí*, лит. *Panemunė* 'Понеманье' и т. п.). Вместе с тем А. П. Непокупный [1976: 70—74] констатировал в балтийских и славянских языках наличие специфического типа деривации названий населенных пунктов от названий близлежащих рек и озер при помощи преф. **ра-* (**ра-* + гидроним = ойконим). Такая ойконимия хорошо представлена в прусской и особенно в литовской ономастике (в Литве дегидронимные названия селений типа *Panėvėžys* ← *Nėvėža* р. — самые частые префиксальные образования в ойконимии), тогда как

в Латвии всего лишь несколько селений носят такие названия, а на всей обширной территории древней и современной Славии подобные ойконимы совершенно спорадичны и производят впечатление реликтовых. Непокупным собрано не более десятка славянских ойконимов данного типа, обычно с древними историческими фиксациями, чаще на славянском Юге: укр. *Потелич, Посвирж*, болг. *Поибрене* (?), хорв. *Pokuplje, Polonje*, др.-луж. *Poztupimi* (993 г., по р. *Stupe*), давшее название немецкого гор. Потсдам и нек. др.

Тщательное обследование топонимических ландшафтов в разных регионах Славии наверняка открыло бы новые факты, репрезентирующие изучаемый балтославянский деривационный тип, к изучению которого, по-видимому, никто более не обращался. В частности, на территории Новгородской земли тоже обнаружены дегидронимные ойконимы на *По-*, *Па-*. Примеры немногочисленны, но их общее количество в области «пригородных земель» Великого Новгорода не меньше той суммы, которую собрал Непокупный по всей Славии. В основном они компактно сосредоточены на небольшом пространстве ближних окрестностей оз. Ильмень. Любопытно, что один из таких ойконимов определенно отсылает к древнебалтийскому языковому источнику, остальные явно или предположительно славянские. Но во всех случаях изложенные ниже ойконимы, судя по комплексу лингвистических индикаторов и исторических упоминаний, характеризуются глубокой архаичностью. Наиболее показательным, что почти все они нашли отражение в старописьменной документации XV—XVI вв., относящей к возникновению их ко временам древненовгородской независимости. Вместе с тем большинство из рассмотренных средневековых названий по поздним источникам уже не прослеживаются. Новая ойконимия в рамках изучаемого типа после XV—XVI вв. практически не появлялась, по крайней мере, этому не находится надежных документальных подтверждений.

Один из самых достоверных славянских случаев реализации типа **ра-* + гидроним = ойконим являет название дер. *Похоловьё* Хрестцовичского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 435]. В нач. XX в. пункт именовался дер. *Харчевня* (*Похоловьё*) Крестецкой вол. [СНМНГ IV: 58—59], сегодня — дер. *Харчевня* в Кр. р-не. Деревня была названа по смежной с ней р. *Холова* (рядом в НПК описываются пункты *Холовского* пог.).

Столь же отчетливым по деривации и по семантике выступает название дер. *Посьясье* на р. *Сясь* в Костринской вол. Тихв. у. по источнику нач. XX в. [СНМНГ VII: 62—63]; более ранних сведений о пункте нет.

Преф. *по-* вариантен префиксу *па-* в общем значении пространственной близости, что хорошо показывают отдельные апеллятивные факты, например, общерус. *поберёжье* наряду с диал. (арх.) *пáбережье*, общерус. *пáводок* и диал. (ворон.) *повóдок* ‘половодье’ [СРНГ 25: 107; 27: 251]. При реализации изучаемого типа в области бывших новгородских пятин вариант *пá-* для древнерусского времени, кажется, был даже более активен, чем *по-*. Такое наблюдение вытекает из несколько большего общего числа средневековых дегидронимных названий на *Па-* в сравне-

нии с количеством названий на *По-*, равно как из отдельных фактов позднего замещения первых вторыми.

Наиболее очевидная средневековая новгородская ойконимия на *Па-* представлена, в первую очередь, названиями дер. *Пасторонье* Которского пог. 1498 г. [НПК IV: 96], по списку 1838 г. — дер. *Сторонька* 3-го стана Луж. у. [ОСПбгуб: 125] (видимо, по смежной рч. *Сторонька*, сегодня — *Посторонька* в Шим. р-не) и дер. *Пашолонок* в Михайловском на Узе пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 666] (по р. *Шелонь*, ранее *Шолона*, на которой стояла эта исчезнувшая деревня). Обращает на себя внимание также название села *Паозерье* на побережье оз. Ильмень юго-западнее Новгорода, отмеченного под 1551 г. [Там же: 316]. К трактовке последнего ойконима нужно учитывать, что *Озером* местные жители часто именуют оз. Ильмень, крупнейший водоем в регионе. Любопытно, что село *Паозерье* бывшего Паозерского пог. Шел. пят. приурочено к исторической местности, издревле именуемой тоже *Паозерье*, или *Поозерье* (сегодня — только *Поозерье*), — это микрорайон юго-западного побережья Ильменя, считающийся островком новгородской культурно-исторической и языковой архаики, одним из мест первоначального закрепления славян на Русском Северо-Западе (местные жители имеют отличительный микроэтноним — *поозёры*). Таким образом, дегидронимное название на *Па-* на общей территории одновременно использовалось для номинации и местности, и села. Другой новг. ойконим *Паозерье*, представленный в документации нач. XX в., локализован в Восточном Приильменье, он связан с деревней на оз. Вербенец в Пожарской вол. Кр. у. [СНМНГ IV: 84—85].

Впрочем, ойконимы типа *Паозерье* не однозначно вписываются в рассматриваемый тип. С одной стороны, они производны от апел. *озеро* и поэтому внешне не отвечают дегидронимной модели. С другой стороны, трудно отрицать их непосредственное примыкание к ойконимии *Похоловье* или *Пашолонок* хотя бы потому, что и те и другие изначально появлялись как ориентирующие *nomina propria* для номинации селений (а не местности) по берегам водоемов. При их трактовке встает серьезная проблема разграничения омонимичной топонимии и географической терминологии. Так, оба населенных пункта *Паозерье* стоят на озерах, которые в масштабах местного микроландшафта, местного говора безусловно наиболее выразительные ориентиры. В условиях единичности водного топообъекта апел. *озеро* способен выступать речевым заместителем устоявшегося лимнонима, функционально использоваться окрестным населением не столько для обозначения, сколько для называния, идентификации. В сущности, на диалектном «микроуровне» действует ономастическая универсалия нейтрализации топонимов и апеллятивов: термины, указывающие на выразительные и единичные объекты местного микроландшафта, в конкретных условиях говора выполняют в первую очередь топонимическую функцию (*Озеро, Река, Лука, Сосняг, Полой, Гарь* и др.), см. [Васильев 1998: 74]. Иными словами, апеллятив *озеро* способен в местных условиях превращаться в «ситуативный» лимноним *Озеро*, конкурируя с устоявшимся лимнонимом. При таком понимании повторяющийся ойконим *Паозерье* может трактоваться не только как

деапеллятивный, но и как дегидронимный дериват с преф. *па-*. Очевидно, подобный промежуточный характер носят и повсеместно распространенные ойконимы типа *Поречье*, содержащие указание на гидронимическое преломление апел. *река* ('деревня у Реки'), который относится к наиболее выразительным местным гидрообъектам. Не этим ли обстоятельством обусловлено то, что геогр. *Паозерье*, *Поозерье*, *Поречье*, несмотря на многократную повторяемость, не находят апеллятивной поддержки (в словарях диалектной лексики терминов *поозерье*, *поречье*, как будто, нет)? По-видимому, они сразу же возникали как ойконимы, в результате как раз не онимизации, а трансонимизации, точно так же, как вполне очевидные по деривации ойконимы *Похоловье*, *Пашолонок*. Кажется, аналогичным образом следует трактовать и такие новгородские ойконимы, как *Паберезье* дер. в Рютинском пог. Дер. пят. около 1495 и 1551 гг. [НПК I: 421; ПКНЗ 5: 198, 199], *Побережья* дер. на оз. Велье в Вельевской вол. Дем. у. [СНМНГ II: 26—27].

О дегидронимном характере некоторых ойконимов на *По-*, *Па-* в регионе Новгородской земли можно только догадываться, поскольку остаются пока не выявленными имена конкретных водоемов (речек, ручьев или озер), к которым прикреплены соответствующие населенные пункты. Но вместе с тем показательно, что гидронимы, на базе которых в рамках рассматриваемого типа могли бы быть получены отдельные новгородские ойконимы, издревле известны в иных восточнославянских регионах. Ниже анализируются несколько архаических названий населенных пунктов, описанных в документации XV—XVI вв. Они определенно отражают исконно гидронимические производящие основы, что само по себе приобретает немаловажное значение для их этимологической интерпретации.

Пажеревичи село, центр средневекового, отмеченного с конца XV в., *Пажеревского*, или *Пажеревичьского*, пог., или вол. *Пажеревичи* в верховьях р. Шелонь [НПК IV: 308, 367—407, 417, 419, 422, 444, 574, 578; V: 60, 61, 613—620; VI: 855]. Списки селений Порх. у. 2-й пол. XIX в. сообщают в этой местности о селе *Пажерицы*, иначе *Пожеревичи*, «при ручье» [СНМРИ 34: № 10359], известном сегодня как село *Пажеревичи* / *Пожеревичи* Дед. р-на. В этом же средневековом погосте под 1539 г. числится дер. *Пажерицо* [НПК IV: 394, 395], которая соотносится, по-видимому, с позднейшей дер. *Пожерицы* в Сорокинской вол. Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 10475]. Неясно отношение к этим пунктам руч. *Пажерницкий*, иначе *Пожерницкий*, п. пр. Колотни, п. пр. Шелони [Шан. РЛЮ: 492]. Названия *Пажеревичи*, *Пажерицо* можно предположительно считать производными от смежного водного названия с основой *Жер-ев-/Жер-*. Ср. наличие раннеславянской гидронимии на иных восточнославянских территориях: р. *Жерев* в басс. Припяти и рр. *Жерль*, *Жирак*, *Жириц* (*Жердь*), *Ненажора* в числе иных притоков Днепра, р. *Жеравка*, или *Жора*, сегодня *Жрака*, в Рязанском Поочье, и др., для которых находят этимологическое родство с *жрать*, *жерло*, *горло* [Трубачев 1968: 223—235, 253; Чумакова 1992: 98—99].

Пасерезье дер. в пог. Никольском в Шереховичах Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 885] (в Среднем Помостье близ р. ц. Любытино Новг. обл.); ср. р. *Сережа*,

п. пр. Куны, п. пр. Ловати севернее гор. Торопец, и р. *Сереженька*, п. пр. Велесы, л. пр. Западной Двины южнее гор. Андреаполь в Твер. обл. Гидронимическую основу *Сереж-* считали финноязычным наследием (ср. фин. *Särkijärvi*, эст. *Särgijärv*, от фин. *särki*, эст. *särgi* ‘плотва’), или связывали, на мой взгляд, менее достоверно, с лит. *sārgas* ‘сторож’, *sėrgėti* ‘охранять, сторожить’ [Топоров 1995: 32—33].

Понерлица дер., бывшая в верхнем течении Мсты в Коломенском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 99] (совр. сведений нет); ср. две известные реки, называемые *Нерль*, среди притоков Клязьмы в Ярославской обл. Одна из наиболее вероятных этимологий гидронимической основы — сближение с и.-евр. корнем **ner-*, выражающем идею ныряния, погружения.

Особый интерес вызывает название дер. **Понедѣлье** на рч. *Понедѣлька* в Красностанской вол. Кр. у. на восточном побережье оз. Ильмень [СНМНГ IV: 54—55]. Без сомнения, оно является еще одним дериватом с преф. *По-*, полученным от гидронима, но языковая принадлежность этого ойконима скорее не древнеславянская, а древнебалтийская. Писцовая книга Дер. пят. 1495 г. сообщает о *Понедѣльском* погосте-округе на восточном берегу Ильменя [НПК II: 114, 454, 465—470, 484; IV: 569], здесь же стоял древний Никольский монастырь «на *Понедѣлье*», о котором известно из летописи впервые под 1386 г. (был закрыт в 1764 г.). Сегодня в этой местности значится лишь рч. *Понеделька*, л. пр. Ниши, р. в оз. Ильмень, название речки получено по исчезнувшей в XX в. дер. *Понеделье*. Но в ойкониме «прочитывается» и обратная трансонимизация: в более раннюю эпоху название дер. *Понедѣлье* было произведено при помощи префикса от первоначального названия этой же смежной речки. Исходный древний вариант гидронима, похоже, имел беспрефиксальную основу **Ned-el-*, **Nid-el-* (написание с «ять» — вторичное сближение со словами *недѣля*, *понедѣльник*), восходящую к и.-евр. **ned-* ‘течь, плыть, устремляться’ с очевидным балтийским деминутивным оформлением, что предполагает прежде всего сравнение с гидронимическими балтизмами *Niedulė*, *Niedulis* в Литве, *Niėdali*, *Niedel-plava*, *Niėduols* в Латвии, *Нидалька* п. пр. Березины, и *Ниделька* / *Неделька* р. в басс. Сожа (об этих балтизмах см. [Vanagas 1981: 230; Топоров 1988: 161—162; Топоров, Трубачев 1962: 199]). Примечательно, что рядом с *Понеделькой* на восточном побережье Ильменя протекает рч. *Неденка* (там же дер. *Недно*), название которой показывает общий корень (**ned-*), но иную суффиксацию. Можно подозревать и в самой производной форме *Понеделье* авторство балтов, а не славян. Дело не только в том, что данный ойконим удачно сочетает определенно балтийскую гидронимическую основу с моделью деривации, продуктивной для литовского и прусского языков, но и в том, что сам этот микро-район юго-восточного ильменского побережья выразительно насыщен топонимией балтийского происхождения, см. [Васильев 2007а: 273, 275—276]. Сложение здесь ранненовгородского территориального центра (*Понедельский* пог.), наличие монастыря в древнерусское время — суть исторические свидетельства древности села *Понеделье*, по-видимому, унаследованного славянами от балтов.

СРАЩЕНИЯ С МЕСТОИМЕННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Ондвор дер. Новг. на берегу оз. Ильмень в Поозерье (Ракомское с/п), в нач. XX в. входила в Ракомскую вол. Новг. у. [СНМНГ 1: 66—67]. Деревня под названием *Ондвор* впервые указана писцовой книгой 1498 г. в Паозерье Шел. пят. [НПК V: 290], в описаниях 1573, 1582—1584, 1629 и 1646 гг. пункт отмечен пустой деревней или пустошью, но книга 1674—1682 гг. фиксирует дер. *Ондвор* «что была пустошь» [МАНк]; это же название без вариантов дают все поздние материалы XVIII—XXI вв. По структуре ойконим являет собой древнерусское атрибутивное сочетание указательного местоимения *онъ* ‘тот’ (указание на предмет или лицо, отдаленные от говорящего) и существительного *дворь*. Понимается в значении ‘тот двор’, где под *двором* скорее всего имелись в виду жилые постройки некоего боярина, знатного человека.

Название с тождественной структурой использовали жители средневекового Новгорода, — это летописное геогр. **Онпол** (иначе *Зареченская сторона*) в буквальном смысле ‘та половина’, ‘тот бок’. Под *Онполом* новгородцы знали Торговую сторону Новгорода, находившуюся на «том», противоположном берегу Волхова и противопоставлявшуюся Софийской стороне на «этом» берегу; ср. также производное *ониполовичи* — ‘жители Онпола’ (например, под 1218 г.: «...И преидоша ониполовици в лодкахъ, и поидоша силою великою»), они же *заречане*, см. [НПЛ 58: 259, 366, 417].

Еще одно сращение с местоимением *он(-ъ,-а,-о)* обнаружено неподалеку от Вологды: это название пог. *Оночестъ* в Кипеловском с/с Вологодского р-на, иначе *Аночистъ*, по списку селений сер. XIX в. Данный ойконим справедливо трактуется как **Она-чистъ*, букв. ‘та чисть’, где *чистъ* ‘расчищенное из-под леса место’ [Чайкина 1988].

Аналогичную местоименную структуру показывает еще геогр. **Тидворье** дер. Неболчск. Люб., в 1911 г. принадлежавшая Усадьевской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII: 122]. Название, остающееся неизменным на всех картах и во всех списках селений XIX—XX вв., происходит из формализовавшегося сочетания указательного местоимения *ти* (*те*) и существительного *дворы* во мн. ч., означавшего ‘те дворы’. Позднее ойконим оформился по продуктивной модели на *-ье*, характерной для топонимов-ориентиров, таких как *Задворье*, *Загрязье*, *Подмошье*, *Подберезье*, *Поозерье* и т. п.⁷¹

⁷¹ Основа *двор-* характерна для многих ойконимов Новгородской земли, содержащих указание на типологию поселений, см. повторяющиеся в НПК геогр. *Двор*, *Большой Двор*, *Великий Двор*, *Дворище*, *Дворицо*, *Дворици*, *Дворица*, *Дворец*, *Дворецко*, *Дворици*, *Дворца*, *Дворное*, *Задвор* и т. п. Такие названия отражают поселенческие термины *двор*, *дворище*, *дворец* в различных значениях. Термином *двор* на новгородской территории обозначали любой двор, но ойконимия обычно закрепляла указание на двор помещика, феодала (то же относится и к составным обозначениям *большой двор*, *великий двор*). Термин *дворец* (с деминутивным суф. *-ец*) в топонимическом преломлении скорее всего отсылает к забытому ныне значению

Надо полагать, новг. геогр. *Ондвор*, *Онпол*, *Тидворье* являются результатом «сторонней» номинации, т. е. были присвоены со стороны жителей соседних селений.

На Русском Северо-Западе редкую модель двусловных топонимов с первым местоименным компонентом, возможно, демонстрируют еще названия смежных оз. *Вселук*, или *Вселуг*, и дер. *Вселуки* Пен. р-на, расположенных у границы с бывшей вол. Стерж Дер. пят. Духовная грамота 1506 г. указывает в этой местности «волость *Всолук*» Ржевской земли (цит. по [Янин 1998: 206]), а летописный список городов конца XIV в. — гор. *Селукъ* среди «градов Литовских» [НПЛ: 476]. В геогр. *Вселук* допустимо видеть сращение **Вьсь лукъ* ‘весь лук; вся лука’; ср. название древнерусского гор. *Шеполь* Волынской земли (впервые указан под 1097 г.), трактуемое как **Всеполю* (‘все поле’), но с отражением типовой зап.-слав. формы местоимения: *вше-* < *вьхе-* [Трубачов 1971: 5] (иная трактовка геогр. *Шеполь* — из **Шестьполь* ‘шесть полей’, допускаемая С. Роспондом [1972: 54] и вслед за ним Р. Мароевичем [1997б: 166], менее убеждает, см. еще [Нерознак 1983: 189]). Ср. еще названия рр. *Сюземка* (и при ней село *Соземка*) и *Сезема* в Поочье, равно как ойконимы *Sezemice*, *Sezimky* в Чехии и т. п. факты, основа которых хорошо объясняется как **se-zem-* ‘эта земля’ [Трубачов 1971: 15]. Структуры с местоименным компонентом встречаются и среди личных имен и обозначений, ср. чеш. личн. *Sezeta*, польск. *Zesema* [Svoboda 1964: 85] или др.-новг. личн. *Сежирь* и **Тужирь* (см. *Тужирово*), др.-рус. *сеземьць* и рус. *туземец*.

‘маленький двор’. Термин *дворище*, по наблюдениям В. П. Лемтюговой [1983: 85], в новгородских и других русских землях имел разные значения: ‘земля’, ‘поселок’, ‘дворянский особняк’, ‘земельный участок’, во мн. ч. (*дворищи* или *дворища*) им обычно обозначали ‘место, где был двор или несколько дворов’.

ГЛАВА 9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ В НОВГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ

Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли:
все нам равно, было бы вино...

А. С. Пушкин. Борис Годунов.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Архаическая славянская топонимия в регионе Новгородской земли тесно переплетена с дославянской топонимией, что подразумевает языковые контакты древних славян, пришедших в Приильменье и Поволховье, с населением, в основном финноязычным и балтоязычным, ранее освоившим данную территорию. Славяне восприняли значительную долю дославянских названий и адаптировали их фонетически и словообразовательно, а иногда и лексически — с переосмыслением значений и сближением со славянскими лексемами или с переводом (калькированием) на славянский язык. Помимо названий, славяне порой заимствовали иноязычные апеллятивы, часть из которых прочно вошла в топонимию и оказалась отраженной почти исключительно в географических названиях новгородско-псковского ареала. Что касается славяно-балтийских топонимических связей, то обнаруживается большое количество фактов, преимущественно гидронимических, неявно дифференцируемых или не дифференцируемых вовсе по этноязыковой принадлежности. Зачастую трудно или невозможно отделить названия балтийского происхождения от славянских, в первую очередь от архаических, непродуктивных. Эта ситуация обусловлена значительной близостью славянского и балтийского языков в I тыс. н. э. Наиболее яркие и выразительны те топонимические балтизмы, которые в полной мере содержат специфические черты балтийских языков, дифференцирующие их от славянских (например, *Воролянка, Стабёнка, Шлино*). Значительно хуже подразделяются на славизмы и балтизмы названия с общими балто-славянскими корнями, которые, как правило, характеризуются структурными элементами, тоже общими для обеих групп языков (*Бebro, Смердомка, Смородинка, Снежа, Полона, Редья, Ретомля* и др.). В таких случаях опорой служат различные дополнительные признаки, вскрываемые при более основательном анализе: частотность / раритетность отдельных морфем или

цельноструктурных параллелей в топонимии и апеллятивной лексике балтов и славян, типичность / нетипичность номинационных моделей топонимов в балтийских и славянских языках, закономерная / незакономерная славянская адаптация названий, наличие / отсутствие топонимических вариантов, территориальное соседство плохо дифференцируемых, «балто-славянских» названий с надежными, «маячковыми» балтизмами. В целом глубокий и тщательный анализ названий, которые на первый взгляд вполне допускают балтийские трактовки, часто открывает новые возможности более убедительного объяснения их как славянских топонимических архаизмов. Такие новгородские гидронимы, как *Березай, Бологое, Велья, Вельё, Вилейка / Велейка, Веребья, Веть, Витка, Водоса, Волма, Витебско, Выдерка, Желонка, Колодея, Колпинка, Крупна, Линенка, Лопанка, Лютейка, Меглинка, Песно, Плюсса, Радча, Туренка, Тушемля, Уча, Черменецеко, Черенка* и др., неоднократно повторяющиеся на Северо-Западе и в других регионах и ранее объясненные или предварительно помеченные исследователями как балтизмы, оказалось предпочтительнее отнести к древнеславянскому слою. Разумеется, в топонимическом ландшафте Новгородской земли имеются и т. н. «невидимые» балтизмы (как, впрочем, и «невидимые» финнизмы), ввиду того что многие усвоенные от дославянского населения географические имена были фонетически изменены под влиянием славянского суперстрата настолько, что отличить их от очевидных славянских названий сегодня практически невозможно.

Традиционно считается, что рассматриваемая новгородская территория целиком относится к финноязычной этноисторической области, являясь частью обширного ареала культуры текстильной керамики. Однако недавно выяснилось, что в регионе сохранилось множество языковых следов присутствия балтов, причем эти следы обнаружены не только в гидронимии, но и среди названий населенных пунктов и урочищ: *Вдаль / Гдаль, Ловасицы / Ловосицы, Цемена, Яжелбицы* и др. Вероятные балтийские ойконимы наиболее ценны тем, что отражают не обобщенное балтийское присутствие, а конкретные поселения балтов, четко локализуемые, предполагающие давнюю освоенность отдельных местностей. Проблематика, относящаяся к древнебалтийскому освоению Русского Северо-Запада и к языковым следам присутствия балтов в новгородско-псковских землях ранее подробно обсуждалась, см. прежде всего работы: [Агеева 1980а; 1980б; 1989: 185—208; Топоров 1995; 1999; 2001; Васильев 2007а; 2008а; 2009а].

Ниже освещены лишь несколько аспектов славяно-балтийского пересечения, существенно значимых для исследования славянской топонимической архаики Новгородской земли. К анализу привлечены, во-первых, возникшие в ранний период славянские названия, трактуемые как метонимические кальки дославянских топонимов, преимущественно гидронимов, указывающих на смежные или соседние водоемы (см. карту 14), во-вторых, отдельные топонимические и апеллятивные факты, находящие балтийские этимологии, но издревле прочно усвоенные и широко разнесенные славянами по территории, т. е. в значительной мере определяющие специфику топонимического ландшафта Новгородской земли.

ВЕРОЯТНЫЕ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ КАЛЬКИ С БАЛТИЙСКОГО

Озеречня п. пр. Маревки, п. пр. Полы, с вариантами *Озерешня* [Шан. РЛЮ: 370], *Зорешня* [Истомина, Яковлев 1989: 73]. Данный гидроним, который осмысливается вполне очевидно ('озерная река'), скорее всего обязан своим появлением благодаря древнеславянскому переводу дославянского названия более крупной смежной реки. Эта смежная река, именно совр. *Марёвка*, притоком которой является *Озеречня*, в раннедревнерусское время носила имя *Морея*, донесенное новгородской грамотой князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю 1134 г.: «От *Морее* съ върхъ Глистьне на върхъ Робьи Ильмны» [ГВНП: 140]¹. Оно хорошо трактуется как дославянское (др.-балт. или даже более раннее — др.-евр.) образование на базе и.-евр. **mar-* 'стоячая вода' с суф. *-eja* (ср. гидронимы типа лит. *Rovėja*, лтш. *Lēcēja*, *Sūsēja*, *Ūbēja* и др.) и имеет соответствия по корню с балт. *Marà*, *Maras-upe*, *Mariņa* и, может быть, с *Māra*, *Mār-upe*, *Merà* (*Merià*), рр. Литвы и Латвии, *Marelè*, *Marēs*, болота в Литве [Vanagas 1981: 204], далее с *Марица*, рр. в Болгарии, Греции, Турции, *Morava* (ранее *Marus*, *Maraha*, *March*) л. пр. Дуная в Чехии и Словакии, давшей название др.-слав. племени *моравы* и области *Моравия*, *Морава* (иллир., фрак. *Margos*, *Margus*) п. пр. Дуная в Сербии, *Муреш* (рум. *Mureș*, венг. *Maros*) л. пр. Тисы басс. Дуная, и др. [Krahe 1963: 329], подр. см. также [Васильев 2009а: 267—268]. Среди аппеллятивов сюда относят др.-ирл. *tuir*, англосакс. *merisc* 'болото', лат. *mare* 'море', др.-в.-нем. *tuor* 'болото, трясына, зыбун', рус. диал. *море* 'болото; озеро', и др. [Фасм. ЭСРЯ II: 654]. Таким образом, представляется, что название *Морея*, имевшее исходный смысл 'озерная (или болотная) река', было переведено пришлым славянским населением на свой диалект и перенесено на ближайшую реку-приток, ставший р. *Озеречня*. Переносу способствовали обстоятельства гидроландшафта реки: и *Озеречня*, и *Марёвка* действительно являются реками, вытекающими из озер. Архаический, древнеславянский, характер калькированного гидронима *Озеречня* / *Озерешня* отражен в таком фонетическом моменте, как отпадение начальной гласной *о* (вар. *Зорешня*). Данное явление прослеживается как в славянских, так и в балтийских языках, см. подр. о нем при анализе новг. геогр. *Зиряево* (из **Озеряево*), *Зернино* (из **Озернино*).

Каменка п. пр. Полы. В отличие от десятков и сотен иных проявлений «прозрачного» гидронима *Каменка* на восточнославянской территории², в данном кон-

¹ Подр. об идентификации *Морея* с совр. р. *Марёвка*, на которой стоит село *Марёво*, р. ц. Новг. обл., часто отмечаемое средневековой документацией Новгородской земли, см. в ст.: [Васильев 2002а: 41—46].

² *Каменка* — повсеместно распространенное, частотное водное название как на Русском Северо-Западе, так и на всей Среднерусской равнине, везде, где немало имеется каменистых речек и ручьев. Например, в справочнике, описывающем гидрографическую сеть на территории Лен. и Новг. областей [Шан. РЛЮ], приводится приблизительно три десятка рек с названием *Каменка* и четыре десятка *Каменных* ручьев (с. 601). Обычно эти водотоки незначитель-

кретном случае название скорее всего является метонимической калькой, в частности, оно обязано своим появлением смежному гидрониму *Стабёнка/Стобёнка*, относящемуся к соседней реке, л. пр. Щеберихи, п. пр. Полы. Рр. *Каменка* и *Стабёнка/Стобёнка* (и при ней ур. *Стобня*) среди притоков верхней Полы текут на север почти параллельно друг другу, местами сближаясь до 2 км. Второй гидроним из этой пары отражает балтийский апеллятив — др.-прус. *stabis* ‘камень’. Что касается деривации, точнее будет возвести его к прилагательному со значением ‘каменная’, как и *Stabinė*, название луга, горы в Литве [Vanagas 1981: 313], *Стабно* оз. в Тор. у. [Шк. ОПскГ: 116] (по совр. данным — оз. *Стадно* со стоком в оз. Сипово басс. Ловати), *Стабенка* (*Стабня*), *Стабна*, *Стабница*, рр. в Верхнем Поднепровье [Топоров, Трубачев 1962: 209]. *Каменка*, рассматриваемое в данной микросистеме как вторичная калька, в точности соответствует смежному субстратному *Стабёнка/Стобёнка* и по семантике основы, и по типу деривации. Очевидно, балтийский гидроним был переведен древнерусским населением как *Каменка* с дальнейшим закреплением за ближайшей рекой. Этому переносу кальки опять же способствовал ландшафт реки: в русле Каменки тоже много камней.

Каменка п. пр. Осьмы, п. пр. Волхова (Чуд., Мал. р-ны) является еще одной бесспорной метонимической калькой, но в данном случае древнеславянским переводом субстратного названия главной реки *Осьма/Осма*. Последнее — очевидный балтизм, соотносимый с лит. *ašmið*, лтш. *astens* ‘острие; лезвие ножа’ (< ‘камень’), др.-инд. *ásta* ‘камень, скала’, авест., др.-перс. *asman-* ‘камень’. Поволховский гидроним входит в контекст родственных речных названий в основном на древней балтийской территории, которые толкуются исследователями через сближение с др.-балт. обозначением камня: *Осьма/Восьма* р. в верховьях Днепра [Топоров, Трубачев 1962: 165, 181, 200], *Восма* л. пр. Безпуты в Подмосковье, *Осма*, *Осьма*, *Восма*, *Восьма*, *Осменский*, *Восменский*, *Восминский*, *Восемской*, *Осьмушной*, *Османовка*, реки и ручьи в Поочье [Смол. ГБО: 40, 98, 144, 145, 156], интерпретированные как балтийские [Топоров 1972: 255; 1998: 301—302]; сюда же относятся р. *Осмонь* в Курской и Орловской губ., *Осмянка* в Виленской и Каунасской губ., *Осмониха* басс. р. Великой (см. [Агеева 1989: 194]), *Ašmenà*, *Ašmenų upelis* в Литве, *Ašmenų-ęžers*, *Asmenīte*, *Ašmenī*, *Ašmaņi* в Латвии, курш. *Assme* и др. [Vanagas 1981: 50; Endzelīns LV I: 44]. Семантически весьма показательным названием р. *Каменная Осмонька* в Курской и Орловской губ. (атрибутировано как иранское по происхождению [Топоров, Трубачев 1962: 222]). Сюда еще название *Осьм* р. в Болгарии, которое В. Георгиев и Д. Дечев связывают с и.-евр. **ak*- ‘камень’, цит. по

ны по размеру. Ввиду многочисленности *Каменок*, порой считают, что существует диалектный апеллятив *каменка* со значением ‘речка или ручеек, у которого ложе каменистое’ [Маштаков 1931: 44], ‘речка по каменистому ложу’ [Даль ТСЖВЯ 2: 81], который время от времени становится гидронимом. Скорее, однако, речь должна идти не об онимизации готового апеллятива, а о морфологическом оноимобразовании путем свергывания словосочетания *Каменная река* (т. н. семантическая конденсация).

[Ковачев 1961: 22]. Семантика гидронима *Осьма* в Поволховье как наименования 'каменной' реки подтверждается не только именем р. *Каменка* как главного притока Осьмы, но и названием средневековой дер. *Камеская/Каменская* на р. Осьма («Да у *Камеской* деревни угодыя, что перемыло рекою *отмою*»³) в пог. Коломенском на Волхове Обон. пят. 1564 г. [ПКНЗ 2: 66].

Хохулька рч., впадает в оз. Ильмень с восточной стороны. Впервые упомянута в новгородской пергаменной грамоте 60—70-х гг. XV в. — рядной Федора Акинфовича, его жены и детей с Матвеем Ивановичем. Документ очерчивает границу наследуемой земли, проходившую отчасти «от броду ввѣрхъ по *Хохули* рѣки»; обозначенная волостка в Сытинском пог. Дер. пят. охватывала, помимо прочего, «болшеи дворъ *Хохульской*» и окрестные села «на *Хохули*» и «за *Хохулеи*» [ГВНП: 179—180, гр. № 122; Янин 1990: 228]. Позднее р. *Хохуля* указана писцовой книгой Дер. пят. 1550/51 г.: «... На пожни на Владычни на речке на *Хохуле* сена косят 80 копен» [ПКНЗ 5: 257]. По речке получила название поставленная на ней дер. *Хохуля* Сытинского пог., указанная платежной книгой 1543 г. [ПКНЗ 4: 466] (= «болшеи дворъ *Хохульской*» из грамоты XV в.), позднее ставшая дер. *Хохуль* Красностанской вол. Кр. у.; в свою очередь, по ойкониму *Хохуль* словообразовательно закрепился уже современный вид гидронима — *Хохулька*. Со временем данная речка стала именоваться также *Сытинка* (по селу *Сытино*, центру погоста), в связи с чем список селений нач. XX в. дер. *Хохуль* указывает именно на р. *Сытинке* [СНМНГ IV: 54—55] (хотя карта 2-й пол. XIX в. помещает дер. *Хохуль* на *Хохульке* [ВТКЗверст]). Совр. списки водоемов Новг. обл. [Истомина, Яковлев 1989: 72] отмечают речку под названиями *Хохулька* и *Сытинка* (*Сытенка*), но второе относится к нижнему течению водотока.

Исходный гидроним *Хохуля*, помимо соответственного названия оз. *Хохуль* в низовьях Дона [Vasm. WRG V: 62], имеет достоверную нарицательную параллель: рус. диал. *хохуля* 'выхухоль, мускусная крыса': «И *хохуля* себя не хулит, даром что воняет» [Даль ТСЖВЯ 4: 563]. Выхухоль в прибрежной зоне Ильменя сегодня не известна⁴, но в далеком прошлом местная фауна отличалась от современной. Специалисты отмечают, что выхухоль еще в недавнем прошлом водилась в водоемах бассейна оз. Ильмень [Герасимов 1988: 36]. Как раз условия берегов Ильменя и рч. *Хохульки* (водная растительность, старицы, заливные поймы) благоприятствуют обитанию этого редкого зверька. В данном случае обозначение животного прямо было закреплено в качестве водного названия⁵.

³ Написание «*отмою*» требует безусловного исправления на «*Осмою*».

⁴ Этот своеобразный водный зверек отряда насекомыхных, внесенный в Красную книгу, обитает сегодня, пожалуй, лишь в Черноземной России, почти исключительно в Хоперском заповеднике в Воронежской обл.

⁵ Гидронимы, равные обозначениям животных, встречаются в регионе Новгородской земли довольно часто. Вот лишь некоторые примеры данного типа: *Векша* п. пр. Шелони (= диал. *вѣкша* 'белка'), *Крекиша* как приток Ильменя в Ст-Рус. р-не (= новг. диал. *крѣкша* 'утка кряква' [НОС 4: 140]), *Крякша Большое* и *Крякша Малое*, озера в Кемецкой вол. Валд. у.

Для этимологизации гидронима *Хохулька* весьма показателен тот факт, что на восточном побережье Ильменя, немного севернее рч. Хохульки, течет река, скорее протока в дельте р. Мсты, называемая по совр. данным чаще р. *Кармянная*, реже *Кормянная*, *Карамянная*. Об этой реке становится известно с XVI в. при описании сенокосных угодий в Наволоцком пог. Дер. пят. Покосы «на *Кормяне*» многократно отмечались в отписных и оброчных книгах пригородных пожен Новгородского дворца 1535/36—1539/40 гг., а писцовая книга 1538/39 г. указывает разные пожни «на реке на *Кормине*» или «на реке на *Кармине*», или «на *Коромяне*». Следовательно, средневековыми вариантами гидронима были *Кормина* / *Кормяна*, реже *Коромяна*, этот гидроним относился тогда не только к речке-протоке, но и к смежному с ней болоту: «Пожня Алферьевская Иванова сына Афонасова Ласыщынская на реце на *Кормяне*» и рядом: «Марфинская Исакова пожня на *Кормяне* болоте» (Все сведения взяты из [ПКНЗ 1: 317, 318, 319, 321, 326, 351, 352, 361, 364, 365, 367, 372; 4: 206—207]). Этот явно неславянского облика гидроним был соотнесен мною с балтийским обозначением выхухоли и крота, ср. лит. *kūrmis* ‘крот’, но особенно *kurmėnas* ‘выхухоль’ и рр. *Kurminė*, *Kūrmė*, оз. *Kūrmis*, *Kūrm-ežeris* в Литве (Отрембский и Ванагас связывали эти литовские гидронимы с обозначением крота [Otrębski 1959: 25; Vanagas 1981: 174]), *Кормянка* р. в басс. Жиздры в Поочье [Смол. ГБО: 32], см. еще [Васильев 2009б: 101—107].

Похоже, субстратное название р. *Кормина* / *Кормяна* (> *Кормянная*) приравнивается к локализуемому поблизости славянскому *Хохуля* (> *Хохулька*) не только по семантике этимона, но и по характеру деривации, тоже будучи результатом гидронимизации фаунистического термина, но балтийского. Др.-рус. *Хохуля* в данной паре допустимо считать названием, переведенным с более раннего балтийского и перенесенным на соседний водоток.

Стоит заметить, что новг. *Хохуля*, рассмотренное в связи с диалектным обозначением выхухоли, свидетельствует не только о местообитании выхухоли вблизи Ильменя, но и выступает самым ранним свидетельством укорененности самого обозначения на севере восточного славянства, что, похоже, отрицает гипотезу Новиковой о позднем заимствовании его из калмыцкого [Фасм. ЭСРЯ IV: 273]. По-видимому, о давней известности слова *хохуля* на новгородской территории го-

нач. XX в. [СНМНГ 5: 51, 53] (ср. новг. диал. *кряка*, *крякуша* ‘утка’ [НОС 4: 165]), *Коль* р. в басс. Суды (= диал. *коль*, *кóлтик*, *кóлтица* ‘чубатая птица из разряда цапель’ [Даль ТСЖВЯ 2: 143]), *Комар* л. пр. Оскуи, п. пр. Волхова, *Ящерка* л. пр. Вякуньки, п. пр. Дрегли, п. пр. Сяси, и *Ящера* п. пр. Луги (но в данном конкретном случае производность от апел. *ящерь*, *ящерица* гипотетична, поскольку в средневековой письменности гидроним пишется с начальной «ять»), дважды *Утка* — л. пр. Явони, п. пр. Полю (и *Утёнок* как л. пр. *Утки*) и л. пр. Лубенки, п. пр. Луги, *Щука* п. пр. Мсты, *Щучка* л. пр. Пяты, п. пр. Плюсы, *Гоголица* л. пр. Мсты, *Медведь* л. пр. Тихвинки, п. пр. Сяси, *Змейка* руч. в дельте Мсты, и др. Причины появления такого рода гидронимических номинаций различны, но в любом случае они указывают (прямо или опосредованно) на наличие в прошлом и/или в настоящем соответствующих представителей фауны в окружающем ландшафте.

ворят и такие производные лексемы, как геогр. *Хохулино* пуст. в Наволоцком пог. Дер. пят. 1495/96 г. [НПК II: 459] (локализуется в Северо-Восточном Приильменье, недалеко от течения р. *Хохулька*) и новг. диал. *хоху́линка* в значении, правда, не «фаунистическом» — ‘пучок льна, захватываемый пястью’ (Хв.) [НОС 12: 24]. Наличие новг. *хоху́линка* ‘пучок’ едва ли стыкуется с устоявшимся мнением сблизать обозначения водного зверька *хоху́ля*, *выхухоль* с чеш. *chuchati* ‘дышать, выдыхать’, польск. *chuch* ‘дыхание’, видя в них первоначально ‘животное, испускающее вонь’ [Фасм. ЭСРЯ IV: 273]. С учетом новг. *хоху́линка* обозначение выхухоли лучше трактуется по признаку густого мехового покрова этого зверька (‘животное с густым мехом’), так, кроме чеш. *chuchati*, указывают еще др.-чеш. *chuchel*, Род. ед. *chuchla*, ‘пучок, клочок волос, шерсти’ (с которым А. Профоус связывает чеш. геогр. *Chuchel*, *Chuchle*, *Chuchelnik*, *Chuchelná* и др. [Prof. MJ II: 70—71]).

Загозка, или *Загоска*, рч. в дельте Ловати, считается рукавом оз. *Загозино*, данного в описании водоемов Ст-Рус. у. [Пылаев 1929: 22]. В деривационном отношении манифестирует еще один случай прямой гидронимизации фаунистических терминов. Гидроним равен обозначению кукушки, ср. др.-рус. термины *загоска*, *загозица* ‘кукушка’ [СлРЯ XI—XVII 5: 170, 174], сохраняемые и совр. говорами (Новг., Пск., Олон., Смол., Ленингр.) [СРНГ 10: 15], а также прямо закрепленные в нескольких новгородско-псковских ойконимах⁶. Данному славянскому гидрониму соответствует по тождеству семантики и деривации субстратный гидроним *Дегжа* / *Догжа*, тоже локализуемый в дельте Ловати, относящийся к протоке ниже рукава Копанец на запад. Этот несомненный след древнебалтийского присутствия на берегах Ильменя раскрывается сопоставлением с лит. *degužė*, *gegužė*, лтш. *dzeguze*, прус. *geguse* ‘кукушка’ и названием р. *Dėguž-ravis* в Литве. Среди межтерриториальных параллелей известны название *Дегжа* озера и приозерного селения, центра средневекового *Дегожского* пог. в истоках р. Шелони, описываемого с конца XV в. [НПК IV: 247 и след.; V: 359 и след.; ПКНЗ 6: 21, 125—127, 128] (= *Дегжо* пог. и ус. при р. Шелони по спискам 2-й пол. XIX в., № 10642, 10643 [СНМРИ 34]), а также оз. *Дегжа* в окрестностях Новоржева [Vasmer 1933: 32; Агеева 1989: 189]. Водные имена *Загозка* и *Дегжа*, компактно локализованные в устье Ловати, скорее всего связаны единством происхождения. Надо полагать, славянский гидроним здесь вторичен по отношению к балтийскому, более раннему: он появился путем перевода субстратного балтизма и последующего закреплением кальки за смежным водным объектом.

Ясно дер. Красноармейской вол. Порх. р-на, = *Ясен* / *Ясно* волостное село и пог. при рч. *Ясенка* / *Яшенька* в Ясенской вол. Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34: № 11699]; отождествляется с центром средневекового *Ясенского* погоста-округа Шел. пят., деревни которого многократно фиксируются начиная с 1498 г. [НПК IV:

⁶ Таковы: *Загозко* дер. Опоцкого пог. Шел. пят. 1498 г., иначе *Жегоска* дер. под 1576 г., у же «пуста» [НПК IV: 170; V: 687], *Загозка* дер. Дягиленского пог. Вод. пят. около 1500 г. [ПКНЗ I: 102], совр. *Загозка* дер. Порх. р-на (на территории бывшего Дубровенского пог., ранние сведения не найдены), *Загоски* дер. в районе Пушкинских Гор Пск. обл.

141—158, 249, 253, 423, 437, 441—478, 499, 515, 540, 571, 572, 575, 579, 580, 581; V: 64, 68, 69, 270, 271, 330, 331, 377—387; ПКНЗ 6: 2, 201]⁷. Косвенное письменное свидетельство о *Ясенском* пог. идет еще со 2-й пол. XIII в.: новг. бер. гр. № 704 (не позднее 70-х гг. XIII в.) сообщает о *яс(е)нянах* («сь побыгль *ясьня[н]*») — жителях *Ясенского* погоста [Зализняк 2004: 482].

Следовательно, возникновение геогр. *Ясно/Ясен* в древнерусскую эпоху несомненно. Очевидна связь ойконима с рус. *ясный*, др.-рус. *ясньи* (< праслав. *(j)ěspъ(jь), продолжения которого знают и другие славянские языки) [Черн. ИЭССРЯ 2: 474; Фасм. ЭСРЯ IV: 565—566]. Вместе с тем если говорить не об этимологии, а об этиологии данного названия, то скорее всего перед нами раннеславянский перевод территориально близкого гидронима (или ойконима?) др.-балт. происхождения. Примерно в полутора десятках километров к югу от дер. *Ясно* значителен селение (пог.) *Жедрицы* при оз. *Жедрицкое* басс. Шелони; списки селений 1872 г. отмечают этот пункт в составе Горомулинской вол. Порх. у. [СНМРИ 34: № 10584]. *Жедрицы*, как и *Ясно*, было центром погоста-округа; описания пунктов *Жедрицкого* пог. Шел. пят. идут с конца XV в. [НПК IV: 249, 315, 514—522, 570—584, 558, 581; V: 63, 64, 375—377, 379, 381, 564; ПКНЗ 6: 2, 3, 188, 200—202], сообщается и об оз. *Жедрицкое*, при котором стояло само погостское сельцо с церковью Преображение Спасово [НПК V: 375]. Геогр. *Жедрицы* показывает палатализованную ранними славянами, осевшими на берегах Шелони, балтийскую основу; ср. лит. *giēdras* ‘ясный, прозрачный, чистый’ наряду с гидронимией *Giedrū’s* оз., *Giedrēlis* оз., *Giedrė* р. в Литве [Vanagas 1981: 115]. Исходным здесь является название озера, полученное по цвету воды (‘ясное, прозрачное’), на берегу которого появилось погостское село. На Псковщине к этому ряду параллелей принадлежат еще названия рч. *Жадринка* у дер. *Жадрицы* вблизи Новоржева, оз. *Жадро* со стоком в р. Кузнецовская басс. Великой к югу от Пустошки и оз. *Жадры* басс. Великой у дер. *Жадро* южнее Опочки (по [Шк. ОПскГ: 82] — *Жадро*, *Жадринское* в *Жадринской* вол. Опочецкого у. нач. XX в.), этот последний лимноним интерпретирован М. Фасмером [Vasmer 1933: 32].

Ясенский и *Жедрицкий* погосты-округа непосредственно граничили между собой. Если рассматривать названия этих пограничных погостов как соотносимые лингвоэтнически (несомненный балтизм и его раннеславянская метонимическая калька), то это привносит некоторые штрихи к ранней истории формирования самих поселенческих центров и подчиненных им округов. В данном случае перевод балтийской основы геогр. *Жедрицы* в виде слав. *Ясно* мог случиться уже на уровне вторичных ойконимов, а не смежных с ними гидронимов, которые хотя и принадлежат к одному бассейну р. Шелони, но прикреплены к водоемам разного гидрографического порядка⁸.

⁷ Указатель географических названий к НПК ошибочно отсылает не к V, а к VI тому.

⁸ Рч. *Ясенка* связана с Шелонью через р. Узу, левым притоком которой она является, а оз. *Жедрицкое* стекает в Шелонь через оз. Мячковское, рр. Заболотье и Судома.

«РУССКАЯ» ТОПОНИМИЯ В ПРИИЛЬМЕНЬЕ

В регионе исторической Новгородской земли сосредоточено не менее двух десятков названий с корнем *рус-*, составляющих одну из ярких особенностей регионального топонимического ландшафта (см. карту 15). Наиболее старые из новгородских «русских» названий локализуются в Приильменье, особенно в пределах бывшего Ст-Рус. у. или непосредственно у его границ. Одни известны только по письменным памятникам, другие используются по сей день. Это названия гор. *Руса*, позднее *Старая Русса*, сел *Новая Руса* на р. Мшаге, *Новая Русса* на р. Поле, *Руса-Марево*, *Русье*, р. *Порусья*, оз. *Русское* и др. Ранее всю группу «русских» топонимов Новг. губ. подробно исследовал Р. Экблом, который самые древние из них обосновывал деятельностью только *русов-скандинавов* [Ecbloim 1915], см. критику в [Васильев 2005б: 303—305]. Мои наблюдения показывают, что значительная часть древних «русских» названий Приильменья была создана и размножена средневековым новгородским населением благодаря усвоению субстратного гидронимического балтизма. Начну рассмотрение с самого заметного и функционально нагруженного в данной группе ойконима *Старая Русса*, прикрепленного к главному городу Южного Приильменья.

Старая Русса р. ц. в Новг. обл., расположенный к югу от оз. Ильмень при слиянии рек Порусьи и Полисти. Это один из древнейших русских городов, имеющий славную многовековую историю. Многократно упоминается в летописях, грамотах, берестяной письменности. Возраст выявленных культурных слоев не старше X в. [Миронова 1994: 185; Торопова 2003: 91—94]. Древнейшее летописное упоминание города под именем *Руса* относится к 1167 г. [НПЛ: 32], но бер. гр. № 526 удревляет дату как минимум на столетие: «на Боянѣ въ *Роусѣ* грвна» — читаем в этом источнике 2-й трети XI в. [Зализняк 2004: 241]. Город исконно славился как один из крупных центров соледобычи, которая осуществлялась сначала на базе естественного выхода минеральных вод, а с XIII в. посредством бурения глубоких скважин. Поэтому первопричину возникновения города не без оснований видят в появлении соляного промысла. Удобное географическое расположение «города соли» — вблизи торгового пути «из варяг в греки» — превратило Старую Руссу в один из крупнейших городов Новгородской земли. Вместе с тем Старая Русса имела существенного военно-стратегического значение, прикрывая Новгород с южного направления⁹.

Во всех старейших письменных источниках начиная с XI в. город именуется *Руса*, а его жители — *рушане*¹⁰. Вариант *Руса* и сегодня сохраняется в рече-

⁹ Подр. о богатой событиями истории древнего города см. в краеведческих книжных изданиях, которых немало: [Полянский 1885; Пылаев 1916; 1929; Дементьев, Дементьева 1990; Вязинин 1994; Агеева, Васильев, Горбаневский 2002].

¹⁰ В летописном сообщении 1234 г. о нападении литовцев имеются формы «*Русу*» («*Русь*») Вин. п., которые использованы для обозначения жителей средневековой Руси: «Изгониша Литва *Русу* даждь и до торгу, и стаща рушанѣ, и засада, огнешанѣ и гридба, а кто купець и

вом обиходе населения прилегающей к городу территории. В письменности с 1-й пол. XVI в. прослеживается конкуренция варианта *Руса* с новым, дифференцирующим, вариантом *Старая Руса*. Одни из первых письменных свидетельств закрепления двусловного варианта донесены оброчной книгой пригородных пожен ведомства новгородского конюшего 1539/40 г., в которой старый и новый варианты свободно перемежаются: «Матфейку Филипову ис *Старые Русы*», «Гриде ис *Старой Русы*», «Степанку Костентинову из *Русы* из *Старые*», но рядом: «тому ж Степанку из *Русы*», «Ондрейку Матанову из *Русы*» [ПКНЗ 1: 365, 374, 375]. Вариант *Старая Руса* возник не «в связи с наличием участка «Старого города», где в свое время находилась и первая крепость» [Дементьев, Дементьева 1990: 36] («*Старый город*» в Русе письменность не знает), а из противопоставления гор. *Руса* двум одноименным селам, появившимся в XIV—XV вв. на месте соленых источников и тоже получивших название *Руса*, — *Новая Руса* у р. Полы и *Новая Руса* у р. Мшаги, л. пр. Шелони. Выразительно демонстрирует данное противопоставление, например, западноевропейская карта 1695 г. [Nova Scand. tab.], на которой обозначены значимые в ту эпоху сопредельные пункты в Приильмье — *Stara Rusa* (= совр. *Старая Русса*) и *Nowa Rusa* (= совр. дер. *Мшага* близ устья Шелони). Примерно до сер. XVII в. варианты *Руса* и *Старая Руса* взаимозаменяются в одних и тех же документах, однако первый используется несколько чаще; со 2-й пол. XVII в. господствует уже вариант *Старая Руса* (см. многочисленные фиксации, суммированные в [ППКСР: 519, 520])¹¹. В первые десятилетия XIX в. на письме постепенно устанавливается форма с удвоением «сс» — *Старая Русса*. Так, если почтовый дорожник 1824 г. еще продолжает использовать написание *Старая Руса* [Почт. дор.: 299, 349], то на карте Шуберта 1848 г. и в описании Новг. губ. 1849 г. ойконим встречается только в современном облике — *Старая Русса* [КШуб; ВСОРИ]. Смена написания могла произойти под влиянием западноевропейских заимствований нач. XIX в., многие из которых содержали удвоенные

госте, и выгнаша я опять ис посада» (по Син. сп.: «Изгониша Литва Русь...») [НПЛ: 73, 283]. Однако имя *Руса* (*Русь*) в данном фрагменте не является катойконимом, но эксплицирует только стереотипный случай метонимического применения ойконима для обозначения жителей населенного пункта. Ср. подобный метонимический сдвиг в контекстах типа *вся деревня вышла на сенокос* или *его приветствовал весь Новгород*.

¹¹ Обозначение жителей города тоже менялось вслед за сменой вариантов ойконима. Если до XVII в. имя жителей *рушане* было единственно возможным, то в нач. XVII в., наряду с ним, уже употреблялись катойконимы *старорушане*, *старорусцы*. В новгородских таможенных книгах 1610—1611 гг. фигурируют, например, «*старорусец* Павлов Степан», «*старорусец* Федоров Яким», «*старорушанин* Кистеев Докучай Васильев, *старорушанин* Семенов Гаврила» и другие имена старорусских купцов, заплативших таможенные пошлины за право торговли в Новгороде (см. Указатель личных имен в [НТК]); в писцовых и переписных книгах Старой Руссы XVII в. перемежаются формы *рушане* и *старорушане*, причем в письменности 2-й пол. XVII в. вторая форма преобладает; см. указатель имен в [ППКСР: 519, 520]. К настоящему времени утвердился катойконим *старорусцы*, старейшая форма *рушане* используется, но приобрела возвышенно-книжный оттенок, форма *старорушане* вышла из употребления.

согласные. Удвоения могли показаться признаком более правильного, «европеизированного», написания и порой переносились на личные имена (ср. неэтимологическое «лл» в личн. *Агафангелл, Валлериан*) и на русскую топонимию (ср. дер. *Спасс, Оссия, Ямм*, рр. *Писсенка, Плюсса, Круппа* на Русском Северо-Западе).

Название гор. *Руса* (> *Старая Русса*) столетиями привлекало внимание тех, кто интересовался началами русской истории. Внимание это не случайно. Данный ойконим постоянно использовали при освещении такой важной, крайне запутанной, идеологически заостренной проблемы, как происхождение *русского* народа и *русского* государства. Издревле считалось, что название Руси (России) обязано появлением городу *Руса*, а Южное Приильменье — то самое место, «откуда есть пошла Руская земля». Густинская летопись нач. XVII в. по поводу происхождения имени *Русь* в ряду прочих дает такую версию: «от града Русы, лежащего недалече Великого Новгорода» [ПСРЛ II: 236]. В 1634 г. немецкий путешественник Адам Олеарий, назвавший Старую Русу в числе 18 знатнейших городов России, отметил, что от нее, «как некоторые думают, Россия получила свое название» [Олеарий 1906: 148]. Показательно, что среди различных вариантов названия Старой Русы, занесенных на старинные карты, в том числе западноевропейские, немало таких, которые смешиваются с терминами *Русь, Россия*, — это формы *Staraya Rous, Staraja Rus', Старая Русь* и даже *Staraja vel Vetus Russia* (со включением дублирующей латинской кальки), цит. по [Ecblohm 1915: 13—14]; такое же смешение найдем и в сочинении С. Герберштейна 1-й пол. XVI в.: «*Russ, olim antiqua Russia dicta, antiquum oppidulum est...*» («*Руса, некогда называвшаяся Старой Руссией, древний городок...*») [Герберштейн 2008: 344, 345]. Связь названия гор. *Руса* с названием *русского* государства как саму собой разумеющуюся видели и продолжают видеть многие историки начиная с В. Н. Татищева. Например, С. Ф. Платонов считал Старую Руссу древнейшим исконным центром Руси. Авторы опубликованной в 1999 г. монографии по проблемам регионалистики исходят из того, Южное Приильменье является, «судя по изобилию и чистоте «*русской*» топонимии, одним из наиболее вероятных ареалов первоначального названия «*Русь*» [Основания регионалистики: 316]. В советское время А. Н. Насонов, П. Н. Третьяков, Б. А. Рыбаков считали, что термин *Русь* появился на юге, а возводимое к нему название гор. *Руса* является перенесенным из Киевской земли. Лингвисты начиная с нач. XX в. обычно обуславливали возникновение данного ойконима деятельностью *русов*-скандинавов в Новгородской земле (Р. Экблом, А. А. Шахматов, А. И. Попов, Г. А. Хабургаев, М. Фасмер, В. П. Нерознак, В. А. Никонов, Г. П. Смолицкая и др.)¹².

Этнонимические трактовки принимались обычно без учета факторов собственно топонимического порядка, на основе общих соображений о восточнославянском этногенезе, о началах древнерусской государственности. Вопрос осложнен тем, что сам этноним *Русь* трактуется по-разному: известно до полутора де-

¹² Подр. обзор точек зрения дан в работе [Агеева, Васильев, Горбаневский 2002: 19—28, 48—55; Васильев 20016: 63—76].

сытков его интерпретаций¹³. Очаги государственности Верхней Руси, по мнению большинства современных археологов и историков (В. Я. Конецкий, Е. Н. Носов, Д. А. Мачинский и др.), все же находились в Поволховье и в районе Новгорода (Поозерье), а не в Южном Приильменье [Петров 1996: 8]. Вообще для ловатской группы погребальных сопок, оставленных ильменскими словенами, характерно «отсутствие ярко выраженного местного племенного центра», в отличие от сопок в Нижнем Поволховье и других частях сопочного ареала [Там же: 56]. Очевидно, что более основательные трактовки названия *Русь* и в целом южноприильменской «русской» топонимии должны в большей мере опираться на закономерности топонимической номинации, а также учитывать историко- и физико-географические реалии Южного Приильмения.

Некоторые исследователи (их меньшинство) возводили название гор. *Русь* не к этнониму, а к гидрониму. А. И. Соболевский сближал его с именем соленого источника *Русь*, этимологически связанного, по его мнению, с *русло*, привлекал и р. *Русь* в Курской губ., цит. по [Фасм. ЭСРЯ 3: 520]. Е. М. Поспелов [1999: 171] привлекал лит. *ruosa* ‘узкий луг с ручьем’, или иначе ‘залуженная речная долина’ без дальнейших подробностей аргументации. В. А. Никонов [1966: 394] не исключал образование ойконима из гидронима на *-са* с неизвестной основой. Догадка по поводу возникновения названия гор. *Русь* от одноименного гидронима была вкратце изложена также польскими лингвистами Я. Отрембским и С. Роспондом в связи с проблемой поиска истоков Руси [Otrębski 1960b: 219—227; Rospond 1977: 35—50; 1979: 47]. Более подробно обосновал гидронимическую версию А. Орлов в книге, изданной в 1907 г. в Вельске. В этой книге, содержащей в целом предвзятые, нередко наивные толкования географических названий¹⁴, встречаются подчас тонкие наблюдения и неожиданные находки. В частности, поиск истоков Руси привел автора в Южное Приильменье. Он верно оценивает взаимосвязь названий оз. *Русского*, р. *Порусья*, которая течет из этого озера, гор. *Старая Русса*, который стоит на *Порусье*, и приходит к следующему заключению: «... Можно допустить, что река *Порусья* в древности называлась *Русса*; в таком случае озеро называлось *Руссо*. На нижнем течении этой реки при впадении ее в Полисту, стоит одно из древнейших русских поселений *Русса*. Если в глубокою старину река называлась *Русса*, то, значит, поселение в точности сохранило старинное имя реки» [Орлов 1907: 374].

¹³ Обзоры многочисленных гипотез по поводу происхождения имени *Русь* см., например, в [ЕСЛГНПР: 117—126; Агеева 1990: 116—153]. Самой приемлемой является гипотеза, по которой термин *Русь* был воспринят славянами из языка прибалтийских финнов, которые обозначали им скандинавов, приходивших в северные славянские земли; он передает прибалт.-фин. **rōtsi*, близкое к совр. фин. *Ruotsi* ‘Швеция’, *ruotsalainen* ‘швед’, которые в свою очередь восходят к первому члену древнескандинавского сложения *rōps-menn* ‘гребущие люди, гребцы’, обозначения участников походов на гребных судах, подр. см. [Аникин 2000: 467—468].

¹⁴ Абсолютизируются две идеи: все реки и озера в Восточной Европе носят финские названия, а все города, племена и местности поименованы по рекам.

Гидронимическая версия находит ряд подтверждений. Хотя исконный гидроним *Руса* давно исчез, следы его существования в Южном Приильменье остались. Есть прямое летописное сообщение о р. *Русса* в этом районе: «И пришедше словене с Дуная и седше у озера Ладожьскаго, и оттоле приде и седшоа около озера Илменя, и прозвашася иным именем, и нарекошася Русь реки ради *Руссы*, еже впадоша в озеро Илмень; и умножився им, и соделаша град и нарекоша Новград» [Воскр. лет.: 353—354]; эту летописную реку можно идентифицировать с совр. р. *Порусья*, локализуемую вблизи Ильменя¹⁵. При этом показательно то, что р. *Порусья* течет из оз. *Русское*, название которого уверенно предполагает деривацию от формы *Руса*, именовавшей в древности р. Порусью. Показательна и сама непрямая структура ойконима *Руса*, облик которого не характерен для поселенческих названий, но типичен для архаической гидронимии, славянской или субстратной (ср. названия рр. *Щадра*, *Руна*, *Пола*, *Хуба*, *Луга* и др.). Кроме того, перенос р. *Руса* > гор. *Руса* хорошо вписывается в топонимическую закономерность, подчеркнутую Э. М. Мурзаевым, о том, что селения, возникавшие при слиянии рек, обычно получали имя притока, а не главной реки [Мурзаев 1993: 49] (Старая Русса, как известно, стоит при впадении р. Порусьи в р. Полисть).

Что касается исходного названия сравнительно небольшой р. *Руса* / *Русса*, то объяснение его через этнический термин *Русь* представляется невероятным. Оптимально относить данный гидроним к древнебалтийскому наследию в регионе Новгородской земли, поскольку водные имена на *Рус-/Rus-* обнаруживаются в разных областях древнего и современного проживания балтов. Таковы р. *Русская* в Жемайтии, Литва [Спрогис 1888: 283], р. *Руза* в Подмосковье, рр. *Russa*, *Russe*, *Russe-moter* у пруссов, рр. *Russe*, *Rosse* у куршей [Топоров 1972: 232], *Русска* (*Пузка*) п. пр. Вопца, п. пр. Днепра [Топоров, Трубачев 1962: 205], рр. *Руса* в бывшей Курской губ., *Rausvė* в Литве. Гидроним, перенесенный на гор. *Руса*, скорее всего родственен лтш. *rūsa* ‘ржавчина’, *rusls* ‘коричневый’, лит. *rūsvas* ‘рыжеватый, бурый’, но и серб. *рѹс*, словен. *rūs* ‘красный, желтый’, рус. *русый* ‘коричневый, светлобурый (о шерсти, масти, волосах)’. Присвоение такого имени действительно оправдано цветом болотной воды в этой реке, современной Порусье, которая на освещенных солнцем мелководьях выглядит ржавой, красноватой. Возможно, название р. *Руса* (‘красноватая, ржавая’) обусловило появление гидронима *Редья*, который прикреплен к ближайшей параллельно текущей реке и тоже мотивирован обозначением красного цвета (подр. анализ геогр. *Редья* см. в гл. 8).

Ойконим *Руса*, унаследовавший форму гидронимического балтизма, в свою очередь повлек замещение прежнего имени реки на новое — *Порусья*. Устранение омонимии названий города и реки случилось не позднее XV в., поскольку писцовые книги 1497/98 г. отмечают селения Воскресенского пог. уже «на *Порусье*»

¹⁵ Сообщение летописи о том, что река *Русса*, «впадоша в озеро Илмень» (на самом деле — в Полисть), допустимо считать ошибкой летописца, плохо представлявшего себе гидрографию Приильменья.

[НПК V: 51, 52, 57, 238—245], указывают места «за рекою за *Порусьею*» [ПКНЗ I: 122, 136]. Это же имя представлено в географическом описании нач. XVII в. («в реку Полисту пала р. *Порусья*») [КБЧ: 155], но позднее, в писцовых и переписных книгах XVII в., утвердился вариант *Порусье* ср. р. Так, в книге 1611 г. обычно встречаем: «к *Порусью* реке», «от *Порусья* реки», «за *Порусьем*» (хотя иногда все же «от реки *Порусьи*»), в источниках 1624, 1632, 1672/73 гг. — уже исключительно вариант *Порусье*, судя по множеству данных, собранных в [ППКСР: 518]. Впрочем, со временем вновь устоялась форма жен. р. (*Порусья*, иногда *Порусь*), единственно возможная сегодня. Скорее всего, форма жен. р. является вторично переоформленной из формы *Порусье*, которая первоначально обозначала местность по берегам р. Русы, а позднее закрепилась и за самой рекой, вытеснив исконный гидроним¹⁶, см. так же в работах [Орлов 1907: 374; Otrębski 1960b: 222]. Вряд ли стоит трактовать *Порусья* как «река, находящаяся за Русой (за пределами территории Русы)» [Смолицкая 2002: 326].

После того как гор. *Руса* превратился в крупный торгово-ремесленный центр Южного Приильмения, его имя отразилось в наименовании значительной окрестной территории. В период Новгородской республики вся окрестная провинция стала именоваться метонимически — *Русой*. Подобного типа топонимические переносы (река > город > прилегающая местность) не редкость в древнерусскую эпоху¹⁷. Территориальное наименование *Руса* не раз встречается в новгородской письменности. Так, Иван III, отправившись в 1471 г. в поход на Новгород, повелел вначале «пригороды Новгородские в *Русе* повоевати за озером, за Ильмерем, против города» [ПСРЛ VI: 8], т. е. в Южном Приильмении. Область *Руса* лежала с востока на запад приблизительно между реками Полдой и Полистью, с севера на юг тянулась от оз. Ильмень до княжеской вол. Буйцы [Платонов 1920; Насонов 2002: 108].

Известны и другие средневековые территориальные наименования по гор. *Руса*. В писцовых книгах появляется термин *Околорусье*, так называли местность, непосредственно прилегающую к Русе. Шелонская пятина делилась на *Русскую* и *Зарусскую половины*, или *Зарусье*. Оз. Ильмень в Софийской летописи названо *Русским морем* [ПСРЛ VI: 14].

Имя гор. *Руса*, как в зеркале, отразилось в названиях ряда селений Новгородской земли. Иррадиация этого ойконима объясняется солеварением. На протяжении многих столетий гор. *Руса* был знаменит «*русским*» промыслом — вываркой

¹⁶ В балтийской гидронимии, особенно в литовской, данный деривационный тип (преф. **pa-* + гидроним = гидроним) подтверждается множеством примеров; р. *Paskáistis* (< оз. *Skáistė*), р. *Pāpalis* (< р. *Palā*), оз. *Pakojys* (< оз. *Kója*) и др., см. [Vanagas 1970: 218—223]. Пример *Порусье*/*Порусья* показывает, что подобные образования возможны (хотя и единичны) также и среди водных названий Новгородской земли.

¹⁷ Например, на р. *Луге* был известен гор. *Луга* и существовала вол. *Луга*, особая от Водской земли [Насонов 1951/2002: 108, 118], на верхней Волге были известны р. *Сижка* — гор. *Сижка* — вол. *Сижка*, р. *Туд* — гор. *Туд* — вол. *Туд* [Янин 1998: 63—64].

соли. Как справедливо отмечает И. Н. Вязинин [1994: 88], имя *Руса* и слово *соль* прочно ассоциировались друг с другом. Развитие промысла вело к открытию новых соленых источников. Возникавшие при них в XIV—XV вв. селения получали названия по главному центру солеварения. В этих пунктах находили засыпанные деревянными трубами, по которым подавалась соленая вода, обнесенные срубамы водосборные колодцы [Ворожейкина 2003: 216—228; Вязинин 1994: 88]. Ниже рассматриваются несколько перенесенных ойконимов данного типа.

Новая Руса сел. на р. Мшаге. Подробные сведения об этом средневековом пункте и его названии изложены А. М. Андрияшевым: «Писцовые книги дают два названия одного и того же поселения, причем одно из них искажено писцом, а другое — дефектно: “Слоновая” — несомненно “Соль Новая”, а “Новая ... са на Мшаге” не может быть ничем иным, как селением “Новая Руса на Мшаге”. Оба эти названия употребляются в пис. книгах как совершенно однозначные (НПК V, 42 — поп Левонтий из Новые Русы и V, 79 — то же поп Левонтий “от Новья Соли”). Входило ли это поселение в состав какого-либо погоста и какого именно или оно и во время новгородской самостоятельности составляло отдельную административную единицу, источники не дают определенных указаний. Судя по описанию перечневой книги, оно подходило к типу городских поселений — рядков (в позднейших документах Новая Руса называется рядком... “рядок Писага, Новая Руса тож”...). Селения Новая Руса или Новая соль на современной карте не существует, но точное ее местоположение определяется указаниями позднейших источников; так, в одном документе начала XVII века упоминается “Рядок Новые Русы Мшаги”, в другом, датированном 1545 г., священники из Новой Русы называются “пшажскими попами” и т. д.» [Андрияшев 1914: 178]. Со временем *Новая Руса* на Мшаге стала называться по реке, сегодня на месте этого пункта значится пара деревень по противоположным берегам Мшаги — *Мшага Воскресенская* и *Мшага Ямская* Борск. Шим.¹⁸

Село **Новая Русса** при р. Пола Моисеевской вол. Дем. у., смежное с пог. *Новая Русса* [СНМНГ II: 48—49] (сегодня дер. *Новая Русса* Молвотицк. Мар.), тоже являлось одним из мест средневекового соляного («русского») промысла в Приильменье. В писцовых книгах Дер. пят. конца XVI в. здесь упоминается рядок *Морева Руса* (иначе — рядок «*въ Моревъ Русь*») [Неволин 1853: 177, 230 прил.], это составное название, отражающее принадлежность к вол. *Морева*, обнаруживается и в переписи 1710 г. («дворцовых крестьян *Моревой Русы* староста») [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8597. Л. 4 об.]. Карта 1-й пол. XIX в. показывает пог. *Марево* (*Новая Русса*) [КШуб].

К типу номинаций по «русскому» промыслу относится еще название дер. **Русье**, иначе *Русье*, Коростынского пог. Шел. пят. 1498, 1499 гг. [НПК IV: 20; V: 410],

¹⁸ Соленые источники скорее всего находились на левом берегу Мшаги, где, согласно мезевым материалам конца XVIII в., значится пуст. *Засолье* при впадении в р. Мшагу речки Кукшинки, называвшейся тогда *Засолы* [Андрияшев 1914: 179].

по книге 1524 г. — дер. *Ручьи* [НПК V: 391]; соотнесена с дер. *Ручьи* на р. Саватейке Коростынской вол. Ст-Рус. у. [СНМНГ III: 70—71] (сегодня — дер. Коростынский Шим.). Современный вариант явно появился в результате смешения ранней формы *Русье* с обозначением ручья (новг. *ручей*). Произношение геогр. *Русье* было близко к «цокающему» произношению словоформы мн. ч. *ручьи* — [*руч'ji*], наблюдаемому до сих пор в местных говорах. Наличие геогр. *Русье* в Приильменье позволяет также трактовать по «русскому» промыслу средневековый ойконим *Русья* в басс. Мсты (в прикреплении к дер. *Морищино Русья* Бологовского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I: 108]).

Менее определенно объясняется гидроним *Русская*, прикрепленный к одной из протоков в дельте р. Мсты под Новгородом. Он отмечен в списке водоемов 1929 г. [Шан. РЛЮ: 216], но особенно часто фигурирует в отписных и оброчных книгах пригородных пожен Новгородского дворца 1-й пол. XVI в.: «подле *Руской* реке на Извозе»; «на *Руской* реке Зайцово на Учне»; «на *Руской* реке в Бикичевском Водосе»; «на *Руской* реке под Бикичевичами»; «пожня Репищо на *Руской* реке»; «платок у Шолоницы над *Рускою* рекою, тритцать куч; и др. [ПКНЗ 1: 314, 315, 321, 361, 370 и др.], отмечена также в писцовой книге Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 514]¹⁹. Ранее о гидрониме сообщает писцовая книга Дер. пят. 1495/96 г. через описание дер. «на устье *Руские* реки» и дер. «на *Русской* реке» в Холыньском пог. [ПКНЗ 1: 80; НПК II: 494]²⁰. Материалы межевания конца XVIII в. отмечают здесь дер. *Руская* [ИАДП I: 288, 289], список селений 1909 г. дает дер. *Русская* (*Заливные Луга*) Бронницкой вол. Новг. у. [СНМНГ I: 18—19], ставшую сегодня дер. *Русско* Бронницк. Новг.²¹ Гидроним *Русская*, обусловивший название деревни, тоже, на мой взгляд, следует отнести к языковым следам балтов, живших близ Ильменя. Его допустимо этимологизировать точно так же, как южноприильменский гидроним *Руса*, хотя предпочтительнее считать отражением корня **rus-*, который показывают, например, лит. *rusėti* ‘течь’, *rusnóti* ‘медленно течь’; эта, вторая, версия подкрепляется, во-первых, аналогично трактуемым лит. *Rùsnė*, тоже названием протоки, но в дельте

¹⁹ Сегодня название протоки (реки) *Русская* сузило свой объем, поскольку верхняя часть ее, ближайшая к р. Мсте, стала называться также *Гриб*. В старину *Русская* и *Гриб* считались двумя отдельными реками, которые соединялись между собой в месте слияния с рч. *Рог*. До сих пор пожня, расположенная напротив места их слияния, среди местных жителей носит название *Три Реки*, указывающее на смычку рр. *Гриб*, *Рог* и *Русская* (кстати говоря, наименование этой пожни неоднократно встречается и в писцовых документах XVI в. [ПКНЗ 1: 313, 319, 324, 326; и др.]). Позднее, примерно с XIX в. или раньше, название *Гриб* распространилось на верхнюю часть реки, именуемой *Русской*, и продолжает использоваться параллельно с этим исконным названием.

²⁰ Отсутствие особых названий у этих небольших однодворных (или двухдворных) деревень может предполагать, что появились они уже непосредственно в эпоху писцовых описаний Новгородской земли последней четверти XV в.

²¹ В речи местных жителей наблюдается вар. *Руська* названия этой деревни: «из *Руськи*», «в *Руську*» [ЛЗап].

Немана [Vanagas 1981: 285] и, во-вторых, тем характерным обстоятельством, что протока *Русская* имеет очень медленное течение. Вместе с тем допустимо еще одно предположение — об иррадиации названия южноприильменского гор. *Руса*. В средневековой новгородской письменности встречаются выражения *Русский путь* или *Русская дорога*, указывавшие на сухопутный путь из Новгорода в гор. *Русу* либо на *Русскую сторону*, т. е. в Южное Приильмень²². Однако пути на *Русскую сторону* были и водные — через оз. Ильмень. По р. Мсте добраться водным путем на *Русскую сторону* было всего ближе и безопаснее как раз через р. *Русская*. Достаточно было, не доплывая до Новгорода, свернуть налево в эту реку и далее через протоки и небольшие озера выйти в оз. Ильмень к восточному побережью, потом пересечь мелководный Синецкий залив и войти в рр. Полу и Ловать.

Таким образом, заметная доля топонимов с корнем *рус-* в Приильменье имеет связь, иногда прямую, но, как правило, опосредованную, отдаленную, с древнебалтийским субстратом в регионе. Такие названия перемежаются и смешиваются с группой названий, которые содержат корень *рус-*, присутствующий в этно-территориальных терминах *Русь, русь, русин, русский*. К этой, второй, группе относится, в частности, архаическое название дер. **Русыня** на р. Луге Бат. р-на, которая отождествляется с дер. *Русыня* Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 211, 222] (в источниках 1539/40, 1582, 1612, 1669, 1678, 1709, 1718, 1791 гг. — *Русыня*, 1646, 1748 гг. — *Русина* [Селин 2003: 157], в списке 1838 г. — *Русыни* 1-го стана Луж. у. [ОСПбгуб: 106]). Ойконим появился как др.-рус. йотово-посессивное прилагательное с основой *Русин'* - и отсылает либо к обозначению древнерусской этносоциальной категории (первоначально *русинами* именовали скорее всего дружинников-варягов, затем *русских* людей вообще), либо к личному имени *Русинь*; это имя, возникшее благодаря более поздней антропонимизации обозначения *русинь*, широко проявляется в русской письменности начиная с XIV в. [Туп. СДЛСИ: 342—343, 730; Вес. Он.: 273]. Со временем произошло отвердение звука *с'* (*Русин'* - > *Русын'*) под влиянием известной модели названий на *-ын(-ь, -я, -и)* типа *Теребыни, Крутыни, Хутынь, Добрыня* и т. п. В свою очередь, название дер. **Русса** Савинск. Новг. на правом берегу Волхова поблизости от Новгорода (по списку 1909 г., *Русса*, или *Русино*, дер. Подберезской вол. Новг. у. [СНМНГ I: 54—55], на карте 1848 г. — *Русса* [КШуб], на плане Новг. у. 1788 г. — дер. *Русын* [ГПНовг]) тоже трактуется аналогично — с опорой на личн. *Русинь*, апел. *русинь*. Этимологически авторитетными выступают здесь топоосновы *Русин-*, *Русын-* (по данным полевой проверки, старый вариант *Русино* до сих пор знают местные жители). Вместе с тем становление в XIX в. варианта *Русса*, устоявшегося сегодня, безусловно было вызвано нивелирующим воздействием всем знакомого названия гор. *Руса/Русса* в Южном Приильменье.

²² Например, в грамоте 1125—1137 гг.: «...Да въ болото Дрянь къ *Рускому пути*» [ГВНП: 139] или в отписной книге пригородных пожен Великого Новгорода 1536 г.: «Пожня Болото на зимнем и на *Руской дороге*» [ПКНЗ 1: 332].

От «русского» этнонимического обозначения (др.-рус. *русьскыи*, позднее *русской*), которое иногда могло стать личным именем или прозвищем²³, образовано название дер. **Русково** Городенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 249], ставшей в конце XVIII в. пуст. *Руская* [ИАДП I: 138], в сер. XIX в. — ус. *Русское* Валд. у. [Новг. сборник II: 41] (по совр. данным, здесь лежит оз. *Русское* басс. Полю со стоком в р. Полометь)²⁴. Были еще две средневековые деревни, именовшиеся **Русково**: одна локализуется в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 244], другая — в Богородицком Рыбенском пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 376].

Безусловно деэтнонимными являются названия с дифференциатором *русский*, закрепившиеся как маркеры этнических границ микротерриторий в местностях со смешанным населением. Все они, однако, появились в сравнительно позднее время. Таковы, например, названия дер. *Русские Новики* Валд. у. (рядом с дер. *Карельские Новики*), *Русское Пестово* Уст. у. (рядом с дер. *Карельское Пестово*), *Русское Огородово* Новг. у. (рядом с *Латышское Огородово*), *Русские Дубки* Кр. у. (рядом сохранилось ур. *Новоэстонские Дворы*), рч. *Русская Киношка* л. пр. Луги (ср. ее приток *Шведская Киношка*), дер. *Русская Волжа* Новг. у., *Русская Болотница*, *Русская Ольховка* и т. п. Подобное значение этнического маркера имели, вероятно, названия дер. *Руская* на р. Щилинке, п. пр. Шелони, известная по карте 1-й пол. XIX в. [КШуб] (неподалеку от нее была деревня с коррелятивным названием *Карельская Щилинка*), руч. *Русской*, л. пр. Кихтолки, п. пр. Луги [Шан. РЛЮ: 164] (локализуемый поблизости от водско-ижорских селений, длительно сохранявшихся в прилегающей местности), дер. *Руська* на р. Воложба Тихв. у., по карте 2-й пол. XIX в. [КСтрельб] (= дер. *Русское* Большегорской вол. Тихв. у. 1911 г. [СНМНГ VII: 20—21]).

«ДЕМЯНСКАЯ» ТОПОНИМИЯ

Корневой элемент *Дѣм-/Дем-* объединяет заметную группу архаических названий, почти исключительно гидронимических, локализуемых преимущественно в регионе Новгородской земли (не менее десятка межтерриториальных топосоответствий) и на сопредельных землях Русского Северо-Запада и Белоруссии. Есть существенные основания полагать, что славяне образовали рассматриваемые ниже топонимы путем ономастического закрепления древнего термина, который был заимствован ими от соседей-балтов; сам же этот термин в нарицательном употреблении не сохранился.

В данной группе особенно известным, имеющим много исторических письменных фиксации является название средневекового городка на р. Явони, п. пр. Полю,

²³ Ср., например, соответствующее имя послуха в средневековом Новгороде: Казарин Перфирьев сын *Руской*, 1612 г. [Туп. СДЛСИ: 343]. Сочетание личн. *Руской* и *Казарин* (= *казарин*, *хазарин*) межпоколенных родственников выдает желание имядателя (отца) закрепить традицию присвоения имен, равных этнонимам.

²⁴ В справочнике [Шан. РЛЮ: 366] — оз. *Врусское*, с явной ошибкой.

у юго-западных рубежей Новгородской земли. В письменной документации XV—XVI вв. — летописях, грамотах, писцовых книгах — этот городок обычно упоминается как *Дѣмон* (с ударным вторым слогом) или *Демон*, реже фигурирует под другими вариантами названия: *Демяна*, *Демен*, *Демян* и т. п. Постоянное обращение источников к данному селению не случайно: оно свидетельствует о значимой роли, которую в древнерусскую эпоху играл городок на Явони, возникший, очевидно, в качестве оборонительного форпоста в условиях постоянной угрозы со стороны юго-западных соседей — литовцев и вместе с тем скоро ставший крупным административно-территориальным центром на новгородско-литовском пограничье.

Первое упоминание его содержится в обзоре русских городов конца XIV в., помещенном в тексты разных летописей [НПЛ: 475—477; ПСРЛ VII: 240—241; 4: 623—624; XXIII: 163—164]. Среди «градов Залесских» вслед за Торжком отмечен гор. *Демяна* (по другим летописным спискам *Дѣмяна*, *Дѣмена*), за ним перечислены территориально близкие Молвотицы, Березовец, Стержь, Морева, Велил и др. В. Л. Янин [1995: 125—134; 1998: 61—67] уточнил датировку наиболее раннего варианта указанного летописного обзора городов — между 1375 и 1381 гг.; ориентируясь на эти даты, можно утверждать, что в последней четверти XIV в. городок на Явони уже являлся крупным территориальным центром, известным в масштабах средневековой Руси. В XV в. гор. Демон неоднократно фигурирует в договорах Новгорода с Великим княжеством Литовским, заключенных в 1431, 1441—1442 и 1471 гг.²⁵ Так, в договоре Великого Новгорода с литовским князем Казимиром Ягеллончиком 1441—1442 гг.²⁶ читаем: «А в Новгородской волости не надоби ни что иное Литви, ни на *Дѣмянѣ*, ни на Снѣ, ни на Полоновѣ, не надоби брати чорна куна, ни иное ничто же» [ГВНП: 116, № 70]. Эта формульная фраза переходит из документа в документ; она, в частности, прослеживается и в более ранней грамоте 1431 г. — договоре с литовским князем Свидригайлом (текст сохранился в дефектном виде, требующем конъектурных дополнений, но название *Демян* восстанавливается легко), и в более поздней новгородско-литовской доконечальной грамоте 1471 г. [Там же: 106, № 63; 131, № 77]. Помимо новгородско-литовских договоров, гор. Демон в XV в. не раз отмечается в контексте взаимоотношений

²⁵ Новгородско-литовские мирные договоры закрепляли взаимоотношения сторон и, в частности, определили статус пограничных новгородских волостей (Молвотицы, Кунско, Стерж, Березовец, Морева, Жабна и др.), которые были обязаны платить в определенном размере налог, «черную куну», в литовскую великокняжескую казну. Демон не подлежал литовскому налогообложению, и составители «докончаний» сочли необходимым специально подчеркнуть этот момент, имея в виду непосредственное соседство демонской территории с чернокунскими волостями. Нельзя однако исключать, что особые указания на Демон (Демян), Цну, Полново не просто связаны с территориальной смежностью, предполагающей отчетливое разграничение полномочий сторон. Данный факт мог бы еще подразумевать бывшее вхождение территорий, подчиненных указанным центрам, в орбиту литовского влияния наряду с другими пограничными землями. Впрочем, это предположение нечем подкрепить документально.

²⁶ Хронологическое уточнение документа — 1441—1442 гг. — дано в [Янин 1991: 178].

Новгорода с Москвой. В 1441 г. московский князь Василий Васильевич (Темный) объявил новгородцам войну и пошел на Новгород по дороге, проходившей через Демон. Подойдя к городу, князь занял его. Новгородцы выслали к Василию Темному архиепископа Евфимия, бояр и жилых людей, прося о пощаде, и, встретившись с московским князем в Демоне, заключили мирный договор, заплатив изрядную контрибуцию: «8000 рублей за свою вину, а оброки и пошлыны по старинѣ» [ПСРЛ V: 29]. Демонский мир Новгорода с Москвой 1441 г. упомянут далее в новгородском акте 1456 г., где фиксируется выплата последних 1100 рублей контрибуции [ГВНП: 43—44]. В 1471 г. Иван III после победы над новгородцами на Шелони отправился к Демону; здесь уже стоял его полководец Михаил Андреевич с сыном Василием, взявший с городка «окупу 100 рублей» [ПСРЛ IV: 242; VI: 193; VIII: 164, 166]. В 1478 г. из Торжка через Демон снова прошла московская рать Ивана III, которая выдвинулась далее к южному берегу Ильменя [ПСРЛ VI: 207; VIII: 185]. После окончательного разгрома Новгорода гор. Демон был передан в 1482 г. во владение Федору Ивановичу Бельскому, который «прибежал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичю от короля Казимира (...) а жены с собою не успел взять; и князь великий его пожаловал, дал ему город *Демон* в вотчину да Мореву со многими волостями» [ПСРЛ VII: 213—214].

Первое подробное описание Демона содержится в писцовой книге Дер. пят. 1495/96 г. Демон предстает небольшим провинциальным пунктом, состоящим из городища и посада: «На городище церковь Егорей Великий; на городище ж: дв. поп Созон, дв. церковный сторож Михалко; на городище ж дв. наместничь. А на посаде: монастырь, а в нем церковь Успение Святые Богородицы; а в манастыре игумен Варлам. А на манастырской земле: дв. диаков Офоноско, дв. церковный сторож Огафоник; пашни у них нет. На посаде ж двор тиунь». Кроме того, «на посаде у *Дьмана*» отмечено несколько крестьянских пашенных дворов [НПК II: 499—501]. Судя по данному описанию, в конце XV в. Демон уже не являлся значимым укрепленным центром, каким был он столетие назад, внесенный в список крупнейших русских крепостей под названием *Демяна*. Речь в писцовой книге идет, собственно говоря, даже не о городе, а о городище; данный термин применяли, как уже не раз отмечалось исследователями, преимущественно для указания на небольшие объекты, главным образом селения, устроенные на месте прежних городов [Лемтюгова 1983: 89, 95]²⁷. В XVI в. городок Демон вместе с остальными

²⁷ Сыграло свою роль разорение Демона московскими войсками, но главным образом, видимо, то, что Демон отчасти потерял значение пограничной оборонительной крепости благодаря победам Москвы над Литвой в первые десятилетия после падения Новгорода. Московская администрация сохранила за поселением роль регионального административного центра (как атрибуты административной власти в источнике 1495 г. указаны двор наместника, двор тиуна), которому подчинялся обширный одноименный округ Демон (Деман), включавший большое количество деревень. Деревни принадлежали разным землевладельцам, в том числе монастырям. Например, летопись упоминает близ Демона волость Благовещенского монастыря [ПСРЛ VI: 216; VIII: 194], а в писцовых книгах описаны земли Деманского округа, принадлежавшие

новгородскими городами (Ивангород, Яма, Копорье, Орешек, Ладога, Кур, Порхов, Высокой, Кошкин, Руса) указан в двух духовных завещаниях: первое, дагируемое 1504 г., принадлежит великому князю Ивану Васильевичу, второе, составленное в 1572—1578 гг., — царю Ивану Васильевичу (Грозному) [Неволин 1853: 216—218]. Под 1569 г. летопись сообщает, что «с Демонского стану» должны поставляться корм и всякие запасы опричному войску Ивана Грозного, «коли с Москвы пойдет в Великий Новгород» [ПСРЛ III: 163]. Географический справочник 1627 г., опирающийся, как известно, на материалы «старого чертежа» конца XVI в., указывает на р. Явонь уже не городок, а «монастырь Демон» [КБЧ: 155], который окончательно исчез в 1-й пол. XVII в.²⁸

Хотя к концу XV в. средневековый городок пришел в запустение, а к концу XVI в. исчез, его вариантное имя не исчезло, но закрепились в названии современного пос. *Демянск*, р. ц. Новг. обл., который тоже расположен на Явони, но примерно в 8 км западнее бывшего Демона²⁹. Совр. Демянск разросся на месте селения, которое в XV—XVIII вв. называлось *Селищи* или *Селище у Николы*; оно впервые упоминается в летописи под 1471 г.: «...Отпусти того с *Селищ* противу Демона» [ПСРЛ XXV: 290], затем писцовыми книгами 1495/96 г. [НПК II: 501, 516, 527, 547]. Именно *Селище у Николы* в конце XV—XVI вв. являлось центром

новгородским монастырям: Духовскому, Антониеву [НПК II: 505, 581] и Рождественскому, за последним в Демянском округе числилось в 1496 г. 30 деревень (судя по выписи на вотчину Рождественского монастыря в Дем. у., опубликованной в [ПКНЗ 1: 86—88]).

²⁸ Очевидно, в конце XVI в. пункт на Явони настолько запустел, что уже не выполнял функций административно-территориального («городского») управления. В то же время находившийся возле городища на посаде монастырь продолжал действовать и являлся в глазах современников существенным топографическим ориентиром на судоходной р. Явонь и, кроме того, оставался символом недавнего административного прошлого Демона (значимость Демонского монастыря подчеркнута тем фактом, что другие провинциальные новгородские монастыри в географическом справочнике нач. XVII в. не упомянуты). В последующие века письменные сведения о городке (монастыре) Демон перешли из разряда синхронных упоминаний в разряд исторических воспоминаний. К примеру, изданный в 1804 г. историко-географический словарь, отметивший, помимо прочего, монастырь Демон на реке Явони, всего лишь воспроизводит информацию все той же «Книги Большому Чертежу» 1627 г. [Щекатов 1804]. Отсутствие сведений указывает на исчезновение монастыря в XVII в., что могло быть обусловлено пожаром, но скорее всего внешним разорением, после которого монастырь уже не стали восстанавливать. Эпоха Смуты 1-й четв. XVII в. напрямую затронула новгородские земли. Южнее и восточнее Ильменя действовали польско-литовские отряды, позднее к Селигеру подходили с севера шведы. Поэтому вполне вероятно, что уничтожение Демонского монастыря иноземным отрядом стало одним из многочисленных недокументированных эпизодов Смутного времени.

²⁹ Ранее мною была обоснована гипотеза о том, что исконно название *Демон* (или скорее *Демен*, *Демян*) было связано с неукрепленным селением на месте совр. Демянска и только со временем, возможно, в XII в. закрепилось за укреплением на высоком холме при слиянии рр. Явони и Кунянки, которое стало известно средневековой письменности как городок *Демон*; подр. см. [Васильев 2003: 316—321].

Демонского (Деманского) погоста-округа [Фролов 2002а: 86—96], который традиционно назывался по гор. *Демону (Деману)*, пришедшему в упадок во 2-й пол. XV в. При церкви Николы рядом с Селищем в XVI в. появилось еще одно селение, которое, разрастаясь, унаследовало от Селища территориальные функции и стало именоваться *Деменский погост* (или *Демянский погост, Деманский погост*). Впервые о таком названии населенного пункта сообщает дозорная книга 1620 г.: «*Погостъ Деменской*. А на погостѣ храмъ Никола Чюдотворецъ, стоитъ безъ пѣнья. Въ *Деменскомъ* же *погостѣ* рядокъ Селище» [Неволин 1853: 369 прил.], затем писцовая книга 1648 г.: «*Погост Демянской* на реке на Уяне, а на погосте храм во имя Николы Чудотворца на Селищах на реке на Уяне» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 983. Л. 64 об.]. В XVIII в. это название продолжало использоваться (материалы межевания 1780-х гг. отмечают *Деманский погост*, см. [ИАДП 1: 152]), но вместе с тем, ввиду упразднения территориальной системы погостов, постепенно закрепились сокращенная форма — *Демянск* (по модели на *-ск*, стандартно используемой для номинации территориальных центров и городов). Появилось село *Демянск* в составе Ст-Рус. у., которое в 1824 г. со включением прилегающих к нему селений Селище, Глубово тож и Селижский Рядок было учреждено в уездный город, ставший центром новообразованного Дем. у. С 1927 г. Демянск был перечислен в разряд сельских населенных пунктов, а с 1960 г. преобразован в рабочий поселок [АТДНовг 1727—1995: 26, 61, 172].

Варианты названия средневекового городка Демона, извлеченные из летописей, писцовых книг, многочисленных грамот и актов, составляют в совокупности пеструю картину: *Демон, Дѣмон, Дѣймон, Деимон, Демен, Демень, Демян, Дѣмяна, Дѣмена, Демяна, Демоны, Демены, Деман, Демань, Дѣман*. Данный топонимический ряд продолжают совр. формы *Демянск, Демьянск* (последняя встречается чаще в устной речи демянцев, но с XIX в. иногда прослеживается и на письме), а также форма *Демьян*, сугубо неофициальная и устаревшая, но, похоже, до сих пор встречающаяся в речи старожилов Демянска и Дем. р-на. Без сомнения, вся эта совокупность — от *Демона* до *Демянска* — представлена формами одного корня, имеющими общий источник происхождения.

Серьезных толкований перечисленных вариантных имен еще не было. Неудачную попытку объяснить название пос. *Демянск*, р. ц. Новг. обл., предпринял Е. М. Пospelов [2001: 135]. Многочисленные варианты рассматриваются автором как образования от народных форм христианских антропонимов *Дементин* (производные *Дементин, Деменя*) или *Дамин* (производные *Демьян, Демиан, Дема*); одно из таких образований — *Демяна* — считается лежащим в основе геогр. *Демянск*. Подобным образом обычно истолковывают название поселка и сами демянцы, видя в сопоставлении *Демянска* с личн. *Демьян* естественно напрашивающееся и все объясняющее созвучие. Однако антропонимическая версия не вписывается в закономерности топонимообразования, не учитывает последовательности и существа письменных фиксаций названия. Возникновение ойконимии от личных имен обычно подразумевает наличие притяжательной суффиксации (скажем,

в *Демьяново*, *Деменино* от *Демьян*, *Деменя*), но этого в перечисленных формах как раз и нет; что же касается вариантов *Демень*, *Демань*, внешне как будто напоминающих древнерусские притяжательные формы (из **Демен-ь*, **Деман-ь* «принадлежащий некоему *Демену*, *Деману*»), то на самом деле они единичны, случайны, а главное — не первичны, им предшествуют, как будет показано далее, другие, отнюдь не притяжательные формы. В письменной документации абсолютно доминируют варианты данного названия в ед. ч. — *Демяна*, *Дѣмон*, *Деман*, выведение которых из личных имен противоречило бы принципам русской топонимической деривации. Антропонимы в чистом виде, не осложненные аффиксами, редко производят названия населенных пунктов. Ниже излагаются и другие факты, говорящие не в пользу антропонимического происхождения *Демон* (> *Демянск*). Все это заставляет искать иное этимологическое решение, но, тем не менее, следует констатировать, что вторичная, ассоциативная связь данного ойконима с личн. *Демьян* безусловно существует на протяжении многих столетий. Происхождение топонима вовсе не определяет своеобразия его дальнейшей эволюции. Различного рода фонетические ассоциации способны существенно преобразовать первичную лексему, затушевывая ее исходный смысл. Происходит аттракция близких созвучий, приводящая порой к фонетической унификации этимологически различных слов. В данном конкретном случае аттракция в наиболее законченном виде представлена в паре *Демьян* (неофициальное название поселка) — *Демян* (личное имя), что становится основанием, хотя и мнимым, для объяснения первого *Демьяна* из второго.

Для этимологического обоснования ряда *Демон* ... *Демянск* и дальнейшей трактовки отдельных вариантов необходим поиск первичных этимологически авторитетных форм. Старейшие упоминания древнего городка, как уже говорилось, содержатся в летописном обзоре русских городов, сохранившемся в нескольких списках. Топонимические варианты разнятся от списка к списку, однако несущественно, сохраняя между собой то общее, что отличает их от более поздних вариантов. Так, в древнейшем Ком. сп. Новг. 1-й летописи фигурирует форма *Дѣмяна* [НПЛ: 477] в Воскресенской летописи — *Демяна* [ПСРЛ VII: 241]. Без сомнения, подобные формы — с исходом на *-а* и с мягкостью согласной *м* во втором слоге — значились и в самых ранних, первоначальных списках летописного обзора, датированных концом XIV в. На базе указанных ранних вариантов возникли и укрепились последующие топонимические варианты. Весьма показательна, что современное название поселка на Явони отсылает именно к древнейшим летописным фиксациям (ср. ранние *Демяна*, *Дѣмяна* и равноосновное совр. *Демянск*), оставляя как бы в стороне промежуточные исторические фиксации типа *Дѣмон* и *Деман*, обособленные «твердостью» второго слога. Ближайшее сходство начальных летописных форм прежде всего с современным названием, отражающим живое произношение, свидетельствует о том, что в речи местного населения основа *Демян-* имеет длительную, по меньшей мере с конца XIV в., традицию бытования, является стабильной, не испытавшей на протяжении многих столетий существенных фонетических метаморфоз.

Столь же древней является основа *Дѣмен-* (позднее — *Демен-*): представляющий ее вариант зафиксирован в обзоре русских городов по Новороссийскому списку Новг. 4-й летописи — *Дѣмена* [ПСРЛ IV: 623—624], т. е. по существу синхронен вариантам *Дѣмяна / Демяна*. Но если варианты с основой *Демян-* сохранились до сего дня, то варианты с основой *Демен-* исчезают из более поздних письменных документов XVI в. и, очевидно, выходят из устного народного обихода.

Ранние ойконимические варианты, оформленные по «женской» словоизменительной парадигме (*Дѣмяна / Демяна / Дѣмена*), быстро оказались вытеснены вариантами муж. р. Форма *Дѣмян* муж. р., например, фигурирует уже в договорной грамоте Новгорода с Литвой 1441—1442 гг.; ср. в одном из списков договора написание ойконима с «мужской» флексией *-и* локатива: «ни на *Демяни*, ни на *Цснѣ*, ни на *Полоновѣ*» [ПИНВ 1909: 38] (в другом списке: «ни на *Дѣмянѣ*, ни на *Снѣ*, ни на *Полоновѣ*»), с непоказательной флексией *-ѣ*, не дифференцирующей род [ГВНП: 116]). Синхронно, под 1441 г., появляется вариант муж. р. *Демен*, ср. в Софийской летописи: «А князь великий стоялъ подъ *Деменомъ*» [ПСРЛ V: 29]. Переоформление в *Дѣмян*, *Демен*, равно как и дальнейшее устойчивое закрепление словоизменительной парадигмы муж. р. в кругу смежных основ (ср. устойчивые *Дѣмон*, *Деман* и никогда *Дѣмона*, *Демана*) обязано скорее всего влиянию топографических терминов *город*, *городок* на топонимы-приложения. Смысловое согласование *город*, *городок* в стереотипных сочетаниях с топонимами, склонными к варьированию, укрепилось формальным включением последних в «мужскую» парадигму родовых терминов. Спорадическое появление вариантов мн. ч. *Демены*, *Демоны* (ср.: «под *Демоны* великому князю вѣсть приде» [ПСРЛ IV: 242]), по-видимому, связано с эффектом «размытой» локализованности, т. е. с указанием не только на сам пункт, но и на ближайшую округу.

Ойконимические варианты с основой *Дѣмон-* (*Демон-*), с одной стороны, и основой *Дѣман-* (*Деман-*), с другой стороны, объединены не только «твердостью» второго слога, но и некоторым образом хронологией фиксаций, отражением их в одних и тех же исторических документах. Наиболее частый вариант *Дѣмон* (реже без «ять» — *Демон*) появляется при описании событий примерно сер. XV в. и устойчиво фиксируется до нач. XVII в. разнообразными источниками, созданными в Новгороде и за пределами Новгородской земли. Многократно геогр. *Дѣмон* присутствует на страницах Воскресенской летописи при описании походов московских князей на Новгород в 1441, 1471 и 1478 гг. и других событий. Название фигурирует в разных словоформах («*Дѣмонѣ* взялъ», «к *Дѣмону* городу», «под *Дѣмономъ*», «противу *Дѣмона*», «в городе в *Дѣмону*», «на *Дѣмоне*», «у *Дѣмона*») и отражается в производной адъективной основе («межь *Дѣмонские* дороги и *Ажелбитцкие*») [ПСРЛ VIII: 2, 111, 164, 166, 185, 194, 200; VII: 35, 193, 207, 216; НПЛ: 462]. Ойконим *Дѣмон / Демон* встречается не раз в писцовой книге Дер. пят. 1495/96 г., указывая смежно то на городок, то на прилегающую территорию [НПК II: 499, 502, 505, 513, 515, 516, 515—520, 527 и след.]. С XVI в. он почти исчезает

из письменности, однако обнаруживается в «Книге Большому Чертежу» 1627 г.: «монастырь *Демон*» [КБЧ: 155].

Реже встречаются в качестве наименований городка или подчиненного ему округа ойконимические варианты с буквой «а» в основе: *Деман*, *Дѣман*, единично *Демань*. Они прослеживаются с конца XV в. и в XVI в. по материалам писцовых книг и актов письменности, см., например [НПК II: 501; ПКНЗ 1: 86]. Вариант *Деман* указан в духовных завещаниях 1504 г. и 1572—1578 гг., принадлежащих соответственно великому князю Ивану Васильевичу и царю Ивану Васильевичу.

Беглый обзор фиксаций по историческим источникам убеждает в том, что варианты с «твёрдостью» второго слога (*Дѣмон*, *Дѣман* и др.), во-первых, хронологически не первичны и, во-вторых, хронологически «не конечны»: они пропадают в XVII в. из синхронных письменных документов и не находят никакого подтверждения в современном живом обиходе (говорят: *Демянск*, *Демян*, но никогда *Демон*, *Деман*). Они как бы вытесняют на промежуточном пути исходные варианты на *Дѣмян-*, *Дѣмен-*, заполняя образовавшуюся лауну на протяжении примерно двух столетий.

Что касается появления хронологически вторичных, но широко распространенных форм на *Дѣмон-* (*Демон-*), то оно было вызвано древнерусским переходом $e > o$, для которого длительное время не имелось адекватного способа орфографической передачи. Этот переход в позиции после мягких перед твердыми согласными (в основном под ударением) происходил с XII-го по XV в. Следы изменения $e > o$, как показывает материал и новгородской берестяной письменности, и актов Московской Руси, часто отражались в XIV—XVI вв. через написания буквы «о» вместо «е», причем не только после шипящих согласных; ср., например, фиксации типа *нобомь* (по произношению [н'обом] из [н'ебом]), *Смона* [См'она], *рублово* [рубл'ов], *Стопаномь* [Ст'опаном] и т. п. во многих новгородских грамотах на бересте [Зализняк 2004: 69—70]. Подобные написания, ставшие орфографической реакцией на новый переход $e > o$, не могли впрочем, окончательно утвердиться: позволяя обозначить новую o (из e), при отсутствии буквы «ё» они одновременно утрачивали важное указание на мягкость предыдущей согласной, нарушая слоговой принцип русской графики. Чтобы сохранить обозначение мягкости, орфография все же предпочла передачу новой o через букву «е», затем и через «ё», в противном случае имело бы место существенное противоречие между написанием и произношением.

Нет сомнения в том, что первоначальные варианты *Дѣмен*, *Демен* названия городка пережили отмеченный процесс $e > o$. В плане произношения это отразилось на фонетической оболочке: стало [дѣм'он], [дем'он] из прежних [дѣм'ен], [дем'ен], а в соответствии с орфографическими допущениями того времени стали писать *Дѣмон* (*Демон*) без обозначения мягкости перед «о» (в совр. орфографических условиях написали бы *Демен*). Несмотря на то, что написание *Дѣмон* не отвечало реальному «мягкому» произношению, оно, тем не менее, утвердилось, стало устойчивой орфографической нормой данного конкретного ойконима. Однажды

появившись, письменный вариант *Дѣмон* стал далее тиражироваться разными писцами и переписчиками. Лишь изредка устойчивая письменная норма нарушалась (особенно в новгородских летописях, более ориентированных на местную разговорную речь) написаниями типа *Дѣмен*, более адекватными произношению; ср. летописную запись «Съ Деменского стану» даже в сравнительно позднюю эпоху сер. XVI столетия [ПСРЛ III: 163]. При этом фонологическая неустойчивость мягкости у согласной *м'*, присущая древнерусскому языку вообще, без сомнения, укрепляла норму написания слога [*м'о*] в виде «*мо*», особенно в таком отчуждаемом классе слов, как топонимы³⁰.

С написаниями *Дѣмон*, *Демон* тесно пересекаются по происхождению и использованию в источниках написания *Дѣман*, *Деман*. Данные варианты родились путем своеобразной графической контаминации — наложения на более ранние формы *Дѣмян*, *Демян* графического принципа необозначения мягкости *м'*, уже освоенного в написаниях *Дѣмон*, *Демон*. Обнаруживается определенная пропорциональность фонетико-орфографических трансформаций исходных ойконимических вариантов: *Дѣмен*/*Демен* дали позднее *Дѣмон*/*Демон* и вслед за ними аналогично *Дѣмян*/*Демян* преобразовались в *Дѣман*/*Деман*. По произношению, однако, *Дѣман*/*Деман* ничем не отличались от первоначальных вариантов.

Таким образом, рассмотренные фиксации, внешне отмеченные «твердостью» второго слога, а на самом деле скрывающие мягкую *м'* (которые отразились бы в современной буквенной передаче в виде *Демён*, *Демян*), являются поздними орфографическими двойниками исходных форм, близких к реальному произношению. Лишенные опоры в живой речи и не поддержанные развитием орфографии, они не могли долго сохраняться. В связи с общим упорядочением орфографических норм постепенно в XVII в. исчезла форма *Деман* (впрочем, даже в документации XVIII в. порой встречаются упоминания о *Демянске* как о центре *Деманского у.*). Еще раньше пропадает из письменных исторических источников написание *Дѣмон*, поскольку сам объект, к которому оно относилось, перестал существовать (см. об этом ниже).

Графический эффект необозначения мягкости *м'* отражен также в производном названии рч. *Деманка* в писцовой книге Дер. пят. 1495/96 г. (см.: «Деревня на *Деманке*» в Деманском пог. [НПК II: 526]); сегодня эта речка, протекающая из оз. Мосьлинского в р. Явонь через пос. *Демянск*, именуется *Демянка* / *Демьянка*.

С учетом изложенных выше соображений остается признать, что для этимологического анализа представляют интерес только основы *Дѣмян-* (*Демян-*) и *Дѣмен-*

³⁰ Например, геогр. *Рамонь*, *Рамонье*, приведенные в словаре народных географических терминов Э. М. Мурзаева [Мурзаев СНГТ II: 166], являют собой непривычную для нас запись широко распространенных названий *Рамень*, *Раменье* в «ёкающем» диалектном произношении (по нормам совр. орфографии требовалось бы записать: *Рамёнъ*, *Рамёнье*), которые равны апел. *рамень*, *раменье* 'глухой лес, опушка леса'; так же нужно объяснять неустойчивость мягкой *м'* и твердой *м* в терминах *рамешина*, *рамашина* — 'небольшой островок среди других типов леса' [Там же].

(*Демен-*). Первый слог в них отмечен меной букв «ѣ//е», которую можно было бы объяснить, на первый взгляд, простой неупорядоченностью древней орфографии, свободной взаимозаменяемостью букв, сославшись на то, что фонема «ять» на новгородской территории в XV—XVI вв. постепенно утрачивала самостоятельный статус в большинстве говоров [Филин 1972: 170—172]. Дело, впрочем, обстоит сложнее. Уже сам по себе факт устойчивого написания буквы «ять» в ойконимических вариантах скорее подразумевает, что фонема «ять» имеет здесь этимологическую природу (которая, скажем заранее, абсолютно подтверждается логикой предлагаемой ниже гипотезы о происхождении данных основ). Мысль об исконности фонемы *ѣ* дополнительно усиливают отдельные фиксации топонимов в виде *Деимон* в Новг. 4-й летописи [ПСРЛ 4: 2-е изд., ч. 1, вып. 3] и *Дѣймон* в Боярской книге 1556 г. [АИЮС: кн. 3, 80]. Единичность вариантов с буквосочетаниями «*еи*» и «*ѣй*» как будто дает повод говорить о случайных ошибках писцов, но скорее следует вести речь о графическом воплощении дифтонгических или дифтонгоидных аллофонов фонемы «ять» (типа *ei*)³¹.

Основы *Дѣмян-* (*Демян-*) и *Дѣмен* (*Демен-*) фиксируются синхронно и длительное время параллельно друг другу функционируют в живой речи, формируя соответствующие варианты названия. Имело место их изначально сложившееся варьирование, пересечение в устном использовании. О причинах варьирования скажу позже, сейчас же отмечу, что географические названия с указанными основами в ряде случаев, подобным образом пересекаясь, обнаруживаются на значительных территориях исконного восточнославянского заселения (см. карту 16). Все они объединены общим указанием на водные объекты — небольшие речки и озера, указания на иные объекты у них вторичны (к ним этимологически не относятся ойконимы типа *Демьяново*, *Деменино*, *Демехово*, образованные от личных имен *Демьян*, *Деменя*, *Демех*, соотносительных с древнецерковными именами *Дамиан*, *Дементян*, *Демид*).

Среди родственных названий необходимо отметить прежде всего название оз. *Задеменское* в Хв. р-не, проточного, с низкими, илистыми берегами, при нем ур. *Задеменье*; озеро имеет истоком рч. *Демьянка*, п. пр. Смердомки, п. пр. Чагоды (иначе — *Демянка* на карте-трехверстке XIX в.). По материалам Ген. меж. 1785 г., № 2836 — это оз. *Демень* «200 десятин, вокруг оногo суходол и вытекает из оногo речка *Деменка*» [КГарн]; неподалеку от него указано еще оз. *Демино*: «Деревня

³¹ Количество разнообразных рефлексов фонемы «ять» в новгородских говорах постепенно увеличивалось, что и стало, по мнению Ф. П. Филина [1972: 172], причиной падения этой фонемы в подавляющем большинстве новгородских говоров. Среди многих аллофонов встречалось, помимо прочих, дифтонгическое воплощение фонемы «ять» в виде *ei*, которое позволяет видеть за буквосочетаниями «*еи*», «*ѣй*» в *Деимон*, *Дѣймон* особое фонетическое содержание. Подобные написания, пожалуй, еще увереннее позволяют говорить о том, что в XVI в. сохранялась не только орфографическая, но и особая произносительная «ятевая» норма наименований древнего городка Демона, хотя в столь позднюю эпоху довольно неустойчивая.

Погорелова ⟨...⟩ дачею при озере *Демине*, а речки Недожатки по обе стороны» [КГарн]. Поскольку дер. Погорелово стоит, судя по совр. картам в 1 км от указанного озера, то *Демино* и *Демень* — скорее всего варианты одного лимнонима. Это озеро, числившееся в Минецко-Старско-Горской вол. Бор. у., на карте-трехверстке 2-й пол. XIX в. подписано *Задемянье*, по совр. картам и справочникам оно проходит как оз. *Задеменское*. Кроме того, в Минецко-Старско-Горской вол. указан пос. Березовик при оз. *Задолинье* [СНМНГ VI: 71] (*Задолинье* — искаженная передача лимнонима *Задемянье*). Название рч. *Деменка*, позднее *Демянка*, *Демьянка*, было получено по оз. *Демень* (> *Задеменское*); в свою очередь, по речному имени впоследствии возникли новые варианты лимнонима — *Задемянье*, или *Задеменское*, букв. ‘озеро за *Деменкой* (*Демянкой*)’. Опосредующим объектом, впрочем, могла быть не речка, а место (деревня?), далее смежный ойконим отобразился во вторичном варианте лимнонима, вытеснившем исходный вариант. Гидронимы показывают притяжение к созвучной антропонимии: вариант лимнонима *Демино* явно был вторично сближен с посессивными образованиями от личн. *Дема*.

Демьянское оз. со стоком в р. Лоша, л. пр. Мологи (исторических сведений не найдено). Гидронимы *Демьянка*, *Демьянское* содержат «йот», который появился благодаря ассоциативной связи с личн. *Демьян*. Вставка неэтимологического «йота», вообще говоря, характерна для гидронимической основы *Демен-* (*Демян-*).

Деменецкое оз. в Засыпенской вол. Бор. у. в материалах Ген. меж. 1880-х [КГарн], оно связано с рч. *Демница* (см. ниже).

Демянка, или, по [Шан. РЛЮ: 490], — *Демьянка*, л. пр. Шелони, при ней дер. *Демянка* Порх. р-на. Средневековая фиксация — под 1550/51 г.: «В Дубровенском же погосте монастырские Рожества Христова з Демянки 4 деревни» [ПКНЗ 6: 97]. Речка течет из заболоченной низины, из озерка, которое зафиксировано в межвых материалах конца XVIII в. под названием *Демон*; позднее данный гидроним был нанесен на карты XIX в. и отмечен О. А. Шкапским в нач. XX в. на территории Бешковицкой вол. Порх. у. [Шк. ОПскГ: 133]. Обращает на себя внимание соотношение гидронимов *Демянка* и *Демон* в басс. Шелони, воспроизводящее ситуацию с вариантами ойконима *Демян* и *Демон* басс. Польша: наблюдается аналогичное необозначение мягкости *м'*, закрепленное в лимнониме и затушевавшее его истинное прочтение в виде *Демён* (< *Демен*); из этой первоначальной формы пошло затем производное имя рч. *Деменка/Демянка*.

Аналогичный графический эффект наблюдается в средневековом названии оз. *Демонцо* в вол. Велиля Дер. пят. 1495 г. [НПК II: 784]; более того, показательное наличие в нем ранней фонемы *ѣ*, которая обернулась фонемой *е* в гидронимических параллелях более позднего времени. С этим средневековым озером скорее всего отождествляется совр. оз. *Демино*, или *Деминское* (к востоку от гор. Холм Новг. обл.), из которого вытекает р. *Демьянка*, п. пр. Тростянки, п. пр. Оборли, п. пр. Большого Тудра, п. пр. Куньи, п. пр. Ловати.

Деменец оз., указанное на территории Дремяцкого пог. Шел. пят. под 1550/51 г. [ПКНЗ 6: 98] (неподалеку от совр. оз. Ильжовское юго-западнее гор. Луга).

Деминец оз. со стоком в рч. *Демьянка*, л. пр. Сьючи, р. в оз. Сьуча в верховьях Мсты. Идентифицируется с оз. *Деменец* в Удомельской вол. Беж. пят. неподалеку от истоков Мсты; на озере стояли названные по нему удомельские деревни Никольского пог. — *Деменец* и *Другой Деменец* [ПКНЗ 1: 198, 211].

На исторической псковской территории гидронимов рассматриваемого типа зарегистрировано еще больше, чем в бывших новгородских пятинах. В верхних течениях Великой и Ловати расположены: оз. *Деменец*, имеющее сток в оз. Большое Острие, оз. *Деменец* со стоком в оз. Веснеболог, оз. *Деминец* со стоком в оз. Сосонец, оз. *Деменецкое*, стекающее в оз. Малый Вяз (и там же дер. *Деменец* Новоскольнического р-на); эти озера даны и в описании 1912 г. наряду с оз. *Демянское* в Загарской вол. Великолуцкого у. [Шк. ОПскГ: 108, 138, 140]. Оз. *Демино* со стоком в оз. Псово басс. Ловати и при нем дер. *Демьяница* Новоскольнического р-на (в 15 км к югу от Великих Лук) в писцовой книге Великолуцкого у. 1625—1627 гг. отмечены как оз. *Демьяница (Псово)* у дер. *Демоница* над оз. *Демьяница* в Липецком стане [Янин 1998: 174]. Геогр. *Демино* прикреплено еще к паре озер басс. Великой: одно стекает в оз. Але, другое — в р. Ливица; есть также пск. оз. *Деминское* у дер. *Демино* в басс. Ловати. Рч. *Демьянка*, л. пр. Смердели, п. пр. Локни, л. пр. Ловати, в книге 1625—1627 гг. указана как рч. *Демьянка* близ дер. Земцова Горожанского стана Великолуцкого у.; по этому же источнику, в Никольском стане числилась дер. *Демян* «над оз. *Демянем*» (цит. по [Янин 1998: 171, № 110 на рис. 9, с. 173, № 493 на рис. 9]). Сегодня в Западнодвинском р-не Твер. обл. значится оз. *Демьян*, на северо-западном берегу которого стоит дер. *Задемьянье* (Староторопский СО). В Пск. обл. протекает еще р. *Демьянка*, или, по [Шан. РЛЮ: 14] — *Деменница*, л. пр. Черехи, п. пр. Великой. С ней отождествляется средневековая р. *Демяница*, по которой получила название древнепсковская вол. *Демяница*; на этой реке стоял («стояше на *Демяници*») ливонский магистр с войском, разоривший окрестную *Демяницкую* вол. [ПСРЛ IV: 119; V: 20].

Родственные гидронимы зафиксированы также к югу от новгородских и псковских земель, в основном в Белоруссии, Поднепровье, Поочье. Чаше на южных территориях наблюдается основа *Демен-* с ударным первым слогом: блр. озера *Деменец* и *Деминец* в Ушачском р-не и *Демино* в Россонском р-не Витебской обл., *Деменница* в Житковичском р-не Гомельской обл., *Демяне* в Столинском р-не Брестской обл. [Озера Беларуси 2], рч. *Демьянка* басс. Ворсклы на Украине [Машт. Днепр.: 73] + п. пр. Днепра в Бельском у. Смоленской губ. [Vasm. WRG I: 576], *Деменка*, иначе *Деминка*, п. пр. Бердыжа, п. пр. Сожи, *Деменка* л. пр. Ипути, л. пр. Сожи, *Деминка* п. пр. Орессы, п. пр. Птичи, л. пр. Припяти [Топоров, Трубачев 1962: 56, 62], рч. *Демьянка* и руч. *Демянской* в Нижнем и Среднем левобережном Поочье, р. *Деменка*, л. пр. Угры [Смол. ГБО: 39, 88, 203]. Последняя из перечисленных рек ранее именовалась также *Демена* / *Демина*, по ней названы известные по документам XV в. вол. *Демена* и городище *Деменск*, ныне гор. *Спас-Деменск* в Калужской обл. [Поспелов 2001: 393—394]. Немного восточнее Новгородской земли, в Ярославской обл., имеется сел. *Деменское* неподалеку от Данилова. Возможно,

к этому же ряду соответствий относится еще *Демный* (польск. *Demny*) л. пр. Мохивоста басс. Прута в Галиции [Vasm. WRG I: 575].

Вероятность деривации от антропонимов *Дема*, *Демин* для перечисленной гидронимии практически равна нулю. Лишь некоторые подобные названия показывают сходство с деантропонимными производными, допуская двойные трактовки. Таковы, в частности, новг. *Демьяницы* как название местности, сообщенное грамотой около 1456 г. (подр. см. в гл. 4, где оно считается производным от личн. *Демьян*) и пск. *Демьяницы* оз. в Копылковской вол. вблизи Новоржева [Шк. ОПскГ: 138].

Перечисленные гидронимы не этимологизируются на материале славянских языков. Зато они объяснимы на почве балтийских языков, будучи распространенными также в Прибалтике. Таковы названия *Demenas* и *Dēmenas* озер в разных районах Литвы, сюда же литовские названия рр. *Dēmė* и *Diemė*, прус. *Demita* [LUEV: 29; Gerullis 1922: 27]. Эти балтизмы истолковывались на базе древнего апеллятива со значением ‘грязь, запачканное место’, связанного с совр. лит. *dēmė* ‘пятно, клякса’, *dēmėtas* ‘пятнистый, в пятнах’ [Savukynas 1962: 194]. Лит. *dēmė* ‘пятно’ родственно слав. **děti*, рус. *деть*, это суффиксальный (с *-m-*) дериват и.-евр. корня **dhē-* ‘класть, помещать’ [Fr. LEW I: 91]. Позже на данное мнение ссылались А. Ванагас, объяснявший название литовской р. *Demė* [Vanagas 1981: 84], и В. Н. Топоров при трактовке поочского гидронима *Деменка* [Топоров 1997: 295].

Действительно, значения ‘пятно (= грязное пятно)’ и ‘грязь’ соотносимы между собой и при специализации слова в качестве местного географического термина топографические значения ‘загрязненное место’, гесп. ‘болотистое, сырое место’ вполне закономерны и ожидаемы. В целом следует считать, что перечисленная гидронимия на *Демен-* и *Демян-* репрезентирует основу балтийского происхождения **Dēmen-* со значением ‘грязный, топкий’, часто используемым в номинации небольших речек и озер. Данные названия, судя по первоначальному значению основы, появились благодаря топким, загрязненным берегам водоемов или нахождению водоемов в низкой, заболоченной местности. Например, оз. *Задеменское* имеет низкие, илистые, «грязные» берега [Истомина Яковлев 1989: 124], оз. *Демон*, из которого течет рч. *Демянка*, л. пр. Шелони, лежит в сыром, заболоченном месте, как и оз. *Демино* Холм. р-на, рядом с пск. оз. *Демьяницы* в Копылковской вол. Новоржевского у. перечислены водоемы с «говорящими» названиями *Грязь*, *Колодонец*, *Лужи* и др., примеры можно продолжать.

Этимологическая основа **Dēmen-*, включающей корень и суффикс, коррелирует основа **Dēm-* простой структуры: она представлена не только в приведенных выше литовских речных именах *Dēmė*, *Diemė*, но и в названиях некоторых водоемов и селений на Русском Северо-Западе. Одно из них — название рч. *Демица*, смежной с оз. *Деменецкое*, в Засыпенской вол. Бор. у. Согласно межевым материалам 1880-х гг., в этой волости значилась пуст. Налудник «вокруг озера *Деменецкого* и по обе стороны речки *Демицы*, вытекающей из одного озера»; кроме того, даны сведения, конкретизирующие местонахождения *Демицы*: «Пожни, приписанные к д. Котовой (...) на левом берегу речки *Демицы* и при озере Лимандре» [КГарн].

Сегодня в этой местности Бор. р-на рч. *Демница* не значится, но, судя по описаниям 1780-х гг., так называли один из притоков оз. Лимандрово басс. Мсты, лежащего в заболоченной местности к востоку от Боровичей. Второй новг. гидроним рассматриваемого типа — *Демьячка* — прикреплен к болотному озерку басс. Чагоды, стекающему в оз. Ракитинское, Хв. р-н. Обращает на себя внимание гидроним *Димовка* рч. в оз. Граничное басс. Чагоды: при этой речке была средневековая дер. *Демово* Спасского Молодиленского пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI: 1069], локализуемая примерно в 10 км юго-восточнее оз. *Демьячка*. Быть может, исходную основу *det-* следует видеть также в названии средневековой дер. *Темя* Спасского Орлинского погоста Вод. пят. 1500 г. [ПКНЗ 1: 103] (до нашего времени деревня не сохранилась). Ряд новг. геогр. *Демница*, *Демьячка*, *Темя* продолжает пск. геогр. *Демя*, прикрепленное к смежным озеру и деревне в Великолуцком у. между гор. Великие Луки и пос. Новосокольники [Vasm. WRG I: 576] (деревня была названа по озеру) и блр. геогр. *Демя* оз. басс. Западной Двины южнее оз. Лисно в Россонском р-не Витебской обл. [Озера Беларуси 2]. Сопрягающиеся с изложенными новг.-пск.-блр. фактами гидронимы *Dētē* и *Dietē* в Литве были сравнены с лит. *dētė* ‘пятно’, а более архаическом значении — ‘грязь, загрязненное место’ [Vanagas 1981: 84]. Соотношение гидронимических основ *Дем-* и *Демен-* (*Демян-*) можно объяснить тем, что первая является простой основой, а вторая, объединяющая большинство рассматриваемых названий, ее суффиксально расширенным аналогом, показывающим варианты суффиксы *-ен-* и *-ян-*. Суффиксальная деривация могла происходить как на балтийской (ср. лит. *Dētē* и *Dētenas*), так и на славянской языковой почве.

Поскольку гидронимия с основами *Демен-* (*Демян-*) и *Дем-* хорошо этимологизируется на балтийской материале, возникает мысль о том, что ее оставили древние балты и от них она была усвоена славянами. Однако значительное количество рассматриваемых водных названий, их широкий ареал, иногда в стороне от старых балтийских территорий, и особенности суффиксальной структуры имен позволяют в целом считать создателями данного гидронимического ряда самих славян, а не балтов и вести речь об апеллятивном заимствовании из балтийского, отраженном в славянской гидронимии. Что касается прямого усвоения славянами балтийского гидронимического субстрата, то оно вероятно лишь для отдельных названий данного ряда. Вариантность основы *Демен-* и *Демян-* тоже противоречит мнению о сугубо балтийском характере данной гидронимии.

Есть существенные основания полагать, что славяне сами образовали рассматриваемые гидронимы на базе древнего термина, который был заимствован ими от соседей-балтов; позднее этот термин славяне в нарицательном употреблении не сохранили. Предположение об апеллятивном (а не о гидронимическом) заимствовании хорошо объясняет такие структурные особенности имен, как различие суффиксов вариантов *Демен-* и *Демян-* наряду с подвижностью ударения, наблюдаемого то на первом слоге, как в геогр. *Деминка* (< *Деменка*), *Демино* (< *Демено*), то на втором, как в геогр. *Демянка*, *Демянское*. Говоря о заимствовании,

в качестве балтийского слова я подразумеваю прежде всего субстантив со значением ‘грязь’, продолженный позднее в лит. *dėtė* ‘пятно’, а в славянском языке-реципиенте представленный в облике **дѣмя* (ср. равные ему пск., блр. геогр. *Демя* наряду с новгородскими дериватами *Демячка*, *Демица*, *Демово*). При этом долгая узкая балтийская фонема **ē* была закономерно замещена славянской фонемой *ѣ*, имеющей сходное качество и происхождение (< **ē*). Как раз средневековые написания типа *Дѣмена*, *Дѣмон*, *Дѣмонцо*, приведенные выше, могут отражать фактическую реальность «ять» как фонемы-субститута. Балтийское заимствование включилось в парадигму исконно славянских слов на *-мя-* субстантивного склонения (< **-men*) типа *сѣмя*, *племя*, *тѣмя*, *стрема*, *имя*, др.-рус. *зеремя* и др., поскольку близость фонетической оболочки, особенно наличие *t* в исходе основы, благоприятствовала именно такому типу морфологической адаптации. Ср. тождественную адаптацию фин., карел., ижор. *salmi* ‘пролив’, которое, будучи заимствованным в древнерусский язык, оформилось по основам на **-ten* в виде *соломя* (Род. ед. *соломяни*) ‘пролив, проток, проход между двумя островами’³². Соответственно, воспринятый от балтов термин приобрел в древнерусском языке все те парадигматические свойства, которыми характеризуются слова на *-мя* и, в частности, наращение *-ен-*, появлявшееся как при словоизменении (ср. *имя* — *имени* — *именем* — *имена*), так и при словообразовании (ср. *именной*, *именины*, *именинник*). Однако в говорах, особенно севернорусских, начиная с XV в. наращение *-ен-* конкурирует с *-ян-*, которое возникло путем контаминации флективных элементов (*им-я* + *им-ен-и* = *им-ян-и*); поэтому в актовой письменности того времени написания *времяни*, *имяни*, *племяни*, *знамянемъ* и т. п. — не редкость [Хабургаев 1990: 76—77]. С особой устойчивостью контаминированное наращение *-ян-* характеризовало формы мн. ч. Современный литературный язык отражает его в формах Род. ед. *стремьян*, *семян* (наряду с *имен*, *племен*, *знамен*, *времен* и т. п.), хотя еще у Пушкина находим: «Хваленых дедовских *времен*». В производных словах новое *-ян-*, элемент более новый, перетягивавший на себя ударение, обнаруживается чаще; таковы, например, *стременной* и *стремянный*, *стремянка*, *именной* и *безымянный*, *теменной* и диал. *темянный*, *племенной* и *племянник*, диал. *племянный*, *семенной* и *семянка*, *временной* и *временка* и др.

Балтийского происхождения термин **дѣмя*, включенный в парадигматику слов на *-мя*, тоже, надо полагать, был отмечен колебанием элементов *-ен-/ян-*, характерным преимущественно для севернорусских говоров. Поэтому в северной (новгородско-псковской) гидронимии, образованной на базе данного термина, наличествуют обычно варианты основы *Демен-* и *Демян-* (*Деменец* и *Демянка*, *Деменица* и *Демяница*) с оттяжкой ударения на *-ян-*. Что касается территорий Поочья и Поднепровья, то здесь чаще представлен более ранний вариант *Демен-*, не затронутый контаминацией и последующим сдвигом ударения. В свою очередь геогр. *Демя*, *Де-*

³² От термина *соломя* образовалось, например, название озера в Торопце — *Соломено*, буквально ‘проточное’ [Филин 1972: 533—534].

мячка, Демица, не содержащие вариантных суф. *-ен-* и *-ян-*, демонстрируют прямую гидронимизацию апел. **дѣмя*. Причем если пск., блр. *Демя* прямо приравнивается к апел. **дѣмя*, то остальные названия отражают вторичную суффиксацию апеллятива, уже закрепленного в функции водного названия. В новг. *Демячка* уже сам характер суффикса показателен, поскольку подразумевает деривацию от **Дѣмя*; ср. диал. *семячка*, производное от *семя*, *темячко* — от *темя* и т. п.

Когда исходный термин вышел из употребления, этимологическое значение гидронимических основ *Демен-* (*Демян-*), *Дем-* оказалось забытым. Тогда стало возможным ассоциативное сближение с личным именем *Демян*, благодаря которому внутри отдельных названий развился новый, эпентетический «йот», обусловивший колебания типа *Демянка/Демянка*.

В заключение следует отметить, что существовавшее в разнообразии вариантов название средневекового городка Демона и совр. Демянска, включенное в контекст рассмотренной гидронимии, является безусловно вторичным, перенесенным. Средневековый пункт было назван по смежному водоему. На первый взгляд, этим водоемом была рч. *Демянка*, протекающая по Демянску, о которой становится известно с конца XV в. Но геогр. *Демянка* — производный гидроним, относящийся к незначительной протоке, 1,5 км длиной, выходящей из оз. Мосылинского в р. Явонь. В регионе Новгородской земли такие протоки, как правило, именуются по питающим их более крупным и заметным озерам. Источником топонимического переноса в данном случае стало не крохотная рч. *Демянка*, а питающее ее крупное озеро, прилегающее к Демянску и называемое сегодня оз. *Мосылинским* (по дер. *Мосылино*, появившейся на ее берегу). Иначе говоря, оз. Мосылинское некогда носило имя с основой *Дѣмен-* (или *Дѣмян-*), исконно означавшей ‘грязь, топь; грязное, топкое’. Надо полагать, все многочисленные варианты названия средневекового городка Демон в конечном счете восходят именно к этому исчезнувшему лимнониму. Аналогичные переносы легко обнаруживаются среди межтерриториальных параллелей, см. изложенные выше указания на дер. *Деменец* на оз. *Деменец*, дер. *Демян* «над оз. *Демянем*», дер. *Демяница* на оз. *Демино* (ранее *Демяница*), дер. *Демя* на оз. *Демя* и др. Весьма показательным, что семантика основы *Дѣмен-* (*Дѣмян-*) адекватно отвечает физико-географической характеристике Мосылинского оз. Достаточно процитировать выдержку из его описания сер. XIX в.: «Озеро Мосылинское, чрезвычайно топкое, грязное и тиноватое, берега плоские и по местам топкие», глубиной не более сажени, богатое рыбой [Новг. сборник III: 6]³³. Форма утраченного лимнонима сохранилась не только в смежном ойкониме, но и в производном названии рч. *Демянка*, соединяющей озеро с р. Явонь.

³³ Местные жители добывали из Мосылинского озера сапропель — ил для удобрения огородов.

«СОМИНЫЕ» НАЗВАНИЯ ВОД И СЕЛЕНИЙ

Названия, как правило, гидронимы, с основой *Сомин-* (*Самин-*) рассеяны на значительных пространствах Русского Северо-Запада, Белоруссии, Украины и Польши. Они составляют одну из характерных черт топонимического ландшафта Новгородской земли, где их насчитывается около трех десятков. Этимологическому раскрытию этих названий существенным образом способствуют смежные факты из балтийских языков.

Соминка, или *Большая Соминка*, рч., п. пр. Полисти, л. пр. Ловати близ Старой Руссы, здесь же руч. *Соминский*, пр. Соминки (иначе *Вороток*). С ними смежно оз. *Соминое*, являющее собой расширение русла Соминки в нижнем течении. Речка упомянута в жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича русским тонникам (XV в.): «А завод тои моеи (земле): от Полисти реки по Воеи ручеи, а от Воя ручья до *Ближней Соминки* по Радынь путь, а от *Ближней Соминки* до *Далней Соминки* конюшьим путем до Редьи реки в Соболеи ручеи» [АСЭИ III: 29—30, № 13; 37—38, № 21]. Вероятно, под *Ближней Соминкой* тогда понимали совр. рч. *Соминку*, ближайшую к Руссе, а под *Дальней Соминкой* — руч. *Соминский*. Позднее об этом водоеме сообщают писцовые книги: *Соминка/Саминка* р. в Околорусье («пожня на *Саминке* за озеркомъ да пожня на Тулебле за рекою»; «пожня на усть *Соминки* на Полъсте рекъ за озеркомъ») под 1545 г. [НПК VI: 282, 675]; письменность XVI в. отмечает не только р. *Соминка*, но и «озерко на *Соминке* над Полистою рекою», иначе — оз. *Соминское* [ППКСР: 215, 223, 237, 238, 389] (= совр. оз. *Соминское*, или *Соминое*). Вблизи рч. *Соминки* в средневековый период была еще дер. *Соминка Лъбшая* Воскресенского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV 461], = дер. *Соминка* в окрестностях Русы по книге 1624 г. [ППКСР: 221, 238].

Сомино (вар. *Осьмино*, *Семино*, см. [Истомина, Яковлев 1989: 131]), оз. в Хв. р-не, сток через оз. Сосница в р. *Сомина* (*Соминка*), п. пр. Медведы, р. в оз. Ракитно басс. Чагоды, л. пр. Мологи. Эти озеро и река («на озере на *Сомине*»; «на рекъ на *Сомине*») отмечены при описании пог. Спасского Молодиленского Беж. пят. 1564 г. рядом с дер. Удоежа [НПК VI: 1055, 1056, 1058, 1059, 1067, 1069] (совр. Удовище дер. Бродск. Хв.); оз. *Сомино* также дано под 1501 г. при описании вол. Любытино: «участки въ озерахъ въ *Соминѣ*, въ Городнѣ, въ Сосницы» [Там же: 22].

Сомино оз. и при озере пуст. в Валд. у., согласно Ген. меж. конца XVIII в. [ИАДП 1: 202], = оз. *Соминец* («въ озерѣ въ *Соминѣ*») Михайловского пог. Дер. пят. 1495 г.; вблизи озера писцовые книги указывают еще деревни с производными отлимонимными названиями *Соминцов Конец* и *Соминец* [НПК I: 195, 196, 208], в книге Г. Я. Морозова 1538/39 г. — оз. *Соминец* [ПКНЗ 4: 112]. В этом же пог. описывалась еще дер. *Соминца* [НПК I: 205]. Сегодня оз. *Сомино* бывшего Валд. у. известно как оз. *Сомиха* Болог. р-на, стекающее в оз. Михайловское басс. Мсты.

Сомино оз. в Валд. р-не со стоком в р. Березайка басс. Мсты, = *Сомино*, иначе *Соминец*, оз. в Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 141], = *Соминец* оз. Городенского

пог. Дер. пят. 1495 г.; поблизости была дер. *Соминец* [НПК I: 251, 270, 272, 274, 311, 319].

Сомино оз. под гор. Боровичи вблизи озер Беленца, Платишно, Линное, сток в р. Сивельба, л. пр. Мсты. Впервые упоминается приправочной книгой 1550/51 г. в описании Боровицкого пог. Дер. пят.: «А угодыя (...) в озере в *Сомине* половина да два озерка Белемца да озерко Линно да озерко Платишно» [ПКНЗ 5: 29—30, 43].

Сомино оз. со стоком в р. Черная, п. пр. Поломети, п. пр. Пола (Валд. р-н), в озеро впадает рч. *Соминка* (*Орловка*). Ранее в этой местности значилось оз. *Соминец* («въ озерѣ въ *Соминцѣ* семой жеребей») Яжелбицкого пог. 1495 г. [НПК I: 812] и 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 107], отождествляемое с оз. *Соменец* и *Соменское* Валд. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 301]. Рядом с озером книги Дер. пят. описывают дер. *Соминец* и дер. *У Соминца озера* Яжелбицкого пог. под 1495 г. [НПК I: 846, 847], = дер. *Соминцо* и дер. *Другое Соминцо* под 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 106].

Сомёнка дер. Соменск. Кр., ранее — дер. *Соменка* Рахинской вол. Кр. у. 1909 г. у р. Поломять [СНМНГ IV: 92—93]. Приравнивается к дер. *Соминица* Яжелбицкого пог. 1495 г. [НПК I: 815], где отмечена и рч. *Соменка* под 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 104], а в конце XVIII в. указана пуст. *Соменка* на плане Кр. у. [ИАДП 1: 299]. Трудно сказать, относится ли к этой топонимической микросистеме название дер. *Сомин Ручей*, указанной под 1550/51 г. в этом же Яжелбицком пог. [ПКНЗ 5: 98].

Соминское, или *Саминское*, оз. в Бор. р-не, соединено короткой протокой *Соминка* с крупным оз. Пирос басс. Мсты. В конце XV в. озеро именовалось *Соминец*, судя по названию смежной средневековой дер. *Над Соминцом* Пиросского пог. Дер. пят., известной из писцовой книги дворцовых земель 1495—1496 гг. и из приправочной книги 1550/51 г. [Там же: 173]; рядом с ней еще отмечена еще дер. *Соминица* 1495/96 и 1550/51 гг. [ПКНЗ 1: 37; 4: 178, 179], = сц. *Соминец* конца XVIII в. [ИАДП 1: 235].

Соминское оз., сток через протоку в р. Кереть, л. пр. Волхова, Чуд. р-н. Очевидно, следует идентифицировать с оз. *Соминец*, отмеченном в описной книге пригородных пожен Великого Новгорода 1535/36 г., см.: «пожня в Керести реке у *Соминца* у возерка в болоте, пять куч» [ПКНЗ 1: 318].

Соминец, или *Саминец*, оз. неподалеку от оз. Песьво, со стоком (через прот. Хомутова) в оз. Удомля басс. Мсты; на южном берегу стоит дер. *Саминец* Рядск. Удом., или *Соминец* в межевом атласе Твер. губ. сер. XIX в. [Воробьев 2005: 344]. В списках селений 2-й пол. XIX в. озеро именуется *Сомница* [Vasm. WRG IV: 351] (< *Сом(и)ница*). Ср. дер. *Соминец*, равно как оз. *Семынец* в вол. Удомля Беж. пят. 1498/99 г. («Да в Вудомле ж озер: Пество, Удомле, *Семынец*, Ильстьмо...»), см. [ПКНЗ 1: 207, 211; НПК VI: 645].

Саминец оз., басс. Пола, со стоком в р. Черная, Дем. р-н, рядом с дер. и оз. Острешно. Впервые упомянуто как оз. *Соминец* при описании деревень Деманского пог. Дер. пят. под 1538/39 г.: «А угодей у тех деревень 2 озерка лешие, озерко *Соминец* да озерко Острешно» [ПКНЗ 4: 235].

Соминец пуст. в Валд. у. конца XVIII в., № 440, к востоку от крупного оз. Боровно, с которой А. А. Фролов и Н. В. Пиотух отождествляют (см. [ИАДП 1: 263; 2: 25]) средневековые дер. *У Соминца озера* и дер. *Семынец* Ситенского пог. Дер. пят.; они стояли вблизи оз. *Соминцо* («озеро Орѣховно да озеро *Соминцо* да озеро Боровно»), известного по книгам 1495 г. [НПК I: 559, 582], 1550/51 г. [ПКНЗ 5: 4, 152] (сегодня это оз. *Путиловское*, иначе *Пузыревское*, в Ок. р-не). Вероятно, оз. *Соминцо* указано также как оз. *Соменец* при описании деревень сопредельного Шегринского пог. 1550/51 г.: «А угодья (...) в озере в Ыногоще жеребей, и в придаче в озере в *Соменцы* участок» [Там же: 11] (учитывая, что совр. оз. *Иногощенское* с дер. *Иногоща* отстоят всего в пяти километрах к востоку от совр. оз. *Путиловское*). Источники 1538 и 1550/51 гг. указывают где-то поблизости от озера вопчую дер. *Соминица* Ситенского пог. [ПКНЗ 4: 104; 5: 7].

Сомино оз. в Верхнем Помостье (Вышн. р-н, неподалеку от оз. Волчино, Сестрино, болота Гладкое) со стоком в оз. Волошино к северо-востоку от Вышнего Волочка, = *Сомино* оз. из описания Воскресенского пог. в Осечне Беж. пят. под 1545 г.: «въ озерехъ: въ *Сомине*, въ Волчине, въ Сестрине, въ Братогощи...» [НПК VI: 78, 79, 83, 85, 88, 89], для этой же местности указана и дер. *Соминцы* [Там же: 74].

Отдельные топообъекты Новгородской земли с названиями на *Сомин-* не идентифицированы по поздним материалам. Дер. **Сомино** под 1495 г., она же *Соминица* (*Сомино*, *Соминско*, *Соминцы*) под 1538, 1550/51 гг., остается только в описаниях Шегринского пог. Дер. пят. [НПК II: 208; ПКНЗ 4: 69; 5: 13, 23, 24]. Рч. **Сомынка** («косят пожню под деревнею на *Сомынке*») отмечалась в Ручьевском пог. Дер. пят. 1539 г. [ПКНЗ 4: 56]. Вол. **Сомино** указана в Спасском Молдинском пог. Беж. пят. 1498/99 г. [ПКНЗ 1: 229]. Рч. **Соминец** была в пог. Никольском в Морозовичах Вод. пят., где описывается дер. Бортниково «на речке на *Соминце*» под 1563/64 г. [ПКНЗ 2: 148]. Отхожие пожни дер. Кобылкино Рамышевского пог. Шел. пят. под 1539 г. отмечены «на **Соминицѣ** Увьвязь» [НПК IV: 332] (где-то близ устья Ловати, впрочем, здесь не исключена обусловленность названием совр. рч. *Соминка* под Старой Руссой, см. выше).

В свою очередь, современная гидронимия изучаемого региона содержит не выявленные по источникам ранее XX в. названия оз. **Соминское** со стоком в р. *Соминка*, или *Сомина* (и на реке село *Сомино*), басс. Чагоды, Бокс. р-н (= оз. *Сомино* у болота *Соминское* со стоком в р. *Сомина*, иначе *Соймина*, *Соминка*, в списках селений Тихв. и Уст. у. за 1911 г. [СНМНГ VII: 41; VIII: 93, 95]), **Сомин** залив и рядом остров *Сомино* в оз. Ильмень близ устья р. Шелонь (= *Соминка* как название притока в оз. Ильмень близ впадения Шелони, по [Vasm. WRG IV: 351]), **Соминец** оз. в басс. Полы со стоком в оз. Уклеинское и Вельё (Валд. р-н), **Соминец** оз. в басс. Мологи со стоком в оз. Черное (Мош.), **Сомино** оз. в болотистых истоках Луги близ оз. Липово, Тигода (Новг. р-н); сюда же (с отражением аканья в первом слоге) геогр. **Саминец** оз. со стоком в оз. Селигер (Северное Приселигерье, Дем. р-н). Из современной ойконимии региона, отношения которой с гидронимии не выявлены, остаются **Сомино** дер. Богословск. Пест. (ранее дер. в Кирво-

Климовской вол. Уст. у. [СНМНГ VIII: 44]), *Сомино* дер. Выбитск. Сол. на правом берегу р. Шелони.

Приведенные материалы показывают основной и первичной гидронимическую функцию у названий на *Сомин-*, *Самин-*, прикрепление к селениям и урочищам для них вторично и, как правило, определяется наличием смежных гидрообъектов. Безусловен древний, непродуктивный характер данной гидронимии, рассеянной по всем новгородским пятинам и на прилегающих землях Русского Северо-Запада, а также фиксируемой, хотя и в существенно меньшем количестве, в других восточнославянских регионах, а также в Польше.

На южном пограничье Дер. пят., но уже на территории средневековой Торопецкой земли, сегодня известна р. *Саминка* / *Соминка* басс. Ловати, впадающая в оз. Ручейское, Лунка, далее в р. Серёжа; она начинается из оз. *Саман* (лежащего у оз. Чистое в Тор. р-не), которое отмечено книгой 1540/41 г. под названием *Сомино* («рыбная ловля в озере в Чистом их вопче, да у них же ловля в озерке в *Сомине*») при описании Стрежинской перевары Торопецкого у. [ПКНЗ 4: 619, 587, 589], по списку озер 1912 г. — оз. *Самино* Пожинской вол. Тор. у. [Шк. ОПскГ: 118]. Кроме того, в Тор. у. нач. XX в. отмечают оз. *Сомино Верхнее* во Всконовской вол. и *Самино Нижнее* в Хворостьевской вол., см. [Там же: 124, 126] (= совр. оз. *Верхнее Сомино* и *Большое Сомино* басс. Западной Двины юго-восточнее Торопца). На Псковщине имеются: пара несмежных озер *Сомино* в басс. Великой, оба в ее верховьях к северу от Пустошки и пара озер *Сомино* в басс. Западной Двины: одно, со стоком в оз. Ребельское, лежит восточнее Пустошки, второе (при нем и дер. *Сомино* в болотистой местности, и р. *Соминка*), со стоком в р. Паниклевка, находится восточнее Себежа. См. еще пск. оз. *Самениц* (или *Саменец*, по [Там же: 78]) в басс. Великой неподалеку от Новоржева, оз. *Самин* в истоках Великой со стоком в оз. Большой Вяз.

В иных восточнославянских регионах по современным материалам отмечены: *Сомино* оз. вблизи крупного оз. Плещеево у Переславля-Залесского Ярославской обл. (пожалуй, самый известный лимноним с основой *Сомин-*), *Сомина* п. пр. Днепра и *Соминка* п. пр. Днепра, обе реки в окрестностях Смоленска, *Соминка* п. пр. Тверцы, л. пр. Волги (на окраине Твери), *Саминец* оз. в Среднем левобережном Поочье, *Сомина* п. пр. Москвы-реки [Смол. ГБО: 375, 381] (она же *Соминка* / *Саминка* / *Самынка*, а ранее — руч. *Соминский* в Бронницком у., см. [Vasm. WRG IV: 355]). Кроме них, русский гидронимический словарь [Ibid.: 350, 351] дает названия *Соминка* п. пр. Труды, пр. Быстрой Сосны басс. Дона в Малоархангельском и Ливенском у. Орловской губ., блр. *Сомино* оз. и сел. в Пинском у. Минской губ., *Сомино* оз. и рядом *Сомница* р. в Полоцком у. Витебской губ., *Sominoje* (*Somitoje*) оз. в Мозырском у. Минской губ. На территории Украины имеются пара озер *Сомино*: одно в Турийском р-не Волынской обл. (на нем село *Сомин*), другое в Сарненском р-не Ровенской обл., а также оз. *Соминец* в Любомльском р-не Волынской обл. В разных частях бассейна Вислы локализуются польские озёра, называемые *Somin*, *Sominiec*, *Sominko*, *Duże Sominko* и рядом *Male*

Sominko, Sominy, Somińskie и рядом *Male Somińskie* [HW: 411], на северо-западе Польши есть сел. *Somin* неподалеку от Старгарда-Щецинского.

Для названий с основой *Сомин-* (иногда *Самин-* в условиях аканья при безударности первого слога)³⁴, часто встречающихся, судя по приведенному материалу, в регионе Русского Северо-Запада и — реже — на других территориях раннего славянского расселения, оказалось проблематичным найти бесспорные апеллятивные или антропонимические мотиваторы на славянской языковой почве. Сама основа безусловно разлагается на корневую и суффиксальную части, с выделением славянского суф. *-ин-* (иногда также *-ын-*, *-ен-*, *-н-* как в геогр. *Сомынка, Сомёнка, Сомница*, но эти суффиксальные элементы явно модифицировались из первоначального *-ин-*). На первый взгляд, напрашивается сравнение с обозначением сома (*Silurus glanis*) — крупной усатой рыбы, живущей в больших водоемах в умеренном поясе Европы. Так, М. Фасмер объясняет гидронимию *Сомина, Соминка* по рус. диал. *соміна* ‘большой сом’ [Фасм. ЭСРЯ III: 716]. Х. Гурнович связывает повисленские лимнонимы на *Somin-*, равно как на *Sumin-*, в частности *Sominko, Somińskie Jezioro (Zomyn* под 1313 г.), *Sumino, Sumińskie Jezioro*, с др.-польск. *som*, совр. польск. *sum* [Górniewicz 1985b: 141, 146]. Мысль о том, что такие названия указывают именно на сомовьи водоемы выглядит для многих вполне очевидной³⁵, в связи с чем каких-либо иных предположений почти не появлялось. Топооснову *Сомин-* возводили, кроме того, к личн. **Сом(а)* (А. П. Корепанова) или к личн. **Сойма*, мотивированному глаголом *яти, иму* [Шульгач 2001a: 129], однако такая деантропонимная трактовка без дополнительных письменных подтверждений сомнительна даже для одного водного названия и тем более для всего выявленного гидронимического массива.

Вместе с тем признанию однозначной связи названий на *Сомин-* с обозначением рыбы *Silurus glanis* мешает характер деривации исходной адъективной формы. Суффикс *-ин-* присоединяется к основам слов жен. р., тогда как основа муж. р. на твердую согласную обычно осложняется суффиксом *-ов-*, поэтому в русском языке обнаруживаются *сомовый* или *сомовий* (но не *соминый, соминый*). Отмечено, впрочем, единичное диал. *сѹмин* ‘относящийся к сому’ («Лопушок растет на *сѹмином* месте», р. Урал) [СРНГ 39: 315], но оно кажется окказиональным и несет ударение на первом слоге. Прилагательные *сомовый, сомовий*, разумеется, можно встре-

³⁴ Ударение в перечисленной топонимии выделяет разные слоги (имеются *Сѹмино, Соминѹ, Соминка*). Но название р. *Сѹмина*, п. пр. Андомы, р. в Онежское оз., с истоком из оз. *Сѹминское* (и там же пос. *Сѹмино*, дер. *Сѹминский Погост*) в Вытегорском р-не Вологодской обл., по-видимому, этимологически не принадлежит к данному гидронимическому ряду, ввиду отличительной подударной гласной *ѹ* первого слога.

³⁵ См., например, передаваемую в интернете легенду о том, что в украинском оз. *Сомино* Турийского р-на Вольнской обл. живет огромное чудовище (то ли змей, то ли пресноводная акула, но скорее всего гигантский сом) или объяснение названия новгородской дер. *Сомино* на берегу Шелони в Сол. р-не, записанное от местных жителей: «Названа так потому, что в старину здесь поймали в реке большого сома», 1985 г. [КНОС].

тить и в гидронимическом закреплении, ср. лимноним *Сомовое*, оз. в прибрежной пойме Ильмена, в котором действительно встречаются сомы. Водные названия на *Сомов-* в регионе Новгородской земли единичны (помимо оз. *Сомовое*, есть еще оз. *Сомовик* со стоком в р. *Сомовик* басс. Паши в бывшей Обон. пят.) при том, что названия на *Сомин-*, *Самин-* здесь весьма частотны.

В наибольшей же степени сближению с обозначением сома противоречат физико-географические особенности водоемов, носящих названия на *Сомин-*, *Самин-*. Известно, что в исследуемом регионе Новгородской земли все такие водоемы очень незначительны по размерам, расположены в болотистых местах, и сомы в них не водятся. Вообще на Русском Северо-Западе сом — редкая рыба, здесь она хотя и встречается иногда в крупных водоемах (например, в оз. Ильмень), но предпочитает более южные широты. Даже если допустить, что в древности сом был распространен в бассейне Ильмена шире, чем сейчас, все равно трудно ожидать его появления в маленьких озерах и речках. В любом случае очевидно, что для большинства водных названий на *Сомин-* «сомовья» этимология не находит реальной опоры в местной ихтиофауне³⁶.

Названия *Сомина* и *Соминка* для двух п. пр. Днепра на Смоленщине рассматривались среди гидронимических балтизмов неясной этимологии: наряду с верхнеднепровск. *Смонка*, они возводились к некой балт. праформе **Sumina* (?) ввиду др.-прус. *Sutun* оз. [Топоров, Трубачев 1962: 208—209]; см. также отнесение к ряду балтизмов подмосковной р. *Соминка* и одной из новгородских рр. *Соминка*, но без изложения этимологических аргументов в [Топоров 1982: 7; 1999: 281]. В самом деле, на балтийские отношения *Сомин-*названий намекает уже тот факт, что они в целом локализируются на территории бывшего распространения балтов в Восточной Европе, хотя преимущественно встречены на перифериях балтийского этноисторического ареала. Но при этом совершенно очевидно, что весь массив перечисленной гидронимии, достаточно плотный и выразительный особенно в области новгородских пятин, в том числе к востоку и северо-востоку от оз. Ильмень, доходящий на северо-востоке до Ярославской обл., на юго-западе до правобережных притоков Припяти, на западе до нижнего течения Вислы, не может быть квалифицирован как древнебалтийский субстрат,

³⁶ В словаре В. И. Даля приведено (со знаком вопроса) олон. *сам* 'рыба пескарь' [Даль ТСЖВЯ 4: 269], но и эта единичная запись не открывает возможностей для объяснения рассматриваемых названий: как в силу сомнительности или, в лучшем случае, узкодиалектности этой окказиональной фиксации, так и потому, что обозначение пескаря как малозаметной, не представляющей промыслового интереса маленькой рыбки вообще не становилось моделью гидронимической номинации (так, на Русском Северо-Западе имеются «сомовые», «окуневые», «плотичные», «шучьи» названия водоемов, но нельзя встретить «пескариных»). Более того, болотистые водоемы с *Сомин-*названиями не являются излюбленными местами обитания пескаря (*Gobio gobio*, как известно, предпочитает песчаные отмели в реках и озерах, хорошо насыщаемых кислородом).

одним из характерных признаков которого являются разрозненные и редкие проявления³⁷.

Имеется возможность предложить иную, балто-славянскую, гипотезу происхождения гидронимической основы *Сомин-*, а именно сближение ее с балт. *sam(-an)-* в лит. *sāmana* ‘мох’, *samānis, samaninis* ‘моховой’, *samanynė* ‘место, поросшее мхом’, *apsamanóti, samanóti, sāmanoti* ‘обомшеть, замшеть, покрываться мхом’, *samėti* ‘то же’. Основа в сущ. *sāmana* является первоначальной основой адъектива, образованного с суф. *-an-* от корня **sam-*, не находящего, однако, приемлемой этимологии [Fr. LEW: 761]. Данный корень отложился во многих балтийских названиях вод, таких как лит. *Sāmė* р., *Samavà* р., *Sāmis* оз., *Samāvas* оз., ятв. *Samle*, оз. *Sumovo*, данное под 1569 г. в форме *Somonis*, — их предположительно связывают с обозначением мха [Vanagas 1981: 289—290] наряду с лит. гидронимией *Samanėlis, Samaninė, Samaninis, Samanyno ežeras, Samānis, Samanių ežeras, Samānius, Samanūpis* [LUEV: 141—142], прус. *Samnicz* руч. [Gerrullis 1922: 150], возможно, и *Соматенка, Соматик* рр. в Поочье, см. [Топоров 1997: 303]. Как вероятный балтизм такой же суффиксальной структуры допустимо квалифицировать и название оз. *Саман* (иначе *Сомино*) в Тор. р-не, из которого вытекает р. *Соминка*, см. выше. Гидронимические основы — слав. *Сомин-* и балт. *Saman-* — различаются лишь деталью деривации, схожими адъективными суффиксами *-in-*, *-an-* при общем корне, функционально тождественными, порой пересекающимися в изосемантических образованиях, ср. лит. *sāmana* ‘мох’ при лит. *kiminaĩ* (и *kimonaiĩ*) ‘мох’. Следовательно, привлечение балтийских апеллятивных фактов позволяет предположить существование у ранних восточных славян адъективной основы **som-in-* со значением ‘моховой, мшаный’ и считать, что гидронимы типа *Сомино, Соминка* изначально указывали на заросшие мхами или иной похожей растительностью озера и реки.

В рамках предлагаемой версии эта первичная семантика соответствующих гидронимов находит четкое подтверждение в ландшафтных реалиях. На Русском Северо-Западе обозначенные ими небольшие речки и особенно озера (как основные носители этих названий) все расположены в низменных, покрытых болотной растительностью и мхами местах, в речных поймах и долинах более крупных водоемов, все имеют низкие торфяные или зарастающие берега. Дополнительно о характере местоположения этих водоемов сигнализирует отвечающая тельмографическим реалиям топонимия. Например, у оз. *Саминец* в Дем. р-не протекает

³⁷ Если вести речь об усвоении отдельных субстратных балтизмов, опять же возникает возможность «сомовьей» этимологии, ср. сходные геогр. *Šaminė, Šaminis* нескольких рек и озер в Литве, которые считаются образованиями от лит. *šāmas*, лтш. *sams* ‘сом’ [Vanagas 1981: 325]. С учетом закономерной субституции балтийских звуков *š, a* славянскими звуками *с, о*, основа *Сомин-* могла бы трактоваться как балт. *Šamin-*, подвергшаяся преобразованиям на славянской языковой почве. Разумеется, и для данной гипотезы остается несоответствие «сомовьей» темы физико-географическими особенностям большинства водоемов, носящих изучаемые названия.

рч. *Замошенка* в оз. Селигер, из торфяного оз. *Сомино* в Валд. р-не течет речка с «болотным» названием *Черная*, оз. *Саминец* басс. Полы тоже стекает в р. *Черная*, а оз. *Саминец* басс. Мологи — в оз. *Черное*, оз. *Сомино* басс. Мсты лежит в *Гладком* болоте, оз. *Сомино* басс. Чагоды — у болота *Соминское*, а оз. *Сомино* басс. Луги — в обширном Тесово-Нетьльском болоте, озёра *Саменец* и *Сомино* басс. Великой примыкают к озерам *Чернозерье* и *Черное*. В регионе Новгородской земли *Сомин*-гидронимы обычно прикреплены к небольшим водоемам у торфяных болот, а на приильменской низменности они маркируют водоемы с топкими берегами, заросшими осокой, заливаемыми в половодье, таковы, например, рч. *Соминка* с оз. *Соминское* вблизи Старой Руссы, заливаемый остров *Сомин* и пересыхающий залив *Сомино* на Ильмене. Что касается дер. *Сомино* в Сол. р-не, то она расположена у низменного плоского луга при р. Шелони, сложенного некогда речными наносами. Подобная специфика озер и речек с соответственными названиями наблюдается и в других регионах, ср. в этой связи отличительные особенности наиболее известных из таких водоемов — оз. *Сомино* вблизи Переславля-Залесского, мелководного, заросшего тростником, с сорокаметровым слоем сапропеля на дне, или карстового оз. *Сомино* на Воляни, имеющего залесенные топкие берега, поросшие мхом и камышом.

Таким образом, похоже, основы слав. *Сомин*- и балт. *Saman*- следует квалифицировать как совместные балто-славянские лексические производные от общего новообразованного корня, появившиеся сравнительно поздно на территории этноязыкового пересечения и контактирования балтов и ранних славян в Восточной Европе (в Верхнем Поднепровье, Верхнем Поволжье, в бассейнах Ильменя и Чудско-Псковского озер), чем объясняется, во-первых, отчетливо региональный характер и, во-вторых, отсутствие более ранних достоверных этимологических связей этих основ. Рассматриваемые балто-славянские соответствия, впрочем, не являются абсолютными, поскольку расходятся вокализмом адъективных суффиксов; данное структурное расхождение препятствует, в свою очередь, версии о прямом лексическом заимствовании, в частности об усвоении ранними восточными славянами балтийской основы. В части балтийских языков, именно в литовском, суффиксальная основа отражена и апеллятивной лексикой, тогда как слав. *Сомин*- сохранилась лишь в составе географических названий. Значительно реже в Балтии обнаруживается корень *sam*- в неосложненном виде (лит. *samėti* 'обомшеть', геогр. *Sāmė* и др.), но и у славян его проявление тоже нельзя исключать, ср. название руч. *Сам*, п. пр. Быстрой, л. пр. Валчинки, р. в оз. *Соминское* Бокс. р-на, допускающее вероятную этимологическую связь с основой *Сомин*- в названии близлежащего и гидрографически смежного озера.

ГЛАВА 10

ИТОГИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Любители древностей предприимлют трудные путешествия к самым отдаленным концам света, дабы хотя обозреть только места, в истории славные (...) или, по крайней мере, под покровом неба, осенявшим некогда великие грады, великих мужей и великие происшествия, хотя вообразить закрытое уже многими веками.

*Евгений (Болховитинов).
Исторические разговоры о древностях
Великого Новгорода*

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ

В проведенном исследовании разработаны и использованы критерии выявления и анализа славянских топонимических древностей Новгородской земли, генетически связанных с позднепраславянским и древнерусским временем, подчеркнуты отличия новгородской архаической топонимии от фоновых географических названий, сохранивших, усиливших или получивших потенциал возникновения в сравнительно поздний период истории собственно русского языка. Предложенная методика показала свою эффективность: на ее основе были обнаружены и охарактеризованы различные модели и типы славянских архаических названий в регионе Новгородской земли. При дифференциации топонимических архаизмов и сравнительно поздних фоновых названий оценивалась продуктивность как топоформантов, так и топооснов. Примененный в работе комплексный подход, предусматривающий рассмотрение названий в стратиграфическом, этимологическом, словообразовательном, ареальном аспектах, в основном учитывал: 1) разнообразные особенности антропонимической и апеллативной лексики, мотивировавшей топонимы; 2) специфику механизмов и средств топонимообразования; 3) древние фонетико-морфологические черты, «отпечатавшиеся» в топонимах; 4) характер

межтерриториальных топонимических параллелей и эквивалентов. Наиболее значимыми оказываются первые две характеристики названий.

Славянская топонимическая архаика, как деантропонимная, так и деапеллятивная, во многих случаях требует развернутого, углубленного анализа, выходящего за пределы собственно топонимики — в области исторической антропонимики и исторической лексикологии. Для обоснования архаического характера топонимов имеют большое значение оценка ареалов, раскрытие семантики, структуры и этимологии слов-мотиваторов, уточнение вариантов и закономерностей модификации древнеславянских личных наименований и апеллятивных лексем, учет их принадлежности к различным структурно-деривационным моделям и словоизменительным классам, выявление удостоверяемых письменностью структурных и лексико-семантических аналогий и др. Разумеется, архаическое название наиболее надежно раскрывается в том случае, если доказано существование его безусловных антропонимических или апеллятивных коррелятов.

В свою очередь топонимия сама по себе является важнейшим, но до сих пор недостаточно используемым источником для восстановления древних лексико-семантических и особенно антропонимических систем в различных деталях их сложения, функционирования, эволюции и ареальной принадлежности. Региональные топонимические ландшафты скрывают множество архаических образований, которые находят редкие, единичные, узкодialeктные подтверждения в антропонимии и апеллятивной лексике (нередко далеко за пределами функционирования соответствующих тополексем) или остаются и вовсе без проприально-апеллятивных корреспонденций. В таких случаях роль географических *nomina propria* по сравнению с *nomina appellativa* существенно повышается, поскольку топонимы получают не второстепенное, иллюстративно-дополняющее, а первостепенное значение при историко-словообразовательных и этимологических реконструкциях. Топонимия рассматривается при этом как хранитель либо уже утраченного, либо не получившего распространения в нетопонимической лексике.

Предпринятое исследование позволило реконструировать, систематизировать и охарактеризовать большое количество антропонимов, функционировавших в регионе Новгородской земли до конца древнерусского периода и позднее забытых. Большая часть восстановленных по новгородской архаической топонимии личных имен отражена в письменности Новгородской земли (до XVI в.) и/или в средневековой документации иных славянских территорий далеко за пределами Новгородской земли. Новгородская антропонимическая система испытала глубокие динамичные изменения особенно в XV столетии. Сравнение богатейших антропонимиконов летописей, актов и берестяных грамот, отражающих хронологические срезы эпохи независимости Великого Новгорода, и писцовых книг, освещающих уже новый, московский, период новгородской истории, показывает, что состав новгородских личных наименований XI—XIV вв. разительно отличен от состава антропонимии, сохраняемой документацией конца XV—XVI в.

Среди древнеславянской антропонимии, нашедшей отражение в исследованных архаических топонимах, наиболее полно и надежно выделяется группа двусловных имен. Ниже дан исчерпывающий список тех личных имен-композиций, которые удостоверяются письменными источниками: *Будославъ, Буславъ, Видомиръ / Видѣмиръ, Витославъ, Воибудъ, -а, Воимиръ / Воимѣръ, Воинѣгъ, Воиславъ, Всеславъ, Вячемиръ / Вячѣмѣръ, Гориславъ, Гославъ, Гостивитъ, Гостьмиръ / Гостьмѣръ, Даньславъ, Добромысль, Доброславъ, Домаславъ / Домославъ, Дорогобудъ, Жиронѣгъ, Жирославъ, Житобудъ, Ладомѣръ, Любовидъ, Людимиръ, Милодѣдъ, Милобудъ, Милонѣгъ, Миробудъ / Мѣробудъ, Миронѣгъ, Мирославъ, Нѣговитъ, Недабыль, Он(о)дорогъ / Он(о)дрогъ, Радовидъ, Радомиръ / Радомѣръ, Радонѣгъ, Радославъ, Раславъ / Рад(и)славъ, Ратьмиръ / Ратьмѣръ, Сеславъ (или Сѣславъ), Судимиръ / Судимѣръ (или Сядимиръ / Сядимѣръ), Твърдомиръ, Унѣмиръ / Унѣмѣръ, Хот(ѣ)миръ, Хотобудъ / Хотѣбудъ, Хотьславъ, Чаславъ / Чеславъ. Этот перечень дополняют отмеченные определенной спецификой имен-композиции на *-гость*, среди которых подтверждены в той или иной мере письменностью *Будогость, Велегость / Вельгость, Видогость, Воегость / Воигость, Доброгость, Домагость, Доро(го)гость, Жельгость / Желегость, Любогость / Любегость, Людогость / Людѣгость, Милогость, Мыслигость / Мыслогость, Оногость (или Унѣгость), Пирогость, Радогость, Рядогость, Слав(о)гость, Чагость.**

К личным именам-композициям близки по характеристикам (по сходным и.-евр. истокам антропомодели, по степени архаичности, ареальной смежности, по отражению в одних и тех же топонимических моделях) древнеславянские префиксально-корневые имена. Из зафиксированных письменностью в новгородской топонимии отражены личн. *Бездѣдъ, Безуи, Завидъ, Намѣсть, Невадъ, -а, Невидъ, Негость, Недомысль, Нелаи, Немиль, Немои, Неродъ, -а, Нерадъ, Несудъ, Несьда, Обрадъ, Перенѣгъ, Погвиздъ, Полюдъ, Понѣгъ, -а, Прибудъ, Розвадъ, Събудъ, Угость, Утѣхъ, -а (или Утухъ).*

Многие исследованные названия отсылают к деапеллятивным и суффиксально-корневым именам, составляющим трудноразличимые разряды. Среди них письменные подтверждения в том или ином виде находят личн. *Батоногъ, Бологына, -я, Борутъ, -а, Боянь, Бѣлко, Бѣлсунъ, Бѣлтъ, -а, Бѣлхъ, Бѣлчъ, -а, Бѣрзъ, Бѣрзѣи, Велеть, Велѣнь, Вереща, Волось, Волотъ, Гораздъ, Гость, Груза, Грузъ, Добрость, Добрына, -я, Дорогына, -я, Дѣднь, -я, Жестъ, Жюпанъ, Зогзица, Кречь, Крекъ, Крехъ, Кѣсьнь, -я, Кыи, Любость, Людиджеръ / Людожеръ, Ляхъ, Миродѣдъ, Мънюхъ / Менюхъ, Мьстонъ, Мѣрдѣка, Ногатѣка, Нѣмыи, Обѣлта, Ожъ, Ощера, Прибыль, -а, Прусь, Пѣрхачъ, Пѣрхъ, Рѣтѣка (или Ретѣка), Русинъ, Смолигъ, Ходунъ, Ходына, -я, Хотына, -я, Хотъ, Хылъ, Чѣрнигъ, Чѣгль, Чюдинъ, Щера, вероятно, Гостень, Любовь, -а, Лютъ, Ростъ, Теробунъ, Хотунъ, Хочень, Ярышь и нек. др. В данной группе, очевидно, немало экспрессивно окрашенных личных прозвищ.*

К числу проявленных рассмотренной новгородской топонимией гипокористик следует отнести письменно подтвержденные личн. *Борько, -а, Братиль, -а, -о, Брахъ, Будишь, -а, Будомъ, -а, Велеба / Велиба, Велиль, -а, -о, Велимъ, -а, Видимъ, -а /*

Видомъ,-а / Видѣмъ,-а, Вид(о)га, Видонъко, Витъ, Витъко, Волостъ, Волосъко, Волотъка, Вънѣжско, Гостилъ,-а,-о, Гостильць, Гостомъ,-а, Гостъка,-о, Добрилъ,-а,-о, Дорогоча, Държско, Дѣдилъ,-о,-а, Жирята, Жирятъка, Сбышь,-а, Сбыха, Кулота, Кыско, Кыясъ, Любанъ, Любля, Любегъ, Любота, Ляшко, Миронъ, Милогъ,-а, Милько, Милята, Мирохъно, Молотъко, Мыслята, Намѣстко, Недашь, Некуриша, Немоика, Немилько, Несѣдилъ,-а,-о, Нинъко, Нѣгъ, Нѣгъша, Нѣжата, Нѣжикъ, Нѣжско, Обрадъко, Опалиша, Пестята, Прибыльца, Прибыша, Радиль,-о,-а, Радомъ,-а, Радуль, Радъко, Ратъша, Рахъ,-а, Рахъно, Рашко, Росткъ,-о,-а, Ростко,-а, Рохъ, Рохъно, Рошко, Рядята, Славко, Собъша, Страхонъ, Събыша (Събышъка), Тереболъ,-я, Теребошь, Тѣхута, Тухомъ,-а, Тушимъ,-а, Ходула, Хотимъ,-а / Хотѣмъ,-а, Хотъ,-а, Хотъць, Хочюта, Хочь, Чърнята, Шумята, Щерко,-а, Щирко и др.

Некоторые подвергнутые анализу топонимы образовались от неславянских, обычно христианских греко-римских, имен, как правило, представленных в древнерусских (или диал. древненовгородских) народно-разговорных формах: *Аркадъ, Борисъ, Демьянъ, Еванъ, Иворъ, Игнатъ, Кръцентъ* (< *Kriskent, Kriskentian*), *Лука, Михалъ, Настъ,-а, Никула, Олекса, Олпати, Ольгъ* (и *Ольга*), *Ондръ, Рамышь, Романъ, Скнятинъ / Къскнятинъ, Стехъно, Терехъ, Филистъ, Фларъ, Яковъ, Янь,-ь* и др.

Древнеславянская антропонимия, отложившаяся в архаической топонимии Новгородской земли и ставшая неупотребительной в регионе к XVI в., преимущественно свидетельствуется материалами средневековой западнославянской (др.-чеш., др.-польск., др.-луж., полаб.-помор.) и др.-словен. (т. н. «альпославянской», по О. Кронштейнеру) письменности. Меньше обнаружено антропонимических подтверждений из болг., макед., сербохорв. средневековых источников (отчасти это обусловлено неполным учетом южнославянской исторической антропонимии). В пределах восточнославянской территории восстановленные по новгородской топонимии личные имена обычно удостоверяются летописной антропонимией Киевской Руси, а позднее — антропонимией из староукраинской и старобелорусской актовой документации (вплоть до XVIII в.).

Анализ топонимической архаики Новгородской земли позволил выявить немало личных наименований, не обнаруженных по письменности, но достаточно надежно реконструируемых в качестве древнеславянских (по повторению их структурных элементов в известной древнеписьменной славянской антропонимии, по неоднократному отражению в архаических межславянских топосоответствиях и по иным признакам). Таковы двусосновные личн. **Андромиръ / *Андромѣръ, *Быславъ, *Вел(е)будъ, *Витонѣгъ, *Въховидъ / *Въсевидъ, *Гомыслъ, *Гоинѣгъ, *Городолюбъ, *Гостълюбъ / *Гостиллюбъ, *Гостънѣгъ / *Гостинѣгъ, *Доброжиръ, *Дорогочадъ, *Жиробудъ, *Житонѣгъ, *Жьдажиръ,-а, *Имоволодъ, *Керемѣръ / *Коремѣръ, *Кочобудъ, *Любобудъ, *Любодѣдъ, *Любожиръ, *Любожадъ, *Любонѣгъ, *Люботѣхъ, *Любочадъ, *Лютовитъ, *Милочадъ, *Обжиръ,-а, *Он(о)другъ, *Радовѣдъ, *Роздамиръ, *Рядъбудъ / *Рядобудъ, *Славонѣгъ, *Сънѣгъ*

(или *Сеньгъ), *Теребовидь, *Тужирь,-а, *Туховидь / *Туховѣдь, *Хотобиль, *Хотовидь, *Хотънѣгъ / *Хотинѣгъ, *Хотърадъ, *Чабудъ, *Чанѣгъ (или *Ченѣгъ), *Чернобудъ. Среди незасвидетельствованных композитов встречаются экспрессивно-оценочные прозвища со специфическими компонентами, имевшие, судя по распространению соответствующей топонимии, преимущественно региональный др.-новг. характер: *Бокотьръгъ / *Бокотьръзъ, *Любоѣдь (или *Лубоѣдь), *Ожеѣдь, *Окрадь, *Пустольсъ, *Пустопьрдъ, *Пусторадь, *Самокрадь, *Сухоѣдь, *Чебажирь / *Чебожирь и др. К личным именам на -гость, выявленных только по материалу топонимии, относятся *Братогость, *Вил(ь)гость, *Вьрх(ь)гость, *Годогость, *Дивогость, *Жирогость, *Иногость, *Керегость / *Корегость, *Коигость, *Кочегость, *Кромѣгость, *Люб(и)гость, *Мирогость / *Мѣрогость, *Моглогость, *Нѣж(и)гость, *Новогость, *Нудогость, *Пиногость, *Русогость, *Середогость, *Снягость (?), *Стоигость, *Сорогость (или *Сурогость), *Тихогость, *Тоигость, *Тригость / *Трьгость, *Тур(о)гость, *Тя(го)гость, *Уегость, *Утрогость, *Уцагость (?), *Хот(ѣ)гость, *Чадогость, *Черегость, *Черногость, *Щитогость, *Ярогость.

Среди префиксально-корневых имен, восстановленных по новгородской топонимии, не найдены по славянской письменности такие вероятные антропонимы, как *Налють, *Небълтъ,-а (или *Небълкъ,-о, *Невѣдь, *Недожадь, *Недомекъ, *Нежадь, *Нехоть, *Нехуть, *Обнѣгъ, *Оклюдъ, *Онѣгъ, *Перевидь / *Перевѣдь, *Перестрадь, *Пробудъ, *Съгость (или *Изгость). К незасвидетельствованной антропонимии иных разрядов отнесены оттопонимные реконструкты *Братухъно, *Быстрѣи, *Быстрѣико, *Бълъчъ (> ? *Болыч), *Гостехъ, *Гостибъ,-а, *Желыта, *Жирома, *Клюдъ, *Кочиъгъ, *Къснята (или *Късьнята), *Льгость / *Легость, *Любыта, *Любята, *Мирогъ,-а, *Мълвота (или *Мълвята), *Нелюбиша, *Нѣжита, *Нѣмъко, *Ожеѣдь, *Падиша, *Пирята, *Попалиша, *Пръхъ, *Пръшьнь, *Радогъ,-а, *Рацута, *Съдята, *Теребяка, *Тихота, *Хотута, *Хочюнь, *Ченята, *Чьсть, *Елигъ / *Ялигъ (и *Елякъ / *Елекъ) и др.

В общих чертах древненовгородская антропонимическая система, в том виде, как она восстанавливается по топонимическим древностям, находит многочисленные частные сходства с антропонимическими системами, отраженными топонимией и письменными материалами (в основном до XVIII в.) в западнославянском языковом пространстве и на территории украинского и белорусского языков. По топонимическим древностям Новгородской земли прослеживаются, с одной стороны, имена широкого, общеславянского распространения (*Будославъ, Витославъ, Доброгость, Добромысль, Завидъ, Радославъ, Кыи, Миронѣгъ, Рахъ, Хотъ* и др.), составляющие наддиалектный фонд позднепраславянской антропонимии. Как правило, это имена с ограниченным набором общеизвестных в славянской ономастике (типовых, по В. Шмилауэру и Н. В. Подольской) основ: *вид-, вит-, добр-, люб-, мил-, мир-, слав-, хот-/хоч-* (в топонимии всех славян часто трансформируется в *кот-/коч-*) и др. С другой стороны, имеются антропонимические факты, которые, судя по письменным и топонимическим отражениям, не выходят

за пределы обследуемого региона или по крайней мере тяготеют к нему. К диалектно классифицирующим особенностям древненовгородской антропосистемы, реконструируемой по данным топонимии, относятся: повышенный, по сравнению с остальными регионами Славии, удельный вес различных имен с элементом *гость* и прежде всего композитов на *-гость*, изолированных на общеславянском фоне; ряд экспрессивно окрашенных др.-новг. композитных прозвищ (см. их перечень выше); наличие специфических композитов на *-чадь* (**Дорогочадь*, **Любочадь*, **Милочадь*); активность имен с элементом *-жир-*, среди которых встречаются др.-новг. региональные композиты (*Жиронъгъ*, **Жиробудъ*, **Жирогость*, **Доброжиръ*, **Здажиръ*, **Люб(о)жиръ*, **Тужиръ*, *-а*); популярность композитов на *-будъ*, среди которых немало региональных др.-новг. (**Жиробудъ*, **Кочибудъ*, **Любобудъ*, **Чернобудъ*); наличие ряда др.-новг. гипокористик на *-ота*, *-ыта*, *-ута* (**Желыта*, *Кулота*, *Любыта*, *Мълвота*, *Рацута*); высокая функциональность разнообразной антропонимии с элементами *-нѣг-*/*-нѣж-* (*Вънѣжъко*, *Любонѣгъ*, *Нѣгъшиа*, *Нѣжикъ*, *Нѣжата*, *Онѣгъ* и др.); вероятие др.-новг. имен с корнем *хут-* (**Хут-*, **Нехутъ*) и некоторых других региональных имен различной структуры (**Быстрѣи*, *Грузъ*, **Кочигъ*, *Мърдъка*, **Налютъ*, **Небѣлтъ*, *-а*, **Оклюдъ*, *Рядята* и др.); отражение христ. имен с др.-новг. диал. модификациями (*Еванъ*, *Кръцентъ*, *Филистъ*, *Фларь*).

Отдельные древнеславянские имена отложились в многочисленных названиях как в регионе Новгородской земли, так и на других территориях Славии, но при этом оказались минимально зафиксированы славянской письменностью либо не зафиксированы вовсе. Это позволяет высказать предположение о том, что такие имена (к примеру, гипокористики **Пирята*, *Радомъ*, *-а*, *Тушимъ*, *-а*, *Хотимъ*, *-а* и др., полное личн. *Хотына*, *-я*, многие имена на *-гость* и некоторые усеченные их формы) являются глубоко архаическими, имевшими наибольшую популярность в дописьменный период.

Географические названия, образованные от антропонимов, в целом отчетливей и надежнее поддаются как обобщенной хронологизации, так и структурно-деривационной классификации, чем названия, произведенные от апеллятивной лексики. Исследование деапеллятивных названий-архаизмов предъявляет более высокие сложности. Многие из них структурно и семантически не прозрачны, трудноотличимы от топонимии генетически неславянской и, следовательно, нуждаются в развернутом этимологическом обосновании. Далеко не всегда деапеллятивные названия-архаизмы четко поверяются бесспорными апеллятивными лексемами, которые обнаруживаются в средневековой лексике Новгородской земли и/или в лексике иных регионов Славии. Нередко бесспорных апеллятивов-мотиваторов не найти, и лишь широкое обращение к зачастую неоднозначно трактуемому материалу основ и корней родственных слов, к составу аффиксов в однотипных дериватах позволяет обосновать происхождение и деривацию архаического деапеллятивного названия. При отсутствии безусловных лексико-семантических коррелятов далеко не очевидны конкретные моменты деривации и первоначальной семантики

топонима, особенно ввиду того что деапеллятивная топонимия вообще характеризуется структурно-derivационным и семантическим разнообразием в сравнении с деантропонимной топонимией. В таких случаях порой невозможно решить, является ли аффикс в составе рассматриваемого топонима derivационным формантом, либо данная аффиксальная структура целиком принадлежит давно утраченному (или просто не обнаруженному) апеллятиву с некоторым значением, или, быть может, данная структура изначально существует как топонимическая без предшествующей апеллятивной фазы (т. н. генуинный топоним).

Проанализированная топонимия свидетельствует об употребительности в средневековых говорах Новгородской земли многих давно забытых на этой территории апеллятивов, преимущественно относящихся к сфере ландшафтной терминологии. Среди них есть лексемы с самыми разными ареалами распространения — от узкодиалектных новгородских до широко распространенных древних слов, известных в языках восточных, западных и южных славян. Письменные и диалектные материалы прямо удостоверяют (иногда, впрочем, только на уровне основ) существование таких лексико-семантических фактов, как *бобръ* ‘бобр’, *бологыи* ‘хороший’, *борие* ‘бор, сосновый лес’, *боротнии* ‘относящийся к борти, пчелиной пасеке’, *борьль* ‘заросшее бором место’, *велесь* и *волось* как обозначение языческого божества, *вольнь* ‘холм’, *вътька*, *въть* и *витька* ‘ответвление, небольшой приток реки’, *виллина*, *вилля*, *въньць* ‘извилистый берег; извилина на местности’, *водось/водосьсь*, ‘пойма; сырое место’, *вълма,-ь* ‘ивовый кустарник’, *вежа* ‘башня’, *вяжа*, *вяжище* ‘место обитания бобров’, *гъбежь* ‘поворот, изгиб’, *дрегло/дрегла* ‘топь, болото’, *дѣднии* ‘принадлежащий деду’, *загозька* и *зог(ъ)зица* ‘кукушка’, *егль,-а* ‘ель’ и *еглиныи*, *егловыи* ‘еловый’, *зеремя,-о* ‘бобровая запруда’, *ильмьныи* ‘вязовый’, *искравыи* ‘испускающий искры’, *кадъвь* и *кадь* ‘емкость’, ‘углубление’, *камыкъ* ‘камень’, *каменьица* ‘груда камней’, *коломище* ‘могильник’, *колотопь* ‘топкое место’, *костърь* ‘укрепление, башня’, *крековатыи/кроковатыи* ‘корявый, сучковатый’, *крупыи* ‘маленький’ и *крупьць*, *крупька* ‘небольшой приток реки’, *лопань* ‘топкое, заливаемое место’, *лукомъ,-а* ‘изгиб’, *лукъ* ‘лука, извилина’ и *лукыи*, *лукавыи* ‘извилистый’, *людьцикъ* ‘большая дорога’, *лъзьныи* ‘освобожденный’ (ср. диал. *лѣзныи*), *лѣзьныи* ‘медленнодвигающийся’ (и ‘проходимый’?) и **нелѣзьныи* ‘непролазный’, *мьзьныи*, *мьзьныи* ‘темный, сырой, туманный’, *накъло* ‘мыс, коса’, *оса* ‘осина’ и *осие* ‘осинник’, *осьныи*, *осовыи* ‘осиновый’, *оснь/осонь* ‘острие’, *осои* и *присаи* ‘солнечное место’, *отънии* ‘отцовский’, *перыгня* ‘труднопроходимое гористое место’, *перунь* как обозначение верховного бога славян, *поника* ‘место ухода воды под землю’, *поньртие* ‘погружение’, *прость* ‘прямой, ближний путь’, *пърть* ‘баня’, ‘изба’, *пър(ъ)тъька*, *пъртица* ‘избушка’ и *пъртъьныи* ‘банный’, *пѣсьныи*, *пѣськовыи* ‘песчаный’, *робии* ‘принадлежащий рабу, холопу’, *ръдрыи* ‘красноватый’, *сеглина* и *селина* ‘жилище, постройка’, *теребежь* ‘место, расчищенное из-под леса под пашню’, *турь* ‘лесной бык’, *холуи* ‘речные наносы’, *хохуля* ‘животное выхухоль’, *щирь* ‘песчаная почва’, *щъркъ* ‘щебень, гравий, песчаная почва’, *яска* ‘звездочка’, *ясь* ‘блеск, сияние’ и др. Помимо лек-

сики неличного значения, рассмотренная топонимическая архаика отражает ряд известных обозначений лиц по этнической и социальной принадлежности, которые иногда не отличимы от соотносительных с ними антропонимов: *бекечь, бекъ, бѣжанинъ, владыка, жидъ, зельць, ляхъ, пискупъ, прусъ, прусинъ, русинъ, робичичь, рядовитинъ* (мн. ч. *рядовичи*), *смърдь, уи, холопъ, чюдинъ, чърница, чърньць* и др.

На материале проанализированной новгородской топонимии реконструируются также вероятные древние апеллятивы, в независимом использовании, по-видимому, не зафиксированные. Так, имеются весомые основания полагать, что существовали апел. **березаи* в старом значении 'березовый лес' (совр. значение 'подберезовик') и **березуи* 'то же', **боруи* 'боровой', **витьба*, **виглина*, **вьлия*, быть может, и **велижь* в значении 'извилистый берег; извилина на местности', **выдѣра*, **выдѣрие* 'росчисть под пашню', **вѣрягъ* 'варяг', **вѣръвъ,-а* 'крутой берег, склон', 'омут, глубокое место', **горижь* 'горелое место', **гостижь* 'место торговли', **дѣньць* 'глубокий овраг; впадина', **дѣрън(ьи)* 'расчищенный под пашню', **дѣмя* 'грязь, топь, топкое место' и **дѣмен- / *дѣмян-* 'грязный, топкий', **захоние* 'место за холмом', **кадѣн(ьи) / *кадѣн(ии)* в топографическом значении 'углубленный', **камьск(ьи)*, **камѣн(ьи)* 'относящийся к камню, каменный', **клецин(ьи)* и **лещин(ьи)* 'лещовый', **коломъ,-о* 'могильная насыпь' и **коломѣн(ьи)* 'могильный', **лукат(ьи)* 'извилистый', **льзя* в значении 'облегчение, освобождение', **озерева* 'озерное место; пересыхающее озеро', **(о)пак(ьи) / *(о)пок(ьи)* 'обратный; движущийся в обратную сторону', **падѣщикъ* 'понор, место ухода воды под землю', **перетьръгъ,-а* 'прямой, новое русло водотока', **похон(ьи)* 'попутный', **пѣсь / *пѣсь* 'песок' и **пѣсьчив(ьи)* 'песчаный', термины на *плис-*, *плюс-*, *плес-*, означавшие 'плѣс, широкий, открытый участок водоема' (в совр. говорах региона остаются только термины на *плѣс-*), **плиска* 'заводь, плѣс', **рагль* 'пашня', **рака* и **ракома* 'ложбина, удлиненная впадина, желоб', **ретежь* 'ссора, распря', **соин(ьи)* 'освещенный солнцем', **сомин(ьи)* 'мшистый, моховой', **тѣрганъ* 'промоина', **ужинъ* 'узкое место', **холов(ьи)* (?) 'ухоженный, чистый', **хольнь* и **холунь* (?) 'чистое, ухоженное место', **хутынь* 'желание, хотение; желанное место' (или 'место погребения?'), **чавъница* 'топь, сырое место' и **чавѣн(ьи)* 'топкий, сырой' и др. Ареалы данных реконструктов по преимуществу не выходят за пределы Русского Северо-Запада.

Указанные выше сложности словообразовательно-этимологической интерпретации деапеллятивных названий-архаизмов потребовали обратить основное внимание на топоосновы. При этом более надежным оказалось рассмотрение таких названий не изолированно, а в составе групп, объединяющих многие разнообразные по механизмам и средствам деривации, но этимологически отождествляемые факты. Глава 7 составлена из совокупности более или менее пространных очерков, ориентированных главным образом на анализ топооснов; в них исследованы различные частные моменты происхождения названий и, отчасти, стоящих за ними апеллятивов, трактуются первоначальная семантика, ареальная дистрибуция и фо-

нетическая эволюция тополексем. Применительно к структурно-derivационному аспекту в целом следует резюмировать, что значительная доля рассмотренных в этих очерках топонимических архаизмов появилась путем непосредственной онимизации др.-слав. апеллятивов-существительных (*Волынь, Витка, Прость, Вяжищи, Зерема, Конотоп, Перетерга* и др.), отмеченных в разное время на разных территориях, но давно вымерших в регионе Новгородской земли; не менее многочисленна группа топонимов, закрепленных путем онимизации забытых в регионе апеллятивов-прилагательных (*Бологое, Врево, Лемёнка, Меглино, Робья Ильмна, Крупна, Чавно, Канья* и др., чаще всего с суффиксальным элементом *-н-*). Разумеется, в очерках представлена также топонимия, которая не находит равноструктурных апеллятивных коррелятов и преимущественно являет собой образования при помощи аффиксальных топоформантов. Отдельную главу составили очерки с обстоятельным рассмотрением некоторых малоизученных и редко проявляющихся моделей деапеллятивных названий-архаизмов. Данные модели, помимо сугубой архаичности, характеризуются общим ареальным тяготением к Приильменью и/или к Русскому Северо-Западу в целом (топонимы на *-омо,-а,-омля/-емля,-ья/-ия,-ея,-ова,-ай,-уй*, топонимы с вариантными суффиксальными формантами с согласным *-ж-*, с префиксальным формантом *по-/па-*); рядом с ними рассмотрены немногочисленные, хотя и не специфически новгородские топонимы-сращения с первым местоименным компонентом и названия на *-ичи/-ицы, -'ане* от катойконимов и обозначений социальных категорий.

Деапеллятивные названия-архаизмы Новгородской земли, обыкновенно гидронимические, иногда оформлены т. н. суффикс-флексиями, о которых хочется сказать немного подробнее. Главным свойством суффикс-флексий является их координированность друг с другом, а их главное предназначение — различать равноосновные названия смежных объектов. Суффикс-флексии нередко встречаются в новгородской гидронимии, отражая derivационные отношения, как правило, между названиями смежных озер и рек: оз. *Березай* — р. *Березая*, оз. *Меглино* — р. *Меглина*, оз. *Клецинка* — р. *Клецинка*, оз. *Песно* — р. *Песна* и т. п. Такие факты относят к примерам равноправной номинации двух объектов, «ко-номинации» [Агеева 1989: 98]; скорее речь должна идти о последовательной номинации: имя одного водного объекта переносилось на другой при помощи одного лишь флексийного форманта. Обычно исходным являлось название озера, а флексийным дериватом — название реки, вытекающей из озера, обратное направление derivации выявляется значительно реже. Суффикс-флексии — признак архаичности отношений, которые со временем часто оказываются замещенными более новыми суффиксально-производными отношениями между лимнонимами и потамонимами: оз. *Березай* — р. *Березайка*, оз. *Песно* — р. *Песенка, Песница*, оз. *Меглино* — р. *Меглинка*.

Впервые выделяемые в особый семантико-мотивационный тип декатойконимные названия на *-ичи/-ицы, -'ане* Новгородской земли отсылают к плюральным формам обозначений лиц по территориальному признаку, среди которых в

самостоятельном использовании отмечались *боровичи* (ед. ч. *боровитинь*), *вдовичи* / *гдовичи*, *загоричи*, *заозеричи*, *костромичи*, *лучане*, *поляне*, *рѣчане*, *устьяне*, *хълмичи*; самостоятельно не обнаружены **бродовичи*, **бѣжичи*, **горяне*, **кременичи*, **неревичи*, **осьяне*, **пньевичи*, **теребляне*, **хотьчане*, **чьряне* и др. Для древнерусской эпохи словообразовательная категория катойконимии носила регулярный и всеохватный характер, но со временем значительно сузилась, по крайней мере, на новгородской территории. Новгородская катойконимия показывает тесную двустороннюю связь с топонимией: наименования лиц регулярно образовывались по названиям мест в рамках особых деривационных моделей и вместе с тем сами были способны выступать в топонимической функции, становиться параллельными топонимическими вариантами в историческом развитии названий, наконец, окончательно закрепляться как полноценные названия.

Другая, бóльшая, часть новгородской топонимии на *-ичи/-ицы* соотносится с древненовгородскими патронимами на *-ичь*, внешне повторяя специфику их формообразования. Проведенное исследование опровергает мнение С. Роспонда о древней непродуктивности модели патронимических (отпатронимных) топонимов на *-ичи* на русском Северо-Западе. Количество таких названий здесь как минимум удваивается присоединением названий на *-ицы*, поскольку последние, судя по письменным отражениям, часто выступают как фонетически измененные («цокающие») формы на *-ичи*; при этом следует учитывать, что цоканье являлось довольно устойчивой нормой произношения патронимов в древненовгородской диалектной среде. Патронимический тип названий на *-ичи/-ицы* со временем эволюционировал в т. н. посессивно-патронимический тип, отражающий более широкое значение принадлежности и соотносимый с патронимией лишь формально. Поэтому названия, появившиеся в относительно поздние эпохи, предпочтительнее трактовать как деантропонимные образования, в которых выделяется формант *-ичи/-ицы* с широким значением принадлежности. Характер денотативной соотнесенности топонимии на *-ичи/-ицы* интересен для изучения процессов раннеславянского освоения Новгородской земли. Процент названий, указывающих на средневековые территории и территориальные центры Новгородской земли (погосты, волости, кусты деревень), здесь явно выше, чем среди названий йотово-посессивной и иных деривационных моделей. С топонимией на *-ичи/-ицы* вступают в отношения вариантности более редкие деантропонимные названия на *-ица* и на *-ец*.

Модель посессивной топонимии с суф. **-j-*, утратившая продуктивность к XIV в., теснее всех прочих моделей оказалась связана с композитной и префиксально-корневой антропонимией. Йотово-посессивные топонимы от личных имен данных разрядов (проанализированные мною в пределах изучаемого региона практически полностью) трактуются наиболее надежно в плане и этимологии, и хронологии; однако процедура выявления таких названий (предварительно диагностируемых по топоосновам с исходом на мягкие или шипящие *ш*, *ж*, *щ*, *ч*, *н'*, *л'*) от гипокористик и деапеллятивных личных имен нуждается в привлечении письменных свидетельств соответствующей антропонимии. Модель йотово-

посессивных названий в регионе Новгородской земли содержит редкие в славянских языках образования от гипокористик жен. морфологического рода на *-та* (*Рашиуча, Боручье, Мышлячье*) и дериваты с суф. *-ил-* (*Велиль, Немиля, Радиля*). В многочисленных в регионе названиях на *-нь, -ня, -ни*, характеризующихся повышенной вариантностью, нередко скрываются деантропонимные йотовые посессивы (от имен на *-нь, -нь*); более проблематичны топонимы с суф. *-ын'*, которые могут быть квалифицированы и как деапеллятивные названия.

Территориальная дистрибуция йотово-посессивной топонимии, надо полагать, в целом маркирует локусы раннеславянского освоения Новгородской земли. В рамках данной модели находится преимущественная доля особенно показательных для новгородской этноистории топонимов от имен на *-гость*. Момент количественной диспропорции большого числа названий с элементом *-гост-/-гоиц-* и скромного отражения соответствующей антропонимии письменными источниками объясняется в первую очередь архаичностью самой антропомодели, по-видимому, к началу славянской письменности уже выходящей из употребления. Архаичность данной антропомодели подчеркивается и процессами ее переосмысления, и способностью к усвоению широкого круга лексических основ, возможно, даже субстратных, что связано с превращением элемента *-гость* в суффикс. Концентрированный ареал «*гостевых*» названий в регионе Новгородской земли, включающий немало собственно региональных топонимических фактов, изолированных на общеславянском фоне либо имеющих минимальные и территориально ограниченные параллели, обусловлен всплшкой популярности личных имен на *-гость* уже в условиях раннеславянской колонизации самой территории Приильменя.

В кругу гипокористических, суффиксально-корневых и деапеллятивных личных имен славянского и неславянского происхождения главным средством топонимического освоения выступает *-ов- / -ев-* и *-ин-*суффиксация. В то же время древнеславянские композиты и префиксально-корневые имена редко охватываются соответствующими топонимическими моделями. В целом среди новгородских названий на *-ово/-ево, -ино*, составляющих наиболее многочисленный ойконимический слой (обычно названия деревень), присутствуют дериваты от самых разных по генезису и структуре личных имен и обозначений; последние чаще всего христианские и славянские деапеллятивные имена людей из социальных низов, бытовавшие и в поздние исторические эпохи. В более редких случаях названия с *-ов-/-ев-* и *-ин-*суффиксацией обязаны своему возникновению апеллятивной лексике.

Т. н. модель бесформантной деантропонимной топонимии (геогр. = личн.) на новгородской территории объединяет разнородные образования: вероятные исходные названия-посессивы с суф. *-ъ* (< **-os*), вторичные, переоформившиеся варианты топонимов, отражающие маргинальные трансформации различных деривационных моделей (йотовых посессивов, посессивов с суф. *-ов-/-ев-, -ин-*, родовых плюральных ойконимов, предположно-падежных топонимических конструкций), названия с экспрессивно-образной, метафорической семантикой, неславянские и славянские названия, переосмысленные и фонетически преобразованные. Среди

бесформантных топонимов отмечается немало архаизмов на базе личных имен, очевидно, забытых в регионе Новгородской земли к XVI в.

Для надежной словообразовательно-этимологической разработки архаических топонимов требуется по возможности максимально учитывать закономерности их многовекового развития, выявляющиеся путем конфронтации вариантных ономастических форм на разных уровнях функционирования. Могут сравниваться между собой топонимические варианты в исторических парадигмах названий, названия-иррадиаты, межтерриториальные топонимические параллели и эквиваленты, названия и их имена-мотиваторы. Топонимические архаизмы показывают факты вариантности: а) фонетико-фонематической, б) структурно-словообразовательной, в) народно-этимологической. От этих фонетических фактов языка порой нелегко отделить частые случаи неточного, искаженного письменного воспроизведения названий.

Фонетико-фонематическая вариантность славянской топонимической архаики Новгородской земли имеет многообразные проявления. Большой интерес для исторической диалектологии представляют спорадически наблюдаемые явления обычно регионального характера, как правило, прослеживаемые и на материале апеллятивной лексики Русского Северо-Запада и Севера. Среди множества таких повторяющихся явлений рассмотренная топонимия отражает, например, переходы начальных $x > k$ (*Хотовичи / Котовицы, Хотережа / Котережа* и др.¹), $x > f$ (*Хутынь / Футынь, Хомировичи / Фомеровица*), $f > x$ (*Фларево / Хларёво*), $n > m$ (*Нинково / Минково, Меглич* при вепс. *ńegl*), $m > n$ (*Меглино / Неглино, Медлево / Недли*), $kr > xp$ (*Кременичи / Хременичи, Крестыцы / Хрестыцы*), $sn > sn$ (*Скнятинской / Шнетин*), изменения шипящих и свистящих $щ > ш$ (*Негоща / Негоша, Радогощ / Радугошь, Щировка / Шировка*), $z > ж$ (*Здажерино / Ждажерино, Жегжичино*: апел. *зегзица*), губного $v > u$ перед согласными (*Унѣжковичи*: личн. *В(ъ)нѣгъ, Врево, но урев*), сочетаний $gd > vd$ (*Вдовичи* при *Гдов, Гдаль / Вдаль*), $mi > ni$ (*Миаса / Пиаса, Пиоро*: апел. *миара*), $mi > vi$ (*Виера*: апел. *миара*), $mx > px$ (*Мхи / Пхи*), $bu > by$ (*Чернобуж / Чернобыш, Будогощ / Быдовица*), $vi > vy$ (*Видогощ / Выдогощ*), $vy > vu$, $vy > u$ (*Вудрицы / Удрицы* при *Выдреа*), $ly > li$ (*Оклюжье / Оклиж, Любастыца / Либастец, Лютовичи / Литовичи*), $gl > xl$ (*Меглин / Мехлино, Рахлицы, ср. Раглицы*). Есть случаи переходов $o > a$ под ударением (*Хотчино / Гатчина*), $ja > je > i$ (*Ирогощи*: личн. **Ярогость, Еглино / Иглино*), $tm > m$ и $dm > m$ вслед за утратой гласных на стыке основ в композитах (*Ламерье* к **Радмер-, Хомировичи, ср. Хотмирово*), наблюдается появление протетических гласных и согласных (*Осница / Восница, Моглуша / Омглуша, Ользи, ср. Лъзи*), утрата начальных гласных (*Илемёнка / Лемёнка, Озерешня / Зорешня, Зиряево* при *Озеряево, Сница* при *Осница*). Фонема ʔ в составе топонимов нередко сохраняется как в монофтонгических, так и в дифтонгических звуках или переходит в гласную e , реже — в гласную i (см., например, *Дѣмон / Дѣймон / Деимон / Демоны, Дѣдлово / Дедлово / Дидлово,*

¹ Изложенный в скобках иллюстративный материал приведен в большинстве случаев далеко не исчерпывающе.

Навѣня / Веина / Вины, Угрѣв / Угриєво / Угревец, Песь, Писенка при апел. *пѣсъкъ, Теробонежъе / Теробонижъе*: личн. **Теробонѣъ*).

Встречаются далее случаи отвердения начальных $л'у > лу$ (*Любоежа / Любоежа, Любоково / Любоково, Люгоща / Люгоща*) и отвердения $л'$ в конце слова (*Велиль / Велил*), дистантной диссимиляции плавных $р — р > л — р$ (*Радомерка / Ладомирка*), различных межслоговых метатез типа *-дого-* > *-годо-* (*Радоговичи / Рагодовичи, Чадогощ / Чагодоща*), в том числе в сочетаниях гласной с «йотом» $уј > ју$ (*Югостицы*: личн. **Уигость*) и с плавными *ор/ро* (*Уторгош / Утрогощ*), различных гаплогогий (*Дорогостицы*: личн. *Доро(го)гость, Подсосонье / Подсонье, Водос*: апел. *водососина*), случаи синкопы безударных гласных перед сонорными (*Братиловичи / Братловичи, Недобылицы / Недоблицы, Радилово / Радлово, Коломо / Колмово*), утраты начальной губной *в* перед гласными и согласными (*Водосье / Одосье, Вилгош / Ильгощи, Вицагоща / Щегоща, Врева / Рева*) и утраты губной гласной *у* перед согласным (*Жинецкое*, но *Ужин, Змень и Узмень*), неразличения мягких $к'$ и $т', г' и д'$ (*Керегощ / Теригоща, Керебежово*: апел. *теребежъ, Бологинец / Болодинец*), отвердения $р'$ в конце слова (*Радомерь / Радомер*), отвердения $н'$ (*Людинь / Людин, Ивановгород / Ивангород*), неотвердения $с'$ перед суф. *-ск-* (*Руська / Русско, Волосько / Волоско*), утраты начальной *ј* перед *е* (*Еглино / Эглино*), нередкой мены глухих и звонких $г/х$ (*Дорогинино / Дарахиничи, Пагуба / Пахуба, Хотчино / Гатчина, Хотобужи / Готобужи*), $к/г$ (*Доброгостьци / Доброкостьци, Радоговичи / Радоковицы*), $ш//ж, ш//ж$ (*Новогоща / Новагожа, Сорогошина / Сорогожа*), $п//б$ (*Хибы / Хипы*), случаи аканья (*Кострони / Кастрони, Осно / Асно, Соминка / Саминка, Вагостицы*: личн. *Воегость, Вылыня* при *Воынь*) и цоканья (*Налюча / Налюць, Чагоща / Цехоща, Цуряга*: апел. *чура*), которое иногда сопровождается дистантным расподоблением аффрикат $ч — ц > ч — ц > т' — ц$ (*Земтици*: апел. *земьць, Озертицы*: апел. *озерьце, Рабитицы*: апел. *робичичь*) или утратой смычного затвора у аффрикаты (*Болчино / Болъсино*) и др. Ряд названий закрепил сопряженный с упрощением результат ассимиляции $д(ь)н > нн > н$ (*Прихон, Похонь, Прохона, Охона* и др.). Некоторые топонимы-архаизмы сигнализируют о др.-новг. диал. развитии сочетаний гласных с плавными типа **TorT* > **TroT* (*Драгобуш, Дрогини / Дорогини, Клодыни*, возможно, и *Блажанка*, ср. вар. *Бологая*), **TerT* > **TreT* (*Требутици / Теребутица*), **TърT* > *TръT* (*Дретено, Мроткино, Прохово, Прошнево, Слоско* при *Солпа*), **TърT* > *TъръT* (*Боротно, Мородкино, Мороткино, Перетно, Смередье, Черенчицы*), удостоверяют неосуществление второй и третьей палатализаций (*Вховеж, Погвизд, Гвездено, Скир / Щир*), свидетельствуют о сохранении **dl* (*Седлинский, Седлицкий*, ср. *Селинский*) и о переходах **dl* > *гл* (*Виглино, Клецино, Радлицы / Раглицы, Пияглицы*², *Моглогость*, ср. др.-польск.

² Ср. геогр. *На Пияглицах* дер. в Михайловском пог. в вол. Смерда Дер. пят. около 1495 г. [НПК I: 160], объясняемое как 'дер. на пивках' ввиду пск. *пьяглица*, новг. (Валд.) *пьягалка* 'пивка', но общерус. *вопьялица* 'то же' (Пошеч., Молог. Яросл.) [СРНГ 5: 96; 27: 63], см. еще [НГБ 1984—1899: 199].

личн. *Modlo*), *tl > кл (*Братловицы / Бракловицы*), vl' > л' (*Яковля / Яколя*), ml' > н' (*Захонье*), ъ > е (*Закерье*: апел. *кърь*). Наблюдается регулярное усечение гласных в исходе первых компонентов двусловных названий (геогр. *Люджеричицы, Хотнежа, Радбѣлик, Вышегород*, но *Вышегородок* и мн. др.), происшедшее и в двусловной антропонимии, характерное для разных групп славян, но особенно для западных. Отмечаются устоявшиеся проявления в топонимах средневекового графического отражения ст.-рус. перехода *e > o* (*Демен / Демон, Негоща / Ногоща*) и удвоения согласных (*Руса / Русса, Крупа / Круппа*).

Структурно-словообразовательная вариантность представлена фактами пересечения (смешения) некоторых топонимических моделей. Чаще других смешиваются между собой варианты топонимов с формантами на *-ын' (-ь, -и)* и *-ино* (*Дроздыни* и *Дроздино, Перегино* и *Перегини, Хутынь* и *Хутино*), **-j-* и *-ъје* (*Ивань*, но *Иванье, Мирославль* и *Мирославье*), **-j-* и *-ово/-ево* (*Расловль* и *Раслово, Чесловле* и *Чеслова*), *-о-* и *-и/-ы* (*Миронѣг* и *Миронѣи*), **-j-* и *-о-* (*Жирославль* и *Жирослов*), *-ец* и *-ица* (*Либастец* и *Любастича*), *-ичи/-ицы* и *-ица* (*Воймерици* и *Воймирицы, Воймерица*) и нек. др. Такая вариантность объяснима разными причинами, в числе которых воздействие более продуктивных структурно-деривационных моделей, влияние микросистемного топонимического окружения, приводящее к наложению формантов (например, появление у гидронима *Лякова* варианта *Ляковка* ввиду смежности с ойконимом *Лякова*), фонетический сдвиг — смешение аффиксальных элементов в результате их нечеткого произношения в заударной позиции (*Нежгостицы* и *Нежгостици*), соотнесение одного и того же названия с разными типами референтов (варианты *Крупича* и *Крупой* оформлены по типу «речных» и «ручьевых» названий, будучи закрепленными за водотоком, который считается то речкой, то ручьем) и др. Феномен народной этимологизации (полного или частичного осмысления и переосмысления названий) в рассмотренной новгородской топонимии иллюстрируют, например, варианты геогр. *Вязище* и *Вязице, Врева* и *Веревка, Демян* и *Демьян, Морткиничи* и *Морконничы, Кромегоща* и *Кромь, Щитогощи* и *Святогорша, Кривцовичи* и *Кречевицы* и др. Разумеется, вариантность аффиксальных частей (как, впрочем, и вариантность топооснов) зачастую обусловлена некорректной, ошибочной передачей топонимов на письме (в результате ослышек, описок, опечаток).

При рассмотрении эволюции архаической топонимии следует исходить из различия вариантности на топонимическом и дотопонимическом (антропонимическом и апеллятивном) уровнях. Отчасти фонетические расхождения топонимических вариантов случились уже в собственной истории названий, отчасти заданы более ранними колебаниями исходных слов-мотиваторов. Так, на фонетические закономерности, свойственные антропонимическому уровню, но инерционно продолженные на топонимическом уровне, указывают такие черты отдельных тополекем, как: а) мена или утрата гласных на стыках бывших антропооснов в вариантных названиях (*Велимичи / Вельмичи, Видимирское / Видомирь, Гости-ниж / Гостнѣж, Хотимово* и *Хотмово*); б) вариантность элементов *-вид-/вѣд-*,

-жир-/-жер-/-жър-, -мир-/-мър-, хот-/хут- и др. (*Жиросло / Жересло, Ладомирка / Ладомерка, Миронез и Меренез, Нехутово / Нехотилово, Туховижи / Туховежи*); в) расхождение антропонимической суффиксации в основах топонимических вариантов (*Молвоцицы / Молвяцицы, Радулово / Радилово, Хотмово / Хоткова*); г) наличие «полных» и «гипокористических» топонимических вариантов (*Онега / Онегость*).

Писцовые книги конца XV—XVI в. фиксируют значительно большее количество топонимических древностей, нежели письменные источники XIX—XX вв. Из всех рассмотренных названий со вторым компонентом *-гост-/-гоиц-* в современных источниках сохранилось примерно две трети, и приблизительно такую же степень сохранности показывает йотово-посессивная топонимия в целом. Идентификация средневековых и современных топонимических вариантов, со значительной полнотой проведенная при топонимическом анализе, имеет немалую ценность для историко-географических разысканий.

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Область средневековых новгородских пятин, являя собой северную периферию славянского языкового пространства, сохранила много пережиточных древнеславянских элементов в фонде общеязыковой, апеллятивной лексики, но, пожалуй, еще больше в фонде отчуждаемой лексики языка — ономастической. Этот окраинный регион в значительной степени «консервирует» раннеславянскую топонимическую архаику. Многие из проанализированных в главах 2—9 новгородских архаических топонимов славянского происхождения вплетены в сеть междиалектных и межъязыковых соответствий, отмеченных в различных, в том числе в самых далеких от Новгородской земли, местностях Западной и Южной Славии. Проприальные соответствия и апеллятивные корреляты новгородской топонимической архаики обнаруживаются в Европейской части России вплоть до Урала, на территориях Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии, Польши, Германии, Чехии, Словакии, Австрии, Венгрии, Словении, Румынии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Македонии, Болгарии, Албании и Греции.

Ареальная генерализация новгородской топонимической архаики позволяет схематично обобщить линии ее преимущественных связей с топонимией, антропонимией и апеллятивной лексикой иных регионов Славии³. Для конкретизации путей прибытия ранних славян на Русский Северо-Запад, разумеется, первоочередно показательны восточнославянские связи. Наиболее частые и однозначные соответствия исследованная новгородская топонимия находит в восточной поло-

³ Некоторые новгородские названия, учтенные мною при подведении этноисторических итогов, не были предметом отдельного анализа в главах 2—9 монографии. Такие топонимы, появляющиеся в тексте впервые, сопровождаются (обычно в сносках) сведениями об их местоположении и хронологии, а также снабжаются ссылками на источник.

вине Белоруссии (Витебщина, Могилевщина, Гомельщина), в примыкающих к ней западнорусских областях (юг Псковской обл., запад Тверской обл., Смоленская, отчасти Брянская обл.) и на северо-западе и западе Украины. Заметно более низкий уровень архаических топонимических сходжений с Новгородской землей приходится на западную половину Белоруссии, на северо-восточную часть Украины (обычно не западнее Киева, не южнее Харькова), на русские земли в среднем и верхнем течении Десны и Сейма (Курская и Брянская обл.) и в обширных бассейнах Оки и Верхнего Поволжья на восток примерно до Нижнего Новгорода. На территориях севернее, восточнее и южнее обозначенных восточнославянских зон соответствия исследованным топонимическим древностям встречаются еще более редко.

Анализ новгородских славянских названий с междиалектными и межъязыковыми линиями связей, проведенный на широком общеславянском компаративном фоне, не подтверждает известной гипотезы авторитетного археолога В. В. Седова [1999: 125, 126] о западном пути прихода славян в «Ильменско-Псковские земли» — из Повисленья с пересечением балтских областей, в том числе тех, которые были заняты западно-балтскими (яत्वяжско-прускими) племенами. Широкая полоса наиболее выразительных и плотных раннеславянских топонимических переключек региона Новгородской земли с другими восточнославянскими землями тянется от Ильмень-Волховского, равно как и от Чудско-Псковского, озерно-речных бассейнов сначала на юг, затем поворачивает на юго-запад и запад, отчетливо обозначая векторы самых древних и традиционных языковых связей и обрисовывая преимущественные пути славянского проникновения на Русский Северо-Запад из Галиции и Волыни по рекам Верхнего Поднепровья. Факт заметно меньшего количества архаических топонимических сходжений региона Новгородской земли с Западной Белоруссией естественно позволяет предположить, что пути ранних славян на Русский Северо-Запад не пролегали напрямую через исконные земли балтов к северу от Припяти, но отчасти огибали массив исконного древнебалтского населения в левобережье Припяти и в бассейне Немана. По крайней мере, старая новгородская топонимия не свидетельствует ни о том, что славяне продвигались из Польши на северо-восток к Ильменю, Ловати, Волхову через Белоруссию, ни о том, что потоки славян пересекали издревле сложившуюся устойчивую балто-славянскую этноязыковую границу вдоль р. Припять.

Исследование новгородских топонимических древностей, в сущности, подкрепляет вывод, полученный благодаря проведенному ранее изучению верхнеднепровской гидронимии, о том, что «западная часть Верхнего Поднепровья лежала в стороне от основных магистралей, по которым осуществлялось восточнославянское продвижение» [Топоров, Трубачев 1962: 20]. Об этом свидетельствует территориальная дистрибуция моделей старых восточнославянских гидронимов с суф. *-ка*, *-ля* (и *-омля/-емля*), *-ец*, *-ица*, *-ень*, *-ынь*, которые широко представлены в восточной части Поднепровья, но выразительно затухают в направлении к западу от Днепра [Там же: 20, 97, 73, 100, 104, 118, 119]. В свою очередь, как показы-

вает проведенное мною изучение новгородско-псковской гидронимии Русского Северо-Запада⁴, эти, как, впрочем, и все другие старые модели верхнеднепровских водных названий, с неубывающей кучностью продолжают и далее к северу от Поднепровья. Например, по моим наблюдениям, в обоих сравниваемых регионах дериваты на *-ка* составляют более трети всех речных названий, а дериваты на *-ля* насчитывают приблизительно шесть десятков водных имен. Вообще говоря, и состав, и удельный вес деривационных моделей гидронимии Верхнего Поднепровья и Русского Северо-Запада во многом сходны, основное различие, пожалуй, в том, что некоторые старые и редкие модели развили в регионе Русского Северо-Запада дополнительную продуктивность и оказались представлены здесь в более полном объеме, чем в бассейне верхнего Днепра (названия на *-ья*, *-иц*, *-ом(-о, -а)*, *-омля/-емля*, *-ижа*, *-еха/-оха*, *-уха* и др.).

Добавлю в поддержку сказанного о маршрутах раннеславянского расселения, что приблизительно такая же, хотя и более размытая поясная зона вырисовывается и на материале собственно лексико-семантических изоглосс, относящихся прежде всего к сфере географической терминологии, тесно связанной с топонимией и не менее показательной для этноисторических заключений. На восточнославянской территории эта зона изолекс начинается от той части Русского Севера, которая преимущественно связана с новгородской колонизацией, а далее идет через Псковщину, Белоруссию, Полесье до Карпат [Толстой 1977: 49—50]. Обобщение восточнославянских ареалов новгородской географической терминологии, проведенное в более ранних моих работах, тоже свидетельствует о наиболее прочных лексико-семантических связях новгородских (центрально-приильменских) говоров с говорами южной ориентации: южнопсковскими, западнотверскими, смоленскими, брянскими, а из белорусских — с витебскими и могилевскими, реже с центральными и северо-западными белорусскими, см. [Васильев 1995: 164, 170—171; 2001a: 205, 212]. Относительно территории Белоруссии ранее было констатировано, на основе изучения лексики праславянского происхождения, что архаические языковые зоны в этой республике локализируются в восточной части этноязыкового ареала: это Восточное Полесье, а также Витебская зона, которая тесно прилегает к южнопсковской, образуя с ней некую локальную единицу [ЭСБМ 1: 4].

Таким образом, весьма существенный итог, который следует из анализа межславянских связей новгородской топонимической архаики, — это наличие множества древних сходений с украинской Волынью и Галицией при заметной слабости и вторичности связей с более северными областями Западной Белоруссии. Конфигурации топоизоглосс разнятся, но в большом количестве случаев именно галицко-волынские земли выглядят либо областью исходных связей, либо

⁴ Выполнялось в рамках проекта «Лингвистический анализ гидронимии Русского Северо-Запада», реализованного в 2008—2010 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-04-00283а).

«транзитной» областью для новгородско-западнорусских и/или новгородско-восточнославянских переключек. Встречаются двусторонние топонимические схождения региона Новгородской земли с галицко-волинскими землями (*Верещино* — *Верещин*, *Витенеж* — *Witoniz*, *Гдов*, *Вдовичи* < **Гдовичи* — *Gdów*, *Гостинеж* — *Госніжичі*, *Любжир* — *Любожир*, *Погвизд* — *Pogwizdowa*, *Пробужа* — *Probużna*, *Туховежи* — *Тиховиж*, *Ченежо* — *Ченіж*, *Горыни* — *Горынь*⁵, *Пересута* — *Пересута*⁶ и др.), при том что с белорусским Западом специфические схождения в проанализированной топонимии, похоже, отсутствуют. Значительно больше в новгородском материале обнаруживается таких старых славянских названий, которые объединяют «внутренние земли» Новгорода как с Волинью и Галицией, так и с отдельными регионами обрисованной выше поясной зоны ранневосточнославянского расселения, но обычно минуют запад Белоруссии: *Боровичи*, *Велетово*, *Вѣскоболье*, *Вогоща*, *Волотово*, *Дорогини*, *Зеремо*, *Кадиче*, *Менюша*, *Перенѣжье*, *Пирятино*, *Полоное*⁷, *Порхов*, *Прость*, *Сенежье*, *Скнятинской*, *Смолиговичи*, *Торган*, *Хилово*, *Ходыни*, *Чернигово*, *Щир* и др. Еще больше сохранилось в регионе Новгородской земли архаических названий собственно восточнославянского генезиса, соответствия которых остались не обнаружены в галицко-волинских землях, однако «всплывают» на путях продвижения славян от этих земель через Среднее Поднепровье на север — к оз. Ильмень и Чудско-Псковскому региону и на восток — в Подесенье, Поочье и Верхнее Подонье: *Березуй*, *Велья* и *Велье*,

⁵ Сц. *Горыни* на р. Ордеж в Климецком Тесовском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 73] (между гор. Луга и Чудово), а также дер. *Горыньское* в Васильевском Кострецком пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 209] (к западу от Бежецка) при наличии украинской р. *Горынь*, п. пр. Припяти, протекающей по Волинской возвышенности.

⁶ Сц. *Пересута* на правом берегу р. Ловать в Курском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II: 612] (= совр. дер. *Старая Пересса* Пинаевгорск. Ст-Рус.) при наличии р. *Пересута*, л. пр. Горыни, п. пр. Припяти, в Ровенской обл. Украины. Среди нескольких гипотез по поводу происхождения укр. геогр. *Пересута* (порой его относят к балтизмам, см. [Трубачев 1968: 166]) наиболее убедительным выглядит решение В. П. Шульгача, согласно которому это старейший славянский гидроним со значением «пересыпанная (река)» от глагола **пересыпати* (ср. др.-рус. *супи*, *сѣну* «сыпать»), по структуре — причастная форма, ср. польск. диал. *suty* в выражении *droga suty*, т. е. «сырана з piasku», словен. *nasutje* «насыпь» (: *nasuti*) [Шульгач 1998: 208].

⁷ См. совр. новгородские гидронимы на *Полон-*, такие как названия р. *Полона*, л. пр. Лыны, л. пр. Яси, р. *Полона*, л. пр. Мсты, оз. и. р. *Полонец*, стекающих в оз. Селигер, р. *Полонка*, иначе *Полонец*, л. пр. Мсты (там же дер. *Полоное* Бор. р-на), р. *Полонка* п. пр. Шелони (там же дер. *Полоное* Порх. р-на), р. *Полонуха*, л. пр. Мологи и др., наряду с названием древнерусского гор. *Полоной* в Киевской земле (впервые под 1169 г.), укр. *Полонка* р. в басс. Стыри на Волини, рч. *Полона* в Закарпатье, блр. *Полоная* р. близ Кобрин, *Полоная* сел. в бывшей Минской губ., *Полонной*, *Полоница*, *Полонец*, *Полоненка* в гидронимии Поочья и др. (неновгородский материал дан по [СГУ: 435; Смол. ГБО: 33, 38, 269; Шульгач 1998: 217; Нерознак 1983: 138—139; Vasm. RGN III: 227]).

Витебско, Всеславле, Выдреа, Вязма⁸, Гостиж, Жетонез, Копорье⁹, Лемёнка, Лопань, Лукомо, Любоежа, Ожево, Пажеревицы, Пирогоща, Плиса, Робья, Ситомля, Славгуци, Суглиця¹⁰, Хотезж, Хотнежа, Хотовижи, Шереховичи и др. К данной группе относятся и те топонимы, которые максимально широко отмечаются именно в Приильменье и Поволховье, но, судя по отдельным проявлениям, появились у восточных славян, вероятно, еще на подступах к территории будущей Новгородской земли: *Ветка*, *Волмина*, *Врево*, *Вяжище*, *Дретуни*, *Лезна*, *Недзилово*, *Озерова*, *Полюжье*, *Угревец*¹¹, *Ужин*, *Хутынь*, *Чавницы* и др.

Ранее уже писали о некоторых лексических параллелях между северо-западными русскими и прикарпатскими украинскими говорами (*жито*, *волошка*, *багно* и др. [Ашиток 1987: 68]). Но особенно показательны прямые лексико-топонимические совпадения окрестностей оз. Ильмень с западноукраинской терминологией горного ландшафта. Ср. новг. диал. *бёрдо*, иначе *бёдро*, *бердуха*, *бердянка* ‘небольшой холм, возвышение’, *бёрдо* ‘отмель’ [НОС 1: 50; Строгова 1991: 7], дер. *Бердово* в Заборовском и Ужинском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 21, 363],

⁸ Дер. *Вязма* Болчинского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V: 611], при том что по верхнему и среднему течению Днепра есть рр. *Вязьма* 1) л. пр. Днепра, 2) л. пр. Костри, п. пр. Осмы, 3) л. пр. Березовки, л. пр. Сожи, 4) л. пр. Остра, л. пр. Сожи; по [Топоров, Трубачев 1962: 217].

⁹ *Копорье* древний гор. в Вод. пят. Новгородской земли, известный по новг. летописям с 1240 г. [НПЛ: 78] (сегодня село *Копорье* у рч. *Копорка* в Лом. р-не), наряду с гидронимами *Капорка* л. пр. Угры в Верхнем Поочье и *Копорка* п. пр. Нерли, л. пр. Клязьмы [Смол. ГБО: 38, 214]. Возведение новг. геогр. *Копорье* через промежуточную форму **Копорье* к старому сложению **коро-гуде* [Трубачев 1971: 13; ЭССЯ 11: 22—23] представляется оптимальным объяснением, которое сейчас можно дополнительно подкрепить апеллятивными данными, ср. *копарóичка* ‘о курице, роющей в земле’ («Курочка-копароичка, Она выкопала золотое кольцо» Черн. Тул.), выражение *уйти в копорье* ‘умереть’ (Олон.) [СРНГ 14: 285, 293].

¹⁰ Новг. *Суглиця* сел. Никольского Суглицкого пог. Беж. пят., по книге 1499 г. [ПКНЗ 1: 222], *Суглиця* карстовая рч. басс. Чагоды близ дер. Миголоши (Хв.), *Суглец* дер. Павского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V: 83] при наличии гидронима *Суглиця* р. в басс. Десны, л. пр. Днепра. Сравнение с чеш. *sudlice* ‘сулица’, ‘рогатина’ [НГБ 1984—1989: 199], на мой взгляд, менее приемлемо, чем с рус. *суглинок* ‘глинистая почва’, диал. *суглэй*, *суглэйка* ‘то же’ (Смол., Латв. ССР) [СРНГ 42: 146], блр. геогр. *Сугля* ур. в Дрисенском р-не на Витебщине [Мікратапанімія: 230].

¹¹ Ср. названия средневековых дер. *Угревец* в Семеновском пог. в Вудрицах, *Угрѣв* в Наволоцком, Еглинском, Березайском и Шегринском пог. Дер. пят. по писцовым книгам конца XV в. [НПК I: 468, 502, 777, 853; II: 184], *Угриєво* в пог. Михайловском в Тростнах и в пог. Никольском Молдинском Беж. пят. 1545 г. [НПК VI: 172, 287] наряду с апел. *у́грыва* ‘высокое место, где солнце греет целый день’, ‘тихое, солнечное и сухое место’ в говорах Восточной Белоруссии (Могилёвщина) [Яшк. БГН: 192]. От территории Приильменья апеллятивы, оставившие соответствующие новг. геогр. *Угрѣв*, *Угревец*, *Угриєво* и не знакомые современным говорам изучаемого региона, некогда распространились с колонизационным новгородским потоком на север, в поморские говоры, где употребительны диал. *у́рѣв* ‘тепло, прогревание (воздуха, земли, воды)’, *у́рѣвный* ‘теплый, жаркий’ [СРГК 6: 580].

руч. *Бердице*, пр. Вишеры, п. пр. Волхова, у дер. Вольнь Новг. р-на [ЛЗап], дер., пос. и ус. *Бердо* в Бор. у., дер. *Оберетка* (< **Обьр(ь)дька*) и дер. *Берка* (< **Бьрдька*), обе в Ст. у. нач. XX в. [СНМНГ VI: 26; III: 34—35, 106—107] и многие т. п. факты¹², наряду с зап.-укр. *бердо*, *берда* ‘скалистая гора’, ‘пропасть’, *бердів’я* ‘пороги в реке’ [Онишк. СБГ 1; Толстой 1969: 96—97]. См. еще новг. дер. *Кчера* Передольск. Бат. (< **Кычера*) и неподалеку дер. *Кук* Выбитск. Сол., ойконимы в ближайших западных окрестностях Ильменя, и зап.-укр. *кичера* ‘гора, покрытая лесом, кроме вершины’, геогр. *Кичера*, *Кичерка*, повторяющиеся до 25 раз в Карпатах [Мурз. СНГТ 1: 282—283], а также родственное словен. *kúk* ‘холм, бугор’. Понятно, что эти горные термины и топонимы могли мигрировать в Приильменье только с окрестностей Карпат, при том что они широко представлены и южнее Карпат — на Балканском полуострове в горных местностях южных славян.

Через галицко-волынские земли и другие местности поясной зоны ранне-восточнославянского расселения тянутся линии многочисленных топоизоглосс различной конфигурации, которые связывают регион Новгородской земли с отдельными регионами 1) как западных, так и южных славян, 2) западных славян, 3) южных славян. Тип 1) топоизоглосс манифестирован группой новгородских топонимических архаизмов, находящих спорадические проприально-апеллятивные повторения, цельноструктурные или равноосновные (неполные), на востоке, западе и юге Славии. К таким названиям, которых в целом выявлено немало, относятся *Бebro*, *Борже*, *Бория*, *Борково*, *Борочь*, *Бортно*, *Боручье*, *Бояня*, *Братилово*, *Будешино*, *Будогощь*, *Будомицы*, *Велбуже*, *Велегощи*, *Велени*, *Велимичи*, *Венец*, *Видемле*, *Витково*, *Витонь*, *Воиславле*, *Воймирицы*, *Волостово*, *Вычерема*, *Гораздица*, *Гореслава*, *Гославль*, *Гостелюбле*, *Гостомичи*, *Гостьмеричи*, *Дедно*, *Доброгостьици*, *Добромьши*, *Добросли*, *Доброст*, *Добрыня*, *Домославль*, *Дорогинино*, *Дорогобуж*, *Дорогощи*, *Желегоща*, *Завижжа*, *Зажупанье*, *Збуж*, *Камык*, *Киево*, *Кнеино*, *Крупка*, *Лукавец*, *Лукое*, *Любань*, *Любегощи*, *Лякова*, *Макиея*, *Маслогостицы*, *Миглощи*, *Милятино*, *Миронезж*, *Мирославль*, *Мысловици*, *Мышлячье*, *Накло*, *Недоблицы*, *Нерца*, *Нинково*, *Паника*, *Перынь*, *Песно*, *Пискупици*, *Плиска*, *Поляни*, *Прибуж*, *Прибыльцино*, *Прибышино*, *Радилово*, *Радовеж*, *Радогоша*, *Радомерь*, *Радомля*, *Радо-словле*, *Рахово*, *Ръчани*, *Рошково*, *Сеславль*, *Славково*, *Теребеж*, *Тереболя*, *Теребуново*, *Турковичи*, *Утеше*, *Хотьмирицы*, *Хотьковичи*, *Хотово*, *Хотунь*, *Хотыни*, *Чагоша*, *Часловица*, *Янево*, *Ясо* и др., см. также не рассмотренные выше архаизмы *Бохот* и *Сопот*¹³.

¹² Подр. см. в [Васильев 2008в: 68—71].

¹³ Новг. *Бохот* дер. в вол. Велила Дер. пят. конца XV в. [НПК II: 755] в ряду топосоответствий в верхнем и среднем Поочье (гидронимы *Бохот*, *Бохотка*, *Бохоток*, *Бохотово* [Смол. ГБО: 40, 101, 156, 168]), словац. геогр. *Vogote*, польск. *Vochotek*, *Vochotnica*, болг. *Бохот* (по [Чумакова 1992: 86; НВ: 124, 138]); из апеллятивов сюда рус. *бóгот* волог. ‘омут, подводная котловина, ямина’, яросл. ‘бучало, омут под мельничным колесом’; и другие рус. диал. факты [Даль ТСЖВЯ 1: 102; СРНГ 3: 46, 53, 139], словен. *bohót* ‘изобилие’ и др., см. [ЭССЯ 2: 160; Ан. РЭС 3: 303—304]. На фоне гидронимических данных вряд ли следует считать

Тип 2) топоизоглосс представлен новгородскими архаическими названиями, повторения которых, помимо восточнославянской поясной зоны расселения, преимущественно или исключительно обнаруживаются в западнославянском языковом пространстве (Польша, Чехия, Словакия с частью Венгрии, Восточная Германия). Данный тип в целом насчитывает примерно столько же архаических названий, сколько тип 1). Его составляют новг. геогр. *Бездежа, Безуино, Бълавежа, Болково, Бологое, Болчино, Боруй, Брахово, Буславля, Вайбудуицкая Гора, Дунай, Веснеболог, Видогоиць, Видони, Витка, Витово, Витогоиць, Витославицы, Волок Хотславль, Волочек Держков, Вольнь, Гостибицы, Гостовичи, Грузино, Домагоица, Елигово, Жераславль, Жестово, Жиром, Збышево, Клецино, Кневицы, Конотоп, Кречево, Лучани, Любеж, Люблино, Любовижа, Люботеж, Людогоица, Лядимера, Ляховичи, Медлево, Милебуж, Миробудуицы, Молотково, Мстонь, Намеици, Наици, Негоица, Недашицы, Недомысли, Нежатица, Немия, Немоево, Несуж, Нехутово, Нъжково, Новгород, Осно, Осовец, Пакошь, Перегино, Пескова, Плюсса, Пишова Гора, Рагицы, Рамышево, Раслово, Ратмер, Редогоица, Розважа, Сеглицы, Смолеговицы, Сомино, Страхон, Теребовижа, Тъшковичи, Тухомичи, Угоици, Уномерь, Устеж, Уторгош, Ходуново, Холуй, Холуно, Хольня, Хотережа, Хотигоици, Хотимля, Хотобужжи, Хочени, Хуба, Чабуд, Честово, Щорчицо, Ярышево* и др., добавлю к ним не рассмотренные выше, но ареально показательные новг. архаизмы *Вышегород, Закерье, Локно, Люберецкое, Корье и Крево*¹⁴. Интересно, что некоторые

лексему *бóгот* вост.-слав. производным, вопреки [Ан. РЭС 3: 303]. Новг. р. *Сопот*, л. пр. Стабёнки, л. пр. Щеберёхи, п. пр. Полю, а также дер. *Сопотно* в Бельском пог. и дер. *Сопотово* в Щепецком пог. по книге Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 450, 540] входят в гидронимический ряд зап.-укр. *Сопот* п. пр. Стрыя в Галиции [Трубачев 1968: 263], польск. *Sopot, Sopotnik, Sopotnica*, чеш., словац. *Sopotnice*, макед. *Sopotnica*, сербохорв. *Sopot, Šopot, Sopotnica* (и апел. *šopot, sopot* ‘сырой источник’), словен. *Sopotnica, Sopot, Sopotna, Supot* и др.; цит. по [Snoj ESSZI: 389].

¹⁴ Новг. *Вышегород* дер. в Язвицком и Бологовском пог. Дер. пят. 1495/96 г. + пог. в Шел. пят. + дер. в вол. Белая в Никольском пог. Беж. пят. 1501 г. [НПК I: 109; II: 410; IV: 478 и след.; VI: 12, 893], *Вышегородок* гор. в Шел. пят. под 1498 г. и позднее [НПК V: 62, 368, 374], при том что известны еще др.-рус. *Вышегород* гор. в Переяслав-Залесской земле и *Вышегород* гор. в Киевской земле (с 946 г., сегодня — *Вышегород* неподалеку от Киева), польск. геогр. *Wyszogród*, чеш. *Vyšehrad* [Нерознак 1983: 54; Роспонд 1972: 52]. Названия новгородских оз. *Локно*, рч. *Локанка* и дер. *Локонка* в Пажеревицком пог. Шел. пят. [НПК IV: 391, 395, 396, 399, 406, 486; V: 614] находят соответствия в гидронимах *Локна, Локнея, Локница, Локня, Локнянка* в басс. Припяти и Десны, в зап.-укр. диал. (волынск.) *локно* ‘кувшинка, Nymphaea’, словац., др.-чеш. *lekno* ‘то же’ [Непокупный 1976: 35], в польск. *Łekno* в низовьях Вислы [HW: 283]. Лимноним *Люберецкое* оз. под Новгородом близ соединения Сиверсова канала с р. Мстой (на карте 1863 г. — *Люберецкие Озерки* [ВТКЗверст]) принадлежит к одному ряду с названием подмосковного гор. *Люберцы*, польск. геогр. *Luborzycze*, чеш. *Libořice, Libeř, Liberec* [Prof. MJ II: 599]; их трактуют на основе личн. *L'ubor*, сокращенного от двусовночного личн. **L'uboradъ* [Трубачов 1971: 11]. Названия новгородских сел. *Закерье* в Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 791], дер. *Корье* и *Корьянское*, поч. *Корьянско*, по книгам Шел. пят. конца XV—XVI в., нивы *Коречок* в пог. Волок Держков и в Богородицком в Сопинах Беж. пят. [НПК V: 177, 463; VI:

названия из данного списка отсылают к личным именам, которые, в свою очередь, предположительно трактуются как зап.-слав. заимствования из др.-нем. языка, — таковы геогр. *Рамушево* и *Рамышово* как дериваты от гипокористического личн. *Рамышь*, соотносимого с полным нем. личн. *Ramwald*, и геогр. *Елигово* и *Ялигово* как образования от личн. **Елигъ/ *Ялигъ*, вероятно, адаптированного из нем. *Ehlig*, *Helwig* (см. подр. в гл. 5). Нужно отметить, что еще более внушительный список новгородско-западнославянских сходжений составляет антропонимия древне-новгородских берестяных грамот и летописей. Впрочем, для этногенетических заключений более важны не антропонимические, а топонимические сходжения, поскольку топонимия, хотя зачастую и производна от антропонимии, более авторитетна в ареальном отношении, а многие ее типы значительно древнее первых письменных фиксаций. Если сравнивать только географические названия, привлекая в том числе топонимию, не предполагающую возведения к личным именам, то выясняется, что «западнославянские ассоциации» Новгородской земли несколько блекнут и многое «всплывает» на Славянском Юге.

Следующий тип топоизоглосс (тип 3) как раз и представлен теми новгородскими архаическими названиями, которые, помимо восточнославянского пояса расселения, имеют нередкие проприально-апеллятивные повторения на юге Славии, минуя обычно Славянский Запад. Хотя число таких новгородских архаизмов заметно меньше, чем в типе 2), они весьма интересны тем, что маркируют связи с регионами, наиболее удаленными от Новгородской земли. В данную группу входят архаизмы *Бегуницы*, *Бологинец*, *Борзоево*, *Бъжане*, *Велиж*, *Велилы*, *Видимирское*, *Вонъжица*, *Городолюбское*, *Дно*, *Кадница*, *Камно*, *Лукуй*, *Люботин*, *Меглино*, *Мирогоща*, *Неважи*, *Невижи*, *Некшино*, *Обрадово*, *Онегость*, *Осои*, *Пачки*, *Плеска*, *Пока*, *Понъгино*, *Присай*, *Пскова*, *Радуля*, *Рачка*, *Сгоще*, *Соино*, *Теребонижье*, *Тихотица*, *Тушемля*, *Чернячи* и др., сюда же не проанализированные выше новг. геогр. *Барца*, *Выползово*, *Ждовли*, *Ждино*, *Извар*, возможно, *Солпа* и *Солобско*¹⁵.

975, 1038], пожни **Коречки** в дельте Ловати (по плану С. З. Чернова [1985]), др.-новг. *корь* в грамоте Варлаама Хутынского монастырю конца XII — нач. XIII в. [ГВНП: 161, гр. 104] (вероятно, использованном в значении ‘кустарник’), наряду с апел. *корь* и геогр. *Корь* в говорах Смоленщины и Поочья [СРНГ 15: 38], обнаруживают корреляты в чеш. *kří*, в.-луж. *krjo* ‘кустарник’ (< собир. **kъrje*), словац. *ker*, чеш. *keř*, польск. *kierz* ‘куст’ (< **kъrь*) [ЭССЯ 13: 242]; сюда же отходит новг. геогр. **Крево** дер. Велильской вол. Дер. пят. конца XV в. [НПК II: 779] (= пуст. *Крем* Холм. у. конца XVIII в. [ИАДП 1: 129]) как производное с суф. -’ov- от **kъrь*, ср. польск. *krzew* ‘куст’, чеш. *keřovŭ* ‘кустарниковый’.

¹⁵ Новг. **Барца** дер. в пог. Рождественском на Усть-Северы Шел. пят. 1539 г. [НПК IV: 286], буквально ‘болотце’ (ср. новг. новг. *бара* ‘болото’ в Новг., Дем. и, вероятно, *бара* ‘плохая дорога’ в Мош. [НОС 2010: 19]) наряду с преимущественно южнославянскими изоглоссами, реже в чешско-словацкой подгруппе: словен. *bára* ‘болото, топь’, сербохорв. *bara* ‘лужа’, ‘луг’, болг. *бара* ‘лужа’, ‘маленький поток’, словац. диал. чеш. диал. *bara* ‘большое болото’, геогр. *Metu-baris*, междуречье Савы и Дравы, *Колу-бара* пр. Савы, сербохорв. геогр. *Црна Бара*, *Vara*, *Vare*, макед. *Varišta*, словен. *Bárka*, *Bárje* и мн. др.; по [ЭССЯ 1: 153—155; Ан. РЭС 2: 186; Snoj ESSZI: 53]. Ср. далее: новг. **Выползово** дер. под Новгородом в Иванов-

Обращает на себя внимание тот любопытный факт, что подавляющее большинство названий из приведенного списка обнаруживают преимущественные или исключительные связи с ареалом западной подгруппы южнославянских языков (словен., сербохорв.), тогда как связи с болгаро-македонской подгруппой, если и имеются, то не исключают словенско-сербохорватских параллелей. Более того, среди топонимов, объединяющих регион Новгородской земли как с Западной, так и с Южной Славией (тип 1), южнославянские сходения в подавляющем большинстве тоже представлены именно словенско-сербохорватскими параллелями.

Нужно сказать, что и раньше исследователи отмечали неожиданные сепаратные черты сходства между реликтовыми гидронимами Словении и топонимией Псковщины, реже Новгородчины и Русского Северо-Запада и Севера в целом. Ф. Безлай сравнивал названия словен. рр. *Mevlja, Nevljica* и пск. оз. и гор. *Невель*, словен. р. *Idrije, Idrijca* и пск. р. *Идрица* [Bezljaj 1958a: 363; Bezljaj SVI I: 222]. Вслед за ним И. М. Железняк привела такие гидронимические параллели, как словен. *Lisna* р. басс. Савы и рус. *Лисно* оз. на пограничье Псковской и Витебской обл., словен. *Dnike, Dnika* как имена водоемов и южн.-пск. *Днико* оз, словен. *Svibnik* р. и *Свибло* оз. в южной Псковщине, *Tetna* и *Ukva / Ukova*, рр. в Словении, наряду с лимнонимами *Тетча* и *Укля* для озер на севере Витебщины вблизи границы со Псковской обл.; она же указала и на некоторые показательные перекрестные топонимы Словении и Восточной Белоруссии (блр. *Мозырь* — словен. *Mozirje*,

ском Переездовском пог. Вод. пят. около 1500 г. [НПК III: 492] и *Vipolže* сел. в Словении; новг. *Ждовли* (в источнике: «Дер. во *Ждовлях* Горка Обросова»; «Во *Ждовлях* дер. Волосова»; «Дер. *Ждовли*») в Бельском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V: 533, 535] и *Ždóvlje* сел. в Словении (впервые под 1246 г.); новг. *Ждино* дер. в Ситенском и Тухольском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I: 578, 711] и словен. *Ždinja* сел. (словен. материал по [Snoj ESSZI: 53, 457, 486]). Новг. гидронимы *Извар* пр. Сумы, л. пр. Систы, р. в Финский залив (иначе — *Изворь* р. в бывшей Петерб. губ., по [Vasm. WRG II: 125]), *Изварка* п. пр. Лемовжи, п. пр. Луги и новг. диал. *изв́арина* ‘низменное место с выступающей на поверхности водой’ (Др.) [НОС 3: 111] следует прежде всего сравнить со старым сербохорв. *izvar* ‘родник, источник’, названиями рр. *Извар* и *Извор* в басс. Днестра, болг. геогр. *Извар* для луга с несколькими родниками, источника и поля вокруг, равно как с болг., макед. *извор*, сербохорв. *izvor*, словен. *izvòr*, словац. *izvor* ‘источник’ и др.; по [ЭССЯ 9: 90, Трубачев 1968: 253, 254]. Новг. *Солна*, название порога на р. Мста вблизи Боровичей, равно как средневековое новг. *Солопско*, иначе *Слопско*, сц. и дер. на южном побережье Ильмена в Буряжском пог., по писцовым книгам Шел. пят. 1498, 1501 гг. [НПК IV: 27, 28, 35; V: 401, 405, 417] (= *Старое Солобско* дер. на руч. *Солобском*, по данным нач. XX в. [Андрияшев 1914: 24], сегодня — дер. *Солобско* Бургск. Ст.), по всей вероятности, отражают праслав. **Сьлр-*: геогр. *Солна* возводится к **Сьлна*, а геогр. *Солопско* / *Слопско* — **Сьл(ь)ньско* (благодаря др.-новг. диал. рефлексам **ТьлТ* в виде *ТьТ* или *ТьлТ*). Основа **Сьлр-*, в свою очередь, связана чередованием гласных с основой **Solp-*, которая широко проявляется у южных славян, отчасти в чеш. языке; ср. рус. ц.-слав. *слапъ* ‘волна, водоворот’, сербохорв. *sláp*, словен. *sláp* ‘водоворот; водопад; волна’, чеш. *slap* ‘порог на реке’, геогр. *Slápe, Sláp, Slápnik, Slápar, Slápsak, Slapnica* в Словении, *Slapno* в Хорватии, *Slapy* в Чехии и т. п., по [Фасм. ЭСРЯ III: 715; Snój ESSZI: 379].

блр. *Гомель* — словен. *Gomila, Gomilica* и др.) [Железняк 2006: 18—23]. Некоторые из приведенных автором названий проявляются на Русском Северо-Западе не единожды, так, помимо псковских топонимов, имеются соответственные геогр. *Невль, Едрица, Свибла* в области пятинного деления Великого Новгорода¹⁶. Обычно такие названия глубоко архаичны, отличаются непрозрачностью, некоторые не получили до сих пор надежного истолкования. Кроме того, многие топонимы Новгородской земли и Русского Северо-Запада в целом не отмечены значительной древностью и соотносятся с живой народной географической терминологией северно- и средне-русских говоров, которая, в свою очередь, имеет апеллятивно-топонимические соответствия, опять же, преимущественно на западе Южной Славии. Ср., например, такие термины, отраженные и в топонимии, как новг. *занóга* ‘крутой поворот речки’, ‘развилка дорог’ и словен. геогр. *Zanoga*, новг., сев.-рус. *дор* ‘очищенный из-под леса участок’ и словен. геогр. *Dor*, новг., сев.-рус. *вѣрѣтьѣ* ‘возвышенность’, новг. ‘глубокое место в реке’ и словен. геогр. *Retje*, апел. *vrétje* ‘источник; место, где ключи’, новг., пск., сев.-рус. *пóжня* ‘заливной луг’ и словен. геогр. *Požnica*, новг., сев.-рус. *печище* ‘место, где было жильѣ’ и словен. геогр. *Peče, Peča*, новг. *кáдка* ‘запруда, где накапливается вода’ и словен. *kadica* ‘вырытая водой котлообразная яма’, др.-пск. *губа* как обозначение административно-территориальной единицы и словен. геогр. *Guba* и др.¹⁷

К похожим выводам приходит также Т. И. Вендина, которая находит в ареальных лексических предпочтениях русских диалектов, чаще всего в архангельских, вологодских, новгородских и псковских, «ярко выраженное тяготение к южнославянским языкам», при том что «все эти связи ориентированы на юго-запад Южной Славии, а именно на словенские, сербские, хорватские диалекты, связи с болгарскими и македонскими диалектами представлены менее выразительно» [Вендина 2009: 324, 325]. По мнению автора, эти отдаленные восточно-южнославянские лексические связи обладают наибольшей диагностирующей силой, нередко являя собой «осколки» некогда более обширных ареалов.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что сам по себе факт довольно многочисленных новгородско-южнославянских топонимических и лексико-семантических изоглосс, не известных или малоизвестных у западных славян, препятствует признанию западнославянского, прежде всего балтийскославянского, северно-лехитского, генезиса диалекта центральных районов Новгородской земли, в том числе, очевидно, и т. н. севернокривичских, псковских говоров, определяющих

¹⁶ См. геогр. *Невль* дер. в Егорьевском Лужском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III: 38, 48—50, 54], *Едрица* оз. в басс. Мсты со стоком в р. Шабодерка и *Едрово*, или *Едровское*, оз. в басс. Мсты, со стоком в рч. *Едерка* (и там же село *Едрово* Валд. р-на), *Свибла* р. в пог. Михайловском в Лошемле Беж. пят. под 1545 г. [НПК VI: 421].

¹⁷ Словенский сопоставительный материал в основном почерпнут из работ Ф. Безлая [Bezljaj 1958b: 83—95; 1967: 132—144; 1969: 13—14]. Подробному документированию и анализу отдельных топонимических и диалектно-лексических данных Русского Северо-Запада в сопоставлении со словенскими данными посвящена также работа: [Васильев 2008в].

его своеобразие. Межславянские связи новгородской топонимической архаики и диалектной лексики предполагают южный путь проникновения ранних славян в Ильмень-Волховский бассейн. Славяне продвигались сюда преимущественно по восточной полосе Белоруссии из областей Волыни и Галиции. Хотя соответствия топонимической архаики Новгородской земли и сопредельных территорий Русского Северо-Запада встречаются по всей Славии, в исторической ретроспективе они отсылают, в конечном счете к широкому центру позднепраславянских миграций, который сложился к сер. I тыс. н. э. и археологически представлен Пражско-Корчакской культурой, охватывавшей земли от Эльбы на западе до правобережья Днепра на востоке и от Припяти и среднего течения Вислы на севере до Карпат и Дуная на юге. Из группы южнославянских языков географически ближе всего к центру позднепраславянских миграций размещается северо-западная подгруппа, особенно словенский язык. Кроме того, словенские диалекты и примыкающие к ним чакавские и кайкавские диалекты сербохорватского разделяют множество древних сходств с диалектами чешско-словацкой подгруппы¹⁸, но к этой же подгруппе, занимающей центральное положение в Славии, в свою очередь, ведут или приближаются многие архаические топоизоглоссы, находящие проявление в регионе Новгородской земли. Надо полагать, в общих древних диалектных схождениях в самом географическом центре позднепраславянских миграций как раз и кроется причина наибольшего количества новгородско-словенских топонимических переключек среди южнославянских языков.

Фоновая славянская топонимия Новгородской земли, характеризующаяся чертами продуктивности структуры и не относимая к древнеславянскому наследию, демонстрирует схему вненовгородских межтерриториальных соответствий, отличную от той, которую показывают славянские топонимические архаизмы. Межтерриториальные параллели и эквиваленты фоновой топонимии, обыкновенно более многочисленны, чем у топонимических архаизмов, тоже нередко обнаруживаются в полосе ранневосточнославянского расселения, но характерной особенностью их является локализация в том числе на землях позднего русского заселения (отдаленные восточные районы Русского Севера вплоть до Урала и Сибири, Среднее Поволжье, юг Европейской России).

Имеются основания, как археологические, так и лингвистические, предполагать, что проникновение славян с юга через пояс восточнославянского расселения в будущие Новгородскую и Псковскую земли осуществилось очень рано, возможно, одновременными потоками населения. Наличие большого числа выразительных праславянских архаизмов в этом регионе Славии, не только среди топонимов, но и на иных уровнях языка (неосуществление второй и иногда третьей палатализации,

¹⁸ Предполагается даже, что применительно к эпохе, непосредственно предшествовавшей расселению славян, сложилась территориально-языковая общность, объединявшая будущие западноюжнославянские и чешско-словацкие диалекты и противопоставленная всем другим диалектам, на которые к этому моменту распался праславянский язык [Куркина 1992: 206—207].

в том числе для праслав. **kv*, **gv*, сохранение в некоторых лексемах праслав. сочетаний **tl*, **dl*, первоначальная реализация фонемы «ять» в виде широкого звука *ä*, флексия *-e* в Им. ед. суц. муж. р. **-ǫ*-склонения, флексия *-o* в формах Им. ед. отдельных топонимов муж. р. типа *Волхово*, *Псково* и др., см. [Крысько 1998: 80—81]), свидетельствует о том, что первые славяне, скорее всего, не позднее 3-й четверти I тыс. н. э. прибыли в этот отдаленный окраинный регион и какое-то время оставались относительно обособленными от остальных славянских земель. Появление многих безусловно архаических, но собственно региональных топонимов, ограниченных преимущественно пределами центральных районов Новгородской земли и прослеживаемых порой на путях более поздней новгородской экспансии на север и восток (*Березай*, *Водос*, *Вховеж*, *Грузово*, *Захонье*, *Жельтино*, *Жидобужжи*, *Жинорежа*, *Кулотино*, *Льзи*, *Любытино*, *Милонъж*, *Морконницы*, *Налючи*, *Пакомо*, *Перекомо*, *Ракомо*, *Раиуча*, *Самокража* и др.), активизация в центре новгородской территории многих топонимов, образованных славянами еще на подступах к Приильменью (их неполный список дан выше), формирование самого плотного в Славии новгородского ареала топонимов со вторыми компонентами *-гоиц/-гост-* позволяет ставить вопрос о раннем диалектном обособлении рассматриваемого региона.

Интересна, на мой взгляд, гипотеза Е. Н. Носова [1988: 37—38; 1992: 11—12] о двух волнах славянской колонизации Новгородской земли с юга, с первой из которых связано возникновение (в процессе взаимодействия славян с различными группами неславянского населения) культуры псковско-новгородских длинных курганов с VI—VII вв., а со второй, более поздней, — культуры новгородских сопок в VIII вв. Хотя топонимическая архаика Русского Северо-Запада, как новгородская, так и псковская, находит общие переключки со Средним Поднепровьем и, далее, с галицко-волынскими землями, центральноновгородский топонимический ландшафт Приильменья по некоторым существенным признакам отличен от псковского тополандшафта, особенно в бассейне р. Великой. Эти новгородско-псковские расхождения можно интерпретировать с помощью гипотезы двух волн славянского расселения. Так, концентрированный ареал топонимии со вторым элементом *-гоиц/-гост-* в центральных районах Новгородской земли резко контрастирует с почти полным отсутствием таких названий в бассейне р. Великой (см. карту 6). Данный ареал хорошо ложится на зону распространения новгородских сопок и, надо полагать, был преимущественно сформирован славянским населением, соорудившим сопки. Проведенный нами сравнительный обзор современной новгородской и псковской ойконимии (см. [Васильев, Вихрова 2011]) показал, что в бассейне Ильменя сосредоточение славянских ойконимов с архаическими чертами заметно более плотное, чем в бассейне р. Великой (Центральная и Южная Псковщина). Выяснилось, например, что безусловно древние названия селений и урочищ, главным образом деантропонимные, включающие типовые общеславянские топоосновы (не только *-гост/-гоиц-*, но и *рад-*, *хот-/хут-*, *слав-*, *люб-*, *добр-*, *жир*, *мир-*, *вид-*, *вит-*, *буд-*, *мл-*, *дорог-*, *люд-*, *жад-*, *рах-/раш-*, *нег-/неж-* и др.), имеют явный количественный перевес в новгородском списке. При этом псковская ойконимия бассейна р. Великой теснее связана с разнооб-

разной антропонимией сравнительно позднего времени и в целом значительно чаще обращена к имени человека, чем новгородская; ее антропоцентризм реализован в более высоком содержании деантропонимных основ и в более полном проявлении тех структурно-деривационных топонимических моделей, которые отсылают к обозначениям и именам людей (модели *-ичи*, *-ане/-яне*, *-ата/-ята*, *-енки*, *-и/-ы*¹⁹). Напротив, новгородская ойконимия Приильменя и Поволховья отражает богатство связей со старой и новой апеллятивной лексикой, особенно с обозначениями местного рельефа, вод, леса и с поселенческой терминологией.

Хотя многие частные расхождения в составе современного новгородского и псковского топонимических ландшафтов, как и диалектные различия современных новгородских и псковских народных говоров, оформились сравнительно поздно, в целом истоки этих различий могут относиться к начальным векам славянской колонизации. Возможно, тенденции обособленного развития новгородских и псковских говоров, наряду с политическим размежеванием Новгородской и Псковской земель в раннедревнерусскую эпоху, были исконно заданы разными условиями их формирования теми племенами, которые оставили археологические культуры длинных курганов и сопок. В центральных районах Новгородской земли, особенно в Верхнем Полужье, в бассейнах Ловати, Мсты, Чагоды, ареалы этих двух культур в основном пересекаются. Если связывать становление культур длинных курганов и сопок с двумя колонизационными волнами славян, можно предполагать, что в Ильмень-Волховском бассейне местные говоры в первые века славянского заселения формировались по смешанному типу, поскольку проистекали, по меньшей мере, из двух племенных диалектов — диалектов курганных и сопочных славян. В свою очередь, тот факт, что на территории Псковщины, особенно в бассейне р. Великой, изобилуют длинные курганы, но почти не известны сопки, позволяет считать, что в формировании псковских говоров в начальный период принимала участие преимущественно одна группировка раннеславянских заселителей первой волны. Более насыщенный архаизмами характер новгородского топонимического ландшафта по сравнению со псковским, вероятно, обусловлен в какой-то мере различием исходной диалектологической ситуации двух регионов: топонимическая архаика, оставленная первой колонизационной волной славян, в Ильмень-Волховском бассейне была существенно дополнена славянами второй волны, оставившими сопки.

В Ильмень-Волховском бассейне и на будущих псковских землях ранние славяне-переселенцы перемежались и контактировали не только с древнефинским, но и с

¹⁹ Относительно модели родовых плюральных названий на *-и/-ы* расхождения между новгородским и псковским тополандшафтами наиболее разительны. Бассейн р. Великой (южнее Пскова, вокруг Острова, Опочки, Пушкинских Гор, Пустошки, Новоржева, Идрицы, Себежа и др.) отмечен значительным множеством таких ойконимов, как *Артамоны*, *Борусы*, *Гораи*, *Кисели*, *Кожуры*, *Кузнецы*, *Жуки* и т. п. Напротив, по всей Новг. обл. и на севере, северо-востоке Пск. обл., т. е. на территории бывшей Новгородской земли и современных новгородских говоров или говоров, тяготеющих к ним, наблюдается лишь маргинальное присутствие ойконимии на *-и/-ы*.

многочисленным древнебалтийским населением. Часть балтов, вероятно, переместилась в будущие новгородско-псковские владения с сер. I тыс. н. э. под напором славян, продвигавшихся с юга. Но многие группы балтов проживали на рассматриваемой территории еще задолго до прихода славян. Ранее мною был сделан вывод о том, что в прибрежной зоне Ильменя, в бассейнах рр. Ловати, Пола, Шелони, Плюсы генетически балтийская гидронимия отчетливо преобладает по количеству над финской, а в Полужье, в верхнем и среднем течении Волхова, в верхнем, до Боровичей, течении Мсты гидронимические балтизмы и финнизмы количественно соотносимы [Васильев 2007а: 283—284]. В юго-западной половине Новгородской земли выделены анклавы сосредоточения балтизмов, найдены отдельные балтийские ойконимы, не повторяющие гидронимию, обнаружены славянские метонимические кальки балтийских названий и раннеславянские апеллятивные заимствования из языка балтов. Ряд характерных черт новгородских и псковских говоров, проявляющихся в том числе в местной топонимии, вполне объясним субстратным и адстратным влиянием на них балтийских и финских языков. Балтоязычное влияние подозревается, например, в появлении др.-новг., др.-пск. сочетаний *кл* и *гл* (< **tl*, **dl*), *ш'к'* и *ж'з'* (< **skj*, **stj*), в переходе **tj*, **dj* в др.-пск. *к'*, *з'* с дальнейшим отвердением, ср. пск. *сустрека́тъ* 'встречать', *рога́тъ* 'рожать', в смешении *с'* и *ш'*, *з'* и *ж'*, тоже иногда отвердевавших, и в других «севернокривичских» явлениях (см. [Топоров 2000: 395—397] о наличии аналогичных особенностей в балтийских диалектах), к финноязычному влиянию традиционно относят цоканье, спорадическое смешение ударных гласных *a* и *o*, неразличение глухих и звонких согласных, стабилизацию ударения на первом слоге во многих новгородских топонимах и др.

В пределах Новгородской земли славянские топонимические древности распределены неравномерно, выделяются районы их сгущения и разрежения. Повышенная концентрация древних названий наблюдается в тех местностях, которые оказались очень рано и плотно заселены славянами. В частности, «гнездовое» сосредоточение топонимических древностей, обнаруживаемое в таких субрегионах, как Верхняя Молога, Среднее Помостье, Верхнее Полужье, нижнее и среднее течение Шелони, коррелирует с археологическими показателями значительной раннеславянской освоенности данных территорий.

Рассмотренная славянская топонимия с признаками непродуктивности структуры иногда отмечается на территориях к северо-востоку и востоку от области бывших пятин Великого Новгорода. Появление такой топонимии там приемлемо объясняется новгородской и, в меньшей мере, ростово-суздальской экспансией. Скорее всего из центральных районов Приильменя распространились с новгородской колонизацией Заволочья топонимические архаизмы *Болчина*, *Данислово*, *Дунай*, *Еглец*, *Камско*, *Лютчик*, *Милковская*, *Милобудово*, *Морткино*, *Негосто*, *Некишино*, *Обрадово*, *Песь*, *Порхово*, *Прибылово*, *Пробудово*, *Робье*, *Холуй*, отмеченные на территории Вологодской и реже Архангельской обл., костромск. *Беберино*, *Борутиха*, *Елегино*, *Жирославль*, *Нехоткино*, *Обжирово*, *Полюдово*, *Чеглово*, вятск. *Волма*, *Чернеги*, *Вътка/Витка*, пермск. *Песьянка* и др.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агеева 1974 — *Агеева Р. А.* Географические апеллятивы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада РСФСР // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974. С. 195—203.
- Агеева 1977 — *Агеева Р. А.* Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии Псковских и Новгородских земель // Историческая ономастика. М., 1977. С. 209—216.
- Агеева 1980а — *Агеева Р. А.* Гидронимия балтского происхождения на территориях Псковских и Новгородских земель // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980. С. 147—152.
- Агеева 1980б — *Агеева Р. А.* Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии Русского Северо-Запада // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 250—259.
- Агеева 1989 — *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Агеева 1990 — *Агеева Р. А.* Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.
- Агеева 2000 — *Агеева Р. А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000.
- Агеева, Васильев, Горбаневский 2002 — *Агеева Р. А., Васильев В. Л., Горбаневский М. В.* Старая Русса: Тайны имени древнего города. М., 2002.
- Агеева, Микляев 1979 — *Агеева Р. А., Микляев А. М.* Топонимы с -ля/-ль на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979. С. 30—54.
- Агр. ист. Сев.-Зап. — Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.
- Азарх 1981 — *Азарх Ю. С.* О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 5—29.
- Азарх 1984 — *Азарх Ю. С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Азбелев 2005 — *Азбелев С. Н.* О Рюрике и Гостомысле // Новгородский исторический сборник. 10 (20). СПб., 2005. С. 7—31.
- Азбелев 2006 — *Азбелев С. Н.* Устная история Великого Новгорода: Очерки IX—XVII столетий. Великий Новгород, 2006.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—5. СПб., 1841—1842. Указатель к Актам историческим. СПб., 1843.

- АИСМ — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собр. архимандритом Леонидом / Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссии. Т. 5. СПб., 1878.
- АИЮС — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 3. М., 1861.
- Акад. сп. — Академический список Новгородской 1-й летописи (НПЛ).
- АкчС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области: (Акчимский словарь). Вып. 1 — Пермь, 1984 —.
- Александров 1994 — Александров А. А. Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы в Псковской земле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 22—33.
- Александров 2001 — Александров А. А. Во времена княгини Ольги. Легенды и были о княгине Ольге в Псковской земле. Псков, 2001.
- Алексеев 1968 — Алексеев Л. В. О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1968. С. 245—250.
- Алешковский 1974 — Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. // Советская археология. № 3. 1974. С. 101—103.
- Амбросиани 2001 — Амбросиани П. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: некоторые проблемы и результаты // Топонимика и диалектная лексика Новгородской земли: Мат-лы Междунар. науч. конф., 13—15 ноября 2001 г. Великий Новгород, 2001. С. 26—27.
- Амбросиани 2005а — Амбросиани П. Топонимика Кипенского погоста: источники, развитие, проблемы // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Мат-лы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20—23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 110—111.
- Амбросиани 2005б — Амбросиани П. Названия деревень и сел в Новгородском оккупационном архиве // Новгородский исторический сборник. 10 (20). СПб., 2005. С. 309—312.
- Андряшев 1914 — Андряшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. Вып. I: Списки селений; Вып. II: Карты погостов. СПб., 1914.
- Аникин 1998 — Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1 (*а- — *go-). Новосибирск, 1998.
- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2005 — Аникин А. Е. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.
- Аничков 1916а — Аничков И. В. Историческое значение названия Прусской улицы для Новгорода Великого. Новгород, 1916.
- Аничков 1916б — Аничков И. В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Новгород, 1916.

- Анкудинов 1986 — Анкудинов И. Ю. К интерпретации берестяной грамоты № 361 // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тезисы докл. и сообщ. науч. симпозиума. Новгород, 1986. С. 15—18.
- Анкудинов 2000 — Анкудинов И. Ю. Историко-географический комментарий к новгородской берестяной грамоте № 390 // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1990—1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. С. 123—132.
- Анкудинов 2003 — Анкудинов И. Ю. Картографические материалы Елизаветинского межевания по окрестностям Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 435—459.
- Ан. РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1— М., 2007—.
- Антоневич 1972 — Антоневич Е. «Прусы» в топонимике Северной Польши и Новгородской Руси // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 252—261.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецово́й. Вып. 1— М., 1980—.
- АПНО — Археологические памятники Новгородской области. Вып. I—III. Новгород, 1979—1980.
- Арманд 1971 — Арманд Г. Мы красим Понеретку // Глобус 1971. Географич. ежегодник для детей. М., 1971. С. 198—204.
- АСМ 1988 — Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. Л., 1988.
- АСМ 1990 — Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. Л., 1990.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I—III. М., 1952—1963.
- АТДЛен — Административно-территориальное деление Ленинградской области: Справочник. Л., 1990.
- АТДНовг — Новгородская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1989 года. Новгород, 1989.
- АТДНовг 1727—1995 — Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области 1727—1995 гг.: Справочник. СПб., 2009.
- АТДПск — Административно-территориальное деление Псковской области (1917—1988 гг.): Справочник: В 2-х кн. Л., 1988.
- АТДТвер — Административно-территориальное деление Тверской области: Справочник. Тверь, 1992.
- Ашиток 1987 — Ашиток Н. І. Псковсько-прикарпатські фітонімічні паралелі *жі́то*, *волішка*, *багно́* // Мовознавство. 1987. № 1. С. 67—71.
- АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838; Указатель к Актам юридическим. СПб., 1840.
- АЮЗР — Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденной при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторстве. Ч. 1—8. Киев, 1859—1914.
- Балашов 2007 — Балашов Е. А. Метаморфозы топонимии Карельского перешейка. Краткое исследование по этимологии географических названий. СПб., 2007.

- Бірыла 1966 — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск, 1966.
- Бірыла 1969 — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.
- Бірыла 1982 — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. 3: Структура уласных мужчынскіх імён. Мінск, 1982.
- Бірыла, Лемцюгова 1973 — *Бірыла М. В., Лемцюгова В. П.* Анамастычныя словоўтваральныя элементы на ўсходне- і заходнеславянскіх мовах. (Адантрапанімічныя айконімы). Мінск, 1973.
- Березович 2000 — *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* «Афанас, Афанас провалился нынче в квас...» (О формировании коннотативного спектра одного личного имени) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 359—391.
- Бернадский 1961 — *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961.
- Бернштам 2001 — *Бернштам Т. А.* Заключение: возможные интерпретации возникновения, этимологии и эволюции групповых этнонимов // *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001. С. 420—431.
- Бернштейн 1974 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Богатова 1959 — *Богатова Г. А.* Из истории существительных среднего рода на *-мя* в древнерусском языке М., 1959.
- Болховитинов 1808 — *Евгений [Болховитинов, Евфимий Алексеевич]*. Исторические разговоры о древностях Великого Новагорода. М., 1808.
- Бондалетов 1983 — *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.
- Борек 1972 — *Борек Г.* Восточнославянские топонимы с формантом *-ьн-* // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 90—143.
- Борек 1979 — *Борек Г.* К проблеме восточнославянских топонимов на *-ица* // Восточнославянская ономастика. Исслед. и мат-лы. М., 1979. С. 154—166.
- Бубрих 1948 — *Бубрих Д. В.* Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Изв. Карело-Финской научно-исслед. базы АН СССР. № 3. Петрозаводск, 1948. С. 42—50.
- Буров 1994 — *Буров В. А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.
- Бучко 1980 — *Бучко Д. Г.* Ареалы украинских топонимов на *-івці-, -інці-* в XIV—XX вв. // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 90—100.
- Бучко 1986 — *Бучко Д. Г.* Давньоруські елементи в топонімії Покуття // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ, 1986. С. 52—55.
- Бучко 1990 — *Бучко Д. Г.* Походження назв населених пунктів Покуття. Львів, 1990.
- Бучко 1994 — *Бучко Д. Г.* Праслов'янські та давньоруські композитні імена в основах ойконімів Прикарпаття // Питання історичної ономастики України. Київ, 1994. С. 109—121.

- Варбот 1965 — *Варбот Ж. Ж.* Заметки по славянской этимологии (слав. **naglъjъ*, **nprasъnjъ*, **rakostъ*, **lězo*, **lězivo*) // Этимология 1964. М., 1965. С. 27—43.
- Варбот 1969 — *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование (ретроспективная формальная характеристика). М., 1969.
- Варбот 1980 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII (**vъrdati*, **sęčati*, **plęgti*, **kužati* и **kuža*, **тъrx-*/**тъrx-* и **myrěti*, **plixati*) // Этимология 1978. М., 1980. С. 19—31.
- Варбот 1984 — *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
- Варбот 1988 — *Варбот Ж. Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики // Этимологические исследования. Свердловск, 1988.
- Варбот 1997 — *Варбот Ж. Ж.* [Рец. на:] *Wiesław Boryś, Hanna Popowska-Taborska.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I. A—Ć. Warszawa, 1994. 272 s. // Этимология. 1994—1996. М., 1997. С. 189—194.
- Василев 1896 — *Василев И. И.* Псковская губерния // Историко-географические очерки как пособие народным читателям по предмету родиноведения. Псков, 1896.
- Васильев 1994 — *Васильев В. Л.* Микротопоним и географический термин в границах отдельного говора // X Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров — 94» (Тезисы докл.). СПб., 1994. С. 80—82.
- Васильев 1995 — *Васильев В. Л.* Восточнославянские лексические связи диалектов Новгородской области (по данным географической терминологии) // Новгород в культуре Древней Руси. Новгород, 1995. С. 163—173.
- Васильев 1998 — *Васильев В. Л.* Специфика народной географической терминологии: (семасиологический аспект) // Вестник НовГУ. Сер. «Гуманитарные науки». № 9. Новгород, 1998. С. 73—78.
- Васильев 1999а — *Васильев В. Л.* Наблюдения над русской гидрографической лексикой (типология названий водоворота) // *Studia Russica XVII* / Отв. ред. А. Золтан. I. Budapest, 1999. С. 214—226.
- Васильев 1999б — *Васильев В. Л.* Семантический перенос 'место' → 'трава; сено' и его реализация в новгородских и других русских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб., 1999. С. 44—52.
- Васильев 2000 — *Васильев В. Л.* Наблюдения над русской гидрографической лексикой (типология названий водоворота) // *Studia Russica XVIII* / Отв. ред. А. Золтан. II. Budapest, 2000. С. 414—427.
- Васильев 2001а — *Васильев В. Л.* Новгородская географическая терминология: (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.
- Васильев 2001б — *Васильев В. Л.* Географические названия с основой «рус-» в Новгородском крае: этимология и история // *Slavia orientalis*. R. L. № 1. Kraków, 2001. С. 63—76.
- Васильев 2002а — *Васильев В. Л.* Тайна имени села Марево // Чело. № 1 (23). Великий Новгород, 2002. С. 41—46.

- Васильев 2002б — *Васильев В. Л.* Топонимика падурых озер и ныряющих рек на Валдайской возвышенности // Чело. № 2 (24). Великий Новгород, 2002. С. 49—52.
- Васильев 2003 — *Васильев В. Л.* Древний *Демон* и современный *Демянск*: этимология имени и проблема локализации // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 304—323.
- Васильев 2004а — *Васильев В. Л.* Летописный *Клин* и город *Холм* Новгородской земли: проблемы локализации и преемственности // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Мат-лы науч. конф.). Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 246—259.
- Васильев 2004б — *Васильев В. Л.* Особенности топонимии карстовых водоемов в Новгородской области // Лексический атлас русских народных говоров (Мат-лы и исслед.). 2001—2004. СПб., 2004. С. 182—190.
- Васильев 2005а — *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
- Васильев 2005б — *Васильев В. Л.* Новгородская топонимика в научном наследии Рихарда Экблома (интерпретация корней *rus-* и *varæg-*) // Новгородский исторический сборник. 10 (20). СПб., 2005. С. 300—308.
- Васильев 2007а — *Васильев В. Л.* Древнебалтийская гидронимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 271—285.
- Васильев 2007б — *Васильев В. Л.* Этимологические заметки по субстратной гидронимии Русского Северо-Запада (*Игорь, Изрейка*) // Рябининские чтения-2007 (Мат-лы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера). Петрозаводск, 2007. С. 210—213.
- Васильев 2008а — *Васильев В. Л.* О проблеме древнебалтийского топонимического наследия на Русском Северо-Западе // Вопр. языкознания. № 3. 2008. С. 76—94.
- Васильев 2008б — *Васильев В. Л.* Изменение *дн > нн > н* в истории русского языка (на материале ономастики и диалектной лексики) // Русск. яз. в науч. освещении. № 1 (15). М., 2008. С. 133—147.
- Васильев 2008в — *Васильев В. Л.* К вопросу о топонимических схождениях между Русским Северо-Западом и Словенией // Jezikoslovní zapiski. 14 (2008). Т. 2. S. 63—86.
- Васильев 2009а — *Васильев В. Л.* Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. XVIII: Сб. науч. трудов. М., 2009. С. 262—278.
- Васильев 2009б — *Васильев В. Л.* Гидронимы близ озера Ильмень // Русская речь. № 1. 2009. С. 101—107.
- Васильев 2012 — *Васильев В. Л.* К истокам сравнения *как в камский мох* // Язык и прошлое народа: Сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2012. С. 52—67.
- Васильев (в печати) — *Васильев В. Л.* Структурно-словообразовательная типология гидронимов Русского Северо-Запада // Вопросы ономастики (в печати).
- Васильев, Вихрова 2011 — *Васильев В. Л., Вихрова Н. Н.* Топонимический ландшафт Новгородской и Псковской областей (сравнительный обзор) // Новгородика-2010.

- Вечевой Новгород: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. 20—22 сент. 2010 г. Ч. 2. Великий Новгород, 2011. С. 47—53.
- Васильев, Северинов 2004 — *Васильев В. Л., Северинов В. Д.* Названия улиц средневекового Новгорода XI—XIV вв. (историко-лингвистический комментарий) // Севернорусские говоры. Вып. 8. СПб., 2004. С. 61—86.
- Васильев М. 2000 — *Васильев М. А.* Была ли новгородская Перынь местом официально капища Перуна при князе Владимире? (К обсуждению проблемы) // *Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М.*, 2000. С. 29—52.
- Вендина 2009 — *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.
- Вербич 1998 — *Вербич С. О.* Гідронімія як система реалізації відношень ряду гідронім-ойконім-антропонім // *Українська ономастика*. Київ, 1998. С. 33—38.
- Вербич 1999 — *Вербич С. О.* До проблеми «ймовірності» при етимологізації гідронімів // *Slavica та Baltica в ономастиці України*. Київ, 1999. С. 73—77.
- Вербич 2010 — *Вербич С. О.* [Рец. на:] *Царалунга Інна.* Українські топоніми на *-ани (-яни)*. Хмельницький: *Авіст*, 2007. 157 с. // *Студії з ономастики та етимології 2010*. Київ, 2010. С. 323—330.
- Вес. Он. — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Витов 1967 — *Витов М. В.* Севернорусская топонимия XV—XVIII вв. (К постановке топонимического источниковедения) // *Вопр. языкознания*. № 4. 1967. С. 75—90.
- Власова 1971 — *Власова И. В.* Ареалы топонимов с формантом *-иха* и *-ата, -ята* в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги // *Этнография имен*. М., 1971. С. 184—194.
- Воробьев 2005 — *Воробьев В. М.* Тверской топонимический словарь. М., 2005.
- Ворожейкина 2003 — *Ворожейкина М. Е.* Археологическое обследование объектов средневекового солеваренного промысла Северо-Запада // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Мат-лы науч. семинаров за 2001—2002 гг.* Псков, 2003. С. 216—228.
- Воскр. лет. — *Воскресенская летопись*. М., 1998.
- ВСОРИ — *Военно-статистическое обозрение Российской империи*. Т. III. Ч. 3 (Новгородская губерния). СПб., 1849.
- ВТКЗверст — *Военная топографическая карта западной части Российской империи (масштаб 3 версты в дюйме) съемок второй половины XIX в. и печати второй половины XIX в. — начала 1900-х гг.*
- Вуйтович 1981 — *Вуйтович М.* Древнерусские личные имена в граффити Софийских соборов Киева и Новгорода (XI—XIV вв.) // *Onomastica*. № XXVI. 1981.
- Выгонная 1968 — *Выгонная Л. Т.* Полесская земледельческая терминология // *Лексика Полесья*. М., 1968.
- Высоцкий 1985 — *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XII—XVII вв. Киев, 1985.
- Вязинин 1994 — *Вязинин И. Н.* Старая Русса в истории России. Новгород, 1994.
- Гідронімія України — *Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках*. Київ, 1981.
- ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

- Ген. меж. — Материалы Генерального межевания конца XVIII в.
- Герберштейн 2008 — *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. М., 2008.
- Герасимов 1988 — *Герасимов Ю. А.* Справочник егеря. М., 1988.
- Герд МЭССГ — *Герд А. С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. СПб., 1995. Вып. 6. С. 85—107; Вып. 7. СПб., 1999. С. 117—140; Вып. 8. СПб., 2004. С. 173—235.
- Герд 1996 — *Герд А. С.* Лингвистический атлас Верхней Руси. СПб., 1996.
- Герд 2001а — *Герд А. С.* Верхняя Русь в свете данных русистики // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 59—71.
- Герд 2001б — *Герд А. С.* Исторические границы и ареалы на территории Днепро-Двинской историко-культурной зоны и Верхней Руси по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 252—254.
- Герд 2001в — *Герд А. С.* Очерк исторической диалектологии Верхней Руси: (История ландшафта). СПб., 2001.
- Гиндин 1969 — *Гиндин Л. А.* К методике выявления и стратификации лингво-этнических слоев на юге Балканского полуострова (По данным древней топонимии) // Этимология 1969. М., 1967. С. 215—224.
- Голб, Прицак 1997 — *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
- Горбаневский, Емельянова 2010 — *Горбаневский М. В., Емельянова М. И.* Улицы Старой Руссы: История в названиях. 2-е изд., доп. и испр. М., 2010.
- Горбачевский 1874 — *Горбачевский Н. И.* Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874.
- Городецкая, Левашов 2003 — *Городецкая И. Л., Левашов Е. А.* Русские названия жителей: Словарь-справочник. М., 2003.
- ГПНовг — Генеральный геометрический план Новогорода и уезда 1788 г. // РГАДА, ф. 1356.
- ГР — Города России XVI в. Материалы писцовых описаний. М., 2002.
- Григорьев, Грицевская 1959 — *Григорьев С. В., Грицевская Г. Л.* Каталог озер Карелии. М.; Л., 1959.
- Грінч. СУМ — *Грінченко Б. Д.* Словник української мови. Т. I—IV. Київ, 1907—1909.
- Грицак 1971 — *Грицак М. А.* Назви гідрорельєфу в говірці с. Ясіня Закарпатської обл. // Питання гідроніміки: Мат-ли III Республіканської ономастичної (гідронімічної) наради. Київ, 1971. С. 74—80.
- Грк. РЛИКС — *Грковић М.* Речник личних имена код Срба. Београд, 1977.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982—1993. Вып. 1—13.
- Гумилев 1992 — *Гумилев Л. Н.* От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб., 1992.
- Даль ТСЖВЯ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1998.

- ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика / Под ред. С. В. Бромлей, Т. Ю. Стругановой. М., 1986.
- Дементьев, Дементьева 1990 — *Дементьев К. И., Дементьева М. А.* Печатное слово о старой Руссе. Новгород, 1990.
- Демчук 1988 — *Демчук М. О.* Слов'янськи автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV—XVII ст. Київ, 1988.
- ДеулС — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссоветского. М., 1969.
- Джаксон 2001 — *Джаксон Т. Н.* AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.
- Дн. А. Траны — Дневник Андерса Траны. 1655—1656. Великий Новгород, 2007.
- Добровольский 1914 — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Добродомов 1982 — *Добродомов И. Г.* О надежности топонимических этимологий (гидроним *Оврад* на юге Украины) // *Этимология* 1980. М., 1982. С. 93—102.
- Доп. — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- Доп. АИ — Дополнения к Актам историческим. Т. 1—12. СПб., 1846—1872; Указатель к первым 10 томам дополнений. СПб., 1875.
- Дуриданов 1963 — *Дуриданов И.* Южнославянские речни названия и тяхното значение за славянския топонимичен атлас // *Славянска филология*. Т. 3. София, 1963. С. 181—212.
- Дьякова 1973 — *Дьякова В. И.* Географическая терминология Воронежской области: Дис. ... канд. филол. наук. Приложение: (Словарь воронежских географических терминов). Воронеж, 1973.
- Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / При участии О. В. Лисицкой и др. СПб., 2010.
- ЕСЛГНПР — Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Відп. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Ред. кол. О. С. Мельничук, И. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, В. Г. Складенко, О. Б. Ткаченко и др. Т. 1—4. Київ, 1982—.
- Єфіменко 1995 — *Єфіменко В.* До слов'янської відантропонімної топонімії (на матеріалі «Новгородських писцевих книг») // *Пам'ятки писемності східнослов'янськими мовами XI—XVIII ст.: Мат-ли наук. конф. пам'яті Л. П. Жуковської*. Вип. 2. Київ, 1995. С. 289—292.
- Жекулин 1967 — *Жекулин В. С.* Топонимические свидетельства изменения природы Новгородской области за историческое время // *Учен. зап. НГПИ*. Т. 21: Вопросы краеведения. Новгород, 1967. С. 3—14.
- Железняк 1969 — *Железняк И. М.* Очерк сербохорватского антропонимического словообразования. Киев, 1969.
- Железняк 1987 — *Железняк И. М.* Рось і етнолінгвістичні процеси Середньонаддніпрянського Правобережжя. Київ, 1987.

- Железняк 2006 — *Железняк Ж. М.* Географія словенсько-східнослов'янських топонімних паралелей // *Студії з ономастики та етимології*. Київ, 2006. С. 17—26.
- Журавлев 1990 — *Журавлев А. Ф.* Дополнения к лексическим материалам «Этимологического словаря славянских языков». Ч. 1. М., 1990.
- Журавлев 1994 — *Журавлев А. Ф.* Лексико-семантическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Журавлев 2005 — *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Жучкевич 1971 — *Жучкевич В. А.* Гидронимические исследования в историко-географических реконструкциях топонимического ландшафта // *Питання гідроніміки*. Київ, 1971. С. 29—31.
- Жучкевич 1974 — *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
- Загоровский 1975 — *Загоровский В. П.* Происхождение географических названий на *-гоць* // *Теория и практика топонимических исследований*. М., 1975. С. 40—44.
- Заим. БИ — *Заимов Й.* Български именник. София, 1988.
- Заимов 1967 — *Заимов Й.* Заселване на българските словяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967.
- Заимов 1973 — *Заимов Й.* Български географски имена с *-ъ*. София, 1973.
- Зайцев, Кушнир 1975 — *Зайцев И. А., Кушнир И. И.* Улицы Новгорода. Л., 1975.
- Зализняк 1991 — *Зализняк А. А.* Берестяные грамоты перед лицом традиционных постулатов славистики и vice versa // *Russian Linguistics*. Vol. 15. № 3. 1991. С. 217—245.
- Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк 1997 — *Зализняк А. А.* Об одном ранее неизвестном рефлексе сочетаний типа **ТъгТ* в древненовгородском диалекте // *Балто-славянские исследования*. 1988—1996. М., 1997. С. 250—258.
- Зализняк 2003 — *Зализняк А. А.* Значение берестяных грамот для истории русского языка // *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*. М., 2003. С. 218—223.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.
- Зализняк, Янин 2006 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // *Вопр. языкознания*. № 3. 2006. С. 3—13.
- Зализняк, Янин 2007 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2006 г. // *Вопр. языкознания*. № 3. 2007. С. 3—10.
- Зализняк, Торопова, Янин 2011 — *Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // *Вопр. языкознания*. № 4. 2011. С. 3—19.
- Захарова, Орлова 1970 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Зеленин 1954 — *Зеленин Д. К.* О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // *Докл. и сообщ. Института языкознания АН СССР*. 1954. № 6. С. 49—95.

- ИАДП — *Фролов А. А., Пиотух Н. В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495—1496 годов). Т. 1—3. М.; СПб., 2008.
- Иванов 2010 — *Иванов В. В.* Славяно-балто-германская диалектная общность как северо-западно-индоевропейская языковая зона в соотношении с другими диалектами // *Именослов: История языка, история культуры: Труды Центра славяно-германских исследований.* СПб., 2010. С. 5—41.
- Иванов 2003 — *Иванов В. Ф.* Топонимический словарь Селигерского края. Тверь, 2003.
- Иванов 1962 — *Иванов Ф. И.* Значение топонимики при изучении древних водных путей верхней Волги // *Вопр. географии.* Вып. 58. М., 1962. С. 100—108.
- Иванов, Топоров 1974 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов, Топоров 1976 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография.* М., 1976. С. 109—128.
- Ив. СГП — *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосквья. М., 1969.
- Избранные жития — *Избранные жития русских святых X—XV вв.* М., 1992.
- Илиади 2010 — *Илиади А. И.* Об одном типе лексических изоглосс // *Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада. Великий Новгород, 2010.* С. 169—175.
- Илчев 1969 — *Илчев С.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
- Ильина, Грахов 1980 — *Ильина Л. Л., Грахов А. Н.* Волхов. Л., 1980.
- Истомина, Яковлев 1989 — *Истомина Э. Г., Яковлев З. М.* Голубое диво: Историко-географический справочник о реках, озерах и болотах Новгородской области. Л., 1989.
- Йоаланд 1990 — *Йоаланд М.* Топонимы южно-вепсской территории в народном и официальном употреблении // *Uralo-indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей.* Ч. 1. М., 1990. С. 52—59.
- Казлова 1994 — *Казлова Р. М.* Айканімічныя старажытнасці Беларусі // *Беларуская лінгвістыка.* Вып. 44. Мінск, 1994. С. 34—42.
- Карпенко 1966 — *Карпенко Ю. А.* Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // *Вопр. географии.* Сб. 70: Изучение географических названий. М., 1966. С. 7—18.
- Карпенко 2003 — *Карпенко О. П.* Гідронімікон Центрального Полісся. Київ, 2003.
- Касъл. ВКС — *Касълярівіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.
- КБЧ — *Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной.* М., 1950.
- КГарн — *Картотека топонимов Боровичского уезда Новгородской губернии, составленная К. В. Гарновским (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ).*
- Кисловской 1968 — *Кисловской С. В.* Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Л., 1968.
- КНОС — *Картотека Новгородского областного словаря (хранится на кафедре русского языка Новгородского гос. ун-та, Великий Новгород).*

- Ковачев 1961 — *Ковачев Н. П.* Местные названия от Севлиевско. София, 1961.
- Ковачев 1980 — *Ковачев Н. П.* Географская лексика в пътеписите на Иван Вазов // *Onomastica*. 1980. Т. XXV. С. 197—221.
- Козлова 1991 — *Козлова Р. М.* Праславянское слово в генетическом гнезде (Структура праславянского слова): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1991.
- Козлова 1997 — *Козлова Р. М.* И.-е. **(s)kel-* ‘гнуть, сгибать; крутить, вертеть’ в славянской гидронимии. II // *Ономастика та етимологія*. Зб. наукових праць на честь 65-річчя І. М. Железняк. Київ, 1997. С. 96—113.
- Колесов 1980 — *Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Колосова 2004 — *Колосова И. О.* Древние улицы Пскова: Смолиговка // *Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал*. № 21. Псков, 2004. С. 3—11.
- Колчин, Хорошев, Янин 1981 — *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981.
- Ком. сп. — Комиссионный список Новгородской 1-й летописи (НПЛ).
- Кондратьева 1983 — *Кондратьева Т. Н.* Метафоры собственного имени: Опыт словаря. Казань, 1983.
- Конецкий 1995 — *Конецкий В. Я.* Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // *Церковная археология*. СПб.; Псков, 1995. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе. С. 80—85.
- Конецкий 1998 — *Конецкий В. Я.* Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // *Новгород и Новгородская земля. История и археология (Мат-лы науч. конф. Новгород, 27—29 января 1998 г.)*. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 226—241.
- Коновалов 1967 — *Коновалов А. А.* Географические названия в берестяных грамотах // *Сов. археология*. № 1. 1967. С. 92—93.
- Костомаров 1863 — *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 2. СПб., 1863.
- КПОС — Картотека Псковского областного словаря (хранится в Межкафедральном словаре кабинета им. Б. А. Ларина на филол. ф-те СПбГУ).
- Крысько 1998 — *Крысько В. Б.* Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // *Вопр. языкознания*. № 3. 1998. С. 74—93; (То же в: *Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов: Докл. российской делегации*. М., 1998. С. 367—380).
- Крысько 2006 — *Крысько В. Б.* Еще раз об *Имоволожи* // *Славянизация Русского Севера: Механизмы и хронология*. Helsinki, 2006. С. 222—233.
- Крысько 2007 — *Крысько В. Б.* Очерки по истории русского языка. М., 2007.
- КСБГ — Картотека Словаря брянских говоров.
- КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (хранится на филол. ф-те СПбГУ).
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований, Санкт-Петербург).
- КСтрельб — Специальная карта Европейской России с прилегающей к ней частью Западной Европы и Малой Азии (10 верст в дюйме), изданная Военно-топогра-

- фическим отделом Главного штаба под руководством И. А. Стрельбицкого. СПб., конец XIX — начало XX вв.
- Куза 1975 — Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 144—201.
- Куза 1996 — Куза А. В. Древнерусские городища X—XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.
- Кузнецов 1999 — Кузнецов А. В. Топонимы Помостья // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999. С. 87—103.
- Кузнецов 2010 — Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области. Тотьма; Грязовец, 2010.
- Кузнецов 1915 — Кузнецов И. Д. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Пг., 1915.
- Кулаков 1985 — Кулаков В. И. Пруссы и восточные славяне // Тезисы докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии. Киев, сентябрь 1985. М., 1985. С. 37—39.
- Куликовский 1898 — Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
- Купчинский 1980 — Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 45—72.
- Купчинський 1981 — Купчинський О. А. Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень (Географічні назви на -ичі). Київ, 1981.
- Куркина 1967 — Куркина Л. В. Названия болот в славянских языках // Этимология. 1967. М., 1967. С. 125—144.
- Куркина 1972 — Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские связи // Этимология. 1970. М., 1972. С. 91—102.
- Куркина 1992 — Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Куркина 1996 — Куркина Л. В. Слав. *plęsati* // Славяноведение. № 1. 1996. С. 7—14.
- Куркина 2006 — Куркина Л. В. Заметки по этимологии русских диалектизмов // Общеславянский лингвистический атлас: Мат-лы и иссл. 2003—2005. М., 2006. С. 222—228.
- Кучкин 1973 — Кучкин В. А. Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на *-иха* // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. С. 231—242.
- КШуб — Специальная карта Западной части Российской империи, составленная и гравированная в 1/420 000 долю настоящей величины при Военно-Топографическом депо с 1826 по 1840 год под руководством генерал-лейтенанта Шуберта. СПб., 1848.
- Кюршунова 2010 — Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. СПб., 2010.
- Ларин 1960 — Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. А. А. Шахматова и наши современные задачи // Очерки по истории языка. Л., Т. 2. 1960. С. 3—10 (Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 267. Сер. филол. наук. Вып. 52).

- Лаучюте, Мачинский 1985 — *Лаучюте Ю.-С., Мачинский Д.* Балтские истоки древнерусской сакральной пары Перун-Велес / Волос (по данным языкознания, истории, археологии) // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 186—188.
- Лебедева 1952 — *Лебедева А. И.* Топонимика Псковской области: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952.
- Лемтюгова 1983 — *Лемтюгова В. П.* Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. Названия типов поселений. Минск, 1983.
- ЛЗап — личные полевые записи автора 1990—2000-х гг.
- Лихачев — Слово о полку Игореве / Сост. Д. С. Лихачев. М., 1984.
- ЛЛ — Летопись по Лаврентиевскому списку. СПб., 1872.
- Ловмянский 1985 — *Ловмянский Х.* Русь и норманны / Пер. с польск. В. Т. Пашуто. М., 1985.
- Лопатин 1981 — *Лопатин В. В.* Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 30—40.
- Лучик 1986 — *Лучик В. В.* Древнерусские элементы в катойконимической системе современного русского языка // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ, 1986. С. 140—144.
- Лучик 1996 — *Лучик В. В.* Автохтонні гідронімі середнього Дніпро-Бузького межиріччя. Кіровоград, 1996.
- Лысенко 1966 — *Лысенко А. С.* Словарь диалектной лексики северной Житомирщины // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966. С. 5—60.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Майк. КПНВ — *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
- Макарий 1860 — *Макарий [Мирлобов, Николай Кириллович].* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860.
- МАНк — Материалы (неопубликованные) описания селений и земель в Ильменском Поозерье по данным писцовых и переписных книг XV—XVII вв., предоставленные И. Ю. Анкудиновым.
- Марасинова 1966 — *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.
- Мароевич 1988 — *Мароевич Р.* [Рец. на:] *В. П. Нерознак.* Названия древнерусских городов. М., 1983 // Этимология 1985. М., 1988. С. 183—186.
- Мароевич 1989 — *Мароевич Р.* К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология 1986—1987. М., 1989. С. 121—139.
- Мароевич 1997а — *Мароевич Р.* Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-фонетический аспекты) // Вопр. языкознания. № 3. 1997. С. 76—88.
- Мароевич 1997б — *Мароевич Р.* Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Ономастика та етимологія. Київ, 1997. С. 151—170.

- Мароевич 2000 — *Мароевич Р.* Личные имена в системе антропонимических категорий праславянского языка // *Этимология* 1997—1999. М., 2000. С. 96—102.
- Маројевић 1985 — *Маројевић Р.* Посесивне изведенице у староруском езику: Антропонимски систем. Топонимија «Слово о полку Игореве». Београд, 1985.
- Марусенко 1968 — *Марусенко Т. А.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // *Полесье* (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968. С. 206—255.
- Матвеев 1982 — *Матвеев А. К.* [Рец. на] *А. И. Попов.* Следы времен минувших: из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981 // *Вопр. языкознания.* № 3. 1982. С. 119—122.
- Матвеев 1987 — *Матвеев А. К.* Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части СССР // *Вопр. языкознания.* № 2. 1987. С. 66—76.
- Матвеев 1996 — *Матвеев А. К.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // *Этимологические исследования.* Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 211—254.
- Матвеев 2006 — *Матвеев А. К.* Ономатология. М., 2006.
- Матвеев СТРС — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I—II. Екатеринбург, 2001, 2004.
- МАТГ — Межевой атлас Тверской губернии / Под ред. А. И. Менде. СПб., 1853.
- Маштаков 1931 — *Маштаков П. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.
- Машт. Днепр. — *Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
- Маштаков 1934 — *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. М., 1934.
- МДСГ — Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // *Беларуская мова і мовазнаўства.* Мінск, 1975—1976. Вып. 3 (А—Д); Вып. 4 (Е—К). 1976; далее под названием «Беларуская мова»: Вып. 5 (Л—Н). 1977; Вып. 6 (П). 1978; Вып. 7 (Р). 1980; Вып. 8 (С). 1980; Вып. 9 (Т—Хрупаць). 1981; Вып. 10. 1982.
- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978.
- Мейе 2001 — *Мейе А.* Общеславянский язык / Пер. с фр.; Общ. ред. С. Б. Бернштейна. М., 2001.
- Мельников 1984 — *Мельников С. Е.* О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л., 1984.
- Мельникова 1999 — *Мельникова Е. А.* Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // *Славяноведение.* № 2. 1999. С. 10—15.
- Мельничук 1969 — *Мельничук А. С.* Об одном из важных видов этимологических исследований // *Этимология* 1967. М., 1969. С. 57—67.
- Меркулова 1967 — *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967.
- Мещерский 1956 — *Мещерский Н. А.* К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // *Учен. зап. Ленинградского гос. ун-та.* № 198. Вып. 24. Сер. филол. наук. Л., 1956. С. 3—9.
- Микляев 1984 — *Микляев А. М.* О топо- и гидронимах с элементом *-гост, -гоц* на Северо-Западе СССР // *Археологическое исследование Новгородской земли.* Л., 1984. С. 25—46.

- Мікратапані́мія — Мікратапані́мія Беларусі (Матэрыялы) / Под рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1974.
- Милонов 1967 — *Милонов Н. П.* Топонимика Переяславля Рязанского // Мовознавство. Т. 14. 1967. С. 110—118.
- Миронова 1994 — *Миронова В. Г.* Итоги и перспективы археологического изучения Старой Руссы // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 180—186.
- Мирославская 1955 — *Мирославская А. Н.* Собственные имена в «Новгородских записных кабальных книгах 100—104 и 111 годов»: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1955.
- Михайлова 2001 — *Михайлова Л. П.* Топонимическое отражение архаической лексики на территории Новгородской земли // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Великий Новгород, 2001. С. 3—5.
- Михайлова 2005 — *Михайлова Л. П.* Ономастические свидетельства древнейших славяно-финских контактов (**ver-* — **väär-*) // Ономастика в кругу смежных наук: Мат-лы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20—23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 121—123.
- Михайлова 2008 — *Михайлова Л. П.* Поиск этимологии с опорой на экстенциальные признаки диалектного слова // Мат-лы Междунар. конф. «Северное Причерноморье: к глубинам славянской культуры» (V Чтения памяти акад. О. Н. Трубачева). Киев; М., 2008. С. 102—106.
- МОЗУ — Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Новгород, 1895; 1899; 1914.
- Мокиенко 1969 — *Мокиенко В. М.* Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апеллятивы, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
- Мор. СИ — *Морошкин М. Я.* Славянский именослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
- Москаленко 1971 — *Москаленко А. А.* Лексико-семантические диалектизмы в памятниках украинской деловой письменности XIV—XVI вв. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. С. 189—196.
- МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А—И). Екатеринбург, 2004.
- Муллонен 2000 — *Муллонен И. И.* Лимноним *Ильмень* в контексте ареальной дистрибуции топонимических основ российского Северо-Запада // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. С. 56—67.
- Муллонен 2002 — *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Муллонен 2008 — *Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- Муравьев 1828 — *Муравьев Н. Н.* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828.
- Мурзаев 1993 — *Мурзаев Э. М.* Речные имена в исторической и современной географии // Топонимия России. М., 1993.

- Мурз. СНГТ — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1—2. М., 1999.
- Мусин 2002 — *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Мызников 2003 — *Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Мызников 2004 — *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- Мятежное время — «Мятежное время»: Следственное дело о новгородском восстании 1650 года. СПб.; Кишинев, 2001.
- Мятлев 1914 — *Мятлев Н.* Игнач крест и Селигерский путь // Труды XV археологического съезда в Новгороде. Ч. 1. М., 1914. С. 335—346.
- Насонов 1951/2002 — *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002 (перездание монографии 1951 г.).
- НГБ 1977—1983 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 годов). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 годов). М., 1986.
- НГБ 1984—1989 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 годов). М., 1993.
- НГБ 1990—1996 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1990—1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.
- Неволин 1853 — *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты. СПб., 1853.
- Невская 1972 — *Невская Л. Г.* Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 315—376.
- Невская 2001 — *Невская Л. Г.* Из балто-славянского ономастикона: *potina pgorgia* с элементом «гость» // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тезисы Междунар. науч. конф. Ч. 1. М., 2001. С. 100—102.
- Непокупный 1976 — *Непокупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.
- Нерознак 1983 — *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Никитин 1962а — *Никитин А. В.* Топонимы типа *Подъяблонька* в местных названиях земельных угодий Псковской и Новгородской областей // Псковские говоры. Вып. 1. Псков, 1962. С. 96—118.
- Никитин 1962б — *Никитин А. В.* О включении местных географических имен в областные словари // Учен. зап. Новгородского гос. пед. ин-та. Т. 6. Вып. II. Новгород, 1962. С. 88—109.
- Никитин 1966 — *Никитин А. В.* О некоторых местных географических именах Новгородской, Псковской и Калининской областей (Из наблюдений над микротопонимией рыболовных и земельных угодий) // Учен. зап. Новгородского гос. пед. ин-та. Т. 2. Новгород, 1966. С. 76—98.

- Никитин 1967 — *Никитин А. В.* Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (Опыт анализа топонимов-ориентиров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Николаев 1988 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115—154.
- Николаев 1989 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187—225.
- Никонов 1959 — *Никонов В. А.* География русских суффиксов // *Onomastica*. № 9. 1959. С. 321—345.
- Никонов 1962 — *Никонов В. А.* Славянский топонимический тип // *Вопр. географии*. Сб. 58: Географические названия. М., 1962. С. 17—33.
- Никонов 1966 — *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь: Около 4000 названий. М., 1966.
- Никонов 1968 — *Никонов В. А.* Две волны в топонимии Полесья // *Полесье* (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968. С. 193—205.
- Никонов 1974 — *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974.
- Никонов 1993 — *Никонов В. А.* Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. М., 1993.
- Никончук 1968 — *Никончук Н. В.* Из лексики полесского села Листвин // *Лексика Полесья*. М., 1968. С. 79—92.
- Никончук 1979 — *Никончук М. В.* Матеріали до Лексичного атласу української мови: Правобережне Полісся (Словник). Київ, 1979.
- Никулина 1966 — *Никулина З. П.* Из истории словообразования названий населенных пунктов // *Вопр. географии*. Сб. 70. М., 1966. С. 118—122.
- НЛ — Новгородские летописи. СПб., 1879.
- Новг. сборник — Новгородский сборник. Вып. I—V / Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1865—1866.
- Новичихин 1993 — *Новичихин В. И.* Географическая терминология в говорах Костромской области: Дис. ... канд. филол. наук. Приложение: (Словарь костромских географических терминов). М., 1993.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1—12. Новгород, 1992—1995.; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.
- НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2010.
- Носов 1988 — *Носов Е. Н.* Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // *Славяно-русские древности*. Вып. 1: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 21—38.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов 1992 — *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX—XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992.

- Носов 1993 — *Носов Е. Н.* О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины) // Новгородский исторический сборник. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 27—39.
- Носов 1994 — *Носов Е. Н.* Еще раз о локализации пунктов Бежецкого ряда // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 151—155.
- Носов 1999 — *Носов Е. Н.* Речная сеть восточной Европы и ее роль в образовании городских центров северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157—170.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I: Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г. Первая половина. СПб., 1859; Т. II: Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г. Вторая половина. СПб., 1862; Т. III: Переписная оброчная книга Водской пятины 1500 г. Первая половина. СПб., 1868; Т. IV: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886; Т. V: Книги Шелонской пятины. СПб., 1905; Т. VI: Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910.
- НПК. Указ. ГН — Новг. писцовые книги. Указатель к первым шести томам (I—VI). Имена географические. Пг., 1915.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- НТК — Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1995.
- Озера Беларуси — *Иванов-Смоленский В.* Все озера Беларуси. Популярная иллюстрированная энциклопедия. Т. 1—5. Минск, 2011.
- ОЛА 1988 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1: Животный мир. М., 1988.
- Олеарий 1906 — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- Онишк. СБГ — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. Ч. 1—2. Київ, 1984.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Орел 1989 — *Орел В. Э.* Из этимологических наблюдений над гидронимами бассейна Варты // *Onomastica*. Т. 33. 1989. С. 109—110.
- Орел 1997 — *Орел В. Э.* Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балтославянские исследования. 1988—1996. М., 1997. С. 332—358.
- Орлов 1907 — *Орлов А.* Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.
- ОСГКО — *Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Калинин, 1972.
- ОСНиСГ — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Основания регионалистики — Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб., 1999.
- ОСПбгуб — Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838.
- Отин 1994 — *Отин Е. С.* Иван-озеро // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 92—94.

- Отин 1997 — *Отин Е. С.* Из словаря коннотативных онимов и отконнотонимных апеллативов // Ономастика та етимологія. Київ, 1997. С. 171—186.
- Откупщиков 1961 — *Откупщиков Ю. В.* О происхождении названий озер Ильмень и Селигер // Межвуз. конф. по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя: Тезисы докл. Л., 1961. С. 10—11.
- Откупщиков 2005 — *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2005.
- Откупщиков 2006 — *Откупщиков Ю. В.* Об этимологии гидронима Ловать // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. Мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб., 2006. С. 215—219.
- ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.
- Охотникова 1985 — *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985.
- Оч. истор. географии — Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001.
- Павл. ХС — *Павлович Зв.* Хидроними Србије. Веоград, 1996.
- Передольский 1898 — *Передольский В. С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.
- Петлева 1969 — *Петлева И. П.* Дополнительные ресурсы для реконструкции праславянской лексики // Этимология 1967. М., 1969. С. 173—179.
- Петров 1996 — *Петров Н. И.* Поволховье и ильменское Поозерье в X—XI вв. СПб., 1996.
- Петрова и др. 2000 — *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сб. 8 (18). СПб., 2000. С. 95—157.
- Петрухин, Раевский 2004 — *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
- ПИВН 1909 — Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909.
- ПИКНО — Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Ч. 2 (памятники археологии) / Сост. А. Ю. Курочкин и др. Великий Новгород, 1999.
- Пименов 1965 — *Пименов В. В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
- ПКВод — Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851; Кн. 12. М., 1852.
- ПKNЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. М., 1999; Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. СПб., 1999; Т. 3: Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в. М., 2001; Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530—1540-х гг. М., 2004; Т. 5: Писцовые

- книги Деревской пятины 1550—1560-х гг. М., 2004; Т. 6: Писцовые книги Шелонской пятины. М., 2009.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- ПЛ — Псковские летописи / Подг. к печати А. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.
- Платонов 1920 — *Платонов С. Ф.* Руса // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 1—13.
- Поведский 1997 — *Поведский Ю. Н.* Валдайское Приселье. Историко-краеведческие очерки. Тверь, 1997.
- Подольская 1956 — *Подольская Н. В.* Топонимика Новгородской земли по данным новгородских письменных памятников XI—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Подольская 1977 — *Подольская Н. В.* Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М., 1977. С. 49—71.
- Подольская 1979 — *Подольская Н. В.* Антропонимикон берестяных грамот // Восточнославянская ономастика. М., 1979. С. 201—242.
- Подольская 1983 — *Подольская Н. В.* Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М., 1983.
- Подольская 1988 — *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- Полковникова 1970 — *Полковникова С. А.* Географические названия новгородских писцовых книг XV—XVI вв.: (Однокоренные названия с разными суффиксами): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Полякова 1988 — *Полякова Е. Н.* От «арainya» до «яра»: Русская географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.
- Полякова 2005 — *Полякова Е. Н.* Роль делового языка в развитии русской антропонимии XVII—XVIII вв. // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 66—68.
- Полянский 1885 — *Полянский М. И.* Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885.
- Попов 1948 — *Попов А. И.* Топонимическое изучение Восточной Европы // Учен. зап. ЛГУ, сер. востоковед. наук. Вып. 2. Л., 1948.
- Попов 1957 — *Попов А. И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.
- Попов 1965 — *Попов А. И.* Географические названия (Введение в топонимику). М.; Л., 1965.
- Попов 1973 — *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973.
- Попов 1981 — *Попов А. И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Попов 1975 — *Попов И. А.* Диалектологические поездки в Ленинградскую область // Диалектная лексика 1975. Л., 1978.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1— Л., 1967—.
- Поспелов 1976 — *Поспелов Е. М.* Топонимика и историческая география // Топонимика и историческая география. М., 1976. С. 4—9.

- Поспелов 1999 — *Поспелов Е. М.* Названия подмосковных городов, сел и рек. М., 1999.
- Поспелов 2000 — *Поспелов Е. М.* Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М., 2000.
- Поспелов 2001 — *Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. 2-е изд., стереотип. М., 2001.
- Почт. Дор. — Почтовый дорожник, или описание всех почтовых дорог Российской империи, царства Польского и других присоединенных областей, в 3-х частях. СПб., 1824.
- ППКСР — Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV—XVII вв. М., 2009.
- Преобр. ЭСРЯ — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Вып. 1—14. М., 1910—1918.
- Прокофьев 1966а — *Прокофьев И. Ю.* Подземная речка Понеретка (Шипулинка) // Наука и жизнь. № 5. 1966. С. 97—98.
- Прокофьев 1966б — *Прокофьев И. Ю.* Исчезающая речка Понеретка // Вопросы изучения карста Русской равнины. М., 1966. С. 58—60.
- ПФН — Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных языков / Сост. Мауно Йокипии. Ювяскюля, 1995.
- Проспект ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи / Сост. О. Н. Трубачев. М., 1963.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Пылаев 1916 — *Пылаев В. Д.* Старая Русса. Исторический очерк. Сергиев Посад, 1916.
- Пылаев 1929 — *Пылаев В. Д.* Старорусский край (природа и население) / Под общей ред. Д. О. Святского. Новгород, 1929.
- Рапановіч 1980 — *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. Мінск, 1980.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- Редько 1969 — *Редько Ю. К.* Довідник українських прізвищ. Київ, 1969.
- Рогалев 1987 — *Рогалев А. Ф.* К вопросу о методике историко-лингвистического анализа этнотопонимов (на материале Белоруссии) // Этническая топонимика. М., 1987. С. 28—35.
- Рождественская 1994 — *Рождественская Т. В.* Еще раз о топониме «Поромонь двор» в летописном известии (1015) 1016 г. // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 205—209.
- Розов 1928 — *Розов В.* Українські грамоти XIV і першої половини X ст. Т. 1. Київ, 1928.
- Роспонд 1962 — *Роспонд С.* Перспективы развития славянской ономастики // Вопр. языкознания. № 4. 1962. С. 9—19.
- Роспонд 1965 — *Роспонд С.* Структура и классификация восточнославянских антропонимов // Вопр. языкознания. № 3. 1965. С. 3—21.
- Роспонд 1968 — *Роспонд С.* Значение древнерусской ономастики для истории. К этимологии топонима Киев // Вопр. языкознания. № 1. 1968. С. 103—112.

- Роспонд 1972 — *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 9—89.
- Роспонд 1979 — *Роспонд С.* *Miscellanea onomastica Rossica* // Восточнославянская ономастика. Материалы и исслед. М., 1979. С. 5—47.
- Рубцова 1980 — *Рубцова З. В.* Топонимическая финаль *-нь* на восточнославянской территории (синхронное состояние) // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 125—141.
- Русская диалектология 1972 — Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.
- Русская ономастика 1994 — Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О. Н. Трубочева. М., 1994.
- Рыбаков 1988 — *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.
- Рыдзевская 1934 — *Рыдзевская Е. А.* К варяжскому вопросу (местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // Изв. АН СССР. Сер. VII. Ч. 1. № 7. С. 485—532; Ч. 2. № 8. М., 1934. С. 609—630.
- Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978.
- Рябов 1995 — *Рябов Д. С.* Топонимия верхнего Поореджья / Обл. музейный центр, музей-усадьба «Рождествено». СПб., 1995.
- Рябов 2010 — *Рябов Д. С.* Гатчина: Еще раз об истории названия // Новый топонимический журнал. № 1/2 (30/31). СПб., 2010. С. 76—94.
- Санкина 2000 — *Санкина С. Л.* Этническая история Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.
- СБГ — Словарь брянских говоров / Ред. В. И. Чагишева. Л., 1976—1988. Вып. 1—5.
- СВГ 1997 — Словарь вологодских говоров: Учеб. пос. по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1997.
- Свердлов 1993 — *Свердлов М. Б.* К изучению грамоты Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // Новгородский исторический сборник. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 40—45.
- Святая София — Где Святая София, там и Новгород / Ред.-сост. Т. Н. Кульникова, Н. Н. Жервэ, А. А. Страхова. СПб., 1998.
- СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусіі та яе пагранічча. Т. 1—4. Мінск, 1979—1984.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. I—II. Екатеринбург, 2001—2002.
- СГУ — Словник гидронимів України. Київ, 1979.
- СГЮВП — *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. 1—5), И. С. Улукханов (т. 6), В. Б. Крысько (т. 7—). Т. 1—8—. М., 1988—2008—.
- Седов 1994 — *Седов В. В.* Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 127—137.
- Седов 1999 — *Седов В. В.* Древнерусская народность. М., 1999.

- Седов 2002 — *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Секретарь, Филиппова 1991 — *Секретарь Л. А., Филиппова Л. А.* По Приильменью: Путеводитель. Л., 1991.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1 (А—Г). СПб., 2003; Вып. 2 (Д—И). СПб., 2004; Вып. 3 (К—М). СПб., 2007; Вып. 4 (Н—П). СПб., 2010.
- Селин 2003 — *Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли в XVI—XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- Селищев 1968 — *Селищев А. М.* Из старой и новой топонимии // *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968. С. 45—96.
- Сельвина 1976 — *Сельвина Р. Л.* Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV—XVI вв.: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1976.
- Син. сп. — Синодальный список Новгородской 1-й летописи (НПЛ).
- СКЯ — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СЛ — Софийская первая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
- Славский 2000 — *Славский Ф.* Праслав. **rokojь*. История и этимология // Этимология 1997—1999. М., 2000. С. 153—157.
- Сл. назв. жит. СССР — Словарь названий жителей СССР: Около 10 000 названий / Под ред. А. М. Бабкина, Е. Л. Левашова. М., 1975.
- СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред.: С. Г. Бархударов (Вып. 1—6), Ф. П. Филин (Вып. 7—10), Д. И. Шмелев (Вып. 11—14), Г. А. Богатова (Вып. 15—26), В. Б. Крысько (Вып. 27—28—). М., 1975—2008—.
- Смол. ГБО — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Смолицкая 1974 — *Смолицкая Г. П.* Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. № 94. М., 1974. С. 59—69.
- Смолицкая 1981 — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: Проблема реконструкции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981.
- Смолицкая 2002 — *Смолицкая Г. П.* Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.
- СНМНГ — Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. I: Новгородский уезд; Вып. II: Демянский уезд; Вып. III: Старорусский уезд; Вып. IV: Крестецкий уезд; Вып. V: Валдайский уезд; Вып. VI: Боровичский уезд; Вып. VII: Тихвинский уезд; Вып. VIII: Устюженский уезд. Новгород, 1907—1912.
- СНМРИ — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 34: Псковская губерния. СПб., 1885; Т. 37: Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1864; Т. 43: Тверская губерния. СПб., 1862.
- Соболевский 1923 — *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды. Названия русских рек и озер // Изв. Отд. русск. яз. и словесности. Т. XXVII (1923 г.). С. 252—332. Начало в т. XXVI (1921 г.).

- Соболевский 1926 — *Соболевский А. И.* Новые русско-скифские этюды // Изв. Отд. русск. яз. и словесности. Т. XXXI (1926 г.). С. 10—30.
- СОГ — Словарь орловских говоров: Учеб. пос. по русской диалектологии / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Вып. 1—15—. Ярославль; Орел, 1989—2008—.
- Сперансов 1974 — *Сперансов Н. Н.* Земельные гербы России XII—XIX вв. М., 1974.
- Спрогис 1888 — *Спрогис И. Я.* Географический словарь древней Жомойтской земли XVI ст. Вильна, 1888.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1—6. СПб., 1994—2005.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Вып. 1—7. Свердловск, 1964—1988.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров. Т. 1—3. Ростов-на-Дону, 1976.
- Срезн. МСДРЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912. (Переизд.: То же. М., 1958. Т. 1—3).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. 2-е изд., испр. / Ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1—38—. СПб., 2002—2004—.
- ССМ — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1—2. Київ, 1977—1978.
- Станковска 2007 — *Станковска Л.* Македонско-словенечки топонимски паралели // *Jezikoslovni zapiski* 13, 1—2; *Merkujev zbornik*. Ljubljana, 2007. S. 375—388.
- Стась 1990 — *Стась Т. В.* Лексико-семантический анализ наименований земельных и сенокосных угодий в памятниках письменности Северо-Западной Руси 14—16 вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990.
- Степанова 2004 — *Степанова Л. Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV—XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.
- «Столистая карта» — Подробная карта Российской империи и близлежащих иностранных владений (или «Столистая карта»). СПб., 1801—1804.
- Сто новг. сел — Сто новгородских сел: Памятники — символы Родины в идейно-воспитательной работе / Отв. ред. П. Золин. Новгород, 1990.
- Строгова 1967 — *Строгова В. П.* Микропонимия с. Березовский Рядок (Бологовский район Калининской области) // Микропонимия. М., 1967. С. 124—132.
- Строгова 1973 — *Строгова В. П.* Об особенностях слова *бор* и однокоренных в северо-западных говорах // Системность русского языка. Новгород, 1973. С. 252—260.
- Строгова 1975 — *Строгова В. П.* Об особенностях некоторых древних заимствований в новгородских говорах // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 195—199.
- Строгова 1991 — *Строгова В. П.* Как говорят в Новгородском крае. Новгород, 1991.
- Строгова 1993а — *Строгова В. П.* Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. Новгород, 1993.
- Строгова 1993б — *Строгова В. П.* К истории древнего топонима Новгорода *Нередица* // Слово в синхронии и диахронии: Лексико-семантический аспект. Тверь, 1993. С. 136—142.
- Строгова 1994 — *Строгова В. П.* Древний новгородский топоним *Вяжищи* // Новгородское общество любителей древности и краеведческие традиции. Новгород, 1994. С. 93—97.

- Строгова 1995 — *Строгова В. П.* Из истории древнерусских личных (мирских) имен (по материалам новгородских берестяных грамот) // Вестник НовГУ. № 2. Сер. «Гуманитарные науки». Новгород, 1995. С. 112—115.
- Судох. дор. — Судоходный дорожник Европейской России, изд. Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Ч. II. Отд. 1. СПб., 1855.
- Суп. СРЛИ — *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М., 1998.
- Суп. СНФРИ — *Суперанская А. В.* Словарь народных форм русских имен. М., 2010.
- ТвК — Картотека Тверского словаря (Селигер) (хранится на филол. ф-те СПбГУ).
- Теуш 2003 — *Теуш О. А.* Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ // Вопр. языкознания. № 1. 2003. С. 99—108.
- ТиДЛНЗ — Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Мат-лы Междунар. науч. конф. «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13—15 ноября 2001 г. Великий Новгород, 2001.
- Тихомиров, Щепкина — Два памятника новгородской письменности / Публ. М. Н. Тихомирова, М. В. Щепкиной. М., 1952.
- ТК ТЭ — Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского гос. ун-та, Екатеринбург).
- ТМОИ — Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Толкачев 1975 — *Толкачев А. И.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. // Этимология 1973. М., 1975. С. 109—130.
- Толкачев 1978 — *Толкачев А. И.* К истории словообразовательных форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. // Этимология 1976. М., 1978. С. 112—135.
- Толст. сп. — Толстовский список Новгородской 1-й летописи (НПЛ).
- Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.
- Толстой 1977 — *Толстой Н. И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
- Топ. Кеноз. — Топонимика Кенозера: В 2-х ч. / Сост. В. Я. Дерягин, З. С. Дерягина, Г. И. Манихин. Архангельск, 1987.
- Топоров 1964 — *Топоров В. Н.* Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики // Принципы топонимики. М., 1964. С. 3—22.
- Топоров 1972 — *Топоров В. Н.* Baltica Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 217—280.
- Топоров 1979 — *Топоров В. Н.* К семантике троичности (славянская *trizna и др.) // Этимология 1977. М., 1979. С. 3—20.
- Топоров 1982 — *Топоров О. Н.* Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 3—61.
- Топоров 1988 — *Топоров О. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 154—177.

- Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 47—69.
- Топоров 1993 — *Топоров В. В.* Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-*) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Междунар. съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Докл. российской делегации. М., 1993. С. 109—118.
- Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* О северо-западном локусе балтийской гидронимии (из цикла По окраинам древней Балтии) // *Res Balticae*. I. Pisa, 1995. С. 13—40.
- Топоров 1997 — *Топоров О. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования 1988—1996. М., 1997. С. 276—310.
- Топоров 1998 — *Топоров В. Н.* Мифопоэтический образ бобра в балтийско-славянской перспективе: генетическое, ареальное и типологическое // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998. С. 400—539.
- Топоров 1999 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 276—292.
- Топоров 2000 — *Топоров В. Н.* О балтийском слое русской истории // *Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори: Сб. ст. М., 2000.* С. 349—411.
- Топоров 2001 — *Топоров В. Н.* К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике (по материалам XIII—XV веков) // *Res Balticae* 7. Pisa, 2001. P. 7—22.
- Топоров ПЯ — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. Т. 1 (А—D); 2 (E—H); 3 (I—K); 4 (K—L); 5 (L). М., 1975—1990.
- Топоров, Трубачев 1962 — *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Торопова 1996 — *Торопова Т. В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Торопова 2003 — *Торопова Е. В.* Новые данные о времени возникновения Старой Руссы (по итогам археологических исследований на Борисоглебском раскопе в 2001 году) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника 2002. Великий Новгород, 2003. С. 91—94.
- Трубачев 1963 — *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря // Славянское языкознание. Докл. сов. делегации. V Междунар. съезд славистов. М., 1963.
- Трубачев 1967 — *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967. С. 3—81.
- Трубачев 1968 — *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). М., 1968.
- Трубачев 1978 — *Трубачев О. Н.* Из работы над русским Фасмером // Вопросы языкознания. № 6. 1978. С. 15—24.
- Трубачев 1982a — *Трубачев О. Н.* [Рецензия] Udolf J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979. — 640 S. // Этимология 1980. М., 1982. С. 170—177.
- Трубачев 1982b — *Трубачев О. Н.* Заметки по славянской ономастике // *Onomastica Jugoslavica*. Vol. 9. 1982. S. 159—169.

- Трубачев 1982в — *Трубачев О. Н.* Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на *-ĕnĩnъ, *-janĩnъ* // *Этимология* 1980. М., 1982. С. 3—15.
- Трубачев 1985 — *Трубачев О. Н.* Праславянская лексикография // *Этимология* 1983. М., 1985. С. 3—19.
- Трубачев 1987 — *Трубачев О. Н.* Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // *Русская региональная лексика XI—XVII вв.* М., 1987. С. 17—28.
- Трубачев 1988 — *Трубачев О. Н.* Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков. Вып. 1—13 // *Этимология* 1985. М., 1988. С. 3—10.
- Трубачев 1994 — *Трубачев О. Н.* Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // *Этимология* 1991—1993. М., 1994. С. 3—23.
- Трубачев 1997 — *Трубачев О. Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд., доп. М., 1997.
- Трубачев 2002а — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // *Мат-лы и иссл. по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рожд. Р. И. Аванесова.* М., 2002. С. 5—25.
- Трубачев 2002б — *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2002.
- Трубачев ТЭ — *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1—2. М., 2004.
- Трубачов 1971 — *Трубачов О. М.* Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // *Мовознавство.* № 6. 1971. С. 3—17.
- Труды КД II — Труды Комиссии по диалектологии русского языка. Вып. II. Л., 1930.
- Трусман 1898 — *Трусман Ю. Ю.* Чудско-литовские элементы в новгородских пятинах. Ч. 1: Пятины Водская, Деревская и Шелонская. Ревель, 1898.
- ТС — *Тураўскі слоўнік.* Т. 1—5. Мінск, 1980—1987.
- Туп. СДЛСИ — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // *Записки Отд. рус. и слав. археологии имп. Рус. археолог. об-ва / Вступ. ст. и подгот. текста В. М. Воробьев.* М., 2004. (Напечатан по изданию: *Словарь древнерусских личных собственных имен.* Труд Н. М. Тупикова. Т. VI. СПб., 1903. С. 98—913).
- Унбегаун 1989 — *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии: Пер. с англ. / *Общ. ред. Б. А. Успенского.* М., 1989.
- Усачева 1999 — *Усачева В. В.* Материалы для словаря славянских названий рыб // *Этимология* 1977. М., 1999. С. 66—87.
- Фасм. ЭСРЯ — *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев.* Т. 1—4. М., 1986—1987.
- Филин 1958 — *Филин Ф. П.* О древнерусском слове «волмина». Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР. Т. XIV. М.; Л., 1958. С. 590—594.
- Филин 1972 — *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
- Фролов 2002а — *Фролов А. А.* Новгородский городок Деман и Демянский погост: проблема преемственности // *Очерки феодальной России.* М., 2002. С. 86—96.

- Фролов 2002б — *Фролов А. А.* К истории формирования средневековой административной структуры на севере Деревской пятины Новгородской земли // Новгородский археологический вестник. Научно-публикаторское издание. № 3. Великий Новгород, 2002. С. 3—12.
- Фролов 2003 — *Фролов А. А.* К дискуссии о характере пожалования Юрьеву монастырю «Терпужского» погоста Ляховичи // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 57—65.
- Фролов 2005 — *Фролов А. А.* Игнач крест: к проблеме локализации и интерпретации // Новгородский исторический сборник 10 (20). СПб., 2005. С. 66—74.
- Фролова 1973 — *Фролова С. В.* О продуктивности йотовой топонимической модели в древнерусский период: На материале образований от иноязычных имен // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. С. 268—271.
- Фроянов 1974 — *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
- Хабургаев 1979 — *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского этногенеза. М., 1979.
- Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.
- Хабургаев 1990 — *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 338—350.
- Хостник 1901 — *Хостник М. М.* Словинско-русский словарь. Горица, 1901.
- Худаш 1986 — *Худаш М. Л.* Давньоруська спадщина в українській ойконімії (до питання критеріїв розрізнення) // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ, 1986. С. 101—104.
- Худаш, Демчук 1991 — *Худаш М. Л., Демчук М. О.* Походження українських карпатських і прикарпатських назв населених пунктів (відантропонімії утворення). Київ, 1991.
- Царалунга 2007 — *Царалунга І. Б.* Українські топоніми на *-ани (-яни)*. Хмельницький, 2007.
- Чайкина 1987 — *Чайкина Ю. И.* География словообразовательных топонимических моделей Русского Севера: На материале ойконимии Вологодской области // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987. С. 66—85.
- Чайкина 1988 — *Чайкина Ю. И.* Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. Вологда, 1988.
- Чайкина 2005 — *Чайкина Ю. И.* История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.
- Черепанова 1984 — *Черепанова Е. А.* Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.
- Черепанова 2005 — *Черепанова О. А.* Культурная память в древнем и новом слове. Исследования и очерки. СПб., 2005.

- Чернева 1971 — *Чернева Н. П.* Личные имена в новгородских берестяных грамотах // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С. 30—35.
- Черн. ИЭССРЯ — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1—2. М., 1993.
- Чернов 1985 — *Чернов С. З.* Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 104—112.
- Чичагов 1959 — *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств, фамилий. Вопросы русской исторической ономастики. XV—XVII вв. М., 1959.
- Чумакова 1992 — *Чумакова Ю. П.* Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992.
- Шан. РЛЮ — *Шанько Д. Ф.* Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
- Шахматов 1899 — *Шахматов А. А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCXXII, 1899. С. 324—384.
- Шилов 1995 — *Шилов А. Л.* Гатчина // Русская речь. № 1. 1995. С. 109—112.
- Шилов 1996 — *Шилов А. Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов 1999а — *Шилов А. Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
- Шилов 1999б — *Шилов А. Л.* Есть ли скандинавская топонимия в Карелии (о топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем)? // Вопросы языкознания. № 3. 1999. С. 122—131.
- Шилов 2001 — *Шилов А. Л.* О языковой принадлежности некоторых топонимов древней Новгородской земли // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Великий Новгород, 2001. С. 23—26.
- Шилов 2002 — *Шилов А. Л.* Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. С. 145—158.
- Шилов 2003 — *Шилов А. Л.* Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (буква Б) // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 148—162.
- Шилов 2005 — *Шилов А. Л.* Ономастика берестяных грамот // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. СПб., 2005. С. 298—325.
- Шилов 2007 — *Шилов А. Л.* Диалектные истоки омонимичных фамилий *Колмак*, *Колмаков* // Лексический атлас русских народных говоров (Мат-лы и иссл.) 2007. СПб., 2007. С. 322—328.
- Шилов 2010 — *Шилов А. Л.* Топонимические ареалы и древние миграции восточных славян // Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада. Великий Новгород, 2010. С. 197—208.
- Шк. ОПскГ — *Шкапский О. А.* Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение). С картографией озерных районов. Псков, 1912.
- Шлимперт 1980 — *Шлимперт Г.* Словарь славянских антропонимов по материалам средневековых немецких исторических источников // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 238—243.

- Шрамм 1994 — *Шрамм Г.* Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 145—150.
- Шувалов 1989 — *Шувалов Н. И.* От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Челябинск, 1989.
- Шульгач 1989 — *Шульгач В. П.* Гідронімія басейну Стиру як джерело реконструкції деяких географічних термінів // Мовознавство. № 5. 1989.
- Шульгач 1998 — *Шульгач В. П.* Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ, 1998. С. 48—55.
- Шульгач 1999 — *Шульгач В. П.* Деякі «балтійські» гідроніми Верхньої Наддніпрянщини в слов'янській перспективі // *Slavica та baltica* в ономастиці України. Київ, 1999. С. 175—182.
- Шульгач 2000 — *Шульгач В. П.* «Новгородские писцовые книги» як джерело реконструкції праслов'янського антропонімного фонду // Записки з ономастики. Вип. 4. Одеса, 2000. С. 3—7.
- Шульгач 2001a — *Шульгач В. П.* Ойконімія Волині. Етимологічний словник-довідник. Київ, 2001.
- Шульгач 2001b — *Шульгач В. П.* Из исторической топонимии Новгородской земли // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Великий Новгород, 2001. С. 35—37.
- Шульгач 2011 — *Шульгач В. П.* Архаизмы в говоре окрестностей оз. Селигер (этимологический комментарий) // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов. М., 2011. С. 250—252.
- Щавелева 2004 — *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004.
- Щекатов 1804 — *Щекатов А.* Историко-географический словарь. СПб., 1804.
- Эйхлер 1980 — *Эйхлер Э.* Проблемы исследования ономастического ареала // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 76—78.
- Эккерт 1971 — *Эккерт Р.* Праславянские диалектизмы среди именных основ на *-i* // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 486—496.
- Элиасов 1980 — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭСБМ — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / Рэд. В.У. Мартынаў (Т. 1—8), Г. А. Цыхун (Т. 9—10). Т. 1—12—. Мінск, 1978—2008—.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева (Вып. 1—31); Под ред. А. Ф. Журавлева (Вып. 32—36—). Вып. 1—36—. М., 1974—2010—.
- Юрьева 1991 — *Юрьева И. Ю.* Лексико-семантический анализ топонимии Верхней Волги: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- ЯиТКРСЗ — *Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада. Сборник статей памяти Лидии Яковлевны Петровой.* Великий Новгород, 2010.
- Яйленко 1989 — *Яйленко В. П.* Прибалтийско-финская микротопонимия этнонимического образования в древнем Новгороде // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 130—141.

- Яйленко 1990 — Яйленко В. П. Прибалтийско-финские основы названий новгородской земли Славно, Ильмень, Меря // *Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей*. Ч. 1. М., 1990. С. 35—40.
- Яйленко 1993 — Яйленко В. П. Прибалтийско-финская топонимия средневекового Новгорода и его окрестностей // *Ономастика и этнография средневековой Восточной Европы и Византии*. М., 1993. С. 53—57.
- Якушкин 1986 — Якушкин П. И. Из новгородской губернии // *Якушкин П. И. Сочинения*. М., 1986. С. 26—95.
- Янин 1977 — Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.
- Янин 1978 — Янин В. Л. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978. С. 23—31.
- Янин 1981 — Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
- Янин 1990 — Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1990.
- Янин 1992 — Янин В. Л. «Болотовский» договор: О взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV веках // *Отечественная история*. № 6. 1992. С. 3—14.
- Янин 1995 — Янин В. Л. К вопросу о дате составления обзора «А се имена градомъ всѣм Русскимъ, далнимъ и ближнимъ» // *Древнейшие государства Восточной Европы: Мат-лы и иссл.* 1992—1993. М., 1995. С. 125—134.
- Янин 1998 — Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998.
- Янин 2004 — Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: Учеб. пособие / Науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1—10. Ярославль, 1981—1991.
- Яшк. БГН — Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.
- Ященко 1974 — Ященко А. И. Гидронимический словарь Посемья // *Проблемы ономастики*. Вологда, 1974. С. 9—111.
- Ambrosiani 2002 — *Ambrosiani P.* Some Observations on the Relationship between Lake Names and Village Names in Nordhwest Russia // *Explorare necesse est. Hyllningskrift till Barbro Nilsson (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 28)*. Stockholm, 2002. S. 15—24.
- Antoniewicz 1965 — *Antoniewicz J.* The Problem of the Prussian Street in Novgorod the Great // *Acta Baltico-Slavica. Archaeologia, Historia, Ethnographia et Linguarum Scientia*. T. 2. Białystok, 1965. S. 7—25.
- Ariste 1967 — *Ariste P.* Über wotische Ortsnamen // *Советское финно-угроведение*. № 2. 1967. С. 77—84.
- Arumaa 1960 — *Arumaa P.* Sur les principes et methodes d'hydronymie russe: Les noms en -gostь // *Scando-Slavica*. VI. Copenhagen, 1960. P. 144—175.
- Arumaa 1965 — *Arumaa P.* Des principes et des méthodes de l'hydronymie russe. Hydronymes em pruntés aux noms d'animaux // *Scando-Slavica*. T. XI. 1965. P. 155—185.

- Babik 2001 — *Babik Z.* Najstarsza warstwa nazewnictwa na ziemiach polskich (w granicach wczesnośredniowiecznej Słowiańszczyzny). Kraków, 2001.
- Baecklund 1956 — *Baecklund A.* Les prénoms scandinaves dans la tradition médiévale de Velikij Novgorod // *Revue des Etudes Slaves*. T. 33. 1956. P. 26—33.
- Bezljaj 1958a — *Bezljaj F.* Význam onomastiky pro studium praslovanského slovníku // *Slavia*. XXXVII. 1958. S. 362—364.
- Bezljaj 1958b — *Bezljaj Fr.* Stratigrafija Slovanov v luči onomastike // *Južnoslovenski filolog*, XXIII / 1—4. 1958. S. 83—95.
- Bezljaj 1967 — *Bezljaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
- Bezljaj 1969 — *Bezljaj F.* Onomastika in leksikologija // *Onomastica jugoslavica*. Ljubljana, 1969. S. 10—21.
- Bezl. SVI — *Bezljaj F.* Slovenska vodna jmena. D. I—II. Ljubljana, 1956—1961; T. I—IV. Ljubljana, 1976—1982.
- Bijak, Czopek-Kopciuch 2007 — *Bijak U., Czopek-Kopciuch B.* Imiona w nazwach jezior i stawów w Polsce // *Jezikoslovni zapiski*. 13 (1—2). Ljubljana, 2007. S. 59—67.
- Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (= 1957, 1970).
- Būga RR — *Būga K.* Rinkiniai raštai. T. I—III. Vilnius, 1958—1961.
- Dokulil 1962 — *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. D. 1. Praha, 1962. S. 204—206 (Резюме на рус. яз.).
- Duridanov 1975 — *Duridanov I.* Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln, 1975.
- Eichler 1997 — *Eichler E.* Zum Problem der «innerslavischen Konsistenz» in der Onomastik // *Ономастика та етимологія: Збірник наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Желэзньак*. Київ, 1997. С. 61—65.
- Eklblom 1915 — *Eklblom R.* Rus- et Vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod // *Archives d'études orientales* XI. Stockholm, 1915.
- Endzelīns LV — *Endzelīns J.* Latvijas PSR vietvārdi. D. 1, sējumi 1—2. Rigā, 1956—1961.
- Fr. LEW — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. B. I—II. Heidelberg; Göttingen, 1955.
- Furlan 1993 — *Furlan M.* Odzadnji slovar zemljepisnih imen po Atlasu Slovenije. Ljubljana, 1993.
- Gerullis 1922 — *Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.
- Górniewicz 1985a — *Górniewicz H.* Toponimia powiatu Starogardzkiego. Wrocław, 1985.
- Górniewicz 1985b — *Górniewicz H.* Gewässernamen im Flussgebiet der unteren Weichsel. Stuttgart, 1985.
- Gołąb 1992 — *Gołąb Z.* The origins of the Slavs. A linguist's view. Columbus (Ohio), 1992.
- HO — *Hydronimia Odry: Wykaz nazw w układzie hydrograficznym* / Pod red. H. Borka. Opole, 1983.
- Holzer 2001 — *Holzer G.* Die Slaven im Erlaftal. Eine Namenlandschaft in Niederösterreich / *Studien und Forschungen aus dem Niederösterreichischen Institut für Landeskunde*. Bd. 29. Wien, 2001.
- Hosák, Šrámek MJMS — *Hosák L., Šrámek R.* Místní jména na Moravě a ve Slezsku. I—II. Praha, 1970—1980.

- HW — Hydronimia Wisły. Cz. I: Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław etc., 1965.
- Imenik mesta — Imenik mesta. Pragled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956.
- Jurkowski 1971 — *Jurkowski M.* Ukraińska terminologia hydrograficzna. Wrocław etc., 1971.
- Kalima 1919 — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société finno-ougrienes. XLIV. Helsinki, 1919.
- Kalima 1935 — *Kalima J.* Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen. Zu dem westfinnischen Namen in Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XII. Doppelheft ½. Leipzig, 1935.
- Kalima 1944 — *Kalima J.* Einige russische Ortsnamentypen // Finnisch-ugrische Forsch. Bd. XXVII. H. 1—3. 1944. S. 99—150.
- Kamińska 1964 — *Kamińska M.* Nazwy miejscowe wojewódstwa Sandomierskiego / Prace onomastyczne. Cz. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.
- Karaś 1955 — *Karaś M.* Nazwy miejscowe typu *Podgóra, Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955.
- Karł. SGP — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. 1—6. Kraków, 1900—1911.
- Kos 1886 — *Kos Fr.* Ob osebnih imenih pri starih Slovencih // Letopis Matice slovenske za leto 1886. Ljubljana, 1886. S. 107—151.
- Krahe 1963 — *Krahe H.* Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie. Wiesbaden, 1963.
- Kronsteiner 1981 — *Kronsteiner O.* Die alpenlavischen Personennamen. Wien, 1981.
- Leuding 1959 — *Leuding G.* Słownik nazw miejscowych okręgu Mazurskiego. Cz. II. Poznań, 1959.
- LPSRH — Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. Zagreb, 1976.
- Lubaś 1967 — *Lubaś Wl.* O nazwie miejscowej Niegowić // Symbolae philologicae in honorem Wit. Taszycki / Prace komisji językoznawstwa. Wrocław etc. № 17. 1967. S. 203—208.
- LUEV — Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
- Machek ES — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Malec 1971 — *Malec M.* Budowa morfologiczna staropolskich złożonych imion osobowych: Prace onomastyczne. Wrocław etc., 1971.
- Mikkola 1938 — *Mikkola J.* Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.
- Miklosich 1927 — *Miklosich Fr.* Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen: drei Abhandlungen. Heidelberg, 1927.
- Milewski 1969 — *Milewski T.* Indoewropejskie imiona osobowe. Warszawa, 1969.
- Muka — *Muka A.* Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte. Bd. 3. Prag, 1928.
- Nieckula 1971 — *Nieckula F.* Nazwy miejscowe z sufiksami *-ov-*, *-in-* na obszarze Wielkopolski i Małopolski. Wrocław, 1971.
- Nova Scand. tab. — Nova Scandinavia tabula, ad Usum Serenissimi Burgundia Ducis. Parisiis, 1696 (копия карты).

- Otrębski 1959 — *Otrębski J.* Tiernamen als Gewässernamen in Litauen // Beiträge zur Namenforschung. H. 1. Heidelberg, 1959. S. 24—27.
- Otrębski 1960a — *Otrębski J.* Beiträge zur Baltisch-Slawischen Namenkunde // Beiträge zur Namenforschung. H. 2. Heidelberg, 1960. S. 172—175.
- Otrębski 1960b — *Otrębski J.* Ruś // *Lingua Posnaniensis*. T. VIII. 1960. S. 219—227.
- Pok. IEW — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Bern, 1949—1959.
- Popowska-Taborska 1986 — *Popowska-Taborska H.* Problematyka centrum i peryferii obszaru etnicznego w świetle archaizmów i innowacji dialektalnych (na podstawie analizy obszaru polskiego) // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia linguistica* 12. 1986. S. 171—179.
- Popowska-Taborska 1989 — *Popowska-Taborska H.* Stopień użyteczności danych hydronimicznych w rozważaniach nad etnogenezą słowian // *Hydronimia słowiańska*. Wrocław etc., 1989. S. 25—31.
- Prinz 1969 — *Prinz J.* Versuch einer orientierenden Bestimmungen von Namenräumen in frühostslawischen Bereich // Beiträge zur Namenforschung. Beih. 5. Haidelberg, 1969. S. 7—145.
- Prof. MJ — *Profous A.* Místní jména v Čechach: Jejich vznik, původní význam a zmeny. D. I—IV. Praha, 1949—1957.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I—XXIII. Zagreb, 1880—1976.
- Rieger 1988 — *Rieger J.* Gewässernamen im Flussgebiet des Wisłok. Stuttgart, 1988.
- Rospond 1957 — *Rospond S.* Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957.
- Rospond 1958 — *Rospond S.* Stratygrafia toponimiczna // *Z polskich studiów slawistycznych*. Warszawa, 1958. S. 159—186.
- Rospond 1968 — *Rospond S.* Die Urslaven im Lichte der Onomastik // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej, 1-y, Warszawa, 14—18 IX, 1965. Wrocław etc., 1968. S. 137—170.
- Rospond 1969a — *Rospond S.* Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-ьsk-*. Wrocław etc., 1969.
- Rospond 1969b — *Rospond S.* Nazewnictwo północnej a południowej Słowiańszczyzny: Possessiva z formantem *-jь* // *Македонски јазик*. Год. 20. 1969. С. 57—93.
- Rospond 1977 — *Rospond S.* Pochodzenie nazwy Ruś // *Rocznik Slawistyczny*. T. XXXVIII. Cz. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. S. 35—50.
- Rospond 1979 — *Rospond S.* Miscellanea onomastica rossica // *Восточнославянская ономастика*. Материалы и исследования. М., 1979. С. 5—47.
- Rospond 1983 — *Rospond S.* Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-jь*. Wrocław, 1983.
- Rospond 1984 — *Rospond S.* Słownik etymologiczny miast i gmin PRL. Wrocław etc., 1984.
- Rozwadowski 1948 — *Rozwadowski J.* Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.
- Rymut 1987 — *Rymut K.* Nazwy miast Polski. Wyd. 2-e, uzup. Wrocław etc., 1987.

- Rymut 1993a — *Rymut K.* Metoda rekonstrukcji zasobu prasłowiańskich imion dwuczłonowych // *Anthroponymica Slavica: Vorträge der 1. Internationalen Konferenz zur slaw. Anthroponomastik* / Hrsg. von W. Wenzel. Leipzig, 1993. S. 21—30.
- Rymut 1993b — *Rymut K.* Zasób leksemów w prasłowiańskich imionach złożonych // *Onomastica. Rocznik XXXVIII*. 1993. S. 5—8.
- Rzetelska-Feleszko 1987 — *Rzetelska-Feleszko E.* Die Zurflüsse zur Ostsee von der Weichselmündung bis zur Persante. Stuttgart, 1987.
- Sabler 1914 — *Sabler G. V.* Der Ursprung der Namen Pskov, Gdov etc. // *Известия Императорской Акад. наук. VI сер. № 12*. Пр., 1914. С. 815—840.
- Savukynas 1962 — *Savukynas B.* Ežerų vardai // *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1962. T. 5. P. 191—198.
- Schlimpert 1978 — *Schlimpert G.* Slawische Personennamen im mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte. Berlin, 1978.
- Schramm 1982 — *Schramm G.* Normanische Stützpunkte in Nordwestrussland. Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // *Beiträge zur Namenforschung*. Bd. 17. H. 3. 1982. S. 219—276.
- Shevelov 1964 — *Shevelov G. Y.* A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
- Skulina — *Skulina T.* Staroruskie imiennictwo osobowe. Cz. I—II. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973—1974.
- Ślaski 1963 — *Ślaski K.* Stosunki Prusów z innymi ludami nadbałtyckimi w VII—XII wieku // *Rocznik Olsztyński*. V. Olsztyn, 1963. S. 10—18.
- Sławski ZSP — *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // *Słownik prasłowiański*. T. I. Wrocław etc., 1974. S. 43—141; T. II. 1976. S. 13—60; T. III. 1979. S. 11—19.
- Šimundić 1982 — *Šimundić M.* Nepoznata hrvatska osobna imena do polovice 11 stoljeća // *Onomastica jugoslavica*. Knj. 10. Zagreb, 1982. S. 229—236.
- Šmilauer 1958 — *Šmilauer V.* Metoda «malých typů» v toponomastice // *Sbornik slavistických prací věnovaných IV. Mezinárodnímu sjezdu v Moskvě*. Praha, 1958. S. 44—50.
- Šmilauer 1960 — *Šmilauer V.* Osídlení Čech ve světle místních jmen. Praha, 1960.
- Šmilauer 1970 — *Šmilauer V.* Příručka slovanské toponomastiky. Praha, 1970.
- Šmil. VSS — *Šmilauer V.* Vodopis starého Slovenska. Praha; Bratislava, 1932.
- Snoj ESSZI — *Snoj M.* Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana, 2009.
- Sosnowski 2002 — *Sosnowski J.* Toponimia rosyjska XVI wieku. Nazwy wsi. Łódź, 2002.
- SP — *Słownik prasłowiański* / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., T. I—VII. 1974—1995.
- Spal 1958 — *Spal J.* Místní jména obyvatelská, zakončená na -any // *Sborník Vyšší pedagogické školy v Plzni. Jazyk a literatura*. I. Praha, 1958. S. 5—133.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. O. 1—3. Helsinki, 1992—2000.
- SSNO — *Słownik staropolskich nazw osobowych* / Pod red. I ze wstęp. W. Taszyckiego. Wrocław etc., 1965—1985. T. I—VII.
- Staszewski 1959 — *Staszewski J.* Słownik geograficzny. Warszawa, 1959.
- Svoboda 1964 — *Svoboda J.* Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
- Svoboda, Šmilauer 1960 — *Svoboda J., Šmilauer V.* Místní jména v Čechach: Jejich vznik, původní význam a změny. Díl V. Dodatky. Praha, 1960.

- Taszycki 1925 — *Taszycki W.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe / Rozprawy wydziału filologicznego. T. 62. № 3. Kraków, 1925.
- Taszycki 1936 — *Taszycki W.* Rzekome patronimiczne nazwy miejscowe // *Język Polski*, 1936. S. 33—42.
- Taszycki 1958 — *Taszycki W.* Rozprawy i studia polonistyczne. I: Onomastyka. Wrocław; Kraków, 1958.
- Vaillant 1974 — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV: La formation des noms. Paris, 1974.
- Vanagas 1970 — *Vanagas A.* Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
- Vanagas 1981 — *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vasm. BzHVO — *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 1—4 // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (philos.-hist. Klasse). 1. 1932. S. 637—666; 2. 1934. S. 35—440; 3. 1935. S. 507—594; 4. 1936. Berlin, 1932—1936. S. 176—270.
- Vasm. RGN — Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Bd. I—X. Wiesbaden, 1962—1980.
- Vasm. WRG — Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Bd. I—V. Berlin — Wiesbaden, 1961—1969.
- Vasmer 1931 — *Vasmer M.* Wikingerspuren in Russland // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (Philos.-Hist. Klasse). Bd. XXIV. Berlin, 1931. S. 649—674.
- Vasmer 1933 — *Vasmer M.* Balten und Finnen im Gebiet von Pskov // *Studi baltici*. Roma, № 3. 1933. S. 27—34.
- Vasmer 1941a — *Vasmer M.* Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung // Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Hf. 5. Berlin, 1941.
- Vasmer 1941b — *Vasmer M.* Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.
- Vasmer 1955 — *Vasmer M.* The Meaning of Russian River Names // *Oxford Slavonic Papers*, Vol. VI. 1955. S. 44—55.
- Wójtowicz 1986 — *Wójtowicz M.* Древнерусская антропонимия XIV—XV вв. Северо-Восточная Русь. Poznań, 1986.
- Zeps 1984 — *Zeps V.* The Placenames of Latgola. A Dictionary of East Latvian Toponyms. Madison, Wisconsin, 1984.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Территории, языки, диалекты

авест. — авестийский	сл. — исландский
англ. — английский	итал. — итальянский
англосакс. — англосаксонский	карел. — карельский
альпослав. — альпославянский ¹	кашуб. — кашубский
араб. — арабский	кельт. — кельтский
балт. — балтийский	курш. — куршский
блр. — белорусский	лат. — латинский
болг. — болгарский	латг. — латгальский
венг. — венгерский	лив. — ливский
вепс. — вепский	лит. — литовский
в.-луж. — верхнелужицкий	лтш. — латышский
вод. — водский	луж. — лужицкий
вост.-слав. — восточнославянский	макед. — македонский
галльск. — галльский	мокш. — мокшанский
герм. — германский	монг. — монгольский
греч. — греческий	морд. — мордовский
др.- — древне-	нем. — немецкий
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий	ненецк. — ненецкий
евр. — европейский	н.-луж. — нижнелужицкий
зап.-слав. — западнославянский	новг. — новгородский
и.-евр. — индоевропейский	общерус. — общерусский
ижор. — ижорский	общеслав. — общеславянский
иллир. — иллирийский	перс. — персидский
инд. — индийский	полаб. — полабский
иран. — иранский	полаб.-помор. — полабско-поморский ²
ирл. — ирландский	польск. — польский

¹ Термин «альпославянский» дан по О. Кронштейнеру [Kronsteiner 1981]. Им обозначены древнеславянские личные имена, извлеченные из средневековых немецких памятников письменности преимущественно на территории современной Австрии.

² Данным термином, введенным Г. Шлипертом (по Траутманну, — *elb- und ostseeslawisch*), совокупно определяются древнеполабские и поморские личные имена, лингвистическое различие которых вследствие малого количества характерных признаков во многих случаях невозможно [Шлиперт 1980: 239].

помор. — поморский	ср.- — средне-
праслав. — праславянский	ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий
приб.-фин. — прибалтийско-финский	ст.- — старо-
прус. — прусский	твер. — тверской
пск. — псковский	удм. — удмуртский
рум. — румынский	укр. — украинский
рус. — русский	фин. — финский
саам. — саамский	фрак. — фракийский
сев.- — северно-	хорв. — хорватский
серб. — сербский	ц.-слав. — церковнославянский
сербохорв. — сербохорватский	чеш. — чешский
сканд. — скандинавский	чув. — чувашский
слав. — славянский	эрз. — эрзянский
словац. — словацкий	эст. — эстонский
словен. — словенский	южн.- — южно-
словин. — словинский	ятв. — ятвяжский

ГУБЕРНИИ, ОБЛАСТИ, ПЯТИНЫ, УЕЗДЫ, РАЙОНЫ³

Андр. р-н, Андр. — Андреапольский район Тверской области
 Бат. р-н, Бат. — Батецкий район Новгородской области
 Беж. р-н, Беж. — Бежецкий район Тверской области
 Беж. у. — Бежецкий уезд Тверской губернии
 Беж. пят. — Бежецкая пятина Новгородской земли
 Бокс. р-н, Бокс. — Бокситогорский район Ленинградской области
 Болог. р-н, Болог. — Бологовский район Тверской области
 Бор. р-н, Бор. — Боровичский район Новгородской области
 Бор. у. — Боровичский уезд Новгородской губернии
 Валд. р-н, Валд. — Валдайский район Новгородской области
 Валд. у. — Валдайский уезд Новгородской губернии
 Вод. пят. — Водская пятина Новгородской земли
 Вол. р-н, Вол. — Волотовский район Новгородской области
 Волог. обл. — Вологодская область
 Волос. р-н, Волос. — Волосовский район Ленинградской области
 Волх. р-н, Волх. — Волховский район Ленинградской области
 Вышн. р-н, Вышн. — Вышневолоцкий район Тверской области

³ Используемые при анализе топонимов наименования с единообразно сокращенными окончаниями, относящиеся к самым мелким современным административно-территориальным единицам изучаемого региона (сельсоветам, сельским поселениям и округам), в список сокращений не внесены. При ссылках на СРНГ, СГРС и Даль ТСЖВЯ территориальные пометы даны в том виде, в каком они приняты в этих словарях.

Вышн. у. — Вышневолоцкий уезд Тверской губернии
Гатч. р-н, Гатч. — Гатчинский район Ленинградской области
Гд. р-н, Гд. — Гдовский район Псковской области
Гд. у. — уезд Санкт-Петербургской губернии
Дед. р-н, Дед. — Дедовичский район Псковской области
Дем. р-н, Дем. — Демянский район Новгородской области
Дем. у. — Демянский уезд Новгородской губернии
Дер. пят. — Деревская пятина Новгородской земли
Дн. р-н, Дн. — Дновский район Псковской области
Кинг. р-н, Кинг. — Кингисеппский район Ленинградской области
Кир. р-н, Кир. — Кировский район Ленинградской области
Кириш. р-н, Кириш. — Киришский район Ленинградской области
Кр. р-н, Кр. — Крестецкий район Новгородской области
Кр. у. — Крестецкий уезд Новгородской губернии
Лен. обл. — Ленинградская область
Лесн. р-н, Лесн. — Лесновский район Тверской области
Лом. р-н, Лом. — Ломоносовский район Ленинградской области
Луж. р-н, Луж. — Лужский район Ленинградской области
Луж. у. — Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии
Люб. р-н, Люб. — Любытинский район Новгородской области
Макс. р-н, Макс. — Максатихинский район Тверской области
Мал. р-н, Мал. — Маловишерский район Новгородской области
Мар. р-н, Мар. — Маревский район Новгородской области
Мош. р-н, Мош. — Мошенской район Новгородской области
Н-Ладож. у. — Новолadoжский уезд Санкт-Петербургской губернии
Новг. губ. — Новгородская губерния
Новг. обл. — Новгородская область
Новг. р-н, Новг. — Новгородский район Новгородской области
Новг. у. — Новгородский уезд Новгородской губернии
Обон. пят. — Обонежская пятина Новгородской земли
Ок. р-н, Ок. — Окуловский район Новгородской области
Ост. р-н, Ост. — Осташковский район Тверской области
Ост. у. — Осташковский уезд Тверской губернии
Парф. р-н, Парф. — Парфинский район Новгородской области
Пен. р-н, Пен. — Пеновский район Тверской области
Пест. р-н, Пест. — Пестовский район Новгородской области
Петерб. губ. — Санкт-Петербургская губерния
Пл. р-н, Пл. — Плюсский район Псковской области
Под. р-н, Под. — Поддорский район Новгородской области
Порх. р-н, Порх. — Порховский район Псковской области
Порх. у. — Порховский уезд Псковской губернии
Пск. губ. — Псковская губерния
Пск. обл. — Псковская область
Санд. р-н, Санд. — Сандовский район Тверской области

Сланц. р-н, Сланц. — Сланцевский район Ленинградской области
 Сол. р-н, Сол. — Солецкий район Новгородской области
 Сонк. р-н, Сонк. — Сонковский район Тверской области
 Ст-Рус. р-н, Ст-Рус. — Старорусский район Новгородской области
 Ст-Рус. у. — Старорусский уезд Новгородской губернии
 Стр-Кр. р-н, Стр-Кр. — Стругокрасненский район Псковской области
 Твер. губ. — Тверская губерния
 Твер. обл. — Тверская область
 Тихв. р-н, Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
 Тихв. у. — Тихвинский уезд Новгородской губернии
 Тор. р-н, Тор. — Торопецкий р-н Тверской области
 Тор. у. — Торопецкий уезд Псковской губернии
 Тосн. р-н, Тосн. — Тосненский район Ленинградской области
 Удом. р-н, Удом. — Удомельский район Тверской области
 Уст. р-н, Уст. — Устюженский район Вологодской области
 Уст. у. — Устюженский уезд Новгородской губернии
 Фир. р-н, Фир. — Фировский район Тверской области
 Хв. р-н, Хв. — Хвойнинский район Новгородской области
 Холм. р-н, Холм. — Холмский район Новгородской области
 Холм. у. — Холмский уезд Псковской губернии
 Чуд. р-н, Чуд. — Чудовский район Новгородской области
 Шел. пят. — Шелонская пятина Новгородской земли
 Шим. р-н, Шим. — Шимский район Новгородской области
 Ямб. у. — Ямбургский уезд Санкт-Петербургской губернии

ПРОЧЕЕ

апел. — апеллятив	ж.-д. ст. — железнодорожная станция
басс. — бассейн	жен. — женское (имя)
буд. вр. — будущее время	жен. р. — женский род
букв. — буквально	Им. — именительный падеж
вар. — вариант	л. пр. — левый приток
Вин. — винительный падеж	литер. — литературный (о языке)
вол. — волость	личн. — личное (имя, наименование)
геогр. — географическое название	Мест. — местный падеж
гор. — город	мн., мн. ч. — множественное число
губ. — губерния	мн. др. — многие другие
Дат. — дательный падеж	муж. — мужское (имя)
действ. — действительный залог	муж. р. — мужской род
дер. — деревня, деревни	надп. — надпись
диал. — диалектный	наст. вр. — настоящее время
ед., ед. ч. — единственное число	нач. — начало

нек. др. — некоторые другие	руч. — ручей
новг. бер. гр. — новгородские берестя- ные грамоты	рч. — речка
обл. — область	сел. — селение, селения, село, сёла
оз. — озеро, озёра	сер. — середина
оч. — очерк	СО — сельский округ
пог. — погост	совр. — современный
подр. — подробно, подробнее	с/п — сельское поселение
пол. — половина	ср. р. — средний род
пос. — посёлок	с/с — сельсовет
поч. — починок	ст. — станция
пр. — приток	суф. — суффикс, суффиксальный фор- мант
преф. — префикс	сущ. — существительное
прот. — протока	сц. — сельцо
п. пр. — правый приток	Твор. — творительный падеж
прил. — прилагательное	у. — уезд
прич. — причастие	ул. — улица
прош. вр. — прошедшее время	уменьш. — уменьшительное
пуст. — пустошь	ур. — урочище
р. — река	ус. — усадьба
р. ц. — районный центр	устар. — устаревшее
р-н — район	христ. — христианский
Род. — родительный падеж	хут. — хутор
рр. — реки	

КАРТЫ

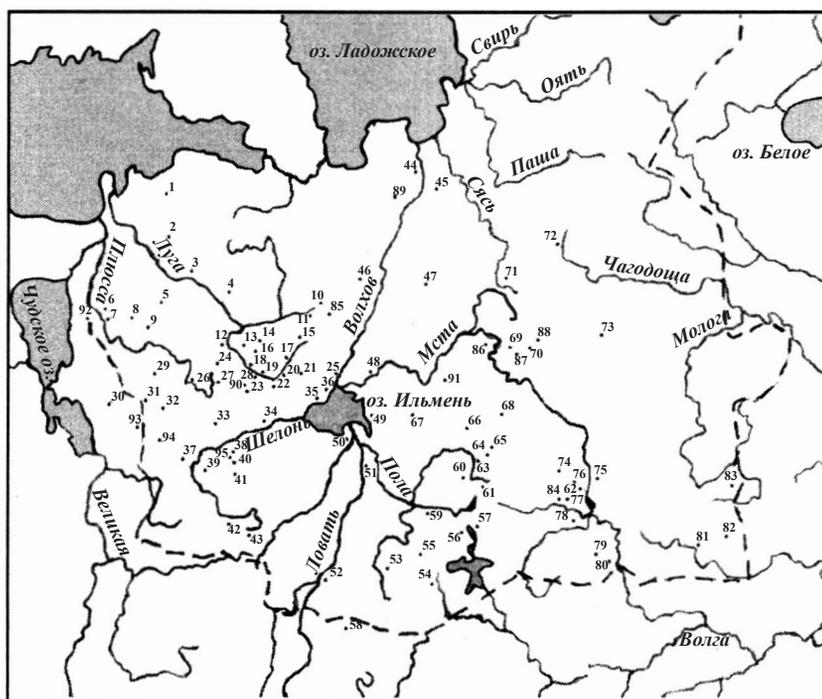
СПИСОК КАРТ

1. Пятины и погосты Новгородской земли
2. Новгородская йотово-посессивная топонимия от антропонимов-композигов (за вычетом названий от имен на *-гость*)
3. Названия на базе личн. **Domoslavъ* / **Domaslavъ*, **Mir(o)slavъ*
4. Йотово-посессивная топонимия на базе личн. **Dorgobъdъ*, **Хотобъdъ* / **Хотъbъdъ*, **Radovidъ*
5. Йотово-посессивная топонимия на базе личн. **Vid(o)gostъ*, **Radogostъ*
6. Территориальное распределение новгородской композитной топонимии на *-гощ/-гост-*
7. Посессивные топонимы от праслав. личн. **Куъ*
8. Гидронимы *Витка*, *Вить*, *Вита* и *Ветка*, *Веть*, *Ветошка*
9. Топонимия с основой *Волын-* (*Volyn-*)
10. Новгородский ареал топоосновы *Зерем-*, новгородская тополексема *Вяжище,-и,-а* / *Вежище,-и,-а*
11. Западноновгородско-псковская тополексема *Захонье*, восточноновгородские топонимы на *Клещин-*
12. Топоосновы *Луком-*, *Паком-*, *Раком-*, *Переком-*, новгородские названия на *-омля/-емля*
13. Топоосновы *Березај-*, *Березуј-*
14. Метонимическое калькирование в региональной гидронимии
15. Названия с корнем *рус-* в регионе Новгородской земли
16. «*Демянская*» топонимия

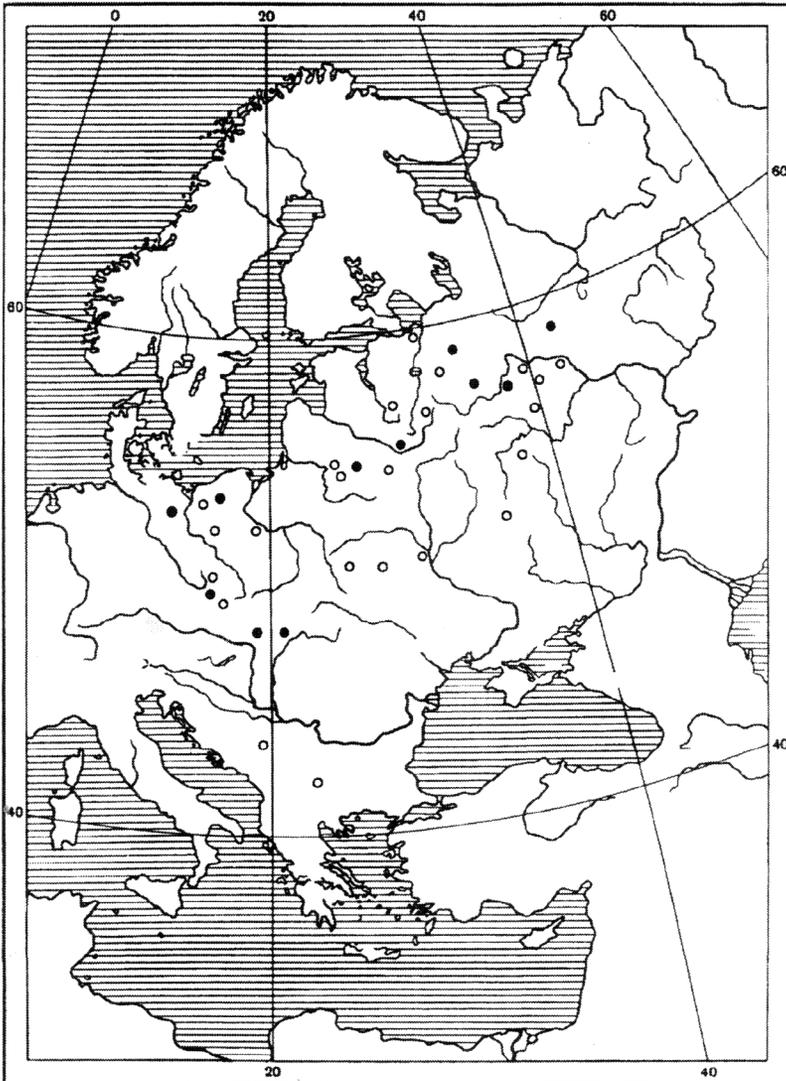
Карта 1. Пятины и погосты Новгородской земли (по К. А. Неволину)

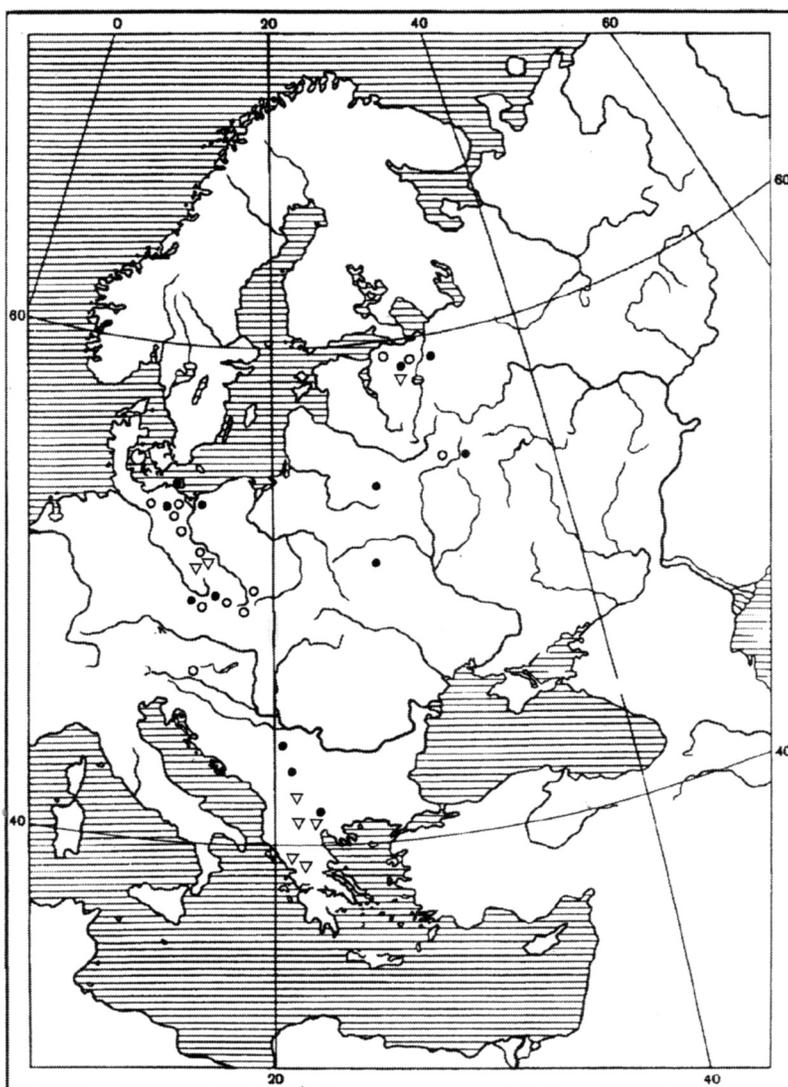
Карта 2. Новгородская йотово-посессивная топонимия от антропонимов-компонитов (за вычетом названий от имен на -гость)

1 – Готобужи, 2 – Воиславле, 3 – Хотнежа, 4 – Ченежо, 5 – Ганежи, 6 – Чесловле, 7 – Радословле, 8 – Самокража, 9 – Витенеж, 10 – Быслав, 11 – Милодеж, 12 – Любочажье, 13 – Гостивици, 14 – Хотовижи, 15 – Туховежи, 16 – Ньговичи, 17 – Дорогобуж, 18 – Редбуж, 19 – Радовеж, 20 – Хотобужи, 21 – Роздомирье, 22 – Уномерь, 23 – Радонеж, 24 – Андромер, 25 – Даньславля, 26 – Чанеж, 27 – Пустопържа, 28 – Самокража, 29 – Любовижа, 30 – Люботеж, 31 – Кочебуж, 32 – Теремовижа, 33 – Радомерь, 34 – Радонеж, 35 – Любоѣжа, 36 – Самокража, 37 – Вховеж, 38 – Твердомир, 39 – Чернобожье, 40 – Самокражье, 41 – Любоежа, 42 – Раслово, 43 – Любобуж, 44 – Мирославль, 45 – Теревоничье, 46 – Любовижа, 47 – Драгобуш, 48 – Самокража, 49 – Мирославль, 50 – Жераславль, 51 – Жересло, 52 – Миронеж, 53 – Выдомирь, 54 – Хотережа, 55 – Радомерь, 56 – Добромьши, 57 – Гославль, 58 – Добромьсел, 59 – Добросли, 60 – Милонѣж, 61 – Бокотерж, 62 – Имоволоже, 63 – Меренеж, 64 – Милебуж, 65 – Меробужской, 66 – Ламерь, 67 – Самокража, 68 – Жидобужи, 69 – Сенежье, 70 – Ратмер, 71 – Домославль, 72 – Волокославский, 73 – Видимирское, 74 – Всеславле, 75 – Дорогачиж, 76 – Доброжирь, 77 – Городолюбское, 78 – Велбуже, 79 – Буславля, 80 – Домославль, 81 – Гости-неж, 82 – Гостелюбле, 83 – Выдумерь, 84 – Доброжирь, 85 – Мелечажо, 86 – Будослово, 87 – Мирѣжа, 88 – Удоѣжа, 89 – Рядбуж, 90 – Жинорѣжа, 91 – Самокража, 92 – Большой Хатраж, 93 – Пустоперж, 94 – Хотенож, 95 – Сухѣжа

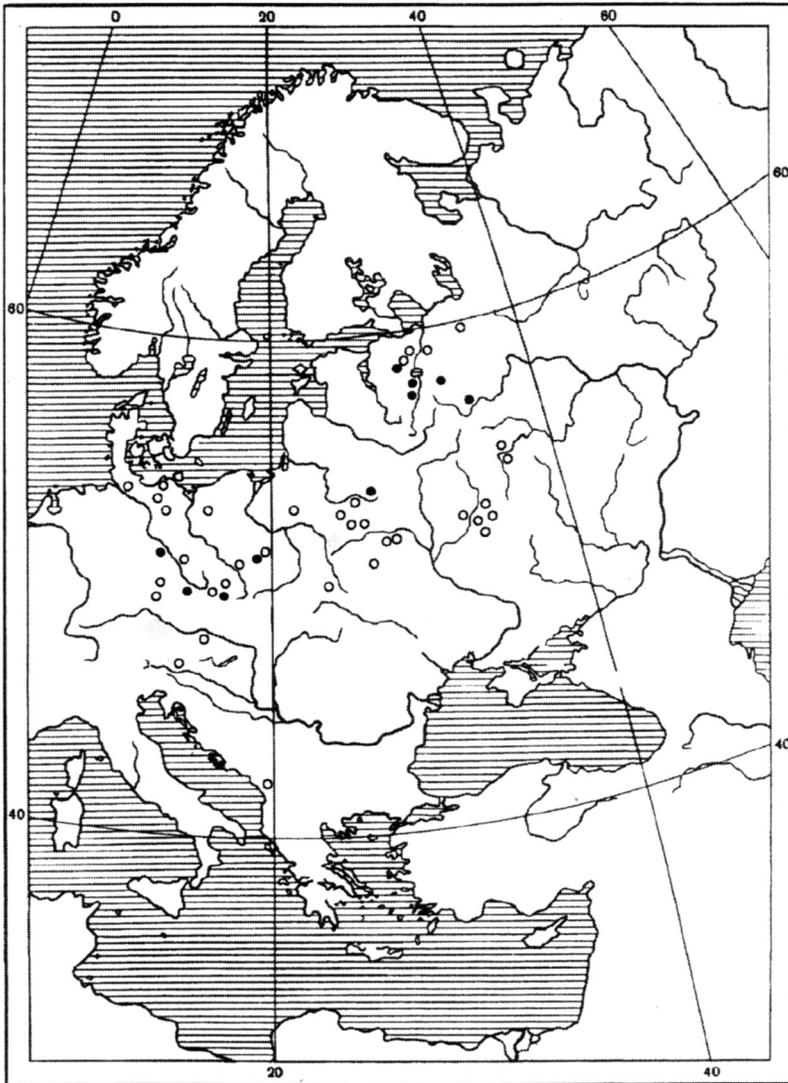
Карта 3. Названия на базе личн. **Domoslavъ* / **Domaslavъ*, **Mir(o)slavъ*

- — названия на базе личн. **Domoslavъ* / **Domaslavъ*
- — названия на базе личн. **Mir(o)slavъ*

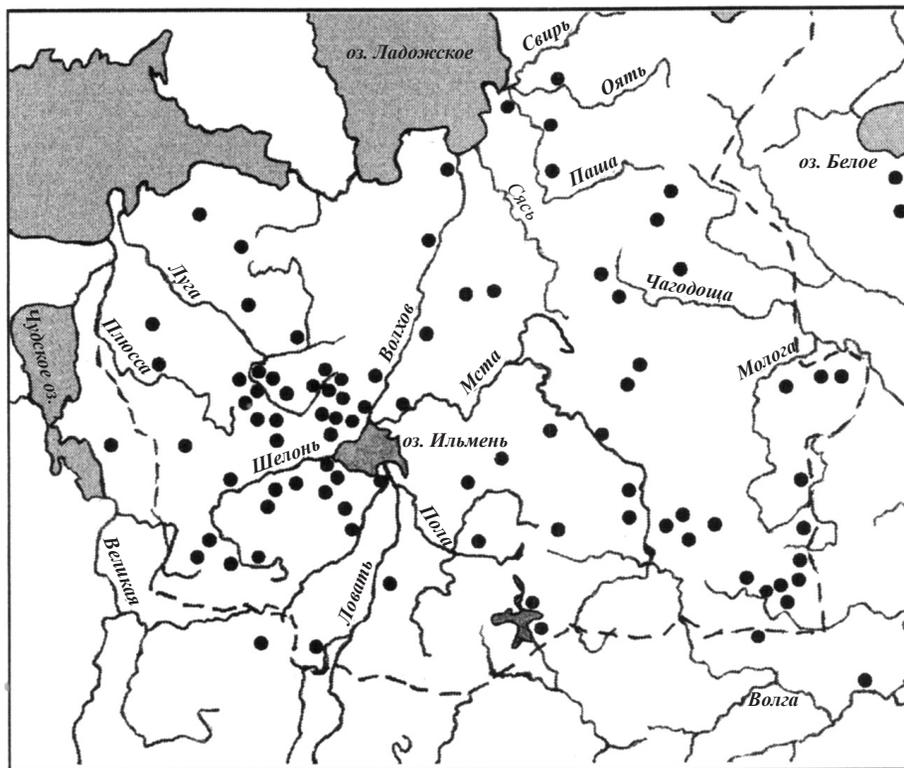
Карта 4. Йотово-посессивная топонимия
на базе личн. *Dorgobǫdъ, *Xotobǫdъ / *Xotǫbǫdъ, *Radovidъ

- — йотово-посессивная топонимия на базе личн. *Dorgobǫdъ
- — йотово-посессивная топонимия на базе личн. *Xotobǫdъ / *Xotǫbǫdъ
- ▽ — йотово-посессивная топонимия на базе личн. *Radovidъ

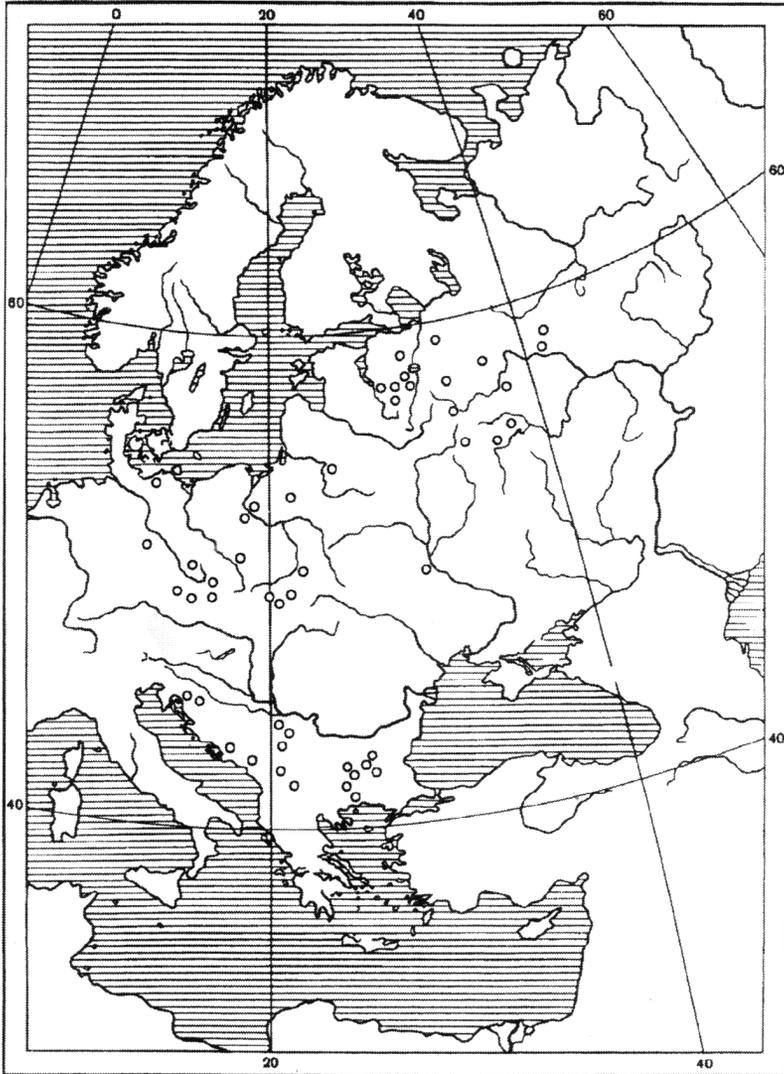

Карта 5. Йотово-посессивная топонимия на базе личн. **Vid(o)gostъ*, **Radogostъ*

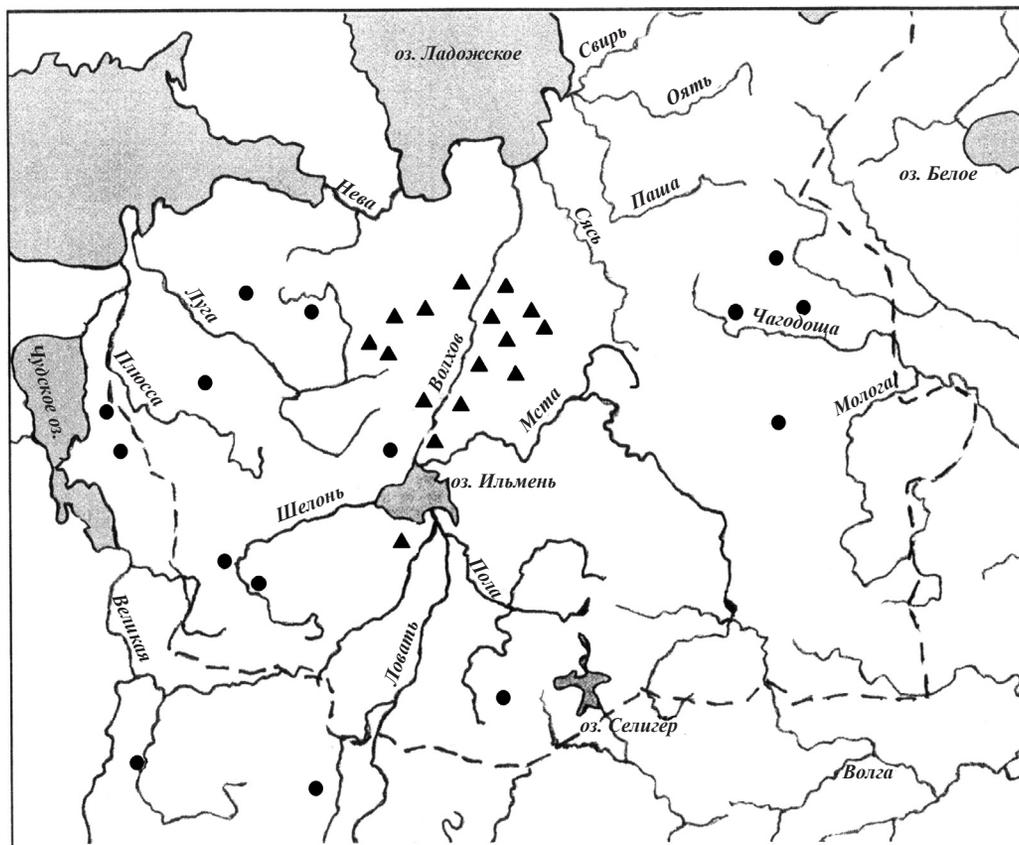
- — йотово-посессивная топонимия на базе личн. **Vid(o)gostъ*
- — йотово-посессивная топонимия на базе личн. **Radogostъ*

Карта 6. Территориальное распределение новгородской композитной топонимии на -20ц/-20ст-

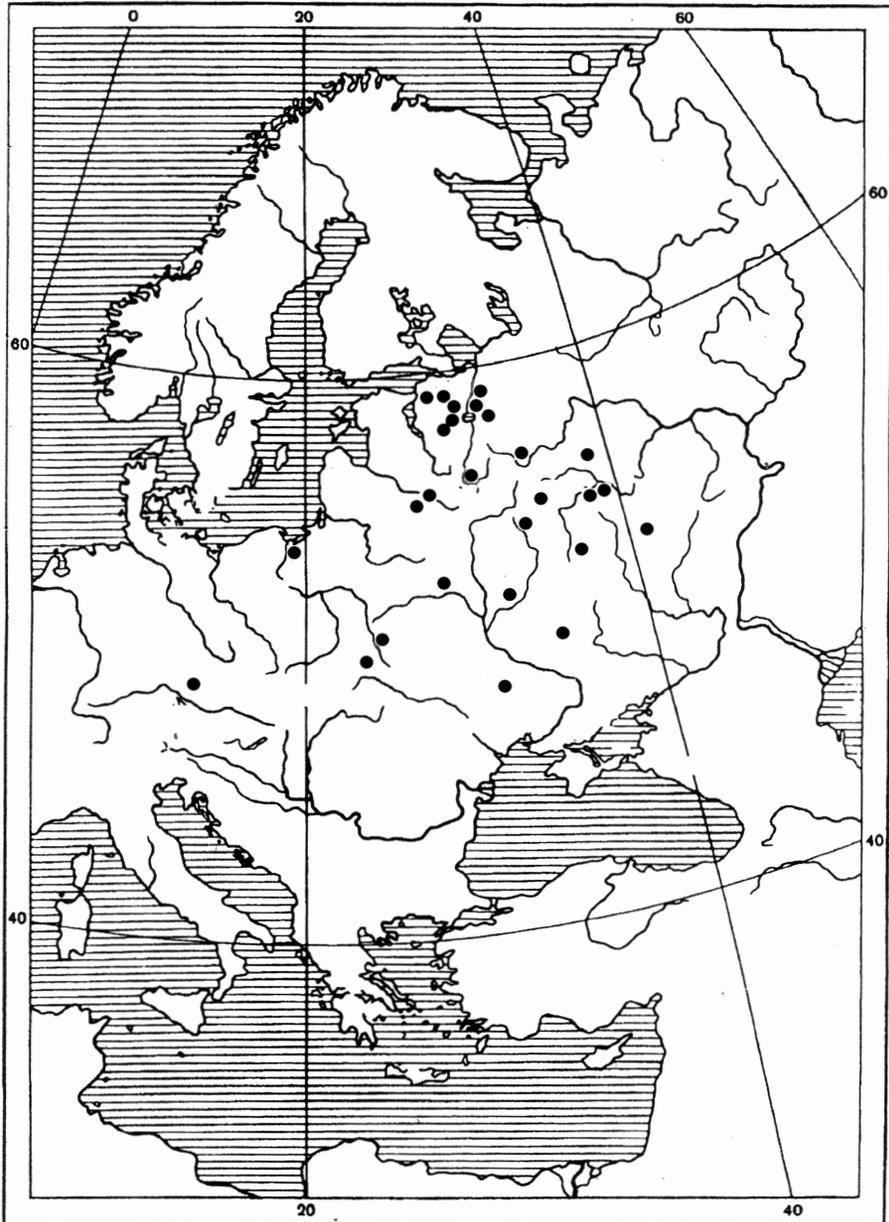

Карта 7. Поссесивные топонимы от праслав. личн. *Кузь

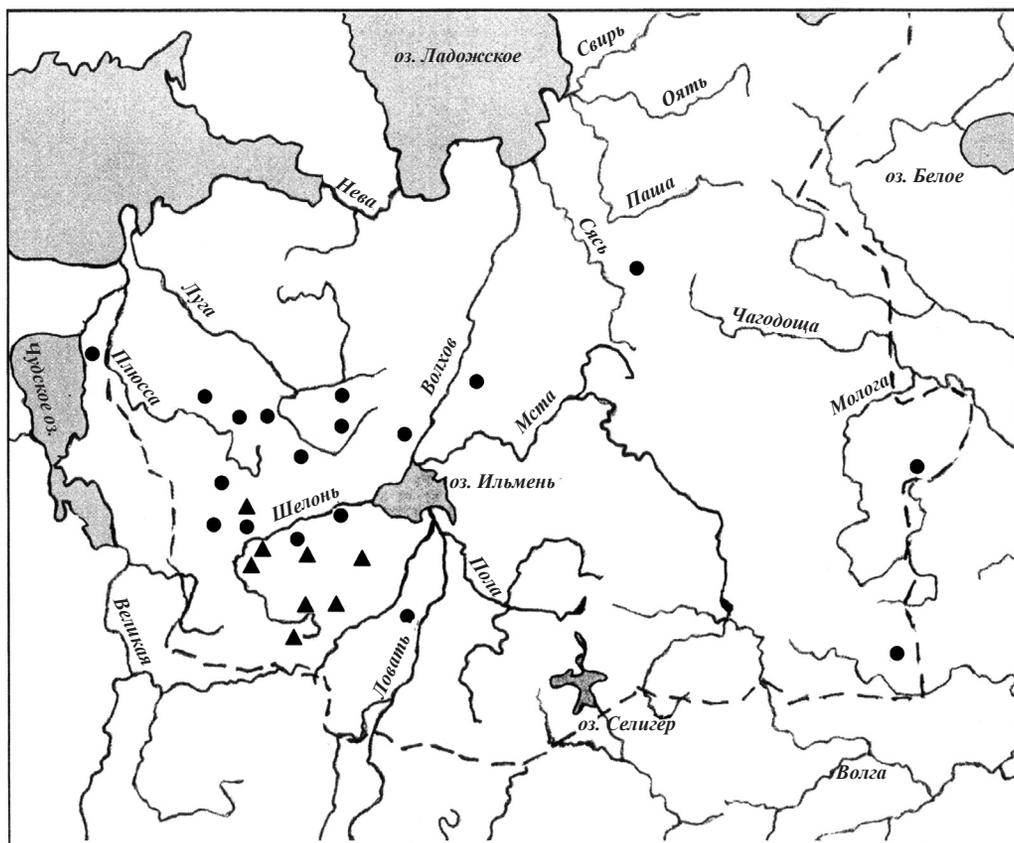

Карта 8. Гидронимы *Витка, Вить, Вита* и *Ветка, Веть, Ветошка*

- ▲ – *Витка, Вить, Вита* в Поволжье и Приильменье
- – *Ветка, Веть, Ветошка* в Новгородской и Псковской землях

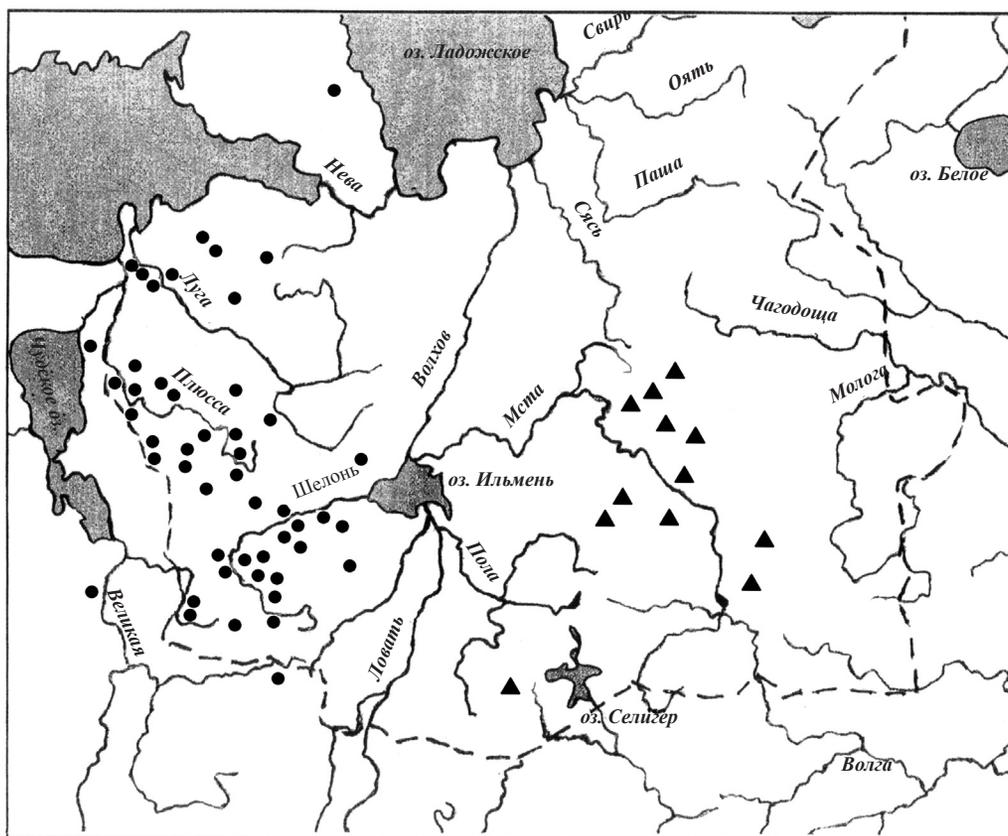

Карта 9. Топонимия с основой Волын- (Volyn-)

Карта 10. Новгородский ареал топонимии *Зерем-*,
новгородская топонимия *Вязище,-и,-а / Вежище,-и,-а*

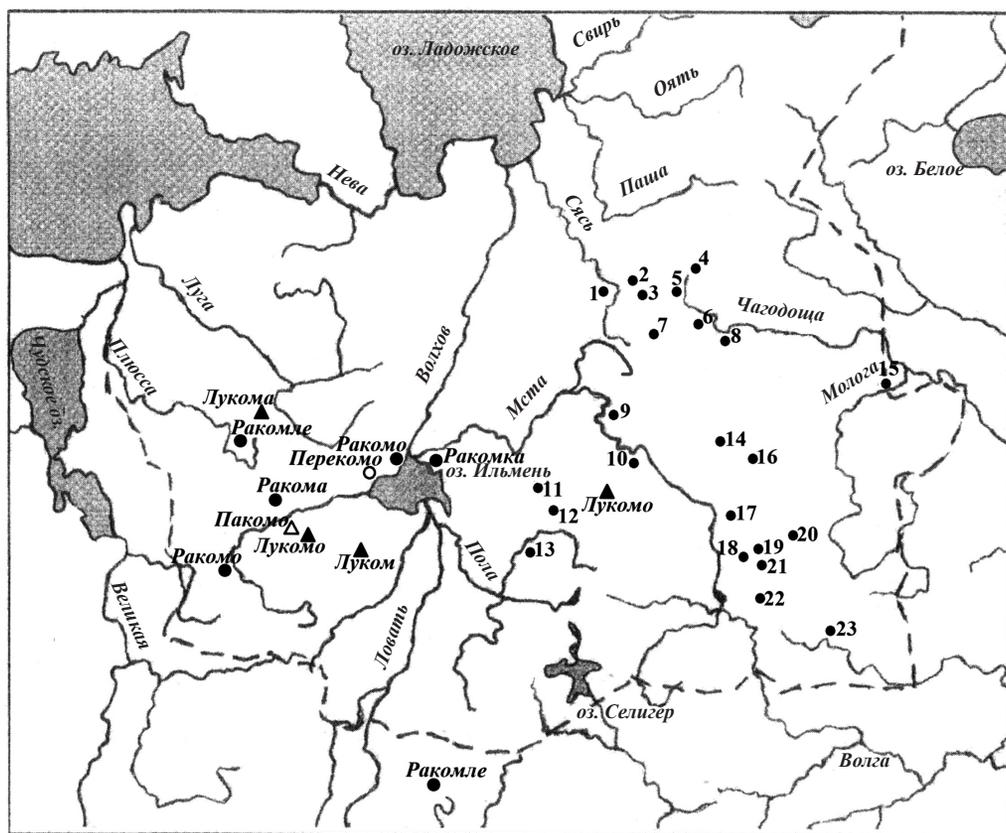
- ▲ — топонимия *Зерем-*
- — топонимия *Вязище,-и,-а / Вежище,-и,-а*

Карта 11. Западноновгородско-псковская топонимсема Захонье, восточноновгородские топонимы на Клецино-

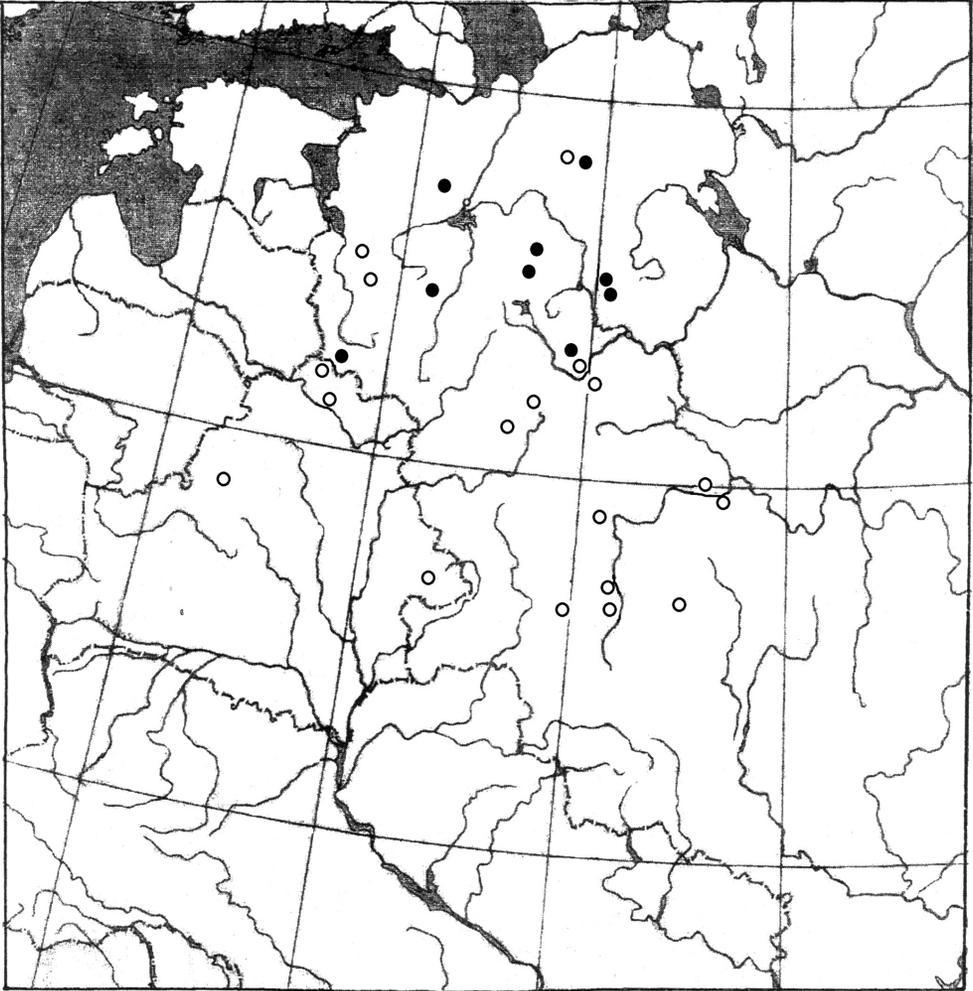
● – топонимсема Захонье

▲ – топонимы на Клецино-: Клецино, Клецинец и т. п.

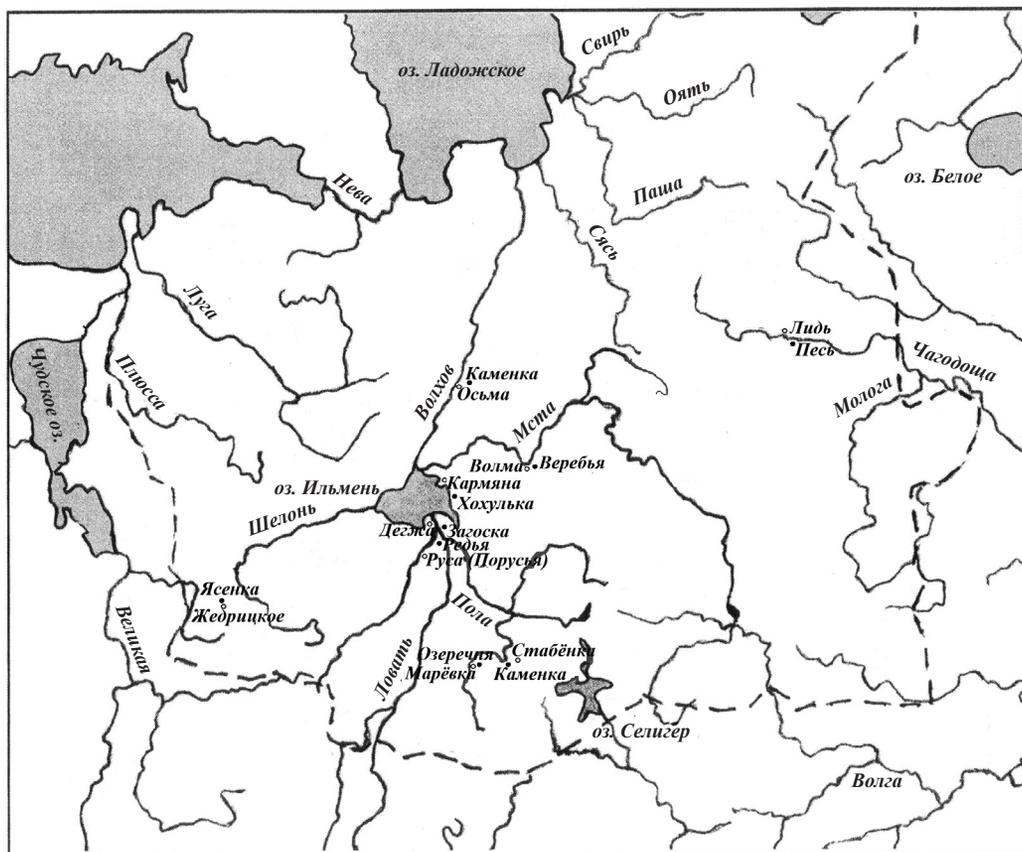
Карта 12. Топоосновы Луком-, Паком-, Раком-, Переком-, новгородские названия на -омля/-емля

- ▲ – Луком-; △ – Паком-; ● – Раком-; ○ – Переком-;
 ● – новгородские названия на -омля/-емля: 1 – Ситомля, 2 – Пярдомля, 3 – Никомля, 4 – Бритомля, 5 – Судомля, 6 – Тушемля, 7 – Ретомля, 8 – Смердомля, 9 – Охомля, 10 – Городомля, 11 – Яемля, 12 – Радомля, 13 – Иломля, 14 – Чучемля, 15 – Каркомля, 16 – Шадомля, 17 – Каркомля, 18 – Котемля, 19 – Удомля, 20 – Лоцемля, 21 – Кжемля, 22 – Судомля, 23 – Туемля

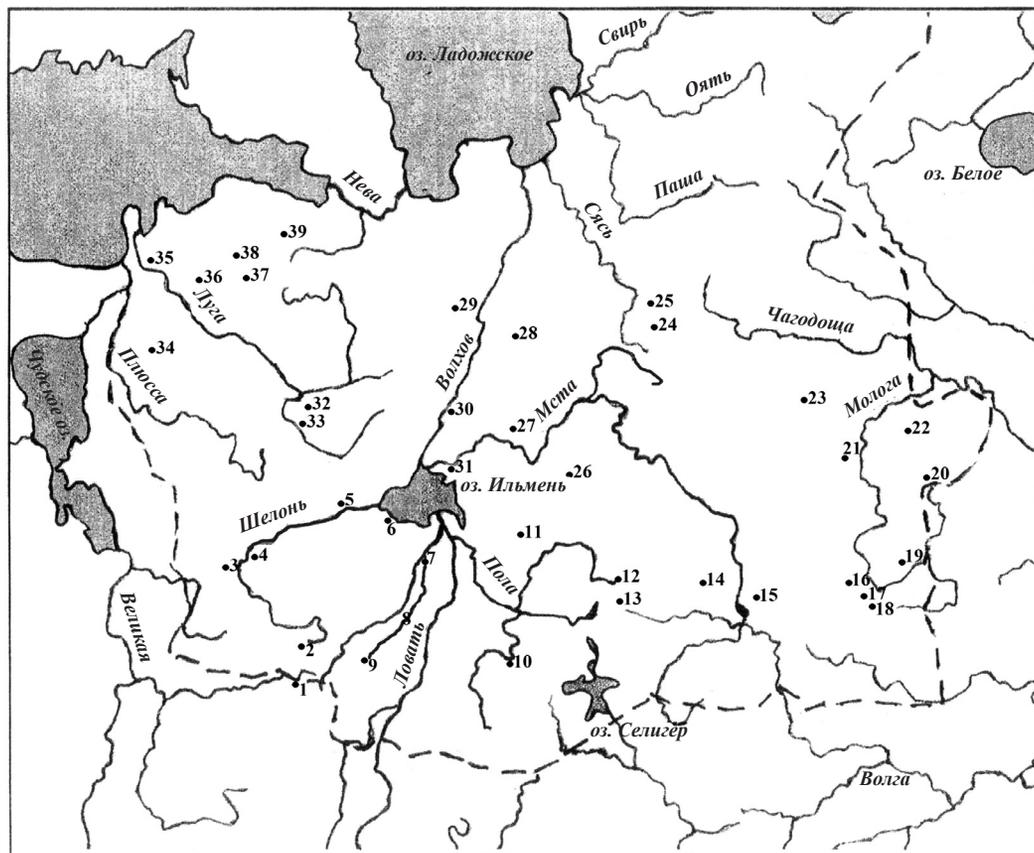
Карта 13. Топоосновы Березај-, Березуј-

- – Березај-
- – Березуј-

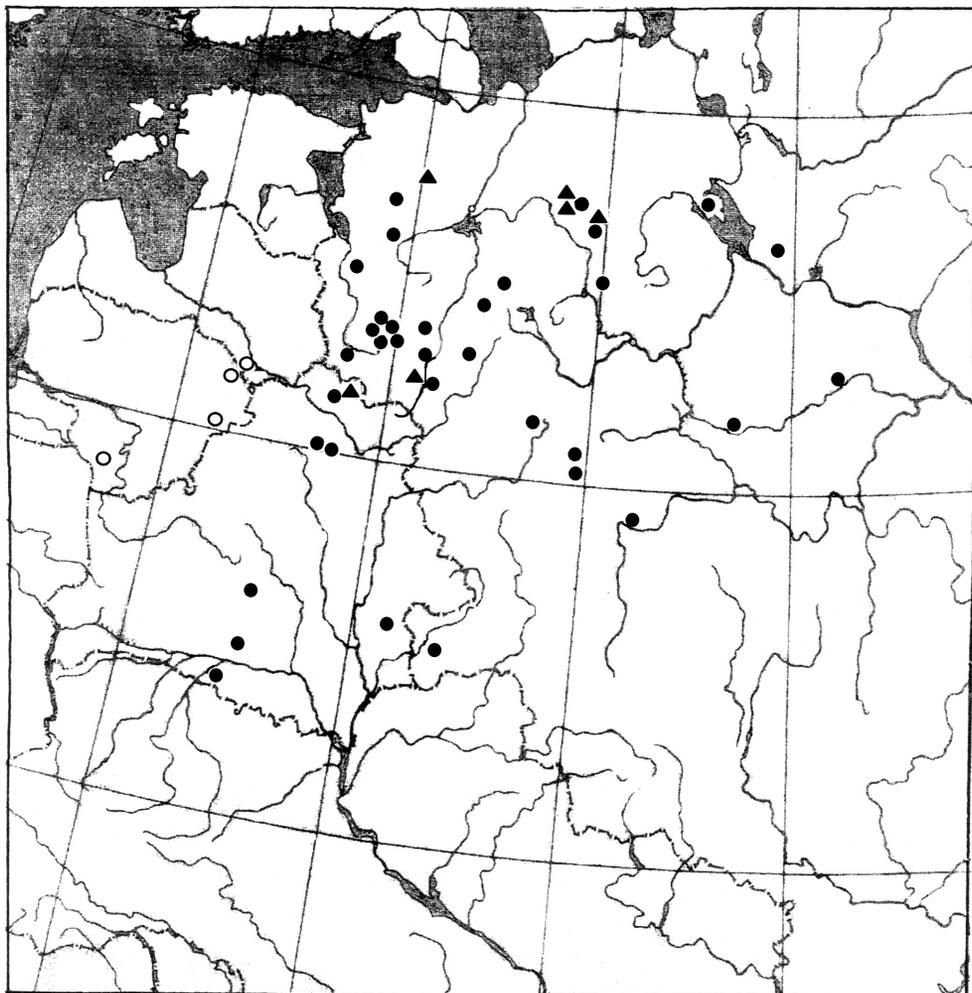
Карта 14. Метонимическое калькирование в региональной гидронимии

- – гидроним, исходный в микросистеме
- ★ – гидроним как вероятная метонимическая калька

Карта 15. Названия с корнем рус- в регионе Новгородской земли

1 – Русса, 2 – Русаново, 3 – Русиново, 4 – Русская, 5 – Новая Руса, 6 – Русье, 7 – Старая Русса, 8 – Порусья, 9 – Русское, 10 – Новая Русса, 11 – Русская Болотница, 12 – Русско, 13 – Русские Новики, 14 – Морцихино Русья, 15 – Русская Гора, 16 – Русский Городок, 17 – Русские Плоски, 18 – Русские Овсяники, 19 – Русково, 20 – Русское Васильково, 21 – Русское Пестово, 22 – Русилово, 23 – Русино, 24 – Русовщина, 25 – Русское, 26 – Русские Дубки, 27 – Русская Ольховка, 28 – Русское Огорова, 29 – Русская Волжа, 30 – Русса, 31 – Русско, 32 – Русково, 33 – Русыня, 34 – Русско, 35 – Русская Киношка, 36 – Русской, 37 – Руссовицы, 38 – Русское Брызгово, 39 – Русско-Высоцкое

Карта 16. «Демянская» топонимия

- — названия с основой *Демен-/Демян-*
- ▲ — названия с основой *Дем-*: *Демя, Демица* и т. п.
- — названия на *Дет-, Детен-* в Литве и Латвии

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ИНДЕКС

Полужирным курсивом выделены топонимы Новгородской земли, имеющие соответствующую маркировку хотя бы на одной странице основного текста (сами эти страницы тоже помечены полужирным курсивом). Наличие кавычек означает, что топоним приведен в том письменном виде, в каком он извлечен из источника. Кавычками выделены топонимы, которые содержатся в источниках в неначальной падежной форме (и при этом приведение их к начальной форме вызывает затруднения), либо те топонимы, которые имеют в источниках графически не стандартный или существенно искаженный облик. Тополексемы и топоосновы, отмеченные знаком астериска (*), в индекс не включены.

А

Абижа, 104
Абрадово, 246, 249
Авелья, 545
Агафониха, 69
Ажевское, 236
Ажово, 236
Акуй, 572
Акулина, 311
Акулина Большая, 313
Акулина Малая, 313
Александровка, 420
Алеменка, 428, 429
Аленино-Захонье, 482
Алеховское, 69
Алфердов Вымол, 152
Анашка, 311
Андалова, 578
Андрейцово, 69
Андромер, 317, 730
Андронеж, 318
Андропов, 312
Аникиево, 292
Аночисть, 613

Антоновец, 243

Апака, 528
Апока, 529
Аптала, 460
Арамигоща, 174
Аркадиевский, 154
Аркадово, 112
Аркажа, 154
Аркажи, 154
Аркажская Слобода, 154
Аркажский, 154
Аркажь, 154
Артамоны, 682
Артём, 262
Асавец, 456
Асница, 454
Асница, 454
Асно, 454, 668
Аснянка, 454
Асовец, 456
Асовы, 456
Асой, 457
Астрохонка, 323
Атемежа, 562

Б

«Бабинихъ», 309
Багрово Плёсо, 557
Баенная, 464
Базловка, 159
Базловская Видогощь, 31, 159
Байкова Гора, 323
Байково, 245
Баклов Бор, 510
Балагой, 331
Балгучка, 333
Балогижка, 336
Балогижка, 555
Балогули, 331
Баложо, 556
Балчино, 282
Баниженка, 240
Баницкое, 464
Банний, 464
Баранова, 581
Барановка, 523
Баркова, 253

- Баруево, 568, 570**
Барулино, 570
 Барута, 143
 Баруткинской, 143
 Баруткины, 143
 Баруты, 143
Барца, 677
 Барышево, 245
Батоног, 325
 Бебер, 328
 Беберино, 328, 683
Беберка, 328, 329, 330, 397
 Беберово, 328
Бebbёры, 328, 329, 330
 Бебор, 328, 329
 Бебра, 328, 329
 Бебрейка, 328
 Бебрино, 328
 Бебриши, 328
 Бебриши, 328
Бeбро, 327, 328, 329, 330, 615, 675
 Бeброво, 329
 Бебры, 328
 Бебрюхово, 328
 Бебря, 328, 329, 330
 Бeглой, 505
Бегуницы, 601, 677
 Бегунок, 505
Бегучий, 505
 Бегушка, 505
 Бeдунья, 247
 Бежана, 608
 Бежаницы, 608
 Бежаничи, 608
Бежаны, 608
 Бежецк, 601
 Бежецкая, 601
 Бежицы, 601
 Бежичи, 208, 601
 Бежска, 505
 Бездедова, 122
 Бездедовичи, 122
 Бездедово, 122
 Бездедьков, 122
Бездеж, 122, 386
Бездежа, 122, 676
 Бездежиский, 122
 Бездѣжа, 122
 Бездѣжъ, 122
Безуев Мох, 247
 Безуевиц, 248
 Безуевичи, 248
 Безуевка, 248
Безуино, 245, 247, 676
 Безымянный, 167
 Бекевичи, 598
 Бекичево, 598
 Бекیشهво, 598
Беково, 598
 Белавежская Пушча, 384
 Белая, 262
 Белая Холуница, 551
 Белиц, 434
 Белогоули, 331
 Белогоуля, 331
 Белое, 262, 412
 Белозерская Прость, 486
 Белоусов Бор, 590
 Белые Вежи, 384
 Беразуйки, 566
Бердище, 675
Бердо, 675
Бердово, 674
 Бердуха, 47
 Берег, 420
 Береговая, 416
 Береговая Коломенка, 416
 Бережные Водосы, 359
 Бережо, 563
 Березаевское, 563
 Березаи, 565
Березай, 563, 564, 565, 567, 568, 616, 664, 681
 Березай 2-й, 563
Березайка, 563, 564, 567, 568, 664
 Березайский, 563
 Березайский Ряд, 564, 565
 Березая, 563, 664
 Березвецкое, 566
 Березвеч, 566
 Березвечь, 566
 Березвица, 566
 Березенка, 59
 Березинка, 566
 Березна, 59
 Березно, 563, 565
 Березно-Березай, 563
 Березов Ряд, 564
 Березовец, 564
 Березовецкий, 564
 Березовик, 562, 565
 Березовой Рядок, 564
 Березовский, 564
 Березовский Ряд, 564
 Березовский Рядок, 564, 565
 Березовское, 566
Березовый Рядок, 564
 Березорадинское, 566
Березуг, 567
Березуга, 567, 568
Березуги, 567
 Березуевка, 566
 Березуево, 566
 Березуек, 566
 Березуенка, 566
 Березуеск, 566
 Березуец, 566
 Березуи, 565, 566
 Березуица, 566
Березуй, 566, 567, 568, 569, 673
 Березуй Большой, 566
 Березуй Радоницы, 566
 Березуй Старый, 566
 Березуйка, 566, 568
 Березуйск, 566
 Березуйской, 566
Березук, 567
Березуха, 567, 568

- Березуха Сотонина, 567**
 Березухи, 566
 Березуя, 566
Берешинское Захонье, 484
Берка, 675
 Берлин, 49
Бидогоща, 158
Бикичевицы, 598
 Бикичевичи, 598
 Бикичевский Водос, 360, 598
 Бискупицы, 599
 Бискупичи, 599
 Бислав, 80
Благи, 332
 Благиновка, 333, 334
 Благиновский, 333, 334
 Благиновской, 334
 Благов, 333
 Благовка, 333
Благой, 332, 333
 Благоучской, 333
 Благуша, 333
 Благушка, 333
 Блажанка, 331, 332, 668
Блажена, 332
 Блазниха, 69
 Ближняя Соминка, 648
 Близнец, 554
Близня, 554
 Близня, 554
 Блогуша, 333
 Блогушка, 333
 Бојана, 130
 Бојанац, 130
 Бојани, 130
 Бобовиць плиска, 574
 Бобраково, 329
 Бобринка, 330
 Бобриха, 329
 Бобров, 329
 Боброва, 329
 Бобровец, 329
 Бобровик, 329
 Бобрович, 329
 Бобровичи, 329
 Бобровники, 329
 Боброво, 329
 Бобровый, 329
 Боброк, 330
 Бобруйка, 567, 568, 569
 Бобруйск, 569
 Бобруйские, 567, 569
 Бобрыни, 329
 Боголюбьи, 312
 Богоскин, 161
 Бойцово, 245
Бокотерж, 112, 467, 730
 Болагая, 334
 Болагая Гора, 330
 Болван, 47
 Болгача, 333
 Болгачь, 333
Болгино, 334
 Болдыревское, 605
Болково, 283, 676
 Бологівка, 333
 Болога, 334
 Бологая, 331, 332, 334, 668
 Бологая Гора, 330
 Бологжѳ, 556
 Бологжо, 336, 556
Бологжжа, 555, 556
 Бологжжа, 555
Бологинец, 333, 668, 677
Болого(е), 331, 333
 Бологова, 331
 Бологовка, 333
Бологово, 331
 Бологовская, 330
 Бологовское, 330, 331
Бологое, 330, 331, 332, 333, 555, 616, 664, 676
 Бологое-Московское, 330
 Бологуль, 331
Бологуша, 331
Бологъже, 556, 560, 562
 Болодинец, 333, 668
 Боложивца, 331
 Боложица, 331
 Болонье, 39
 Болосово, 331
Болохово, 284
Болсуново, 284
 Болтина, 283
Болтино, 116, 284
Болтово, 116, 284
 Болхов, 284
 Болчина, 283, 683
Болчино, 116, 282, 283, 668, 676
 Болчинский, 282
 Большое Пертечно, 464
 Большино, 283, 668
Болычева Гора, 283
Болычево, 283
Болычово, 283
 Большая Березуј, 566
 Большая Бортна, 337
 Большая Будогоща, 158
 Большая Велья, 546
 Большая Камочка, 408
 Большая Кжемля, 410
 Большая Коломенка, 416
 Большая Коломна, 416
 Большая Корельская На-
 люча, 120
 Большая Озерова, 578
 Большая Прость, 486
 Большая Сболога, 334
 Большая Соминка, 648
 Большая Ужинка, 500
 Большая Уторгош, 178, 179
 Большая Холынья, 550
 Большая Ясень, 520
 Большие Боры, 590
 Большие Видони, 131
 Большие Волоты, 286
 Большие Вяжищи, 380, 381
 Большие Лъзи, 440
 Большие Меглецы, 447

- Большие Невадицы, 117
 Большие Озертицы, 594
 Большие Радежи, 561
 Большие Соки, 577
 Большие Сяглицы, 498
 Большие Уторгощи, 178
 Большие Язвицы, 542
Большие Ясковицы, 521
Большие Ясны, 520
 Большие Ясковицы, 521
 Большое, 405
 Большое Верево, 372
Большое Захонье, 482, 483
 Большое Клецино, 409
 Большое Льгово, 304
 Большое Мирославль, 85
 Большое Мроткино, 235
 Большое Озерёво, 578
 Большое Острие, 455
 Большое Пертешино, 464
 Большое Рамушево, 269
 Большое Слободское, 444
 Большое Сомино, 651
 Большое Ужинское, 501
 Большой Двор, 613
 Большой Донец, 388
 Большой Иглино, 394, 397
 Большой Лукавец, 434
Большой Хатраж, 108,
 730
 Бор, 495, 542, 569, 570, 571,
 583, 584, 589, 590, 591
 Бор Волоско, 343
 Бор Волоской, 343
 Бор Радлицы, 495
Борэль, 494, 571
 Бордалицы, 495
 Бортна, 336
Борже, 146, 675
Борзово, 146
Борзоево, 146, 677
Борисово, 245, 307
Бориша, 154
Бория, 554, 675
- Борки, 253
 Боркина, 253
Боркино, 253
Боркова, 253
 Борковичи, 253
 Борковка, 253
Борково, 253, 675
Борковская, 253, 253, 254
 Борковский, 253
 Борковщина, 253
Борняг, 571
 Боровая, 159
 Боровенка, 571
 Боровитино, 589
 Боровитиново, 589
 Боровитиха, 589
 Боровицкий, 586
 Боровицы, 208, 587, 592
«Боровичеви», 587
Боровичи, 208, 586, 587,
 588, 589, 590, 591, 592,
 595, 673
 Боровички, 587
 Боровичь, 587
 Боровляниново, 590
Боровлянка, 590
 Боровно, 429, 570, 571
 Боровое, 571, 581, 589, 591
 Боровск, 590
 Боровский, 590
 Боровское, 570, 571, 591
 Боровчанка, 590
 Бородовицы, 595
 Борое, 568, 569
 Борок, 253, 381, 571
 Боротенский, 336
 Боротино, 143
Боротна, 336
Боротно, 336, 337, 668
Боротно Большое, 336
 Боротно Малое, 336
 Боротное, 336
 Бороусы, 682
Борочь, 143, 675
- Бортица, 337**
Бортицы, 337
Бортки, 337
 Бортна, 337
Бортник, 337
 Бортник Большой, 337
 Бортник Меньшой, 337
Бортница, 337
Бортно, 337, 675
Бортное, 337
Бору, 568
Боруе, 568, 569, 570
Боруево, 568, 570
Боруец, 567, 568
Боруи, 567, 568, 569, 570
 «Боруице», 570
Боруй, 567, 568, 569, 570,
 676
 Боруйцы, 569
Борулец, 570
 Борулина, 570
Борулицы, 570
Борутино, 143, 570
 Борутиха, 143, 683
 Борутица, 143
Борутицы, 143, 570
 Боруцкий, 143
Боручье, 142, 568, 570, 666,
 675
 Борхова, 253
 Борховская, 254
 Борыни, 128
 Борыня, 128
 Борькова, 253
 Ботаног, 325
Бохот, 675
 Бохотка, 39, 675
 Бохотово, 675
 Бохоток, 675
 Боян Дол, 130
 Бояна, 128, 129
 Боянец, 32
 Боянець, 129
Бояница, 32, 129, 130

- Бояницы, 129**
 Бояниччи, 32, 129
 Боянова, 128
 Бояново, 129
 Боянская, 32, 129
Бояница, 32, 129, 130
 Боянь, 129
Бояня, 32, 128, 129, 675
 Бояры, 69
Бракловицы, 141, 212, 214,
 215, 496, 598, 669
 Брати́ла, 215
 Брати́лец, 215
 Брати́лов, 215
 Брати́лова, 215
 Брати́ловицы,
Брати́ловичи, 208, 215,
 583, 597, 598, 668
 Бра́тиловичи, 141, 212, 215
 Брати́ловка, 215
Брати́лово, 215, 583, 675
 Брати́ловская, 215
 Брати́льово, 215
 Брати́ля, 215
 Братлови́цы, 214, 215, 496,
 669
 Братлови́чи, 215, 597, 668
 Бра́тлови́чи, 141, 212
Братогощ, 172
Братухново, 254
Брахово, 254, 676
 Брилина Гора, 323
 Бритомля, 740
 Бродови́цы, 595
Бродовичи, 595
 Бронижа, 558
 Бронница, 201, 204
 Бронницы, 201, 204
 Бруда, 180
 Брычиха, 69
 Будагощ, 158
 Будагоща, 158
 Будогаща, 80
Будешино, 254, 675
- Будешово, 254**
 Будим, 216
 Будимац, 216
Будимерово, 78, 246
 Будимир, 216
 Будими́цы, 215
 Будимли́ја, 216
 Будимов, 216
 Будимова Нива, 216
 Будимска, 216
 Будини́цы, 215
 Будислово, 88
Будищино, 254
 Будови́ж, 104
 Будогови́ци, 158
Будогощ, 61, 80, 88, 158,
 667, 675
Будомицы, 215, 216, 675
Будослово, 88, 730
 Будошовка, 254
 Будушевка, 254
 Будя́тин Вымол, 152
 Буеви́ще, 129, 130
 Букоде́рж, 112
Булгак, 311
 Булычево, 283
 Буреги, 30
 Буряя, 555
 Бурлино, 570
 Буро-Бурое, 568
 Бурое, 568, 569
 Бурулец, 570
 Буслава, 80
 Буславец, 80
 Буславка, 80
 Буславль, 80
Буславля, 80, 676, 730
 Буславцево, 80
 Буслова, 87
 Буслово, 245
Бутки, 70
 Бутки́ничи, 70
 Буяна, 128, 129, 130
 Буяница, 129
- Буяницы, 129, 130
 Буянка Малая, 128
 Буянское, 129, 130
 Буяница, 130
 Буяня, 128, 130
 Быдгощ, 158
 Быдгоща, 80
 Быдовица, 158, 667
 Быки, 70
 Быкова, 581
 Быково, 70, 245, 581
Быслав, 80, 730
 Быславле, 75, 80
 Быславль, 80
 Быстреева, 280
Быстрево, 280
 Быстреевской, 280
 Быстреиково, 280
Быстреиково Большое, 280
 Быстреиково Меньшее, 280
 Быстриевка, 280
 Бякова, 598
 Бяковичи, 598
 Бъгуни́цы, 601
 Бъгуни́чи, 601
Бъжане, 601, 608, 677
 Бъжани, 608
 Бъжаны, 608
 Бъжи́цы, 601
 Бъжи́цкой верх, 601
 Бъжи́цы, 601
 Бъжи́ць, 601
Бъжичи, 601
 Бъжичь, 601
Бълавезжа, 384, 676
 Бълая Въжа, 384
 Бълеви́цы, 216

В

В Боруях Щмелево, 569
 «в Брати́ловицах», 598
 «в Городи́щяных», 585, 605
 «в Чихлове», 302

- «в Ходыницѣх», 133, 134, 585
 «Велимицѣхъ», 217
 «во Вреве», 373
 «во Лѣнзеньѣ», 422
 «въ Бискупицахъ», 599
 «въ Бѣжичихъ», 601
 «въ Влунѣ», 372
 «въ Вунемере», 94
 «въ Любытинахъ», 261
 «въ Напцахъ», 154, 155
 «въ Нелезеньѣ», 442
 «въ Нелѣзене», 442
 «въ Нелѣзенѣ», 442
 «въ Нѣлѣзѣнѣ», 441
 «въ Устьянехъ», 603, 604
 «въ Устьянѣхъ», 603, 604, 605
 «въ Чехловѣ», 302
 «въ Ходыницихъ», 133, 134, 585, 605
 «в Люботинахъ», 261
 «в Нелезине», 442
 В Вешкахъ, 384
В Лукой, 431
 В Меглехъ, 450
 В Пѣсковѣ, 472, 572
 В Ширице Жиравово, 513
 В Ясну Ляховичи, 233
 В'етка, 348
 Верхний Залегощъ, 164
 Вілія, 546, 547, 548
 Вілья, 546
 Вінець, 356
 Віно, 355
 Вінок, 356
 Віта, 348, 351
 Віцьба, 353, 354
 Вічмеро, 316
 Вагостици, 161, 668
Вагошка, 161
 Вагоща, 161
 Вагуй, 572
 Вадоса, 362
- Вайбудицкая Гора, 210, 676**
Вайгош, 161
 Валінські Мастоки, 366
 Валатова, 285
 Валатоўкі, 286
 Валдай, 584
 Валотніца, 286
 Валуни, 372
 Вальна, 366
 Вальнка, 367
 Вальнов, 367
 Вальгома, 537
 Валя, 313
 Ванюха, 311
 Ваня, 152, 313
 Варавинка, 42
Вареги, 30, 346
 Варежская, 345
 Вареская, 345
 Варница, 201
 Варницы, 201
Варяжская, 345, 346
 Варѣги, 346
 Васильево, 245, 309
Васькина Плюха, 476
 Васьково Иглино, 397
 Ваула, 311
 Введенское, 566
 Вдаль, 616, 667
 Вдовичи, 667, 673
 Веглино, 356
 Вегоща, 159
 Ведогоща, 159
 Ведоса, 362
 Ведягинская Простъ, 486
 Вежицкая, 380
 Вежицкое, 384
 Вежицкой, 380
 Вежище, -и, -а, 727, 738
Вежища, 380, 381, 383
Вежищи, 380, 381, 382
Вежищо, 383
Вежки, 384, 601
- Вежкино, 384**
Вежной Ручей, 384
 Вездершика, 398
 Везица, 381
 Вейна, 355, 668
 Вейно, 355
 Векша, 619
Велбуже, 97, 141, 675, 730
 Велгея, 555
 Велгошти, 159
 Велебит,
 Велебицкое, 217
Велебицы, 216, 217
 Велебици, 217
 Велеговши, 159
 Велегощ, 159
 Велегоща, 159
Велегощи, 29, 159, 191, 675
 Вележь, 559
 Вележься, 559
 Вележься Поля, 558
 Велейка, 546, 549, 616
 Велейки, 547
 Велема, 218
Велеми, 217
 Велеми Верхние, 218
 Велеми Нижние, 218
 Велемичи, 217
 Велемишки, 218
 Велемля, 363
 Велемье, 218
 Велемья, 363
 Веленец, 548
Велени, 130, 675
 Велени Горние, 130
 Велени Нижние, 130
 Веленица, 130
 Веленицы, 130
 Веленицы Новые, 130
Веленицы Старые, 130
 Веленка, 548
 Веленницы, 130
 Веленское, 130
 Велены, 130

- Велень, 130
 Велеса, 338
 Велетовка, 287
Велетово, 287, 673
Велеша, 337, 338, 339, 340
Велешаи, 338, 339, 340
Велея, 545, 547
 Вели, 546
 Велиа, 546
 Велибицы, 216
 Велигощи, 159
 Велие, 546
Велиж, 558, 559, 677
Велиже Поле, 558
 Велижка, 559
Велижно, 559
 Велижье, 558, 559
 Велижье Поле, 558
 Великая Перевъжа, 121
 Великие Луки, 433
 Великий Двор, 393, 613
 Великодержково, 256
 Великое Село, 541
 Велил, 70, 140, 668
 Велильская,
Велилы, 70, 131, 140, 677
 Велиль, 70, 140, 141, 666, 668
 Велильский ям, 140
 Велиля, 140, 141
Велимичи, 217, 220, 579, 669, 675
 Велина, 548
 Велиницы, 130
 Велинка, 548
 Велино, 548
 Велинское, 548
 Великоща, 159
 Велиша, 337
 Велиши, 338
 Веля, 545, 546, 547
 Веля, 546, 547
 Велма, 365
Велска, 342, 546
- Велска-Волоска, 343, 546**
 Велской, 343, 546
Вельцо, 545, 546, 547
 Вельнская земля, 370
 Вельнь, 367, 368, 370
 Вельньская земля, 370, 371
 Вельгено, 548
Вельгош, 159, 191, 192
 Вельгошка, 159
 Вельгощ, 159
 Вельгоща, 159
Велье, 343, 545, 546, 549, 673
 Вельё, 545, 549, 616
 Вельев, 546
 Вельевский, 545
 Вельевское, 545
 Вельец, 546
 Вельица, 546
 Вельмаса, 365
 Вельмино, 218
 Вельмицы, 217
 Вельмичи, 217, 669
 Вельмово, 218
 Вельна, 548
 Вельня, 548
 Вельнянка, 548
 Вельска, 342, 343, 549
 Вельское, 545
Вельца, 546, 548
Вельцо, 545, 547
Велья, 371, 545, 546, 547, 548, 549, 559, 616, 673
Велья Гора, 545, 547
Велья,-е, 545, 546, 548
 Велямка, 363
 Вельъжа, 337
 Вельъжно, 559
 Вельъни, 130
Вельъницы, 130
Вельътово, 287
 Вельъша, 337
 Вемичи, 217
 Вена, 355
- Венац, 356
Венец, 356, 675
 Веницы, 355
 Венка, 355
 Венц, 356
 Верба, 365
 Вербеж, 562
 Вербежи, 562
 Вербеньева, 365
Вербляж, 562
 Вервели, 374
 Верглино, 390
 Верготь, 29, 42
 Вереба, 364, 365
 Веребейка, 364
 Веребна, 364, 365
 Веребушка, 364, 365
Веребье, 42, 364, 365, 552
 Веребья, 364, 365, 552, 616
 Веревка, 372, 373, 374, 605, 669
Верёвка, 374, 375
 Веревкино, 374
 Верево, 372, 374
 Верегова, 345
 Вереговичи, 345, 346
 Вереговка, 345
Верегово, 345
 Вережская, 345
 Веренда, 29
 Вереская, 345
 Вересовичи, 346
 Веретье, 47
 Верецкая, 345
 Верецин, 287, 673
 Верецина, 287
Верецино, 287, 673
 Верецинской, 287
 Верецовка, 287
 Вержица, 343
Вериговщина, 345
 Веронда, 42
 Вертля, 494
 Верхнее Клецино, 409

- Верхнее Сомино, 651
 Верхние Будомицы, 215
 Верхние Тиккули, 334
 Верхние Тиккулы, 334
 Верхний Волок, 257
 Верхний Миглас, 450
 Верхний Прихон-1, 479
 Верхний Прихон-2, 479
Верхняя Зболога, 334
 Верьбна, 365
 Верьгова, 345
 Верьгово, 345
Веряжса, 42, 343, 344, 345
Веряжино, 344
 Веряжица Горняя, 343
Веряжса, 343, 344
 Веряжкино, 344
 Веряжская, 345
 Веряжский Мох, 343, 344
 Веряжсье, 343
 Веряйка, 344
 Веряски, 344
 Веряский, 344
Веряско, 344, 345
 Веряська, 344
 Веселая Лопань, 430
 Вескеболога, 335
 Вескеболого, 335
 Веснеболог, 335, 676
 Веснеболог(а), 336
 Веснеболога, 335
 Веснеболого, 335
 Веснеболожца, 335
 Веснеболожка, 335
 Веснеболок, 335, 336
Весниболог, 335
Ветиц, 347
Ветка, 347, 348, 349, 350,
 351, 352, 674, 727, 736
Ветки, 347, 348
 Ветлы, 412
Ветошка, 347, 727, 736
 Ветошки, 347
 Веть, 347, 616, 727, 736
- Вечеслово, 88
 Вечеша, 560
 Вешинское, 431
 Вешка, 384
Вешки, 384, 601
 Вешкина, 384
 Вешкино, 384
 Взвадь, 494
 Взгляди, 142
 Вздеренога, 398
 Вздери Нога, 398
 Вздеринка, 398
 Вздериновка, 398
 Вздеринога, 397, 398
 Вздериножка, 398
 Вздериношка, 398
 Вздериша, 398
 Вздеришка, 398
 Вздерьшка, 398
 Вздыриша, 398, 399
 Взедиринога, 397
 Вибино, 353
 Вибыно, 353
Виглинка, 356
Виглино, 356, 357, 668
Виглинский, 356, 357
 Видба, 353
 Видбескъ, 353, 354
 Видбино, 353
 Видгося, 160
 Видемер, 89, 315
Видемле, 218, 675
 Виденеж, 100
Виджа, 160, 197, 198
 Виджи, 160
 Видимерье, 89
 Видимир, 89, 312
 Видимирское, 75, 89, 90,
 218, 669, 677, 730
Видимирь, 75, 89, 312
 Видимле, 218
 Видлинка, 357
 Видовичи, 90, 104
 Видовлицы, 218
- Видоговиша, 160
 Видогоша, 160
 Видогощи, 160
Видогоща, 75, 159, 160, 198
 Видогощи, 160
 Видогощская, 159
Видогощь, 31, 90, 159, 160,
 667, 676
 Видомир, 90
 Видомирь, 89, 315, 669
Видомлицы, 218
 Видомль, 218
 Видомлят, 218
Видони, 131, 676
Видонково, 131
 Видоня, 131
 Вижищи, 381
 Виля, 546
 Вилгош, 181, 668
 Вилеи, 547
 Вилейка, 546, 547, 548, 549,
 616
 Вилемья, 363
 Вилени, 130, 218
 Виленицы, 130
 Виленка, 546, 547, 548
Вилень, 548
 Вилецкое, 355
 Вилея, 538, 545, 546, 547
Вилин, 357, 548
Вилино, 548
Вилины, 357
 Вилия, 538, 545, 546, 547,
 548, 549
 Виллио, 546
 Вилля, 546
 Вилля, 546
 Вильгоща, 159
 Вилье, 546, 547
Вильево, 547
 Вильи Горы, 545, 547
 Вильна, 548
 Вильно, 548
 Вильнюс, 548

- Вильня, 546
 Вилья, 357, 538, 546
 Вилья,-е, 547
Вильянка, 547
 Вилюн, 548
 Виляйка, 547
 Вилянки, 546
Винецкое, 355
Виниха, 356
 Винка, 355
Винная, 356
 Винницы, 355
 Виногощье, 173
 Вины, 355, 356, 668
 Вирки, 42
 Вит, 350
Вита, 350, 727, 736
 Витаница, 132
 Витанишки, 132
 Витановите Усойни, 132
 Витаны, 132
 Витебск, 353, 354
Витебско, 353, 354, 616, 674
 Витебское, 353
 Витебскъ, 353
Витенеж, 100, 673, 730
 Витень, 352
 Витепескъ, 353
Витец, 353
Витинец, 352
Витка, 255, 348, 349, 350, 351, 352, 616, 664, 676, 683, 727, 736
 Витки, 255
 Виткин, 255
 Витков, 254, 255
Виткова, 254, 255
 Витковичи, 255
Витково, 254, 255, 675
 Витковщина, 255
 Витна, 352
Витня, 352
Витов, 255
- Витовка, 255
Витово, 255, 676
Витогощ, 100, 160, 161, 676
 Витон, 131
 Витонева, 131
 Витони, 131
 Витонце Меньшое, 131
 Витонь, 675
Витонь Большая, 131
 Витонь Малая, 131
Витославицы, 100, 209, 676
 Витославлечи, 209
 Виточка, 350
Витца, 352
Вить, 350, 352, 354, 727, 736
 Витьба, 353, 354
Витьбино, 353, 354
 Витязь, 353
 Виц, 350
 Вица, 352
 Вичамерове, 316
 Вичемера, 316, 326
 Вичемери, 316
 Вичемира, 316
 Вкромегощцы, 174
 Владимир, 153, 312
 Владимир-Вольнский, 367
Владычицы, 599
 Власовичи, 342
 Власово, 342
 Власовщина, 342
 Внучки, 69
 Воврево, 372
Вогостино, 157, 161, 191
 Вогостици, 161
Вогостицы, 161, 206, 213
Вогоща, 157, 161, 184, 191, 673
 Водоги, 360
 Водок, 360
 Водоносно, 360
- Водонай, 572**
Водос, 359, 360, 668, 681
Водоса, 359, 361, 362, 616
Водоси, 359, 360
 Водоси Бережные, 359
 Водоси Нижние, 359
 Водоси Струги, 359
 Водоска, 359
Водосно, 360
 Водосны, 360
 Водосца, 359
Водосы, 359, 360
 Водосы Нижние, 359
Водосье, 359, 360, 668
Водосьи, 360
 Водосья, 359
 Водус, 360
 Воегоща, 161
 Воегоща Верхняя, 161
 Воегоща Нижняя, 161
 Воегоще, 161
 Воегощенка, 161
 Воегощъ, 161
 Воежитцы, 240
 Воздриково, 398
Воздриново, 398
 Воибуцкая Гора, 210
 Воигоща, 188
 Воимеричи, 161
 Воишь, 128
 Воинятино-Наредье, 543
Воиславле, 75, 80, 675, 730
 Воиславци, 81
 Войбутская Гора, 210
 Войгож, 161
 Воймерица, 210, 669
 Воймерицы, 210
 Воймеричи, 201, 210, 669
 Воймерово, 210
Воймирицы, 201, 210, 669, 675
 Воймирово, 210
 Воймърчи, 210
 Войнеговци, 241

- Войнежа, 241
 Войнягова Чукла, 241
 Войняговица, 241
 Войнягово, 241
 Войсковицы, 207
Вокло, 453
Волат, 286
Волбовичи, 206
 Волгоград, 153
 Волежно, 559
 Воленицы, 130
 Волинець, 367
 Волинка, 367
 Волинське, 367
 Волково, 69
Волма, 29, 362, 364, 365,
 616, 683
 Волмаса, 365
 Волмасна, 365
 Волменское, 363, 365
 Волмечка, 363
Волмина, 363, 674
Волминицы, 363
 Волмозеро, 365
Волмяг, 47, 364
Волмяга, 364
 Волницкое, 363
 Володимерь, 153, 312
 Володимѣрь, 153
 Волок, 256
Волок Волын, 366
 Волок Держков, 257
 Волок Хотславль, 81, 256,
 676
 Волокодержков, 256
 Волокодержковский, 256
 Волокославинский, 81
 Волокославинское, 81
Волокславский, 81, 730
 Волома, 365
 Воломо, 365
 Волоска, 343
 Волоско, 342, 668
 Волоско Большое, 342
Волосков, 342
Волосковичи, 342
Волосково, 60, 342
 Волосна, 343
 Волосна Малая, 343
 Волосов, 340
Волосова, 340, 341
Волосова Гора, 342
 Волосовичи, 340, 342
 Волосовка, 342
Волосово, 340, 342
 Волосовщина, 342
 Волосское, 340
Волостово, 255, 282, 675
 Волосько, 668
Волосько Большое, 342
 Волосько Малое, 342
Волот, 286
 Волота, 287
 Волотейской, 287
 Волотенской, 287
Волотец, 286
 Волотец-Конашево, 286
 Волотея, 287
 Волотин, 287
 Волотинка, 287
Волоткина, 285
 Волотково Поле, 287
Волотня, 286
 Волотов, 284
 Волотова, 285
 Волотова Могила, 287
 Волотовица, 240
 Волотовка, 286
 Волотовки, 287
Волотовна, 286
Волотово, 284, 285, 286, 673
 Волотово городище, 287
 Волотово поле, 284, 285,
 286
Волотовское, 286
 Волотовы горы, 286
Волотский, 286
Волотцкое, 286
 Волоты, 286, 287
 Волотынка, 287
 Волоть, 287
 Волоцкий, 256, 286
 Волоцкое, 286
Волочек Держков, 255, 256,
 676
 Волочек Дериков, 255, 256
 Волочно, 552
 Волочья, 552
Волочье, 552
Волочья, 552
Волуек, 569
 Волуна, 372
 Волуни, 372
Волуня, 371, 372
 Волфин Березуй, 566
 Волхов, 29
 Волхово, 681
 Волчина, 59
 Волчья, 552
 Волиня, 372
 Вольн, 366
 Вольнец, 366, 367
 Вольнец Северный, 366
 Вольнец Южный, 366
 Вольнешы, 366
Вольни, 366
 Вольнина, 366
 Вольнице, 366
 Вольници, 366
Вольника, 366, 367
 Вольники, 366
 Вольново, 367
 Вольновский, 366
Вольнская, 366
 Вольнская земля, 370
Вольнский, 366, 367
 Вольнцево, 367
 Вольницы, 367
Вольнь, 365, 366, 367, 368,
 369, 370, 371, 664, 668,
 676

- Вольня, 366
Волышнёво, 369
 Вольма, 362, 363
 Вольницкое, 363
 Вольтынка, 287
 Воля, 313
 Вонігово, 241
 Вонегга, 240
 Вонижница, 204
Вонижницы, 161, 241
 Вонятино на Редье, 543
 Вонѣженка, 240
Вонѣжница, 161, 240, 677
 Вонѣжницы, 240
 Воробейка, 167
 Воролянка, 615
 Воронеж, 49
 Воронежская, 49
 Вороток, 648
 Восемской, 618
Восенка, 454
Восино, 456
 Воскресенская сторона, 490
 Воскресенское, 491, 560
 Восма, 618
 Восменский, 618
 Восминский, 618
 Восна, 454
Восная, 454
Восница, 454, 667
 Востони, 131
 Восходная, 479
 Восьма, 618
 Вотолово, 285
 Врёво, 373, 375, 378
 Врев, 373, 374, 375
 Врёв, 373, 375, 378
Врева, 372, 373, 374, 375, 605, 668, 669
 Вревица, 373, 378
Вревка, 372, 373, 374, 378, 605
 Врёвка, 372, 373, 374, 375
- Врево, 42, 372, 373, 375, 664, 667, 674
Врёво, 372, 375, 378
 Вревское, 373
 Вруда, 29
 Врусское, 632
 Врѣво, 372, 375
 Всохонье, 479
 Всевиж, 75, 103
 Вселуг, 614
Вселук, 614
 Вселуки, 614
Всеславле, 81, 674, 730
 Всеславль, 81, 88, 89
 Всолук, 614
 Выходня, 480
 Выхоня Лука, 479
 Выхонье, 479, 482
 Выхонье, 479
 Вудрицкое, 554
Вудрицы, 554, 667
 Вузима, 504
 Вуковай, 349
 Вутрогоща, 50, 178
 Вутрогоще, 178
Вховез, 103, 104, 668, 681, 730
 Вховези, 103
 Входня, 480
Вхомля, 494
 Вшага, 493, 494, 495
 Вшажьская, 493
 Вшара, 493
Вшели, 493, 495
 Вшелский, 494
 Вшеля, 494
Вшеничи, 493
Вшера, 492, 493, 667
 Вшагоща, 186, 668
 Вщиж, 186, 559
 Вълъмь, 363, 365
Выдерка, 553, 554, 616
 Выдерки, 554
 Выдобыч, 90
- Выдовичи, 90
 Выдогощь, 90, 159, 667
 Выдомерь, 90
 Выдомир, 90
 Выдомирь, 218, 219, 317, 730
Выдомирь 1-я, 90
 Выдомирь 2-я, 90
Выдра, 553
Выдряя Лука, 553
Выдреа, 553, 554, 667, 674
 Выдрья, 553
 Выдрие, 554
 Выдумер, 219
Выдумерь, 90, 730
 Выдымирь, 91, 219
 Выйка, 602
 Вылгоц, 181
Вылыня, 366, 668
Выползово, 677
 Высокия Вежница, 380
 Высокое Химкино Вереговичи, 346
 Вытебеть, 353
 Вытевско, 353
 Вытепско, 353
 Выхино, 479, 480
 Выхино-Жулебино, 479
 Выходня, 480
 Выхонь, 480, 482
 Вычемер, 316, 317
 Вычемера, 316
Вычерема, 316, 326, 675
 Вычимѣра, 316
 Вышгород, 676
Вышгородок, 358, 669, 676
Вышебол, 358
Вышегород, 358, 669, 676
 Вышегородь, 358
 Вышиний Волок, 257
 Вышиний Волочек, 257
 Вышьгородь, 153
 Выя, 602
 Вьяля, 371

- Вяже, 382
Вяжеское, 382
 Вяжи, 382
Вяжий, 382, 384
 Вяжиско, 380
 Вяжицкая, 380, 381
 Вяжицкий, 381
 Вяжицкое, 379, 406
Вяжица, 380, 381, 382
Вяжище, 379, 380, 381,
 382, 669, 674
 Вяжище-1, 380
 Вяжище-2, 380
 Вяжище,-и,-а, 727, 738
Вяжищи, 379, 380, 381,
 382, 383, 664
 Вяжищи-Звягино, 380
 Вяжицкая слобода, 379
 Вяжицкое, 380
 Вяжная, 382
 Вяжица, 380
 Вяжицкое, 379
 Вяжное, 382
 Вяжны, 382
 Вяжный, 382
 Вязица, 381
 Вязище, 381, 669
 Вязищи, 381, 383
 Вязищи Большие, 381
 Вязищи Малые, 381
Вязки, 383, 522
 Вязковичи, 521, 522
Вязма, 674
 Вязьма, 674
 Вялец, 461
 Вялина, 548
Вялье, 549
Вяргость, 181, 189, 195
 Вяргось, 181
 Вясковичи, 521
 Вяска, 522
 Вячеслово, 88
 Вѣдогоша, 159
 Вѣлья, 546, 547
- Вѣна, 355
 Вѣницы, 355
Вѣнка, 355
Вѣно, 355
Вѣреговичи, 346
 Вѣресовичи, 345, 346
Вѣскоболье, 357, 358, 673
 Вѣта, 348, 351
Вѣтка, 347, 348, 351, 352,
 683
 Вѣтня, 352
 Вѣть, 348, 351, 352
 Вѣшки, 384
- Г**
- Гаврилов, 420
Гавриловец, 243
 Галич, 49
Ганежи, 82, 100, 321, 730
Гарижа, 558
 Гарь, 610
 Гостижа, 558
 Гастышка, 558
Гатобужи, 96, 259
 Гатсіна, 257
Гатчина, 257, 258, 259,
 667, 668
 Гатчино, 257, 258, 259
 Гафаново, 309
 Гвезденка, 322
Гвездено, 322, 668
 Гверстанка, 47
 Гвоздино, 322
 Гвоздь, 39
 Гдаль, 616, 667
 Гдов, 595, 667, 673
 Гебежское, 560
Гибез, 506, 560
 Гиченка, 333
 Гладкое, 655
 Гневна, 39
 Гнѣздино, 248
 Гобжинка, 560
- Гобжица, 560
 Гобжицы, 560
Гобижа, 560, 562
 Гоголица, 620
Годогоща, 172
 Годыня, 128
 Гожевичи, 236
 Голова, 578
 Голубовщина, 69
 Гомель, 679
 «Гомысел», 598
Гомысл, 100, 321
 Гомысло, 321
 Гомыслов, 321
 Гомыслы,
 Гомысль, 321
 Гонеж, 100
 Гонежи, 75, 100
 Гора, 47
 Градмица, 241
Гораздица, 241, 675
 Гораздичі, 241
 Гораздово, 241
 Горазници, 241
 Горазницы, 241
 Гораи, 682
 Горбатица, 204
 Горбатицы, 204
 Горбуша, 277
Гореслава, 311, 312, 318,
 675
 Гореславцы, 318
Горижа, 558
 Горийское, 406
 Горина, 508
 Гориславец, 318
 Гориславка, 318
 Горислов, 318
Горка Керебежав, 560
 Горка на Вреве, 372
 Горки, 47
 Горние Водоси, 359
 Горние Водосы, 359
 Горное Веретье, 47

- Городец, 299
 Городец Радилов, 141
 Городецк, 601
 Городецко в Бежицком Вер-
 ху, 601
 Городно, 461
Городок, 20, 424, 604
Городолюбское, 106, 677,
 730
 Городомля, 536, 740
 Городья, 539
Горыни, 673
Горыньское, 673
 Горынь, 508, 673
 Горысловье, 318
Горяне, 605
 Гослав, 81, 87, 312
Гославль, 81, 312, 675, 730
 Гославица, 82
 Госніжичі, 101, 673
Госнѣг, 101, 198, 326
 Гостів, 199
 Гостажа, 558
 Гостевицы, 107
 Гостево, 199
Гостеж, 557, 559
 Гостеж, 557
 Гостеж II-й, 557
 Гостеж I-й, 557
Гостелюбле, 75, 106, 164,
 198, 675, 730
 Гостемер, 211
 Гостемержа, 211
 Гостемеря, 211
 Гостемир, 211
 Гостемирец, 211
 Гостен, 199
 Гостехово, 199
 Гостибицы, 219
Гостибицы, 219, 676
 Гостивель, 107
Гостивицы, 107, 198, 730
 Гостивицы, 107
Гостиж, 557, 674
Гостижа, 557, 558, 559
Гостижбор, 557
 Гостиженка, 558
 Гостижи, 557
Гостижици, 557
 Гостижка, 558
Гостилицы, 199, 207, 229
 Гостилицы, 229
Гостило, 199, 325
Гостиловицы, 199, 229
 Гостилово, 199
 Гостицово-Бережок, 199
 Гостимерица, 211
 Гостимирово, 211
 Гостимля, 229
Гостинез, 101, 326, 673,
 730
 Гостиниж, 101, 669
Гостиницы, 230
 Гостинницы, 230
 Гостиничи, 200, 230, 509
 Гостино, 199, 200, 557
 Гостины, 200
 Гостинь, 200
 Гостица, 509
 Гостицово, 199
 Гостичка, 558
 Гостища, 558
 Гостишка, 557, 558
 Госткина, 199
 Госткино, 199
 Гостнѣж, 101, 198, 669
 Гостов, 199
 Гостовец, 199
Гостовичи, 199, 676
Гостовль, 199
 Гостолоуби, 106
 Гостомель, 229
Гостомичи, 229, 675
 Гостомка, 229
 Гостомля, 229
 Гостомцы, 229
 Гостыжицы, 557
 Гостыничы, 208, 230, 509
 Гостыца, 508
Гостьмеричи, 211, 675
 Гостыница, 200
 Гостыци, 199
 Гостья, 558
 Гостюхино, 69
 Гостиатино, 199
 Готобужжи, 96, 97, 668, 730
 Готубужжи Большие, 96
 Готубужжи Малые, 96
 Гочегоща, 174
 Гоца, 167, 199
 Гоце, 199
 Гоць, 199
 Грасик, 311, 312
 Графская Слобода, 479
 Гремячая, 314
 Гремячка, 314
 Гриб, 598, 630
Гришкиничы, 238
 Грохотово, 69
 Грузины, 289
 Грузіны, 289
 Груздовицы, 230
 Груздовка, 230
 Грузина, 288
Грузино, 231, 288, 676
Грузовица, 230, 241
Грузовичи, 230, 241, 288
 Грузовка, 230
Грузово, 230, 681
 Грязь, 644
 Губа, 410, 602
 Губино, 602
 Гусеница, 502
 Гутчева, 259
 Гъбно, 583

Д

- Давыдова, 581
 Давыдово, 581
 Давыдово Захонье, 483
 Дальняя Соминка, 648

- Даниславля, 82
 Данислово, 82, 683
Даньславля, 82, 730
 Даньслаля, 82
 Дарахиничи, 203, 289, 668
 Дарево-Гославицина, 82
 Даславля, 82
 Двое Боруи, 569
 Двор, 613
 Дворец, 613
 Дворецко, 613
 Дворици, 613
 Дворица, 613
 Дворище, 613
 Дворищи, 613
 Дворищо, 613
 Дворное, 613
 Дворца, 613
Дегжа, 621
 Дегжо, 621
 Дегожский, 513, 621
 Деделев, 386
 Деделево, 386
Деделёво, 386
 Деделова, 386
Деденев Волочек, 256
Деденево, 385
 Дедено, 385
 Дедень, 385
 Деденька, 385
 Дедерева, 386
 Дедерево, 386
 Дедилева, 386
 Дедилово, 386
 Дединка, 385
 Дедино, 385
Дедков, 385
 Дедлево, 386
Дедлово, 386, 667
 Дедна, 385
Дедно, 385, 675
Деднов, 385
 Дедное, 385
 Дедня, 385
- Дейгуницы, 206**
 Деимон, 636, 641, 667
 Делево, 386
 Деман, 371, 636, 637, 638,
 639, 640
 Демана, 638
 Деманка, 640
 Деманский, 636, 640
 Деманский погост, 636
 Демань, 636, 637, 639
 Демен, 633, 635, 636, 638,
 639, 640, 642, 669
 Демён, 639, 640, 642
 Демена, 643
Деменец, 642, 643, 646, 647
Деменецкое, 642, 643, 644
 Деменино, 637
 Деменица, 643, 646
 Деменка, 641, 642, 644, 645
 Деменница, 643
 Демено, 641, 645
 Деменск, 643
 Деменский, 640
 Деменский погост, 636
 Деменское, 643
 Демены, 636, 638
 Демень, 636, 637, 641, 642
 Демехово, 641
 Демина, 643
Деминец, 643
 Деминка, 643, 645
 Демино, 641, 642, 643, 644,
 645, 647
 Деминское, 642, 643
Демница, 642, 644, 645, 646,
647, 744
 Демный, 644
 Демово, 645, 646
 Демон, 371, 499, 633, 634,
 635, 636, 637, 638, 639,
 640, 642, 644, 669
 Демоница, 643
 Демонский, 635, 636
 Демоны, 636, 638, 667
- Демьян, 313, 636, 637, 639,
 643, 669
 Демьяница, 643, 647
Демьяницы, 208, 238, 644
 Демьяницы Захонье, 238
 Демьянка, 640, 641, 642,
 643, 647
 Демьяново, 637, 641
 Демьянск, 636
Демьянское, 642, 645
 Демьянцы, 644
 Демя, 645, 646, 647, 744
 Демян, 633, 635, 636, 640,
 643, 647, 669
 Демяна, 633, 634, 636, 637,
 638
 Демяне, 643, 647
 Демяница, 643, 646
 Демяницкая, 643
Демянка, 640, 641, 642, 643,
644, 645, 646, 647
 Демянск, 313, 635, 636, 637,
 639, 640
 Демянский погост, 636
 Демянское, 643
 Демянской, 643
 Демянь, 643
Демячка, 645, 646
Деревыж, 562
 Держково, 257
 Деринога, 398
 Деринушка, 398
Дертина, 393
 Дертины, 393
Дертицыно, 393
 Дертично, 393
 Десятьское, 602
 Дивогоща, 172
 Диговоца, 172, 192
Диговоци, 172
 Дидлово, 386, 667
 Дидловский, 386
Дидно, 385
 Дико, 389

- Димитровград, 153
 Димовка, **645**
 Дитлово, 386
 Дмитриевский-Кременичский, 593
 Дмитровско-Кременичский, 592
 Дмитрок, **311**
 Дмитрони, **70**
 Дни, **388**
 Днико, 389, 678
 Дно, **387**, 677
 Дногощ, 173
 Добрая, 333
 Добрая Жена, 313
 Добрежск, 108
 Добрижа, 556
 Добрило, 245, **325**
 Добрилово,
 Добриславица, 83
 Добрица, 242, 333
 Доброгорица, 162
 Доброгостів, 162
 Доброгостичи, 162, 213
 Доброгостьици, **161**, 213, **668**, 675
 Доброгощ, 162
 Доброгоща, 162
 Доброгоще, 162
 Доброгощи, 162
 Доброе, 84, 333
 Доброе Село, 84
 Доброезжка, **114**
 Доброжилова, 108
 Доброжирь, **108**, 730
 Доброзеро, 333
 Доброкостьици, 161, 192, 225, 668
 Добромьсел, **107**, 730
 Добромьсль, 107
 Добромьши, **107**, 675, 730
 Доброселье, 83, 84, 86
 Доброславка, 83
 Доброславль, 83, 84, 85, 86
- Доброславовка, 83
 Доброславци, 83
 Добросли, **83**, 84, 85, 86, 87, 675, 730
 Добрососна, 322
 Доброст, 311, 322, 675
 Добрости, **311**, **322**
 Добростица, 323
 Добрость, 322
 Доброха, 333
 Добрыни, **132**
 Добрынина, 132
 Добрынино, **132**
 Добрынинское, **132**
 Добрынка, 132
 Добрыня, **132**, 334, 510, 631, 675
 Добрычево, 597
 Дожджа, 621
 Додонец, 388
 Дождевая, 604
 Дожджевка, 604
 Долгая Грязь, 47
 Долговский Мох, 405
 Долгое, 502
 Долгое-Донское, 389
 Долгой Водос, **361**
 Долгославля, 82
 Долца, 387
 Домагоща, **162**, 676
 Домагощь, 162
 Домажирово, 74, **78**, 246
 Домжерицы, 252
 Домогоща, 162
 Домославка, 83
 Домославль, 75, **82**, 675, 730
 Домославля, 82
 Домославское, 83
 Домословие, 83
 Домословье, 83
 Домци, 387
 Дон, 389
 Дбна, **388**
- Дон Иванович, 152
 Донец, 387, **388**, 389
 Донец-Захонье, **387**, **484**
 Донец-Палкина, **388**
 Дони, **388**
 Донное, 389
 Донок, 389
 Донское, **388**, 389
 Донское 1-е, 388
 Донское 2-е, 388
 Донца, **388**
 Донцо, **387**, 388
 Донцо Малое, 387
 Доницино, 387
 Дорогани, 583
 Дорогачиж, **106**, 180, 730
 Дорогини, 289, 668, 673
 Дорогинина, 289
 Дорогинино, 95, 203, **289**, 668, 675
 Дорогиничи, 289
 Дорогинички, 289
 Дорогинь, 289
 Дорогинь Новый, 289
 Дорогинь Старый, 289
 Дорогичино, 289
 Дорогобуж, **95**, 675, 730
 Дорогобужа, 95
 Дорогобужь, 95
 Дорогобужь Смоленский, 95
 Дорогожа, 192
 Дорогожицы, 163, 164, 192
 Дорогожская, 163
 Дорогони, 289
 Дорогостицы, 163
 Дорогостицы, **163**, 164, 185, 191, 213, 668
 Дорогочино, **289**
 Дорогощ, 163
 Дорогоща, 162, **163**
 Дорогоща-Вяткино, 162
 Дорогоща-Подгорье-Холм, 162

- Дорогощи**, 162, 163, 191, 675
 Дорогощинская, 163
 «Дорогуне Плисина», 475
 Дорогычинъ, 289
 Дорохова, 390
 Дослава, 82
 Дослана, 82
 Дослания, 82
 Дрѣзга, 391
 Драгани, 289
 Драгобужде, 95
Драгобуш, 95, 214, 668, 730
 Драгобушка, 95
 Дрег, 390
Дрегла, 390
Дрегли, 390, 581
 Дреглино, 390
Дрегло, 390
 Дрегля, 390
 Дреговское, 390
 Дрегол, 390
 Дреголь, 390
 Дреголька, 390
 Дрегольский, 390
Дретенка, 391
Дретенно, 391, 392, 668
 Дретенский, 391
Дретец, 392
Дретка, 392
 Дретно, 392
 Дретовна, 392
 Дретовно, 391
 Дретона, 391
Дретуни, 392, 674
 Дретунь, 392
 Дрецкая, 392
 Дреча, 392
 Дрея, 543, 544
 Дригольский, 390
 Дритовка, 391
 Дритовна, 392
Дритовно, 391
 Дритовны, 393
Дрогини, 95, 214, 289, 668
 Дрогичин, 289
 Дрогли, 390
 Дроздино, 508
Дроздино, 508, 669
 Дроздынѣ, 508
 Дроздыни, 508, 669
 Другое Соминцо, 649
 Другой Деменец, 643
 Другой Меглец, 447
 Дрыгомо, 391, 531
Дрыхлово, 390
Дряжженка, 391
Дряжка, 391
 Дряжно, 391
 Дрязецъ, 391
 Дубовица, 204
Дубовицы, 201, 204, 216, 596
Дубовичи, 595
Дубое, 432, 602
Дуброва, 578
 Дубый, 432
 Дубьско, 602
 Думова Гора, 149
Дунай, 572, 676, 683
 Дунька, 311
 Душилово, 245
 Дымна, 397
 Дьяковское, 420
 Дюкин Бор, 510
 Дятлово, 335
Дѣдилово, 386
Дѣдино, 385
Дѣдлово, 386, 667
 Дѣдно, 385
Дѣдново, 385
Дѣдова Горка, 385
Дѣдовичи, 385
Дѣдово, 385
Дѣдицино, 385
 Дѣймон, 633, 641, 667
 Дѣман, 634, 639, 640
 Дѣмен, 639, 640
 Дѣмена, 633, 636, 638, 646
Дѣмон, 633, 636, 637, 638, 639, 640, 646, 667
 Дѣмона, 638
 Дѣмонская, 638
Дѣмонцо, 642, 646
 Дѣмян, 638, 640
 Дѣмяна, 633, 636, 637, 638
- Е**
- Еваничи**, 238
 Еванково, 308
 Евановичи, 235, 238
 Еваново, 308
 Еванцово, 308
 Евашово, 308
 Евиновичи, 238
 Егинжа, 397
 Егла, 395, 396
Ёгла, 395
 Ёгла(я), 395
 Еглень, 396
 Еглец, 396, 683
 Еглина, 393, 394, 396
 Ёглина, 393
Еглинка, 393, 394, 395, 397
Еглино, 173, 393, 394, 395, 667, 668
Ёглино, 393
 Еглинская, 394
 Еглинский Мох, 394
 Еглинское, 393
 Еглинской, 393
Еглов, 396
 Егловка, 396
 Еглы, 395
 Еголинка, 396
 Еголско, 396
 Егольник, 396
Ёгольник, 396
 Егольники, 396

Ёгольски Валы, 395

Ёгольский, 396

Ёгольско, 396

Ёгольское, 396

Егрейка, 173, 397

Едерка, 679

Едрица, 679

Едрово, 679

Едровское, 679

Ежевичи, 236

Езерева, 579

Еклино, 497

Еколга, 41

Елгино, 395

Елговка, 395, 396

Елегино, 281, 683

Елеково, 281

Елесин, 338

Елесина Богородица, 338

Елигово, 237, 281, 676, 677

Еликово, 281

Елинёц, 394

Елино, 394, 395

Ель, 395

Ельмовичи, 595

Ельчино, 314

Ельчинское, 314

Елякова, 281

Еляково, 281

Епископля, 77

Епископская, 77

Ермаково, 91

Ерофей Павлович, 312

Ерошата, 69

Ершово, 279

Ерынья, 551

Ерышево, 280

Есеницкая, 520

Есеничи, 521

Есеновичи, 521

Есеновка, 520

Есеновый, 520

Есковичи, 521

Есюнкино на Робы, 539

Ж

Жабенский, 602

Жадина Лука, 321

Жадино, 321

Жадово, 321

Жадох, 321

Жадринка, 622

Жадринская, 622

Жадринское, 622

Жадрицы, 622

Жадро, 622

Жадры, 622

Жальники, 47

Жаратка, 324

Жаремня, 401

Жарятицы, 325

Жатемля, 536

Жбан, 461

Ждажерино, 251, 667

Ждани, 128

Жданова, 581

Жданово, 69

Жданье, 128

Ждино, 677, 678

Ждовли, 677, 678

Жегжичино, 289, 290, 667

Жегоска, 621

Жедобужи, 95

Жедоха, 321

Жедрицкий, 513, 520, 622

Жедрицкое, 622

Жедрицы, 622

Желегоща, 164, 675

Железово, 438

Желонка, 616

Желча, 605

Жельни, 552

Жельнья, 552

Жельтино, 262, 681

Желяне, 605

Жельзова, 438

Жемле, 410

Женское, 500, 501

Жеравка, 611

Жераславль, 84, 730

Жердь, 611

Жеребуд, 252, 320

Жеребуда, 320

Жеребуж, 98

Жеребут, 320

Жеребутское, 320

Жерев, 611

Жерема, 401

Жеременище, 401

Жеременленка, 401

Жеременля, 401

Жеремеселка, 253

Жеремесла, 253

Жеремесля, 253

Жеремец, 401

Жеремино, 402

Жеремишки, 401

Жеремянка, 400, 401

Жеремяны, 401

Жереслава, 84, 252

Жересло, 85, 252, 670, 730

Жеретино, 324

Жеримышел, 253

Жерино, 252

Жерково, 252

Жерль, 611

Жеронегово, 99

Жерославль, 84, 252, 676

Жерядка, 324

Жерядки, 325

Жерятицы, 325

Жерятка, 324, 325

Жерятки, 252, 311, 324,

325

Жестки, 290

Жестово, 290, 676

Жестылево, 290

Жетонег, 320, 674

Жетонег Большой, 320

Жетонег Малый, 320

Жигороцо, 172, 192

Жидобужи, 95, 97, 320, 681, 730
 Жидовицы, 235
Жидовичи, 234, 235
Жидовичи Большие, 234
 Жидовочи, 235
 Жилая Видогощь, 31, 159
 Жилино, 145
 Жилиятицы, 325
Жинецкое, 500, 504, 668
Жиноръжа, 98, 99, 681, 730
 Жирак, 611
 Жирково, 252
Жиробуд, 252, 311, 320
 Жирово, 252
Жирома, 325, 676
 Жирослав, 84, 85, 252, 312
 Жирославка, 84
 Жирославль, 84, 252, 312, 669, 683
 Жирославское, 84
 Жирослево, 84
 Жиросло, 85, 87, 252, 670
 Жирослов, 84, 85, 87, 669
 Жирохлицкое, 85
 Жириц, 611
Жиряне, 606
 Жиряне Большие, 606
 Жиряне Малые, 606
Жирятино, 324
Жирятка, 311, 324
 Жирятки, 252, 324
 Житобуж, 95
 Житомель, 92
 Житомир, 92, 96
 Житомиръ, 92
 Житонеж, 320
 Житонежье, 320
 Жогжичино, 290
 Жоломле, 536
Жольня, 552
Жольтино, 262
 Жора, 611

Жостово, 290
 Жрака, 611
 Жубка, 291
 Жуки, 682
 Жукова, 59, 581
 Жупаница, 291
 Жупанка, 291
 Жупанова Верхняя, 291
 Жупанова Нижняя, 291
 Жупановка, 291
Жупаново, 290, 291
 Жупаново Новое, 290
 Жупань, 291
 Жупањевачка, 291
 Жупањка, 291
 Жупинка, 291
Жупкино, 291

З

За Ка́мистым ручьем, 407
 Заболотье, 433
 Заболя, 357
 Заборовское, 325
 Забродье-Донцо, 388
 Завезжский, 125
 Завезжье, 125
 Заветье, 347, 348
 Завидичи, 50, 125
Завидова, 125
 Завидовка, 125
Завидово, 50, 125
Завижса, 50, 125, 675
Завижье, 125
 Завилейка, 547, 548
 Завитье над Веткою, 348, 351
 Загозино, 621
Загозка, 621
Загозкино, 290
Загозко, 621
Загорици, 595
 Загороденья, 595
 Загородицы, 595

Загородици, 595
 Загородици, 595
 Загорье, 238, 485
Загоска, 290, 621
 Загоски, 621
Загоскина, 290
Загоскино, 290
 Загрязье, 613
 Задвор, 613
 Задворье, 613
 Задежа, 122
 Задежье, 122
Задеменское, 641, 642, 644
 Задеменье, 641
 Задемянье, 643
 Задемянье, 642
 Задолинье, 642
 Заеглинская Дуброва, 393
 Зажупанка, 291
Зажупанье, 291, 675
Закерье, 187, 669, 676
 Закибежье, 562
 Заколоменье, 416
 Законка, 482, 484, 485
 Законский, 484, 485
Законско, 484, 485
 Закорытна, 262, 541,
Закъбеж, 562
 Залу́ковье, 433
 Залегоценка, 164
 Залегощь, 164
 Залезенка, 438
Залезенье, 438
 Залесье, 485
 Заливные Луга, 630
 Зализенка, 438
 Зализенье, 438
 Залушье, 443
Залюдицина, 444
Залюшичье, 443
Залющик, 444
 Залющик, 444
 Залющицкое, 444
Залющицье, 443, 444

- Залядь, 485
 Зальсье, 602
 Зальсьное, 602
 Замеглень, 444
Замеглино, 444
 Замеглинский, 444
 Замеглинье, 445
 Замошенка, 656
 Замошское, 406
 Замошь, 230
 Занеглимень, 450
 Заозерицкое, 593
Заозерицы, 593
Заозеричи, 593
 Заозерь, 463, 583
 Заосничье, 454
 Заосье, 455
 Заперетцо, 463
 Заперечье, 463
Запесенье, 468, 471
 Запесеньево, 468
 Запесь, 468
 Записенье, 468
 Заплюсь, 473
 Заполь, 485
 Запрість, 486
 Запростье, 486
Запрусье, 488
 Зарайская Ровь, 542
 Зареченская сторона, 613
 Заречье, 485
 Заробье, 542
 Заробья, 542, 552
Зарубино, 262
 Зарусская половина, 628
 Зарусье, 628
Засна, 455
 Засолы, 629
 Засоль, 629
Засье, 455
Захание, 483
 Заханка, 483
 Заханье Ноугородово, 483
 Заховье, 485
- Захолмие, 485**
 Захолмье, 485
Захоломье, 485
 Захоломье Другое, 485
Захольные, 485
 Захонка, 485
 Захонский, 485
Захонский Мох, 483
 Захонско, 485
 Захонское, 483
Захонье, 482, 483, 484, 485,
 669, 681, 739
 Захонье Ефимовское, 483
 Захонье Кирьяново, 483
Захонье Меньшее, 484
 Захонье Ноугородае, 483
 Захонье Ноугородское, 483
Захонье-I, 483
 Захонье-II, 483
Захонье-Сучек, 484
Захонье-Турова, 483
Захоньеце-Прудича, 484
Захоньский, 482, 484
Захонья Кобылья, 484, 543,
552
 Збавди, 124
 Збологая, 334
 Збуд, 123, 326
 Збудів, 124
 Збудин, 124
Збудки, 123
Збудово, 123, 124
 Збудско, 123
Збуж, 123, 326, 675
 Збужа, 123
 Збут, 123
 Збынївля, 176
Збыха, 260
Збышево, 259, 676
 Збышин, 259
 Збышки, 259
 Збышня, 260
Зван, 501
 Званка, 501
- Згядово, 142
 Згожда, 176
 Згожде, 176
 Згошта, 176
 Згоще, 176
 Здажерино, 232, 246, 251,
 252, 667
 Здажирина, 251, 252
 Здерышка, 399
Здринога, 316, 397, 398
 Здриноги, 397
 Здымля, 461
Здятино, 267
 Зелезова, 438
 Зелема, 399, 401
 Зелена, 399, 401
 Зеленая, 399, 401
 Зеленоград, 153
 Земтици, 384, 594, 668
Земтици у Велжок, 384,
600
 Земтицкое, 384, 601
 Зерамёны, 401, 402
Зерема, 399, 401, 402, 664
 Зеремá, 399, 403
 Зеремелька, 401
 Зеременице, 401
 Зеремнка, 401
Зеремец, 399
 Зеремин, 401
 Зереминка, 401
 Зеремное, 401
Зеремо, 399, 402, 403, 673
 Зеремь, 399
 Зеремья, 401
 Зеремьянка, 400, 401, 402
 Зеренка, 580
 Зерешня, 580
 Зерина, 580
 Зерна, 580
Зернино, 455, 580, 617
 Зерновка, 580
 Зерня, 580
 Зерская, 580

Зеруто, 580
Зиряево, 455, **580**, 617, 667
 Злогош, 162
 Злогощица, 162
 Змейка, 620
Змень, 504, 668
 Зогзицино, 289, 290
 Зорешня, 580, 617, 667
 Зубино, 245
 Зубово, 245
 Зуево, 244
 Зьгошта, 176
 Зюлема, 399, 401

И

Иван, 310, 311
 Иван Врв, 153
 Иван Гроб, 153
 Иван Дол, 153
 Иван Тор, 153
 Ивангород, 153, 668
 Ивангородская, 153
 Ивани Могилы, 153
 Иваничи, 205
 Иванищи, 213
 Иванково, 308
 Ивановичи, 205
 Иваново, 47, 308
 Иван-озеро, 152
 Иванское, 152
 Иванцово, 308
 Иванъ, 152
 Иванъградъ, 153
 Иванъ, 152, 153, 313, 669
Иванъ Вымол, 152
Иванъгород, 153, 668
Иванье, 152, 669
 Иваньщица, 239
 Ивань-озеро, 152
 Ивање, 153
 Иваровка, 305
 Ивашково над Тесовом на
 Демьяницах, 238

Ивашово, 308
 Иверовское, 305
Ивовицы, 596
Ивовичи, 595
 Иворов, 305
Иворов Остров, 305
Иворова, 30, 305
 Иворовица, 204, 240, 305
 Иворовка, 305
 Иворово, 305
 Иворовское Сельцо, 305
 Иворское, 305
 Игинжа, 397
 Иглин, 397
 Иглина, 394
Иглинка, 397
 Иглино, 173, 667
 Иглиночка, 397
 Игнатицы, 149
 Игнатцово, 149
 Игнатцово во Кстах, 149,
 150
Игнач Крест, 149, 150,
 596
 Игначь Кръсть, 149
Игнашево, 245
Игнашино, 245
 Игнашовка, 149
Иголинка, 397
 Игорь, 313, 397
 Изрейка, 173, 397
 Идрица, 678
Иевле, 153
Иевля, 153
 Иеславль, 189
 Ижеславль, 189
 Избоищи, 584, 602
Извар, 677, 678
Изварка, 678
 Извор, 678
 Изворь, 678
 Изгошт, 176
 Излогош, 162
Измея, 504, 554

Изумен, 504
 Илеменка, 427, 428, 429
 Илемёнка, 427, 667
 Илеменской, 427
Илемна, 428
Илемно, 427, 428
Илемцы, 429
 Илия, 546
Илкинич, 238
 Илмерь, 27
Илмовец, 429
Илмовик, 429
 Илмово, 429
Илмовое, 429
 Иломля, 536, 740
 Ильгоши, 181
Ильгощи, 181, 189, 668
 Ильзна, 437
Ильиничи, 238
Ильменка, 425, 428
Ильменок, 428
 Ильмень, 27, 110
Ильмов, 429
 Ильмовицы, 595
Ильмовка, 429
 Ильмьна, 428
 Ильмьно, 428
Имлово, 429
 Им(в)о(л)ожи, 108
 Им(во)ложье, 108
Имоволоже, 108, 109, 730
 Имоволожский, 108
 Имоволожь, 108
 Имоволожье, 108
 Имоволозьский, 108
 Имовьволуский, 108
 Имолужский, 108
 Имолужье, 108
 Ингорь, 397
 Ингрия, 555
 Инобож, 173
 Иногостицкая, 173
 Иногостицы, 191
Иногощи, 173

Иногоща, 172, 650
Иногоще, 172, 173
Иногощенское, 172, 650
Иногощо, 172
Инопаж, 173
***Ирогоц*, 173**
Ирогоще, 173, 192
Ирогоци, 173, 667
***Исаевица*, 240**
Исаевица Нива, 240
Исаихская Озерёвка, 579
Исаковское, 445
Искра, 522
***Искревно*, 522**
***Искреное*, 522**
Искровно, 522
***Искровны*, 522**
Истомино, 69
Ихала, 397
Ихалица, 397
Ихальник, 397
Ихальное, 397
Иштома, 537
Ищалиц, 434

К

Керемера,
Кіевец, 293
Каврай, 42
Кадбиша, 403
***Кадвиша*, 403, 404**
Кадёнка, 405
***Каденское*, 405**
Кадио, 404
***Кадице*, 404, 673**
Кадици, 404
Кадник, 405
***Кадница*, 404, 405, 677**
***Кадници*, 405**
Каднице, 405
***Кадно*, 404**
***Кадное*, 405**
Кадной, 405

***Кадня*, 404**
Кадовский, 403
***Кадовщина*, 403**
Кадочное, 405
Кадь, 404
Кадье, 404
Кадьозеро, 404
Кадьярвь, 404
Казачья Лопань, 430
Казова Гора, 203
Казовицы, 203
***Казовичи*, 203**
Каккуево, 572
Каковичи, 208
Каковская вотчина, 208
Калга, 41
Калгалакша, 41
Калгручей, 41
Калинин, 312
Калитной Бор, 571
Каломичына, 420
***Каманишник*, 409**
Каменец, 409
Каменистика, 406, 407
***Каменка*, 365, 406, 407, 409, 584, 617, 618, 619**
Камёнка, 407
Каменная Осмонька, 336, 618
Каменное, 379, 406, 409
Каменные Горы в Устьяхах, 604
Каменный, 409, 617
Каменок, 409
Каменская, 619
Каменский, 409
Каменский Мох, 405, 406
Каменское, 405, 406
***Камеская*, 407, 619**
***Каместика*, 406, 407**
***Каместый*, 407**
***Камистый Ручей*, 407**
Камница, 407
***Камници*, 407**

Камно, 407, 677
Камно́, 407
Камочка Меншая, 408
Камска, 407,
Камский, 407
***Камский Мох*, 405, 406, 407**
***Камско*, 407, 683**
Камской Мох, 405
Камуев, 572
***Камык*, 407, 408, 675**
Камык Меншой, 408
***Камышки*, 408**
***Камышок*, 408**
Канава, 445
***Каний*, 404, 482**
Канья, 404, 664
***Канско*, 407**
Капорка, 674
Карамяная, 620
Карельская Щилинка, 632
Карельские Новики, 632
Карельское, 512
Карельское Пестово, 632
Каремера, 187
Каремеры, 187
Карембра, 187
Каркомля, 536, 740
Кармазята, 69
Кармина, 620
***Кармяная*, 620**
Карпино, 358
Каряки, 296
Кастрони, 423, 668
Кастронь, 423
Катагоци, 179
Катвиша, 403
***Кателевская Волмина*, 363**
Катовичи, 219
Качегащи, 174
Качегоща, 174
Качегощи, 174
Качигова, 279

- Кашинова, 301
 Кебь, 562
 Кема, 108
 Кемка, 108
 Кемоволожье, 108
 Керебеж, 560
Керебежово, 560, 668
 Керегожь, 186
 Керегощь, 186, 187, 326, 668
Керемера, 187, 326
 Кжемля, 536, 740
 Київ, 293
 Киверев Бор, 571
Кивруч, 552
 Киев, 293, 294
Киев Двор, 292
Киева, 291
 Киева Малая, 291
Киевец, 293
Киевичи, 292, 293
 Киевка, 291, 293
 Киевка Большая, 291
 Киевка Малая, 291
Киево, 291, 292, 293, 675
Киёво, 291
 Кижси, 41
Киш, 293
 Кийков, 292
 Кийково, 292
 Килова, 307
 Кимариц, 434
 Китино, 553
 Китряново Будошово, 254
 Кириково, 444
 Киров, 312
 Кириовановская, 307
 Кириованская, 307
 Кирьямо, 483
 Кисели, 682
 Кичера, 675
 Кичерка, 675
Киясова Гора, 292
 Клетенец, 464
 Клетенский, 464
 Клетна, 464
Клетно, 464
 Клещев, 413
 Клещевая губа, 412
 Клещевец, 412
 Клещево, 413
 Клещи, 413
 Клещин, 411
Клещина, 409
Клещинец, 409, 410, 739
 Клещиница, 410
 Клещинка, 410, 664
Клещинко, 410, 664
Клещино, 409, 410, 411, 413, 668, 676, 739
 Клёщино, 409
 Клещинская, 411
 Клещинский, 411
Клещово, 412, 413
Клидово, 127
 Клин, 453
 Клинец, 453
Клинъ, 57, 607
 Клищинец, 410
 Клищино, 410
Клодовище, 535
Клодыни, 535, 668
Клопья Нива, 552
Ключнич Двор, 77
 Клѣтно, 464
 Кневица, 591
Кневицы, 591, 592, 676
 Кневичи, 592
Кнево, 592
Кнеино, 592, 675
Кнейно, 592
 Кнупа, 425
 Княгино, 592
Княж Кут, 77
Княж Стан, 77
 Княжа, 344
Княжа Гора, 77
Княже, 77
 Княжево, 77
 Княжее Село, 77
 Княжй Бор, 77
Княжй Остров, 77
 Княжичи, 204
Княжо, 77
 Княжово, 77
Княжой, 77
 Кобелево, 568
 Кобелевское, 568
 Ковалево, 285
 Ковер, 42
 Ковжа, 41
 Ковриг, 42
 Кодь, 404
 Коегощ, 174
Коегоща, 174
 Коегощь, 174
Кожевники, 69
 Кожурь, 682
 Койвуши, 41
 Койдома, 537
 Колбеги, 30
 Колбино, 584
 Колга, 41
 Колгостров, 41
 Колгуев, 41
 Колжа, 41
 Колжма, 41
 Колм, 418
Колман, 419
 Колманский, 419
 Колмів, 420, 422
 Колмалейской, 420
 Колменка, 420
 Колменской, 420
 Колминское, 420
 Колмлей, 420
 Колмна, 420
 Колмов, 413
Колмово, 413, 414, 418, 420, 422, 668
 Колмово, 418
 Колмовский, 420

- Колмодворка, 418
 Колмозеро, 418
Колмы, 418
Колода, 314, 535, 553
 Колодевка, 553
 Колодежское, 553
 Колодей, 553
 Колоденка, 553
 Колоденское, 553
Колодея, 553, 616
 Колодина, 535
 Колодливое, 553
 Колодник, 535, 553
 Колодно, 553
 Колодное, 553
 Колодня, 535, 553
 Колодонец, 644
Колодые, 553
 Колом, 413
 Колома, 415
 «Коломене», 415
Коломенец, 417
 Коломенецкая сторона, 415
Коломенка, 415, 416, 417,
 420, 421, 422
 Коломенок, 420
 Коломенская, 416, 420, 421
 Коломенская земля, 414
 Коломенские Дворы Вто-
 рые, 420
 Коломенские Дворы Пер-
 вые, 420
Коломенский, 415, 417, 418,
 420
 Коломенское, 414, 415, 416,
 420, 421
 Коломенское Дьяково, 420
 Коломенской, 415, 420
Коломец, 414, 417, 418
 Коломийца, 421
 Коломин, 420
 Коломина, 416
 Коломинец, 417
Коломино, 417, 420
- Коломиново, 420
 Коломицы, 417
 Коломица, 417
Коломище, 60, 417, 420
Коло́мище, 419
 Коломищи, 420
 Коломле, 422
Коломна, 415, 416, 420,
 421, 422, 595
Коломнин, 417
 Коломнино, 420, 421
 Коломнины, 420
 Коломница, 420, 595
Коломницы, 417
Коломнича, 417
Коломнич, 416, 595
 Коломница, 416
Коломно, 60, 414, 415, 416,
 419, 595
 Коломны, 416
 Коломо, 413, 668
 Коломовка, 244, 413
Коломово, 60, 413, 418
 Коломовский, 413
 Коломской, 417
Коломца, 414, 418
Коломцы, 413, 414, 418
 Коломьно, 417
 Колонец, 414
 Колотиловица, 240
 Колошицы, 417
 Колтинка, 343, 616
 Колть, 620
 Колу-бара, 677
 Колыч, 283
 Комар, 620
 Комля, 494
 Конец Рдетска, 543
Конов, 578
 Конопелиц, 434
Конотоп, 422, 423, 664,
 676
 Конотоп, 422
 Конотопец, 422
- Конотопи, 422
Конотопица, 422
Конотопка, 422
 Конотопский, 422
 Конотопцев, 422
Конотопцы, 422
 Конотопы, 422
 Константинъ, 151
 Копнино, 147
 Копорка, 674
Копорье, 552, 674
 Копорья, 552
 Коргуй, 572
Корегощ, 186, 187, 189
 Корегоща, 186, 187
 Коремера, 187, 326
 Коремерка, 187
Коречки, 677
Коречок, 676
 Кормина, 620
 Кормяна, 425, 620
 Кормяная, 425, 620
 Кормянка, 620
 Королята, 69
Коромегоща, 174
 Коромяна, 620
 Корпово-Радголье, 169
 Корытинка, 541
 Корь, 677
Корье, 187, 676
Корьянско, 676
Корьянское, 676
 Косново, 301
 Коснятинъ, 151
 Костимерово, 211
 Косткинский Людшик, 443
Костромино, 229
 Костромичи, 229
Кострони, 423, 424, 668
 Костронька, 423
 Костроня, 423
 Костыжицы, 557
 Костянтинъ, 151
 Костыищицы, 417

- Костѣици Коломица, 417**
 Костѣици Коломица в Радлицах, 495
 Котемля, 740
 Котережа, 220, 667
 Котережь, 108
 Котов, 445
Котовицы, 97, 219, 220, 667
 Котовицы 1-я половина, 219
 Котовицы 2-я половина, 219
 Котовичи, 219, 220
 Котогоць, 179, 220
 Которский, 602
 Котоши, 220
Кочебуж, 97, 174, 279, 730
 Кочебужа, 97
 Кочевицы, 97, 220
 Кочегоца, 174
Кочегоще, 97, 174, 279
 Кочемка, 277
Кочигово, 237, 279
 Кочута, 97, 220
 Кошкин Городок, 151, 602
Кошнево, 301
Кошнятино, 152
Красея, 554
 Краси, 554
 Красногвардейск, 257
 Краснодубское,
 Красѣа, 554
Крево, 676, 677
 Кредчевицы, 295
Креково, 70, 296
 Крекша, 619
 Крем, 677
 Кременицкий, 593
Кременичи, 204, 208, 592, 593, 667
 Кременичский, 593
 Кременка, 593
Кремено, 593
- Кремень, 593**
Кремно, 593
Кремно 1-е, 593
 Кремно 2-е, 593
 Кремь, 593
 Кремянка, 593
 Крест, 596
 Крестец, 596
 Крестецкий ям, 596
 Крестовая, 596
 Крестово Плѣсо, 557
 Крестца, 596
 Крестцы, 149, 150, 596, 667
 Кресцовский, 596
 Крехів, 297
Крехово, 297
 Кречів, 295
Кречевицы, 295, 296, 669
 Кречевичи, 295, 296
Кречево, 294, 295, 676
 Кречевская, 294
 Кречевский, 294
 Кречетова, 295
Кречивое, 296
Кречино, 295
Кречко, 296
 Кречково, 295
 Кречневская, 296
 Кречневский, 296
Кречно, 296
 Кречново, 296
 Крещево, 239
 Кривцовичи, 295, 296, 669
 Кривчевицы, 295
 Криминичи, 592
Крогоща, 185, 189
 Крокова, 296
 Кроково, 296, 499
 Кроковы, 296
 Кромегоща, 174, 175, 669
 Кромы, 174, 175, 669
 Круници, 425
 Круп, 426
- Крупа, 425, 426, 586, 669**
 Круная, 425
 Крупейское, 426
Крупец, 60, 425, 426
 Крупея, 426
Крупик, 425
Крупница, 425, 426, 669
 Крупицы, 425
 Крупицина, 425
 Крупицкий, 425
 Крупицкое, 425
 Крупицы, 425
 Крупицына, 425
 Крупия, 426
Крупка, 425, 426, 675
 Крупки, 426
 Крупная, 425
 Круповая, 425
Крупово, 425
 Крупой, 425, 669
 Крупн, 426
Крупна, 386, 425, 426, 616, 625, 664, 669
 Крупская, 425, 586
 Крупский Наволок, 425
 Крупянка, 426
 Крута, 425
 Крутица, 425, 426
 Крутуша, 277
 Крутыни, 47, 631
 Крѣчаўшына, 295
 Крѣчына, 296
 Крюково, 285
 Крючевицы, 295
 Крякша Большое, 619
 Крякша Малое, 619
Ксеновская Гора, 301
 Ксново, 300, 301
 Кснятинъ, 151, 508
 Кснятынъ, 508
 Кстечки, 150, 596
 Кстици, 150
 Кстово, 596
 Ксты, 596

- Куверга, 42
Кудря, 311
 Куженкино, 172
 Кузанозеро, 313
 Кузка, 313
 Кузнецова, 581
 Кузнецово, 581
 Кузнецы, 682
 Кузозеро, 313
 Кузома, 313
 Кузрека, 313
 Кузрозеро, 313
 Кузручей, 313
 Кузьма, 311, 313
 Кузянозеро, 313
Кук, 675
 Кулатино, 260
 Кулаково, 232
 Кулата, 260
 Кулатина, 261
Кулатино, 260, 261
 Кулешино, 260
 Кулики, 69
Кулотино, 260, 681
Кулотины Пороги, 260
Кулоты, 260
 Култино, 260
Кунейка, 543
 Кунейский, 542
 Кунино, 296
Куничейка, 543
 Куныченка, 543
Кунья, 542, 543
Кунья Гора, 543
 Куря, 555
 Куркала, 460
Курова, 307
Курья Нога, 543
Кчера, 675
Кшева, 239, 596
Кшенници, 239
 Къземль, 536
 Къснятинъ, 151
 Кыевъ, 293
- Къбьско**, 562
Къйково, 292
 Къльища, 152
- Л**
- Лізниця, 440
 Лининка, 40
 Літогоща, 231
Лавровица, 243
 Лавынка, 59
 Лавынька, 59
 Ладомер, 93, 311
 Ладомерка, 91, 670
 Ладомир, 93
Ладомири, 91, 92, 93
 Ладомирка, 91, 668, 670
 Ладомировка, 93
 Ладомиры, 91
 Ладымирово, 93
 Лакова, 578
 Лакома, 538
 Ламерское, 92
Ламерье, 91, 92, 93, 667, 730
 Лапóнь, 430
 Латышское Огородо, 632
Лаховы, 234
 Лгов, 303
 Леготково, 146
 Легошевский, 146
 Легоши, 146
 Легошкино, 146
Легошково, 146
 Легощ, 145, 146
Легоща, 93, 145, 146, 165
 Легощо, 145, 146
 Легощъ, 145
 Ледское, 471
 Ледъ, 471
Лездно, 440
 Лездный, 440
Лезеницы, 441
Лезенка, 438, 439, 440
- Лёзенка, 438
 Лезенский, 438, 440
Лезинка, 440
Лезна, 438, 439, 440, 441, 674
 Лезнево, 437
 Лезни, 438
 Лезнинский, 438, 440
Лезница, 435, 439, 440, 441
Лезници, 439
Лезно, 438, 439, 440
Лезной, 439, 440
 Лезовец, 441
Лезье, 441
Лезья, 441
 Лемань, 429
Леменка, 427, 428, 429, 541
Лемёнка, 427, 428, 664, 667, 674
 Лемна, 427
 Лемна Большая, 427
 Лемница, 427
 Лемно, 427
 Лемня, 427
Лепесурья, 553
 Лета, 505
 Летка, 505
 Лёховинская земля, 233
 Леховицы, 233
 Леховичи, 233
 Лёхово, 234
 Лещевая губа, 412
Лещево, 412
 Лещино, 412
 Лещовая, 412
 Лжичи, 304
Лзенка, 437
 Лзи, 435, 439
 Лзи Большие, 435
 Лзи Малые, 435
 Лзна, 437
 Лзонь, 437
 Либастец, 242, 243, 667, 669

- Либоежа, 113
 Либожада, 320
 Либожеда, 320
 Лидино, 166
 Лидинское, 166
Лидно, 385
 Лидское, 471
Лидь, 365, 471
Лизенка, 439, 440
 Лизёнка, 440
 Лизенский, 440
 Лизи, 435, 439
 Лизинский, 440
 Лизна, 437, 440
 Лизовка, 439, 441
 Лимен, 429
 Лименец, 429, 430
Лимень, 429, 430
 Лиминь, 429
 Лимно, 429
 Линенка, 616
 Лиозенка, 438, 439
 Лиозно, 439
 Лисичка, 431
 Лисно, 678
 Листовичи, 208
 Литовеж, 231
 Литовиж, 104, 231
 Литовича, 231
 Литовичи, 231, 320, 667
 Литогоща, 231
 Литогощь, 231
 Литомержице, 583
 Ловасицы, 616
 Ловать, 27, 29
 Ловосицы, 616
 Лодейной Бор, 571
 Лозница, 438, 440
 Лозно, 440
 Локанка, 676
 Локна, 676
 Локня, 676
 Локница, 676
 Локно, 676
 Локня, 676
 Локнянка, 676
 Локонка, 676
Ломинога, 316, 398
 Лопан, 430
Лопанец, 430
 Лопанка, 430, 431, 616
Лопань, 430, 467, 674
 Лопанька, 430
Лопатинская Озерёвка, 579
 Лопено, 430
 Лопын, 430
 Лопыня, 430
 Лосытино, 584
 Лоцемля, 536, 740
 Лубоежа, 113, 668
 Лубоково, 114, 668
 Лубоѡжа, 113
 Лубянка, 114
 Луга, 29, 627, 628
 Лугоща, 114, 165, 668
 Лужайка, 445
Лужане, 606
 Лужани, 606, 607
 Лужи, 644
Лук, 433, 434
 Лука, 431, 432, 433, 610
 Лука́, 532
 Лука(я), 432
Лукавец, 434, 675
 Лукавиц, 434
 Лукавица, 434
Лукавицыно, 434
 Лукавка, 434
 Лукавская, 434
 Лукавцы, 434
 Лукавци, 434
 Лукае, 432
 Лукамль, 524
 Лукамля, 524
Лукатец, 434
 Лукая, 431
 Луква, 571
 Луки, 432, 433
 Лукий, 432
 Лукий Рог, 432
 Лу́кiм'я, 524
Лукинич, 238
 Лукинское, 431
 Лукка, 432
 Лукко, 432
Луко, 429, 431, 432, 433
Луко(е), 431, 432
 Лукова, 431, 432, 523
 Луковец, 434, 435, 571
 Луковицы, 434, 435
 Луковка, 431, 435
 Луково, 429, 431, 432, 435, 523, 524, 525
 Луковский, 435
 Луковское, 435
Лукое, 431, 432, 524, 525, 675
Луком, 523, 524
 Луком, -о, -а, 525, 537
Лукома, 523, 524
 Лукомка, 523, 524
 Лукомль, 524, 525
 Лукомльское, 524
 Лукомля, 524
Лукомо, 391, 523, 524, 526, 527, 531, 674
 Лукомо, -а, 537
 Лу́комо, 523, 532
 Луко́мо, 532
 Лукомский, 524
 Лукомское, 524
 Лукомской, 524
 Лукомье, 524
Лукуй, 432, 571, 677
Лукуя, 571
Лук-Яхново, 433
 Лутияново, 309
 Лутова, 595
Лутовичи, 595
 Лутовня, 595
 Лутово, 595

- Лутомка, 532
 Лух, 584
 Луховицы, 584
 Лучани, **606**, 676
 Лучаны, **606**
 Лучки, 432
 Лучье Ржище, **154**
 Лыбедь, 48
 Льгов, 304
 Льгово, 304
 Льгоша, 145
 Лыдичка, 435
 Лыдички, 435
 Лызена, 437
 Лызень, **437**, 439, 440
 Лызи, **435**, 436, 441, 442, 667, 681
 Лызи Большие, **435**, 439
 Лызи Малые, 435, 439
 Лызички, **435**, 436, 440
 Лызна, 437, 440
 Лызьчки, 435
 Любан, **263**
 Любани, 263
 Любаново, **263**,
 Любань, **263**, 675
 Любаня, 263
 Любастица, 240, **242**, 243, 667, 669
 Любастицы, 242
 Любастова, 242
 Любачево, 263
 Любашово, 263
 Любеговец, **198**, 243
 Любегостья, 164
 Любегош, 164
 Любегоща, 164, 191
 Любегощи, **164**, 675
 Любегощь, 561
 Любеж, **561**, 562, 676
 Любежинка, 561
 Любежище, 561
 Любежонка, 561
 Люберецкие Озерки, 676
 Люберецкое, **676**
 Люберцы, 676
 Любешково, 263
 Любжа, 561, 562
 Любжир, **319**, 673
 Любвицово, 263
 Любиж, **561**
 Любиженка, 561
 Любижка, 561
 Любильцово, 263
 Любимово, 263
 Любино, 245, 263, **264**
 Любино Поле, **264**
 Любинское, **264**
 Любитинская, **262**
 Любитово, 263
 Любиша, 561
 Любишка, 561
 Люблевка, 264
 Люблево, **263**
 Люблино, **263**, 264, 676
 Люблюн, 263
 Любобуж, **98**, 730
 Любовижа, **102**, 104, 676, 730
 Любовижка, 102
 Любово, 245, 264
 Любогостья, 164
 Любогоща, 164
 Любогощинской, 164
 Любогощь, 164, 191
 Любоежа, **113**, 668, 674, 730
 Любоежина, 113
 Любоежский, 113
 Любоежа, 113
 Любожа, 561
 Любожат, **320**
 Любожир, 319, 673
 Любожичи, 198
 Любоково, **114**, 263, 668
 Люболяд, 358
 Люболяда, **358**
 Люболяды, 358
 Любонег, **312**, **319**
 Любоня, 263
 Любоньг, **311**, **319**
 Любосино, 263
 Любосницы, 240, 242
 Люботеж, **105**, 676, 730
 Люботин, **261**, 677
 Люботина, **261**
 Люботинка, 261
 Люботино, **261**
 Люботинский, 261
 Люботинской, 261, 262
 Люботины, 261
 Любохово, 263
 Любочажя, 105, 180
 Любочажи, 105
 Любочажье, **105**, 730
 Любочь, 261
 Любошино, 263
 Любошово, 263
 Любоща, 164
 Любощица, 242
 Любош-Любогош, 164
 Любошь, 242
 Люботьжа, **113**, 730
 Любухово, 263
 Любиша, **561**
 Любыж, **562**
 Любыни, 263
 Любытина, **262**
 Любытино, **261**, 584, 681
 Любытино-Олпатьево, **262**
 Любытинский, 261, **262**
 Любытский, 262
 Любышино, 263
 Любышово, 263
 Любыжа, 113
 Любяни, 263
 Любяница, 114
 Любятино, 245, 263
 Любятово, 245
 Люгоща, 93, 114, 165, 668
 Людоща, 93, 164
 Людемера, 317

- Людемеры, 317
Люджерицы, 231, 232, 252, 669
 Людзирицы, 231, 232, 252
 Людин, 165, 668
 Людиново, 165
Людинь, 165, 668
 Людмирполь, 317
 Людогощ, 165
Людогоща, 27, 164, 165, 191, 232, 676
 Людомирово, 317
Людчик, 442
 Людцик, 442
 Людьгоща, 93, 164, 165, 191
 Люжба, 561
 Лютая, 231
Лютейка, 554, 616
 Лютинка, 136
 Лютино, 393
Лютова, 231
 Лютовици, 207
Лютовичи, 231, 667
 Лютовичи-Корытное, 231
 Лютчик, 442, 443, 683
 Лютцик, 443
 Люшезский Лютчик, 443
 Люшик, 443
 Люшно, 393
Лющик, 442
 Лющикъ, 442
 Лющук, 442
 Лягоща, 165
Лядимера, 317, 326, 676
Лякова, 59, 578, 669, 675
 Ляковка, 578, 669
 Лялюкино Плѣсо, 557
 Лямна, 427
 Лямно, 427
 Ляскуны, 69
 Ляхичи, 233
 Ляхов, 234
Ляхова, 234
- Ляховицы, 201, 208, 232, 233
Ляховичи, 201, 208, 232, 233, 234, 676
 Ляховичи в Ясну, 520
 Ляховка, 234
Ляхово, 69, 234
 Ляховщина, 234
Ляшково, 234
 Лъбонъга, 319
Лъвеницы, 441
- М**
- Макарово, 455
Маклоченское Захонье, 484
Макова, 578
 Маковка, 578
 Максатиха, 69
 Макшея, 554, 675
 Малашка, 313
 Малая Березуй, 566
 Малая Бортна, 337
 Малая Будогоща, 158
 Малая Веряжа, 343
 Малая Веряжка, 343
Малая Витка, 350
 Малая Еглинка, 394
 Малая Камочка, 408
 Малая Кжемля, 410
 Малая Коломенка, 416
 Малая Коломна, 416
 Малая Корельская Налюча, 120
 Малая Налюча, 120
 Малая Пробужа, 124
 Малая Ужинка, 500
 Малая Уторгош, 178, 179
 Малая Холынья, 550
 Малая Хуба, 504
 Мало-Васильевский Бор, 590
 Малое Верево, 372
- Малое Захонье, 482, 484
Малое Кадное, 405
 Малое Клецино, 409
 Малое Льгово, 304
 Малое Меглинцо, 444
 Малое Мроткино, 235
 Малое Озерёво, 578
 Малое Острие, 455
 Малое Пертешино, 464
 Малое Радежское, 561
 Малое Рамушево, 269
 Малое Слободское, 444
 Малое Ужинское, 501
 Малые Алексеевичи, 238
 Малые Видони, 131
 Малые Волоты, 286
 Малые Вяжица, 380
 Малые Вяжици, 380, 381
 Малые Лъзи, 440
 Малые Ляховичи, 232
 Малые Меглецы, 447
 Малые Радежи, 561
 Малые Соки, 577
 Малые Уторгощи, 178
 Малые Холоньи, 550
 Малые Хубки, 504
 Малые Язвици, 542
 Малые Ясковичи, 521
 Малые Ясны, 520
 Малые Ясковичи, 521
 Малый Донец, 388
 Малый Иглино, 394
 Малый Крупец, 426
Манкошево, 564
 Манцово, 70
Манцы, 70
Марёвка,
 Марёво, 629
 Марёво, 617
 Марица, 617
Марковы Донца, 388
 Марконницы, 235
 Мароткино, 235
 Маслова, 581

- Маслогостицы**, 166, 191, 675
Матвеев Вымол, 152
Матяя, 555
Матюха, 311
Матюхино Плёсо, 557
Мгла, 466
Мглая, 446
Мглин, 446
Мглино, 444, 446, 451
Мегленка, 446
Меглец, 446, 447
Меглецо, 447
Меглецы, 447
Мегли, 448
Меглиевская, 450
Меглин, 444, 445, 446, 497, 667
Меглина, 444, 445, 664
Меглинка, 444, 445, 446, 447, 451, 616, 664
Меглинный Омут, 445, 446
Меглино, 444, 445, 446, 447, 451, 452, 664, 667, 677
Меглинское, 444, 445, 452
Меглинской, 445
Меглинье, 445
Меглич, 449, 451, 667
Меглицино, 449
Меглозеро, 448
Меглосар, 449
Меглосарь, 449
Меглыньское, 445
Меглытинка, 449
Меглыч(а), 449
Мегтвева, 449
Медведка, 400
Медведь, 620
Меденец, 59
Меденецкое, 59
Медлево, 452, 667, 676
Медлино, 445, 452
Медлянка, 445, 452
- Медовка**, 544
Межа, 27
Межволочье, 257
Межник, 27
Мелговщина, 448
Мелгольская, 448
Мелечаж, 106
Мелечажа, 106
Мелечажи, 106
Мелечажо, 106, 180, 730
Мелогощь, 166
Мелуево, 572
Мельговщина, 448
Мельгозеро, 447, 448
Мельничные Бугры, 47
Ментихи, 148
Ментюхин, 147
Менухова, 148
Меншее Пертечно, 464
Менюжская пустынь, 146
Менюхов, 148
Менюша, 146, 147, 673
Менюши, 147
Менюшка, 147
Менюшский, 147
Менякова, 147
Меренеж, 99, 175, 314, 315, 670, 730
Меренога, 314, 315, 316
Мереножка, 175, 314
Мересаха, 85
Мересика, 85
Мереслан, 85
Мереслона, 85
Мерино, 314
Меробудицы, 211, 315
Меробужской, 96, 175, 211, 730
Мерогоща, 175, 211
Мероножка, 314
Местоня, 133
Мехлино, 444, 497, 667
Меца, 119
Миглас, 450, 451
- Миглеев*, 449
Миглишки, 446
Миглици, 166
Мигляники, 446
Миголоща, 165
Миголощи, 165, 166, 192, 675
Миголоцкая пустынь, 165
Миголоцское, 166
Микифоровское, 445
Микли, 450
Микулин, 151
Милебуж, 96, 98, 676, 730
Милетино, 265
Милиц, 434
Милки, 265
Милкова, 265
Милковичи, 265
Милково, 265
Милковская, 265, 683
Милобудово, 96, 683
Милогост, 166
Милогость, 166, 191, 195
Милогощь, 166
Милодеж, 105, 730
Милодежи, 105
Милодежь, 105
Миложа, 198
Миложад, 105
Миложенье, 99
Милонъж, 99, 681, 730
Милослава, 312
Милятин, 265
Милятино, 60, 264, 265, 675
Милятичи, 265
Мингоишский, 147
Минково, 268, 667
Минькова, 420
Миритиницы, 206
Миробудицы, 211, 315, 676
Мирогожская Дуброва, 175
Мирогожский-Покровский, 175

- Мирогостово, 175
Мирогоща, 175, 191, 677
 Мирогощь, 175
 Мироежа, 114
 Мироежи, 114
Мирож, 198
 Мирожжа, 198
 Мирожье, 114
 Миронег, 311
 Миронегга, 314
 Миронегги, 70, 311, 314, 315, 316
Миронегово, 99, 246
Миронез, 99, 670, 675, 730
 Миронези, 99
 Миронезский, 99
 Миронезское, 314, 315
 Миронезье, 99
 Мирони, 315
 Миронюга, 314, 315, 316
Мирюноги, 99, 315
 Мирюнушка, 314, 315
Мирюньг, 70, 99, 314, 315, 316, 669
 Мирюньга, 314, 315, 316
 Мирюньги, 314, 669
 Мирюньжская Лука, 99
 Мирослав, 85
Мирославль, 85, 669, 675, 730
 Мирославци, 85
 Мирославье, 85, 87, 669
 Мирослово, 88
Мирохново, 70, 265
 Мирохновский, 265
 Мирохны, 70, 265
Мирошкино Вдовичи, 595
Мирюфдово, 114
Мирюфжа, 114, 730
 Мирславль, 85
 Мислеготи, 166
Митина Мишага, 491
 Митрбудицы, 211
- Михалица**, 242
Михалкинец, 243
 Мнино, 147
 Мнюха, 147
 Мнюхи, 148
 Моглажа, 447
 Моглевское, 447
 Моглец, 447
Моглинка, 447
 Моглино, 447
Могловский, 447
Моглогость, 182, 189, 326, 668
 Моглогостье, 182
 Моглоши, 447
Моглуша, 447, 667
 Мозырь, 678
 Моисеевичи, 238
Мокова, 578
 Мокрая Витка, 350
 Мокрово, 447
 Мокрое, 447
 Мокрой Березуй, 566
Мокшея, 554
 Молва, 221
 Молватицы, 220
 Молвея, 221
 Молвина, 221
 Молвина Слободка, 221
 Молвиничи, 221
 Молвино, 221
 Молвитино, 221
 Молвня, 221
 Молвотицкий городок, 220
Молвотицы, 220, 221, 579, 670
 Молвотиць, 221
 Мólвотцы, 220
 Молвятицы, 221, 670
 Молвятицкий, 221
 Молвятичи, 206, 208, 221
 Мологжа, 562
 Молодеж, 105, 562
 Молодежи, 105
- Молодковичи, 266
 Молотки, 266
 Молоткова, 265
Молотково, 265, 676
 Молотковская, 266
 Молотковцы, 266
Монкошево, 111, 564
 Монова, 578
 Морава, 617
 Моравия, 617
 Мордкино, 235
 Морева, 629
 Морева Руса, 629
 Морья, 555, 617
 Моркиничи, 235
 Морконецкой, 235
 Морконицкий, 235
 Морконицы, 235
Морконницы, 235, 236, 298, 669, 681
Мородкино, 235, 236, 668
 Морозовичи, 208
Мороткино, 235, 236, 668
 Морткиничи, 208, 235, 236, 669
Морткино, 235, 683
 Морицхино Русья, 630, 743
 Морье, 553
Морья, 553
 Мосеевичи, 238
Мосеичи, 238
 Мосно, 463
 Мосьлино, 647
 Мосьлинское, 647
 Мочиного, 398
 Мочихвост, 398
 Мошенско, 493
 Мродкино, 235
 Мроткино, 235, 668
 Мста, 29, 495
 Мстибово, 197, 217
Мстижа, 558
 Мстиже, 558
 Мстижи, 558

Мстижска, 558
Мстижское, 558
Мстон, 133
Мстонь, 133, 676
Мстоня, 133
Муреш, 617
Мустея, 555
Мутежер, 319
Мутижар, 319
Муха, 40
Мхи, 493, 667
Мховка, 493
Мшаг, 490
Мшага, 489, 490, 491, 493, 495, 581, 624, 667
Мшага Воскресенская, 490, 629
Мшага Ямская, 490, 629
Мшажка, 489, 490
Мшана, 490
Мшаика, 490
Мшевка, 492
Мшена, 493
Мшенское, 492
Мшенцы, 491
Мшеня, 493
Мшица, 492
Мшицы, 492
Мыза, 497
Мыслевичи, 222
Мыслевщина, 222
Мыслегостицкая Губа, 166, 191
Мыслин, 222
Мыслина, 222
Мыслино, 222
Мыслов Рог, 222
Мылова, 222
Мысловичи, 221, 675
Мыловка, 221
Мыслово, 222
Мыслятин, 144
Мыслятина, 144
Мышерский, 493

Мышлино, 222
Мышлятина, 144
Мышлячье, 144, 666, 675

Н

«Нагатинская», 298
На Березаевском озере, 563
 «на Вежицахъ», 379
 «на **Водосъ**», 361
 «на Волоти», 371
На Выдомеръ, 90
На Высоком Химкино Въресовичи, 346
 «на Вяжицахъ», 379
 «на Вѣжицахъ», 379
На Вѣне, 355
На Елгине, 395
На Елгине Фатьяновское, 395
На Демьяницах, 238
На Демьяницах Загорье, 238
 «на **Дретцком**», 392
 «на Ловоти», 371
 «на Луком», 431
на Меглине горе, 444
 «на озеръ на Перетнѣ», 462
На Осенце, 454
На Пияглицах, 668
На Плеску, 476, 574
 «на Сопшахъ», 323
На Сенъгъ, 101
 «на Слудици за Робию», 539
На Съковѣ, 577
На Усть-Близны, 554
На усть Любоежи, 113
 «на Усть-Перетенки», 463
На Усть-Робьи, 542
На Усть-Хуби, 505
На Ширице Жиравова, 513
Навелье, 343, 545

Навелья, 545
Навина, 356
Навѣня, 355, 356, 668
Нагадкина, 297
Нагадкино, 297
Нагатино, 298
Нагатино-Садовники, 298
Нагатинская, 298
Нагатинский затон, 298
Нагаткино, 297, 298
Нагоща, 167
Над Веткою, 347, 348
Над Виткою, 348
Над Луком озером, 524
Над Мегленкою, 444
Над озером Бологом, 331
Над Онъгом, 319
Над Соминцом, 649
 «надъ озеромъ надъ Лукомъ», 433
 «надъ озеромъ надъ Перетномъ», 462
 «надъ Рецкомъ», 392
Надпорожье, 288
Назия, 555
Накл въс, 453
Накла, 452
На́кла, 453
Наклата, 453
Накло, 452, 453, 675
Накол, 452
Налой, 461
Налуком, 431
Налютя Остафьева, 120
Налюцкой, 120
Налюць, 120, 133, 668
Налюч, 120
Налюча, 120, 668
Налючи, 120, 121, 133, 681
Налючской, 120
Намесково, 120
Наместово, 120
Намеща, 119
Намещи, 119, 676

- Нарата*, 459
Наратка, 459
Нарва, 595
Нарет, 459
Наркомле, 531
Нарот, 459
Наротка, 459
Нарочино, 459
Настаскина, 272
Настино, 155
Настовица, 155, 243
Наст-озеро, 155
Натца, 154, 155
Нахкуево, 572
Нахотченье, 139
Нащи, 50, 154, 155, 243, 676
Нащи 1-е, 50, 154
Нащи 2-е, 50, 154
Нащинский, 50, 154
Неббычь, 115
Небиж, 118
Небичь, 115
Неболоцкой, 115
Неболочи, 115, 116
Неболчи, 115, 116, 168, 284
Неболчь, 115
Небычь, 115
Невадино, 117
Невадицы, 117
Невадска, 117
Невадьево, 117
Неваж, 117
Неважа, 117
Неважи, 117, 677
Неведино, 118
Невеж, 118
Невежа, 118
Невежецы, 118
Невежицы, 118
Невель, 678
Невер, 311
Неверы, 311
Невеш, 118
Невеша, 118
Невешский, 118
Невздылицы, 266
Невидино, 118
Невижда, 118
Невиженка, 118
Невижи, 118, 677
Невий Мох, 603
Невиш, 118
Невлечпожня, 449, 451
Невлечручей, 449, 451
Невлой, 451
Невль, 679
Невяжа, 118
Невѣжи, 118
Негла, 450, 451
Неглаозеро, 448
Неглименье, 450
Неглимна, 450
Неглинка, 450, 452
Неглинная, 450, 452
Неглинной, 450
Неглино, 444, 451, 667
Неглин-остров, 450, 451
Неглинская, 450
Неглинской, 450
Неглицы, 450, 451
Неглич, 449, 451
Неглицово, 450, 451
Негловец, 450
Негловское, 450
Негловской, 450
Неглосо, 450, 451
Негля, 450
Негоболицы, 359
Негово, 107
Неговци, 107
Негодицы, 206
Негорѣлицы, 207
Негостицы, 175
Негосто, 168, 313, 683
Негостово, 168
Негость, 168
Негоша, 166, 167, 192, 667
Негоща, 166, 167, 168, 667, 669, 676
Негоще, 167
Негра, 451
Недашев, 222
Недашецы, 222
Недашицы, 222, 676
Недашки, 222
Недашковская, 222
Неделька, 612
Неденка, 612
Недзилово, 266, 674
Недли, 452, 667
Недло-озеро, 452
Недно, 612
Недоблицы, 211, 212, 668, 675
Недобылицы, 211, 241, 668
Недожд, 321
Недождака, 321
Недожат, 321
Недожатка, 321
Недомек, 321
Недомысли, 70, 117, 676
Недомышь, 70, 117
Недошевичи, 222
Нежадово, 321
Нежатина Нива, 223
Нежатинь, 223
Нежатица, 223, 240, 676
Нежатицы, 222, 240
Нежговицы, 175
Нежгостицы, 175, 191, 213, 224, 669
Нежгостици, 175, 213, 224, 669
Нежиковка, 223
Нежицы, 213
Нежки, 223
Нежков Большой, 223
Нежков Малый, 223
Нежковка, 223
Нежково, 223
Нежковский, 223

- Нежодка, 321
 Нездэново, 248
 Незденево, 248
 Нездилово, 266
 Нездина, 248
Нездино, 248
 Нездрино, 248
 Нездринское, 248
Нездылово, 266
 Незнин, 248
 Неклюжа, 126
Некость, 168, 192, 225, 313
Некуришино, 267
Некшино, 267, 677, 683
Нелаи, 322
 Нелайское, 322
 Нелая, 322
 Нелгомозеро, 448
Нелез, 442
 Нелезен, 441
Нелези, 442
 Нелзь, 442
 Нельгомозеро, 448
Нелюбишино, 267
Нелъзень, 442
 Немегелька, 446
 Немегля, 446
 Немецкий Вымол, 152
 Немилля, 118
Немилково, 118
 Немильна, 118
 Немильня, 118
Немиля, 117, 666, 676
Немково, 249
Немово, 249
Немоево, 249, 676
Немоикино, 249
 Немокина, 249
 Немышля, 117
 Ненажора, 611
 Непъжи, 118
 Нерадовачка, 119
 Нерадовка, 119
 Нерадовска, 119
 Нераж, 119
Нерачино, 459
 Нерева, 595
 Неревницы, 595
Неревичи, 595
 Неревский, 16, 595
Нередицѣ, 459
 Нерета, 459
 Неретва, 459
 Нерето, 459
 Неретцкый, 458
 Неретцкое, 458
Нерецкое, 458, 459
 Нерль, 612
 Нерова, 595
 Неродино, 119
 Нероды, 119
Нероуж, 119
 Нероново, 315
 Нероновская, 69
Нерца, 458, 459, 675
 Нерцы, 459
Несуж, 115, 168, 676
 Несужа, 115
 Несужо, 115
 Несуши, 115
 Несуци, 115
 Нефедец, 311
 «Нефедьево на Усть-Перетенки рѣки», 463
 Нехатова, 250
 Нехотилово, 250, 670
Нехотицко, 250
 Нехоткино, 250, 683
 Нехотова, 250
 Нехотово, 250, 251
 Нехочи, 250
Нехутово, 246, 250, 251, 508, 670, 676
 Нечерпеть, 465
 Неятинь, 223
 Нива, 110
 Ниговщина, 166
 Нидалька, 612
 Ниделька, 612
 Нижнее Клецино, 409
 Нижней Вычемер, 316
 Нижние Будомицы, 215
 Нижние Ретежи, 560
 Нижние Тиккули, 334
 Нижние Тиккулы, 334
 Нижний Волок, 257
 Нижний Залегоць, 164
 Нижний Зболог, 334
 Нижний Миглас, 450
 Нижний Прихон, 479
 Низдина, 248
Низковицы Старые, 223
 Никифоровка, 330
 Николо-Вяжицкий, 379
 Никольский Волокохот-славль, 81
 Никольской Гослав волок, 81
 Никольщина, 166
Никомля, 494, 536, 537, 740
Никулинец, 243
 Никулици, 267
 Никуриши, 267
 Нинишки, 268
Нинково, 268, 667, 675
 Ниновка, 268
 Ниново, 268
 Новагожа, 182, 191, 192, 668
Новая Руса, 49, 490, 623, 624, 629, 743
Новая Русса, 623, 629, 743
 Новгород, 16, 624, 676
Нововежи, 384
Новогоши, 182, 189
 Новогошка, 182
 Новогоща, 182, 668
 Новое, 499
 Новое Ракомо, 530
 Новое Рамушево, 269
 Новой Борок, 571

Ново-Пхово, 493
 Новорахино, 270
 Новоселица, 201
 Новоселицы, 201
 Новозстонские Дворы, 632
 Новъгородъ, 153
 Новые Ладомири, 91
 Новые Ладомири, 91
 Новые Миглоци, 166
 Новые Раковицы, 225
 Новые Русы, 490
 Новые Соли, 490
 Новые Удрицы, 554
 Новый Березай, 563
 Новый город, 16
 Новый Ужин, 500
 Ногат, 298
 Ногатино, 298
 Ногатинское, 298
 Ногоща, 167, 669
 Ногучево, 572
 Ножема, 538
 Нонотопица, 422
 Норина, 508
 Норкомичи, 531
 Норова, 595
Норья, 552
 Нугоща, 167
 Нудогорицо, 176
Нудогощо, 75, 176
 Нумерье, 94
 Нунговское, 176
 Нунгоша, 176
 Нягів, 107
Нягиль, 451
 Нягово, 107
Нъговичи, 106, 107, 730
Нъжатино, 223
 Нъжитино, 223
 Нъжитици, 222, 223
 Нъжковичи, 223
Нъжково, 223, 676
Нъмков, 249
Нъмкова, 249

О

Оберетка, 675
Обжерино, 232, 246, 251,
 252, 253
 Обжирово, 251, 252, 683
 Обижа, 104
 Обнова, 578
 Обоедовская, 69
Оболтино, 117
 Оболчи, 116
 Обольче, 116
 Обонега, 250
 Обонегово, 250
Обонѣгова, 250
 Обонѣженка, 240
 Оборля, 42, 375, 494
 Оборотно, 42
 Обрадица, 249
Обрадovo, 249, 677, 683
 Обрадовци, 249
Обратково, 249
 Обраш, 249
 Обретенье, 42
 Овнова, 578
 Овѣево, 309
 Одосье, 360, 668
 Ожевица, 236
Ожевичи, 236
Ожево, 236, 674
Ожевское, 236
 Ожедова Вторая, 303
 Ожедова Первая, 303
Ожедово, 303
 Ожедово II-е, 303
 Ожедово I-е, 303
 Ожеедка, 303
Ожеедово, 70, 236, 303
 Ожееды, 70, 303, 311
 Ожееды Малые, 303
Ожогин Волочек, 256
 Озаровка, 578
 Озвадъ, 494
Озер, 501

Озера, 583
Озерва, 578, 579, 580,
 593, 594, 674
Озервец, 579
 Озервие, 579
Озеревичи, 579, 593
 Озеревка, 578
 Озерёвка, 578
Озеревки, 579
Озеревко, 579
Озерево, 578, 579
 Озерёво, 579, 580
Озеревы, 579
 Озеревье, 579
Озеречня, 580, 617,
 Озерешня, 617, 667
 Озерна, 580
 Озерня, 580
 Озеро, 593, 594, 610
Озеровичи, 579, 593
 Озеровка, 578
 Озерово, 579
 Озерский, 579
Озертицы, 594, 601. 668
 Озерца, 594
 Озерцо, 594
 Озерцы, 594
 Озеры, 579
Озеряево, 580, 667
Озерѣва, 579
 Окзовка, 349
 Оклиж, 126, 667
 Оклюдицы, 127
Оклюжье, 126, 667
 Околорусье, 628
 Окораки, 296
 Окораков, 296
 Окороки, 70, 296
Окрадово, 112
 Окуловка, 69
 Окулово, 415
 Окшентецы, 239
Олгово, 303
 Олговь, 304

- Олегова могила*, 305
Олексиницы, 238
Олексино, 69
Олжина Гора,
Олжичи, 304
Олидово, 127
Олпатьево, 262
Ольгин, 304
Ольгин Городок, 339
Ольгин Крест, 304
Ольгина, 304, 305
Ольгино, 245, 304
Ольгино Сельцо, 305
Ольгины Ворота, 304
Ольгины Слуды, 304
Ольговичи, 206
Ольговка, 245, 304
Ольгово, 304
Ольжина Гора, 304
Ольжичи, 206
Ользи, 435, 436, 442, 667
Ользы, 435, 436
Ольховка, 60
Ольшанка, 60
Омглуша, 447, 667
Омельяны, 70
Омигость, 168
Омша, 492
Омычкино, 541
Ондвор, 613, 614
Ондров Конец, 318
Ондромир, 317
Ондружница, 213, 214
Онег, 250, 311, 313, 314,
 319
Онега, 168, 197, 213, 313,
 319, 670
Онеги, 311, 319
Онегино, 314, 319
Онегость, 168, 195, 197,
 670, 677
Онежецкое, 213
Онежицы, 213, 250
Онежское, 213
Онежье, 213
Онжадов, 321
Онжадово, 321
Онига, 168, 197
Онижец, 213
Онижицы, 213
Ониф, 319
Оничины, 70
Оночесть, 613
Онпол, 583, 613, 614
Онъг, 311, 319
Онъжицы, 213
Онъег, 319
Опака, 528, 529
Опакуша, 528
Опалишино, 267, 326
Опачка, 527, 528, 530
Опекишево, 267
Опекишино, 267
Опока, 528, 529
Опховица, 493
Опылыша, 325
Оргоць, 187, 304
Оредеж, 29, 562
Орешенки, 69
Оркажъ, 154
Орловка, 649
Осіна, 456
Оса, 456
Осенка, 454
Осийка, 59
Осики, 44
Осиновичи, 595
Осипово, 309
Осица, 456
Осици, 456
Осицы, 456
Оскуя, 397
Ославье, 80
Осма, 618
Османовка, 618
Осменский, 618
Осмониша, 618
Осмонь, 618
Осмонька, 336
Осмянка, 618
Осна, 454
Осначево, 454
Осне, 454
Оснебрость, 454
Оснец, 454
Осница, 454, 455, 667
Осницкая, 454
Осницкий, 454
Осницкое, 455
Осница, 454
Осно, 453, 454, 455, 668,
 676
Осно, 453
Осное, 454
Оснянка, 454
Осова, 456
Осовец, 456, 676
Осовецъ, 456
Осовик, 456
Осовина, 456
Осовици, 456
Осовичи, 456
Осовка, 456
Осовской, 456
Осое, 456, 457
Осои, 457, 677
Осой, 457
Осоново, 455
Оссия, 472, 476, 625
Остенец, 455
Остин, 455
Остратиха, 485
Острее, 455
Острей, 455
Острейцо, 455
Остречка, 455
Острие, 455
Остров Ожевичкой, 236
Острогожск, 192, 315
Острогоча, 192, 315
Остронежское, 315
Острычино, 315

Осьм, 618
Осы, 455, 456
 Осье, 456, 606
 Осьё, 59
Осьма, 330, 397, 618, 619
 Осьмино, 648
 Осьмушиной, 618
Осьяне, 606
 Отемеша, 562
 Отенский, 386, 387
 Отиня, 138
 Отло, 387
 Отно, 387
Отня, 386, 387, 454
 Отня пустынь, 387
 Отолово, 285
 Оттенский Мох, 386
 Оттенское, 386
 Отунье, 139
 Охомень, 538
 Охомля, 494, 536, 538, 740
Охона, 479, 482, 668
 Охоння, 479
 Охотня, 479
 Ошала, 460
 Ошвино, 309
Ощеркина, 516
 Ощерино, 516
Ощѣрино, 516

П

Пабережье, 611
 Пагаджина, 297
 Пагуба, 505, 668
Падала, 460
Падишино, 267
Падолица, 460
 Падолицкое, 460
 Падолицы, 460
 Падоль, 460
Падольский, 459, 460
Падольское, 460
Падчик, 459

Пажеревицкий, 611
 Пажеревицы, 611, 674
Пажеревичи, 611
 Пажеревский, 611
 Пажерицы, 611
Пажерицо, 611
Пажерницкий, 611
 Пака, 528, 529, 533
 Па́ка, 532
 Пакея, 528, 529
 Пакой, 528, 529
 Пакомка, 527
Пакомо, 391, 527, 528, 530,
 531, 533, 536, 537, 681
 Па́комо, 523, 532
Пакости́ха, 528
Пакость, 528, 676
Пакуша, 528, 529
Пакишин, 530
Пакишино, 530
 Палюшка, 124
Панеретье, 457, 458
 Паник, 460
Паника, 460, 675
 Паниква, 460
 Паники, 460
 Паниковец, 460
 Паниковка, 460
Паникуха, 460
 Паникушка, 460
 Панин, 460
 Панин Крест, 150
Паницкий, 459, 460
 Панковка, 69
Паозерье, 610, 611
 Париж, 49
 Пархово, 299
Пасерезье, 611
Паскирева, 516
Паскирево, 516
Пасторонье, 610
 Пахонька, 477
 Пахонь, 477
Пахуба, 506, 668
 Пачевик, 459
Пачки, 527, 530, 677
Пашолонок, 610, 611
Пащиково, 460
 Пелгуй, 572
 Пелеш на Менюше, 147
 Первомайский, 149
Перевезж, 121
 Перевезжа, 121
Перевизжа, 121
 Перевизжье, 121
 Перевизская, 121
 Перевизский, 121
 Перевязж, 121
 Перевязжа, 121
 Перевъзжа, 121
 Перегинець, 461
 Перегини, 461, 669
Перегино, 461, 462, 669,
 676
 Пере́гино, 461
 Перегиньско, 461
 Перегощ, 168
 Перегощи, 168
 Передки, 465
 Передчицы, 526
Переки, 526
 Пере́ки, 352
 Переклыня, 453
 Перековка, 527
 Перековский, 526
Перекомо, 391, 525, 526,
 527, 531, 535, 537, 681
 Пере́комо, 523, 532
 Перекомский, 525, 526
 Перекопский, 525, 526
 Перелесок, 345
 Переметское, 527
 Перенѣж, 121
 Перенегово, 121
Перенежья, 121
 Перенѣж, 121
 Перенѣжье, 121, 673
Перерва, 467

- Перестражи, 121
Перестражье, 121
 Перестраж, 122
 Перестражска, 122
Пересута, 673
 Перетенка, 462, 463
 Перетёнка, 463
 Перетёнка-1, 463
 Перетёнка-2, 463
 Перетер(ь)га, 466
Перетерг, 466, 467
Перетерга, 465, 467, 664
 Перетерги, 465
Перетергово, 465, 466
Перетерка, 465, 466, 467
 Перетерьга, 466
Перетерьье, 465, 466
 Перетерьья, 465
Перетично, 464
Перетка, 464
Перетки, 465
 Переткина, 464
 Перетна, 463
Перетно, 462, 463, 464, 668
 Перетня, 463
 Переторг, 465, 466
 Перетчицы, 526
 Перехинец, 461
 Перечин, 527
 Перечицкое, 527
Перечицы, 526
 Перечка, 527
 Перечна, 527
 Перечуха, 526
 Перешная, 527
 Перешино, 527
 Перешное, 527
 Перешня, 527
 Переяславль, 153
 Переяславль-Рязанский, 48
 Переяславское, 410
 Переяслав-Хмельницкий, 48
 Периковка, 527
 Перин, 340
 Перино, 339, 340
 Перово, 465
 Перт, 465
 Пертеченка, 464
 Пертечно, 464
 Пертечно за речкой, 464
 Пертешенка, 464
Пертешно, 464
 Пертиёки, 465
 Пертисуо, 465
 Пертица, 464
 Пертична, 464
Пертично, 464
 Пертично Другое, 464
 Пертица, 464
 Пертия, 465
 Пертозеро, 465
 Пертоя, 465
 Пертручей, 465
 Перттяярви, 465
 Пертуй, 465
 Перты, 465
 Перун, 339
 Перун Верхней, 339
 Перунской, 340
Перунь, 339
 Перуня Рънь, 339
 Перыни, 339
 Перыно, 339, 340
Перынь, 27, 339, 340, 675
 Перятин, 281
Песанка, 468, 470
Песенка, 468, 469, 664
Песка, 469
 Пески, 469, 471, 473
 Песков, 473
Пескова, 472, 473, 572, 676
 Песковка, 473
 Песково, 472
 Песковской, 473
 Песна, 468, 469, 664
 Песница, 468, 469, 471, 664
Песно, 393, 468, 469, 471, 616, 664, 675
 Песновка, 468
 Песнош, 468
 Песогор, 469
Песогоры, 469
 Песок, 473
 Песочна, 473
 Песочно, 473, 564
 Песочное, 468
 Пестно, 469
Пестова, 62, 578
 Пестовка, 62
 Пестово, 62, 292
 Пестовцы, 62
Пестяница, 240, 242
 Песцаницкая, 473
Песцевица, 472
 Песчан, 471, 473
 Песчаница, 473
 Песчанка, 473
 Песчаное, 599
 Песчевица, 472
Песчива, 472
 Песчивая, 472
 Песчивица, 472
Песчивичи, 472
Песчинка, 473
Песчино, 473
Песь, 365, 470, 471, 668, 683
 Песье, 470
Песьино, 469
 Песья, 471
 Песьянец, 470
 Песьяница, 470
 Песьянка, 470, 683
Песьянское, 470
Песьянцево, 470
Песянки, 470
Петергли, 465
 Петеркино, 465, 467
 Петрилово, 245

- Петровичи у Большого Камени, 238**
 Петрово, 47
 Петроград, 153
 Печно, 393, 468
 Пещанка, 473
Пещивая, 472
 Пиногоиш, 183
Пиногоици, 183, 189
 Пиратичи, 282
Пиреклыня, 453
 Пирин-планина, 340
 Пирогов, 168
Пирогоща, 168, 282, 674
 Пирутино, 282
 Пирютино, 281
 Пирятин, 281
 Пирятина, 281
 Пирятиница, 281
 Пирятинка, 281
Пирятино, 168, 281, 673
 Пирятинская, 281
 Пирятинщина, 281
 Пирятинъ, 281
Писенка, 471, 472, 668
Писков Бобыха, 472
Писковно, 472, 473
Писково, 472
 Пискомле, 472
 Пискомля, 536
 Пископец, 599
 Пискупици, 599, 675
 Пискупицы, 204, 599
Пискупля, 77, 599
Писоиня, 472
Писсенка, 471, 472, 625
Писцево, 472
 Письяницы, 472
 Письяха, 472
 Пиченка, 468
 Пичка, 468
 Пищана, 583
 Пияглицы, 668
 Плѣс, 475
- Плеса, 475
 Плесеевка, 474
Плесенка-Подлипье, 474
 Плеск, 574
Плеска, 476, 574, 677
 Плески, 574
 Плесков, 573
 Плесковъ, 556, 573
Плесна, 474
 Плеснец, 474
Плесное, 474
Плесо, 473, 474
 Плѣсо, 473, 474
 Плешевицы, 207
 Плещеево, 410, 411
 Плиса, 475, 674
Плиска, 574, 575, 675
 Плискава, 573, 576
 Плиски, 574
 Плиско, 476
Плисное Ломище, 475
 Плисса, 474, 475, 476
Плишкино, 575
Плос, 475
 Пльсковъ, 556, 573, 576
 Плэска, 574
 Плюс(с)а, 476
Плюса, 473, 474, 557
 Плюсеевка, 474
 Плюсино, 474
 Плюсква, 476
Плюсна, 474
 Плюсно, 474
 Плюсо, 473
Плюсса, 473, 474, 476, 616, 625, 676
 Плюссы, 474, 476
 Плюсце, 474
 Плюсцэ, 474
 Плюсы, 474
 Пневича, 591
 Пневичи, 591, 592
 Пнево, 591
Побережья, 611
- Погадкина, 297
Погвизд, 310, 321, 668, 673
 Погоскина, 161
 Под Омугом, 319
 Под Онегом, 319
 Подберезье, 613
 Подгостици, 179, 183
 Подгоиц, 182
 Подгоща, 182
Подгощи, 182, 183, 189
 Подлезной, 440
Подлипья, 552
 Подлитовье, 231
 Подлютовье, 231
 Подмошье, 613
 Подозье, 455
 Подол, 459
 Подольский, 460
 Подосный, 453
 Подосье, 455
 Подсонье, 362, 668
 Подсонье, 362
Подсосонье, 362, 668
Подсосонье, 362
 Подхоченский, 139
 Подхоченье, 139
 Пожереввицы, 611
 Пожервицы, 611
 Пожерницкий, 611
 Позняково, 69
 Поибрене, 609
Пока, 529, 677
 Покея, 528, 529
 Покой, 528, 529
 Поколоты, 260
 Покоренка, 529
 Покоска, 528
 Покров Коноплино, 175
 Покровское, 564
 Пола, 29, 627
 Поленье, 606
 Полисть, 29, 397
 Полнышево, 81

- Полой, 610
 Полометь, 29
Полона, 615, 673
 Полоная, 673
 Полоненка, 673
Полонец, 673
 Полоница, 673
Полонка, 673
 Полонной, 673
 Полоное, 673
 Полоной, 673
Полонуха, 673
 Полтава, 49
 Полтавский, 49
 Полюдов кряж, 58
 Полюдова, 124
 Полюдовичи, 124
 Полюдовка, 124
 Полюдово, 58, 74, 124, 683
 Полюдята, 124
Полюжье, 58, 74, 124, 674
 Поляна, 20
 Поляне, 606
Поляни, 606, 675
 Понедель, 612
 Понеделька, 612
 Понедельский, 612
Понедѣлье, 612
 Понедѣлька, 612
 Понедѣльский, 612
Понеклица, 461
 Понеретка, 457, 458
 Понерѣтка, 457, 458
 Понеретья, 457, 458
Понерлица, 612
Поника, 460
 Пониква, 460
 Пониквица, 460
 Поники, 460
 Поникий, 460
Поникло, 461
 Пониклово, 461
Поникница, 461
Поникина, 461
- Поникиши, 461
 Понитница, 461
 Поничка, 460
 Понкины Водоси, 359
 Понорка, 47, 458
 Понорка, 458
 Понорки, 458
 Понури, 458
Понурица, 458
Понурка, 458
 Поньры, 458
Поньрь, 458
 Поньрье, 458
 Поньрья, 458
 Поньря, 458
Понѣгино, 246, 250, 677
 Поозерье, 610, 611, 613
 Поочье, 608
Попалишино, 267
Попереково, 526
 Поперечная, 527
 Поперечное, 527
 Поперечной, 527
 Поперечный, 527
 Поперешной, 527
 Попова Гора, 444
 Поречье, 425, 611
 Порог, 288
 Пороховский, 299
 Портомойня, 47
 Поруссия, 487
 Порусь, 628
 Порусье, 538, 552, 628
 Порусья, 365, 544, 552, 623, 626, 627, 628, 743
 Порученка, 552
Поручье, 552
Порхачово, 299
Порхов, 298, 299, 583, 597, 673
Порхова, 299
 Порховицы, 299
Порховка, 299
Порхово, 299, 683
- Порховский городок, 298, 299
 Порховское городище, 299
 Порховской, 299
 Порховцы, 300
 Порѣчье, 602
Посадникова Гора, 77
 Посадница, 77
Посаднича Гора, 77
Посадниче, 77
Посадничье, 77
 Посвирж, 609
 Посемье, 608
 Посторонька, 610
Посясье, 609
 Потелич, 609
Похеня, 477
Похоловье, 609, 610, 611
 Похона, 477
Похонь, 404, 477, 478, 482, 668
 Похонька, 477
Похоня, 477, 478, 482
 Почище, 303
 Почколга, 41
 Прість, 486
 Прасці, 486
 Преки, 527
 Преконога, 527
 Прекорека, 527
 Прекошка, 527
 Прибилів, 269
 Прибиловка, 269
 Прибилци, 269
Прибужж, 124, 675
 Прибужжской, 124
 Прибужье Новое, 124
 Прибужье Старое, 124
 Прибуш, 124
 Прибылово, 269, 683
Прибыльца, 268, 326
Прибыльцино, 268, 326, 675
 Прибышево Пахомовская, 269

- Прибышино, 269, 675**
Присай, 457, 572, 677
 Приханцы Малые, 479
Прихон, 479, 668
 Прихон, 481, 482
Прихонь, 479
 Пробудово, 125, 683
Пробужа, 124, 673
 Пробужжа, 125
Проженево, 597
 Пронегоша, 174,
 Пронегоща, 174
 Прост, 486
 Прости, 486
 Простинка, 486
 Просто, 486
 Простой, 486
Прость, 485, 486, 664, 673
 Простянка, 486
 Простянской, 486
 Просць, 486
 Просьская, 487
 Прох(о)ное, 478, 482
Прохное, 478
Прохово, 299, 300, 668
 Проховцы, 300
Прохона, 404, 478, 482, 668
 Прохоница, 478
 Прохоново, 478
 Прохоное, 478
Прошнево, 300, 668
 Прудск, 488
 Прудское, 488
Прус, 316, 488
 Пруса, 316, 488
 Прусинка, 488
 Прусино, 488
 Пруска, 488
 Прусско, 488
 Прусское, 488
Прусово, 488, 489
 Прусихово, 489
 Прусси, 488
- Прусская, 16, 487**
 Прусский Мох, 488
Прусско, 488
Прусское, 488
Прусское-Кирилово, 488
 Пруссово, 489
 Пруссы, 488
 Прусть, 486
Прусы, 316, 488, 489
 Прусынская Горка, 489
Прусыня, 489
 Прѣча, 527
 Псежа, 556
Псижа, 476, 556, 557, 562, 576
 «Псижъ», 556
 Псков, 49, 572, 573, 575, 583
Пскова, 472, 476, 557, 572, 573, 574, 575, 576, 677
 Псковѣнка, 572
Псковец, 49, 573
 Псковица, 572
 Псково, 572, 573, 574, 576, 681
 Псковская земля, 572
 Псковское, 572
 Псковце, 572
 Псковянское, 572
 Псковяны, 572
 Псово, 643
 Пста, 495
 Псюжжа, 556, 562
 Пугина Нива, 465
 Пузыревское, 650
 Пуста Тушимля, 227
 Пустая Ржева, 583
 Пустолизно, 438
Пустольсов, 112
Пустомержа, 113
 Пустомержа Большая, 113
 Пустомержа Малая, 113
Пустоперж, 112, 730
 Пустопержа, 75, 112
- Пустопържа, 112, 113, 730**
Пусторадово, 112
 Пустые Онежицы, 213
 Путивль, 197
 Путиловское, 650
Пушенная, 491
Пхи, 493, 667
 Пховица, 493
Пхово, 493
 Пчѣвжа, 489, 492
 Пша, 492
 Пша(ж)ская вѣть, 490
 Пшаг, 490
Пшага, 489, 490, 491, 493, 495, 667
 Пшажжа, 489
 Пшара, 492, 493
 Пшаская вѣть, 490
 Пшевжа, 492
Пшевка, 491, 492
 Пшево, 492
 Пшевский, 492
Пшенкина, 491
Пшенкова, 491
Пшенцы, 491, 495
 Пшивка, 491
 Пшинская, 492
 Пшинской, 492
Пиова Гора, 491, 492, 676
 Пиовка, 491, 495
 Пиогжа, 489, 492
 Пионка, 492
 Пиоро, 493, 667
 Пиуский Ручей, 492
Пъскова, 572
 Пъсковъ, 573
 Пърятин, 281
 Пърятинка, 281
 Пъхона, 477
 Пъхонь, 477
 Пъсково, 573
 Пъсковъ, 573
Пярдомля, 536, 537, 740
 Пъсь, 471

Р

- Рабитицы**, 207, 540, 594, 600, 668
Раглицы, 215, 452, 495, 496, 497, 498, 667, 668, 676
 Раглицы Новые, 495
Раглицы Старые, 495
 Рагодач, 170
 Рагодовичи, 224, 668
 Рагостицы, 169
 Рагостье, 169
 Ра́дбелик, 358
Радбилицы, 203, 358
 Радбуж, 98
 Радбѣлик, 203, 358, 669
 Радговцы, 169
 Радгостица, 169, 240
Радгостицы, 169, 191, 213, 240
 Радгосцы, 169
Радеж, 561
Радежа, 561
 Радеш Большая, 561
 Радешка Меньшая, 561
Раджа, 561, 562
 Раджода, 562
 Радил, 141
 Радила, 141
Радило, 141, 325
 Радилова, 141
 Радиловичи, 141
 Радиловка, 141
Радилово, 141, 142, 386, 668, 670, 675
 Радиловское, 141
 Радилы, 141
 Радиля, 666
Радиля Гора, 141
 Радинское, 566
 Радково, 225
Радлици, 495
 Радлици на Горке, 495
 Радлицы, 215, 452, 495, 496, 497, 498, 668
 Радрово, 141, 142, 386, 668
 Радмировац, 91
 Радницы, 495
Радобол, 358
Радовез, 102, 103, 104, 675, 730
 Радовези,
 Радовица, 92
 Радовичи, 595
 Радово, 112
 Радоган, 169
 Радоговица, 224
 Радоговицкий, 225
 Радоговицы, 224
 Радоговичи, 198, 213, 224, 225, 668
Радоговица, 198, 213, 224
 Радогож, 169
 Радогост, 170
 Радогоч, 170
Радогоша, 169, 192, 675
 Радогощ, 169, 170, 667
 Радогощ Большая, 170
 Радогощ Малая, 170
 Радогоща, 32, 169, 170, 188
Радогоще, 169, 170
 Радогощи, 32, 170
 Радогощская Буда, 170
 Радогощъ, 169, 170
Радоковицы, 201, 223, 224, 225, 668
 Радоковичи, 198, 201, 224, 225
 Радоловка, 142
 Радом, 92
 Радомелье, 91, 92
 Радомер, 91, 668
 Радомерка, 91, 668
Радомерь, 91, 92, 93, 668, 675
 Радомирци, 91
 Радомица, 92
 Радомицко, 92
 Радомицы, 92
 Радомля, 92, 536, 675, 740
 Радомье, 92
Радонеж, 99, 730
 Радонежское, 99
 Радоселье, 86
 Радоселька, 86
 Радосковичи, 224
 Радослав, 86, 87, 312
 Радослав Дол, 86
Радословле, 86, 313, 675, 730
 Радостово, 412
 Радохоч, 170
 Радоц, 170
Радугошь, 32, 169, 667
 Радугощи, 170
 Радугощъ, 170
 Радули, 142
 Радулин, 142
 Радулина, 142
 Радулова, 142
 Радуловачка, 142
 Радуловачки, 142
 Радуловичева, 142
 Радуловка, 142
 Радулово, 142, 670
 Радуль, 142
Радуля, 142, 677
 Радча, 616
 Радчицы, 495
 Радыгина, 279
 Радятина, 273, 274
 Разлив, 461
 Рай, 542
 Рака, 532, 533, 534
 Ра́ка, 532
 Ракамо, 530
 Раки, 532
Ракі, 532
 Ракин, 532, 533
 Ракино, 532, 533
 Раковец, 533

- Раковицкое*, 225
Раковицы, 225
Раковическое, 225
Раковичи, 225
Раковка, 533
Раковня, 533
Раково, 531, 532
Раколино, 531
Раком, 530
Ракома, 530, 531
Ракома, 523
Ракомка, 530, 531, 534
Ракомле, 531
Ракомля, 530
Ракомлянка, 531
Ракомо, 391, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 681
Ракомо, -а, 535, 537
Ракомо, 532
Ракомская, 530
Ракомский, 530
Ракомъ, 530
Ракодел, 531
Раку́ха, 534, 535
Ракуша, 535
Ракушка, 535
Ралицы, 496
Рамень, 640
Рамень, 640
Раменье, 640
Раменье, 640
Рамонь, 640
Рамонье, 640
Рамушево, 269, 677
Рамушено, 145
Рамышево, 269, 676
Рамышевский, 269
Рамышово, 270, 677
Рамяшевский, 269, 270
Раславка, 86
Расловино, 86
Расловичи, 86
Расловка, 86
Расловково, 86
Расловлево, 86
Расловль, 86, 88, 669
Расловля, 86
Раслово, 86, 87, 88, 669, 676, 730
Расловский, 86
Растов, 272
Расторг, 466
Расторог, 466
Расторога, 466
Ратилово, 215
Ратмарово, 94
Ратмень, 93
Ратмер, 93, 676, 730
Ратмеровско-Богородский, 94
Ратмеровско-Троицко-Ильинский, 94
Ратмино, 93
Ратмир, 94
Ратмировичи, 94
Ратмирово, 78, 94, 246
Ратмировский, 94
Ратча, 325, 584
Ратша, 311, 325
Ратьмирь, 94
Ратьмиря Дуброва, 94
Рахин Мост, 270
Рахинка, 271
Рахино, 270, 271
Рахино Новое, 270
Рахино Старое, 270
Рахино у Моста, 270
Рахлицы, 496
Рахлицкая, 496, 497
Рахлицы, 496, 497, 667
Рахнов, 271
Рахново, 271
Рахов, 271
Рахова, 270
Раховец, 271
Раховичи, 270, 271
Рахово, 145, 270, 271, 675
Раче, 532
Рачин, 532
Рачинка, 532
Рачица, 532, 533
Рачка, 532, 533, 677
Рашки, 271
Рашкин, 271
Рашкино, 271
Рашков, 271
Рашкова, 271
Рашковичи, 271
Рашиково, 145, 271
Рашутинка, 145
Рашутино, 145
Рашуча, 144, 666, 681
Рва, 467
Ргоц, 304
Рдейская Моховица, 543
Рдейское, 543, 544
Рдецко, 543
Рдея, 543, 544
Рдитцко, 543
Рдици, 544
Рдицы, 544, 545
Рева, 372, 668
Ревица, 373, 378
Ревка, 373, 378
Ревцане, 605
Редбуж, 98, 730
Редбужа, 98
Редбужи, 98
Редбуш, 98
Редетцко, 543
Редёха, 544
Редовица, 170
Редовоцинской, 170
Редогоц, 170
Редогоца, 170, 676
Редра, 544
Редро, 544
Редровка, 544
Редрово, 544
Редца, 543
Редцы, 543
Редьяля, 586

- Редье, 543
Редья, 365, 544, 545, 615, 627
 Редятина, 273, **543**
 Река, 610, 611
 Релка, 372
 Ретевша, 560
Ретеж, **559**, 560
 Ретежи, 560
 Ретежский, 560
 Ретеш, 559
Ретеша, **560**
 Ретеша Большая, 560
 Ретеша Малая, 560
 Ретешинское, 560
Ретище, **560**
Реткино, **303**
Ретомля, 536, **537**, 615, 740
 Ретоша, 560
 Ретьши, 560
 Ретьцо, 560
 Речани, 606
 Речаны, 606
 Речелга, 41
 Речка, 20
 Ригодищи, 170, 192
Рно, **545**
 Рновский, 545
 Робейка, 539
 Робий Мох, 540
 Робитицы, 600
 Робичинская, 600
 Робичицы, 208, 600
 Робка, 540
 Робки, 540
 Робья, 542
 Робье, 540, 683
Робья, **539**, 540, 541, 542, 674
 Робья Боровая, 542
 Робья Боровская, 542
 Робья Великосельская, 428, 539, 541, 542
 Робья-Великосельская, 541
 Робья Воробская, 542
Робья Гора, **540**
 Робья Заробская, 262, 539, 541, 542
Робья Ильмна, **428**, 539, 541, 664
 Робья Омыччинская, 541
 Робья Омычнинская, 541
 Робья Рядовская, 542
 Робья Сорокопенская, 541, 552
 Робья-Сорокопенская, 541
 Робья Сороненская, 541
 Робья Ставровская, 541
 Робья Старовская, 541
 Робья Сутокская, 541
 Робья Сырокопенская, 541
 Робья Шубинская, 541
 Робья Язвенская, 542
 Робья Язвищенская, 542
 Рог, 630
 Рогова, 273
 Рогово, 273
 Рогоща, 304
 Родеж, 561
 Родиваново, 285
 Родивановщина, 69
Родигино, **279**
 Родила Гора, 141
 Родиловка, 141
 Родослав, 86
 Рожважа, 122
 Рождественский, 151
 Роженец, 461
 Рожкова, 273
 Розвадів, 123
 Розвадов, 123
 Розваж, 123
Розважа, **122**, 123, 676
 Розважка, 123
Роздомирье, **94**, 730
 Рокомъ, 530
Романь Брод, **154**
 Ромашково, 270
 Ропша, 431
Роскино, **272**
Росково, **272**
 Роскосы, 531
Рославлево, **86**, 87
 Рославль, 86, 87
 Рословици, 87
 Рословка, 87
 Рословль, 87
 Рословская, 87
 Россия, 625
 Рост(ъ)кина, 272
Росткина, **271**, 272
 Ростков, 272
 Ростково, 272
 Ростов, 272, 583
Ростово, **272**
 Ростокина, 271, 272
 Ростокино, 272
Ростоково, **272**
 Росторог, 466
 Ротки, 226
Ротковици, **225**
 Ротковичи, 208, 225, 226
Ротково, **225**, **226**
 Ротковская, 226
 Ротковщина, 226
 Ротмирово, 94
 Ротное, 461
 Ротомля, 537
Рохново, **272**, 273
 Рохновский Починок, 273
 Рохновско-Чуркинская, 273
Рохновщина, **272**
 Роховец, 271, 273
 Роховляк, 273
 Рохово, 273
Рошково, **272**, **273**, 675
 Ругала, 460
 Ругуй, 572
 Руда, 544
 Руденци, 544
 Рудиха, 544

- Рудная, 544
 Руднец, 544
 Рудник, 544
 Рудница, 544
 Рудуха, 544
 Руза, 627
 Рузка, 627
Рузогощь, 183, 189, 195
 Руна, 29, 627
 Русаново, 743
 Русиново, 743
 Руся, 49, 490, 521, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 669
 Руся-Мареве, 623
 Русилово, 743
 Русина, 631
 Русино, 631, 743
 Руская, 630, 632
Русково, 632, 743
 Русовищина, 743
Русса, 472, 476, 521, 626, 627, 631, 669, 743
 Русска, 627
Русская, 598, 627, 628, 630, 631, 743
 Русская Болотница, 632, 743
 Русская Волжа, 632, 743
 Русская Гора, 743
 Русский Городок, 743
 Русская дорога, 631
 Русская Киношка, 632, 743
 Русская Ольховка, 632, 743
 Русская половина, 628
 Русская сторона, 631
 Русские Дубки, 632, 743
 Русские Новики, 632, 743
 Русские Овсяники, 743
 Русские Плоски, 743
 Русский путь, 631
 Русско, 30, 344, 630, 668, 743
 Русско-Высоцкое, 743
 Руссковичи, 207, 743
 Русское, 623, 626, 627, 632, 743
 Русское море, 628
 Русское Брызгово, 743
 Русское Васильково, 743
 Русское Огородо, 632, 743
 Русское Пестово, 632, 743
 Русской, 632, 743
 Руссо, 626
 Руссыни, 631
 Русська, 632
 Русын, 631
Русыня, 631, 743
 Русь, 623, 624, 625, 626, 627
Русье, 623, 629, 630, 743
 Руська, 344, 630, 668
Русья, 630
Ручане, 606
Ручье, 552, 629
 Ручьи, 630
Ручья, 552
Рыбники, 69
 Рысловль, 87
 Ряд Березаевский, 564, 565
Рядбуж, 98, 743
 Рядитина, 273
Рядовичи, 595
 Рядово, 542
 Рядовошь, 170
 Рядок, 564
 Рядок Пскопца, 573
Рядятина, 98, 273, 274
Рядятино, 273
 Рьдья, 543
 Рьтцы, 543
Рьчани, 606, 675
- С**
- С Петертьги паства, 466
Сёлица, 499
 Сакулино, 410
 Салогощ, 176
 Салоники, 371
Сам, 655
 Саман, 651, 654
 Саменец, 651, 655
 Самениц, 651
 Самин, 651
 Самина, 652
Саминец, 649, 650, 651, 654, 655
 Саминка, 648, 651, 668
 Самино, 651
 Самино, 652
 Самино Нижнее, 651
 Саминский Погост, 652
 Саминское, 649
 Саминское, 652
 Самокраж, 110, 111
Самокража, 110, 111, 564, 681, 730
 Самокражъ, 111
Самокражье, 110, 111, 730
 Самокраш, 111
 Самокрашское, 111
 Самокражъ, 110
 Самостраж, 111, 121
 Самынка, 651
 Санаковщина, 69
 Сандомир, 317
 Сапошино, 323
 Сапша, 323
 Сарагожа, 184
 Сарагожское, 184
 Саркел, 384
 Сафоново, 173
Сболога, 334
 Сболога,-и, 335
 Сбологи, 334
 Сбудово, 123
Сварыж, 562
 Свелюж, 562
 Светичи, 208
 Светлая, 98
 Свея, 555

- Свибла, 679**
 Свибло, 678
Свилюж, 562
 Свинорд, 30
 Свинорежа, 98
 Свинорежи, 99
 Свинорожский, 98
 Свиноръжи, 98
 Свиноръжска, 98
 Свинотоп, 423
Свиноухово, 298
 Свира, 59
 Свирянкa, 59
 Свитенька, 353
 Свитец, 353
 Свитка, 353
 Свито, 353
 Свитязь, 353, 412
 Свобода, 162
 Святогорша, 180, 181, 669
 Свято-озеро, 229
Сгоще, 176, 677
 Себеж, 562
 Северский Донец, 389
 Севриково, 42
Сёгла, 498, 499
 Сеглецы, 497
Сеглиница, 497
Сеглино, 497, 498, 499
 Сеглинский, 497
 Сеглины, 497, 499
Сеглица, 498, 499
Сеглицы, 498, 499
Сеглицы, 498, 499, 676
 Сеглово, 499
Сеглыня, 497
Седлинский, 498, 668
 Седлицкий, 668
 Седлицкий Заход, 498
 Седлицкий Заход Заозерье, 498
 Сезема, 614
 Селагомо, 538
 Селезнев, 441
 Селилово, 245
 Селино, 174, 499
Селинский, 499, 668
 Селище Велижна, 559
 Селище на Котереже, 108
 Селище у Николы, 635
 Селищи, 635
 Селнов, 88
 Село Великое, 261
 Селукъ, 614
 Селунь, 371
 Сельцо на Робьи, 539
 Сельцо Робья, 539
 Семеновский, 69, 554
 Семеновщина, 69, 554
 Семино, 648
 Семушка, 122
 Семынец, 649, 650
 Сенглиница, 497
 Сенглиницы, 497
 Сенега, 101
 Сенег-Покров, 101
 Сенеж, 101
 Сенежицы, 101
 Сенежское, 101
Сенежье, 101, 326, 673, 730
 Сенек, 101
 Сенигов, 101
 Сеньга, 101
 Сеньга-Лазарьково, 101
 Сеньго-Озеро, 101
 Сеняга, 101
 Сеняг-Ручей, 101
 Сеняж, 101
Сенъг, 101, 326
 Серагоца, 184
 Сергеево, 606
 Сергейково, 69
 Серегиж, 562
 Средние Водосы, 359
Середогоц, 177
 Середогоц над Мхом, 177
 Середогоца, 177
 Середогоци, 177
 Сережа, 611
 Серезенька, 612
 Серемо, 29
 Сеслава, 88
 Сеславино, 89
 Сеславино Новое, 89
 Сеславино Старое, 89
 Сеславка, 88, 89
 Сеславле, 88
Сеславль, 81, 88, 101, 675
 Сеславское, 89
 Сеславье, 88
 Сигленица, 497
 Сиглинка, 497
 Сидоркина, 59
 Сидорово, 47
 Сижска, 628
 Синегa, 101
 Синица, 455
 Ситна, 44
Ситомля, 494, 536, 537, 674, 740
 Скерино, 516
 Скир, 513, 514, 515, 668
Скирино, 516
Скирицы, 514
Скирка, 514, 515
 Скирки, 514
 Скнево, 300, 301
 Скнетинской, 150
Скново, 151, 300, 301
 Скнятин, 150, 151, 152, 508
 Скнятинъ, 151
Скнятина, 152
 Скнятино, 151
 Скнятиново, 152
Скнятинской, 150, 667, 673
 Скобёнка, 572
 Скопец, 573
Скравино, 522
 Скурлатовщина, 444
 Слабадскі Шчър, 514
Славгуци, 170, 674

- Славенский, 16
 Славигоц, 170
 Славков, 274
Славкова, 274
 Славковица, 274
 Славковичи, 274
 Славковичка, 274
Славково, 274, 675
 Славковское, 274
 Славно, 16, 27
 Славогоц, 170
Славонѣжсицы, 214
 Славонѣжичи, 205
 Слагуци, 170
 Слобонѣжсицы, 214
 Слоско, 668, 678
 Слутка, 359
 Смалеговка, 237
 Сменово, 309
 Смердель, 494
 Смерди, 209
 Смердомка, 59, 538, 615
Смердомля, 59, 494, 532, 536, 537, 538, 740
Смережье, 540, 668
 Смогилев, 237
 Смогилевка, 237
 Смогилровка, 237
 Смолегов, 237
 Смолеговицы, 676
 Смолеговицы Новые, 236
Смолеговицы Старые, 236
 Смолеговичская Рудня, 237
 Смолеговка, 237
 Смолеж, 237
 Смолиговичи, 236, 279, 673
 Смолиговка, 237
 Смолиговская, 237
 Смоляги, 237
 Смоляж, 237
 Смонка, 653
 Смородинка, 615
 Смулиговица, 237
 Смядино, 508
 Смядынь, 508
 Снагость, 183
 Снежа, 615
Сница, 455, 667
Снициха, 455
 Сницы, 455
 Снички, 455
 Снятин, 151
 Снятинской, 150
Сньгоц, 183, 189
 Собакинская, 69
 Собки, 324
 Собковцы, 324
Соблаго, 335
 Соболица, 357
 Соболицкий, 358
 Собошь, 357
 Собоши, 323
 Собша, 323
 Собшино, 323
 Собьяки, 324
 Соглино, 497, 499
Соглово, 499
 Соземка, 614
Соино, 457, 677
 Соинское, 457
Соины Горы, 457
 Соитно, 457
 Соймина, 650
 Сойно, 457
 Сойно-Островно, 457
Сокова, 577
 Соковая, 577
 Соковик, 578
Сокольница, 77
Сокольнице, 77
 Солигалич, 49
 Солобский, 678
 Солобско, 677, 678
 Сологовское, 176
Сологост, 176, 197
 Сологоц, 176
 Соломено, 646
 Соломерово, 176
 Солоница, 59
 Солонка, 59
Солопско, 678
 Солославль, 176, 189
Солоуць, 371
Солпа, 668, 677, 678
 Солпо Миронегова, 315
 Солунь, 371
 «Селцо на Усть-Перетен-ки», 463
 Сольца, 365
 Соматенка, 654
 Соматик, 654
 Соменец, 649, 650
 Соменка, 649
Сомѣнка, 649, 652
 Соменское, 649
Сомин, 650, 651, 655
Сомин Ручей, 649
 Сомина, 648, 650, 651, 652
Соминец, 648, 649, 650, 655
 Соминица, 649, 650
Соминка, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 668
 Соминка Лъшшая, 648
 Соминка, 652
Сомино, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 676
 Соминó, 652
 Сóмино, 652
 Сомино Верхнее, 651
 Соминое, 648
 Соминский, 648, 651
 Соминско, 650
Соминское, 648, 649, 650, 655
 Соминца, 648
 Соминцо, 649, 650
 Соминцов Конец, 648
 Соминцы, 650
 Сомиха, 648
 Сомница, 649, 651, 652

- Сомовик, 653**
Сомовое, 653
Сомынка, 650, 652
Сопот, 675, 676
Сопотно, 676
Сопотово, 676
Сопиша, 311, 323, 324
 Сопше, 323
Сопшева Гора, 323
 Сопши, 311, 323, 324
Сорогожа, 184, 189, 192, 668
 Сорого́жа, 184
 Сорогожское, 184
 Сорогошина, 75, 184, 668
 Сорогошино, 184
 Сорода, 180
 Сорокина, 581
 Сорокино, 581
 Сорокопенно, 541
 Сослова, 88
 Сосняг, 610
 Софоново, 173
 Сохлое, 461
 Спас-Деменск, 643
 Спас-Есиновичи, 521
 Спасовка, 459
 Спасопископец, 599
 Спасо-Пископец, 599
Спасопископицы, 599
 Спасопискупец, 599
 Спас-Радогожская, 170
 Спасс, 386, 472, 476, 625
 Спасское, 415, 521
 Спасское-Колома, 415
 Спасской на Коломне, 415
 Средняя Рось, 541
 Сроса, 40
 Стабенка, 618
Стабёнка, 365, 615, 618
 Стабна, 618
 Стабница, 618
 Стабно, 618
 Стабня, 618
- Стадно, 618
 Становой Двор, 365
 Старая, 541
 Старая Пересса, 673
 Старая Руса, 624
Старая Русса, 490, 584, 623, 624, 625, 626, 743
 Старая Русь, 625
 Старобислово, 80
 Старое, 144
 Старое Ракомо, 530, 534
 Старое Рамушево, 269
 Старое Рахино, 270
 Старое Свинухово, 298
 Старое Солобско, 678
 Староямская слобода, 490
 Старцова, 581
 Старые Ладомии, 91
 Старые Ладомии 1-е, 91
 Старые Ладомии 2-е, 91
 Старые Удрицы, 554
 Старый Березай, 563
 Старый Ужин, 500
Старыня, 551
 Степанково-Ужинки, 500
Стехновица, 243
 Стипково Малое, 420
 Стобёнка, 618
 Стобня, 618
Стогоца, 177, 184, 191
 Столыпино, 283
 Стоньгова, 177
 Сторонье, 610
 Сторонька, 610
 Странино, 450
Страхон, 311, 323, 676
 Страхоновка, 323
 Стречновское Заробье, 542
 Стружска, 359
 Стягла, 514
 Суболица, 357, 358
 Суболицкий, 358
 Суболицы, 358
Суглец, 674
- Суглица, 674**
 Сугляі, 674
 Суда, 180
 Судимерка, 317
 Судимир, 317
 Судимерка, 317
 Судимиры, 317
 Судома, 538
 Судомля, 536, 740
 Суйда, 578
Суйдова, 578
 Сумерский, 513
 Сунгурово, 429
 Сурогожа, 184
 Суслава, 88
 Суслов, 88
 Суловец, 88
 Сутоки, 541
 Сухая, 461
 Сухая Велья, 546
 Сухая Пшевка, 492
Суходён, 389
 Сухой Березуй, 566
 Сухона, 389
Сухоѡжа, 114, 730
 Сушамятица, 229
 Сушенец, 461
 Сущево, 584
 Сходня, 480
 Счорк, 518
 Щерк, 518
 Щеркова, 517
 Щерок, 518
 Съезжее, 461
 Сыкова, 577
 Сыково, 577
 Сырогожа, 184
 Сырогожское, 184
 Сырогоца, 184
 Сытенка, 619
 Сытинка, 619
 Сытино, 619
 Сюземка, 614
Сяглици, 498

Сяглицы, 498, 499
 Сягло, 498, 499
 Сядемер, 317
Сядимер, 317
 Сядмер, 317
 Сясь, 609
Сѣтомля, 537

Т

Тагоща, 184, 192
 Тагрань, 467
Тарасовец, 204, 243
 Тарган, 467
 Тарганка, 467
 Татары, 149
 Татин Бор, 510
 Ташкова, 570
 Ташково, 570
 Твердислово, 88
Твердомир, 318, 730
Тельбовичи, 206
Темя, 645
 Теребѣж, 561
 Теребань, 277
Теребеж, 275, 277, 560, 561,
 562, 675
 Теребежа, 560
Теребежец Меньшой, 560
Теребежка, 560
 Теребень, 277
Теребешово, 276
 Теребина, 277
Теребино, 275, 277
 Теребиш, 561
 Тереблена, 606
 Тереблено, 606
 Тереблень, 606
Теребляны, 606
 Теребляны 1-е, 606
 Теребляны 2-е, 606
 Теребляны-1, 606
 Теребляны-2, 606
 Теребня, 277

Теребовижа, 100, 103, 275,
 676, 730
Тереболево, 276
 Тереболь, 276
Тереболя, 276, 675
 Теребонежье, 100, 668
 Теребони, 277
Теребонизье, 75, 100, 103,
 275, 668, 677, 730
 Теребош, 277
Теребоша, 277
Теребуж, 562
Теребужской, 562
Теребуццо, 275
Теребуни, 275, 277
 Теребунов, 275
Теребуново, 275, 276, 675
 Теребуновский, 275
 Теребуновское, 275
Теребуня, 275
 Теребут, 277
 Теребутик, 489
 Теребутица, 276, 668
 Теребутицы, 277, 490
 Теребуша, 277
 Теребушево, 276
Теребушино, 276
 Теребушка, 277
Теребушка Бесѣда, 277
 Теребушова, 276
 Теребушово, 276
Теребце, 275
 Теребыни, 277, 631
Теребышино, 276
Теребышово, 276
Теребякино, 276
 Терегожь, 186
Тереховичи, 238
Терехуни, 275
 Теригоща, 186, 668
 Терпилицы, 207
 Тесова, 578
 Тетча, 678
Техутицы, 227

Тешки, 227
 Тешков, 227
 Тешкова Гора, 227
 Тешковка, 227
 Тешково, 227
 Тешково Большое, 227
 Тешково Малое, 227
 Тешково Русское, 227
 Тешково Чухонское, 227
 Тешковская Рудня, 227
 Тигода, 180
Тигощи, 75, 185, 189, 191
Тидворье, 613, 614
 Тиккули, 334
 Тиккулы, 334
 Титов, 542
 Тиханово, 69
 Тихатцы, 185
 Тихая Речка, 242
 Тиховиж, 104, 673
 Тиховская, 242
 Тихотин, 242
Тихотица, 240, 242, 677
 Тихотицы, 240, 242
 Тихотка, 242
 Тишенка, 570
 Тишин, 242
 Тишинка, 242
 Тобова, 578
Тогоше, 184, 189
 Тогоща, 192
 Тогран, 467
 Топрань, 467
 Торга, 467
Торган, 467, 673
 Торган(ь), 467
Торковичи, 227
 Тоховижа, 103
 Требеж, 561
 Требежа, 561
 Требеш, 561
 Требино, 606
 Требла, 276
 Требутицы, 276, 668

Трегоща, 184
 Тресковицы, 207
 Три Реки, 630
Тригожци, 184, 189
 Григорша, 184
Тригоща, 184, 189
 Троцк, 257
 Грубеж, 48
 Грубников Бор, 510
 Грубы, 461
 Груфанова Гора, 323
 Гуд, 628
 Гуемля, 536, 740
Гужерино, 85, 251, 252, 253
 Гужерино, 246, 252
Гужирово, 85, 232, 246, 251, 252, 614
 Гужировский, 252
 Гуковичи, 208
 Гурія, 553
 Гуратчино, 464
 Гургеш, 177
 Тургоша, 177, 178
Тургошь, 177, 227
 Турейка, 553
 Туренка, 616
Туря, 153
 Туриков, 227
Турицы, 227
 Турковицы, 227
 Турковичи, 227, 675
 Турково, 227
 Туров, 597
Туровицы, 227
Туровичи, 227
 Турово, 227
 Туровщина, 227
Турья, 543, 553
 Туховежа, 103
Туховежи, 103, 104, 126, 670, 673, 730
 Туховижа, 103
 Туховижи, 103, 670

Тухомичи, 57, 104, 226, 676
 Тухомлянка, 226
 Тучино, 69
 Тушемелька, 226
Тушемля, 104, 226, 616, 677, 740
 Тушим, 226
 Тушимля, 227
 Тюзьма, 538
 Тюткино, 245
 Тютково, 245
 Тягота, 185
Тягоши, 185, 189
 Тягуца, 185
Тягуце, 185, 189, 191
Тъгосца, 185, 189
Тъшковичи, 227, 676
 Тъшково, 227

У

У Вежсок, 384
 У Игнатцова Кста, 149, 150
 У озера у Клецинца, 410
 У Соминца озера, 649, 650
 У Хомира, 203, 212
 Увары, 42
 Уверь, 42
 Уголково, 569
 Угость, 171
 Угоща, 171
Угощи, 171, 676
Угревец, 668, 674
Угриєво, 668, 674
Угрѣв, 668, 674
 Удовище, 114
 Удомля, 536, 740
Удоѣжа, 114, 730
 Удрицы, 554, 667
Уевица, 241
Уегощ, 178
 Ужа, 502
 Ужанское, 502
 Ужен, 499
 Уженец, 502
 Уженица, 502
 Уженицы, 502
 Уженское, 500, 501
Ужень, 502
Ужин, 499, 500, 501, 502, 668, 674
 Ужін, 501
Ужин Большой, 500
 Ужин Малый, 500
Ужина, 500, 502
 Ужинец, 499, 500
 Ужинецкое, 500, 504
Ужинка, 500
Ужинки, 500
 Ужинозеро, 499
 Ужинский, 501
 Ужинское, 499, 500, 501, 502
Ужинское Большое, 500
 Ужинское Малое, 500
 Ужинской, 500
 Ужиньской, 500
Ужица, 375, 502
 Ужо, 502
Уза, 502, 503
 Узеквай, 349
Узи, 503
 Узкое, 503
Узмей, 504
Узмен, 504
Узмена, 504
Узменик, 504
 Узменка, 502, 504
 Узмено, 504
Узменский, 504
Узмень, 502, 504, 668
 Узминино, 504
Узминка, 502, 504
 Узминское, 504
Узмян, 504
 Узо, 503

- Узумен, 504**
Узчина, 503
 Узы Верхние, 503
 Узы Нижние, 503
Узь, 503
 Узьмень, 504
Узьминка, 504
 Узьминское, 504
Узя, 503
 Уклейниця, 434
 Укля, 678
Улук, 433
 Улука, 433
 Улукое, 432
 Ульяница, 311
 Улюч, 121
 Умань, 40
 Умычкино на Усть-Робьы, 542
 Уніж, 241
 Унемерь, 94
 Унешковичи, 228
Уника, 461
 Унимерь, 94
 Уницы, 29
 Уномерка, 94
Уномерь, 94, 676, 730
 Уношковицы, 228
 Уношковиці, 228
Уношковичи, 228
 Унѣжковичи, 667
 Унѣжковичи Большие, 228
 Упека, 461
 Урѣв, 376
Уревы, 376
 Урѣвы, 377
 Усадища, 136, 228
 Усадище, 136, 228
 Усадище Люцик, 442
 Усадищи, 136
 Ускотина, 136, 220
 Ускотины, 136
 Ускотыня, 136
 Усминка, 504
- Успенья Пречистой на пог. Коломенском, 415
Устеж, 559, 676
 Усть Холыни, 550
 Усть-Березая, 564
 Усть-Волма, 362, 363
 Усть-Волмы, 362
 «Усть Воломи», 362, 363
 Устьвольно, 363
 Усть-Любоежа, 113
 Усть-Хотина, 136, 220
Устьяне, 603, 605
 Устьяни, 605
 Устьянский, 604
 Устьяны, 603, 604, 605
 «Устьяхъ», 603, 604, 605
 Усьминка, 504
 Утіховичі, 126
 Утішків, 126
 Утёнок, 620
 Утехово, 126
Утеше, 126, 675
 Утешкино, 126
 Утешково,
 Утка, 620
Уторгош, 178, 179, 191, 192, 668, 676
 Уторгош Большой, 178
 Уторгош Малый, 178
 Уторгощ Большая, 178
 Уторгощ Малая, 178
 Уторгощи, 178
 Утрогощ, 50, 179
 Утрогоща, 50, 179
 Утрогоще, 178
 Утрогощь, 178, 179, 192, 668
 Утуши, 126
Утушкино, 126
 Ухомира, 212
 Уча, 616
 Уша, 115
 Ушер, 517
 Ушеринское, 517
Ушерско, 516, 517
- Ушинка, 500**
 Ушковичи, 228
Ушья Весь, 552
 Ущер, 517
 Ущерева Вышняя, 517
 Ущеревка, 517
 Ущерка, 517
 Уцим, 517
 Уціім, 517
Ущина, 503
 Уцины, 517
Ущир, 517
 Ущира, 516, 517
 Уюгоща, 178
- Ф**
- Фатеж, 105
 Фатуново, 139
 Фатынка, 137
 Фатыновка, 137
 Фатынь, 137
 Фёдорщица, 213
 Федос, 311
 Фессалоники, 371
 Филатова, 581
 Филистова Гора, 323
Филистовичи, 237
Фларева, 305, 306, 307
Фларевичи, 204, 238, 306
 Фларево, 204, 238, 306, 667
Фларёво, 305
 Фларево Сиденье, 306
 Флоревщица, 306
 Фомеровица, 212, 213, 224, 667
 Фотивиж, 105, 507
 Фотина, 105, 138, 507
 Фотовиж, 105
Фралевщица, 306
Фралево, 306
Фралёво, 306
 Фралевское, 306
Фрали, 306

Фралково, 306
 Фролёва, 306
 Фролково, 306
 Фролов, 306
Фроловичи, 238
 Фроловка, 306
 Фролово, 306
 Фроловский, 306
 Фудобишка, 97
Футино, 509, 551
 Футыно, 509, 551
 Футынский, 507
 Футынъ, 105, 507, 509, 667

X

Халань, 551
 Халова, 576
 Халоны, 550
 Халынка, 550
 Халынь, 550
 Халынья, 550
 Халява, 576
 Хамировичи, 212
 Харатьева, 581
 Харияново, 309
 Харчевня, 609
Хатинь Бор, 138, 510
 Хатовижска, 104
 Хатуни, 139
 Хатунь, 139
 Хатуча, 144
 Хатыни, 137
Хачин, 258
 Хвалитова, 581
 Хволынья, 550
 Хвоцково, 44
 Хетуча, 144
Хиб, 506
 Хибинь, 506
 Хибь, 668
Хибь, 506
 Хилино, 302
Хилиново, 302

Хилково, 302
 Хилловичи, 576
Хилово, 301, 302, 673
Хилок, 301
Хилцово, 302
Хипак, 506
 Хипы, 668
 Хипы́, 506
Хларёво, 306, 667
 Хмерский, 513
Ховля, 494
Ходгостицы, 174, 179, 183,
 191, 213
 Ходиницы, 135
 Ходобуже, 97
 Ходобужска, 97
 Ходоежа, 114
Ходулино, 136
 Ходулиха, 136
 Ходулово, 136
 Ходулы, 136
Ходуново, 136, 676
 Ходуны, 136
 Ходунь, 128, 136
 Ходуня, 136
 Ходыбыли, 241
Ходыбылица, 241
Ходыни, 133, 134, 135, 481,
 673
 Ходыни Близкие, 135
 Ходынино, 135
 Ходыницы, 135
 Ходыниччи, 134, 135
 Ходынка, 135
 Ходынская, 135
 Ходынский, 135
 Ходынское, 135
 Ходынь, 134, 135
 Ходыня, 134, 135
 Холань, 551
 Холевница, 576, 577
 Холка, 551, 577
 Холм, 20, 585, 595
Холмичи, 204, 595

Холова, 551, 572, 576, 577,
 596, 609
 Холовец, 576, 577
 Холовица, 576
 Холовский, 576, 609
 Холодная Вода, 357
 Холок, 551
 Холонья, 550
 Холопий Городец, 540
 Холопий Городок, 424, 540
 Холоповицы, 207
Холопье, 540
Холопья, 540
Холопья Весь, 540
Холопья Нива, 540
Холопья Полисть, 540
Холсково, 577
Холуй, 551, 572, 577, 676,
 683
 Холуйко, 577
 Холуйца, 577
Холуко, 551, 577
 Холуница, 577
 Холунка, 550
Холуно, 550, 676
 Холунь, 577
 Холуня, 550, 577
Холуха, 551, 577
 Хольмка, 550
Холынка, 550
 Холынский, 550
Холынское, 550
Холынь, 550, 577
Холынья, 550, 577, 676
 Хольня, 550
Хольна, 551
 Холявка, 576
 Хомеровичи, 212
Хомировичи, 203, 212, 213,
 224, 278, 325, 667
 Хомирово, 212
 Хомля, 494
 Хомутова, 581
Хониха, 481

- Хоромина, 20
 Хотбыль, 241
 Хотеже, 558, 559, 562, 674
 Хотемка, 277, 278
 Хотемль, 277
 Хотемля, 278
 Хотемча, 278
 Хотеницы, 228
 Хотеничи, 137, 138, 228
 Хотенка, 228
 Хотенковичи, 228
Хотено, 138
 Хотеново, 137, 228
Хотенож, 101, 730
 Хотенчицы, 228
 Хотень, 128, 228
Хотережа, 108, 220, 667, 676, 730
 Хотеславичи, 81
 Хотеш, 558
 Хотигоща, 179, 191
Хотигощи, 174, 179, 676
 Хотиж, 559
Хотижса, 558, 562
 Хотим, 277
 Хотимир, 212, 251
 Хотимирицы, 212
 Хотимирищина, 212
 Хотимичи, 277
 Хотимль, 277, 278, 509
 Хотимль Верхний, 277
 Хотимль Высшая, 277
 Хотимль Нижний, 277
Хотимля, 277, 676
 Хотимова, 277
Хотимово, 277, 325, 669
 Хотимск, 278
 Хотимская Плата, 277
 Хотин, 138
 Хотина, 105, 136, 138, 507
 Хотиничи, 138
 Хотинка, 138
Хотино, 138, 508
 Хотино Верхнее, 138
 Хотино Нижнее, 138
 Хотиново, 138
 Хотинский, 138
 Хотинщина, 138
 Хотислав, 81
 Хотиславичи, 81
Хотиши, 558, 559
 Хоткова, 277, 670
 Хотмирово, 212, 325, 667
 Хотмирово Старое, 212
Хотмово, 277, 278, 325, 669, 670
Хотнежа, 101, 669, 674, 730
 Хотнежа Большая, 101
 Хотнежа Малая, 101
 Хотнежицы, 102
 Хотня, 139, 251
 Хотняж, 102
 Хотняжи, 102
 Хотнѣж, 101
Хотобужси, 96, 97, 259, 668, 676, 730
 Хотобужцы, 96
 Хотобужцы-Огурково, 96
 Хотов, 219
 Хотова, 219
 Хотовиж, 104
 Хотовижа, 104
Хотовижи, 75, 104, 507, 674, 730
 Хотовижска, 104
 Хотовица, 219
 Хотовичи, 138, 205, 219, 220, 667
 Хотовка, 219
Хотово, 219, 250, 251, 675
 Хотогощь, 220
 Хотомле, 278
 Хотомля, 278
 Хотомье, 278
Хотоици, 220
 Хотславль, 81
 Хотубожси, 96
 Хотубожси Другая, 96
Хотуни, 139
Хотуничи, 139
 Хотуново, 139
Хотунь, 139, 675
 Хотунь Большой, 509
 Хотунь Малый, 509
 Хотуня, 509
 Хотути, 144
 Хотутиново, 144
 Хотутино, 245
 Хотутичи, 144
 Хотутово, 245
Хотуча, 144
Хотца, 605
 Хотча, 251
 Хотча Новая, 251
Хотчанѣ, 605
 Хотченье, 139
 Хотчина, 258
 Хотчино, 257, 258, 259, 667, 668
 Хотым, 277, 509
 Хотымль, 277
 Хотынец, 137
 Хотынец Малый, 137
Хотыни, 136, 137, 138, 228, 675
 Хотынино, 245
Хотыницы, 137
 Хотыничи, 137, 138
 Хотынка, 136, 137, 602
 Хотыновичи, 137
 Хотыново, 137, 245
 Хотынской, 137
 Хотынь, 137, 138, 508
 Хотынька, 136
Хотыня, 136, 137, 228
Хотья, 325
Хотьяж, 562
Хотьяжа, 562
Хотѣмирицы, 212, 278, 675
Хотѣмле, 277, 278
 Хотѣнки, 228

Хотѣнковичи, 138, 228, 675
Хотѣнково, 228
Хотѣно, 508
Хотѣново, 228
Хохулино, 621
Хохуль, 619
Хохулька, 619, 620, 621
Хохульской, 619
Хохуля, 619, 620
Хоцунь, 139
Хоцьки, 251
Хочин, 258
Хочево, 251
Хочемка, 277
Хочемля, 278
Хочен, 138
Хочени, 138, 676
Хочение, 139
Хочень, 138
Хоченье, 138, 139
Хоченья, 139
Хоченя, 138, 605
Хочин, 139, 258
Хочино, 257, 258
Хочовицы, 97, 220
Хочунец, 139
Хочуни, 139
Хочюзя, 139
Хочюнец, 139
Хочюнца, 139
Хочюня, 131, 139
Хочюта, 97, 220
Хралева, 306
Хременичи, 592, 667
Хрестцовичи, 596
Хрестцовичский, 596
Хрестцовский, 596
Хрестцы, 596, 667
Христицы, 596
Хрьстьци, 596
Хуба, 504, 505, 506, 627, 676
Хубец, 504, 505

Хубецка, 504, 505
Хубецко, 504, 505
Хубичино, 504
Хубка, 504, 505
Хубца, 504, 505
Худобушка, 97
Худоежа, 114
Худоежи, 114
Худоежина, 114
Худыкино, 381
Хутань, 509
Хутино, 506, 507, 508, 509, 510, 669
Хутиньская, 506
Хутово, 219, 250, 251, 508
Хутомир, 212, 251, 508
Хутонка, 509
Хутонька, 509
Хутчеево, 251, 259, 508
Хутыни, 509
Хутынка, 509
Хутыно, 509, 551
Хутынские Горки, 509
Хутынский, 507, 509
Хутынский Бор, 509
Хутынцы, 509
Хутынь, 105, 250, 506, 507, 508, 509, 510, 631, 667, 669, 674
Хутынь Бор, 509, 510
Хутынья, 509, 551
Хутыня, 509
Хуцьки, 251, 508
Хуцьня, 251
Хучево, 251, 508

Ц

Цемена, 616
Цехоца, 171, 186, 192, 668
Цир, 514
Црна Бара, 677
Цурага, 519, 668
Църняны, 607

Ч

Чаботова, 320
Чабуд, 102, 320, 676
Чабут, 320
Чавани, 511
Чавенка, 512
Чавино, 511, 512
Чавица, 512
Чавница, 510, 512
Чавницкое, 511
Чавницы, 510, 511, 512, 674
Чавно, 511, 512, 664
Чавнозеро, 512
Чавуни, 511
Чавуня, 511
Чашици, 171
Чагловка, 302
Чаглы, 302
Чагода, 180
Чагодоша, 180
Чагодоца, 180, 192, 668
Чаголи, 302
Чагоша, 102, 171, 320, 675
Чагоца, 171, 668
Чадогоць, 180, 668
Чаженка, 117
Чайгино, 41
Чайца, 512
Чална, 512
Чамежа, 102
Чаніж, 102
Чаніжка, 102
Чанеж, 102, 171, 320, 730
Чарягоца, 185
Часлівці, 87
Часлова, 87
Часловица, 87, 240, 242, 675
Частова, 282
Часть Раковиц, 225
Чауни, 511
Чашенка, 117
Чебажир, 319

Чебожир, 319
 Чевка, 512
 Чегла, 302
Чеглова, 302
Чеглово, 302, 683
 Чегловский, 302
 Чеглы, 302
 Чеголи, 302
 Чеголка, 302
Чеголь, 302
Чекла, 302
 Ченіж, 102, 673
 Ченгар, 41
Ченежо, 102, 171, 673, 730
 Ченежская, 102
 Ченжа, 102
 Ченже-Кескозеро, 102
 Ченижская, 102
Ченнятино, 102
Черегоца, 185, 186, 189
 Череменец, 400
 Череменецкое, 616
 Черемиевичи, 600
 Черемиевский, 600
 Черемысленка, 401
 Черенка, 616
 Черенчевский, 599
 Черенческо, 600
 Черенчинский, 607
 Черенчицы, 607
 Черенчицы, 208, 600, 607, 668
 Череньское, 602
 Череповицы, 207
 Черная, 655
 Черная Холуница, 551
Черная Хутынъ, 509
 Чернеги, 279, 683
 Чернеговский, 279
 Чернейка, 554
 Чернене, 607
 Чернецко, 599, 600
 Чернецово, 600
 Чернечевский, 599

Чернея, 554
 Чернигино, 279
 Чернигов, 278, 279
 Чернигова, 278
 Черниговка, 279
 Черниговка Большая, 279
 Черниговка Малая, 279
Чернигово, 237, 278, 279, 673
 Черниговский, 279
 Черниговский Шлюз, 279
 Черниговское, 279
 Черниж, 279
 Чернитцкая, 600
 Чернитцкое, 600
Черница, 77, 600
 Черницаина, 77, 600
 Черницка, 599
 Черницкая, 600
Чернобожье, 98, 730
 Чернобуж, 98, 667
 Чернобыш, 98, 667
 Черное, 513, 655
Черное-Захонье, 482
 Чернозерье, 655
 Чернцовская, 600
 Чернцы Большие, 600
 Черныж, 279
 Черньковичский, 599
 Черньчевический, 599
Черньчевичи, 208, 599, 600
 Черньчицкий, 607
 Черньчицы, 607
 Чернягино, 279
 Чернягово, 279
 Чернятин, 144
Чернятино, 144, 152
 Чернятинская, 144
 Черняты, 144
Чернячи, 144, 677
 Чеславин, 87
 Чеславово, 87
 Чеслова, 87, 88, 669
Чесловле, 87, 88, 669, 730
 Честова, 282

Честово, 282, 676
 Честославец, 87
Чехлово, 302
 Чиголи, 302
 Чижеево, 600
 Чилинкова, 581
 Чир, 514
 Числавль, 87
 Числовские Городищи, 87
 Чичеринка, 516
 Чога, 41
Чоголино, 302
 Чонжа, 102
 Чорк, 518
 Чудини, 128
 Чунёгово, 102
 Чупров Водос, 360
Чуровка, 519
 Чута, 40
 Чучемля, 536, 740
Чърняне, 607
 Чърняны, 607
 Чюбат, 320
 Чюпрос Водос, 360

Ш

Шадомля, 536, 740
 Шадрино, 309
 Шапулинка, 458
 Шараниха, 173
 Шараниха, 173
Шаркун, 518
 Шаркунь, 518
 Шарово, 493
Шахоца, 186, 189
 Шведская Киношка, 632
 Шелгуново, 69
 Шелонь, 29, 610
 Шепелькино, 509
 Шеполь, 614
 Шерапова Гора, 173
 Шерехов, 594
Шерехова, 594

Шереховича, 594
Шереховичи, 208, 584, **594**,
 595, 674
Шерехово, **594**
 Шереховская Буда, 594
 Шереховской, 594
 Шерихово, 594
 Шеришина, 517
 Шерстницы, 517
 Шерчок, 518
 Шигостово, 186
Шиловица, **242**
 Шилово, 69
 Шинятин, 150
 Шипулино, 458
 Ширица, 513, 514
 Ширицкое, 514
Ширкун, **518**
 Широка, 513, 667
Ширское, 512, **513**
 Шкварец, 42
Шкново, **301**
 Шкнятина, 150
 Шкнятинской, 150
 Шлино, 615
 Шнетин, 150, 152, 667
 Шогда, 180
 Шолона, 610
 Шолохово, 285
 Шомушка, 122
 Штаги, 266
 Штава, 511
 Штавичка, 511
 Штавка, 511
 Шубатица, 449
 Шубач, 449
 Шубино, 541
 Шуйгина Гора, 323
 Шумятец, 229
Шумятина Гора, **229**
 Шумятица, 229
Шумятичи, **229**
Шурага, **519**
 Шчерэк, 518

Щчирок, 518
 Щчыр, 514
 Щчырабор, 514
 Щчыроіца, 514
 Щчыры, 514
 Щчырыць, 514

Щ

Щавник, 511
 Щагла, 514
 Щадра, 627
 Щеглы, 302
Щегоща, **186**, 189, 668
 Щегощи, 186
 Щежерь, 186
Щерок, **518**
 Щерева Верхняя, 517
Щерино, **516**
Щеричица, **517**
Щеркино, **516**
Щеркова, 516, **517**, 518
 Щерково, 516, 518
 Щерок, 517, 518
 Щертицы, 517
Щерчино, **517**
 Щетин Бор, 590
Щир, **512**, 513, 514, 515,
 668, 673
 Щира, 513, 515
 Щирець, 515
Щириково, **517**
Щирино, 515, **516**
Щирица, **513**, 514, 515
 Щирицкое, 514
 Щиркино, 516
 Щиркова, 516, 517
Щировица, **513**, 515
Щировка, **513**, 514, 667
Щирово, **513**, 515, **517**
Щирок, **513**, 515
 Щирск, 513
Щирско, **513**
 Щирское, 512, 513

Щирье, 514
 Щирьць, 514, 518
Щитогощь, **180**, 181, 669
 Щорк, 518
 Щоркова, 517
Щорчицо, **517**, 676
 Щука, 620
Щур, **519**
 Щурага, 519
Щуровицы, **519**
Щурово, **519**
 Щучка, 620

Э

Эглень, 396
 Эглино, 393, 668

Ю

Югостицы, **178**, 192, 668
 Юза, 503
Юрьевичи, 208, **239**

Я

Явидово, 104
 Ягвай, 349
 Яглина, 394
 Яемля, 740
 Яжселбицы, 616
Язвез, **554**
Яковле, **153**, **154**
 Яковлева, 154
 Яковлева Гора, 154
 Яковлевичи, 154
 Яковлевское, 154
Яковличи, **154**
Яковльская Нива, **153**
Яковльское, **153**
Яковля, **153**, 154, 669
Яковля Гора, **154**
 Яколя, 153, 669

Ялигово, 237, **281**, 677
 Ям, 140
 Ямм, 386, 625
 Ямница, 461
 Ямская Крестецкая слобода, 596
 Ямская Слобода, 596
 Ямсковицы, 207
 Яна, 307
Янева, 307
 Яневича, 307
 Яневичи, 307
Янево, 307, 675
 Яниво, 307
 Янковичи, 308
 Янковка, 308
 Янково, 308
 Янов, 308
 Яновичи, 308
 Яновищи, 213
 Яново, 307, 308
 Яновский, 308
 Яновщина, 308
 Янчево, 308
 Яня, 307
 Ярославичи, 213
 Ярославль, 153
Ярынья, 551
 Ярышев, 280
Ярышева, 280
 Ярышевка, 280
Ярышево, 279, 280, 676
Ярышино, 279
Ярышово, 279
 Ясен, 519, 520, 621, 622
Ясенец, 520
 Ясеницкая, 520
Ясеничи, 520, 521
 Ясенка, 621, 622
 Ясенова, 521
 Ясеноватая, 521
 Ясеновец, 521
Ясеновик, 521
 Ясеновица, 521

Ясеновичи, 521
 Ясеновичский, 521
 Ясеновка, 521
 Ясеновский, 521
Ясенок, 520
 Ясенский, 520, 602, 621, 622
Ясень, 519, 520
 Ясенька, 621
 Яска, 521
 Ясковичи, 521, 522
Ясковый, 521
 Яскрянка, 522
 Ясна, 520
 Яснеболок, 335
Ясно, 520, 621, 622
Ясновик, 521
Ясновица, 521
 Ясновицкий, 521
 Ясны, 519
Ясо, 522, 675
Яски, 521
 Ясковицы, 521
 Яское, 522
 Яссо, 522
 Яссы, 522
 Ящера, 513, 620
 Ящерка, 620

А

Adam, 310
 «*Antiqua Russia*», 625
Aşmaņi, 618
Aşmenà, 618
Aşmeņi, 618
Asmenīte, 618
Aşmeņų upelis, 618
Aşmeņų-ęzers, 618
Assme, 618
Aulamas, 537

В

Babránka, 330
Babrīnis, 330
Babrūkas, 330
Babrūnē, 330
Babrūngas, 330
Babrūte, 330
Balga, 333
Bara, 677
Bare, 677
Barišta, 677
Bārje, 677
Bārka, 677
Bartna, 337
Bautzen, 254
Bebernitz, 329
Bebir, 330
Bebirlauken, 330
Bebra, 330
Bebrava, 329
Bebrē, 330
Bebrevnica, 329
Bebrika, 330
Bebrina, 329
Bebrinē, 330
Bebroa, 329
Bebrova, 329
Bebrovac, 329
Bebrovica, 329
Bebrovin, 329

- Bębrs*, 330
Bebrūjai, 569
Bėbrujis, 330, 569
Bebrun, 330
Bebrunnen, 330
Bebr-upis, 330
Bebrūtis, 330
Bedihošt', 158
Będzisław, 88
Bėgunje, 601
Berezwica, 566
Bewer, 330
Bezdědice, 122
Bezdedov, 122
Bezdez, 122
Bezdeżyski, 122
Bezdziedowicze, 122
Białawieża, 384
Bieber Graben, 329
Biebrowo, 329
Biebrusy, 328
Biebrza, 329
Biebrznica, 329
Bietegast, 158
Biezdziadowo, 122
Biezdzedza, 122
Biloveža, 384
Bisdede, 122
Biskupice, 599
Biskupići, 599
Biskupicy, 599
Biskupiec, 599
Biskupiec Pomorski, 599
Biskupovice, 599
Błoga, 333
Błogie, 333
Bochotek, 675
Bochotnica, 675
Bogote, 675
Bogyiszló, 88
Bogyoszló, 88
Bojańczuk, 129
Bojanci, 130
Bojaniec, 129
Bojanja vas, 130
Bojanov, 130
Bojanovice, 130
Bojanowo Stare, 129
Bojanski Potok, 130
Boleradice, 359
Bonisław, 88
Borkovo, 253
Borków, 253
Borkowo, 253
Boroštenj, 143
Borotice, 144
Borotice Německé, 144
Borotín, 144
Boróvljani, 590
Boróvlje, 590
Borowna, 590
Borra, 569
Borucin, 143
Borucino, 143
Boruciński Potok, 143
Borucińskie, 143
Boruckie, 143
Borucza, 143
Boruja, 569
Borujka, 569
Borut, 143
Boruta, 143
Borutov, 143
Boruwe, 569
Brachowycze, 254
Bracilovo, 215
Brebernica, 329
Breberovac, 329
Brebovnica, 329
Brebovniški Potok, 329
Brebovščica, 329
Brabrno, 329
Brebrovnica, 329
Brebróvnik, 329
Brjebrovna, 329
Brtná, 337
Brtnice, 337
Brtník, 337
Budigast, 158
Budihost', 158
Budihostice, 158
Budim, 216
Budisava, 88
Budisavlje, 88
Budislav, 88
Budišov, 254
Budišovice, 254
Budiszlo, 88
Budohostice, 158
Budomierz, 216
Budyšin, 254
Budzisław, 88
Budziszewo, 254
Budziszów, 254
Budziszowice, 254
Büden, 216
Bužek Opacky, 528
Byalye, 412
Bybir, 330
Bydgoszcz, 158
Byslawskie, 80

C

- Čábuze*, 320
Čagošča, 171
Čagošče, 171
Čagošt, 171
Čahostice, 171
Calacha, 576, 596
Čáslav, 87
Čáslavice, 87
Čáslavky, 87
Čáslavsko, 87
Čava, 512
Čáven, 512
Čavkov Slap, 512
Čavyně, 512
Čebín, 320
Čereňany, 607
Černčí, 600

- Černčice*, 600
Charzykowskie Jezioro, 525
Chászló, 87
Chatbuesch, 97
Chateń, 137, 138
Chatyn, 137
Chatyń, 137
Chaua, 512
Chcebuz, 97
Choceń, 138
Chocenice, 138
Chocerady, 108
Chocianów, 229
Chociebaż, 97
Chociemino, 278
Chocierz, 212
Chocimów, 220, 278
Chocisław, 81
Choćki, 251
Chodin, 135
Chodinie, 135
Chodkowice, 251
Chodouň, 136
Chodouny, 136
Cholín, 550, 551
Choluň, 550, 551
Cholyně, 550
Chomiak, 310
Choradz, 108
Chotča, 251
Chotěbaż, 97
Chotěbudice, 97
Chotěbuz, 97
Chotegošć, 179
Chotěměrice, 213
Chotěmice, 278
Chotěnice, 229
Chotěnov, 229
Chotiebaż, 97, 220
Chotiměř, 212
Chotków, 220
Chotkowice, 251
Chotohošť’, 179, 191
Chotouň, 139
Chotovice, 220
Chotów, 220
Chotowa, 219
Chotowo, 219
Chotum, 278
Chotuń, 139
Chotwüsse, 97
Chotyń, 137
Chotyň, 137
Chotehošć, 179
Chuchel, 621
Chuchelná, 621
Chuchelník, 621
Chuchle, 621
Chutcze, 508
Chutcze-Bachus, 251
Chutkowice, 251, 508
Chutnovka, 250, 508
Čibuz, 320
Cieszków, 227
Cieszkowo, 227
Čižošť’, 171
Čiehost, 171
Cislau, 87
Ciszycza, 239
Cocobaż, 97
Costomiru, 211
Cottbus, 97
Crazluppa, 106
Črněča vas, 144
Črněče, 144
Črnetina, 144
Czasław, 87
Cząstków, 282
Cząstkowo, 282
Czernigowska Polanica, 279
Czestków, 282
Czestkowo, 282
Czostków, 282
- D**
- Damslaff*, 83
Dane, 389
Daniborov brod, 82
Danje, 389
Danjski Potok, 389
Danski Potok, 389
Danski Studenec, 389
Dargast, 163
Dargebende, 95
Dargobaż, 95
Dargogošć, 163
Darsband, 95
Darżbaż, 95
Dedin Potok, 385
Dědina, 385
Dedna Gora, 385
Dedni Vrh, 385
Dednik, 385
Dednja Vas, 385
Deguž-ravis, 621
Demě, 644
Děmė, 644, 645
Demenas, 644
Dėmenas, 644, 645
Demita, 644
Demny, 644
Derżów, 257
Dhernbuting, 489
Die Hotzenplotz, 335
Diemė, 644, 645
Djedina Mlaka, 385
Djedinsko, 385
Dmitrovica, 239
Dnika, 389, 678
Dnike, 389, 678
Dniki, 389
Dninica, 389
Dnišca, 389
Dnišće, 389
Dnjača, 389
Dno, 389
Dnoluka, 390
Dnopolje, 390
Dnovoda, 390
Dobergast, 162
Dobergáz, 162

- Döbern*, 133
Dobrin, 133
Dobrina, 133
Dobrina, 133
Dobring, 133
Dobringe, 133, 556
Dobrinj, 133
Döbrögöc, 162
Dobrogošče, 162
Dobrogoszcz, 162
Dobrohošt', 162
Dobrohostov, 322
Dobrohostów, 162
Dobroslava, 83
Dobroslavice, 83
Dobroslawicy, 83
Dobrost, 322
Dobrostov, 322
Dobroszló, 83
Dobrynia, 133
Dobrynice, 133
Dobrynje, 133
Dobrynь, 133
Dolga Raka, 532
Domaslavice, 83
Domaslavice Dolní, 83
Domaslavice Horní, 83
Domaslavice Prostřední, 83
Domasław, 83
Domisław, 83
Domoslav, 83
Domaslavice, 83
Domozlo, 83
Dor, 679
Dorohobuszka, 95
Dorohoszcza, 163
Dotamas, 537
Dragobužd, 95
Dragobužda, 95
Dragoš, 163
Dragošč, 163
Drahobudice, 95
Drahobuz, 95
Drahynici, 289
Drážgoše, 163
Drelleborch, 540
Drježdžany, 391
Drohiczyn, 289
Držková, 257
Držkovice, 257
Držovice, 257
Dunajec, 572
Duže Sominko, 651
Dwerenbutig, 489
Dziedno, 385
- E**
- Eglaina*, 397
Eglāja, 397
Egle, 397
Eglě, 397
Eglene, 397
Eglenīca, 397
Eglinē, 397
Egliņi, 397
Eglinis, 397
Egliński, 394
Ēgl-upis, 397
Eglýnas, 397
Eglýn-upis, 397
- G**
- Gadegast*, 179
Garasdi, 241
Garislow, 318
Gastamas, 537
Gdów, 673
Geligovo, 281
Gelmynas, 450
Geresd, 241
Geszte, 199
Giedrė, 622
Giedrelis, 622
Giedrys, 622
Gilmen, 450
Gnjača, 389
Golubie, 106
Gomila, 679
Gomilica, 679
Gorasdmajor, 241
Goražda vis, 241
Goražde, 241
Gorezlawe, 318
Goroszló, 318
Gorzesław, 318
Gościbia, 219
Goseljsko Jezero, 82
Goslauuis, 82
Goslav', 82
Gosław, 82
Gosławice, 82
Gösłow, 318
Gösslaw, 318
Gostim, 229
Gostom, 229
Gostomie, 229
Gostomka, 229
Gostomko, 229
Gostomkowo, 229
Gostomskie Jezioro, 229
Gostynia, 230
Goszcz, 199
Goszcza, 199
Gościlub, 106
Gothun, 139
Gottschdorf, 229
Gotzlow, 82
Granzin, 288
Grasluppa, 106
Grazlup, 106
Gręzina, 288
Gręziny, 288
Grosłupp, 106
(Gross-) Pockau, 528
Grosuplje, 106
Guba, 679
Gütergoz, 179

H

Hadžić, 310
Haroschi, 596
Haroschi, 596
Hatapusa, 97, 259
Hattsina, 257, 258
Hättšina, 257, 258
Hetemér, 212
Hobovščica, 97
Hobôvše, 97
Holina, 550
Horaždovice, 241
Hořeslav, 318
Horosci, 596
Hošt', 199
Hostivice, 107
Hostkovice, 199
Hostomice, 229
Hostovice, 199
Hotemež, 212
Hotinja vás, 137
Hottzina, 257
Hotunja, 220
Hotúnje, 139
Hotúnjščica, 139
Hotzino, 257
Houni, 245
Hudinja, 135

I

Ialigow, 281
Ianovgorod, 153
Idrijca, 678
Idrije, 678
Ielygowo, 281
in villa Radela, 142
Inogošt(a), 173
Inowłódź, 173
Iuanogorod, 153
iuxta Redilach, 142
Ivaň, 153
Ivaneč, 153

Ivanja vas, 153
Ivanje selo, 153
Ivanji Grad, 153
Лля, 546

J

Jaligów, 281
Jancewicze, 307
Janiewicze, 307
Janjevo, 308
Janowicze, 307
Jaroszyn, 280
Jaruszyn, 280
Jaryszewo, 280
Jassy, 522
Jegla, 395
Jegliniec, 394
Jeglówka, 396
Jeligowo, 281
Jeziro-Piesna, 469
Jeziorosy, 580
Joensuu, 245
Juodamė, 537
Jutrogoszcz, 179

K

Kadca, 405
Kadecki Potok, 405
Kadence, 405
Kadica, 405
Kadice, 405
Kadka, 405
Kadnica, 405
Kadnik, 405
Kadov, 405
Kaduczek, 405
Kadunc, 405
Kadunca, 405
Kadzice, 405
Kadzionka, 405
Kænugardr, 293

Kalmonay, 421
Kalmyn, 421
Kamnica, 408
Kamnik, 408
Kamniški Potok, 405, 408
Kamno, 408
Kamno Brdo, 408
Kamyk, 408
Kélmínè, 421
Khodowusch, 97
Khyiav, 293
Kiewaitys, 512
Kiewenis, 512
Kiewie, 512
Kirhsee, 179
Kivipelto, 245
Klein SanTERSleben, 317
Kleščino, 411
Kleszcznica, 411
Klieština, 411
Kněj, 592
Kneja, 592
Kniewo, 592
Knije, 592
Kocimów, 220
Kocobędz, 97, 220
Kocybync, 97
Kója, 628
Kojetice, 174
Kolomla, 422
Konětopy, 422
Konietop, 422
Konietopy, 422
Konitop, 423
Konotop, 422, 423
Konotopa, 422
Konotopie, 422
Konotopy, 422
Konotopy-Milki, 422
Kordigast, 179
Kotkuf, 220
Kotomierz, 212
Kotów, 220
Köttmannsdorf, 212

- Kottmarsdorf*, 212
Kotunja, 220
Kotzino, 257
Kovero, 42
Koźmin, 278
Krapaska reka, 426
Kreckow, 295
Kreców, 295
Krecowe, 295
Krecowska, 295
Kреpa, 426
Крепе, 426
Крепianka, 426
Крепica, 426
Крепionko, 426
Крепка, 426
Крепница, 426
Крепские, 426
Kroměříž, 175
Kromežír, 175
Kropa, 426
Krümmel, 175
Krupa, 426
Krupá, 426
Krupač, 426
Krupaja, 426
Krupeš, 426
Krupič, 426
Krupina, 426
Krupka, 426
Krupna, 426
Krystyna, 310
Krzecew, 295
Krzeczkowo, 295
Kujaba, 293
Kujave, 293
Kürmē, 620
Kürm-ežeris, 620
Kurminē, 620
Kürmis, 620
Kūyāba, 293
Kuyava, 293
- L**
- L'ahota*, 437
L'ub, 264
L'ubañe, 263
L'ubani, 263
L'ublov, 264
Lademerova, 93
Ladomer, 93
Ladomirov, 93
Ladomirova, 93
Lak, 432
Laka, 432
Laki, 432
Ląkie, 432
Laubegast, 164
Lēcēja, 617
Leđ, 471
Ledjār`v, 471
Lękawa, 434
Lękawka, 434
Lęki, 432
Łekno, 676
Leta, 505
Leubegast, 164
Lgów, 304
Lhota, 436
Lhotka, 436
Libañ, 263
Libavá, 264
Libeliče, 264
Libeliška Gora, 264
Libeř, 676
Liberec, 676
Libhošt`, 164
Libiąż, 561
Liblín, 264
Libnitz, 263
Libohošt`, 164
Libořice, 676
Liboviz, 102
Lid, 471
Lima, 429
Limange, 429
- Limenè*, 429
Līmeņi, 429
Liminas, 427, 429
Liminē, 429
Liminēlis, 429
Lisna, 678
Litohoř, 231
Litohošt`, 231
Litomyšl`, 231
Litovel, 231
Litovice, 231
Ljubela, 264
Ljubeljski Potok, 264
Ljubinj, 264
Ljubogošta, 164
Lokavec, 434
Lokavica, 434
Lókve, 571
Lonzàno, 606
Loučany, 606
Loucome, 525
Lóžane, 606
Lubahn, 263
Lubañ, 263
Lubanów, 263
Lubanowe, 263
Lubegast, 164
Lubele, 264
Lubens, 561
Lubhość, 164
Lubin, 264
Lubino, 264
Lubla, 264
Lublica, 264
Lublin, 264
Lublow, 264
Lubociesz, 105
Lubodzierz, 105
Lubodziesz, 105
Lubogošt`, 164
Lubogoszcz, 164
Lubojedy, 113
Luborzyce, 676
Lubotyn, 261

Lubowidz, 102
 Lucemierz, 525
 Lucome, 525
 Lucomir, 525
 Ludemer, 317
 Ludemir, 317
 Ludzimierz, 317
 Lübgast, 164
 Lübgust, 164
 Lübów, 264
 Lukavac, 434
 Lukavec, 434
 Lukavica, 434
 Lukavice, 434
 Łukiew, 571
 Lukom, 525
 Łukomie, 525
 Łukomierz, 525
 Lukomir, 525
 Lukoye, 432
 Lužany, 606
 Lymaio, 429

M

Maglene Drage, 446
 Magolnik, 446
 Male Sominko, 651
 Male Somińskie, 652
 Male-Bysławskie, 80
 Mallies, 166
 Marà, 617
 Māra, 617
 Maraha, 617
 Maras-upe, 617
 March, 617
 Marelé, 617
 Marēs, 617
 Margos, 617
 Margus, 617
 Mariņa, 617
 Maros, 617
 Mār-upe, 617
 Marus, 617

Meččäpertti, 465
 Medlánky, 452
 Medlice, 452
 Medlov, 452
 Meglavšek, 446
 Megléjek, 446
 Meglena Jama, 446
 Meglewa, 446
 Meglewy, 446
 Mełgiew, 446
 Merà, 617
 Merià, 617
 Městikád', 405
 Metu-baris, 677
 Mevlja, 678
 Miglei, 446
 Miglész, 166
 Mil(o)gošt', 166
 Milcza, 265
 Milhošt', 166
 Milków, 265
 Milków, 265
 Milkowa, 265
 Milkowo, 265
 Milobądz, 96
 Milobuz, 96
 Milogošča, 166
 Milogošě, 166
 Milogoszcz, 166
 Milokošt', 166
 Mirosav, 85
 Mirosavlje, 85
 Miroslav, 85
 Miroslavice, 85
 Mirosław, 85
 Młotkowo, 266
 Mokos, 554
 Mokoš, 554
 Mokošici, 554
 Mokošín, 554
 Mokozyn, 554
 Mölbis, 96
 Molotków, 266
 Molotkowicze, 266

Moltow, 266
 Monte Prisenicco, 457
 Morava, 617
 Mozirje, 678
 Msaga, 490
 Mścibówka, 197
 Mścin, 245
 Mstěnice, 133
 Mštěnovice, 133
 Mstów, 245
 Mureş, 617
 Myśla, 222
 Myślatycze, 144
 Mysletice, 144
 Myślignoszcz, 166
 Myślina, 222
 Mystków, 222
 Myśłów, 222
 Myśłów, 222
 Myślowice, 166

N

Na Kamnu, 408
 Na Pakah, 528
 Na Pakem, 528
 Na Ščavji, 511
 Ńagov, 107
 Nakel, 453
 Nakiel, 453
 Nákl, 453
 Nakla, 453
 Nakla, 453
 Nakle, 453
 Naklo, 453
 Nakło, 453
 Náklo, 453
 Naklŷ, 453
 Nakoł, 453
 Naluže, 121
 Náměšt' nad Oslavou, 120
 Nebiža, 118
 Nechutín, 250
 Nechutnov, 250

- Nedabyle*, 211
Nedabylice, 211
Nedasitze, 222
Negāšcius, 167
Negast, 168
Neglenik, 446
Negošt', 168
Negova, 107
Negovac, 107
Negovec, 107
Nemil, 117
Nemile, 117
Nemily, 117
Nemojany, 249
Nemojovice, 249
Nemška Pesnica, 469
Néndrupis, 548
Ner, 459
Nera, 459
Nerad, 119
Neradice, 119
Neradz, 119
Neretá, 459
Nęęta, 459
Neretina, 459
Neretva, 459
Neretwa, 459
Neretělě, 459
Neris, 546
Nerōtis, 459
Nerzec, 459
Neved, 118
Nevegy, 118
Nevěža, 608
Nevěža, 118
Nevěžis, 118
Nevljica, 678
Niechowice, 107
Niédali, 612
Niedasewice, 222
Niedaszowska Sloboda, 222
Niedel-płava, 612
Niedulě, 612
Niedulis, 612
Niêduols, 612
Niegowce, 107
Niegowić, 107
Niemehn, 117
Niemil, 117
Niemilów, 118
Nieradz, 119
Niewiadów, 118
Niewiadowo, 118
Nihowice, 107
Niniów Dolni, 268
Niniów Górni, 268
Niniškės, 268
Ninków, 268
Ninkowe, 268
Niveg, 118
Niżatycze, 223
Niziatycze, 223
Nogothin, 298
Noryń, 508
Noua Rusa, 624
Nová Paka, 528
Nové Lublice, 264
Nurmijärvi, 245
Nyarád, 119
Nyárág(y), 119
Nyeligowo, 281
Nyived, 118
Nyrzec, 459
- O**
- Oberlubegast*, 164
Obradci, 249
Obradovac, 249
Obradovci, 249
Obradovo, 249
Obrażda, 249
Onogošt', 168
Onogošta, 168
Opačečka Dolina, 528
Opačica, 528
Opackie Jezioro, 528
Opacz, 528
Opaczniak, 528
Opaczny, 528
Opaka, 528
Osa, 335, 456
Osij, 457
Osina, 456
Oskobłok, 335
Oskobok, 335
Ośna, 454
Ośne Osna, 454
Ośnia, 454
Ośnianka, 454
Ośnica, 455
Ośnicki Staw, 455
Ośno, 454
Ośne, 454
Osoblaha, 335
Osobłoga, 335, 336
Osoblogam, 335
Osobłok, 335
Osoj, 457
Osoja, 457
Osojane, 457
Osojáne, 457
Osojani, 457
Osóje, 457
Ósoje, 457
Osójnica, 457
Osójnik, 457
Osójnik, 457
Osovsky, 456
Osowa, 456
Osowiec, 456
Osówka, 456
Osownia, 456
Osownica, 456
Osowo, 456
Osowskie Jezioro, 456
Osowyj, 456
Ossa, 335, 336
Ossa Bach, 335
Ossobłoka, 335
Ostapiuk, 310
Ostrobłok, 335

- Owidz*, 104
Ożewize, 236
Ozoblog, 335
Ozoblogam, 335
- P**
- P'ôšnica*, 469
Paakkola, 245
Pack, 528
Pačka Dolina, 528
Pačka Vas, 528
Pačke Jame, 528
Pačke Njive, 528
Pacyna, 528
Paczyna, 528
Paga, 528
Paka, 528, 529, 533
Pakëvë, 512
Pakojÿs, 628
Pakość, 528
Paków, 528
Pakuteniai, 529
Pakutiten, 529
Palà, 628
Panemunë, 608
Panevëžys, 608
Pāpalis, 628
Pašca, 528
Paskáistis, 628
Paški Studenec, 528
Pczew, 557
Peča, 679
Peče, 679
Pëdamë, 537
Perehińczyk, 461
Pereniža, 121
Perunja Ves, 339
Perunji Vrh, 339
Pesnica, 469
Pesnitza, 469
Piaskowa Woda, 473
Piaskowe, 473
Piašnica, 469
Piasnicza, 469
Piašnik, 469
Piastów, 62, 292
Piastowo, 62, 292
Piesna, 469
Piesno, 469
Pihkava, 573
Pihkva, 573
Piosna, 469
Pisa, 469, 472
Piskowitz, 599
Pisnice, 469
Pisnitz, 469
Pissa, 469, 472
Pissen, 469, 472
Pistov, 62, 292
Plaušēlis, 476
Plaušīnē, 476
Plaušīnīki, 476
Plaušmirkis, 476
Plauš-up, 476
Plaušupe, 476
Plauš-valsks, 476
Pleščak, 574
Ples, 557
Pleska, 574
Pleskau, 573
Plesko, 574
Plesko pri Trbovljah, 574
Plisa, 475
Pliskava, 573
Pliskopoļe, 574
Pliskovica, 573
Pliskovo, 573
Pliskowola, 574
Pliska, 574
Plszczyzna, 557
Płusin, 474
Plusiński Potok, 474
Pluskawa, 476
Pluskawka, 476
Pluske, 476
Pluskówka, 476
Pluskowskie, 476
Pluskwianka, 476
Plusna, 474
Plusno, 474
Pluso, 474
Plusy, 474
Pluszekaym, 476
Pniewy, 592
Pňovany, 592
Pňovice, 591, 592
Pockau, 528
Podbraz, 183
Podgostitzi, 179
Podogostilitz, 180
Podpoljane, 606
Podrečany, 606
Pogostilitza, 180
Pogwizdów, 322
Pogwizdowa, 322, 673
Pogwizdowski, 322
Pojzdów, 322
Poka, 528, 529
Pokaw, 528
Pokuplje, 609
Pol'any, 606
Polabi, 608
Poljane, 606
Polonje, 609
Ponika, 460
Ponikev, 460
Ponikla, 460
Ponikla, 460
Ponikva, 460
Ponikvica, 460
Ponikwa, 460
Porchowa, 299
Poreniža, 121
Pösnitz, 469
Powiśle, 608
Požnica, 679
Poztupimi, 609
Precenico, 527
Prečji Dol, 527
Prečna, 527
Prečnica, 527

- Prečnice*, 527
Prečnik, 527
Prečno, 527
Predslaw, 311
Pregina, 461
Přehyně, 461
Prekar, 527
Pri Dniščeh, 389
Pribilovići, 269
Pribiševas, 269
Pribišje, 269
Pribudić, 124
Přibuz, 124
Přibýšice, 269
Pričac, 527
Priebus, 124
Prijeka, 527
Prijeka Voda, 527
Prijeko, 527
Priko, 527
Prisojnik, 457
Priuisa, 121
Probužna, 125, 673
Prohn, 339
Pronstorf, 339
Prusi, 488
Pruski, 488
Przecznica, 527
Przeginia, 461, 462
Przybyle, 269
Przybyły, 269
Przybyszew, 269
Przybyszewo, 269
Przybyszów, 269
Przybyszówka, 269
Przybyszyn, 269
Przywiedz, 121
Pschega, 489
Pshowka, 492
Pšov, 492
Pšovka, 492
Pszczew, 492, 557
Pszczyna, 557, 574, 575
Pszczynka, 557
Pszów, 492
Ptzina, 557
Punkva, 460
- R**
- Raabs*, 170
Rače, 532
Rachin, 271
Rachynia, 271
Račica, 532
Račice, 532, 533
Racimierz, 94
Rački Potok, 532
Rački Vrh, 532
Raclaw, 86
Račnik, 532
Radčice, 533
Radegast, 170
Rädel, 141
Radensleben, 86
Radewiese, 103
Radhošť, 170
Radias, 170
Radigošť, 170
Radihošť, 170
Radiměř, 91
Radlanka, 496
Radlice, 496
Radlin, 142, 496
Rádlje, 141
Radlna, 496
Radlow, 142
Radměřice, 91
Radmiř, 91
Radogoš, 170
Radogošč, 170
Radogoszcz, 170
Radohoszczyńska Buda, 170
Radomer, 91
Rádomerje, 91
Rádomerščak, 91
Radomierza, 91
Radomir, 91
Radomirka, 91
Rádomlje, 92
Rádoslavci, 86
Radoslavlja, 86
Radoslaw, 86
Radowiz, 103
Radslavice, 86
Radslavičky, 86
Radstow, 412
Rádulja, 142
Radzielówka, 141
Radziłów, 141
Radzimierz, 91
Rahmer See, 91
Raka, 532, 533, 534
Rake, 532
Rameszków, 270
Ramiżów, 270
Raniżów, 270
Rašica, 532
Raškov, 271
Raškovice, 271
Rašov, 271
Rašovice, 271
Raszków, 271
Raszkowo, 271
Raszyn, 271
Rathsleben, 86
Ratimir, 94
Rausvè, 627
Rečani, 606
Řečany, 606
Redgoszcz, 170
Redhoszcz, 170
Redłowo, 142
Retje, 679
Řičany, 606
Rodegast, 170
Rodumas, 537
Roschouwe, 273
Roskow, 273
Roškowce, 273
Rosse, 627
Roszki, 273

- Roszkowiec*, 273
Roszkowo, 273
Rottmersleben, 94
Rovėja, 617
Rozvadovice, 123
Rozvadze, 123
Rozwadów, 123
Rozwadówka, 123
Rozważ, 123
Rozważe, 123
Rudijà, 545
Rùdija, 545
Rudnia Niemylnia, 118
Ruotsi, 626
Rusibórz, 183
Rùsné, 630
Russ, 625
Russa, 627
Russe, 627
Russe-moter, 627
- S**
- Sądzimirz*, 317
Sahonie, 483
Sallgast, 164
Samanēlis, 654
Samaninè, 654
Samaninis, 654
Samānis, 654
Samanių ežeras, 654
Samānius, 654
Samanūpis, 654
Samanýno ežeras, 654
Samavà, 654
Samāvas, 654
Sāmè, 654, 655
Šaminè, 654
Šaminis, 654
Sāmis, 654
Samle, 654
Samnicz, 654
Samoplesy, 112
Samosoly, 112
- Sandomierz*, 317
Santzemer, 317
Särgijärv, 612
Särkijärvi, 612
Saruna, 371
Šavnica, 511
Ščavnica, 511
Ščavnik, 511
Sczerk, 518
Sczirk, 518
Sechutice, 250, 508
Sedlec, 498
Sedlice Nové, 499
Sedlisko, 499
Sedlišťè, 499
Sedlnice, 499
Seslavky, 88
Seweryn, 311
Sezemice, 614
Sezimky, 614
Siedlce, 498
Siedlec, 498
Siedlecza, 499
Siedlisko, 498
Siedliszcze, 498
Siedlnica, 499
Sienihów, 101
Skáisté, 628
Skamnitza, 408
Sknilow, 301
Sknilowek, 301
Sknilowska Stadnia, 301
Sláp, 678
Slápar, 678
Slápe, 678
Slapnica, 678
Slápnik, 678
Slapno, 678
Slápsak, 678
Slapy, 678
Slavkov, 274
Slavkovce, 274
Slavkovice, 274
Slavkovo, 274
- Slawków*, 274
Slawkowo, 274
Smoligów, 237
Smoligowicze, 237
Smoligowiczy, 237
Smoligowska Rudnia, 237
Smolikowska Rudnia, 237
Soběš, 323
Sobieszyn, 323
Soboš, 323
Soboszów, 323
Somin, 651, 652
Sominiec, 651
Sominko, 651, 652
Sominoje, 651
Somińskie, 652
Somińskie Jezioro, 652
Sominy, 652
Somitoje, 651
Somonis, 654
Sopot, 676
Šopot, 676
Sopota, 676
Sopotnica, 676
Sopotnica, 676
Sopotnice, 676
Sopotnik, 676
Špania Dolina, 291
Stabinè, 618
Stara Paka, 528
Stara Rusa, 624
Staraja Rus', 625
Staraja vel Vetus Russia, 625
Staraya Rous, 625
Staré Lublice, 264
Štavnica, 511
Stefan, 310
Strachanów, 323
Strachonowo, 323
Stupe, 609
Sudoměř, 317
Sudoměřice, 317
Sumino, 652
Sumińskie Jezioro, 652

- Sumovo*, 654
Sumyn, 653
Supot, 676
Surgoszcz, 184
Sūsēja, 617
Svibnik, 678
Swythasz, 412
Sykiälä, 245
Szczawa, 511
Szczawianka, 511
Szczawińskie, 511
Szczawnica, 511
Szczawnica-Krościenko, 511
Szczawniczek, 511
Szczawniczny, 511
Szczawnicy, 511
Szczawnik, 511
Szczawny Potok, 511
Szczerków, 518
Szczeżery, 186
Szczyrk, 518
Szczyrkowo, 518
- T**
- Taramas*, 537
Tczew, 257
Techom'e, 226
Tęgoborz, 185
Tetna, 678
Tihotina, 242
Tiuri, 245
Tradigist, 170
Trebeljévo, 276
Třebelovice, 276
Třebeš, 561
Trebež, 561
Třebiz, 103, 561
Třebouň, 275
Trebůn, 275
Triebun, 275
Trsow, 257
Trzebiel, 276
Trzebielino, 276
- Trzebież*, 561
Trzebieznica, 561
Trzebisz, 561
Trzebiż, 561
Trzebowidz, 103
Trzebuń, 275
Trzebunia, 275
Trzebuńka, 275
Tucheband, 103
Tuchen, 226
Tuchom, 226
Tuchom', 226
Tuchoměřice, 103, 226
Tuchomka, 226
Tuchomko, 226
Tuchomskie, 226
Tuchomyśl, 103, 266
Tuchonie, 226
Tuchoraz, 103
Tüchen, 226
Tuhoboř, 185
Tuhohošt, 185
Tuhošt', 185
Turkovice, 227
Turkovići, 227
Turkowice, 227
Tušimice, 226
Tuszyma, 227
Tuszymka, 227
- U**
- Ůběja*, 617
Ugacie, 171
Ugoszcz, 171
«Ugoščas», 605
Ůhošt', 171
«Ůhošt'anech», 605
Ůhošt'any, 171, 605
Ukova, 678
Ukva, 678
Ulucz, 121
Umiř, 94
Uněmiř, 94
- Uściądz*, 186, 559
Uściąż, 559
Ussa, 503
Uzablace, 335
Uženica, 502
- V**
- V Dnah*, 389
V Dne, 389
V Dnu, 389
V Kadi, 405
V Niščeh, 389
Varaščina, 287
Vehlgast, 159
Velagošti, 159
Velhošt', 159
Velebądz', 98
Velėbit, 217
Veleboř, 217
Velebudice, 98
Velebužd, 98
Velegošč, 159
Vęłęja, 548
Velemín, 218
Velenice, 130
Veleň, 130
Velenje, 130
Velênje, 130
Velenov, 130
Veleža, 559
Velihošt', 159
Velika Dnina, 389
Velim', 218
Velimje, 218
Velin, 218
Verkkojarvi, 42
Verliškas, 374
Vertala, 42
Vidhošt', 160
Vidhostice, 160
Vidogošč, 160
Vidomirić, 91
Vidoň, 131

- Vidonice*, 131
Vidupe, 353
Vidùpè, 353
Vidupis, 353
Vielen, 218
Vietgast, 161
Vilémovice, 218
Vilija, 546, 548, 550
Vilje, 547
Villebanse, 98
Vingl, 355
Vinogošt, 173
Vipolže, 678
Virva, 374
Virvagaliai, 374
Virvelas, 374
Virvjali, 374
Virvyčią, 374
Virvytė, 374
Višlava, 210
Vitanovice, 132
Vítkov, 255
Vitogošč, 161
Vítonice, 131
Vítonja, 131
Vitoslav, 210
Vitoslavice, 210
Vitupis, 353
Vojnag, 241
Volava, 370
Voluja, 370
Volujak, 370
Volyně, 367
Vyšehrad, 676
Vyteniškų, 132
Velhošt', 159
- W**
- Wawel*, 368
Weczmer, 316
Wedegast, 160
Welia, 546
Welim, 218
Welin, 218
Welma, 363
Welmica, 363
Welna, 363
Wereszczyn, 287
Wereszczyn, 287
Wereszczyna, 287
Wereszczyńska Wola, 287
Wethlye, 412
Wiazyszcze, 381
Widogoszcz, 160
Widomia, 218
Widomla, 218
Wielgoszcz, 159
Wiele, 546
Wieleń, 130
Wielenin, 130
Wielenino, 130
Wieloborowice, 217
Wieluń, 130
Wienckie, 356
Wiencza, 356
Wieniec, 356
Wilgoszcza, 159
Wilia, 546
Wilkoszcza, 159
Winc, 356
Wince, 356
Winiec, 356
Winin, 356
Winy, 356
Witan, 132
Witaniow, 132
Witanojce, 132
Witanowice, 132
Witanowszczyzna, 132
Witka, 350
Witków, 255
Witkowice, 255
Witkowo, 255
Witonia, 131
Witoniz, 100, 673
Witosłak, 210
Witosław, 210
Witów, 255
Witowo, 255
Witrogoszcz, 179
Witunia, 131
Wielgoszcz, 159
Wielun', 131
Włostów, 255
Włostowa, 255
Włostowo, 255
Wobbanz, 211
Wogastisburg, 171
Wojbądz, 211
Wojslawice, 81
Wojslawka, 81
Wolin, 367, 368
Wollein, 367
Wollin, 367
Wolmen, 363
Wolostec, 255
Wolostycz, 255
Wołyn, 367
Woynesz, 241
Wulinensis, 367
Wydgoszcz, 160
Wydomya, 218
Wydoń, 131
Wylym, 218
Wyszogród, 358, 676
- Z**
- Zaczerlany*, 607
Żalimai, 537
Zanoga, 679
Zarasai, 580
Zarasas, 580
Zaremla, 401
Zawidów, 126
Zawidz, 126
Zbyska, 260
Zbysze, 260
Zbyszewo, 260
Ždinja, 678
Ždóvlje, 678

<i>Żelgoszcz</i> , 164	A	Π
<i>Żelgoszczek</i> , 164		
<i>Żelgoszczówka</i> , 164	<i>Αρδαμέρι</i> , 91	<i>Πλίσκα</i> , 573, 574
<i>Żeligość</i> , 164		<i>Πλίσκοβα</i> , 573
<i>Żeligość'</i> , 164	B	<i>Πλίσκουβα</i> , 573
<i>Żeligoszcz</i> , 164		
<i>Żeremianka</i> , 401	<i>Βελιγώστης</i> , 159	P
<i>Żeremiec</i> , 401		
<i>Zeremla</i> , 401		<i>Ραδοβόλη</i> , 358
<i>Żerków</i> , 252	Δ	
<i>Żerkowo</i> , 252	<i>Δραγότζη</i> , 163	Σ
<i>Żerosławka</i> , 84		
<i>Żestov</i> , 290	K	<i>Σανταμέρι</i> , 317
<i>Zgorja Pesnica</i> , 469		
<i>Zgoša</i> , 176	<i>Κίοαβα</i> , 293	T
<i>Zirchovo</i> , 252	<i>Κωστελουπ</i> , 106	
<i>Zomyn</i> , 652		<i>Τριβέι</i> , 606
<i>Żupan</i> , 291	Λ	
<i>Żupanie</i> , 291		
<i>Żupaništa</i> , 291	<i>Λιμπάν</i> , 263	Θ
<i>Żupanj vrh</i> , 291		<i>Θεσσαλονίκη</i> , 371
<i>Żupanja draga</i> , 291	M	
<i>Żupánje Njive</i> , 291		
<i>Żupánov vrh</i> , 291	<i>Μεσολογγόστιον</i> , 166	Z
<i>Żupanovice</i> , 291	<i>Μικρογούτσι</i> , 175	
<i>Żupany</i> , 291	<i>Μοροδκλαβον</i> , 85	<i>Ζηλεούστη</i> , 164
<i>Żuromin</i> , 325	<i>Μπεζάνοι</i> , 608	
<i>Żyrkowo</i> , 252	<i>Μπεζάνου</i> , 608	
<i>Żyromino</i> , 325		

Валерий Леонидович Васильев

СЛАВЯНСКИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Корректор Н. Полякова

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 31.10.2012. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 65,79. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Рукописные памятники Древней Руси».

№ государственной регистрации 1067746430102.

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17Б, офис 313.
Тел.: (499) 793-57-01, e-mail: gnoxis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

